

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

ЯНВАРЬ.

1886 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

I. Феофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверской, 1706—1741 гг. Гл. I—VII. Состав П. Я. Моршкинъ.	1	00	VIII. Николай Ивановичъ Костомаровъ, 1817—1885 гг. Очеркъ В. П. Семевскаго.	181
II. Записки Александра Михайловича Тургенева. Главы XXII—XXX.	39	00	IX. Война за независимость славянъ въ 1877—1878 гг. Посмертныя записки и дневникъ ген. отъ инф. П. Д. Зотова.	213
III. Первый кадетскій корпусъ въ 1826—1833 гг. Воспоминанія ген. отъ инф. М. Я. Ольшескаго.	67	00	X. Гр. Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ: управленіе его воен. министерствомъ, 1861—1881 гг.	241
IV. При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ. Стихотв. С. Т. Аскакова. 1857 г. Сообщ. П. В. Шейнъ.	95	00	XI. Николай Васильевичъ Калачовъ † 25-го октября 1885 г. Сообщ. А. В. Смирновъ.	257
V. Николаевская дорога въ 1842—1852 гг. Окончаніе. Сообщ. А. П. Штуденбергъ.	97	00	XII. Изъ прошлаго. Сообщ. А. Дренякина.	260
VI. С. П. Шевыревъ: «Глбички», 1858 г. Сообщ. П. В. Шейнъ.	129	00	XIII. Памятникъ Волынскому, Хруцову и Еропкину.	263
VII. Константинъ Дмитриевичъ Навединъ. Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, 1855 г. Главы I—III.	131	00	XIV. Библиографическій листокъ: отзывы объ историческихъ книгахъ (на оберткѣ) профессора В. С. Иконникова.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ генер.-адъютанта графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, гравиров. на мѣди академ. П. П. Пожалоестинъ.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Лица, подписавшіяся на «Русскую Старину» изд. 1886 г. по 15-е января 1886 г., могутъ получить за одинъ руб. Альбомъ гравюръ, изданіе «Русской Старины» (второе собраніе).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1886 г.

Матеріали для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. I, 1716—1730. Съ приложен. 8 портретовъ. Спб. 1885. 732 стр. Ц. 3 р.

Матеріалы по исторіи Академіи Наукъ не разъ издавались уже Академіей (матер. о Третьяковскомъ и Ломоносовъ, изд. подъ ред. А. А. Куняка; матер. о Ломоносовъ, собран. Силарскимъ и т. п.); печаталось не мало матеріаловъ и въ другихъ изданіяхъ (напр. Читеніяхъ Моск. общ. исторіи). Изданные нынѣ матеріалы имѣють иной характеръ. Они представляютъ систематическое собраніе документовъ со времени открытія Академіи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Рукописи, сохранившіяся въ архивѣ Академіи, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ не только для исторіи послѣдней, но и вообще для исторіи, образованности и значій въ Россіи, для характеристики быта и общественныхъ нравовъ. Академическій архивъ, по замѣчанію редактора матеріаловъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ архивовъ Имперіи, представляя рѣдкое, по своей полнотѣ, собраніе рукописей, служащихъ важнѣйшими и во многихъ случаяхъ единственнымъ источникомъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Извлеченные отсюда документы пополнены, по связи ихъ, бумагами изъ другихъ хранилищъ рукописей, какъ-то: Государственнаго архива (вѣдомости о состояніи академіи и типографіи), С.-Петербургскаго сенатскаго (указы), Московскаго арх. мин. юстиціи (дѣла сената). Собраніе матеріаловъ обнимаетъ собою не только дѣятельность ученаго учрежденія, но и учрежденій, находившихся въ связи съ нимъ (библіотека, гунстъ-камера, гимназія и др.) Въ числѣ ихъ находимъ интересный списокъ учениковъ, принятыхъ въ гимназію съ 1726 г. по 1730 (вполнѣ онъ доходитъ до 1765 г.) съ отытками: времени поступленія, имени, отчества, возраста, происхождения, класса и выбытія, дающими возможность составить весьма наглядныя статистическія данныя о самомъ разнообразномъ контингентѣ учащихся; не менѣе интересны указанія объ ученыхъ и другихъ занятіяхъ академиковъ, о курсахъ, читанныхъ въ академическомъ университетѣ, о рѣдкоостяхъ, поступавшихъ на раз-

смотрѣніе академикомъ, о содержаніи, о осягахъ, (экстракты изъ дѣла Вильфингера и Д. Бернулли), жалобахъ, желаніяхъ (представленіе объ управленіи Академіей по мысли и духу Петра В.) и т. п. Вообще, эти данныя представляютъ большой историческій интересъ и тѣмъ существеннѣе для насъ, что капитальный трудъ Певарскаго по исторіи Академіи остановился, за смертію автора, на второмъ томѣ; притомъ многія подробности авторомъ внесенны были въ біографіи академикомъ, а историческіе очерки учрежденія составляютъ какъ-бы введенія къ нимъ. Редакція настоящаго изданія заявляетъ объ обилии матеріаловъ, которыми она располагаетъ въ данномъ случаѣ. Такъ, между прочимъ, въ академическомъ архивѣ находятся драгоцѣнные памятники, относящіеся къ извѣстнымъ экспедиціямъ Миллера, Крашенинникова, Палласа, Лепехтина или другихъ ученыхъ, весьма важныя свѣдѣнія о первомъ въ Россіи университетѣ, о существовавшемъ при Академіи географическомъ департаментѣ, гравировальной палатѣ, кунсткамерѣ и т. п. Вполнѣ существенно также дополненіе этихъ данныхъ бумагами другихъ архивовъ. Велѣдствіе этого количество архивныхъ документовъ оказывается такъ велико, что предпринятое изданіе ихъ должно составить цѣлый рядъ томовъ. Настоящій томъ заключаетъ лишь матеріалы, начиная съ дѣлъ, предшествовавшихъ учрежденію Академіи до царств. Анны Ивановны.

Редакторомъ издаваемыхъ матеріаловъ избранъ акад. М. И. Сухомятиновъ и потому вполнѣ можно рассчитывать на успѣшный ходъ этого предпріятія. Остается пожелать только, чтобы послѣ изданія прежнихъ матеріаловъ Академіей и столь обстоятельнаго труда покойнаго Певарскаго, и, наконецъ, въ виду приведенія въ систематическій порядокъ матеріаловъ для новаго изданія, Академія приступила къ продолженію своей исторіи, потребовавшей въ которой давно сознается многими.

Къ I-му тому «Матеріаловъ» приложены прекрасно выполненные портреты перваго президента академіи Влюментроста и академикомъ: Вильфингера, Д. Бернулли, Д. Делиля, Леонарда Эйлера, Гмелина, Крафта и перваго почетнаго члена Академіи и наставника Ломоносова—Христіана Вольфа.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1886

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ ХLIX.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

1886.

Russkaja starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

АРТ. МИТЯЕВ
БОР. ГОМИЛЬНИ
ГОЛОВИНЫ.

ПОСШКОВИ
ШАСИНОВЫ
МАКАРОВЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

DK
R89
v. 49

1886.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

В. ВОЛКОВЪ
СУМАРКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТЯНСК.
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВЪ

ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД. МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВЪ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ

СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОЭДОВЪ
ПУШКИНЪ

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

Состав. Л. Шарфманъ.

Digitized by Google

John W. ...
John W. ...
John W. ...

Грав. И. Р. Козловскимъ 1885 г.

Генералъ-Адъютантъ

Графъ *Д. М. Мухоморовъ*

ΘΕΟΦИЛАКТЪ ЛОПАТИНСКІЙ,

архієпископъ тверской,

въ 1706 — 1741 г. ¹⁾.

Историческій очеркъ.

I.

Современники русскіе и иностранные, и позднѣйшіе писатели отзываются съ величайшимъ почтеніемъ объ умѣ и особенно о нравственномъ характерѣ Θεοφιλαкта Лопатинскаго. „Преподобный сей архіерей, пишетъ о немъ его современникъ, учитель Евдокимовъ ²⁾, истинно преподобный; ибо согласовалъ жизнь съ словомъ и ученіемъ апостольскимъ (1 посл. къ Тим., гл. III). Упражняясь въ проповѣди Слова Божія, онъ сочинялъ книги противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ, лютеранъ и кальвиновъ. Нравомъ былъ кротокъ, снисходителенъ, благоприступенъ, по словамъ Евдокимова, или доступенъ, по словамъ И. А. Чистовича ³⁾, нелюбостязателенъ или нестяжателенъ, умѣренъ во всемъ и милостивъ. Купивши мызу Степаново, въ 40 вер-

¹⁾ Смотри списки архіереевъ и архіерейскихъ каедръ и іерархіи всероссійской, со времени учрежденія святѣйшаго правительствующаго синода, составилъ Юрій Голстой. Въ обзорѣ же русской духовной литературы Филарета, архієпископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, служебная дѣятельность Θεοφιλαкта Лопатинскаго начинается съ 1704 года. Последнее показаніе вѣрнѣе.

²⁾ Его рукопись, подъ заглавіемъ: Каталогъ тверскихъ архіереевъ, — рукопись тверской семинаріи.

³⁾ Его сочиненіе: „Θεοφάνъ Прокоповичъ и его время“. И. М.

стахъ отъ С.-Петербурга, на свои келейныя деньги, онъ отдалъ ее потомъ въ тверской архіерейскій домъ. До лишнихъ строеній и банкетовъ не былъ охотникъ, развѣ по нуждѣ. Былъ милостивъ къ неимущимъ. Во время голода въ Твери, въ 1734 году ¹⁾, при крайней дороговизнѣ хлѣба, онъ, своими келейными деньгами, ссужалъ своихъ бѣдныхъ крестьянъ и раздавалъ имъ хлѣбъ даромъ. Когда же минуло голодное лѣто и настало обильное, принесли къ нему записныя (долговыя) книги, сколько за кѣмъ было хлѣба, преосвященный Теофилактъ, взявъ книги, бросилъ оныя въ огонь. Ученый кругъ, писалъ грекъ Фандербекъ ²⁾, уважаетъ Теофилакта Лопатинскаго, епископа тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимался съ усердіемъ и большимъ успѣхомъ. А его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собою золотой вѣкъ. Однимъ словомъ, если бы можно было изобразить добродѣтель, то онъ былъ бы ея портретомъ.

Теофилактъ Лопатинскій былъ премудрѣйшій въ школахъ, преострѣйшій богословъ, въ епархіи предобрѣйшій пастырь, въ синодѣ правдивѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій ³⁾. Онъ былъ мужъ замѣчательный обширностію свѣдѣній, неутомимымъ трудолюбіемъ и бѣдственной судьбою ⁴⁾. Макарій Булгаковъ ⁵⁾, бывшій митрополитъ московскій, называетъ Теофилакта незабвеннымъ и знаменитымъ архипастыремъ, въ полномъ смыслѣ страдальцемъ за православную вѣру, бодрствовавшимъ на стражѣ православія (самое слово Тео-

¹⁾ Смори Чистовичъ: Теофанъ Прокоповичъ и его время, и тверскаго протоіерея Космы Чередѣва: біографіи тверскихъ іерарховъ, отъ начала существованія архіерейской кафедры въ г. Твери и до нынѣ.

²⁾ Фандербекъ къ Самуилу Кезелеру въ Трансильванію въ „Смнѣ Отечества“ 1842 года, кн. I, см.: Praisens russiae litterariae status. Русскій переводъ: нынѣшнее состояніе словесности російской. Фандербекъ (Михаилъ Шендъ или Схендъ, докторъ философіи и медицины).

³⁾ См. отзывъ о немъ доминиканца Рибейры.

⁴⁾ См. Исторію московской славяно-греко-латинской академіи, соч. проф. москов. духовн. академіи Сергѣя Смирнова, стр. 127 и слѣдующія.

⁵⁾ См. Исторію кіевской академіи, сочин. воспитанника ея, іеромонаха Макарія Булгакова. И. М.

филакть съ греческаго значить стражъ Божій, воинъ или ратникъ божій).

Но ни просвѣщенный умъ, ни доброта боголюбиваго сердца его, ни общепользная дѣятельность его и ни всё въ совокупности совершенства души его не спасли его отъ злости и клеветы человѣческой, отъ горестнѣйшей участи и преждевременной смерти. Съ 1732 года блаженный архипастырь терпѣлъ отъ лукавыхъ человѣкъ, до кончины жизни своей, несносное гоненіе и страданіе. Редакторъ книги преосвященнаго Теофилакта, названной имъ самимъ: „Обличеніе неправды раскольнической“, и напечатанной по смерти его въ 1745 году, митрополитъ ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ, намекая на несчастныя приключенія архіепископа, предисловіе въ сей книгѣ началъ слѣдующими словами: „все хотящія благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ; лукавіи же человѣцы и чародѣи преуспѣютъ на горшее, прельщающе и прельщаеми“¹⁾.

II.

Теофилакть Лопатинскій, волынскій уроженецъ изъ дворянъ, обучался въ львовской и кievской академіяхъ, докончилъ образованіе за границею, гдѣ слушалъ Бурхарда, поступилъ въ московскую академію наставникомъ и префектомъ въ сентябрѣ 1704 года; въ 1706 году опредѣленъ ректоромъ. Онъ былъ школьный товарищъ и другъ Теофана Прокоповича, отъ котораго всю жизнь терпѣлъ непріятности и доведенъ былъ до крайнихъ бѣдствій. Въ то время, какъ Теофилакть былъ ректоромъ московской академіи, Теофанъ былъ ректоромъ кievской академіи. Вышедши изъ одной школы, повидимому, они должны были держаться одного и направленія, но, на самомъ дѣлѣ, случилось не такъ. Въ кievской академіи главное направленіе богословскаго ученія было схоластическое; послѣднее направленіе Теофилакть Лопатинскій принесъ изъ Кіева и въ Москву и строго держался онаго во все

¹⁾ Докладъ синода императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, отъ 8-го октября 1744 года, о напечатаніи книги Теофилакта Лопатинскаго: „Обличеніе неправды раскольнической“.

время своей ректуры въ послѣдней академіи. Теофанъ же Прокоповичъ, по возвращеніи въ Кіевъ, опредѣленный, по желанію Петра I, игуменомъ кіево-братскаго монастыря и ректоромъ кіевской академіи, оставилъ прежній схоластическій методъ изученія и преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою. Методъ этотъ называютъ учено-историческимъ, потому что въ основаніе изъясненія и доказательствъ церковныхъ догматовъ полагается изученіе священнаго писанія и церковной исторіи, между тѣмъ какъ въ схоластическомъ богословіи истины христіанскаго вѣроученія разсматривались и изъяснялись какъ только логическія понятія, безъ отношенія къ ихъ источникамъ, или же въ отношеніи только внѣшнемъ, помимо филологическаго и историческаго изученія священнаго писанія и церковной древности. При составленіи своихъ богословскихъ уроковъ, Теофанъ пользовался сочиненіями знаменитыхъ въ свое время протестантскихъ богослововъ, Альштедта, Квенштедта, Голлазія и Гергарда. Изъ-за этого-то метода и возникли непріятныя отношенія между Теофилактомъ и Теофаномъ и послужили яблокомъ раздора между двумя замѣчательными учеными богословами своего времени.

Споръ этотъ и послужилъ поводомъ къ неудовольствію между Теофилактомъ и Теофаномъ, продолжавшемуся во все время ихъ жизни и окончившемуся для перваго весьма плачевно.

Лекціи Теофилакта читаны были въ схоластическомъ направленіи, лекціи по богословію, философіи и метафизикѣ, въ московской академіи. Извѣстны уроки его по философіи. *Trivium Aristotelis, ab Alcide Roxolano biennio decurrendum, sive tres Philosophiae: species—Logica, Phisica et Metaphisica, anno 1704* (рукопись моск. дух. академіи № 289, 290, 291, 318). Эти уроки имъ составлены были и содержатъ логику и діалектику, метафизику и физику съ метеорологією и арифметикою. Главнымъ образомъ, Теофилактъ Лопатинскій, при изложеніи философскихъ уроковъ, признавалъ Аристотеля. Изъ новѣйшихъ упоминаетъ о Декартѣ, называетъ его *vir illustris ingenii*. Филолофію онъ дѣлитъ на созерцательную, *speculativam*, и дѣятельную, *practicam*, и къ первой относитъ метафизику, а къ послѣдней—логику и ээику. Основаніемъ того, что логика составляетъ часть практической философіи, онъ поставляетъ по-

нѣтіе о составѣ духовной дѣятельности человѣка, которая состоитъ изъ дѣйствій ума (*intellectus—Logica*) и воли (*Ethica*) (Исторія моск. акад., стр. 160—161 и др.). Непосредственно послѣ логики Теофилактъ читалъ физику (см. стр. 162 и 163 Исторіи моск. акад.). Здѣсь онъ держался также Аристотеля.

12 февраля 1706 года Теофилактъ кончилъ чтеніе физики и на другой день открылъ курсъ метафизики, послѣ которой читалъ психологію и метеорологію. Здѣсь опять онъ слѣдуетъ въ порядкѣ трактатовъ Аристотелю.

Теофилактова догматика, или *Scientia, sacra disputationibus theologicis illustrata, anno 1706—1710* (рукопись моск. духовн. акад., № 255, 257, 259, 262), изложена также по методу схоластическому; но въ духѣ благочестивомъ¹⁾. Это полная богословская система, и, безъ сомнѣнія, принадлежит ректору Теофилакту Лопатинскому. Въ первой части уроковъ, начатыхъ въ 1706 году, въ самомъ началѣ замѣчено, что авторъ прежде читалъ философію; теперь изложимъ введеніе въ науки богословскія, какъ сдѣлали мы и въ философіи. Уроки богословскіе преподаны были Теофилактомъ Лопатинскимъ на латинскомъ языкѣ; мѣста священнаго писанія приводятся въ нихъ по переводу блаженнаго Иеронима (*Versio vulgata*). Въ четыре года проходилъ весь курсъ богословія. Въ трактатѣ о вѣрѣ говорится о вѣрѣ, какъ о добродѣтели, и вмѣстѣ съ тѣмъ—о предметахъ вѣры: о Богѣ Единомъ и о Святой Троицѣ, о правѣ и правдѣ, объ ангелахъ, о призваніи святыхъ и о почитаніи мощей и иконъ, о заповѣдяхъ, о благодати и о грѣхахъ, о таинствахъ, въ особенностяхи о брачѣ и о литургіи, о вѣрѣ, надеждѣ и любви, объ исповѣди, о церкви, о главѣ ея, о мытарствахъ и о прочемъ (см. Истор. моск. дух. акад., стр. 137—140). Теофилактъ Лопатинскій о Богѣ разсуждаетъ какъ о Богѣ, о Его Бытіи, сущности и свойствахъ; во 2-хъ, о Богѣ, какъ познающемъ, или о знаніи божественномъ; въ 3-хъ, о Богѣ хотящемъ, или о хотѣніи Бо-

¹⁾ Полный переводъ заголовка догматики Теофилактовой на русскій языкъ съ латинскаго слѣдующій: Наука священная, въ богословскихъ составленіяхъ, по ученію святой церкви восточной, на основаніи священнаго писанія, соборовъ и отцовъ, умозрительно и съ опроверженіемъ противныхъ мнѣній изложенная въ московской коллегіи царя Петра Алексѣевича въ годъ съ 1706—1710.

жіємъ; въ 4-хъ, о Провидѣніи Божіємъ; въ 5-хъ, о Богѣ въ Троицѣ и такъ далѣе. Богословская система Лопатинскаго, подобно кievскимъ богословскимъ системамъ 1697 и 1701—1703 годовъ, составлена по руководству Тома Аквината, главныя положенія и рѣшенія взяты изъ него. Но въ изложеніи науки Теофилактъ болѣе всего руководствовался системою Крковскаго и послѣдующими записками кievскими; впрочемъ, есть въ его системѣ значительныя особенности какъ въ планѣ, такъ и въ способѣ изложенія.

Въ сравненіи съ кievскими система Лопатинскаго полнѣе и содержитъ нѣкоторые трактаты, которыхъ нѣтъ въ кievскихъ. Послѣ Теофилакта мало по малу стало оказываться вліяніе системы Теофана Прокоповича; послѣ Теофилакта въ богословскихъ системахъ московской академіи представляется смѣсь схоластики съ свѣтлымъ изложеніемъ науки по руководству Теофана. Такимъ образомъ становится яснымъ, что богословская система Теофилакта Лопатинскаго расходилась въ направленіи съ системою Теофана Прокоповича. Московскіе ученые, и въ томъ числѣ Теофилактъ Лопатинскій говорили о Теофанѣ, что онъ внесъ въ свои лекціи нѣкоторыя мнѣнія лютеранскія, а когда въ 1712 году Теофанъ написалъ книгу, подъ заглавіемъ: Распря Павла и Петра объ игѣ неудобноносимомъ, сочиненіе это подверглось строгой критикѣ, и Теофилактъ Лопатинскій, архимандритъ и ректоръ московской академіи, написалъ на эту книгу жесткое опроверженіе, подъ заглавіемъ: Иго Господне благо и бремя его легко, сіе есть законъ Божій съ заповѣдями своими отъ призрачныхъ новоизмышленныхъ освобождаетъ.

„Вина сочиненія книжицы сея ¹⁾, писалъ Теофилактъ, — есть писаніе противниче, вносящее въ міръ російскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ церкви православной неслыханныя, о законѣ Божіи и оправданіи“. Теофилактъ посвятилъ трудъ свой св. церкви, вручая и свою книгу ея суду и исправленію.

Обвиненія Теофана Теофилактомъ въ неправомыслии сдѣланы извѣстными Стефану Яворскому и послѣдній съ сочувствіемъ относился къ обвинителю Теофилакту. Теофилактъ былъ

¹⁾ Книжица сія Теофилактомъ написана послѣ 1712 г. (рукопись моск. духовной акад.).

столь строгъ къ Теофану, что укорялъ его въ послѣдованіи Лютеру и Кальвину.

Въ первый разъ Теофилактъ разошелся съ Теофаномъ Прокоповичемъ въ богословскомъ методѣ преподаванія и разность метода послужила между ними поводомъ къ несогласію. Вторымъ поводомъ къ несогласію между ними, и болѣе серьезному, послужило появившееся Теофилактово опроверженіе сочиненія Теофана Прокоповича и изобличеніе послѣдняго въ неправомыслии въ печати.

Крайне самолюбивый Теофанъ не могъ спокойно снести нанесеннаго его авторскому самолюбію удара отъ Теофилакта, которому первый въ порывахъ своей ярости и гнѣва готовъ былъ, при первомъ удобномъ случаѣ, нанести болѣе чувствительный ударъ въ отмщеніе за оскорбленіе его самолюбія и авторской щепетильности.

Въ 1716 году, когда Теофанъ Прокоповичъ, по приказу Петра Великаго, проѣзжалъ изъ Кіева въ Петербургъ для посвященія его въ санъ епископа, чрезъ Москву, то въ послѣдней его приняли холодно, и онъ тогда же въ одномъ письмѣ дурно отзывался о московской академіи, говорилъ, что въ ней господствуетъ приторно-стихотворное направление (*omnes ad pavseam vertificari asserebant*), порицалъ ректора оной, Теофилакта, и Гедсона Вишневскаго ¹⁾, называлъ перваго орудіемъ Стефана Яворскаго, а послѣдняго—крайне гордымъ и въ насмѣшку именовалъ обоихъ: *boni viri et egregii Ecclesiae Zelatores* и т. п. ²⁾.

Въ 1718 году Теофанъ Прокоповичъ, по волѣ Петра Великаго, посвященъ былъ въ епископа псковскаго на мѣсто скончавшагося псковскаго митрополита Іосифа. Завидуя его быстрому возвышенію, ученые московскіе, Теофилактъ Лопатинскій и Гедсонъ Вишневскій, протестовали противъ него; къ ихъ протесту присталъ и митрополитъ Стефанъ Яворскій. Теофилактъ былъ старше Теофана; въ 1705 году Теофилактъ перешелъ въ Москву, а Теофанъ остался въ Кіевѣ. Почти въ одно время они сдѣлались ректорами, — Теофанъ въ кіевской,

¹⁾ Гедсонъ Вишневскій съ 1714 года былъ наставникомъ философіи въ моск. академіи, съ 1718 г. префектомъ ея.

²⁾ См. *Epist. Theoph. Procop.*, VI, отъ 6 августа 1718 г.

а Теофилактъ въ московской академіи; оба были извѣстны Петру I, какъ самые даровитые и образованные люди въ духовенствѣ. А между тѣмъ Теофанъ раньше посвящается въ санъ епископа. Какъ было не протестовать на это Теофилакту, еще же и обличавшему прежде Теофана Прокоповича въ неправомыслии и въ склонности къ лютеранству и кальвинизму.

Догматическое ученіе Теофана Прокоповича было предметомъ сильныхъ сомнѣній для Стефана Яворскаго, Теофилакта Лопатинскаго и другихъ. Стефанъ предлагалъ собору не посвящать Теофана въ псковскаго епископа, прежде чѣмъ отречется онъ отъ ложныхъ мыслей, найденныхъ въ его сочиненіяхъ. Чтобы избѣжать личной вражды, московскіе ученые, то есть Теофилактъ Лопатинскій и Гедеонъ Вишневскій, выбравъ изъ его ученія ложныя мысли, показали ихъ греческимъ ученымъ Лихудамъ и просили ихъ дать свое мнѣніе. Тѣ дали отзывъ не въ пользу Теофана. Они нашли въ его богословіи мысли еретическія. Теофилактъ и Гедеонъ показываютъ выписанные Лихудами изъ сочиненія Теофана злыя догматы Стефану Рязанскому и убѣждаютъ его послать эти выписки въ С.-Петербургъ, и тѣмъ воспрепятствовать Теофану получить епископство псковское. Медлить рязанскій Стефанъ, какъ бы сомнѣвался въ успѣхѣ. Но вскорѣ съ епископомъ Сарскимъ Алексѣемъ отправилъ доносъ на Теофана, составленный въ формѣ письма отъ Стефана къ епископамъ, отправленнымъ для посвященія новыхъ епископовъ. Въ посланіи къ епископамъ, Стефанъ проситъ благочестивѣйшаго государя отложить посвященіе Теофана во епископа за ученіе его, несогласное съ восточною церковію. Если же онъ отречется отъ исповѣданія новаго и противнаго святой апостольской церкви ученія, тогда посвятить его по царскому изволенію. Затѣмъ излагались самыя пункты съ изложеніемъ неправославнаго ученія Теофанова и форма отреченія Теофана отъ своихъ лжеученій¹⁾. Затѣмъ прибылъ въ С.-Петербургъ и Стефанъ Рязанскій.

Личныя объясненія его съ Теофаномъ по этому дѣлу окончились примиреніемъ. Стефанъ, смущенный и пристыженный, на словахъ и на бумагѣ, сознался, что вовсе не читалъ Теофа-

¹⁾ Обвинительные пункты смотри въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ. Чистовичъ. Спб. 1861 г. Форма отреченія Теофана см. Чистовича: „Теофанъ и его время“.

новыхъ сочиненій, но что вовлеченъ былъ въ обманъ Теофилактомъ и Гедеономъ,—что они виноваты во всемъ, кричалъ, что ихъ слѣдуетъ судить. Стефанъ признался, что онъ не читалъ не только сочиненій Теофановыхъ, но и доноса или протеста, подсунутаго ему, и послѣ того Стефанъ и Теофанъ примирились, при содѣйствіи графа И. А. Мусина-Пушкина. А Теофилакты и Гедеоны, какъ клеветниковъ, заставляютъ извиниться въ несправедливомъ обвиненіи Теофана въ неправославіи ¹⁾. Такимъ образомъ протесты московскихъ ученыхъ не имѣли успѣха.

Въ „Христіанскомъ чтеніи“ (январь и февраль 1876 г.), г. Червяковскій, въ своей статьѣ: Введеніе въ богословіе Теофана Прокоповича, между прочимъ, такъ выражается о направленіи Теофановой догматики: направленіе Теофана навлекло на него подозрѣніе въ неправославіи со стороны Стефана Яворскаго, Теофилакты Лопатинскаго и другихъ; тѣмъ не менѣе догматика его содержитъ православное ученіе и развѣ допускаетъ предположенія, которыя, какъ неразъясненныя, могутъ быть истолкованы въ неправославномъ смыслѣ ²⁾. Теперь мы такъ смотримъ на эти разности, но не такъ смотрѣли на это дѣло при Теофилактѣ.

III.

Теофилактъ съ честію и успѣхомъ исполнялъ разныя государевы порученія. Въ 1710 году онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ префектомъ московской академіи, Стефаномъ Прибыловичемъ. На пути, въ Новгородѣ, они заходили къ митрополиту Іову, и произвели на него неодинаковое впечатлѣніе—Теофилактъ выгодное, а Прибыловичъ—неблагоприятное. Митрополитъ Іовъ писалъ объ этомъ свиданіи въ

¹⁾ Доношеніе св. синоду архим. Теофилакты и Гедеоны Вишневскаго съ извиненіемъ въ несправедливомъ обвиненіи ими Теофана въ неправославіи напеч. въ приложеніяхъ у Чистовича, стр. 705, см. „Теофанъ и его время“.

²⁾ Филаретъ Черниговскій придерживается того же мнѣнія, въ своемъ обзорѣ, по этому вопросу.

С.-Петербургъ къ Я. Н. Римскому-Корсакову: „префектъ, господинъ Стефанъ, былъ у насъ и отпущенъ съ достою честию... Изряднаго изъ нихъ познахъ быти Лопатинскаго, яко мужъ кротокъ есть и смиренъ во всяцѣмъ своемъ состояніи, паче же во страсъ Божіи. 1710 г., октября 16“¹⁾. Θεοφιλαктъ явился къ государю, исправилъ, по его замѣчаніямъ, составленную имъ службу о полтавской побѣдѣ и отпущенъ опять въ Москву. Полный заголовокъ сей службы слѣдующій: „Служба благодарственная Господу Богу о великой побѣдѣ надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII и воинствомъ его, одержанной государемъ Петромъ Великимъ подъ Полтавою. Сочиненіе архіепископа Θεοφιλαкта Лопатинскаго“. Москва, 1709 г., въ 4-ю долю листа²⁾).

По долгу честнаго человѣка, Θεοφιλαктъ исполнялъ свою должность самымъ добросовѣстнымъ образомъ и не уклонялся ни отъ какого труда, выходилъ ли онъ изъ его обязанностей или возлагался на него по особенному довѣрію правительства. Когда въ Москвѣ начали распространяться лютеранскія и кальвинскія заблужденія, Θεοφιλαктъ, по порученію митрополита Стефана, увѣщевалъ главныхъ начальниковъ этихъ заблужденій, чтобы они отстали отъ своего лжеученія и не распространяли его въ народѣ³⁾.

Затѣмъ Θεοφιλαктъ принималъ дѣятельное участіе въ исправленіи славянской библіи. На ректора московской академіи, Θεοφιлакта, и на учителя греческой школы при московской типографіи, Софронія Лихуда, высочайше повелѣно было Петромъ Великимъ возложить исправленіе славянскаго перевода библіи: указомъ Петра Великаго 1712 года имѣющуюся на славянскомъ языкѣ священную библію, прежде печатанія, повелѣно

¹⁾ См. „Странникъ“ 1861 г., кн. 2, стр. 90.

²⁾ См. Полный словарь Сопикова, часть I, стр. 222. Новое изданіе сей службы—въ Кіевѣ, 1754 г., въ четвертую долю листа.

³⁾ См. Московскіе еретики въ царствованіе Петра I. Прав. Обзор. 1863 г., т. X и XI. Ф. А. Терновскаго. Димитрій Евдокимовъ Тверитиновъ нѣкогда съ своими сообщниками былъ пропангандистомъ лютеранства. Θεοφιлактъ Лопатинскій обличалъ его въ неправильномъ его ученіи о призваніи святыхъ Божіихъ представившихся, а у его сообщника, Ивана Максимова, Θεοφιлактъ нашелъ книгу, гдѣ, между прочимъ, говорилось о непоклоненіи иконамъ.

свести съ переводомъ греческимъ семидесяти 'и со онымъ во всемъ согласити непремѣнно. Къ нимъ присоединены справщики московской типографіи, ученики Лихудовъ: монахъ Θεологъ и Θεодоръ Поликарповъ и еще грекъ Аѳанасій. Имъ предписано въ важныхъ случаяхъ, когда, на примѣръ, найдутъ стихи пропущенные или перемѣшанные главы, или если въ греческомъ текстѣ откроютъ какія нибудь особенности — относиться къ митрополиту Стефану Яворскому, и отъ него требовать рѣшенія. Θεофілактъ и его помощники трудились надъ сличеніемъ и исправленіемъ перевода до 1723 года; справлялись, когда настояла нужда, съ текстомъ еврейскимъ и съ вульгатою, грамматическія ошибки поправляли въ самомъ текстѣ, а важныя погрѣшности, пропуски и излишества того записали въ особый каталогъ. Псалтирь оставили безъ исправленія. Пересмотрѣвъ тщательно свои поправки, они отослали свой трудъ въ С.-Петербургъ, и Петръ Великій указомъ отъ 5-го февраля 1724 года предписалъ печатать библію, но прежде еще разъ повѣрить ее съ переводомъ 70-ти, вмѣстѣ съ тѣмъ заняться сличеніемъ псалтыря съ греческимъ текстомъ. Для сего назначенъ опять Θεофілактъ, въ то время уже тверской архіепископъ, съ грекомъ архимандритомъ Аѳанасіемъ Кондоиди.

Смертію Петра I-го остановилось это предпріятіе, и хотя указомъ Екатерины I-й, въ 1725-мъ г., подтверждено пересмотрѣть переводъ библіи, а, по указу императрицы Анны, даже напечатанъ въ 1739-мъ году переводъ библіи съ означеніемъ поправки на поляхъ книги, однако жъ книга удержана при типографіи и не выпущена въ свѣтъ, конечно, не столько вслѣдствіе дѣйствительной увѣренности въ недостаткахъ исправленія, сколько отъ несчастныхъ обстоятельствъ, постигшихъ тогда исправителя и подвергшихъ его суду. При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ дѣло возобновилось и имѣло вождедѣнный успѣхъ: указомъ 1745-го года предписано учителю греческаго языка въ московской академіи, іеромонаху Іакову Блонницкому, вмѣстѣ съ архимандритомъ Воскресенскаго монастыря, Иллариономъ Григоровичемъ, заняться пересмотромъ перевода библіи. Къ нимъ вызванъ былъ изъ Кіева учитель греческаго языка, іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій, съ іеромонахомъ Гедеономъ Слонимскимъ. Въ 1751-мъ году библія была напечатана и выпущена въ свѣтъ.

Впрочемъ, по сличеніи трудовъ Блонницкаго и Лящевскаго съ трудами Теофилакта Лопатинскаго, открывается, что все важнѣйшее въ исправленіи перевода сдѣлано при Теофилактѣ и принято безъ измѣненія послѣдующими исправителями ¹⁾. Это видно изъ экземпляра библіи, бывшаго въ рукахъ Лопатинскаго, и хранящагося въ московской синодальной библіотекѣ. Но Теофанъ Прокоповичъ относился къ этому важному дѣлу Теофилакта и послѣдующихъ исправителей несправедливо, конечно, уже тогда, когда вражда между ними достигла послѣдней степени. Поэтому, въ 1735-мъ г., Теофанъ предлагалъ синоду, по случаю вновь возбужденнаго вопроса объ исправленіи славянской библіи, всѣ сдѣланныя уже поправки вновь перевернуть съ греческою библіею, не весьма вѣруя исправительскимъ примѣчаніямъ: могли они задремать и памятію погрѣшить, по его выраженію.

Мы цѣнимъ высоко трудъ Теофилакта съ его сотрудниками надъ исправленіемъ текста славянской библіи и поэтому такъ много и распространились о немъ.

Къ московскому періоду дѣятельности Теофилакта слѣдуетъ отнести его сочиненія: во 1-хъ, описаніе торжественной встрѣчи полтавскому побѣдителю: политиколѣпная апотеозись, М., 1709 г. ²⁾. Теофилактомъ же Лопатинскимъ сочинена комедія: „Божіе уничтожителей гордыхъ уничтоженіе, при вшествіи свейскія силы разорителя, дѣйствіемъ академіи ученіемъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ процвѣтающія изображеніе“, М., 1710 г. ³⁾. Теофилактъ любилъ и повзю. Ода *in laudem operis principis Demetrii Kantemiri systema dicti de religione et statu imperii turcici an. 1719*, съ подписью: *ita cecinit archymandrita Theophilactus scholarum mosquensium Rector*. Ода состоитъ изъ 64 латинскихъ стиховъ (Журн. Мин. Просвѣщенія 1855 г., августъ).

Въ 1716 году Теофилактъ составилъ разборъ ложной повѣсти о славянскихъ апостолахъ Кириллѣ и Меѳодіи, выписанной изъ книги Мавроурбина, и 27-го іюля того-же года препрово-

¹⁾ См. статью въ „Правосл. Обзор.“ 1860 г., т. I. Исправленіе текста славянской библіи передъ издавіемъ 1751 г. И. А. Чистовича.

²⁾ См. Филарета Черн. „Обозр. дух. лпт.“, стр. 21; Голиц., XI, 314—316; Толстаго, V, № 5.

³⁾ См. Толстаго № 225. Альбомъ Рипполъта. М., 1850 г.

диль, при письмѣ, къ И. А. Мусину-Пушкину: „На повѣсть ложную о славенскихъ нашихъ апостолѣхъ—Меодіи и Кириллѣ, выписанную изъ книги Мавроурбина и мнѣ присланную, отвѣтъ, каковъ возмогъ, по свудоумію моему, обрѣсти, посылаю, о которомъ отъ вашего сіятельства высокое разсужденіе на письмѣ видѣти желаю. 27-го іюля 1716 года“. (Чистовича, Теофанъ и его время, стр. 30).

Въ 1716 же году Теофилактъ писалъ къ Мусину-Пушкину о плачевномъ состояніи церковно-славянскихъ школъ. Зданія, въ которыхъ помѣщались школы, были такъ ветхи, что каждый часъ угрожали опасностію жизни и начальниковъ, и учениковъ. Не смотря ни на просьбы, ни на мольбы Теофилакта, никто не хотѣлъ принять въ нихъ участія. Наставниковъ и учениковъ безнаказанно обижали постороннія лица. „Школы здѣшнія, писалъ Теофилактъ къ Мусину-Пушкину въ 1716 году 27-го іюля, зѣло ветхи, и еще не будетъ къ князю Петру Ивановичу (Прозоровскому) о скоромъ подкрѣпленіи ихъ писаніе, то невозможно будетъ и ученикамъ въ школы ходить, и учителямъ въ веліяхъ обветшалыхъ жити“¹⁾.

Внутренняя сторона школъ была не лучше. Петръ I-й, задумавъ преобразование народа, отправлялъ молодыхъ людей за границу цѣлыми сотнями. Московская академія, единственное училище въ сѣверо-восточной Россіи, должна была каждый годъ выдѣлять по нѣсколькѣ воспитанниковъ для обученія наукамъ, не входившимъ въ планъ ихъ первоначальнаго воспитанія. Слѣдствіемъ этого было обѣдненіе школы, потеря лучшихъ воспитанниковъ, потеря лучшихъ людей для церкви. „Слышалъ я, писалъ въ 1717 году И. А. Мусинъ-Пушкинъ къ Теофилакту,—что школы умяляются. Прошу, не изволь ихъ оставить, ибо сіе взмщется на васъ“. Этимъ и ограничивалось все правительственное участіе къ московскимъ школамъ.

Теофилактъ перебивался, какъ могъ, изъ всѣхъ силъ. Свѣтскихъ воспитанниковъ брали у него изъ-подъ рукъ; оставалась одна надежда на ученыхъ монаховъ, потому что ихъ уже не возьмутъ ни въ медицинскія школы, ни въ академію наукъ, ни въ корабельную науку, но и эта надежда часто его обманывала.

¹⁾ См. переписку Мусина-Пушкина съ разными лицами въ гос. архивѣ.

Въ 1716 году уходомъ ушолъ отъ него префектъ Теофиль Кроликъ за море учиться философіи, богословіи и различнымъ языкамъ. Въ 1717 году хотѣли у Теофилакта взять другаго монаха, Гедеона Вишневскаго, для отправленія въ Мевленбургъ; Теофилактъ всѣхъ поднялъ на ноги, чтобы удержать хоть этого образованнаго монаха ¹⁾.

Такимъ образомъ, Теофилактъ Лопатинскій, въ московскій періодъ своей дѣятельности, заявилъ о себѣ своими философскими и богословскими трудами, въ званіи префекта и ректора московской академіи; написалъ опроверженіе на книгу Теофана Прокоповича, подъ заглавіемъ: „Иго Господне благо и бремя его легко“; исправлялъ текстъ славянской библии, оставилъ описаніе торжественной встрѣчи полтавскому побѣдителю, составилъ службу о полтавской побѣдѣ, сочинилъ комедію, написалъ оду, составилъ разборъ ложной повѣсти о Кириллѣ и Меодіи, обличалъ московскихъ еретиковъ и принималъ мѣры къ улучшенію внѣшняго и внутренняго состоянія московскихъ церковныхъ школъ. Дѣятельность Теофилакта за этотъ періодъ времени можно назвать цвѣтущею и многоплодною.

IV.

Въ 1722-мъ году Теофилактъ Лопатинскій, чудовскій архимандритъ и ректоръ московской академіи, опредѣленъ совѣтникомъ въ синодъ. Объ образѣ его мыслей и чистотѣ его характера можно судить въ это время по слѣдующему обстоятельству. Въ 1722-мъ году Петръ I-й приказалъ выбрать епископа въ Иркутскъ. Начался выборъ, нѣкоторые кандидаты отказывались ѣхать въ столь отдаленный край. Между тѣмъ, Теофилактъ посмотрѣлъ на это другими глазами, и, въ 1722-мъ году, бывши уже синодальнымъ совѣтникомъ, подалъ въ синодъ доношеніе слѣдующаго содержанія: „увѣдавъ, я, нижеподписавшійся, что его пресвѣтлѣйшаго императорскаго величества объ избраніи въ Иркутскъ архіерея апостольское и, рещи возможно, самое боже-

¹⁾ Теофилактъ объ удержаніи Вишневскаго писалъ 23 го янв. 1717 г. къ Мусину-Пушину и его удержали въ Москвѣ.

ственное желаніе есть, и видя мало дѣлателей на оную многую жатву угодныхъ, да и просто на самое оное епископство безъ дѣла, ему сопряженнаго, аки на едино тѣло безъ души взирающихъ, немногихъ охотниковъ, которые на тамошній архіерейскій санъ избраніе вмѣсто ссылки себѣ вмѣняютъ, дерзаю правительствующему св. синоду на сіе честное и святое служеніе свою объявить охоту, надѣясь, что мнѣ сіе дерзновеніе не вмѣнится въ любочестіе, ибо симъ болѣзнующую не иркутскаго, но иного поближе Москвы желаютъ епископства. Къ тому-жъ я и на Москвѣ, по милости императорской и благоизволенію св. правительствующаго синода, не въ голышахъ, ни въ бобыляхъ обрѣтаюсь. Не любочестіемъ убо подстрекаемый, ни иною какою страстію побѣждаемъ, но единою къ Богу и ближнему любовію подвигаемъ, отзываюся съ моею на то охотою. Уповаю бо на Всесильнаго помощь—къ доброму дѣлу всегда всякому отъ Него готова есть,—что возмогу тамо послужити сему богоугоднѣйшему его императорскаго величества намѣренію, то есть человѣческихъ душъ, кровію Христовою искупленныхъ, купно-же и своему притомъ спасенію“. 14-го іюня 1722 г. ¹⁾).

Св. синодъ, представивши своихъ кандидатовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ государю о Теофилактѣ, что онъ объявляетъ усердную свою на помянутое служеніе охоту, не смотря на убѣжденіе синода, что онъ здѣсь будетъ полезенъ не меньше. Когда государь, повидимому, медлилъ утвержденіемъ, Теофилактъ написалъ къ кабинетъ-секретарю Макарову просительное письмо, въ которомъ повторилъ тѣ-же заявленія, какъ и въ доношеніи своемъ синоду. „Примѣръ можно взять—писалъ онъ—отъ римлянъ, которые на таковыя служенія самыхъ лучшихъ посылаютъ; да и въ дому обрѣтаются образцы, ибо, во время прошедшей войны, потребенъ былъ при корпусѣ воинскомъ и походѣ фельд-маршалъ, однако-жъ, ради нужды, случившейся отъ измѣнниковъ, посланъ былъ отъ корпуса въ Астрахань, а не иной кто поплоче его, который, сдѣлавъ дѣло, и возвратился. То-жъ возможно разумѣти и о сей духовной экспедиціи. Кромѣ сего, можетъ быть нѣкая польза и отъ близости съ Китаемъ: тамо-бо посланный епископъ можетъ требовати совѣта или иного чего

¹⁾ Госуд. архивъ. Кабин. дѣла 11, № 61, л. 37—40.

къ своему званію потребнаго отсюда и скорѣе чрезъ меня получить резолюцію“. Государь, однако-жъ, удержалъ его при сѣнодѣ.

Въ 1722-мъ году, Теофилактъ, въ званіи чудовскаго архимандрита, сказалъ два слова: 1) Слово о богодарованномъ мирѣ, заключенномъ россійскою имперію, съ короною шведскою. Москва, 1722 г., въ 4-ю долю листа. То же слово, съ нѣмецкимъ переводомъ. Москва, 1722 г., въ листъ; 2) Слово на день тезоименитства императрицы Еватерины I-й. Москва, 1722 года, въ 4-ю долю листа ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1723-мъ году Теофилактъ посвященъ въ тверскіе епископы. Въ Кабинетскихъ дѣлахъ находятся два доношенія Теофилакта государю 1723-го года, съ просьбами, чтобы: 1) ради пребыванія его въ С.-Петербургѣ при сѣнодѣ отданъ былъ ему домъ рязанскаго архіерея, въ которомъ онъ имѣлъ временное помѣщеніе; 2) дана была какая-нибудь мыза, отъ которой-бы могъ получать дрова и сѣно; 3) отданы были ему келейныя вещи бывшаго тверскаго архіерея Варлаама, взятая въ сѣнодъ; 4) позволено было ему служить въ саккоствѣ, по примѣру прежде бывшихъ архіереевъ и въ виду того, что въ саккоствахъ служатъ архіереи низшихъ степеней, на примѣръ: холмогорскій, коломенскій и проч. ²⁾.

Въ 1725-мъ году Теофилактъ пожалованъ архіепископомъ тверскимъ и вторымъ по Теофанѣ вице-президентомъ святѣйшаго сѣнода. Въ 1725-мъ году Теофилактъ составилъ слово на день тезоименитства императрицы Екатерины I-й, проповѣданное въ С.-Петербургѣ, 1725 года, въ 4-ю долю листа. Въ 1725 году Теофилакту поручено было, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, поднести во время литургіи знаки ордена св. апостола Андрея Первозваннаго императрицѣ Еватеринѣ I-й, которые тогда и возложены были на нее княземъ Меншиковымъ и Головинымъ.

Не смотря на свое пребываніе въ С.-Петербургѣ, архіепископъ Теофилактъ много приносилъ пользы своей епархіи. Исправилъ бывшія упущенія по дѣламъ епархіальнымъ. Въ 1727-мъ

¹⁾ Сопикова словарь, стр. 204.

²⁾ Госуд. архивъ. Кабин. дѣла 11, № 65, л. 428—454.

году, попеченіемъ его, покрытъ желѣзомъ тверской каѳедральный соборъ, позже сдѣлана серебряная большая лампада вѣсомъ въ 20 фунтовъ, безъ 4 золотниковъ, къ ракъ св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича Тверскаго, нынѣ висящая предъ мѣстною храмовою иконою Введенія Божіей Матери, а еще позднѣе, по Теофилактову благословенію, перелить 100 пудовой колоколь, который, будучи вылитъ храмовдателемъ, покойнымъ владыкою Сергіемъ, отъ пожара, бывшаго въ 1736-мъ году, повредился. Заботясь объ образованіи и духовномъ наставленіи своей паствы, и особенно о приготовленіи достойныхъ пастырей церкви, по прибытіи въ Тверь, Теофилактъ къ паствѣ говорилъ частыя поученія, а для дѣтей духовнаго званія построилъ, по предначертанію предшественника своего, митрополита Сильвестра, въ Теодоровскомъ монастырѣ, бывшемъ въ Твери на островкѣ, при устьѣ рѣки Тьмаки, въ 1724-мъ году, по указу св. сѣнода, отданномъ для содержанія и обученія церковно-служительскихъ дѣтей, — училищный домъ, собралъ учениковъ и заставилъ учить чтенію, чистописанію, ариметикѣ и съ 1732-го года преподавать греко-славянскую грамматику и десятословіе. На содержаніе учениковъ много употреблялъ хлѣба своего собственнаго. Во время голода въ 1734-мъ году, Теофилактъ кормилъ хлѣбомъ бѣдныхъ людей — постороннихъ и своихъ, но, по прошествіи бѣдственнаго времени, простилъ долгъ всѣмъ, бросивъ долговыя книги въ огонь.

Обширная библіотека Теофилакта Лопатинскаго поступила по его завѣщанію и по ходатайству преемника его, преосвященнаго Митрофана, въ тверскую семинарію и послужила основаніемъ семинарской библіотеки ¹⁾.

Фамилія Лопатинскихъ, родственниковъ преосвященнаго Теофилакта, вывезенныхъ имъ въ Тверь, существуетъ и теперь. Въ селѣ Эммаусѣ (что прежде Ямники), одинъ изъ потомковъ его фамиліи былъ священникомъ около 1800 года, дѣти коего

¹⁾ По описи, хранящейся въ дѣлахъ тайной канцеляріи (см. въ Госуд. арх., VII р., дѣло № 368, десять частей), въ трехъ экземплярахъ, всѣхъ книгъ въ библіотекѣ Теофилакта было 1416. Изъ нихъ потребныхъ для тверской семинаріи сѣнодъ нашелъ только 941 книгу.

прозваны Эммаускими. Вотъ, въ короткихъ словахъ, дѣятельность Теофилакта по тверской епархіи и его благотворительность въ ней.

V.

Обращаемся къ дѣятельности Теофилакта Лопатинскаго синодальной. Въ синодѣ Теофилакту Лопатинскому поручено было ближайшее наблюденіе по раскольническимъ дѣламъ; для сего въ синодѣ образовано было особое отдѣленіе по раскольническимъ дѣламъ. Но важныя дѣла восходили на общее разсужденіе св. синода и рѣшались въ общемъ собраніи. Это синодальное порученіе дало Теофилакту возможность поближе познакомиться съ раскольническими сектами и быть усерднымъ ихъ обличителемъ. Теофилактъ написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Обличеніе неправды раскольническія“, съ фигурами, напечатанное въ Москвѣ, въ 1745 году, въ листъ; значить, уже на четвертый годъ, послѣ его смерти, при Елисаветѣ Петровнѣ, потомъ неоднократно вновь было напечатано въ Москвѣ. Есть экземпляры этой книги, въ коихъ, при послѣднемъ изображеніи благословящихъ рукъ, находится слѣдующая надпись: „Сколько-то трудились раскольщики, и сколько-то рукъ полюбившихся имъ отъ иконъ собирали, а нигдѣ любимѣйшаго имъ арменскаго кукиша настоящаго не ссыскали и не показали, и потому явственно сами свое суевѣрное упрямство и заблужденіе обличили“. Подобные экземпляры рѣдки и повупаются охотниками довольно дорого.

Теофилактъ въ этой книгѣ усердно изобличаетъ раскольническую неправду, которую на себя объявили выгоцкіе пустосвяты въ отвѣтахъ на вопросы, поданные имъ отъ Неофита. Здѣсь обращено преимущественное вниманіе на 50-й отвѣтъ поморцевъ, важный потому, что въ немъ исчислены всѣ мнимыя новины русской церкви, изъ-за которыхъ раскольники отдѣлились отъ церкви.

Теофилактомъ же написано сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Зерцало горячайшаго ко Господу Богу духа, изліяннаго Теофилак-

томъ Лопатинскимъ, блаженный памяти архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ, имъ самимъ сочиненное на латинскомъ языкѣ и своеручно писанное“. Напечатано въ 1787-мъ году, въ Москвѣ, и посвящено князю Гавріилу Петровичу Гагарину. Въ библиотекѣ, бывшей Смирдина, мнѣ пришлось видѣть русскій экземпляръ этой рѣдкой книги.

Въ 1725-мъ году, 28-го апрѣля, Теофилактъ, какъ синодальный членъ, подалъ свое показаніе по дѣлу Θεодосія Яновскаго, архіепископа новгородскаго и вице-президента синода, который, за свою притязательность, за злохулительныя слова про ихъ импер. величества и за нѣкоторый злой умыселъ на руссiйское государство, былъ лишень сана архіерейскаго и іерейскаго, и слылъ подъ именемъ чернеца Θεодоса ¹⁾). Допрашивали генераль-прокуроръ Ягужинскій и князь Юсуповъ. Вотъ показаніе тверскаго архіепископа.

— „Отъ самаго начала, какъ я опредѣленъ въ синодъ, увидѣлъ преосвященнаго Θεодосія всегда бранящаго всякаго чина людей отъ мала даже до великаго безъ всякаго выключенія, нарицающаго безумными, не христіанами, горшми турковъ и всякихъ варваровъ, аеенстами, идолопоклонниками — руссiйскій народъ. Чему я удивлялся и началъ думать, что онъ то по званію своему и позволенію государеву и дерзновенію на его къ себѣ великую милость сіе творить, или на искушеніе инымъ, каковы они покажутся въ своей вѣрности къ государю, понеже онъ то, безо-всякаго опасенія, съ великимъ дерзновеніемъ и крикомъ творилъ; и видя иныхъ молчащихъ древнѣйшихъ синодальныхъ членовъ, и я молчалъ. Потомъ отъ частаго и непрестаннаго его суесловія, стали мнѣ слова его нелюбы и слышанія недостойны и, того ради, сталъ я ихъ не слушать и, аки вѣтеръ, мимо ушей пускать; и когда онъ начиналъ потомъ таковыя-же непотребныя пѣсни пѣти, я въ то время свои приватныя дѣла дѣлалъ или думалъ о семъ, что мнѣ потребно, или читалъ грамотки или какую

¹⁾ См. указъ св. синода холмогорскому архіепископу Варнавѣ, 11-го сентября 1725 года. Дѣло о Θεодосіи. Чернецъ Θεодосъ, г. Есинова, въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., № 6. Донесеніе синодальныхъ членовъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., стр. 139.

книгу, или писалъ что, или, вставъ, ходилъ по избѣ. Воспоминалъ многожды св. Филиппа, митрополита московскаго, удушеннаго во дни царя Ивана Васильевича, за которое-де убіеніе искоренилъ Богъ царское его плмя, такъ что по немъ не осталось наслѣдника на царство россійское; а по представленіи б. п. Петра Великаго, прибавилъ и то, что-де за разстриженіе Варлаама Овсянникова (прикосновеннаго къ дѣлу Θεодосія игумена, ассессора и оберъ-секретаря сѣнода) и взятіе его за караулъ, умертвилъ Богъ такожде Петра Великаго. Доволь что не по его сѣнодальному желанію дѣбалось въ сенатѣ или въ иномъ правительствѣ по указу государеву, или слово было о духовномъ штатѣ, онъ, архіепископъ Θεодосій, сердясь говорилъ: „доволь будетъ тиранство надъ церковію, дотолѣ добра надѣяться невозможно. А въ церкви монархіи нѣтъ и никогда не бывало. Болѣзнь-де государю пришла смертельная отъ безмѣрнаго женоненствования и отъ Божіаго отмщенія за его посяжку на духовный и монашескій чинъ, который хотѣлъ истребити. Излишняя-де его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ показываетъ мучительное его сердце, жаждущее крови человѣческія. Габинеть-де ¹⁾ раскольщикамъ прибѣжище и заступленіе“ ²⁾).

Въ 1725-мъ же году Θεофилактъ отказывается отъ предлагаемой ему псковской епархіи. 25-го іюня 1725 года императрица Екатерина I дала св. сѣноду указъ, что ея величество заблагоразсудила преосвященнаго Θεофана, архіепископа псковскаго, перевести на новгородскую степень, а на его мѣсто, на псковскую степень, преосвящ. Θεофилакта, архіепископа тверскаго, съ опредѣленіемъ его вторымъ вице-президентомъ въ сѣнодѣ. Θεофанъ и Θεофилактъ предложили словесное сѣноду прошеніе, чтобъ доложить императрицѣ отъ имени св. сѣнода, что они на прежнихъ своихъ степеняхъ уже установились. Императрица согласилась оставить Θεофилакта въ тверской епархіи, а Θεофану приказала ожидать указа. 10-го іюля 1725 года, императрица, бывъ въ Троицкомъ соборѣ у обѣдни, приказала объявить

¹⁾ Выраженіе габинеть—значитъ кабинетъ царскій.

²⁾ Показаніе тверскаго архіепископа Θεофилакта. Въ „Русск. Архивъ“ 1864 г., стр. 135, статья: „Донесеніе сѣнодальныхъ членовъ“.

всенародно, чтобы Теофану быть новгородским архіепископомъ, а преосвященному Теофилакту, изъ совѣтниковъ, вторымъ въ синодѣ вице-президентомъ, что того-жъ числа и было исполнено.

Въ 1726-мъ году Теофилактъ получилъ отъ императрицы въ подарокъ двѣ парчи на саккосъ и благодарилъ императрицу письмомъ: „Милостивѣйшая государыня императрица! Не посмѣлъ-бы я в. и. в. писаніемъ утруждати, но превысоекое вашего величества милосердіе къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ дерзновеніе мнѣ сотворило; къ тому-же и немалый страхъ, да за премногую милость не явлюся неблагодаренъ. Получилъ я въ Твери отъ прещедрыя вашего величества, Богомъ укрѣпляемая, десницы двѣ серебряныя парчи на саккосъ, за которыя, аще-бы не отозвался съ должнымъ благодареніемъ, могъ-бы попасть въ позорнѣе неблагодарствія. Сими убо причинами, милосердіемъ вашимъ и страхомъ подвизаемъ, пріяхъ дерзновеніе писати къ вашему величеству, во изъявленіе достожднаго благодаренія, и симъ писаніемъ всесмирненно и раболѣпно благодарствую о семъ вашему пресвѣтлѣйшему императорскому величеству, и исповѣдаю, что превысоекое вашего величества ко мнѣ недостойному милосердіе уподобляется солнцу, сіяющему на тверди небесной. Яко же бо оное не токмо близъ, но и далече сущихъ просвѣщаетъ своими златозарными лучами, тако и вашего величества милосердіе не токмо къ близъ сущимъ, но и далече отстоящимъ простирается и всякаго досязаетъ, отъ нихъ же послѣдній азъ есмь, получившій въ Твери прещедрое подаваніе, за что да воздастъ вашему величеству мздовоздаятель Господь Богъ, и въ семъ вѣцѣ многолѣтнимъ здравіемъ и мирнымъ царствованіемъ, и въ будущемъ—неувядаемымъ вѣнцемъ безсмертія—долженствую его всемилостивое благоутробіе молити. При семъ воспоминаю вашему величеству двое дѣлъ, зѣло нужныхъ тверской епархіи, которыя и обрѣтаются въ кабинетѣ вашего величества, о которыхъ изволила подать меморіаль вашему величеству, милостивѣйшая моя патронка, благочестивѣйшая государыня цесаревна Елисавета Петровна, въ день рожденія своего; о тѣхъ милостивыя резолюціи всесмирненно прошу“. Тверь, 17-го марта 1726 г. ¹⁾.

¹⁾ Госуд. архивъ. Кабин. дѣла, 11, № 50, л. 61.

Въ 1725 году, по назначеніи Георгія Дашкова, епископа ростовскаго, третьимъ въ сѣнодѣ архіереемъ къ Теофану Прокоповичу и Теофилакту Лопатинскому, сѣнодѣ отправилъ своихъ членовъ—архіепископа Теофилакта и архимандрита Гавріила, съ докладомъ къ государынѣ о разныхъ церковныхъ дѣлахъ, и, между прочимъ, поручилъ имъ доложить: Георгію быть-ли въ сѣнодѣ, понеже и безъ него уже три персоны архіерейскія суть? Государыня подтвердила свой прежній указъ, чтобы Георгію быть въ сѣнодѣ совѣтникомъ-же, какъ и Рафаилу, сѣнодальному совѣтнику и калязинскому архимандриту ¹⁾. Но Георгію хотѣлось лучше быть третьимъ архіереемъ на ряду съ Теофаномъ и Теофилактомъ, нежели совѣтникомъ, въ низшемъ рангѣ противъ вице-президентовъ. Вѣроятно онъ же, чтобы сравняться съ тѣми, настоялъ, чтобы свѣтскіе титулы сѣнодальныхъ членовъ были оставлены: вице-президентовъ отставить; ибо тѣ чины приличны болѣе къ свѣтскимъ правленіямъ, а не къ духовнымъ. Однимъ словомъ, при вступленіи на престолъ Екаторины I-й, началась реакція по церковнымъ дѣламъ въ пользу старины. Теофилактъ Лопатинскій, сдѣланный вторымъ вице-президентомъ въ сѣнодѣ (Теофанъ былъ первымъ вице-президентомъ), не имѣлъ ни достаточно энергіи, ни искусства, чтобы стать во главѣ новаго начинавшагося движенія. Искусство состояло въ томъ, чтобы сойтись съ передовыми людьми того времени, которые, при Екаторинѣ, управляли государствомъ: у Теофилакта этого не было. Всѣ уважали его честность и прямоту, но своею непрактичностію и патриархальностію отношеній онъ отталкивалъ отъ себя даже тѣхъ, которые были расположены въ его пользу. Теофилактъ не имѣлъ находчиваго и изворотливаго ума, не имѣлъ желѣзной воли, настойчивости и непреклонности въ достиженіи своей цѣли. Онъ погибъ въ водоворотѣ честолюбій, доносовъ и интригъ, потому что, по своей прямотѣ и честности, не могъ являться, смотря по времени и обстоятельствамъ, то доносчикомъ, то подсудимымъ.

Реакція, начавшаяся при Екаторинѣ I-й, развернулась во

¹⁾ Указъ 23-го августа 1725 года.

всей силѣ при Петрѣ II-мъ. Теофилакту Лопатинскому и нужно было-бы въ это время реакціи, въ пользу старины, которую и онъ всячески старался отстаивать во всю свою жизнь, приобрѣтать связи въ высшихъ сферахъ съ важными сановниками, но онъ этого не сдѣлалъ и остался впоследствии, при наступленіи для него черныхъ дней, безъ покровителей и друзей. Когда въ верховномъ тайномъ совѣтѣ обсуживался вопросъ о воспитаніи и обученіи юнаго царя, то въ собраніе были приглашены: Дашковъ, ростовскій архіерей, Теофилактъ и Игнатій Смола, митрополитъ коломенскій, а Теофана не пригласили ¹⁾. Вообще видно было, что Меншиковъ благопріятствовалъ Теофилакту, но не благопріятствовалъ Теофану. Но, къ несчастію для Теофилакта, самовластіе Меншикова продолжалось недолго. Вскорѣ онъ былъ арестованъ и низложенъ. Другихъ высшихъ сановниковъ не было благопріятствующихъ Теофилакту, Остерманъ же, низложившій Меншикова, былъ расположенъ къ Теофану Прокоповичу, который былъ очень радъ низложенію Меншикова ²⁾. Въ это-то неблагопріятное для Теофилакта время, онъ рѣшился напечатать сочиненіе Стефана Яворскаго, подъ заглавіемъ: „Камень вѣры“.

¹⁾ Госуд. архивъ. Дѣло о Теофанѣ Прокоповичѣ.

²⁾ Epistola XXII. Труды кievской академіи 1865 г., стр. 599.

VI.

Въ 1728 году, съ разрѣшенія верховнаго тайнаго совѣта, по засвидѣтельствванію Оеофилакта и подъ его наблюденіемъ, изданъ „Камень вѣры“. Вотъ точное заглавіе этой книги: „Камень вѣры, православнокаѳолическія восточныя церкви святыхъ сынамъ, на утвержденіе и духовное созиданіе; претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на возстаніе и исправленіе“, соч. рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Москва, 1728, въ листъ ¹⁾).

Стефанъ Яворскій написалъ „Камень вѣры“ противъ московскихъ еретиковъ, о которыхъ мы упоминали выше и которыхъ вмѣстѣ съ Стефаномъ Яворскимъ увѣщевалъ и Оеофилактъ Лопатинскій, осужденныхъ въ 1714-мъ году, 24-го октября, на московскомъ соборѣ (то есть лекаря Тверитинова съ его сообщниками). Книга „Камень вѣры“ написана была противъ лютеранъ и кальвинистовъ. Только что отпечатанная эта книга произ-

¹⁾ Изданіе второе, въ Москвѣ, 1729 г., въ листъ. Изданіе третье, въ Кіевѣ, 1730 г., въ листъ. Изданіе четвертое, въ Москвѣ, 1749 г., въ листъ. Кіевское изданіе лучше московскихъ, а послѣднее исправнѣйшее изъ московскихъ. Чистые и хорошо сбереженные экземпляры рѣдки. Сокращеніе этого сочиненія переведено на латинскій языкъ и напечатано въ Тубингѣ (въ Тюбингенѣ), 1730, въ 4-ю долю листа, подъ заглавіемъ: „Stephanii Javorskii genius“ (Духъ Стефана Яворскаго) См. Сопикова словарь, стр. 119. Мы имѣемъ въ рукахъ совсѣмъ другой заглавный печатный листъ на сочиненіи Стефана Яворскаго „Камень вѣры“. Не знаемъ исторіи его происхожденія, но только указываемъ на овный, какъ на оригинальный. На этомъ заглавномъ печатномъ листѣ Лютеръ называется воромъ, а Кальвинъ—уже и совсѣмъ непечатнымъ словомъ.

Архилють воръ Мартинъ
Напѣлъ паутинъ
На много полтинъ, и т. д.

(См. Госуд. архивъ, XVIII. Дѣло № 10). Есть-ли печатный экземпляръ „Камня вѣры“ съ симъ заглавнымъ листомъ, мы не знаемъ. Не былъ-ли подобный экземпляръ въ тайной канцеляріи? Въ 1736 году и рукопись Оеофилакта Лопатинскаго—„Иго Господне“—потребована была въ тайную канцелярію. Мы видѣли ее тамъ, говорить И. А. Чистовичъ, между полусогнившими бумагами страшной канцеляріи.

И. М.

вела сильное волненіе между лютеранами и кальвинистами въ Россіи и за границею. Много неприяностей изъ-за этой книги было Теофилакту отъ находившихся въ русской службѣ знатныхъ чиновниковъ изъ лютеранъ и кальвинистовъ.

Въ лейпцигскихъ актахъ 1729 года, въ маѣ мѣсяцѣ, помѣщенъ былъ строгій разборъ на „Камень вѣры“, съ укоризною сочинителю и Теофилакту. Въ разборѣ сказано, что эта книга давно уже была написана, но Петръ I-й не позволялъ напечатать ее, чтобы не обидѣть протестантовъ, о которыхъ въ ней написано много ложнаго. Здѣсь-же сказано, что сочинитель „Камня вѣры“ питаетъ безразсудную ненависть къ лютеранамъ, равно какъ къ кальвинистамъ, усвоивши ее, безъ сомнѣнія, отъ католиковъ, съ которыми долго въ молодыхъ лѣтахъ обращался. Это видно изъ предисловія его къ читателю, гдѣ онъ говоритъ, что „на церковь святую возсталъ новый нѣкій Голіафъ—Мартинъ Лютеръ, понося вѣрующихъ въ живаго Бога и отрывая разныя укоризны на невѣсту Христову — церковь. Противникъ этотъ устремилъ свой лукъ на папу и римскую церковь; но стрѣлы его досягаютъ и до насъ. Но и этому новому Голіафу „Камень вѣры“, подобно какъ древнему камню Давидовъ, да будетъ въ погибель. Приходятъ къ намъ въ овчихъ кожахъ, а внутри волки хищные, отворяющіе подъ видомъ благочестія двери всѣмъ порокамъ. Ибо что пристекаетъ изъ этого нечестиваго ученія? Убивай, вradi, любодѣйствуй, лжесвидѣтельствуй, дѣлай, что угодно, будь равенъ самому сатанѣ по злобѣ, но только вѣруй во Христа и одна вѣра спасетъ тебя“. Далѣе говорится о сочинителѣ „Камня вѣры“, что онъ нагло лжетъ, открыто клевететъ и оболыщаетъ неразумный народъ нелѣпыми баснями. Удивляются затѣмъ, какъ смиренный Теофилактъ, архіепископъ тверской и кашинскій, одобрилъ эту книгу своею цензурою (*Acta eruditiorum, mens Maji, pp. 226—228. Lipsiae, 1729 an.*).

Вскорѣ затѣмъ явилась книга Буддея (*Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra calumnias et obtrectationes Stephani Javorskii R. et M. M. ad amicum Moscuae degentem, scripta a Buddeo, Theologiae D. Senae, sumtu viduae Meyer. 1729, in 4*), съ обличеніемъ и опроверженіемъ на „Камень вѣры“. Эта книга, по словамъ протестантскаго рецензента, отразила клеветы и

нападенія Яворскаго сильно и дѣло церкви протестантской поставило превосходно. (См. *Acta eruditorum, mens Octobris, pp. 465 — 468. Lipsiae, 1729 an.*). Въ то же время въ Тюбингенѣ напечатано на латинскомъ языкѣ сокращеніе всей книги Яворскаго, подъ названіемъ: „*Stephani Javorscii genius, ex ejus opere posthumo theosophico, Petra fidei dicto, in epistola familiari revelatus*“. Сочинителемъ ея былъ Яблонскій, хорошій знакомый Оеофана Прокоповича.

Въ защиту-же „Камня вѣры“, противъ книги Буддея, написалъ сочиненіе доминиканецъ Рибейра, бывший тогда при испанскомъ посланникѣ въ Россіи, герцогъ Лирійскомъ. Сочиненіе это имѣло видъ отвѣта Буддею (*Responsum antapologeticum*) и посвящено было императрицѣ. Ревность Рибейры къ защитѣ восточной церкви объясняется просто видами и расчетами католической пропаганды того времени и иезуитовъ

Оеофилактъ Лопатинскій, слышавъ о колкихъ замѣчаніяхъ на книгу „Камень вѣры“ въ иностранныхъ изданіяхъ и приобрѣвши экземпляръ книги Рибейры, въ разговорахъ съ довѣренными людьми, прямо высказывалъ, что Буддеева апологія подложная, сочинена Оеофаномъ Прокоповичемъ и напечатана друзьями его въ Ригѣ или въ Ревелѣ. Читая Буддееву книгу, Оеофилактъ говаривалъ:

— „Бѣдный Стефанъ митрополить, и по смерти его побиваютъ камнями“.

Князь Д. М. Голицынъ, почитатель памяти Яворскаго, просилъ также Оеофилакта написать отвѣтъ на эту апологію. Оеофилактъ согласился и, по удаленіи изъ синода ¹⁾, возвратившись въ епархію, началъ писать отвѣтъ Буддею, но, дошедши до одного мѣста, приведеннаго изъ сочиненій Василія Великаго, о которомъ сомнѣвался, точно-ли оно принадлежитъ этому святому отцу, остановился, не имѣя нужныхъ книгъ подъ руками. Въ это время дошло до него извѣстіе о кончинѣ рижскаго про-

¹⁾ Оеофилактъ вмѣстѣ съ Георгіемъ Дашковымъ и Игнатіемъ Смолоу уволены изъ синода указомъ, отъ 21-го іюля 1730 года, Анны Іоанновны послѣ ея коронаціи. Дѣло архива св. синода, 1730 г., № 11. О новыхъ членахъ синода Оеофилактъ говорилъ: „такихъ и выбралъ (т. е. Оеофанъ Прокоповичъ), что слова противнаго не скажутъ“.

тоіерея Семена Ярмирковскаго, человѣка образованнаго, изъ воспитанниковъ московской академіи. Теофилаетъ зналъ, что онъ, оставивъ послѣ себя хорошую бібліотеку, которая не нужна его наслѣдникамъ, и рѣшился купить ее. Отправивъ по этому случаю въ Ригу калязинскаго архимандрита Іоасафа Маевскаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ ему и другое порученіе—привезть образчики латинскихъ шрифтовъ рижской типографіи, въ которой будто-бы онъ хотѣлъ напечатать свою книгу. Вѣроятно, Теофилакту хотѣлось увѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ на счетъ мѣста изданія Буддеевой апологіи. Архимандритъ Маевскій ѣздилъ въ Ригу съ 25 го ноября по 27-е декабря 1730 года.

Съ помощью купленной бібліотеки, Теофилаетъ кончилъ книгу—Апокрисисъ или Возраженіе на письмо Буддея. Но какъ она написана была безъ высочайшаго повелѣнія, то онъ рѣшился просить князя Голицына, чтобы тотъ постарался объ „исходатайствованіи у ея императорскаго величества позволенія писать тое книгу“.

Уполномоченнымъ лицомъ для переговоровъ съ Голицынымъ опять былъ тотъ-же архимандритъ Іоасафъ. При отправленіи его въ Москву, гдѣ былъ тогда дворъ послѣ коронаціи императрицы, съ письмомъ на имя князя, Теофилактъ вручилъ ему пять тетрадей русскаго перевода книги и полный латинскій оригиналъ, съ тѣмъ, что если Голицынъ полюбопытствуетъ узнать содержаніе всей книги, то Іоасафъ объяснилъ-бы ему оное переводомъ съ латинскаго оригинала. Но, боясь всего и всѣхъ, онъ вѣрѣно навазывалъ Іоасафу: „не будь-де и ты перекидчикомъ!“

— „Какимъ перекидчикомъ?“ спросилъ Іоасафъ.

„Не перекинься къ новгородскому и не отдай моей книги“ Іоасафъ обѣщаль не сдѣлать этого.

По пріѣздѣ въ Москву, Іоасафъ, за болѣзнію Голицына, цѣлыя три недѣли не могъ представить ему письма и рукописи. Наконецъ, князь принялъ его, хотя еще не оправился и былъ въ постели. Выслушавъ письмо, которое читалъ меньшей его братъ, князь поблагодарилъ преосвященнаго и спросилъ Іоасафа:

— „Такъ онъ на книгу Буддея пишетъ?“

Архимандритъ отвѣчалъ: „да“, и положилъ на столъ тетради самаго сочиненія. Князь сказалъ, что ему читать теперь нельзя,

потому что руки у него были обвязаны. Архимандритъ повторилъ просьбу Теофилакта объ исходатайствованіи высочайшаго позволенія на печатаніе этой книги. Князь отвѣчалъ, что онъ самъ, за болѣзнію, стараться не можетъ, но чрезъ другихъ стараться будетъ, и въ этомъ смыслѣ поручилъ отписать къ преосвященному.

Получивъ отъ Теофилакта письмо, чтобы на сырной недѣлѣ быть въ Тверь, Іоасафъ хотѣлъ еще разъ сходить къ Голицыну, чтобы развѣдать о положеніи дѣла и спросить, не будетъ-ли ему угодно дать письмо къ преосвященному? На послѣднее князь отвѣчалъ, что, за болѣзнію, писать не можетъ; а на первое повторилъ то-же, что говорилъ прежде, но прибавилъ съ уворомъ, что „преосвященному скоро этого хочется. Ужъ если книга написана, то позволеніе, надѣюсь, будетъ, а тѣмъ временемъ пусть исправляетъ“. И приводилъ примѣры древнихъ св. отцовъ, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина и другихъ, которые, по написанію своихъ книгъ, долгое время исправляли, а потомъ объявляли мірови. „Да и преосвященный Стефанъ митрополитъ, книгу „Камень вѣры“ написавъ, исправлялъ долго, и она напечатана уже послѣ его смерти“. Прибывши въ Тверь въ субботу на сырной недѣлѣ, Іоасафъ передалъ Теофилакту всѣ рѣчи Голицына.

Очевидно, съ этой стороны не было сильнаго желанія оказать просимое содѣйствіе. Теофилактъ рѣшился обратиться за помощію къ другому лицу, именно: къ архимандриту Варлааму, духовнику императрицы ¹⁾. Теофилактъ считалъ его человѣкомъ мужественнымъ, благочестивымъ и очень сильнымъ при дворѣ. Онъ отправилъ къ нему того-же Іоасафа съ письмомъ, въ которомъ откровенно объяснилъ свои желанія. „Изъ дальнихъ странъ пишутъ о противностяхъ нашей вѣрѣ — писалъ Теофилактъ Варлааму,— а мы и близъ живущіе о св. церкви радѣнія не имѣемъ“. Въ то же время Іоасафъ уполномоченъ былъ доложить духов-

¹⁾ Это лицо ничѣмъ не заявило себя со стороны ума, характера и разума на пользу церкви. Напротивъ, всѣ свидѣтельства выдають его человѣкомъ малообразованнымъ, искательнымъ, льстивымъ, наружноблагочестивымъ, но неразборчивымъ на средства къ достиженію своихъ цѣлей.

нику словесно, что „если синодъ не позволитъ писать ему, Теофилактору, противъ той книги, то хотя-бы повелѣлъ новгородскому архіерею писать противъ нея. Только онъ не надѣется, чтобы новгородскій такъ сильно сталъ писать“.

Прибывъ въ Москву, Іоасафъ вручилъ письмо архимандриту Варлааму на первой недѣлѣ великаго поста, во вторникъ. Прочитавъ письмо, духовникъ приказывалъ ему побывать у себя въ другое время.

Между тѣмъ, въ тотъ-же день пріѣхалъ къ нему на подворье курьеръ отъ Варлаама съ требованіемъ, чтобы онъ явился къ нему немедленно. Разными разговорами Варлаамъ задержалъ его часу до третьяго ночи, а потомъ прибыли къ нему князь Черкасскій и Ушаковъ: то была тайная канцелярія. Варлаамъ выдалъ Теофилакта. Іоасафу сдѣлали допросъ и отпустили. Вслѣдъ затѣмъ, потребовали въ Москву Теофилакта.

По прибытіи въ Москву, Теофилактъ допущенъ былъ во дворецъ и, выпросивъ разрѣшеніе писать на Буддея ¹⁾, сталъ было уже собираться въ Тверь, какъ явился къ нему посланный съ приказаніемъ опять явиться во дворецъ. Здѣсь канцелярія взяла съ него сказку не только, что не писать на Буддея, но и никому о той сказкѣ не сказывать подъ смертнымъ страхомъ. Какъ-же это случилось, что сперва позволили писать противъ Буддея и обласкали, а потомъ запретили и писать и поминать объ этомъ—спрашивалъ Маевскій у опечаленнаго Теофилакта Лопатинскаго. Архіепископъ отвѣчалъ, что „въ бытность его во дворцѣ, въ полдень, пріѣхалъ другъ новгородскаго преосвященнаго, князь А. М. Черкасскій, и знатно, что, по наговору онаго архіепископа, князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго новгородскаго“.

Іоасафа напугали эти рѣчи не меньше, чѣмъ Теофилакта. Отъ двора запретили, подъ смертнымъ страхомъ, писать книгу,

¹⁾ Въ Буддеевой книгѣ напечатана брань на православную церковь и ругательства на покойнаго Стефана Яворскаго и Теофилакта Лопатинскаго. См. дѣло Рѣшилова въ Госуд. архивѣ, VII, 368 (десять частей), дѣло полусогнившее въ настоящее время, но еще есть возможность добиться смысла содержащемуся въ немъ.

которая уже написана и которую онъ своими руками подносилъ и показывалъ и Черкасскому, и Варлааму, и Ушакову, и смоленскому епископу Гедеоу. Безъ сомнѣнія, дойдетъ объ этомъ до свѣдѣнія и преосвященнаго новгородскаго, всѣхъ больше заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ. Не ожидая себѣ ничего хорошаго, встревоженный Іоасафъ далъ видѣть, что хочетъ убраться поскорѣй въ свой монастырь отъ непрощенныхъ неприяностей. Теофилактъ отпустилъ его, спросилъ только, гдѣ-же его тетради? Іоасафъ отвѣчалъ, что онѣ далеко заложены въ саняхъ, но что когда преосвященный пожалуетъ къ нимъ въ Калязинъ монастырь къ Троицыну дню, то онъ возвратитъ ихъ его преосвященству. Мы увидимъ послѣ, что Іоасафъ таилъ въ душѣ другія мысли. Послѣ этого дѣло затихло, но не надолго.

То была тишина предъ грозю.

VII.

Теофилактъ Лопатинскій, въ оправданіе сочинителя „Камня вѣры“ и самого сочиненія отъ многихъ несправедливыхъ толковъ и особенно отъ дерзкихъ нападеній лютеранскихъ богослововъ, написалъ свою книгу на тѣ же лютеранскія и кальвинскія ереси. Непримирая злоба и ненависть возстали на знаменитаго архипастыря, бодрствовавшаго на стражѣ православія и, наконецъ, свели его въ могилу. Въ числѣ гонителей его былъ и самъ герцогъ Биронъ.

Одобренная Теофилактомъ книга „Камень вѣры“, уже двукратно изданная, вскорѣ была запрещена и, по возможности, отъ всѣхъ отобрана, а собственное сочиненіе Теофилакта на лютеранъ и кальвинистовъ потребовано отъ него на разсмотрѣніе въ Тайную канцелярію, куда и самъ онъ вскорѣ привезенъ былъ изъ Твери, подъ бдительною стражею и строгимъ надзоромъ. На первый разъ истина восторжествовала, и Теофилактъ былъ возвращенъ, хотя тайно отъ сильнаго своего гонителя, на свою епархію; но скоро онъ снова былъ взятъ и привезенъ подъ стражею въ С.-Петербургъ. Преданъ былъ пыткамъ Тайной

канцеляріи, лишенный сана архіерейскаго и монашескаго, подъ мірскимъ именемъ Θεодора Леонтьева сына Лопатинскаго. Съ паденіемъ Бирона кончились его страданія; по повелѣнію правительницы Анны Леопольдовны, ему возвращена свобода и санъ архіерейскій. Но разслабленное страданіями здоровье не позволило уже ему принять епархію и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ навѣки оставилъ землю, бывшую для него въ полномъ смыслѣ юдолею слезъ и плача.

Въ половинѣ 1732 года, кажется, въ іюлѣ мѣсяцѣ, авилось подметное письмо съ пасквилемъ на Θεофана. Оно состояло изъ двухъ частей: 1) изъ пасквиля, написаннаго на нѣсколькихъ листахъ, и 2) вложеннаго въ него письма отъ папы къ новгородскому архіепископу Θεофану. Пасквиль начинается призываніемъ всей Россіи къ плачу. Тутъ есть жалобы на отложеніе постовъ, на крайнее разореніе народа отъ сборовъ, на крестьянскую бѣдность и проч. Содержаніе пасквиля было такъ обширно, что обхватывало почти всю петровскую реформу открытымъ порицаніемъ или косвенными намеками; но особенно рельефно выражалось сожалѣніе о патриаршествѣ, съ уничтоженіемъ котораго, по мнѣнію неизвѣстнаго автора, пошатнулось самое русское православіе.

Въ пасквиль вложено письмо, присланное будто-бы изъ Рима отъ папы къ Θεофану ¹⁾. Θεофанъ подозрѣваетъ Яковлева, греческаго учителя, въ составленіи пасквиля противъ него и, не находя достаточныхъ къ тому уликъ, переноситъ свое подозрѣніе на другое лицо, именно: на іеромонаха Рѣшилова, вмѣстѣ съ которымъ подозрѣвается и Θεофилактъ Лопатинскій ²⁾. Жизнь и судьба перваго богата разнообразными приключеніями.

¹⁾ Письмо это въ первый разъ напечатано М. И. Семевскимъ въ 1861 г. въ статьѣ его: „Сторонники царевича, Алексѣя“, ст. 1, пр. 93, въ Библиот. для чтенія, 1861 г. кн. 5 и 6. Затѣмъ, у Чистовича: См. Θεофанъ, стр. 409. Копія съ этого письма хранится въ Госуд. Архивѣ, въ дѣлѣ Рѣшилова.

²⁾ См. Дѣла тайной канцеляріи, VII, 368 и 221. Дѣло подъ № 368 тайн. канц. въ Гос. Арх. озаглавливается: „О подозрѣніи Θεофана Прокоповича, Рѣшилова, Маевского, Θεофилакта Лопатинскаго, Дудина и другихъ въ составленіи подметнаго письма и пасквиля“. Дѣло № 221, VII р., о Родышевскомъ и о противникахъ Θεофана Прокоповича. И. М.

Въ 1726-мъ году, Теофилактъ, отправляясь изъ С.-Петербурга въ епархію, взялъ съ собою одного іеромонаха, по имени Іосифа, прозваніемъ Рѣшилова, проживавшаго въ ту пору въ С.-Петербургѣ безъ всякаго дѣла. Будучи прежде раскольниковъ, потомъ онъ присоединился къ церкви и употребляемъ былъ св. синодомъ по разнымъ порученіямъ въ раскольническихъ дѣлахъ. Эта специальность сблизила его съ Теофилактомъ, который завѣдывалъ въ синодѣ раскольническими дѣлами, и, по извѣстному дѣлу о выгорѣвцкихъ раскольникахъ, имѣлъ отъ синода порученіе составить отвѣты на раскольницкіе вопросы, предложенные выговцами Неофиту. Теофилактъ думалъ, что можетъ быть ему самому придется отправиться на Олонецъ и лично говорить съ раскольниками, и надѣялся, что Іосифъ будетъ ему полезенъ своею начитанностію и знаніемъ разныхъ раскольническихъ толковъ, а до той поры можетъ быть употребляемъ для обращенія раскольниковъ его епархіи. И во всемъ этомъ горько обманулся.

Рѣшиловъ былъ человѣкъ пустой и продажный, грубый и наглый проходимецъ, у котораго въ душѣ не осталось, повидимому, ни одного чистаго понятія, ни одного честнаго движенія. Онъ въ грошъ не ставилъ монашество, хотя былъ іеромонахомъ; развратничалъ съ крайнимъ безстыдствомъ, но гдѣ нужно было, ползалъ и пресмыкался съ такимъ-же крайнимъ самоуничиженіемъ. Въ монастыряхъ (тверской епархіи), которыми онъ управлялъ съ званіемъ игумена, онъ не возбуждалъ ничего, кромѣ ненависти, своими притѣсненіями монаховъ и монастырскихъ крестьянъ, хищничествомъ и поборами. Даже снисходительный къ нему Теофилактъ долженъ былъ дѣлать ему иногда строгія внушенія и подвергать его строгимъ взысканіямъ.

„Посланъ ты,—писалъ ему преосвященный Теофилактъ,—во святую обитель (Клобуковскую) въ такомъ надѣянніи, чтобъ ты въ началѣ самъ исправленъ былъ, также и врученное вамъ, какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя, по данной инструкціи, исправлялъ; а нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ постороннихъ людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма недобрые и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ противные, а именно: пріѣхавъ ты въ Клобуковъ монастырь и вшедъ въ св. церковь, изъ алтаря въ цар-

скія двери въ мантии входъ и выходъ имѣлъ, чего во всей Россіи и притомъ никому не дано, кромѣ высшихъ степеней архимандритамъ, а не всѣмъ архимандритамъ, о чемъ и въ настольной грамотѣ сего дерзать не велѣно. Также въ церковь не ходишь, только въ воскресные дни, и для того своего выхода приказываешь, чтобы звонъ былъ и безъ звону не ходишь; а въ поліе-лейные дни праздновать не велишь и звонъ по церковному уставу воспрещаешь; а когда служишь—и въ томъ служеніи діаконовъ не токмо руками бьешь, но и служебникомъ въ нихъ бросаешь. А издревле въ оной обители читали на повечеріи по три канона съ акаѳистомъ: ты оставилъ. О святой обители никакого радѣнія не имѣешь, только по своимъ прихотямъ все старое перелама-ваешь; отчего, за вашими бездѣльными и излишними прихотами и расходами, святая обитель во всеконечное пришла разореніе, а паче и въ Сарышничествѣ твоёмъ влобуковскихъ казенныхъ и собственныхъ твоихъ лошадей, чего настоятелямъ дерзать не надлежитъ. И не токмо, что самъ ты и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, священниковъ и церковно-служителей тирански мучите; но еще по сердцу своему избрали, для бездѣльнаго своего сродства, введеннаго попа Тимоѳея и безъ выбора того города священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе, который, подозрительный съ тобою, по уѣзду ѣздилъ, а для чего и по какому указу, того не объявляетъ. И не токмо священникамъ съ причетники чинить онъ, попъ Тимоѳей, бѣды и разоренія, но въ монастырь пріѣзжая власти ругаетъ. Паче же, что ты церковнымъ вещамъ касаешься, а именно: двѣ чаши серебряныя, которыя для соединенія божественныя службы построены, взялъ ты себѣ въ келью, а вмѣсто тѣхъ поставилъ оловячныя; да и другія церковныя вещи забираешь себѣ въ келью“. Архіепископъ прощалъ ему эти вины, если онъ исправится. „Если же опять на тебя будетъ какое доношеніе, то на глѣвѣ твоёмъ будетъ положеніе немалыхъ ранъ и изверженіе изъ игуменскаго сана. Да ты-жъ, разверзши свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и въ уѣздѣ всѣхъ поповъ разорю, и что взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза залѣплены и никого-де не боюсь“. Письмо ованчивалось собственноручною припискою Теофилакта: „о семъ тебя остерегаетъ

Еофилактъ, архіепископъ тверской и кашинской“. марта 19-го, 1729-го года“.

И такого-то человѣка Еофилактъ принялъ въ довѣренность, и держалъ подлѣ себя, когда видѣлъ на каждомъ шагу измѣну.

Рѣшиловъ сблизился съ другимъ лицомъ, которое также пользовалось довѣріемъ Еофилакта; то былъ калязинскій архимандритъ Іоасафъ Маевскій. Онъ былъ изъ ученыхъ: въ кievскихъ школахъ дошелъ до реторики, слушалъ Еофана, зналъ по латынѣ, но до философіи и богословія не дошелъ. По выходѣ изъ школы постриженъ въ монашество въ Польшѣ, въ Марковомъ монастырѣ, при игуменѣ Мелетіѣ Чайковскомъ; въ 1714 или 1715 г. вызванъ былъ митрополитомъ Дороевемъ Кроткевичемъ въ Смоленскъ, для обученія дѣтей, и оставался тамъ до смерти Дороева; послѣ того выбылъ за рубежъ въ Кытычевскій монастырь, оттуда опять въ Марковъ, а изъ Маркова снова вызванъ былъ въ Смоленскъ къ преосвященному Сильвестру для казанія предики, и жилъ при немъ крестовымъ іеромонахомъ. Въ 1718 году мы встрѣчаемъ его уже іеромонахомъ Невскаго монастыря, куда, по указу Петра Великаго, велѣно было изъ малороссійскихъ монастырей присылать лучшихъ монаховъ въ надежду архіерейства. Изъ Невскаго монастыря новгородскій архіепископъ Еоодосій Яновскій взялъ его къ себѣ и опредѣлилъ архимандритомъ Антоіева монастыря. Послѣ Еоодосія Еофанъ отпустилъ его въ Тверь, гдѣ онъ опредѣленъ (въ іюнѣ 1726 г.) архимандритомъ Калязина монастыря и судьей архіерейскаго дома. По тогдашнему времени, это довольно почетная должность. Въ бытность судьей онъ познакомился съ Рѣшиловымъ, то есть иногда показывалъ къ нему благосклонность, потому что между ними было большое разстояніе.

— „Онъ знатная персона,—говаривалъ Рѣшиловъ,—а я червякъ, котораго всякій растопчетъ“.

Въ интимной бесѣдѣ съ ними Еофилактъ говорилъ много такого, что было не подѣ силу ихъ соображенію и впоследствии навлекло на него много бѣдъ. Съ другой стороны, и эти лица, пользуясь расположеніемъ и слабостію архіепископа, позволяли себѣ много не только неприличнаго, но прямо незаконнаго.

Обоимъ имъ вскружило голову будущее патріаршество Еофилакта. Мечты ихъ основывались на томъ, что въ первое время

послѣ Петра Великаго любители старины ожидали восстановленія патріаршества. Особенно слухи и толки увеличились во времени коронаціи Петра II. Въ народной молвѣ въ числѣ кандидатовъ на патріаршество былъ и Теофилактъ, сторону котораго держали будто-бы князь Д. М. Голицынъ и графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ. Теофилактъ, повидимому, былъ безразличенъ къ этой молвѣ; но окружающіе его, въ сладкихъ мечтахъ, дѣлили ужъ почести отъ будущаго патріарха. Рѣшиловъ мечталъ о епископствѣ, но Иоасафъ обнаруживалъ меньше честолюбія: онъ желалъ только печерской архимандріи послѣ дяди своего Іоанникія Сѣнютювича.

— „Дай Богъ тебѣ быть епископомъ, говаривалъ Рѣшиловъ Иоасафу“.

— „Потерпи старикъ—отвѣчалъ Иоасафъ—будемъ оба люди“. Теофилактъ былъ слишкомъ простъ и до слабости довѣрчивъ къ людямъ и входилъ въ короткость со всѣми лицами, съ которыми сталкивала его судьба, не разбирая—хороши они или дурны, преданы они ему, или пользуются его откровенностію для своихъ цѣлей. Вступая въ откровенные разговоры, какъ-бы спохватившись, спрашиваетъ потомъ: „да ты не предашь-ли меня?“

Въ іюлѣ 1726 года, по полученіи въ Твери указа изъ верховнаго тайнаго совѣта о томъ, чтобы синодальнымъ членамъ изъ архіереевъ не давать никакого жалованья, сверхъ архіерейскаго, Теофилактъ обидѣлся этимъ указомъ и вечеромъ того же дня, бывъ въ печальномъ образѣ, говорилъ судья: „вотъ-де здѣсь жить—всего бойся“.

— „Чего вашему преосвященству бояться?“ спросилъ Иоасафъ.

Вмѣсто отвѣта на это Теофилактъ проговорилъ: „когда-бъ можно гдѣ укрыться или хоть въ Польшу уѣхать, если-бъ то можно было, я-бы радъ былъ и этому“.

Иоасафъ замѣтилъ на это: „ваше преосвященство человекъ присяжный и куда-бъ ни уѣхали, такъ сыщутъ“.

Замѣтить нужно, что Иоасафъ только мѣсяцъ предъ тѣмъ былъ опредѣленъ къ нему судьей изъ Теофановой епархіи.

Въ тѣхъ же числахъ, передъ отъѣздомъ въ С.-Петербургъ, онъ разсуждалъ съ Иоасафомъ о своемъ содержаніи въ Петербургѣ и сказалъ къ разговору, что у него есть тысяча рублей своихъ денегъ—лежатъ у купца Корыхалова. Иоасафъ предло-

жилъ ему, чтобъ онъ и употреблялъ на свои нужды эти деньги до сбора казенныхъ денегъ.

Оеофилактъ, осердясь на это, сказалъ ему: „вамъ дѣла нѣтъ до тѣхъ денегъ. У меня они положены на свою нужду. Не дай Богъ какой на меня бѣды или сошлютъ въ ссылку: то у меня есть добрый Корыхаловъ—не оставитъ“.

Передъ отъѣздомъ изъ Твери въ С.-Петербургъ, въ августѣ 1726 года, Оеофилактъ получилъ указъ изъ синода о высылкѣ Рѣшилова. Послѣдній пришелъ къ Оеофилакту и расплакался передъ нимъ: „я желалъ-бы и умереть при вашемъ преосвященствѣ, чтобъ ваши архіерейскія руки меня погребли“.

Оеофилактъ сдлся на эту мольбу. „Ну, ничего. Вѣдь указы мои же братья архіереи пишутъ, а я и самъ къ нимъ ѣду“. Оеофилактъ взялъ съ собою до Торжка Іоасафа. Дорогою вели разговоръ о Фодосѣ, отъ котораго Оеофилактъ много потерпѣлъ, и о Оеофанѣ, который, говорилъ Оеофилактъ, „хотя мнѣ другъ, ихъ же лютеранскую сторону держитъ“. Послѣ того спохватясь, спросилъ архимандрита: „и ты, судья мой, не ихъ ли духа?“

На это архимандритъ отвѣчалъ, что „никакъ бы и думать того о немъ не изволилъ“.

Въ 1728 году, когда юный императоръ Петръ II ѣхалъ въ Москву для коронаціи, Оеофилактъ, отправляясь также въ Москву, былъ въ Твери, и въ разговорѣ съ Іоасафомъ упоминалъ о книгахъ Стефана Яворскаго, доставшихся ему послѣ смерти Стефана. Іоасафъ вспомнилъ о „Камнѣ вѣры“ и просилъ у Оеофилакта прочесть ее. Оеофилактъ отвѣчалъ, что она скоро будетъ напечатана. „Другъ мой И. А. Мусинъ-Пушкинъ старается о томъ неуспынно, а по немъ князь Д. М. Голицынъ и прочіе“. Вслѣдствіе этого разговора опять пробудились надежды на патріаршество Оеофилакта.

Въ эту же бытность Оеофилакта въ Твери Рѣшиловъ переведенъ изъ Ракова монастыря въ Клобуковъ монастырь игуменомъ. Послѣ того, ввечеру, въ первыхъ числахъ января, при имѣвшихся въ келіяхъ его архіерейскихъ музыкѣ и при пѣніи, за чашею вина поздравлялъ Рѣшилова съ клобуковскимъ игуменствомъ и называлъ „коханымъ прелатомъ“; а Рѣшиловъ сперва поблагодарилъ Оеофилакта, потомъ, держа ставацъ въ рукахъ, сталъ на колѣни и сказалъ: „да здравствуетъ святѣйшій патріархъ всероссійскій“.

Ееофілактъ оглянулся на него прогнѣваннымъ образомъ и, окинувъ взоромъ присутствующихъ, сказалъ: „что ты бредишь?“

Рѣшиловъ заговорилъ другое. Тѣмъ та рѣчь и кончилась.

Въ 1729 году, въ осеннее время, Рѣшиловъ бывъ въ Твери, слышалъ о томъ, что ростовскій архіерей Георгій будетъ патріархомъ, о семъ разговаривалъ потомъ съ Іоасафомъ и сожалѣлъ о Ееофілактѣ, которому, видится, патріархомъ не быть. Въ томъ же году, въ Рождество, Іоасафъ пріѣхалъ въ Москву къ Ееофілакту и привезъ съ собою дѣло Рѣшилова, по жалобѣ клобуковской братіи и монастырскихъ крестьянъ. Въ святки онъ бывалъ у преосвященнаго. Одинъ разъ рѣчь зашла о государѣ. Ееофілактъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что Петръ II, еще въ молодыхъ лѣтахъ, а наставленія добраго, какъ монархамъ принадлежитъ, дать некому; и вспомнувъ нѣкотораго своего друга Зейкона, хвалилъ его благочестіе и ученіе, и говорилъ, что онъ весьма надобенъ былъ въ нынѣшнее время къ наставленію государя въ добрыхъ нравахъ и благочестіи. А нынѣде имѣется учитель Остерманъ, да и того Долгорукіе—чтобъ не часто ему съ его величествомъ видѣться—устрашили: подъ видомъ возвышенія чести дали ему мѣсто въ сенатѣ. А хотябъ-де онъ, Остерманъ, и всегда былъ при государѣ, однако въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, потому что онъ лютеранской вѣры. Надобно-бы его величеству о томъ совѣтовать да некому. Я-бъ и радъ, да не смѣю. А св. синоду согласиться невозможно, за тѣмъ, что преосвященный Новгородскій и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними жъ только знается. При этомъ вспомнулъ о живущемъ въ домѣ Ееофана іеродіаконѣ Адамѣ, что-де и Адамъ его по лютеранскимъ домамъ всегда бѣгаетъ, и у генерала Якова Брюса чуть не живетъ. На это слово о Брюсѣ онъ, архимандритъ сказалъ, что говорятъ будто Брюсъ не лютеранинъ, но атеистъ.

— Они и съ такими знаются—отвѣчалъ Ееофілактъ.

Въ 1730 году Ееофілактъ былъ въ Москвѣ на коронаціи императрицы Анны. По удаленіи изъ синода, въ августѣ этого года, прибылъ въ Тверь и занялся сочиненіемъ противъ Буддея. Іоасафъ ѣздилъ, по порученію его, въ Ригу за покупкою библиотеки протоіерея Ярмирковскаго. Но у опальнаго Ееофілакта сердце чуяло недоброе. Въ январѣ 1731 года Іоасафъ

былъ у Теофилакта. Архіепископъ не могъ скрыть отъ него своего безпокойства.

— „Спать не могу, во снѣ пугаюсь и на яву всегда боюсь“.

— „Чего боитесь, ваше преосвященство“, спросилъ Иоасафъ.

— „Боюсь, чтобъ кто заочно не обнесъ императрицѣ“.

Иоасафъ старался успокоить его.

Теофилактъ отвѣчалъ: „знаю, что императрица милостива; только женское сердце пуще мужскаго“.

Весною 1731 года Теофилактъ посылалъ Иоасафа въ Москву хлопотать объ изданіи книги противъ Буддея и просилъ его не сдѣлаться перекидчикомъ. Иоасафъ обѣщаль, но потомъ предалъ своего архіерея. Въ разговорѣ съ нимъ, Теофилактъ указаль еще на другую книгу своего сочиненія, также противъ лютеранъ, написанную имъ противъ нѣкоторой книжицы Теофана Прокоповича (вѣроятно противъ его книжицы Ига ветхозавѣтнаго).

И. Я. Морошкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

1772—1863.

XXII¹⁾.

Генераль-лейтенанта, генераль-крюгсъ комиссара князя Сибирскаго, потомка сибирскаго царя Кучума, повели изъ С.-Петербурга въ Тобольскъ, столицу его предка, закованнаго въ кандалы, 3,000 верстъ, и съ нимъ товарища его, генераль-лейтенанта Василя Ивановича Турчанинова. Когда довели ихъ до Твери, кандалы кн. Сибирскому и Турчанинову протерли ноги до костей; комендантъ въ Твери, ген.-маіоръ Дибичъ, отецъ фельд-маршала Дибича, приказалъ снять кандалы съ арестантовъ и отправилъ изъ Твери на повозкѣ, за что и былъ выключенъ изъ службы.

Какое сдѣлали кн. Сибирскій и Турчаниновъ преступленіе?

Нарушеніе въ чемъ либо присяги? Утратили, похитили казну государственную?

Нѣтъ, ничего такого Сибирскій и Турчаниновъ не учили. Преступленіе ихъ было въ томъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль лили большіе дожди, отчего дороги сдѣлались непроѣзжими, во многихъ мѣстахъ чрезъ рѣки мосты были раз-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, сентябрь, стр. 365—390, т. XLVIII, октябрь, стр. 55—82, ноябрь, стр. 247—282; декабрь, стр. 473—486.

рушены и отправленные транспорты съ аммуниціею въ полки не могли прибыть въ мѣста назначенія въ опредѣленный по маршруту срокъ. Хлѣбій небесныхъ нельзя (поварать), высоко и далеко стоятъ, князь же Сибирскій и Турчаниновъ были подъ руками.

Мы читали приказъ при паролѣ: „умершему генералу N. N. дѣлается строжайшій выговоръ за незнаніе службы“. Умершій генералъ, вѣроятно, улыбнулся, если до него дошелъ на тотъ свѣтъ этотъ приказъ.

Бригадиръ Афанасій Павловичъ Игнатъевъ уѣхалъ или, лучше сказать, бѣжалъ отъ супруги своей Анны Александровны, рожденной Волковой. Въ Кіевѣ Игнатъевъ, гдѣ его не знали, называлъ себя вдовцемъ и вступилъ во второй бракъ съ дочерью генералъ-лейтенанта Нилуса. Года чрезъ полтора первая супруга Игнатъева узнала о второмъ бракосочетаніи дражайшаго супруга въ Кіевѣ, и подала прошеніе.

Резолюція послѣдовала такого содержанія: „бригадира Игнатъева привести изъ Кіева въ Москву и велѣть ему жить попрежнему съ первой женою, а второй его женѣ велѣть быть попрежнему дѣвицей Нилусъ“. Начало сего повелѣнія относительно первой жены было исполнено во всей его силѣ,—Игнатъева привезли въ Москву, приказали жить вмѣстѣ съ первою женою, онъ и жилъ. Но заключеніе повелѣнія о второй женѣ Игнатъева, г-жѣ Нилусъ, не могло никакъ быть приведено въ исполненіе и сама г-жа Нилусъ, при всей готовности и желаніи, не могла исполнить его.

Нижегородскаго драгунскаго полка офицеръ былъ по ошибкѣ за смертію выключенъ изъ службы. Но какъ онъ былъ живъ, а не мертвъ, то и просилъ шефа полка снабдить его свидѣтельствомъ въ томъ, что онъ, хотя и выключенъ за смертію изъ службы, но онъ живъ, а не мертвъ. Шефъ полка отказалъ выдать ему свидѣтельство, что онъ живой, а не мертвецъ, отзываясь, что за силою (помянутаго выше) приказа онъ не смѣетъ утверждать, что онъ живъ. Офицеръ былъ поставленъ въ такое положеніе, въ какомъ никто изъ смертныхъ не былъ отъ сотворенія перваго человѣка. Ему нигдѣ не было мѣста въ простран-

ной Россіи, онъ былъ лишень имени, всего имущества и кто бы сталъ ему вѣрить въ томъ, что онъ за смертію выключенъ изъ службы. Подалъ прошеніе, умоляя о повелѣніи его живаго считать живымъ, а не мертвымъ. Резолюція на прошеніе послѣдовала такого содержанія: „Исключенному поручику за смертію изъ службы, просившему принять его опять въ службу, потому что живъ; а не умеръ, отказывается по той же самой причинѣ“.

XXIII.

Забитые, запуганные французами австрійцы сознались въ слабости силъ. Австрійскій императоръ просилъ императора Россійскаго о помощи, просилъ войскъ и предводителя фельдмаршала Суворова. Этотъ могучій въ бояхъ воевода былъ въ опалѣ, императоръ Павелъ повелѣлъ Суворову жить въ родовой отчинѣ его, въ Новгородской губ. Фельдмаршалъ жилъ въ ссылке, всякій день ходилъ къ утренней молитвѣ, къ литургіи и молитвѣ вечерней въ храмъ Божій и отправлялъ должность дьячка, читалъ, пѣлъ, лазилъ на колокольню звонить.

Прискакалъ къ нему фельдъегерь, подалъ фельдмаршалу государевъ указъ, и воевода непобѣдимаго войска великой Екатерины сѣлъ въ кибитку и поскакалъ къ царю. Удивилъ царя и царедворцевъ своимъ прибытіемъ; его не ожидали такъ скоро видѣть; подходя къ царю, Суворовъ читалъ вслухъ молитву Господню „Отче нашъ“ и, становясь предъ царемъ на колѣно, сказалъ послѣднія слова: „и не введи насъ во искушеніе“. Павелъ, поднимая Суворова рукой съ колѣна, договорилъ молитву: „но избави насъ отъ лукаваго!“

На другой день императоръ показывалъ на вахтъ-парадѣ Суворову ученье баталіона Преображенскаго полка и спрашивалъ нѣсколько разъ фельдмаршала:

— Какъ вы, Александръ Васильевичъ, находите наше ученье?

— Помилуй Богъ! хорошо, прекрасно, в. в.! да тихо впередъ подаются.

Императоръ вдругъ говоритъ Суворову: „ну, Александръ Ва-

сильевичъ, прокомандуйте по вашему; слушать команду фельд-маршала!“ изрекъ государь.

Фельдмаршалъ побѣжалъ вдоль фронта, увидѣлъ нѣсколько фанаторійцевъ (Фанаторійскій гренадерскій, Таврическій, Екатеринославскій гренадерскіе были любимые полки Суворова), закричалъ: „а есть еще мои товарищи здѣсь?“ прибѣгъ на средину предъ фронтъ и прокомандовалъ: „ружьѣ на перевѣсъ, за мной въ штыки, ура!“ и побѣжалъ впередъ; гренадеры, какъ одинъ, грянули „ура!“ и бросились за фельдмаршаломъ. Адмиралтейство тогда было укрѣплено бастионами, обнесено рвомъ и палисадами; не прошло 10 минутъ, палисадъ былъ опровинуть, гренадеры бросились въ ровъ, перебѣжали по льду, вскарабкались на бастионы и Суворова туда-же подняли и громче прежняго грянули „ура!“ Суворовъ на бастионѣ знамя держать правой рукой, а лѣвою снялъ шляпу, въ знакъ поздравленія государя съ побѣдою.

Павель не говорилъ ни слова. „Ура!“ побѣдоносное и все, что напоминало о лучезарной славѣ безсмертной Екатерины, Павель Петровичъ не жаловалъ.

Фельдмаршалъ Суворовъ на третій день скакалъ уже по дорогѣ въ Вѣну.

Военный кригсратъ потребовалъ отъ него плана кампаніи; Суворовъ показалъ военнымъ совѣтникамъ листъ бѣлой бумаги и сказалъ: „впереди Богъ, за нимъ я, за мною вы—прошу не отставать, вотъ мой планъ!“ Императоръ австрійскій, его кригсратъ на всѣ условія Суворова согласились и чрезъ три мѣсяца не было ни одного француза въ Италиі. Блистательному началу войны, быстро, молніеносно пробѣжавшей въ Италиі, генералъ Корсаковъ, закрыщикъ Александръ Михайловичъ Корсаковъ, худой, дрянной былъ воинъ, но славился искусствомъ выкрапывать мундиры и на ученьяхъ былъ изъ первыхъ эзерцицмейстеровъ; вѣроятно, столь важныя познанія его высокопревосходительства въ искусствѣ военномъ послужили ему одобреніемъ быть предъизбраннымъ командовать отдѣльнымъ 30-ти-тысячнымъ корпусомъ войскъ въ Швейцаріи, гдѣ французскій генералъ Массена разбилъ вѣренныя войска Корсакову, какъ говорится, на голову. Это происшествіе разрушило коалицію, войска наши были отозваны; Суворовъ не пріѣхалъ, а его привезли въ Петербургъ, что-то

удерживало еще бросить его въ Петропавловскую крѣпость, но въ домѣ, для него приготовленномъ, графъ Риминскій, князь Италійскій, Суворовъ жилъ не веселѣе казематнаго,— къ нему не смѣлъ никто прѣзжать. Государь прислалъ къ Суворову любимца своего, Кутайсова, возведеннаго въ графское достоинство изъ брадобрѣвъ е. в., узнать—здоровъ-ли фельдмаршалъ? Когда вошелъ Кутайсовъ къ Суворову, въ орденѣ св. Равн. Андрея, фельдмаршалъ всталъ торопливо съ кресла и спросилъ Кутайсова:

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Оберъ-шталмейстеръ двора е. и. в., графъ Кутайсовъ, присланъ отъ государя императора узнать о здоровьѣ вашего сіятельства.

— Всеподданнѣйше благодарю всемилостивѣйшаго государя. Вы, ваше сіятельство, конечно, человѣкъ иностранный; откуда изволили на Русь выѣхать? у насъ не слыхать было о родѣ графовъ Кутайсовыхъ; давно-ли прибыли къ намъ, съ котораго времени состоите на службѣ е. в.?

Кутайсовъ былъ принужденъ рассказать подробно фельдмаршалу, какъ онъ попалъ въ Россію, имѣвъ счастье быть брадобрѣемъ е. в. и за вѣрную службу государству возведенъ въ графское достоинство.

— „Помилуй Богъ, помилуй Богъ! хорошо, ваше сіятельство, поздравляю, поздравляю васъ, сіятельнѣйшій графъ!“ и закричалъ: „Тришка, Тришка!“ (слуга его—также цирюльникъ и парикмахеръ).

Тришка вошелъ; Суворовъ началъ говорить камердинеру своему: „смотри — указывая на Кутайсова — точи хорошенько бритвы, не дери больно за волосы, когда букли формируешь, — графъ будешь, выслужишься!“

XXIV.

Назначеніе командира войскъ, составлявшихъ вспомогательный корпусъ англійскому войску въ Голландіи, также не по-счастливилось. Генераль Бергъ былъ человѣкъ знающій свое дѣло, да, къ сожалѣнію, любилъ въ стаканѣ дно видѣть; такой молодець и по сердцу былъ главному начальнику англійско-русской арміи, брату короля, если не ошибаюсь, герцогу Кумберланду; но кампанія кончилась однимъ сраженіемъ: Кумберланда, пьянаго, англичане увезли съ поля сраженія, а Берга, пьянаго, по кровопролитной битвѣ, французы взяли въ плѣнъ и весь ввѣренный ему корпусъ остался также у нихъ въ плѣну. При назначеніи Берга командиромъ войскъ, назначенныхъ для высадки въ Голландіи, былъ вызванъ ген.-лейт. Мамаевъ, изучившій военное искусство въ тактикѣ и на практикѣ въ Гатчинѣ. Мамаевъ былъ на славу экзерцицмейстеръ-дока, вотъ что называется у русскихъ людей—„собаку съѣлъ!“ Мамаевъ въ цѣломъ баталіонѣ видѣлъ: ровно-ли у солдатъ поставлены букли, у всѣхъ-ли косы указанной, 9-ти-вершковой, длины; никто лучше его не умѣлъ пригнать на солдатѣ аммуницію (т. е. мундиръ скроить), вычистить мѣдь. Чего-же хотѣтъ еще отъ смертнаго человѣка? развѣ мало вышепоименованныхъ доблестей его превосходительства!... Благоугодно (было) Мамаева назначить помощникомъ Бергу, то-же, что нынѣ начальникъ штаба. Мамаевъ призванъ въ кабинетъ е. в.; географическая карта лежала развернутою на столѣ, государь, подозвавъ Мамаева, сказалъ:

— „Я васъ, сударь, посылаю съ войскомъ, подъ командой графа Берга, въ Голландію“, и, указывая на картѣ Гамбургъ, изволилъ досказать повелѣніе: „здѣсь, сударь, въ Гамбургѣ, сядешь съ войскомъ на корабли и пойдешь моремъ въ Голландію“.

Мамаевъ поступилъ на службу съ бритымъ лбомъ, изъ однопорцевъ Курской губ., Рыльского уѣзда, и остался съ нарѣчіемъ Рыльского уѣзда. Посмотрѣвъ по указанію государя на карту, осмѣлился всеподданнѣйше доложить е. в., что онъ съ полкомъ квартировалъ въ городѣ Имбургѣ, да въ то время тамъ моря не видалъ, а протекаетъ въ городѣ, такъ вотъ, незазорная

рячулка (небольшая рѣка), — гдѣ-же корабли по рячулкѣ, съ полнымъ грузомъ — и стругъ не пройдетъ!

Государь на сей докладъ генерала всемилостивѣйше изволилъ отвѣчать:

— Не Ямбургъ,, а портовый городъ Гамбургъ!

— Виновать, в. в., въ Гамбургѣ на квартирахъ съ полкомъ не стоялъ.

На это государь изволилъ всемилостивѣйше прокомандовать:

— Вонъ!

Но Мамаевъ съѣлъ съ войскомъ на корабли въ Гамбургѣ, его не перемѣнили.

Государь, прогнѣванный гнусными интригами имперскаго епископа, вальмъ, нерѣшительнымъ правленіемъ императора Франца II (въ это время императоръ Францъ именовался императоромъ Римской имперіи и былъ подъ именемъ Франца II), постыднымъ бѣгствомъ начальника англійскаго, герцога Кумберланда, отступилъ отъ союза съ Австрією и Англією.

XXV.

Генераль Бонапартъ возвратился изъ Египта, гдѣ много наворилъ чуднаго и смѣшнаго, опрокинулъ, разрушилъ, 18-го брюмера (ноября), въ Сенъ-Клу, сумасбродное революціонное правленіе, организовалъ консульство и наименовалъ себя первымъ консуломъ, взялъ бразды правленія государственнаго въ свои руки и повелъ Францію на верхъ славы, возвелъ ее въ храмъ славы, поставилъ Францію повелительницею на сушѣ всей Европы; но какъ не было, нѣтъ и никогда не будетъ смертнаго безъ ошибки, отъ сотворенія міра совершенства въ человѣкѣ не видали! Бонапартъ-Наполеонъ, какъ человѣкъ, опибся въ своихъ расчетахъ—и палъ. Изъ поручиковъ артиллеріи Наполеонъ признанъ императоромъ французовъ, былъ повелителемъ во всей Европѣ, на континентѣ всѣ ему покорствовали и выполняли волю его,—и умеръ плѣнникомъ на дикомъ островѣ среди океана.

При соображеніи сихъ событій, вспоминая, что всѣ они совершились въ мою жизнь, что я былъ всему соглядатаемъ, даже участникомъ дѣйствій въ кругу, мнѣ судьбой опредѣленномъ, --

бѣлые на головѣ моей волосы шевелятся и поднимаются дыбомъ. Преклоняю выю и взываю: Господи, судьбы Твои неисповѣдимы, да будетъ воля Твоя!

Обратите вниманіе ваше на дѣйствія сего исполина-генія, вы увидите, что Наполеонъ былъ одаренъ какими-то сверхъестественными качествами, усвоенными человѣку. Онъ соединялъ двѣ крайности, несъ повсюду бѣдствіе, т. е. войну и покореніе, и вмѣстѣ съ распространеніемъ зла приносилъ народамъ покореннымъ величайшее благо на землѣ! Code de Napoléon останется навсегда тіре (символь) благотворнаго закона гражданскаго, человѣкомъ составленнаго; всѣ народы, побѣжденные Наполеономъ, приняли его уложеніе, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ отношеніи мѣстныхъ обстоятельствъ, другіе слѣдуютъ его законамъ, не хотѣвъ признать ихъ торжественно; кичливое самолюбіе ихъ не допускаетъ къ открытому сознанию. Онъ разрушилъ крамолу безначалія, засвѣтилъ фаресь неугасаемый у народовъ, желаніе имѣть правленіе по закону, а не по произволу.... Онъ возстановилъ въ обществѣ 30-ти милліоновъ святу ю вѣру, ученіе Богочеловѣка Спасителя нашего Иисуса Христа. Уничтоженіе Наполеона повлекло за собою гибельныя слѣдствія; видимъ въ цѣлой Европѣ, можно сказать, въ цѣломъ мірѣ умъ народовъ въ броженіи, видимъ держащую власть въ изнеможеніи, не обезсиленную, не лишенною средствъ сохранить благоустройство и порядокъ, но какое-то непонятное равнодушіе, постыдная боязнь, малодушіе, вялое дѣйствіе, отсутствіе энергіи овладѣло всѣмъ и ничтожная, въ отношеніи къ цѣлому, менѣе, нежели горсть, пылинка тревожитъ, колеблетъ величайшую необъятную гору! Что значать два, три милліона возмутителей въ числѣ 500 милліоновъ? капля въ морѣ! При Наполеонѣ не могло бы зло сіе разлиться все ниспровергающею лавою. Онъ во время своего консульства, менѣе, нежели въ три мѣсяца, подавилъ крамолу якобинцевъ; они спрятались въ безднѣ неизвѣстности, какъ злые духи на днѣ ада, какъ бури, прикованныя Эоломъ цѣпами въ ущельяхъ горъ. Наполеонъ зналъ общаго двигателя—золото, онъ не жалѣлъ золота и посредствомъ сего повѣреннаго въ дѣлахъ зналъ все и всѣхъ.

Онъ никогда не видалъ императора Павла, никогда не имѣлъ никакого съ нимъ сношенія; повелитель сѣвера считалъ его злымъ крамолы распространителемъ. Царь ошибался и Наполеонъ

однимъ предложеніемъ царю перемѣнилъ въ самодержавномъ о себѣ невыгодное мнѣніе въ самое благопріятнѣйшее, лестное и видамъ его (Наполеона) полезное. Наполеонъ приказалъ 10 или 12 тысячъ человекъ войска, плѣненныхъ съ Бергомъ и Мамаевымъ въ Голландіи, обмундировать въ тонкое, лучшее сукно, каждаго по образцу мундира, въ какомъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, и прислалъ императору Павлу списокъ всѣхъ чиновъ, въ плѣну во Франціи находившихся, предлагая е. в. отпустить всѣхъ въ Россію безъ всякаго выкупа. Это было сдѣлано Наполеономъ при первой возможности по возстановленіи порядка во Франціи. По отозваніи россіянъ изъ Италіи и Германіи, Наполеонъ растрепалъ войска императора Франца до основанія. Войскамъ Франціи было потребно только время на переходъ до мѣста, гдѣ угнѣздились нѣмцы за окопами на полѣ и въ крѣпостяхъ, какъ огурцы, на градѣ выросшіе.

Императоръ Павелъ отправилъ г. Колычева къ Наполеону посломъ, а вскорѣ потомъ былъ посланъ генераль отъ инфантеріи и командиръ гвардіи Семеновскаго полка, Василій Ивановичъ Левашевъ, для заключенія военной конвенціи противъ Англіи. Планъ Наполеона былъ геніальный, сходный съ карагенскимъ воеводой, Ганнибаломъ: громить Англію въ сердцѣ источника богатствъ и могущества ея, въ Индіи. Для сего было предположено послать Россіи, богатой всадниками легкой иррегулярной кавалеріи, отъ Оренбурга, чрезъ степи, сколько возможно болѣе легко-коннаго войска, которое, какъ предполагалъ Наполеонъ, въ чемъ и не ошибался, при появленіи на предѣлахъ Индіи, будетъ увеличено до невѣроятнаго числа; всѣ индійцы, подавленные ужаснѣйшимъ игомъ рабства—англійскаго владычества, присоединятся къ войску присланному, какъ освободителямъ ихъ отъ несноснаго бѣдствія. Онъ самъ (Наполеонъ) пройдетъ, съ арміею въ 400 тысячъ, среди Россіи до береговъ Волги и, спустясь по рѣкѣ до Астрахани, сядетъ на мореходныя суда и пересѣчетъ Каспійское море въ прямой линіи къ пристани Астрабадъ, отъ котораго до Индіи караваннаго хода считаютъ не болѣе трехъ недѣль и на пути всюду можно добыть воду, которая, въ углубленіи 5—6 футъ, пробирается въ пескахъ въ море. Наполеонъ говорилъ: „намъ потребно время только до-

стигнуть предѣловъ Индіи, а для уничтоженія владычества Англіи—три, четыре мѣсяца“.

Конвенція заключена, съ Англіею послѣдовалъ разрывъ, на всѣ суда англійскія, при всѣхъ приморскихъ портахъ, наложено амбарго, капитаны и матросы отведены во внутреннія губерніи государства.

Кронштадтъ и окружающія его крѣпостцы вооружены, увеличены, построены новый рисбанъ, — укрѣпленіе, съ котораго 300 крѣпостныхъ картаульныхъ орудій изрыгаютъ смерть и разрушеніе по направленію въ одинъ пунктъ; чтобы подойти къ крѣпости, непріятельскіе корабли должны проходить мимо рисбанка гусемъ, корабль за кораблемъ; фарватеръ, потребная глубина ходу корабля, въ этомъ мѣстѣ не позволяетъ другаго маневра. Въ Петербургѣ 5 или 6 тысячъ извозчиковъ, въ продолженіе всей зимы, возили въ Кронштадтъ по льду лѣсъ для построенія укрѣпленій.

XXVI.

Императоръ Павелъ изволилъ вспомнить, что командиръ казачьему войску, легкой конницѣ, хранится въ казематѣ Петропавловской крѣпости, какъ соленый огурецъ въ банкѣ съ уксусомъ, чтобы не потерялъ вкуса.

Теперь слѣдуетъ рассказъ изустный атамана Матвѣя Ивановича Платова, слышанный мною 1812 года на Соловьевской переправѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ г. Дорогобужа.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ былъ съ графомъ Матвѣемъ Ивановичемъ Платовымъ дружески знакомъ; я былъ при Строгановѣ старшимъ адъютантомъ гренадерской дивизіи. На берегу Днѣпра, куда отъ слѣдовавшаго за нами непріятели долетали даже ружейныя пули, его сіятельство гр. М. И. Платовъ изволилъ праздновать день своихъ именинъ; его сіятельству, въ этому дню, привезли съ Дона атаманскій кусъ, икру, балыки, вино донское. Гр. П. А. Строгановъ командовалъ ариергардомъ; у насъ было очень голодно и мы были очень обрадованы предложеніемъ трапезы сытной и вкусной, а время было свободное,

мы перешли Днѣпръ, сожгли за собою мосты, были спокойны: французы не смѣли насъ атаковать, чрезъ рѣку мосты строить имъ было невозможно. Графъ Платовъ (буду говорить его нарѣчіемъ): „а, слышь, гр. П. А., ты вѣдаешь, я съ персидской войны, за то, что не допустилъ персіянъ отрѣзать голову гр. Вал. Алекс. Зубову, командовавшему въ персидскомъ походѣ войскомъ, былъ брошенъ въ казематъ Петропавловской крѣпости“; при сихъ словахъ гр. Платовъ наклонилъ лысую свою голову и сказалъ: „вотъ, гр. П. А., кудри мои вылѣзли въ казематъ! Я каждый день, въ зимнее время, угоралъ въ проклятой хатѣ; какъ натопятъ печь изъ корридора, пойдетъ въ хатѣ чадъ, глаза ѣсть, какъ отъ хрѣна; я тяжело былъ въ казематѣ болѣнъ горячкою, желалъ смерти, какъ благодати небесной, но Богу было (угодно) сохранить меня до сего часа. Мышь, крыса бѣгала по мнѣ, сначала мнѣ гадило, а напоследокъ я къ этому гаду, а онъ ко мнѣ, другъ къ другу привыкли; ко мнѣ никогда никто не приходилъ, никто со мною не говорилъ; свита была мнѣ дана, какъ меня запирали въ казематъ, затрапезный халатъ, и съ того времени желѣзная дверь въ тюрьму ко мнѣ не отворялась. Ну, слышь, гр. П. А., я дни и счетъ забылъ, свѣтъ проходилъ въ казематъ сверха, въ окошечко, величиною въ лазейку, прорубаемую въ дверяхъ житницъ для лаза кошекъ.

„Вотъ, государь мой, услыхалъ я въ корридорѣ гамъ, говоръ людей и часъ-отъ-часу гамъ приближался, наконецъ, услышалъ я поворотъ ключа въ замѣѣ дверей. Я сотворилъ крестное знаменіе и подумалъ, видно, пришелъ мой часъ положить голову на плаху. Благодарю Тебя, Господи! Прости, отпусти мои прегрѣшенія! Ключъ щелкнулъ, замокъ отомкнулся, дверь заржала и отчинилась. Блеснувшій свѣтъ отъ фонарей съ зажженными свѣчами ошеломилъ меня, графъ П. А.! Я одурѣлъ; на меня омакъ накати! Комендантъ крѣпости, вн. Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, вскливалъ меня:

— „Матвѣй Ивановичъ, государь императоръ повелѣтъ соизволилъ, чтобы вы, какъ можно скорѣе, явились къ е. в. во дворецъ!“

„Я сначала думалъ, что это греза сонная или навожденіе сатаны лукаваго, сотворилъ крестное знаменіе, вижу Долгорукій стоитъ передо мною и еще человѣка четыре офицера, вижу отъ крестнаго знаменія не сокрушились, удостовѣрился, что они

люди, присланные отъ царя, а не дьявольское навожденіе, и молвилъ князю Долгорукову:

„Да какъ-же мнѣ во дворець, на мнѣ вся свита истлѣла“. Меня вынули изъ каземата, нагнули шинель на плечи, отвели въ покои къ коменданту, гдѣ уже была приготовлена снятая съ меня казачья одежда; цирюльникъ обрилъ мнѣ бороду, сколько было возможно, обмыли, умыли меня, дали бѣлье чистое, одѣли въ казачій нарядъ и фельдъегерь помчалъ меня на саняхъ во дворець. Вотъ, слышь ты, гр. П. А., минутъ много черезъ 10 я уже стоялъ въ царскомъ чертогѣ, предъ свѣтлыми очами великаго государя. На длинномъ столѣ лежалъ раскатынъ длинный плантъ (ландварта) и планчикъ (картмейстерскаго штата офицеръ) при томъ стоялъ. Великій государь молвилъ мнѣ: „подойди сюда (къ столу, на которомъ лежала ландварта), Матвѣй Ивановичъ!“ и, указавъ перстомъ на плантъ, изволилъ молвить:

— „Видишь эту дорогу на плантъ, это прямой путь отъ Оренбурга въ Индію“.

Я видѣлъ на плантъ написанную длинную, узенькую линейчку, а по обѣ стороны ея бѣлая, какъ снѣгъ, бумага.

— „Вижу, отвѣчалъ я, великій государь.“

— „Ты знаешь эту дорогу, она знакома тебѣ?“

„Меня какъ морозъ по кожѣ подернулъ, что сказать? да вспомнилъ казематъ; сказалъ: „знаю, ваше величество!“ Вишь, слышь, гр. Павелъ Александровичъ! Богъ меня надоумилъ сказать „знаю“, скажи я: „не знаю“, мнѣ поворотили бы оглобли въ казематъ. А я лучше въ адъ, чѣмъ въ крѣпость, лучше голову на плаху, чѣмъ въ казематъ.“

— „Ты пройдеши по этой дорогѣ въ Индію, Матвѣй Ивановичъ? спросилъ меня царь.“

— „Пройду, великій государь! отвѣтъ держалъ я, а себѣ на умѣ: хотъ къ лукавому скажи — пойду, абы не въ казематъ.“

— „Я всегда былъ, Матвѣй Ивановичъ, доволенъ твоею службою и любилъ награждать тебя, вымолвилъ великій государь.“

„Меня, слышь, гр. Павелъ Александровичъ, опять ошеломило. Подумалъ я: да когда-же великій государь видѣлъ мою службу? Я лишь привелъ на Донъ казаковъ изъ Персіи, меня арестовали и фельдъегерь повезъ меня прямо въ Петропавловскую (крѣпость), а награду, какую я отъ великаго государя былъ

жалованъ, не дай Богъ видѣть лихому татарину. Я повлонился царю обруку до земли (земли) и молвилъ:

— „Благодарю васъ, великій государь!

— „Ты поѣдешь, Матвѣй Ивановичъ, на Донъ, посади тамъ на конь всѣхъ, кто только сидѣть на конѣ можетъ и пику держать: съ этимъ detachmentомъ ты, не медля, иди въ Оренбургъ, гдѣ военный губернаторъ Бахметевъ (Николай Николаевичъ) дастъ тебѣ языковъ (толмачъ, переводчикъ) и все, что для похода будетъ нужно; также квартирмейстерскій офицеръ тамъ къ тебѣ явится, онъ будетъ отсюда въ Оренбургъ въ тотъ-же день командированъ, въ который ты поѣдешь на Донъ.

„Я, слышь, гр. Павелъ Александровичъ, молчу, да кланяюсь великому государю и все мнѣ не вѣрится, думаю, не сонъ-ли это мнѣ грезится, не искушеніе-ли это лукаваго? Ну, а знаменія-то крестнаго сотворить не смѣлъ. Да скажи, графъ, хоть ты, кому то ни было на моемъ мѣстѣ показалось бы сонною грезю, что мнѣ казалось. Три года не видалъ я свѣта Божія, запертый въ казематѣ, какъ мертвецъ въ могилѣ! Отъ меня несло еще могилою, еще вѣтромъ не обдуло, не освѣжило меня, еще я не опаматовался путемъ. И вотъ я въ чертогахъ царскихъ и великій государь царства русскаго бесѣдуетъ со мною и говорить мнѣ: „сядь, Матвѣй Ивановичъ, я тебѣ словесно кой о чемъ накажу!“ Ну, скажи, другъ, графъ, а, слышь ты, кто не подумалъ бы, что это не чуха?“

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ улыбнулся, а за нимъ и мы, человекъ десятокъ разнаго чина, зубы оскалили.

„Ну, вотъ, государь мой, слышь ты, графъ Павелъ Александровичъ, сѣлъ я подлѣ царя, а самъ себѣ думаю, не князь-ли тымы, самъ сатана со мной проказить? да вспомнилъ—на мнѣ былъ крестъ, робость-то съ меня и свалила, я приготовился слушать изустный наказъ великаго государя.

— „Съ дороги, Матвѣй Ивановичъ, ты посылай чрезъ сутки казака съ вѣстью въ Оренбургъ къ Бахметеву, не съ рапортомъ, рапортъ посылай прямо ко мнѣ въ недѣлю одинъ разъ; Бахметевъ будетъ мнѣ доставлять твои рапорты. Черезъ три дня, Матвѣй Ивановичъ, ты можешь отправиться.

„Я, слышь ты, гр. Павелъ Александровичъ, поклонился государю объ руку и молвилъ:

— „Ваше величество, я готовъ, когда вамъ, великій государь, будетъ угодно повелѣть.

— „Нѣтъ, Матвѣй Ивановичъ, погости у меня; ну, теперь прощай, ступай отдыхай.

„Я, слышь, ударилъ челомъ царю и вышелъ изъ кабинета, да и не знаю, куда мнѣ дѣться. Когда привезли меня въ крѣпость, я никого не видалъ и меня никто. Гдѣ я былъ три года, никто ни въ Петербургѣ, ни у насъ, на Дону, не зналъ. Думаю, куда пойдешь, дѣло ночное! Я спросилъ дворцоваго слугу, не знаетъ-ли онъ квартиры, гдѣ бы я могъ ночлеговать.

— „Да развѣ вы пріѣзжій? спросилъ меня слуга.

— „Пріѣзжій, отвѣчалъ я.

— „Да гдѣ-же вашъ экипажъ?

„Я, слышь, немного вотъ спутался въ рѣчахъ, прежде сказалъ ему—не знаю. а потомъ—у меня нѣтъ экипажа; сказалъ правду: изъ крѣпости во дворецъ примчалъ меня фельдъегеръ въ обшевняхъ,—какого экипажа еще спрашивать, подумалъ я. Слуга дворцовый поглядѣлъ на меня, какъ вотъ на говядину, и сказалъ: „коли вамъ негдѣ пріютиться, вотъ за канавой трактиръ Демута, тамъ возьмите номеръ“.

— „А гдѣ твой Демуть? спросилъ я слугу.

— „Какъ, сударь, вы и этого не знаете, гдѣ трактиръ Демута! Да трактиръ Демута знаютъ въ Петербургѣ и старый, и малый; видно, вы издалева сюда пріѣхали?

„Я, слышь ты, гр. Павелъ Александровичъ, подумалъ про себя: не издалева, и поблизку жиль, а ничего не зналъ и не знаю.

— „Да, издалева, отвѣчалъ я, ты видишь, я казакъ; проводи меня къ твоему Демуту.

— „Я не могу уйти съ дежурства, а велю истопнику васъ проводить.

„Истопникъ проводилъ меня. Ну, вотъ, у Демута, хоть и поздно было, а еще не спалъ приващикъ трактира, номеръ мнѣ тотчасъ показали, да и слышь, гр. Павелъ Александровичъ, новая суматоха: пожалуйте, сударь, вашъ видъ или подорожную, или паспортъ, что у васъ есть; мы обязаны сію-же минуту все это представить квартальному офицеру, да развернулъ передо мною книгу разлинованную, сказалъ: „а здѣсь въ книгѣ извольте на-

писать чинъ, имя, отчество, фамилію ваши, въ службѣ или въ отставкѣ, сколько при васъ слугъ, откуда пріѣхали, сколько времени намѣрены пробыть въ Петербургѣ“.

„Слышь, гр. Павелъ Александровичъ, прикащикъ засыпалъ меня вопросами и я сталъ въ пень, не знаю, какъ отвѣчать ему. Какъ скажешь, что прибылъ изъ крѣпости въ Петербургѣ, а къ нему пришелъ изъ дворца, что былъ у царя въ кабинетѣ и сидѣлъ близъ е. в. Подумалъ, пожалуй, отведутъ еще въ частный домъ подъ караулъ. Оно, вотъ, въ частномъ домѣ, въ сибиркѣ (такъ называютъ комнату, въ которую запираютъ бродягъ, пьяныхъ буяновъ), не такъ жестко и круто, какъ въ крѣпости, да все подъ карауломъ! Сказалъ прикащику: „Сдѣлай, другъ, одолженіе, дай мнѣ отдохнуть, да выспаться: меня разбило дорогою, весь станъ, всѣ кости болятъ; да пошли подъ Невскій къ молдцамъ нашимъ, казакамъ, сказать, что Платовъ у тебя, заплачу, сколько хочешь!“

„Прикащикъ, спасибо, послушалъ, согласился исполнить, что я приказалъ ему, приказалъ слугѣ быть у меня въ номерѣ для услугъ и я, намааявшись черезъ три года, повалился на кровать и, не раздѣваясь, заснулъ богатырскимъ сномъ на матрасѣ“.

Черезъ три дня Матвѣй Ивановичъ Платовъ скакалъ на Донъ, въ качествѣ главнокомандующаго всего Дона; въ свитѣ его находилось не одинъ, но много фельдъегерей для исполненія его приказаній, а за три года предъ симъ одинъ повезъ его съ Дона въ крѣпость Петропавловскую!

Матвѣй Ивановичъ прибытіемъ на родину, землю казацкую, обрадовалъ родныхъ, добрыхъ друзей, товарищей, съ которыми гарцовалъ въ полѣ противъ враговъ государства, но, вмѣстѣ, прибытіе его поразило казаковъ горестью невыразимою, когда прочли указъ царя поднять весь Донъ и идти черезъ степи невѣдомыя въ Индію; казаки закручинились, склонили головы и уныло отвѣчали: „да будетъ воля Божія и его царскаго величества съ нами!“

53 тысячи чловѣкъ казаковъ сѣло на конь и они, подъ предводительствомъ Платова, выступили къ Оренбургу по разнымъ направленіямъ; здѣсь было сборное мѣсто, отсюда казаки должны были двинуться на степь, какъ корабль на океанъ необозримый.

По воспослѣдованіи кончины императора Павла отъ удара, въ ночь на 12-е число марта 1801 года, посланный фельдъегерь, съ высочайшимъ повелѣніемъ Матвѣю Ивановичу Платову воротиться съ войскомъ на Донъ, достигъ войско въ степи, въ 800 верстахъ разстоянія отъ Оренбурга.

Казаки потеряли много людей отъ болѣзней.

XXVII.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины англичанинъ-торгашъ Гой пробрался въ Россію съ мелочнымъ запрещеннымъ товаромъ чрезъ Швецію и Финляндію. Гой ходилъ по домамъ съ ащичкомъ, продавалъ ножики перочинные, ножницы, ухвертки, перчатки шведскія и прочія разныя мелочи, преимущественно потребныя для руководѣлія дамамъ. Гой былъ въ цѣломъ городѣ извѣстенъ, вхожъ въ дома знатныхъ бояръ и контрабандная его торговля, подъ мощнымъ покровительствомъ царедворцевъ, не встрѣчала ни малѣйшаго препятствія. Увидите, что Гой, чрезъ 15—16 лѣтъ своего пребыванія въ Петербургѣ, въ 1812 г., отправился въ Англію тѣмъ путемъ, чрезъ Финляндію и Швецію, и, сдавъ магазинъ (англійскій) прикащику Плине, перевелъ 10 милліоновъ рублей капитала, приобрѣтеннаго имъ въ Петербургѣ!

По заключеніи конвенціи между императоромъ Павломъ и консуломъ Наполеономъ, хитрый, проникательный, нагло-дерзкій умъ перваго въ Англіи министра, Пита, затрепеталъ. Онъ видѣлъ въ соединеніи великаго генія съ желѣзною волею челоуѣка, неограниченно повелѣвающаго 60-ю милліонами народа, возможность не только отторженія Индіи, но и паденіе самой Англіи, перемѣщеніе въ первобытную ея категорію второстепенныхъ державъ. Правительство или министерство, или правила политической системы Англіи,—назовите это, какъ угодно,—дозволяютъ всѣ средства къ достиженію предположенной цѣли!... Всякое гнусное, отвратительнѣйшее средство къ уничтоженію препятствія въ политикѣ Англіи всегда благосклонно принято, одобрено и поощрено обѣщаніями наградъ.

Сняли опалу съ Зубовыхъ; они вызваны были въ Петербургъ ко двору,—не помню твердо, въ концѣ 1799 или въ 1800 году. Валеріанъ былъ назначенъ директоромъ втораго кадетскаго корпуса. О Платонѣ (кн.) не помню—былъ-ли онъ опредѣленъ на службу или нѣтъ, но они оба были милостиво приняты у двора.

Умѣстно вспомнить объ англичанинѣ Гой, продававшемъ въ ящичкѣ ножи и ножницы. Гой, въ 1801—1802-хъ годахъ, вдругъ открылъ огромный магазинъ, наполненный на милліоны разныхъ товаровъ.

XXVIII и XXIX.

11-го числа марта—Павель Петровичъ свончался; такъ было угодно неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго.

12-го марта 1801 г. съ ранняго утра, какъ только начало свѣтать (въ три часа утра), всѣ полки гвардіи дали присягу на вѣрность императору Александру I, возвращались въ казармы съ барабаннымъ боемъ, музыка играла, слѣдовательно, въ три часа утра до напечатанія еще манифеста о вступленіи на прародительскій тронъ Александра I, всѣ уже знали, что родитель императора преселился.

12-го числа марта англичане стояли у воротъ домовъ, гдѣ жили, съ корзинами, наполненными бутылками разныхъ винъ, и подчивали всѣхъ проходящихъ виномъ въ большихъ кружкахъ, бокалахъ, у кого какая утварь случилась, поздравляя россіянъ со вступленіемъ Александра I на тронъ. Не должно и о томъ умолчать, что и россіяне, встрѣчавшіеся на улицахъ, не будучи знакомы, обнимались, цѣловались и взаимно одинъ другаго поздравляли. . . . На другой-же день торговцы винъ послали нарочныхъ въ Ригу и Москву скупить тамъ шампанское вино и отправить въ Петербургъ,—такъ много требовали шампанскаго вина, что торговцы не надѣялись удовлетворить требованіе своими запасами.

Бываютъ случаи, что и рабъ можетъ оказать великое благодѣяніе царю, обязать неограниченнаго своего повелителя навсегда незабвенною благодарностью! Это сдѣлалъ Дмитрій Про-

кофиевичъ Трощинскій, бывшій докладчикъ дѣлъ у Екатерины II (докладчикъ — то-же, что нынѣ статсъ-секретарь).

Трощинскій былъ повѣтчикомъ въ канцеляріи генераль-прокурора сената, вн. Александра Алексѣевича Вяземскаго; конечно, ни лицей, ни школа правовѣдовъ не образуютъ такихъ повѣтчиковъ, каковы были Васильевъ (графъ), Трощинскій (министръ юстиціи), Алексѣевъ, Ананьенскій (сенаторы). Что сдѣлалъ Трощинскій?

Заставили Козицкаго написать манифестъ о восшествіи на тронъ Александра. Козицкій написалъ манифестъ, который остался бы на вѣчныя времена посрамленіемъ и укоромъ императору Александру. Козицкій, объявляя о кончинѣ императора Павла, послѣдовавшей отъ апоплексическаго удара, высчитывалъ дѣйствія повойнаго.... Трощинскій остановилъ тисненіе сего манифеста, написалъ другой и однимъ словомъ: „Буду царствовать по стопамъ любезной бабки нашей, въ Бозѣ почившей императрицы Екатерины“,—сими словами Трощинскій приковалъ пламенною любовію сердца младому ихъ императору; любовь сія Александру осталась непоколебима до его кончины, она и до нынѣ еще не охладѣла въ сердцахъ россиянь, не смотря на послѣдніе годы царствованія его, когда апатія и непонятное хладнокровіе увлекли, усыпили Александра до такой степени безпечности, что онъ ввѣрилъ правленіе государства невѣждѣ Аракчееву, чело-вѣку, оглашенному во всей имперіи злолюбіемъ и тиранствомъ.

И есть люди, благодаря Бога, принадлежащіе къ новому поколѣнію, которые дерзаютъ злословить Екатерину, поносить правленіе ея царствованія, когда видѣли, что одно обѣщаніе царствовать по ея правиламъ было достаточно воспламенить сердца искреннѣйшею любовію, успокоить умы 60-ти милліоновъ народа, и есть неистовые негодяи, безумцы, дерзающіе называть Екатерину II (не вполнѣ нравственною).

XXX.

Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, генераль-аншефъ, служившій отлично въ семилѣтнюю войну противъ Фридриха II, проименованнаго Великимъ, королемъ-философомъ (Еропкинъ—потомокъ Еропки, кн. во время Мономаха), въ царствованіе Екатерины II былъ президентомъ соляной канцеляріи въ Москвѣ; обязанность этой канцеляріи состояла въ распоряженіи доставленія соли для народнаго продовольствія во всемъ государствѣ. Для исполненія сего многотруднаго и многосложнаго распоряженія, штатъ канцеляріи состоялъ: президентъ одинъ, совѣтниковъ 2, ассесоровъ 2, прокуроръ 1, два секретаря, 4 повытчива и челобѣкъ 20 писцовъ, по тогдашнему канцелярскихъ служителей. Соль казна продавала 40 коп. пудъ во всѣхъ мѣстахъ имперіи, по курсу нынѣшнему 11¼ коп. пудъ. Бояринъ Еропкинъ—въ царствованіе Екатерины въ Россіи видѣли еще бояръ родовыхъ дворянъ, которые пребывали непоколебимо царю вѣрно-подданными, смѣло говорили неограниченному повелителю правду, не боялись опалы, вляли за правду головы на плаху! Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, во время продолженія войны противъ турокъ, зная хорошо о потребностяхъ на содержаніе арміи и потому о чрезвычайныхъ расходахъ государственнаго казначейства, просилъ у императрицы дозволенія прибыть въ С.-Петербургъ и имѣть счастье всеподданнѣйше поднести ея величеству докладъ о продовольствіи народа солью. Екатерина милостивѣйше соизволила отозваться на его представленіе, дозволила прибыть въ Петербургъ, сказавъ въ рескриптѣ своемъ:

— Я всегда рада такому гостю!

Еропкинъ пріѣхалъ въ Петровъ градъ; это было лѣтомъ. Императрица жила въ Царскомъ селѣ. Петръ Дмитріевичъ представилъ Екатеринѣ проектъ о возвышеніи цѣны на соль еще столько, по какой цѣнѣ продается, т. е. вмѣсто 40 коп. продавать соль 80 к. пудъ. Екатерина, выслушавъ представленіе, отвѣчала Еропкину:

— Петръ Дмитріевичъ, оставь у меня проектъ, я его одна прочту, подумаю и скажу тебѣ мое мнѣніе.

Черезъ нѣсколько дней явился къ Еропкину камердинеръ ея величества доложить его высокопревосходительству о приглашеніи быть у государыни на другой день, въ назначаемый часъ.

Явился Еропкинъ въ назначенный часъ, государыня милостивѣйше приняла его, усадила его противъ себя въ кресла и начала рѣчь:

— Благодарю васъ, Петръ Дмитріевичъ, за вашу преданность къ престолу и усердіе къ пользамъ казны, я прочла проектъ вашъ, но, скажу вамъ откровенно, я нивакъ не ожидала отъ васъ такого предложенія и вы худо меня знаете.

Старикъ словами государыни былъ приведенъ въ недоумѣніе, не могъ проникнуть къ чему рѣчь ея клонится; лице его показало смущеніе; Екатерина сказала:

— Не безпокойся, Петръ Дмитріевичъ, я люблю, уважаю тебя, желаю, чтобы всѣ такъ, какъ ты, служили отечеству и мнѣ; какъ тебѣ пришла мысль о возвышеніи цѣны на соль? Вѣдь это приправа пици бѣднаго, необходимо необходимая для его здоровья; нѣтъ, никогда не соглашусь возвышать цѣны или дѣлать налоги на жизненные потребности!

Еропкинъ, со слезами, просилъ всемилостивѣйше простить его; государыня отвѣчала ему:

— Не безпокойся, почтенный старецъ, я искренно люблю тебя и уважаю,—это останется между нами.

Еропкинъ сталъ на колѣни и говорилъ:

— Нѣтъ, матушка-государыня, дозвожь мнѣ всѣмъ говорить о твоёмъ милосердіи и любви къ народу и о моёмъ дерзновеніи утруждать величество.

Государыня встала изъ-за бюро, подала руку Еропкину, чтобы помочь подняться съ колѣнъ, дошла до дверей кабинета и когда Еропкинъ выходилъ, Екатерина громко изволила сказать ему:

— Я надѣюсь, Петръ Дмитріевичъ, ты погостишь у меня въ селѣ, посмотришь, погуляешь въ саду, я знаю, ты хорошій хозяинъ.

До сего времени порицають, поносятъ Екатерину, говорятъ о ней, какъ женщинѣ, преданной сладострастію. Отзывъ ея на представленный проектъ П. Д. Еропкину доказываетъ, что она любила народъ русскій, непрестанно заботилась о благоденствіи его, о просвѣщеніи народа не швольнымъ педантскимъ обра-

зомъ, изученіемъ нелѣпостей, вовсе не полезныхъ, которыя всегда останутся массѣ народа недоступными, но изданіемъ узаконеній благотворныхъ, ограждающихъ и защищающихъ быть всѣхъ и каждаго въ кругу его сословія,—вотъ въ чемъ состоитъ образованіе народа и онъ его пойметъ и останется бытомъ своимъ доволенъ.

Что сказать о паденіи нравственности въ ея время? въ послѣдующія ея царствованію развратъ дошелъ до степени, скажу, уравненія, т. е. немногіе могутъ выкинуть камень въ окно, не подвергаясь смертному грѣху—отцеубійству!

Эмансипація въ обществѣ высшаго круга, что называютъ *le bon ton*, дошла до высшей степени образованія! Мужья не только не обращаютъ вниманія на поведеніе супруговъ своихъ, но сами споспѣшествуютъ, пріискиваютъ имъ угодниковъ, даже заключаютъ съ ними условіе, конечно, безъ записанія у гофмаклера въ книгѣ, однако-же при засвидѣтельствovanіи съ обѣихъ сторонъ благородныхъ, знатнаго происхожденія лицъ, и платятъ обязавшемуся, предварительно избранному супругою, ежегодно, значительную сумму по условію денегъ, за исполненіе супружескихъ обязанностей. Этого въ царствованіе Екатерины не существовало!

Упрекаютъ Екатерину за введеніе откупа на продажу вина. Она всегда говаривала: „это произвольная подать, полиція ея не собираетъ, ей предписано выгонять изъ кабака, а не приглашать туда народъ“.

Во все время ея царствованія, кабаки оставались на разстояніи, какъ они съ давнишнихъ лѣтъ существовали, въ 25 верстахъ кабака отъ кабака на большой дорогѣ; въ селахъ, въ сторонѣ отъ большой дорогѣ стоящихъ, дозволялись въ храмовые праздники суточные выставки и въ селеніяхъ, въ которыхъ бывають торги и ярмарки крестьянскіе. Въ царствованіе Екатерины дворянамъ запрещалось торговать въ кабакахъ виномъ; ихъ занятіемъ было сельское хозяйство, земледѣліе и доходы дворянъ составлялись отъ хлѣбопашества, отъ скотоводства и частію въ Россіи отъ винокуренія; на фабрики также не отрывали земледѣльца и нравственность въ народѣ господствовала, — онъ былъ трудолюбивъ, сытъ, въ полномъ довольствѣ своего быта, былъ крѣпокъ, силенъ и вѣренъ!

Ни одного виннаго откупщика въ царствованіе Екатерины въ дворянское достоинство не было возведено!

Въ послѣдующія царствованія возведены въ дворяне и такіе откупщики, которые были на площадяхъ предъ народомъ по суду наказаны кнутомъ и плетью!

Я самъ зналъ откупщика Гаврилу Васильевича Рюмина, который благородную свою карьеру началъ поднощикомъ въ кабакѣ села Камбушева, въ 5 верстахъ отъ губерн. города Рязани. Село Камбушево принадлежало дядѣ моему, Н. Б. Умскому.

Рюминъ въ кабакѣ въ драгѣ ударилъ крестьянина по виску крючкомъ, который Рюмина за подтолчку началъ бранить, и крестьянинъ упалъ отъ удара мертвымъ. Этого убійцу Рюмина я видѣлъ статскимъ совѣтникомъ, слѣдовательно дворяниномъ, въ орденахъ св. рав. ап. кн. Владиміра и св. Анны, кавалеромъ, губернскимъ предводителемъ дворянства и владѣльцемъ того села Камбушева, въ которомъ Гаврилу Васильевича предъ кабакомъ сѣкли плетью за смертоубійство, въ которомъ Гаврила Васильевичъ Рюминъ давалъ благородному дворянству пиры, балы, а въ городѣ Рязани имѣлъ счастье угощать въ своемъ домѣ всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнаго государя императора Александра I. Кабакъ въ селѣ Камбушевѣ остался на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ Г. В. высѣченъ плетью; вѣроятно, когда его высовородіе изволилъ проѣзжать мимо кабака, спина лучшаго дворянина зудѣла!

Кричатъ до сего времени еще о расточительности Екатерины, о томъ, что надѣляла любимцевъ своихъ большими помѣстьями крестьянъ, даже и сія слабость Екатерины послужила къ пользѣ и благоустройству государства, къ водворенію порядка и укрощенію убійства въ полудикомъ народѣ. Съ поступленіемъ крестьянъ въ управленіе дворянъ, смагченіе полудикихъ нравовъ скоро послѣдовало: уменьшились скопища разбойничьи на рѣкахъ и дорогахъ, государственныя подати начали поступать въ казну вѣрнѣе и безъ недоимокъ. Правительство получило вѣрныхъ и безкорыстныхъ управителей; во владѣльцахъ видимъ нынѣ, по прошествіи 70 лѣтъ, со всѣми улучшениями хода дѣлъ въ управленіи, со всѣми средствами, существующими въ настоящее время, управленіе казенное не можетъ достигнуть предположенной цѣли, водворить того порядка, под-

чинности, какіе существуютъ при всѣхъ стѣсненіяхъ дворянамъ въ ихъ вотчинахъ, и благосостояніе крестьянина дворянскаго несравненно лучше, прочіе и не подвержено притѣсненіямъ, которыми сугубо обременены крестьяне государственные!

Это весьма просто и понятно: въ дворянскомъ имѣніи одна инстанція для разбора, разсмотрѣнія и рѣшенія всякихъ пререканій и обстоятельствъ—владѣлецъ или его довѣренный; въ казенномъ управленіи ихъ цѣлая лѣстница! Чѣмъ короче лѣстница, тѣмъ лучше, и по старинной пословицѣ—у семи нянь дитя всегда безъ глазу. Съ уничтоженіемъ дворянства ничто не уплѣбеть на святой Руси.

Я существовалъ уже во времена славы, величія, могущества отечества моего, когда просвѣщеніе ума начинало постепенно уgroщать варварство, уничтожать предрасудки и жизнь гражданскаго общества получила свое развитіе подъ благотворнымъ, мудрымъ правленіемъ повелительницы сѣвера, незабвенной Екатерины II. Въ первый разъ народы, обитающіе на землѣ страннѣйшей Россіи, улышались изъ устъ Екатерины богоподобный законъ: „Безъ суда никто да не будетъ наказанъ: предъ закономъ всѣ равны“. Въ наставленіи (Наказъ) о составленіи государственнаго уложенія Екатерина сказала: „лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго наказать“.

Екатерина говаривала: „я не люблю самодержавія, въ душѣ я республиканка, но не родился еще портной, который умѣлъ бы скроить кафтанъ по кости для Россіи“.

Екатерина говорила правду: изданными ею узаконеніями она доказала желаніе ввести конституціонное правленіе въ Россіи. Она предоставила право дворянству, купечеству и мѣщанамъ избирать судей и блюстителей порядка и спокойствія изъ среды ихъ общества. Дворянамъ предоставила полную свободу служить и не служить, вступать въ службу въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ пожелаютъ, и выѣхать, оставить навсегда Россію по произволу. Но въ ея царствованіе никому не могло на мысль придти выѣхать, оставить Россію. Раздѣленіе Франціи послѣ революціи, въ 1788 году возникшей, на департаменты, выборы меровъ и учрежденіе муниципальных судовъ есть списокъ съ учрежденія объ управленіи губерній, изданнаго Екатериною.

Читайте узаконенія, учрежденія, Екатериною изданныя, вы увидите въ нихъ искреннее уваженіе къ свободѣ гражданина, возвышенныя чувства о чести его и огражденіе закономъ неприкосновенности лица и собственности. Исторія провозгласитъ о ней въ потомствѣ хвалу и удивленіе! Будетъ превозносить болѣе ея мудрыя распоряженія въ управленіи имперіей, нежели воинственные подвиги россиянь, непрерывно въ продолженіе 34 лѣтъ ея царствованія весь свѣтъ удивлявшіе.

Въ царствованіе императрицы никто безъ предварительнаго суда или разсмотрѣнія обстоятельствъ не былъ наказанъ. Въ крѣпостной казематъ, въ тюрьму, даже умалишенныхъ въ домъ призрачія не отправляли.

А. М. Тургеневъ.

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ

въ 1826—1833 гг.

Воспоминанія ген. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго.

Помѣщаемая ниже статья цѣликомъ взята изъ моихъ записокъ, объемлющихъ всю мою жизнь. Въ этой статьѣ описывается кадетская жизнь всесторонне, а не выставляются, можетъ быть намѣренно, однѣ только дурныя стороны кадетскаго воспитанія, какъ мнѣ не разъ случалось читать въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ. Я тѣмъ болѣе могу смѣло заявить объ этомъ, что, разставаясь съ корпусомъ, не принадлежалъ къ категоріи такого большинства кадетъ, которые съ злобною радостью и даже ненавистью покидали воспитывавшее ихъ заведеніе. Напротивъ, я оставлялъ корпусъ съ непонятною для меня грустью и съ неизъяснимымъ страхомъ передъ тѣмъ, что меня ожидаетъ въ будущемъ.

Записки мои отъ рожденія и до выпуска изъ корпуса 22 апрѣля 1833 года основаны или на дневникѣ моей матери, умершей спустя два года послѣ производства меня въ прапорщики артиллеріи, или на личныхъ моихъ воспоминаніяхъ. 22 апрѣля 1883-го года минуло пятьдесятъ лѣтъ моей службы престолу и отечеству, и я горжусь тѣмъ, что такія же честныя воспоминанія о мѣстѣ моего воспитанія сохранились во мнѣ и понынѣ. Жаль только, что стѣны того заведенія, въ которомъ я воспитывался, хотя остались прежнія, но надпись на фронтонахъ измѣнилась: «1-й кадетскій корпусъ» замѣнили слова: «1-е Павловское училище». Если полки гордятся своимъ именемъ ивѣковымъ существованіемъ, то тѣмъ болѣе зачѣмъ было лишать этой гордости 1-й кадетскій корпусъ, въ стѣнахъ котораго, кромѣ извѣстныхъ и достойныхъ современныхъ дѣятелей, воспитывались:

Прозоровскій, Румянцевъ-Задунайскій, Мелиссино, Кутузовъ-Смоленскій, Милорадовичъ, Коновницынъ, Кульневъ, Толь и другіе достойные слуги нашего отечества.

М. О.

I.

2 сентября 1826 года, въ день, назначенный для приема, матушка повезла меня рано утромъ въ 1-й кадетскій корпусъ и, по предварительно собраннымъ ею свѣдѣніямъ, явилась прямо на квартиру директора, которымъ былъ въ то время генераль-маіоръ Михаилъ Степановичъ Перскій. Въ приемной, указанной швейцаромъ, находились уже два другихъ отрока съ своими родителями или родными, явившимися съ тою же цѣлю, какъ и я съ матерью. Тутъ же находились два корпусныхъ офицера и чиновникъ въ вицъ-мундирѣ. Одинъ изъ нихъ, высокій, стройный, красивый, былъ адъютантъ директора—капитанъ Сивербрикъ. Онъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ мою фамилію, сколько мнѣ лѣтъ, откуда я пріѣхалъ и гдѣ обучался?—и мои отвѣты записалъ въ находившуюся у него въ рукахъ книжку. То же самое повторено было имъ и съ вошедшимъ вслѣдъ за мною другимъ будущимъ кадетомъ.

Недолго пришлось ждать директора. Онъ вошелъ въ залу въ мундирѣ, при шпагѣ и со шляпой въ рукѣ, въ какой формѣ, какъ оказалось впоследствии, онъ являлся всегда передъ кадетами, обходя классы ежедневно утромъ и послѣ обѣда, посѣщая лазаретъ, дортуары, рекреационныя и столовыя залы. Ни одинъ кадетъ не видѣлъ его въ сюртукѣ или другой одеждѣ.

Пока онъ говорилъ съ двумя ранѣ меня прибывшими отроками,—а на это было употреблено болѣе получаса,—я, не смотря на волненіе и даже страхъ, старался разглядѣть моего главнаго начальника. Это былъ мужчина средняго роста, плотный, красивый, говорившій въ носъ медленно и спокойно. Ни нетерпѣливаго жеста, ни рѣзкаго движенія не было сдѣлано имъ. Ни одного слова не было сказано съ повыше-ніемъ голоса, раздражительно или повелительно.

Подойдя ко мнѣ и поклонившись матери, онъ обратился къ ней съ вопросомъ: «Это, безъ сомнѣнія, вашъ сынъ?» По полученіи же утвердительнаго отвѣта и по прочтеніи адъютантомъ моей фамиліи, лѣтъ, откуда пріѣхалъ и гдѣ обучался, директоръ обратился ко мнѣ:

— *Voyons! Parlez-vous français, mon cher?*

— *Assez mal, mon général, отвѣчалъ я, покраснѣвъ и сконфузившись.*

— *Courage, mon petit, voyons!* — А нѣмецкій языкъ вамъ знакомъ?

— Умѣю читать и писать.

— О русскомъ я не спрашиваю, будучи убѣжденъ, что вы его знаете. Впрочемъ, садитесь вотъ за этотъ столъ и васъ проэкзаменуютъ.

За указаннымъ большимъ столомъ, стоявшимъ по серединѣ залы, на которомъ стояло нѣсколько чернилицъ и лежали листы бумаги, уже сидѣли два будущіе кадета и втихомолку рѣшали арифметическія задачи. Подошедшій ко мнѣ офицеръ сначала продиктовалъ изъ исторіи, а потомъ предложилъ нѣсколько вопросовъ, касающихся продиктованнаго. Я хотя сообразилъ, что это относилось до древней исторіи, потому что рѣчь шла о римлянахъ и карогегенянахъ, но не могъ понять сути, по той единственной причинѣ, что не обучался исторіи, какъ равно былъ малосвѣдущъ и въ географіи. А потому предложенные мнѣ вопросы остались безъ отвѣта, притомъ, судя по выраженію лица офицера, читавшаго мое писаніе, заключить можно было и о не маломъ числѣ сдѣланныхъ мною географическихъ ошибокъ. Когда же я взглянулъ на экзаменатора во время провѣрки моей арифметической задачи, состоявшей изъ простыхъ именованныхъ чиселъ, далѣе которыхъ мои математическія свѣдѣнія не простирались, то я окончательно убѣдился въ ничтожности моихъ познаній. Я былъ совершенно смущенъ; слезы готовы были брызнуть изъ глазъ, но слова подошедшаго ко мнѣ директора, говорившаго съ матерью и потрепавшаго меня по щекѣ, ободрили меня.

— *Voyons, mon cher; j'espère que vous serez un bon cadet.*

— По опыту могу сказать, что у вашего сына много хорошихъ началъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ моей матери.

Такимъ же образомъ онъ подходилъ къ другимъ опредѣляющимся и говорилъ съ ихъ родителями или родственниками, пока не окончился экзаменъ и не переговорилъ съ экзаменаторами. Послѣ чего онъ отдалъ адъютанту слѣдующее приказаніе:

— «Мореншильда зачислить въ 3 роту и въ 7 средній классъ, а Кельдермана, Ольшевскаго и Кудрявцева—въ резервную роту и въ 1-й нижній классъ».

— «Прошу васъ слѣдовать за господиномъ офицеромъ»—добавилъ онъ, раскланиваясь.

Всѣ находившіеся въ залѣ, за исключеніемъ адъютанта и чиновника въ вицъ-мундирѣ, отправились попарно за офицеромъ, меня экзаменовавшимъ ¹⁾, по длинной, открытой галлерей. По правую сторону тяну-

¹⁾ Это былъ артиллеріи поручикъ Поморскій, воспитанникъ 1-го корпуса, хорошій математикъ, преподававшій коническія сѣченія въ одномъ изъ верхнихъ классовъ.

лись дортуары гренадерской, 1, 2, и 3 ротъ, раздѣленные стѣною на двѣ половины: окна правой половины были обращены на 1-ю, нынѣ кадетскую, линію, окна же лѣвой выходили на галерею, подпертую черезъ 3—4 сажени каменными столбами. Видъ съ этой длинной галереи былъ обращенъ на большой садъ съ пладомъ и дворомъ, обнесеннымъ высокою каменною стѣною. Плацъ отъ двора раздѣлялъ двухъ-этажный флигель, перпендикулярно примыкавшій къ тому мѣсту галереи, гдѣ соединялись гренадерская съ 1-й ротой и гдѣ находилась лѣстница, ведущая въ рекреационную и столовую залы, а также на улицу и на плацъ. Въ этомъ флигелѣ помѣщались семь верхнихъ и восемь среднихъ классовъ. Въ нижнемъ этажѣ между рекреационной и столовой залами находились четыре нижнихъ класса, и въ старшемъ изъ нихъ и началось мое кадетское образованіе ¹⁾.

Резервная рота ²⁾, въ которой я началъ мое кадетское воспитаніе, помѣщалась въ особомъ флигелѣ, перпендикулярномъ главному, слѣдовательно паралельномъ флигелю классовъ. Она, какъ и прочія роты, раздѣлялась внутренней стѣной на двѣ половины. Окна правой половины были обращены на офицерскій дворъ, называвшійся такъ потому, что въ остальныхъ фасадахъ этого двора, обращенныхъ на Румянцовскую площадь и на Неву, жили офицеры и другіе чины корпуса; окна же лѣвой половины выходили на такую же открытую галерею, какъ и галерея главнаго фасада. Но мы не повернули въ эту галерею, а спустившись въ нижній этажъ по широкой лѣстницѣ, были введены въ квартиру ротнаго командира резервной роты, полковника Эллермана, ходившаго по залѣ и какъ бы ожидавшаго нашего прихода.

Это былъ человекъ высокаго роста, худощавый, сѣдой, безпрестанно кашлявшій, казавшійся чахоточнымъ и серьезность его болѣзни оправдалась послѣдовавшею черезъ нѣсколько мѣсяцевъ смертію. Пребываніе наше въ его квартирѣ было непродолжительное. Спросивъ наши фамиліи и пожелавъ намъ хорошо учиться и вести

¹⁾ Изъ краткой исторіи 1-го кадетскаго корпуса, г. Висковатова, видно, что всѣ настоящія строевія, находящіяся на Кадетской линіи, а равно флигеля, классный и гдѣ помѣщалось малолѣтнее отдѣленіе, были построены въ царствованіе императрицъ Елисаветы и Екатерины II. Строевія же, обращенныя на Неву, принадлежатъ къ первымъ постройкамъ Петербурга. Въ нихъ жилъ и давалъ пиры любимецъ Петра Великаго — князь Меншиковъ.

²⁾ Въ 1830 году, вмѣстѣ съ упраздненіемъ „малолѣтняго отдѣленія“, изъ котораго воспитанники младшихъ возрастовъ были переведены въ Александровскій корпусъ, была переименована въ неравнжированную роту.

себя добропорядочно, онъ приказалъ, находившемуся у него унтеръ-офицеру изъ прислуги, отвести насъ въ роту.

Въ это непродолжительное пребываніе въ квартирѣ полковника Элермана, съ верхней галлереей, куда мы поднялись по знакомой лѣстницѣ, произошла метаморфоза. вмѣсто тишины и безмолвія, царившихъ на ней, раздавались крики и сильный шумъ отъ бѣгущихъ кадетъ. Они сѣвшили въ свои роты, по окончаніи утреннихъ классовъ толкая, перегоня другъ друга, не потому что первымъ прибѣжавшимъ туда, какъ на скачкахъ, давали призы, а просто изъ дѣтской удалы и безразсудной рѣзвости. Мы хотѣли остановиться у входа въ роту, но вожатый, напротивъ, поспѣшилъ ввести насъ въ дежурную комнату, находившуюся въ сторонѣ, гдѣ и просилъ подождать, пока не пробѣгутъ всѣ кадеты въ свои дортуары.

— «Вамъ здѣсь будетъ покойнѣе, а то шалуны васъ обступятъ, какъ новичковъ, и могутъ надѣлать вамъ непріятностей»,—сказалъ онъ, выходя и затворивъ за собою дверь.

Не успѣли мои будущіе товарищи съ своими родителями разсѣяться въ безмолвіи по находящимся въ комнатѣ стульямъ и дивану, какъ началась непрерывная стукотня дверей, сопровождаемая криками, визгами, бѣготнею, продолжавшеюся минутъ съ десять. Наконецъ, мгновенно все стихло; значить, явилось какое нибудь начальствующее лицо. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вошли дежурный офицеръ ¹⁾ и фельдфебель. Когда я назвалъ свою фамилію и когда я отвѣтилъ на вопросъ фельдфебеля, что пріѣхалъ изъ Гродно, то онъ, обратившись къ матери и пристально взглянувъ на нее, проговорилъ:

— Неужели вы не узнаете Плавскаго?

— «Ахъ, Боже мой, сына добрѣйшаго Якова Флоріановича, — вскрикнула радостно моя мать. — Но вы такъ выросли, возмужали».

— И не удивительно! вѣдь прошло пять лѣтъ, какъ я оставилъ Гродно,—отвѣтилъ Плавскій, приглашая насъ всѣхъ идти за нимъ.

Слѣдуя по его стопамъ черезъ комнату, въ которой по серединѣ возвышался огромный и особой конструкции умывальникъ, мы вошли въ узкую, но длинную, сажень въ тридцать, комнату, обращенную окнами на галерею. Это была лѣвая половина дортуара резервной роты. До восьмидесяти, если не болѣе, желѣзныхъ кроватей, приставленныхъ изголовьями къ стѣнамъ, были расположены параллельно одна другой. Каждая кровать состояла изъ волосянаго тюфяка, простыни, бѣлаго

¹⁾ Это былъ подпоручикъ Корфъ, въ скоромъ времени назначенный состоять при одномъ изъ великихъ князей, и дослужившійся до званія генералъ-адъютанта и чина генерала отъ инфантеріи.

шерстяного одѣла, подшитаго другой простыней, подушки и чахловъ, надѣваемыхъ спереди и сзади. Въ изголовьи каждой кровати находился желѣзный пруть съ овальной доской, на которой прописывалась фамилія кадета, съ прибавленіемъ званія, если былъ фельдфебель, унтеръ-офицеръ или ефрейторъ, такъ что, проходя по серединѣ дортуара, можно было знать, гдѣ кто спитъ. На каждую кровать полагалось по табурету и на двухъ рядомъ спящихъ кадетъ по одному шкафчику.

Дортуаръ былъ полонъ кадетами, большинство которыхъ было на ногахъ и попрежнему галдѣло, и только немногіе изъ нихъ, сидя на табуретахъ или стоя у шкафчиковъ, замѣнявшихъ вмѣстѣ и столы, читали или разбирали свои книги и тетради.

— Новички пришли!—крикнуло нѣсколько голосовъ, и вокругъ насъ мигомъ образовалась толпа.

— Господа, не шумѣть и прошу разойтись,—проговорилъ громко Плавскій. И толпа также быстро разсѣялась, какъ и собралась, съ тою только разницею, что она окружила насъ съ шумомъ и гамомъ, а разошлась тихо, безропотно. Указавъ намъ пустыя кровати и успокоивъ матушку на счетъ моей будущности, Плавскій откланялся и ушелъ.

Черезъ четверть часа раздался на галереѣ барабанный бой, это былъ призывъ кадетъ къ обѣду. Мигомъ построились они въ двѣ шеренги и по командѣ дежурнаго офицера были уведены въ столовую. Я же, Кельдерманъ и Кудрявцевъ были предупреждены каптенарму-сомъ, занявшимся пригонкой кадетскаго платья, хранящагося въ изобилии въ цейхгаузѣ, что мы пообѣдаемъ отдѣльно, потому что «новички», въ день своего опредѣленія, не водятся въ столовую залу вмѣстѣ съ другими кадетами.

Мое переодѣванье было непродолжительно, и хотя нельзя сказать, чтобы мундиръ ¹⁾ и брюки хорошо сидѣли, но они меня мало

¹⁾ Когда я поступилъ въ корпусъ, то кадеты носили и въ корпусѣ такіе же мундиры, въ которыхъ они увольнялись въ отпускъ и ходили въ лагерь, на парады и разводы; но только послѣдніе были новѣе первыхъ. Мундиръ былъ однобортный, съ короткими фалдами, краснымъ воротникомъ и такими же клапанами на рукавахъ, обшитыми галуномъ. Плечевые погоны тоже были красные, у фельдфебелей съ тремя, отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ двумя, а у младшихъ унтеръ-офицеровъ одною галунными полосками. На борту было девять, на клапанахъ по три и сзади въ талии и на концѣ фалдъ четыре мѣдныхъ съ орлами луговицы. Зимніе брюки были съ камашами, надѣваемыми подъ брюки, язычки которыхъ прикрывали болѣе половины сапога. Лѣтніе брюки составляли съ камашами одно цѣлое и назывались штюблетами. Въ 1828 году мундиры остались для увольненія въ отпуска, парадовъ, разводовъ и лагера, а на все остальное время даны кадетамъ куртки,

безпокоили. Моими же мучителями, съ момента облаченія моего въ кадетскую форму, оказались галстухъ и сапоги. Первый, надѣтый поверхъ рубашки, сшитой изъ довольно толстаго холста, давилъ и теръ мнѣ шею; вырѣзковые же сапоги съ дратвенными узлами и гвоздями въ каблукахъ жали и терли мнѣ ноги. Поэтому не удивительно, если, по выходѣ изъ цейхгауза, я со слезами бросился въ объятія матери и успокоился только послѣ совѣта каптенармуса:

— Не плачьте, сударь: если кадеты узнаютъ—прохода не дадутъ, будутъ смѣяться.

И эти слова простого человѣка сильно подѣйствовали на мое дѣтское воображеніе и задѣли мое самолюбіе. Эти слова, такъ сказать, выжгли мои слезы, и я даже не заплакалъ при прощаньи съ матушкой, не смотря на то, что разставался съ нею до субботы. По заведенному въ то время порядку, свиданія съ родителями и родственниками въ будничные дни не допускались и кадеты увольнялись изъ корпуса только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, съ большою разборчивостію и не иначе, какъ съ провожатыми. Исключенія дѣлались для фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и кадетъ верхнихъ классовъ, притомъ хорошей нравственности. Не увольнялись и такіе кадеты, у которыхъ не было въ Петербургѣ родителей и родныхъ, и такихъ затворниковъ, не видѣвшихъ Невскаго, Морской, Лѣтняго сада, было не мало. Съ новичками поступали тоже весьма строго и даже немилосердо; ихъ не увольняли изъ корпуса до тѣхъ поръ, пока они, кромѣ надлежащей выправки, не научались дѣлать повороты и маршировать, а также носить киверъ и тесакъ, дабы могли отдавать честь, какъ слѣдуетъ ¹⁾).

Въ этомъ отношеніи я не испилъ такой горькой чаши, какъ въ числѣ другихъ и поступившій одновременно со мною въ корпусъ Кудрявцевъ, котораго по незнанію фронта не увольняли къ родите-

тѣ же мундиры, но только безъ фалды, а воротники и клапаны безъ галуна. Сверхъ того, отмѣнены при зимнихъ брюкахъ камаша, а штіблеты замѣнены обыкновенными лѣтними брюками.

¹⁾ При увольненіи въ отпускъ, кадетская форма состояла: изъ мундира, зимнихъ или лѣтнихъ брюкъ; оригинальнаго кивера въ видѣ отрѣзнаго колпаса, меньшимъ кругомъ надѣваемого на голову, обвѣшеннаго кутасами съ помпономъ, а въ гренадерской ротѣ съ длиннымъ волосянымъ стоячимъ султаномъ; тесака съ темлякомъ изъ бѣлой тесьмы, носимаго на бѣлой кожаной перевязи, надѣваемой подъ лѣвый плечевой погонъ. Сверхъ того, съ наступленіемъ холоднаго времени, а именно съ 1-го сентября по 1-е мая, съ переѣзною лѣтнихъ брюкъ на зимніе, кадеты носили въ накидку изъ сѣраго сукна шинели, а на тесакъ имѣли суконныя рукавицы. Во время морозовъ выше десяти градусовъ надѣвались наушники.

М. О.

лямъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Я просидѣлъ въ корпусѣ только одно воскресенье, чему я обязанъ Плавскому, поручившему меня доброму Полонскому, ефрейтору и сосѣду моему по кроватямъ, съумѣвшему не только передать въ такое короткое время первоначальныя правила, но и внушить охоту къ фронту. Этотъ же Полонскій былъ моимъ руководителемъ и въ другихъ отношеніяхъ. Слѣдуя неотступно ниже-прописаннымъ его наставленіямъ и совѣтамъ, преподаннымъ имъ мнѣ въ первый же день поступленія моего въ корпусъ, я былъ исправнымъ кадетомъ, умѣлъ держать себя съ товарищами и не подвергаться ихъ обидамъ.

«Начну съ того, что слѣдуетъ тебѣ дѣлать и какъ вести себя съ товарищами, — проговорилъ Полонскій, приговоря кровать въ то время, когда раздался барабанный бой на галлерей. Это вечерняя повѣстка, по которой кадеты раздѣваются и ложатся спать».

«Платье и бѣлье уложи на табуретѣ въ томъ же порядкѣ, какъ я таковыя буду укладывать. Когда уложишь, табуретъ поставь у ногъ впереди кровати; сапоги должны стоять у табурета съ правой стороны; фуражка должна висѣть надъ доскою, на которой завтра пропишется твоя фамилія. Это дѣлается такъ для того, чтобы дежурный могъ видѣть, что все въ порядкѣ».

«Съ пробитіемъ утренней повѣстки, а если хочешь, то и до нея займись чисткой платья и сапогъ, а также пуговицъ на мундирѣ, при этомъ осмотри—крѣпко ли онѣ пришиты. Вотъ тебѣ щетки для чистки платья и сапогъ, дощечка и мелкій кирпичъ для чистки пуговицъ. Послѣ того мы отправимся въ умывальную комнату, — безъ меня же туда не ходи, могутъ обидѣть, — гдѣ умывшись и причесавшись, возвратимся сюда и здѣсь одѣнемся».

«Исправный кадетъ съ пробитіемъ утренней зори долженъ быть одѣтъ и готовъ къ осмотру, сначала отдѣленнаго унтеръ-офицера, которымъ у насъ Комаровъ, а потомъ и помощника ротнаго командира, капитана Юрьевича ¹⁾. Знай, что тотъ и другой строги, не терпятъ неряшества и часто оставляютъ безъ булки. Получивъ булку, съѣдай ее до крошки и не соглашайся на предложенія кадетъ; вы-

¹⁾ Семень Алексѣевичъ Юрьевичъ, назначенный въ 1827 году наставникомъ къ одному изъ великихъ князей *), былъ генералъ-адъютантомъ и дослужился до генерала отъ инфантеріи. Онъ умеръ въ 1868 году, дряхлымъ и слѣпымъ старикомъ 69 лѣтъ отъ рожденія. С. А. Юрьевичъ воспитывался въ первомъ корпусѣ и былъ выпущенъ въ артиллерію въ 1817 году.

*) Къ тогдашнему наследнику престола, покойному государю Александру Николаевичу. М. О.

манивъ ее у тебя, обмануть, и ты останешься съ голоднымъ желудкомъ до обѣда».

«Въ классахъ съ 7 до 11 и съ 2 до 6 часовъ сиди смирно и не разговаривай, а во время перемѣнъ уклоняйся отъ шалостей и не сближайся съ шалунами, которыхъ много въ нижнихъ классахъ; лучше всего не выходи изъ класса или старайся быть на виду у дежурнаго. Если будутъ задирать, не отвѣчай, а на толчки, пиньки и щипки постарайся отвѣтить тѣмъ же; не смѣй плакать, а тѣмъ болѣе жаловаться: не только осмѣютъ, но и заколотятъ. На учительскіе вопросы не навязывайся, а спросить—отвѣчай стоя, вѣжливо и смѣло».

«Изъ классъ не торопись выходить, а тѣмъ болѣе не пускайся въ запуски и не соглашайся на пари—кто первый прибѣжить въ роту. Это не только не хорошо и начальство этого не любитъ, но тебя могутъ толкнуть или подставить ногу и ты можешь упасть, а слѣдствіемъ такого паденія будетъ не только ушибъ, но и наказаніе. Мой совѣтъ оставлять классы въ числѣ послѣднихъ».

«Отъ 11 до 2 и отъ 6 до 9 часовъ, не то что въ классахъ, въ присутствіи моемъ тебя ни одинъ шалунъ не осмѣлится обидѣть. Если же во время обѣда и ужина будешь сидѣть чинно, менѣе говорить, не заливать скатерти, а въ дортуарѣ не будешь бѣгать, кричать и садиться на кровать, помня, что во время дня она неприкосновенна и не должна быть помята, то и начальство будетъ довольно тобою».

«Вотъ на первый разъ мои тебѣ наставленія и совѣты; запомни ихъ хорошенько. Будешь слѣдовать имъ и добре будетъ тебѣ. Теперь же пора и спать, тѣмъ болѣе, что и люстры начинаютъ тушить. Знай, что съ зажженіемъ ночниковъ всѣ кадеты должны, если не спать, то лежать смирно и не разговаривать. Исключеніе въ этомъ случаѣ только для фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, которые могутъ заниматься при свѣчахъ сколько имъ угодно».

«Прощай до завтра», добавилъ Полонскій и, повернувшись въ противуположную отъ меня сторону, немедленно заснулъ. Я же долго не могъ заснуть, не смѣя пошевелинуться и едва переводя дыханіе въ то время, когда проходили мимо меня дежурные офицеръ и унтеръ-офицеръ. Даже корпусные служители, — называемые кадетами «корпусными душами», — поправлявшіе тускло и съ трескомъ горѣвшіе ночники, заставляли меня вздрагивать. И пока я заснулъ, не мало тяжелыхъ и грустныхъ мыслей перебродило въ моей отроческой головѣ. Но самой тяжелой и грустной думой—это была разлука съ моей дорогой родительницей, съ которой до 2 сентября 1826 года, въ продолженіе моего десяти-лѣтняго существованія, я ни разу не разставался.

II.

Жизнь кадета прошлаго времени, въ особенности младшаго возраста, уподоблялась автомату, дѣйствовавшему по барабану. Барабанный бой заставлялъ его просыпаться въ шесть часовъ утра, и противъ его желанія оставлять, въ особенности, ежась зимою, свою хотя не мягкую, но теплую постель. Этотъ же бой укладывалъ его по неволѣ въ постель въ девять часовъ вечера. По барабанному бою, онъ нехотя, едва передвигая ногами, отправлялся въ классы; по этому же бою, стремглавъ, вылеталъ изъ класса и, сломя голову, неся, если была зима, по скользкимъ и занесеннымъ снѣгомъ открытымъ галлереймъ. Барабанный же бой, и притомъ самый пріятный, призывалъ его въ половинѣ перваго къ обѣду, а въ восемь часовъ вечера къ ужину; по такому же бою пѣлась кадетами молитва, садились они за столъ и вставали съ молитвой изъ-за стола. Даже по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а также въ великій постъ во время говѣнія, кадеты собирались и отправлялись въ церковь по барабанному бою.

У кадета не было своей собственной воли; онъ жилъ и дѣйствовалъ по приказанію и командѣ своего начальства. А начальства у него, въ особенности въ неранжированной, третьей и второй ротахъ, было не мало. Въ этихъ ротахъ, кромѣ ротнаго командира, его помощника, дежурныхъ офицеровъ, имѣли право оставлять безъ сбитня, обѣда и ужина, класть на доски, ставить въ уголъ и даже на колѣни, драть за уши и давать затрещины,—фельдфебель и отдѣленный унтеръ-офицеръ. Новичкамъ же и плаксамъ доставалось еще несравненно болѣе отъ такъ называемыхъ «старыхъ кадетъ», которые старались выказывать надъ ними своего рода власть и вымѣщать злобу. Пожалуй, въ поступкахъ такихъ кадетъ и проявлялась воля, но за то, что они осмѣливались своевольничать, наказывались, а иной разъ даже очень строго.

Къ категоріи «старыхъ кадетъ» принадлежали лѣнтяи, отъявленные шалуны и коноводы всѣхъ побоищъ и скандаловъ. «Старый кадетъ» носилъ особый отпечатокъ, и своими манерами, походкою и нерешительностью бросался въ глаза каждому постороннему наблюдателю. Вотъ наружный очеркъ стараго кадета: ноги колесомъ или кривыя; куртка и брюки запачканные, а иной разъ и разорванные, притомъ у первой крючки на воротникѣ и нѣсколько пуговицъ по борту не застегнутые, сапоги не чищенные, волосы взерошенные, руки изцарапанныя

съ грязными ногтями, кулаки сжатые, физиономія мрачная, а иной разъ и подбитая, разговоръ грубоотрывистый, голосъ басистый.

За исключеніемъ гренадерской роты, какъ долженствовавшей состоять, если не изъ самыхъ прилежныхъ, то нравственныхъ кадетъ¹⁾, каждая рота имѣла своихъ «старыхъ кадетъ», бывшихъ на счету у начальства. Само собою разумѣется, что меньшинство старыхъ кадетъ находилось въ нераджированной ротѣ; наоборотъ же, первая рота по преимуществу состояла изъ такихъ кадетъ. Притомъ, громадная разница была между тѣми и другими. Старые кадеты младшихъ ротъ еще не могли считаться закоснѣлыми, испорченными отроками; шалости и проступки ихъ не были такъ грубы и предосудительны, какъ проступки первоотцевъ.

«Старые кадеты» младшихъ ротъ, кромѣ другихъ непозволительныхъ шалостей вступали иногда между собой въ ожесточенный одиночный бой или дрались партіями, но не случалось, чтобы при этомъ они осмѣливались оскорблять унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, а тѣмъ болѣе офицеровъ. Въ первой же ротѣ не разъ случалось слышать, что такой-то унтеръ-офицеръ, подозрѣваемый въ наушничество, избить до полусмерти, а такой-то дежурный офицеръ ошikanъ и обруганъ, иной разъ даже ротному командиру оказывалось непослушаніе; или распространится молва, что «сѣдьмовцы» выгнали изъ класса и едва не прибили учителя. А сѣдьмовцы или «рогатые»—тѣ же старые кадеты первой роты, восемнадцати-лѣтніе лѣнтяи, восьми—десяти вершковыя верзилы, сидѣвшіе въ седьмомъ верхнемъ классѣ, творившіе вмѣсто ученія разныя безобразія и ожидавшіе выпуска изъ корпуса въ офицеры, если не армейскихъ полковъ, то гарнизонныхъ баталіоновъ. Прозвище «рогатые» они получили отъ кадетъ же, воспитывавшихся въ однихъ съ ними стѣнахъ и ѣвшихъ одну и ту-же кашу, но только выше ихъ стоявшихъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ. Смыслъ этого прозвища былъ тотъ: «что вы дескать, братцы, глупы и грубы какъ рогатая скотина».

И строго, жестоко наказывались старые кадеты первоотцы, въ особенности зачинщики, за такіе проступки. Ихъ сажали «въ жедепомъ», наказывали розгами передъ ротой и даже выписывали въ армію унтеръ-офицерами.

Прежде чѣмъ коснусь описанія самаго наказанія, скажу нѣсколько

¹⁾ Если кадетъ гренадерской роты начиналъ лѣниться или провинялся въ чемъ нибудь, то переводился: гренадеръ въ 1-ю роту, а стрѣлокъ во 2-ю роту. Но это случалось очень рѣдко; въ мое же шести-лѣтнее пребываніе въ корпусѣ такого казуса я не помню. М. О.

словъ о томъ зданіи, въ которомъ содержались наказываемые и откуда произошло его названіе. О «жедепомѣ» между кадетами ходили самыя страшныя и нелѣпыя легенды. Тамъ по его огромнымъ корридорамъ и заламъ и вѣдьма въ видѣ огненныхъ языковъ летала, и мертвецы своими костями стучали. Но такъ какъ такія легенды основаны были на разсказахъ содержавшихся въ нихъ кадетъ, то и неудивительно, что пугливое и разстроенное ихъ воображеніе возню огромныхъ крысъ, движеніе крыльями летучихъ мышей, блескъ молніи и зарницы—приминало за духовъ и мертвецовъ. Умолчу и о другихъ легендахъ о «жедепомѣ», а скажу только, что это огромное, безобразящее окрестность, зданіе, построенное изъ кирпича такъ прочно, что ломъ его не беретъ, а потому до сихъ поръ несломанное, существовало въ допетровскія времена и принадлежало какому-то шведскому феодалу ¹⁾. Названіе «жедепомѣ» это зданіе получило отъ собиравшихся въ одной изъ его большихъ залъ любителей «игры въ мячъ» ²⁾. Не знаю, когда это общество образовалось и долго ли оно существовало, но что оно существовало въ бытность мою въ корпусѣ, то это несомнѣнно вѣрно.

Заключеніе въ «жедепомѣ» считалось самымъ высшимъ наказаніемъ изъ рода арестовъ и «жедепомѣ», какъ бы исключительно, существовалъ для первоотцевъ. Не было примѣра, чтобы туда былъ посаженъ кто нибудь изъ гренадеръ; для кадетъ же младшихъ ротъ существовали свои ротные карцеры. Съ содержащагося въ «жедепомѣ» снималось кадетское платье и на него надѣвался халатъ изъ сѣраго сукна и вмѣсто сапогъ давались туфли. Заключеннаго содержали на хлѣбѣ и водѣ и только черезъ сутки давалась чашка щей съ полуфунтомъ говядины; спалъ же онъ на жесткомъ матрацѣ безъ простыни и одѣяла, а также безъ наволочки на подушкѣ ³⁾. Кромѣ огромнаго

¹⁾ За достовѣрность не ручаюсь, и пусть останется легендой; но не могу согласиться съ г. Висковатовымъ, написавшимъ исторію перваго кадетскаго корпуса, чтобы это зданіе было выстроено съ единственною цѣлю для «игры въ мячъ». Скорѣе общество любителей этой игры воспользовалось громадностію одной изъ залъ этого безобразнаго зданія, и приспособило ее къ игрѣ въ мячъ.

²⁾ Кадеты, безъ сомнѣнія, не производили названія этого зданія, отъ французскихъ словъ: „jeu de paume“, потому что букву *e* произносили мягко, а *m* обращали въ *n*; такъ что по произношенію кадетъ выходило „жедепомѣ“.

³⁾ Содержаніе кадетъ въ жедепомѣ, въ управленіе угрюмаго и суроваго директора Клингера, продолжавшееся съ 1801 по 1820 годъ, было несравненно хуже; этотъ генералъ, весьма дурно говорившій по русски, былъ замѣщовъ М. С. Перскимъ.

количества большихъ крысъ, множества летучихъ мышей и разныхъ насѣкомыхъ, да сторожа, являвшася въ урочный часъ съ пищей и для исполненія другихъ надобностей, содержащейся въ «жедепомѣ», во время своего заключенія, продолжавшагося иной разъ болѣе недѣли, другихъ существъ не видѣлъ. Правда, иной разъ заходилъ туда по своей обязанности полиціймейстеръ корпуса или являлся для допроса ротный командиръ ¹⁾). Заключенный не могъ видѣть, что происходило на бѣломъ свѣтѣ, потому что небольшое окно было высоко отъ земли и отъ пола его темницы; придвинуть же къ окну табуретъ или столъ онъ не могъ, потому что, начиная съ кровати, все было привинчено или прибито къ полу. По той же причинѣ онъ не могъ слышать крика товарищей, нарочито избиравшихъ для своихъ прогулокъ тотъ уголь кадетскаго сада, гдѣ находился «жедепомъ», не смотря на то, что невысокая стѣна отдѣляла это зданіе отъ сада.

Наказаніе розгами кадета младшихъ ротъ отличалось отъ тѣлеснаго наказанія кадета первой роты. Одного сѣкли какъ шалуна, котораго надѣялись исправить, лѣнтяя, котораго желали заставить учиться. Другой же наказывался, какъ грубый закоренѣлый юноша, за сознательно содѣянный имъ проступокъ; за лѣность же съ него и не взыскивали, какъ пользы въ томъ не видѣли. Кадеты младшихъ ротъ рѣдко когда наказывались при сборѣ товарищей, и какъ сѣченіе производилось въ присутствіи ротнаго командира, то отъ его усмотрѣнія зависѣло прекращать это наказаніе послѣ нѣсколькихъ ударовъ, въ особенности, если являлось раскаяніе; иной же разъ все взысканіе ограничивалось только одной острасткой. Перворотцы же наказывались розгами за свои проступки не иначе, какъ по приговору директора корпуса, и всегда передъ ротой; слѣдовательно, ротный командиръ не имѣлъ права смягчить наказаніе, даже и въ томъ случаѣ, если бы у наказываемаго явилось полное сознаніе своего проступка. Да этого и не могло случиться, потому что кадету-перворотцу недостойно было плакать. За слезы онъ былъ бы осмѣянъ, униженъ своими товарищами. Но за то превозносился похвалами тотъ кадетъ, который сопротивлялся служителямъ до наказанія и, уткнувшись лицомъ въ подушку или грызя собственные руки, только рычалъ отъ боли.

Если же не исправляли ни жедепомъ, ни сѣченіе розгами, то, по

¹⁾ Полиціймейстеръ корпуса, которымъ сначала былъ полковникъ Герасковъ, а потомъ командиръ 1-й роты, полковникъ Ореусъ, впоследствии директоръ Полоцкаго кадетскаго корпуса, слѣдилъ за вѣншимъ порядкомъ и чистотой корпуса. Въ вѣдѣніи полиціймейстера состояли всѣ корпусные служители и строенія.

рѣшенію совѣта и съ утвержденія главнаго директора всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, такой кадетъ исключался изъ списковъ корпуса, и его или отсылали въ роднымъ, если таковые были и изъявляли на это свое желаніе, или отправляли на службу унтеръ-офицеромъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Однако такіе примѣры въ первомъ корпусѣ были рѣдки. Михаилъ Степановичъ Перскій, не желая выносить сора изъ избы, старался избѣгать подобныхъ выключекъ, не смотря на то, что вполнѣ понималъ какъ это вредно вліяло на общее воспитаніе кадетъ, не искоренявшихъ, а развивавшихъ касту «старыхъ кадетъ». Вѣдь, въ свою очередь, каждый закоснѣлый лѣнтяй, безаврагвенный восьми—десяти вершковый верзила понималъ, что онъ будетъ офицеромъ, пожалуй какого нибудь гарнизоннаго баталіона, если его, наконецъ, сажали въ седьмой верхній или классъ «рогатыхъ».

Противуположностію старому кадету младшихъ ротъ былъ кадетъ «плакса», слабый тѣломъ и духомъ. Такимъ кадетомъ дѣлался тотъ «новичокъ», который не былъ въ состояніи стойко переносить щипки, пиньки, затрецины, кукуньки, ерши и побои товарищей шалуновъ и распускалъ нюни. Если же «новичокъ» плакалъ такъ громко, что своимъ плачемъ обращалъ вниманіе начальства, и что черезъ это, трогавшіе его шалуны наказывались, а и того хуже, если они наказывались по его жалобѣ, то такой новичокъ становился мученикомъ, не имѣвшимъ покоя ни въ ротѣ, ни въ классахъ. Его старались подводить на каждомъ шагѣ: пачкали ему платье, обрѣзывали пуговицы на курткѣ, мiali его кровать, марали и рвали книги и тетради, вмѣсто подсказыванія, доведеннаго до высокой степени искусства, сбивали его въ отвѣтахъ. Случалось, что за такими кадетами оставалось прозвище «плаксы» надолго, при переводѣ ихъ въ другіе роты и классы. Случалось, что такіе мученики не выдерживали, чахли и умирали или по болѣзни оставляли корпусъ. Въ число такихъ кадетъ-мучениковъ попалъ вмѣстѣ со мною поступившій Кудрявцевъ, черезъ годъ оставившій по болѣзни корпусъ.

Еще болѣе строгому и жестокому кадетскому самосуду подвергались доносчики, ябедники и наушники. Такихъ кадетъ, кромѣ наносимыхъ имъ зачастую побоевъ, всѣ чуждались и никто не говорилъ съ ними какъ въ ротѣ, такъ и въ классахъ. И такое отчужденіе продолжалось не недѣли и мѣсяцы, а годы; провинившійся получалъ прощеніе только по принесеніи публичнаго раскаянія и созванія въ совершенной имъ винѣ.

Можетъ быть, по благодущію и слабости моей комплекціи, и меня постигла бы та же участь, какъ Кудрявцева, если бы я на третій день моего кадетства не привелъ съ ловкостію въ исполненіе настав-

ленія Полонскаго. На моемъ тѣлѣ уже было нѣсколько синяковъ отъ щипковъ, правая рука болѣла отъ удара, голова трещала отъ кукушки ¹⁾, и когда, во время утренней переѣмны, затрещина готовилась усилить мою головную боль, я такъ ловко отпарировалъ ударъ моего противника, что онъ упалъ, а я, воспользовавшись его паденіемъ, нанесъ ему нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ кулаками и ногами.

— Надѣюсь, что послѣ этого ни ты, ни кто другой не осмѣлится меня болѣе трогать,—проговорилъ я съ гордостію побѣдителя.

И, дѣйствительно, послѣ этого приставанія ко мнѣ шалуновъ сдѣлались рѣже и они вели себя осторожнѣе, послѣ же громогласной пощечины, данной мною въ ротъ одному изъ такихъ кадетъ, я избавился навсегда и отъ ихъ приставацій.

Что же касается шалостей, въ особенности совершаемыхъ старыми кадетами, то по моей природѣ и воспитанію я не могъ имѣть къ нимъ ни малѣйшаго влеченія и сочувствія. Побоище же между десяткомъ такихъ кадетъ, случившееся спустя пять—шесть недѣль по поступленіи моемъ въ корпусъ, до того потрясло мой впечатлительный организмъ, что я заболѣлъ горячкой. Не мало горя причинила эта моя болѣзнь не только моей нѣжной матери, но и доброму дядкѣ, просиживавшимъ цѣлые дни у моей кровати. Они не оставляли бы меня и по ночамъ, если бы корпусные порядки дѣлать этого не воспрещали.

Когда я пришолъ въ себя, то первымъ предметомъ, бросившимся мнѣ въ глаза, были ширмы, а первымъ лицомъ, явившимся передо мною, была моя родительница, обнявшая меня со слезами радости. На мои вопросы она отвѣтила только, что я пятые сутки какъ въ лазаретѣ, запретивъ мнѣ говорить болѣе и лежать покойно, что и подтвердилъ любимый кадетами фельдшеръ Бордаковъ, вошедшій въ ту небольшую въ одно окно комнату, въ которой я лежалъ одинъ, какъ трудно больной. Хотя я лежалъ покойно и не говорилъ, но частыя вздрагиванія обличали мое внутреннее волненіе. А это происходило оттого, что въ моей памяти начали воскресать и обезображенныя фізіономіи дравшихся кадетъ, и табуреты, летавшіе одинъ въ другого, и прибѣжавшіе на этотъ скандалъ дежурный офицеръ съ фельдфебелемъ, и окровавленные лица, отправленныхъ подъ арестъ, Гембача, Похитонова, Полторацкаго, какъ зачинщиковъ побоища. Такія воспоминанія продлили мою болѣзнь еще на нѣсколько дней. Только на десятые сутки я

¹⁾ Подъ кукушкой, на кадетскомъ языкѣ, разумѣлся ударъ въ голову костяными составами сжатого кулака правой руки. М. О.

всталъ на ноги и былъ переведенъ изъ отдѣльной комнаты въ общія палаты.

Этому перемѣщенію я былъ радъ и не радъ. Недоволенъ былъ тѣмъ, что по заведенному порядку я могъ видѣться съ родительницею, хотя ежедневно, но въ назначенное только время, а именно между полднемъ и часомъ, въ пріемной комнатѣ, въ присутствіи дежурнаго унтеръ-офицера и вмѣстѣ съ другими кадетами и посѣщавшими ихъ родными. Радъ же былъ не столько тому, что былъ не одинъ, а возможности заниматься и читать учебныя книги, находящіяся въ лазаретной бібліотекѣ.

Здѣсь кстати опишу съ нѣкоторою подробностію лазаретъ, тѣмъ болѣе, что въ первые два года моего пребыванія въ корпусѣ мнѣ частенько приходилось побаливать. Но только болѣзнь моя была всегда дѣйствительная, а не притворная, какъ это дѣлывали зачастую кадеты лѣтяти, прибѣгая къ разнымъ непозволительнымъ и вреднымъ средствамъ. Напримѣръ, сдѣланные надрѣзы ножемъ или царапины гвоздемъ растравляли до нагноенія; производили искусственную рвоту и блѣдность проглатываніемъ табачной или просто бумажной съ чернилами жвачки; для ускоренія біенія пульса ударяли локтемъ о стѣну, столъ и другой твердый предметъ.

Корпусный лазаретъ помѣщался въ углу, образуемомъ двумя строениями, обращенными наружными окнами на Неву и на манежъ. Часть лазарета, обращенная окнами на Неву, составляла оконечность того фасада, въ которомъ находилась церковь съ квартирами священника съ причтѣмъ. Другую же часть лазарета составляло начало того длиннаго фасада, наружныя окна котораго были обращены сначала на корпусный манежъ, а потомъ на дровяной дворъ и описанный мною «жедепомъ». За исключеніемъ лазарета весь этотъ двухъ-этажный фасадъ занимался «малолѣтнимъ отдѣленіемъ», въ которомъ воспитывались, подъ начальствомъ женскаго персонала, дѣти едва ли не съ пеленокъ и до 8—10 лѣтняго возраста; преимущественно же въ этомъ отдѣленіи воспитывались сироты офицеровъ и чиновниковъ ¹⁾. Слѣдовательно, чтобы попасть въ лазаретъ изъ неранжированной роты, нужно было продолжать идти по знакомой уже намъ галлерей. Послѣ двухъ поворотовъ подъ прямымъ угломъ, пройдя мимо церкви

¹⁾ Малолѣтнее отдѣленіе дѣлалось на шесть каморъ, которыми завѣдывали классныя дамы. Старшая изъ нихъ, которой въ то время была Бертольдъ, называлась вмѣстѣ съ тѣмъ и начальницей отдѣленія. Прислуга была тоже женская и именовалась «няньками». Малолѣтнее отдѣленіе имѣло свои классы, дортуары, столовыя и рекреаціонныя залы; а лѣтомъ свой садъ, отдѣленный заборомъ отъ общаго кадетскаго сада.

и квартиръ, занимаемыхъ священникомъ съ причтомъ, и начинались противоположныя окна части лазарета, обращенной окнами на Неву. Сдѣлавъ же новый поворотъ по такой же галлерей налѣво и пройдя съ десятокъ шаговъ по направленію къ малолѣтнему отдѣленію, передъ вами являлась входная дверь въ лазаретъ.

Кромѣ обставленной диванами и стульями, а также обвѣшанной зеркалами и портретами пріемной залы, двухъ небольшихъ комнатъ для трудно больныхъ, сыпнаго, глазнаго и скарлатиннаго отдѣленій, корпусный лазаретъ составляли шесть комнатъ или палатъ. Въ нихъ размѣщались больные, не только по роду болѣзней, но и по возрастамъ.

Леченіе больныхъ, уходъ за ними и содержаніе ихъ въ лазаретѣ были настолько хорошіе, что безсовѣстно было бы требовать лучшаго. Кромѣ прямого надзора за лазаретомъ со стороны полиціймейстера корпуса, неуклонный порядокъ поддерживался въ немъ и по причинѣ почти ежедневнаго посѣщенія больныхъ директоромъ. Не мало способствовалъ этому заботливый, обходительный, добросовѣстный, знавшій свое дѣло старшій докторъ Сольскій, пробывшій въ корпусѣ весьма долгое время, и если не ошибаюсь, умершій тайнымъ совѣтникомъ и придворнымъ лейбъ-медикомъ.

Чистота и порядокъ въ лазаретѣ были образцовые. Паркетный полъ блестѣлъ какъ зеркало. На алебастровыхъ стѣнахъ не было ни пылинки, а въ углахъ — ни паутины. Вычищенные и блестѣвшіе лампы и кинкеты не издавали никакого запаха, потому что масло въ нихъ горѣло хорошее; то же самое можно было сказать и о ночныхъ лампочкахъ. На сальныхъ свѣчи былъ остракизмъ, а гдѣ чужно — горѣли восковыя свѣчи, стеариновыхъ же въ то время не знали. Сторы на окнахъ были изъ плотной матеріи, такъ что когда онѣ были опущены, то производили пріятный для глазъ полумракъ. Температура надлежащая, не ниже 16° Реомюра; воздухъ чистый, какъ освѣжаемый посредствомъ отдушинъ и частаго прокуриванія. Кровати хотя были такія же, какъ и въ ротахъ, но тюфяки мягче и лежали они не на доскахъ, а на холстѣ; постельное бѣлье было тоньше ротнаго, притомъ, вмѣсто одной, было двѣ подушки. Бѣлье, надѣваемое больными кадетами, было также тоньше носимаго здоровыми въ ротахъ. Тиковые халаты лѣтомъ и суконные зимою, а равно башмаки были тоже хорошіе, какъ сшитые изъ добропорядочнаго матеріала. Пища, приготовлявшаяся изъ свѣжихъ и доброкачественныхъ продуктовъ, была разнообразная. Кромѣ разнородныхъ суповъ, куриныхъ котлетъ, компота, чая съ булками и сухарями, выздоравливающимъ давали бифштексъ и жареный филе. И все это приготовлялось чисто и вкусно, не то что здоровымъ въ ротахъ.

Да, пища въ ротахъ не въ примѣръ была хуже пищи лазаретной. Не смотря на безпредѣльную заботливость эконома Андрея Петровича Боброва, прослужившему корпусу въ продолженіе двадцати лѣтъ, начиная отъ писаря до статскаго совѣтника; не смотря на то, что этотъ высокой чести и доброты оригиналь, пыхтя отъ тучности и обливаясь потомъ отъ жары, постоянно вертѣлся въ сферѣ котловъ и квашней, въ которыхъ приготовлялась пища и творилось тѣсто для пироговъ, булокъ и куличей, но на отпускаемая казноу деньги лучше кормить кадетъ, какъ они кормились Бобровымъ, не было никакой возможности. Правда, можно было готовить пищу, если не разнообразнѣе, то вкуснѣе, чище и опрятнѣе. Напримѣръ, чтобы щи были менѣе кислы и лучшій былъ бы наваръ какъ въ щахъ, такъ и супахъ, да въ кашахъ не попадались бы комья и мочалы, а также не слышалась бы затхлость крупъ. Однако за это слѣдуетъ винить не эконома, а его помощниковъ и поваровъ. Бобровъ же настолько любилъ кадетъ, что если бы онъ имѣлъ свои капиталы, то охотно пожертвовалъ бы таковыя на улучшеніе ихъ пищи. Но извѣстно, что если бы не три тысячи рублей, присланные царемъ, то не на что было бы его похоронить ¹⁾.

Ежедневная пища кадета состояла изъ слѣдующаго. Утромъ фунтовая булка, всегда хорошо выпеченная изъ бѣлой пшеничной муки, но безъ всякаго прибавленія. Только съ 1832 года началъ даваться сбитень: кружка величиною въ стаканъ въ младшихъ и въ два стакана въ гренадерской и первой ротахъ. И съ какимъ аппетитомъ и быстротой выпивался такой взваръ изъ воды, меда, корицы и гвоздики, не смотря на то, что иной разъ былъ не сладокъ, по малости меда, и горекъ, по излишеству пряностей, или водянистъ, по малости и того и другого. На обѣдъ, смотря по времени года, давали щи кислые, лѣнявые и зеленые или супы перловый, манный, рисовый, гороховый и пюре картофельное, съ кускомъ говядины; пироги съ

¹⁾ Бобровъ очень любилъ кадетъ, не смотря на то, что самъ былъ бездѣтенъ, потому что никогда не былъ женатъ. Онъ кормилъ вѣхомулку арестованныхъ или оставляемыхъ безъ обѣда, приказывалъ перебивать платье и сапоги рвавшимъ таковыя во время игръ и шалостей. Но проявленіе самой высокой доброты Андрея Петровича высказывалось на кадетахъ, выпускаемыхъ изъ корпуса по слабости здоровья или по другимъ причинамъ не офицерами, а гражданскими чинами, и которые, не имѣя родственниковъ, не знали гдѣ преклонить голову и чѣмъ питаться. Такимъ безпріютнымъ воспитанникамъ, до присканія ими мѣста, онъ давалъ пріютъ у себя на квартирѣ, кормилъ и содержалъ ихъ на свой счетъ. Бобровъ умеръ въ 1836 г.

мясомъ, капустой, морковью, гречневой и пшенной крупой; разные соуса неизвѣстныхъ наименованій и приготовленные изъ неопредѣленныхъ продуктовъ; жаркаго, состоящаго, смотря по дешевизнѣ, изъ куска курицы, гуся или утки, а чаще куска простой говядины. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ прибавлялось къ этому пирожное изъ заварнаго или слоенаго тѣста, а также изъ пышекъ или хворосту. Немногіе же затворники, не увольнявшіеся изъ корпуса, по неимѣнію родныхъ, и въ великіе праздники, сверхъ обыкновенныхъ кушаньевъ, получали: въ Рождество Христово на жаркое тощихъ индѣекъ и не свѣжихъ тетерекъ; а на Воскресеніе Христово—по куску пасхи и кулича, а также по три яйца. Ужинъ состоялъ изъ сухихъ блюдъ, по преимуществу же изъ гречневой, смоленской и пшенной кашъ, облитыхъ растопленнымъ масломъ и «картофеля въ мундирахъ»¹⁾, при этомъ на каждаго кадета полагалась продолговатая, въ видѣ сосульки, формочка масла. Но это масло рѣдко когда употреблялось по своему назначенію, а ѣлось съ «тюрей», составляемой, по соглашенію самими кадетами, изъ вкуснаго ржанаго хлѣба и хорошаго кваса, даваемого вдоволь въ пищу и для питья. Однако не полагайте, чтобы на картофель не обращалось должнаго вниманія, онъ поѣдался кадетами съ солью такъ же охотно, какъ и изъготавливаемая ими самими «тюря».

Въ великій постъ на страстной и въ недѣлю говѣнія²⁾ давалась постная пища, состоявшая почти изъ тѣхъ же кушаньевъ, какъ и скоромная, съ тою только разницею, что говядина замѣнялась рыбой, въ особенности корюшкой, а коровье масло—постнымъ, разумѣется не прованскимъ, горчичнымъ, подсолнечнымъ или другимъ дорогимъ, а льнянымъ и даже коноплянымъ. Оказывается, что постная пища была еще хуже скоромной. Немногіе могли ѣсть всѣ даваемыя постныя кушанья. Были и такіе, къ числу которыхъ и я принадлежалъ, что ограничивались сбитнемъ, булкой, хлѣбомъ, картофелемъ, да гречневой кашей съ квасомъ и солью. Слѣдовательно, я постился подобно аскету, но только поневолѣ. Хорошо еще, если на дежурствѣ былъ сговорчивый служитель, который вопреки приказанія начальства, но ради своихъ корыстныхъ расчетовъ, соглашался принести булокъ, пирожковъ и другихъ сластей; потому что подобныя покупки строго воспрещались; да и денегъ кадетамъ имѣть не дозволялось. Такое запрещеніе имѣло ту хорошую сторону, что не возбуждало зависти и злобы въ

¹⁾ Подъ картофелемъ въ мундирахъ на кадетскомъ языкѣ разумѣлся отварной картофель съ кожей.

²⁾ Говѣли кадеты поротно. На каждую роту опредѣлялось по три дня. Говѣющіе кадеты въ классы не ходили.

тѣхъ кадетахъ, которые не могли этого дѣлать по неимѣнію или бѣдности родителей или родныхъ, и что кадеты не могли объѣдаться и болѣть, а и того хуже напиваться, что иной разъ, не смотря на всѣ строгости, случалось между перворотцами. По такой же причинѣ не дозволялось кадетамъ имѣть въ корпусѣ чай, сахаръ и другія постороннія вещи, а внѣ корпуса—носить не казенное, а свое бѣлье и платье, какъ это, къ сожалѣнію, дозволяется въ настоящее время въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ.

Для полноты очерка кадетской жизни остается еще описать столовыя залы, въ которыхъ кадеты въ половинѣ седьмого пили сбитень, въ половинѣ перваго садились за обѣдъ, а въ восемь часовъ вечера ужинали. Такихъ залъ было двѣ и находились онѣ въ нижнемъ этажѣ, по обѣ стороны кухни; одна вмѣщала гренадерскую и первую роты, другая—всѣхъ кадетъ младшихъ ротъ. За параллельно разставленными въ двѣ колонны столами и совершали кадеты, сидя на скамейкахъ, свою однообразную и не всегда вкусную трапезу.

Скатерти, которыми покрывались столы, нельзя сказать, чтобы были тонки, а подчасъ были и довольно грязны, въ особенности онѣ были залиты и нечисты по середамъ и по воскресеньямъ за сбитнемъ, когда ихъ перемѣняли чистыми. То же самое можно было сказать и о салфеткахъ, полагавшихся въ гренадерской и первой ротахъ всѣмъ кадетамъ, а въ младшихъ—только унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ. Подвергавшіеся частому битію фаянсовыя тарелки, графинны съ водой или квасомъ, ставившіеся съ нѣсколькими стаканами посрединѣ стола, были самые простые. Ложки, суповыя чаши и блюда были металлическія: первыя были серебряныя, послѣднія, если не ошибаюсь, оловячныя. Ножи и вилки, съ деревянными или костяными черенками, подавались большею частію дурно вычищенными, притомъ лезвія первыхъ были до того тупы, что ими съ трудомъ можно было рѣзать, а зубцы вилокъ были, большею частію, поломаны или искривлены.

За каждый столъ садилось не болѣе двадцати кадетъ. Сверхъ того, по концамъ каждаго стола, одинъ противъ другаго, сидѣли унтеръ-офицеры, разливавшіе супъ или щи и раздававшіе прочія кушанья, изъ ставившихся передъ ними суповыхъ чашъ и блюдъ. Въ младшихъ же ротахъ унтеръ-офицеры обязаны были слѣдить за порядкомъ и чиннымъ сидѣніемъ кадетъ за столомъ и, въ случаѣ неисполненія ихъ приказаній, тутъ же наказывали, оставляя безъ пирога и даже цѣлаго обѣда. Дежурный же офицеръ и фельдфебель имѣли право высылать ослушниковъ изъ-за стола и ставить ихъ на показъ возлѣ стѣны или, выражаясь по кадетски, «ставить къ столбу». Такому же

наказанію подвергались лѣтяти въ классахъ и шалуны въ ротлахъ. Въ первой же ротѣ, а тѣмъ болѣе въ гренадерской, дежурный офицеръ уже не имѣлъ права подвергать кадета такому наказанію. Онъ могъ дѣлать замѣчанія и выговоры, а на ослушниковъ жаловаться ротному командиру. Однако, благоразумнѣе поступалъ тотъ дежурный офицеръ, который оставлялъ безъ вниманія разныя невѣжественныя выходки кадетъ, какъ бы не замѣчая ихъ, не надоѣдалъ имъ своими замѣчаніями, не отягчалъ ихъ своимъ присутствіемъ и если не потворствовалъ ихъ затѣямъ, то смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ шалости, пожалуй, иной разъ и не совсѣмъ благовидныя.

Дежурному офицеру нужно было имѣть много такта, терпѣнія и хладнокровія, чтобы умѣть ладить съ кадетами вообще, а съ перворотцами въ особенности, и чтобы, если не пользоваться ихъ любовью, то неподвергаться ихъ насмѣшкамъ и даже балаганнымъ выходкамъ. Немного было офицеровъ, подобныхъ Нагорному, Поморскому, Гореву, которые, въ продолженіе долгаго своего служенія въ первой ротѣ, ни разу не были опиканы или осмѣяны. Но за то такіе вспыльчивые, раздражительные, суетливые офицеры, какъ напимѣръ Корфъ ¹⁾, не уживались даже съ кадетами младшихъ ротъ и подвергались осмѣянію, а о перворотцахъ и говорить нечего. Помнится мнѣ, что однажды этого Корфа, получившаго кличку «пѣтуха», съ десятокъ шалуновъ второй роты, въ которой онъ былъ дежурнымъ офицеромъ, довели до бѣшенства, кончившагося серьезною болѣзнію, тѣмъ, что послѣ пробитія вечерней зори пѣли по пѣтушину. Если бы, вмѣсто того, чтобы метаться съ одного конца длиннаго дортуара на другой съ поднятыми кулаками и съ пѣною у рта, онъ посмѣялся бы ихъ шалости и попросилъ бы не дурачиться, а лучше спать, или, не обращая на это вниманія, удалился бы спокойно въ дежурную комнату, то, безъ сомнѣнія, все обошлось безъ дурныхъ послѣдствій и для него, и для кадетъ. Первый долго болѣлъ, а изъ послѣднихъ зачинщики были не только посажены въ карцеръ, но и наказаны розгами.

Оканчивая этимъ описаніе кадетской жизни съ нравственной и физической стороны, очертимъ ходъ умственнаго и фронтowego образованія.

¹⁾ Этотъ Корфъ, бывшій впоследствии ротнымъ командиромъ, былъ младшій братъ генералъ-адъютанта В. С. Корфа, взятаго изъ корпуса въ 1829 году воспитателемъ одного изъ великихъ князей. Служебная же карьера описываемаго Корфа мнѣ неизвѣстна.

III.

Научное развитіе и образованіе кадетъ, сообразно возрасту и познаніямъ каждаго изъ нихъ, совершалось: въ четырехъ нижнихъ, восьми среднихъ и семи верхнихъ классахъ. Не упоминая о нижнихъ классахъ, какъ приготовительныхъ, и о седьмомъ верхнемъ классѣ, какъ исключительно помѣщавшемъ въ своихъ стѣнахъ восемнадцатилѣтнихъ верзилъ перворотцевъ, всѣ прочіе классы по ходу движенія въ нихъ научнаго образованія дѣлились на шесть группъ или отдѣленій.

Главными классами въ этихъ группахъ были I, II, IV и V верхніе, I, IV и VI средніе классы, съ которыхъ начинались объясняться новые предметы или читались высшія части преподаваемой науки въ низшихъ классахъ; всѣ-же прочіе были дополнительными, потому что въ нихъ повторялось все то-же, что читалось въ главныхъ классахъ. Такимъ образомъ, служили дополненіемъ: второму верхнему—третій классъ, пятому верхнему—шестой классъ, первому среднему—второй и третій классы, четвертому былъ дополненіемъ пятый классъ, а шестой съ седьмымъ и восьмымъ средними классами составляли послѣднюю группу. Если же существовало такое раздѣленіе классовъ, то оно происходило отъ той единственной необходимости, чтобы каждый классъ не содержалъ болѣе тридцати пяти кадетъ; въ противномъ же случаѣ по составу корпуса пришлось бы имѣть отъ 70 до 100 учениковъ въ каждомъ классѣ.

Независимо этого существовало еще особое дѣленіе для верхнихъ классовъ, исключительно въ смыслѣ выпуска кадетъ въ офицеры. Первый и второй верхніе классы, — за исключеніемъ фельдфебелей, выпускаемыхъ въ гвардію, — приготовляли артиллерійскихъ офицеровъ. Изъ третьяго верхняго класса кадеты, достигшіе 18-ти лѣтняго возраста, выпускались въ саперы, гренадерскіе полки и въ кавалерію, — въ первые два рода оружія по желанію или назначенію, въ кавалерію же сверхъ того и по средствамъ. Изъ четвертаго класса выпуска не дѣлалось, по той причинѣ, что въ этотъ классъ переводились способные, прилежные и нравственные ученики не старше 16-ти лѣтъ, какъ долженствующіе оканчивать свое воспитаніе первымъ верхнимъ классомъ. Всѣ кадеты, достигавшіе 18-ти лѣтняго и болѣе возраста, выпускались изъ пятаго и шестого верхнихъ классовъ въ армейскіе пѣхотные полки; не воспрещалось выходить и въ кавалерію, но только отъ такихъ кадетъ требовалось удостовѣреніе о средствахъ къ безбѣдному служенію въ этомъ родѣ оружія.

Главными предметами, на которые обращалось особое вниманіе директора и которые читались отъ низшихъ до перваго верхняго класса, были: математика, исторія и географія, а также языки русскій, французскій и нѣмецкій съ ихъ синтаксисомъ и краткою исторіею литературы. Независимо этого, въ четырехъ верхнихъ классахъ преподавались артиллерія, полевая и долговременная фортификація, физика съ химіей и сверхъ того, исключительно въ первомъ верхнемъ классѣ, читалась исторія военнаго искусства.

На математику, начиная отъ ариѳметики до интеграловъ и дифференціаловъ, замѣненныхъ въ 1832 году механикой, опредѣлялось самое большее число научныхъ часовъ. Она читалась по курсамъ академика Фусса и Франкера и механика Монжа. Лучшими преподавателями были, кромѣ самого академика Фусса, Буняковскій, инженеръ путей сообщенія майоръ Янушевскій и носившіе корпусные мундиры полковники Денисовъ и Шульгинъ, а также штабсъ-капитанъ Поморскій.

На исторію и географію съ статистикой не обращалось особеннаго вниманія. Изучались историческія событія, въ особенности войны великихъ полководцевъ, безъ всякаго критическаго взгляда и разбора совершившихся фактовъ. Да и не было руководствъ ко всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ за исключеніемъ Кайданова, да развѣ Гюббона и Шлецера. Въ то время не было извѣстно ни о Геренѣ, ни о Гервинусѣ, ни даже о нашемъ русскомъ историкѣ Шульгинѣ. За исключеніемъ Талызина, читавшаго русскую исторію въ первомъ и второмъ верхнемъ классахъ, всѣ прочіе преподаватели исторіи были не выше посредственности, по своимъ знаніямъ и умѣнію рассказывать и объяснять. То же самое можно сказать относительно преподавателей и руководствъ по части географіи и статистики. Въ первомъ и второмъ верхнихъ классахъ объяснялось Шмыгинымъ въ общихъ чертахъ состояніе европейскихъ государствъ и даже былъ сдѣланъ опытъ по составленію сравнительной таблицы статистическихъ данныхъ. Въ четвертомъ верхнемъ классѣ тотъ же Шмыгинъ, не знаю только для какой цѣли и надобности, читалъ географію Европы на французскомъ языкѣ; вѣроятно, этотъ предметъ уцѣлѣлъ отъ ангальтовскаго времени, когда большинство предметовъ преподавалось на этомъ языкѣ.

Еще менѣе ясно, а болѣе сжато и неопредѣлительно, преподавались физика съ химіею. Эти находящіяся въ то время въ младенчествѣ науки не имѣли другихъ печатныхъ руководствъ, кромѣ горнаго инженера Вольемута, и хотя авторъ былъ самъ преподавателемъ, но онъ такъ дурно изъяснялся по русски и до того былъ старъ и добръ, что его лекціи большинство не слушало, а, пожалуй, и не понимало. Когда же производились опыты, то классъ уподоб-

лялся балаганному представленію: столько было безпорядка вокругъ кафедры, гдѣ вмѣстѣ съ шумомъ и толкотнею кадетъ слышались восклицанія добродушнаго старика о сохраненіи своихъ стклянокъ и банокъ.

Артиллерія и исторія военнаго искусства читались, не припомню кѣмъ, кажется, полковникомъ Весселемъ, хотя внятно и хорошо, но сжато и коротко. Напротивъ, полевая и долговременная фортификація, въ особенности послѣдняя, преподавались слишкомъ пространно. Первая читалась въ третьемъ и четвертомъ верхнихъ классахъ инженеръ-подполковникомъ Шмидтомъ. Этотъ штабъ-офицеръ своимъ живымъ рассказомъ, переполненнымъ примѣрами изъ послѣднихъ войнъ, умѣлъ вселить въ своихъ слушателяхъ охоту къ такой сухой наукѣ. За то не долголюбивали слушатели перваго и втораго верхнихъ классовъ долговременную фортификацію. Они не долголюбивали эту науку, какъ потому, что ее читалъ суровый и мрачный полковникъ Черкасовъ, такъ и за множество подробностей и чертежей разсматриваемыхъ системъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ было со всею подробностію разсматривать системы крѣпостей Дюрера, Кормонтаня и другихъ, когда не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ кадетъ дѣлался инженеромъ; а для сапера достаточно было и въ половину меньше познаній, преподаваемыхъ Черкасовымъ.

Русскій языкъ стоялъ не на той высокой степени, на которой ему слѣдовало стоять, какъ языку родному. Это происходило не только оттого, что не имѣлось хорошихъ преподавателей въ среднихъ классахъ, но и потому, что самая система преподаванія была не вполне правильная, надлежащая. Да и въ верхнихъ классахъ, за исключеніемъ развѣ Кречетова да Вѣлышева, умѣвшаго отлично читать ¹⁾, не было ни одного преподавателя, критически знакомаго съ тогдашней русской литературой и тонкостями языка. Во французскомъ и особенно нѣмецкомъ языкахъ кадеты дѣлали еще меньшіе успѣхи. Но если виновниками не надлежащаго изученія русскаго языка были система и преподаватели, то причиною слабыхъ познаній французскаго и нѣмецкаго языковъ были сами кадеты. Не смотря на то, что и преподаватели были недурные, напримѣръ французъ Динакуръ; не

¹⁾ Вѣлышевъ воспитывался въ 1-мъ корпусѣ и такъ какъ онъ былъ небольшого роста и кривоногий, то при выпускѣ изъ корпуса, за хорошее знаніе русской словесности, ему предложено было остаться при корпусѣ преподавателемъ этого предмета. Онъ въ особенности хорошо читалъ комедіи и трагедіи, при чемъ мастерски мѣнялъ голоса и умѣлъ выставять важность, ничтожество или комичность дѣйствующаго лица.

смотря на то, что директоръ съ ротными командирами всѣми мѣрами старались заставить говорить между собою кадетъ хотя по французски, но ихъ старанія оставались тщетны. Кадеты упорно отрекались отъ всего иностраннаго. Черта благородная и патриотическая, но до такой степени вредная, что кадеты, хорошо говорившіе по французски или по нѣмецки, при поступленіи въ корпусъ, по выпускѣ въ офицеры, если и не забывали этихъ языковъ, то и не приобрѣтали въ нихъ новыхъ познаній.

Затѣмъ, еще остается взглянуть на устройство классовъ и порядокъ, въ нихъ существовавшій. Классныя комнаты среднихъ и верхнихъ классовъ, какъ помѣщавшіяся въ одномъ строеніи, были одинаково свѣтлы, помѣстительны и окнами выходили съ одной стороны въ садъ, а съ другой стороны—на такую же галерею, которою обнесень былъ весь корпусъ. Входить въ классы можно было только съ двухъ противоположныхъ концевъ строенія; поэтому внутренніе классы не имѣли другого выхода, какъ чрезъ сосѣдніе классы, что было во многихъ отношеніяхъ неудобно, въ особенности во время перемѣнъ, и вело къ нарушенію порядка и тишины. Внутреннее устройство классныхъ комнатъ было одно и то же, съ тою только разницею, что въ верхнихъ классахъ самыя каеэдры, да и стоящія на нихъ доски, были огромнѣе, а число чертежныхъ столовъ было болѣе противъ среднихъ классовъ. Такъ называемыя «банки» ¹⁾ стояли въ четыре или пять параллельныхъ линій двумя колоннами, между которыми, кромѣ боковыхъ, были средніе проходы. Передъ «банками» возвышалась каеэдра, состоящая изъ небольшого стола и стула и огромной деревянной черной доски, по произволу опускавшейся и поднимавшейся. Такое устройство классовъ было удобно и практично, потому что преподаватель могъ видѣть сидящихъ передъ нимъ кадетъ и каждого изъ нихъ вызывать черезъ проходы къ кафедрѣ. Въ свою очередь, кадеты могли видѣть, что писалось и чертилось на доскѣ, и хорошо слышать, что говорилось и читалось. Классы освѣщались лампами и кинкетами,

¹⁾ «Банки» уподоблялись длинною отъ 1½ до 2 сажень, шириною въ аршинъ и такой высоты конторкамъ, что сидящіе за ними на скамейкахъ кадеты могли удобно заниматься, а главное писать. Скамейка съ конторкой составляло цѣлое, такъ что вмѣстѣ съ конторкой передвигалась и скамейка. Въ передней горизонтальной части каждой конторки было нѣсколько вертикальныхъ углубленій, въ которые вкладывались жестяныя чернильницы и песочницы. За каждой такой банкой помѣщалось не болѣе 6 кадетъ. Такъ какъ задняя банка была нѣсколько выше впереди стоящей, то каждый влассъ уподоблялся амфитеатру.

масло въ которыхъ было не всегда хорошее, а потому, какъ по этой причинѣ, такъ и по неумѣнью обращаться съ ними, зачастую горѣли тускло и былъ слышенъ дурной запахъ.

Для наблюденія за порядкомъ вообще и въ особенности за тѣми классами, въ которыхъ по болѣзни или другимъ причинамъ не было преподавателей, назначались, какъ и въ ротахъ, дежурные офицеры по одному на средніе и верхніе классы. Наблюденіе за общимъ ходомъ всѣхъ научныхъ предметовъ лежало на обязанности инспектора классовъ, которымъ въ мое время былъ сначала не помню кто, а потомъ—Кушакевичъ. Но самымъ главнымъ наблюдателемъ и руководителемъ научнаго образованія кадетъ былъ главный начальникъ корпуса—Михаилъ Степановичъ Перскій. Онъ обходилъ ежедневно классы утромъ и вечеромъ, дѣлая это не столько по обязанности или по привычкѣ, пріобрѣтенной имъ, въ бытность директоромъ корпуса Клингера, инспекторомъ классовъ, сколько изъ любви къ своимъ питомцамъ и изъ желанія видѣться и бесѣдовать съ ними почаще. И гдѣ же онъ могъ лучше знакомиться съ ними и узнавать ихъ способности, какъ не въ классахъ? А Михаилъ Степановичъ, дѣйствительно, зналъ своихъ воспитанниковъ, въ особенности хорошо учащихся и доброй нравственности кадетъ, потому что, кромѣ классовъ, онъ видѣлся съ ними въ дортуарахъ, лазаретѣ, церкви и даже, въ лѣтнее время, въ саду. Не любилъ посѣщать только столовыхъ и рекреационныхъ залъ. Въ первыхъ не бывалъ, можетъ быть, потому, что не хотѣлъ раздражать себя дурною пищею кадетъ, которую при всемъ его желаніи, за неимѣніемъ средствъ, нельзя было улучшить. Рекреационныя же залы не посѣщалъ изъ полного равнодушія къ фронту и строевому образованію кадетъ; по этой же причинѣ онъ не присутствовалъ на баталіонныхъ ученіяхъ и не бывалъ въ лагерѣ. Можетъ быть нелюбовь Михаила Степановича къ фронтовому образованію происходила и отъ того, что оно отнимало много времени у кадетъ на изученіе тѣхъ тонкостей строя, которыя начались требоваться отъ нихъ со вступленіемъ на престолъ Императора Николая I-го, и въ особенности съ назначеніемъ главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній великаго князя Михаила Павловича.

И дѣйствительно, много времени отнималось у кадетъ и много труда стоило ротнымъ командирамъ, когда начинались приготовления къ майскому или другому параду, назначаемому по какому либо торжественному случаю ¹⁾, а также передъ выступленіемъ въ лагерь. Не

¹⁾ Напримѣръ, въ октябрѣ 1829 года, во время празднованія мира, заключеннаго въ Адрианополѣ, былъ парадъ на Царицыномъ лугу, что нынѣ Марсово поле. Не смотря на значительный холодъ, кадеты были на этомъ парадѣ въ однихъ мундирахъ.

менѣе времени тратилось на приготовленіе почетныхъ карауловъ, ходившихъ на разводѣ въ Инженерный манежъ, и ординарцевъ, представлявшихся тамъ же государю императору.

Но чтобы достигнуть воинственной-выправки и осанки, умѣть хорошо дѣлать ружейные приемы ¹⁾, умѣть стройно маршировать въ ногу, въ особенности на руку дистанціи, какъ обыкновенно проходили мимо царя на разводахъ, нужно было не мало времени. А потому, начиная съ неранжированной роты, въ продолженіе всей зимы, съ 11-ти часовъ до половины перваго, а иной разъ и по вечерамъ, производились одиночныя и шереножныя ученья. Передъ парадами же и выступленіемъ въ лагерь сначала дѣлались ротныя ученья, а потомъ сводился баталіонъ для церемоніальнаго марша и разныхъ построеній. Баталіонныя ученья производились во время холода и дождя въ корпусномъ манежѣ, а въ теплую и хорошую погоду—на корпусномъ плацу, входившемъ въ составъ огромнаго сада, въ которомъ кадеты проводили въ разныхъ играхъ все свободное время отъ классныхъ и строевыхъ занятій. На этотъ плацъ собирались и другія военно-учебныя заведенія для общаго церемоніальнаго марша и ученій, что дѣлалось, по преимуществу, передъ выступленіемъ въ лагерь.

Фронтное образованіе не требовало такого неусыпнаго наблюденія и побужденія, какъ научное. Каждый кадетъ второй и третьей роты, если онъ не былъ кривоножка или слабосильный, самъ старался поскорѣе быть «фронтовикомъ», т. е. попасть въ строевой составъ роты, потому что съ того времени онъ пріобрѣталъ право ходить на парады и въ лагерь. А такого права труднѣе было достигать кадетамъ 2-й и 3-й роты, нежели гренадерамъ и перворотцамъ, по

¹⁾ Ружейные приемы были слѣдующіе: на плечо, къ ногѣ, на караулъ, подъ выроекъ, ружье вольно, ружье на правое плечо, на руку, на перевѣсъ, отъ дождя, на молитву и на погребенье. Заряжанье ружья было: по приѣмамъ—раздѣлявшееся на 12 темповъ, вольное—раздѣлявшееся на 3 темпа и безъ команды. Пальба производилась: батальонами, дивизіонами, plutонгами или взводами, шеренгами, отдѣленіями или рядами; первое производилось по командѣ, а послѣднее—по командѣ и по бою «тревога». Достоинство ружейныхъ приемовъ заключалось въ ловкости, отчетливости, чистотѣ и звонкости темповъ. Для достиженія послѣдняго свойства приемовъ ослаблялись винты на штыковыхъ гайкахъ; дерево на ложѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надѣвались мѣдныя гайки, подливалось; шомполами особенно звенѣли во время прибивки патрона и при вкладываніи въ ложу. Однимъ словомъ, употреблялись всѣ уловки, чтобы портить ружья. Впрочемъ, дѣло было не въ портчѣ ружей, которые и безъ того были дурны, а во вредномъ пониманіи на счетъ правильнаго обращенія съ ними.

той простой причинѣ, что отъ гренадерской и первой роты входило въ составъ баталіона четыре взвода, тогда какъ изъ 2-й и 3-й роты поступало только два взвода ¹⁾. Слѣдовательно, ротные командиры послѣднихъ могли выбирать изъ цѣлаго лучшую половину «фронтониковъ». А это возбуждало не малое соревнованіе между кадетами этихъ ротъ, пожалуй, черезъ это возбуждалась и зависть между ними. Но если парады и лагерь возбуждали ревность и зависть между кадетами младшихъ ротъ, то почетные караулы и ординарцы разжигали эти страсти между гренадерами и перворотцами, потому что въ почетный караулъ и на ординарцы выбирались, въ свою очередь, лучшие фронтоники.

Еще сильнѣе волновались кадетскія страсти внѣ стѣнъ корпуса, когда происходило состязаніе между военно-учебными заведеніями въ присутствіи царя. Это состязаніе происходило въ Петергофѣ, гдѣ, начиная съ 1828 года, всѣ корпуса ²⁾ съ половины іюня до начала августа жили въ палаткахъ; каковое блаженное время для кадетъ я и намѣренъ описать съ нѣкоторою подробностью.

Съ перваго іюня измѣнялся, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, образъ жизни кадетъ. Уже не раздавался ни по утрамъ, ни въ два часа пополудни барабанный бой, сзывавшій кадетъ въ классы. Съ 1 іюня

¹⁾ Составъ кадетскаго баталіона былъ 6-ти взводный, а взводъ свыше 16-ти рядовъ не выводился на парады и не выступалъ въ лагерь. Строй баталіона былъ слѣдующій: 1-й взводъ составляли гренадеры, 2-й и 3-й взводы—1-я рота, 4-й взводъ состоялъ изъ воспитанниковъ 2-й, а 5-й изъ кадетъ 3-й роты, наконецъ 6-й взводъ составляли стрѣлки гренадерской роты. Сверхъ того, два взвода, по порядку нумеровъ, составляли дивизионы, а три взвода полубаталіонъ. Знаменные ряды, состоявшіе изъ знаменщика и четырехъ ассистентовъ унтеръ-офицерскаго званія, раздѣляли баталіонъ на два полубаталіона. Первый полубаталіонъ строился справа нагѣво, а второй—слѣва на право. Строй былъ трехъ-шереножный. Во время стрѣльбы (примѣрной) баталіонами, дивизионами, плутонгами и рядами 3-я шеренга не стрѣляла, а брала ружья къ ногъ. Во время ученья съ разсыпнымъ строемъ 3-я шеренга составляла застрѣльщиковъ, строившихся по сигналу за флангами развернутаго баталіона и въ колоннѣ позади баталіонной колонны.

²⁾ Петергофскій кадетскій лагерь составляли 1-й, 2-й и Павловскій корпуса, сводный баталіонъ изъ пѣшихъ юнкеровъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, воспитанниковъ пажескаго корпуса и кондукторовъ инженернаго училища и два баталіона Дворянскаго полка. Для линейнаго ученья эти 6 баталіоновъ дѣлились на два полка. Сверхъ того въ составъ кадетскаго отряда входили: дивизионъ кавалеріи, состоявшій изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и дивизионъ орудій юнкеровъ артиллерійскаго училища.

классы закрывались и мѣсто научнаго образованія заступало фронтное. Съ утра до вечера кадеты были заняты ротнымъ и батальоннымъ ученіемъ, а также пригонкой одежды и аммуниціи. На то и другое обращалось особенное вниманіе со стороны ротныхъ командировъ, по той главной причинѣ, что съ выпускомъ въ офицеры измѣнялся составъ ротъ ¹⁾. Кромѣ ранжира и другихъ мелочей, нужно было согласовать ружейные приемы и уравнивать шагъ. Кромѣ обновленія и пригонки новой мундирной одежды, нужно было пригнать патронныя сумы съ перевязями, ранцы и лагерныя кивера ²⁾. Особенная дѣятельность въ это время проявлялась между ротными командирами гренадерской и первой роты, которыя измѣнялись въ своемъ строевомъ составѣ почти на половину.

Но съ 1831 года для ротнаго командира гренадерской роты, которымъ былъ въ то время подполковникъ Сивербрикъ ³⁾, явилась новая, ни съ чѣмъ несравнимая, забота — это блюсти за августѣйшимъ гренадеромъ. Въ этомъ году государь императоръ осчастливилъ кор-

¹⁾ Кадеты выпускались въ офицеры по окончаніи экзамена въ концѣ апрѣля или въ маѣ. Годовые, переводные или выпускные экзамены начинались обыкновенно въ мартѣ и болѣе мѣсяца не продолжались. Не смотря на такой короткій срокъ, экзамены производились основательно: 1) потому что они производились одновременно нѣсколькими коммисіями, состоявшими изъ преподавателей тѣхъ классовъ, въ которыхъ не было экзаменовъ, ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ, и 2) по той простой причинѣ, что они производились безъ перерыва или отдыха на приготовленіе, какъ это дѣлается въ настоящее время, притомъ иные экзамены продолжались по утрамъ до обѣда, а по вечерамъ до ужина. Директоръ корпуса и инспекторъ классовъ избирали экзаменующіеся классы по своему усмотрѣнію и по важности предмета.

²⁾ Патронныя сумы безъ патроновъ, потому что кадеты никогда не стрѣляли даже холостыми зарядами и тесаки носили на бѣлыхъ перевязи и португезѣ, пристегиваемыхъ одна къ другой и надѣваемыхъ крестообразно. Ранцы были безъ вещей и набивались соломой, носились же на бѣлыхъ ремняхъ и тоже крестообразно. Клеенчатые кивера были той же безобразной формы, какъ и парадные, но только безъ кутасовъ, султановъ или помповъ съ репейками.

³⁾ Это былъ тотъ самый Сивербрикъ, который въ день поступленія моего въ корпусъ былъ корпуснымъ адъютантомъ. Ротнымъ командиромъ гренадерской роты онъ былъ назначенъ въ 1829-мъ году, послѣ полковника Слатвинскаго. Вслѣдствіи онъ былъ директоромъ института инженеровъ путей сообщенія. Не знаю, долго ли онъ занималъ этотъ постъ, но мнѣ извѣстно, что онъ умеръ отставнымъ генералъ-майоромъ, находясь въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, — какъ жившій однимъ пенсіономъ. Егоръ Ивановичъ Сивербрикъ былъ строгій, но справедливый и честный человѣкъ. М. О.

путь двумя высокими милостями: назначеніемъ себя, по кончинѣ своего брата Константина Павловича, «шефомъ корпуса» и приказаніемъ старшему сыну своему находиться въ рядахъ гренадеръ въ продолженіе лагернаго времени и нести одинаковую службу съ кадетами. Поэтому наследникъ всероссійскаго престола являлся съ пунктуальною точностію въ сопровожденіи своего воспитателя генераль-адъютанта Мердера ¹⁾ на всѣ ученья, совершалъ съ кадетами походы, маневрировалъ съ ними, стоялъ на аванпостахъ, проводилъ ночи на бивуакахъ. Не смотря на то, что прошло полустолѣтіе, но я ясно представляю себѣ тотъ бивуакъ, когда, послѣ утомительнаго перехода, усталый цесаревичъ спалъ на соломѣ среди кадетъ, а престарѣлый его дядька дремалъ, сидя на складномъ стулѣ, подъ деревомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего августѣйшаго питомца ²⁾.

Да и сколько другихъ благоговѣйныхъ воспоминаній воскресаетъ о лагерной жизни! Кто изъ современниковъ не припомнитъ то отческое обращеніе царя съ кадетами, собиравшимися въ Александрию! Кто не помнитъ, когда, въ разгаръ любимой игры «бары» наследника престола съ кадетами, бывало раздастся могучій голосъ царя, что въ лагерь тревога, и все бросится бѣжать, и бѣгутъ кадеты полутораверстное разстояніе, обливаясь потомъ и безъ оглядки, чтобы прибѣжать въ лагерь, если не ранѣе, то одновременно съ экипажемъ царя! Кто не припомнитъ ласковаго обращенія царицы съ кадетами, толпившимися вокругъ Александрии, которыхъ она поила чаемъ, бросала конфеты и апельсины? Кто не помнитъ штурмъ каскада, что между фонтаномъ Самсона и Большимъ дворцомъ, когда царица раздавала часы, кольца и другіе призы первымъ взобравшимся на верхъ каскада облитымъ водою кадетамъ.

И много другихъ разнородныхъ воспоминаній роняется въ моей головѣ. Но полагая, что жизнь кадета вообще и безъ того представлена мною довольно рельефно, мнѣ остается въ заключеніе сказать

¹⁾ Генераль-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, выпущенный въ 1804 году изъ перваго корпуса, передъ назначеніемъ воспитателемъ къ наследнику престола въ 1824 году, былъ, между прочимъ, въ числѣ воспитателей 1-го кадетскаго корпуса.

Одновременно съ его высочествомъ пріѣзжали: Вьельгорскій, умершій въ тридцатыхъ годахъ гвардейскимъ офицеромъ; Паткуль, генераль-адъютантъ, умершій въ 1877 г., и Мердеръ, сынъ Карла Карловича, нынѣ генераль-адъютантъ.

²⁾ Это было въ іюль 1831 года, во время внезапнаго перемѣщенія кадетскаго лагеря изъ Петергофа въ Царское село, по случаю появленія холеры въ первомъ изъ этихъ городовъ.

нѣсколько словъ о современныхъ моему пребыванію въ корпусѣ начальственныхъ лицахъ, о которыхъ мнѣ не приходилось еще упоминать. Начну, какъ и подобаеть, съ главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ.

Генераль-адъютантъ Николай Ивановичъ Демидовъ обращалъ на себя вниманіе не столько добротою и любовію къ кадетамъ, которыхъ онъ называлъ не иначе, какъ «дѣтушками», сколько своею каррикатурною наружностью и оригинальностью. Его парикъ, зачесываемый пѣтушкомъ, большой носъ, длинное и широкое туловище, короткія ноги, растопыренныя руки—сильно его безобразили; въ особенности онъ былъ каррикатуренъ, когда облачался въ парадную форму, т. е. мундиръ съ фалдами, лосиные брюки, ботфорты и перепоясывался шарфомъ. Многое рассказывалось про его оригинальность. Говорили, что онъ кувыркался, скакалъ на четверинкахъ, вскакивалъ съ разбѣга въ растопыренную двумя камердинерами рубашку; если попъ переходилъ дорогу въ то время, когда онъ куда нибудь ѣхалъ, то возвращался назадъ; проходя или проѣзжая не только мимо церквей, но и крестовъ, усердно крестился и молился. Въ послѣднемъ я самъ лично убѣдился, ѣхавши съ нимъ въ каретѣ во дворецъ на обѣдъ къ великому князю Михаилу Павловичу ¹⁾. Удостоился же я этой чести со стороны Н. И. Демидова изъ доброй памяти къ моему отцу, служившему подъ его начальствомъ въ Финляндіи, и въ то время, когда я былъ унтеръ-офицеромъ гренадерской роты. Комично и жалко было мое положеніе, когда, сидя бочкомъ, на кончикѣ, въ двумѣстной каретѣ, занятой широкимъ туловищемъ моего принцепала, и держа въ одной рукѣ киверъ съ длиннымъ султаномъ, другою долженъ былъ спускать стекло и креститься во время проѣзда мимо церквей. Поступалъ же я такимъ образомъ по наставленію своего ротнаго командира.

Директоръ корпуса, Павелъ Петровичъ Годейнъ, во многомъ расходился съ своимъ предмѣстникомъ, Михаиломъ Степановичемъ Церскимъ, умершимъ въ годъ торжественнаго празднованія столѣтняго юбилея корпуса, а именно въ 1832 году. Покойникъ былъ безсребренникъ; да ему и не для кого было заботиться о сбереженіи, потому что онъ былъ одинокъ. Напротивъ, его намѣстникъ былъ семейный и долженъ былъ расходовать значительное количество денегъ на содержаніе своего красиваго старшаго сына, служившаго въ лейбъ-гусарахъ. Михаилъ

¹⁾ На такіе обѣды, бывавшіе по нѣсколько разъ въ году, исключительно по субботамъ, назначались примѣрные воспитанники военно-учебныхъ заведеній. Послѣ обѣденнаго стола кадеты оставались въ велико-княжескомъ дворцѣ до позднаго вечера.

Степановичъ былъ уменъ, образованъ, дѣятеленъ, ласковъ, привѣтливъ, красивъ собою, а Павелъ Петровичъ обладалъ болѣе или менѣе противоположными качествами души и сердца. Первый, посѣщая классы, лазаретъ, дортуары и, вообще, являясь передъ кадетами, не иначе былъ одѣтъ, какъ въ мундирѣ со шляпой и при шпагѣ; послѣдній, если и посѣщалъ классы, лазаретъ и дортуары, то являлся въ сюртукѣ, иной разъ довольно поношенномъ, полурастегнутъ, съ хлыстомъ или трубкой въ рукѣ. Такое поведеніе новаго директора не мало шокировало и удивляло кадетъ; а его неласковое, непривѣтливое обращеніе возбудило въ нихъ нелюбовь къ нему.

Не малый контрастъ составляли между собою полковники Шмидтъ и Слатвинскій, баталіонные командиры корпуса. Первый, будучи до своей смерти, послѣдовавшей въ 1829 году, командиромъ 2-й роты, зналъ въ совершенствѣ уставъ и, не смотря на свои преклонныя лѣта, былъ хорошимъ ѣздокомъ; а потому командовалъ и управлялъ баталіономъ съ достоинствомъ. Яковъ же Ивановичъ Слатвинскій, не обладая, какъ баталіонный командиръ, достоинствомъ своего предшественника и будучи притомъ тученъ и лѣнивъ, частенько попадалъ въ просакъ; отъ чего отъ кадетъ, хотя подсмѣивавшихся надъ нимъ, но любившихъ его за доброту, получалъ разныя прозвища ¹⁾.

Не могу пройти молчаніемъ и о полковникѣ Черкасовѣ, ротномъ командирѣ 3-й роты и преподавателемъ долговременной фортификаціи въ 1-мъ и во 2-мъ верхнихъ классахъ. Это былъ человекъ умный и образованный, но угрюмый и суровый. Кадеты его болно не долюбливали и называли его «сударь-чертомъ» ²⁾, я же не только не любилъ, но и боялся его,—и имѣлъ на это полное право. По переводѣ меня, въ 1827 году, изъ резервной въ 3-ю роту, я, по слабости моего организма, продолжалъ часто болѣть. Полковникъ Черкасовъ, приписывая частое посѣщеніе мною лазарета лѣни и притворству, однажды включилъ меня въ списокъ лѣнниковъ, которыхъ по субботамъ не только не увольняли въ отпускъ, но и сѣкли. И только благодаря заступни-

¹⁾ Въ числѣ другихъ; дана была полковнику Слатвинскому оригинальная кличка: «иди, иди до мостика»—вотъ по какому случаю. Во время баталіоннаго ученія въ лагерѣ подъ Петергофомъ, желая остановить баталіонъ передъ мостомъ, переброшеннымъ черезъ канаву, когда полк. Слатвинскій обернулся послѣ предварительной команды: «баталіонъ», и увидалъ, что до канавы осталось еще довольно далеко, вмѣсто того, чтобы скомандовать „стой“, произнесъ въ замѣшательствѣ: „иди, иди до мостика“.

²⁾ Поводомъ къ этой кличкѣ былъ самъ Черкасовъ, потому что онъ, разговаривая или спрашивая кадета, если былъ въ хорошемъ расположеніи, называлъ его „сударь“, если же былъ не въ духѣ,—а это случалось чаще перваго,—то обзывалъ „чортомъ“.

честву капитана Буняковского ¹⁾, брата извѣстнаго математика и академика, я избавился отъ этого позорнаго наказанія, могущаго повліять на меня съ самой дурной стороны. Вѣдь неумѣстно строгія наказанія, а тѣмъ болѣе не заслуженныя, иной разъ не исправляютъ, а совращаютъ съ пути истины и нравственности.

Наконецъ, мое послѣднее слово обращаю къ законоучителю и духовнику кадетъ, Николаю Федоровичу Раевскому. Добрый онъ былъ человѣкъ и умный пастырь. Онъ любилъ кадетъ и всегда дарилъ ихъ теплымъ и привѣтливымъ словомъ и кадеты любили и уважали своего красиваго, добраго и умнаго пастыря. Впослѣдствіи онъ былъ наставникомъ-наблюдателемъ по преподаванію Закона Божія въ заведеніяхъ. Кончилъ же свою умную, благотворную дѣятельность, если не ошибаюсь, протоіереемъ Петропавловскаго собора.

М. Я. Ольшевскій.

При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ

[январь 1858 г.].

Жребій брошенъ... Роковое
Слово выслушалъ народъ:
Слово страшное, святое
Произнесъ минувшій годъ.

* * *

И смутилась Русь святая,
И задумалась она:
Чѣмъ-же ты, страна родная,
Глубоко потрясена?

* * *

Иль не вѣруа въ свободу,
Ты не смѣешь говорить?
Иль боишься, что народу
Тяжелѣе будетъ жить?

* * *

¹⁾ Капитанъ Буняковскій былъ помощникомъ полковника Черкасова, а черезъ два года заступилъ его мѣсто, т. е. былъ командиромъ 3-й роты.

М. О.

Съ плечъ твоихъ спадаетъ бремя,
Докажи, что не рабой
Прожила ты рабства время,
А смиралась предъ судьбой.

* * *

Передъ Божиимъ посланьемъ,
Въ духъ вротости, любви,
Жизнь считая испытаньемъ:
Бунта нѣтъ въ твоей крови.

* * *

Покажи намъ, какъ оковы
Скинешь ты съ могучихъ ногъ,
Какъ пойдешь ты въ путь свой новый,
Какъ шагнешь черезъ порогъ,

* * *

О который спотыкались
Люди тысячу вѣковъ,
Гдѣ мечты изоблечались
Человѣческихъ умовъ.

* * *

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихая ль взойдетъ свобода
И незблемый законъ?

* * *

Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не проникнуть въ мракъ и даль,
Не постичь путей исходныхъ,
Богомъ вписанныхъ въ скрижали.

Сергій Тим. Аксаковъ.

Примѣчаніе. Эти стихи, въ свое время напечатанныя въ Москвѣ, написаны С. Т. Аксаковымъ въ промежуткѣ жестокихъ страданій на одрѣ болезни, съ котораго онъ уже не всталъ. Не смотря на мучительный недугъ, онъ съ живымъ участіемъ и любовью привѣтствовалъ начало крестьянскаго освобожденія, возвышенное рескриптами дворянству трехъ западныхъ губерній въ ноябрѣ 1857 года, и одинъ изъ первыхъ въ Москвѣ подиисался на прозекъ адреса государю императору отъ имени московскаго дворянства о дозволеніи приступить и въ Московской губерніи въ учрежденію комитета для разработки положенія объ освобожденіи крестьянъ.

П. В. Шейнъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССИИ.

Николаевская дорога, между Петербургомъ и Москвою,

въ 1842—1852 гг.

X ¹⁾.

Назначеніе мѣстъ для построенія станцій с.-петербурго-московской желѣзной дороги было сдѣлано, къ сожалѣнію, довольно поздно и постройка начата, исключая столичныхъ (начатыхъ въ 1844 г.) въ 1846 году, чрезъ что земляное полотно не было для этого вполне подготовлено и потребовались дополнительные работы, потому что для станцій были нужны, особенно для I и II классовъ, большія, широкія горизонтальныя площадки, имѣя въ виду боковые рельсовые пути какъ для развѣзда, при стоянкахъ здѣсь поѣздовъ, такъ и для прохода паровозовъ въ локомотивное зданіе. Такъ, напримѣръ, въ Спиоровѣ потребовалась для этого значительная выемка къ сторонѣ дер. Спирово.

Распредѣленіе станцій было окончательно утверждено только по приказу 1850 года, отъ 21-го декабря за № 227, именно:

1) Столичная и I класса съ вокзаломъ, — въ С.-Петербургѣ у Знаменской площади.

2) Станція IV класса въ селѣ Колпинѣ, — Колпинская на р. Ижорѣ, въ разстояніи отъ предыдущей въ 25 верстѣ.

3) Станція III класса, близъ с. Саблина, — Саблинская — въ 14 верстѣ.

Приемный домъ и площадка для пассажировъ, близъ Яма-Тосна (на Московскомъ шоссе).

¹⁾ Первые три главы см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г., томъ XLVI, май, стр. 309—322; т. XLVIII, ноябрь, стр. 309—336.

- 4) Станція IV класса, близъ дер. Ушаки, Ушакинская—въ $21\frac{1}{4}$ верстѣ.
- 5) Станція II класса, на р. Тигодѣ, близъ дер. Любань,—Любанская, въ $18\frac{1}{2}$ верстѣ.
- Приемный домъ близъ Яма Померанія (Москов. шоссе) — Померанская.
- 6) Станція IV класса, на р. Раваки близъ дер. Бабина,—Бабинская, въ 16 верстѣ.
- 7) Станція III класса, при р. Керести, близъ Яма-Чудово—Чудовская, 17 верстѣ.
- Отсюда проѣздъ на шоссе въ Новгородъ.
- Приемный домъ и товарная станція, при р. Волховѣ — Волховская есть парходное сообщеніе съ Новгородомъ.
- 8) Станція IV класса, близъ селенія Гряды,—Грядская—въ разстояніи отъ Чудовской $21\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 9) Станція I класса, при р. Малая Вишера, — Маловишерская, въ $19\frac{1}{4}$ верстахъ.
- 10) Станція IV класса, при рѣкѣ Бургѣ—Бургинская, въ 18 верстѣ.
- 11) Станція III класса, при р. Веребѣ,—Веребинская, въ $15\frac{1}{2}$ верстѣ.
- Примѣчаніе. Въ 1881 году, при устройствѣ Веребинскаго обхода, о чемъ приведено выше, устроена вспомогательная станція «Нововеребинская», чрезъ что разстояніе между Бургинской и Торбинской станціями увеличилось на 5 верстѣ.
- 12) Станція III класса, близъ озера Торбино, — Торбинская — въ 12 верстѣ.
- 13) Станція IV класса, при р. Боровенѣ,—Боровенская— $14\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 14) Станція II класса, близъ дер. Окуловка,—Окуловская— $17\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 15) Станція IV класса, близъ озера Сѣнное и Угловскаго болота,—Угловская, $18\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 16) Станція III класса, у дороги въ гор. Валдай,—Валдайская— $17\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 17) Станція IV класса, при рѣкѣ Березайкѣ, — Березайская — $16\frac{1}{4}$ верстѣ.
- 18) Станція I класса, близъ озера Бологое,—Бологовская— $13\frac{1}{4}$ верстѣ.
- 19) Станція IV класса, у озера Имоложье и дер. Зарѣчье,—Зарѣченская—24 версты
- 20) Станція III класса, у гор. Вышняго-Волочка,—Вышневолоцкая—18 верстѣ.
- 21) Станція IV класса, близъ дер. и на рѣкѣ Остченѣ,—Остченская— $15\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 22) Станція II класса, близъ дер. Спирово и р. Малой Тигомы,—Спировская— $17\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 23) Станція IV класса, близъ дер. и ручья Калашникова,—Калашниковская— $19\frac{1}{2}$ верстѣ.
- 24) Станція III класса, близъ дерев. Осташково,—Осташковская— $21\frac{1}{4}$ верстѣ.
- 25) Станція IV класса, близъ дер. Чопорова у озера Кулицкаго и р. Кавы,—Кулицкая—20 верстѣ.
- 26) Станція I класса, близъ гор. Твери,—Тверская— $19\frac{1}{4}$ верстѣ.
- 27) Станція IV класса, близъ д. Полкарпова и Кузьминской и Московскимъ шоссе,—Кузьминская—19 верстѣ.

28) Станція III класса, близъ Яма Завидова (на Московскомъ шоссе) и дер. Фофоновой,—Завидовская—26 верстъ.

29) Станція IV класса, близъ дер. Рѣшетниковой,—Рѣшетниковская—14 верстъ.

30) Станція II класса, близъ горъ Клина,—Клинская—14½ верстъ.

31) Станція IV класса, близъ Яма (на Московскомъ шоссе) Подсолнечная гора,—Подсолнечная—23½ версты.

32) Станція III класса, близъ дер. Брюкова,—Брюковская—24¼ версты.

33) Станція IV класса, близъ дер. Химки, отъ предыдущей въ 18¾ верстъ.

34) Столичная станція I класса, въ Москвѣ,—Московская, въ разстояніи отъ предыдущей 17¼ версты.

Изъ числа этихъ станцій за №№ 1, 2 и 3, въ С.-Петербургской губерніи; за №№ 4—18—въ Новгородской губерніи; за №№ 19—27—въ Тверской губерніи и за №№ 28—34—въ Московской губерніи.

Расположеніе станцій на этой желѣзной дорогѣ основывалось на двухъ главныхъ условіяхъ: во-первыхъ, относительно проѣзда или прогона паровоза безъ перемѣны, который былъ принятъ тогда, по ихъ устройству, около 75 верстъ; съ тѣмъ, чтобы, пробѣжавъ это протяженіе, паровозъ и прислуга ¹⁾ при немъ смѣнялись другими; во-вторыхъ, чтобы снабжать паровозъ водою и топливомъ, для которыхъ при немъ пристегнуть неразлучно—тендеръ, вмѣщавшій въ себѣ ¾ куб. саж. воды и столько-же дровъ.

Чтобы удовлетворить обоимъ этимъ условіямъ, нельзя было соблюсти равномерное разстояніе между станцій, а такое получалось, согласуясь съ мѣстными условіями, именно: гдѣ было удобно расположить станціи, близъ городовъ и значительныхъ населенныхъ мѣстъ, а главное, чтобы во всякомъ случаѣ можно было устроить водоснабженіе для питанія паровозовъ, при чемъ для запаса воды на сутки была назначена наименьшая норма 18 куб. саж. или по 800 ведеръ,—всего 14,400 ведеръ воды въ сутки, считая наибольшее разстояніе между ближайшими станціями около 24 версты.

Относительно прогона или перебѣга паровозовъ имѣлось въ виду наибольшія безъ перемѣны, какъ сказано, около 75 верстъ, съ тѣмъ, чтобы въ промежуткѣ, на половинѣ, на станціи былъ запасный паровозъ; кромѣ того, чтобы на каждой большой станціи чрезъ 75 верстъ были мастерскія для починки паровозовъ, при чемъ черезъ одну большую станцію были болѣе обширныя мастерскія.

На основаніи всего этого, станціи были раздѣлены на классы, причемъ на станціяхъ I и II класса черезъ 75 верстъ, гдѣ мѣняются паровозы и ихъ прислуга, — что требуетъ нѣкотораго времени, — была вмѣстѣ и остановка для пассажировъ на обѣдъ и прочее.

¹⁾ Прислуга на паровозѣ или локомотивѣ состоитъ изъ 3-хъ человекъ: машиниста, его помощника и кочегара.

Имѣя-же въ виду помѣщенія для пассажировъ при продолжительныхъ и кратковременныхъ остановкахъ для пріема пассажировъ и прочаго было положено:

На станціи I класса, — имѣть каменный пассажирскій домъ длиною 54 саж. съ двумя залами, съ площадками, покрытыми галлереями на чугунныхъ колоннахъ, и каменное-же локомотивное зданіе для стоянки 18 паровозовъ пассажирскихъ и товарныхъ съ большими мастерскими и дома для служащихъ; также водоснабженія съ запасомъ дровъ.

На станціи II класса, — такое-же каменное пассажирское зданіе, но длиною 36 саж., съ однимъ заломъ и локомотивное зданіе также для 18 паровозовъ, но съ малыми мастерскими; водоснабженіе съ запасомъ дровъ.

На станціи III класса, на половинѣ (около) разстоянія между станціями I и II классовъ имѣть два каменныхъ двухэтажныхъ дома, именно: при каждомъ изъ 2-хъ рельсовые пути дороги внѣ ихъ, причемъ въ одномъ помѣщеніе для запаснаго паровоза, а водоснабженіе въ другомъ домѣ; кромѣ того, два деревянныхъ пассажирскихъ дома; также дома для служащихъ и сарая для дровъ.

На станціи IV класса, въ каждомъ промежуткѣ между ближайшими станціями I, II и III классовъ, имѣть два малыхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ дома, соотвѣтственно двумъ рельсовымъ путямъ дороги, внѣ ихъ, собственно для снабженія паровозовъ водою, которая вливается въ тендеръ, какъ и на станціи III класса, выдвигаемымъ изъ домовъ рукавомъ. При станціи съ каждой стороны дороги есть сарай для дровъ и дома для служащихъ.

Здѣсь въ этихъ домахъ, какъ и на станціи III класса, въ верхнемъ этажѣ помѣщаются по два и четыре желѣзныхъ бака для воды, накачиваемой сюда водопроводомъ, а въ нижнемъ этажѣ помѣщается кипятильникъ съ трубками въ означенные баки и посредствомъ его вода въ бакахъ зимою нагрѣвается.

Водоемные дома на ст. III и IV для каждаго изъ 2-хъ путей находятся одинъ противъ другаго.

По этому расчету, находится на С.-Петербурго-Московской, нынѣ Николаевской, желѣзной дорогѣ:

Станцій I класса	5
» II »	4
» III »	9
» IV »	16

Всего . . . 34

И одна товарная станція въ Чудовѣ у Волхова.

Сверхъ того, при обѣихъ столицахъ устроены обширныя товарныя станціи, а именно: въ Петербургѣ для разгрузки съ воды судовъ, за пассажирскимъ дворомъ, отъ желѣзной дороги—съ боковыми путями, по лѣвую сторону Обводнаго канала, при уширеніи его съ 10 до 30 сажень на протяженіи 375 саж.; отъ такого бассейна выкопанъ ковпшъ, соединенный съ нимъ поперечнымъ каналомъ въ 100 сажень и состоящій изъ подобнаго бассейну паралельнаго и той же ширины канала, длиною въ 450 саж., упирающагося въ почву, то-есть глухаго. Въ Москвѣ товарная станція устроена сухопутная, въ 1843 году, на бывшемъ полевомъ дворѣ, у Краснаго пруда.

При каждой станціи устроены боковые рельсовые пути для стоянки и обхода поѣздовъ, слѣдующихъ съ разною скоростью, и къ локомотивному зданію и къ дровамъ, снабженные переводами со стрѣлками съ пути на путь и сигналами.

При всѣхъ станціяхъ есть площадки по длинѣ поѣздовъ, для выхода изъ вагоновъ и ожиданія пассажировъ. Пассажирскіе дома на станціяхъ I и II классовъ, кромѣ столичныхъ, построены по образцу американскихъ, именно: при двухъ главныхъ рельсовыхъ путяхъ дороги одинъ общій домъ между этими путями, для чего пути эти на станціи раздвинуты одинъ отъ другаго, чтобы дать мѣсто самому дому съ галлереями и дебаркадерами, каковое расположеніе выгодно допуская одинъ общій домъ, но имѣетъ свои неудобства, такъ какъ подходъ людямъ къ дому требуетъ перехода черезъ рельсы, что при, частомъ слѣдованіи поѣздовъ даже опасно.

Пассажирскія зданія I и II класса построены очень солидно—все камень, кирпичъ и чугуны; потолоки, при ширинѣ помѣщеній внутри въ 6 сажень, покрыты смѣлыми и красивыми сводами; галлерей на чугунныхъ коллонахъ, дебаркадеры гранитныя, вообще видъ зданій грандіозенъ. Локомотивныя зданія на этихъ станціяхъ построены также по образцу американскихъ—круглыя, со стойлами для 18 паровозовъ, имѣя кромѣ того четыре сквозныхъ стоила для выѣзда, что совершается посредствомъ поворотной въ срединѣ зданія платформы, надъ которой верхъ покрытъ желѣзнымъ куполомъ, въ діаметрѣ 15 саж., а всего діаметръ зданія 30 саж. Это локомотивное зданіе, заключаая въ себѣ много продольныхъ и поперечныхъ арокъ и сводовъ, представляло трудную задачу для строителей.

Важной заботой еще было обезпеченіе станцій водою для питанія при движеніи паровозовъ, такъ какъ вода требовалась въ большомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ другими нуждами составляло въ сутки до 20 т. ведеръ. Тамъ, гдѣ по близости было озеро, рѣка или достаточно обильная водою рѣчка, этотъ вопросъ рѣшался очень просто:

у воды строилось каменное водоподъемное зданіе, съ паровымъ насосомъ, и вода проводилась чугунными трубами, — сперва приемною въ колодезь, устроенный въ самомъ означенномъ зданіи, а отсюда накачивалась съ напоромъ паровой машиной по водопроводной также чугунной трубѣ, въ баки водоемовъ, поставленные на станціяхъ всѣхъ классовъ, какъ объяснено выше. Такой водопроводъ между водокачалкой и станціей имѣлъ иногда протяженіе въ 3 версты. Но были мѣстности, какъ, напримѣръ, по желѣзной дорогѣ отъ Вышняго Волочка до Твери и другія, гдѣ не было по близости ни озера, ни рѣчки, ни обильной постоянною водою рѣчки. Послѣднія, попавшіяся подъ руку, оказались обильными водою только весною, но лѣтомъ убывали, а зимою промерзали до дна или до крайней убыли воды. Въ такихъ случаяхъ, по приведенной наставительной книжкѣ графа Клейнмихеля, водоснабженіе нужно было устраивать изъ колодезевъ; но тутъ явилось другое неудобство: колодцы давали мало воды и она была известковая, что особенно вредно для паровыхъ котловъ, такъ какъ чрезъ это накипаетъ въ нихъ известковая кора или образуется такъ называемый «котельный камень», который портитъ котлы и способствуетъ ихъ взрыву. Странно, что вообще въ сказанной мѣстности для глазъ воды много въ рѣчкахъ и въ особенности въ болотахъ; этимъ онѣ много походили на нѣкоторыя изъ тогдашнихъ газетъ, — въ которыхъ было напечатано много, а читать было нечего; такъ и тутъ, воды видно было много, но испить, получивъ годную, нигдѣ нельзя.

Въ такихъ случаяхъ примѣненъ другой способъ водоснабженія, состоявшій въ томъ, что на рѣчкѣ, ближней къ станціи, — но обиліе водою которой круглый годъ было скудно и она наполнялась только весною или лѣтомъ, во время дождей, — устроенъ былъ подпоръ плотиною, скоплявшій воду, когда она въ обилии, и сохранявшій нужный запасъ воды постоянно. Такіе подпоры устроены были: на станціи IV класса, Осѣченской — на р. Осѣчень; — II класса, Спировской, на р. Малой Тигамѣ; IV класса, на Калашниковской, на Калашниковскомъ ручьѣ, который казался совершенно безнадежнымъ, но, по тщательному изслѣдованію, могъ удовлетворить потребности; на станціи III класса, — Осташковской, на р. Кавѣ. Скопленіе въ этихъ мѣстахъ воды не только обезпечило станціи, но своими резервуарами украсило мѣстность, создавъ значительные пруды въ видѣ озеръ, что окружающими селеніями было принято съ большою признательностью.

Въ Вышнемъ Волочкѣ вопросъ оказался еще труднѣе; здѣсь хотя есть еще двѣ рѣчки — Тверца и Цна, но онѣ расходятся здѣсь изъ общаго плеса, составляющаго раздѣльный пунктъ системы судоход-

ства. На зиму въ этомъ плесѣ вода запирается, а въ рѣкахъ уровень ея сильно понижается, такъ что къ станціи изъ р. Цны нельзя было провести воды, или приходилось устраивать довольно длинный водопроводъ изъ плеса. Между тѣмъ близъ станціи нашлось на болотѣ малое озерко, питающееся ключами на днѣ, и оно было обращено въ резервуаръ, отдѣливъ его отъ болота кольцомъ изъ двухъ рядовъ свай, наполненномъ фашинами и камнемъ. Такимъ образомъ здѣсь получился запасъ чистой воды, который, сколько ни выкачивали, никогда не убывалъ.

При всѣхъ станціяхъ, смотря по величинѣ ихъ, устраивались около зданій сады или, вѣрнѣе, посадки изъ деревьевъ по разбитому плану, съ проведеніемъ дорожекъ, для чего былъ призванъ извѣстный тогда садовникъ изъ Петербурга—Альвартъ, устраивавшій въ Петербургѣ Александровскій паркъ. Всѣ осуждали—на что эти сады? которые обошлись по всей дорогѣ до 500 т. руб.; но нужно было подумать и о живущихъ на станціяхъ и ихъ семействахъ. Пустыя и скучныя мѣста станцій обратились въ привѣтливныя селенія, и теперь (1885 г.) сады эти разрослись и уже видны маститые тополя и въ тѣни ихъ гуляющія дѣти, и всѣ ими довольны.

Къ статьѣ VIII о мостахъ нужно прибавить, что по южной дирекціи гранитомъ обложены опоры только отъ Бологова до г. Клина, а далѣе къ Москвѣ имѣютъ кирпичную облицовку.

XI.

Верхнее строеніе желѣзной дороги, — вѣнецъ всего сооруженія, устроенъ такъ: на земляномъ полотнѣ насыпанъ такъ называемый балластный слой изъ гравія или хряща, толщиною по насыпямъ въ 1 футъ, и въ выемкахъ глинистаго грунта, противъ выпучиванія его — толщиною въ 2 фута, но такъ какъ земляное полотно имѣетъ въ среднѣй подъемъ на $\frac{1}{2}$ фута, то толща балластнаго слоя — ширину вверху до 3 саж., была къ краямъ на $\frac{1}{2}$ фута болѣе.

На этомъ балластномъ или пропускающемъ воду слоѣ укладывались по продольнымъ лежнямъ, изъ досокъ въ 4 ряда, шпалы чрезъ 3 фута для двухъ рельсовыхъ путей, причемъ рельсы, длиною 18 футъ, при стыкахъ входили въ чугунныя подушки и прибывались къ шпаламъ изъ бревенчатыхъ отрѣзковъ длиною 8 футъ — гвоздями и костылями, а сверху въ уровень шпаль накладывался второй балластный свой изъ каменнаго щебня, прикрывавшій и откосы нижняго балластнаго

слоя. Назначеніе этого второго балластнаго слоя — болѣе тяжелаго, состоитъ въ томъ, чтобы также пропускать падающую воду, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самому не разстраиваться и прикрывать нижній слой противъ сдуванія вѣтромъ, что, кромѣ его убыли, причиняло бы еще другой очень важный вредъ, такъ какъ песокъ, сдуваемый вѣтромъ, попадая въ подшипники къ осямъ колесъ, — способствуетъ стиранію ихъ и вообще вредить паровозу. Теперь лежней подъ шпалы не кладутъ, такъ какъ они обходятся дорого, хотя много способствуютъ сохраненію ровности положенія рельсоваго пути, за то чугуныя подушки, — и это составляетъ большое улучшение, — замѣнены желѣзными обоймами (флянчами), стянутыми тремя или четырьмя болтиками, которые за то легко развинчивать, что уже не разъ дало поводъ къ злона-мѣренной порчѣ рельсовыхъ путей.

Велика была радость наша, когда, наконецъ, работы дошли до того, что стали укладывать рельсы. Это начали подъ Петербургомъ къ Колпину въ 1845 г. и подъ Вышнимъ Волочкомъ къ Твери въ 1847 году.

При пересѣченіи желѣзной дороги другими устраивались переѣзды: или въ одномъ горизонтѣ съ ними — тогда ставились шлагбаумы, или боковыя дороги проводились съ переѣздомъ надъ рельсами по мосту — виадуку.

Для охраненія рельсовыхъ путей назначались на каждую версту и на смѣну по 2 сторожа, для которыхъ устроены поверстныя будки; теперь изъ экономіи на многихъ дорогахъ строятъ будки и назначаютъ сторожей на каждыя 2 версты по одной будкѣ съ двумя сторожами, что значительно ослабило бдительный надзоръ.

По всей дорогѣ былъ устроенъ телеграфъ, и сперва проволока была уложена въ землѣ; но часто портилась и впоследствии привѣшена открытая на столбахъ, по общепринятому способу; будки ставились и при переѣздахъ черезъ рельсы. О прочихъ подробностяхъ снабженія дороги всѣмъ нужнымъ для движенія — умолчу.

Между тѣмъ, какъ воздвигалась желѣзная дорога, — заводъ изготовлялъ локомотивы съ тендерами или паровозы — пассажирскіе и товарные и вагоны, что извѣстно подъ общимъ именемъ: «подвижной составъ» желѣзной дороги, который для С.-Петербурго-Московской, какъ приведено выше, дѣлался на Александровскомъ механическомъ заводѣ, отданномъ въ распоряженіе извѣстнаго знатока дѣла, американскаго механика Уильяма Уайненса.

По этому предмету приводимъ изъ приказа 1845 года, отъ 9 сентября за № 184, что говоритъ графъ Клейнмихель:

«По Александровскому главному механическому заводу желѣзной

дороги—работы производятся совершенно успѣшно; отдѣлка локомотивовъ и тендеровъ отлично хороша и даже изящна! Вагонныя тележки (т. е. ходы) изготовляются тоже успѣшно».

«Здѣсь на протяженіи 2¹/₂ верстѣ устраивается вѣтвь желѣзной дороги, для соединенія съ главнымъ путемъ. Дорогу окончить непременно въ сентябрѣ (1845 г.) и начать испытаніе локомотивовъ».

Всѣхъ локомотивовъ было изготовлено впослѣдствіи съ тендерами, пассажирскихъ и товарныхъ, 164, а сколько вагоновъ—не помню, кажется болѣе 2,000; они были I, II и III классовъ, товарныя вагоны и платформы.

ХІІ.

Выше приведено, что назначалось устроить, прежде всего, опытные пути на частяхъ желѣзной дороги, отъ С.-Петербурга до Колпина, на протяженіи 25 верстѣ, съ вѣтвью къ Александровскому заводу, гдѣ строились локомотивы и вагоны; также между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью, на протяженіи 112 верстѣ, какъ для испытанія локомотивовъ, такъ и для приученія машинистовъ и вообще ознакомленія съ паровознымъ движеніемъ. Были еще другія подобныя предположенія, но они не осуществились.

По первому опытному пути отъ Петербурга до Колпина приводимъ приказъ графа Клейнмихеля, отъ 28 юля 1846 года за № 139, гдѣ сказано: «окончить и открыть рельсовый путь, отъ С.-Петербурга до Александровскаго механическаго завода, на протяженіи 7 верстѣ», и приказано: «начать на немъ движеніе паровозовъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инженеръ-маіора Уистлера». Начальникомъ этого пути назначенъ инженеръ-капитанъ Клоковъ и помощникомъ къ нему инженеръ-капитанъ Миклуха; генералу Мельникову распорядиться скорѣе окончить рельсовый путь до Колпина, что и было исполнено, и паровозное движеніе открыто 7 мая 1847 года на протяженіи 23¹/₂ верстѣ.

По приказу 8 марта 1847 года за № 40, Крафтъ и Мельниковъ были произведены, 4 марта, въ генераль-маіоры; Уистлеру пожалованъ орденъ св. Анны 2-й степени, который его очень забавлялъ, какъ американца, не знающаго въ своей странѣ орденовъ. Награды эти послѣдовали до формальнаго открытія пути, послѣ проѣзда по немъ государя императора съ графомъ Клейнмихелемъ.

Въ приказѣ 1848 года, отъ 10 мая за № 92, графъ объявляетъ,

что въ теченіи года, по 8 мая 1848 года, по этому опытному пути перевезено пассажировъ 80,000 человекъ, — грузовъ 52,830 пудовъ; выручено денегъ 29,452 руб. 45 коп., и еще по случаю престольнаго праздника въ Колпинѣ перевезено 8, 9 и 10 мая, кромѣ означеннаго:

Пассажировъ	12,458 человекъ.
Выручено денегъ	3,923 руб. 25 к.

Открытие этого рельсоваго пути, какъ начало междустолчнаго паровознаго сообщенія, — произвело сильное впечатлѣніе на публику, а потому и былъ такой приливъ пассажировъ. Всѣ инженеры-строители поспѣшили на немъ проѣхать. Когда я пріѣхалъ въ Колпино, подошелъ близко къ паровозу, чтобы его осмотрѣть, вдругъ такъ былъ испуганъ неожиданнымъ оглушающимъ свистомъ паровоза, что невольно отскочилъ въ сторону и чуть-чуть не упалъ; но потомъ самъ ѣздилъ на паровозѣ и свистъ его нисколько не оглушалъ. Вотъ что значитъ привычка.

Для опытнаго рельсоваго пути между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью было доставлено, осенью 1848 года, разобранныхъ 4 паровоза съ тендерами и нѣсколько платформъ и товарныхъ вагоновъ; они приплыли на баркахъ черезъ Рыбинскъ окольнымъ путемъ и для ихъ помѣщенія устроили на Вышневолоцкой станціи временной сарай съ отопленіемъ и при сараѣ разъѣздъ изъ двухъ дуговыхъ путей радиусомъ въ 500 футовъ, для поворота паровоза. Сборка ихъ производилась механикомъ Томсономъ, подъ наблюденіемъ инженера Трубникова.

Между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью укладка рельсъ была начата въ 1848 г. и окончена въ 2 пути въ 1848 г., хотя станціи еще достраивались: сперва, до сборки паровозовъ, мы катались по рельсамъ на дрезинахъ (механическая тележка, приводимая въ движеніе посредствомъ рукоятки четырьмя людьми), но дрезинъ было мало и ѣздили также на маленькихъ рабочихъ вагончикахъ, запрягая лошадей, которая бѣжала по бермѣ полотна; катались даже съ парусомъ или вмѣсто его съ большимъ обыкновеннымъ зонтикомъ, держа его въ рукахъ. Вагончикъ, гонимый хорошимъ вѣтромъ, бѣжалъ 20 верстъ въ часъ, доставляя большое удовольствіе быстрымъ и покойнымъ, какъ по полу, движеніемъ; на дрезинѣ мы часто ѣздили изъ Волочка въ Тверь, что очень облегчало осмотръ дороги.

XIII.

Лѣтомъ 1849 года пришла вѣсть, что графъ Клейн михель будетъ осматривать желѣзную дорогу на этомъ опытномъ пути отъ Вышняго Волочка до Твери и поѣдетъ на дрезинѣ. Ожиданіе его всегда приводило всѣхъ въ тревогу, и въ этотъ разъ особенно, такъ какъ было много новаго послѣ его осмотра въ прошломъ году.

Наконецъ, насталъ назначенный день 25-го іюля 1849 года и я ожидалъ графа на границѣ участка близъ Калашниковской станціи въ лѣсу, сидя въ тѣни на пнѣ и въ раздумьѣ: похвалить онъ или обругаетъ? чего никакъ нельзя было предвидѣть, какъ бы ни былъ увѣренъ, что все въ порядкѣ. День былъ жаркій и я по временамъ вставалъ, выходя изъ тѣни на дорогу, и смотрѣлъ вдаль къ Твери. Наконецъ, на блестящей полосѣ, въ которую сливались вдали рельсы,—показалась черная точка и она росла и росла быстро, какъ черная тучка въ небѣ, приносящая бурю. Вотъ подъѣхали двѣ дрезинны и передняя была съ кожанымъ фартукомъ и съ покрывкой, какъ у коляски, и въ ней сидѣлъ вдвоемъ, наостривъ свои круглые глаза, круто-быстрый графъ Петръ Андреевичъ, а рядомъ съ нимъ, съ нахмуреннымъ лицомъ—похожій на Наполеона, Николай Осиповичъ Крафтъ; а за ними на второй дрезинѣ безъ покрывки спутники графа, трое: бѣлокурый полковникъ А. А. Серебряковъ, архитекторъ Желязевичъ, съ своимъ краснымъ, круглымъ лицомъ, и между ними маленькій, черненькій докторъ Фейхтнеръ. Графъ былъ серіозенъ, и когда я ему представился, приказалъ ѣхать вслѣдъ за нимъ, что я исполнилъ на своей дрезинѣ позади первыхъ двухъ. Мы такъ доѣхали до казеннаго дома у дороги—начальника дистанціи Савицкаго, находившагося до Спинова вереть за 10. Здѣсь была остановка, такъ какъ графъ, прокатившись отъ Твери, усталъ и проголодался. Ему подали и онъ подчивалъ всѣхъ спутниковъ взятыми съ собою холодными котлетами; но я едва могъ свою съѣсть, такъ какъ она была наполнена перцемъ, и хотя холодная, но жгла ротъ; по словамъ доктора Фейхтнера, безъ этой пикантности желудокъ у графа не варить. Онъ былъ тоже холоденъ, но жегъ меня своими калеными глазами; онъ говорилъ отрывисто и сухо, и мною овладѣло дурное предчувствіе.

Завтракъ былъ конченъ и мы покатили далѣе. Вотъ подъѣхали къ гранитному дебаркадеру Спировской станціи и графъ взомель на него, а за нимъ гуськомъ послѣдовали по чинамъ и другіе съ докто-

ромъ въ хвостѣ и къ нимъ присоединились производители работъ инженеры Верховскій и Оттъ I и подрядчикъ.

На Спировской станціи II класса работы были въ слѣдующемъ положеніи: пассажирское каменное зданіе длиною 36 саж. было вчернѣ окончено, но еще безъ галлерей; все было сдѣлано прочно и правильно; своды надъ залой, шириною въ 6 саж., и надъ другими комнатами выселись смѣло безъ кружалъ; но одно было неладно: кладка стѣнъ была выведена изъ кирпича мѣстной выдѣлки, хотя очень твердаго, но шероховатаго и не такого красиваго, какъ въ Петербургѣ и швы известковаго раствора въ кладкѣ довольно широкіе, какъ требовалось для крѣпости стѣнъ, долженствовавшихъ выдерживать большой распоръ сводовъ.

Видно было, что графъ уже предупрежденъ былъ о несоблюденіи его любимаго требованія въ такой работѣ. Круго-быстрый графъ, окинувъ зданіе глазами,—пришелъ въ неописанную ярость, воскликнуть: это что за кладка!—все сломать и построить на счетъ виновнаго! и много еще горькихъ и ѣдкихъ любезностей наговорилъ грозный начальникъ.

Разсерженный графъ въ прежнемъ порядкѣ сѣлъ въ свою дрезину и покатилъ далѣе и въ Вышнемъ Волочкѣ былъ уже мягче, благодаря Крафта, который успокоилъ его дорогою. Тутъ я съ графомъ разстался.

Въ Бологое ожидалъ его сюрпризъ; здѣсь на станціи I класса пассажирскій домъ, каменное зданіе длиною 54 сажени, былъ вчернѣ готовъ; но за нѣсколько дней до пріѣзда графа въ обонхъ залахъ обрушились своды, вслѣдъ за тѣмъ, какъ сняли изъ подъ нихъ кружала, такъ что строитель, извѣстный впоследствии какъ директоръ дороги И. Ѡ. Кенигъ, чуть самъ не попалъ подъ обрушеніе. Все это объяснилъ графу Желязевичъ уже дорогой и онъ, осматривая работы, былъ очень покоенъ; только отечески пожурилъ Кенига, конечно, не желая предавать огласки такому казусу.

Впоследствии мы узнали, что графъ пожаловалъ на Спировскую станцію уже очень разсерженный событіемъ, которое обнаружилось при его осмотрѣ работъ на Клинской станціи II класса. Тутъ оказался случай, дѣйствительно, замѣчательный. Строителемъ станціи былъ инженеръ подполковникъ Кирхнеръ, уже опытный и очень свѣдущій. Дѣло въ томъ, какъ оказалось, что здѣсь на станціи II класса, по ошибкѣ, выстроены были и уже вчернѣ совсѣмъ готовы пассажирскій домъ не втораго, а перваго класса, то есть каменное зданіе длиною не 36 саж., какъ бы слѣдовало, а 54 сажени, каковую ошибку можно было пропустить многимъ, такъ какъ зданія эти по виду похожи одно

на другое и отличаются только по длинѣ. Конечно, это первый замѣтилъ—не графъ, а новый инспекторъ архитектурныхъ работъ, поступившій вмѣсто К. А. Тона,—г. Желазевичъ и предупредившій графа.

Можно себѣ представить какъ всё присутствовавшіе при осмотрѣ были смущены и какъ взбѣшенъ былъ самъ графъ Петръ Андреевичъ! Кирхнеръ оправдывался тѣмъ, что ему были препровождены, какъ прочимъ начальникамъ участковъ, чертежи станціонныхъ зданій всѣхъ четырехъ классовъ, но не было объяснено самаго распредѣленія станцій по желѣзной дорогѣ, именно: гдѣ какого класса будетъ станція, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Клинской станціи, а онъ по соображенію думалъ, что въ Москвѣ будетъ столичная станція безъ класса, и что затѣмъ ближайшая большая станція въ Клинну—есть I-го класса, и сообразно этому строилъ и пассажирскій домъ.

Дѣло это было замято, тѣмъ болѣе, что клонилось къ улучшенію, такъ какъ чѣмъ больше пассажирскій домъ, тѣмъ просторнѣе и удобнѣе. Но бѣдному Кирхнеру не легко это обошлось и вслѣдъ затѣмъ вышелъ приказъ графа, помѣченный «Бологое» отъ 25-го іюля 1849 года за № 151, гдѣ онъ послѣ осмотра 25-го іюля ночеваль,—что «Начальникъ II участка южной дирекціи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги—инженеръ-подполковникъ Кирхнеръ удаленъ и назначается въ Саратовъ членомъ строительной и дорожной комиссіи» и что его II-й участокъ уничтожается съ присоединеніемъ одной половины къ I участку, а другой, вмѣстѣ съ Клинской станціей, къ III участку и этотъ послѣдній переименовывается во II-й участокъ, съ измѣненіемъ номеровъ всѣхъ послѣдующихъ; такъ что южная дирекція отнынѣ дѣлилась не на 6, а только на 5 участковъ, при чемъ мой обратился въ четвертый.

Съ формальной стороны въ оправданіе Кирхнера можно привести только то, что распредѣленіе станцій желѣзной дороги по классамъ послѣдовало позже и только по приказу отъ 21-го декабря 1850 года за № 227, какъ приведено выше, а роковой осмотръ былъ 1½ года ранѣе.

Этотъ грозный осмотръ относительно меня былъ смягченъ другимъ въ слѣдующемъ году, какъ приведу ниже. На Спировской станціи пассажирскій домъ не ломали, а въ Бологомъ вывели съ упроченіемъ новые своды и все осталось благополучно и для меня, и для Кенига безъ послѣдствій.

XIV.

Послѣ этого знаменательнаго осмотра началось правильное паровозное движеніе поѣздовъ по опытному пути между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью, на протяженіи 112 верстъ, сперва подъ завѣдываніемъ инженера Трубникова, потомъ, по приказу графа отъ 11-го августа 1849 года за № 162, назначенъ былъ начальникомъ этого опытнаго пути, переведенный съ Колпинскаго, — инженеръ-капитанъ Миклуха, а Трубниковъ къ нему помощникомъ, и впослѣдствіи еще поручикъ В. Ѳ. Оттъ 1-й. Еще ранѣе, въ іюнѣ, было также открыто движеніе по опытному пути отъ Колпина до Чудова на протяженіи 86 верстъ.

Впослѣдствіи графъ разсердился на Миклуху за столкновеніе съ Крафтомъ и на его мѣсто назначилъ по приказу отъ 6-го октября 1850 года за № 170, Москва, — инженеръ-капитана Шернваля, уже отъ гор. Клина до Вышняго Волочка, и затѣмъ было сдѣлано формальное открытіе съ платою движенія по этому опытному пути.

При первомъ проѣздѣ на парахъ по рельсамъ изъ Вышняго Волочка въ Тверь, на Вышневолоцкой станціи собралось много народу и Крафтъ думалъ сперва проѣхать недалеко и при этомъ многие изъ зрителей, все болѣе вышневолоцкіе мѣщане, просили позволенія прокатиться по «чугункѣ», какъ тогда называли въ народѣ желѣзную дорогу. Для этого была прицѣплена особая платформа и она много наполнилась любопытными. Инженеры стали на паровозѣ и тендерѣ, при чемъ для насъ была въ запасѣ другая платформа. Все составляло короткій поѣздъ. Наконецъ, паровозъ просвисталъ сигналы, регуляторъ открылся и шипящіе клубы пара прекратились, а взамѣнъ ихъ повалилъ дымъ изъ трубы паровоза и поѣздъ полетѣлъ, шипя и стуча. Народу представилось дотогѣ невиданное зрѣлище и впечатлѣніе было невыразимо сильно. Всѣ мѣста по дорогѣ, гдѣ такъ много было положено трудовъ и физическихъ, и умственныхъ, гдѣ каждый шагъ былъ запечатлѣнъ въ памяти какимъ нибудь случаемъ, не всегда сладкимъ — скользили мимо, уходя какъ бы въ забвеніе, и мы летѣли все быстрѣе и быстрѣе, увѣренные, что рельсы лежатъ твердо и ровно на мѣстѣ и мосты благонадежны.

Случайные спутники изъ простаго народа толковали, «что вотъ бѣсовскую силу зачурали въ котлѣ, такъ что нѣтъ ей выхода, чтобъ выскочить вонъ, и поневолѣ она работаетъ». Вѣсть объ этомъ первомъ поѣздѣ заранѣе разошлась въ народѣ и всюду встрѣчали мы по сто-

ровамъ и на станціяхъ и въ поляхъ около селеній толпы зѣвакъ. Проѣзжая мимо деревни Терелѣсовой, недалеко отъ Вышняго Волочка, на полѣ у дороги стояли три старыхъ бабы, махали руками и неистово кричали и вривлялись, отплясывая дикую пляску съ поднятыми подолами. Это, какъ объяснили наши народные слутники, значило, что они отплясываютъ бѣса, сидящаго въ паровозѣ, чтобы его напугать и прогнать изъ своихъ родимыхъ мѣстъ; онѣ напоминали Макбетовскихъ вѣдьмъ, пляшущихъ предъ котломъ. Бабы эти, дѣйствительно, были бы въ состояніи прогнать чорта, если бы онъ тутъ появился.

Даже собаки близъ деревень, привычныя облавать проѣзжихъ, забѣгали впередъ предъ паровозомъ и лаяли на него какъ лаять на лошадей, не понимая быстроту его бѣга, и бѣдныя попадали подъ колеса или отбрасывались въ сторону буферными брусьями и щетками паровоза.

На каждой станціи поѣздъ останавливался и тендеръ наполняли пищею для паровоза: водою и дровами; все дѣйствовало исправно и Крафтъ приказывалъ ѣхать все далѣе и далѣе; наконецъ, съ замираніемъ сердца, мы переѣхали по большимъ мостамъ черезъ Тверцу и черезъ Волгу; тутъ Крафту совѣтовали сойти съ поѣзда предъ ними и пройти мосты пѣшкомъ, такъ какъ формальнаго испытанія нагрузкою имъ не дѣлалось, и пустить паровозъ съ однимъ машинистомъ; но благородный Николай Осиповичъ разсердился на такое предложеніе и не сходилъ съ тендера; когда мы катились черезъ мостъ надъ широкою Волгою, лице его было одушевлено такъ, какъ я никогда не видалъ, при его всегдашнемъ угрюмомъ выраженіи.

Годъ 1849 былъ полонъ сильныхъ желѣзно-дорожныхъ ощущеній. Уже поздно осенью, когда порою шелъ снѣгъ, пришло приказаніе быть готовымъ къ проѣзду государя императора Николая Павловича отъ Вышняго Волочка до Твери и далѣе до Кольцова, по желѣзной дорогѣ. День высочайшаго прибытія насталъ и ранѣе назначеннаго часа я уже былъ на Вышневолоцкой станціи, гдѣ на площадкѣ предъ пассажирскимъ домомъ, обращенномъ къ городу, собралась толпа и было много дамъ и для встрѣчи государя мѣстное купечество и городское начальство. Озирая толпу, я замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старой солдатской шинели; лицо у него было неподвижно, точно маска, что мнѣ показалось очень странно; подойдя ближе, я убѣдился, что то было дѣйствительно не лицо, а маска. По разпросамъ оказалось, что это былъ солдатъ, раненый въ Венгерскую компанію при Дебречинѣ, но такъ ужасно, что едва ли кто оставался бы живъ послѣ такой раны, именно, у него оторвало ядромъ всю ниж-

нюю челюсть; онъ это вынесъ и возвратился домой награжденный такой желѣзной сѣтчатой маской, раскрашенной подъ лицо, чтобы прикрыть и не пугать людей безобразіемъ, которое ему оставила на память война!

Впрочемъ, несчастный ветеранъ казался еще самъ довольно бодръ и что-то невнятно бормоталъ, имѣя при себѣ вожаконъ своего отца, простаго мужичка. Тутъ я узналъ еще, что австрійское начальство наградило этого русскаго солдата орденомъ крестомъ офицерскаго класса, что бѣднугу чрезвычайно порадовало; но чрезъ нѣсколько времени, когда онъ уже былъ дома, чрезъ полицію въ Вышнемъ Волочкѣ, пришло увѣдомленіе, что офицерскій крестъ данъ былъ ему по ошибкѣ и его потребовали назадъ, а въ замѣну прислали солдатскій крестъ, что раненаго очень огорчило.

Но вотъ прискакалъ гонецъ отъ шоссеиной станціи изъ города, съ извѣстіемъ, что государь прибылъ. Чрезъ нѣсколько минутъ подъѣхала коляска и въ ней увидѣли императора Николая Павловича сидящимъ вдвоемъ съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, оба въ одинаковыхъ шинеляхъ съ бобромъ и въ бѣлыхъ фуражкахъ. Они были посыпанны снѣгомъ, который тогда падалъ хлопьями. Все мѣстное начальство встрѣтило его величество. Тутъ же, когда царь былъ на крыльцѣ, чтобы войти въ домъ, представили ему приведеннаго ветерана. Государь приказалъ ему снять маску и, взглянувъ на обезображенное войною лицо безъ нижней челюсти,—выразилъ изумленіе и даже прослезился; потомъ обратился къ графу Орлову и приказалъ выдать бѣдному герою 300 руб. Потомъ, отдохнувъ въ небольшомъ деревянномъ пассажирскомъ домѣ станціи, царь вышелъ на платформу въ сопровожденіи графа Орлова и разговаривалъ съ Крафтомъ о дорогѣ; а между тѣмъ коляску поставили на открытый вагонъ, въ изготовленный для царя поѣздъ. Такимъ образомъ, онъ со всѣми его сопровождавшими усѣлся въ поѣздъ, который послѣ сигнальныхъ свистковъ паровоза тронулся осторожно съ мѣста и потомъ пошелъ быстрымъ ходомъ, катясь по гладкимъ рельсамъ, такъ что не было ни малѣйшей тряски или колебанія.

Такъ государь благополучно проѣхалъ по новой желѣзной дорогѣ за Тверь до Кольцова, докуда тогда только были уложены рельсы; здѣсь, выходя съ поѣзда на временную платформу, его величество благодарилъ Крафта и всѣхъ инженеровъ за отличное состояніе пути и разспрашивалъ о произведенныхъ работахъ и что еще осталось сдѣлать; а между тѣмъ сняли съ поѣзда его коляску и впрягли почтовыхъ лошадей, и онъ поѣхалъ отсюда опять съ графомъ Орловымъ далѣе по шоссе въ Москву.

XV.

Нѣсколько позже, въ томъ же 1849 году, кажется въ октябрѣ, когда снѣгъ уже запорошилъ дорогу, проѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Кольцова въ Вышній Волочекъ графъ Клейнмихель, возвращаясь изъ Харькова, гдѣ онъ былъ боленъ и чуть не умеръ; говорили, что лежалъ уже совсѣмъ охладѣвшій, но его спасъ знаменитый тогда тамъ врачъ Калениченко. Въ Спировѣ онъ вышелъ и осматривалъ зданія станцій, и опять былъ недоволенъ. Исхудалый и раздражительный, онъ сказалъ мнѣ: «ну, покажите царскія комнаты въ пассажирскомъ домѣ»; я его повелъ и когда мы подошли ко входу, еще безъ двери, къ круглому залу, то графъ замѣтилъ, конечно, предупрежденный архитекторомъ Желязевичемъ, что вмѣсто совершенно круглой комнаты была сдѣлана овальная, вопреки утвержденному чертежу, что было исполнено по совѣту архитектора Тона и, конечно, къ лучшему, такъ какъ получалась комната больше—удлиненная по одной оси на счетъ уменьшенія угловыхъ скрытыхъ комнатъ,—овальная; она вышла удобнѣе, но, будучи еще вчернѣ, не имѣла вида. Тутъ была мнѣ распечка отъ графа, зачѣмъ я послушался архитектора Тона, сдѣлавъ измѣненіе противъ высочайше утвержденного чертежа, и не донесъ тогда же по начальству. Такъ, нахмуренный, сѣлъ онъ въ вагонъ, и такъ какъ въ поѣздѣ всего былъ одинъ вагонъ 2-го класса, то Крафтъ, спутники графа, я и другіе инженеры сѣли вмѣстѣ всѣ съ графомъ. Его по прежнему сопровождали: полковникъ Серебряковъ, архитекторъ Желязевичъ и докторъ Фейхтнеръ.

Поѣздъ катился все исправно впередъ; но вдругъ, за 7 верстъ до Волочка, я замѣтилъ, что онъ пошелъ тише, тише, и, наконецъ, всталъ среди поля. Было уже подъ вечеръ и снѣгъ валилъ, покрывая окрестныя мѣста и самыя рельсы. Графъ вскочилъ съ своего мѣста и спросилъ, что это значить? Всѣ засуетились. Оказалось, что въ паровозѣ случилось поврежденіе, такъ что онъ не могъ двигаться, тѣмъ болѣе, что рельсы были покрыты снѣгомъ. Графъ началъ быстро ходить взадъ и впередъ по вагону, восклицая: «какая неисправность, что это значить!» — всѣ видѣли, что начинается буря и втихомолку обратились къ Фейхтнеру, чтобы онъ успокоилъ графа, который въ хворомъ состояніи былъ самъ во власти доктора; Фейхтнеръ блистательно исполнилъ порученіе; онъ смѣло подошелъ къ графу и сказалъ ему рѣшительнымъ тономъ: «ваше сіятельство, ради Бога, успокойтесь, при-

помните, что вы еще не совсѣмъ оправились послѣ болѣзни; если вы разсердитесь, это можетъ вамъ стоить жизни!»

Такое увѣщаніе подѣйствовало магически на графа; онъ замолкъ, подошелъ къ окну вагона и началъ барабанить пальцами по стеклу и насвистывать. Между тѣмъ, былъ посланъ бѣгомъ на станцію сторожъ съ приказаніемъ, чтобы прислали запасный паровозъ, который былъ въ паряхъ, и таковой скоро подѣхалъ къ намъ, взявъ нашъ поѣздъ съ больнымъ паровозомъ на буксиръ и мы благополучно прибыли на Вышневолоцкую станцію, гдѣ графъ молча вышелъ изъ вагона и поѣхалъ въ экипажѣ въ городъ, въ разстояніи около 1³/₄ версты.

Затѣмъ въ 1849 году по опытному пути между Вышнимъ-Волочкомъ за Тверь къ Кольцову было учреждено правильное пассажирское и товарное движеніе поѣздовъ, съ платою за проѣздъ и товаръ, и публики проѣзжало очень много и все совершалось исправно.

XVI.

Работы, между тѣмъ, по всему протяженію дороги подвигались впередъ и въ 1850 году были уложены рельсы въ два пути на всемъ протяженіи. Въ концѣ мая мѣсяца графъ Петръ Андреевичъ проѣхалъ отъ Москвы въ Петербургъ, и опять останавливался на Спировской станціи, гдѣ пассажирскій домъ и локомотивное зданіе были уже совершенно отдѣланы, и грубая кирпичная кладка была снаружи тонко оштукатурена, съ правильно прочерченными швами, и между ними мѣста подъ кирпичъ окрашены, что представляло на видъ самую правильную и изящную кирпичную кладку съ тонкими швами. Такая повидимому поддѣлка очень встревожила архитектора Желязевича, который видѣлъ ее прежде, до проѣзда графа, и предостерегалъ меня, что она непременно не понравится грозному Петру Андреевичу. Когда графъ пошелъ къ локомотивному зданію, я не отставалъ отъ него, а всѣ остались назади, ожидая бури, но когда онъ осмотрѣлъ зданіе снаружи и внутри, все перекрытое сводами, лицо его просіяло и онъ, оглянувшись назадъ, позвалъ: «Николай Осиповичъ (Крафтъ), Желязевичъ, пожалуйста сюда», и когда Крафтъ приблизился, онъ сказалъ: «кланяюсь вамъ въ ножки! вотъ прекрасно, отлично» и т. д., — потомъ продолжалъ: «всѣхъ строителей прислать сюда поучиться; пусть такъ вездѣ отдѣлываются станціонныя зданія!»

Дѣйствительно, отдѣлка была красива и, главное, — полезна, предохраняя стѣны такой штукатуркой отъ вліянія сырости и мороза, гдѣ они

сильнѣе дѣйствуютъ на открытомъ мѣстѣ. Вотъ теперь, болѣе 30 лѣтъ спустя, отдѣлка эта вполне сохранилась и здѣсь, и на всѣхъ прочихъ каменныхъ станціонныхъ зданіяхъ желѣзной дороги. Тутъ же графъ обратился къ начальнику опытнаго пути и сказалъ: «посмотрите, въ какомъ отличномъ видѣ вамъ все сдается».

Въ 1849 году былъ еще проѣздъ отъ Волочка въ Москву цесаревича великаго князя Александра Николаевича и онъ благодарилъ Крафта, выразивъ, что все отлично, все прекрасно устроено.

XVII.

Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ былъ торжественный проѣздъ, по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, до открытія движенія для публики, — всей императорской фамиліи: царя съ царицей, великихъ князей съ супругами и съ внуками, словомъ трехъ поколѣній Романовскаго царствующаго дома.

Все предусматривалось для этого и отдѣлывалось. Я ожидалъ царскій поѣздъ на Вышневолоцкой станціи. Вотъ подошелъ, наконецъ, къ станціонной платформѣ царскій поѣздъ, въ которомъ императорская чета и главные члены фамиліи помѣщались въ особомъ большомъ вагонѣ длиною 12 саж., голубаго цвѣта (тогда какъ другіе пассажирскіе вагоны — зеленые имѣли длину 8 саж.). Это былъ цѣлый уютный и роскошно отдѣланный перекатный домъ. Когда императоръ Николай Павловичъ и за нимъ другіе вышли на платформу, толпа народа привѣтствовала ихъ громкимъ ура! Царь, высокій, видный, былъ очень веселъ и всѣ предъ нимъ ступевались и около него суетился графъ Клейнмихель, потерявшій всю свою важность и наострившій все свое вниманіе на то, куда смотреть царь, который держалъ себя просто и былъ особенно разговорчивъ. Подойдя къ локомотиву, царь обратился къ народу и сказалъ: «вотъ какую я себѣ нажилъ лошадку!», потомъ, взявъ за плечи великаго князя Николая Александровича, тогда еще мальчика, поднялъ его и, поставя на тумбу, передъ людьми, окружавшими платформу къ сторонѣ города, сказалъ къ народу: «вотъ вамъ мой старшій внукъ!», раздалось опять громогласное «ура!» и шапки полетѣли къверху. Потомъ всѣ усѣлись въ поѣздъ и онъ покатилъ далѣе. Въ Спировѣ императоръ вышелъ и въ сопровожденіи свиты осматривалъ станцію, обративъ особенное вниманіе на локомотивное зданіе, которое представляло колоссальную ротонду 30 саж. въ діаметрѣ, съ высокимъ желѣзнымъ куполомъ, въ діаметрѣ

15 саж, и, кромѣ спеціальнаго назначенія, имѣло весьма изящную архитектурную форму, причѣмъ всѣ различныя трубы, на крышѣ около купола, были расположены стройно и придавали ему оригинальность. Царь, остановясь на платформѣ пассажирскаго дома и указывая на это локомотивное зданіе, воскликнулъ по французски: «C'est un Panteon! C'est un Temple!» («это пантеонъ, это храмъ!»).— Клейнмихель былъ очень обрадованъ такимъ отзывомъ царя и мнѣ привѣтно улыбался.

Въ этотъ проѣздъ императоръ приказывалъ останавливать свой поѣздъ при всѣхъ большихъ мостахъ. Тутъ, оставляя дамъ въ вагонѣ,—онъ сходилъ на землю со свитой и осматривалъ сооруженія, спускаясь внизъ къ рѣкѣ, при чемъ поѣздъ проходилъ черезъ мостъ, а онъ любовался величественнымъ зрѣлищемъ прохода высоко надъ рѣкою гордо катящагося поѣзда, въ которомъ была его дорогая семья, и выражалъ свое удивленіе; такъ, сойдя къ мосту близъ Твери, черезъ Тверцу, онъ сказалъ, обращаясь къ инженерамъ: «честь вамъ и слава», и пожаловалъ орденъ св. Владимира 4-й степени строителю моста, инженеру А. К. Кольману. (Приказъ 1850 г., 22 декабря, № 228).

Какъ я узналъ послѣ, при осмотрѣ царемъ въ этотъ проѣздъ знаменитаго, по вышинѣ и конструкціи, Веребьянскаго моста, случился эпизодъ, который привожу. Здѣсь также царь Николай Павловичъ останавливался и выходилъ на землю со всей свитой и, не смотря на громадную вышину (24 саж. надъ рѣчкой), спускался внизъ, по крутымъ откосамъ и узкимъ тропинкамъ, къ самой рѣчкѣ. Удаляясь отъ моста, даль, между тѣмъ, повелѣніе, что когда онъ совсѣмъ спустится и снизу махнетъ платкомъ, такъ какъ голосъ по отдаленности не былъ бы услышенъ, чтобы поѣздъ тогда тронулся и прошелъ черезъ мостъ. При чемъ императрица съ фамиліей и свитой оставалась въ поѣздѣ и всѣ, обратясь къ окнамъ вагона, глазами слѣдовали за царемъ, какъ онъ пробирался по крутизнѣ ко дну оврага Веребья и пестрые мундиры слѣдовали вереницею за нимъ. Наконецъ, всѣ были внизу и при такой вышинѣ казались дѣтьми. Въ самомъ низу долины, императоръ, чтобы объять все лучше глазами, отошелъ отъ моста, а за нимъ свита, и, взглянувъ на верхъ, гдѣ предъ мостомъ стоялъ поѣздъ,—махнулъ платкомъ и сталъ пристально смотрѣть, какъ пойдетъ поѣздъ черезъ мостъ; но къ его удивленію поѣздъ было двинулся впередъ, но, когда паровозъ прошелъ уже устой моста, то остановился и видно было по клубамъ дыма, что машина работаетъ, не трогаясь впередъ,—даже былъ слышенъ стукъ колесъ; остановился же поѣздъ предъ самымъ пролетомъ надъ рѣкою какъ-бы изъ боязни пройти надъ самою водою; императоръ въ нетерпѣніи махалъ платкомъ и

рукою и всё дѣлали то же, особенно графъ Клейнмихель, но поѣздъ оставался какъ вкопанный на мѣстѣ. Клейнмихель былъ внѣ себя и сталъ взбираться по откосу на верхъ къ непослушному поѣзду. Вотъ что случилось.

Вожаками на тендерѣ при паровозѣ были: самъ Уайненсъ и оберъ-машинистъ дороги—Бартнеръ, лучшіе знатоки дѣла, и когда они увидѣли, что императоръ, изъ глубины долины у моста, далъ условленный сигналъ и махнулъ рукою, разсыпавъ по воздуху свой большой бѣлый платокъ,—дали локомотиву ходъ; но онъ, пройдя, какъ уже сказано, только на длину устоя моста, пересталъ двигаться впередъ, хотя колеса вертѣлись на мѣстѣ стуча и дрожа или, какъ говорятъ, боксовали; усилили давленіе пара, думая, что такъ какъ поѣздъ тяжелъ, то ему трудно двинуться съ мѣста, но ничто не помогало,—былъ слышенъ только стукъ колесъ и сыпались вопросы: «что это значитъ?» Императрица, замѣтя это, также встревожилась и посылала узнавать, отчего они остановились? Тогда Уайненсъ, испугавшись, соскочилъ съ тендера, чтобы осмотрѣть рельсы и узнать, въ чемъ задержка. Каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что рельсы на самомъ мосту были выкрашены масляной черной краской, которая не была засохши, и скользкое масло на рельсахъ уничтожало всякое сдѣвленіе или треніе съ колесами, которые, скользя, вертѣлись на мѣстѣ, не двигая впередъ поѣзда.

Выразивъ удивленіе, Уайненсъ тотчасъ нашелся что сдѣлать, чтобы помочь въ бѣдѣ; онъ приказалъ достать изъ топки паровоза золы и еще песку и посыпалъ по рельсамъ,—рабочіе были подъ рукою, и когда это исполнили и окраска рельсовъ была посыпана золою и пескомъ, что нельзя такъ быстро исполнить, при длинѣ моста въ 150 сажень, то поѣздъ благополучно прослѣдовалъ чрезъ мостъ, и царь все стоялъ внизу и смотрѣлъ.

Можно себѣ представить какую бранью разсыпался графъ Петръ Андреевичъ на дорожнаго мастера, который это сдѣлалъ безъ спросу инженера, желая отличиться, такъ какъ рельсы были очень заржавѣвши, и при отличной отдѣлкѣ и новизнѣ во всемъ остальномъ,—портили на мосту видъ.

Веребинскій мостъ изображенъ на одномъ барельефѣ съ лѣвой стовоны памятника императору Николаю I-му, что въ Петербургѣ на Маринской площади, именно въ тотъ моментъ, когда императоръ осматриваетъ мостъ, сойдя къ рѣкѣ, и около него графъ Клейнмихель, строитель моста и другіе.

Но слава пережила это знаменитое сооруженіе, которое проектировалъ и строилъ инженеръ Д. И. Журавскій; оно не разру-

шилось, но обойдено и замѣнено другимъ, тоже замѣчательнымъ сооруженіемъ, и вотъ почему.

Веребинскій мостъ приходится на крутомъ Веребинскомъ подъемѣ на Валдайскія горы; въ 1881 году, самъ подъемъ замѣненъ обходомъ съ удлиненіемъ на 5 верстъ, какъ нами уже описано, при чемъ обходный путь желѣзной дороги пересѣкаетъ Веребинскій оврагъ въ другомъ мѣстѣ, по теченію рѣчки,—выше, и здѣсь выстроена каменная труба и колоссальная на ней насыпь.

Императоръ Николай Павловичъ былъ въ восхищеніи отъ Веребинскаго моста и отнесся съ особенною похвалою о немъ, что было поводомъ увѣковѣчить этотъ осмотръ на памятникѣ. Затѣмъ, послѣ осмотра, усѣвшись въ поѣздъ, слѣдовалъ далѣе и благополучно прибылъ въ Москву.

Инженерамъ осталось самое лестное воспоминаніе оказаннымъ императоромъ вниманіемъ къ инженернымъ работамъ, въ которыхъ императоръ Николай былъ большой знатокъ и зоркимъ окомъ тотчасъ замѣчалъ малѣйшую неправильность въ работахъ и имѣлъ художественный вкусъ, что очень хорошо было извѣстно и въ академіи художествъ.

Изъ Москвы императоръ поѣхалъ далѣе уже на лошадяхъ въ Брестъ-Литовскъ на маневры, а вся императорская фамилія оставалась въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого по желѣзной дорогѣ между столицей, которая еще не была для публики открыта, начались частыя сообщенія импровизированными поѣздами. Они пускались почти ежедневно: то нужно было что нибудь быстро получить изъ Петербурга, то кто нибудь изъ приближенныхъ хотѣлъ скорѣе быть въ Петербургѣ, иногда просто отъ важныхъ особъ посылалось нужное письмо. Полнаго надзора надъ дорогою еще не было организовано.

При такомъ случайномъ движеніи произошли на желѣзной дорогѣ около г. Клина первое и значительное несчастіе, которое показало, что съ паровымъ движеніемъ шутить нельзя, что можно пользоваться по рельсамъ парами, но не всегда «rag-ami». Вотъ какъ это было.

Уже поздно осенью, когда ночи темны, одинъ такой поѣздъ отошелъ изъ Петербурга въ Москву, по правому пути. Въ Вышнемъ Волочкѣ, кромѣ бывшаго при паровозѣ машиниста, сталъ въ видѣ гостя на тендеръ еще механикъ Томсонъ, собиравшій здѣсь паровозы.

Поѣздъ слѣдовалъ далѣе къ Москвѣ, не ожидая себѣ на встрѣчу или вообще впереди на дорогѣ, тѣмъ болѣе, что на ней два рельсовыхъ пути, для слѣдованія по одному изъ Петербурга, а по другому изъ Москвы, держась съ правой стороны. Такой поѣздъ, съ Томсо-

номъ, въ два вагона летѣлъ на всѣхъ парахъ въ темную, какъ говорить, воробьиную ночь,—къ Москвѣ.

Изъ Москвы въ это же время шель тоже поѣздъ съ вагономъ 2-го класса, въ которомъ ѣхалъ генераль-адъютантъ Огаревъ съ женою, и на бѣду не по своему правому рельсовому пути, а по лѣвому, такъ какъ на правомъ что-то на одномъ мосту передѣлывалось, то есть по тому самому пути, по которому шель приведенный поѣздъ изъ Петербурга и въ то-же время. Тотъ и другой считали свой проходъ безопаснымъ, и никакъ не ожидали встрѣчи. Оба поѣзда летѣли быстро, ничего не чая, и находились близко къ повороту дороги между Тверской и Клинской станціями; какъ вдругъ машинисты съ того и другого паровоза замѣтили встрѣчный себѣ по блеснувшимъ во мракѣ передовымъ буфернымъ фонарямъ и вылетающимъ искрамъ изъ трубъ; оба дали задній ходъ, но уже было поздно и, какъ разъ на поворотѣ, произошло страшное столкновение паровозовъ, которые наскочили одинъ на другаго и съ такой силою, что передами приподнялись какъ два гигантскихъ сдѣпившихся въ дракѣ козла. У того и другаго паровые свистки открылись сами собою и раздался страшный двойной пронзительный свистъ, постепенно ослабѣвавшій и перешедшій въ предсмертный стонъ, который продолжался, пока не вышелъ весь паръ, составляющій жизнь паровозовъ,—изъ обоихъ котловъ. Послѣдствія были ужасны; на обоихъ паровозахъ машинисты были убиты; Томсонъ, взятый гостемъ изъ города Вышняго Волочка, завидя приближеніе встрѣчнаго поѣзда и неминуемое столкновение, перескочилъ съ тендера на площадку ближняго вагона, но при ударѣ былъ къ нему прижать и козырькомъ тендера ему раздавило грудь; тендеръ самъ свалился на бокъ и прижалъ ногу помощнику машиниста Ломакину; сдвинуть его не было достаточныхъ силъ, такъ Ломакинъ въ мукахъ и умеръ. Настало утро, а паровозы все еще стояли наскочивъ одинъ на другаго, но уже холодные въ мертвомъ молчаніи. Разумѣется, произошла тревога, собрали рабочихъ, достали домкраты и очистили путь; такъ что въ тотъ же день въ Спирово прибылъ Н. А. Огаревъ съ своей женою, ѣхавшіе изъ Москвы, которые получили сильный толчекъ, но уцѣлѣли благодаря своему вагону длиною 8 саж. (II класса), который выдержалъ ударъ, отскочивъ только назадъ. Оба супруга были мнѣ знакомы и рассказывали свое ощущеніе: они сидѣли другъ противъ друга и спали; когда же послѣдовалъ ударъ, мужъ, находившійся спиною къ Москвѣ, усидѣлъ, но ударился лицомъ, а жена, сидѣвшая vis-a-vis, упала на полъ и также ушиблась; впрочемъ, сильно не пострадала.

Происшествіе это также показало, что съ желѣзной дорогой нужно

обращаться осторожно, и приняты были всѣ мѣры, чтобы поѣзда шли правильно и каждый по своему пути.

Еще позже, кажется въ концѣ сентября, вся императорская фамилія, но безъ государя императора, возвращалась обратно въ Петербургъ, въ томъ же самомъ поѣздѣ, въ сопровожденіи графа Клейнмихеля, и тутъ чуть-чуть не произошло большое несчастье съ поѣздомъ на Калашниковской станціи. Изъ предосторожности былъ поставленъ наблюдатель на крышѣ самаго царскаго вагона, и когда поѣздъ приближался къ Калашниковской станціи, — это было рано утромъ, — рельсы были мокры отъ росы и тормоза не могли быстро останавливать поѣзда. Наблюдатель съ крыши вагона былъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и неизвѣстно зачѣмъ махнулъ рукою, а сторожу, — стоявшему на передовой стрѣлкѣ, отводящей съ главнаго рельсоваго пути на боковой въ обходъ и къ дровяному сараю, — показалось по неопытности, такъ какъ онъ недавно былъ нанятъ, что по этому знаку нужно повернуть стрѣлку въ бокъ и вдругъ — щелкъ, щелкъ, и открылся боковой путь и поѣздъ совершенно неожиданно свернулъ на ходу на этотъ путь. Машинистъ замѣтилъ и затормозилъ паровозъ; но поѣздъ все же продолжалъ катиться впередъ и ему угрожала опасность; однако все дѣло поправилъ второй сторожъ на послѣдней стрѣлкѣ, которая съ боковаго пути направляла поѣздъ опять на главный путь. Этотъ молодецъ сторожъ догадался и перевелъ свою стрѣлку опять на главный путь. Поѣздъ при этомъ только покачнулся, и графъ Клейнмихель замѣтилъ этотъ поворотъ на боковой путь, но его успокоили, что то было сдѣлано сознательно, такъ какъ на главномъ пути происходило исправленіе. Далѣе, поѣздъ благополучно прибылъ въ Петербургъ.

Въ 1851 году, до открытія желѣзной дороги для публики, былъ еще проѣздъ императора Николая Павловича въ августѣ мѣсяцѣ. Я ожидалъ его величество, какъ начальникъ V отдѣленія, на Березайской станціи, предъ Бологовской. Наконецъ, поѣздъ остановился и императоръ Николай Павловичъ вышелъ на платформу въ сопровожденіи графа Клейнмихеля и свиты. Графъ представилъ меня государю въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и его величество обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «почему дорога отъ Петербурга такъ неровна и тряска, а тутъ хороша для проѣзда», при чемъ графъ устремилъ на меня свои круглые глаза и ожидалъ чтò я отвѣчу, при чемъ я дѣйствительно былъ въ большомъ затрудненіи, хорошенько не зная причины, но въ виду того, что предъ тѣмъ къ Новгороду отъ Петербурга было большое передвиженіе войскъ по желѣзной дорогѣ, я отвѣчалъ государю, что по случаю такого передвиженія войскъ полотно дороги въ насыпяхъ, еще не

успѣвшихъ совѣмъ уплотниться, дало осадку подъ многими войсковыми поѣздами и сдѣлалось неровно. Потомъ государь спросилъ меня: «есть ли на станціи телеграфъ?» и на утвердительный отвѣтъ сказалъ: «ну, покажите мнѣ эту машинку»,—я показалъ дорогу государю въ одинъ изъ водоемныхъ домовъ, гдѣ внизу помѣщался телеграфъ, и онъ, войдя въ него, сказалъ: «что бы спросить?—Ну, спросите: какая въ Петербургѣ теперъ погода?» Вопросъ по телеграфу былъ данъ, но я доложилъ, что такъ какъ эта станція IV класса, то прямаго сообщенія съ Петербургской станціей нѣтъ, и только черезъ всѣ станціи, а потому отвѣтъ придетъ нескоро. Между тѣмъ доложили, что поѣздъ готовъ, и императоръ сѣлъ въ вагонъ и мы поѣхали далѣе. Вотъ примѣръ, какъ государь интересовался всѣмъ, даже мелочами дороги. Поѣздъ благополучно прибылъ въ Москву.

XVIII.

Въ 1851 году назначено было открытіе всей дороги для пассажирскаго движенія и провоза грузовъ.

По приказу 23 сентября 1851 года за № 180, объявлено высочайшее повелѣніе, отъ 6-го августа сего года, привести въ дѣйствіе положеніе о составѣ управленія С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ.

Составъ управленія дороги подраздѣляли на четыре отдѣла:

- I. Составъ дорожный.
- II. » станціонный.
- III. » подвижной.
- IV. » телеграфный.

I. Составъ дорожный.

Заключалъ въ себѣ начальниковъ отдѣленій, ихъ помощниковъ, начальника дистанціи, дорожную стражу, дорожныхъ мастеровъ и рабочихъ.

Вся желѣзная дорога раздѣлялась на 8 отдѣленій и 34 дистанціи, при чемъ начальникамъ отдѣленій назначалось по одному помощнику, и начальники дистанцій—всѣ изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. При отдѣленіяхъ назначалась канцелярія.

Для постовъ, для охраненія дороги и непрерывнаго за исправностью ея надзора,—полагается особая дорожная стража въ числѣ 2750 нижнихъ чиновъ, въ 11 ротяхъ.

II. Составъ станціонный.

Между прочимъ кассировъ 31 и станціонной команды 750 нижнихъ чиновъ въ 3-хъ ротахъ.

Отдѣленія дороги считать между каждой станціей I и II класса.

Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го сентября 1851 года были назначены начальники отдѣленій и мнѣ досталось V отдѣленіе отъ Спинова до Бологова, включая послѣднюю станцію.

Вообще было распредѣлено такъ:

I	отдѣленіе отъ С.-Петербурга до Любани 77 ³ / ₄ версты.
II	» отъ Любани до Малой Вишеры 73 ¹ / ₂ вер., съ Любанскою станціею.
III	» до Окуловки 77 ¹ / ₄ верстъ, съ Малой Вишерской.
IV	» до Бологова 65 ¹ / ₄ вер., съ Окуловской станціей.
V	» до Спинова 75 вер., съ Бологовской станціей.
VI	» до Твери 80 вер., съ Спировской станціей.
VII	» до Клина 73 ³ / ₄ вер., съ Тверской станціей.
VIII	» до Москвы 84 ¹ / ₄ вер., съ Московской станціей.

По высочайшему приказу отъ 27-го сентября 1851 года за № 182, начальникомъ дороги былъ назначенъ генераль-маіоръ Романовъ (бывшій прежде управляющимъ Царскосельскою желѣзною дорогою). Также были назначены, 27-го сентября, начальники отдѣленій, ихъ помощники и начальники дистанцій изъ инженеровъ.

По приказу отъ 21-го октября 1851 года за № 200 вышло положеніе о содержаніи мостовъ американской системы (къ сожалѣнію, оно къ приказу что у меня не приложено); по приказу за № 201—жандармскій дивизионъ подчиненъ начальнику дороги, г.-м. Романову.

Хотя неумѣстно, но приведу приказъ 1851 года, 23-го ноября, № 223, о сооруженіи Варшавской желѣзной дороги, который показываетъ, что императоръ Николай Павловичъ такъ увлекся построеніемъ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, что измѣнилъ свои мысли, что де-другихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи не нужно, и имъ повелѣно было начать работы для Варшавской дороги въ 1852 году, что и было исполнено.

XIX.

Наконецъ, 1-го ноября 1851 года было открыто правильное движеніе поѣздовъ по желѣзной дорогѣ для публики, отъ Петербурга до Москвы.

Живо помню я этотъ день, когда многосложная машина пошла въ правильный ходъ; а главное—первая ночь послѣ этого дня, темная, осенняя ночь, когда зги не было видно; но поѣзды приходили и уходили отъ Бологовской станціи, какъ бы тонули во мракѣ. Паровозы двигались взадъ и впередъ по путямъ станцій, раздражая сл непривычки нервы своимъ стукомъ, шумомъ и свистомъ.

Движеніе развивалось и проходило много поѣздовъ съ пассажирами и грузами. Бологовская станція, гдѣ я служилъ, какъ приведено уже выше, находится на срединѣ между столицъ, и потому здѣсь поѣзды сходились вмѣстѣ: одинъ съ права, другой съ лѣва и залы наполнялись народомъ, особенно при пассажирскихъ поѣздахъ, что было около 10 часовъ вечера; за то чрезъ полчаса по уходѣ ихъ залы дѣлались мигомъ пусты и все погружалось во мракъ и молчаніе; такъ что станція эта походила на волшебный замокъ, который вдругъ освѣщался, наполнялся народомъ и потомъ вдругъ смолкалъ и пустѣлъ.

То, что здѣсь сходилпсь вмѣстѣ поѣзды изъ Петербурга и изъ Москвы, порождало много курьезовъ.

Послѣ перваго звонка къ уходу поѣздовъ начиналась суета между пассажирами, и по совершенному однообразію обѣихъ сторонъ въ залѣ, пассажиры попадали по ошибкѣ не въ свой поѣздъ, именно: ѣдущій изъ Москвы—въ Петербургскій и изъ Петербурга—въ Московскій, то есть обратно, туда, откуда ѣхалъ. Такъ что сложился даже анекдотъ, что два знакомыхъ купца послѣ Бологовской станціи, ѣхавшіе одинъ изъ Петербурга, а другой изъ Москвы, попали въ одинъ поѣздъ, гдѣ встрѣтились рядомъ, и завели между собою разговоръ: «ахъ здравствуйте! Вы куда ѣдете?»—«Въ Москву! а вы куда?»—«Въ Питерьъ». Тогда первый выразился: «вотъ что значить удобная новая дорога: ѣдемъ въ разныя стороны, а сидимъ оба вмѣстѣ».

XX.

Особенно требовалось установить въ началѣ порядокъ въ столь новомъ дѣлѣ и особенно шумно было отправленіе пассажировъ изъ столицъ. Въ Петербургѣ графъ П. А. Клейнмихель занимался, первое время, этимъ самъ лично и для этого здѣсь на станціи имѣлъ свой особый кабинетъ и ежедневно присутствовалъ при отправкѣ почтового поѣзда, — даже прочихъ, и строго требовалъ, чтобы всѣ въ залахъ были съ открытыми головами, такъ что многіе, держа багажъ въ обѣихъ рукахъ, — несли шляпу въ зубахъ и это возбуждало досаду. Волей, не волей, всѣ должны были оказывать уваженіе желѣзной дорогѣ и самъ графъ всегда ходилъ по заламъ безъ шляпы. Теперь это смѣшно, но тогда казалось совершенно въ порядкѣ вещей, — что дѣло въ шляпѣ!

Въ память всѣхъ трудовъ и заботъ графа Петра Андреевича Клейнмихеля, послѣ его смерти, въ 1860 году, портретъ его поставили въ Петербургѣ на станціи, писанный въ натуральную величину масляными красками. Тутъ графъ изображенъ уже старымъ и утомленнымъ неусыпною дѣятельностію; но очень похожій.

Въ 1852 году, по приказу 14-го мая за № 44, было издано положеніе о перевозѣ почтъ по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ и для почты въ пассажирскомъ поѣздѣ находился поставленный впереди отдѣльный почтовый вагонъ. Въ томъ же году, по приказу 10-го іюля за № 115, въ Царскомъ селѣ высочайше утверждено положеніе о коммерческомъ агентствѣ С.-Петербурго-Московской дороги, и въ званіи агента утвержденъ коммерціи совѣтникъ Харичковъ.

По приказу графа Клейнмихеля отъ 10-го іюля 1852 года за № 116, по повелѣнію государя императора, желѣзная дорога раздѣлена, вмѣсто бывшихъ 8 отдѣленій съ 34 дистанціями, только на 5 отдѣленій и 24 дистанціи, именно:

I отдѣленіе отъ С.-Петербурга до Любани—77 верстъ.

II отдѣленіе, отъ Любани до станціи, съ нею, Окуловской—151 верста.

III—отъ Окуловской станціи, съ нею, до Спиrowsкой—139 верстъ.

IV—отъ Спиrowsкой станціи, съ нею, до Клинской—152 версты.

V—отъ Клинской станціи, съ нею, до Москвы и станція здѣсь—85 верстъ.

Всего 604 версты.

Приказомъ 13-го іюля 1852 года за № 119, назначены начальники отдѣленій: I-го—капитанъ Клокковъ, II-го—капитанъ Керсновскій,

III-го—подполковникъ Штукенбергъ, IV-го—капитанъ Миклуха и V-го—подполковникъ Шерваль.

Тогда должность эта была очень тяжела, такъ какъ завѣдываніе дорогой, по особому высочайше утвержденному положенію, заключало въ себѣ всѣ части вмѣстѣ, т. е. ремонтъ дороги, тягу по ней, подвижной составъ, кассирскую часть, даже администрацію, — только были отдѣлены телеграфъ и товарное движеніе. Очень много было хлопотъ съ желѣзной дорогой помимо инженерной части, что позже раздѣлено на отдѣльные управленія.

Приказомъ 20-го іюля 1852 года за № 124, высочайше повелѣно постановить, чтобы частныя постройки при станціяхъ С.-Петербурго-Московской дороги возводились отъ станціонныхъ зданій не ближе, какъ на 40 сажень, и имѣли при этомъ желѣзныя крыши.

Такой законъ возникъ послѣ нѣсколькихъ случаевъ загоранія отъ искръ, вылетавшихъ изъ трубъ паровозовъ и взаимно, послѣ пожаровъ близъ станціи и на нихъ.

Въ 1852 году было по желѣзной дорогѣ, какъ говорили, въ видѣ опыта, большое передвиженіе войскъ изъ Москвы въ Петербургъ, именно перевезена была вся 17-я пѣхотная дивизія и поѣзда слѣдовали чрезъ каждые два часа; одной кавалеріи было 44 поѣзда, а сколько пѣхоты не помню.

На Вышневолоцкой станціи была назначена дневка съ остановкою на 6 часовъ, что, при неизмѣннн здѣсь для такого неожиданнаго случая надлежащаго протяженія запасныхъ путей, — причинило много хлопотъ. Приходилось передвигать первые поѣзда далеко впередъ, чтобы дать мѣсто послѣдующимъ. На такой малой станціи не слѣдовало бы назначать войскамъ дневку; но этого не предусмотрѣли въ Петербургѣ при распредѣленіи движенія войсковыхъ поѣздовъ, а измѣнять уже было поздно.

Эта самая 17 дивизія въ 1855 году, въ Крымскую войну, первая встрѣтила нашествіе непріятели при высадкѣ подъ Альмою и первая испытала пули Минье, гдѣ начальникъ дивизіи, генераль Квицынскій, былъ тяжело раненъ. Я въ это время самъ былъ въ Крыму и увидался съ нимъ во второй разъ, когда его больнаго везли изъ Крыма въ Харьковъ на излеченіе; но рана была тяжкая, онъ сильно страдалъ и вскорѣ умеръ.

Движеніе по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ все болѣе и болѣе развивалось и первые года валовой доходъ составлялъ 5 мил. рублей и постепенно разрастался, а теперь онъ составляетъ по отчету за 1883 годъ по общему результату эксплуатаціи: приходъ общества въ годъ 24.002,798 р. 45 коп., поверстно 39,739 р.

73 коп.; расходъ общества въ годъ 9.035,431 руб. 85 коп.; по-верстно 14,959 руб. 33 к.; чистой прибыли въ годъ 14.967,366 р. 60 коп. безъ погашенія. Отношенія расхода къ приходу 37,64%.

Упрекали, что постройка Николаевской (прежде С.-Петербурго-Московской) желѣзной дороги обошлась очень дорого; хотя сколько именно,—свѣдѣній не имѣю; но тутъ нужно принять въ соображеніе то, что она строена въ два рельсовыхъ пути, съ пологими уклонами и большимъ радиусомъ для поворотовъ, что вовлекло для полотна дороги въ большія земляныя работы; зданія и сооруженія строились каменные, мѣстность была очень трудная, горы и болота; при чемъ, увлекаясь прямизною дороги, требовались большія земляныя работы; прямизна эта такова, что изъ 604 верстъ всего протяженія дороги получилось прямыхъ линій 90% или около 544 верстъ и кривыхъ на поворотахъ 60 верстъ; цѣнные матеріалы доставлялись изъ Петербурга и т. д.

XXI.

Напоследокъ приведу замѣтку, что когда было начертано направленіе этой дороги, слышались также упреки: зачѣмъ обошли нѣкоторые города, бывшіе на Московскомъ шоссе? именно такіе старинные, какъ Великій Новгородъ и Торжокъ, — также живописный Валдай и Крестцы? Но теперь стало очевиднымъ, что города, которые хвастали тѣмъ, что попали близко къ желѣзной дорогѣ, какъ Вышній Волочекъ, Тверь и Клинь, скорѣе потеряли, нежели выиграли, при чемъ Вышній Волочокъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, преобразился въ фабричный городъ и только потому не грустить, что перемѣнилъ физиономію.

Если вникнуть въ обстоятельства, то такъ и должно быть: говоря вообще, провинціальный городъ составляетъ свой центръ и всякій изъ достаточныхъ жителей здѣсь покупаетъ все и проживаетъ все въ своемъ городѣ; веселятся въ немъ въ праздники, воспитываетъ дѣтей, имѣетъ тутъ же свой гостинный дворъ, свой клубъ и даже театр. Все это поддерживаетъ торговлю и промышленность и укореняетъ провинціальную неподвижность,—такъ какъ для этого ѣхать въ одну изъ столицъ по шоссе или простой дорогѣ трудно, долго и хлопотливо. Теперь, съ проведеніемъ подъ бокомъ желѣзной дороги, когда для всѣхъ этихъ цѣлей провинціалъ ѣдетъ въ Москву или Петербургъ, налегкѣ и скоро, покупаетъ все для роскоши и проживаетъ свои доходы въ

одной изъ столицъ, а его родной городъ чрезъ это бѣднѣетъ. За то гдѣ желѣзныя дороги далеко въ сторонѣ, все остается по старому и всё держится прежнихъ привычекъ, живя у себя дома, и городъ не скудѣетъ и даже улучшается съ увеличеніемъ населенія.

Вообще удобные пути сообщенія развиваютъ и даже создаютъ населенные промышленные и торговые центры, изъ которыхъ образуются большія поселенія и города съ ярмарками и общественною жизнью. Чѣмъ дорога лучше, тѣмъ центры эти болѣе усиливаются; но за то тѣмъ болѣе отдаляются одинъ отъ другаго. При устройствѣ, напримѣръ, шоссе, центры эти отходятъ одинъ отъ другаго далѣе, нежели были при грунтовыхъ дорогахъ; а наконецъ, при проведеніи желѣзной дороги, разстояніе между такими центрами доходитъ до крайняго предѣла взаимнаго удаленія, при чемъ промежуточные падаютъ и нерѣдко эти промышленные и торговые центры переходятъ вполнѣ только на оконечности дороги, роняя всё промежуточные. При этомъ, въ узлахъ соединеній главной желѣзной дороги съ побочными желѣзными и даже съ обыкновенными дорогами, или съ водяными путями,—создаются новые центры и усиливаются старые. Такимъ образомъ, потеряли свое значеніе города по желѣзной дорогѣ между Петербургомъ и Москвою, близко къ ней лежащіе, Клинъ и Тверь, а удаленные отъ желѣзной дороги, какъ Новгородъ и Торжокъ, остались самостоятельными центрами и первый даже развился. Если изъ удаленныхъ городовъ Валдай и Крестцы потеряли, такъ это потому, что они питались собственно проходомъ по шоссе обозовъ, которыхъ грузы перешли на желѣзную дорогу.

XXII.

Закончу мой историческій очеркъ сооруженія и открытія Николаевской желѣзной дороги, вообще съ 1842—1852, пожеланіемъ, чтобы подобный же очеркъ, конечно въ лучшемъ видѣ, — появился и о С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, составляющей вторую главную артерію нашихъ желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ особенно важную, что она связываетъ Россію съ остальною Европою, и если Петербургъ сталъ для этого окномъ, то Варшавская желѣзная дорога—соединительнымъ поясомъ!

Мы нарочно привели въ XVIII отдѣлѣ приказъ графа Клейнмихеля, отъ 23-го ноября 1851 года за № 223, съ высочайшимъ повелѣніемъ о сооруженіи Варшавской желѣзной дороги, при чемъ ра-

боты должно было начать въ 1852 году,—что было приведено въ исполненіе также при главноуправляющемъ путями сообщенія и публичными зданіями графѣ Клейнмихелѣ, который и за эту дорогу принялся со всей своей энергіей и распорядительностью и строилъ ее нашими инженерами и вообще русскими дѣятелями; но порядокъ этотъ неожиданно измѣнился. Въ 1855 году мѣсто графа Петра Андреевича заступилъ генераль-адъютантъ Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ и при немъ, послѣ Парижскаго мира, продолженіе построенія Варшавской желѣзной дороги съ Нижегородской и другими — было передано французскимъ инженерамъ съ Колиньономъ во главѣ, который всѣхъ нашихъ удалилъ и привелъ къ намъ подъ фирмою инженеровъ, при нѣсколькихъ знающихъ дѣло,—своихъ родственниковъ и пріятелей всѣхъ оружій,—включая фехтовальныхъ учителей и куаферовъ. Такимъ образомъ совершилось второе нашествіе на Россію иноплемennыхъ, хотя мирное, но обирательное.

Когда Константинъ Владиміровичъ еще собирался на такое иноземное призваніе, то его предостерегали, а онъ отвѣчалъ: «чтожъ! вы хотите, чтобы мы строили желѣзную дорогу нашими инженерами и нашими подрядчиками; но знаете ли мой миленькій (его поговорка), тогда мы останемся безъ дорогъ и безъ денегъ».

Но, напротивъ, при графѣ Клейнмихелѣ исполнено много работъ чисто русскими инженерами и притомъ такихъ работъ, которыя откладывались на десятки лѣтъ, какъ на примѣръ построенъ постоянный мостъ черезъ рѣку Неву въ С.-Петербургѣ, по проекту извѣстнаго инженера Кербедза; прокопаны обходные каналы: Онежскій и Бѣлозерскій, что дало важное значеніе Маринской системѣ судоходства; также устроено нѣсколько тысячъ верстъ шоссе.

Самъ графъ Клейнмихель ежегодно проводилъ лѣто въ объѣздахъ по Россіи, для осмотра работъ и предположеній, при чемъ своимъ личнымъ распоряженіемъ ускорялъ ходъ дѣла.

А. И. Штуценбергъ.

14 мая 1885 года.
С.-Петербургъ.

СТЕПАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ШЕВЫРЕВЪ.

Его стихотвореніе.

1857 г.

Въ 1857 году, въ первыхъ числахъ декабря, когда дворянство московской губерніи, по призыву Царя-Освободителя, съѣхалось въ московское благородное собраніе для обсужденія вопроса о мѣрахъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Степанъ Петровичъ Шевыревъ съ живымъ, теплымъ сочувствіемъ отозвался на благодатную мысль царя стихотвореніемъ, вылившимся прямо изъ глубины его любящей души, и помѣстилъ его въ „Молву“, издававшейся К. С. Аксаковымъ, подъ заглавіемъ „Квибточки“, подписавшись тремя звѣздочками.

Эти благодѣтельные три звѣздочки не только спасли С. П. отъ обычнаго въ то время надъ нимъ глумленія петербургской журналистики, но даже заслужили ему непритворные похвальные отзывы отъ первыхъ органовъ тогдашней журналистики. Въ февральской книгѣ „Современника“ 1858 г. И. И. Панаевъ заключаетъ свой перечень литературныхъ новостей слѣдующими словами: „Изъ вновь появившихся журналовъ въ 1857 г. прекратилась, къ сожалѣнію, „Молва“, такъ воинственно выѣхавшая на литературную арену. Миръ ея памяти. Заключимъ наши замѣтки прекраснымъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ номеровъ ея“. (Тутъ слѣдуетъ стихотвореніе). Еще интереснѣе отзывъ фельетониста „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ того же года (№ 9, янв. 12, листъ владной). „Въ заключеніе рѣшаемъ представить тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не знакомы съ московской газетой „Молвой“, небольшое, но прелестное стихотвореніе, встрѣченное нами въ № 57 этой газеты (21 декабря 1857 г.) и, къ сожалѣнію, никѣмъ не подписанное. Съ перваго стиха до послѣдняго оно проникнуто такою простотою и вмѣстѣ такою глубокою поэзіею, что мы очень желали бы знать

имя автора, который принадлежит къ числу немногихъ поэтовъ, умѣющихъ облекать истинно-гуманную мысль въ такія безыскусственныя, граціозныя формы. Судите сами. Стихотвореніе называется „Кибиточки“. — Вотъ оно:

К И Б И Т О Ч К И.

Былъ очень жарокъ день—и жатва начиналась.
 Семья усердныхъ жницъ съ серпами наклонилась
 Надъ рожью, падшею отъ тяжести зерна
 И нива на землю ложилась, какъ волна!
 Вблизи поляны той, гдѣ жатвы начинали,
 Въ кустахъ, съ младенцами кибиточки стояли,
 Гдѣ нѣжныхъ матерей забота собрала
 Всѣхъ младшихъ жителей изъ мирнаго села.
 Вопль часто прерывалъ ретивую работу,
 И мать мѣняла серпъ на лучшую заботу,
 И грудь вложивъ въ уста младенца своего,
 Унылой пѣсенкой баюкала его.—
 Не плачьте горько такъ, невинные младенцы,
 Юнѣйшіе земли родимой поселенцы!
 Надъ вашей младостью не дремлетъ ночи тѣнь,
 Вамъ брежжетъ вольный свѣтъ, вамъ всходитъ новый день!
 О васъ моя печаль, за васъ моя молитва:
 Да будетъ не трудна вамъ новой жизни битва!

«Молва» 1857 г. № 37, суб. 21-го декабря.

С. П. Шевыревъ.

Сообщ. въ 1873 г. П. В. Шейнъ.

† 7-го мая 1885 г.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

ЗАПИСКА

ОБЪ

ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1855 г.

Редакція „Русской Старины“ представляеть на страницахъ своего изданія, имѣвшую значеніе при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, записку покойнаго Константина Дмитріевича Кавелина. Записка эта извѣстна русскому обществу лишь по неполнымъ и неточнымъ рукописнымъ спискамъ и по извлеченію изъ нея, помимо желанія автора сдѣланному и напечатанному въ „Современникѣ“ 1858 г., томъ LXVIII.

Для насъ весьма дорого обстоятельство, что этотъ замѣчательный документъ появляется на страницахъ «Русской Старины» по желанію самого знаменитаго его автора. За нѣсколько недѣль до кончины—К. Д. Кавелинъ прислалъ эту записку брату нашему, В. И. Семеvскому, при слѣдующемъ письмѣ:

„12 апрѣля 1885 г.

„Глубоко уважаемый Василій Ивановичъ.

Разбирая передъ отправленіемъ въ Парское Село, куда намѣренъ переселиться на постоянное житіе, свои бумаги, я, наконецъ, обрѣлъ записку объ освобожденіи крестьянъ, написанную въ мартѣ 1855 года. Это unicum и потому прошу васъ мнѣ ее возвратить осенью, въ сентябрѣ.

Уполномочиваю васъ пользоваться ею, какъ вы признаете нужнымъ. Если бы братъ вашъ, Михаилъ Ивановичъ, нашелъ возможнымъ ее напечатать цѣликомъ, безъ урѣзкокъ, то я бы ничего не имѣлъ противъ этого, но подъ двумя непремѣнными условіями: 1) чтобъ статья не сопровождалась никакими комментаріями; 2) чтобъ она была мнѣ прислана на корректуру и была напечатана не иначе, какъ по одобренной мною корректурѣ.

Записка эта опредѣлила мою жизнь и судьбу.

За напечатаніе урывковъ изъ нея, безъ моего согласія и вѣдома.... въ „Современникѣ“, надо мной произведено Долгорукимъ слѣдствіе и я удаленъ отъ покойнаго наслѣдника. (Извѣстная партія) на меня разсвирѣпѣла и NN выдалъ меня ей головою. Послѣ со мной не разъ заигрывали, но я не дался въ ловушку и остался въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находился, не поступившись ни на іоту. Теперь это все уже прошедшее. Они могли раздавить мою служебную карьеру, но унижить мою личную честь я имъ не далъ. Когда нибудь я подробно разскажу эту исторію, въ назиданіе потомства о дѣятеляхъ тогдашней эпохи. Теперь прошу васъ, до поры до времени, котормы вѣроятно продлятся до моей смерти, пусть сказанное въ этомъ письмѣ останется совершенно между нами. Пусть оно служить доказательствомъ моего душевнаго къ вамъ уваженія, сочувствія и личнаго расположенія.

Преданный вамъ К. Кавелинъ“.

Издавая нынѣ вполне записку К. Д. Кавелина, считаемъ необходимымъ замѣтить, что она въ настоящее время имѣетъ исключительно лишь историческое значеніе. Въ двадцать пять лѣтъ, прошедшихъ со времени ея составленія до конца царствованія Александра II, — реформы Государя-Освободителя уничтожили тѣ ужасныя явленія, о которыхъ такъ горячо говорилъ знаменитый ученый на самой зарѣ царствованія Преобразователя всего внутренняго строя Россіи.

М. И. Семеvскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Многіе убѣждены, что Россія по своимъ естественнымъ условіямъ одна изъ самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, а между тѣмъ едва ли можно найти другое государство, гдѣ бы благосостояніе было на такой низкой ступени, гдѣ бы меньше было капиталовъ въ обращеніи и бѣдность была такъ равномерно распространена между всѣми классами народа.

Пока внѣшнее спокойствіе и политическое могущество насъ ослѣпляли, мы мало обращали вниманія на это явленіе, но теперь, когда неудачи войны заставляютъ насъ напрягать всѣ наши силы, недостатокъ матеріальныхъ средствъ невольно бросается въ глаза и поставяетъ въ обязанность каждаго русскаго серьезно думать о причинахъ такого состоянія и о средствахъ измѣнить его къ лучшему.

Причинъ нашей бѣдности очень и очень много, какъ-то: ошибочная система управленія; отсутствіе строгаго правосудія и правильнаго кредита; цѣлый кодексъ стѣснительныхъ для промышленности и торговли правилъ, вслѣдствіе которыхъ ни та, ни другая не могутъ свободно развернуться, какъ въ другихъ странахъ; гибельное начало хозяйственныхъ заготовленій и хозяйственнаго управленія вообще, имѣющее въ нашей государственной администраціи, къ несчастію, такое обширное примѣненіе; глубокое невѣжество всѣхъ классовъ народа, не исключая и высшихъ, изъ которыхъ большею частію пополняются ряды чиновниковъ и правительственныхъ лицъ.

Всѣ эти причины дѣйствуютъ болѣе или менѣе губительно. Но ни одна не проникаетъ такъ глубоко въ народную жизнь, ни одна такъ не поражаетъ промышленной дѣятельности народа въ самомъ ея зародышѣ, ни одна такъ не убиваетъ всякій нравственный и матеріальный успѣхъ въ Россіи, какъ вѣрнопостное право, которымъ опутана цѣлая половина сельскаго народонаселенія Имперіи.

I.

Двадцать пять съ половиною милліоновъ жителей мужскаго и женскаго пола въ нашемъ отечествѣ лишены самыхъ первыхъ, самыхъ скромныхъ зачатковъ гражданской свободы — права, по своему усмотрѣнію, заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ и произвольно отлучаться изъ своего мѣста жительства; вопреки всякому здравому смыслу, они лишены самага дѣйствительнаго побужденія къ занятію промыслами — права требовать плату или вознагражденіе за свой трудъ, чего онъ дѣйствительно стоитъ.

Не одни помѣщичьи крѣпостные поставлены въ это положеніе. Нѣтъ, нѣсколько сословій или, правильнѣе, званій, по имени свободныхъ, не знаютъ всѣхъ или большей части этихъ правъ и могутъ быть, по всей справедливости, названы крѣпостными государства или правительства. Такъ противуестественно устроенъ нашъ гражданскій бытъ, не смотря на то, что мы учимся вотъ уже слишкомъ полтораста лѣтъ у другихъ народовъ, обогнавшихъ насъ цѣлыми вѣками на пути гражданскаго развитія и преуспѣянія.

Исчислимъ въ должной постепенности сословія или званія, на которыхъ болѣе или менѣе тяготѣетъ государственное крѣпостное право.

Во первыхъ, сюда принадлежатъ крестьяне, по названію вольные, но приписанные къ разнымъ вѣдомствамъ, къ казеннымъ и посесіоннымъ фабрикамъ и заводамъ, къ корабельнымъ лѣсамъ, къ благотворительнымъ заведеніямъ, къ почтовому управленію (ямщики), къ конюшнямъ и пр. Такіе крестьяне несутъ въ пользу государства извѣстныя натуральныя повинности и находятся подъ управленіемъ того вѣдомства, къ которому приписаны. Стало быть родъ ихъ занятій опредѣляется начальствомъ, а не доброю ихъ волею. Притомъ чиновники, пользуясь огромными правами, предоставленными у насъ всякому начальству, не забываютъ себя, управляя подчиненными имъ крестьянами.

За ними слѣдуютъ крестьяне удѣльные и дворцовые, состоящіе подъ управленіемъ департамента удѣловъ. По названію и они вольные, но стоитъ поближе взглянуть въ многосложный

порядокъ управленія ими, чтобъ удостовѣриться, что они малымъ чѣмъ отличаются отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ. Весьма значительная плата установлена для выкупа крестьянъ изъ удѣльнаго вѣдомства, притомъ выкупаться можно только въ купцы, и то не иначе, какъ съ согласія удѣльнаго вѣдомства; земли, приобрѣтаемыя удѣльными крестьянами въ частную собственность, записываются и числятся вмѣстѣ съ удѣльными землями; мирская запашка составляетъ для этихъ крестьянъ весьма тяжелую и обременительную натуральную повинность, полезную теперь исключительно для однихъ чиновниковъ, потому что запасные магазины по удѣльному вѣдомству уже давнымъ давно наполнены. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ излишнимъ, мелочнымъ вмѣшательствомъ удѣльнаго управленія во всѣ малѣйшія подробности крестьянскаго быта, показываютъ, что первые зачатки гражданской свободы также не существуютъ для нихъ, какъ и для многихъ званій въ Россіи.

Многіе думаютъ, что удѣльные крестьяне зажиточнѣе государственныхъ. Это очень можетъ быть и даже весьма естественно. Вспомнимъ, что еще недавно бѣдные и разоренные удѣльные крестьяне были переданы въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, а зажиточные и богатые государственные крестьяне во всей Симбирской губ., въ замѣнъ ихъ, обращены въ удѣльное вѣдомство. Водворить такими способами цвѣтущее хозяйство между удѣльными крестьянами — если оно и дѣйствительно таково—весьма не трудно.

Гораздо болѣе названныхъ двухъ видовъ стѣснены и лишены гражданскихъ правъ различнаго наименованія военные поселяне. Нельзя безъ содроганія вспомнить, какъ образовались наши военные поселенія: простыхъ мужиковъ въ одинъ прекрасный день вдругъ обстригли, обрили, одѣли по военному и во всѣхъ подробностяхъ домашняго и общественнаго быта подчинили военной дисциплинѣ, военному начальству и военному суду! Страшный формализмъ, тупое, мелочное, несносное фельдфебельское педанство и казарменный наружный порядокъ и чистота, въ примѣненіи къ хозяйственнымъ и административнымъ дѣламъ, были бы смѣшны, если бы не были такъ притѣснительны. Военные поселяне—это крѣпостные военнаго вѣдомства. Въ добавокъ, ихъ положеніе, бѣдственное и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи,

никому, кромѣ чиновниковъ и начальниковъ, не приноситъ пользы: войско отъ него не выигрываетъ, а правительство положительно теряетъ, потому что обязано содержать многосложное и многочисленное управленіе, издержки на которое ничѣмъ (не) окупаются.

Восходя постепенно выше и выше по этой горестной лѣстницѣ, мы встрѣчаемъ, послѣ военныхъ поселенъ, многочисленный классъ мастеровыхъ людей всякаго рода, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, фабрикамъ и даже къ небольшимъ заведеніямъ и мастерскимъ, какъ-то: къ типографіямъ, лабораторіямъ, чертежнымъ и пр. Сюда относятся: тульскіе оружейники, мастеровые на горныхъ заводахъ, наборщики и печатники московской университетской типографіи и т. п. Этимъ мастеровымъ или вовсе не назначена задѣльная плата, или назначена самая ничтожная ¹⁾, а выходъ изъ сословія запрещенъ. Званіе рабочаго и мастера наследственно и наследственно обрекаетъ ихъ государственному вѣрнопостному праву. При этомъ мастеровые на горныхъ заводахъ подчинены управленію, дисциплинѣ и суду военному. Такъ государство присваиваетъ себѣ, почти безъ вознагражденія, трудъ вольныхъ людей, нарушая тѣмъ самыя основныя понятія о справедливости, самыя бесспорныя гражданскія права, и въ добавокъ, само терпитъ отъ того большіе убытки.

Далѣе мы должны назвать — какъ ни больно это русскому сердцу — многочисленную категорію тѣхъ, которые поступаютъ въ службу по рекрутскимъ наборамъ. Ежегодно, въ мирное время, государство вырываетъ изъ среды земледѣльческихъ и промышленныхъ классовъ огромныя массы людей, составляющія цвѣтъ народонаселенія, изъ которыхъ самая ничтожная часть возвращается назадъ. Трудно представить себѣ что либо несправедливѣе, тягостнѣе для народа, разорительнѣе для государства и противнѣе здравому смыслу нашего устава о рекрутской повинности. Срокъ службы полагается 25-ти-лѣтній. Такая долгая служба перестаетъ уже быть повинностію, а становится просто

¹⁾ На златоустовскихъ горныхъ заводахъ мастеровой получаетъ въ мѣсяцъ 1 р. сер. жалованья, обязанъ работать 16 часовъ въ сутки, имѣя въ году одинъ свободный мѣсяцъ.

обращеніемъ въ крѣпостное состояніе государству, тѣмъ болѣе, что дѣти, внуки, правнуки и отдаленнѣйшее потомство сданныхъ въ рекруты тоже обязаны служить государству. Правда, блаженныя памяти государь императоръ Николай Павловичъ облегчилъ судьбу находящихся въ строевой службѣ, установивъ для нихъ безсрочные отпуска послѣ 15, 12 и даже 10-ти-лѣтней службы; но безсрочно-отпускные стѣснены столькими мелочными, педантическими требованіями, смотрами, явками, для которыхъ, какъ будто нарочно, выбрана самая рабочая пора, что имъ невозможно свободно, безъ помѣхи, заняться какимъ бы то ни было постояннымъ промысломъ до полученія чистой отставки; нестроевые же обязаны отслужить въ дѣйствительной службѣ полный срокъ, и безсрочнымъ отпускомъ не пользуются.

Впрочемъ, тягостная обязанность прослужить почти всю жизнь солдатомъ есть еще наименьшее изъ золъ нашей рекрутской повинности. Гибельная сторона ея, противная всякой справедливости, всякому разумному понятію, заключается въ томъ, что рекрутскій наборъ доставляетъ у насъ государству не однихъ строевыхъ солдатъ, обязанныхъ нести военную службу, но также тысячи мастеровыхъ и рабочихъ всякаго рода, даже простыхъ сторожей на крѣпостномъ правѣ, т. е. съ правомъ заставлять ихъ работать, безъ всякаго или почти безъ всякаго вознагражденія за черствый кусокъ хлѣба, за самое скудное содержаніе. Ежегодно тысячи людей отрываются отъ промысловъ, отъ занятій, отъ сколько нибудь независимой жизни, чтобъ потерять почти навсегда всякую тѣнь гражданскихъ правъ и гражданской свободы. Эти тысячи людей распредѣляются въ деньщики, въ мастеровые на заводахъ и фабрикахъ, въ рабочіе баталіоны и роты, въ писаря, въ казенныя типографіи, въ служительскія команды, въ множество рабочихъ должностей, которыя не представляютъ и тѣни военнаго назначенія. Они тоже остаются казенными крѣпостными наслѣдственно.

Судьба солдатскихъ дѣтей, кантонистовъ, самая жалбая и горестная. Трикраты счастливы они, если имъ доведется остаться до 17-ти или 20-ти лѣтъ гдѣ нибудь въ деревнѣ и поступить на службу или въ распоряженіе начальства не съ первой юности: по крайней мѣрѣ они успѣютъ сложиться физически. Но горе кантонистамъ, съ дѣтства поступающимъ въ кантонистскія школы и въ

разныя выучки! Отданные въ руки чиновниковъ, они умирають толпами, а тѣ изъ нихъ, которые выдержатъ школу лишеній и дурнаго обращенія, созданную корыстолюбиемъ, равнодушіемъ или невѣжествомъ ихъ начальства, возрастають безъ всякаго нравственнаго образованія, большею частью безъ всякаго понятія о семействѣ и собственности, и выходятъ въ жизнь безнравственными людьми, закаленными на всякое зло и достаточно обученными только для того, чтобы быть величайшими плутами и негодяями. Послѣ выучки (которую ни подѣ какимъ видомъ нельзя назвать воспитаніемъ) они распредѣляются въ разныя должности, мастерства, въ техническія заведенія, въ военные писаря, получая казенный паекъ, одежду и квартиру и самое ничтожное жалованье, и завися вполнѣ, безотчетно, отъ своего начальства, которое нерѣдко вгоняетъ ихъ въ гробъ и работой, и неумѣренными наказаніями. Дать военному писарю 300—400 розогъ—дѣло самое обыкновенное! Такимъ образомъ кантонистъ, поступившій на службу въ какую бы то ни было нестроевую должность, есть вещь пишущая или работающая. Положеніе его безвыходно, безотраднo. Довольно сказать, что на капсюльное заведеніе, гдѣ постоянное обращеніе съ ртутью убиваетъ чело-вѣка въ 5, а по большей части въ 8 лѣтъ, рабочіе не нанимаются, а берутся изъ кантонистовъ! Нанимающійся, по крайней мѣрѣ, идетъ на смерть добровольно, можетъ хоть своему семейству выговорить какія нибудь выгоды, а тутъ правительство осуждаетъ людей на смерть — даромъ! Что мудренаго, послѣ всего сказаннаго, если изъ кантонистовъ почти всегда выходятъ самые отъявленные и безсовѣстные негодяи? Тѣ изъ нихъ, кои выдержатъ чистилище, т. е. лѣтъ 12 или 20 чуть-чуть не ка-торжной службы, становятся классными чиновниками и посту-паютъ въ разныя мелкія должности, иные изъ нихъ дослужи-ваются и до чиновъ покрупнѣе. Не трудно себѣ представить, какія понятія и какую нравственность они приносятъ съ собою въ государственную службу.

Говорятъ, что правительство намѣрено уничтожить званіе кантонистовъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! Дай Богъ, чтобы скорѣй исчезло это уродливое, противуестественное учрежденіе!

Таковы главные виды государственнаго крѣпостнаго права. Ему подлежатъ болѣе 4.000,000 душъ обою пола, не считая

въ томъ числѣ поступившихъ въ этотъ разрядъ изъ разныхъ званій по рекрутскимъ наборамъ и солдатскихъ дѣтей ¹⁾).

Частное крѣпостное право, конечно, не хуже государственнаго, особливо въ сравненіи съ поступающими въ государственное крѣпостное состояніе по наборамъ и изъ солдатскихъ дѣтей; но справедливость требуетъ сказать, что оно и не лучше. Одно стоитъ другаго.

Въ личномъ отношеніи положеніе помѣщичьихъ крѣпостныхъ можетъ быть и стало теперь нѣсколько легче противъ прежняго, благодаря времени, успѣхамъ образованія и строгимъ мѣрамъ, принятымъ въ царствованіе императора Николая I, но то-же самое образованіе, которое нѣсколько смягчило варварское обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными, научило ихъ смотрѣть на послѣднихъ какъ на капиталъ, изъ котораго надобно извлекать какъ можно болѣе

¹⁾ Сюда принадлежать по 9-й народной переписи:

	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
Крестьяне, состоящіе подъ управленіемъ департамента удѣловъ и удѣльные, а также вѣдомствъ кабинета его величества и дворцоваго	852,144	946,564
Приписанныхъ къ государственнымъ конскимъ заводамъ	91,290	86,766
Принадлежащихъ общественнымъ заведеніямъ .	12,342	17,379
Городскаго и магистратскаго вѣдомствъ	15,304	16,595
Архіерейскихъ и монастырскихъ служителей . .	5,091	—
Приписанныхъ къ казеннымъ горнымъ и прочимъ заводамъ и фабрикамъ	209,222	225,829
Мастеровыхъ, приписанныхъ къ дворцамъ . .	748	932
Мастеровыхъ, приписанныхъ къ горнымъ и винокуреннымъ заводамъ и солянымъ промысламъ и фабрикамъ	137,408	106,980
Тульскихъ оружейниковъ	9,061	9,682
Охтенскихъ и Адмиралтейскихъ поселенъ Черноморскаго флота	8,507	8,563
Лодмановъ	1,557	—
Лѣсныхъ стражей	920	649
Лашмановъ	115,981	—
Ямщиковъ	26,320	31,933
Регулярнаго военнаго поселенія	320,941	308,261
Соляныхъ возчиковъ при Эльтонскомъ озерѣ . .	426	258
	2.004,772	2.049,925
	4.054,697	

дохода. Очень многіе помѣщики поняли, что невыгодно терзать и забивать крѣпостныхъ, что лучше пользоваться ими, какъ подобаетъ умнымъ и расчетливымъ хозяевамъ. А какъ мѣры правительства полагаютъ предѣлъ жестокости, а не корыстолюбію владѣльцевъ, то въ матеріальномъ отношеніи состояніе крѣпостныхъ весьма значительно ухудшилось противъ прежняго: ихъ повинности, оброки и другія обязанности къ владѣльцамъ въ послѣднія 10, 20 лѣтъ удвоились и утроились; особенно нагло увеличена цифра крестьянскихъ повинностей вокругъ столицъ и преимущественно около Петербурга, гдѣ вмѣстѣ съ оброкомъ, весьма значительнымъ, обыкновенно отбываются крестьянами и разныя работы. Оброки съ крѣпостныхъ, отпущенныхъ по паспортамъ, у которыхъ нѣтъ ни земли, ни тягла въ господскомъ имѣніи — безобразны. Одинъ помѣщикъ, проживающій въ Петербургѣ, беретъ съ своихъ крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ, ежегодно по 450 р. сер. съ каждаго; а сколько такихъ владѣльцевъ, которые берутъ съ своихъ крестьянъ въ годъ до 60 р. сер. оброка. Такая повинность не имѣетъ даже того, весьма любимого помѣщиками, оправданія, что она будто бы взимается за землю, которою пользуются крестьяне; ибо оброкъ съ крѣпостныхъ, живущихъ по паспортамъ, есть налогъ на трудъ, личная подать, часто до того неумѣренная, что лишаетъ крѣпостнаго всякой энергіи, всякой охоты заняться чѣмъ бы то ни было. Одинъ маляръ, проживавшій въ Петербургѣ и платившій съ братомъ своимъ въ годъ 400 руб. асс. оброку, жаловался на свою судьбу и на крѣпостную зависимость. Ему замѣтили: за то семья твоя не замерзнетъ, когда у тебя сгоритъ изба, баринъ построитъ новую". — „Это такъ, отвѣчалъ маляръ, да я плачу барину по 200 р. вотъ уже десять лѣтъ, а это — 2,000 руб. — останься эти деньги у меня въ карманъ, я бы четыре избы на нихъ построилъ“.

Есть примѣры еще болѣе горестные. Въ 1842 году, у одного изъ извѣстныхъ кондитеровъ на Невскомъ проспектѣ служилъ лакеемъ одинъ крѣпостной человѣкъ. Хозяинъ заведенія былъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ отлично доволенъ, но, не смотря на то, долженъ былъ замѣнить его другимъ, потому только, что за взносомъ оброка изъ жалованья бѣднякъ не имѣлъ довольно денегъ, чтобъ одѣться порядочно, какъ требовалось въ

кондитерской. На его мѣсто поступилъ вольный, а онъ—что съ нимъ случилось? Спился ли онъ съ горя или попалъ въ солдаты, или другая горькая постигла его судьба?

Положеніе крѣпостныхъ, служащихъ барину лицомъ и работою, еще печальнѣе. Оброчный можетъ, по крайней мѣрѣ, употребить себя, какъ ему удобнѣе и лучше, по своему усмотрѣнію; служащій лицомъ не пользуется даже и этимъ сомнительнымъ преимуществомъ. Трудъ обязательный, безъ вознагражденія, или съ самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ и при томъ недобровольно избранный по наклонности, а по принужденію—вотъ существо крѣпостнаго права въ экономическомъ отношеніи. Сколько отъ того пропадаетъ безъ пользы силъ, погибаетъ и замираетъ способностей и талантовъ! На барщинѣ человѣкъ работаетъ, по крайней мѣрѣ, вдвое хуже, чѣмъ у себя дома и на своемъ полѣ. Поразительнымъ этому доказательствомъ служить то, что у крѣпостнаго мужика съ батракомъ различный бываетъ договоръ, смотря по тому, нанимается ли батракъ ходить на барскую работу вмѣсто мужика или работать у послѣдняго въ домѣ и на его полѣ. Въ первомъ случаѣ батракъ идетъ за меньшую плату, а во второмъ—за большую. А какова крѣпостная домашняя прислуга,—лучше всего доказывается тѣмъ, что множество помѣщиковъ предпочитаютъ наемную, и въ большихъ домахъ такая прислуга вошла въ обычай.

Частному крѣпостному праву подлежатъ болѣе 21.500,000 душъ обоого пола, а именно крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ 20.589,178, дворовыхъ людей—1.035,924.

Слѣдовательно, всего государственному и частному крѣпостному праву подлежатъ у насъ 25.498,930 душъ обоого пола, тогда какъ общее народонаселеніе имперіи, за исключеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго, Американскихъ владѣній и Закавказскаго края составляетъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 56.313,323 души.

II.

Государственное крѣпостное право возникло у насъ во времена невѣжества и варварства, а теперь распространилось и поддерживается вслѣдствіе совершенно ошибочныхъ понятій о пользахъ и выгодахъ государства и вслѣдствіе противнаго здравому смыслу устройства военной повинности въ Россіи.

Въ наше время всѣми признано за несомнѣнную истину, что правительству не слѣдъ заниматься никакимъ промысломъ, никакимъ издѣліемъ, никакимъ заготовленіемъ хозяйственнымъ образомъ, потому что подобныя операціи, въ послѣднемъ итогѣ, всегда, непремѣнно, приносятъ правительству, а слѣд. и государству, не прибыль, а убытокъ. Нашъ государственный совѣтъ давно уже высказываетъ эту мысль при всякомъ удобномъ случаѣ и требуетъ ея приложенія къ нашему внутреннему управленію въ обширныхъ размѣрахъ, — но все понапрасну. Наконецъ, теперешнія, чрезвычайныя военныя обстоятельства, уяснившія для всѣхъ то, что до того времени понимали лишь немногіе, окончательно доказали всю справедливость этого просвѣщеннаго требованія; наши ружья, орудія, военные и артиллерійскіе снаряды, заготовленные на казенныхъ заводахъ, во многихъ случаяхъ оказывались дурнаго качества и не выдерживали сравненія съ иностранными. Люди спеціальныя, близко знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ, что одно только и есть средство сравняться въ этомъ отношеніи съ иностранными государствами — заказывать снаряды и оружіе частнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Совершенно то-же самое должно сказать и о всѣхъ прочихъ казенныхъ заводахъ, фабрикахъ и промышленныхъ заведеніяхъ: они существуютъ въ убытокъ правительству, обыкновенно крайне стѣснительны для частной промышленности, а между тѣмъ мало по малу приходятъ въ упадокъ.

Горное дѣло, съ такими неимовѣрными трудами и усиліями насажденное и развитое у насъ Петромъ Великимъ, падаетъ съ каждымъ годомъ: дѣйствіе многихъ казенныхъ горныхъ заводовъ прекращается подъ тѣмъ предлогомъ, что выручка не покрываетъ издержекъ производства. Можетъ быть оно и дѣйствительно такъ, но отъ чего? Объясненія должно искать въ казенномъ управ-

леніи, которое всегда и вездѣ оказывалось совершенно неудовлетворительнымъ. Въ этомъ смыслѣ можно безошибочно сказать, что передача сибирскихъ рудниковъ изъ вѣдомства кабинета въ министерство финансовъ и изъ министерства финансовъ въ вѣдомство кабинета, конечно, не поможетъ горю.

Когда есть очевидныя, поразительныя доказательства тому, что при казенномъ управленіи никакая отрасль промышленности хорошо идти не можетъ, когда постоянно, по всякому малѣйшему поводу, объ этомъ напоминаетъ государственный совѣтъ,—отъ чего же держится и болѣе чѣмъ когда нибудь процвѣтаетъ эта убыточная для правительства, гибельная для промышленныхъ силъ государства и въ высшей степени притѣснительная для цѣлаго народа система? Отъ того, что она поддерживается и защищается передъ правительствомъ цѣлыми легіонами всѣмъ ненужныхъ чиновниковъ, которые, сверхъ жалованья, находятъ свои выгоды въ управленіи казенными заводами, фабриками и другими промышленными заведеніями и потому отстаиваютъ настоящій порядокъ дѣлъ всѣми возможными средствами; правительство же почему-то не понимаетъ, до какой степени вредна и гибельна эта система во всѣхъ отношеніяхъ. Доказательства сказанному можно видѣть во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ (конечно, давнымъ давно сданныхъ въ архивъ), въ которыхъ шла рѣчь о закрытіи или продажѣ какого бы то ни было казеннаго промышленнаго заведенія.

Есть и другая истина, тоже признанная въ наше время за неподверженную никакому сомнѣнію,—что вольная работа по договору во всѣхъ отношеніяхъ лучше подневольной и даровой. Въ простомъ народѣ, который самъ работаетъ обоими способами, эта истина давно уже извѣстна; въ его устахъ выраженія: „казенная“ и „барщинная“ работа, исполняемая поневолѣ и даромъ, означаютъ плохую, лѣнливую работу.

Нынѣшняя война, вмѣстѣ съ большими бѣдствіями принесшая намъ столько пользы, и въ этомъ отношеніи многимъ открыла глаза. Говорятъ, что лѣтомъ 1855 года его императорское высочество генералъ-адмиралъ имѣлъ случай лично убѣдиться въ преимуществѣ вольной работы, по поводу постройки разнаго рода судовъ для Балтійскаго моря: работа производилась лучше и скорѣе вольнонаемными, чѣмъ морскимъ рабочимъ

экипажемъ и казенными мастеровыми. Впрочемъ, еще задолго до войны, у многихъ помѣщиковъ-фабрикантовъ и заводчиковъ крѣпостные ихъ крестьяне уже работали (и теперь работаютъ) на ихъ фабрикахъ и заводахъ по вольному договору и за вольную, договорную плату; даже есть примѣры, что только этимъ способомъ и можно было поправить и поднять фабрики, первоначально основанныя на крѣпостномъ правѣ.

Если, слѣдовательно, вольный трудъ выгоднѣе подневольнаго и для правительства, и для частныхъ владѣльцевъ, то о пользѣ свободной работы въ сравненіи съ крѣпостною для государства и говорить нечего! Вольный наемъ передаетъ въ массы народа много денегъ; деньги эти, проходя чрезъ тысячи рукъ, распространяютъ довольство, а довольство есть самый надежный и обильный источникъ государственныхъ доходовъ. При довольствѣ и подати поступаютъ сполна, и доходъ отъ пошлинъ возрастаетъ, потому что чѣмъ больше проживаетъ народъ, тѣмъ больше онъ платитъ пошлинъ. Прибавимъ къ этому, что вольная работа по найму идетъ гораздо скорѣе, чѣмъ подневольная, потому что каждый хочетъ заработать какъ можно больше. Совсѣмъ другія послѣдствія для государства отъ крѣпостнаго, невольнаго труда, безъ платы или съ малой платой: такой трудъ держитъ массы рабочихъ въ нищетѣ, и они оттого почти ничего не покупаютъ, ничего не проживаютъ и, стало быть, не доставляютъ или почти не доставляютъ казнѣ дохода. Да и работаетъ человѣкъ вяло, неохотно, зная, что отъ труда ему ничего не прибудетъ и быть его не улучшится. Самое даже желаніе улучшить положеніе свое въ немъ мало по малу угасаетъ. Нравственное и физическое бездѣйствіе и дремота постепенно овладѣваютъ массами и дѣлаютъ невозможнымъ всякій успѣхъ, всякое развитіе... До такого усыпленія уже дошло сельское народонаселеніе въ Бѣлоруссіи. Всѣ знаютъ, каково это состояніе для государства и выгодно ли оно для правительства.

Все здѣсь нами сказанное не удивитъ никого новизною. Отчего же число казенныхъ подневольныхъ работниковъ не только не уменьшается, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ растетъ? Частью отъ того, что и изложенныя нами простыя истины понимаютъ далеко не всѣ, даже и изъ высшихъ правительственныхъ лицъ—такъ низокъ у насъ уровень образованія въ кру-

гахъ административныхъ,— частью же потому, что если подневольный трудъ не выгоденъ для правительства и бѣдственъ для государства, то онъ, въ замѣнъ того, очень полезенъ для чиновниковъ, заправляющихъ казенными работами и рабочими, а классы и лица, заинтересованныя въ томъ, чтобъ этотъ порядокъ дѣлъ измѣнился, не имѣютъ никакого голоса.

Наконецъ, война, потрясая многіе изъ нашихъ завоснѣлыхъ предрасудковъ, осязательнымъ образомъ опровергла и господствовавшія доселѣ въ Россіи воззрѣнія на военное образованіе солдата, — воззрѣнія, на которыхъ, казалось, незыблемо основанъ нашъ давно устарѣвшій рекрутскій уставъ. Обученіе рекрута, направленное почти исключительно на маршировку и выpravку, а не на дѣйствительное знаніе службы и умѣнье владѣть оружіемъ, было одною изъ главныхъ причинъ, почему у насъ удержанъ такой продолжительный срокъ отправленія обязательной рекрутской повинности, ибо въ самомъ дѣлѣ не малаго времени нужно было, чтобъ сдѣлать ловкаго солдата изъ неуклюжаго и восолапаго мужика; это же было и одною изъ главныхъ причинъ, почему значительное сокращеніе срока военной службы почиталось у насъ записными знатоками военного ремесла рѣшительно невозможнымъ, а безъ такого сокращенія нельзя было и помышлять о преобразованіи нашего рекрутскаго устава, потому что всѣ основныя положенія его и правила были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ долговременнаго срока обязательной военной службы. Если человѣкъ долженъ быть солдатомъ въ теченіе почти всей своей жизни, то уже этимъ самымъ условливается, что нельзя призвать всѣхъ къ военной службѣ, что она есть самая тяжкая повинность, отъ которой привилегированныя сословія избавляются, что рекрутъ совсѣмъ оставляетъ прежнее свое званіе и переходитъ въ полную, безраздѣльную зависимость отъ военнаго управленія, что по правамъ и льготамъ какъ самъ солдатъ, такъ и жена его и дѣти становятся въ исключительное положеніе и берутся подъ особенное покровительство государства, службѣ которому онъ посвятилъ всѣ свои силы и время. Но теперь, когда всѣ усилія направлены къ тому, чтобъ по возможности очистить рекрутскую школу отъ мелочей и педантизма, какъ можно болѣе упростить ее и приспособить

въ дѣйствительнымъ потребностямъ военнаго званія, — теперь приспѣло, кажется, время и наступила возможность серьезно подумать о совершенномъ измѣненіи гражданскаго положенія солдата и изъ казеннаго крѣпостнаго въ теченіе всей почти жизни обратить его въ подданнаго и гражданина, обязаннаго предъ государствомъ лишь нѣсколькими годами военной службы.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для упраздненія въ Россіи государственнаго крѣпостнаго права должно принять слѣдующія мѣры:

Во 1-хъ, всѣ правительственныя промышленныя заведенія, какія бы они ни были, а именно: заводы (въ томъ числѣ и горныя), фабрики, мануфактуры, мастерскія всякаго рода, типографіи, литографіи и т. п. безъ всякаго изъятія или продать въ частныя руки (лицамъ или компаніямъ русскимъ и иностраннымъ), или же, если покупателей не найдется, — отдать тоже въ частныя руки, въ арендное содержаніе, а приписаннымъ къ нимъ мастеровымъ и рабочимъ предоставить избрать родъ жизни по своему усмотрѣнію.

Во 2-хъ, всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ къ какимъ бы то ни было вѣдомствамъ, заводамъ, фабрикамъ, заведеніямъ и т. п., подчинить одному управленію и закону съ свободнымъ сельскимъ населеніемъ имперіи вообще, уволивъ отъ всѣхъ особенныхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей, которыми они нынѣ обложены въ пользу своихъ вѣдомствъ.

Эти двѣ мѣры, предоставляя приписнымъ гражданскія права, которыхъ они теперь, весьма несправедливо, болѣе или менѣе лишены, имѣли бы еще и то благодѣтельное послѣдствіе, что безчисленное множество штатовъ, управленій, вѣдомствъ и должностей могли бы быть упразднены ¹⁾. Не забудемъ также, что

¹⁾ Упраздненія мѣстъ и должностей не только можетъ, но и непременно должно происходить безъ лишенія занимающихъ ихъ чиновниковъ куска хлѣба. Способные и годные могутъ быть мало по малу переведены въ другія должности, а прочіе, особливо не имѣющіе никакого состоянія, должны быть оставлены при томъ содержаніи, которое получали, безъ всякаго уменьшенія, до смерти или постыженія въ другія должности. Такою мѣрою правительству болѣе выиграетъ, чѣмъ сбереженіемъ денегъ съ осужденіемъ множества людей на горе и нищету.

по окончаніи нынѣшней войны правительству понадобятся огромные капиталы для возстановленія разрушеннаго и истребленнаго войною, для развитія и усиленія того, что оказалось въ прежнемъ видѣ слабымъ и недостаточнымъ, для пособія цѣлымъ краямъ имперіи, болѣе или менѣе пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій, но въ особенности, чтобъ поддержать государственный кредитъ. Откуда взять на все это капиталы? Создать ихъ возвышеніемъ существующихъ налоговъ и установленіемъ новыхъ—невозможно, особливо тотчасъ же послѣ войны и большихъ жертвованій, уже понесенныхъ всѣми классами народа. Сдѣлать новые займы, внѣшніе или внутренніе, — слишкомъ обременительно для государства и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Продажа и отдача въ аренду промышленныхъ казенныхъ заведеній было бы едва ли не одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ, чтобъ выйти правительству изъ теперешняго затруднительнаго положенія, потому что, будучи вѣрнѣйшимъ средствомъ къ развитію у насъ промышленности, представляя впереди существенное сокращеніе государственныхъ расходовъ чрезъ постепенное уменьшеніе должностей и штатовъ, она въ то же время доставила бы въ руки правительства разомъ значительные капиталы и тѣмъ дала бы средства для покрытія неотлагательнѣйшихъ издержекъ. Горные заводы, теперь закрытые, потому что казнѣ невыгодно управлять ими посредствомъ чиновниковъ, пошли бы съ торговъ за выгодныя цѣны; то же можно связать о продажѣ или передачѣ въ частныя руки С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, и т. д.

Въ 3-хъ, заведеніе кавтонистовъ совершенно упразднить, предоставля солдатскимъ дѣтямъ право оставаться въ томъ званіи, къ которому принадлежали ихъ отцы, до поступленія въ рекруты, или же приписаться къ другому званію на общемъ основаніи. ⁵¹

Въ 4-хъ, постановить основнымъ закономъ имперіи, не терпящимъ ни малѣйшаго изыятія, что поступающій на службу по рекрутскимъ наборамъ ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не можетъ быть употребленъ ни въ какую службу, исключая собственно военной, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, т. е. такой службы, которая прямо и непосредственно относится къ

военному ремеслу, а не числится военной по одному мундиру и произвольно данному названію.

Въ 5-хъ, всѣ не военныя должности и службы, наполняемыя нынѣ, совершенно неправильно, людьми сданными въ рекруты или кантонистами и солдатскими дѣтьми, — сторожей, рассыльныхъ, швейцаровъ, писарей, фельдшеровъ, кондукторовъ, денщиковъ, мастеровыхъ, служителей, рабочихъ и т. п. въ полкахъ, заведеніяхъ всякаго рода, штабахъ, вѣдомствахъ, мастерскихъ и вообще гдѣ бы то ни было и каковы бы ни были должности, если только онѣ не военныя въ самомъ безспорномъ смыслѣ слова, — замѣщать вольнонаемными, служащими по желанію и за условленную плату. Подобная мѣра, по необходимости, заставитъ серьезно подумать объ упраздненіи тысячи должностей, которыя существуютъ теперь только потому, что, повидимому, дешево обходятся правительству или, правильнѣе, вѣдомствамъ.

Въ 6-хъ, собственно военную или рекрутскую повинность устроить на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Срокъ службы установить семилѣтній. Черезъ это: 1) поступающій въ военную службу не былъ бы, какъ теперь, отрѣзаннымъ ломтемъ для общества и семьи и могъ бы большую часть своей жизни принадлежать въ своему званію и заниматься своимъ промысломъ; 2) народонаселеніе сохранилось бы лучше и могло бы безпрепятственно умножаться, что по малонаселенности имперіи имѣло бы самыя благодѣтельныя послѣдствія. Мы не Еврона. У насъ еще мѣста много и очень много нужно рукъ и головъ; 3) большая часть рекрутъ, сохраняя и по вступленіи въ военную службу живую связь съ своей семьей и своимъ роднымъ краемъ, въ надеждѣ скоро возвратиться, не теряли бы, какъ теперь, гражданскихъ привычекъ, и старались бы помнить свое ремесло, зная, что оно скоро опять понадобится; 4) рекрутъ не терялъ бы, какъ теперь, гражданскихъ правъ въ своемъ краю и семьѣ, не становился бы круглымъ бобылемъ, и, слѣд., 5) шоль бы на службу охотнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ меньше было бы побѣговъ и военныхъ дезертировъ.

б) Обязать къ военной службѣ всѣ званія и состоянія безъ исключенія, начиная съ 18-ти лѣтняго возраста, уволивъ отъ этой обязанности только негодныхъ для военной службы по при-

чинамъ физическимъ, также учащихся и готовящихся въ нѣкоторымъ должностямъ и занятіямъ, состоящимъ подъ особымъ покровительствомъ, какъ-то: къ духовному сану, въ медики, художники, ученые и проч. Въмѣстѣ съ тѣмъ предоставить всякому право нанимать вмѣсто себя въ службу другаго, не обязаннаго болѣе службой. Дворянамъ и окончившимъ курсъ въ разныхъ заведеніяхъ предоставить служить съ правами, имъ теперь предоставленными. Черезъ это: 1) въ распоряженіи правительства было бы постоянно значительное число войска; 2) каждый, отслуживъ свой срокъ лѣтъ 25-ти отъ роду, былъ бы уже совершенно свободенъ и могъ бы устроить свою судьбу и образъ жизни по своему ближайшему усмотрѣнію—важное условіе для промышленныхъ классовъ народа, живущихъ трудомъ, а не процентами съ капитала.

в) Послѣ семилѣтней службы дается чистая отставка. Отслужившій свой срокъ возвращается въ свое сословіе или приписывается къ другому и совершенно, во всѣхъ отношеніяхъ, выходитъ изъ зависимости отъ военнаго начальства.

г) Въ теченіе всей службы солдата, жена его и дѣти не поступаютъ въ зависимость отъ военнаго начальства и остаются подъ защитой и покровительствомъ общихъ земскихъ законовъ въ прежнемъ званіи или переходятъ въ другое ¹⁾).

¹⁾ Дальнѣйшія подробности устройства военной части сюда не относятся. Мимоходомъ замѣтимъ только, что для уменьшенія смертности въ войскахъ, происходящей, между прочимъ, отъ слишкомъ внезапнаго измѣненія всего образа жизни и всѣхъ условій быта рекрута, начиная съ климата и мѣстности, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства *), — было бы полезно на первый годъ службы оставлять рекрута какъ можно ближе къ родинѣ, напр., въ томъ же уѣздѣ, и не слишкомъ изнурять и ослаблять его ученьями; на второй годъ, когда онъ къ новому своему положенію нѣсколько попривыкнетъ, зачислить его уже въ губернской гарнизонный батальонъ, а съ третьяго года обратиться въ дѣйствительную службу, куда потребуется. За неавку на службу, когда наступитъ законный возрастъ, или за побѣгъ съ службы увеличивать обязательный срокъ ея. Если государству нужно солдатъ больше обыкновеннаго числа или если получающаго отставку почему либо считается полезнымъ удержать въ службѣ, то предлагать выслуживающимъ срокъ при-

*) Нѣкоторые полагаютъ, что отъ одной тоски по родинѣ умираетъ, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{2}$ рекрутъ.

Вотъ главные начала, при помощи которыхъ государственное крѣпостное право можетъ быть упразднено. Этого настоятельно требуетъ и благо государства, и выгоды народа, и польза правительства. Стоитъ только пожелать, и въ совершенію такого, во всѣхъ отношеніяхъ, благодѣтельнаго преобразованія не будетъ никакого препятствія. Возражать будутъ только заинтересованныя въ сохраненіи этого права вѣдомства и управленія, для которыхъ оно такъ прибыльно. Они всегда сильно вопіютъ противъ каждой подобной мѣры. Давно ли тому назадъ раздавались громкія сѣтованія противъ правительства за обращеніе въ казаки крестьянъ, приписанныхъ въ Нерчинскимъ заводамъ. А почему? Потому что для мѣстнаго горнаго начальства такое распоряженіе было куда какъ непріятно. Приведемъ другой примѣръ, еще болѣе разительный. Государственный совѣтъ обратилъ просвѣщенное вниманіе свое на необходимость закрыть по возможности всѣ казенные винокуренные заводы, на которыхъ куреніе вина обходится дороже, чѣмъ на частныхъ заводахъ. Казалось, что могло быть справедливѣе и разумнѣе такого требованія? Но казенные винокуренные заводы управляются чиновниками, и чиновники грудью стали отстаивать ихъ существованіе, въ чемъ отчасти и успѣли, подъ самыми странными предлогами, напр., что будто бы некуда будетъ ссылать въ работу нѣкоторые разряды преступниковъ!

бавку содержанія или другія тому подобныя выгоды и преимущества. Кромѣ того, конечно, многіе солдаты, не имѣющіе ни собственности, ни родныхъ, ни промысла, также многіе любители военнаго дѣла, будутъ добровольно оставаться въ службѣ и сверхъ срока. Для этого, конечно, необходимо чтобъ военное начальство въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ стояло хотя нѣсколько выше теперешняго уровня. И это дѣло не невозможное. Будемъ надѣяться, что все измѣнится къ лучшему. К. К.

III.

Гораздо сложнѣе и труднѣе для разрѣшенія вопросъ о помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, которое тяготѣеть болѣе, чѣмъ надъ 20 милліонами душъ, и имѣеть на цѣлый государственный организмъ самое рѣшительное и глубокое вліаніе.

Крѣпостное право владѣльцевъ возникло у насъ частью вслѣдствіе настоятельной государственной потребности дать прочную осѣдлость сельскому народонаселенію, частью исторгнуто у московскихъ царей въ бѣдственное время шаткости нашей государственной власти, когда она вынуждена была льстить и потворствовать знатнымъ, богатымъ и сильнымъ, забывъ настоящее святое свое призваніе покровительствовать незнатнымъ, бѣднымъ и слабымъ. Отсутствие всякихъ идей о справедливости и правѣ и бессмысленное варварство выработали изъ неопредѣленной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, въ теченіе XVII вѣка, полное личное рабство, и въ этомъ видѣ крѣпостное помѣщичье право завѣщано XVIII вѣку.

Прошло цѣлое столѣтіе, и это право мало измѣнилось. Петръ Великій, пересоздавшій условія нашей внѣшней и внутренней жизни, не способствовалъ развитію крѣпостнаго права, какъ думаютъ многіе, но ничего не сдѣлалъ, чтобъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, преобразовать его. Преемники Петра и не помышляли о крѣпостномъ правѣ. Впервые на него обращено вниманіе въ великій екатерининскій вѣкъ: не только императрица, но и очень многіе изъ тогдашнихъ владѣльцевъ смотрѣли на крѣпостное право глазами энциклопедистовъ. Говорятъ, что въ комиссію для составленія новаго уложенія было представлено много мнѣній, сильно и рѣшительно осуждавшихъ это право. Но всѣ тогдашнія возраженія противъ него, будучи отголоскомъ филантропическихъ и философскихъ идей вѣка, лишь поверхностно коснулись этого права, и поверхностный взглядъ той эпохи отразился и на законодательствѣ великой государыни: противъ дальнѣйшаго распространенія личнаго рабства, конечно,

были приняты нѣкоторыя дѣйствительныя мѣры, но за то множество казенныхъ крестьянъ навсегда перешло, вмѣстѣ съ казенными землями, въ помѣщичье владѣніе.

Необходимость упразднить крѣпостное право впервые представилась ясно и отчетливо европейски просвѣщенному уму императора Александра I. Слѣды этой мысли всюду проглядываютъ въ законодательствѣ его времени. Дальнѣйшему распространенію крѣпостнаго права поставлены рѣшительныя преграды и кругъ дѣйствій его стѣсненъ. Видно намѣреніе по возможности уничтожить личное рабство, а крѣпостную зависимость истолковать въ смыслѣ прикрѣпленія къ землѣ. Наконецъ, противъ жестокаго обращенія владѣльцевъ приняты энергическія мѣры. Этотъ взглядъ и это направленіе не измѣнились и послѣ, не смотря на рѣшительный переворотъ въ общемъ ходѣ русскаго законодательства съ вѣнскаго конгресса и на постепенное замираніе съ того же времени либеральныхъ началъ въ нашей администраціи. Въ этомъ отношеніи царствованія императоровъ Александра I и Николая, столь различныя во многомъ, замѣчательно сходны между собой. Покойный государь, будучи вообще далеко отъ либеральныхъ идей Александра I, въ то же время гораздо настойчивѣе и рѣшительнѣе своего предшественника подготовлялъ постепенное упраздненіе крѣпостнаго права,—очевидное, поразительное доказательство того, что вопросъ поднять не случайно, не по прихоти, но вслѣдствіе побудительныхъ причинъ величайшей важности.

Бросимъ бѣглый взглядъ на эти причины:

Въ экономическомъ или хозяйственномъ отношеніи крѣпостное право приводитъ все государство въ ненормальное состояніе и рождаетъ искусственныя явленія въ народномъ хозяйствѣ, болѣзненно отзывающіяся въ цѣломъ государственномъ организмѣ. Какъ въ тѣлѣ отъ неправильнаго обращенія крови обнаруживаются самыя разнообразныя припадки и болѣзни, такъ и въ государствѣ—отъ крѣпостнаго права.

Не упоминая уже о послѣдствіяхъ несвободной и даровой работы, о которыхъ мы сказали выше, замѣтимъ только, что при такой работѣ, исполняемой лѣнливо и неохотно, по крайней мѣрѣ вдвое хуже вольной, весьма значительный процентъ рабочихъ силъ всего крѣпостнаго населенія Россіи утрачивается

безъ всякой пользы какъ для помѣщиковъ, такъ и для крѣпостныхъ, и слѣд. и вообще для государства. По самому умѣренному исчисленію, потерю эту должно оцѣнить ежегодно по крайней мѣрѣ въ 96½ милліоновъ руб. сер. ¹⁾).

Въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ заключается если не единственная, то безспорно одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправильнаго распредѣленія сельскаго народонаселенія въ имперіи и искусственнаго направленія его промышленной дѣятельности. Крѣпостной не всегда поселенъ тамъ, гдѣ ему удобнѣе и лучше и не всегда ведетъ именно тотъ образъ жизни, который по мѣстнымъ условіямъ края былъ бы и для всего государства производительнѣе, и для него самого выгоднѣе. Многія мѣстности

¹⁾ Этотъ расчетъ основанъ на слѣдующемъ: по 9-й народной переписи крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ (въ томъ числѣ и однодворческихъ) числилось въ Россіи 10.080,407 душъ муж. пола и 10.508,771 душа женск. пола. Положимъ (хотя это на дѣлѣ и не такъ), что цѣлая ихъ половина старики, старухи и дѣти вовсе не употребляютъ въ работу, что изъ остальныхъ затѣмъ (5.040,203 душъ муж. пола и 5.254,198 женск.) половинаже, т. е. 2.520,102 мужчины и 2.627,198 женщинъ находятся на оброкѣ и пользуются своимъ временемъ самымъ производительнымъ образомъ, и только другая половина несетъ въ пользу владѣльцевъ личную повинность работою, другими словами находится на пашнѣ или въ издѣльи; наконецъ, положимъ, что послѣдніе строго по закону работаютъ на своихъ владѣльцевъ не болѣе трехъ дней въ недѣлю (что тоже совсемъ иначе бываетъ въ дѣйствительности): такъ какъ всѣми почти хозяевами принято, что помѣщичьи крестьяне могутъ давать владѣльцу, безъ большаго обременія, 140 рабочихъ дней въ году, то и выйдетъ, что общее число рабочихъ дней, отбываемыхъ крѣпостными въ пользу владѣльцевъ, простирается до 352.814,140 дней мужскихъ и 367.807,508 женскихъ. Дворовыхъ по 9-й народной переписи числилось 521,939 душъ муж. пола и 513,985 жен. пола. Примѣнивъ и къ нимъ предъидущіе расчеты, найдемъ, что изъ нихъ взрослыхъ, способныхъ къ работѣ и службѣ, 260,969 мужчинъ и 256,992 женщинъ. Если изъ нихъ тоже половина, т. е. 130,484 души муж. и 128,496 жен. пола ходятъ по оброку, а прочіе служатъ и работаютъ своимъ господамъ не болѣе 280 дней въ году, т. е. исключая воскресенья и праздники, то повинность дворовыхъ составить ежегодно 36.535,520 дней мужскихъ и 35.978,880 дней женскихъ. Такимъ образомъ, если крѣпостная работа только вдвое хуже вольной, то и въ такомъ случаѣ для народной промышленности и производительности теряется ежегодно по крайней мѣрѣ 389.319,660 дней мужскихъ и 403.786,400 дней женскихъ. Оцѣнивъ каждый мужской рабочій день въ 14½ коп., а женскій—въ 10 коп. сер., найдемъ, что ежегодно теряется на мужскихъ рабочихъ дняхъ до 56.455,700 руб., а на женскихъ—до 40.378,640 рублей, всего до 96.834,340 руб.

К. К.

имперіи содержать, сравнительно, слишкомъ частое населеніе, другія, напротивъ, страдаютъ отсутствіемъ рабочихъ рукъ; тамъ появляется бѣдность отъ недостатка земли, здѣсь остаются безъ употребленія и безъ пользы пространства самыя благоприятныя для сельской промышленности. А отчего это? Оттого, что помѣщичье право приковываетъ крѣпостныхъ къ той или другой мѣстности случайно и не даетъ огромнымъ массамъ сельскаго народонаселенія расселиться правильнымъ образомъ. Но этого мало: весьма нерѣдко, среди народонаселенія, занятаго отхожими промыслами, у котораго земледѣліе остается на рукахъ однихъ лишь стариковъ, женщинъ и дѣтей,—совсѣмъ не встаети и неумѣстно лежитъ помѣщичье село или деревня на издѣльи или на пашнѣ. Какъ это дѣлается? Владѣльцы при направленіи промышленной дѣятельности своихъ крѣпостныхъ не всегда сообразуются съ мѣстными условіями края, а весьма часто только съ собственными, нерѣдко невѣжественными, случайными и для нихъ самихъ убыточными понятіями о вещахъ. Такъ, напр., многіе владѣльцы увѣрены, что они сохраняютъ нравственность своихъ крестьянъ, запрещая имъ отхожіе промыслы; другіе въ убѣжденіи, что Россія должна быть государствомъ земледѣльческимъ, а отнюдь не фабричнымъ и заводскимъ, сажаютъ своихъ крѣпостныхъ на тягло и пашню, вопреки самымъ несомнѣннымъ указаніямъ мѣстныхъ условій; наконецъ, очень, очень многіе, даже наибольшая часть помѣщиковъ, поступаютъ такъ потому, что представляютъ себѣ крѣпостную деревню не иначе, какъ населенную крестьянами папущими, косящими, жнущими и молотящими на своего барина, а другіе, не имѣя инаго источника дохода кромѣ крѣпостной деревни, поселяются въ ней на житье и сажаютъ своихъ крестьянъ на пашню, чтобъ имѣть чѣмъ существовать и кормиться. Рядомъ съ этимъ большинствомъ попадаются, конечно, и такіе владѣльцы, которые выгоняютъ на заработки народонаселеніе мало подвижное, по преимуществу земледѣльческое.

Политико-экономическіе результаты такого порядка вещей весьма бѣдственны для цѣлаго государства. Огромное большинство помѣщиковъ старается производить какъ можно больше всякаго рода хлѣба, не справляясь и даже не думая о томъ, стоитъ ли заниматься земледѣліемъ, и не было ли выгоднѣе

обратиться къ другимъ промысламъ. Помѣщики не думаютъ объ этомъ потому, что пользуются трудомъ своихъ крѣпостныхъ даромъ, а вслѣдствіе этого рассчитываютъ свои выгоды или невыгоды только по урожаю и торговымъ цѣнамъ на хлѣбъ, а не принимаютъ, да и не могутъ принимать въ расчетъ—сколько они издержали на получение своего дохода. Съ перваго взгляда кажется, что это обстоятельство не очень важно, а между тѣмъ въ немъ именно и заключается главнѣйшая причина постепеннаго и повсемѣстнаго обѣдненія нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Не имѣя возможности рассчитать во сколько ему самому обошлось производство хлѣба, помѣщикъ не въ состояніи опредѣлить и низшей, наименьшей цѣны, ниже которой нельзя ему продать хлѣба, не потерпѣвъ убытка, и потому наибольшая часть помѣщиковъ сообразуется только съ торговыми цѣнами и съ своими потребностями. Выжидать хорошихъ цѣнъ на хлѣбъ въ состояніи лишь очень немногіе владѣльцы; а большинство, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, готово отдать свой хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ. Кто же устанавливаетъ торговыя цѣны на хлѣбъ? Торговцы, хлѣбные барышники и скупщики, которые руководствуются при этомъ одними своими, конечно, совершенно безобидными для себя соображеніями, и по стачкѣ между собою умышленно поддерживаютъ самыя низкія цѣны на мѣстахъ закупки, пока весь хлѣбъ ими не скупленъ. Если-бъ отъ этого терпѣли одни владѣльцы, то и тогда вредъ былъ бы очень великъ и важенъ, но, къ довершенію несчастія, отъ такого порядка дѣлъ несутъ чувствительные убытки не одни помѣщики, но вмѣстѣ съ ними и крестьяне. Первые, по крайней мѣрѣ, столько же поставляютъ хлѣба на рынки, сколько и крестьяне, если не болѣе. Роняя его цѣну, частью по невѣднію, частью по необходимости, они сбиваютъ ее и съ крестьянскаго хлѣба. Такимъ образомъ выходитъ, что владѣльцы не только пользуются половиною крестьянскаго труда даромъ, но даже и остальную половину дѣлаютъ гораздо менѣе производительною посредствомъ искусственной дешевизны хлѣба, чѣмъ бы она могла быть, если-бъ не существовало крѣпостнаго права ¹⁾. Слѣд., давленіемъ на

¹⁾ Многіе приписываютъ дешевизну хлѣба въ Россіи не крѣпостному праву, а отсутствію путей сообщенія, которые уравнивали бы цѣны на хлѣбъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Сильное вліяніе этой причины, конечно,

хлѣбныя цѣны крѣпостное помѣщичье право поражаетъ всѣхъ, кто въ Россіи живетъ и кормится отъ земли. Каждый годъ это давленіе становится все пагубнѣе, потому что необходимость изворачиваться изъ нужды съ каждымъ годомъ дѣлается для владѣльцевъ и для крестьянъ настоятельнѣе, такъ какъ расходы растутъ, а доходы уменьшаются, слѣд., зависимость производителей отъ хлѣбныхъ торговцевъ и рыночныхъ хлѣбныхъ цѣнъ становится все безусловнѣе. Конечныя послѣдствія этого хода дѣль въ весьма непродолжительномъ времени будутъ заключаться въ совершенномъ обѣдненіи и владѣльцевъ, и крестьянъ; а возрастающее, соотвѣтственно тому, уменьшеніе государственныхъ доходовъ поставитъ и правительство въ самое трудное положеніе. Приближеніе этого состоянія мы уже начинаемъ мало по малу ощущать. Не дай Богъ, чтобъ послѣдніе результаты его когда нибудь успѣли обнаружиться!

Наконецъ, осуждая на даровой трудъ огромныя массы людей, владѣльческое крѣпостное право дѣлаетъ вольнонаемныхъ менѣе нужными и тѣмъ сбиваетъ цѣны на трудъ вообще. Отъ этого не только терпятъ низшіе классы, но и само правительство, потому что чѣмъ меньше кто зарабатываетъ, тѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ меньше проживаетъ и, слѣд., тѣмъ меньше платитъ податей и пошлинъ.

Въ нравственномъ отношеніи вліяніе крѣпостнаго права столько же пагубно, если не болѣе. Почти безусловная зависи-

отрицать нельзя, но все же она не главная, а второстепенная. Въ цѣлой имперіи всегда есть большой избытокъ хлѣба, и мѣстные неурожаи не истощили бы его никогда, если-бъ и былъ удобный подвозъ хлѣба изъ губерній, имъ изобилующихъ, въ мѣста, терпящія въ немъ недостатокъ. Пути сообщенія облегчили и усилили бы сбытъ нашего хлѣба даже и на заграничныя рынки, но и то не постоянно, а отъ времени до времени, именно при болѣе или менѣе общихъ и сильныхъ неурожаяхъ въ западной Европѣ. За всѣми этими расходами все же оставались бы въ Россіи огромныя запасы хлѣба, которые, при удобныхъ путяхъ сообщенія, никогда не дали бы цѣнамъ на хлѣбъ возвыситься, а, напротивъ, скорѣе понижали бы ихъ все болѣе и болѣе. Чтобъ поднять въ Россіи цѣны на хлѣбъ и тѣмъ возвысить благосостояніе владѣльцевъ и крестьянъ, нужны двѣ вещи: хотъ какаядь соразмѣрность производства хлѣба съ потребностью въ немъ и свободное установленіе на хлѣбномъ рынкѣ того minimum, ниже котораго цѣны на хлѣбъ упасть не могутъ. Оба эти требованія въ равной степени совершенно невыполнимы, пока существуетъ у насъ крѣпостное право.

Е. Е.

мость одного лица отъ другаго въ сферѣ гражданской есть всегда, безъ исключенія, источникъ необузданнаго произвола и притѣсненій съ одной стороны и раболѣпства, лжи и обмана съ другой. Насиліе и хитрость соотвѣтствуютъ другъ другу и потому всегда идутъ рядомъ, поддерживая и развивая себя взаимно. Конечно, люди мыслящіе, одаренные благороднымъ сердцемъ, воспитавшіе въ себѣ возвышенныя понятія о вещахъ, болѣе или менѣе счастливо избѣгаютъ тѣхъ крайностей, въ которыя неудержимо влечетъ помѣщичье крѣпостное право; но число этихъ избранныхъ очень невелико; большинство даже образованныхъ и просвѣщенныхъ владѣльцевъ не въ силахъ, если-бъ и хотѣло непрерывно вести упорную борьбу съ страстями своими и всю жизнь ихъ сдерживать, но, напротивъ, легко отдается ихъ влеченію. А что сказать о помѣщикахъ необразованныхъ, которыхъ такъ много? Къ стыду нашему должно сознаться, что они своею необузданностію представляютъ горестныя образцы того, какъ низко можетъ упасть человѣкъ, когда разумъ и сердце, а за недостаткомъ ихъ законъ и общество не сдерживаютъ грубыхъ его порывовъ. Архивы судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ содержатъ въ себѣ обильныя матеріалы для страшной лѣтописи человѣческаго униженія вслѣдствіе невѣжества и рабства. Они такъ многочисленны, такъ всѣмъ извѣстны, что горько и больно русскому сердцу вспоминать ихъ....

Всякій владѣлецъ, конечно, испыталъ на себѣ и знаетъ какъ самыя благія намѣренія въ отношеніи къ крѣпостнымъ, какъ самое человѣколюбивое къ нимъ расположеніе мало по малу уступаютъ мѣсто равнодушію, досадѣ, строгости, суровости, ожесточенію и, наконецъ, тиранству. Рабство, несправедливо и незаслуженно тяготящее на крѣпостныхъ, развило въ нихъ, въ высочайшей степени, хитрость, лукавство и злонамѣренность, или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ господамъ. Какое бы ни былъ баринъ, они непремѣнно, прежде всего, всячески стараются обмануть его, и чѣмъ онъ добрѣе и снисходительнѣе, тѣмъ они больше его обманываютъ. Вина всего этого, очевидно, въ крѣпостномъ правѣ. А между тѣмъ, при всемъ доброжелательствѣ, помѣщикъ теряетъ, наконецъ, терпѣніе; неблагодарность крѣпостныхъ его невольно раздражаетъ, и вотъ онъ начинаетъ все строже и строже съ нихъ взыскивать за ихъ дурныя чувства и приу-

чается мало по малу ихъ презирать и ненавидѣть. Послѣдствія такихъ чувствъ въ отношеніи къ лицамъ, съ которыми можно дѣлать почти все, что угодно, угадать не трудно. Вотъ истинный источникъ жестокаго обращенія съ крѣпостными. Не смотря на всѣ строгія мѣры правительства, оно никогда не прекратится, потому что естественно и необходимо вытекаетъ изъ крѣпостнаго права.

Рядомъ съ этими печальными явленіями развиваются и другія. Вслѣдствіе крѣпостнаго права владѣлецъ съ дѣтства приобретаетъ привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное теченіе мыслей невольно приводитъ его къ убѣжденію; что такъ какъ крѣпостные его должны на него работать даромъ, то онъ можетъ, не обременяя себя излишними заботами и хлопотами, поручить хозяйство и дѣла свои управляющему, бурмистру или старостѣ, а самъ—веселиться, жить въ столицѣ, въ чужихъ краяхъ, или гдѣ бы то ни было, для удовольствія собственной своей особы, удовлетворяя однимъ своимъ прихотямъ и болѣе не думая ни о чемъ. Кому ни пріятенъ досугъ и кому не тяжкъ трудъ, особливо у насъ, гдѣ потребность труда еще не обратилась во вторую природу. Многіе помѣщики думаютъ также: зачѣмъ и учиться, когда есть имѣніе, которое доставляетъ порядочный доходъ, а, слѣд., и связи, и знакомства, и все, что нужно? Эти естественныя, почти невольныя разсужденія, особливо въ очень молодыхъ лѣтахъ, дѣлаютъ большинство помѣщиковъ съ дѣтства праздными и равнодушными къ своему образованію и развиваютъ въ нихъ привычку жить трудами чужихъ рукъ. Такъ мало по малу изъ нихъ выходятъ тунеядцы, которые, лишившись, обыкновенно по своей же винѣ, своего состоянія, считаютъ государство обязаннымъ снабжать ихъ всѣмъ, что имъ нужно, давать имъ средства не только на необходимое, но даже на прихоти. Что такія притязанія, при отсутствіи заслугъ, подкрѣпляются раболѣпствомъ и низостью,—разумѣется само собою.

Подобно господамъ разсуждаютъ и крѣпостные,—особенно крестьяне, сидящіе на господской пашнѣ, и дворовые люди. Они охотно предаются лѣни и тунеядству, въ той мысли, что если у нихъ не достанетъ хлѣба, падетъ скоть, сгоритъ изба, то баринъ обязанъ имъ дать все это; мысль въ основаніи своемъ справедливая, но къ которой всегда примѣшивается злорадное чувство, что господинъ, который пользуется ихъ трудами и работой даромъ, самъ будетъ нести и убытки за эту неправду.

Такъ, крѣпостное право есть неизсякаемый источникъ насилій, безнравственности, невѣжества, праздности, тунеядства и всѣхъ проистекающихъ отсюда пороковъ и даже преступленій. Всѣ общественныя и частныя отношенія заражены у насъ вліяніемъ крѣпостнаго права: у нашихъ чиновниковъ нѣтъ чувства права и справедливости, потому что они большею частью изъ господъ; у насъ (нѣтъ) честности въ гражданскихъ сдѣлкахъ, потому что вслѣдствіе крѣпостнаго права два главныхъ сословія въ Россіи, владѣльцы и крѣпостные, съ малолѣтства привыкаютъ къ обманамъ и не считаютъ своихъ словъ и обѣщаній обязательными; у насъ существуетъ не мало бесполезныхъ должностей и мѣстъ, только для того, чтобъ пристроить раззорившихся маменькиныхъ сынковъ, имѣющихъ связи; у насъ нѣтъ порядочной домашней прислуги, даже наемной, потому что ряды ея наполняются крѣпостными, бывшими или настоящими, уже развращенными рабствомъ; у насъ нѣтъ надежныхъ второстепенныхъ органовъ промышленности и гражданскихъ сдѣлокъ — конторщиковъ, приказчиковъ, стряпчихъ, повѣренныхъ и т. п., потому что и эти званія наполняются или изъ бѣднаго дворянства, изъ вольноотпущенныхъ.

Дѣти господъ и крѣпостныхъ съ колыбели подпадаютъ подъ горестное вліяніе этого несчастнаго права и чрезъ всю жизнь несутъ на себѣ неизгладимую печать людей, несправедливо господствующихъ или несправедливо зависимыхъ.

Наконецъ, крѣпостное право не только раззоряетъ и развращаетъ государство, но оно грозитъ ему бѣдами и великими опасностями и въ политическомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное право водворилось на русской почвѣ, нѣсколько разъ государство стояло, благодаря ему, на краю гибели. Оно было одною изъ главныхъ причинъ нашихъ несчастій въ началѣ XVII вѣка; бунты Стеньки Разина, Пугачева и другихъ менѣе извѣстныхъ героевъ и атамановъ буйной вольницы, — всѣ эти разрушительные элементы возставали и поднимались изъ мутныхъ источниковъ крѣпостнаго права; изъ того же источника возникли гайдамаки; огромныя толпы, чуть-чуть не полчища разбойниковъ, опустошавшія Россію въ XVII, XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка, вербовали своихъ сподвижниковъ преимущественно изъ крѣпостныхъ. Теперь, когда нравы нѣсколько смягчились,

измѣнились и формы возстаній крѣпостныхъ людей, удержавъ, однако, тотъ же опасный для государства политическій характеръ. Нѣтъ такого нелѣпаго слуха, нѣтъ такого неправдоподобнаго повода, который-бы не служилъ для крѣпостныхъ достаточнымъ предлогомъ для предъявленія старинныхъ притязаній на освобожденіе. Зловѣщимъ предзнаменованіемъ служить при этомъ то обстоятельство, что полумирныя возстанія крѣпостныхъ постепенно принимаютъ все болѣе и болѣе обширныя размѣры. Вспомнимъ движеніе огромныхъ массъ людей (до 30-ти тысячъ) изъ Могилевской и Витебской губерній по одному слуху, что правительство даетъ свободу тѣмъ, которые будутъ работать въ теченіе извѣстнаго времени на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ; вспомнимъ другое движеніе огромныхъ массъ народа изъ Саратовской, Симбирской и сопредѣльныхъ губерній въ какую-то обѣтованную страну въ Киргизской степи, гдѣ будто-бы раздаются земли даромъ; вспомнимъ подобныя же движенія массъ во многихъ центральныхъ губерніяхъ по случаю изданія манифеста о морскомъ ополченіи и, наконецъ, недавнія волненія въ Кіевской, Воронежской и другихъ губерніяхъ, по случаю ополченія государственнаго. Все это можетъ убѣдить даже самыхъ близорукихъ и ослѣпленныхъ, что народъ сильно тяготится крѣпостною зависимостью, и при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ изъ этого раздраженія можетъ вспыхнуть и разгорѣться пожаръ, котораго послѣдствія трудно предвидѣть.

Впрочемъ, это только одна сторона политической опасности, которою намъ грозитъ крѣпостное право; есть другая, съ перваго взгляда менѣе замѣтная, но въ существѣ не менѣе дѣйствительная. Крѣпостное право—есть камень преткновенія для всякаго успѣха и развитія въ Россіи. Владѣльцы, почти исключительно составляющіе наше правительство, боясь, что освобожденіе крѣпостныхъ почти неизбѣжно повлечетъ за собой насильственный переворотъ, что польются потоки крови и что во всякомъ случаѣ помѣщики должны будутъ, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, понести болѣе или менѣе значительныя матеріальныя потери,— вмѣсто того, чтобъ понять необходимость нечувствительнымъ образомъ готовить это неизбѣжное преобразованіе постепенными законодательными и административными мѣрами, предпочитаютъ стоять за крѣпостное право грудью, до послѣдней край-

ности, и не позволять до него прикасаться. Оттого, неблаго-разумно слагая съ себя всякую отвѣтственность за разныя ошибочныя распоряженія, угодливо и раболѣпно скрывая передъ лицомъ монарха всю опасность въ настоящемъ и будущемъ различныхъ законодательныхъ мѣръ, внушаемыхъ нерѣдко минутными и случайными впечатлѣніями, владѣльцы, какъ одинъ человекъ, сопротивляются не только всякой, даже малѣйшей попыткѣ смягчить крѣпостное право, но возстаютъ даже противъ всякаго намека, словеснаго или письменнаго, о ненормальности этого права. Какъ ни былъ рѣшителенъ и настойчивъ въ своихъ велѣніяхъ повоинный государь, но и онъ не могъ сломить тайнаго и явнаго сопротивленія владѣльческой партіи и, говорятъ, унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что въ будущемъ крѣпостное право готовить Россіи великое горе.

Отстаивая это право такъ послѣдовательно, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости упорно отвергаетъ и всевозможныя другія внутреннія преобразования, своевременность и даже настоятельность которыхъ сознаютъ единогласно и правительство, и народъ. Нельзя отрицать, что, дѣйствуя такъ, дворянство поступаетъ очень послѣдовательно, ибо всѣ сколько-нибудь значительныя внутреннія преобразования въ Россіи, безъ изъятія, такъ неразрывно связаны съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, что одно невозможно безъ другаго, а потому очень естественно, сопротивляясь одному, сопротивляться и другому. Такъ, напр., преобразование рекрутскаго устава невозможно, потому что оно повело-бы къ уничтоженію крѣпостнаго права; невозможно измѣнить теперешнюю податную систему, потому что корень ея въ томъ же правѣ; нельзя по той же самой причинѣ ввести другую, болѣе разумную, паспортную систему; невозможно распространеніе просвѣщенія на низшіе классы народа, преобразование судоустройства и судопроизводства, уголовного и гражданскаго, полиціи и вообще администраціи и теперешней цензуры, убійственной для науки и изящной литературы, — потому что всѣ эти преобразования прямо или косвенно повели-бы къ ослабленію крѣпостнаго права, а этого-то ни подъ какимъ видомъ и не хотятъ владѣльцы. Вотъ почему Россія осуждена окаменѣть, существовать въ теперешнемъ видѣ, не подвигаясь на шагъ впередъ. И ничто не въ силахъ измѣ-

нить этого положенія, пока крѣпостное право будетъ составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это гордіевъ узелъ, къ которому сходятся всѣ наши общественныя язвы. Самыя благонамѣренныя усилія государей и отдѣльныхъ лицъ, правительственныхъ и не правительственныхъ, поправить наше теперешнее внутреннее положеніе, дѣйствительно требующее безотлагательнаго и рѣшительнаго улучшенія, останутся тщетными, не принесутъ никакой пользы, пока существуетъ у насъ крѣпостное право.

Таковы главныя послѣдствія этого права. То, что нѣкоторые приводятъ въ его пользу, едва заслуживаетъ упоминанія.

„Крѣпостные—говорятъ нѣкоторые—еще не созрѣли для свободы“. Но государственные крестьяне развѣ болѣе развиты? Однако они пользуются же гражданскими правами.

„Помѣщики—думаютъ другіе—суть лучшіе полиціймейстеры которые притомъ ничего не стоятъ правительству“. Но кто же видалъ, спросимъ мы, чтобъ въ благоустроенномъ государствѣ полиція имѣла у себя почти въ безусловномъ подданствѣ подвѣдомственныхъ ей людей? Притомъ казнѣ эти, такъ-называемые, полиціймейстеры обходятся, конечно, дешево, но государству — очень дорого. Въ этомъ, надѣмся, никто не сомнѣвается.

„Помѣщики въ Россіи суть главные поставщики хлѣба на рынки—говорятъ третьи,—а съ упраздненіемъ крѣпостнаго права кто будетъ производить хлѣбъ въ такомъ огромномъ количествѣ?“ Противъ этого замѣтимъ, что если даже теперь, въ губерніяхъ наиболѣе хлѣбородныхъ, разнаго званія люди, въ томъ числѣ и купцы, находятъ выгоднымъ для себя покупать или снимать землю, обрабатывать ее наймомъ и полученный съ нея хлѣбъ продавать, то мы не видимъ причины, почему-бы того же самаго не могли дѣлать и владѣльцы, послѣ упраздненія крѣпостнаго права. Прибавимъ къ этому, что и теперь крестьяне крѣпостные и не крѣпостные поставляютъ на рынки огромныя массы хлѣба, и ихъ хлѣбъ нерѣдко бываетъ даже лучшаго качества, чѣмъ господскій. Почему-бы все это измѣнилось съ освобожденіемъ крѣпостныхъ? Мы не видимъ причины.

„Аристократія падетъ въ Россіи съ освобожденіемъ крестьянъ“,—восклицаютъ четвертые. Но какая причина пасть дворянству (которое здѣсь, очевидно, разумѣется подъ словомъ—аристо-

вратія), когда крестьяне будутъ свободны? Нѣтъ ни одного государства въ цѣлой Европѣ, гдѣ бы не было высшаго сословія, наслѣдственнаго или не наслѣдственнаго, а крѣпостныхъ въ Европѣ нигдѣ уже нѣтъ. Почему же этому быть иначе у насъ, чѣмъ въ другихъ странахъ? Не понимаемъ“.

Самый сильный и, по мнѣнію владѣльцевъ, самый неопровержимый доводъ противъ освобожденія крѣпостныхъ заключается въ томъ, что будто-бы это право лежитъ въ основаніи нашего государственнаго права, и будто-бы въ Россіи государь такой-же помѣщикъ надъ имперіей, какъ дворянинъ надъ своимъ имѣніемъ; „слѣдовательно, заключаютъ владѣльцы, уничтоженіе помѣщичьей власти необходимо повлечетъ за собою уничтоженіе неограниченной монархической власти въ Россіи“. Этотъ доводъ заставляетъ призадуматься многихъ—даже само правительство. Но справедливъ-ли онъ? Какой человекъ съ здравымъ смысломъ сравнитъ и поставитъ подъ одинъ уровень государственное право и частное, государственную власть и вотчинную собственность, теперешнюю русскую державу и частное имѣніе, теперешняго русскаго государя и хозяина или владѣльца? Одно простое чувство истины, безъ образованія и науки, отвергаетъ такое недостойное уподобленіе. Ссылаемся на нашъ простой народъ, который приписываетъ царю всѣ добродѣтели, всѣ достоинства, всѣ милости и всѣ хорошія правительственныя мѣры, а всѣ постигающія его несправедливости и притѣсненія — владѣльцамъ и чиновникамъ. Этимъ, хотя и безсознательно, выражается въ основаніи своемъ весьма вѣрное различіе государственнаго права отъ гражданскаго, государственной власти—отъ помѣщичьей. То же самое подтверждаетъ и исторія: власть русскихъ государей все росла и укрѣплялась, а по мѣрѣ ея усиленія—власть вельможъ и знатныхъ людей падала. Поэтому было-бы очень ошибочно полагать силу власти русскаго императора и нашего теперешняго государственнаго порядка въ интересахъ исключительно одного дворянства. Она неизмѣримо выше всѣхъ вообще сословныхъ интересовъ, и до тѣхъ поръ останется незыблемою и недосыгаемою, пока не унизитъ себя сама исключительнымъ, пристрастнымъ предпочтеніемъ пользы одного класса выгодамъ и преимуществамъ всѣхъ прочихъ.

Весьма понятно стараніе владѣльцевъ увѣрить верховную власть, что сохраненіе помѣщичьяго крѣпостнаго права самымъ неразрывнымъ образомъ связано съ цѣлостью и неприкосновенностью русскаго престола; но было бы совершенно непонятно, если бы верховная власть убѣдилась въ этомъ, ибо всѣ наши историческія преданія единогласно свидѣтельствуютъ, что русскій царь и русскій дворянинъ совсѣмъ не одно и то-же.

Послѣ всего сказаннаго легко понять, почему помѣщичье крѣпостное право обратило на себя особенное вниманіе императоровъ Александра I и Николая: они не могли не знать, что мысль объ упраздненіи этого права не есть одна лишь мечта празднаго ума, воспитаннаго на иностранныхъ книгахъ и на пустыхъ возгласахъ, но что, напротивъ того, она вытекаетъ изъ дѣйствительныхъ и существенныхъ потребностей Россіи, удовлетвореніе которыхъ не можетъ и не должно быть отлагаемо въ слишкомъ долгій ящикъ; ибо иначе искусственное и напряженное состояніе государства, становясь съ минуты на минуту болѣе и болѣе неисправимымъ, можетъ привести, наконецъ, къ внезапному перевороту, который вовлечетъ въ общую погибель и слабые зачатки гражданственности и просвѣщенія, съ такими трудами и пожертвованіями насажденныя Петромъ Великимъ и его преемниками,—и дворянство, и власть и самую политическую независимость Россіи. Оттого оба государя, въ теченіе цѣлаго полу-вѣка, ревностно и неутомимо противудѣйствовали помѣщичьему крѣпостному праву.

К. Д. Кавелинъ.

1855 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

1817—1885.

I.

Николай Ивановичъ Костомаровъ родился въ 1817 году въ Остро-гожскомъ уѣздѣ Воронежской губ., гдѣ малороссійское населеніе смѣшано съ великороссійскимъ; по изслѣдованію мѣстнаго земскаго статистика оказывается, однако, что въ той деревнѣ, гдѣ родился нашъ историкъ, крестьяне исключительно малороссы. Его мать, простая крестьянская дѣвочка, была взята отцомъ Николая Ивановича во дворъ, потомъ опредѣлена для обученія въ Москву и, наконецъ, сдѣлалась женою своего помѣщика, не смотря на то, что его родня была противъ этого брака. Такимъ образомъ и по происхожденію отъ крестьянки-малороссіянки, и вслѣдствіе жизни въ деревнѣ, населенной малороссіянами, Николай Ивановичъ могъ очень рано познакомиться съ украинскимъ языкомъ, и такимъ образомъ любовь къ Малороссіи является въ немъ чѣмъ-то роднымъ, наследственнымъ. Отъ отца Ник. Ив. долженъ былъ унаслѣдовать одну черту — сильную раздражительность. По рассказамъ крестьянъ «старый Костомаръ», какъ они его называютъ, былъ помѣщикъ крутой, безсердечный и жестокій. Среди барскаго двора стояла большая деревянная колода; къ ней прикрѣплялась цѣпь, которую надѣвали на шею провинившемуся крестьянину, и оставляли его въ такомъ положеніи на день, два и даже недѣлю. Помѣщикъ наказывалъ крестьянъ за неисправность въ ихъ собственномъ хозяйствѣ, хотя вмѣшательства его въ этомъ случаѣ совершенно не требовалось: крестьяне были на оброкѣ, аккуратно вносили этотъ оброкъ господину и вообще отличались зажиточностью. Но на помѣщика находили припадки совершенно непонятнаго гнѣва:

тогда онъ безъ всякихъ причинъ подвергалъ крестьянъ истязанію, такъ что и теперъ еще они говорятъ: «лютый по временамъ панъ былъ: точно находило на него». Когда Николаю Ивановичу было 11 лѣтъ, ему пришлось пережить ужасное событіе: раздраженные крестьяне убили его отца, и барскій домъ былъ ограбленъ: имѣніе перешло къ двоюроднымъ братьямъ прежняго барина, и деньги, причитавшіяся за небольшую часть имѣнія матери, были выданы ей, такъ что она могла купить себѣ небольшой клочекъ земли съ крестьянами.

Не останавливаясь на воспитаніи Николая Ив. въ воронежскомъ пансіонѣ и гимназіи, мы прямо переходимъ къ университетскимъ годамъ его жизни. Прежде всего, одинъ годъ онъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ и, между прочимъ, профессоровъ: Каченовскаго по русской исторіи и славянскимъ древностямъ, Погодина и только что вступившаго на кафедру извѣстнаго профессора русской словесности Шевырева. Замѣтимъ, что быть можетъ въ лекціяхъ Каченовскаго коренится зародышъ того скептическаго отношенія къ нѣкоторымъ установившимся въ исторіи взглядамъ на извѣстныя событія и отдѣльныя личности, которое ставили не разъ въ вину Николаю Ивановичу. Черезъ годъ, однако, Костомаровъ перешелъ въ харьковскій университетъ, гдѣ филологическій факультетъ имѣлъ въ своемъ составѣ мало хорошихъ преподавателей. Профессоромъ русской исторіи былъ извѣстный малороссійскій писатель Артемовскій-Гулакъ, произведенія котораго считались тогда образцовыми, но который ничего не сдѣлалъ для русской исторіи и очень плохо ее преподавалъ. Впослѣдствіи Ник. Ив. еще одну зиму слушалъ лекціи въ Москвѣ.

Въ Харьковѣ Костомаровъ очутился въ такой средѣ, гдѣ уже давно начали развиваться украинофильскія и панславистскія симпатіи. Еще извѣстный дѣятель эпохи Александра I, Вас. Наз. Баразинъ, увлекался панславистскими мечтаніями и предлагалъ ихъ даже вниманію правительства. Во взглядахъ жившаго въ 1830-хъ годахъ въ Харьковѣ извѣстнаго Вадима Пассека мы также находимъ не только малорусскій патріотизмъ, но и общеславянскія симпатіи. Бодянскій уже написалъ тогда свою книгу о славянской народной поэзіи. Самъ Николай Ивановичъ первоначально мало интересовался Малороссіей. Первою прочтенною имъ малороссійскою книгою были повѣсти Квитки; но зная обыденный крестьянскій языкъ, онъ мало понималъ въ нихъ. Однако, прочтя затѣмъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и «Тараса Бульбу», онъ почувствовалъ интересъ къ изученію малороссійской народности; онъ сталъ изучать думы и пѣсни, изданныя Максимовичемъ, прочитывать всѣ попадавшіяся ему въ руки малороссійскія книги и, наконецъ, настолько усвоилъ украинскій языкъ, что въ 1838-мъ году уже

издалъ драматическое произведеніе въ 5 дѣйствіяхъ «Савва Чалый», а въ слѣдующемъ году «Украинскія баллады». Въмѣстѣ съ интересомъ къ современной народной жизни въ Николаѣ Ивановичѣ скоро пробудилась страсть и къ изученію прошлаго Малороссіи. Поступивъ, по окончаніи харьковскаго университета, юнкеромъ въ драгунскій полкъ, онъ, вмѣсто исполненія служебныхъ обязанностей, начинаетъ рыться въ архивныхъ дѣлахъ города Острогожска, и его непродолжительная служба оканчивается увольненіемъ «по неспособности».

Въ 1840 году Костомаровъ выдерживаетъ магистерскій экзаменъ и принимается за диссертацию объ униі. Эта тема, безъ сомнѣнія, была вызвана происходившимъ въ то время воссоединеніемъ униатовъ и потому представляла животрепещущій интересъ. Исслѣдованіе Костомарова было напечатано въ Харьковѣ зимою 1841—42 гг. подъ заглавіемъ «О причинахъ и характерѣ униі въ западной Россіи». Эпиграфомъ своей книги авторъ выставилъ малороссійскую народную пѣсню, мѣтко выражавшую впечатлѣніе, которое оставило въ немъ изученіе этой эпохи: «всѣ толковали о вѣрѣ да о вѣрѣ, и никто не вспомнилъ о любви». Въ «положеніяхъ» было, между прочимъ, сказано: «Козаки были виновниками перерожденія Малороссіи и спасителями православія и народности. Хмельницкій заключилъ Зборовскій миръ противъ народныхъ требованій; ему ложно приписываютъ освобожденіе отечества». При обсужденіи диссертациі въ факультетѣ противъ нея были поданы два голоса: специалистомъ по русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ деканомъ Артемовскимъ-Гулакомъ, который въ сущности имѣлъ очень мало права на такое строгое отношеніе къ труду молодого ученаго, и профессоромъ философіи. Тѣмъ не менѣе, по большинству голосовъ, диссертациа была пропущена, и ея публичная защита уже была назначена, но неожиданно остановлена.

Виновникомъ крушенія, постигшаго его первый научный трудъ, Николай Ивановичъ первоначально считалъ харьковскаго епископа, извѣстнаго Иннокентія; затѣмъ, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ указаній, онъ измѣнилъ это мнѣніе, но затѣмъ снова возвратился къ нему. Такъ какъ изслѣдованіе, специально произведенное по этому дѣлу въ столичныхъ архивахъ, не открыло никакихъ слѣдовъ донесенія Иннокентія о книгѣ Костомарова петербургскимъ властямъ, то нужно думать, что его участіе въ этой исторіи ограничивается только тѣмъ, что онъ много говорилъ въ харьковскомъ обществѣ о научныхъ недостаткахъ произведенія Костомарова, такъ какъ онъ и лично указывалъ ему на необходимость изученія архивныхъ источниковъ и предлагалъ необходимыя для этого рекомендаціи. Безъ сомнѣнія, отзывы Иннокентія дошли до свѣдѣнія помощника попечителя харьковскаго учебнаго округа Цертелева, и

вотъ, 4 апрѣля 1842 года, онъ отправилъ диссертацию Костомарова въ министерство народнаго просвѣщенія съ указаніемъ на то, что, въ виду современныхъ событій, она можетъ обратить на себя вниманіе не только ученыхъ и духовенства, но и вообще читающей публики, а между тѣмъ нѣкоторыя мѣста показали ему «слишкомъ рѣзкими и неосновательными». Въ заключеніе онъ говоритъ, что, при многихъ недостаткахъ диссертаци, она все таки «по духу своему, кажется, не представляетъ ничего противнаго видамъ правительства и ученію православной церкви»; защита остановлена только изъ опасенія, чтобы «нѣкоторыя, необдуманно употребленныя сочинителемъ выраженія не оскорбили нашего духовенства» (тутъ такъ и чувствуется вліяніе отзыва и разговоръ Иннокентія) «и не дали повода къ невыгоднымъ, хотя бы то и несправедливымъ, толкамъ».

Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ поручилъ разсмотрѣніе книги профессору с.-петербургскаго университета, академику Устрялову, который что-то ужъ очень быстро покончилъ съ ея разборомъ, если принять во вниманіе, что рѣшеніе министерства по этому дѣлу было отправлено въ Харьковъ всего черезъ 3 недѣли послѣ того, какъ Цертелевъ послалъ свое донесеніе въ Петербургъ. Отзывъ Устрялова начинается такимъ образомъ: «Диссертациа сія принадлежитъ къ разряду тѣхъ произведеній современной литературы, въ которыхъ молодые, малоопытные писатели, увлекаясь примѣромъ полученныхъ софистовъ, заботятся не о подтвержденіи или лучшемъ развитіи давно признанныхъ истинъ (по ихъ мнѣнію устарѣвшихъ), а о новости возрѣнія на предметъ, стараются блеснуть остроуміемъ или особеннымъ взглядомъ, дозволяютъ себѣ странныя парадоксы и впадаютъ въ непостижимыя противорѣчія. Такъ пишутся многія статьи «Отечественныхъ Записокъ»; въ томъ же духѣ писалъ и Костомаровъ». Въ концѣ отзыва замѣчено, что проступки нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства въ Литовскомъ княжествѣ не давали автору права обвинять всего сословія, что авторъ осыпаетъ упреками восточныхъ іерарховъ и называетъ ихъ взяточниками, говорить, что патріархи только испрашивали подаенія, называетъ «конфедерацию дворянства православнаго и протестантскаго святымъ ополченіемъ двухъ чистыхъ вѣтвей христіанской религіи. Г. Костомаровъ такъ любитъ парадоксы и такъ упорно идетъ наперекоръ истинѣ, что даже Хмельницкаго не хочетъ признавать избавителемъ Малороссіи отъ ига польскаго». Понятно, что послѣ такого отзыва академика и профессора русской исторіи, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ приказалъ отобрать розданные экземпляры диссертаци и уничтожить ее всю, поставивъ на видъ профессора, ее одобрявшимъ, несообразность ихъ распоряженія и приказавъ имъ впредь быть осмотрительнѣе.

Костомарову было дозволено, однако, написать другую диссертацию, которая и была изготовлена имъ черезъ два года. Это былъ трудъ «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», въ которомъ, впрочемъ, главное мѣсто было отведено поэзіи украинской. Нѣкоторымъ профессорамъ предметъ диссертации казался чрезвычайно страннымъ, неученымъ; говорили даже, что наукѣ вѣтъ никакого дѣла до того, что чувствуетъ какой нибудь паробокъ или дѣвка. Но лучший изъ преподавателей филологическаго факультета, профессоръ всеобщей исторіи Лунинъ, доказывалъ, что въ диссертации Костомарова проводится настоящій взглядъ на исторію, и что для исторіи крайне важно изображеніе народныхъ чувствъ и народнаго настроенія. Костомаровъ получилъ ученую степень. Лунинъ хлопоталъ объ отправленіи его за границу для приготовления на кафедру всеобщей исторіи, но большинство профессоровъ высказалось противъ этого, находя, что Костомаровъ немного помѣшанъ: ходить по селамъ, сидеть въ шинкахъ съ хохлами, писать на тарбарскомъ языкѣ и вдобавокъ вольнодумствуетъ.

Не получая почти никакихъ средствъ изъ материнской деревни, Костомаровъ долженъ былъ взять мѣсто учителя въ гор. Ровно волынской губерніи. Къ этому же времени относится попытка провести Николая Ивановича на кафедру русской исторіи въ кievскомъ университетѣ. Въ это время серьезно заболѣлъ неизлѣчивой ученой степени преподаватель русской исторіи Домбровский, и чтенія по этой наукѣ вовсе остановились. Попечитель кievскаго учебнаго округа предложилъ профессору всеобщей исторіи Ставровскому войти въ совѣтъ съ представленіемъ о необходимости имѣть адъюнкта по историческимъ наукамъ и, вѣроятно, указалъ на Костомарова. Домбровский также согласился на то, чтобы предложить Николая Ивановича; но въ совѣтѣ Костомаровъ былъ забаллотированъ, быть можетъ, изъ противо-дѣйствія желанію попечителя.

II.

Живя въ Ровно, Костомаровъ продолжалъ изучать малороссійскій народъ: онъ собиралъ иногда по вечерамъ женщинъ и дѣвушекъ, заставляя ихъ пѣть пѣсни и рассказывать сказки, путешествовалъ самъ по Малороссіи и однажды даже едва не былъ арестованъ по доносу еврея, когда захотѣлъ осмотрѣть поле берестечской битвы. Въ то же время онъ осмотрѣлъ извѣстный Вишневецъ и знаменитую картинную галерею, точно также, какъ и другія мѣстности, ознаменованныя важными для исторіи Малороссіи событіями; наконецъ, въ это время онъ окончательно научился говорить по малороссійски. Такимъ образомъ, все содѣйствовало тому, чтобы задуманный имъ уже въ это время трудъ о Богданѣ Хмельницкомъ отличался большими художественными достоинствами, мастерскимъ изображеніемъ народнаго настроенія и группировкою народныхъ пѣсень о Богданѣ Хмельницкомъ. Скоро, впрочемъ, Костомаровъ былъ переведенъ учителемъ въ кievскую гимназію, а такъ какъ Домбровский скоро умеръ, то попечитель вошелъ въ университетскій совѣтъ съ запросомъ, имѣетъ ли онъ въ виду кандидатуру Костомарова, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ обратится въ министерство съ просьбою о назначеніи адъюнкта на кафедру исторіи. Такъ какъ никто изъ филологическаго факультета, послѣ первой неудачи, не рѣшился предложить Костомарова, то это сдѣлалъ ректоръ, профессоръ астрономіи, и въ іюнѣ 1846 г. Николай Ивановичъ былъ единогласно избранъ профессоромъ и вскорѣ утверждёнъ, при чемъ, слѣдовательно, министерство не по помнило уничтоженія его первой диссертаци. Съ начала 1846—47 учебнаго года Костомаровъ началъ читать лекціи по 4 часа въ недѣлю «по собственнымъ тетрадямъ, руководясь источниками», какъ онъ кратко заявилъ въ отчетѣ.

Но преподаваніе Николая Ивановича продолжалось не долго, причиною чего было задуманное имъ общество для распространенія идей славянской взаимности.

Подобно тому, какъ украинскіе и славянскіе интересы Костомарова коренились въ предшествующемъ настроеніи мѣстнаго общества, такъ и для того кружка, который сгруппировался около Николая Ивановича и получилъ впоследствии названіе Кирилло-Меѳодіевскаго братства, есть свои прецеденты. Такъ, когда мода на масонскія ложи охватила и Малороссію, въ Кіевѣ была основана, въ 1818 году, ложа «Соединенныхъ славянъ». Черезъ пять лѣтъ на югѣ Россіи было основано и тайное общество подъ тѣмъ же именемъ, составлявшее одну

изъ вѣтвей той организаціи, которая охватила интеллигентное русское общество въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Наконецъ, въ извѣстномъ донесеніи «слѣдственной комиссіи» по дѣлу о декабристахъ упоминается о какихъ-то «малороссійскихъ обществахъ». Въ 1839 году кievскій университетъ ходатайствовалъ объ учрежденіи въ немъ кафедръ литературы и исторіи славянскихъ нарѣчій, но ходатайство это не было уважено и, такимъ образомъ, отнята была возможность вполнѣ легальнаго исхода для тѣхъ славянскихъ симпатій, которыя пробудились въ малороссійскомъ обществѣ. Около Костомарова сгруппировались: Бѣлозерскій, впоследствии издатель извѣстнаго малороссійскаго журнала «Основа», Гулакъ, Навроцкій, Пильщикова, Маркевичъ и нѣсколько позднѣе Савичъ, братъ профессора.

Вотъ какъ формулируетъ основныя положенія этого общества самъ Николай Ивановичъ въ запискѣ, продиктованной имъ г-жѣ Бѣлозерской. Общество имѣло цѣлью: «распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей... Планъ этого общества, получившій впоследствии дальнѣйшую разработку, былъ приблизительно слѣдующій: вербовать наибольшее число членовъ между всѣми славянами и всѣхъ званій людей, преимущественно профессоровъ, учителей и литераторовъ, такъ какъ они всего болѣе могли имѣть вліянія на молодежь и подготовить ее къ будущей дѣятельности. Избѣгать насильственныхъ мѣръ, а когда придетъ пора — противопоставить насилію силу мысли, силу сплоченнаго народа.

«Въ религіи полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, какъ бесполезная при свободѣ¹⁾».

«Относительно языка, который-бы долженъ былъ сдѣлаться общимъ для всѣхъ славянъ, не рѣшалось окончательно, но предполагался языкъ великорусскій, какъ наиболѣе распространенный. Предполагалось обязательное обученіе народа.—Уничтоженіе крѣпостнаго права, дворянскихъ и всякихъ привилегій, уничтоженіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, исключая карантинныхъ законовъ и времени войны.

«Предполагалось въ будущемъ, чтобы славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею федерацію.

«Россія должна была разбиться на части или штаты: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, два поволжскихъ—верхній и ниж-

¹⁾ Но предполагалось склонять славянъ католическаго исповѣданія принять славянскій языкъ въ богослуженіи.

ній, два малороссійскихъ, одинъ средній, два южныхъ два сибирскихъ, одинъ кавказскій; Бѣлоруссія составляла отдѣльный штатъ, (также) Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія; часть Галиціи присоединялась къ Польшѣ, другая къ западному малороссійскому штату и т. д. Такое дѣленіе не признавалось окончательнымъ и могло быть перестроено сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ ¹⁾).

«Кіевъ не долженъ былъ принадлежать ни къ какому штату, а назначался центральнымъ городомъ собранія общаго сейма. Въ сеймѣ— двѣ камеры: въ одной выбраны сенаторы и министры, въ другой депутаты. Общій сеймъ долженъ былъ собираться чрезъ каждые 4 года и чаще, въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ былъ свой сеймъ, который собирался ежегодно, свой президентъ и сенатъ. Верховная или центральная власть предоставлялась президенту, избираемому на 4 года, и двумъ министрамъ: иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

«Для общей защиты федераціи отъ внѣшнихъ враговъ предполагалось имѣть регулярныя войска, но не въ большомъ количествѣ, такъ какъ въ каждомъ штатѣ была своя милиція, и всѣ учились военному искусству на случай общаго ополченія».

Николай Ивановичъ усердно пропагандировалъ эти идеи и въ то-же время съ величайшимъ жаромъ отдавался университетскимъ лекціямъ. О томъ, какое вліяніе имѣли онѣ на окружающихъ, свидѣтельствуетъ г. Кулишъ: «Обладая рѣдкимъ даромъ слова и памятью, удерживавшею все, стоявшее того и не стоявшее, онъ былъ моимъ профессоромъ, — моимъ и моихъ сверстниковъ, прильнувшихъ къ нему съ жадностью людей, учившихся, какъ водилось тогда, «чему нибудь и какъ нибудь». Такъ говоритъ человѣкъ, бывший тогда не студентомъ университета, а только сблизившійся и подружившійся съ Костомаровымъ и невольно подчинившійся его несомнѣнному превосходству. Костомаровъ познакомился въ Кіевѣ съ знаменитымъ украинскимъ поэтомъ Шевченко и сошелся съ нимъ такъ скоро, что на другой же день они говорили другъ другу «ты». Шевченко, какъ только ему было сообщено о задуманномъ обществѣ, изъявилъ готовность участвовать въ немъ. Костомаровъ приходилъ въ совершенный восторгъ отъ чтенія извѣстнаго «Сна» Шевченка, сгубившаго поэта, и другихъ его произведеній, которыя во время свиданія въ Кіевѣ съ Кулишомъ, въ январѣ 1847 г., Костомаровъ декламировалъ наизусть. Въ это-же время

¹⁾ Равнымъ образомъ могли быть введены измѣненія и въ другихъ пунктахъ первоначальнаго плана.

для Кулиша была списана приятелемъ написанная по малороссійски Костомаровымъ «Книга бытія украинскаго народа».

Всѣ мечтанія молодыхъ людей, группировавшихся около Костомарова, не могли, разумѣется, представлять ни малѣйшей опасности для правительства, тѣмъ болѣе, что основнымъ правиломъ общества было избѣгать всякихъ насилій. Въ сущности, это было не что иное, какъ обычные юношескіе толки о наилучшемъ устройствѣ общества, объ осуществленіи въ отдаленномъ будущемъ симпатичныхъ для нихъ идеаловъ. При столкновеніи съ окружающею дѣйствительностью само собою отпадаетъ то, что оказывается слишкомъ недостижимымъ при существующемъ общественномъ строѣ, но горячія стремленія къ усовершенствованію его недостатковъ приводятъ къ полезной общественной дѣятельности въ той или другой формѣ. Къ несчастію для Костомарова и его друзей, ихъ юношескія мечтанія не прошли для нихъ даромъ.

Однажды, въ то время, какъ члены кружка, 25 декабря 1846 года, бесѣдовали въ квартирѣ Гулака, за стѣной сидѣлъ студентъ Петровъ и записывалъ все, что тамъ говорилось; потомъ онъ сблизился съ Гулакомъ, приобрѣлъ его довѣріе и, узнавъ окончательно всѣ подробности и планы общества, написалъ доносъ въ III-е отдѣленіе. Послѣ этого, однако, члены общества еще три мѣсяца прожили спокойно, и одинъ изъ нихъ, Савичъ, уже отправился исполнять принятую имъ на себя миссію — пропагандировать идеи общества въ славянскихъ земляхъ. Николай Ивановичъ проводилъ самые счастливые дни, готовясь къ свадьбѣ на своей ученицѣ А. Л. Крагельской: бракосочетаніе должно было совершиться въ первое воскресенье на Святой недѣлѣ. Но вотъ въ пятницу на Пасхѣ, 27 марта 1847 года, на квартиру къ Костомарову явился, въ 11 часовъ вечера, помощникъ попечителя кievскаго учебнаго округа, Юзефовичъ, заправлявшій всѣми дѣлами округа, и заявилъ Костомарову, что на него поданъ доносъ и что онъ пришелъ его предупредить. Костомаровъ хотѣлъ сжечь находившуюся у него въ карманѣ рукопись о славянскомъ единеніи, написанную его рукою. Но Юзефовичъ вырвалъ ее у него со словами: «не бойтесь, отдайте мнѣ», взялъ ее, ушелъ и затѣмъ, какъ свидѣтельствуется самъ Николай Ивановичъ, «представилъ эту рукопись, и она погубила меня» ¹⁾.

¹⁾ По свидѣтельству г. Новицкаго, ему извѣстенъ уставъ Кирилло-меоудіевскаго общества „по точному списку съ того самаго экземпляра, который былъ переданъ Костомаровымъ участвовавшему въ слѣдственной комиссіи, въ качествѣ представителя учебнаго вѣдомства, М. В. Юзефовичу“ („Заря“ 1885 г., № 159). Крайне желательно цѣлкомъ видѣть въ печати этотъ документъ.

Костомаровъ былъ арестованъ и немедленно препровожденъ въ Петербургъ въ III отдѣленіе. Тамъ ему пришлось имѣть дѣло съ знаменитымъ Леонтіемъ Васильевичемъ Дуббельтомъ. По свидѣтельству людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, это былъ человѣкъ очень умный; выражаясь нерѣдко въ высшей степени мягко, онъ все приговаривалъ: «мой добрый другъ», цитировалъ священное писаніе, которое онъ зналъ очень хорошо; но въ чертахъ его лица было что-то волчье и лисье; въ немъ выражалась и смышленность хищнаго звѣря, и заносчивость, и уклончивость. Такъ какъ Костомаровъ, такъ-же какъ и другіе арестованные члены кружка, не отличался откровенностью въ показаніяхъ и такъ какъ въ то-же время изъ Кіева продолжали поступать различные доносы, часто весьма нелѣпаго свойства, то ласковое обращеніе съ Костомаровымъ очень скоро замѣнилось весьма суровымъ отношеніемъ къ нему со стороны Дуббелята. Вслѣдствіе донесенія, что на тѣлѣ членовъ общества вытравлены какіе-то особые знаки, Костомарова раздѣвали, но никакого «тавра» не нашли. Дуббельтъ ругался самыми площадными словами и даже, по свидѣтельству Николая Ивановича, угрожалъ употребить «жестокія мѣры». При этомъ не совсемъ выяснена роль чиновника III-го отдѣленія Мих. Максим. Попова, нѣкогда бывшаго учителемъ Бѣлинскаго и кончившаго свою дѣятельность въ этомъ учрежденіи. Когда Костомарову надѣли постоянныя требованія открыть имя составителя найденной у него рукописи, то онъ, наконецъ, заявилъ, что она составлена имъ самимъ. Тутъ къ нему явился Поповъ и сталъ уговаривать его измѣнить показанія въ томъ смыслѣ, какъ они были даны Бѣлозерскимъ, т. е. что они хотѣли составить ученое общество съ цѣлю распространенія православія между славянами и соединенія ихъ подъ властію русскаго императора. Въ томъ-же смыслѣ, по совѣту Попова, далъ показаніе и Костомаровъ. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ Поповъ, повидимому, содѣйствовалъ смягченію участи подсудимыхъ; но у насъ есть разсказъ о дѣйствіяхъ того-же Попова въ воспоминаніяхъ одного помѣщика Селиванова, безъ всякихъ разумныхъ основаній арестованнаго въ 1850-мъ году. Не смотря на то, что и ему онъ показался благодѣтелемъ, во всякомъ случаѣ видно изъ мемуаровъ Селиванова, что Поповъ заставлялъ Селиванова принести покаяніе въ томъ, въ чемъ онъ былъ совершенно не грѣшенъ, и грозилъ, въ противномъ случаѣ, гнѣвомъ Леонтія Васильевича: значить, онъ благодѣтельствовалъ не безъ вѣдома своего непосредственнаго начальника. По всей вѣроятности, въ политику лицъ, стоявшихъ во главѣ III-го отдѣленія, входило не представлять въ слишкомъ ужасномъ видѣ дѣла тѣхъ или другихъ арестованныхъ, быть можетъ, для того, чтобы не подвергнуться упреку со стороны высшей власти въ недостаточной

бдительности, а съ другой стороны, въ случаѣ ареста челоуѣка по явному недоразумѣнію или по интригамъ какого нибудь мѣстнаго администратора, какъ было въ дѣлѣ Селиванова, имъ также не хотѣлось сознаться въ своей ошибкѣ.

Какъ бы то ни было, очень скоро надъ членами Кирилло-меоодіевскаго братства былъ произнесенъ приговоръ. Костомаровъ былъ осужденъ на годичное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а потомъ долженъ былъ отправиться въ Саратовъ на гражданскую службу, съ воспрещеніемъ навсегда печатать свои сочиненія и служить по учебному вѣдомству; Гулака, за упорство относительно дачи показанія, посадили въ Шлюссельбургскую крѣпость на 3½ года, а по окончаніи этого срока отправили въ Пермь съ такимъ же ограниченіемъ, какъ Костомарова; Навроцкій долженъ былъ отправиться въ вятскую губ. и выдержанъ былъ на мѣстѣ подъ арестомъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ; Бѣлозерскій же собственно не пострадалъ, такъ какъ былъ отправленъ на службу въ Петрозаводскъ на очень хорошее мѣсто. Тяжелѣе всего былъ наказанъ Шевченко за свои нецензурныя малороссійскія произведенія: онъ отданъ былъ въ солдаты съ воспрещеніемъ не только печатать, но даже и писать чтобы то ни было. Къ дѣлу былъ привлеченъ и Кулишъ, хотя и не принимавшій прямого участія въ обществѣ: онъ былъ отправленъ въ Тулу съ такимъ же ограниченіемъ, какое постигло Костомарова и Гулака.

30-го мая 1847 года Костомаровъ былъ отвезенъ въ крѣпость.

Пребываніе его тамъ не прошло для него даромъ: одиночное заключеніе должно было очень вредно отразиться на его нервной организаціи; и, дѣйствительно, ему стали здѣсь даже являться видѣнія. Отбывъ срокъ своего заключенія, во время котораго беззавѣтно преданная ему мать постоянно посѣщала его, Костомаровъ былъ отправленъ въ Саратовъ, гдѣ и получилъ мѣсто столоначальника. Такъ какъ въ завѣдываніе ему, также какъ нѣсколько позднѣе и А. И. Герцену въ Новгородѣ, былъ отданъ секретный столъ, то Костомаровъ очутился у себя самого подъ надзоромъ. Николай Ив., предложившій прекратить различныя ничтожныя дѣла о раскольникахъ, попавшія въ его вѣдѣніе, вооружилъ этимъ противъ себя свое непосредственное начальство, былъ отставленъ отъ прежней должности и назначенъ переводчикомъ при губернскомъ правленіи, хотя переводить было нечего, а затѣмъ и редакторомъ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», но послѣднее мѣсто скоро было имъ утрачено, такъ какъ вслѣдствіе ничтожной ошибки губернаторъ сталъ смотрѣть на него, какъ на идіота.

III.

Въ Саратовѣ Костомаровъ возобновилъ свои занятія русской исторіей вообще и между прочимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Большимъ подспорьемъ для него въ этомъ случаѣ было то, что одинъ кievскій знакомый, полякъ Свидзинскій, обладавшій драгоцѣнною библіотекою по польско-русской исторіи, высылалъ ему множество книгъ. Онъ очень хорошо зналъ, что по своимъ взглядамъ Николай Ивановичъ не могъ иначе писать объ исторіи Малороссіи, какъ съ анти-польской точки зрѣнія, и ему приходилось уже выдерживать горячіе дебаты на эту тему съ Костомаровымъ и Кулишомъ; но Свидзинскій дѣйствовалъ тутъ, вѣроятно, изъ антагонизма русскому правительству, преслѣдующему талантливаго профессора. Замѣчательно, что Костомаровъ находилъ въ себѣ достаточно энергіи для научныхъ занятій, не смотря даже на то, что на немъ тяготѣло запрещеніе печатать свои произведенія и что онъ не могъ питать надежды, чтобы это запрещеніе было скоро снято. Пребываніе въ Саратовѣ дало возможность Николаю Ивановичу до извѣстной степени познакомиться и съ великорусскимъ простымъ народомъ. Онъ собиралъ и записывалъ народныя пѣсни, началъ было печатать ихъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, но долженъ былъ отъ этого отказаться вслѣдствіе доноса государю, которому одна изъ пѣсней показалась безнравственною, и онъ сказалъ, что такія вещи слѣдуетъ «искоренять, а не распространять».

Кромѣ занятія русскою исторіей, изученія мѣстной народной поэзіи, а также и (разумѣется вполнѣ диллетантскаго) занятія естественными науками, Николай Ив. тутъ же въ Саратовѣ написалъ драматическое произведеніе изъ времени римской имперіи подъ заглавіемъ «Кремуцій Кордъ». Произведеніе это не отличается художественными достоинствами, но оно любопытно для насъ по тѣмъ автобіографическимъ намекамъ, которые въ немъ встрѣчаются (напечатано оно въ 1862 году). Прежде всего мы находимъ въ немъ посвященіе «незабвенной А. Л. К. на память 14 юнія 1847 года». Тутъ, очевидно, Костомаровъ намекаетъ на то случайное свиданіе съ своей невѣстой во время пребыванія въ крѣпости, о которомъ мы знаемъ и изъ его автобіографической записки. Затѣмъ, главнымъ героемъ его произведенія является римскій историкъ Кремуцій Кордъ, котораго обвиняють въ восхваленіи въ своей исторіи Брута и Кассія. Любимецъ Тиверія, Сеянъ, заставляетъ историка признаться въ небываломъ преступленіи: въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду взволновать умы своимъ сочиненіемъ,

и обращается къ нему съ такою рѣчью: «Послушай, мой добрый другъ, прими мой искренній совѣтъ. Увертки твои ни къ чему не послужать, —увѣряю тебя... Лучше всего смиренно признайся своему государю, что ты виноватъ и жалѣешь о томъ, что написалъ. Можешь сказать, что это случилось невольно, отъ увлеченія, а вовсе не отъ злонамѣренности. Увѣряю тебя, что все это тебѣ простится: цезарь милосердь съ тѣми, кто искренно повергаетъ къ стопамъ его свои заблужденія». Очевидно въ Сеяяѣ авторъ хотѣлъ изобразить Дуббельта. Въ одномъ моноложѣ Кремуціи Кордь говоритъ: «Погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ. Не успѣвъ даже и отвѣдать наслажденій жизни, погибнуть тогда, когда впереди улыбалась мнѣ слава, ожидала любви!» Тутъ, очевидно, опять намекъ на личную жизнь автора. Въ заведеніи сената по дѣлу Кремуція Корда одинъ изъ сенаторовъ говоритъ: «Сенатъ вправѣ осудить сочиненіе Кремуція Корда на публичное сожженіе, какъ въ высшей степени безнравственное и возбуждающее къ безначалію и недовольству, вмѣнить эдиламъ въ непремѣнную обязанность отобрать экземпляры этой книги у частныхъ лицъ и въ лавкахъ и предупредить всѣхъ гражданъ, что скрывшіе у себя это сочиненіе подвергнутся наказанію. Самого же автора предоставить волѣ императора, прося однако его величество, чтобы Кремуціи Кордь былъ лишень средствъ вредить обществу спокойствію зловредными сочиненіями на будущее время». Тиверій одобряетъ это мнѣніе. Сенатъ признаетъ оправдательную рѣчь Кремуція Корда недостаточною, осуждаетъ сочиненіе на сожженіе, а автора предаетъ волѣ императора, прося его принять мѣры къ тому, чтобы у него была отнята возможность вредить обществу распространеніемъ подобныхъ мыслей какъ письменно, такъ и словесно. Очевидно, тутъ цѣлый рядъ намековъ на исторію съ диссертацией Костомарова и на кару, постигшую его за основаніе Кирилло-меѳодіевскаго братства.

IV.

Въ началѣ новаго царствованія Костомаровъ получилъ право сѣздить въ Петербургъ, а въ 1856 году съ него и вовсе былъ снятъ надзоръ съ сохраненіемъ однако запрещенія служить по ученой части. Вслѣдъ затѣмъ немедленно въ журналахъ стали появляться его историческія работы. Въ 1857 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появился Богданъ Хмельницкій, а въ слѣдующемъ—«Бунтъ Стеньки Разина». Костомаровъ ѣздилъ въ Петербургъ и занимался въ публичной

библіотекѣ, а зимою 1858—1859 годовъ участвовалъ въ работахъ саратовскаго губернскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ.

Передъ Пасхой 1859 года Николай Ивановичъ получилъ извѣстіе объ избраніи его профессоромъ петербургскаго университета на кафедрѣ русской исторіи. Замѣчательно, что такимъ образомъ Костомаровъ замѣнилъ на кафедрѣ умершаго Устрялова, того самаго Устрялова, который инсинуировалъ на него по поводу его магистерской диссертациі. Костомаровъ окончательно переѣхалъ въ Петербургъ. Впрочемъ, утвержденіе его послѣдовало не немедленно, такъ какъ кто-то сказалъ государю, что «Бунтъ Стеньки Разина» написанъ въ неблагонамѣренномъ духѣ. Однако же имп. Александръ нашелъ, что въ этомъ сочиненіи нѣтъ ничего опаснаго, и повелѣлъ утвердить Костомарова, не допуская его только къ профессорству въ Кіевѣ.

22 ноября 1859 года состоялась вступительная лекція Николая Ивановича въ университетѣ, на которую собралось огромное количество слушателей. Лекторъ такъ смутился, что нѣсколько минутъ не произнесъ ни одного слова, но затѣмъ овладѣлъ собою и стройно развилъ свои основныя взгляды на исторію и указалъ на планъ предстоящихъ чтеній. Студенты, на которыхъ должно было, разумѣется, дѣйствовать не только живое талантливое слово, не только тотъ сильный успѣхъ, который имѣли печатавшіяся въ это время работы Николая Ивановича, но также и воспоминаніе о печальной судьбѣ, его постигшей, были въ такомъ восторгѣ отъ лекціи Костомарова, что вынесли его на рукахъ. Вообще его лекціи сдѣлали его имя необыкновенно популярнымъ, и на нихъ постепенно проникли и совершенно посторонніе слушатели. Тутъ можно было видѣть и купцовъ, и военныхъ, и нѣсколько десятковъ женщинъ. Въ аудиторіи видѣлись и чуйки, и блузы, военные мундиры, рясы, пестрые костюмы инородцевъ и скромныя черныя женскія платья. О томъ, какое впечатлѣніе производили эти лекціи на слушателей, мы имѣемъ свидѣтельство А. М. Скабичевскаго. Николай Ивановичъ не прибѣгалъ ни къ какимъ ораторскимъ украшеніямъ, онъ говорилъ въ высшей степени просто, тихо, спокойно, даже монотонно, отчеканивая каждое слово, читалъ лекцію, какъ будто нехотя, а между тѣмъ заставлялъ забывать все окружающее и всецѣло переноситься въ ту эпоху, о которой шла рѣчь съ кафедры. Не одинъ разъ восторженные слушатели выносили на рукахъ любимаго профессора. Народу собиралось на нихъ такъ много, что лекціи постоянно читались въ большой актовомъ залѣ. Въ мартѣ 1860 г. произошелъ извѣстный диспутъ Николая Ив. съ Погодинымъ. Погодину было оказано наибѣйшее уваженіе, его даже вынесли на рукахъ, но однако не разъ по поводу его доказательствъ

раздавались шиканья и свистки. Опроверженія Костомарова вызывали рукоплесканія и крики браво. Однимъ словомъ ясно было видно, что симпатіи всей аудиторіи на сторонѣ Костомарова. Онъ считалъ это доказательствомъ, что норманская теорія провалилась, хотя, какъ извѣстно, отъ собственной своей теоріи о литовскомъ происхожденіи Руси онъ впоследствии отказался въ пользу мнѣнія Иловайскаго. Многие удивлялись той феноменальной памяти, которая давала возможность Костомарову читать въ теченіе цѣлыхъ часовъ, не заглядывая въ тетрадку и рельефно передавая тѣ или другія событія или стороны жизни разсматриваемой эпохи. У Николая Ив. была, дѣйствительно, замѣчательная, маколеевская память, но успѣхъ лекцій объяснялся также, кромѣ несомнѣннаго таланта лектора, тѣмъ усидчивымъ трудомъ, который онъ употреблялъ на подготовленіе къ нимъ. Надъ этими лекціями Николай Ивановичъ чрезвычайно много трудился, хотя въ то-же время онъ успѣвалъ работать надъ статьями для журналовъ и редактировать издаваемые на счетъ гр. Кушелева-Безбородко «Памятники старинной русской литературы». Но все-таки лекціи, разумѣется, мѣшали ему писать столько, сколько бы ему хотѣлось, а главное мѣшали отдаться какому нибудь большому труду. Осенью 1860 года онъ писалъ г. Мордовцеву: «Мысль о самозванцахъ, какъ образъ любовницы, преслѣдуетъ меня. Если это обратится въ страсть, въ крѣпкое желаніе, — я покидаю кафедру, ибо по моему характеру занятіе кафедры несовмѣстимо съ такимъ предпріятіемъ. Я уѣду къ вамъ въ Саратовъ и поселюсь тамъ до тѣхъ поръ, пока не кончу исторіи самозванцевъ». Но притягательная сила кафедры оказывалась сильнѣе до тѣхъ поръ, пока непредвидѣнныя обстоятельства не помѣшали продленію профессорской карьеры Николая Ивановича. Извѣстность его въ это время была очень велика и общепризнана. Такъ, напримѣръ, Плетневъ вполне признавалъ талантъ Костомарова, называя его новымъ Карамзинымъ. Нашъ знаменитый экономистъ и публицистъ Н. Г. Чернышевскій, познакомившійся съ Ник. Ив. еще въ Саратовѣ, шуточно говорилъ о появленіи «новой звѣзды» на небѣ, надъ трактиромъ Балабаевкой около публичной библіотеки, гдѣ жилъ въ это время Николай Ив. Отдохновеніе отъ своихъ трудовъ Костомаровъ находилъ въ бесѣдѣ съ друзьями и хорошими знакомыми, въ числѣ которыхъ, кромѣ Чернышевскаго, прежде всего нужно назвать Шевченко, а затѣмъ Кавелина, Бѣлозерскаго, издателя польской газеты «Слово» Желиговскаго и казненнаго во время польскаго возстанія Сѣраковскаго. Другимъ любимымъ отдохновеніемъ Ник. Ивановича было посѣщеніе театра, и тутъ, со свойственнымъ ему юморомъ, онъ сложилъ свое извѣстное «Сказаніе о бѣсовстѣмъ искушеніи, како лукавый бѣсъ прелести

единого отъ старецъ богомерзкимъ игрищемъ». Въ сказаніи этомъ дѣло идетъ о посѣщеніи, 5 декабря 1860 года, «мерзопакостной игры, юже нарекли есть «Пророкомъ», благочестивый же, въ Бозѣ почившій царь и государь всея Русси, самодержецъ Николай Павловичъ, не терпя таковыя мерзости, премудрѣ повелѣ ю во «Осаду Гента» преименовати великаго его (Пророка) беззаконіа ради».

Зимомъ 1860—61 г. Костомаровъ прочелъ публичныя лекціи о гетманѣ Выговскомъ, а для акта въ университетѣ въ 1861 году написалъ рѣчь о Константинѣ Аксаковѣ. Вслѣдствіе того, что здѣсь былъ задѣтъ профессоръ Никитенко и упомянуто было объ его спорѣ съ Константиномъ Аксаковымъ, университетское начальство рѣшило не читать этой рѣчи на актѣ, но по требованію студентовъ она была произнесена особою публичною лекціею, и восторженные слушатели опять вынесли Ник. Ивановича на рукахъ. Съ этихъ поръ, по свидѣтельству Николая Ивановича, къ нему стало не совсѣмъ благопріятно относиться высшее начальство: его начали считать челоуѣкомъ, который, хотя не замышляетъ самъ ничего дурного, но однако же можетъ сдѣлаться знаменемъ для волненія молодежи. Находились даже и такія высокопоставленныя лица, которыя рѣшили, что сдѣлали промахъ, допустивъ его къ кафедрѣ. Черезъ 2 мѣсяца послѣ того Костомарова пригласили прочесть публичную лекцію въ Новгородѣ въ пользу тамошнихъ воскресныхъ школъ, и лекція его и тамъ вызвала сильный восторгъ.

Въ 1861—62 г. Костомаровъ постоянно и дѣятельно участвовалъ въ малороссійскомъ журналѣ «Основа», издаваемомъ Вас. Мих. Бѣлозерскимъ, и помѣстилъ тамъ очень много статей. Изъ переписки Николая Ивановича съ близкими ему людьми въ это время видно, что между нимъ и профессорами «прогрессивной партіи», какъ онъ выражается, начинается размолвка. «Меня стали здѣсь недолюбливать, писалъ онъ г. Мордовцеву, именно тѣ, которые составляютъ здѣсь прогрессивную партію, хотя, какъ всѣ люди благородные, зламнѣ дѣлать никто изъ нихъ не станетъ. Они должны были увидѣть, что я держусь многого такого, что они считаютъ предразсудками и при томъ неизбѣжно отстали отъ науки».

Профессорская дѣятельность Николая Ив. была неожиданно прервана вслѣдствіе университетской исторіи 1861 г. и тѣхъ публичныхъ лекцій, которыми пытались замѣнить закрытый университетъ. Нужно замѣтить, что Николай Ив., разумѣется, принадлежалъ къ либеральной партіи совѣта. Онъ подалъ вмѣстѣ съ 14 другими профессорами голосъ противъ предложенія попечителя о раздачѣ матрикultz деканами, но съ его стороны было поступкомъ несомнѣнно нетактичнымъ обсужденіе въ печати вопроса объ основаніи вольнаго университета,

которое онъ началъ статьями въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»—съ конца октября 1861 года. Въ этихъ статьяхъ онъ дѣлилъ заведенія, посвященныя наукѣ, на воспитательно-учебныя и образовательно-учебныя и доказывалъ, что смуты, волненія и безпорядки въ университетѣ происходятъ отъ того, что къ нему относятся, какъ къ заведенію педагогическому, между тѣмъ какъ онъ долженъ быть учрежденіемъ просвѣтительнымъ безъ всякихъ воспитательныхъ дѣлей. Какъ бы то ни было, бросать камень въ университетъ въ то время, когда надъ нимъ разразилась гроза, было весьма несвоевременно, да къ тому же протесты противъ его корпоративнаго строя были и не совсѣмъ справедливы: въ старый университетъ, какъ это доказывали лекціи самого Ник. Ивановича и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ, могъ входить всякій, какъ мужчина, такъ и женщина, безъ билетовъ и платы. То, что казалось Николаю Ивановичу вреднымъ, а именно корпоративная сплоченность студентовъ, имѣло много хорошихъ сторонъ. Студентамъ дозволялось собираться на сходки, обсуждать здѣсь свои общія дѣла, имѣть свою кассу и библіотеку, наконецъ, издавать даже сборникъ студенческихъ сочиненій. По проекту же Николая Ивановича публичныя лекціи, которыя могли бы посѣщать всѣ желающіе, не принимая вовсе званія студента, очутились бы подъ надзоромъ общей городской полиціи; корпорація профессоровъ заботилась бы только объ организаціи чтеній, не имѣя возможности оказать защиту студентамъ въ случаѣ малѣйшаго нарушенія порядка. Статьи Костомарова вызвали довольно продолжительную полемику по этому вопросу; было не мало мнѣній и за, и противъ.

Но, какъ бы то ни было, со вторичнымъ закрытіемъ университета, когда масса молодежи очутилась безъ опредѣленныхъ занятій, были устроены, при содѣйствіи петербургскаго генераль-губернатора, мягкаго и гуманнаго князя Суворова, публичныя лекціи въ двухъ залахъ думы и въ училищѣ святаго Петра. Студенты-депутаты пригласили профессоровъ университета (болѣе половины всего наличнаго числа) и нѣкоторыхъ преподавателей, не бывшихъ въ немъ тогда профессорами, напр. И. М. Сѣченова и Лохвицкаго. Осуществленіе мысли о публичныхъ чтеніяхъ было возможно еще и потому, что министромъ народнаго просвѣщенія въ то время былъ уже А. В. Головнинъ. Сборъ съ этихъ лекцій шелъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, а наблюденіе за порядкомъ на нихъ лежало на студентахъ-депутатахъ, при чемъ къ каждому профессору былъ приставленъ одинъ депутатъ, наблюдавшій за порядкомъ именно на его лекціи. Молодежь и вообще публика очень усердно посѣщали эти лекціи; но онѣ неожиданно были прерваны слѣдующимъ событіемъ.

Въ началѣ марта 1862 г., на одномъ литературномъ вечерѣ, Павловъ, въ рѣчи о тысячелѣтїи Россїи, указалъ между прочимъ на то, что теперь каждый шагъ назадъ былъ бы гибелью для правительства. Павловъ былъ арестованъ и высланъ изъ Петербурга. Тогда студенты-депутаты и нѣкоторые профессора нашли необходимымъ прекратить лекціи въ думѣ. Костомаровъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ и, не смотря на сдѣланное студентами-распорядителями заявленіе профессорамъ, что больше отвѣчать за порядокъ они не могутъ, окончивъ лекціи 9-го марта, сказалъ, что и впредь будетъ продолжать свои чтенія. Какъ извѣстно, это вызвало беспорядокъ, послѣ котораго публичныя лекціи въ думѣ были совершенно прекращены. Эта исторія, въ которой, чего нельзя не признать, Ник. Ивановичъ былъ не правъ, сильно повредила его популярности среди молодого поколѣнія, но, разумѣется, она не могла испортить его научной репутаціи, и весьма естественно, что въ теченіе времени съ 1862 по 1866 г. онъ съ разныхъ концовъ Россїи получилъ цѣлый рядъ предложеній о вступленіи на кафедру русской исторїи въ университетахъ казанскомъ, кїевскомъ, харьковскомъ и варшавскомъ; но, какъ видно изъ письма Николая Ивановича къ Н. А. Бѣлозерской, Костомарову было заявлено свыше, что онъ не можетъ быть больше профессоромъ, что его не утвердятъ въ этомъ званіи. Такъ окончилась, на этотъ разъ уже навсегда, профессорская дѣятельность Ник. Ивановича, и онъ долженъ былъ перейти къ исключительно кабинетной работѣ. Теперь онъ могъ исполнить тѣ мечты, которыя не давали ему покоя еще въ 1860-мъ году. Онъ занялся смутнымъ временемъ, а потомъ, по напечатаніи этого труда, въ 1866 году, перешелъ и къ художественному возсозданію, въ другомъ обширномъ трудѣ, послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой; кромѣ этого объемаго произведенія, Ник. Ив. успѣвалъ еще писать не мало и мелкихъ журнальныхъ статей.

Съ тѣхъ поръ жизнь Николая Ив. не имѣетъ уже того захватывающаго интереса, которымъ она отличается въ предшествующую эпоху; нельзя не упомянуть только о томъ, что его не разъ постигала серьезная болѣзнь, такъ напр., въ 1870 году онъ чувствовалъ сильныя боли въ затылкѣ и головѣ, которыя черезъ два года опять возобновились, а въ 1875 году его постигла еще болѣе серьезная болѣзнь, которую докторъ Бѣлоголовый считалъ ударомъ. Эта послѣдняя болѣзнь оставила особенно сильныя слѣды въ организмѣ нашего историка, и его умъ и фантазія не могли уже послѣ того работать съ прежнею живостью: онъ сталъ жаловаться на то, что память его значительно ослабѣла сравнительно съ прежнимъ, но онъ все таки продолжалъ усидчиво трудиться; работалъ и послѣ того, когда въ

1881 году, при переходѣ черезъ улицу, былъ сбить съ ногъ ломовымъ извозчикомъ. Черезъ три года съ нимъ вновь случилось подобное же печальное приключеніе, но онъ довольно быстро оправился, благодаря своей крѣпкой организаціи. Не смотря на всѣ эти несчастія, Николай Ив. работалъ чуть не до послѣдняго момента своей жизни, по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ садился за письменный столъ еще на Пасхѣ 1885 года, собираясь написать повѣсть изъ времяя бирюковщины.

V.

При оцѣнкѣ трудовъ Костомарова очень многое въ нихъ уясняется для насъ не только сопоставленіемъ ихъ съ фактами всей его жизни, но и изученіемъ нѣкоторыхъ чертъ его личнаго характера. Тутъ, прежде всего, мы должны указать на несомнѣнно унаслѣдованную еще отъ отца крайнюю нервность и раздражительность, которыя могли, разумѣется, только увеличиться вслѣдствіе всѣхъ неблагопріятныхъ условій, встрѣченныхъ имъ на жизненномъ пути,— годоваго одиночнаго заключенія и т. п. Дѣйствительно, раздражительность Николая Ив. была крайне велика. Мы видимъ, напр., что въ юности, во время случайной ссоры съ какими-то приказными, встрѣченными имъ во время гулянья съ своими пріятелями въ Харьковѣ, онъ до такой степени выходитъ изъ себя, что вонзаетъ въ одного изъ приказныхъ кинжалъ, который онъ носилъ въ трости. Другой разъ Костомаровъ вызываетъ на дуэль своего соперника въ любви одной дѣвушки, когда тотъ обманулъ особу, отдававшую ему предпочтеніе. Наконецъ, его раздражительность выразилась и въ менѣе важныхъ фактахъ. Извѣстно, что всей душой преданная ему мать должна была выносить не мало капризовъ Николая Ивановича, точно такъ же какъ и его женѣ, бывшей невѣстѣ Костомарова, сочетавшейся съ нимъ бракомъ послѣ болѣзни Николая Ив. въ 1875 году, приходилось запастись не малымъ терпѣніемъ при уходѣ за больнымъ, раздражительнымъ историкомъ. Нервность Ник. Ивановича временами переходила даже прямо въ галлюцинаціи. Мы видѣли, что въ крѣпости ему являлись видѣнія, мы знаемъ кромѣ того, что во время путешествія за границей ему являлась однажды ночью бѣлая женщина, напугавшая его словами, что его мать умерла. Такія тревоги о жизни матери, липавшія Ник. Ивановича возможности даже продолжать путешествіе, не разъ, безъ всякой видимой причины, возобновлялись въ немъ во время заграничныхъ путешествій.

Но если нервная организация Николая Ив. причиняла не мало хлопотъ и ему самому, и его окружавшимъ, то съ другой стороны она же выразилась при его творествѣ въ той богатой фантазій, въ той способности живо воспроизводить изучаемую имъ эпоху, которая сдѣлала произведенія Николая Ив. любимымъ чтеніемъ всей образованной публики и дала ему такое громкое имя, которая выдѣлила его, наконецъ, изъ ряда всѣхъ современныхъ русскихъ историковъ и заставила въ этомъ отношеніи поставить его имя на ряду съ именами Прескотта, Мотлея и Тьерри. Можно упомянуть и о томъ, что въ дѣтствѣ Ник. Ив. обнаруживалъ весьма большія музыкальныя способности, которыя впослѣдствіи выразились въ страстной любви къ музыкѣ, нерѣдко побуждавшей Костомарова посѣщать ту или другую оперу.

Сильное сочувствіе, которое вызывали произведенія Николая Ив., не мало поддерживалось и общимъ складомъ его взглядовъ и убѣжденій. Что касается русской дѣйствительности, то, какъ свидѣтельствуютъ люди, близко знавшіе Костомарова въ послѣдніе годы его жизни, онъ сохранялъ въ высшей степени трезвый взглядъ на современныя явленія, такъ напр. замѣчательно, что онъ рѣзко протестовалъ противъ воззрѣній Толстаго и Достоевскаго, по мнѣнію которыхъ лучшая будущность челоѣчества явится результатомъ одного нравственнаго обновленія индивидуумовъ, независимо отъ усовершенствованія формъ политическаго и общественнаго устройства.

Его взгляды на славянскій вопросъ отличались тою же широтою и гуманностью, какими они были проникнуты и въ молодости. Широкое развитіе славянской взаимности, тѣсная связь между славянами для противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ, широкая племенная и мѣстная самобытность, основанная при томъ на свободныхъ учрежденіяхъ, на терпимости и личной свободѣ, — вотъ въ чемъ заключается ближайшая задача, къ рѣшенію которой, по мнѣнію Костомарова, должны стремиться всѣ славяне. Средство для этого Ник. Ивановичъ видѣлъ въ широкомъ просвѣщеніи народной массы и въ повышеніи уровня образованности въ интеллигентномъ классѣ. Рѣчь о Константинѣ Аксаковѣ показала, что Ник. Ивановичъ не относился враждебно къ старому славянофильству; нѣкоторыя его мнѣнія въ этомъ очеркѣ, безъ сопоставленія ихъ съ другими, могли бы даже подать поводъ къ причисленію его, до извѣстной степени, къ славянофиламъ. Но извѣстно, что самъ Ник. Ив. все-таки совершенно ясно отдѣлялъ себя отъ этой школы. Что же касается представителей новаго славянофильства, группировавшагося въ Петербургѣ около славянскаго комитета, то въ виду ихъ сочувствія крайней централизаціи въ вопросахъ политиче-

скихъ, ихъ величайшей религіозной нетерпимости, Ник. Ив. относился къ нимъ очень рѣзко. Это выразилось, напр., по поводу сдѣланнаго ему славянскимъ комитетомъ предложенія прочесть нѣсколько словъ въ годовщину столѣтія присоединенія Бѣлорусси къ Россіи. Костомаровъ категорически отвѣтилъ на это: «съ вашими общеславянскими вопросами ничего общаго имѣть не хочу»,—«и отъидоша отъ меня славяне посрамлени», прибавляетъ, рассказывая объ этомъ Ник. Ивановичъ въ письмѣ къ г. Мордовцеву. Это вполнѣ объясняетъ, почему дѣятели славянскаго общества не нашли для себя удобнымъ припомнить имя умершаго историка, основателя Кирилломеоодіевскаго братства, во время славянскаго праздника въ апрѣлѣ 1885 года.

Украинофильство Ник. Ивановича, за которое его такъ много обвиняли, было въ сущности весьма умѣреннаго свойства. Въ отношеніи къ украинской литературѣ онъ всегда оставался при томъ мнѣніи, что она предназначена служить массѣ народа, и потому сюжеты для нея должны почерпаться изъ жизни народа и изложеніе должно быть вполнѣ доступно пониманію массы. Относительно преподаванія въ народной школѣ Ник. Ив. держался того мнѣнія, что оно должно происходить не исключительно на русскомъ литературномъ языкѣ: онъ требовалъ, чтобы въ руководствахъ для малорусскихъ дѣтей прилагался и украинскій текстъ.

Не въ такой степени терпимостью и широтою отличались взгляды Костомарова въ польскомъ вопросѣ. Эти взгляды вполнѣ объясняются тою постоянною симпатіею, которую обнаруживалъ Н. И. къ южной Руси, тѣмъ глубокимъ знакомствомъ со всѣми несчастіями, причиненными Польшею южно-русскому казачеству и посполству. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ его газетныхъ публицистическихъ статей по этому предмету заставляютъ невольно пожалѣть, что чувство такта не подсказало Николаю Ивановичу необходимости или вести обсужденіе этого вопроса въ иномъ тонѣ, или по крайней мѣрѣ перенести эту полемику туда, гдѣ и другая сторона могла-бы имѣть возможность отвѣчать вполнѣ свободно.

Подводя итоги всѣмъ общественнымъ и политическимъ взглядамъ Костомарова, насколько они намъ извѣстны, мы полагаемъ, что его нельзя причислить ни къ либераламъ западникамъ, ни къ славянофиламъ: онъ занимаетъ свое особое, самостоятельное мѣсто, и всего скорѣе можетъ быть названъ малороссійскимъ народникомъ, но только съ преобладающимъ не экономическимъ интересомъ, какъ это мы встрѣчаемъ въ современной народнической литературѣ, а съ интересомъ историко-этнографическимъ. Большое знакомство Ник. Ивановича съ русскимъ народомъ вообще и особенно съ народною жизнью въ Малороссіи сослужило великую службу въ его научной дѣятельности.

И указанные выше особенности въ организациі Николая Ивановича, и вся его предшествующая жизнь дали возможность развиваться художественному элементу въ его историческихъ произведеніяхъ. По свидѣтельству людей, встрѣчавшихъ Костомарова въ разныя эпохи его жизни, онъ всегда, такъ сказать, переживалъ тѣ событія, которыя изучалъ въ данное время. Онъ даже пытался иногда наглядно воспроизвести нѣкоторыя изъ особенностей быта того или другаго времени: то возстановлялъ во очію различные языческіе обряды, не только занимаясь славянскою міеологіею, но и въ болѣе позднее время, то просилъ изготовить ему старинный медъ, рецептъ котораго онъ отыскалъ въ произведеніи путешественника—иностранца XVII в., то въ бесѣдѣ съ пріятелями чрезвычайно живо изображалъ различныя историческія личности, такъ что даже полове въ трактирѣ «Балабаевка» могли рассказать многое изъ слышаннаго отъ Николая Ив., то, наконецъ, уже въ послѣдніе годы жизни, не могъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ, преслѣдовавшихъ его образовъ, какъ напр. ему не давала покоя личность жены Богдана Хмельницкаго, которая, по его мнѣнію, могла бы послужить прекраснымъ сюжетомъ для трагедіи, если бы препятствіемъ для этого не являлась недостаточность достовѣрныхъ указаній въ источникахъ. Понятно, что Ник. Ивановичъ не могъ удовольствоваться исключительно научнымъ изображеніемъ историческихъ событій и что время отъ времени онъ создавалъ то историческую повѣсть, то историческую драму не только изъ русской исторіи, но даже и изъ временъ римской имперіи и изъ византійской эпохи.

VI.

Посмотримъ теперь—какія же требованія ставилъ Николай Ивановичъ исторіи и въ какой степени онъ самъ удовлетворялъ этимъ требованіямъ. Отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ мы можемъ найти въ его вступительной лекціи 22-го ноября 1859 года въ университетѣ и затѣмъ въ его чтеніи 1863 года «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи». Въ университетской лекціи Ник. Ив., указавъ на необходимость изученія преимущественно внутренней жизни, между прочимъ такъ формулируетъ свои главныя требованія отъ исторіи. Онъ находитъ всего болѣе необходимымъ «уразумѣніе народнаго духа»; по его словамъ, «жизнь народная заключается въ движеніи его духовно-нравственнаго бытія: въ его понятіяхъ, вѣро-

ваніяхъ, чувствованіяхъ, страданіяхъ... Изслѣдованіе развитія духовной народной жизни—вотъ въ чемъ состоитъ исторія народа». Въ чтеніи 1863 г. нѣсколько подробнѣе развивается тотъ же основной взглядъ. Указавъ на то, что историкъ не долженъ ограничиваться изученіемъ войнъ, дипломатическихъ сношеній, законодательства, придворной жизни, Костомаровъ считаетъ въ то же время недостаточнымъ и одно, такъ сказать, внѣшнее описаніе внутренняго быта: «на первомъ планѣ у историка должна быть дѣятельная сила души человѣческой»; онъ считаетъ необходимымъ «уразумѣніе психологіи прошедшаго». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ справедливо указываетъ на необходимость сближенія исторіи съ этнографіей. «Этнографъ долженъ быть современнымъ историкомъ, какъ историкъ своимъ трудомъ излагаетъ старую этнографію»; при этомъ Ник. Ив. указываетъ очень широкія рамки для этнографіи: въ составъ ея должно входить не только изученіе нравовъ и обычаевъ простаго народа, но и изслѣдованіе вліянія, какое имѣютъ «на процессъ народной жизни законы и права, дѣйствующіе въ странѣ: сложеніе понятій и взглядовъ во всѣхъ классахъ народа, административныя и юридическія отправления, принятіе и усвоеніе результатовъ современнаго воспитанія и науки, политическія понятія и тенденціи, соотношеніе внѣшнихъ явленій и политическихъ событій съ народными взглядами». Но нельзя не замѣтить, что тутъ Ник. Ив. не обращаетъ надлежащаго вниманія на экономическую сторону народной жизни, что, однако, объясняется какъ общимъ состояніемъ русской исторіи въ то время, такъ и характеромъ его собственной научной подготовки. Такимъ образомъ это игнорированіе экономической стороны народной жизни является не случайнымъ и даетъ себя чувствовать во многихъ его произведеніяхъ. Костомарову кажется, что теперь уже не существуетъ антагонизма между внѣшней и внутренней исторіей, что изслѣдователи прошлаго достаточно понимаютъ необходимость того и другаго для цѣльнаго воссозданія народной жизни; но дѣло только въ томъ, что внѣшняя исторія гораздо больше разработана, чѣмъ внутренняя, и потому-то и является потребность въ настоящее время преимущественно заниматься послѣднею. Въ высшей степени важно также въ этой статьѣ Николая Ивановича настоятельное требованіе, чтобы историкъ внимательно изучалъ современную жизнь: это необходимо для того, чтобы идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, для того, чтобы находить объясненіе отрывочныхъ, сухихъ указаній источниковъ на ту или другую сторону народной жизни, которая вполнѣ раскрывается намъ изученіемъ современныхъ явленій. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, въ тѣхъ требованіяхъ, которыя поставилъ для исторіи Ник. Ивановичъ, въ томъ живомъ сближеніи исторіи съ современною на-

родною жизнью, въ томъ внесеніи народнаго элемента въ исторію, на которомъ онъ настаивалъ, былъ громаднй шагъ впередъ.

Произведенія Николая Ивановича подвергались рѣзкимъ нападкамъ со стороны различныхъ критиковъ. Они изыскивали въ нихъ тѣ или другіе мелкіе недостатки и недосмотры, крайне раздували ихъ и позволяли себѣ третировать очень рѣзкимъ тономъ труды нашего знаменитаго историка. Мы сейчасъ увидимъ изъ отзыва спеціалиста какъ мало основательны были подобныя нареканія, напр., на труды Ник. Ив. по южно-русской исторіи, а теперь упомянемъ, что также мало основательно было и обвиненіе его въ какомъ-то преднамѣренно отрицательномъ отношеніи къ историческимъ лицамъ, заслуги которыхъ признаны всѣми. Дѣло въ томъ, что Ник. Ив. относительно многихъ изъ подобныхъ личностей доискивался только документальнаго подтвержденія той характеристики, которая сложилась относительно ихъ въ представленіи историковъ и всей образованной публики, и иногда не находилъ достаточныхъ основаній для того или другаго ихъ изображенія. Въ критическомъ отношеніи къ тѣмъ или другимъ дѣятелямъ изъ исторіи московской Руси хотѣли даже видѣть какую-то озлобленную ненависть къ великорусскому племени вообще. Такъ какъ историческіе труды Ник. Ив. рѣзко распадаются на сочиненія, посвященные изслѣдованію южной Руси и исторіи остальной Россіи, то мы считаемъ необходимымъ подробнѣе рассмотреть, дѣйствительно-ли есть основаніе для обвиненія Костомарова въ крайней нелюбви къ великороссамъ, и указать на то, какъ смотрѣлъ нашъ знаменитый историкъ и на ту, и на другую часть русскаго народа. Прекрасный матеріалъ для этого представляетъ его статья «Двѣ русскія народности» (1861 г.).

Въ южнорусскомъ племени Костомаровъ указываетъ перевѣсъ личной свободы, въ великорусскомъ—преобладаніе общиннаго духа. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ характеристики того и другаго племени, мы должны указать на то, что въ этомъ случаѣ симпатіи Николая Ив. лежатъ вполнѣ на сторонѣ малороссовъ. Онъ говоритъ съ полнымъ сочувствіемъ о томъ нерасположеніи, съ которымъ относится малороссъ къ поглощенію личной свободы въ идеѣ міра, деревенской общины. Онъ видимо недостаточно понимаетъ великую роль въ исторіи русскаго народа общиннаго землевладѣнія и даже вовсе съ ненадлежащей точки зрѣнія относится къ трудамъ тѣхъ нашихъ писателей, которые горячо высказывались въ защиту общинныхъ принциповъ, видя въ этомъ вліяніе то «запоздалаго московскаго славянофильства», то «новомоднаго французскаго социализма». — «Обязательная общинность земская», говоритъ Костомаровъ, «и отвѣтственность личности міру для южноросса есть въ выс-

шей степени несноснѣйшее рабство и вопіющая несправедливость». При этомъ онъ съ сочувствіемъ относится даже къ польскимъ вліяніямъ, подготовившимъ созданіе подобнаго строя. Нужно, правда, замѣтить, что наука не располагала еще тогда вновь открытыми данными, опровергающими характеристику малоросса, какъ крайняго индивидуалиста: остатки общинныхъ поземельныхъ угодій, сохранившіеся до сихъ поръ, доказываютъ, что при благоприятныхъ условіяхъ и здѣсь могла-бы развиться поземельная община. Что-же касается польскихъ вліяній, то нужно припомнить, что и самъ польскій народъ первоначально не былъ чуждъ общинныхъ принциповъ, которые, послѣ того какъ на общественный бытъ Польши произвело столь неблагоприятное вліяніе сосѣдство иныхъ, нѣмецкихъ порядковъ, подверглись серьезному гоненію, и подворная уволочная система пользованія землей насильственно вводилась въ нынѣшней западной Россіи. Понятно, что тѣ-же нѣмецко-польскіе земельные порядки должны были оказать свое вліяніе и на Малороссію, когда со времени ея освобожденія казацкая старшина начала стремиться къ воспроизведенію въ освобожденной землѣ польскихъ порядковъ. Говорить тутъ съ сочувствіемъ о правѣ владѣнія землею, основаннаго не только на «торжествѣ обстоятельствъ», но и на «давности происхожденія», теперь уже невозможно послѣ работъ А. М. Лазаревского, наглядно показавшихъ, какую громадную роль при устроеніи поземельныхъ порядковъ въ Малороссіи играло насиліе различныхъ высшихъ представителей казачьяго сословія. Такимъ образомъ, частію состояніемъ науки, частію личнымъ свойствомъ изслѣдователя, проникшагося малорусскими взглядами, нужно объяснять то непониманіе, какое онъ обнаружилъ относительно громадной и плодотворной роли нашей поземельной общины; но, разумѣется, ничто не даетъ повода говорить тутъ о какой-то предвзятой ненависти къ великорусскому племени.

Для исторіи южнорусскаго казачества Н. И. оказалъ громадныя услуги. Стоить тутъ только напомнить такіе труды его, какъ «Богданъ Хмельницкій», «Гетманство Выговскаго», «Гетманство Юрія Хмельницкаго», «Руина», «Мазепа и мазепинцы» и нѣкоторые др. Вотъ какъ характеризуетъ заслуги Николая Ив. для исторіи южной Россіи глубокій знатокъ ея, извѣстный кievскій профессоръ г. Антоновичъ. По его словамъ, въ этихъ трудахъ Костомаровъ «примѣнилъ съ полнымъ безпристрастіемъ тѣ-же приемы здравой исторической критики, которые отличаютъ всѣ его историческіе труды, и произвелъ въ ней значительный, если не совершенный переворотъ. До Николая Ив. специальная южно-русская исторія была почти совсѣмъ не разработана, находилась, можно сказать, въ хаотическомъ состояніи, была за-

слонена массою измышлений, предвзятыхъ фиктивныхъ гипотезъ, фантастическихъ, выдуманныхъ положеній)... Самымъ выдающимся трудомъ изъ всего ряда произведеній Николая Ив. по южно-русской исторіи, безъ сомнѣнія, является «Богданъ Хмельницкій», на созданіе котораго Костомаровъ положилъ, можно сказать, всю жизнь, такъ какъ онъ началъ работать надъ этою эпохой еще въ 1840-хъ годахъ и въ послѣдній разъ возвратился къ ней уже въ 1880-хъ гг., при совершенной переработкѣ этого произведенія для послѣдняго, 4-го, изданія. Въ первой редакціи этого труда оказалось не мало промаховъ и недостатковъ, которые и были указаны ему извѣстнымъ специалистомъ по исторіи Малороссіи, до нѣкоторой степени подготовившимъ и дѣятельность въ этомъ отношеніи Николая Ив.,—мы разумѣемъ Максимовича. Безъ сомнѣнія, вредно отразилась на «Богданѣ Хмельницкомъ» въ его первоначальномъ видѣ и невозможность для автора, при жизни въ Саратовѣ, воспользоваться массою рукописныхъ источниковъ, сдѣлавшихся впоследствии доступными для Николая Ив. въ публичной библиотекѣ. 3-е изданіе появилось уже съ прибавленіемъ обширнаго введенія— очерка исторіи казачества отъ его возникновенія до появленія во главѣ казацкаго движенія Богдана Хмельницкаго. По словамъ г. Антоновича, это «несомнѣнно лучшій систематическій очеркъ исторіи казачества въ указанный періодъ его существованія». Дѣлая дополненія по новымъ матеріаламъ, авторъ, при слѣдующихъ изданіяхъ, принужденъ былъ измѣнить точку зрѣнія и на нѣкоторые источники (какъ напр., лѣтопись Величка), а въ значительной степени и на характеръ главнаго героя своей монографіи. Въ послѣднемъ изданіи 2-й и 3-й тома этого труда подверглись самой существенной переработкѣ. «На первомъ планѣ у автора», говоритъ Н. И. объ этомъ трудѣ въ собственноручной запискѣ о своихъ научныхъ произведеніяхъ, «было представить въ послѣдовательномъ образѣ эту эпоху, избравъ, расположивъ и связавъ между собою ея событія такъ, чтобы они ясно выказывали читателю духъ, побужденія, воззрѣнія и быть какъ малорусскаго народа, такъ и польскаго шляхетскаго общества... а также сколь возможно вышукло очертить характеры главныхъ дѣятелей». Цѣль эта въ значительной степени достигнута, но только нельзя не пожалѣть, что авторъ какъ въ этомъ сочиненіи, такъ и въ другихъ трудахъ по исторіи южной Россіи, главнымъ образомъ, даетъ повѣствованіе о событіяхъ, а не представляетъ очерка внутренняго устройства Малороссіи и положенія разныхъ сословій. Отъ того-то впоследствии, въ отвѣтъ на утвержденіе г. Кулиша, что «казачество на народной почвѣ не проявило ничего, кромѣ дикаго отрицанія того, что дѣлали люди порядочные», и приходилось объяснять: «Развѣ гетманщина съ гет-

маномъ во главѣ, съ генеральной старшиной, составлявшей около него совѣтъ, съ генеральнымъ судомъ, генеральною канцеляріею, съ раздѣленіемъ страны на полки, а полковъ на сотни, съ выборными мѣстными властями, съ законодательствомъ, основаннымъ на принятомъ литовскомъ статутѣ, съ добавленіемъ гетманскихъ универсаловъ и приговоровъ рады, часто собираемыхъ по важнымъ дѣламъ, съ поземельными вопросами, разрѣшаемыми судомъ, наконецъ съ мѣщанствомъ, съ его цехами разнообразныхъ мастеровъ и торговцевъ—все это развѣ не произведенія хмельничины, и если многое существовало еще прежде, то все-таки возымѣло свое право на существованіе именно потому, что эпоха Хмельницкаго его оставила». Вотъ это-то все и желательно было бы видѣть не въ отрывочныхъ указаніяхъ по поводу того или другаго событія, а въ отдѣльныхъ очеркахъ и картинахъ. Костомаровъ довелъ исторію южной Руси до конца первой четверти XVIII вѣка, а можно-ли изъ его трудовъ получить, напр., болѣе или менѣе ясное понятіе о положеніи въ этой мѣстности крестьянства и городовъ?

«Руина» и «Мазепа» написаны менѣе живо: въ нихъ чувствуется утомленіе автора и слѣды серьезной болѣзни, его постигшей, но нельзя не обратить вниманіе на то, какъ внимательно отнесся тутъ авторъ къ рукописнымъ материаламъ московскихъ архивовъ. Недостаточное изученіе собственно внутренняго быта приводило иногда Костомарова и къ не совсѣмъ правильному освѣщенію нѣкоторыхъ личностей, такъ напр., защита Павла Полуботка оказывается мало удачною, и гораздо болѣе правды въ характеристикѣ этой личности и его вредныхъ для простаго народа стремленій въ прекрасной монографіи А. М. Лазаревскаго (въ «Русскомъ Архивѣ»), наглядно показывающей, какъ тяжело приходилось народу отъ подобныхъ представителей идеи гетманщины и такого самоуправленія, которое было выгодно только для казацкой старшины.

Уже въ «Богданъ Хмельницкомъ» авторъ ясно показываетъ несостоятельность польскаго общественнаго строя. Еще болѣе полную и чрезвычайно талантливую картину польской жизни мы находимъ въ «Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой», одномъ изъ лучшихъ сочиненій Николая Ивановича. Правда, польскіе мемуары этого времени представляли уже сами по себѣ чрезвычайно благодарный матеріалъ, но авторъ очень искусно воспользовался ими для характеристики домашней и общественной жизни Польши въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Если сравнить этотъ трудъ съ книгою Соловьева «Паденіе Польши», гдѣ авторъ ограничивается внѣшнимъ изображеніемъ событій на основаніи преимущественно дипломатическихъ донесеній русскихъ посланниковъ, то можно наглядно видѣть все превосходство та-

ланта Костомарова, хотя разумѣется никто не станетъ отрицать великихъ заслугъ для русской исторіи и С. М. Соловьева.

Мы достаточно указали на то, какъ много сдѣлалъ Костомаровъ для исторіи южной Руси, но не мало потрудился онъ и для исторіи другой части русскаго народа. Здѣсь едва ли не болѣе всего удовлетворяютъ поставленнымъ имъ самимъ требованіямъ «Сѣверно-русскаго народоправства», гдѣ цѣлая половина труда отведена картинѣ внутренняго быта Новгорода, Пскова и Вятки. Дальнѣйшее развитіе исторіографіи по этому предмету въ трудахъ Бѣляева и г. Никитскаго повело къ отдѣльному изученію новгородской и псковской исторіи, что, въ свою очередь, дало возможность точнѣе опредѣлить болѣе демократическій строй Пскова сравнительно съ болѣе аристократическимъ характеромъ новгородскаго устройства. Но, во всякомъ случаѣ, трудъ Костомарова имѣетъ огромныя достоинства и сохранить значеніе и послѣ трудовъ другихъ изслѣдователей. По живости же и интересу изложенія изъ трудовъ, посвященныхъ общей русской исторіи, первое мѣсто занимаетъ «Смутное время». Картины польской жизни, характеристики главнѣйшихъ дѣятелей—все это сдѣлано съ большимъ мастерствомъ. Сочиненіе это, также какъ и примыкающіе къ нему труды: «Кто былъ первый Лжедимитрій?» и «Личности смутнаго времени», подвергались многимъ нападкамъ (серьезнѣе другихъ замѣчанія И. Е. Забѣлина). Но Костомаровъ довольно удачно парировалъ воззрѣнія своихъ критиковъ («О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія» и «Кто виноватъ въ смутномъ времени»). Но если даже авторъ и погрѣшаетъ въ той или другой частности, во всякомъ случаѣ «Смутное время» представляетъ одно изъ выдающихся произведеній нашей исторіографіи. На нашъ взглядъ и тутъ главное дѣло не въ частныхъ недосмотрахъ. Въ запискѣ о своихъ сочиненіяхъ Костомаровъ, между прочимъ, говоритъ объ этомъ трудѣ: «Описывая смуты и неуройства во времена Шуйскаго, авторъ указываетъ на связь ихъ съ тогдашнимъ состояніемъ края и социальными условіями народнаго быта». Къ сожалѣнію, это послѣднее—выясненіе «социальныхъ условій народнаго быта»—далеко не выполнено въ той степени, какъ это было бы желательнымъ.

Но Костомаровъ сдѣлалъ попытку внимательнаго изученія и одной изъ сторонъ экономическаго быта московской Руси: мы разумѣемъ «Очеркъ торговли московскаго государства въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ». Правда, въ этомъ трудѣ есть извѣстные недостатки, напр. неумѣнье справиться съ данными по исторіи цѣнъ, но вѣдь и въ настоящее время мы не имѣемъ еще вполнѣ удовлетворительнаго труда по этому предмету и даже не собрано достаточнаго количества мате-

риаловъ для рѣшенія вопроса первостепенной важности при изученіи нашего прошлаго экономическаго быта — о сравнительной цѣнности денегъ въ разныя эпохи русской исторіи.

Домашній бытъ московской Руси былъ предметомъ особаго, очень хорошаго сочиненія. Автору ставили въ укоръ смѣшеніе данныхъ XVI и XVII вѣковъ, но дай Богъ, чтобы повторяющіе это замѣчаніе умѣли хоть «смѣшивать» такъ, какъ «смѣшиваетъ» Костомаровъ, а то при всей способности къ распредѣленію матеріала по внѣшнимъ хронологическимъ рубрикамъ они не могутъ создать ничего, кромѣ кропотливаго нагроможденія фактовъ въ количествѣ, удручающемъ крайне немногихъ читателей ихъ твореній. Профессоръ Корсаковъ въ своей статьѣ о Костомаровѣ совершенно справедливо замѣтилъ о нѣкоторыхъ критикахъ Николая Ивановича, что они только тѣмъ и будутъ извѣстны, что нападали на Костомарова.

Въ «Бунтѣ Стеньки Разина» авторъ не только талантливо рисуетъ картину этого народнаго волненія, но въ началѣ, въ особыхъ главахъ, указываетъ и его причины въ крайне тяжеломъ положеніи народа.

Изъ выдающихся историческихъ личностей, талантливую характеристику которыхъ мы находимъ въ сочиненіяхъ Николая Ивановича, упомянемъ особо объ Иванѣ Грозномъ. Онъ касался его личности и его царствованія еще въ рѣчи о Константинѣ Аксаковѣ (1861 г.) и «Ливонской войнѣ» (1864 г.). Затѣмъ Костомаровъ посвящаетъ Ивану Грозному блестящія страницы въ «Началѣ единодержавія въ древней Руси» (1870 г.). Въ слѣдующемъ году онъ вновь возвращается къ нему въ особой статьѣ «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго», вызванный къ тому неумѣренною идеализаціею Грознаго въ рѣчи проф. Бестужева-Рюмина въ славянскомъ комитетѣ, напечатанной подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ по поводу поэтическаго воспроизведенія характера Іоанна Грознаго», — идеализаціею, доходившею до желанія поставить Грознаго почти въ уровень съ Петромъ Великимъ. Костомаровъ критикуетъ ту мысль, что Грозный ничѣмъ не былъ обязанъ влиянію Сильвестра и Адашева, разбираетъ нападки на планы этихъ приближенныхъ относительно борьбы съ Крымомъ и защиту политики самого Іоанна, выразившейся въ войнѣ съ Ливоніей. Слова г. Бестужева-Рюмина, что «задуманный Грознымъ планъ переустройства государства хорошо подходилъ къ общеславянскому всегдашнему плану государственнаго устройства», вызываютъ такую реплику со стороны Николая Ивановича, имѣвшаго особенное право, по своему давнему интересу къ славянству, высказать мнѣніе въ данномъ случаѣ. «Слово «общеславянское» имѣетъ неопредѣленное значеніе общаго мѣ-

ста... Какія, въ самомъ дѣлѣ, данныя представляетъ намъ исторія, по которымъ мы вправѣ сказать, что вотъ такой-то, а не иной какой нибудь государственнй строй болѣе пригоденъ для всѣхъ вообще славянъ, болѣе любимъ всѣми славянами, болѣе удовлетворяетъ ихъ характеру, ихъ нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ?... Съ одинаковымъ правомъ одинъ будетъ доказывать, что общеславянское государственное устройство должно быть абсолютная монархія, другой, что—федеративная республика. Одинъ будетъ, злоупотребляя словомъ общеславянство, усердно кадить той или иной существующей въ данное время силѣ, другой—изъ тумана общеславянскихъ воззрѣній показывать ей кулакъ. Ставятъ въ заслугу царю Ивану Васильевичу, что онъ утвердилъ монархическое начало, но будетъ гораздо точнѣе, прямѣе и справедливѣе сказать, что онъ утвердилъ начало деспотическаго произвола и рабскаго, бессмысленнаго страха и терпѣнія. Его идеаль состоялъ именно въ томъ, чтобы прихоть самовластнаго владыки поставить выше всего—и общепринятыхъ нравственныхъ понятій, и всякихъ человѣческихъ чувствъ, и даже вѣры, которую онъ самъ исповѣдывалъ». На вопросъ, брошенный проф. Бестужевымъ: «да не было ли въ самомъ дѣлѣ измѣны?» Костомаровъ отвѣчаетъ: «мучительства производили бѣгства, а не бѣгства и измѣны возбуждали Ивана къ мучительствамъ. Тѣ доводы, которые приводитъ Курбскій въ свое оправданіе, имѣютъ характеръ общечеловѣческой правды. Курбскій жилъ въ XVI вѣкѣ; едва-ли умѣстно въ XIX судить дѣятелей прошедшаго времени по правиламъ того крѣпостничества, по которому каждый, имѣвшій несчастье родиться въ какомъ нибудь государствѣ, непремѣнно долженъ быть привязаннымъ къ нему даже и тогда, когда за всѣ его заслуги, оказанныя этому государству, онъ терпитъ одну несправедливость и долженъ каждую минуту подвергаться опасности быть безвинно замученнымъ! Неужели намъ велятъ сочувствовать аргументамъ царя Ивана, писавшаго къ Курбскому: «Аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдiti»? Историкъ, оправдывающій мучительства Ивана и похваляющій «логичность» въ его письменныхъ произведеніяхъ, вѣроятно не рѣшится сказать, что онъ сочувствуетъ подобнымъ софизмамъ шекспирова Ричарда III, доказывающаго вдовѣ убитаго имъ принца, что онъ оказалъ убитому благодѣяніе, отправивъ его въ царство небесное?.. «Каковы бы ни были причины, побуждающія ученыхъ мужей оправдывать, восхвалять и вообще представлять въ хо-рошемъ свѣтѣ разныя насилія, совершенныя историческими дѣятелями и часто оправдываемыя «политическою необходимостью, государствен-

ными цѣлями», и т. п., мы все же надѣемся», продолжаетъ Костомаровъ, «что уже близко то время, когда встрѣтитъ у историка похвалу насильственнымъ мѣрамъ, хотя бы предпринимаемымъ или допускаемымъ съ цѣлью объединенія и укрѣпленія государства, будетъ также дико, какъ было бы теперь дико услышать съ кафедры одобреніе инквизиціонныхъ пытокъ и сожженій, совершавшихся не только съ высокою цѣлію единства вѣры, но еще съ самою высшею и благою—ради спасенія многихъ душъ отъ адскаго огня въ будущей жизни. Въ прежнія времена были же люди, очейъ ученые и почтенные, находившіе хорошую сторону въ такихъ мѣрахъ». Дѣлая далѣе сжатую, но блестящую характеристику Ивана Грознаго, авторъ между прочимъ говоритъ, что «Иванъ раззорилъ Новгородъ и перемучилъ гораздо болѣе русскихъ христіанъ, чѣмъ Неронъ римскихъ, и подобно послѣднему обвинялъ свои жертвы въ небывалыхъ преступленіяхъ, а себя показывалъ грознымъ, но праведнымъ судьей». Николай Ивановичъ возвращался къ эпохѣ и личности Грознаго и позднѣе этой замѣчательной статьи: въ своей «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» и въ исторической повѣсти «Кудеяръ».

Протестуя противъ желанія неумѣренно возвеличить Ивана Грознаго и поставить почти на одинъ уровень съ Петромъ Великимъ, Ник. Ив. въ біографіи этого послѣдняго отнюдь не впадаетъ въ идолопоклонство передъ нашимъ геніальнымъ государемъ: онъ рѣзко осуждаетъ его жестокость, говоритъ, что, задавшись отвлеченной идеей государства, Петръ приноситъ ей въ жертву «временное благосостояніе народа», но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно отгораживаетъ свое міровоззрѣніе отъ славянофильскихъ филиппикъ противъ Петра и слащавой идеализаціи московской старины, говоря, что до него «Россія погружена была въ невѣжество и хвалилась своимъ ханжескимъ, обрядовымъ благочестіемъ», и величала себя «новымъ Израилемъ», а на самомъ дѣлѣ не представляла ничего подобнаго. Указавъ на всѣ темныя стороны характера Петра, Костомаровъ, въ заключеніе его біографіи, говоритъ: «При всемъ этомъ Петръ, какъ историческій государственный дѣятель, сохранилъ для насъ въ своей личности такую высоконравственную черту, которая невольно привлекаетъ къ нему сердца: эта черта—преданность той идее, которой онъ всецѣло посвятилъ свою душу въ теченіи своей жизни. Онъ любилъ Россію, любилъ русскій народъ, любилъ его не въ смыслѣ массы современныхъ и подвластныхъ ему русскихъ людей, а въ смыслѣ того идеала, до какого желалъ довести этотъ народъ; и вотъ эта-то любовь составляетъ въ немъ высокое качество, которое побуждаетъ насъ, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя въ сто-

ронѣ и его кровавыя расправы, и весь его деморализующій деспотизмъ, отразившійся зловреднымъ вліяніемъ и на потомствѣ. За любовь Петра къ идеалу русскаго народа русскій человѣкъ будетъ любить Петра до тѣхъ поръ, пока самъ не утратитъ для себя народнаго идеала, и ради этой любви проститъ ему все, что тяжелымъ бременемъ легло на его памяти».

Въ заключеніе отмѣтимъ еще взглядъ Николая Ивановича на одно, въ высокой степени важное, явленіе русской исторіи: мы разумѣемъ расколъ. Въ статьѣ «Исторія раскола у раскольниковъ» (1871 г.) онъ, въ противоположность тѣмъ ученымъ, которые «привыкли видѣть въ расколѣ одну тупую любовь къ старинѣ, бессмысленную привязанность къ буквѣ», высказываетъ мнѣніе, что «расколъ былъ крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса..... То, что признавалось тупо, какъ дѣдовскій обычай, то, чему слѣпо вѣрили, не размышляя, то самое пришлось защищать, «слѣдовательно пришлось многому поучиться. Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка», ввелъ «русскій народъ въ чуждую ему до того времени область мысленнаго труда».

На этомъ мы оканчиваемъ нашъ краткій очеркъ жизни, общественныхъ и научныхъ взглядовъ и обзоръ главнѣйшихъ произведеній Николая Ивановича. Правда, ему не удалось, не смотря на болѣе чѣмъ 40-лѣтнее занятіе русской исторіей, выполнить въ полномъ объемѣ тѣ требованія и задачи, которыя онъ ставилъ нашей наукѣ, но нельзя не признать, что онъ въ высокой степени содѣйствовалъ своимъ замѣчательнымъ талантомъ оживленію русской исторіографической дѣятельности, заставилъ гораздо большую массу читателей, чѣмъ было до того, интересоваться событіями нашего прошлаго и много поработалъ для подробнаго изученія не только внѣшней стороны исторіи, но и внутренняго быта русскаго народа и для правильной характеристики нашихъ выдающихся дѣятелей. Нельзя не признать, что въ высшей степени производительная дѣятельность Николая Ивановича оставила громадныя слѣды почти во всѣхъ отдѣлахъ русской исторіи. Что же касается до фактовъ его біографіи, то они имѣютъ для насъ огромное, поучительное значеніе. Его продолжительная борьба со всевозможными препятствіями и злоключеніями, его изумительная энергія въ трудѣ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, его упорство въ продолженіи своихъ работъ почти на одрѣ смерти,—однимъ словомъ вся его безукоризненно-честная дѣятельность можетъ послужить великимъ образцомъ для всѣхъ работниковъ какъ на научномъ полѣ дѣятельности, такъ и въ иныхъ сферахъ.

В. И. Семевскій.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СЛАВЯНЪ

въ 1877—1878 гг.

Посмертныя Записки генер. отъ инфантеріи П. Д. Зотова.

О послѣдней русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. «Русская Старина» представила довольно много статей, воспоминаній и матеріаловъ. Но число данныхъ въ исторіи этой кампаніи могло бы быть гораздо значительнѣе, если бы мы печатали записки лицъ, не занимавшихъ болѣе или менѣе видныхъ постовъ на театрѣ этой кампаніи въ рядахъ дѣйствовавшей арміи и бывшихъ, такъ сказать, вполнѣ рядовыми дѣятелями. Но сообщенія таковыхъ лицъ, если иногда представляютъ интересъ, то лишь для освѣщенія картины, для подробностей, такъ сказать, быта арміи. Другое дѣло — Записки лицъ, у которыхъ до извѣстной степени были въ рукахъ нити событій, которые были въ числѣ вожаковъ дѣла. Важность и значеніе таковыхъ записокъ для исторіи минувшей войны неоспоримы.

Къ числу таковыхъ записокъ принадлежатъ посмертныя записки — дневникъ бывшаго начальника 4-го корпуса въ дѣйствовавшей арміи, генераль-лейтенанта (впослѣдствіи полнаго генерала) Павла Дмитриевича Зотова. — Вотъ очеркъ его службы ¹⁾.

Происходя изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, Павелъ Дмитриевичъ Зотовъ родился 6-го іюля 1824 года, и, по окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ, 2-го августа 1843 г., на службу прапорщикомъ въ 14-ю артилерійскую бригаду. По истеченіи трехъ лѣтъ службы въ артилеріи, въ 1846 году, онъ поступилъ въ Воен-

¹⁾ Заимствуемъ этотъ очеркъ изъ некролога П. Д. Зотова († 1879 г.), помѣщеннаго въ „Русскомъ Инвалидѣ“.

ную академію; окончивъ тамъ курсъ по первому разряду, Зотовъ въ 1850 году переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ поручикомъ. Назначенный старшимъ адъютантомъ по части генеральнаго штаба въ штабъ гвардейскаго корпуса и произведенный въ штабсъ-капитаны, Павелъ Дмитріевичъ, въ 1853 году, читалъ тактику старшимъ офицеромъ гвардіи.

Произведенный въ 1857 году въ полковники, Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ былъ отчисленъ отъ должности старшаго адъютанта съ назначеніемъ на службу въ кавказскую армію.

По прибытіи въ Тифлисъ, полковникъ Зотовъ, по распоряженію главнокомандующаго, былъ командированъ въ Терскую область, для участвованія въ предполагавшихся военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ сентябрѣ 1857 года былъ предпринятъ набѣгъ въ Аргунское ущелье, а въ октябрѣ составленъ особый отрядъ для дѣйствій въ Малой Чечнѣ. Выступивъ 19-го октября изъ лагеря, отрядъ занялъ съ боя аулъ Чижнакой, истребилъ аулы на правомъ берегу р. Мартана и отбилъ скотъ близъ аула Чечень. За отличіе, оказанное полковникомъ Зотовымъ въ дѣлахъ съ горцами, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами и назначенъ начальникомъ штаба войскъ Терской области.

Въ этомъ званіи Павелъ Дмитріевичъ явился уже болѣе виднымъ дѣятелемъ.

Въ началѣ 1858 года дѣйствія въ Чечнѣ приняли серьезный характеръ и войска наши, двинувшись въ Аргунское ущелье, послѣ уничтоженія нѣсколькихъ ауловъ, приступили къ заложенію Аргунскаго укрѣпленія, съ цѣлью болѣе прочнаго утвержденія въ ущельѣ. Заложеніе укрѣпленія сопровождалось горячими схватками съ непріателемъ и разореніемъ многихъ ауловъ. Чеченскій отрядъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, имѣлъ почти ежедневныя стычки съ непріателемъ, проводилъ просѣки, исправлялъ дороги, уничтожалъ аулы, заложилъ Шатовское укрѣпленіе и, наконецъ, утвердился на пространствѣ между Терекомъ и верховьями Аргуна. Тринадцать горскихъ обществъ изъяснили покорность и для защиты ихъ отъ нападеній тавлинцевъ было заложено укрѣпленіе Евдокимовское. Участіе Павла Дмитріевича въ этихъ дѣйствіяхъ, продолжавшихся съ 14-го января по 31-е декабря, было вполне оцѣнено. Будучи всего только два года полковникомъ, онъ, 12-го апрѣля 1859 года, произведенъ былъ въ генераль-майоры.

Въ 1859 году на долю чеченскаго отряда выпало взятіе штурмомъ укрѣпленнаго аула Ведень, резиденціи Шамиля, и генераль-майоръ Зотовъ за свою храбрость и дѣятельность, оказанныя при этомъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами.

1-го января 1861 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ Кубанской области и находился въ дѣйствующемъ адагумскомъ отрядѣ. Выступивъ 28-го января изъ абинскаго лагеря къ укрѣпленію Григорьевскому, отрядъ двинулся вверхъ по рѣкѣ Шебша и ея притокамъ, раззоривъ многіе аулы и, пройдя черезъ Хомутовскій постъ на правый берегъ р. Кубани, возвратился на линію. За эти дѣйствія генераль-маіоръ Зотовъ награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 1-й степени съ мечами, и вслѣдъ затѣмъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ кавказской арміи.

Въ 1863 году Павелъ Дмитріевичъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками Кубанской области, и вслѣдъ затѣмъ (6-го ноября 1863 г.) командующимъ вновь формируемою 40-ю пѣхотною дивизіею.

22-го августа 1864 года П. Д. Зотовъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, въ томъ же году назначенъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи съ зачисленіемъ въ генеральный штабъ, а въ февралѣ 1869 года—начальникомъ 11-й пѣхотной дивизіи.

Въ октябрѣ 1871 года генераль-лейтенантъ Зотовъ зачисленъ по генеральному штабу, а въ іюнѣ 1872 года назначенъ начальникомъ 28-й пѣхотной дивизіи. Этою послѣднею дивизіею Павелъ Дмитріевичъ командовалъ до назначенія его, въ февралѣ 1877 года, командиромъ 4-го армейскаго корпуса, съ которымъ и поступилъ въ составъ арміи, дѣйствовавшей въ Европейской Турціи въ войну 1877—1878 гг.

Не вдаваясь здѣсь въ подробности относительно дѣятельнаго участія его въ тяжелыхъ плевненскихъ операціяхъ, упомянемъ лишь бой 19-го августа 1877 г. подъ Пелишатою и Зголевицами, въ которомъ генераль-лейтенантъ Зотовъ, выдержавъ весьма настойчивыя атаки непріятеля, опрокинулъ турокъ и заставилъ ихъ отступить съ значительными потерями. По окончаніи кампаніи, онъ былъ назначенъ, уже въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, членомъ военнаго совѣта и въ этомъ званіи оставался до дня кончины, послѣдовавшей въ 1879-мъ году, на 56 году отъ рожденія.

Въ послѣдніе годы своей службы Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ былъ награжденъ орденами: св. Анны 1-й степени съ императорскою короною, св. Владиміра 2-й степени съ мечами, Бѣлаго Орла и св. Александра Невскаго съ мечами и алмазными знаками.

Представляемыя Записки генерала Зотова неоспоримо имѣютъ большой интересъ и значеніе по отношенію къ послѣдней борьбѣ Россіи съ Турціей, для каковой войны началась уже пора исторіи.

Записки П. Д. Зотова важны, во-первыхъ, какъ свидѣтельство очевидца, во-вторыхъ—какъ показанія одного изъ самыхъ главныхъ дѣятелей войны 1877 г. Конечно, нельзя сказать, чтобы полное безпри-

страстиѣ всегда руководило перомъ этого генерала,—человѣка, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго, честнаго, благороднаго, въ высокомъ значеніи этого слова. Стоя въ водоворотѣ событій, вынося на себѣ массу непріятностей, массу нареканій и укоризнь — онъ, какъ весьма понятно, не могъ не волноваться въ тѣхъ или другихъ неудачахъ и непріятностяхъ. Строгий къ себѣ, онъ иногда строгъ въ отзывахъ и о другихъ. Но не надо забывать, что записки свои онъ писалъ не для печати, исключительно для себя, а потому не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что писалъ вполне искренно: не было смысла заносить въ свой дневникъ отзывы и замѣтки, въ полную справедливость которыхъ онъ не былъ глубоко и совершенно искренно убѣжденъ.

Будущій историкъ событій 1877—1878 гг., конечно, взвѣситъ свѣдѣтельство и показанія генерала П. Д. Зотова и дастъ имъ надлежащее мѣсто въ литературѣ военной исторіи, въ изслѣдованіи о русско-турецкой борьбѣ 1877—1878 гг.

Р е д.

I.

Мобилизація.—Необходимость энергичнаго образа дѣйствія.—Главная квартира въ Плоэшти.—Передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ.—Переправа у Систова.—Санитарные поѣзда.—Постройка желѣзной дороги отъ Бендеръ до Галаца.—Отношеніе къ намъ румынъ.—Конвенція, заключенная съ румынскимъ правительствомъ.—Инструкція о довольствѣ войскъ.

4 апрѣля 1877 г. Минскъ. Сегодня, часа въ 3 пополудни, получена отъ гр. Гейдена телеграмма о мобилизаціи 4-го армейскаго корпуса; телеграмма была шифрованная. Странная вещь, неужели предполагаютъ возможнымъ сохранить въ секретѣ мобилизацію корпуса, да и для чего изъ этого дѣлать секретъ, когда всѣмъ уже извѣстно, что мы наканунѣ объявленія войны и что уже семь корпусовъ и часть кавказской арміи поставлены на военное положеніе. Пузановъ совсѣмъ растерялся, нервы его такъ расходились, что онъ весь дрожитъ и не можетъ отдавать приказаній; на улицѣ встрѣтилъ Граве съ женою, ѣдущихъ въ коляскѣ, оба въ слезахъ. Мое настоящее положеніе также замѣчательно: съ 19 февраля, когда я назначенъ командиромъ корпуса, по 4 апрѣля прошло полтора мѣсяца, а у меня штаба нѣтъ, да и начальникъ штаба, вмѣсто того, чтобы прибыть къ корпусу и формировать штабъ, уѣхалъ въ Вѣну за крестикомъ.

10 апрѣля 1877 г. Могилевъ. Война объявлена и, конечно, она должна быть съ нашей стороны наступательная, для которой первое условіе успѣха значительный перевѣсъ въ силахъ. Достаточно-ли ихъ у насъ? Въ Европейской Турціи, по газетнымъ свѣдѣніямъ, подъ ружьемъ 250 т. армія; мы мобилизовали 8 корпусовъ, изъ нихъ, какъ говорятъ, два назначаются для охраненія сѣвернаго побережья Чернаго моря, слѣдовательно, къ половинѣ іюня на Дунаѣ можно сосредоточить 6 корпусовъ, которые въ суммѣ съ придаточными частями составятъ менѣе 200 т.

Въ 1828 и 1853 годахъ мы уже были наказаны за нарушеніе основныхъ принциповъ стратегіи — не пренебрегать непріятелемъ и всегда стараться быть сильнѣе его, но, повидимому, уроки эти не пошли въ прокъ.

Мы увлекоемся впечатлѣніемъ успѣшныхъ дѣйствій Черняева въ Сербіи, разсказами о томъ, что турки бѣгутъ при видѣ большихъ русскихъ сапогъ; передъ Севастопольскою кампаніею мы вѣдь тоже похвалялись, что шапками забрасоаемъ непріятели. Правда, что Герцеговинское возстаніе и Сербская война громко заявляютъ о видимомъ безсиліи турокъ; но все же въ Турецкой имперіи 28.000.000 воинственнаго населенія, изъ которыхъ три четверти магометанъ, готовая армія въ 250 т., — да сверхъ того нельзя не принять въ соображеніе и то, что, вѣроятно, Турція къ войнѣ съ Россіей отнесется болѣе серьезно, нежели къ возстанію подвластныхъ ей христіанъ; тутъ дѣло вѣдь будетъ идти о жизни и смерти Оттоманской имперіи; мы гальванизуемъ такъ называемаго больнаго человѣка, не даемъ ему спокойно умереть; быть можетъ въ этомъ полуразрушенномъ организмѣ и возбудится неожиданно сильная реакція. Оставивъ даже въ сторонѣ всякую тактику и стратегію, не говорить ли намъ простой здравый смыслъ, что ежели кого хочешь сбить съ ногъ, то лучше хватить его разомъ двумя кулаками, а не однимъ. При отсутствіи нашего Черноморскаго флота и при господствѣ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, операціонною нашею линіею уже не можетъ быть береговая восточная полоса Турціи; переправу черезъ Дунай придется произвести выше Силистріи, а можетъ быть и выше Русука; коммуникаціонная наша линія вдоль Дуная, усѣяннаго турецкими крѣпостями, будетъ тянуться верстъ на триста и болѣе,—нужно ее прикрыть; затѣмъ, послѣ переправы чрезъ Дунай мы врѣзываемся въ середину расположенія непріятельской арміи, слѣдовательно, сообщенія наши нужно прикрывать съ обѣихъ фланговъ, какъ-же тутъ обернуться шестью корпусами, особенно при настоящемъ ихъ слабомъ составѣ. Мнѣ кажется, что въ моментъ переправы чрезъ Дунай нужно имѣть подъ рукою минимумъ 8 корпусовъ: одинъ временно оставить

на лѣвомъ берегу; по два корпуса бросить направо и налѣво послѣ переправы; а съ остальными тремя ломить прямо за Балканы. По всей вѣроятности въ этомъ дѣлѣ играетъ важную роль экономическій вопросъ; но наша экономическая система всегда основывалась на фальшивомъ фундаментѣ; мы всегда стремимся въ настоящемъ сѣкономить хоть нѣсколько тысячекъ, не соображая, что впоследствии за это приплатимъ десятки милліоновъ. Ежели мы сразу поставимъ на европейскомъ театрѣ войны 350 т., а въ Азіи 150 т., а всего 500 т., и положимъ, что ежедневный расходъ, кромѣ обыкновеннаго военнаго бюджета, будетъ въ 1.000,000 р., то, имѣя шансы окончить кампанію въ 3 мѣсяца, война обойдется Россіи въ 100 милліоновъ; ежели же неудачное начало затянетъ насъ въ войну на цѣлый годъ, и мы въ концѣ-концовъ все-таки должны будемъ поставить противъ турокъ полмилліона бойцовъ, то война намъ обойдется современемъ вчетверо дороже,—а какъ вдругъ, къ довершенію всѣхъ невзгодъ, время сдѣлается нашимъ врагомъ, благопріятныя политическія условія для насъ въ Европѣ измѣнятся и Турція пріобрѣтетъ въ Англіи и Австріи вмѣсто тайныхъ явныхъ союзниковъ,—вѣдь дѣло будетъ совсѣмъ скверно. Не желалъ бы быть какимъ нибудь *oiseau de maille augure*, а все же мнѣ кажется, что мы дѣлаемъ большую ошибку, начиная войну съ такими недостаточными силами.

Минскъ. 13-го апрѣля. Послѣдніе дни работа кипѣла, люди и лошади прибывали; всѣ части укомплектованы и съ завтрашняго дня готовы къ выступленію. Ежели я сказалъ, что части укомплектованы, то я выразился неточно: въ каждомъ полку некомплектъ, который въ нѣкоторыхъ полкахъ переходитъ за 100 человекъ. На бумагѣ министерство сдѣлало расчетъ точный, но на практикѣ онъ оказался невѣренъ: поступило отпускныхъ менѣе, чѣмъ слѣдовало, а между тѣмъ, въ расчетѣ на полное число отпускныхъ, полки отправили въ запасные баталіоны предполагаемый излишекъ изъ людей послѣдняго набора, молодыхъ, здоровыхъ, почти вполнѣ обученныхъ, которыхъ ротные командиры уже знали; въ замѣнъ же получили изъ отпускныхъ многихъ больныхъ и слабосильныхъ и по большей части совершенныхъ неучей. И странно, сдѣлали это въ пѣхотѣ, гдѣ не нужна и не сдѣлали въ кавалеріи, гдѣ это было совершенно необходимо; также оставили въ рядахъ послѣдній контингентъ, который еще не выучился не только ѣздить верхомъ, но и ходить за лошадыю; а старыхъ кавалеристовъ изъ отпускныхъ поназначали въ резервные баталіоны и парки. Конская повинность выполнена въ общихъ чертахъ хорошо; но во-первыхъ, ло-

шадей дали лучшихъ тамъ, гдѣ губернаторъ, а слѣдовательно и прочія гражданскія власти, отнесся къ дѣлу серьезно; такъ, въ Минской губерніи поставили большею частью вполне годныхъ лошадей, потому что губернаторъ Чарыковъ составляетъ рѣдкое и отрадное явленіе въ кастѣ російскихъ представителей власти; это человѣкъ вполне умный, добронамѣренный, дѣятельный, чуждый всякой глупой фанаберіи; въ Могилевской губерніи противное, такъ какъ г. Дембовецкій подходитъ къ общему типу губернаторовъ, такъ мѣтко охарактеризованныхъ княземъ Мещерскимъ въ романѣ: «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ;» вся его специальность состоитъ въ наслажденіи величіемъ своего званія.

При сдачѣ лошадей необходимо было бы ввести условіе, чтобы лошадь была ѣзжалая и сверхъ того одному лицу невозможно въ сутки принять 100 лошадей: непременно проскочать нѣсколько лошадей, вполне негодныхъ для предстоящей имъ службы. Слѣдовало бы также допускать офицеровъ всѣхъ чиновъ, не исключая и генераловъ, получать лошадей изъ поставляемыхъ населеніемъ, такъ какъ цѣны для покупки назначены слишкомъ малыя, а лошади въ это время становятся дороже.

Хотя мы совершенно готовы къ выстуplenію, но движеніе приказано начать съ 28 апрѣля и притомъ на Кіевъ и Брестъ. Ежели отъ этихъ пунктовъ и двинутся немедленно далѣе на театръ войны, то все же корпусъ прибудетъ двумя недѣлями позже, а это срокъ, въ который можетъ совершиться многое. Эта проволочка, конечно, вслѣдствіе неисправностей или недостатка средствъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ; но отчего же не направить корпусъ сухопутьемъ, стоитъ дешевле и крайне было бы полезно втянуть людей и лошадей въ походную жизнь. Для облегченія движенія можно бы было часть ненужныхъ и никуда негодныхъ нашихъ обозовъ отправить по желѣзнымъ дорогамъ. Въ Кіевъ и Брестъ корпусъ собирается со 2 по 8 мая.

16-го мая. Кіевъ. Ѣздилъ въ Плоэшти къ великому князю. Впечатлѣніе пріятное. Его в—во держитъ себя серьезно; спрашивалъ о частныхъ начальникахъ; мнѣ говорили, что въ штабѣ интриги не допускаются. Непокойчицкій личность спокойная, степенная; но кажется избытокъ апатіи. Левицкій, напротивъ, все суетится, хотя имѣть тонъ профессора; кажется, особенной устойчивости въ идеяхъ нѣтъ.

Кажется, переправу думаютъ совершить между Никоподемъ и Рушукомъ, впрочемъ еще дѣлаются рекогносцировки и по всей вѣроятности переправляться будутъ около половины іюня.

Такъ какъ голова 4-го корпуса должна переходить границу 1-го юня, то мы поспѣемъ къ переправѣ, разумѣется, составляя резервъ арміи. Въ главной квартирѣ многіе адъютанты и ординарцы уже увѣшаны отличіями. Струковъ уже получилъ золотую саблю и Георгія за подвиги на нижнемъ Дунаѣ. Недоволенъ былъ тѣмъ, что потопленіе турецкаго броненосца я признавалъ не особымъ подвигомъ, а счастливою случайностью. Личность Струкова, имѣющаго, говорятъ, большое вліяніе, невольно заставляетъ сомнѣваться въ отсутствіи интригъ въ главной квартирѣ. Наиболѣе заслуживающимъ довѣріе мнѣ показался начальникъ артиллеріи, кн. Масальскій.

На пути слышалъ много разказовъ о знаменитомъ товариществѣ Грегера, Горвица и Когана; повидимому, это тоже что-то въ родѣ концессіи; войска жалуются на недостатокъ, несвоевременную доставку и на недоброкачественность продуктовъ; но товарищество сильно поддерживается штабомъ арміи, при которой состоитъ, сверхъ того, и о громный персоналъ интендантскихъ чиновниковъ. Обыкновенно сторонники интендантства въ мирное время указывали на войну, гдѣ вполнѣ выкажется польза этого рутиннаго и вреднаго для арміи учрежденія и какъ нарочно съ началомъ войны нашли нужнымъ, кромѣ министерскаго интендантства, завести еще новое армейское интендантство въ лицѣ товарищества. Жалуются также на страшныя неурядицы на желѣзныхъ дорогахъ, какъ нашихъ, такъ и въ особенности румынскихъ. На нашихъ одновременно распоряжаются: штабъ арміи, Анненковъ и Мещериновъ; а у семи нянекъ, какъ извѣстно, дитя бываетъ безъ глазъ.

Составленные планы въ исполненіе никогда не приводятся; поѣзда постоянно опаздываютъ; въ назначенныхъ пунктахъ войска нищѣ не получаютъ; лошадей по нѣсколько сутокъ изъ вагоновъ не выводятъ, такъ какъ останавливаются на запасныхъ путяхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ приспособленій къ высадкѣ.

Вотъ на выдержку одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ неурядицы: Чугуевскій уланскій полкъ долженъ былъ, по росписанію, садиться на желѣзную дорогу, въ мѣстѣ расположенія своего, въ городѣ Дубно. Наканунѣ того дня, ночью, получается телеграмма, что полкъ долженъ садиться въ Сдолбуновѣ (за 45 в.) завтра въ 12 ч. дня. Полкъ ночью по тревогѣ поднимается, идетъ на рысяхъ въ Сдолбуново и застаётъ тамъ вагоны, назначенные для его посадки; но увы, вагоны эти уходятъ въ Дубно и полкъ на рысяхъ возвращается въ Дубно, чтобы поспѣть туда къ 3 час. пополудни— часу, назначенному для начала посадки.

Оказывается, что ночью полученная телеграмма была недоразумѣніемъ. (Со словъ Салова).

Еще болѣе жалобъ на румынскія дороги. Вслѣдствіе заключенной съ компаніями конвенціи, мы стережемъ и ремонтируемъ дорогу, а за это пользуемся перевозкой, по уменьшенному тарифу, который, вслѣдъ за заключеніемъ конвенціи, былъ поднятъ настолько процентовъ, что намъ приходится платить по всегдашнему пассажирскому тарифу. Опаздываніе поѣздовъ злѣсь, какъ и у насъ, хроническая болѣзнь, только въ гораздо сильнѣйшемъ развитіи. Въ Унгенахъ мы сидѣли въ вагонахъ около часа и начальникъ станціи, австрійскій чиновникъ, подъ разными предлогами не отправлялъ поѣзда; такъ что въ Яссы мы опоздали на полчаса и должны были тамъ заночевать. Говорятъ, что это повторяется изо дня въ день, потому что австрійскій чиновникъ въ стачкѣ съ яскими содержателями гостинницъ.

Въ Унгенахъ я, между прочимъ, засталъ 17 скопившихся поѣздовъ; на нихъ находились части 9-го корпуса (31-я дивизія), голова котораго была около Краіова.

Воровство вагоновъ на станціяхъ дѣло самое обыкновенное: изъ Фратешти или Букареста въ теченіи сутокъ отправлено, напр., 200 вагоновъ, а въ Яссы ихъ прибываетъ только 170 или даже 150; остальные отцѣплены на разныхъ станціяхъ и употребляются для торговыхъ цѣлей; а между тѣмъ на каждой станціи видишь нашихъ солдатъ резервныхъ баталіоновъ, и на большинствѣ комендантовъ, не имѣющихъ, однако, никакихъ правъ надъ желѣзно-дорожной администраціей. Казалось бы—чего проще какъ увѣдомлять комендантовъ по телеграфу о числѣ отправленныхъ пустыхъ вагоновъ и такимъ образомъ контролировать ихъ, въ особенности на тѣхъ станціяхъ, гдѣ отдѣляются боковыя вѣтви. Всѣ эти безпорядки приписываютъ мошенничеству румынскихъ, австрійскихъ и польскихъ чиновниковъ, эксплуатаціи, неспособности отъ насъ поставленнаго инспектора Горчакова, а равно и Каталя, который, въ свою очередь, жалуется на недостатокъ данныхъ ему правъ.

Варшавскій утверждаетъ, что въ январѣ акціи румынскихъ дорогъ (наименьшая цѣна 50 р.) были по 8 р., и онъ предлагалъ купить за 12 милліоновъ всѣ дороги, но Р*** не согласился. Въ настоящее время, благодаря перевозкѣ нашихъ войскъ и тяжестей, акціи поднялись уже до 25 р., слѣдовательно, въ 5 мѣсяцевъ затраченный капиталъ далъ бы 200 на 100; всѣ дороги намъ бы принадлежали, эксплуатація была бы вполнѣ въ нашихъ рукахъ, деньги: платимыя за перевозку, остались бы въ Россіи, война могла бы скорѣе окончиться; но Р*** призналъ операцію невыгодною,—образчикъ російскаго государственнаго хозяйства.

П. Павловъ, комендантъ Яссы, рассказываетъ, что ежедневно на

этапъ прибываетъ около 100 чел. выздоравливающихъ и больныхъ. Каталей и штабъ арміи отказываютъ ему въ дислокаціи войскъ, и онъ не знаетъ, куда отправлять этихъ людей.

27-го іюня. Букарестъ. Выступление корпуса нѣсколько разъ отлагалось; кавалерія направлена, по моей просьбѣ, сухопутьемъ до Бендеръ; пѣхотныя дивизіи и парки отправлены желѣзными дорогами во второй половинѣ іюня, причемъ 16 дивизію высадили въ Бендерахъ и направили сухопутьемъ къ Букаресту, выдѣливъ Владимірскій полкъ съ батареею и казачій № 4 на низовья Дуная,—начало дробленія корпуса, растянутаго отъ Букареста, почти до Кіева.

По прибытіи въ Букарестъ наши обозы и лошадей въ теченіи 10 часовъ не выпускали изъ вагоновъ и не хотѣли дать штабу помѣщеніе. Комендантъ города Говынскій заявилъ, что онъ и не знаетъ о прибытіи 4-го корпуса. А Каталей на запросъ Новицкаго: гдѣ 16 дивизія? отвѣчала, что это секретъ и онъ не можетъ объявить. Такъ какъ, по конвенціи съ румынами, Букарестъ не долженъ быть занимаемъ русскими войсками, то и корпусный штабъ помѣстили за городомъ на мызѣ Бончосъ. Мнѣ Каталей откровенно сознался, что ему, начальнику тыла арміи, неизвѣстно гдѣ 16 дивизія; видно, что въ тылу арміи большой порядокъ!

Въ теченіи того времени, пока 4-й корпусъ собирался и двигался, армія 15-го іюня переправилась за Дунай у Систова. Великій князь весьма искусно скрылъ свой планъ и переправа стоила намъ всего около 700 ч. потери. У Систова переправились 8, 9, 11-й (безъ одной бригады пѣхоты и бригады кавалеріи), 12 и 13-й корпуса. Циммерманъ съ 14 корпусомъ демонстрировалъ на низовьяхъ Дуная. Сверхъ того, при главныхъ силахъ есть стрѣлковая бригада и сводная казачья дивизія и 6 полковъ, всего около 150 т. Маловато для рѣшительнаго и быстрого наступленія въ центръ 250 т. непріятельской арміи!

Не знаю навѣрное, когда мой корпусъ соберется, но, вѣроятно, перейдетъ Дунай только около половины іюля; къ этому времени можетъ поспѣть и корпусъ Циммермана, это увеличить численность арміи еще на 60 т.; но и этого мало для наступательныхъ операцій, да къ тому же вѣдь нужно еще часть войскъ оставить на лѣвомъ берегу Дуная, для прикрытія нашей коммуникаціонной линіи въ 300 слишкомъ верстъ; для этого вѣдь недостаточно одной дивизіи Вережкина, занимающей низовья Дуная, и бригады пѣхоты съ двумя полками кавалеріи Аллера, стоящихъ въ Журжевѣ и занимающихъ слабымъ кордономъ линію Дуная отъ Гирлова до Рахова, слишкомъ 300 верстъ.

Что ежели турки въ Туртукаѣ или Силистрии перебросятъ небольшой отрядъ (5—10 т.) пѣхоты на лѣвый берегъ, укрѣпятся здѣсь и затѣмъ тысячь десять кавалеріи (черкесовъ и баши-бузуковъ) направлять въ Румынію для овладѣнія желѣзной дорогой, по которой тянутся наши войска и запасы и на разныхъ пунктахъ которой сложены наши жизненные и боевые запасы? Или подобной предпримчивости отъ турокъ ожидать нельзя?

29-го іюня. 16 дивизія нашлась. Эшелоны прибываютъ къ Букаресту 2—4 іюля.

30-го іюня. Изъ главной квартиры пріѣхалъ К. Кантакузинъ съ вопросомъ, гдѣ 16 дивизія? Вотъ до чего доведена секретная часть въ штабѣ арміи,—самъ штабъ не знаетъ, гдѣ одна изъ дивизій арміи, слѣдующая по маршруту того же штаба.

Сравнить подобную скрытность съ существованіемъ цѣлыхъ сотенъ жидовскихъ агентовъ товарищества, которые, конечно, должны знать, гдѣ и когда каждая частичка арміи обрѣтается. Впрочемъ, по словамъ Левинсона, агента товарищества, акредитованнаго при 4-мъ корпусѣ со всевозможными обѣщаніями, и для товарищества бывають иногда секреты. Такъ, почтеннѣйшій агентъ повѣствуетъ, что однажды данъ товариществу нарядъ заготовить къ извѣстному числу 10,000 хлѣбовъ въ Боэвешти. На запросъ—гдѣ Боэвешти? Полученъ отвѣтъ штаба: «посмотрите на картѣ». По картѣ оказалось въ Валахиі четыре селенія, имѣющихъ названіе Боэвешти. Товарищество исполнило нарядъ въ двухъ Боэвешти, а войска яко-бы прибыли въ третье, гдѣ не было заготовки. *Se non e vero, e ben trovato.*

Составили маршрутъ движенія за Дунай: 30-я дивизія до Фратешти по желѣзной дорогѣ, 16-я дивизія и кавалерія отъ Букареста до Зимлины сухопутьемъ; пѣхота соберется въ Царевицу съ 7 по 17; кавалерія начинаетъ прибывать съ 19; такимъ образомъ съ 7 по 19 пѣхота будетъ стоять одна, не имѣя ни одного кавалериста, для посылки съ приказаніями или донесеніями; хотя мы будемъ прикрыты въ резервѣ расположеніемъ другихъ войскъ, но все же можетъ встрѣтиться надобность производить развѣдки. На театрѣ войны не слѣдовало бы такъ дѣлить войска; въ головѣ долженъ быть непремѣнно авангардъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Итакъ, 4-й корпусъ, послѣ окончанія мобилизаціи, прибываетъ на театръ военныхъ дѣйствій черезъ три слишкомъ мѣсяца. Ежели бы въ половинѣ апрѣля корпусъ былъ направленъ сухопутьемъ, то при-

былъ бы, пожалуй, раньше, втянулся бы въ походъ, а правительству стоило бы дешевле.

Движенія по желѣзнымъ дорогамъ изнуряли въ жаркое время людей и лошадей до крайности и замедлялись обгонявшими поѣздами съ обозами императорской квартиры и санитарными поѣздами, которые считали необходимымъ приближать къ театру военныхъ дѣйствій раньше, чѣмъ войска, для которыхъ они могутъ понадобиться.

И зачѣмъ эта неумѣстная роскошь и извѣстный комфортъ въ санитарныхъ поѣздахъ? Тяжело раненыхъ, для которыхъ необходимъ полный комфортъ, бываетъ только весьма незначительное число, всѣ же раненые будутъ довольны и помѣщеніемъ въ вагонахъ 2-го класса, а за тѣмъ движеніе раненыхъ въ санитарныхъ поѣздахъ можетъ начаться только отъ Фратешти; а до этого пункта съ поля сраженія ихъ повезутъ, вѣроятно, на воловыхъ подводахъ, а легко раненые пойдутъ пѣшкомъ.

Оказывается, что корпусъ Циммермана не будетъ присоединенъ къ арміи, а по переходѣ черезъ Дунай будетъ дѣйствовать въ Добруджѣ съ цѣлью отвлекать силы непріятели отъ главнаго театра дѣйствій. Но надолго ли ему удастся обманывать непріятели? Турки, вѣроятно, скоро разгадаютъ, что это демонстрація, и противъ 30 т. могутъ оставить только какихъ нибудь 10 т., въ полной увѣренности, что одинъ корпусъ слишкомъ слабъ для рѣшительныхъ, самостоятельныхъ дѣйствій и не рискнетъ ворваться въ четырехугольникъ крѣпостей между Варной, Шумлой, Силистріей и Рущукомъ. Итакъ, къ низовью Дуная, безъ особенной пользы, приковано 40,000 (считая дивизію Веревкина), а главныя силы, которыя должны рѣшить судьбу кампаніи, настолько же ослаблены, и теченіе Дуная отъ Гирсова вверхъ обезпечено весьма ненадежно.

Поговариваютъ о постройкѣ желѣзной дороги отъ Бендеръ въ Галацъ, — операція необходимая, въ военномъ отношеніи, такъ какъ черезъ это сокращается длина пути почти на 250 верстъ и притомъ большая половина по румынскимъ дорогамъ. Говорятъ даже, что вопросъ окончательно порѣшенъ, помимо всѣхъ закономъ установленныхъ формальностей, властью главнокомандующаго. Не дурно быть главнокомандующимъ съ такими правами; главное стѣсненіе главнокомандующаго, изъ обыкновенныхъ смертныхъ, всегда встрѣчалось въ денежномъ вопросѣ. А тутъ руки выходятъ совершенно развязаны; кампанія должна бы быть окончена скоро и блистательно. Но, къ сожалѣнію, поздно задумали строить дорогу, — вѣдь она можетъ быть готова только мѣсяца чрезъ три или четыре. А ежели къ этому времени война кончится? Правда, можно уходящую армію и запасы на-

править правымъ берегомъ Дуная на Галацъ и перевозить по желѣзной дорогѣ въ предѣлахъ Россіи; по крайней мѣрѣ, деньги за перевозку не достанутся румынамъ, этимъ явнымъ нашимъ союзникамъ а тайнымъ недоброжелателямъ и даже врагамъ. Жаль, что счастливая идея о постройкѣ желѣзной дороги не родилась ранѣе, напримѣръ, прошлую осень, когда войска сосредоточились въ Бессарабіи, — дорога могла бы быть готова къ началу войны.

Левенсонъ говоритъ, что ежедневный нарядъ товариществу простирается на 700,000 франковъ, слѣдовательно, ихъ безгрѣшный ежедневный доходъ 70,000 франковъ, а грѣховный—неизвѣстно.

4-го іюля. 16-я дивизія, сдѣлавъ походъ отъ Бендеръ до Букареста въ 400 верстъ, оставила больныхъ на полкъ отъ 12 до 20 человекъ; кавалерія, на пути отъ Кіева и Бердичева до Бендеръ, имѣла заболѣвшихъ всего 24 лошади, — процентъ крайне малый.

Тихменевъ жалуется, что на границѣ Румыніи, подъ предлогомъ могущей быть болѣзненности скота, остановили слѣдовавшій за дивизіей гуртъ скота въ 300 штукъ; сверхъ того, ходятъ слухи, что на румынскихъ таможахъ конфискуютъ слѣдующіе въ армію: чай, сахаръ, вина, табакъ; Левинсонъ увѣряетъ, что даже конфисковали 60 ящиковъ съ виномъ, слѣдовавшихъ на имя в. кн. главнокомандующаго. Между тѣмъ, вотъ что гласитъ XXIV пунктъ конвенціи:

«Le gouvernement Roumain accorde au gouvernement Russe, pour la durée du séjour des troupes Imperiales en Roumanie et au delà du Danube, la libre importation sur son territoire en franchise des droits et le libre transit de tous les articles et objets d'approvisionnement, de fourniture, de matériel et de munitions de guerre, destinés à l'usage de l'armée Imperiale, même de ceux dont l'entrée se trouvait être prohibée par les réglemens Roumains».

Правда, что эта статья конвенціи была впоследствии дополнена воспрещеніемъ ввоза, но не провоза табаку; но и только. Какъ же это румыны дозволяютъ себѣ конфискацію скота и проч.? Мы до такой степени строго исполняемъ конвенцію, что даже войска обходятъ кругомъ города, дѣлая лишнихъ нѣсколько верстъ; а эти жалкіе наши союзники, — провозгласившіе, благодаря присутствію нашихъ штыковъ, свою независимость, получившіе отъ насъ оружіе, болѣе тысячи лошадей, нѣсколько милліоновъ денегъ, — обогащаются почти постоянно, такъ какъ всѣ продукты покупаются у нихъ на золото; позволяютъ себѣ такъ мало уважать и бояться первостепенную державу Россію, которая имъ открыла мѣсто на картѣ Европы. Съ пруссаками этого бы не посмѣли дѣлать. Да я думаю и съ желѣзными дорогами Румыніи

пруссакъ поступили бы иначе: безъ всякихъ конвенцій, взяли бы дороги въ свою собственную эксплуатацію, назначивъ по своему усмотрѣнью вознагражденіе. А еще самъ канцлеръ кв. Горчаковъ проживаетъ въ Букарестѣ; правда, что онъ только посѣщаетъ разные *café-chantants* и особенно у Рашки, гдѣ таеетъ около *m-me K****. Въ царствованіе Николая I не хотѣли въ румынскихъ церквахъ поминать російскій императорскій домъ, а нынѣ конфискують вино вел. князя. Впрочемъ, законъ общій какъ для частныхъ лицъ, такъ и для народовъ: за сдѣланную услугу или одолженіе оплачиваютъ поскорѣе не благодарностью, чтобы покончить всѣ расчеты. На основаніи этого закона, воплнѣ на практикѣ непреложнаго, можно быть увѣреннымъ, что болгары и прочіе балканскіе славяне, которыхъ мы идемъ освобождать отъ турецкаго ига, согласно или противъ ихъ желанія, будутъ вполнѣ нашими заклятыми врагами.

Получены въ корпусномъ штабѣ первые приказы по арміи и служебныя корреспонденціи за апрѣль и май. Какова исправность полевого почтамта—корреспонденціи за апрѣль въ началѣ іюля! Необыкновенный курьезъ составляетъ инструкція о довольствѣ войскъ за границую, приложенная къ приказамъ отъ 2-го апрѣля № 71. Тутъ говорится, что интендантство указываетъ каждому эшелону пункты заготовленія; а 4 корпусу при его движеніи никто этихъ пунктовъ не указывалъ. На конечныхъ пунктахъ за Дунаемъ продовольствіе получаютъ отъ товарищества, но вмѣсто хлѣба муку; а кто же будетъ печь хлѣбъ? Запасы пополнять изъ транспортовъ, слѣдующихъ за войсками, а такихъ транспортовъ корпусу не дали. При покупкахъ стоимость купленнаго удостовѣрять свидѣтельствомъ мѣстныхъ властей (?) о рыночныхъ цѣнахъ и росписаніями продавцевъ; и въ мирное время подобная процедура почти невозможна, а въ военное, да еще въ иностранномъ государствѣ, подобное требованіе, въ меньшей мѣрѣ, нелѣпо. Разумѣется, оно и не оставлялось. Но главная вредная сторона дѣла та, что у насъ въ Россіи подобными неисполнимыми требованіями приучаютъ войска къ неисполненію и обману, — воспитаніе войскъ антипедагогическое. Другая инструкція о довольствіи войскъ за Дунаемъ (приказаніе отъ 31 мая № 121). Тутъ предписывается завести соломорѣзки и зернодробилки, и при кормѣ лошадей кукурузою дробить послѣднюю, каждое зерно на 3—6 кусковъ; при производствѣ покосовъ доносить на какомъ пространствѣ луга, сколько именно накошено сѣна и по чемъ обошелся пудъ. Удовольствіе при покупкахъ требуется также. При движеніи, на ночлегахъ, расходовать сухари изъ провіантскихъ телѣгъ; освободившіяся телѣги немедленно отправлять назадъ къ транспортамъ интендантскаго вѣдомства для пополненія израсходован-

наго и потомъ догонять свои части; транспорты же, въ большей части случаевъ, будутъ слѣдовать не далѣе одного перехода. Не правда ли, это до крайности практично? Во время полученія этихъ обѣихъ инструкцій корпусъ тянулся походомъ на пространство 500 верстъ отъ Бендеръ до Фратешти.

II.

За Дунаемъ.—Взятіе Тырнова.—Отрядъ Гурко.—Взятіе Никополя.—Румынскія войска.—Журжево.—Переправа у Зимвицы.—Почта.—Плевненская катастрофа.—Отличія и награды.—Назначеніе начальникомъ западнаго отряда.

5-го іюля. Получены телеграммы: «Ура! Гурко занялъ Тырновъ». Итакъ, мы шагнули за Дунаемъ верстъ на 70—80 и врѣзались въ предгоріе Балканъ. Для Гурко созданъ особый отрядъ изъ 3-хъ сводныхъ бригадъ кавалеріи (2 подъ командою принцевъ Николая и Евгенія Лейхтенбергскихъ; третья—казацья Чернозубова), стрѣлковой бригады и бригады болгарскаго ополченія,—начало разрушенія существующей въ войскахъ организаціи.

Зачѣмъ же въ мирное время существуютъ бригадные командиры и начальники дивизій, ежели въ военное приходится у нихъ отнимать части и поручать другимъ? Ежели начальники мирнаго времени не удовлетворяютъ своему назначенію, то, казалось, ихъ не слѣдовало бы имѣть, ибо, воспитывая войска, они приносятъ вредъ, а не пользу. Но неспособность начальниковъ еще не могла обнаружиться, вѣдь это еще начало войны; части кавалеріи, назначенныя въ отрядъ Гурко, только что начинаютъ свою боевую дѣятельность, но не подъ начальствомъ тѣхъ начальниковъ, къ которымъ они привыкли и которые ихъ знаютъ; свычка, сродство, взаимное довѣріе между начальникомъ и подчиненными, въ противность военному опыту всѣхъ временъ, считается, вѣроятно, излишнею роскошью. Начальникъ, видимо, считается чѣмъ-то отвлеченнымъ, идеей,—такъ ли это, ежели смотрѣть на дѣло съ практической стороны?

Судя по составу отряда Гурко видно, что онъ назначается для легкихъ, но блестящихъ побѣдъ; странно, что война начинается съ этого, когда еще арміи непріятели не видали. Какъ бы не послѣдовало разочарованіе; распредѣленіе остальныхъ силъ арміи мнѣ неизвѣстно, а потому нельзя вывести заключенія о цѣли дѣйствій и назначенія этого летучаго отряда: часть ли эта авангарда арміи, быстро направляемой чрезъ Балканы, куда можетъ быть потянулись и части ту-

репкой арміи, устрашенныя переправою чрезъ Дунай? имѣтъ ли назначеніемъ авангардъ этотъ отыскать присутствіе главныхъ силъ непріятеля? но тогда нужно было послать такіе же отряды вправо и влѣво. Толкуютъ, что это для производства рейдовъ, — странно начинать съ нихъ войну. Другіе говорятъ, что хотѣли поскорѣе захватить древнюю столицу Болгаріи, какъ центръ интеллигенціи, чтобы начать устраивать въ Болгаріи полное народное возстаніе,—на это послѣднее, мы, вторгнувшіеся въ центръ Болгаріи, имѣемъ болѣе шансовъ на успѣхъ, нежели Черняевъ въ прошломъ году. До сихъ поръ дѣло шло, кажется, довольно туго; въ Букарестѣ успѣли сформировать въ 1^{1/2} мѣсяца только 6 дружинъ.

Въ газетѣ L'Orient напечатано, что султанъ выразилъ Сардарь-Кериму-пашѣ свое неудовольствие за допущеніе русскимъ переправиться черезъ Дунай; тотъ, утѣшая султана, просить его величество не беспокоиться, ибо согласно составленному имъ плану никто изъ русскихъ не вернется на лѣвый берегъ Дуная. Самонадѣянность большая; а, впрочемъ, Богъ знаетъ, ежели мы слишкомъ неосторожно врѣжемся въ Балканы съ недостаточными силами, а турки обрѣжутъ ниточку, на которой мы висимъ; вѣдь на Дунаѣ для сообщенія арміи съ базой одинъ только понтонный мостъ. О 250 т. арміи турокъ покуда ни слуху, ни духу, какъ будто провалилась сквозь землю.

6-го іюля. Пришло извѣстіе о взятіи Криднеромъ Никополя; причѣмъ забрано 7,000 плѣнныхъ, 130 орудій и два монитора,—начало кампаніи блистательное; дай только Богъ, чтобы не закружилась голова у руководителей. Плѣнный Гассанъ-паша привезенъ въ Букарестъ и, разумѣется, составляетъ предметъ крайняго любопытства. Румыны отличаются страшнымъ нахальствомъ: рассказываютъ, что въ одномъ *café-chantant* кто-то изъ нашихъ офицеровъ, разговаривая съ румынскимъ, выразилъ мысль, что по блистательному началу кампаніи еще нельзя быть увѣреннымъ въ благополучномъ ея окончаніи. На это нашъ храбрый союзникъ улыбнулся и, потрепавъ фамиллярно по плечу пессимиста, сказалъ: «ne craignez rien, nous serons avec vous». Между тѣмъ кн. Оболенскій (воронежскій губернаторъ) рассказывалъ мнѣ, что во время польскихъ смутъ въ 1861 или 1862 г. въ Турціи сформировалась банда поляковъ, человекъ около 500, которая намѣревалась, переправясь черезъ Дунай, слѣдовать чрезъ Румынію и Трансильванію въ Галицію и Польшу. Тогдашній князь Гика или Стурдза собралъ противъ этой банды всѣ свои наличныя боевыя силы, до 7,000, и расположилъ ихъ на пути слѣдованія банды. Банда, однако, не смотря на свою малочисленность, въ виду румынскаго корпуса переправилась чрезъ Дунай и затѣмъ прошла поперекъ всей

Валахи. Румыны ее провожали, но атаковать не рѣшились,—вотъ какими доблестями можетъ похвастать наша союзная армія.

7-го іюля. Мы наканунѣ выступленія за Дунай, а при корпусѣ нѣтъ ни казначейства, ни интендантства, ни жандармской команды; вся наша кавалерія состоитъ изъ трехъ портупей-юнкеровъ № 4 донскаго полка, вышедшихъ изъ виленскаго юнкерскаго училища, которые, не розыскавъ своего полка, присоединились къ штабу корпуса.

8-го іюля. Относительно посадки на желѣзную дорогу получено два извѣщенія: въ 11 ч. вечера отъ Измайлова (распорядителя по отправкѣ)—быть въ 2 ч. на южной станціи Филареты; въ 1 ч. полуночи отъ коменданта—прибыть къ 10 ч. утра на Сѣверную станцію. Кому вѣрять, за справкою посылать далеко, и ночью всѣ спать; рѣшили повѣрить коменданту. Собираемся въ 9¹/₂ ч. на Сѣверную станцію, вагоновъ нѣтъ. Вагоны прибыли въ 2¹/₂ часа, нагрузка окончилась въ 5¹/₂ ч., двинулись въ 8 час. вечера и въ 9 прибыли на станцію Филареты, гдѣ и оставались до полуночи; такимъ образомъ въ теченіи 15 ч. сдѣлали 8 в. и обогнули городъ.

Въ 11¹/₂ ч. прибыли съ поѣздомъ два знамени взятыя въ Никополѣ; ихъ сопровождалъ въ Петербургъ свиты е. в. г.-м. Толстой (сынъ директора Чесменской богадѣльни). Встрѣтивъ меня, Толстой поздоровался и спросилъ:

— «А что, видѣли моего плѣннаго пашу? я съ нимъ дрался 10 ч., взялъ Никополь и вотъ», при этомъ онъ отвернулъ полу шинели и показалъ пожалованную ему золотую саблю...

Въ полночь двинулись въ путь и прибыли во Фратешти въ 11 ч. утра, нагнавъ 2-ю бригаду 30 дивизіи. 11 часовъ ѣхали 57 верстъ; безпорядокъ страшный; коменданты спать; пути не расчищены; запасные загромождены; маневры безконечно долги; непрерывныя остановки; на станціяхъ бунты сухарей; мѣшки разорваны, сухари, высыпавшись, подмочены и заплѣснѣли; черви, мухи, мыши ѣдятъ ихъ передъ тѣмъ, какъ они поступаютъ въ пищу солдатамъ. Не менѣе эффекта производятъ и груды ящиковъ съ консервами, отъ которыхъ разить вонюю. На станціи Комана около самыхъ рельсъ стоятъ ряды ящиковъ со снарядами для осадныхъ орудій и даже не прикрыты брезентами.

9-го іюля. Сдѣлалъ экскурсію въ Журжево. Увѣряли, что въ этомъ пунктѣ не осталось камня на камнѣ; а между тѣмъ сильно повреждено только зданіе гимназіи; ближайшіе къ Дунаю дома пусты, а въ остальныхъ живутъ; лавочки открыты, а на площади, гдѣ башня, даже есть

порядочная кондитерская; съ башни Рушукъ и Леванъ-Табія хорошо видны въ бинокль. По числу видѣнныхъ палатокъ, гарнизонъ долженъ быть не сильнѣе 5,000. На 9-ти нашихъ батареяхъ поставлено 36 осадныхъ орудій; артиллеристы говорятъ, что турки сами никогда не начинаютъ стрѣлять, но долгомъ считаютъ непремѣнно отвѣчать на наши выстрѣлы, и стрѣляютъ очень мѣтко.

10-го іюля. Путенеи. Пузановъ поднялъ бригады въ полночь, чтобы выступить въ 2 часа, а движеніе нужно было начать только въ 4 ч.,—напрасное утомленіе людей. При авангардѣ не было проводника и онъ сбился съ дороги. Не имѣя проводниковъ и посыльныхъ, слѣдовало бы отпустить всѣмъ частнымъ начальникамъ хотя небольшія суммы денегъ,—ковный проводникъ обходится отъ 2 до 3 р. монетою.

Въ 4 ч. тянулся изъ Зимницы во Фратешти транспортъ раненыхъ на воловьихъ подводахъ; самъ не видѣлъ, но Гудимъ-Левковичъ увѣряетъ, что было нѣсколько человекъ ампутированныхъ, а между тѣмъ въ Букарестѣ и Бонеасѣ стоятъ подвижные госпитали съ линейками для перевозки раненыхъ.

11-го іюля. Бригадиръ. Первое разочарованіе; кажется, разбросанность наша начинаетъ, какъ и въ Азіятской Турціи, приносить свои-ственные ей плоды. Получаю съ курьеромъ отзывы Непокойчицкаго, отъ 4-го іюля № 730, сосредоточить корпусъ къ Бѣлѣ, и отъ 9-го іюля № 759, немедленно двинуть 1 бригаду 30 див. къ Болгарени, куда направлены изъ Драганова (?) бригада 32 див. и бригада 11 кав. дивизіи; всѣмъ этимъ войскамъ поступить подъ команду кн. Шаховскаго и слѣдовать къ Плевнѣ, гдѣ Шильдеръ-Шульднеръ съ тремя полками 5-й див. и Кавказскою казачьею бригадою потерпѣлъ пораженіе и отброшенъ по двумъ разнымъ направленіямъ.

Любопытиѣ всего, что отзывъ къ Шаховскому о томъ-же, для исполненія, вложенъ въ мой конвертъ. Оба отзыва писаны рукою Левицкаго; должно быть въ штабѣ арміи большой переполохъ,—головы потеряли. Не менѣе любопытно и то, что въ тылу арміи между Фратешти и Зимницею нѣтъ ни почтоваго сообщенія, ни летучей почты, все черезъ нарочныхъ, и это послѣ разработки проекта объ управленіи тыломъ арміи. 16 дивизіи приказалъ идти безъ дневокъ, а 119 полку завтра же перейти въ Царевцу.

12-го іюля. Зимница. Хозяинъ, зажиточный румынъ, у котораго показана была для штаба квартира всѣмъ вмѣстѣ, не хотѣлъ насъ пускать. Каковы наши союзники! Говорятъ, что когда собирались войска на Дунаѣ, то часто видѣли, какъ неизвѣстная рука поджигала

въ полѣ на лѣвомъ берегу Дуная костры, служившіе, по всей вѣроятности, сигналами для турокъ.

Подъ вечеръ проводили толпы турецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Никополѣ; народъ здоровый и бодрый, одѣтъ хорошо и вовсе не изурень.

119 полкъ задержанъ на переправѣ, подъ палящимъ солнцемъ, съ 11 часовъ до 3, потому что съ праваго берега ожидался проѣздъ экипажа в. кн. Алексѣя Александровича.

12-го іюля, полночь. Царевница. Выступили изъ Зимницы въ шесть час. вечера. Мостъ изъ двухъ колѣнъ, одно 340, другое 260 саж.; понтоны одинъ отъ другаго въ 10 шагахъ; движеніе по мосту крайне медленно и сверхъ того періодическія остановки для пропуска съ противоположной стороны.

Когда подумаешь, что 150 т. армія (говорять, что всего перешло 115 т. штыковъ и сабель) виситъ на этомъ волоскѣ, который можетъ быть порванъ отъ множества случайностей, то становится нѣсколько страшно за существованіе этой арміи. Чѣмъ оправдать подобную непредусмотрительность? Говорять, матеріаловъ еще нѣтъ для втораго моста, а между тѣмъ готовились къ переправѣ болѣе мѣсяца, и въ денежныхъ средствахъ, не въ примѣръ прежнихъ кампаній, управленіе арміи не стѣснено. Завѣдующій переправою, говорять, чуть съ ума не сходитъ отъ непрерывнаго опасенія, что вотъ мостъ разорветъ и армія останется безъ сообщенія съ лѣвымъ берегомъ.

Отъ моста до Царевницы версть 10; дорога отвратительная и усѣяна трупами павшихъ животныхъ; въ теченіи почти мѣсяца опять не принято почти никакихъ мѣръ къ исправленію дороги, по которой день и ночь производятъ движеніе, а между тѣмъ у мостовъ стоятъ Воронежскій полкъ, два баталіона саперъ и баталіонъ гв. экипажа.

Новый пассажъ румынъ: таможенныя не пропускаютъ 130 шт. скота, принадлежащихъ товариществу и слѣдующихъ подъ конвоемъ солдатъ 120-го полка.

13-го іюля. Царевница. Продолженіе начатаго дробленія корпуса: 2-ю бригаду 30-й дивизіи приказано отправить къ Плевно и за немѣніемъ кавалеріи забирать съ постовъ всѣхъ казаковъ, а таковыхъ на постахъ не оказывается,—всѣ въ расходѣ.

Товарищество отказывается довольствоваться за Дунаемъ фуражемъ, а Левинсонъ чувствуетъ себя нездоровымъ и уѣзжаетъ въ Букарестъ или Лондонъ. О мѣстахъ интендантскихъ складовъ намъ ничего неизвѣстно, да еще вопросъ—существуютъ ли они? Кавалеріи нѣтъ, жандармовъ, казначейства, интендантства тоже нѣтъ; 16 дивизіи интендантъ все со-

рился и грубилъ такъ, что долготерпѣливый Померанцевъ попросилъ объ отчисленіи его отъ дивизіи; а интендантъ 30 дивизіи загулялъ въ Букарестѣ. Корпусный почтамтъ присоединился, состоитъ изъ 4 чиновниковъ, 6 человекъ прислуги и 5 запряженныхъ повозокъ. Будемъ ли мы исправно получать письма? Наши письма должны сперва идти въ Тырново (отправка два раза въ недѣлю при стоянкѣ на мѣстѣ), а оттуда въ очередные дни обратно въ Зимницу, а Зимница въ 12 верстахъ отъ насъ,—эти порядки многого не общають.

14-го іюля. Тюркъ-Слива. Перешли сюда съ 3 полками 16-й дивизіи. До Плевны три перехода; но дальше идти не приказано.

Мы, кажется, были въ полномъ заблужденіи на счетъ средствъ Болгаріи, не смотря на неоднократно веденныя здѣсь войны. Всѣ думали, что это край бѣдный, раззоренный, не могущій дать никакихъ средствъ для существованія арміи; а между тѣмъ вездѣ видны многочисленныя стада, а на дворахъ прошлогодніе запасы сѣна; въ Россіи рѣдко въ какихъ мѣстностяхъ можно найти такое обиліе первыхъ для жизни потребностей, да и народъ вовсе не смотритъ угнетеннымъ; напротивъ, довольно бойкій и смысленный, немного смахиваетъ на хохловъ. Къ намъ расположенія не выказываетъ. Все это подмѣтили и наши солдатики.

15-го іюля. Къ Плевно проходятъ батальоны Воронежскаго полка изъ Зимницы. Говорятъ, что прислана телеграмма: «ура! Шипка наша». Мы зарываемся впередъ, а справа чувствуется уже давленіе, не начинается ли приведеніе въ исполненіе плана Керима-паши? Какъ бы не перемѣниться ролями съ турками и изъ наступающихъ обратиться въ обороняющихся. Отчего бы полки 16-й дивизіи не послать тоже на Плевно; чѣмъ больше войскъ, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Великій нашъ учитель въ военномъ дѣлѣ, Наполеонъ, говорилъ: «la victoire est toujours aux gros bataillons», эта истина была и будетъ во вѣки непреложна. Не знаю кто изъ турецкихъ военачальниковъ и съ какими силами дѣйствуетъ противъ Гурко?

.

16-го іюля. Получено предписаніе съ 16-й дивизіей повернуть на Тырново. Ужъ и тамъ не плохо ли?

17-го іюля. Сорейеръ. Казначейство и интендантство присоединились: въ казначействѣ 5 чиновниковъ, 2 присяжныхъ и 3 запряженныхъ повозки; въ интендантствѣ 5 чиновниковъ съ прислугою и 3 повозки. Мало полезный элементъ все увеличивается.

18-го іюля. Иванцово. При движеніи 9 баталіоновъ и 5 батарей съ обозами, растянулись въ глубину на 12 верстѣ, а по уставу дѣлая дивизія въ походной колоннѣ занимаетъ въ глубину только 5 верстѣ.

19-го іюля. Присоединились драгуны и уланы съ № 7 батареей. Вечеромъ получено извѣстіе о новой неудачѣ подѣ Плевной; приказано идти на Градище.

20-го іюля. Градище. Переходъ очень тяжелый, 40 верстѣ, въ сильно жаркій день, частью безъ дороги, между Батакъ и Неданъ. Выступили въ 4 часа утра; кавалерія пришла въ 4 часа пополудни, а Казанскій полкъ—въ 6 часовъ пополудни; остальные оставились въ 5 вер. у Недана.

21-го іюля. Ъздилъ къ в. князю въ Чаушка-Махала—на дорогѣ наткнулся на 2-ую бригаду 30-й дивизіи, значительно пострадавшую въ дѣлѣ 18-го числа; видѣлъ раненаго Божерянова и неестественно ажитированнаго Пузанова.

Рѣшено прекратить противъ Плевны наступательныя дѣйствія и наблюдать только за этимъ пунктомъ 4-му и 9-му корпусамъ. Всѣ очень ажитированы.

Провелъ ночь въ главной квартирѣ и слышалъ множество разсказовъ:

Казачья бригада Тутолмина (Кавказскихъ 12 сотенъ) съ батареею, съ послѣднихъ чиселъ іюня, стояла въ Болгарени и всю дѣятельность ограничивала посылкою разъѣздовъ по шоссе на Плевно, которое тогда никѣмъ не было занято. Въ Ловчу въ то-же время ходили наши разъѣзды изъ Тырнова и тамъ никого не находили. Такъ какъ Тутолминъ повидимому, составляетъ летучій отрядъ на правомъ флангѣ арміи, то онъ гораздо лучше бы достигъ цѣли своего назначенія, выдвинувшись къ самому Плевно и оберегая себя разъѣздами къ Никополю, Рахову, по Софійскому шоссе и къ Ловчѣ, съ кавказскою бригадою, въ составѣ которой была дивизія осетинъ, подобное удаленіе еще на 25 верстѣ не могло считаться рискованнымъ. Тутолминъ этого не сдѣлалъ, да, повидимому, и разъѣзды посылалъ неаккуратно, такъ что въ первыхъ числахъ іюля въ Плевно появились два табора турокъ съ 2 орудіями, о чемъ мы не знали. Этотъ же Тутолминъ, какъ разсказываютъ, подѣ Никополемъ, опасаясь

атаки отступавшихъ изъ крѣпости турокъ, построилъ свою бригаду въ каре, размѣстивъ орудія по угламъ.

Туголминъ (въ эту кампанію) награжденъ золотою саблею, георгиевскимъ крестомъ и генеральскимъ чиномъ.

Когда 3 іюля Криднеръ атаковалъ Никополь, то, для прикрытія своего лѣваго фланга, оставилъ Костромской полкъ съ батареею въ Трестеникѣ, въ 17 верстахъ отъ Плевно. Направъ онъ этотъ полкъ въ Плевно, онъ лучше бы прикрылъ свой флангъ (для связи полка служить бывшіе при корпусѣ 22 эскадрона) и, вѣроятно, овладѣлъ бы этимъ пунктомъ, такъ какъ Плевно еще не было укрѣплено и занималось только двумя таборами. Вел. князь утверждаетъ, что онъ и приказалъ Криднеру занять Плевно одновременно съ атакою Никополя, но послѣдній утверждаетъ, что онъ подобнаго приказанія не получалъ. Такія недоразумѣнія, при позднѣйшемъ разборѣ военныхъ дѣлъ, встрѣчаются довольно часто, а потому лучше было-бы узаконить, чтобы важныя приказанія на войнѣ передавались отъ начальника подчиненному непремѣнно письменно.

Далѣе вел. князь говоритъ, что 4 іюля, по полученіи донесенія о сдачѣ Никополя, онъ послалъ приказаніе немедленно занять Плевно. Криднеръ не исполнилъ этого ни 4, ни 5, ни 6 числа и послалъ туда Шильдеръ-Шульднера съ бригадою только 7 числа; а тѣмъ временемъ въ Плевно прибыло три табора изъ числа благополучно ушедшихъ изъ Никополя и таборовъ 20 изъ Видина, шедшіе для освобожденія Никополя и повернувшіе на Плевно. Узнавъ о судьбѣ крѣпости, Криднеръ оправдывается тѣмъ, что онъ былъ занятъ повѣркою плѣнныхъ и имущества, взятаго въ Никополѣ, и распоряженіями объ отправленіи плѣнныхъ; сверхъ того онъ вошелъ въ препирательства съ румынами въ Турно, предлагая имъ занять Никополь, а румыны не соглашались. Казалось бы, что скорѣйшее занятіе Плевны въ данную минуту, когда уже извѣстно было о движеніи турокъ изъ Видина на востокъ, имѣло болѣе важное значеніе, чѣмъ повѣрка имущества въ крѣпости и отправка плѣнныхъ,— это дѣло можно было поручить кому-либо изъ бригадныхъ командировъ. Самъ Криднеръ говоритъ, что Игнатъевъ предупреждалъ его о силѣ (50,000) видинскаго гарнизона и энергіи командовавшаго гарнизономъ Османа-паши.

7-го только іюля Шильдеръ-Шульднеръ направленъ былъ съ 1-й бригадой 5-й див., Донскимъ № 9 полкомъ и 3 батареями, для занятія Плевно; туда же былъ направленъ и Костромской полкъ съ батареей изъ Трестеника и бригадою Туголмина. Шильдеръ-Шульднеръ, получивъ предписаніе занять, а не овладѣть Плевно, понялъ, что значить Плевно никѣмъ не занято, не вошелъ въ связь съ Костромскимъ пол-

комъ и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій для общей атаки. Колонна его шла въ походномъ порядкѣ мирнаго времени, каждая часть имѣла позади себя обозы, впереди даже не было разъѣздовъ. 8-го числа утромъ произведены двѣ раздѣльныя атаки и обѣ были отбиты съ потерю болѣе 3,000 человекъ; отступленіе, говорятъ, было самое безпорядочное, но турки не преслѣдовали. Костромской полкъ былъ отброшенъ отъ Гривицкаго шоссе къ Порадиму и потерялъ свои ранцы, шинели и палатки.

О второй плевненской катастрофѣ 18 юля еще ничего определеннаго заключить нельзя: преданіе слишкомъ свѣжо, страсти бродятъ, еще не улеглись; всѣ обвиняютъ другъ друга; Криднеръ Шаховскаго, а Шаховской Криднера. Одно ясно, что встреча намъ дана порядочная; отступленіе уподоблялось бѣгству; паника распространилась даже за Дунай. Мы потеряли около 8,000 убитыхъ и раненыхъ.

Собственно за атаку Криднера обвинять нельзя; согласно рѣшенію военнаго совѣта, онъ представлялъ о затрудненіяхъ и малой надеждѣ на успѣхъ, но получилъ предписаніе атаковать.

Главная квартира на этотъ разъ представилась мнѣ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ Плоэшти: прежней самоувѣренности уже не видно; спокойствіе исчезло. Непокойчицкій, правда, попрежнему апатиченъ; но Левицкій крайне ажѣтированъ; да и другіе не спокойны. Должно быть сознаніе пришло, что зарвались, не сообразивъ планъ со средствами, бывшими въ распоряженіи. Выходить—переходъ черезъ Дунай не былъ еще главнымъ актомъ войны; онъ только теперь паступаетъ, когда наткнулись на провалившуюся сквозь землю турецкую армію; ее-то первую и нужно было искать по переправѣ черезъ Дунай, чтобы разбить,—а не занимать различные пункты, для охраненія которыхъ пришлось растянуться кордономъ. Итакъ, теперь, черезъ мѣсяць послѣ открытія кампаніи, начинается настоящая война съ препятствіями. А между тѣмъ, чины главной квартиры уже увѣшаны отличіями,—все Владиміры, золотыя сабли и Георгіи; Поливановъ говоритъ, что другого разговора и не слышно, какъ о наградахъ. Струковъ уже получилъ 4 награды: золотую саблю, Георгіа, генеральскій чинъ, назначеніе въ свиту; еще мѣсяцевъ 6 войны—и онъ вернется въ Россію полнымъ генераломъ и со всѣми существующими у насъ звѣздами и лентами. Такая щедрая система наградъ лицъ главнаго штаба, конечно, отзовется невыгодно на духъ чернорабочихъ фронтовыхъ офицеровъ и послужитъ деморализующимъ для арміи началомъ: взаимная зависть, недоброжелательство, сплетни, интриги, ложныя реляціи и пр., и пр., гдѣ все будетъ пущено въ ходъ, чтобы перешеголять товарища и получить высшій крестикъ. Мы, военные, идя на войну и жертвуя своимъ здоровьемъ, удобствами жизни и

самою жизнью, исполняемъ только свой долгъ,—за что же тутъ награды? Награда должна быть даваема только за подвигъ, изъ ряда вонъ выходящій, тогда она будетъ имѣть дѣйствительное значеніе и возбудитъ конкуренцію дѣла, а не интригъ, какъ поголовныя награды. Каждый же подвигъ долженъ быть оцѣненъ критически, а не только по одному результату. Ежели я со 100,000 атакую 50,000 непріятеля и разобью его, развѣ я сдѣлалъ какой нибудь подвигъ? Я долженъ былъ разбить непріятеля, иначе меня слѣдуетъ разстрѣлять. А ежели мнѣ прикажутъ съ 40,000 атаковать 60,000 непріятеля, и я его не разбилъ, но за то не далъ себя разбить, то я не сдѣлалъ ничего блестящаго, бросающагося въ глаза, совершивъ, однако, подвигъ. У насъ наградъ слишкомъ много, а потому, вѣроятно, и даютъ ихъ безъ разбора. Уменьшите число наградъ и значеніе ихъ поднимется и тогда онѣ дѣйствительно будутъ стимуломъ къ совершенію подвиговъ. Въ Севастополѣ изъ тѣхъ, которые выдержали всѣ 11 мѣсяцевъ страшной осады, рѣдко кто получилъ двѣ и три награды; а тутъ черезъ мѣсяць кампаніи являются личности, схватившія по четыре награды; менѣе жадный и остановится на этомъ,—довольно съ меня, скажетъ, теперь мнѣ не зачѣмъ болѣе подвергать свою жизнь опасности.

22-го іюля. Лѣтница. Изъ Чаушка-Махала возвратился часа въ два, а въ 4 выступилъ въ Лѣтницу, около 10 верстъ. Хвостъ колонны подтянулся къ 9¹/₂ часамъ. Первое болгарское селеніе, гдѣ насъ встрѣтили сочувственно; жители принесли хлѣба, ячменя, сѣна и все отдавали безденежно.

23-го іюля. Пелишатъ. 20 верстъ съ двумя дивизіонами драгунъ уланъ проѣхалъ по дорогѣ на Греницу; видѣлъ редутъ, о который разбились усилія 5-й и 31-й дивизіи. Въ двухъ верстахъ отъ Греницы аванпостовъ турецкихъ не видно.

24-го іюля. Вел. князь объѣзжалъ утромъ мѣстность впереди Трестеника, Караагача Болгарскаго и Порадима. Указалъ въ общихъ чертахъ мѣста укрѣпленій и приказалъ брать примѣръ съ турокъ и зарываться въ землю; повидимому, рѣшаются на этомъ флангѣ на сильную оборону, но позиція, указанная для двухъ пѣхотныхъ корпусовъ, крайне длинна, почти 9 верстъ; а въ тылу рѣка съ однимъ мостомъ въ Булгорени. Найдены козель очищенія 18-го іюля — Пузановъ; Криднеръ обвиняетъ его въ распространеніи паники въ обозахъ, стоявшихъ за Болгарскимъ мостомъ, которые тянулись къ Систову и распространили панику даже за Дунай. Криднеръ говоритъ, что онъ Пузанова, въ теченіи дѣла 18-го іюля, при войскахъ не ви-

дѣлъ и что ему донесли, что поздно вечеромъ онъ явился у Булгаренскаго моста и началъ кричать: «кто вѣруеть въ Бога, спасайся, мы разбиты п турки за нами гонятся». — Говорять, что Родіоновъ (командиръ 1-й бр. 5-й див.) производилъ секретное дознаніе и подтвердилъ обвиненіе Криднера. Пузановъ отвергаетъ; онъ не считалъ необходимымъ находиться въ свитѣ Криднера, такъ какъ дивизія его была разбита; но что когда началось отступленіе, то онъ подъѣхалъ къ Криднеру и спросилъ: «что дѣлать?», тотъ отвѣчалъ: «отступайте въ Болгарени и защищайте мость» — тогда Пузановъ началъ собирать Серпуховскій полкъ, при № 5 батареѣ, и съ ними отошелъ за Осму. Лаерницкій (?) и офицеры подтверждаютъ это показаніе. Въ полученіи приказанія отъ Криднера, Пузановъ ссылается на кв. Имеретинскаго, который будго бы слышалъ. Дѣло, значитъ, не разъяснилось; ежели Криднеръ напрасно обвинилъ Пузанова, то это (неладно). Общій говоръ, что дѣйствительно кто-то изъ генераловъ поднялъ тревогу въ обозахъ у Болгаренскаго моста, указываетъ, что тамъ поздно вечеромъ видѣли и Шильдеръ-Шульднера, и Калачева. Тутъ же рассказываютъ, что въ ночь съ 8-го на 9-е юля къ Криднеру явился одинъ изъ ротныхъ командировъ Вологодскаго полка съ нѣмецкою фамиліей и сообщилъ ему, что бригада разбита и бѣжитъ. На вопросы: «гдѣ же ваша рота?» послѣдовалъ отвѣтъ: «у меня въ ротѣ осталось только 15 человекъ, она тамъ отстуетъ съ полкомъ».

Этотъ офицеръ, оставившій свою роту и явившійся самовольно къ корпусному командиру съ докладомъ о пораженіи, остался, однако, безъ взысканія. Какъ бы то ни было, Пузанову предложено уѣхать въ отпускъ по болѣзни, а 30-я див. передана Шнитникову, котораго Криднеръ спускаетъ за рѣзкость и неуживчивость.

Вечеромъ было нѣчто въ родѣ военнаго совѣта у вел. князя и рѣшено, по недостатку силъ, ограничиться на правомъ нашемъ флангѣ обороною и наблюденіемъ за арміею Османа-паши; укрѣпить позицію на высотѣ Карагача Болгарскаго и дать на ней отпоръ туркамъ, ежели они перейдутъ въ наступленіе; въ случаѣ крайности отступить за Осму, но никакъ не далѣе. Рѣшеніе вполнѣ цѣлесообразное при настоящихъ обстоятельствахъ. Все пространство между Осмою и Видиною отъ Никополя до Ловчи, 9-й корпусъ, румынская дивизія, переправившаяся у Никополя, и отрядъ Скобелева, стоящій противъ Ловчи, подчиняются мнѣ, какъ начальнику западнаго отряда арміи. Прибыль 4 гусар. полкъ съ № 8 батареѣй.

25 юля. Пелишатъ. Получилъ отзывъ г.-а. Непокойчицкаго отъ 25-го юля № 1:

«Вел. князь главнокомандующій подчиняетъ в. пр-ву войска за-

паднаго отряда, собраннаго противъ Плевно и у Никополя, и ставить вамъ слѣдующую цѣль дѣйствія. Предъидущія дѣйствія противъ Плевно обнаружили, что у этого мѣста турки сосредоточили значительныя силы и возвели серьезныя укрѣпленія. Атаковать еще разъ непріятели въ этихъ укрѣпленіяхъ съ тѣми войсками, которыя въ настоящее время собраны, если и могло бы обѣщать успѣхъ, то вызоветъ огромныя потери, которыя могутъ окончательно разстроить нѣкоторыя части 4-го и особенно 9-го корпуса, ослабленнаго предыдущими дѣйствіями. Въ случаѣ же неудачной атаки, подобно тому какъ было 18 іюля, можетъ разстроить послѣднія свѣжія части резерва, которыя уже направлены главнокомандующимъ на усиленіе частей, дѣйствующихъ въ западной части театра дѣйствій. На этомъ основаніи вел. князь рѣшилъ выждать прибытія подкрѣпленій, и затѣмъ уже снова приступить къ рѣшительному наступленію. Вслѣдствіе этого в. пр-во должны по необходимости принять образъ дѣйствія выжидательный и только при какихъ-либо движеніяхъ противника, которыя давали бы вамъ полную увѣренность успѣха, вы можете перейти въ наступленіе. Пока же противникъ будетъ оставаться въ настоящемъ своемъ положеніи, в. пр-во должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы вполнѣ обезпечить армію отъ перехода его въ наступленіе съ цѣлью угрожать сообщеніямъ арміи. Для сего вел. князь признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ избрать позиціи и сильно ихъ укрѣпить и въ нихъ встрѣтить противника, который рѣшился бы выйти въ поле и насъ атаковать. Выборъ позицій долженъ удовлетворять тому условію, чтобы она давала возможность занять важнѣйшіе пункты по главнѣйшимъ направленіямъ вѣроятнаго наступленія противника; и только частью отряда занимать ее, а значительную часть отряда отъ 1½ до 2-хъ дивизій пѣхоты имѣть въ резервѣ, чтобы достаточными силами атаковать противника, ежели бы онъ направился изъ Плевно въ обходъ нашего расположенія или предпринялъ наступленіе на Никополь или на Ловчу и Сельви, чтобы угрожать сообщеніямъ войскъ, занимающихъ горную полосу отъ Сельви до Тырнова и проходъ черезъ Балканы. Вел. князь уже помѣтилъ линіи укрѣпленной позиціи отъ Трестеника до Порадима и отчасти намѣтилъ мѣста укрѣпленій; но в. пр-во, по ближайшемъ осмотрѣ, имѣете право сдѣлать тѣ измѣненія, которыя признаете необходимымъ для лучшаго исполненія указанной вамъ цѣли. Къ сему присовокупляю, что румынская армія готовится къ переходу чрезъ Дунай и пунктъ переправы ея назначенъ у Кораби. Когда будетъ опредѣлено время переправы, тогда вы должны оказать этому предпріятію содѣйствіе или атакою противника, или только завязкою боя, или на-

ступленіемъ въ томъ направленіи, которое вы признаете болѣе удобнымъ. Для обезпеченія отряда отъ всѣхъ случайностей, необходимо обратить вниманіе и сдѣлать немедленно распоряженіе о постройкѣ одного или двухъ мостовъ черезъ р. Осму, чтобъ, кромѣ имѣющейся у Болгарени, имѣть еще одну или двѣ обезпеченныя переправы; однимъ изъ такихъ пунктовъ могло бы быть мѣсто близъ Болгарени, на старомъ шоссе. Въ заключеніе обращаю вниманіе в. пр-ва на то, что въ случаѣ движенія противника противъ отряда г.-а. Мирскаго необходимо немедленно поддержать этотъ отрядъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допустить противника до Сельви. Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что если-бъ вашему отряду пришлось отходить назадъ, то линия рѣки Осмы должна служить предѣломъ, за которымъ вы должны истощить всѣ усилія и остановить противника до прибытія укрѣпленій».

«25 іюля № 2. Командиру 4 корпуса отъ г.-а. Непокойчицкаго.

«Для большей связи въ дѣйствіяхъ войскъ, собранныхъ противъ Плевны, вел. кн. главнокомандующій приказалъ всѣ эти войска подчинить в. пр-ву, а именно: 1) 9-й арм. корпусъ (безъ Костромскаго, 2-хъ батал. Воровежскаго полковъ, одной 4-хъ фунт. батареи; Казанскаго драгунскаго и Кіевскаго гусарскаго полковъ и конныхъ батареи); 2) румынскія войска, прибывшія къ Никополю; 3) крѣпость и гарнизонъ Никополя, (Костромской полкъ и батарея) и 4) отрядъ г. Скобелева (два батал. Ярославскаго полка, Рижскій драгунскій полкъ, одна бат. 30 арт. бригады; кавказская казачья бригада съ горною и донскою батареями). Послѣдній отрядъ имѣетъ особое назначеніе служить связью и поддерживать ее между 4 корпусомъ и отрядомъ кн. Мирскаго, находящагося съ тремя полками на дорогѣ изъ Ловчи къ Сельви, а также служить прикрытіемъ лѣваго фланга 4-го корпуса и праваго кн. Мирскаго. Вел. князь желаетъ, чтобы безъ особенной надобности не отвлекать этотъ отрядъ отъ прямого его назначенія. Въ то же самое время слѣдуетъ наблюдать, чтобы часть этого отряда, а именно сборный отрядъ П. Бакланова находился впереди отряда кн. Мирскаго, отнюдь не переходя на лѣвый берегъ р. Осмы; развѣ при могущихъ быть случайностяхъ Ловча будетъ занята нашими войсками, но и въ этомъ случаѣ отрядъ Бакланова не долженъ отрываться отъ войскъ кн. Мирскаго. Временно, до ухода находящагося у Плевны отряда войскъ 11 корпуса (Чугуевскій уланскій полкъ и бригада 32 див.), они также подчиняются в. пр-ву. О движеніи этихъ войскъ въ резервъ арміи послѣдуетъ особое распоряженіе, которое будетъ сообщено в. пр-ву вслѣдъ за симъ (одновременно получено увѣдомленіе кн. Шаховскаго, чтобы отпустить чугуевскихъ уланъ, а

бригада 32 див. уже ушла). О всемъ, что будетъ происходить въ отрядѣ, прошу ежедневно сообщать по телеграфу».

На словахъ мнѣ было еще сказано наканунѣ, что румынскія войска „въ крайности“ можно отодвинуть изъ Никополя не далѣе одного перехода, ибо за неимѣніемъ моста подвозъ имъ продовольственныхъ припасовъ производится на лодкахъ, и ни въ какомъ случаѣ не перемѣшивать ихъ съ русскими войсками.

Предписаніе, кромѣ излишняго многословія и запаха лекціи, поражаетъ и противорѣчіями: строго сохранять выжидательное и оборонительное положеніе, а между тѣмъ атаковать укрѣпленную позицію турокъ, для содѣйствія переправы румынъ, у Кораби, при впаденіи въ Дунай Искера, въ 50 верстахъ отъ меня. Мнѣ подчиняются румыны и Скобелевъ, а между тѣмъ ни тѣми, ни другимъ я не могу вполне распорядиться. Что же касается до отряда Бакланова, то я не имѣю понятія о томъ, что это за отрядъ, какой силы и состава.

Задача предложенная вообще не легкая. Пространство отъ Никополя до Какрина, гдѣ, какъ я узналъ, находится Скобелевъ, около 75 верстъ; мѣстность на сѣверѣ волнистая, къ югу за Осмой даже гористая; вообще мѣстность сильно пересѣченная и закрытая кукурузными полями, виноградниками и отдѣльно растущими во множествѣ деревьями на поляхъ. Въ тылу рѣка Осма, чрезъ которую противъ середины нашего расположенія одинъ мостъ у Болгарени и удобный бродъ у Лѣтницы. Главнѣйшее затрудненіе въ поддержкѣ и связи съ Мораномъ (?); шоссе изъ Плевны въ Ловчу въ рукахъ турокъ; другая дорога, кратчайшая, чтобы выйти на шоссе между Ловчею и Сельви, идетъ чрезъ Слатина и Унглавъ (Иглавъ?) (гдѣ хорошая переправа чрезъ Осму) на Типово и Какрина; но между Унглавъ (Иглавъ?) и Типово дорога, на разстояніи 6 верстъ, идетъ по карнизу крутыхъ высотъ и пересѣчена множествомъ овраговъ, закрытыхъ кустарникомъ; перекопавъ или заваливъ эту дорогу, съ незначительными силами легко остановить движеніе большаго отряда. Есть еще дорога черезъ Кара-Хасанъ и Агатоно, но она выходитъ уже прямо на Сельви и, кромѣ того, по рассказамъ, по ней и конный не вездѣ можетъ проѣхать; наконецъ, есть еще прежняя дорога чрезъ Лѣтницу на Мродею, но она выходитъ на Тырново. Ловчинское шоссе между Сельви и Тырново у Балвана въ 70 слишкомъ верстахъ отъ Цорадима.

ДМИТРІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

во время управленія его военнымъ министерствомъ

1861—1881 гг.

„Русская Старина“ въ послѣдніе годы представила и представляетъ множество матеріаловъ къ исторіи царствованія Александра II. Сообщая данныя къ жизнеописанію Государя-Освободителя, мы останавливаемся также на очеркахъ дѣятельности и его сподвижниковъ, на ихъ характеристикахъ. Такимъ образомъ мы познакомили нашихъ читателей съ нѣсколькими наиболѣе достопамятными государственными дѣятелями эпохи Александра II.

Въ настоящей статьѣ представляемъ очеркъ государственной дѣятельности гр. Д. А. Милютина на посту военного министра въ 1861—1881 гг.

Ред.

Обширныя реформы царствованія императора Александра II коснулись всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Необходимо было умѣть отыскать людей, которые могли-бы стоять на высотѣ современныхъ требованій и предначертаній монарха.

Такіе люди нашлись и въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, и въ дѣлѣ введенія гласнаго суда, и по исполненію реформъ, въ которыхъ нуждалась наша армія.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и высоко талантливыхъ исполнителей монаршей воли былъ, безъ всякаго сомнѣнія, генералъ-адъютантъ, нынѣ графъ, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Окончивъ курсъ наукъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, давшемъ Россіи столько государственныхъ дѣятелей, Дмитрій Алексѣевичъ, намѣреваясь изучить и военное дѣло, вступилъ юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, въ 1833 г., и произведенъ въ прапорщики, въ томъ-же году. Затѣмъ, окончивъ блистательно курсъ императорской военной академіи, гдѣ имя его занесено на мраморную доску, Дмитрій

Алексѣевичъ былъ переведенъ, въ 1837 г., въ гвардейскій генеральный штабъ, а черезъ шесть лѣтъ назначенъ на службу на Кавказъ. Разстроенное здоровье заставило его, въ слѣдующемъ-же году, возвратиться въ Петербургъ и, въ 1845 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ военной академіи, по предмету военной географіи.

Лекціи его, хотя и не напечатанныя, по сіе время могутъ служить образцомъ академическаго преподаванія. Въ свое-же время онъ представляли нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго, особенно, если принять въ соображеніе малую разработку этого вопроса въ нашей военной литературѣ. Приемы и предметы изслѣдованій молодого профессора положили основаніе военно-статистическимъ работамъ, исполняемымъ офицерами генеральнаго штаба, труды которыхъ, въ области статистики, долгое время оставались единственнымъ матеріаломъ для статистическихъ изслѣдованій въ Россіи.

Состоя профессоромъ, Дмитрій Алексѣевичъ предпринялъ обширный трудъ—описание похода Суворова въ Швейцарію, въ 1799 г., начатый и не конченный Михайловскимъ-Данилевскимъ.

Этотъ трудъ, вышедшій въ 1852 и 1853 гг., доставилъ Дмитрію Алексѣевичу громкую извѣстность не только въ русской, но и въ иностранной военной литературѣ, а императорская академія наукъ удостоила автора ученой степени доктора исторіи.

11 лѣтъ Дмитрій Алексѣевичъ занималъ профессорскую кафедру, и въ 1856 г. оставилъ ее для того, чтобы занять высокій постъ начальника главнаго штаба кавказской арміи, и много способствовалъ покоренію Кавказа, гдѣ онъ былъ правою рукою фельдмаршала вк. Барятинскаго.

30-го августа 1860 г. генераль-адъютантъ Милютинъ занялъ постъ товарища военнаго министра, а 9-го ноября 1861 г. сталъ во главѣ военнаго министерства и оставался въ званіи военнаго министра 20 лѣтъ, до 1881 года. На этомъ поприщѣ ему предстояло совершить коренныя реформы въ нашей арміи и произвести преобразованія по всѣмъ отраслямъ ея управленія.

Въ общихъ чертахъ эти преобразованія могутъ быть подраздѣлены на слѣдующіе отдѣлы.

I.

Уменьшеніе численности войскъ въ мирное время.

Чрезвычайное напряженіе военныхъ силъ Россіи во время восточной войны съ 1853—1856 г. довели составъ нашей арміи, къ 1 января 1856 г., до громадной цифры—2.275,000 нижнихъ чиновъ, считая въ этомъ числѣ иррегулярныя войска и ополченія.

Содержаніе такого громаднаго числа войскъ чрезмѣрно отягчало казну, и безъ того уже отягченную расходами войны. Поэтому, какъ только окончилась война, немедленно было приступлено къ сокращенію численности арміи, что и выразилось цѣлымъ рядомъ соотвѣтственныхъ мѣръ.

Составъ нашей арміи уже къ 1 января 1862 г. былъ доведенъ всего до 562,000 чел. (строевыхъ). Но такое уменьшеніе числа войскъ, выгодное для экономическихъ соображеній мирнаго времени, дѣлало боевыя силы имперіи недостаточными на случай войны.

Самымъ слабымъ мѣстомъ предшествовавшихъ военныхъ реформъ былъ недостатокъ средствъ приведенія арміи съ мирнаго на военное положеніе, которое обезпечивало-бы за нею силу, соотвѣтствующую политическому значенію Россіи.

По системѣ 1856 г., для усиленія арміи по военному времени, существовало одно только средство: призвать отпускныхъ, число которыхъ не превышало 172,000 чел., чего, конечно, было недостаточно для упорной борьбы съ сильнымъ противникомъ.

Къ тому-же, принимая во вниманіе громадныя разстоянія и почти повсемѣстное отсутствіе въ то время желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, призываемые на службу отпускные могли прибыть къ своимъ частямъ только спустя два и болѣе мѣсяца со дня объявленія призыва. Затѣмъ, дальнѣйшее усиленіе арміи было возможно только при посредствѣ рекрутскихъ наборовъ.

Считая не менѣе четырехъ мѣсяцевъ для военной подготовки рекрутъ и продолжительность ихъ слѣдованія къ своимъ частямъ, оказывалось, что нужно было не менѣе полугода для приведенія арміи на военное положеніе, тогда какъ иностранныя арміи приводились къ военному составу (мобилизовались) въ двѣ или

три недѣли. Независимо отъ того, армія усиливалась отпускными, уже отбывшими свою службу, физически слабыми солдатами и едва обученными военному дѣлу рекрутами, что не могло не отразиться на боевыхъ качествахъ нашей арміи.

Эти недостатки необходимо было устранить. Поэтому, военное министерство остановилось на мысли, сократить срокъ службы нижнихъ чиновъ, которая прежде простиралась отъ 22 до 25 лѣтъ; теперь же она ограничивалась 6 годами въ строю. Не говоря уже о томъ, что мѣра эта дѣлала военную службу менѣе тягостною для народа, она давала возможность увольнять ежегодно въ отпускъ большее число солдатъ, еще полныхъ силъ и вполне обученныхъ, которые, на случай войны, являлись къ своимъ частямъ, и были тамъ лучшими солдатами. Само собою разумѣется, что это, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшало число поступающихъ въ армію неопытныхъ рекрутъ, такъ какъ число отпускныхъ было очень велико.

Дѣйствительно, къ 1 января 1870 г., составъ нашей арміи, считая всѣхъ нестроевыхъ чиновъ, простирался всего до 683,000 чел. ¹⁾, для которыхъ имѣлось въ запасѣ 553,000 отпускныхъ, готовыхъ усилить ее въ военное время.

Но въ 1870 году обнаружилось увеличеніе армій во всѣхъ европейскихъ государствахъ, почему и въ нашей арміи были приостановлены дальнѣйшія сокращенія.

Для приведенія въ дѣйствіе новой системы, принятой военнымъ министерствомъ, были выработаны, въ періодъ съ 1862 по 1870 г., правила новаго рекрутскаго устава, такъ какъ прежній уставъ имѣлъ многіе недостатки. Равнымъ образомъ, въ 1869 и 1870 годахъ, вступили въ дѣйствіе новыя правила, имѣвшія въ виду упростить отчетность по исчисленію людей, числящихся въ запасѣ арміи, и ускорить способъ ихъ призыва и прибытія къ мѣстамъ назначенія.

Стремясь къ улучшенію боевыхъ качествъ арміи и снабженію ее хорошимъ оружіемъ, военное министерство, вмѣстѣ съ тѣмъ, неустанно заботилось о томъ, чтобы умственно развить солдата и придать ему хорошихъ наставниковъ, каковыми являлись унтеръ-офицеры и офицеры, отъ которыхъ требовался теперь

¹⁾ Такой малочисленной арміи не было въ Россіи съ 1840 года.

извѣстный образовательный цензъ. Разсмотримъ, что было сдѣлано въ этомъ направленіи.

II.

Умственное образованіе въ войскахъ.

Солдатъ прежде грамотѣ не обучался и въ умственномъ отношеніи былъ чуждъ всякаго развитія ¹⁾). Поэтому, ему трудно было запомнить даже то, что онъ долженъ былъ знать по службѣ. Сокращенный-же срокъ военной службы требовалъ болѣе скорой подготовки солдата. Это указывало на необходимость позаботиться и о его умственномъ развитіи.

Еще болѣе требовалось это развитіе отъ ближайшихъ наставниковъ солдата, — его унтеръ-офицера и офицера.

Прежде въ унтеръ-офицерское званіе рядовые производились за хорошее поведеніе и знаніе одной строевой службы. Больше отъ нихъ ничего не требовалось. Пробывъ извѣстное число лѣтъ унтеръ-офицеромъ, они допускались къ офицерскому экзамену и производились въ первый офицерскій чинъ. Поэтому, въ составѣ офицеровъ находилось не мало такихъ, которые съ трудомъ могли подписать свою фамилію.

Для устраненія этого недостатка, предоставлены были разныя служебныя льготы лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, поступающимъ въ военную службу по собственному желанію. Они скоро производились въ унтеръ-офицеры и затѣмъ въ офицеры.

Кромѣ того, для образованія подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ офицерскому званію, учреждены были въ нѣкоторыхъ корпусахъ и дивизіяхъ 1-й арміи, а равно въ 4 и 5-мъ корпусахъ юнкерскія школы. Но эти школы, по несовершенству своему и недостатку средствъ, скоро были упразднены. Остались до времени не упраздненными три школы: въ Воронежѣ, Варшавѣ и Гельсингфорсѣ. Ихъ думали закрыть въ 1863 году. Съ открытіемъ денежныхъ средствъ послѣ преобразованія военно-учеб-

¹⁾ Изъ числа поступающихъ на службу рекрутъ только 10% было грамотныхъ, а въ Царствѣ Польскомъ — 12%.

ныхъ заведеній, на основаніи „Положенія“, высочайше утвержденнаго 20 сентября 1864 года, въ томъ же 1864 году, военное министерство приступило къ организаціи юнкерскихъ училищъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и казачьихъ; устройство ихъ шло съ такимъ успѣхомъ, что спустя 5 лѣтъ находились въ дѣйствиіи 16 юнкерскихъ училищъ, въ которыхъ обучалось болѣе, чѣмъ 4 тысячи юнкеровъ.

Начиная съ 1867 г., грамотность въ войскахъ сильно подвинулась впередъ. 8 іюля 1867-го года, высочайше повелѣно было ввести въ войскахъ обязательное обученіе всѣхъ нижнихъ чиновъ въ пѣхотѣ и кавалеріи. Съ этою цѣлью, при штабѣ каждаго полка, учреждены были такъ называемыя учебныя команды, куда отдѣлялось извѣстное число нижнихъ чиновъ отъ каждой роты или эскадрона, для обязательнаго обученія, которое продолжалось два года, во время зимнихъ мѣсяцевъ, и велось подъ руководствомъ офицеровъ. Не прошедшій этой школы солдатъ не могъ быть произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Экзамены, которымъ подвергались унтеръ-офицеры для производства въ офицеры, велись безъ всякаго послабленія и по усиленной противъ прежняго программѣ.

Главный контингентъ офицеровъ en masse даютъ юнкерскія училища,—1500 ч., а кадетскіе корпуса не болѣе 600—700 чел., именно въ гвардію, артил., инженеры и немного въ армію.

Кадетскіе корпуса, въ періодъ съ 1862 по 1869 годъ, преобразованы въ военныя училища и военныя гимназіи, а изъ бывшихъ училищъ военнаго вѣдомства (замѣнившихъ баталіоны военныхъ кантонистовъ) устроены военныя прогимназіи и военныя фельдшерскія школы. Цѣль реформы состояла, во 1-хъ, въ отдѣленіи спеціальнаго образованія отъ общаго, во 2-хъ, въ доставленіи спеціальному образованію практическаго направленія, сообразнаго съ условіями строевой службы, въ 3-хъ, въ отдѣленіи воспитанниковъ младшаго возраста отъ старшаго, причемъ кореннымъ образомъ измѣнена вся система воспитанія, съ замѣною дѣленія воспитанниковъ на роты дѣленіемъ на возрасты, въ 4-хъ, въ усиленіи внутренняго надзора надъ малолѣтними воспитанниками (взамѣнъ строеваго команднаго надзора) посредствомъ систематическаго руководства ихъ воспитателями. Пажескій Его Величества и Финляндскій кадетскій корпуса также были

преобразованы, но они сохранили прежнее названіе, а также и спеціальныя классы. Для малолѣтнихъ же пажей образовано особое отдѣленіе. Впослѣдствіи, въ Москвѣ и Петербургѣ, были устроены военныя гимназіи для приходящихъ, а при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ (преобразованномъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ) устроенъ приготовительный пансіонъ.

Одновременно съ этими преобразованіями, были учреждены при 2-й военной гимназіи педагогическія курсы для подготовки учителей въ военныя гимназіи и учительскія семинаріи для преподавателей въ прогимназіяхъ.

Кончившіе курсъ военныхъ гимназій воспитанники получали спеціальное военное образованіе въ трехъ пѣхотныхъ военныхъ и въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищахъ; независимо того, часть воспитанниковъ военныхъ гимназій поступала въ Артиллерійское и Инженерное училища. Окончившіе же курсъ военныхъ прогимназій поступали въ юнкерскія училища, на правахъ III разряда; впрочемъ, главную массу обучающихся въ этихъ училищахъ составляли вольно-опредѣляющіеся съ правами I, II или III разряда. И такъ, не увеличивая бюджета, военное министерство, послѣ преобразованія военно-учебныхъ заведеній, получило возможность ежегодно готовить для всей арміи болѣе 2000 офицеровъ вмѣсто 600 оф., приготовляемыхъ прежде въ кадетскихъ корпусахъ. А именно: а) въ военныхъ училищахъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ ежегодно выпускалось отъ 600 до 700 чел., которые преимущественно служили для укомплектованія гвардіи, артиллеріи и инженеровъ, а частью и въ пѣхоту, (т. е. столько же, сколько прежде кадетскіе корпуса), и б) изъ юнкерскихъ отъ 1,200 до 1,500 чел., съ правами на производство въ офицеры арміи, т. е. въ пѣхоту, кавалерію и казаки.

Поэтому въ общемъ уровень офицерскаго образованія значительно повысился. Теперь уже только въ видѣ исключенія можно было встрѣтить малограмотнаго офицера, выслужившагося изъ солдатъ. Отказывающимся отъ производства въ офицеры нижнимъ чинамъ предоставлялись разныя денежныя преимущества, которыми они и пользовались.

На состоящихъ уже на службѣ молодыхъ офицеровъ ближай-

шее ихъ полковое начальство обязано было обращать постоянное вниманіе, съ цѣлью заботиться объ ихъ дальнѣйшемъ умственномъ развитіи. Ихъ прикомандировывали, на зимніе мѣсяцы, къ полковымъ штабамъ, гдѣ они могли пользоваться книгами изъ полковой библіотеки. Имъ задавались различныя задачи, напр., описаніе произведенныхъ маневровъ, составленіе плановъ глазо-мѣрной съемки, разбивка укрѣпленій на мѣстности, отчеты о рекогносцировкахъ и т. п. Занятія эти, обязательныя съ 1865 г., велись подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Войскамъ при этомъ даны средства для развитія военныхъ собраній и проч.

III.

Преобразование военныхъ управленій.

До 1862 г. нашъ военно-административный механизмъ представлялъ весьма сложную машину, дѣйствіе которой отличалось медленностію и непроизводительною тратою силъ. Наибольшую боевою единицею былъ корпусъ, который въ мирное время имѣлъ свой дорого стоящій штабъ; въ военное-же время, какъ показалъ опытъ Восточной войны 1853—56 гг., ни одинъ корпусъ не дѣйствовалъ въ полномъ составѣ, а раздроблялся на болѣе мелкія части, которыя придавались къ разнымъ особымъ отрядамъ, имѣвшимъ какую нибудь боевую цѣль, вызванную обстоятельствами войны, и которую въ мирное время опредѣлить невозможно. У насъ было множество разныхъ другихъ штабовъ и военныхъ управленій, но они не имѣли почти никакой самостоятельности. Все было централизовано въ военномъ министерствѣ, отъ котораго всѣ управленія и испрашивали разрѣшенія. Это вело къ медленному производству самихъ дѣлъ, требовавшихъ безотлагательнаго исполненія, и къ громадной дѣловой перепискѣ.

Въ видахъ устраненія этихъ недостатковъ, въ 1862 г. приступлено было къ разработкѣ основаній, на началахъ децентрализаціи отдѣльныхъ управленій, хотя и подчиненныхъ военному министерству, но имѣвшихъ большую самостоятельность и уже не испрашивавшихъ отъ него разрѣшеній по каждому случаю. Это привело къ отмѣнѣ раздѣленія арміи на корпуса и къ введенію военно-скружной системы.

По этой системѣ вся Россія была раздѣлена на 14 окру-

говъ ¹⁾, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольکو губерній. Начальникъ военнаго округа получалъ власть рѣшать самостоятельно вопросы, которые прежде могли быть разрѣшены только военнымъ министромъ. Войска, входившія въ составъ округа, составляли какъ-бы нѣчто цѣлое: они комплектовались рекрутами изъ своего округа, поѣтому и увольняемые въ отпускъ запасные нижніе чины, возвращаясь по домамъ, не выходили изъ предѣловъ своего округа и, въ случаѣ призыва, скорѣе могли прибыть къ своимъ частямъ.

Выработаны были особыя положенія для управленія военными округами, дивизіями, составлявшими теперь наибольшія боевыя единицы, и арміями, которыя составлялись только въ военное время, сообразно назначенію каждой изъ нихъ.

На ряду съ этими преобразованіями арміи, преобразованы были и всѣ главныя центральныя военныя управленія, примѣнительно къ окружной системѣ.

Это дало возможность значительно сократить составъ военнаго министерства, за которымъ остался только главный контроль и общее направленіе дѣйствій военно-административныхъ органовъ. Равнымъ образомъ сократились и отдѣльныя военныя управленія, изъ которыхъ нѣкоторыя слились въ одно общее управленіе.

Въ 1864 г., вмѣстѣ съ утвержденіемъ положенія о военныхъ округахъ, вступили въ дѣйствіе и правила о мѣстныхъ управленіяхъ. Въ каждомъ округѣ, крѣпостныя, гарнизонныя войска и этапныя команды состояли подъ управленіемъ особаго начальника мѣстныхъ войскъ округа, который дѣйствовалъ при посредствѣ, вновь учрежденныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

IV.

Преобразование интендантской части.

До 1862 г. войска наши довольствовались провіантомъ, распорядженіями провіантскаго, а обмундированіемъ и другими видами довольствія—комиссаріатскаго департаментовъ.

Находясь въ Петербургѣ, учрежденія эти дѣйствовали при посредствѣ особыхъ комиссій, распределенныхъ по губерніямъ,

¹⁾ Изъ нихъ въ Европейской Россіи 10 округовъ.

такъ что кавказскія и сибирскія комиссіи ничего не могли предпринять, не испросивъ разрѣшенія изъ Петербурга. Понятно, въ какихъ неудобствахъ вела эта система. Главныя управленія, фактически, не могли направлять и контролировать, разбросанныя по всей Россіи, подвѣдомственные имъ комиссіи.

Сверхъ того, на одномъ и томъ-же департаментѣ лежала обязанность заготовлять, принимать и отпускать вещи въ войска, т. е. приходилось повѣрять и контролировать свои-же дѣйствія.

Поэтому провіантскіе и комиссаріатскіе чиновники, изъ опасенія, что принятые ими запасы и вещи, по ихъ сомнительному качеству, не будутъ приняты военными пріемщиками, хотя и имѣли по закону право удалять такихъ пріемщиковъ за мнительность, но прибѣгали и къ другому, болѣе дѣйствительному, средству. Такъ какъ всё поставки дѣлались съ торговъ и отдавались подрядчикамъ, то торги устраивались такъ, чтобы подрядъ достался такому лицу, которое вступало, съ кѣмъ слѣдуетъ, въ предварительныя соглашенія, съ обѣщаніемъ выдать, по полученіи подряда, такъ наз. промѣры и накладки, которыя составляли 5% съ подрядной суммы, и по 15 в. съ куля муки на раструску. Само собою разумѣется, что эти тайные расходы ввѣчались въ подрядную сумму, и казна теряла на этомъ не менѣе 1.200,000 р. ежегодно ¹⁾.

Слишкомъ высокаго качества образцы вещей, утвержденные министерствомъ для поставки по подрядамъ, не соответствовали назначаемой за нихъ цѣнѣ, почему люди, дорожившіе своимъ именемъ и имуществомъ, отстранялись отъ подрядовъ. На подряды являлись для торговъ большею частію лица, запасшіяся сомнительными залогами, получали подряды и авансовыя суммы, съ которыми и старались укрыться подальше, или объявляли себя несостоятельными. Такихъ безнадежныхъ должниковъ казнѣ оказалось множество; получить же съ нихъ что нибудь случалось рѣдко.

Войска довольствовались по табелямъ, утвержденнымъ еще въ 1802 и 1809 гг., которыя не соответствовали современнымъ требованіямъ войскъ. Между тѣмъ, для удовлетворенія этихъ потребностей не было опредѣлено никакихъ ассигновокъ. Полковымъ командирамъ предоставлялось право изворачиваться хозяйственными средствами, т. е. переносить расходы съ одной

¹⁾ Докладъ воен. мин. 15 янв. 1862 г.

статьи на другую, что равнялось содержанію полка на коммерческомъ или арендномъ правѣ.

Но какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ внѣшности полка требовался извѣстный блескъ, то, для приданія его, намѣренно увеличивалась цѣна на фуражъ въ кавалеріи, и прибѣгали къ другимъ мѣрамъ, не только вреднымъ для казны, но и заставлявшимъ солдатъ недовѣрчиво относиться къ своимъ начальникамъ.

Для устраненія этихъ важныхъ недостатковъ и привлеченія къ подрядамъ благонадежныхъ лицъ, извѣстныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, министерство выработало цѣлый рядъ положеній, уничтожило провіантскій и комиссаріатскій департаменты, сливъ ихъ въ одно общее интендантское управленіе, примѣнивъ къ нему систему децентрализаціи, для чего были введены при военныхъ округахъ—окружныя интендантства, снабжавшія войска своего округа и дѣйствовавшія достаточно самостоятельно, подъ надзоромъ начальника округа и окружного военнаго совѣта.

Самое обмундированіе войскъ упрощено, отмѣнено все ненужное и добавлены къ довольствію солдата необходимо нужныя вещи. Войсковою обозъ, взамѣнъ прежнихъ тяжелыхъ и мало вмѣстительныхъ повозокъ, былъ составленъ изъ облегченныхъ, поворотливыхъ и удобныхъ телѣгъ, образецъ которыхъ былъ выработанъ и испытанъ въ министерствѣ.

V.

Полковое хозяйство.

До 1862 года полковой командиръ былъ полнымъ хозяиномъ полка и руководствовался во всемъ личными усмотрѣніями по внутреннему управленію полка.

Въ интересахъ чисто экономическихъ онъ, напр., не держалъ и трети полковыхъ обозныхъ лошадей зимою, а остающіяся отъ этого суммы употреблялъ какъ заблагоразсудить.

Съ 1862 г. найдено несовмѣстнымъ съ обязанностями полкового командира заниматься разными хозяйственными спекуляціями, и дѣятельность его строго ограничена одною строевою частью. Для управленія же хозяйствомъ полка начали съ 1862 г. вводиться особые полковые хозяйственные комитеты, составляемые изъ офицеровъ своего же полка, которые назначались на срокъ и замѣщались другими.

Отвѣчая за удовлетворительное хозяйственное состояніе полка, командиръ его не входилъ въ распоряженіе хозяйственнаго комитета, члены котораго коллективно отвѣчали за всякое упущеніе или неправильное дѣйствіе. Избираясь на срокъ, каждый членъ комитета естественно опасался скомпрометировать себя передъ товарищами, въ среду которыхъ онъ долженъ былъ возвратиться. Дѣйствія же комитета были гласны и всѣмъ извѣстны въ полку.

VI.

Военно-медицинская часть.

Для врачебнаго пользованія трудно больныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, до 1862 г., имѣлись военные госпитали на 47.000 чел. Одержимые болѣе легкими болѣзнями пользовались въ полковыхъ лазаретахъ.

Но расположеніе госпиталей не соотвѣтствовало расположенію войскъ. Отъ этого, въ то время, какъ въ петербургскомъ, варшавскомъ и другихъ округахъ госпитали оставались на половину пустыми, въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ почти не было госпиталей для войскъ, нанимались, за возвышенную плату, больницы гражданскаго вѣдомства.

Такой порядокъ вводилъ казну въ двойные расходы. Сверхъ того, отчетность расходуемыхъ по госпиталямъ суммъ отличалась такою сложностію и неопредѣленностію, что давала мѣсто полному произволу. Къ довершенію всего, госпитали получали вещевое довольствіе отъ комиссаріата, который имѣлъ и наблюденіе за ними.

Этого было достаточно, чтобы комиссаріатъ сбывалъ въ госпитали забракованное войсковыми пріемщиками гнилое полотно, испорченную муку и т. п.

Независимо отъ этихъ недостатковъ, число медиковъ было недостаточно для удовлетворенія нуждъ арміи, особенно въ военное время, такъ какъ не имѣлось никакого запаса ихъ въ мирное время.

Для устраненія этихъ недостатковъ госпитальной части, были употреблены всѣ усилія военнаго министерства, въ періодъ съ 1862 по 15 іюля 1869 г., когда было окончательно выработано и утверждено положеніе о военныхъ госпиталяхъ, лазаретахъ и врачебныхъ заведеніяхъ въ военное время.

По этому положенію, хозяйственная часть госпиталей ввѣрена особому управленію, подъ наблюдениемъ начальниковъ военныхъ округовъ; самые госпитали распределены соответственно врачебнымъ потребностямъ каждаго округа. Улучшено состояніе полковыхъ лазаретовъ, на содержаніе которыхъ прежде отпускалось крайне мало ¹⁾, теперь же этотъ расходъ былъ увеличенъ въ четыре раза (28½ к.).

Личный составъ военныхъ докторовъ, съ 1862 по 1871 гг., увеличенъ былъ на 17%, а фельдшеровъ—на 20%. Независимо отъ того, образованъ былъ, послѣ 1871 г., резервъ медицинскихъ чиновъ. Еще въ 1865 г. военное министерство предполагало образовать такой резервъ изъ 100 чел., что требовало ежегодно 62,000 руб.; государственный совѣтъ не утвердилъ этой ассигновки. Поэтому, резервъ былъ составленъ изъ стипендіатовъ медико-хирургической академіи и университетовъ, и изъ студентовъ этихъ заведеній, которые изъявляютъ желаніе прослужить два года въ военномъ вѣдомствѣ, за что получали право не платить за слушаніе лекцій. Вольно-практикующіе врачи также привлекались въ резервъ предоставленіемъ имъ права на государственную пенсію и эмеритуру, за выслугу въ резервѣ извѣстнаго числа лѣтъ, и съ обязательствомъ явиться къ войскамъ въ военное время.

Высшее военно-медицинское учрежденіе—медико-хирургическая академія получила такія матеріальныя средства для солиднаго научнаго образованія, что учрежденіе это быстро поднялось до уровня, вполне соответствующаго его назначенію. Не смотря на усиленныя требованія при приемѣ въ академію, число поступающихъ въ нее постоянно увеличивалось. Такъ, въ 1862 г., число поступающихъ было 94, а уже въ 1868 г. дошло до 424 чел. 15 іюля 1869 г. высочайше утверждено положеніе объ императорской медико-хирургической академіи, обнявшее всѣ стороны ея управленія.

Затѣмъ учреждены военно-фельдшерскія школы съ цѣлью образованія запаса основательно подготовленныхъ фельдшеровъ для арміи.

¹⁾ Всего по 7½ к. въ день на человѣка, тогда какъ въ госпиталяхъ полагалось по 42½ к.

VII.

Военно-судебная часть.

Военно-уголовный уставъ 1839 года положилъ основаніе къ постепенному усовершенствованію военно-уголовнаго законодательства. Но этотъ уставъ былъ простымъ сводомъ существовавшихъ прежде постановленій: Артикула Воинскаго 1716 г., Полеваго уголовного Уложения 1812 г. и другихъ законовъ. Въ общемъ Военно-Уголовный уставъ представлялъ много недостатковъ: въ немъ законы для военного времени не были достаточно соображены съ общими узаконеніями устава о преступленіяхъ по службѣ въ мирное время, а также съ воинскими артикулами: нѣкоторыя воинскія преступленія наказывались въ военное время менѣе строго, чѣмъ въ мирное. Во время изданія общаго „Уложения о наказаніяхъ“ (1845) чувствовалась существенная потребность въ пересмотрѣ Военно-уголовныхъ законовъ. Составленный особою комиссіею проектъ новаго устава, который получилъ въ 1858 г. названіе „Воинскаго устава о наказаніяхъ“, потребовалъ существенной переработки. Между тѣмъ, 17 апрѣля 1863 года отмѣнено наказаніе шпицъ - рутенами, а наказаніе розгами значительно ограничено; тогда же произошли существенныя перемѣны въ системѣ тѣлесныхъ и другихъ наказаній по дѣйствовавшему уложенію, а 6 іюля 1863 года издано положеніе объ охраненіи воинской дисциплины и взыскаціяхъ дисциплинарныхъ. Все это повело къ коренному измѣненію проектированнаго „Воинскаго устава о наказаніяхъ“; сложная работа эта, послѣ пересмотра въ соединенныхъ собраніяхъ главныхъ военнаго и морскаго судовъ, при непосредственномъ участіи особаго присутствія генераль-адмирала, военнаго и морскаго министровъ, была окончена въ началѣ 1868 г., и воинскій уставъ о наказаніяхъ получилъ высочайшее утвержденіе 5-го мая 1868 года.

Не менѣе дѣятельное участіе Д. А. Милютинъ принималъ въ реформѣ военнаго судоустройства и судопроизводства. Неоднократныя попытки правительства къ улучшенію военно-уголовнаго судопроизводства, дѣйствовавшаго на основаніяхъ слѣдственнаго процесса со времени появленія у насъ устава воинскаго Петра Великаго, оставались безплодными, потому что требовалось также коренное преобразование всей военно-судебной части. Въ дѣйстви-

вавшемъ на устарѣлыхъ основаніяхъ военномъ судопроизводствѣ, были крупныя недостатки. Военные суды лишены были самостоятельности, производствомъ слѣдствія распоряжались начальники, они же наряжали судъ надъ обвиняемымъ и сами-же утверждали приговоры. Въ самомъ производствѣ суда обвиняемый лишень былъ возможности приводить на судѣ все, что могло-бы служить къ его оправданію или къ смягченію ожидающей его отвѣтственности. Письменная и тайная процедура обставлена была тяжелыми формами и дѣла тянулись многіе годы. Необходимость преобразования военного судоустройства и судопроизводства, указанная въ докладѣ военнаго министра 15-го января 1862 года, повела къ ряду законодательныхъ работъ, тѣмъ болѣе сложныхъ, что въ общихъ судахъ вошли въ дѣйствіе новыя судебныя уставы 1864 г., къ которымъ нужно было примѣнить, на сколько возможно, проектъ военно-судебнаго устава. Работы эти были приведены къ окончанію въ 1867 году и тогда же обнародованъ военно-судебный уставъ.

Для болѣе скорого рѣшенія дѣлъ за маловажныя общія и воинскія преступленія учреждены полковые суды. Власть предавать обвиняемыхъ суду всецѣло предоставлена начальникамъ. Въ военно-окружныхъ судахъ, первоначально открытыхъ въ 1867 г., введены прокуроры и защитники. Въ составъ военно-окружныхъ судовъ вошли постоянныя и временныя судьи; первые должны имѣть высшее военно-юридическое образованіе, послѣдніе, назначаемые изъ строевыхъ офицеровъ, должны имѣть служебную опытность. Все военно-судебное вѣдомство переустроено на новыхъ основаніяхъ. Для комплектованія сего вѣдомства офицерами съ высшимъ военно-юридическимъ образованіемъ въ 1866 г., при бывшемъ военно-юридическомъ училищѣ, учреждены офицерскіе классы, переименованныя въ 1868 г. въ Военно-Юридическую Академію. Засимъ, съ упраздненіемъ военно-юридическаго училища, по ненадобности въ гражданскихъ чиновникахъ, Военно-Юридическая Академія въ 1878 г. устроена на основаніяхъ одинаковыхъ съ другими академіями военнаго вѣдомства. Въ ней бывший военный министръ графъ Д. А. Милютинъ нынѣ состоитъ почетнымъ президентомъ.

Начавшееся еще съ 1869 г. увеличеніе военныхъ силъ, обнаруженное почти всѣми государствами въ Европѣ, побудило и наше военное министерство изыскать средства для возможнаго

усиленія и нашей арміи, на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Это привело къ составленію новаго Положенія о запасныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ войскахъ, и ко введенію, 1-го января 1874 года, всеобщей воинской повинности.

Затѣмъ, въ 1876 году, было издано Положеніе о государственномъ подвижномъ ополченіи.

Наступившія потомъ событія и война 1877—1878 гг. не позволяли дальнѣйшаго развитія военныхъ реформъ; а по окончаніи войны потребовался рядъ мѣръ, для приведенія арміи на мирное положеніе. Эти заботы продолжались до 1881 года, когда генераль-адъютантъ Милютинъ оставилъ постъ военнаго министра.

За время его управленія, по волѣ монарха, жалованіе офицеровъ увеличено, равно какъ увеличены столовыя деньги и другого вида довольствіе. Пенсіонныя выдачи изъ эмеритальныхъ кассъ прибавились на 50% противъ прежняго. При всѣхъ частяхъ войскъ и управленій, при содѣйствіи отъ правительства, образовались заемные офицерскіе капиталы, изъ которыхъ офицеры могли заимствовать ссуды на льготныхъ основаніяхъ. Заведены офицерскія собранія при всѣхъ полкахъ, общія столовыя, и частямъ начали отпускаться суммы на улучшеніе быта офицеровъ.

Нѣтъ возможности въ бѣгломъ очеркѣ изобразить все, что было сдѣлано Д. А. Милютинымъ во время управленія его военнымъ министерствомъ, нерѣдко прямо по указаніямъ и предначертаніямъ Императора Александра II и всегда при неизмѣнномъ сочувствіи и съ высочайшаго его разрѣшенія. Такъ напр. мы не говоримъ о новомъ положеніи о казакахъ, о преобразованіи военныхъ тюремъ, объ улучшеніи участи арестантовъ и проч. и проч.

Вся дѣятельность военнаго министерства была постоянно направлена къ улучшенію быта солдата и офицера, со дня поступленія ихъ на службу до увольненія въ отставку и въ отставку. Все было пронизуемо гуманнымъ и свѣтлымъ взглядомъ. Д. А. Милютинъ самъ лично входилъ во все и умѣлъ выбирать себѣ достойныхъ сотрудниковъ.

П. Н.

Примѣчаніе. Настоящая книга „Русской Старинѣ“ украшена портретомъ гр. Д. А. Милютина, исполненнымъ на мѣди академикомъ И. П. Жолостиннымъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ

† 25-го октября 1885 г.

Николай Васильевичъ Калачовъ происходилъ изъ древняго рода: въ историческихъ актахъ встрѣчается Посникъ Калачовъ, жившій въ XVI и XVII вѣкѣ, который былъ дьякомъ Земскаго Приказа; родъ Калачовыхъ издревле владѣлъ помѣстьями и вотчинами и внесенъ въ шестую часть дворянской родословной книги. Н. В. Калачовъ, сынъ Василя Андреевича, служившаго по выборамъ предводителемъ дворянства Юрьевскаго уѣзда, родился 26-го мая 1819 года въ селѣ Алексинѣ Юрьево-Польскаго уѣзда Владимірской губерніи. Дѣтство свое Н. В. провелъ въ домѣ родителей, въ селѣ Вескахъ, гдѣ онъ впервые познакомился съ грамотой и получилъ первоначальное образованіе; послѣднее шло при исключительно-счастливыхъ обстоятельствахъ: руководимый довольно образованными родителями, ребенокъ пользовался уроками иностранныхъ наставниковъ, жившихъ постоянно въ домѣ. Это были не какіе-нибудь авантюристы, бравшіеся за незнакомое дѣло ради куска хлѣба, а истинно ученые люди, съ докторомъ философіи Гегерманомъ во главѣ. Занятія шли настолько успѣшно, что, будучи 12 лѣтъ, Н. В. уже читалъ произведенія Тита Ливія то въ подлинникѣ, то на нѣмецкомъ языкѣ. Заслуга д-ра Гегермана въ томъ, что онъ первый поселилъ въ Калачовѣ наклонность къ историческимъ занятіямъ.

Послѣ отъѣзда Гегермана за границу Н. В. Калачовъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ его сначала отдали въ пансіонъ Чермака, а потомъ, въ 1833 г., помѣстили въ бывшій Московскій дворянскій институтъ. Здѣсь талантливый юноша, оказывая блестящіе успѣхи по всѣмъ предметамъ, съ особенною любовью занимался изученіемъ отечественной словесности, въ чемъ ему не мало помогалъ В. С. Межевичъ. Кромѣ этого, Н. В., готовясь поступить на словесный факультетъ, изучалъ съ особымъ усердіемъ греческій и латинскій языки. Мечтамъ юноши, однако, не пришлось сбыться: онъ, по окончаніи курса въ институтѣ въ 1836 году, уступая желанію отца, поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета.

Въ 1835 г., какъ извѣстно, былъ введенъ новый уставъ въ университетахъ, внесшій въ жизнь этихъ заведеній свѣжую, здоровую струю: съ этого времени въ Москвѣ выступили первые русскіе представители исторической школы права, производившіе на своихъ слушателей обаятельное дѣйствіе.

Увлеченный живымъ изложеніемъ съ каведры, Н. В. рѣшился посвятить всю свою жизнь историко-юридическимъ занятіямъ, что, какъ извѣстно, и выполнилъ съ преизбыткомъ. Бывши же въ университетѣ, Калачовъ, подъ руководствомъ С. Я. Унковскаго, впервые познакомился съ англійскимъ языкомъ и съ литературою на немъ—въ подлинникахъ.

Университетскіе годы въ жизни Н. В. Калачова были и исходнымъ пунктомъ для его серьезной литературной дѣятельности: еще студентомъ онъ написалъ изслѣдованіе судебниковъ Ивана III и Ивана IV, обнимающее какъ предшествующіе имъ памятники, такъ и послѣдующіе законы вплоть до сборнаго уложенія (1649 г.) Этотъ трудъ напечатанъ былъ въ „Юридическихъ запискахъ“ Рѣдкина (1841—1843 гг.).

Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1840 г., Н. В. Калачевъ прямо со студенческой скамьи былъ опредѣленъ на службу, по рекомендаціи М. П. Погодина, въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія: онъ сначала былъ откомандированъ для занятій въ археографическую комиссію, а потомъ опредѣленъ и чиновникомъ оной. Археографическія занятія открыли много новаго для Калачова,—онъ выучился разбирать старинные почерки и рѣшилъ приступить къ отысканію древнихъ матеріаловъ для отечественной исторіи и права. Служба въ комиссіи не помѣшала ему сотрудничать въ различныхъ журналахъ и готовиться къ магистерскому экзамену, который и былъ сданъ имъ въ 1843 году. Въ этомъ же году умеръ отецъ Калачова, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ оставить службу въ комиссіи, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Въ 1846 г. Н. В. снова поступилъ на службу, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Москвѣ; онъ принялъ мѣсто библиотекаря въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ же году онъ защищалъ въ московскомъ университетѣ магистерскую диссертацию—„Предварительныя юридическія изслѣдованія о Русской Правдѣ“, встрѣченную весьма сочувственно и критикою.

Служба въ московскомъ архивѣ дала возможность Калачову ознакомиться съ хранящимися здѣсь богатыми матеріалами русской исторіи, изъ которыхъ особенно интересныя онъ отсылалъ въ археографическую комиссію. Кромѣ этого, въ 1847 г., въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ» было имъ помѣщено изслѣдованіе «О Кормчей книгѣ» и редактированы «Иностранныя акты и сочиненія, относящіяся до Россіи», собранныя кн. М. И. Оболенскимъ и помѣщавшіяся сначала въ тѣхъ же «Чтеніяхъ».

Въ 1848 году выбылъ изъ числа профессоровъ московскаго университета К. Д. Кавелинъ (ум. въ 1885 г.), и каведра исторіи русскаго законодательства, оставшаяся поэтому праздною, была замѣщена Н. В. Калачовымъ, который явился достойнымъ преемникомъ своего предшественника. Кореннымъ правиломъ профессорской дѣятельности Калачова было не столько учить, сколько направлять молодыхъ людей къ самостоятельному изученію памятниковъ древняго права, и потому онъ знакомилъ студентовъ только съ такъ называемою внѣшнею исторіею русскаго законодательства въ собственномъ смыслѣ. Онъ читалъ и исторію русскаго законодательства и объясненіе важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ русской старины и, кромѣ того для студентовъ прочихъ факультетовъ—„Государственныя и губернскія учрежденія“ и „Законы о состояніяхъ“.

Состоя профессоромъ, онъ въ то-же время не оставлялъ службы и въ

археографической комиссії, по порученію которой онъ въ 1852 и 1853 годахъ предпринялъ на свой счетъ археографическое путешествіе по Россіи для отысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Плодомъ этой поѣздки были богатые матеріалы, частью вышедшіе отдѣльно, частью помѣщенные въ „Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Русь“.

Еще ранѣе путешествія, Н. В. принялъ участіе, какъ сотрудникъ, въ „Москвитиннѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ помѣщалъ разборъ выходящихъ вновь книгъ историческаго и юридическаго содержанія, а въ 1850 году издалъ 1-ю книгу „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, 2-я книжка котораго вышла въ 1854 году; съ 1852 г. онъ собиралъ матеріалы для „Дополненій къ актамъ юридическимъ“.

Какъ важное послѣдствіе его путешествія по Россіи, необходимо отмѣтить то, что имя его, послѣ этого, стало однимъ изъ первыхъ въ ряду изслѣдователей общино-правовыхъ воззрѣній: это онъ заслужилъ своими трудами:—„О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи“, „Артели въ древней и нынѣшней Россіи“ и др.

Въ 1857 г., прибывъ на короткое время въ Петербургъ, Н. В. Калачовъ для своихъ ученыхъ занятій встрѣтилъ надобность въ дѣлахъ архива II Отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Графъ Блудовъ, начальникъ отдѣленія, прямо заявилъ Калачову, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ, что, какъ стороннее лицо, онъ не будетъ допущенъ въ архивъ,—необходимо, чтобы Н. В. поступилъ на службу во Второе Отдѣленіе. Калачовъ согласился и на него было возложено участіе въ редактированіи третьяго изданія гражданскихъ законовъ; помимо этого, онъ участвовалъ въ различныхъ комиссіяхъ, результатомъ занятій которыхъ явились важнѣйшія законоположенія минувшаго царствованія.

Въ 1864 г. Калачовъ былъ назначенъ управляющимъ московскаго архива министерства юстиціи, съ производствомъ въ сенаторы. Съ этого времени начинается рядъ мѣръ, предпринятыхъ имъ на пользу русской юридической науки. Такъ, въ составѣ московскаго архива образовано ученое отдѣленіе, занимающееся разработкою хранящихся въ архивѣ документовъ.

Приведа дѣла московскаго архива въ блестящій порядокъ, Н. В. задумалъ какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы и во всей Россіи было все бережно и сохранно въ архивахъ. Для этого, во 1-хъ, была учреждена комиссія для выработки общихъ правилъ объ устройствѣ архивовъ, и во 2-хъ, по инициативѣ его открыть въ Петербургѣ археологическій институтъ для подготовки научно-образованныхъ архивистовъ. Плоды этихъ предпріятій уже на лицо: во многихъ уже губернскихъ городахъ учреждены архивныя комиссіи...

Слишкомъ много мѣста заняло бы исчисленіе тѣхъ ученыхъ обществъ, почетнымъ членомъ, членомъ-корреспондентомъ и т. п. которыхъ состоялъ Николай Васильевичъ, — мы не знаемъ почти ни одного такого учрежденія, которое бы не почтило его тѣмъ или другимъ образомъ.

Для занимающихся библиографическими работами считаемъ не лишнимъ указать, что первые литературные опыты Калачова были напечатаны въ „Рѣчахъ“, произнесенныхъ на актахъ москов. дворянскаго института въ 1834 и 1835 годахъ. По окончаніи университетскаго курса, Н. В. принималъ участіе въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ помѣщалъ, по преимуществу, статьи критическаго содержанія, разбирая выходявшія вновь книги по русской исторіи и праву.

Тогда же въ „Маякѣ“, изд. Бурачкомъ, онъ напечаталъ переводъ итальянскаго писателя Чилли о Дмитріи Самозванцѣ, съ предисловіемъ переводчика.

Николай Васильевичъ Калачовъ умеръ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Волхонщинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, 25-го октября 1885 года.

А. В. Смирновъ.

г. Судогда
Владимірской губерніи.
7-го ноября 1885 г.

ИЗЪ ПРОШЛАГО,

I.

Въ 1832 году, мѣсяца за три до рожденія великаго князя Михаила Николаевича, въ лагерѣ гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ Селомъ, ихъ императорскія величества государь императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳеодоровна съ наследникомъ цесаревичемъ изволили присутствовать на парадной вечерней зарѣ, при л.-гв. Измайловскомъ полку, въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ, блестящей свиты обоего пола и генералитета. Тутъ былъ и генераль-адъютантъ Павелъ Петровичъ Мартыновъ, командовавшій въ 1821—1825 гг. л.-гв. Измайловскимъ полкомъ. Ростомъ невеликъ, ворчунъ, любившій казаться строгимъ, былъ онъ и оригиналъ: называя прапорщиковъ „будущими фельдмаршалами“, ихъ только однихъ онъ оставлялъ въ покоѣ, какъ бы грубы ни были ихъ ошибки на ученьяхъ! Какъ человекъ сердечный, онъ щадилъ молодость, что не оставалось не подмѣченнымъ.

Упомянутая заря обозначалась тѣмъ, что передъ серединой намѣченнаго полка собирались всѣхъ полковъ хоры музыкантовъ для игры, а за ними для пробитія зарн: барабанщики, горнисты, флейщики, тамбурмажоры, всего до 1,200 человекъ, подъ управленіемъ капельмейстеровъ — корпуснаго и полковыхъ.

На такой зарѣ, не помнимъ котораго числа, государь императоръ былъ пѣшкомъ. Императрица же, въ раскідномъ четырехъ-мѣстномъ ландо, четверней съ фореиторомъ, у каждой лошади по конюху, на случай испуга лошадей при громѣ барабановъ и залпѣ не одной сотни орудій, по сигнальной ракетѣ ровно въ 9 часовъ. Были приняты мѣры къ тому, чтобы ничѣмъ не потревожить императрицу на нашемъ, такъ сказать, праздникѣ.

Но случилась неудача. Сигнальная ракета, за которою всѣ слѣдили, не пошла въ гору. Поставленная въ станокъ другая ракета зажгла третью, подъ нею лежавшую, въ торопяхъ, вѣроятно, вновь незакрытую. Эта-то запасная ракета, нечаянно зажженная, оставивъ на офицерѣ полевого караула — поручикѣ Евреиновѣ слѣдъ своего горизонтальнаго полета, врѣзалась въ караулъ, стоявшій въ ружьѣ, и вырвала изъ него трехъ человекъ. Всѣ оглянулись и поняли, что не доброе что-то случилось съ карауломъ.

Государь императоръ, въ ту же минуту, отпустилъ императрицу въ Красносельскій дворецъ и, отслушавъ зарю и молитву, спустился къ полковому караулу, пригласивъ офицеровъ помочь раненымъ товарищамъ. Подчерк-

ваемъ это слово, какъ слышанное нами отъ самого государя. Обратившись же затѣмъ къ поручику Евреиннову, его величество, въ милостивыхъ выраженіяхъ, замѣтилъ ему, что не слѣдовало теряться; если напр., ядро вырветъ рядъ, надо сомкнуть ряды и не допускать беспорядка. Поручикъ Евреинновъ, слабого здоровья, блѣдный какъ полотно, застигнутый посѣщеніемъ ракеты врасплохъ, хотя былъ уже обстрѣлянъ въ персидскую кампанію, и не понявъ, что сдѣланное ему государемъ замѣчаніе вызвано присутствіемъ иностранцевъ, зорко слѣдившихъ за русскими, отвѣчалъ, что „у него не было безпорядка“. По отбытіи государя изъ лагера, всѣ караулы были сняты, по случаю ожидавшагося на другой день смотра войскамъ въ высочайшемъ присутствіи, а поручикъ Евреинновъ—арестованъ.

Изъ трехъ караульныхъ, выбывшихъ изъ строя, у одного была обожжена спина и затылокъ отъ взрыва сумы съ патронами, другой былъ раненъ въ спину. У третьяго-же, тяжело раненаго, пришлось вынимать изъ спины щепу отъ хвоста ракеты. Грѣшно было-бы умолчать, что названный нами третьимъ, при всемъ страданіи, умолялъ насъ не снимать съ него мундира, дабы не обнаружилась ситцевая на немъ, не дозволявшаяся тогда, рубашка и тѣмъ избавить отъ отвѣтственности его начальника, командира 3-й фузilierной роты—Колзакова.

Умысливъ разошлись мы по палаткамъ, предвидѣвъ, что поручикъ Евреинновъ уйдетъ въ армію не капитаномъ, а тѣмъ же чиномъ. Но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость—въ это твердо вѣрить русскій человѣкъ.

Въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ при высочайшемъ дворѣ, въ Красномъ Селѣ, Павлу Петровичу Мартынову досталось сидѣть противу самого императора. П. П., имѣвшій всегда видъ какъ бы надувшагося, въ этотъ вечеръ былъ какъ-то особенно молчаливъ. Государь, замѣтивъ это, спросилъ его о причинѣ грусти. „Хорошій офицеръ!“ было отвѣтомъ, вовсе однакожъ не на вопросъ. Его величество повторилъ вопросъ. Тогда П. П., съ виду простота, уразумѣвъ, что государь расположенъ благодушно выслушать его, отвѣчалъ, оригинально, но уже ясно: «хорошій офицеръ Евреинновъ. Простите!»

Черезъ часъ весь полкъ зналъ уже, что добрый нашъ товарищъ Михаилъ Ивановичъ Евреинновъ—прощень, и мы долго еще служили съ нимъ, въ родномъ полку—не забывая монаршей милости.

Почтивъ этимъ рассказомъ память и Павла Петровича Мартынова, истаго измайловца незабвенныхъ временъ, добавимъ, что государь въ своемъ къ нему благоволеніи повелѣлъ поставить его портретъ, малаго размѣра, въ измайловскомъ мундирѣ, при полковыхъ знаменахъ, въ собственномъ его величества Анничковскомъ дворцѣ. Знамена были тѣ самыя, которые П. П., въ чинѣ капитана, защищалъ подъ Бородинымъ и Кульмомъ.

II.

Въ Петербургѣ, при продолжительномъ крѣпкомъ вѣтрѣ съ моря, вода нерѣдко выступаетъ на улицу, начиная съ низменныхъ мѣстъ въ Галерной гавани и Коломягѣ. Но это еще не наводненіе, обыкновенно возбѣщаемое днемъ пушечными выстрѣлами, ночью же и фонарями—на Большомъ Главномъ Адмиралтействѣ, дабы обитатели подвальныхъ этажей не были застигнуты врасплохъ водой.

Въ 1830-хъ годахъ, осенью, не упомнимъ дня, вода пошла какъ-то на прибыль; показала даже кое-гдѣ выступившею на мостовую черезъ рѣшетки

водосточныя. Такъ, у Поцѣлуева моста, между нимъ и флотскими казармами образовалась даже порядочная лужа. Вѣтеръ съ моря крѣпчалъ; пушечныхъ выстрѣловъ не было, почему ѣзда и движеніе вообще по городу не утихали. Время было дообѣденное.

Поцѣлуевъ мостъ на р. Мойкѣ довольно крутъ—горбатъ. При спускѣ съ него, одинъ изъ л.-гв. измайловскихъ солдатъ, уволенныхъ со двора, угощенный своимъ землякомъ, сильно урѣзавшій, перейдя мостъ, попалъ прямо въ лужу и, по неустойчивости ногъ, расположился отдохнуть на мокромъ ложѣ.

На его бѣду, слѣдомъ за нимъ, показался на мосту великій князь Михаилъ Павловичъ, командиръ гвардейскаго корпуса. Солдатикъ, какъ ни былъ пьянъ, но увидѣвъ спускающагося къ нему начальника, и не будучи въ состояніи измѣнить свое горизонтальное положеніе, весь мокрый, всетаки отдалъ честь снятіемъ съ головы фуражки. Скопившіеся тогда-же у экипажа великаго князя зѣваки, зная строгость военной дисциплины, иные оплакивали уже солдатика.

Но его высочество, при всей строгости, рѣшилъ дѣло по влеченію сердца. Указавъ полицейскому отвести пьянаго въ полеъ, онъ приказалъ оставить его безъ взысканія, уваживъ въ солдатѣ, что онъ хоть пьянъ, да уменъ! Минувала гроза и ротнаго командира, всегда отвѣтственнаго. Досталось-бы на орѣхи и фельдфебелю, и отдѣленному унтеръ-офицеру. Переполохъ былъ страшный.

А. Д.

Опечатки.

Въ Указателѣ личныхъ именъ, напечатанномъ въ декабрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1886 г. напечатано: на стр. 35—Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1666 г., † 1696 г., слѣдуетъ читать: Іоаннъ IV и проч. род. 1530 г., † 1584 г.; на стр. 85 напечатано: Штоквичъ, коменд. Баязета 1371 г., слѣдуетъ читать: Штоквичъ, коменд. Баязета 1877 г.

ПАМЯТНИКЪ НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПВИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г.

Памятникъ этотъ оконченъ сооружеиіемъ и поставленъ въ декабрѣ 1885 года на общей могилѣ достопамятныхъ страстотерпцевъ, павшихъ жертвою злобы Бирона и Остермана.

Памятникъ исполненъ изъ бронзы по рисунку профессора М. А. Щурупова и подъ его ближайшимъ наблюдеиіемъ въ мастерской извѣстнаго художника,—серебр. и бронз. дѣлъ мастера А. Н. Соколова; барельефъ вылѣпленъ знаменитымъ русскимъ скульпторомъ А. М. Опекушинымъ. Памятникъ поставленъ на гранитномъ пьедесталѣ (даръ г. Брусова) и обнесенъ желѣзною рѣшеткою, безмездно исполненною г. Собенниковымъ по рисунку профессора Ѳ. Г. Солнцева.

На сооруженіе памятника собрано всего—1,900 р. 25 к. (см. списокъ жертвователей въ «Русской Старинѣ» 1885 г., кн. XI, стр. 453—454).

Изъ этой суммы израсходовано:

Мастеру А. Н. Соколову	1,535 р. —
Г. Вахрамову за бутовую плиту	70 » —
М. А. Щурупову для уплаты рабоч. каменщикамъ.	50 » —

Итого издержано 1.655 р. —

Остается на лицо. 245 р. 25 к.

Примѣчаніе. Изъ этихъ денегъ (245 руб.) надлежитъ уплатить г. Соколову 75 р., а затѣмъ остальные пойдутъ на окраску желѣзной рѣшетки, золоченіе буквъ надписей, посадку вокругъ памятника деревьевъ и проч.

Памятникъ будетъ освященъ въ іюнѣ 1886 г. Долгомъ считаемъ принести отъ лица всѣхъ почитателей памяти Волинскаго и его страстотерпцевъ глубочайшую признательность: М. А. Щурупову, А. М. Опекушину, Ѳ. Г. Солцеву, Я. А. Брусову и П. Н. Собенникову за ихъ труды и пожертвованія на этотъ памятникъ, А. П. Соколову за то, что исполнилъ сооруженіе за цѣну умѣренную и исполнилъ тщательно.

Необходимо также напомнить, что въ общей суммѣ пожертвованій на этотъ памятникъ, т. е. въ 1,900 р., главнѣйшая доля, именно 1000 р., принадлежитъ г-жѣ Селифонтовой, матери и опекуни малолѣтней ея дочери, Н. П. Селифонтовой, представительницѣ рода Артемія Волинскаго.

Ред.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополить С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Ѡ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волинскаго**—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; **судъ на Руси**, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пушина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѡ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Исслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;— профес. И. А. Линиченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Вильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Капоцистрія и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохнацкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Сиб. въ 1831 г., очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ въ М. Т. Дорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Блязъ Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Ватюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ф. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ *ДЕВЯТЬ руб.* съ пересылкою.

Каталогъ предметовъ музея древностей, состоящаго при Виленской публичной библиотекѣ. 2-ое изд. Вильна. 1885 г. 272 стр. Ц. 40 к.

Означенный каталогъ есть дополненное изданіе каталога, изд. въ 1879 г. Существенныя измѣненія состоятъ въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ порядкѣ предметовъ, въ дополненіи новыхъ приобретений и подробномъ обозначеніи нумизматическаго отдѣла. Въ предисловіи каталога изложена его исторія и библиографія предметовъ, помѣщенныхъ въ немъ. Отдѣлы распределены по слѣдующимъ группамъ: 1) каменный періодъ; 2) бронзовый періодъ; 3) коллекція г-жи Раевской (гипсовые слѣпки, представляющіе копии разныхъ каменныхъ и бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Россіи и другихъ мѣстностяхъ); 4) желѣзный періодъ; 5) этнографическій отдѣлъ (Египетъ, Китай, Японія); 6) миология; 7) оружіе и доспѣхи; 8) древности (литовско-русскія, римскія и греческія); 9) нумизматика (Россія, Литва, Польша, Швеція, Данія и т. д., монеты древняго греческаго и римскаго міра, азіатскія; медали); 10) печати; 11) достопамятности и рѣдкости; 12) художественный отдѣлъ. При каждомъ отдѣлѣ сдѣланы общія замѣчанія о немъ, а иногда указано и происхожденіе находящихся въ немъ предметовъ.

Архивъ князя Воронцова. Книга XXXI. М. 1885. 504 стр. Ц. 3 р.

Настоящій томъ Сборника заключаетъ въ себѣ: 1) письма гр. Р. Л. Воронцова къ старшему сыну его, гр. А. Р. Воронцову, 1758—1783 гг.; 2) письма госуд. канцлера гр. М. Л. Воронцова къ племяннику его, гр. А. Р. Воронцову 1758—1767; 3) письма гр. А. Р. Воронцова къ отцу его и брату, гр. С. Р. Воронцову, и его супругѣ 1783—1785; 4) Сенатскій докладъ о выдачѣ гр. Р. Л. Воронцову денегъ тестя его, дворянина Сурмина (дѣло это началось въ 1715 г. и окончилось при Елизаветѣ).

По положенію лицъ, переписка заслуживаетъ вниманія какъ матеріалъ, знакомящій съ воспитаніемъ молодыхъ людей высшаго круга за границею, съ образомъ ихъ жизни тамъ (любопытно письмо отца къ сыну А. Р. В.—ву: «не могу у тебя выпросить, чтобы ты научился писать. Хотя штиль хорошъ, да написано такъ, что никто прочесть не можетъ; то лучше вѣсто письма присылай бѣлую бумагу» и пр., 33,

112; «я дивлюсь крайнимъ образомъ тому, что ты въ два года издержалъ болѣе 15,000 рублей, къ чему тебя не надобность, а гордость, да тщеславіе побудилъ» и пр. 41); съ обстоятельствами семилѣтней войны; вступленіемъ на престолъ Петра III и его дѣйствіями (54, 168 и др.); съ усвоеніемъ западно-европейскихъ впросовъ и идей (105—302); вступленіемъ на престолъ Екатерины и ея отношеніями къ Воронцовымъ (163—208) и т. п. Многія письма касаются современной внутренней и вѣншей политики Россіи, лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія (Н. И. Панина, А. Л. Бестужева-Рюмина, Шуваловыхъ, Разумовскихъ и т. п.); иностранныхъ дипломатовъ, бывшихъ въ Россіи и русскихъ пословъ за границею; есть также замѣтки о Ломоносовѣ, Радищевѣ и др. менѣе значительныя.

Жизнь и труды В. Г. Барскаго. Соч. Н. Барсукова. Спб. 1885 г. 72 стр.

Небольшой, но обстоятельный биографическій очеркъ извѣстнаго странствователя по святымъ мѣстамъ, кievскаго уроженца, имѣющій связь съ изданнымъ авторомъ отъ имени «Православнаго палестинскаго общества» путешествіемъ послѣдняго. Самое путешествіе напечатано по подлинной рукописи, принадлежащей гр. А. С. Уварову; при чемъ редакторомъ приняты были во вниманіе и другіе извѣстные списки. Въ очеркѣ сообщается также обзоръ прежнихъ изданій и рукописей «путешествія».

Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг. Т. I, 1806—1807 гг. А. Н. Петрова. Спб. 1885 г. 414 стр., съ план. и карт. Ц. 1 руб. 25 к.

Трудъ этотъ весьма хорошо составленный на основаніи многочисленныхъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ главнымъ мн. иностр. дѣлъ и военно-ученомъ, составляетъ, такъ сказать, продолженіе трудовъ того же автора по исторіи турецкихъ войнъ при Екатеринѣ II-й. Въ I-мъ томѣ онъ разсматриваетъ политическое состояніе европейскихъ державъ предъ войною 1806 г. и дѣйствія армій Михельсона и Мейендорфа въ Молдавіи и Валахіи; гр. Гудовича на Кавказѣ; черноморскаго флота и эскадры вице-адмирала Селявина въ Архипелагѣ. Военный обзоръ событій сопровождается очеркомъ отношеній Россіи къ западнымъ державамъ, Турціи, Персіи и славянамъ. В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (56 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (8 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (49 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеvскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый. **ФЕВРАЛЬ.** 1886 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Феофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверской, 1706—1741 гг. (Окончаніе). Состав. И. Я. Морозкинъ.	265	IX. Война за независимость славянъ въ 1877—1878 гг. Посмертныя записки ген. отъ инф. П. Д. Зотова. Гл. III—IV.	425
II. И. Д. Кавелинъ. Записка объ освобожденіи крестьянъ. Гл. IV—VII.	293	X. Н. И. Костомаровъ. (Окончаніе). Сообщ. Д. Л. Мордовцевъ.	323
III. Девятнадцатое февраля. Стих. А. Н. Яхонтова	321	XI. Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ. Сообщ. П. В. Шейнъ.	483
IV. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ его воспитателю К. К. Мердлеру.	399	XII. Памятники Александру II—Освободителю, сооруженные крестьянами. Сообщ. М. И. Городецкій.	493
V. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева. Часть II. Гл. XII—XIV.	377	XIII. С. П. Шевыревъ. Сообщ. П. В. Шейнъ (423)—Гр. В. Н. Панинъ (450).—Ю. И. Гребне, † 2-го января 1886 г. (501).—А. П. Подолинскій, † 4-го января 1886 г. (513).	
VI. Въ училищѣ правовѣдѣнія. Воспоминанія П. А. Тютчева. (Окончаніе)	359	XIV. Библиографическія замѣтки и листокъ (стр. 503 и на оберткѣ).	
VII. Разказы Е. А. Егорова, инженеръ-генералъ-лейтенанта.	411		
VIII. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Часть III. Гл. I	453		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра II, гравюра на мѣди Ѳ. А. Мѣрлина.—II. Портретъ гр. Виктора Никитича Панина, гравиров. П. И. Матюшинъ.—III. Портретъ сенатора Якова Александровича Соловьева, гравиров. П. И. Матюшинъ.—IV. Памятники Александру II, сооруж. крестьянами.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе) печатается и будетъ разсылаться въ началѣ марта 1886 года тѣмъ изъ подписчиковъ «Русской Старины», которые возобновили свою подписку до 25-го января 1886 г. и выслали одинъ руб. за Альбомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1886 г.

Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность. Биографическій очеркъ. Сост. Н. К. Шильдеръ. Спб. 1885. Томъ первый.

Настоящій трудъ въ первомъ томѣ объемлетъ свѣдѣнія объ Эдуардѣ Ивановичѣ Тотлебенѣ съ 1818 по 1859 г. Не ограничиваясь биографическими данными, трудолюбивый составитель этого весьма замѣчательнаго историческаго изслѣдованія собралъ въ немъ множество вполне драгоценныхъ свѣдѣній, вообще до войны 1853—1855 годовъ относящихся. Всѣ эти свѣдѣнія основаны на архивныхъ документахъ и не только касаются чисто военныхъ событий, но также современныхъ имъ политикѣ, дипломатіи и характеристики главнѣйшихъ дѣятелей описываемой имъ эпохи. Вообще трудъ Н. К. Шильдера, сына доблестнаго и, можно сказать, гениальнаго русскаго инженера, является вполне драгоценнымъ вкладомъ въ нашу не только военную, но и вообще историческую литературу. Отъ души желаемъ видѣть скорѣйшаго окончанія этого весьма интереснаго изслѣдованія.

Дома и на войнѣ. 1853—1881. Воспоминанія и рассказы Александра Верещагина. Спб. 1886. Цѣна 2 р. 50 к.

Одна изъ самыхъ интересныхъ изъ числа появившихся въ послѣдніе два три года. При чтеніи ея нельзя оторваться до самаго конца; искренность, необыкновенное, крайне симпатичное добродушіе автора невольно привлекаютъ читателя. При томъ передъ вами проходятъ столь живые образы лицъ, весьма извѣстныхъ, и является такая масса подробностей, вполне историческихъ событий, что интересъ книги дѣлается вполне понятнымъ. Какъ мы слышали, настоящее изданіе сполна разошлось и явится въ непродолжительномъ времени въ новомъ тисненіи, украшенное портретами и рисунками. Не трудно предсказать и новому изданію этой книги самый блестящій успѣхъ.

Рассказы про Суворова. А. Ѳ. Петрушевскаго. (Съ портретомъ Суворова). Спб. 1885. Ц. 60 к.

Книжка эта, по безыскусственному изложенію, отсутствію какихъ либо тенденцій, равно и по вѣрности сообщаемыхъ фактовъ, можетъ представить безусловно

полезное чтеніе для тѣхъ, кому, по словамъ автора, «не привелось уйти дальше толковой грамотности или первоначальнаго образованія». Достаточнымъ ручательствомъ вѣрности описываемыхъ событий служить то условіе, что книжка составлена по сочиненію того же автора «Генералисимусъ князь Суворовъ», извѣстному русскому публикѣ и не требующему новыхъ похвальныхъ отзывовъ. Простой серьезный тонъ «Рассказовъ про Суворова» производитъ тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе, что автору удалось вполне избѣгнуть анекдотическаго элемента, успѣшнѣе умалить интересъ, возбуждаемый личностью гениальнаго полководца. А. Ѳ. Петрушевскому удалось избѣгнуть длиннотъ и разсужденій и составить живой, занимательный разсказъ, не смотря на непрерывное почти описаніе войнъ и побѣдъ, одержанныхъ Суворовымъ.

Жизнь и труды принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, ко дню пятидесятилѣтія Императорскаго училища правовѣдѣнія. Сост. А. Папковъ, бывшій воспитанникъ училища. Спб. 1885.

5 декабря 1885 года исполнилось пятидесятилѣтіе имп. училища правовѣдѣнія. Поэтому вполне уместно своевременное появленіе въ печати такого добросовѣстнаго труда, какъ А. Папкова, почтившаго память основателя училища, который не переставалъ заботиться о немъ до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1881 г. Въ очеркѣ «Жизни и трудовъ принца Ольденбургскаго» приведены подробныя свѣдѣнія объ его семейной, частной и общественной жизни, въ которой особенно ярко выступаетъ его дѣятельность по вѣдомству учреждений императрицы Маріи. Полуиностронецъ по отцу, религіи и воспитанію, онъ былъ вполне русскимъ челоувѣкомъ по всѣмъ симпатіямъ и чувствамъ и посвятилъ всю свою жизнь безкорыстному служенію Россіи. Въ этомъ отношеніи, какъ по дѣламъ благотворительности, такъ и неуспыннымъ заботамъ о просвѣщеніи, свѣтлая личность принца Ольденбургскаго занимаетъ въ августѣйшей семьѣ первое мѣсто послѣ покойной императрицы Маріи Феодоровны. Насколько широка была дѣятельность принца на

Рис. и грав. Е. Шершневъ 1855

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» изд. 1886 г.

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 15 ЯНВАРЯ 1886 Г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.
Digitized by Google

Рис. и грав. С. Пинкерт 1851

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» изд. 1886 г.

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 15 ЯНВАРЯ 1886 г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАБОТЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ДѢЛАМЪ.

ТЕОФИЛАКТЪ ЛОПАТИНСКІЙ

архіепископъ тверской,

въ 1706—1741 гг.

VIII ¹⁾.

Въ 1731 году Теофилактъ послалъ Рѣшилова, за его противозаконные поступки, подѣ началъ къ Іоасафу въ Калезинъ монастырь; а Іоасафъ, обманувшись въ патріаршествѣ Теофилакта, представилъ Теофану копію съ Теофилактовыхъ тетрадей и, жалуясь на худое житіе у Теофилакта, просилъ Теофана принять его въ свою милость. Теофанъ помогъ ему перейти въ Бизюковъ монастырь. Вслѣдъ за нимъ туда-жъ ушелъ и Рѣшиловъ, выпросившись у новаго калезинскаго архимандрита будто на богомолье къ преподобному Сергію.

Въ разговорѣ съ Рѣшиловымъ, Маевскій говорилъ: „быть бы Теофилакту давно патріархомъ, только скрипочки ему, да дудочки помѣшали“. Эти слова объ охотѣ Теофилакта до музыки онъ слышалъ отъ князя Д. М. Голицына въ бытность въ Москвѣ по дѣлу архіепископа. Іоасафъ защищалъ его предъ Голицынымъ; но набожный вельможа отвѣчалъ: „полно, полно, я знаю, каковъ вашъ архіерей. Не такъ онъ живетъ, какъ отецъ его, преосвященный Стефанъ митрополитъ“. Покровительствуя Іоасафу, Теофанъ сначала не подозрѣвалъ его тактики. Но когда явился пасквиль и подозрительность Теофана, перебирая и тѣхъ, и другихъ лицъ, его мысль, видимо, не разъ останавливалась на Іоасафѣ. Теофанъ догадывался, что у него съ Тео-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1886 г., т. XLIX, январь, стр. 1—38.

филактомъ отношенія были не совсѣмъ такія, какими представилъ ихъ Іоасафъ. Зачѣмъ же онъ бѣжитъ отъ Теофилакта и бѣжитъ въ Бизюковъ монастырь? Затѣмъ Теофанъ начинаетъ подозрѣвать и Рѣшилова, который также очутился въ Бизюковѣ монастырѣ. Ктонибудь изъ двухъ виноватъ; но кто? Малая и почти ничтожная сама по себѣ вещь навела мысль Теофана на Рѣшилова. Въ пасквильномъ письмѣ часто упоминалось слово дзенкую и слово пошучуя (шута). И сталъ Теофанъ подозрѣвать его въ составленіи пасквиля. Рѣшиловъ убѣждалъ въ Бизюковъ монастырь, который стоитъ на рубежѣ государства. По многимъ обстоятельствамъ видѣть можно, что Рѣшиловъ на рубежъ прибѣжалъ, дабы, въ случаѣ подозрѣнія его въ составленіи пасквиля, была ему возможность бѣжать за рубежъ.

Утвердившись въ подозрѣніи Рѣшилова, Теофанъ нашель предлогъ къ вытребованію его въ Москву и надѣялся собрать подъ рукой нужныя справки. Синодальный секретарь Дудинъ, по порученію Теофана, взвелъ на него денежный начеть, рублей на 60. Этого было довольно, чтобы затянуть его дѣло. Рѣшилова привезли въ Москву и посадили подъ караулъ. Но слѣдующее обстоятельство еще болѣе усилило подозрѣніе Теофана на Рѣшилова. Изъ-подъ ареста онъ написалъ два слезныхъ письма: одно къ Теофану, дабы онъ своимъ предстательствомъ у синода освободилъ его отъ платежа похищенныхъ денегъ, другое—къ александроневскому архимандриту Петру Смѣличу, чтобъ онъ попросилъ Теофана объ оказаніи ему этой милости. Это письмо Теофанъ счелъ ласкательствомъ и еще болѣе сталъ подозрѣвать его. „И понеже Теофана въ письмѣ пасквильномъ не легко трактуеть, того ради таковымъ, чрезъ письма внушаемымъ своимъ къ Теофану яко-бы доброжелательствомъ, отводить хотѣлъ отъ себя подозрительный догадъ“.

Рѣшилова привезли въ С.-Петербургъ. Навели справку о его грязныхъ и въ то-же время важныхъ дѣлахъ, изъ которыхъ одного было бы достаточно, чтобы этого безчестнаго человѣка, нарушителя всѣхъ иноческихъ обѣтовъ, правилъ и приличій, предать всей строгости законовъ. Но не по этимъ дѣламъ привезли его въ С.-Петербургъ. Слѣдованіе поручено произвести кабинетнымъ министрамъ вмѣстѣ съ новгородскимъ архіепископомъ.

Въ 1733 году октября 26 Теофанъ объявилъ высочайшее повелѣніе св. Синоду допрашивать обстоятельно безъ замедленія

іеромонаха Іосифа Рѣшилова, до котораго касается нѣкое особое дѣло.

Всѣ дѣйствія Рѣшилова и каждое новое показаніе утверждали его въ подозрѣніи на счетъ виновника папина письма. Теофанъ подалъ въ кабинетъ дополнительныя примѣчанія изъ разныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, что извѣстнаго пасквиля подметнаго авторъ или сочинитель есть бывшій монахъ, что нынѣ растрига Иванъ Рѣшиловъ, съ оговоркою однако-жъ: кромѣ нѣкихъ немногихъ частей, которыя кажутся выше ума его ¹⁾. Въ одномъ изъ примѣчаній Теофанъ говоритъ: а се каково кажется, что авторъ пасквильный (то есть Рѣшиловъ) на страницѣ 8 показываетъ одного, другаго и третьяго, именно, которые клеветали на Теофана яко-бы въ неправомъ ученіи, а Теофилакта Лопатинскаго, который въ первомъ клеветаніи начальниѣ былъ, не воспоминаеть. Знато, Лопатинскому пасквильниѣ сей былъ подкомандный и ласкательный, и опасался, дабы отъ именованія Лопатинскаго не произошло на него подозрѣніе. И се, кажется, не безъ хитрости, что пасквильниѣ чрезъ сіе лаятельное письмо свое клевететь на всѣхъ знатнѣйшихъ людей, будто они уклонились въ лютерскую вѣру, а котораго человѣка начальникомъ того уклоненія ставить, того не въ лютераны, но въ паписты произвелъ, знато для того, чтобъ не было помысла, которой онъ есть факціи и команды.

Въ отвѣтахъ Рѣшиловъ указывалъ на многихъ лицъ. Вытребовали въ С.-Петербургъ въ синодъ бизюковскаго архимандрита Іоасафа Маевскаго. 5-го марта позванъ онъ былъ въ слѣдственную комиссію, состоящую изъ кабинетныхъ министровъ Ушакова и Теофана. Іоасафъ допрашиваемъ былъ по всѣмъ пунктамъ показаній Рѣшилова, но отговаривался отъ всего незнаніемъ, „сожалѣя“, какъ впоследствии объяснялъ — „старость преосвященнаго Теофилакта“ и надѣясь, что такое сложное и запутанное дѣло потянется, потянется, да и замоленеть. На счетъ патріаршества показалъ, что о посвященіи Теофилакта не го-

¹⁾ Примѣчанія Теофана находятся въ госуд. архивѣ, смотри дѣло Рѣшилова, VII р., 361 №. Всѣхъ примѣчаній 12, въ которыхъ приводятся доказательства тому, что сочинитель пасквиля долженъ быть Иванъ Рѣшиловъ.

варивалъ. Засѣданіе окончилось тѣмъ, что Ушаковъ предложилъ допросить Оеофилакта по дѣлу о патріаршествѣ.

7-го марта Іоасафъ допрашивается былъ въ св. синодѣ о знакомствѣ его съ Рѣшиловымъ.

16-го марта, Оеофанъ словесно объявилъ именной указъ ея императорскаго величества: „по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, содержащимся при синодѣ, іеромонаха Іосифа Рѣшилова, за его важныя по онимъ дѣламъ разнорѣчія и склонныя къ нему важныя-жъ подозрѣнія, лишить іеромонашества и монашества и, по лишеніи, отослать въ тайную канцелярію въ немедленномъ времени“.

Вытребованы были также въ С.-Петербургъ ризничій тверскаго архіерейскаго дома, іеродіаконъ Александръ Судаковъ, секретарь архіерейскаго дома, Алексѣй Давыдовъ, и сынъ его, бывшій подъячій тверскаго архіерейскаго дома, Алимпій Давыдовъ, въ ту пору бизюковскій іеродіаконъ, котораго Іоасафъ съ Рѣшиловымъ постригли въ монахи 16-ти лѣтъ отъ роду, чтобы сдѣлать сюрпризъ Оеофилакту, пріѣхавшему въ Калязинскій монастырь, передъ десятой пятницей, послѣ Троицына дня. „На что ты, сударь мой, постригался—говорилъ пресвященный, ты еще молодъ и совершенно монашескаго чина понести не можешь“. Но дѣло было уже сдѣлано.

Кромѣ архимандритовъ, всѣ подсудимые содержались въ желѣзныхъ оковахъ. Страданія ихъ были ужасны. Допросы продолжались то одному, то другому почти каждый день. Инструкціи для допросовъ писалъ Оеофанъ и сводилъ на очныя ставки, не щадя увѣщаній.

13-го мая сдѣланъ былъ допросъ савинскому архимандриту Антонію о патріаршествѣ. Потомъ пошли допросы архимандритамъ калязинскому и бизюковскому.

Послѣ Рѣшилова и Маевскаго важнѣйшимъ колодникомъ былъ Алимпій. 4-го іюня 1735 года члены слѣдственной комисіи собрались у Оеофана для допроса ему. Алимпій отказывался незнаніемъ. Онъ подверженъ былъ пыткамъ, поднятъ на дыбу и спрашиванъ накрѣпко; ему предложено было 76 вопросовъ, изъ коихъ очень многіе касаются Оеофилакта; было ему 12 ударовъ и потомъ былъ выведенъ изъ застѣнка и отданъ подъ караулъ; однимъ словомъ, отданъ былъ въ истязаніе въ тайную канцелярію, по приговору министровъ и А. И.

Ушакова. Протоколъ канцеляріи объ этомъ подписали: Теофанъ, Остерманъ, Ягужинскій, Черкасскій и Ушаковъ. И тутъ же именемъ св. синода Теофанъ лишилъ Алимпія іеродіавонства и монашества. Маевскій также былъ поднятъ на дыбу и пытанъ два раза наврѣшко.

Всѣ допросы клонились къ тому, что Рѣшиловъ есть авторъ пасквильнаго письма и что онъ принадлежитъ къ одной партіи съ Маркелломъ Родышевскимъ, съ распространителями латинской пропаганды въ Россіи, съ сторонниками патріаршества, съ противниками существующаго правительства, которое склоняется, по ихъ словамъ, къ лютеранству, и, однимъ словомъ, съ безчисленными заговорщиками и бунтовщиками, которыхъ такое множество собрано было въ синодъ и въ тайную канцелярію — съ Родышевскимъ и Аврамовымъ, съ Рибейрой, съ Ливеріемъ Колетти, съ Платономъ и пр. ¹⁾ И, наконецъ, къ этой же партіи, по мнѣнію Теофана, присталъ, въ надеждѣ достигнуть патріаршества, тверской архіепископъ Теофилактъ Лопатинскій.

Дѣло Рѣшилова крайне тревожило Теофилакта. Наконецъ, дошла очередь и до него.

IX.

Въ 1735 году апрѣля 10 прискакалъ къ нему курьеръ изъ С.-Петербурга съ пакетомъ. Курьеру приказано было вручить Теофилакту пакетъ и объявить ему, чтобъ онъ отвѣтъ свой своеручно подписаль на той-же бумагѣ, на которой вопросъ написанъ, и что на разсужденіе ему дается 3 часа. Во все это время курьеръ долженъ былъ наблюдать архіерея съ глазу на глазъ, чтобъ онъ въ тѣ часы никуда не отлучался, никого къ себѣ не допускалъ и тайно ни съ кѣмъ не говорилъ.

Въ вопросѣ, скрѣпленномъ подписью кабинетныхъ министровъ, Остермана, Ягужинскаго и Черкаскаго, написано было: „вѣдаете ли вы какого человѣка, который бы таковыхъ рѣчей:

¹⁾ См. госуд. арх. Дѣло о Рѣшиловѣ, № 368, VII р., и дѣло о Родышевскомъ, госуд. арх., VII р., № 221.

наимильшій, коханный, благословенство, дзенкую и прочихъ ¹⁾, яко-бы на образецъ польскаго языка устроенныхъ, употреблять приобыель?“

Оеофилактъ отвѣчалъ: „отнюдь не вѣдаю“.

Черезъ нѣсколько дней, 22-го апрѣля, присвакалъ другой курьеръ съ новымъ вопросомъ: „не такъ ли иногда съ вами говоривалъ бывшій іеромонахъ, что нынѣ растрига Іоасафъ Рѣшиловъ? И въ своихъ къ вамъ письмахъ таковыхъ, будто бы польскихъ, нарѣчій не употреблялъ ли? Такжеде и вы, въ вашихъ къ нему поговоркахъ и письмахъ таковыхъ же на статью такую словъ, хотя и насмѣшкою, не произносили ль? На сіе вамъ отвѣтствовать, какъ и прежде, при вручителѣ сего въ три часа“.

Оеофилактъ отвѣчалъ, что можетъ быть и говорилъ, но не помнитъ этого, потому что Рѣшиловъ жилъ не при немъ, а въ дальнемъ отъ него разстояніи.

Отвѣты Оеофилакта признаны неполными и неудовлетворительными и потому кабинетъ потребовалъ его въ С.-Петербургъ. Оеофилактъ взятъ былъ изъ Твери на-скоро, гнали день и ночь, прибывъ въ С.-Петербургъ, былъ остановленъ въ Ямской, дожидая вечера, и привезенъ нарочно ночью на Тверское подворье, на Васильевскомъ островѣ, и на ономъ былъ заарестованъ ²⁾. Св. синодъ, съ своей стороны, объявилъ, что до него касаются разныя дѣла по духовному суду; а по прибытіи Оеофилакта, взялъ съ него росписку, что, безъ соизволенія св. синода, онъ не уѣдетъ изъ С.-Петербурга, хотя бы отъ кабинета былъ уволенъ. Составили опись его книгамъ, которыя оцѣнили въ 1,500 рублей, его имѣнію, иконамъ, платью, посудѣ и прочему. И книги и весь скарбъ Оеофилакта, по описаніи, перевезены были также въ С.-Петербургъ.

30-го мая 1735 года, 26-го и 29-го іюня, слѣдовали допросы Оеофилакту. Но какъ его отвѣты опять показались неудовлетворительными и несогласными съ показаніями Рѣшилова, то коммисія положила привести его къ присягѣ. Указъ объ этомъ, за подписаніемъ членовъ св. синода и кабинетныхъ министровъ,

¹⁾ Подобныя выраженія встрѣчались въ пасквилѣ и къ нему приложенномъ письмѣ отъ папы къ Оеофану.

²⁾ См. Евдокимова: Каталогъ тверскихъ архіереевъ, рукопись.

объявленъ былъ Теофилакту 7-го іюля 1735 года. „Понеже ты на посланные къ тебѣ четыре допроса отвѣтствовалъ весьма, повидимому, не прямо, ибо на первый, апрѣля 10-го, и на второй, апрѣля 22-го, писанные, сказалъ ты, что весьма не вѣдаешь, чего нельзя, кажется, было тебѣ не вѣдать; а на третій, мая 30-го писанный, гдѣ Рѣшилова именованнаго тако-жѣ незнаніемъ отговаривался, чего никто не надѣялся, а въ кабинетѣ, 26-го дня іюня, первѣе въ незнаніи томъ утверждался, показавъ Рѣшиловыхъ къ тебѣ и твоихъ къ Рѣшилову писемъ не показали, а, по объявленіи писемъ оныхъ, сказалъ ты, что забытіемъ прежде того не написалъ и твое въ томъ незнаніе показывалъ; а на четвертый вопросъ, іюня 29-го тебѣ посланный, еще паче прежнихъ отвѣтовъ твоихъ, отвѣтствовалъ ты (какъ по всѣмъ обстоятельствамъ и рѣчамъ того-же отвѣта твоего разсуждаемъ) не совѣстно, суетно, огурно и самымъ, какъ въ прежнихъ отвѣтахъ твоихъ, такъ и въ послѣднемъ томъ, написаннымъ словамъ твоимъ не согласно и отнюдь не сходно, и потому показавъ ты самъ себя къ подозрѣнію извѣстнаго слѣдуемаго злаго умысла близкимъ: того ради, по именному ея императорскаго величества указу, высокоучрежденные кабинетные министры и синодальные члены согласно приговорили: привести тебя, при знатныхъ духовнаго и мірскаго чина особахъ, къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ. И дабы ты впредь не отговаривался малымъ къ разсужденію даннымъ тебѣ временемъ и торопвымъ домогательствомъ, дается тебѣ на разсужденіе, идти-ли тебѣ къ присягѣ, или сказать, что знаешь, довольное время, а именно до десятаго числа сего іюля мѣсяца. А между тѣмъ и то тебѣ во извѣстіе предлагается, что если ты, не вступая въ присягу, не скрытно и прямо поважешь, что надлежащее къ прежнимъ даннымъ тебѣ допросамъ вѣдаешь: то какъ бы ни былъ виноватъ, по благоутробному ея императорскаго величества милосердію получишь прощеніе. Если-же присягою завяжешься, а послѣ съ другой какой стороны покажется, что присягалъ ты ложно: то, не лстя себѣ, вѣдай несумнѣнно, что каковаго суда и осужденія самъ ты признаешь достойными во лжи, призывающихъ Бога свидѣтеля, таковой судъ и осужденіе съ тобою будутъ“.

Вмѣстѣ съ указомъ сообщена Теофилакту и форма присяги, особливо на этотъ случай сочиненная Теофаномъ.

„Я нижеподписавшійся влянусь Богомъ живымъ, что на поданныя мнѣ, по именному ея императорскаго величества указу, допросы: первый—апрѣля 10-го дня, другой—апрѣля 22-го, третій—мая 30-го, четвертый—іюня 29-го дня 1735 года писанные, отвѣтствовалъ по сущей истинѣ, ничего не утаивая, но столько, сколько зналъ я и знаю, произнося, и что съ бывшимъ іеромонахомъ Іосифомъ, что нынѣ растрига Иванъ Рѣшиловъ, и ни съ кѣмъ другимъ, каковаго бы то ни былъ званія, въ словесныхъ и письменныхъ на ея императорское величество нареканіяхъ не имѣлъ согласія и сообщества и никакихъ отъ него, Рѣшилова, или отъ другаго кого ни есть говоренныхъ на ея императорское величество нареканій и поношеній никогда не слышалъ и не видалъ, и никакимъ другимъ способомъ не вѣдалъ и нынѣ не вѣдаю. Тако-же, что писанные отъ мене на вышеупомянутые вопросы отвѣты, безъ всякаго тайнаго въ сердцѣ моемъ толку и подложнаго другаго образа, прямые и истинные суть, въ такой силѣ и разумѣ, въ каковой силѣ и разумѣ писанными мною рѣчами показуются, и какъ отъ чтущихъ, такъ и отъ слышавшихъ оныя разумѣются, тоже сказую по сихъ клятвенныхъ словахъ моихъ. И все то сею моею присягою предъ всевѣдущимъ Богомъ невестно, нелицемѣрно, и не за страхъ каковой, но христіанскою совѣстію утверждаю. Буди единый Онъ, Сердцевѣдецъ, свидѣтель, яко не лгалъ въ отвѣтахъ и не лгу въ сей клятвѣ моей; а если лгалъ, или лгу, той-же Богъ, яко праведный судія, да будетъ мнѣ отмститель. И въ заключеніе сего цѣлую крестъ и слова Спасителя моего, и рукописаніемъ моимъ сію мою присягу закрѣпляю“.

По прочтеніи формы присяги, можно было предугадать отвѣтъ Теофилакта.

Посланные съ указомъ симоновскій и чудовскій архимандриты, съ оберъ-секретаремъ Дудинымъ и секретаремъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, Хрущовымъ, донесли синоду, что Теофилактъ прочетъ все, мало помедля, говорилъ: „какъ онъ не зналъ, не вѣдалъ, и ни языка-де, ни доносителя нѣтъ, ан-де-вельно ему отвѣтствовать. И того отвѣтствія (говоря сердито и грубо) посланные требовали у него весьма торопко и понудительно, и такъ о требуемыхъ у него рѣчахъ, каковыхъ-де, яко недостойныхъ памяти, и что-де силы въ нихъ никакой нѣтъ,

вспомнить тогда не могъ и на умъ ему не пришло,—и не показаль. А что нынѣ ему ея императорскаго величества указомъ повелѣвается присягу учинить, то исполнить готовъ, да и самъ онъ желаль того; понеже совѣсть его въ томъ не зазреть и ниго въ томъ на него показать и довазать не можетъ“.

Какъ совершилась присяга, приводимъ подлинный актъ, подписанный синодальными членами и генераломъ Ушаковымъ.

Въ назначенный день, 10-го іюля, къ члену святѣйшаго правительствующаго синода, преосвященному Питириму, архіепископу нижегородскому и алаторскому, пополуночи въ седьмомъ часу, въ присутствіе прибыли: св. синода членъ, преосвященный Леонидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, генераль и кавалеръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ, и ея императорскаго величества генераль-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, да синодальные-жъ члены Ааронъ, архимандритъ чудовскій, Иларіонъ, архимандритъ новоспасскій, Амвросій, архимандритъ симоновскій. П отъ означенныхъ присутствующихъ персонъ синодальный секретарь Муриновъ посланъ дважды къ имѣющимъся при Теофилактѣ, архіереѣ тверскомъ, кабинета ея и. в. курьерамъ съ таковыми объявленіями: впервые, чтобъ оный архіерей тверской былъ къ выходу въ церковь для исполненія повелѣннаго ему въ готовности; а вторично, дабы съ онымъ архіереемъ тѣ курьеры шли въ церковь Успенія пресвятыя Богородицы, что въ Нивольской, близъ тверскаго архіерейскаго подворья (гдѣ оный тверской архіерей содержится) обрѣтающуюся. А сами оные присутствующіе поѣхали въ церковь, и по прибытіи ихъ, присутствующихъ, въ оную церковь и по проведеніи архіерея тверскаго, пополуночи въ началѣ осьмага часа, вытребована у него, архіерея, данная ему, архіерею, форма извѣстной присяги, которая имъ и объявлена, и потомъ сказано ему, архіерею: если совѣсть его не зазреть, приступилъ бы ко учиненной ему присягѣ.

На сіе сказалъ архіерей Теофилактъ: „готовъ и совѣсть его не зазреть; развѣ впредь не покажется-ль; да не думаетъ того; но надобно-де объявить, что на него показано“.

На сіе сказано ему: „онаго, что въ присягѣ заключается, требуется у него не о будущемъ, но о прошедшемъ“.

И потомъ, пришедъ онъ, архіерей, къ налою, гдѣ евангеліе

и крестъ въ обычномъ мѣстѣ поставлены были, говорилъ онъ, архіерей, такое слово: „какъ-де и отвѣта у меня требовано, по-ступлено не право, имѣя въ рукахъ у себя мои письма, а прежде вопроса мнѣ ихъ не объявили и не показали, а объявили послѣ; а присяга сія не такъ-ли мнѣ дѣлается, какъ отвѣтовъ требовано и хорошо-ль это такъ дѣлать?“

На оныя ему рѣчи сказано тому архіерею Теофилакту, что оную присягу ему повелѣно учинить по всемилостивѣйшему ея и. в. указу и обойтись безъ присяги не можно, понеже по разсмотрѣнію высокосіятельныхъ господъ министровъ и св. синода членовъ показались о немъ не малыя важныя сомнительства, и требуется тая присяга по самому дѣлу, и если совѣсть его въ томъ не зазреть, сомнѣваться не о чемъ; а буде въ чемъ зазреть, разсудилъ бы“.

И выслушавъ оное, бывъ въ немаломъ смятеніи, какъ видно было, на оныя рѣчи сказалъ: „совѣсть его не зазреть и готовъ исполнить“.

И приступя къ самому налою, положи присягу на евангеліе, читалъ ее вслухъ присутствующимъ. И какъ сталъ ее оканчивать чтеніемъ, дважды плакалъ. И окончивъ тое присягу, поцѣловалъ слова и крестъ Спасителя нашего, отступилъ отъ налая и подписался подъ присягою своеручно. И по подпискѣ оная присяга у него взята. И притомъ генераль-адъютантомъ А. И. Ушаковымъ объявлено, дабы онъ, архіерей, данный ему обчиненіи означенной присяги, за руками высокосіятельныхъ господъ министровъ и св. синода членовъ и его превосходительства, указъ имѣлъ при себѣ въ секретѣ и какъ обрѣтающимся при немъ караульнымъ, такъ и никому иному отнюдь не объявляя и словесно о томъ ничего не произнося. Что выслушавъ, сказалъ: „извольте указъ у меня принять“. На сіе ему его жъ превосходительствомъ объявлено: „его-де превосходительство того принять собою не можетъ, а имѣлъ бы оный указъ онъ, архіерей, такъ какъ ему объявляется, до указу, при себѣ“.

На что онъ архіерей сказалъ: „чинить потому такъ буду“. Тѣмъ оное дѣйствіе и заключилось.

Синодальные члены въ тотъ же день донесли Теофану, въ его

приморскую мызу за Петергофомъ, что извѣстная ему персона присягу учинила.

Юля 11-го синодальные члены послали къ Теофану подробное извѣстіе (актъ) о совершеніи присяги; а на другой день получили отъ него собственноручный отвѣтъ слѣдующаго содержания: „Сего 11-го дня получилъ я исправно писаніе святѣни вашей, которымъ изволите мнѣ повѣстить о событіи извѣстнаго дѣла: за что я всепокорно преосвященству вашему благодарствую и при семъ благопочтенно предлагаю, что таковую же дѣйствія онаго повѣсть, по моему мнѣнію, надлежитъ копіею, съ подписаніемъ рукъ святѣни вашей (а хорошо бы, и съ подписаніемъ руки его сіятельства генерала А. И. Ушакова, если можно), написать къ лицу ея императорскаго величества и прислать сюда для врученія ея величеству“.

Тверская паства, по словамъ протоіерея К. К. Черѣдѣева¹⁾, со слезами оплакивающая жестокою участь своего архипастыря, какъ драгоценный залогъ его невинности, хранить и будетъ передавать изъ рода въ родъ искреннюю клятву, данную имъ въ присутствіи всѣхъ членовъ синода и Ушакова, послѣ допросовъ по извѣтамъ растрѣги Рѣшилова.

Августъ, сентябрь и большая половина октября прошли въ допросахъ разныхъ лицъ. Ключъ ко всѣмъ домашнимъ тайнамъ Теофилакта, ко всѣмъ его дѣйствіямъ и разговорамъ, данъ былъ Рѣшиловымъ въ его показаніяхъ²⁾. За нимъ, обнаженный милостію, выступилъ Маевскій и подтвердилъ всѣ показанія Рѣшилова, описалъ всю жизнь Теофилакта, сколько она была видна имъ, всѣ его разговоры съ ними, всѣ поступки, которыхъ они были свидѣтелями или участниками³⁾.

По всѣмъ показаніямъ Рѣшилова и Маевскаго Теофилакту сдѣланы были новые допросы и, между прочимъ, секретные, касавшіеся государственныхъ дѣлъ. Поводъ къ разговорамъ объ этихъ дѣлахъ подавали сперва неопредѣленность относительно

¹⁾ См. его біографіи тверскихъ архіереевъ.

²⁾ См. дѣло въ Госуд. Архивѣ о Рѣшиловѣ, VII р., 368 №. Допросные и отвѣтные пункты растрѣги Ивана Рѣшилова (68 вопросныхъ пунктовъ) и Журнальную записку о Теофилактѣ и Иванѣ Рѣшиловѣ въ 1736 году.

³⁾ См. въ томъ же дѣлѣ въ Госуд. Архивѣ: „Вопросные пункты Маевскому“ (всѣхъ 30 пунктовъ).

порядка русскаго престолонаслѣдія, потомъ издававшіяся по этому предмету постановленія съ тайными статьями. Напримѣръ, у Маевскаго, а потомъ и у Теофилакта спрашивали: „говорили-ль они, что государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ наслѣдницею россійскаго престола уже не быть, того ради, что, по преставленіи государя императора Петра II, о принятіи императорскаго россійскаго престола отъ гг. министровъ было ея высочеству предлагаемо и ея высочество, какъ слышно было, яко-бы того отрещись изволила; что принцесса Анна Леопольдовна крещена въ лютеранскій законъ; что при сочетаніи княжны Екатерины Иоанновны съ мекленбургскимъ герцогомъ договоръ такой состоялся, дабы будущія отъ нихъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, дѣти крещены были по герцогѣ въ лютеранскую вѣру (судить Богъ П. И. Ягужинскому: все то онъ дѣлалъ, прибавлялъ будто-бы Маевскій) и что для того и ея высочество принцесса Анна (Леопольдовна) крещена въ лютеранскую вѣру, которую и понынѣ содержать; что оставшіяся послѣ цесаревны Анны Петровны (1728 г.) отъ голштинскаго герцога сынъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III) наслѣдникомъ россійской имперіи быть не можетъ, потому что отецъ его, герцогъ, имѣя наслѣдственное право на шведскій престолъ, уступилъ это право въ пользу своего сына, и что онъ содержать вѣру лютерскую; что, кромѣ принцессы Анны, наслѣдникомъ россійскаго престола быть некому; и если кто достойный изъ высокихъ европейскихъ герцоговъ сыщется къ вступленію съ нею въ супружество, то можетъ и тотъ по самодержавной ея величества власти и изволенію быть наслѣдникомъ россійскаго престола и хотя бы онъ былъ инаго исповѣданія, то можно въ договорахъ утвердить, чтобъ ему быть нашей православной вѣры. Наконецъ, о покойной императрицѣ Екатеринѣ, что когда къ ней придешь, такъ дожидаясь — стоишь много, а ея не увидишь“.

Затѣмъ, пошли опять разные вопросы Теофилакту, по показаніямъ Рѣшилова, Маевскаго, Давыдова и прочихъ приволенныхъ лицъ. На вопросъ: зачѣмъ онъ взялъ съ собою Рѣшилова, которому, безъ указа св. синода, не велѣно выѣзжать изъ С.-Петербурга, Теофилактъ далъ отвѣтъ, сообразный съ тѣмъ, что мы сказали выше о Рѣшиловѣ. Св. синодъ нашелъ этотъ

отвѣтъ неудовлетворительнымъ. Въ одномъ засѣданіи синодальный секретарь словесно предложилъ, что когда передъ этимъ онъ былъ, по порученію св. синода, у преосвященнаго Теофилакта, то Теофилактъ спросилъ: „гдѣ живетъ теперь преосвященный Теофанъ, велѣлъ отдать ему поклонъ отъ себя и просилъ, не можно-ль его преосвященству обослать его отъ рыбы?“ „На что разсуждаемо, что къ пропитанію даются ему деньги, изъ которыхъ можно ему и рыбу покупать“. „Какъ онъ произвелъ Рѣшилова въ игумена, когда онъ не его епархіи?“ Теофилактъ отвѣчалъ, что, „по обращеніи изъ раскола, Іосифъ не приписанъ былъ ни къ какой епархіи и пришелъ къ нему, какъ овца, не имущая пастыря; хотя онъ и обманулъ въ немъ, но въ то время полагалъ приличнымъ наградить его, располагая этимъ примѣромъ другихъ къ обращенію изъ раскола“. И этотъ отвѣтъ найденъ неудовлетворительнымъ.

Въ избѣжаніе проволочки, рѣшено было допрашивать Теофилакта словесно въ присутствіи синода. Вопросные пункты словесно предлагалъ ему Теофанъ Прокоровичъ. На 45 вопросовъ подсудимый далъ показанія по архіерейству ¹⁾.

Между прочими Теофилакту сдѣланъ вопросъ: „что, по его мнѣнію, кромѣ непреложно вѣруемыхъ въ христіанствѣ догматовъ, тако-жъ и заповѣдей, непремѣннаго исполненія требующихъ, признается за среднее, за нужду нѣкую могущее быть отмѣненнымъ?“

Теофилактъ отвѣчалъ, что „по его мнѣнію къ безразличнымъ или среднимъ вещамъ относятся: крестохожденіе, водоосвященіе, погребеніе мертвому учинить безъ церемоніи церковной, крестить больного за немощъ безъ молитвъ единою формою: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и матерію,—въ нуждѣ, болѣзни приобщать св. Таинъ ядшаго, маслосвятіе, кое можно учинить и единому священнику, и прочая симъ подобная, которая, если-бы подробно исчислять—могутъ найтись довольно“.

¹⁾ См. дѣло о Рѣшиловѣ въ Госуд. Архивѣ, VII р., 368 №. 1735 г. сент. 15-го слушаны вопросные пункты Теофилакту, предложенные Теофаномъ словесно. Всѣхъ пунктовъ вчернѣ значилось 61, нѣкоторые были отмѣнены, осталось только 45. 1735 г., 21-го октября, посланъ секретный указъ св. синода Теофилакту объ учиненіи отвѣтныхъ пунктовъ на вопросные пункты, ему предложенные. Отвѣтныхъ пунктовъ было также 45. И. М.

Дѣло Теофилакта оставалось въ одномъ положеніи до смерти Теофана ¹⁾. Между приближенными Теофилакта ходила молва, будто духовникъ Теофановъ совѣтовалъ ему передъ смертію помириться съ Теофилактомъ. Теофанъ, изобильствуя всѣми, братъ и другъ прежде бывшій Теофилакта, потомъ презрѣльный его врагъ, поврежденный лютеранствомъ, ненасыщенною злобою дышущъ, умре отъ злобы; такова бо злоба: егда не одолѣетъ не любимаго, сама себя убиваетъ. Когда, при смерти Теофана, духовникъ его увѣщевалъ, дабы простилъ онаго Лопатинскаго, тогда лютой онъ врагъ зубами своими скрежеталъ и завричалъ аки левъ: „о, духъ проелятый, Лопатинскій!“ и съ тѣмъ словомъ издше ²⁾.

Х.

Дѣло Теофилакта не кончилось со смертію Теофана; потому что съ нимъ не умерла систематическая, неустанная, ничего не щадившая вражда противъ принциповъ, выражаемыхъ и защищаемыхъ названными лицами. Представительницею и какъ бы живымъ выраженіемъ, осуществленіемъ этихъ принциповъ, была Елисавета, русская всѣмъ складомъ своей души, дочь великаго государя, одно воспоминаніе о которомъ приводило въ движеніе всѣ струны русскаго сердца. Народъ и во главѣ его духовенство во все царствованіе Анны не могли забыть оскорбленія, нанесеннаго имъ чрезъ предоставленіе полной власти иностранцамъ. Биронъ и Остерманъ, съ своей стороны, не могли простить этого народу и духовенству и старались задавить силою всѣ, гдѣ бы ни возникали, проявленія русскихъ симпатій въ надеждѣ русскаго народа — дочери Петра. Теофанъ только пользовался ими, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Но и послѣ его смерти, враждебная сила, направленная противъ его недоброже-

¹⁾ Теофанъ скончался въ 1736 году, 8 сентября, на Карповскомъ своемъ подворьѣ, на Аптекарскомъ острову.

²⁾ См. Каталогъ преосвященныхъ тверскихъ, Евдокимова. Рукопись тверской духовной семинаріи, копію сообщилъ въ 1860 г. Р. Н. Никулинъ.
И. М.

лателей и враговъ, осталась и продолжала свое дѣло съ своею обыкновенною настойчивостію.

Всѣ арестованные, по подозрѣніямъ Теофана, содержались въ крѣпости, за исключеніемъ Теофилакта, который хотя и жилъ на своемъ подворьѣ, но не смѣлъ ни выйти, ни выѣхать безъ караульныхъ солдатъ. Въ декабрѣ 1736 года изъ кабинета передали дѣло въ тайную канцелярію, а вслѣдъ за тѣмъ и его самого перевели въ крѣпость. 1737 годъ прошелъ сравнительно спокойно и заключенные уже возымѣли было надежду, что скоро наступитъ конецъ ихъ страданіямъ, какъ вдругъ разразилась надъ ними неожиданная гроза.

Къ винамъ Теофилакта ничего не прибавилось послѣ смерти Теофана; а между тѣмъ въ 1738 году 13 декабря, подъ вліяніемъ смутныхъ обстоятельствъ того времени—заговора Долгорукихъ, состоялось о немъ въ кабинетѣ ужасное опредѣленіе. По слушаніи внесеннаго изъ тайной канцеляріи экстракта изъ дѣлъ о тверскомъ архіепископѣ Теофилактѣ Лопатинскомъ разсуждено, что помянутый архіерей Теофилактъ, по обстоятельству производимаго съ прочими о немъ дѣла, явился въ важныхъ винахъ; но при слѣдствіи не токмо о тѣхъ винахъ не принесъ чистой повинной, но коварно въ томъ себя закрывалъ; ибо вѣдая, что имѣлъ онъ съ монахомъ Осипомъ, нынѣ растрогою Ивановомъ Рѣшиловымъ, письменную корреспонденцію, къ тому же и персонально съ нимъ неприличныя рѣчи, каковы въ тѣхъ ихъ письмахъ явствуютъ, говаривалъ, и отъ Рѣшилова слыхалъ—на посланные къ нему именныя ея и. в. указы съ явною безсовѣстною лжею объявлялъ, что того будто бы не бывало; но когда тѣ его безсовѣстные отвѣты письмами Рѣшилова явно были обличены, тогда никакого уже оправданія онъ, Теофилактъ, не принесъ, кромѣ отговорки, что прежде не объявилъ онъ яко-бы отъ безпамятства; когда и потомъ, сверхъ онаго, по слѣдствію о происходимыхъ отъ него важныхъ непристойныхъ словахъ и нареканіяхъ явно показалось,—онъ и въ томъ въ отвѣтахъ вину свою скрывалъ, паче же присягою передъ всемогущимъ Богомъ съ влятвою себя въ ономъ утверждалъ и ни о чѣмъ на себя и на другихъ не показалъ и въ томъ подъ присягою своеручно подписался; но послѣ того по отвѣту его явно означилось, что оную присягу учинилъ онъ умышенно ложно, дабы тѣмъ закрыть

нижеобъявленныя вины свои; ибо онъ самъ, Теофилактъ, показаль, что по словеси апостольскому всякому прекословію кончина влѣтва есть, и потому думаль, что оною учиненною имъ присягою дѣло о немъ кончилось; но, по слѣдствію въ тайной канцеляріи, онъ явно явился въ злоумышленныхъ, непристойныхъ и продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ, въ чемъ самъ винулся въ распросѣ, а именно; о высочайшей ея и. в. персонѣ продерзостію своею произносилъ весьма непристойно, и къ тому приводя изъ пророчествъ и изъ книгъ Іисуса сына Сирахова, Іоанна Златоустаго, разсуждалъ продерзостно отъ одной своей злобы, за то, что отъ синодальныхъ членовъ отрѣшенъ и возраженія на Буддея писать ему запрещено. Къ тому же, сверхъ онаго, въ другихъ продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ явно себя виновнымъ показаль, а именно: 1) имѣль онъ, Теофилактъ, разсужденіе о наслѣдствѣ, что было де наслѣдство меньшаго, а нынѣ-де Богъ помянулъ большаго брата, и на его сторону перенесъ наслѣдство; 2) о ея высочествѣ, благовѣрной государынѣ принцессѣ Аннѣ разсуждалъ, что крещена въ лютеранскую вѣру, которую де и понынѣ содержать, а чрезъ оное крещеніе спасенія получить не можно; 3) блаженныя памяти о государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ произносилъ важныя, непристойныя, продерзостныя слова, въ чемъ сперва запирался, но по смерти Теофана, архіепископа новгородскаго объявилъ, что тѣ непристойныя слова яко-бы слышалъ онъ отъ него, Теофана архіепископа; а какъ оный Теофанъ архіепископъ живъ былъ, тогда на него и на себя о томъ не показываль; 4) блаженныя памяти о его и. в. Петрѣ Второмъ разсуждалъ онъ, Теофилактъ, что во младыхъ лѣтахъ наставленія его величеству добраго, какъ монархамъ принадлежить, дать некому и ученія школьнаго не было, и нарекаль, что имѣлся де учитель графъ Остерманъ, и въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, и надобно было бы его величеству совѣтовать, да некому, а синоду согласиться невозможно, затѣмъ что новгородскій—и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними только знается, и жившій при немъ іеродіаконъ Адамъ (Селлій) по лютеранскимъ домамъ бѣгаетъ и у генерала Брюса чуть не живетъ; 5) нареканіе-жъ имѣль онъ, что по напечатаніи „Камень вѣры“ вскорѣ отъ Теофана,

архієпископа новгородскаго, яко бы посланъ былъ въ Іену жившій при немъ въ ученикахъ Зенковскій, и по возвращеніи того Зенковскаго въ Москву яко бы явилась на Камень вѣры Буддеева книга, печатная на латинскомъ языкѣ, и рассуждалъ онъ, Теофилактъ, что Буддею другъ, въ Москвѣ обитающій, оный Теофанъ архієпископъ, а потомъ произносилъ, что Буддей до изданія той книги умеръ, а потомъ эту книгу писалъ будто бы онъ же, Теофанъ архієпископъ, въ чемъ онаго Теофилакта бывшій архимандритъ Іосафъ, нынѣ растрига Исидоръ Маевскій, явно изобличилъ, но онъ, Теофилактъ, сперва въ томъ запырался, а потомъ, закрывая себя, объявлялъ, что объ ономъ говорилъ яко бы оный Маевскій, но, по слѣдствію, по произнесеннымъ отъ него, Теофилакта, о Теофанѣ архієпископѣ словамъ, явно, и въ ономъ подозрителенъ сстался; 6) продерзостно нарекалъ, что въ синодѣ членовъ выбралъ яко бы Теофанъ архієпископъ такихъ, что никто слова не смѣетъ промолвить; 7) взявъ онъ, Теофилактъ, у растриги Евѣимія Коллети Буддееву книгу, на латинскомъ языкѣ печатную, о которой отъ онаго Коллети сказано ему было, что къ нему принесъ гишпанскій патеръ Рибейра и что пишетъ тотъ Рибейра на оное сочиненіе пункты,— не только гдѣ надлежитъ, какъ по долгу его слѣдовало, объ ономъ онъ, Теофилактъ, не объявилъ, но безъ увазу собою сталъ писать возраженіе и посылалъ съ тѣмъ помянутымъ Маевскимъ къ князю Дмитрію Голицыну и къ троицкому архимандриту Варлааму, чтобъ они о написаніи ему того возраженія исходатайствовали у ея и. в. позволеніе, и за неполученіе о написаніи того возраженія повелѣнія, какъ выше явствуетъ, имѣлъ онъ, Теофилактъ, злобу; 8) именованнымъ ея и. в. указомъ объявлено ему, Теофилакту, было, чтобъ онъ въ отвѣтъ на Буддееву книгу не сочинялъ, а ежели такую книгу сочинить или объявлять будетъ кому, что такой книги сочинять указомъ ему запрещено, и за то будетъ онъ судиться, въ чемъ онъ и подписался; но потомъ, не взирая на оный именной ея и. в. указъ, но паче пренебрегая отъ злобы своей, разглашалъ вышеозначенному Маевскому и, умышленно, продерзостно нарекая, сказывалъ ему, что помянутое возраженіе писать ему, Теофилакту, сперва яко бы повелѣно отъ е. в. и., но потомъ—де о написаніи онаго возраженія разговорилъ ея и. величеству князь Черкасскій, что

съ Теофаномъ-де архіепископомъ имѣлъ онъ дружеское обхожденіе, а оное возраженіе Теофану архіепископу не угодно было; 9) когда указомъ запрещено, чтобъ синодальнымъ членамъ архіереомъ сверхъ опредѣленнаго жалованья изъ домовъ архіерейскихъ ничего не давать, тогда онъ, Теофилактъ, злобственно разсуждалъ, вышеупомянутому же Маевскому говорилъ, что здѣсь жить всегда бойся: когда-бъ те можно гдѣ укрыться, или хотя-бъ те въ Польшу уѣхать, тому-бъ онъ радъ; 10) какъ онъ, Теофилактъ, былъ синодальнымъ членомъ и касалось тогда до вышеобъявленнаго Рѣшилова дѣлу, и по опредѣленію синодальному велѣно онаго Рѣшилова допрашивать, въ которое время и онъ, Теофилактъ, присутствіе имѣлъ, но потомъ, какъ онъ отпущенъ въ епархію свою, то и онаго Рѣшилова своевольно съ собою взять, и посланнымъ изъ синода къ нему, Теофилакту, двумъ указомъ онаго Рѣшилова въ синодъ не выслалъ и продерзостно съ злостью своей говорилъ: развѣ государь своимъ именнымъ указомъ его, Рѣшилова, отъ него возьметъ, а указы, которые изъ синода присланы, не слушаетъ, что указы присылаютъ его братья; 11) да и потомъ, не страшась, что оную продерзость и непослушаніе указомъ онъ учинилъ, но явно уже оныя присланныя къ нему изъ синода указы презра, не выславъ помянутаго Рѣшилова къ надлежащему допросу въ синодъ, безъ указа, самовольно онаго Рѣшилова произвелъ тверской епархіи въ Раковъ монастырь во игумена, а потомъ перевелъ его въ Клобуковъ монастырь игуменомъ-же; 12) какъ оный Рѣшиловъ, въ бытность свою въ ономъ Клобуковѣ монастырѣ игуменомъ, произносилъ объ имѣющихся въ крестѣ святыхъ мощахъ, что онъ малу вѣру имѣтъ, и образъ ѿвоначальныя Троицы съ мощами изъ церкви пономарю выкинуть вонъ приказалъ, и прочія продерзости чинилъ, о чемъ изъ синода въ присланномъ въ тайную канцелярію экстрактѣ явствуется именно, но и тогда онъ, Теофилактъ, по слѣдствію ономъ дѣлѣ, за показанныя важныя продерзости Рѣшилову не учинилъ, и никуда о томъ на него не послалъ, а только уничтожилъ, въ чемъ самъ онъ, Теофилактъ, виновнымъ; 13) вѣдая онъ, Теофилактъ, секретарскій сынъ, Александръ, въ оную продерзость противность святымъ правиламъ

зомъ, одному Маевскому за это не токмо никакого штрафа не учинилъ и куда надлежить о томъ не писалъ, но, по представленіи ему онаго Александра въ монашескомъ платѣ, поздравлялъ, называя его новымъ богомольцемъ, и потомъ говорилъ онъ, Теофилактъ, одному растригъ Александру, что недавно-де онъ постригся, для чего изъ монастыря выѣзжаетъ? О чемъ оный Александръ показавъ именно, да и самъ онъ, Теофилактъ, объявилъ, что на него, Александра, онъ кричалъ: чего ради онъ обѣщаніе свое оставилъ, говоря-де притомъ, что за то имѣть быть отъ него, Теофилакта, онъ наказанъ; почему явно уже явилось, что чрезъ то объ ономъ, противномъ правилу и регламенту и указомъ, одному Александру постриженіи прикрыть онъ желалъ, какъ о томъ и о прочихъ означенныхъ его, Теофилактовымъ, важныхъ винахъ въ экстрактѣ и по дѣлу явствуетъ именно¹⁾. И за оныя его важныя вины надлежить лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащій карауломъ послать его въ Выборгъ и содержать тамъ въ замкѣ называемомъ Германъ, до смерти его никуда не исходя, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, тако-жъ бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано-бы не было, и для караула опредѣлить изъ выборгскаго гарнизона унтер-офицера и солдатъ шесть человекъ, выбравъ добрыхъ и надежныхъ людей безпримѣнно, которымъ отъ него никуда не отлучаться и являму ни о чемъ отъ него чрезъ тѣхъ караульныхъ сообщено-бы отнюдь не было, и въ томъ во всемъ имѣть крѣпкое смотрѣніе выборгскому оберъ-коменданту самому; а во время содержанія онаго Теофилакта на пропитаніе давать ему по гривнѣ (10 коп.) на день изъ доходовъ выборгской провинціи, и объ ономъ изъ канцеляріи къ выборгскому оберъ-коменданту послать... о дѣлѣ оныхъ денегъ сообщить въ сенатъ; а... ономъ архіерейскомъ онаго Теофилакта... тный его скарбъ, описать, взять въ... доложить объ ономъ въ кабинетъ... ю канцелярію у купца Ивана Корнутаго Теофилакта деньги оставить на

съ Теофаномъ-де архіеписвопомъ имѣлъ онъ дружеское обхожденіе, а оное возраженіе Теофану архіепископу не угодно было; 9) когда указомъ запрещено, чтобъ синодальнымъ членамъ архіереомъ сверхъ опредѣленнаго жалованья изъ домовъ архіерейскихъ ничего не давать, тогда онъ, Теофилактъ, злобственно разсуждая, вышеупомянутому же Маевскому говорилъ, что здѣсь жить всегда бойся: когда-бъ де можно гдѣ укрыться, или хотя-бъ де въ Польшу уѣхать, тому-бъ онъ радъ; 10) какъ онъ, Теофилактъ, былъ синодальнымъ членомъ и касалось тогда до вышеобъявленнаго Рѣшилова дѣло, и по опредѣленію синодальному велѣно онаго Рѣшилова допрашивать, въ которое время и онъ, Теофилактъ, присутствіе имѣлъ, но потомъ, какъ онъ отпущенъ въ епархію свою, то и онаго Рѣшилова своевольно съ собою взялъ, и посланнымъ изъ синода къ нему, Теофилакту, двумя указомъ онаго Рѣшилова въ синодъ не выслалъ и продерзостно съ злобы своей говорилъ: развѣ государь своимъ именнымъ указомъ его, Рѣшилова, отъ него возьметъ, а указы, которые изъ синода присланы, не слушаетъ, что указы присылаютъ его братья; 11) да и потомъ, не страшась, что оную продерзость и непослушаніе указомъ онъ учинилъ, но явно уже оные присланные къ нему изъ синода указы презря, не выславъ помянутаго Рѣшилова къ надлежащему допросу въ синодъ, безъ указа, самовольно онаго Рѣшилова произвелъ тверской епархіи въ Раковъ монастырь во игумена, а потомъ перевелъ его въ Клобуковъ монастырь игуменомъ-же; 12) какъ оный Рѣшиловъ, въ бытность свою въ ономъ Клобуковѣ монастырѣ игуменомъ, приносилъ объ имѣющихся въ крестѣ святыхъ мощахъ, что онъ малу вѣру имѣтъ, и образъ Живоначальныя Троицы съ мощами изъ церкви пономарю выкинуть вонъ приказалъ, и прочія продерзости чинилъ, о чемъ изъ синода въ присланномъ въ тайную канцелярію экстрактѣ явствуетъ именно, но и тогда онъ, Теофилактъ, по слѣдствію объ ономъ дѣлѣ, за показанныя важныя продерзости, ничего оному Рѣшилову не учинилъ, и никуда о томъ на него не писалъ и о томъ уничтожилъ, въ чемъ самъ онъ, Теофилактъ, винился, что оное дѣло безъ рѣшенія оставилъ и въ томъ-де признаваетъ онъ себя виновнымъ; 13) вѣдая онъ, Теофилактъ, что вышеповозанный секретарскій сынъ, Александръ Давыдовъ, постриженъ былъ, въ противность святымъ правиламъ, духовному регламенту и ука-

зомъ, оному Маевскому за это не токмо никакого штрафа не учинилъ и куда надлежитъ о томъ не писалъ, но, по представленіи ему онаго Александра въ монашескомъ платьѣ, поздравлялъ, называя его новымъ богомольцемъ, и потомъ говорилъ онъ, Теофилактъ, оному растригъ Александру, что недавно-де онъ постригся, для чего изъ монастыря выѣзжаетъ? О чемъ оный Александръ показалъ именно, да и самъ онъ, Теофилактъ, объявилъ, что на него, Александра, онъ кричалъ: чего ради онъ обѣщаніе свое оставилъ, говоря-де притомъ, что за то имѣть быть отъ него, Теофилакта, онъ наказанъ; почему явно уже явилось, что чрезъ то объ ономъ, противномъ правиломъ и регламенту и указомъ, оному Александру постриженіи прикрыть онъ желалъ, какъ о томъ и о прочихъ означенныхъ его, Теофилактовыхъ, важныхъ винахъ въ экстрактѣ и по дѣлу явствуется именно ¹⁾. И за оныя его важныя вины надлежитъ лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащимъ карауломъ послать его въ Выборгъ и содержать тамъ въ замкѣ, называемомъ Германъ, до смерти его нигде не исходно, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, тако-жъ бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано-бъ не было, и для караула опредѣлить изъ выборгскаго гарнизона унтеръ-офицера и солдатъ шесть человекъ, выбравъ добрыхъ и надежныхъ людей безпремѣнно, которымъ отъ него нигде не отлучаться и никому ни о чемъ отъ него чрезъ тѣхъ караульныхъ сообщено-бъ отнюдь не было, и въ томъ во всемъ имѣть крѣпкое смотрѣніе выборгскому оберъ-коменданту самому; а во время содержанія онаго Теофилакта на пропитаніе давать ему по гривнѣ (10 коп.) на день изъ доходовъ выборгской провинціи, и объ ономъ изъ тайной канцеляріи къ выборгскому оберъ-коменданту послать указъ, а о дачѣ оныхъ денегъ сообщить въ сенатъ; а имѣющуюся въ Твери въ домѣ архіерейскомъ онаго Теофилакта бібліотеку и весь собственный его скарбъ, описавъ, взять въ тайную канцелярію, и потомъ доложить объ ономъ въ кабинетѣ ея и. в.; а взятыя въ тайную канцелярію у купца Ивана Коряхалова собственныя помянутаго Теофилакта деньги оставить на

¹⁾ См. Рѣшиловское дѣло въ «Госуд. Архивъ» № 368, VII разр.

случающіеся въ тайной канцеляріи по секретнымъ дѣламъ расходы ¹⁾).

Сколько въ этомъ указѣ неправильностей, натяжекъ, извращеній, придирокъ, предоставляемъ судить самимъ читателямъ, знакомымъ со всею этою исторіею изъ Рѣшиловскаго дѣла. Какъ ни часто повторяется обвиненными и какою ни сдѣлалась избытою фраза, что они сдѣлали то или другое отъ простоты своей, но въ отношеніи къ Теофилакту она имѣетъ полное значеніе. Отъ простоты не пошлой и глупой, но отъ разумной простоты, отъ довѣрія къ жизни и къ людямъ, при полномъ уваженіи къ закону, онъ дѣлалъ все, въ чемъ его обвиняла, за что судила его тайная канцелярія и замучила въ крѣпости. Въ чемъ состояла его вина? Въ томъ, что онъ заботился о благѣ церкви и хотѣлъ сочиненіями въ ея духѣ остановить разливъ ложныхъ ученій и несовсѣмъ благовидныхъ, или, по меньшей мѣрѣ, торопливыхъ нововведеній; въ томъ, что онъ заботился о благѣ отечества и жалѣлъ искренно о худомъ воспитаніи юнаго государя. Въ важныхъ продерзостныхъ словахъ объ Екатеринѣ не было ничего оскорбительнаго для ея памяти. Въ дневникѣ Берхгольца, на каждой страницѣ можно читать то-же самое о ней и о Петрѣ: это и видѣлъ, и зналъ всякій. Остальное—личности съ Теофаномъ изъ-за протеста противъ посвященія Теофана въ епископы, изъ-за Камня вѣры и изъ-за патриаршества. Рѣшиловъ тутъ лицо совершенно случайное, поджога—не больше. Въ дѣлѣ его Теофилактъ виноватъ, конечно, послабленіемъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ Рѣшилова; но въ этомъ послабленіи не было государственнаго преступленія, и, кромѣ того, оно оправдывалось особыми отношеніями, въ которыя поставленъ былъ этотъ обращенецъ изъ раскола. Почему не думать было, что изъ него выйдетъ другой Питиримъ? Вѣдь всѣ обстоятельства ихъ одинаковы, перемѣнилось только время.

Дѣло Александра Давыдова, въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ указѣ—влеветаетъ все на Теофилакта. Если кто вино-

¹⁾ См. тамъ-же. Теофилактовыхъ денегъ у Корыхалова было 828 рублей. Въ 1732 году триста рублей изъ этихъ денегъ Корыхаловъ отдалъ преосвященному, когда онъ поѣхалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Слѣдовательно, всѣхъ денегъ Теофилактовыхъ оставалось у Корыхалова 500 съ небольшимъ рублей.

вать въ немъ, такъ развѣ Рѣшиловъ съ Маевскимъ, тѣмъ, что постригли его безъ указу. Теофилактъ не поздравлялъ его своимъ богомольцемъ, и не думалъ укрывать его, да и отъ кого? Слѣдовало наказать Маевского, Рѣшилова за это постриженіе: Теофилактъ виноватъ, что не сдѣлалъ этого; но это упущеніе совсѣмъ не уголовнаго свойства. Такимъ образомъ, все дѣло сводится къ личностямъ между Теофаномъ и Теофилактомъ. Подъ личностью Теофана мы разумѣемъ личность его не только какъ человѣка, но и какъ общественнаго дѣятеля, не только его самолюбивыя стремленія, но и весь образъ его мыслей и дѣйствій, съ его планами и предположеніями относительно устройства русской церкви и русскаго государства. Первенствуя въ синодѣ въ качествѣ вице-президентовъ, какъ совершенно равныя власти, они танули то въ ту, то въ другую сторону. Въ царствованіе Екатерины I и Петра II побѣда склонилась на сторону Теофилакта; но, съ восшествіемъ на престолъ курляндской герцогини Анны Иоанновны, Теофанъ восторжествовалъ и уничтожилъ своихъ противниковъ. Единомысленная съ нимъ гражданская власть довершала то, что онъ начиналъ,—уничтожала жертвы, которыя онъ обрекалъ ей на мученіе. О законности, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, тутъ и помину не было.

Измученный допросами и очными ставками, Теофилактъ близокъ былъ къ смерти. Онъ въ выборской крѣпости чувствовалъ себя очень худо. Обезпokoенный этимъ оберъ-комендантъ выборгской крѣпости, генераль-маіоръ Быковъ, требовалъ инструкціи, какъ поступить съ нимъ въ крайнемъ случаѣ? Тайная канцелярія предписала: „для исповѣди онаго Лопатинскаго и по достоинству для сообщенія св. Тайнъ, священника къ нему допустить, токмо оному священнику, прежде допущенія его къ Лопатинскому, объявить, дабы онъ, кромѣ надлежащей исповѣди, другихъ постороннихъ никакихъ разговоровъ отнюдь не имѣлъ, и о дѣлѣ его, по которому онъ сосланъ, у него не спрашивалъ. А если, паче чаянія, оный Лопатинскій умретъ, то мертвое его тѣло похоронить въ городѣ при церкви по обыкновенію, какъ мірскимъ людямъ погребеніе бываетъ, безъ всякой церемоніи, 31-го марта 1739 г.“. Еще на подворьѣ въ С.-Петербургѣ Теофилактъ имѣлъ параличную болѣзнь, отъ которой не могъ

своими ногами ходить, но былъ носимъ на стулѣ¹⁾. Въ выборгской крѣпости, по всей вѣроятности, та-же болѣзнь усилилась или усложнилась.

Подвергался ли Теофилактъ, по лишенію архіерейскаго и монашескаго чина, пыткамъ тайной канцеляріи? Макарій Булгаковъ²⁾ прямо говоритъ, что Теофилактъ былъ преданъ пыткамъ тайной канцеляріи. Евдокимовъ также утверждаетъ³⁾, что Теофилактъ, по лишеніи архіерейскаго и монашескаго чина, нареченъ Θεодоръ и битъ плетьюми въ тайной; но онъ страдалецъ, благодарно сіе досажденіе приемя, вопіяше съ Павломъ: „аще терпимъ (за Христа) съ Нимъ и воцаримся; аще отвержемся, и Той отвержется насъ“ (2 Тим., 2, 12). И. А. Чистовичъ⁴⁾ высказываетъ мысль о пыткахъ Теофилакта не категорически; онъ такъ выражается: Теофилактъ былъ измученъ допросами и очными ставками (а можетъ быть и пытками), хотя въ дѣлахъ тайной канцеляріи мы не нашли указаній на это.

Давыдовъ, Маевскій, Рѣшиловъ и другія лица, прикосновенныя къ дѣлу вмѣстѣ съ Теофилактомъ, были пытаны и жестоко, ихъ поднимали на дыбу, давали по нѣскольку ударовъ, становили въ застѣнокъ и били кнутомъ. О пыткахъ же надъ Теофилактомъ официальные дѣла тайной канцеляріи, хранящіяся въ государственномъ архивѣ, которыми пользовался въ свое время и И. А. Чистовичъ, умалчиваютъ⁵⁾. Давыдовъ висѣлъ на дыбѣ, съ изломанными руками и ему было дано 12 ударовъ. Рѣшилова также пытали нѣсколько разъ. Маевскій приводимъ былъ въ застѣнокъ нѣсколько разъ, ему было дано 22 удара, былъ поднятъ на дыбу и воженъ по спицамъ три четверти часа. Синодскій оберъ-секретарь Дудинъ, не содержащій въ секретѣ Рѣшиловскаго дѣла, публично битъ кнутомъ нещадно; той же участи подверглись и другія лица, болѣе или менѣе прикосновенныя къ этому дѣлу.

¹⁾ См. Евдокимова „Каталогъ тверскихъ іерарховъ“.

²⁾ См. его Исторію кievской академіи.

³⁾ См. его Каталогъ тверск. архіереевъ.

⁴⁾ См. новые матеріалы для Рѣшиловскаго дѣла въ Правосл. обзор. 1862 года, стр. 209, томъ VII.

⁵⁾ См. въ госуд. арх. разр. VII, №№ 368 и 221.

По всей вѣроятности, не былъ избавленъ отъ пытокъ и Теофилактъ Лопатинскій, тѣмъ болѣе, что пыткамъ обыкновенно подвергали духовныхъ лицъ по снятіи съ нихъ сана. Тайная канцелярія пытала его не въ архіерейскомъ санѣ, но въ мірскомъ уже его званіи. Она пытала его какъ растригу, какъ арестанта, которому дали имя Θεодора Леонтьева, сына Лопатинскаго. Онъ былъ битъ или плетьюми, или внудомъ. А. И. Ушаковъ съ своими адептами не могъ обойтись безъ этого излюбленнаго допроса „съ пристрастіемъ“, тѣмъ болѣе, что Теофилактъ подъ присягою клялся, что онъ ни въ чемъ не виновенъ. Если онъ не избѣгалъ допросовъ и очныхъ ставовъ, то, по всей вѣроятности, не миновали его и пытки. По привезеніи Теофилакта въ выборгскую вѣрпость, параличная болѣзнь его могла усложниться, между прочимъ, и отъ пытокъ и—угрожать смертію.

Ссылкою Теофилакта въ Выборгъ еще не окончились его страданія. Въ маѣ 1739 года, послѣ того, какъ разослали всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ его дѣлу, нашелся еще доносчикъ на него, бывший уподіаковъ тверскаго архіерейскаго дома, Гурій Лувинъ. Обиженный въ чемъ - то Теофилактомъ, онъ нашелъ теперь удобное время выместить на немъ свою обиду и указалъ на близкихъ къ нему и пользовавшихся его довѣріемъ лицъ—уподіакона Никифора Семенова и келейника Петра Иванова, что они все должны знать про Теофилакта; а келейникъ, кромѣ того, мастеръ писать полууставомъ. Тайная канцелярія приказала взять оговоренныхъ въ С.-Петербургъ, а въ домахъ ихъ все обыскать и забрать въ тайную канцелярію. Въ Выборгъ положено было послать секретаря тайной канцеляріи, Хрущова, съ приказомъ снова наискрѣпчайше разспросить Лопатинскаго (14 мая 1739 года).

Неизвѣстно, какія вѣсти привезены были изъ Выборга. Но меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли (25 мая 1739 года) состоялось высочайшее повелѣніе взять Лопатинскаго снова въ тайную канцелярію ¹⁾. Все это дѣлалось съ величайшимъ секретомъ. Въ народѣ никто не зналъ навѣрное, что онъ живъ: всѣ говорили, что завезенъ куда-то въ ссылку и тамъ умеръ.

¹⁾ Теофилактъ изъ Выборга былъ отправленъ въ С.-Петербургъ съ фурьеромъ Измайловскаго полка, Семеномъ Сумароковымъ. И. М.

Ееофилактъ оставался въ крѣпости до 31 декабря 1740 года. Ееофилакту въ крѣпости выдавали по 10 копѣекъ въ день. По словамъ Евдокимова ¹⁾, „Ееофилактъ, въ крѣпости, хлѣбомъ и водою какъ царскою трапезою подкрѣпляемъ, живяше“. Въ крѣпости не позволено было Ееофилакту имѣть при себѣ молитвенныхъ книгъ, велѣно было дать только святцы. Ееофилактъ на сіе отвѣчалъ: „то то горе, что мнѣ и молиться не велятъ“. Въ крѣпость Ееофилактъ былъ отвезенъ ночью, заключенъ былъ подъ крѣпкимъ карауломъ одинъ, такъ что и караульные не знали, кого стерегутъ, потому что онъ лишенъ былъ архіерейскаго и монашескаго чина.

ХІ.

Въ 1740 году скончалась императрица Анна Ивановна Государемъ провозглашенъ былъ племянникъ ея — младенецъ Іоаннъ—подъ попечительствомъ своей родительницы, Анны Леопольдовны.

Однимъ изъ славныхъ дѣлъ правительницы было всепрощеніе невинно ссыльныхъ въ прошлое царствованіе. 13 ноября 1740 г. обнародованъ высочайшій указъ: „какъ для поминовенія ея импер. величества, такъ и для многолѣтняго его импер. величества здравія и благополучнаго государствованія, всѣмъ духовнымъ, военнымъ, статскимъ и другимъ чинамъ, которые за неисправленіе должностей своихъ и за непорядочные поступки въ противность высочайшимъ указамъ и за другія вины (кромя важнѣйшихъ по первымъ двумъ пунктамъ, и воровъ, и разбойниковъ, и смертоубійць, и похитителей многой казны государственной) осуждены на смерть или въ каторжную работу, или куда въ ссылку, или кому какое градское наказаніе учинить и чиновъ лишить повелѣно—онимъ всѣмъ такія учиненныя ими вины всемилостивѣйше прощены, и отъ наказанія ссылки и штрафовъ освободить повелѣно“.

¹⁾ См. его Каталогъ тверск. архіереевъ.

Святѣйшій синодъ, въ которомъ первымъ членомъ по смерти Теофана Прокоповича былъ вологодскій епископъ Амвросій Юшкевичъ, вспомнилъ о своихъ страдальцахъ. И наступило точно воскресеніе мертвыхъ. Сотни, тысячи людей, безъ вѣсти пропавшихъ и считавшихся умершими, ожили снова. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или въ мѣста прежней службы,—кто съ вырванными ноздрами, кто съ отрѣзаннымъ языкомъ, кто съ перетертыми отъ цѣпей ногами, кто съ изувѣченными отъ пытокъ руками и изломанной спиной.

Трудно сказать, изъ какого званія было больше опальныхъ и ссыльныхъ. Проповѣдники слѣдующаго царствованія, свободно говорившіе передъ Елисаветой Петровной о дѣлахъ минувшаго царствованія, приписываютъ эти опалы ненависти Бирона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочихъ нѣмцевъ-лютеранъ—ненависти ихъ къ русской вѣрѣ и русскому народу, и старавшихся, будто бы, истребить самый корень восточнаго благочестія, и потому считаютъ, что больше всѣхъ терпѣли въ то время духовные—архіереи, священники и монахи ¹⁾.

Теофилактъ былъ освобожденъ изъ Петропавловской крѣпости 31-го декабря 1740 года; вслѣдъ за Теофилактомъ освобождены изъ крѣпости 534 полусогнившихъ экземпляра Камня вѣры, въ томъ числѣ двѣ оригинальныя письменныя книги. Въ то-же время (высочайшимъ указомъ 26-го декабря 1740 года) разрѣшено впредь оныя по потребѣ печатать и продавать въ народъ. „Всѣ удивились этому, пишетъ одинъ изъ современниковъ ²⁾, потому что его уже считали мертвымъ, а онъ еще вдругъ явился живымъ. Послѣ такихъ страданій и по лишеніи знаковъ архіерейскаго сана, онъ снова принялъ ихъ съ почтеніемъ отъ святѣйшаго синода. Егда же Бирону отрѣшену бывшу отъ регентства Россійской имперіи, мнози тогда отцы свободишася узъ и темницъ, свободися съ ними и сей непреодолимый воинъ Христовъ отъ жесточайшаго заключенія ³⁾. Когда изъ казармы взяли

¹⁾ См. «Лѣтописи русской литературы и древности»,—изд. Н. Тихонравовымъ, статьи его: Кириллъ Флоринскій и Дмитрій Сѣченовъ, 1859 г., кн. 2.

²⁾ Учитель Евдокимовъ: Каталогъ твер. архіер., рукопись.

³⁾ См. Каталогъ твер. архіер. Евдокимова.

его на новгородское подворье и очистили отъ загрузбвшеи на немъ грязи, тогда самъ преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, со слезами участія, снова возложилъ на него знаки монашескаго и архіерейскаго чина. „Съ возвращеніемъ Теофилакту свободы и прежняго архипастырскаго сана, опредѣлено ему провести остатокъ жизни своей въ какомъ либо изъ російскихъ монастырей. Посѣтила Теофилакта, по освобожденіи его, цесаревна Елисавета Петровна и спрашивала: знаетъ ли ее?

Онъ сказалъ: „знаю, что ты искра Петра Великаго“.

Цесаревна, отвернувшись, прослезилась и пожаловала ему на лекарство триста рублей.

Но знаменитый страдалецъ Теофилактъ Лопатинскій былъ уже такъ боленъ, что не могъ говорить, ни на постели повернуться, онъ на томъ же подворьѣ (новгородскомъ) мирно скончался 1741 года 6-го мая, и 8-го числа погребенъ съ подобающею честію въ Невскомъ монастырѣ, въ Лазаревской церкви, въ западной стѣнѣ; противъ гробницы его вдѣлана плита съ надписью его званія и имени.

Амвросій, архіепископъ новгородскій, писалъ въ тверскому епископу Митрофану, дабы усопшаго въ Бозѣ Теофилакта архіепископа вписалъ съ прочими православными архіереями въ диптихъ.

Миръ праху твоему, приснопамятный исповѣдникъ православія и страдалецъ Христовъ.

Библіотека Теофилакта, по настоянію тверскаго епископа Митрофана, по неоднократной его просьбѣ въ святѣйшій синодъ и въ тайную канцелярію, на имя А. И. Ушакова, хотя не въ полномъ видѣ, поступила, по смерти его, въ тверскую семинарію и послужила фундаментомъ для теперешней ея бібліотеки. Имущество Теофилакта, его пожитки были распроданы и назначены, по смерти его, на поминовеніе его души.

Примѣчаніе. Матеріалами и пособіями въ означенному очерку служили: 1) два дѣла государственнаго архива VII разр., №№ 368 и 221. Первое дѣло озаглавляется такъ: о Теофилактѣ Лопатинскомъ, Рѣшиловѣ, Маевскомъ, Дудинѣ и другихъ, обвиняемыхъ Теофаномъ Прокоповичемъ въ составленіи пасквиля, съ приложеніемъ письма отъ папы, съ 1736 — 1742 гг. (10 частей). Второе дѣло состоитъ изъ 8 частей и носитъ такое оглавленіе: объ архимандритѣ Маркелѣ Родышевскомъ, обвинявшемъ Теофана Прокоповича въ неправославіи, о переводѣ книги Рибейры противъ Буддея, о про-

тивникахъ Прокоповича, Михаилъ Аврамовъ, Теофилактъ Лопатинскомъ, Евсеимъ Колетти, Платонъ Малюновскомъ, а также о лицахъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу: Алексѣй Барсовъ, Алексѣй Макаровъ и друг.

Кромѣ двухъ подлинныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, въ сожалѣнію пострадавшихъ, пособіемъ служила мнѣ рукопись учителя греческой школы Евдокимова, современника Теофилакта, которую я имѣлъ у себя въ рукахъ (въ копіи) при обязательномъ сообщеніи ея мнѣ М. И. Семевскимъ, подъ заглавіемъ: «Каталогъ тверскихъ архіереевъ», за что приношу М. И. Семевскому мою искреннюю благодарность.

Кромѣ рукописныхъ матеріаловъ я пользовался и печатными извѣстіями о немъ: Сочиненіе И. А. Чистовича Теофанъ Прокоповичъ и его время; его-же: Новые матеріалы для Рѣшиловскаго дѣла; Біографіи тверскихъ архіереевъ, протоіерея Космы Чередѣва; въ послѣднемъ сочиненіи интересны свѣдѣнія объ управленіи Теофилакта тверскою епархією, сѣ ставленныя имъ на основаніи дѣлъ тверской духовной консисторіи. Въ сочиненіи Сергія Смирнова, Исторія московской славяно греко-латинской академіи, мы интересовались сохранившимися въ рукописи лекціями Теофилакта Лопатинскаго въ московской академіи.

Въ Исторіи кievской академіи, Макарій Булгаковъ проводитъ взглядъ на Теофилакта, какъ на невиннаго страдальца за православную вѣру. Этотъ же взглядъ на Теофилакта проводится и въ нашемъ очеркѣ. Пособіями служили мнѣ также бібліографія Сопикова, очеркъ литературы духовной Филарета Черниговскаго, наука и литература при Петрѣ Великомъ П. П. Пекарскаго и нѣкоторые другія.

И. А. Морошкинъ.

Приложеніе. О книгахъ, оставшихся послѣ кончины Теофилакта Лопатинскаго ¹⁾.

Всеподданнѣйшій докладъ синода 26-го іюня 1742 г.

[По титулѣ]. Въ прошломъ 1741 году, октября 7-го дня, поданнымъ Синоду и канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ доношеніемъ представлено, что по тогда состоявшемуся въ правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской указу велѣно имѣющіяся въ тайной канцеляріи покойнаго тферскаго архіерея Теофилакта Лопатинскаго собственныя его святыя иконы и книги, коихъ требуетъ Митрофанъ, епископъ тферскій, для обученія въ надежду священства церковническихъ дѣтей, къ надлежащему разсмотрѣнію отослать въ Синодъ (кои съ реестромъ и присланы), о которыхъ книгахъ и нынѣ означенный преосвященный Митрофанъ, епископъ тферскій, особливо

¹⁾ См. Госуд. архива дѣло XVIII, № 109.

поданнымъ Синоду доношеніемъ, просить, чтобъ оныя отдать во учрежденную въ домѣ его архіерейскомъ во Тферѣ семинарію, въ коей имѣется нынѣ во обученіи съ двѣсти человекъ. А понеже въ прошломъ 1739 году декабря 20-го въ бывшій тогда кабинетъ требовано изъ Синода извѣстія, въ бібліотекѣ синодальной и онаго Лопатинскаго, также архіереевъ вологодскаго Кондоиди, вятскаго Горки и прочихъ ежели имѣются сколько книгъ щетомъ п гдѣ обрѣтаются. Каковое въ кабинетъ и сообщено, а марта 5-го 1740 году изъ того кабинета въ сообщеніи написано: надлежитъ Святѣйшему Синоду ежели въ ономъ подробныхъ описей тѣмъ книгамъ нѣтъ, то собрать и разобрать преосвященному Амвросію, что нынѣ архіепископъ Новгородскій, и справясь съ имѣющимся въ александоневскомъ и въ московскомъ спасоучилищномъ монастырѣхъ бібліотеками разсмотрѣть, и буде въ тѣхъ бібліотекахъ какихъ книгъ недостаетъ, то, во первыхъ, дополнить Невскую, а потомъ и спасскаго училищнаго монастыря бібліотеку удовольствовать, а что затѣмъ останется, то изъ оныхъ потребныя отдать въ С.-Петербургской Петропавловской соборъ и разослать въ епархіи, въ которыхъ школы имѣются, тоію онаго разбору такожь ни въ которую изъ вышеписанныхъ бібліотекъ и въ епархіи разсылки изъ тѣхъ книгъ еще не учинено;

Всемилоствѣйшая государыня, всеподданнѣйше Синодъ просить вашего императорскаго величества всемилоствѣйшаго указа, не соизволите-ли наше императорское величество означенную оставшую послѣ покойнаго тверскаго архіепископа Феофилакта Лопатинскаго бібліотеку во учрежденную во Тферѣ семинарію для долговременнаго онаго архіепископа Феофилакта на тферскомъ архіерейскомъ престолоправительствѣ бытія въ незабвенную память его отдать. Волѣе же Синодъ оставляетъ сіе въ высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе.

В. И. В — ва, всенижайшіи рабы и богомольцы: смиренный Амвросій, архіепископъ Новгородскій; смиренный Симонъ, епископъ Суздальскій; Платонъ, архимандритъ Рождественскій; Варлаамъ, архимандритъ Чудовскій; Петръ Протопоповъ Виаговѣщенскій; оберъ-секретарь Яковъ Леванидовъ.

На полѣ внизу помѣт.: Къ рѣшенію именнымъ указомъ въ 1743 году, за № 438, іюня 30. Сообщ. И. М.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

ЗАПИСКА ОБЪ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССИИ

1855 г.

IV ¹⁾.

Почему усилія императоровъ Александра I и Николая не увѣнчались успѣхомъ и крѣпостное право существуетъ у насъ (1855 г.) почти въ прежнемъ своемъ видѣ, съ самыми лишь поверхностными и незначительными смягченіями?

Причинъ этому очень много.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ не былъ достаточно зрѣло обсужденъ самимъ правительствомъ; цѣль стремленій послѣдняго не была опредѣлена совершенно ясно; наконецъ, правительство, повидимому, не знало средствъ, ведущихъ къ цѣли ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ, или по крайней мѣрѣ не хотѣло къ нимъ прибѣгнуть.

Думали однѣми полицейскими мѣрами поставить преграду произволу и злоупотребленіямъ помѣщиковъ. Такія мѣры, конечно, были полезны, даже совершенно необходимы, только къ сожалѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ XLIX, январь, стр. 131—180

нію слишкомъ односторонни и недостаточны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ оградить крѣпостнаго отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, когда онъ не имѣетъ права жаловаться, и притомъ власти полицейская, судебная и административная находятся почти исключительно въ рукахъ однихъ помѣщиковъ? Сверхъ того, полицейскія огражденія крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ по существу своему слишкомъ близко касаются имущественныхъ правъ послѣднихъ. Отсюда и вытекало само собою, что полицейскія мѣры огражденія или оставляли неприкосновенными гражданскія права владѣльцевъ, но за то не улучшали положенія крѣпостныхъ, или же они нарушали, безъ всякаго вознагражденія, матеріальные интересы помѣщиковъ, ихъ право собственности, на которое посягаетъ одна лишь революція, но до котораго правильная государственная власть касаться не должна и не можетъ; а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ матеріальной, экономической сторонѣ крѣпостнаго права лежитъ все зло и весь вопросъ; безъ нея девять десятыхъ помѣщиковъ не стояли бы такъ упорно за это право.

Страшились, подобно дворянству, вопроса о крѣпостномъ правѣ, и потому брались за него нерѣшительно, даже робко, всячески скрывали настоящіе свои виды и вообще дѣйствовали въ величайшей тайнѣ. Такіе приемы, какъ и слѣдовало ожидать, привели къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, въ которыхъ стремились. Никто не зналъ чего хочетъ правительство, но всѣ видѣли, что оно что-то замышляетъ и каждый толковалъ эти намѣренія по своему крайнему разумѣнію. Стали ходить самыя невѣроятныя и нелѣпыя слухи и предположенія, а правительство молчало или, когда вынуждаемо было высказаться, торжественно отрекалось отъ всякихъ видовъ на измѣненіе или отмѣну крѣпостнаго права и тѣмъ повергало и владѣльцевъ, и крѣпостныхъ въ самое тревожное недоумѣніе. Дворянство не знало, что и думать, волненіе въ умахъ было большое.

Не знаемъ и не придумаемъ, что могло внушить такой таинственный образъ дѣйствій въ вопросѣ, котораго мирное разрѣшеніе можетъ зависѣть единственно отъ совершенно гласнаго и положительнаго объявленія правительствомъ своихъ цѣлей, намѣреній и требованій, и отъ таковаго же гласнаго обсужденія владѣльцами и не владѣльцами способовъ привести эти требованія

въ исполненіе. Какъ бы то ни было, но дворянство напугано таинственностью и неизвѣстностью, а еще болѣе всегдашнимъ приемомъ нашей администраціи внезапно издать для повсемѣстнаго, однообразнаго выполненія въ цѣлой Россіи одну какую нибудь мѣру, придуманную въ канцеляріяхъ, безъ всякаго соображенія, а можетъ быть и знанія мѣстныхъ условій краевъ, гдѣ она должна примѣняться. Такъ какъ притомъ въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ затрогиваются матеріальные интересы величайшей важности, а для многихъ помѣщиковъ съ крѣпостнымъ правомъ связанъ вопросъ о кускѣ хлѣба ихъ самихъ и ихъ семействъ,—то дворянство всѣми силами стало сопротивляться всякой попыткѣ измѣнить или упразднить это право, и къ несчастію въ томъ успѣло. Последняя, самая неудачная, попытка снова поднять этотъ вопросъ была сдѣлана министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ самые послѣдніе годы царствованія императора Николая I. Въ ней ошибочные приемы нашей администраціи повторились съ большею силою, чѣмъ когда либо, и существенно повредили дѣлу освобожденія крѣпостныхъ, придавъ какъ бы справедливое основаніе упорному сопротивленію владѣльцевъ и выказавъ слабость администраціи, неумѣнье ея вести къ разрѣшенію великіе государственные вопросы.

Замѣтимъ въ заключеніе, что само правительство какъ будто нарочно отнимало у себя способы достигнуть предположенной цѣли. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ есть важнѣйшій, существеннѣйшій изъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ. Поэтому, принимаясь за его разрѣшеніе, правительству слѣдовало сосредоточить на немъ всѣ силы, обставить его самыми благоприятными условіями, воспользоваться всѣмъ, что могло вести къ предположенной цѣли. Къ сожалѣнію, ничего этого сдѣлано не было. Въ государственномъ совѣтѣ никто въ этомъ вопросѣ не поддерживалъ видовъ правительства. Министры, своими распоряженіями, противудѣйствовали имъ всѣми силами, гласныя совѣщанія дворянъ объ освобожденіи крѣпостныхъ были запрещены и, не смотря на ходатайства о разрѣшеніи такихъ совѣщаній, они остались недозволенными; даже запрещено было обсуждать печатно, въ политическомъ отношеніи совершенно безвредную, а для разрѣшенія вопроса весьма существенную, экономическую сторону крѣпостнаго права,—именно о преиму-

ществѣ вольнаго труда надъ крѣпостнымъ въ государственномъ, частномъ, сельско-хозяйственномъ и другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, правительство хотѣло невозможнаго: оно хотѣло произвести важнѣйшую въ Россіи реформу секретно, не приготовивъ общественнаго мнѣнія, не опираясь на разумное убѣжденіе, не ознакомивъ съ главною мыслью задуманнаго преобразованія того класса, котораго матеріальные интересы затрогивались самымъ чувствительнымъ образомъ. Отъ того успѣхъ и не увѣнчалъ благонамѣренныхъ и благодѣтельныхъ усилій покойнаго императора. Крѣпостное право продолжаетъ у насъ существовать и до сихъ поръ, (1855 г.), съ каждымъ днемъ дѣлая внутреннее положеніе наше все болѣе и болѣе затруднительнымъ, шаткимъ, опаснымъ и безысходнымъ. Каждый день болѣе и болѣе уноситъ надежду на возможность мирнаго разрѣшенія этого вопроса и приближаетъ насъ къ страшной катастрофѣ, слабые образчики которой въ Галиціи, въ Тарновскомъ округѣ, еще такъ недавно привели всю Европу въ смятеніе и ужасъ...

Но не смотря ни на что, истина и время берутъ свое. Есть вѣрные признаки, что теперь наше провинціальное дворянство начинаетъ просвѣщеннѣе и разумнѣе смотрѣть на крѣпостное право и на необходимость преобразованія его, чѣмъ центральная администрація. Это и понятно. Губернское дворянство хорошо знаетъ свои имѣнія и своихъ крѣпостныхъ, оно видитъ Россію хотя и не всю, но за то лицомъ въ лицу; наконецъ оно ближе понимаетъ свои пользы, свое положеніе и опасности, ожидающія насъ впереди.

V.

Мирное благодѣтельное для Россіи разрѣшеніе вопроса о крѣпостномъ помѣщичьемъ правѣ сдѣлается возможнымъ лишь съ той минуты, когда всѣ стороны этого вопроса будутъ приняты въ соображеніе, всѣ связанные съ нимъ интересы, государственные и частные—взвѣшены и уважены и когда, на основаніи предварительнаго, зрѣлаго обсужденія, составитъ подробный, обстоятельный планъ упраздненія крѣпостнаго состоянія, который

правительство приметъ себѣ въ непремѣнное руководство во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ.

Представимъ здѣсь опытъ такого плана, конечно, въ самыхъ лишь общихъ чертахъ.

Вопросъ объ упраздненіи помѣщичьяго крѣпостнаго права заключается въ себѣ два слѣдующіе: на какихъ началахъ или основаніяхъ должно у насъ совершиться освобожденіе помѣщичьихъ крѣпостныхъ? и какія суть лучшія средства или способы освобожденія?

§ 1. Главныя начала или основанія, на которыхъ надлежало бы совершиться освобожденію помѣщичьихъ крѣпостныхъ, могутъ быть опредѣлены лишь по разсмотрѣніи всѣхъ интересовъ, которые сходятся въ крѣпостномъ правѣ и въ немъ связаны какъ бы въ одинъ узелъ. Эти интересы суть: частные—владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ,—и общественные или правильнѣе — государственные.

Интересъ владѣльцевъ въ крѣпостномъ правѣ очевиденъ: они защищаютъ въ немъ свое имущество, дошедшее къ нимъ законнымъ порядкомъ, и потому во всякомъ случаѣ составляющее ихъ неотъемлемую гражданскую собственность. Этому ихъ права добросовѣстно отрицать нельзя: всѣ историческіе доводы и юридическія тонкости, приводимые въ опроверженіе помѣщичьей власти какъ гражданскаго права, не колебля ее ни мало, только запутываютъ и затемняютъ вопросъ.

Столько же очевиденъ и интересъ крѣпостныхъ. Онъ заключается въ полномъ, личномъ освобожденіи ихъ отъ владѣльцевъ съ удержаніемъ той земли, которою владѣютъ и пользуются, для себя, избы, въ которой живутъ, и всего движимаго и недвижимаго имущества, которое приобрѣли собственными трудами или наслѣдовали отъ отцовъ своихъ.

Наконецъ, интересы государства совершенно совпадаютъ съ пользами владѣльцевъ и крѣпостныхъ. По изложеннымъ выше причинамъ, для государства необходимо, чтобъ крѣпостное право прекратилось въ Россіи, но такъ однако, чтобъ при этомъ права и интересы обѣихъ сторонъ—помѣщиковъ и крѣпостныхъ—были вполне сохранены и уважены.

Необходимость послѣдняго условія очевидна даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ.

Государство не можетъ ни желать, ни допустить освобожденія крестьянъ безъ вознагражденія владѣльцевъ, и на это имѣтъ самыя основательныя причины. Освобожденіе крестьянъ безъ вознагражденія помѣщиковъ, во первыхъ, было бы весьма опаснымъ примѣромъ нарушенія права собственности, котораго никакое правительство нарушить не можетъ, не поколебавъ гражданскаго порядка и общежитія въ самыхъ основаніяхъ; во 2-хъ, оно внезапно повергло бы въ бѣдность многочисленный классъ образованныхъ и зажиточныхъ потребителей въ Россіи, что, по крайней мѣрѣ сначала, могло бы, во многихъ отношеніяхъ, имѣть неблагопріятныя послѣдствія для всего государства; въ 3-хъ, владѣльцы тѣхъ имѣній, гдѣ обработка земли наймомъ больше будетъ стоять, чѣмъ приносимый ею доходъ, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ совсѣмъ лишатся дохода отъ этихъ имѣній. Не получивъ вознагражденія, многіе изъ нихъ на первый разъ, а иные можетъ быть и навсегда, были бы осуждены на самое бѣдственное существованіе, или даже остались бы на рукахъ у правительства, которое черезъ это было бы вовлечено въ чрезвычайно обременительныя издержки и пожертвованія.

По соображеніямъ столько же важнымъ и настоятельнымъ, правительство вынуждено также обратить все свое вниманіе и на возможно большее личное и вещественное обезпеченіе крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ. Такъ, въ видахъ общественной тишины и порядка, правительство не можетъ допустить сохраненія хотя бы тѣни зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ, иначе безпрестанныя столкновенія между тѣми и другими, неудовольствія, безконечныя тяжбы и несправедливыя взаимныя претензіи размножились и продолжались бы вѣчно, а на безпристрастное разбирательство и рѣшеніе процессовъ между помѣщиками и ихъ прежними крѣпостными долго еще нельзя рассчитывать, потому что много пройдетъ времени послѣ освобожденія, а судебная и полицейская власти все еще будутъ находиться по преимуществу въ рукахъ дворянства и землевладѣльцевъ. Равнымъ образомъ, правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться на увольненіе крѣпостныхъ безъ земли, потому что чрезъ это сельское населеніе было бы поставлено, если не по праву, то на самомъ дѣлѣ, въ слишкомъ большую матеріальную зависимость отъ владѣль-

цевъ, или же, наскучивъ этою зависимостью, потеряло-бы, мало помалу, осѣдлость, для водворенія которой въ низшихъ сословіяхъ столько принесено жертвъ, столько сдѣлано усилій, — и стало-бы, попрежнему, перекочевывать изъ одного края Россіи въ другой, къ явному вреду, къ явной опасности для государства во всѣхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторые думаютъ, что у насъ есть достаточно казенныхъ земель для поселенія на нихъ всѣхъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ послѣ ихъ освобожденія. Отсюда заключаютъ, что слѣдовало-бы освободить крѣпостныхъ лично, безъ земли. Но возможность осуществленія такой мысли неправдоподобна по недостатку земли; даже не желательно, чтобъ эта мысль могла осуществиться. Водвореніе вновь двадцати одного милліона людей на государственныхъ земляхъ и на счетъ государственной казны—планъ слишкомъ уродливый, чтобъ можно было на немъ остановиться. Какой человѣкъ съ здравымъ смысломъ станетъ серьезно доказывать возможность новаго переселенія народовъ, съ покрытіемъ потребныхъ на то издержекъ изъ суммъ государственнаго казначейства?

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что освобожденіе помѣщичьихъ крѣпостныхъ могло-бы совершиться на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) крѣпостныхъ слѣдовало-бы освободить вполнѣ, совершенно, изъ подъ зависимости отъ ихъ господъ;

2) ихъ надлежало-бы освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непременно съ землею, и

3) освобожденіе можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ.

Принять эти начала за основанія при разрѣшеніи вопроса о помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ велить и строгая справедливость, и государственная польза, которыя здѣсь, какъ всегда и во всемъ, совпадаютъ въ своихъ требованіяхъ.

§ 2. Что касается до средствъ или способовъ приведенія этихъ основныхъ началъ въ исполненіе, то въ этомъ отношеніи представляются слѣдующія соображенія:

1) количество земли, съ которымъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ слѣдовало-бы освободить, можетъ быть опредѣлено различно. Ихъ можно выкупить: а) со всею землею, принадлежащею къ

имѣнію, въ которомъ они поселены; б) съ опредѣленнымъ большимъ или меньшимъ количествомъ десятинъ на тягло или на душу, смотря по мѣстности, и в) съ тою лишь землею, которая находится въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи помѣщичьихъ крѣпостныхъ.

Первый способъ — выкупъ со всею землею, принадлежащею къ имѣнію — весьма неудобенъ. Онъ потребовалъ-бы огромныхъ капиталовъ, и не только не принесъ-бы пользы, но, напротивъ, имѣлъ-бы вредныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ многоземельныхъ, и даже большей части издѣльныхъ, вообще, для крестьянъ было-бы слишкомъ много всей земли, принадлежащей къ имѣнію; слѣдовательно, она перешла-бы въ казенное завѣдываніе и чрезъ это, какъ вообще при казенномъ управленіи, стала-бы давать гораздо меньше дохода. Въ то же время, чрезъ это почти исчезла-бы въ Россіи частная поземельная собственность, а съ нею и всѣ ея благодѣтельныя послѣдствія для промышленности и сельскаго хозяйства; ибо опытомъ дознано, что частная поземельная собственность и существованіе рядомъ съ малыми и большихъ хозяйствъ суть совершенно необходимыя условія процвѣтанія сельской промышленности.

Второй способъ — выкупъ опредѣленнаго количества десятинъ земли на тягло или на душу — почти совершенно невозможно привести въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назначить количество десятинъ, подлежащихъ въ каждомъ имѣніи выкупу, такъ чтобъ было безобидно и для владѣльцевъ, и для крѣпостныхъ? Подобное назначеніе потребовало-бы многолѣтнихъ, невѣроятныхъ трудовъ, огромныхъ издержекъ, подало-бы поводъ тысячамъ произвольныхъ дѣйствій, злоупотребленій и столеновеній, которыхъ невозможно было-бы ни открыть, ни преслѣдовать, по громадности и сложности операцій; наконецъ, что можетъ быть всего важнѣе — такая мѣра породила-бы большую шаткость и неопредѣленность поземельнаго владѣнія во все время, пока продолжалось-бы освобожденіе крестьянъ.

Затѣмъ, остается послѣдній способъ — выкупить только ту землю, которая находится въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи крѣпостныхъ. Этотъ способъ безспорно лучшій и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, сохраняя и утверждая, безъ всякихъ измѣненій, поземельное владѣніе, установившееся издавна и къ

которому привыкли и помѣщичи, и крѣпостные; кромѣ того, такой способъ и не потребуеъ никакихъ особенныхъ издержекъ, и не можетъ возродить большихъ недоразумѣній и неизвѣстности правъ ¹⁾).

Нѣкоторые предлагаютъ выкупить помѣщичьихъ крѣпостныхъ съ тѣмъ лишь количествомъ земли, какое нужно для удержанія ихъ осѣдлыми на теперешнемъ ихъ мѣстѣ жительства, но этого было бы совершенно недостаточно для прокормленія ихъ съ семействами. Цѣль та, чтобъ, воспользовавшись привязанностью крестьянъ къ ихъ родинѣ, землѣ и двору, побудить ихъ поневолѣ нанимать землю у сосѣднихъ замлевладѣльцевъ. Такая система выкупа, въ губерніяхъ почти исключительно земледѣльческихъ, могла бы, можетъ быть, дѣйствительно принести пользу владѣльцамъ, доставя имъ, и то вѣроятно только сначала, выгодныхъ арендаторовъ и дешевыхъ рабочихъ. Но правительство можетъ ли согласиться на такую коварную мѣру? Конечно, нѣтъ! Ему не должно смотрѣть на государственные вопросы, ослѣпляясь выгодами однихъ помѣщиковъ. Въ данномъ же случаѣ выиграли бы—и то не навѣрное—они одни, а государство и крѣпостные непременно бы потеряли, ибо владѣльцы получили бы возможность, къ крайнему стѣсненію бывшихъ ихъ крѣпостныхъ, поднять наемную плату за свои земли или же умялять плату рабочимъ и батракамъ. Послѣдствіемъ этого было бы одно

¹⁾ Разрѣшеніе нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, сомнѣній и вопросовъ понадобится, конечно, и при этомъ способѣ. Такъ, напр., можетъ случиться, что владѣлецъ, желая уменьшить количество отходящей отъ него съ крѣпостными земли, въ ожиданіи выкупа, отниметъ у нихъ большую или меньшую часть земли, которою они до того времени дѣйствительно владѣли и пользовались. Возможность такихъ случаевъ потребуеъ болѣе точнаго опредѣленія, что должно разумѣть подъ выраженіемъ: „земли, находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи крѣпостныхъ“. Далѣе: необходимо будетъ опредѣлить количество земли, подлежащей выкупу въ южной и юго-восточной Россіи, гдѣ существуетъ залежное хозяйство и нѣтъ у крестьянъ постоянного землевладѣнія въ однихъ мѣстахъ. Необходимо также будетъ рѣшить весьма важный вопросъ: недолжно или, напротивъ, слѣдуетъ, и въ такомъ случаѣ на какихъ именно основаніяхъ слѣдуетъ выкупать у владѣльцевъ уголья—сѣнокосы, лѣса, выгоны, водопой и т. п. Очевидно, однако, что разрѣшеніе этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ представитъ несравненно менѣе затрудненій, чѣмъ приведеніе въ исполненіе двухъ первыхъ способовъ.

изъ двухъ: или бывшіе крѣпостные впади бы въ крайнюю нищету и обратились въ бездомниковъ и бобылей,—нѣчто въ родѣ сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ у насъ покуда, слава Богу, очень мало,—или они стали бы толпами выселяться въ другія губерніи и края имперіи. Въ томъ и другомъ случаѣ правительство, поддерживая бытъ выкупленныхъ крѣпостныхъ на мѣстахъ, или способствуя ихъ переселенію, было бы вовлечено въ несравненно большія издержки, чѣмъ выкупивъ ихъ съ самаго начала со всею землею, которою они теперь дѣйствительно владѣютъ ¹⁾).

2) Вознагражденіе помѣщиковъ за отходящихъ изъ ихъ владѣнія крѣпостныхъ съ землею тоже можетъ быть произведено различнымъ образомъ, а именно: а) вознагражденіе можетъ быть выдано за одну лишь землю, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ даромъ, или же и за землю, и за крѣпостныхъ; б) мѣриломъ вознагражденія могутъ быть приняты или цѣны, по какимъ нибудь соображеніямъ установленныя правительствомъ и уменьшенныя противъ дѣйствительности, или же существующія на мѣстахъ, во время выкупа, среднія цѣны, какъ населенныхъ имѣній вообще, такъ и земли, и душъ въ отдѣльности; наконецъ, в) самый порядокъ вознагражденія помѣщиковъ можетъ быть установленъ различный. Такъ, правительство можетъ признать болѣе удобнымъ производить владѣльцамъ выплату слѣдующей за ихъ имѣніе суммы поstepенно на основаніи банковыхъ правилъ, опредѣляя ежегодный платежъ предполагаемымъ или дѣйствительно вычисленнымъ среднимъ доходомъ съ выкупленныхъ имѣній, или же процентами съ выкупной суммы, назначивъ величину процентовъ примѣнительно къ правиламъ нашихъ кредитныхъ установленій,

¹⁾ О томъ, на какихъ основаніяхъ освобожденные крѣпостные могли бы впредъ владѣть выкупленною землею, здѣсь говорить не мѣсто. Замѣтимъ мимоходомъ, что всѣ юридическіе обычаи собственно великоруссовъ и бѣлоруссовъ указываютъ на общинную, а не личную наследственную поземельную собственность, и мы пока не видимъ достаточной причины посягать на эти обычаи, заключающіе въ себѣ, повиднмому, плодотворное начало устройства у насъ поземельныхъ правъ на новыхъ началахъ, которыя теперь можно лишь смутно предугадывать. Во всякомъ случаѣ, совершенно было бы необходимо, по мѣрѣ выкупа е; естьянъ съ землею, запретить имъ продажу и залогъ выкупленныхъ земель подъ какимъ бы то видомъ и предлогомъ ни было, по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ, ибо иначе эти земли могли бы быть скуплены у крестьянъ, на первыхъ же порахъ, прежними ихъ владѣльцами и другими за безцѣнокъ, какъ отчасти и случилось въ Пруссіи. Е. К.

или же согласно съ законами гражданскими и торговымъ уставомъ о займахъ между частными лицами и ссудахъ коммерческихъ. Но точно также правительство можетъ всю слѣдующую за выкупныя имѣнія сумму выплатить владѣльцамъ за одинъ разъ.

Подробное разсмотрѣнiе всѣхъ этихъ способовъ вознагражденiя помѣщиковъ приводитъ къ заключенiю: 1) что выплата имъ денегъ за одну землю, не принимая въ расчетъ крѣпостныхъ людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна. Несправедлива—потому что крѣпостные составляютъ такую же собственность владѣльцевъ, какъ и земля; неуравнительна—потому что только въ нѣкоторыхъ губернiяхъ, преимущественно густонаселенныхъ и земледѣльческихъ, земля имѣетъ большую цѣнность, а крѣпостные почти никакой, или весьма малую; въ другихъ же губернiяхъ, преимущественно промышленныхъ, или хотя и земледѣльческихъ, но мало населенныхъ, владѣльцы получаютъ доходъ не отъ земли, а отъ крѣпостныхъ; 2) что допущенiе, при выкупѣ крѣпостныхъ, какихъ бы то ни было особливыхъ расчетовъ (какъ напр. оцѣнки теряемой крѣпостной работы и т. п.), съ цѣлью по возможности уменьшить слѣдующее владѣльцамъ вознагражденiе, подало бы только поводъ къ самымъ несправедливымъ и произвольнымъ дѣйствiямъ и, не сокращая существенно расходовъ на выкупъ крѣпостныхъ, только стѣснило и раздражило бы владѣльцевъ и надолго затянуло бы ходъ дѣла; 3) что по тѣмъ же самымъ причинамъ было бы неудобно назначить владѣльцамъ вознагражденiе по расчету дохода, котораго они, съ выкупомъ крѣпостныхъ, лишаются, потому что у насъ невозможно опредѣлить даже приблизительно среднiй доходъ отъ наибольшей части помѣщичьихъ имѣнiй; 4) что хотя выкупомъ крѣпостныхъ, на основанiи банковыхъ правилъ, справедливость не была бы нарушена, однако на развитие промышленности въ Россiи такого рода выкупъ имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, много лѣтъ сряду, неблагоприятное влiянiе. Освобожденiе крѣпостныхъ, какъ уже выше замѣчено, потребуетъ немедленнаго поставленiя нашихъ помѣщичьихъ хозяйствъ на коммерческую ногу, а это можно сдѣлать не иначе, какъ съ помощью болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ чрезвычайныхъ издержекъ, которыя понадобятся почти въ ту же самую минуту, когда совершится освобожденiе.

При всеобщей бѣдности и раззореніи нашего дворянства, ему не откуда взять капиталовъ, необходимыхъ для покрытія такихъ чрезвычайныхъ издержекъ. Поэтому, если вся выкупная сумма не будетъ уплачена владѣльцамъ, при самомъ освобожденіи ихъ крестьянъ, сельское хозяйство въ Россіи понесетъ весьма чувствительный вредъ, отъ котораго не скоро оправится, а это, въ свою очередь, будетъ имѣть неблагоприятное вліяніе на все государство.

Итакъ, владѣльцевъ слѣдуетъ вознаграждать за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ: отчѣнить крѣпостныхъ съ слѣдующею имъ землею, по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, какъ можно добросовѣстнѣе, какъ можно ближе къ истинѣ, и затѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна, при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія. Только такой способъ выкупа, не внося въ важное государственное дѣло освобожденія никакихъ искусственныхъ и произвольныхъ условій, напротивъ, принимая за исходную точку существующій нынѣ порядокъ дѣлъ, въ состояніи приготовить преобразование сельско-хозяйственнаго быта Россіи легко, почти незамѣтно; ибо только при помощи такого способа, примиряющаго пользу всѣхъ, новое начнетъ заступать мѣсто стараго безъ перерыва и съ необходимою постепенностію.

Многіе думаютъ, что операцію выкупа крѣпостныхъ слѣдовало-бы произвести одновременно съ ликвидаціею долговъ, лежащихъ на дворянскихъ имѣніяхъ по ссудамъ изъ кредитныхъ установленій. Зачетъ сдѣланныхъ ссудъ—такъ думаютъ они—значительно уменьшитъ выкупную сумму, которая будетъ считаться помѣщикамъ. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что сліяніе этихъ двухъ операцій отняло-бы у помѣщиковъ средства, необходимыя для немедленнаго устройства ихъ хозяйствъ согласно съ новыми экономическими условіями, и уменьшило-бы массу денегъ, которая-бы безъ того поступила въ обращеніе. Оба эти послѣдствія, безъ сомнѣнія, имѣли-бы на внутренній бытъ государства такое неблагоприятное вліяніе, что съ нимъ не можетъ идти въ сравненіе неудобство внутренняго или внѣшняго долга, сдѣланнаго для выкупа крѣпостныхъ и равняющагося предполагаемой къ зачету суммѣ. Такой зачетъ слѣдовало-бы допустить въ той только части долга кредитнымъ установленіямъ, которая

недостаточно-бы обезпечивалась остающеюся за владѣльцами послѣ выкупа частью ихъ имѣній.

3) Для опредѣленія количества земли, которое дѣйствительно находится во владѣніи крѣпостныхъ и подлежитъ выкупу, и для назначенія суммы, слѣдующей владѣльцу за выкупаемое имѣніе, слѣдовало-бы учредить по уѣздамъ оцѣночныя комисіи, составленныя на половину по выбору изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, на половину по назначенію правительства изъ не владѣльцевъ, однако, коротко знакомыхъ съ мѣстнымъ бытомъ и условіями края. Если владѣлецъ и крѣпостные съ приговоромъ комисіи по означеннымъ двумъ предметамъ согласятся, то онъ получаетъ законную силу; въ противномъ же случаѣ поступаетъ на окончательную ревизію губернской оцѣночной комисіи, составленной на изложенныхъ выше основаніяхъ изъ владѣльцевъ и не владѣльцевъ. Кромѣ того, надлежало-бы учредить особливую центральную комисію для руководства оцѣночныхъ комисій въ ихъ дѣйствіяхъ, для разрѣшенія ихъ вопросовъ, сомнѣній и всѣхъ тѣхъ частныхъ случаевъ, кои возбуждаютъ споры и недоразумѣнія по недостаточности или неясности правилъ, данныхъ въ руководство оцѣночнымъ комисіямъ.

4) Собственно финансовая операція по выкупу крѣпостныхъ могла-бы быть возложена на нарочно для того учрежденный банкъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) по постановленіямъ оцѣночныхъ комисій, вошедшимъ въ законную силу, выкупъ крѣпостныхъ совершается или ими самими, — взносомъ выкупной суммы сполна или только частью, или же банкомъ—посредствомъ выплаты владѣльцу всей суммы, или только той ея части, которая не дознесена крѣпостными; б) банкъ дѣлаетъ уплаты особливими билетами, которые всюду принимаются наравнѣ съ билетами прочихъ кредитныхъ установленій и обезпечиваются правительствомъ звонкой монетой, не менѣе, какъ въ шестой части ихъ нарицательной цѣны; в) выплаченная владѣльцамъ изъ банка сумма зачисляется долгомъ на выкупленномъ имѣніи, съ уплатою въ 37-ми лѣтній или другой болѣе продолжительный срокъ по равной части ежегодно; процентовъ же на выкупленныхъ крѣпостныхъ начислять: съ капитала обезпеченія—по 5% ежегодно; со всего же выкупнаго капитала, выплаченнаго владѣльцамъ, не болѣе, какъ сколько нужно для покрытія всѣхъ издержекъ выкуп-

ной операціи, а по выплатѣ бывшими крѣпостными $\frac{5}{6}$ частей выкупнаго капитала оплачивать процентами уже не весь капиталъ обезпеченія, а только ту его часть, которая обезпечиваетъ остающійся непогашеннымъ выкупной капиталъ, рубль за рубль; г) по мѣрѣ уплаты выкупленными крѣпостными лежащаго на нихъ выкупнаго долга, выпущенные банкомъ билеты надлежитъ извлекать изъ обращенія ¹⁾; и д) по совершенномъ погашеніи бывшими крѣпостными выплаченнаго за нихъ помѣщикамъ выкупнаго капитала, владѣемую ими выкупленную землю обратить въ полную ихъ собственность, на правахъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ.

5) Такъ какъ выкупъ крѣпостныхъ предполагается производить по существующимъ на мѣстахъ цѣнамъ, безъ всякаго ихъ уменьшенія, то переводъ всякаго рода долговъ, казенныхъ, банковыхъ и частныхъ, сдѣланныхъ самими владѣльцами подъ залогъ населенныхъ ихъ имѣній, на выкупленныхъ у нихъ крестьянъ

¹⁾ Изъ сельско-хозяйственной статистики Смоленской губерніи, изданной Я. Соловьевымъ (Москва, 1855 г.), видно, что въ этой губерніи общее число крѣпостныхъ составляетъ 378,038 (sic) пола душъ; при среднемъ надѣлѣ на душу по 13 десят. земли, средняя цѣна каждой души есть 117 руб. Положимъ, что въ дѣйствительномъ владѣніи крѣпостныхъ находится цѣлая половина общаго количества земли, какое приходится на душу (что невѣроятно, ибо въ томъ же числѣ положены и господскія усадьбы, сѣнокосы, лѣса и т. п.); такъ какъ средняя цѣна незаселенной десятины въ губерніи есть $5\frac{1}{2}$ руб., то при выкупѣ помѣщичьихъ крѣпостныхъ Смоленской губ. пришлось бы заплатить владѣльцу за каждую выкупаемую душу, среднимъ числомъ, 117 руб. — ($6\frac{1}{2}$ десят. $\times 5\frac{1}{2}$ руб. = 35 р. 75 коп.) = 81 руб. 25 коп. Слѣд. на выкупъ въ Смоленской губ. всего крѣпостнаго населенія потребовался бы капиталъ въ 30.715,587 руб. 50 коп., и фондъ обезпеченія въ 5.119,264 руб. $58\frac{1}{2}$ коп. Если крѣпостные будутъ платить ежегодно не болѣе $\frac{1}{2}\%$ на выкупной капиталъ, то это составитъ въ первый годъ слишкомъ 153,500 руб. дохода, который хотя въ каждый слѣдующій затѣмъ годъ и будетъ уменьшаться на 4,151 руб., но все же образуетъ сумму, съ избыткомъ достаточную на покрытие издержекъ всей выкупной операціи, не только по одной, но и по нѣсколькимъ, и даже по многимъ губерніямъ. Съ причисленіемъ этого $\frac{1}{2}\%$ и 5% на капиталъ обезпеченія, ежегодный платежъ каждой выкупленной души на погашеніе долга, при разложеніи выкупнаго капитала лишь на 37 лѣтъ, составитъ въ первыя 30 лѣтъ только отъ 2 р. 89 к. до 2 р. 55 к., — а послѣ того и эта сама по себѣ незначительная плата еще болѣе будетъ понижаться. Не должно при этомъ забывать, что Смоленская губ. по количеству крѣпостнаго населенія занимаетъ, вмѣстѣ съ Тульской, первое мѣсто въ цѣлой имперіи.

ни въ какомъ случаѣ допускать не должно. Вслѣдствіе этого, означенные долги обезпечатся тою только частью имѣній, которая останется собственностію владѣльцевъ и, согласно съ этимъ, права кредиторовъ на слѣдующую владѣльцамъ выкупную сумму будутъ опредѣляться дѣйствующими законами, безъ всякаго измѣненія. Только по ссудамъ изъ кредитныхъ установленій должно бы допустить льготу, о которой упомянуто выше (во 2-мъ пунктѣ въ концѣ);

и б) Для успѣха дѣла совершенно необходимы были бы: а) предварительное опубликованіе цѣлаго плана освобожденія крѣпостныхъ во всеобщее извѣстіе, съ предоставленіемъ права обсуждать его во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ подробностяхъ, хотя бы въ одномъ только повременномъ изданіи, назначенномъ для того самимъ правительствомъ и подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Такое разсмотрѣніе проекта частными лицами дало бы правительству возможность, при окончательномъ изданіи закона о выкупѣ крѣпостныхъ, исправить вкравшіеся въ проектъ недостатки, неточности и ошибки; б) возможная гласность хода всей операціи, начиная съ перваго закона о приступленіи къ выкупу, и оканчивая послѣднимъ взносомъ выкупленными слѣдующей съ нихъ въ банкъ суммы, наконецъ, в) строжайшая справедливость, правосудіе и добросовѣстность какъ при опредѣленіи и выплатѣ выкупныхъ суммъ, такъ и при назначеніи количества выкупаемой земли.

VI.

Вотъ въ общихъ чертахъ планъ упраздненія помѣщичьяго крѣпостнаго права. Такъ какъ въ этомъ правѣ сходятся интересы и владѣльцевъ, и крѣпостныхъ, и государства, то каждый изъ этихъ трехъ элементовъ принялъ бы дѣятельное участіе и въ разрѣшеніи задачи: дворянство—подвергаясь внезапному переходу къ совершенно новому порядку хозяйства, польза котораго для всего владѣльческаго сословія въ массѣ не подлежитъ сомнѣнію, но который въ примѣненіи къ тому или другому лицу можетъ вести къ большимъ убыткамъ и даже къ совершенному

разстройству; крѣпостные—выплачивая полное вознагражденіе владѣльцамъ; правительство—обеспечивая всю операцію, своимъ кредитомъ и звонкою монетою.

Скажутъ: планъ этотъ невыполнимъ; выкупъ всѣхъ крѣпостныхъ въ цѣлой имперіи потребуетъ огромнаго количества серебра и золота, котораго правительство не имѣетъ и долго еще не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи совершенно свободнымъ.

Но необходимо ли, полезно ли, даже благоразумно ли начать вдругъ, разомъ, выкупъ крѣпостныхъ на всемъ пространствѣ государства? Мы, съ своей стороны, думаемъ, что подобной мѣры нельзя ни предлагать, ни даже желать.

Какъ бы ни былъ строго и глубоко обдуманъ планъ упраздненія помѣщичьяго крѣпостнаго права, въ немъ непрѣмнно останется многое недоговореннымъ и недодуманнымъ, пока онъ не пройдетъ чрезъ повѣрку практики и примѣненія. Опытъ осуществленія всякаго такого плана, хотя бы въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно необходимъ.

Опытъ придаетъ самому правительству твердость и увѣренность въ стремленіи къ предполагаемой цѣли освобожденія крѣпостныхъ.

Опытъ раскроетъ глаза и дворянству; онъ убѣдитъ его на дѣлѣ, лучше всякихъ увѣреній, въ непрѣмнномъ, непреклонномъ намѣреніи правительства рѣшить вопросъ о помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, сохраняя однако въ совершенной цѣлости и неприкосновенности гражданскія права и матеріальные интересы дворянства; онъ успокоитъ владѣльцевъ на счетъ благодѣтельныхъ послѣдствій освобожденія, которыя не замедлятъ тотчасъ же обнаружиться возвышеніемъ цѣны на землю, на трудъ и увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія въ мѣстности, очищенной отъ крѣпостнаго права.

Наконецъ, опытъ будетъ полезенъ и благодѣтеленъ и для самихъ крѣпостныхъ; теперешнимъ неопредѣленнымъ и потому часто дикимъ мечтаніямъ ихъ о вольности, принимающимъ иногда разрушительный характеръ, онъ дастъ тѣло и практическое направленіе, указавъ законную цѣль, законные пути и способы.

Итакъ, съ какой стороны ни взглянуть, предварительный мѣстный опытъ освобожденія крѣпостныхъ на основаніи зрѣло обдуманнаго плана необходимъ. Онъ послужитъ введеніемъ къ

всеобщему упраздненію крѣпостнаго права въ цѣлой Россіи и будетъ существенно тому способствовать. Владѣльцы, убѣдясь, что освобожденіе неминуемо, и что оно совершается добросовѣстно и благонамѣренно, постышатъ предупредить принужденный выкупъ добровольными сдѣлками съ своими крѣпостными, и такимъ образомъ, пока въ одной мѣстности крѣпостные будутъ освобождаемы по распоряженію правительства, во всѣхъ другихъ общественное мнѣніе не только будетъ уже совершенно приготовлено къ начатію повсемѣстнаго выкупа, но и многое будетъ уже заранее сдѣлано въ этомъ смыслѣ.

Какой же край избрать для перваго опыта? Всего лучше Западную Россію.

Во-первыхъ, въ ней помѣщики разнаго племени и большею частію разной вѣры съ крѣпостными; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ крѣпостное право успѣло уже принести всѣ свои горькіе плоды, во всѣхъ отношеніяхъ; въ третьихъ, выкупъ крѣпостныхъ, пустивъ въ оборотъ большіе капиталы, оживилъ-бы промышленную дѣятельность этого чуть-ли не самаго бѣднаго края въ цѣлой имперіи; наконецъ, въ четвертыхъ, эта мѣра подняла и возвысила-бы тамъ значеніе и роль русскаго элемента, ибо могущественнѣйшій рычагъ для обрусѣнія западныхъ губерній не насильственное введеніе русскаго языка и русскаго управленія, не стѣсненіе инородцевъ и иновѣрцевъ, а освобожденіе тамошнихъ русскихъ изъ крѣпостной зависимости отъ полявовъ.

Но скажутъ: и выкупъ крѣпостныхъ вдругъ въ 9-ти губерніяхъ западной Россіи также опасенъ, дорого обойдется; словомъ, тоже неудобенъ и даже невозможенъ.

Положимъ, что такъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ начать выкупъ хоть съ одной какой-нибудь губерніи по западной нашей границѣ. На это денежныхъ средствъ всегда достанетъ; малѣйшее облегченіе внутренней нашей промышленности, хоть одна какая-нибудь благоразумная мѣра по министерству финансовъ, напр., отмѣна теперешнихъ стѣснительныхъ законовъ о золотопромышленности, уменьшившихъ ежегодную добычу золота въ Сибири, въ теченіи 5-ти лѣтъ, на 500 пудовъ, — и явится фондъ на выкупъ крѣпостныхъ не въ одной, а въ нѣсколькихъ губерніяхъ.

Противъ этого многіе возразятъ: невозможно выкупить крѣ-

постныхъ въ одной губерніи, не выкупая въ то же время въ другихъ, ибо это подняло-бы бунты, которые могутъ охватить всю Россію и привести къ общему перевороту.

Возраженіе очень близорукое. Тѣ, которые такъ думаютъ, конечно, не стануть отрицать, что довольно трудно предположить внезапное возстаніе всѣхъ крѣпостныхъ не только въ цѣлой Россіи, но даже и въ цѣлой какой-нибудь губерніи; что противъ частныхъ бунтовъ, если-бъ они съ началомъ выкупа мѣстами и усилились, можно принимать полицейскія и военныя мѣры, которыя помѣшаютъ имъ распространяться далѣе; что, слѣдовательно, обезпечить внутреннее спокойствіе имперіи на то время, пока продолжается постепенное упраздненіе крѣпостнаго права, такъ или иначе, еще возможно. Но подумали-ли они о томъ, что при крѣпостномъ правѣ положеніе съ каждымъ годомъ будетъ становиться опаснѣе и неисправимѣе? что если это право останется въ теперешнемъ своемъ видѣ, то нѣсколько десятковъ лѣтъ позднѣе оно взорветъ на воздухъ все государство? Малодушная мысль *après nous le déluge* не можетъ быть девизомъ правительства: какъ кормчій, оно должно видѣть впереди, выбирая и считывая свои мѣры не по одной настоящей минутѣ, но и по ближайшему будущему времени.

Притомъ опасностью грозить, конечно, не надежда, а безнадежность крѣпостныхъ когда-нибудь получить свободу. Такая безнадежность начинаетъ уже въ нихъ тамъ и сямъ проглядывать; они, къ несчастію, начинаютъ папать на опасную, по своимъ послѣдствіямъ, мысль: будто-бы правительство держитъ сторону господъ, будто-бы оно не хочетъ подумать о защитѣ и покровительствѣ крѣпостныхъ отъ произвола и угнетенія помѣщиковъ. Конечно, мысль эта далеко еще не овладѣла массами; горе, если она найдетъ вѣру у большинства! А теперешнее невмѣшательство правительства въ отношенія владѣльцевъ и крѣпостныхъ можетъ и должно питать ее во всѣхъ концахъ Россіи. Что же? Лучше будетъ такое несчастное заблужденіе, чѣмъ вѣра, что вотъ-де царь и надъ нами сжалился, и насъ сдѣлаетъ вольными: сегодня тамъ, а завтра и до насъ очередь дойдетъ?

Кто знаетъ Россію, кто понимаетъ ея великое призваніе, тотъ не сомнѣвается, что ей прежде всего необходимы мирныя успѣхи, которые, впрочемъ, не только у насъ, но и вездѣ вѣрнѣе и проч-

нѣ развитія сомнительнымъ и тяжкимъ путемъ переворотовъ и смертельныхъ опытовъ; а несомнѣнный залогъ мирныхъ успѣховъ въ Россіи есть твердая вѣра народа въ царя. Чтобъ поддержать эту-то вѣру и необходимо, прежде и больше всего, освобожденіе крѣпостныхъ, и безъ отлагательства! Да не обольщаетъ себя никто въ этомъ отношеніи: пройдетъ еще немного времени,—и даже этого средства будетъ уже недостаточно.

Къ несчастію, съ нѣкотораго времени всѣ понятія у насъ какъ-будто извратились; нерѣшительность, отсутствіе опредѣленныхъ идей и стремленій, даже робость правительства выдаются у насъ за высокую политическую осторожность, чуть-чуть не за альфу и омегу всякой государственной мудрости. Какъ несогласно это съ уроками русской исторіи! Кто рѣшится сказать, что Петръ I-й, что Екатерина II-я были неосторожны и неблагоразумны, что имъ не доставало государственной мудрости? Великія дѣла этихъ двухъ царствованій громко говорятъ за себя. И что-же? Оба отличались большою твердостью и рѣшимостью; Петръ, конечно, болѣе геніальною, Екатерина—болѣе хитрою и умною. Петръ воевалъ въ одно и то же время съ сильнѣйшимъ внѣшнимъ и съ сильнѣйшими внутренними врагами; тѣхъ и другихъ онъ какъ-будто нарочно вызывалъ на бой и громилъ безпощадно. То же въ существѣ, хотя и въ другихъ формахъ, дѣлала Екатерина. Но съ вѣнскаго конгресса у насъ какъ-будто исчезло и самое преданіе о́вь этой спасительной рѣшимости. Во всѣхъ важныхъ внутреннихъ вопросахъ правительство, при ва́жущейся энергіи, дѣйствуетъ вяло и неопредѣленно.

Отъ этой добровольной искусственной дремоты, овладѣвшей только вслѣдствіе ошибочнаго взгляда, пора встрепенуться, особливо въ отношеніи къ крѣпостному вопросу. Правительству стоитъ только рѣшиться овладѣть этимъ вопросомъ и повести его къ развязкѣ—и весь народъ пойдетъ по указанному пути съ довѣріемъ и любовію.

VII.

Начавъ выкупъ крѣпостныхъ въ одной мѣстности, слѣдовало-бы, въ то же время, содѣйствовать къ упраздненію крѣпостнаго права и во всѣхъ прочихъ разными косвенными мѣрами и полумѣрами, которыя, не касаясь существа этого права, подготовили и значительно облегчили-бы выполнение изложеннаго плана выкупа, въ обширныхъ размѣрахъ, во всей Россіи. Указанія на такія мѣры и полумѣры содержатся въ нашемъ законодательствѣ и нашихъ нравахъ; стоитъ только развить ихъ въ правительственныя распоряженія.

Императоръ Александръ I старался количественно уменьшить число крѣпостныхъ и качественно придать крѣпостному праву значеніе не непосредственной личной зависимости крѣпостныхъ отъ господъ, а зависимости, какъ-бы происходящей вслѣдствіе того, что земля принадлежитъ помѣщикамъ, а крѣпостные крѣпки землѣ. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ очень многое остается еще сдѣлать административнымъ и законодательнымъ порядкомъ.

Владѣльцы изъ различныхъ побужденій нерѣдко сами желаютъ предоставить свободу своимъ крѣпостнымъ на различныхъ условіяхъ, а крѣпостные, съ своей стороны, то же готовы откупиться; тѣмъ и другимъ надлежало-бы всячески содѣйствовать.

Огромное большинство помѣщиковъ, даже при сердечной добротѣ и благонамѣренности, не знаютъ и не понимаютъ вопроса объ освобожденіи; имъ и въ мысль не приходитъ, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права они сами во всѣхъ отношеніяхъ выиграютъ; слѣдовало-бы употребить всѣ мѣры, чтобъ дворянство и чиновники имѣли возможность сами убѣдиться въ пользѣ и даже необходимости освобожденія крѣпостныхъ, и содѣйствовали въ этомъ отношеніи видамъ правительства не нехотя, а добровольно и сознательно.

Согласно съ сказаннымъ, можно-бы принять въ отношеніи къ освобожденію крѣпостныхъ слѣдующія косвенныя мѣры:

I. Продолжая дѣятельность императоровъ Александра I и Николая, издать рядъ постановленій, которыя, не касаясь суще-

ства крѣпостнаго права, ограничили-бы, однако, его дальнѣйшее географическое распространеніе, положили-бы предѣлъ размноженію лицъ, которыя этимъ правомъ пользуются, и, наконецъ, способствовали-бы уменьшенію количества помѣщичьихъ населенныхъ имѣній. Такимъ образомъ: 1) для прекращенія дальнѣйшаго географическаго распространенія крѣпостнаго права: а) запретить основаніе, гдѣ-бы то ни было, новыхъ поселеній на крѣпостномъ правѣ; б) запретить переселеніе крѣпостныхъ изъ одного имѣнія въ другое на томъ же крѣпостномъ правѣ; 2) для уменьшенія числа лицъ, имѣющихъ право приобрѣтать крѣпостныхъ и владѣть ими: а) лицамъ, вновь получающимъ права потомственнаго дворянства, не предоставлять права владѣть крѣпостными; б) помѣщикамъ, имѣющимъ лишь дальнихъ родственниковъ (напр., въ 8-й степени или и далѣе), дозволить продажу ихъ населенныхъ имѣній не иначе, какъ съ предоставленіемъ крѣпостнымъ права выкупиться съ землею (см. ниже), и в) наслѣдованіе въ населенныхъ имѣніяхъ послѣ дальнихъ родственниковъ въ опредѣленной степени допускать не иначе, какъ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ по ревизіи, и притомъ съ тою землею, которою они дѣйствительно владѣли и пользовались при жизни умершихъ ихъ владѣльцевъ. Такое правило не было-бы несправедливо, потому что тѣсныя родственныя связи между далекими родственниками теперь почти не существуютъ болѣе, имѣнія достаются по наслѣдству отъ дальнихъ родственниковъ болѣею частію неожиданно, и какъ-бы отъ совершенно постороннихъ лицъ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ возникалъ даже вопросъ: не слѣдуетъ-ли вовсе прекратить право наслѣдованія въ слишкомъ далекихъ степеняхъ родства, и 3) для уменьшенія количества населенныхъ помѣщичьихъ имѣній: а) предоставить всѣмъ свободнымъ состояніямъ въ Россіи право приобрѣтать населенныя имѣнія, но съ освобожденіемъ, притомъ, приписанныхъ къ нимъ крѣпостныхъ, съ владѣемою ими землею, какъ сказано выше; б) при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга за долги кредитнымъ установленіямъ предоставлять крѣпостнымъ, приписаннымъ къ тѣмъ имѣніямъ, право выкупиться самимъ и съ землею, которая находится въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи; или же правительству вы-

купать ихъ, на основаніи изложенныхъ выше правилъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. На такія имѣнія могла бы быть перечислена извѣстная часть долга кредитнымъ установленіямъ; количество слѣдующей имъ земли—опредѣлено посредствомъ особой оцѣночной коммисіи, а выкупная сумма—или тою же коммисіею, или же по расчету на основаніи цѣны, предложенной за имѣніе на торгахъ и переторжѣ¹⁾; в) выкупать крѣпостныхъ съ землею, на изложенныхъ выше основаніяхъ, у всѣхъ помѣщиковъ, владѣющихъ менѣе, чѣмъ 30-ю душами, при переходѣ этихъ душъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, по наслѣдству, завѣщанію, продажѣ или другимъ образомъ. Черезъ это мало по малу стали-бы уменьшаться и исчезать мелкопомѣстныя владѣнія, вредныя во всѣхъ отношеніяхъ; г) на тѣхъ же основаніяхъ, выкупать имѣнія разнопомѣстныя, при переходѣ ихъ какимъ бы то ни было образомъ отъ одного помѣщика къ другому.

II. Надлежало бы всячески содѣйствовать добровольнымъ сдѣлкамъ между владѣльцами и ихъ крѣпостными о выпускѣ послѣднихъ на волю съ землею и безъ земли. О способахъ достигнуть этой цѣли замѣтимъ слѣдующее: а) отпущеніе на волю крѣпостныхъ съ незапамятныхъ временъ считалось у нашихъ предковъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и какъ бы обязательныхъ подвиговъ благотворительности и благочестія, не было предсмерт-

¹⁾ Въ 1846 году крѣпостнымъ предоставлено было право, при продажѣ съ публичныхъ торговъ имѣній, къ которымъ они приписаны, выкупаться на волю; но оно не привело къ ожидаемымъ результатамъ, потому что крѣпостнымъ вмѣнено въ обязанность вносить послѣдне состоявшуюся высшую цѣну на торгахъ за все вообще имѣніе и притомъ на взносъ денегъ данъ самый незначительный срокъ. По первому изъ этихъ условій, на крѣпостныхъ возлагалась тяжелая обязанность платить очень значительную сумму, и въ имѣніи приобрести гораздо больше земли и угодьевъ, чѣмъ сколько имъ дѣйствительно нужно, по второму же отъ нихъ требовалась уплата всѣхъ денегъ въ такой короткій срокъ, въ какой иной и капиталистъ не успѣлъ бы изворотиться. Наконецъ, даже и это тяжелое и сомнительное право отнято у крѣпостныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы оно производитъ частыя волненія между крестьянами, не имѣющими средствъ имъ воспользоваться. Но, во первыхъ, волненія эти были такъ рѣдки, и тѣ, которыя происходили, были такъ незначительны, что они ни въ какомъ случаѣ не должны были служить основаніемъ къ отнятію права, еще такъ не давно предъ тѣмъ дарованнаго крѣпостнымъ по милости государя; при томъ, если законъ былъ недостаточенъ, то слѣдовало его исправить, а не вовсе отнять. К. К.

наго словеснаго распоряженія владѣльца, которымъ бы не увольнялись крѣпостные. Этотъ исполненный любви и христіанскаго милосердія обычай слѣдовало бы не только поддерживать, но и всячески развивать между владѣльцами. Всего ближе это могло бы сдѣлаться при содѣйствіи и помощи духовенства, которое, конечно, съ радостію воспользовалось бы случаемъ принять дѣятельное, согласное съ духомъ евангелія и съ святымъ пастырскимъ призваніемъ, участіе въ рѣшеніи этого государственнаго вопроса первостепенной важности. Невозможно исчислить, какое огромное и благодѣтельное вліаніе на успѣхи освобожденія крѣпостныхъ могли бы имѣть увѣщанія владѣльцевъ и владѣлицъ, со стороны духовенства, отпускать больше людей на волю или вовсе безъ выкупа, или хотя и съ выкупомъ, но на условіяхъ какъ можно болѣе умѣренныхъ, какъ можно менѣе тягостныхъ для крѣпостныхъ. Само собою разумѣется, что эта цѣль едва ли была бы достигнута формальнымъ предложеніемъ святѣйшему синоду и синодскими циркулярами всему православному духовенству. Только убѣжденіе рождаетъ убѣжденіе и всѣ его благія послѣдствія. Надобно стараться, чтобъ достойнѣйшіе, наиболѣе почитаемые, любимые и вліятельные члены духовенства вошли по сердечному убѣжденію въ виды правительства и ради общаго блага, ради общей пользы гражданской и христіанской добровольно захотѣли дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: тогда они будутъ знать, какъ и къ кому отнестись, кому изъ епархіальнаго духовенства что и какъ предписать и внушить, словомъ, собственное убѣжденіе и любовь укажутъ имъ пути и способы дѣйствованія, которые недоступны для циркулярныхъ предписаній; б) слѣдовало бы подвергнуть самому внимательному пересмотру и существенно упростить всѣ безъ изъятія дѣйствующія нынѣ постановленія объ отпускѣ на волю крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли, ибо, напр., освобожденіе крѣпостныхъ съ землею въ настоящее время обставлено столькими формальностями многосложными, придирчивыми и безконечными, что трудно рѣшить—хочетъ ли законодательство способствовать или противудѣйствовать упраздненію крѣпостнаго права; в) слѣдовало бы также организовать правильнымъ образомъ и по возможности въ обширныхъ размѣрахъ выдачу ссудъ тѣмъ крѣпостнымъ деревнямъ, селамъ и т. п. и даже отдѣльнымъ лицамъ, на увольне-

ніе которыхъ помѣщики изъявляютъ согласіе, подъ условіемъ взноса извѣстной суммы денегъ. Потребность этой мѣры очевидна: часто бываетъ, что крѣпостные имѣютъ случай выкупиться съ землею, на довольно выгодныхъ условіяхъ, и даже деньги у нихъ есть, да не сполна вся требуемая сумма, и изъ-за этого дѣло расходится. Что касается до выкупа изъ крѣпостнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ, то въ большихъ центрахъ, напр., въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ совершается такъ часто, что давно уже вошелъ въ разрядъ юридическихъ сдѣлокъ самыхъ обыкновенныхъ. Происходитъ это такимъ образомъ: крѣпостные, не имѣя денегъ для выкупа, прискиваютъ себѣ кредитора, который вноситъ за нихъ всю сумму, а они ее потомъ у него отслуживаютъ. Такой выкупъ, въ мнѣніи простаго народа, есть дѣло благочестивое, болѣе угодное Богу, чѣмъ обыкновенная ссуда. Если-бъ былъ учрежденъ банкъ или отдѣленіе банка для выдачи ссудъ на выкупъ, на извѣстныхъ условіяхъ, согласованныхъ съ потребностями, способами и нуждами простаго народа, то нѣтъ сомнѣнія, что при не очень значительномъ оборотномъ капиталѣ онъ оказалъ бы самую существенную услугу дѣлу освобожденія и незамѣтно доставилъ бы волю тысячамъ людей и множеству сель и деревень, и г) надлежало бы содѣйствовать всѣми возможными средствами образованію капиталовъ для выкупа крѣпостныхъ съ землею и безъ земли. Такими средствами могли бы служить открытіе подписокъ, постоянныхъ и временныхъ, въ цѣлой Россіи, сборы въ церквахъ, разыгрываніе лотерей. Слѣдовало бы не только дозволить, но поощрять составленіе обществъ, по образцу благотворительныхъ, съ цѣлію выкупа крѣпостныхъ; эти общества могли бы принимать участіе и въ составленіи договоровъ или условій между господами и ихъ крѣпостными о выкупѣ и т. п. Многіе найдутъ, можетъ быть, всѣ эти способы неприличными или, какъ у насъ говорятъ, неблаговидными; но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Если не считается неприличною подписка на выкупъ плѣнныхъ, на вспоможеніе раненымъ, на покупку имъ не только пищи, бѣлья, платья, но даже лекарствъ, корпіи и разныхъ цѣлебныхъ и прохладительныхъ снадобьевъ, если никому не приходило еще въ голову считать неблаговидными пожертвованія деньгами и вещами въ пользу бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, на выкупъ должниковъ изъ тюрьмы, на содержаніе бѣд-

наго духовенства, церквей, въ пользу войскъ, даже на покрытіе военныхъ издержекъ, то нѣтъ причины почему бы неприлично или неблаговидно было собирать пожертвованіе на упраздненіе крѣпостнаго права, которое въ государственномъ смыслѣ хуже бѣдности, сиротства, болѣзни, ранъ, тюрьмы, плѣна, и гораздо вреднѣе и опаснѣе войны.

III. Выше было замѣчено, что императоръ Александръ I старался поставить въ крѣпостномъ правѣ на первый планъ не личность крѣпостныхъ, а землю, недвижимую собственность, и къ ней, такъ сказать, приурочить повинности и обязанности крѣпостныхъ къ владѣльцамъ; мысль глубокая, которая давно преобразовала бы у насъ крѣпостное право, если-бъ и она, какъ многое другое хорошее въ нашемъ законодательствѣ, не была въ послѣдствіи забыта. Начать теперь развивать эту мысль во всѣхъ ея подробностяхъ едва ли было бы полезно, потому что большая часть мѣръ, изъ нея вытекающихъ, коснулась бы самаго существа крѣпостнаго права, а всякая попытка опредѣлить отношеніе между крѣпостными и ихъ владѣльцами, при теперешней низкой степени образованія Россіи, при отсутствіи правосудія и неустройствѣ мѣстной администраціи и полиціи, вмѣсто того, чтобъ оградить крѣпостныхъ, повела бы только, какъ показалъ опытъ, къ усиленію взаимнаго неудовольствія и раздраженія господъ и крѣпостныхъ и къ безчисленнымъ новымъ, раззорительнымъ процессамъ. Поэтому было бы осторожнѣе, даже, можетъ быть, справедливѣе и во всякомъ случаѣ полезнѣе, имѣя цѣлью выкупъ и окончательное, полное освобожденіе крѣпостныхъ, ограничиться, при осуществленіи означенной выше мысли, тѣми только мѣрами, которыя, подготавливая повсемѣстное освобожденіе, въ то же время не нарушали бы матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ. Въ этихъ видахъ можно было бы: а) выкупить всѣхъ одноворческихъ крестьянъ безъ земли. По 9-й народной переписи ихъ числилось не болѣе 6,347 душъ муж. пола; б) окончательно запретить, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, владѣть крѣпостными безъ земли. Подобное запрещеніе существуетъ уже и теперь, но оно обставлено столькими оговорками, изъятіями и тому подобными сбивчивостями, что даже до сихъ поръ есть какіе то, закономъ дозволенные, способы владѣть крѣпостными, не приписанными къ землѣ, и в) окончательно запре-

тить продажу и отчужденіе крѣпостныхъ безъ земли, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, потому что такія продажи подаютъ поводъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ, напр., по отправленію рекрутской повинности, и обращаютъ крѣпостныхъ въ личныхъ рабовъ ¹⁾.

IV. Наконецъ, для того, чтобъ имѣть возможность приступить къ повсемѣстному освобожденію помѣщичьихъ крѣпостныхъ въ цѣлой имперіи, надлежало-бы собрать предварительно всѣ статистическія данныя, необходимыя для составленія проэкта выкупной операціи, приготовить достаточное число благонамѣренныхъ, безкорыстныхъ и просвѣщенныхъ чиновниковъ, хорошо знакомыхъ съ юридическою и экономическою стороною крѣпостнаго права, и расположить въ пользу освобожденія общественное мнѣніе. Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей, прежде всего необходима гласность, само собою разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лишь только крѣпостное право и способы его упраздненія сдѣлаются предметомъ подробнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ печати и начнется обмѣнъ мыслей объ этомъ предметѣ,—общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ разсужденій и преній, скоро сложится, будутъ собраны о крѣпостномъ правѣ весьма подробныя и основательныя свѣдѣнія и данныя и образуются люди и чиновники, какіе нужны для успѣха дѣла, словомъ, всѣ необходимыя орудія для упраздненія крѣпостнаго права создадутся сами собою и станутъ въ распоряженіе правительства, а ему останется только пользоваться ими. Согласно съ этимъ, надлежало-бы принять слѣдующія мѣры: 1) для собранія статистическихъ свѣдѣній: а) по каждому уѣзду, въ которомъ есть крѣпостные, собрать за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ точныя и полныя данныя о томъ: аа) сколько въ немъ находится всего крѣпостнаго населенія; бб) поскольку десятины земли приходится

¹⁾ Вотъ два случая изъ тысячи: семья крѣпостныхъ людей покупается съ тою единственною цѣлію, чтобъ сдать въ рекруты всѣхъ членовъ, годныхъ къ военной службѣ; послѣ того старики, женщины и дѣти перепродаются снова прежнему ихъ владѣльцу, по предварительному объ этомъ условію. Или: крестьянами богатѣйшаго владѣльца покупается на его имя цѣлая деревенька и все годное въ ней для военной службы сдается въ рекруты остаются одни старые, малые и женщины. Такъ обходится законъ, запрещающій разрознивать членовъ семействъ при продажѣ. Б. К.

на каждую крѣпостную душу; вв) сколько изъ нихъ находится въ дѣйствительномъ пользованіи крѣпостныхъ и, слѣдовательно, будетъ подлежать выкупу; гг) какая средняя цѣна десятины земли удобной—пахатной, луговой, покрытой лѣсомъ и проч. и неудобной; дд) какая цѣна одной ревизской души безъ земли; ее) какая средняя цѣна одной ревизской души въ общемъ составѣ населеннаго имѣнія, и жж) сколько въ уѣздѣ оброчныхъ и издѣльныхъ имѣній, сколько въ тѣхъ и другихъ особливо ревизскихъ душъ и какое въ нихъ распредѣленіе земли между владѣльцами и крѣпостными; б) всѣ эти данныя собирать не чрезъ мѣстное начальство, которое, въ большей части требуемыхъ отъ него статистическихъ свѣдѣній, почти всегда выставляетъ цифры на обумъ, чтобъ лишь очистить бумагу,—а посредствомъ частныхъ лицъ, вызывая ихъ къ тому назначеніемъ, за отличные труды, наградъ, медалей, премій и т. п., открывая имъ всѣ нужные для ихъ работы оффиціальныя источники и оказывая всевозможное содѣйствіе. Подобныя труды могли бы съ большимъ успѣхомъ быть предлагаемы, въ видѣ задачъ, сельско-хозяйственными обществами, императорскимъ русскимъ географическимъ, академіею наукъ, начальствомъ межеваго вѣдомства и проч. Всѣ свѣдѣнія, собираемыя такимъ образомъ и частными лицами отъ себя—печатать не только съ дозволеніемъ подвергать ихъ строгой повѣркѣ, но съ вызовомъ къ тому всѣхъ желающихъ и знакомыхъ съ дѣломъ, и съ этою цѣлью преміи, награды, медали и проч. за лучшіе сборники свѣдѣній такого рода присуждать не прежде, какъ по строгой ихъ повѣркѣ особыми спеціальными комиссіями, которымъ вмѣнить въ обязанность принять въ самое тщательное соображеніе и разные отзывы, сдѣлавшіеся имъ извѣстными путемъ обнародованія или другими способами; 2) въ видахъ приготовленія общественнаго мнѣнія къ упраздненію крѣпостнаго права слѣдовало бы: а) не только разрѣшить владѣльцамъ совѣщаться между собою объ удобнѣйшихъ способахъ освобожденія крѣпостныхъ, преимущественно въ той мѣстности, гдѣ находятся ихъ имѣнія, но и поощрять ихъ къ тому; б) приглашать и поощрять къ тому же всѣ существующія въ Россіи сельско-хозяйственныя общества, къ занятіямъ которыхъ этотъ вопросъ непосредственно относится; в) предложить профессорамъ политической экономіи и статистики

во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подробно излагать и объяснять на лекціяхъ пользу и выгоду освобожденія крѣпостныхъ въ промышленномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; выполнить эту задачу имъ будетъ тѣмъ легче, что наука давно уже признала это положеніе за истину неопровержимую, не подлежащую никакому сомнѣнію; г) дозволить печатно разсуждать о трудѣ добровольномъ и принужденномъ или обязательномъ, съ вознагражденіемъ и безъ вознагражденія, и о пользѣ и вредѣ того и другаго вида для государства, общества и частныхъ лицъ, въ хозяйственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Подобныя разсужденія, не касаясь вопроса съ его цекотливой, нравственной и политической стороны, принесли бы особливо при полемикѣ и ту еще неисчислимую пользу, что въ весьма короткое время въ нашемъ обществѣ сложились бы здравыя и ясныя политико-экономическія и финансовыя понятія, отсутствіе которыхъ теперь такъ ощутительно и такія вредныя имѣтъ послѣдствія.

Едва ли нужно оговаривать, что направленіе общественнаго мнѣнія въ извѣстной желаемой правительствомъ цѣли и возбужденіе частной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи можетъ быть достигнуто не циркулярными предписаніями, не приказами въ точному и буквальному исполненію, а лишь словесными предложеніями, указаніями, частными сообщеніями, въ которыхъ просвѣчивало бы съ большею или меньшею очевидностію непремѣнное намѣреніе правительства освободить крестьянъ съ владѣемою ими землею, но съ полнымъ за то вознагражденіемъ владѣльцевъ. Убѣжденіе, что таковы цѣли правительства, успокоило бы умы, примирило бы всѣхъ съ предполагаемымъ преобразованіемъ и внушило бы высокое понятіе объ энергіи, прозорливости и справедливости правительства. А такого расположенія умовъ только и нужно, чтобъ Россія легко, мирно, безъ потрясенія освободилась отъ тяжкаго бремени крѣпостнаго права.

К. Д. Кавелинъ.

Мартъ 1855 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

19-го ФЕВРАЛЯ.

Великій день! минуло четверть вѣка,
Какъ на Русі, безъ смуты и борьбы,
По манію Царя и человѣка,
Къ свободѣ, къ жизни призваны рабы.
Умы твердили робкіе: «не время!»
Ихъ обуялъ неодолимый страхъ. . . .
Но мощно Онъ подъялъ святое бремя
И вынесъ на своихъ его плечахъ!
Его слова—громадно ихъ значенье!—
Въ сердцахъ людей во вѣки не замрутъ:
«Сверши, народъ мой, крестное знаменье
«И Божье призови благословенье
«На честный свой и на свободный трудъ!

* * *

Еще висѣлъ туманъ передъ разсвѣтомъ,
Съ живымъ лучемъ еще боролась мгла,
Но воля въ Немъ къ добру—превозмогла
И стала новымъ царственнымъ завѣтомъ.
И мракъ тысячелѣтія густой
Въ единый день исчезъ въ лучѣ единомъ. . . .
Взошла заря—и пахарь нашъ простой,
Уснувъ работою, проснулся гражданиномъ!

* * *

Какъ былъ въ тотъ день прекрасенъ и великъ
 Народный вождь, народомъ окруженный!
 Какъ подвигомъ великимъ озаренный,
 Былъ свѣтель, благъ его спокойный ликъ!
 А площадь колыхалася, какъ море,
 И знаменіе крестное творя,
 Благословлялъ съ слезою въ каждомъ взорѣ
 Весь людъ Освободителя Царя...

* * *

Онъ зналъ народъ свой вѣрующій, сильный,
 Онъ былъ съ народомъ—плоть одна и кровь,
 Источникъ въ немъ кипѣлъ любвеобильный,
 Жила въ немъ къ человѣчеству любовь!
 Благословенъ Твой подвигъ величавый,
 Благословенъ да будешь Ты во вѣкъ,
 Жизнь обновленную намъ давай,
 Освободитель, Царь и человѣкъ!

А. Н. Яхонтовъ.

1886 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

въ послѣднія десять лѣтъ его жизни

1875—1885.

VI ').

1879-й годъ остался особенно памятнымъ Петербургу, тому собственно Петербургу, который любить и чтить чистыя проявленія человѣческаго духа въ его творествѣ, въ литературѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, тѣ проявленія, безъ которыхъ, по выраженію безсмертнаго еврея—я разумѣю Бёрне—человѣческая жизнь была бы только вѣчнымъ страданіемъ, безъ которыхъ человѣчество только бы истекало кровью, ибо для него на землѣ нѣтъ ничего продолжительнаго, кромѣ перемѣны, ничего постояннаго, кромѣ смерти, ибо каждый ударъ сердца наноситъ ему новую рану.

Я говорю о посѣщеніи Петербурга Тургеневымъ и о томъ, какъ литература, наука и искусство грандіозно чествовали своего высокаго гостя: Тургеневу въ залахъ Бореля предложенъ былъ, если можно такъ выразиться, литературно - учено - художественно - артистическій обѣдъ, на которомъ присутствовали представители печати, художники и артисты. Въ этомъ собраніи служителей слова и чистаго искусства сказала сама собой та отрадная и внушительная сила, которая заставила чествуемаго сказать свое знаменитое, пророческое слово, которое въ свою очередь подвинуло одного изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ писателей—писателя съ патологическимъ талантомъ, доведшимъ его до дикаго изувѣрства, — подвинуло выкрикнуть неприлич-

') См. «Русскую Старину» изд. 1885 г., т. XLVIII, декабрь, стр. 636—662.

ный, какой-то урядническій вопросъ, вызвавшій бурю негодованія и крики: «не надо! не надо!—мы сами знаем!»

На этомъ обѣдѣ говорилось много прекрасныхъ рѣчей, въ особенности симпатична была рѣчь Д. В. Григоровича, а прелестная рѣчь знаменитаго, хотя «униженнаго и оскорбленнаго тогдашними вѣднiями», генерала Дитятина звучала безсильной злобой, вызвавшей дружный хохотъ всего собранія.

На этомъ обѣдѣ присутствовалъ и Н. И. Костомаровъ. Но—повторяю—это былъ уже не прежній Костомаровъ, не та звѣзда первой величины, которая двадцать лѣтъ назадъ горѣла надъ «Балабаевкой». Тутъ, на этомъ небѣ, блистали другія звѣзды, а звѣзда стараго, одрахлаѣвшаго борца свѣтила тускло, едва замѣтно.

Въ это время въ типографіи Стасюлевича набиралась «Руина», первая глава которой и появились въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы».

Съ весной Костомаровы уѣхали въ Малороссію. Я въ это время собирался побродить по Кавказу, Закавказью и по Крыму. Незадолго до своего отъѣзда я получилъ отъ Николая Ивановича письмо, въ которомъ изъ-за прежней добродушной ироніи проглядывало и горькое сознаніе того, что гдѣ-то, повидимому, недалеко «начало конца», но въ чемъ онъ—этого не видно было.

„Безцѣннѣйшій, многоуважаемый, многолюбимый купецъ! Какъ вы поживаете? Какъ товарищъ идетъ? Я узналъ только случайно, что вы поставили небольшую часть товарца купеческому дому Вольфа и комп. въ его „Живописную Россію“. Дай Боже и тамъ, какъ вездѣ и повсюду, вамъ полного успѣха. Не знаю гдѣ вы, и пишу наобумъ, потому что вы хотѣли сотворить нѣкое путешествіе. Можетъ быть уже и поѣхали. Я не знаю: поѣдемъ ли куда или воротимся паки въ концѣ іюля. Я нигдѣ не былъ, никуда не ѣздить, никого не видалъ, сижу въ захолустѣ, пока не надоѣстъ до невозможности терпѣть. Въ іюнѣ, думаю, поѣду въ Черниговъ, потому что такой срокъ назначилъ мнѣ конотопскій пріятель, который изъявилъ желаніе сопутствовать мнѣ въ Черниговъ, какъ прежде сопутствовалъ въ Батурино. Живучи здѣсь, я имѣлъ случай посѣтить двѣ малороссійскія свадьбы, которыя мнѣ тѣмъ болѣе были любопытны, что одна изъ нихъ у невѣсты, другая же у жениха, и я присмотрѣлся къ нѣкоторымъ обрядамъ, которые мнѣ извѣстны были только по описаніямъ. Надобно замѣтить, однако, что въ хатахъ, не смотря на лѣтнее время натопленныхъ, я встрѣтилъ такой томительный жаръ, что послѣ каждой свадьбы нѣсколько времени болѣлъ и валялся. Каждый день Алина Леонтьевна переписываетъ подъ мою диктовку мою „Руину“, которая, надѣюсь, осенью 1879 г. пройдетъ черезъ страницы „Вѣстника Европы“, чтобъ добраться до всепоглощающей Леты. Проѣздомъ черезъ Москву я посѣтилъ антропологическую выставку и пришелъ въ полное отчаяніе: я увидалъ на практикѣ, что почти ослѣпъ. Уже я не въ силахъ былъ ни оглядѣть предметовъ съ птичьяго полета, ни обратитъ пристальнаго вниманія

на то, что по названію меня интересовало! Мнѣ кажется, выставка эта хороша и въ образовательномъ отношеніи очень похвальна.

„Соловьи еще поютъ, кукушекъ что-то немного ¹⁾, но есть. Иволги, удода, малиновки лягушки, дѣвчата, по обычаю, составляютъ весенній концертъ природы.

„Напишите мнѣ хоть нѣсколько строкъ, дабы я зналъ, гдѣ мой драгоценный купецъ—что дѣлаетъ? Очень хотѣлось бы съ вами видѣться, поговорить, поспорить, почитать вмѣстѣ и по Трагическому проспекту погулять!“.

Лѣто 1880 года Костомаровы проводили не въ Малороссіи, а жили въ Павловскѣ, на дачѣ г. Морголина. Съ ними жила и юная смолянка Соня, теперь уже Софія Марковна Кисель, падчерица историка. Я ѣздилъ къ нимъ пунктуально два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и по средамъ. По воскресеньямъ я отправлялся въ Павловскъ обыкновенно съ 11-часовымъ поѣздомъ, и въ Павловскѣ, на платформѣ, обыкновенно встрѣчали меня супруги Костомаровы и юная смолянка. Почтенный историкъ всегда былъ въ легкомъ свѣтломъ лѣтнемъ костюмѣ, потому что, въ качествѣ «бѣлаго медвѣдя», жару не выносилъ. Съ платформы мы отправлялись пѣшкомъ на ферму, путешествіе на которую было для почтеннаго историка столь же традиціоннымъ, какъ бывало прежде—хожденіе на «Жизнь за царя», игра съ Н. И. Катенинымъ, Д. Г. Лебединцевымъ и Кожанчиковымъ на бильярдѣ и купанье чуть-ли не до заморозковъ. Хожденіе на ферму для наслажденія простоквашей практиковалось съ неизмѣнною правильностію съ 1860 года. Въ 1860—1866 годахъ хожденіе на ферму мы обыкновенно совершали вдвоемъ, и для этого пріѣзжали нарочно изъ Петербурга. Какъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ хожденіе по Трагическому проспекту и разсужденія о безсмертіи души были нашимъ главнымъ конькомъ, такъ въ 1864—1866-хъ годахъ было хожденіе на ферму и скитанья по павловскому парку, но съ непремѣннымъ условіемъ писать на дорожкахъ или абракадабру, или символическое—*sator, agero, tenet, opera, rotas*, располагая эти слова евадратикомъ:

Sator
agero,
tenet,
opera,
rotas.

Послѣднее упражненіе вызывалось у насъ, впоследствии, въ 1870 году, торжествомъ въ обществѣ и въ печати классицизма, и потому

¹⁾ Я послѣ узналъ, почему ихъ немного было въ 1879 году: ихъ изволилъ перестрѣлять А. М. Кисель, милѣйшій пасынокъ почтеннаго историка въ 1883 году онъ самъ мнѣ въ этомъ покаялся). Д. М.

мы часто на дорожкахъ павловскаго парка спрягали греческій глаголь τόπτω или писали извѣстную надпись на памятникѣ Θερμοπиль:

Ὁ ξείν', ἀγγελλεῖ λακεδαίμονοις и т. д.

Въ 1880 году мы тоже иногда занимались въ паркѣ греческими склоненіями и спряженіями, а иногда ходили на музыку—послушать Пуффгольдта: «слушать пуффгольдятину», какъ выражался почтенный историкъ.

Все въ павловскомъ паркѣ имѣло для насъ особое, нѣсколько фантастическое или поэтическое значеніе. Проходя мимо маленькаго шалэ въ лѣсу, мы знали, что это—«chatka w liesie»—намекъ на извѣстное польское сочиненіе. Около статуи Венеры мы обыкновенно вспоминали безсмертнаго Василія Кирилловича Тредьяковскаго и де-ламмировали:

А на щечкахъ ямки двѣ,
Да и гѣ отверсты:
Плутъ Купидо въ нихъ сидить,
Нѣжно сложа персты.

Когда мы слышали громъ, то также вспоминали любезнаго Василія Кирилловича:

Съ одной стороны громъ,
Съ другой стороны громъ,
Страшно въ воздухѣ,
Ужасно въ ухѣ!

Когда начинались морозы, опять въ ходу Василій Кирилловичъ:

Замерзаютъ быстры рѣки,
Лѣзутъ въ шубы человѣки.

Въ ненастные дни мы большею частью читали что-нибудь изъ Шекспира. Въ это же лѣто, помнится, будучи въ болѣе игривомъ состояніи духа, Николай Ивановичъ написалъ довольно злую сатиру—«Бунтъ звѣрей», которая, впрочемъ, нигдѣ не была напечатана, потому что сатира эта—обоюдо острая и—по отношенію ко многому—несправедливая.

До чего въ почтенномъ историкѣ была развита фантазія даже въ эти годы, когда болѣзнь уже подвосила и физическія его силы, и силы творчества, можно судить по всѣмъ его отношеніямъ къ природѣ и ко всему, что ему бросалось въ глаза. Статуя Атланта вызывала всегда его замѣчаніе: «а какъ тебѣ, Атлантушка, должно быть тяжело!» Когда мы приходили къ музамъ, то Николай Ивановичъ, находя сходство музы Ураніи съ одною нашею знакомою, всегда раскла-

нивался съ Уранією и говорилъ: «Здравствуйте, Марья Осиповна!—Потрудитесь поддержать мой зонтикъ»,—и вѣшалъ ей свой зонтикъ на руку.

Гуляя по парку, мы нерѣдко запѣвали любимую украинскую пѣсню:

Туманъ, туманъ по долині,
Широкій листъ на яливі.

При этомъ почтенный историкъ немилосердно фальшивилъ своимъ старческимъ голосомъ. Но чаще всего мы забирались въ дебри историческихъ воспоминаній, и онъ очень любилъ спорить на историческія тѣмы, и всегда съ умысломъ, ибо въ спорѣ онъ узнавалъ ваше мнѣніе о данномъ вопросѣ, и тѣмъ провѣрялъ свое. Толки о «Мазепиньѣ», о «Петрушѣ», о «Лизочкѣ», о «Катеньѣ»—были безконечны.

VII.

Въ 1881 году я задумалъ совершить путешествіе въ Египетъ и въ Палестину, куда давно рвалось мое воображеніе. Костомаровъ завидовалъ моею рѣшимости, но настойчиво отговаривалъ отъ поѣздки: можно ли пускаться совершенно одному въ такое далекое странствіе, когда въ перспективѣ васъ ожидаютъ всѣ ужасы случайностей—чума, солнечные удары, нападеніе бедуиновъ, все, что можетъ дать страшнаго далекаго Востока!

Но я поѣхалъ. Съ пути—изъ Константинополя, изъ Смирны, Александріи, Каира, наконецъ, изъ Иерусалима я вкратцѣ извѣщалъ своихъ друзей о моихъ скитаніяхъ, и они по письмамъ слѣдили за мной, пока окончательно не потеряли изъ виду.

Къ этому времени относится нѣсколько сохранившихся у меня писемъ Николая Ивановича и Алины Леонтьевны, которыя выясняютъ нѣкоторыя обстоятельства жизни все болѣе и болѣе близившагося къ земному небытію историка. Писаны они изъ Дѣдовцевъ. Въ одномъ, напр., отъ 12 іюля, г-жа Костомарова пишетъ мнѣ:

„Мы всѣ были въ большомъ безпокойствѣ, въ тревогѣ даже относительно васъ: слѣдили мы за вами сообразно вашему путешествію, усвоивали себѣ изъ вашихъ писемъ частицу вашихъ впечатлѣній—и ждали, ждали новыхъ писемъ; но послѣ Иерусалима—увы!—потеряли васъ изъ виду и стали тосковать и передумывать всякую думушку. Тутъ несносный Вячко ¹⁾ закаркаетъ объ азиат-

¹⁾ Такъ я по одному походу назвалъ Соню Кисель, и она года два смѣла подъ этимъ именемъ.

ской чумѣ—и станеть жутко, а смотришь—тотъ же Вячко поманить насъ надеждою, что вотъ, на возвратномъ пути, заѣдетъ къ намъ нашъ дорогой странникъ... Не тутъ-то было. Надняхъ является къ намъ Величко и передаетъ отъ васъ поклонъ. Итакъ, вы прокатили мимо насъ—и празднику на нашей Дѣдовской улицѣ, значить, не бывать! Вы, конечно, торопились въ Саратовъ и оттуда торопились на службу, но отъ этого не легче: раньше октября не увидимъ васъ. Далеко до октября! Николай Ивановичъ почти не поправился за лѣто: кашель и давленіе въ груди не даютъ ему и здѣсь покоя,—а что же будетъ зимою! Мое здоровье также незавидно“....

Этимъ лѣтомъ Алина Леонтьевна была больна очень серьезно. Черезъ двѣ недѣли (26 іюля) она писала мнѣ:

„Жаль мнѣ бѣднаго Николая Ив.—Ему всѣ здѣсь угождаютъ—Соня, Марія Петровна (Савченко), m-me Юнге (урожд. гр. Толстая)—читаютъ ему, водятъ на прогулку, отвозятъ даже иногда и въ купальню, для чего m-me Юнге уже нѣсколько разъ вѣгѣла подымать ее съ постели въ 5½ часовъ утра (она гостила тогда у Костомаровыхъ)—и кашлять сталъ онъ меньше, слава Богу, и въ груди меньше давить, а все же онъ горюеть обо мнѣ, придетъ къ моей постели и поеть: „барыня моя, что мнѣ сдѣлать для васъ, научите! барыня моя бѣдная, дорогая!“

А вотъ и самъ онъ пишетъ мнѣ 16 августа:

„Добродѣтельнѣйшій купецъ, дражайшій Данило Лукичъ. Благодарю васъ за присылку оттиска о вашемъ путешествіи, какъ равно и за доброе участіе въ дѣлѣ жены моей. Я прочелъ съ удовольствіемъ ваши impressions de voyage: очень любопытно и увлекательно рассказано о морскомъ туманѣ и о перетроѣ цареградскаго люда, но жаль, что вы ни слова не сказали о впечатлѣніяхъ, какія оставила на васъ внутренность св. Софіи; вѣроятно, вы ее посѣтили, хотя объ этомъ не пишете, полагая, вѣрно, что читатель лучше о томъ узнаетъ изъ какого-нибудь Зондерберга. Но намъ любопытно было бы знать не то, какіе стѣнные признаки на той или другой сторонѣ храма, а то, какъ на Данила Лукича онъ подѣйствовалъ. Мнѣ кажется еще, что путешествіе отъ Питера до Одессы изобилуетъ многимъ такимъ, что собственно не составляетъ существенной части вашего именно путешествія. Поговоримъ при свиданіи, котораго ожидаю, какъ сухая трава дождя. Скажу о себѣ, что глупѣе и скучнѣе я еще не проводилъ лѣта. Кромѣ переписки Мазенин, совершеннаго неутонмнмоу Алиною Леонтьевною подъ мою диктовку, я ничего не произвелъ. Наконецъ, болѣзнь жены меня не мало потревожила и перепугала. Она теперь въ Кіевѣ. Ей легче, а то было очень опасно—нагноеніе въ легкихъ; близко къ смерти! Я ѣздилъ къ ней. Теперь до 1 сентября въ Дѣдовцахъ съ Софією Марковною. Думаю ѣхать на Кавказъ 1 сентября. О, какъ бы хотѣлось мнѣ повидаться съ купцомъ и побродить вмѣстѣ и послушать отъ него много новаго и любопытнаго, которое окажется въ десять разъ дороже въ его устахъ съ его необыкновеннымъ даромъ рассказывать, описывать и затрогивать сердечныя струны своихъ читателей и слушателей! Еще разъ до свиданія, добродѣтельный купецъ. А зачѣмъ купецъ не заѣхалъ, возвращаясь, какъ я слыхалъ, черезъ Кіевъ?“

Припоминая вообще всю жизнь нашего даровитого покойника, насколько она мнѣ извѣстна, я невольно прихожу къ заключенію, что Н. И. Костомаровъ не былъ пасынкомъ судьбы. Я самъ не разъ говорилъ ему, что онъ, помимо того, что дала ему природа, былъ необыкновенно счастливъ въ жизни, и судьба, нанося ему иногда удары, повидимому, особенно милостиво заботилась о немъ. У меня это недавно, уже послѣ его смерти, невольно сорвалось съ языка, — именно: на похоронахъ у Кавелина. Точно даже природа сама позаботилась о своемъ любимцѣ въ день его похоронъ, пославъ такое аркое утро, такой свѣтлый день, и только уже надъ могилою его немножко заплакало небо. Тогда какъ Кавелина и похоронить порядкомъ не удалось. За гробомъ и впереди гроба Костомарова шли толпы почитателей его таланта; всѣ жадно рвались нести на себѣ его тяжелый металлическій гробъ—отбою не было отъ желавшихъ нести его; у вѣнковъ и крестовъ также шли массы его почитателей. Между тѣмъ отъ гроба и отъ вѣнковъ Кавелина проливной дождь отогналъ всѣхъ—и нести вѣнковъ было не кому.

Такъ было съ Костомаровымъ всю жизнь. Едва онъ явился изъ ссылки и вступилъ на кафедру, какъ сталъ кумиромъ своихъ слушателей: и до него, и послѣ него не было ничего подобнаго. Конечно, тутъ много помогаль его талантъ; но—помогало и счастье.

Въ самую ужасную минуту своей жизни онъ лишается матери, единственнаго на землѣ близкаго ему существа, беззавѣтно ему преданнаго,—и мѣсто матери тотчасъ же заступаетъ другая женщина, другая мать, также беззавѣтно, до самозабвенія преданная ему.

Насколько велика была эта преданность другой матери и жены, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма ея ко мнѣ изъ Кіева отъ 17 августа того же 1881 года. Г-жа Костомарова, больная почти безнадежно, прослышавъ въ Кіевѣ, что я, быть можетъ, приѣду къ Николаю Ивановичу въ Дѣловцы, пишетъ мнѣ:

„И такая неудачница я! Столько лѣтъ, всякій разъ какъ живемъ въ Дѣдовцахъ, лѣтомъ, мы несчетно восклицаемъ: „хоть бы намъ сюда на недѣлку нашего дорогого, добродѣтельнаѣшаго!“—Нѣтъ, не приходилось на мою долю такой радости. А теперь, когда я прикована, такъ сказать, къ Кіеву—Николай Ив. и Соня, безъ моего участія, отпразднуютъ такой сердечный праздникъ! Что дѣлать! пореву!—и теперь слезы не даютъ писать; но, ради Бога, не лишайте ихъ такого праздника, утѣшите моего старика: я отдаю ему свою утраченную долю радости,—посѣтите его. Онъ такъ былъ озабоченъ, угнетенъ моею болѣзнію, что судьбѣ не мѣшало бы и побаловать его: вы знаете, что другого человѣка на землѣ нѣтъ, которому бы онъ былъ такъ сердечно радъ, какъ вамъ. Даже и тогда, когда вы посѣщаете его три раза въ недѣлю,—и тогда онъ сіяеть дѣтскою непритворною радостію; а то, вдругъ, въ Дѣдовцахъ! Да этого онъ до смерти не забудеть“.

А вотъ какъ выражалась эта женская преданность къ нему же, преданность, едва не стоившая жизни преданной женщинѣ. Г-жа Костомарова сообщаетъ мнѣ о томъ, отъ чего она заболѣла.

„Лѣтомъ—пишетъ она—у насъ дули холодные вѣтра, и—между нами будь сказано—связники доконали меня. Я, по обыкновенію, отъ 12 по 4 часовъ писала подъ диктовку Мазепиньку. Тутъ-то, повидимому, я и покончила съ своими легкими. Мое старье стонало, что душно, надо вотъ и это окно открыть, у самаго стола, гдѣ пишу,—я возражаю, что отсюда вѣтеръ, и будетъ свозить, а тутъ обливаешься испариною. Попробуемъ! такъ порѣшили. Ну и попробовали. То тихо, то вдругъ подуетъ такъ, что лѣвой рукой едва могу удержать листъ бумаги, на которомъ пишу. Какъ просквозило меня нѣсколько разъ такъ, что передернуло что-то за плечами,—я говорю: не могу, рветъ бумагу изъ подъ пера и обдуваетъ меня всю, на нервы дѣйствуетъ неприятно и проч. Старье мое не сопротивлялось, и закрыли окно,—но прилипшее на мнѣ отъ испарины платье и бѣлье остыло и я почувствовала ознобъ. Ради Бога, не выдайте ему моей исповѣди: вѣдь онъ не желалъ умерить меня,—да, и быть можетъ, еще въ Кіевѣ я простудилась. Зачѣмъ взваливать на Н. И. всю бѣду, когда я, безхарактерная, сама и сама сказала: попробуемъ! Нѣтъ, теперь, когда мнѣ уже лучше и я надѣюсь поправиться, я попрошу васъ только, при случаѣ, напомнить моему дорогому старику, что не мѣшаетъ поберечь немножко старуху, у которой хроническое воспаленіе легкихъ, какъ это заявили врачи самому Николаю Ивановичу“.

Въ это же время мнѣ писала ея дочка, Соня:

„Николай Ивановичъ скучаетъ, ворчитъ, капризничаетъ; но теперь мнѣ отъ него не такъ достается, потому что наша сосѣдка (Марія Петровна Савченко) почти переселилась къ намъ и усердно его занимаетъ. За то не могу безъ страха думать о нашей поѣздѣ на Кавказъ. Н. И. пренесносный человекъ въ дорогѣ; но это бы еще ничего, а бѣда въ томъ, что онъ очень ослабѣлъ: боюсь, чтобъ не захворалъ отъ продолжительной ѣзды и кавказскаго жара“.

Даже эта маленькая выдержка до нѣкоторой степени показываетъ, насколько покойникъ былъ баловнемъ женщинъ, и въ первой мѣрѣ такой бабы, какъ судьба.

Наконецъ, они уѣхали, т. е. Костомаровъ съ падчерицей—на Кавказъ, гдѣ, въ Тифлисъ, долженъ былъ собраться археологическій съѣздъ.

VIII.

Излагая, по сохранившимся у меня письмамъ и по личнымъ воспоминаніямъ, послѣднее десятилѣтіе жизни Н. И. Костомарова, я не касаюсь его ученой дѣятельности: она у всѣхъ въ памяти и на виду; она изложена во многихъ его біографіяхъ и некрологахъ, изъ коихъ замѣчательный некрологъ, данный А. Н. Пыпинымъ въ «Вѣстникъ Европы», вполне помогаетъ ясному представленію ученой дѣятельности покойнаго и ея значенія для Россіи; равнымъ образомъ и библиографическій указатель г. Николайчика въ «Кіевской Старинѣ» очень наглядно рисуетъ дѣятельность Костомарова, какъ писателя, въ хронологическомъ порядкѣ ¹⁾). Я же воспроизвожу изъ жизни покойнаго историка тѣ ея стороны, тотъ его личный процессъ жизни, отражавшійся на его дѣятельности, знакомство съ которымъ мнѣ наиболѣе было доступно по личнымъ отношеніямъ съ покойнымъ.

Объ участіи Костомарова въ занятіяхъ археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ въ свое время было сообщено въ печати, а потому о пребываніи его на Кавказѣ, о поѣздкѣ членовъ съѣзда въ Кутаисъ, объ оваціяхъ, съ какими встрѣчали вездѣ ученыхъ гостей, наконецъ о лестныхъ похвалахъ, отнесенныхъ къ лицу нашего даровитаго историка знаменитымъ германскимъ ученымъ Вирховымъ, похвалахъ, отъ которыхъ почтенный историкъ заплакалъ слезами умиленія, — обо всемъ этомъ я и не распространяюсь. Это всѣмъ извѣстно. А я говорю и говорю только о томъ, что извѣстно не всѣмъ, а иное—никому, кромѣ близкихъ.

Въ томъ же 1881 году Костомаровъ имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что и въ Россіи, гдѣ зависть и обскурантизмъ создали ему массу враговъ и недоброжелателей какъ въ ученыхъ (псевдо-ученыхъ), такъ и въ неученыхъ сферахъ, слава его не меркла съ годами, а горѣла все ярче и ярче въ другихъ сферахъ—среди той части общества, еще неразвращеннаго жизнью, не высушеннаго эгоизмомъ, для котораго дороги идеалы истины и добра—среди молодого общества, будущей надежды Россіи.

Въ декабрѣ этого года, помнится 9-го декабря, устроены были

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г. томъ XLIX, стр. 181—212 напечатана очеркъ В. И. Семевского, дающій также весьма полное понятіе о значеніи и заслугахъ Н. И. Костомарова какъ историка.

въ залахъ общественнаго собранія музыкальный вечеръ, на которомъ присутствовало болѣе 800 гостей. Почетнѣйшимъ изъ нихъ былъ, конечно, Н. И. Костомаровъ. Всѣ присутствовавшіе на вечерѣ оказывали ему глубочайшее уваженіе, и надо было видѣть трогательную, глубоко-задушевную сцену, какая разыгралась, когда немощный старикъ уходилъ съ вечера. По всему собранію прошолъ говоръ:

«Николай Ивановичъ уходитъ! Надо проводить Николая Ивановича!»

Все хлынуло къ выходнымъ дверямъ. Умилительно было видѣть, съ какою дѣтскою заботою молодежь одѣвала старика—кто надѣвалъ на него шубу, кто давалъ валопы, шапку, палку.

«Въ креслахъ понесемъ нашего батька, нашего дядю!»

Какъ ни отговаривался почтенный старичекъ, какъ ни отбивался отъ этого милаго насилія, говоря, что самъ сойдетъ съ лѣстницы,—его усадили-таки въ кресло, подняли высоко и какъ «дориносима», какъ побѣдителя на копыяхъ и щитѣ—понесли по лѣстницѣ...

Надо было видѣть фигуру старика—въ шубѣ, въ шапкѣ и съ палкой... Съ своей почетной высоты онъ смотрѣлъ такимъ старымъ, беспомощнымъ...

Многіе изъ присутствовавшихъ при этомъ, бывшіе его учениками въ 1869—1860 годахъ, конечно, вспомнили другую подобную сцену, такъ живо, симпатично и художественно воспроизведенную недавно, вскорѣ послѣ смерти Николая Ивановича, А. М. Скабичевскимъ въ «Новостяхъ», гдѣ онъ вспоминаетъ, какъ тогда съ торжествомъ выносили любимаго профессора, тоже на рукахъ, изъ аудиторіи и какое тогда было выраженіе его лица... Конечно не то, что въ этотъ послѣдній разъ...

Наступилъ 1882 годъ—очень тяжелый въ жизни покойника.

25-го февраля этого года исполнился 21 годъ со дня смерти его славнаго друга и поэта Украины—Шевченка. 26-го числа украинскій кружокъ, по обыкновенію, традиціонно, отслужилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду по безсмертному творцѣ «Кобзаря», а вечеромъ, въ ресторанѣ Бореля, мы справляли «Тарасовы роковины». Обѣдъ былъ очень оживленный. Всѣхъ забавляло меню этого обѣда. Вотъ оно—передаю его съ дипломатическою точностью:

Водка и закуска:

Горилка одѣ „Насти Горовой“. Оковита, що пивъ „Перебендя“.

„Трезвенный“ московскій запридухъ зъ Страстнаго бульвару.

„Содѣйствующій“ спотыкачъ зъ Охотнаго ряду.

„Самобитни“ раки, що повзуть „назадъ“, „домой“—у московське болото.

„Потрасающее основы“ желудка свиначе сало.

Дозволенная цевзурою тарань, сухи чабаки „хлопоманы“ замисць „средостѣнія“, та ще дещо зъ общепринятымъ правописаніемъ.

Козацькій обидь:

1. „Украинофильскій“ борщъ та „сепаратистидька“ каша.
 2. „Возсоединенная“ „осетрина зъ хриномъ замисць конституціи“.
 3. Баранина, що или „Гайдамаки“ Тарасовы; до неи—солони огирки и др. независяція обстоятельства.
 4. „Горохъ при дѣрозѣ“ одъ „Солопія та Хиври“.
 5. Кисиль—не Адамъ Кисиль та и не Софья Марковна Кисиль, а время—або що.
- „Ласощивъ—паслѣну та цибули“ не буде, бо батько Микола цибули не вживае.

Обязательно—„маттери“ его сто конанокъ чортивъ“—пнсля обнда поло-свать зубы, въ кого ё, „банею пакыбитія“,

Рѣчей не говорить, а „мовчать—бо благоденствуемъ“.

«Батько Микола» такъ оживился во время этого обѣда и задушевной бесѣды дружескаго кружка, что, казалось, помолодѣлъ. Такимъ веселымъ его давно не видѣли. Онъ даже не жаловался ни на головную боль, ни на желудокъ, и не говорилъ: «охъ, потягота, позѣвота, печаль, грусть и подсердечная тоска!» Даже когда нѣкоторые изъ молодежи стали читать кое-что изъ Шевченка и когда юная ладчирица историка, С. М. Кисель, прелестно прочла Тарасову «Тополю», старикъ такъ увлекся, что самъ вызвался продекламировать наизусть одно изъ стихотвореній своего безсмертнаго друга; но—увы! память ему измѣнила, та память, которую называли по истинѣ феноменальною.. Старикъ сталъ спотыкаться, повторять,—ему подсказывали.. Такъ онъ и не кончилъ! А когда-то онъ зналъ наизусть почти всего Шевченка.

Весною этого года Костомаровы переѣхали на дачу въ Павловскъ. Все лѣто онъ протрадалъ, жалуясь на ужасныя боли въ желудкѣ. Иногда онъ кричалъ по цѣлымъ днямъ и по ночамъ на весь домъ. Ни лекарства внутрь, ни горячія бутылки не помогали. Пользовалъ его тогда г. Карѣевъ. Правда, болѣзнь уступала энергическимъ усиліямъ искуснаго врача; но упрямый старикъ самъ разрушалъ всѣ благодѣтельныя дѣйствія леченья. Едва ему становилось немножко легче, какъ онъ, не слушая убѣжденій жены, выходилъ изъ дому и, едва передвигая ноги, шелъ купаться! Онъ упорно стоялъ на томъ, что купается онъ уже 60 лѣтъ, и «никогда (яко-бы) не простужался», что онъ—«мужикъ», а простуды боятся только «дворянчины», что онъ «не хочетъ обабиться» и не желаетъ, чтобъ изъ него сдѣлали «лѣнтяя-помѣщика». И, конечно, этотъ яко-бы закаленный мужикъ послѣ всякаго купанья возвращался домой посинѣвшимъ отъ холода

и снова кричалъ на весь домъ, увѣряя, что всѣ эти боли и кашель—отъ нервовъ, забывая, что мужикамъ нервовъ по штату не полагается.

Лѣтомъ этого же года я задумалъ то злополучное восхожденіе на Араратъ, которое едва не свело меня въ могилу. Костомаровы всѣми силами, всѣми разумными доводами старались отговорить меня отъ этого рискованнаго предпріятія; на дружескія предостереженія ихъ не удержали меня. Въ двадцатыхъ числахъ іюля я уѣхалъ, напутствуемый ихъ благословеніями. Я думалъ извернуться ровно въ мѣсяць.

Въ двадцатыхъ числахъ августа Костомаровы уже ждали меня обратно. Привыкнувъ къ моему обществу, къ бесѣдамъ объ исторіи и даже—что старикъ всегда любилъ—«о безсмертіи души», Николай Ивановичъ очень скучалъ безъ меня.

Не зная о томъ, что я тамъ заболѣлъ и въ безпамятствѣ валился въ Ростовѣ-на-Дону, Костомаровы 24 августа писали мнѣ на мою петербургскую квартиру:

„Глубокоуважаемый Д. Л. Прощель несносный мѣсяць—и больше отпуска не даемъ: смерть соскучились! Завтра мы ждемъ васъ, но если случится, что вы возвратитесь въ Питеръ вечеромъ, и наша среда ¹⁾ пропадетъ, то, ради Бога, не откладывайте вашего посѣщенія до воскресенья, а подарите намъ первый день, какой наступитъ послѣ необходимаго отдыха, и пожалуйте, дорогой нашъ Д. Л., разумѣется, къ обѣду. Итакъ, ежедневно, около 4-хъ часовъ пополудни будетъ пребывать въ радостномъ ожиданіи васъ многолюбящая семья Костомаровыхъ“.

Черезъ недѣлю послѣ этого Костомаровъ писалъ мнѣ (31 августа):

„Добродѣтельвѣйшій купецъ, дражайшій, милѣйшій Давило Лукничъ! Дождаясь по сроку вашего возвращенія, я неожиданно получилъ отъ Анны Никаноровны (моя жена) два письма одно за другимъ (изъ Саратова). Въ первомъ она скорбитъ и досадуетъ, что не получаетъ отъ васъ извѣстій; во второмъ извѣщаетъ, что братъ вашъ Андрей Лукничъ увѣдомилъ ее, что вы въ Ростовѣ. Изъ того, что не вы сами къ ней писали, я опасаясь, не захворали-ли вы? Сдѣлайте милость, извѣстите меня—что съ вами и скоро-ли мы снова узримъ васъ? Аллина Леонтьевна и Софія Марковна посылаютъ вамъ свои сердечныя пожеланія здоровья и благополучія. Я продолжаю хворать“.

Онъ, дѣйствительно, не поправлялся. Когда я, нѣсколько оправившись въ Ростовѣ отъ полученнаго мною на Араратѣ плеврита, съ трудомъ дотащился до Петербурга, я нашелъ своего друга не лучше, того, чѣмъ самъ я былъ послѣ араратской бѣды. Но и тотчасъ же слегъ—и уже не видѣлъ своего болѣющаго друга до 17-го октября, когда меня, почти неподвижнаго, какъ багажъ, отправляли въ Мен-

¹⁾ Я вздѣлъ къ нимъ въ Павловскъ по середамъ и по воскресеньямъ.

тонъ, а его привезли ко мнѣ—чтобы намъ проститься, можетъ быть, на вѣки.

Но этого, къ счастью, не случилось. Въ Ментонѣ я сталъ поправляться, и очень энергично. Поправлялся и нашъ старикъ, но плохо, медленно. Происходившая въ это время между нами переписка вполне можетъ возстановить въ представленіи читателя и состояніе здоровья, и обстоятельства жизни, и нравственный обликъ покойнаго историка въ послѣдніе два-три года его земнаго бытія.

8-го ноября г-жа Костомарова писала мнѣ въ Ментонъ:

„Николай Ив. поправляется, слава Богу, но тормозитъ свое леченіе всякими излишествами: то обременить желудокъ, то выпить молока съ 5% теплотою и охладить зѣвъ—возбуждается кашель—и выходитъ расстройство желудка.

Онъ поручаетъ написать вамъ, что отъ всего сердца желаетъ вамъ полнаго выздоровленія, желаетъ поскорѣ съ вами видѣться и даже до такой степени, что готовъ самъ пріѣхать къ вамъ въ Ментонъ: такъ подѣйствовало на него ваше описаніе этого очаровательнаго уголка. Но, но... говорить онъ—средствъ надо много“.

Узнавъ изъ моего письма, что мнѣ въ Ментонѣ, зимой, велятъ спать съ невольнѣ закрытымъ окномъ, Н. И. начинаетъ воевать, чтобъ и ему, въ Петербургѣ, при 15—16% морозу, позволили то-же самое. Изъ-за оконъ у него была вѣчная война со всѣми.

И вотъ теперь, воспользовавшись моимъ письмомъ, онъ строчить мнѣ прехитрое посланіе, но съ такою затаенною мыслью, чтобъ посланіе это было прочитано Алиною Леонтьевною и заставило ее понять весь ея деспотизмъ, не позволяющій молодцу зимой отворять окна или бродить за калачами съ распахнутой шубой.

„Драгоценнѣйшій мой, незабвеннѣйшій Д. Л., добродѣтельнѣйшій купецъ! Мнѣ очень было отрадно услышать, что, подвигаясь къ югу, вы стали себя чувствовать лучше и здоровье ваше, повидимому, возстановилось, но очень смутило меня извѣстіе, что вы почувствовали нѣчто въ родѣ возврата недуга, какъ думаютъ нѣкоторые отъ того, что докторъ въ Ментонѣ далъ вамъ совѣтъ спать съ открытымъ окномъ. Ссылаются на печальный примѣръ Виктора Эммануила, который, будучи природнымъ итальянцемъ, простудился вслѣдствіе того, что спалъ зимою съ открытымъ окномъ. Я лично никакъ не раздѣляю подобныхъ соображеній... (Еще бы)! Вѣдь всѣ люди смертны, и отъ чего-либо долженъ же быть умереть итальянскій король, какъ и всѣ смертныя. А отъ простуды ли, полученной отъ спанья съ открытымъ окномъ, заболѣлъ онъ—это еще вопросъ! Всегда, когда кто нибудь заболѣетъ и умереть—отыскиваютъ причины и часто ошибаются. Во всякомъ случаѣ, дай Богъ, чтобъ отъ этого никакихъ послѣдствій не оказалось, и пребыли вы въ добрѣ и благополучіи, даже до дня исхода вашего изъ земли франкоитальянской. О себѣ могу повѣдать мало хорошаго, напротивъ—много дурнаго. Послѣ отъѣзда вашего болѣзнь моя какъ будто облегчилась, но вскорѣ новый неожиданный

недугъ поразилъ меня. Во едину отъ субботъ отправился я утромъ къ Тимоееву, гдѣ сталъ заниматься малороссійскими актами. Вдругъ на платкѣ, въ который я плюнулъ, замѣтилъ я кровь. Оказалось кровохарканье. У меня никогда его не было, и оно меня было сперва испугало, но такъ какъ боли при этомъ я не чувствовалъ, то успокоился. По возвращеніи домой я увидалъ, что припадки не только не прекращаются, но усиливаются. Я же не звалъ врача, и только во вторникъ, когда почувствовалъ боль, позволилъ пригласить Кошлакова. Кошлаковъ, осмотрѣвши меня, сказалъ, что я очень худо сдѣлалъ, не обратившись къ нему тотчасъ, какъ только явилась болѣзнь, и что это во всякомъ случаѣ болѣзнь серьезная и опасная. Онъ уложилъ меня и приказалъ лежать, стараясь не двигаться, не говорить, и не употреблять ничего горячаго. Въ такомъ состояніи я осужденъ былъ пробыть почти двѣ недѣли, и только нѣсколько дней какъ сталъ одѣваться и позволять себѣ читать. Вотъ что случается порою. Не могу не быть признательнымъ Алинѣ Леонтьевнѣ и ея доброй Ульянѣ за попечительное вниманіе и уходъ во время моей болѣзни. До свиданія, добродѣтельтѣйшій кунецъ“.

Это было—«начало конца». Но тогда нието ничего не подозрѣвалъ.

Старикъ началъ, повидимому, поправляться и работать,—но только повидимому.

Въ письмѣ отъ 19 ноября г-жа Костомарова, между прочимъ, писала мнѣ:

„Наше старье поправляется, слава Богу: кровь не показывается, болѣе никакихъ нѣтъ, расположеніе духа менѣе тревожно, и если бы не 10%-ные морозы, то докторъ позволилъ бы ему прокатиться въ саняхъ... Много и слезъ пролито: и жалко было старика, и капризничалъ невообразимо... Наша жизнь безъ васъ — совсѣмъ выбитая изъ колеи, грустная жизнь. Вся недѣля тянется какъ-то вяло, но все какъ-будто ждемъ чего-то; но всякое воскресенье — это такой тяжелый день, такой длинный и тоскливый, что поневолѣ вырывается восклицанье; „Господи! опять это ужасное воскресенье!“ Кто бы ни пришелъ къ намъ изъ добрыхъ знакомыхъ раздѣлить нашу тоскливую жизнь—навѣщаютъ Ник. Ив., читаютъ ему, а онъ приглашаетъ то роснить вмѣстѣ чайку, то потрапезовать—все-таки, ваше мѣсто пусто и никто никогда не замѣнитъ васъ“...

Но вотъ наступилъ декабрь съ суровыми морозами, и больному опять стало хуже, хотя капризный старикъ продолжалъ упрямо утверждать, что простуда надъ нимъ, «надъ мужикомъ», не имѣетъ никакой власти.

„Не люблю я такихъ большихъ морозовъ (пишетъ мнѣ г-жа Костомарова 6 декабря):—какъ-разъ Ник. Ив. простудится—и опять потянутся ужасные дни и ночи. Уже вчера желудокъ Ник. Ив. закапризничалъ, пошли входъ горячія бутылки и капризы; на ночь положена горячая бутылка подъ одѣяло, а сегодня, въ 16% мороза, побѣжало мое старье въ церковь ради Николина дня! Бѣдовое старье! Прежняя болѣзнь, слава Богу, миновалась и Никомай Ив. работаетъ, поправляетъ „Богдана Хмельницкаго“ для новаго изданія и пишетъ небольшія статьи. Мы оба очень довольны, что „Мазепа“, на-

конецъ, вырвался на свѣтъ Божій, а то все побивались, какъ бы „Русская Мысль“ не погибла, и тогда произошло бы то, что во время оно произошло съ сочиненіемъ Н. И. о пѣсняхъ, когда „Бесѣда“ безвременно прервалась. Теперь печатается новымъ изданіемъ „Смутное время моск. государства“—и мы съ Сонютой взяли за корректуру и составленіе указателя“.

Скоро Н. И. добѣгался-таки! А все бѣганье по церквамъ.

Въ высшей степени характерно письмо г-жи Костомаровой объ этомъ предметѣ отъ 25 декабря:

„Вотъ и праздникъ—но какой! И безъ васъ, глубокоуважаемый, незамѣнимый Д. Л., и даже безъ душевнаго покоя: Николай Ив. опять откашливаетъ кровь, опять обреченъ на сидѣнье безвыходно дома, лишентъ права курить, пить водку, чай и вообще запрещено не только горячее, но даже и тепловатое кушанье или питье. Но изъ всѣхъ лишений самое главное—это не ходить въ церковь, а тутъ все слышится благовѣсть и Николай Ив. мечется, оретъ: „пустите меня!—что я за невольникъ такой, обязанный подчиняться всякимъ выдумкамъ, да и кто можетъ удержать меня, если я хочу жить по-своему?—Не пускаете меня въ баню,—пусть кто хочетъ, кому нравится неопрятность—не ходить, а я привыкъ въ каждый десятый день ходить въ баню и пойду, а не пустите—холодной водой оболюсь дома, и что вы со мной сдѣлаете?“ и т. д. И это все съ крикомъ на весь домъ, когда врачи предписываютъ не возвышать голоса! Откричить все это, начинается кашлять—увидить хоть немного крови—приходить въ отчаяніе, плачетъ, какъ ребенокъ, и, опять съ крикомъ жалуется: „пропалъ я! пропалъ! ни что ужъ не поможетъ мнѣ“ и пр. Вотъ наше житье... Но кто же и виноваты, какъ не онъ самъ, когда никакія мольбы мои не могли уговорить его и удержать отъ гулянья по 4 раза въ день при 15 и 16-ти-градусномъ морозѣ. Онъ было такъ поправился послѣ своей опасной болѣзни, т. е. кровохизіянія изъ горла, что сердце радовалось; куда дѣвались и желудочныя страданія,—веселье, бодрь, усиленно занимался днемъ, а зачастую и вечеромъ писалъ при 4-хъ свѣчкахъ, выходилъ гулять два раза въ день, бывалъ по воскресеньямъ въ церкви, ѣздилъ при 10-ти-градусномъ морозѣ на засѣданіе археографической комиссіи къ В. П. Титову, провѣдывалъ С. И. Окатовича и собирался даже въ польскій театр—о банѣ ужъ и говорить нечего: былъ два раза,—какъ вдругъ при наступленіи 16-градуснаго мороза затѣвалъ говѣть къ этому празднику. Тутъ ужъ были у насъ постоянныя пререканія: самъ сознаетъ, что нужно надѣвать длинную лисью шубу и что въ ней ходить тяжело и затруднительно, а хороша она для ѣзды въ саняхъ,—а все-таки идетъ, не слушаетъ моихъ просьбъ ѣздить въ церковь; да кромѣ церкви еще и еще идетъ по разнымъ своимъ дѣламъ, и до обѣда и послѣ обѣда—возвращается запыхавшись и уже съ прихожей стонетъ на весь домъ отъ утомленія при восхожденіи на нашу крутую, высокую лѣстницу. Первые два дня говѣнья прошли кое-какъ: на третій, во вторникъ, 21 декабря утромъ, я сказала ему, что если онъ не будетъ осторожнѣе—появится кровь: сердце и легкія не вынесутъ такой усиленной работы у старика, недавно оправившагося отъ болѣзни, когда и молодые, какъ Соня, говорятъ, что воздухъ такъ рѣдокъ, что нечѣмъ дышать, а Соня приморозила себѣ даже ухо... Ничто не помогло. Пошелъ въ церковь въ 7 часовъ утра, потомъ пошелъ въ типографію Стасюлевича во 2-ю линію, потомъ вечеромъ опять пошелъ въ церковь—и сейчасъ по возвраще-

ни, при вторичныхъ гостяхъ, сталь откашливаться—и кровь!—Разумѣется его опять засадили, а онъ воевать: въ баню, въ церковь, чаю, водки!... Много перенесла я и переплавала, пока умолила его не выходить; просидѣлъ среду—а въ четвергъ, 23 декабря, рано утромъ ушелъ въ церковь, причастился св. таинъ, пришелъ пѣшкомъ домой, потребовалъ чаю, увѣряя, что онъ совсѣмъ здоровъ, крови болѣе нѣтъ—и никакія просьбы поберечься дней пять не помогли... Послалъ меня передъ обѣдомъ купить ему коверъ, заказать хлѣбъ сладкій къ празднику. Я возвращаюсь около 4-хъ часовъ, къ обѣду, а дома уже мой больной выпилъ большую рюмку водки и закусилъ селедкой съ горчицей. Ульяна воевала съ нимъ, но была побѣждена грознымъ поведѣніемъ не спорить съ нимъ. Постная пища за обѣдомъ, чай послѣ обѣда, хотъ и не горячій, довершили—и сейчасъ послѣ обѣда началось обильное откашливаніе крови. Хорошо, что у меня уже со вторника были припасены всѣ снадобья: пульверизація и пр... кровь не лилась, а только откашливалъ ее съ мокротой, и теперь съ утра до ночи воюетъ, бѣгаетъ по комнатамъ, говоритъ, что его мучать и проч... Я надѣюсь, впрочемъ, что Ник. Ив. скоро поправится, и увѣрена, что онъ могъ бы совершенно выздороветь, „еслибы онъ былъ не онъ“ (его собственное выраженіе), т. е. если-бы онъ соблюдалъ умѣренность въ пищѣ, движеніи на воздухѣ, сообразно съ условіями, при которыхъ можно гулять большее или меньшее время; но едва его выпускаютъ—первый день онъ будетъ остороженъ, а затѣмъ—пошелъ по прежнему!“

Далѣе, радуясь моему выздоровленію на берегахъ «бирюзоваго моря», г-жа Костомарова прибавляетъ:

„Какъ бы хотѣлось побродить съ вами возлѣ бирюзоваго моря—и какъ бы Николай Ив. поправился; но вѣдь никто не убѣдитъ его, что ему нужно тепло, а не переѣнная зима въ 16 и 20 градусовъ мороза въ одинъ день, въ другой 1 градусъ тепла, а въ третій опять 16 градусовъ мороза, какъ это было теперь... Бѣдное мое старье не вѣрпитъ, что и для него, и для меня необходимо тепло, а не сырость и холодъ; да еще и думается ему, что не нашему рылу лѣзть въ Италію или во Францію: видите, бѣдняки мы! Пожалѣетъ, быть можетъ, но не воротитъ, да и, признаюсь, не совсѣмъ понимаю такой расчетъ: переплачивать здѣсь докторамъ, аптекарямъ, начинаться снадобьями латинской кухни, мучиться, наконецъ, невозможностью двигаться на чистомъ воздухѣ—и все это ради сбереженія рубля, который, все-таки, не сберегается, а уходитъ почти безъ пользы. Вѣдь при ухудшеніи болѣзни Ник. Ив. идутъ деньги помимо докторовъ и аптекъ еще на другія экстренныя издержки: гоняю на извозчикахъ прислугу за докторами, гоняю и плачу въ три-дорога за живого судака—если его нѣтъ на нашемъ садкѣ—ѣдутъ къ Тучкову мосту, и такъ—за хлѣбомъ, чорнымъ, къ Филиппову и пр.,—лишь бы угодить больному. Ахъ, Богъ мой! не пересказать всего на письмѣ, да и не весело вамъ читать всѣ мои жалобы. Простите! Но вѣдь невольно скользятъ изъ-подъ пера все то, что сказала-бы я вамъ сегодня здѣсь, если-бы у насъ не отнялъ проклятый Араратъ нашего дорогого, добродѣтельнаго купца. Простите и за несвязную болтовню: то Ник. Ив. помѣшаетъ, то кто-либо изъ гостей, которымъ мое больное и раздражительное старье говоритъ такіе комплименты, напримѣръ: „иногда гость бываетъ хуже татарина, я не долженъ разговаривать, и не надо ходить ко мнѣ“... Конечно, добрые знако-

мые прощаютъ Ник. Ив. всегда, а теперь, больному, и подавно; но вѣдь никто и не требуетъ отъ него разговоровъ, читаютъ и развлекаютъ его, слѣдовательно, не только не въ тягость ему, а приносятъ ему прямую помощь уже тѣмъ болѣе, что при нихъ онъ не бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, не кричитъ, не споритъ о томъ—выходить-ли ему гулять, не оретъ, что надъ нимъ насиліе, держать его въ какомъ-то подчиненіи и проч. Итакъ, помѣшалъ онъ мнѣ писать сегодня не разъ и не два,—все кушать просить, спорить за лишній кусокъ (потомъ самъ же кричитъ, что объѣлся, зачѣмъ ему давали, что онъ дуракъ, свинья, обжора)“ и т. д., и т. д. Наконецъ: „если-бъ вы могли видѣть, какъ Ник. Ив. даже и въ здоровомъ состояніи самъ не свой по воскресеньямъ, когда наступаетъ время „водку пить“ (безъ купца!). Не жалуется, но вдругъ и прорвется: „тоска! тоска!“

Я нарочно привелъ эти выдержки изъ письма, потому что оно съ поразительною вѣрностью передаетъ какъ индивидуальныя черты покойнаго историка, его характеръ, проявленія его бурнаго темперамента, его странности, часто ребяческія, такъ и сложившійся въ послѣдніе годы *modus vivendi* прежняго Костомарова, все болѣе и болѣе впадавшаго въ дѣтское состояніе невмѣняемости.

А эти бѣганья по церквамъ! Эта черта набожничества проходитъ чрезъ всю его жизнь. Въ молодости, какъ и въ старости, онъ болѣе всего любилъ посѣщать церкви, монастыри, слушать церковное служеніе. Дома онъ усердно молился утромъ и вечеромъ, и притомъ съ особенною обрядностью. Когда утромъ еще никто не вставалъ, онъ зажигалъ обыкновенно двѣ массивныя восковыя свѣчи, и молился и всегда долго. На ночь совершалъ то же, когда домашніе его ложились спать.

И при всемъ томъ покойный не спасся отъ обвиненія его въ невѣріи, особенно со стороны Москвы, которая искони вѣковъ вѣрила всякой нелѣпности.

Это усердное хожденіе по церквамъ доводило покойнаго до смѣшныхъ, комическихъ приключеній, иногда и до трагическихъ. Разъ, зимой, у него въ церкви кто-то отнялъ дорогую шапку (думалъ, конечно, этеть ворюшка: зачѣмъ такому старикашкѣ да такая богатая шапка, которую онъ притомъ и держать не умѣетъ). И старикъ, въ морозъ, долженъ былъ возвращаться домой съ непокрытой головой.

Другой случай едва не довелъ до трагическаго исхода. Старикъ, гуляя послѣ обѣда, любилъ заходить въ церковь на подворьѣ кievскаго митрополита, что на острову же,—слушать всенощную. Нерѣдко и я заходилъ туда съ нимъ, чтобы пораньше увести его изъ душевной атмосферы, насыщенной ладономъ и всякими ароматами дыханій, испареній и проч., что вліяло на его кашель; и только тѣмъ успѣвалъ я уговорить его уйти, что бывало шепну: «какъ здѣсь

благочестіемъ воняеть». А никакой воні благочестія, какъ и вѣни, покойный не выносилъ.

Однажды вечеромъ Костомаровъ прибѣгаетъ домой изъ кievскаго подворья въ полномъ отчаяннiи и съ криками: «Я проклятъ! мнѣ не дадутъ креста! меня выгнали изъ церкви!—я страшный грѣшникъ, проклятой! Я больше не буду ходить въ церковь!»

Съ трудомъ жена успѣла допытаться отъ него—въ чемъ дѣло. Оказалось, что по окончаніи всенощной старикъ вмѣстѣ съ прочими богомольцами подошелъ къ кресту. Старичокъ священникъ, служившій всенощную, вдругъ отдергиваетъ отъ почтеннаго историка крестъ и возглашаетъ на всю церковь:

— Нѣтъ тебѣ креста!—ты не достоинъ креста! ты не воображаешь (или не воображалъ) креста!

«Воображать крестъ», «воображать крестное знаменіе» на старинномъ церковномъ языкѣ означало—«изображать» крестное знаменіе, креститься. Вѣроятно, старому священнику показалось во время служенія или послѣ, что почтенный съ виду старичокъ, для попа невѣдомый, не крестится въ церкви (хотя покойный всегда усердно крестился, какъ того требуетъ обрядность),—онъ и сдѣлалъ ему пастьрское внушеніе на всю церковь.

Внушеніе было такъ сильно, что почтенный богомоль заболѣлъ отъ огорченія. Встревоженная этимъ г-жа Костомарова тотчасъ же пригласила къ нему отъ С. И. Опатовича, всегдашняго духовника покойнаго историка и давнишняго его друга. Узнавъ въ чемъ дѣло, о. Опатовичъ тотчасъ же поѣхалъ отыскивать усерднаго не по разуму попа—и нашель. Когда о. Опатовичъ объяснилъ ему, кого онъ своимъ неразуміемъ оскорбилъ въ церкви, кто этотъ старичокъ, которому тотъ не далъ креста, и пояснилъ, что онъ знаетъ Костомарова какъ самаго усерднаго сына церкви и какъ своего духовнаго сына и что если объ этомъ происшествіи будетъ доведено имъ до свѣдѣнія митрополита, —то... и т. д. Кончилось тѣмъ, что перетрусившій попикъ на колѣняхъ умолялъ о. Опатовича о прощеніи...

IX.

Перехожу къ 1883 году.

Я все еще продолжалъ жить въ Ментонѣ, Костомаровы—въ Петербургѣ. Послѣдній недугъ, уложившій историка въ постель и лишившій его чаю и трубки, а главное—возможности бродить по церквямъ—прошелъ. Онъ теперь не только странствовалъ съ посохомъ по всеобщимъ и обѣднямъ, не только чуть свѣтъ шествовалъ, подобно салопницѣ, съ мѣшечкомъ за калачами къ Филипову и за сливками къ Серапину, но, по старому, работалъ и въ публичной библиотекѣ.

Объ этомъ времени у меня также сохранились письменный свѣдѣнія. Привожу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ ко мнѣ почтенной четы.

19-го января г-жа Костомарова, между прочимъ, писала мнѣ:

„Николай Ив. былъ очень боленъ въ концѣ декабря, а на новый годъ лежалъ въ бреду, и мы съ Ульяной не ложились до 5-ти часовъ утра (тоже кровозвизніе)... Теперь и мое старье трошки одужало, ганя по церквямъ (опять по церквямъ!), та по Трагическому, вась згадуючи... Ото-жъ и мени на серці полегшало и хочется зъ вами балавать. Не все же, въ самомъ дѣлѣ, пересылать вамъ въ Ментонъ плачѣ та сумованья: вотъ я и дождалась выздоровленія Ник. Ивановича“...

8-го февраля между другими свѣдѣніями изъ Петербурга сообщалось:

„Слава Богу; что вотъ уже мѣсяцъ какъ Николай Ив. совсѣмъ здоровъ, много работаетъ надъ переправкою „Богдана Хмельницкаго“ къ новому изданію и даже нѣсколько дней подрядъ ѣздилъ въ публичную библиотеку, гдѣ работалъ съ 10 часовъ утра до 4½ пополудни. Гуляетъ, въ церковь ходитъ, а по воскресеньямъ за обѣдомъ злющій, презлющій: невыразимо скучаетъ за своимъ добродѣтельнымъ купцомъ. Зоветь изрѣдка по воскреснымъ днямъ къ себѣ на трапезу то „Шекспировича“ (это В. Л. Беренштамъ) съ Цвѣтковскимъ, то Вашкевича, Василия Григ. (Котельникова), то Неслуховскихъ, которые, какъ и Бѣловъ, являются два-три раза на недѣлѣ вечеромъ. Слушается, и даже очень часто, что Ник. Ив. работаетъ и послѣ обѣда при 4-хъ свѣчахъ вплоть до вечерняго чая, а ужъ послѣ чаепитія начинается чтеніе вслухъ, со спаньемъ или безъ онаго, смотря по степени утомленія слушателя, или по бездарности изложенія читаемаго“... и т. д.

Самъ Костомаровъ писалъ мнѣ въ это время (13 февраля):

„Милѣйшій, добродѣтельвѣйшій купецъ! Читалъ я письмо ваше, которое вы писали Алинѣ Леонтьевнѣ, и благодарю вась отъ сердца за неизмѣнное расположеніе и вниманіе ко мнѣ. Скажу вамъ, что безъ вась мнѣ какъ-то

особенно грустно, — не скажу скучно, потому что отъ скуки всегда есть лекарство—занятіе, а я безъ него быть не могу, кромѣ несчастныхъ минутъ когда чувствую болѣзненное страданіе. Но грустно такъ, что и выразить не могу. Не хочется бывать безъ васъ тамъ, гдѣ бывали мы вмѣстѣ. Поэтому не былъ я и на университетскомъ обѣдѣ, который, какъ мнѣ сообщали, былъ что то глухъ этотъ годъ, можетъ быть послѣ катастрофы, случившейся въ университетѣ наканунѣ дня, когда долженъ быть актъ. Сгорѣла актовая зала, да такъ сгорѣла, что стоитъ теперь открыта всему небу съ его свѣтлами. За орѣлось на галереѣ, а отъ чего—невѣдомо: думаютъ, какъ мнѣ сообщали, что рабочіе, дѣлавшіе тамъ какія-то исправленія, неосторожно обошлись съ огнемъ. Я переправляю своего „Богдана Хмельницкаго“, и съ этой дѣлюю, каждый почти день, ѣзжу въ публичную бібліотеку, гдѣ, слава Богу, я съ прежнимъ комфортомъ пріютился въ исторической залѣ. Да вотъ очи мотъ пе даютъ мнѣ возможности заниматься такъ, какъ то бывало въ былые блаженныя годы. О юность, юность! съ какою грустію вспомнишь о тебѣ въ старости!

„Я болѣе лежу, потому что припадки, которые меня мучили въ Павловскѣ, не прекращаются, но постоянно отравляютъ мнѣ бытіе и нерѣдко дѣлаются положительно нестерпимыми.

„Больше ничего о себѣ и писать не имѣю. „Мазепа“ мой вышелъ и идетъ въ продажѣ хорошо. Я вамъ его не посылаю, а отлагаю врученіе до личнаго свиданія, потому что не желаю обременять васъ излишнимъ балластомъ при возвращеніи въ отечество.

„Прощайте, мой драгоценнѣйшій Д. Л.! Не забывайте искренно и безпредѣльно предавшаго вамъ Н. К.“

Время между тѣмъ шло. Надо было думать, гдѣ провести лѣто.

Все время пребыванія почтеннаго историка лѣтомъ 1882 года въ Павловскѣ было—сплошнымъ крикомъ боли и непрестаннымъ держаніемъ на животѣ горячихъ бутылокъ.

Поэтому рѣшили: лѣтомъ, съ весны, ѣхать за здоровьемъ въ Малороссію. Объ этомъ начали мечтать уже съ осени 1882 года, и когда пользовавшій меня отъ плеврита и Костомарова—отъ грудной жабы и еще какой-то дьявольщины врачъ, Д. И. Копляковъ, отправляя меня въ Ментонъ, совѣтовалъ потомъ на слѣдующую весну возвращаться не прямо въ Петербургъ, а провести весну въ Малороссію,—то Костомаровы и предложили мнѣ пожить съ ними въ ихъ деревнѣ, въ селѣ Дѣдовцахъ, подѣ Прилуками. Я, конечно, впоследствии воспользовался этимъ великодушнымъ предложеніемъ.

Перспектива пожить старымъ друзьямъ—нѣкогда «старцамъ бражникамъ», а теперь «каликамъ переходимъ»—пожить вмѣстѣ подѣ небомъ Украины, побродить и посидѣть подѣ вербами, послушать дивчать а соловьевъ и гдѣ-нибудь, лежа на травѣ въ тѣни липъ и ясеней, поговорить «о безсмертіи души» (любимая тема покойнаго),—

такая перспектива очень соблазнила болящего историка, а меня и недавно.

„Если бы вы могли видѣть, какъ Николай Ивановичъ былъ радъ вашему письму, полученному сегодня передъ вечеромъ! — писала ко мнѣ Алина Леонтьевна,—радъ потому, что оно ваше да еще и написано „такъ тепло и поэтически“, какъ онъ выразился; велѣлъ два раза подъ-рядъ прочесть ему вслухъ и спряталъ въ свой аналойчикъ, что у письменнаго стола. Если-бы вы видѣли, какъ мое старье ухмыляется, когда мы съ Соней заводимъ при немъ разговоръ, что вотъ уже скоро, надняхъ, мартъ, а въ апрѣль—въ Дѣдовцы, и тамъ въ маѣ кого мы будемъ ждать, встрѣчать, оглядывать — насколько поправился, съ кѣмъ будемъ гулять, слушать пѣніе птицъ и пѣсни дѣвчатъ! А тутъ какъ-разъ подали мнѣ письмо отъ вашей дочки—нашей любимой Вѣрочки—и она, между прочимъ, словно для моего балованнаго дитяти (это самъ), выразилась, что когда вы будете гостить у насъ въ Дѣдовцахъ, то цѣлый мѣсяцъ будетъ все одно воскресенье! Николай Ивановичъ былъ въ восторгѣ отъ такого выраженія. Представьте себѣ, что ничѣмъ нельзя такъ развлечь Николая Ив., какъ начать загадывать на будущее время—что въ съ нимъ будете читать осенью, куда ѣздить и проч. Вы какъ-то спрашивали меня—быль-ли Ник. Ив. на обѣдѣ бывшихъ воспитанниковъ петербургскаго университета, 8 февраля. Онь, разумѣется, не поѣхалъ, и когда Соня ему замѣтила, что напрасно онъ не хочетъ хотя изрѣдка побывать „въ людяхъ“,—то онъ съ досадою отвѣтилъ: „чего я полетусь туда одинъ!—другое дѣло, когда былъ я съ „купцомъ“—мнѣ пріятно было, а безъ него—что я тамъ буду дѣлать?“ Мы съ Соней тутъ и вспомнили, что недаромъ въ вашей „Писанкѣ“ на Крапанку“, или—виновата—въ той брошюрѣ, что послана въ Кіевъ. сказано, что авторъ съ „старымъ Галкою неначе пара волівъ старыхъ звыкли одинъ зъ однимъ и безъ налигача ходити!“ Очень смѣялся Ник. Ив. и согласился, что это вполне вѣрно: „дай Богъ дождать, чтобъ снова намъ въ парѣ ходити!“ прибавилъ Ник. Ив. и хотѣлъ написать вамъ это (и написалъ). Вчера въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида въ 22-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка; слѣдовало-бы сегодня, но по случаю табельнаго дня невозможно, и отслужили вчера, а вечеромъ въ „Музыкальномъ кружкѣ“ на Гагаринской улицѣ былъ музыкальный вечеръ въ память Тараса. На панихидѣ мы всей семьей были, а на вечерѣ была одна Соня съ Шекспировичемъ. Въ церкви одинъ изъ распорядителей музыкальнаго кружка подошелъ къ Ник. Ив. и преподнесъ пригласительный билетъ на вечеръ, но мое старье заорало, что онъ нездоровъ—„въ Гагаринскую далеко—не поѣду, и не просите!“ Тамъ, однако-же, играли и пѣли дурно, да и то Гандзю! Вотъ и выдумали многіе собраться на Васил. остр., въ „Эрмитажѣ“ (ресторанъ на Набережной, противъ Николаевского моста) сегодня—побалакать та посплывать, щобъ самі земляки. Это такъ близко, что мы съ Соней уговорили Ник. Ив. пойти развлечься—и вотъ я ихъ напоила чаемъ, моего старого и дѣву, и вони пѣйшли, а я взялась за перо—побесѣдую съ вами“ и т. д.

Это уже не касается непосредственно почтеннаго историка.

Скоро я выѣхалъ изъ Ментона, чтобъ пошататься по Испаніи и по Италиі. Въ Неаполѣ меня ожидало прелестное, нѣсколько грустное

письмо стараго друга. Костомаровъ писалъ еще изъ Петербурга, отъ 29-го марта.

Вотъ это милое письмо на нашемъ родномъ языкѣ:

„Коханий пріятелю, друже мій єдиний, добродію купче!

„Жінка и панночка дуже вамъ кланяються и просять, аби якъ обіцали, такъ и своєї обітницї не забули и, повертаючись зъ свого подорожжя, завернули до насъ у Дідівці. Коли ми тудя придемо, се ще вилами писаво, однакъ те певне, що въ кінці апрїля (чи травня, якъ его здається охрещено) будемо тамъ, и коли бъ можно вамъ було прибути къ 1 маю, то велики би для всіхъ насъ радїство то було... Я, добродію, все щось недужаю: не знаю, що зо мною станеться. Хочъ и не лежу, а все дуже слабій, и очи дуже да дуже не добачають. Шкода житія такого! Все щось не мило на світі. Чую теперъ, що погана то речъ старощи! Не знаю, що вамъ и писати дальшь. Тільки ієї одрадоши, якъ би васъ побачити, да укупи про се и про друге побалакати, и про безсмертне души. Ви теперъ мабуть на сімъ грїшнімъ світі теселитесь: пошли вамъ Господи усе добре на душу й на сердце! Може и Этну побачите въ огні. . а вже жъ тудя не підніметесь у ту пору, якъ зъ неї поломъя вибухатиме, бо васъ Араратъ навчивъ до починокъ. А пишуть у газетахъ, що тамъ страхъ такий, якъ було въ 1666 року.

„Посновикчавши по чужихъ усюдахъ, пригорнітьсѣ хочъ на невеликий часъ на Україну, що ви такъ завжди кохали, бо ви для неї не чужий, и память ваша не пропаде для неї. А тамъ у тї днї, якъ ми васъ ждатимемо, вишеньки и грушки цвістимуть и жаби брехекекатимуть и соловейки и дівчата співатимуть—и зелене поле зарябіє кульбабою и воронцемъ, а вже жъ и тамъ найдеться багато добраго, а до того щире привітанье одъ любячихъ сердець. Приїздіть, бо коли на Трагичнімъ проспекті не було скучно, то й тамъ запевне не буде. Вашъ щире прихильний и на усяку прислугу радий старецъ уваже то собі за велике счастье. Дай вамъ Боже добрий путь. Будте здорові, не забувайте мене. Н. К.“

X.

Утромъ 3-го мая 1883 года старецъ и батько Украины сходилъ съ обжитаго дикимъ виноградомъ крыльца господскаго дома села Дѣдовецъ, чтобы встрѣтитъ своего стараго друга и бродягу, ростовскаго 2-й гильдіи купца. Блѣдное, прозрачное, словно изъ бѣлаго воску лицо старца сильно изобличало, что жизнь его шибко идетъ на убыль. Кровь отъ времени до времени давала знать, что въ дыхательныхъ органахъ идетъ разрушительная работа. Но старикъ все еще любилъ бродить по саду, съ маленькимъ дѣтскимъ топорикомъ въ рукахъ, чтобы подрубить въ корнѣ цѣпкія поросли хмеля, который, обвиняя собою плодовые деревья, заглушалъ ихъ ростъ и заставлялъ сохнуть. Конечно, по своей слѣпотѣ, старецъ, исторгая плевелы, не рѣдко исторгалъ и пшеницу — подрубалъ самыя деревца; но ему это про-

щалось: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало, не жаловалось, что ослѣпъ, что скучно, что безъ дѣла онъ жить не можетъ. Чаще же мы лежали подъ липами, прислушиваясь къ жужжанію пчелъ, собиравшихъ медъ съ липоваго цвѣту—и разговорамъ, воспоминаніямъ, мечтаніямъ не было конца.

Объ этомъ пребываніи въ Дѣдовцахъ я писалъ особо, еще въ прошломъ году, и напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ статьѣ «Подъ небомъ Украины».

Я не упомянулъ только въ этой статьѣ о томъ, какъ мы совершили путешествіе въ Густынской монастырь, недалеко отстоящій отъ Прилукъ. Это было въ началѣ мая. Мы пріѣхали въ монастырь утромъ, къ обѣднѣ, въ тотъ именно часъ, когда икону Богородицы торжественно переносили изъ одной церкви въ другую—изъ зимняго помѣщенія въ лѣтнее.

— Богородица переѣзжаетъ на дачу, замѣтилъ я; но историкъ остановилъ меня.

— Не подобаетъ добродѣтельному купцу такихъ безлѣпичныхъ рѣчей говорить.

Въ церкви мы видѣли старинный портретъ гетмана Самойловича во всемъ его гетманскомъ облаченіи. Вся внутренность храма дышетъ далекой украинской старинной,—и при видѣ всего этого какъ-будто не вѣрится, что все то, что записано въ украинскихъ лѣтописцахъ и въ исторіи—было когда-нибудь. Такъ современное не похоже на прошедшее. Становилось грустно. Грустнѣе было еще и оттого, что около меня стояло согбенное, дряхлое тѣло историка этого прошедшаго Украины. А развѣ и самъ онъ былъ теперь то, чѣмъ былъ прежде?

Послѣ обѣдни игуменъ пригласилъ насъ къ себѣ на чай. Отецъ архимандритъ принялъ насъ очень любезно, много говорилъ о своей обители и плакался на то, что обширная угодья, которыми когда-то владѣлъ монастырь, давно отошли отъ него. Онъ все надѣялся, что, на основаніи имѣющихся въ обители разныхъ владѣнныхъ записей и актовъ, еще можно «возвратить Богородицѣ все ей принадлежавшее прежде». Онъ показывалъ намъ подлинныя грамоты гетмановъ, собственноручныя записи давно умершихъ милостивцевъ; но мы не могли подать святому отцу никакого утѣшенія. Совѣтывали только обратиться къ подлежащимъ юридическимъ авторитетамъ.

Бѣдный игуменъ! бѣдная обитель!—вамъ прошлаго не воротить... Много ли и отъ всей Украины, какъ отъ вашей обители, осталось?..

Въ это же лѣто Костомаровымъ написана послѣдняя его историческая драма, подъ названіемъ «Эллины Тавриды». Противъ своего обыкновенія, онъ написалъ ее тихонько, тайно отъ всѣхъ близкихъ.

Я говорю—«противъ своего обыкновенія», «тихонько», «тайно»—потому что всѣ, кто близко зналъ почтеннаго историка,—всѣ также хорошо знали, что когда онъ задавался какою-либо историческою работою, какимъ-либо лицомъ или эпохою, то онъ постоянно заговаривалъ объ этомъ, выпытывалъ ваше мнѣніе, спорилъ, противорѣчилъ себѣ съ умысломъ, чтобъ, узнавъ и продумавъ доводы противника или противниковъ — остановиться на извѣстномъ рѣшеніи, которое казалось ему наиболѣе вѣрнымъ исторически.

Но тутъ не было ничего подобнаго. Онъ во все лѣто ни однимъ намекомъ не обнаружилъ, что у него въ мозгу сидитъ прошлое Воспора Киммерійскаго и Херсонеса Гераклейскаго или Таврическаго. Напротивъ, онъ постоянно развивалъ мысль о томъ, что ему хотѣлось бы написать историческую драму на тотъ историческій эпизодъ, когда Богданъ Хмельницкій узнаетъ объ измѣнѣ своей жены и рѣшаетъ ея судьбу, а его сынокъ, Тимошъ, приводитъ въ исполненіе рѣшеніе добраго папеньки: вѣшаетъ мачиху съ ея обольстителемъ на воротахъ въ томъ видѣ и въ томъ костюмѣ, въ какомъ ихъ «застали». Почтеннаго историка очень занималъ сценическій вопросъ: можно ли это самое изобразить на сценѣ?—Но о Тавридѣ и Эладѣ или Воспорѣ онъ даже не заикался. Правда, онъ иногда задавалъ мнѣ вопросы: что, напр., греки приносили въ жертву Діанѣ? какое значеніе имѣлъ пѣтухъ въ жертвоприношеніяхъ? и т. п. Но я тогда не догадывался,—«къ чему онъ подводитъ», какъ говорится въ извѣстномъ разсказѣ Горбунова. Оказалось, что старикъ хитрилъ, прятался отъ насъ—строчилъ свою драму тихонько. Его кабинетъ былъ нѣсколько въ сторонѣ, и ему прятать свою работу было удобно. Бывало зайдешь къ нему въ кабинетъ нечаянно и видишь, что онъ прячетъ что-то въ столъ. Иногда на столѣ попадались клочки какихъ-то непонятныхъ стиховъ, вроде:

Тріада великая!
Въ высахъ превыспреннихъ,
Ты сребролика,
Златовѣчанная,
Свѣтъ приснодѣвственный
Тихо ліющая,
Селена свѣтлая!

Но къ чему относилась эта «тріада», эта «Селена»—мы не могли догадаться.

Тайна обнаружилась уже въ Петербургѣ, по возвращеніи историка изъ Малороссіи. Въ первый же день по приѣздѣ, онъ прочелъ намъ свою новую драму—«Эллины Тавриды». Признаюсь, она мнѣ

очень понравилась. Правда, въ ней не блещетъ поэзія, нѣтъ огня и страсти; но въ этомъ я и видѣлъ ея достоинство. Вся она написана съ необыкновеннымъ философскимъ спокойствіемъ: только уравновѣшенная старость, чуждая страстей и порывовъ, могла создать подобное произведеніе. Спокойствіемъ своимъ, глубокою объективностью и покорнымъ подчиненіемъ «судьбѣ», «мойрѣ», нынѣ—«идеѣ»—она напоминала произведенія классическія—Эсхила и Софокла. Я даже шутя говорилъ старому философу, что если-бъ онъ на своей драмѣ написалъ: «переведена съ древне-эллинскаго манускрипта, найденнаго при раскопкахъ Херсонеса Таврическаго»,—то можно было повѣрить, что это—произведеніе классической древности.

По поводу этой драмы, написанной, можно сказать, у самаго предверія своей могилы, «у гробового входа», покойный историкъ почтенною тѣнью своею вызываетъ меня, какъ Гамлета вызвала тѣнь отца его, на нѣкоторое объясненіе съ нашими Полоніями, Клавдіями и Гертрудами. Извѣстно, что наши престарѣлые Полоніи и молодые Осрики обвиняли покойнаго историка въ какомъ-то сепаратизмѣ. Недавно даже одинъ изъ шалопаетъ шекспировской драмы, болтливый Розенкранцъ, печатно увѣрялъ, будто бы покойный историкъ, въ молодости, клялся въ Софійскомъ соборѣ чуть ли не на мечяхъ, какъ въ «Гугенотахъ» клянутся актеры,—поступить въ сепаратисты. Смѣю завѣрить господъ Полоніевъ, Осриковъ и Розенкранцевъ, что въ ихъ словахъ столько же исторической правды, сколько было ее въ словахъ безсмертнаго Фальстафа.

По нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, я бы совѣтывалъ всѣмъ этимъ господамъ внимательно прочесть помянутую драму Костомарова, автора «Богдана Хмельницкаго», и хорошенько подумать надъ ея окончаніемъ, собственно надъ слѣдующими словами монолога Гиккіи:

Пошлемъ искать союза и защиты
 Въ далекомъ, но могущественномъ Римѣ.
 Въ подлунной нѣтъ сильнѣе государства!
 Всѣ деспоты главы предъ нимъ склоняютъ,
 И страшенъ Римъ для всѣхъ, ему строптивыхъ.
 Но Римъ великодушенъ, справедливъ,
 И милостивъ ко всѣмъ, кто дружелюбно
 Союза и защиты въ Римѣ ищетъ.
 Пошлемъ просить защиты отъ Воспора
 И сами предадимся въ волю Рима.
 Подобно всѣмъ, вступившимъ съ нимъ въ союзъ,
 Мы сохранимъ обычный нашъ порядокъ;
 И если-бъ требовалось допустить
 У насъ военной римской силы пребыванье,

Мы и на то дадимъ согласие наше—
 Тогда Воспоръ не будетъ страшень намъ:
 Онъ не дерзнетъ идти противу Рима
 И самъ безспорно власть его признаетъ.
 Непзмѣнимый рокъ рѣшилъ ужъ Риму
 Надъ всей вселенною вручить господство.
 Кто Риму другъ—тотъ будетъ невредимъ,
 Кто Риму врагъ—того постигнетъ гибель.

Дѣло въ томъ, что Воспоръ всегда враждовалъ съ Херсонесомъ и даже однажды хитростію завладѣлъ имъ; но херсониты во-время обнаружили коварство воспоридовъ и жестоко наказали ихъ за это. Ожидая же мести сильнѣйшаго врага, они отдались подъ покровительство Рима.

«Эллины Тавриды» вышли въ свѣтъ лѣтомъ 1884 года.

ХІ.

Съ грустью я покидалъ Дѣдовцы, въ которыхъ провелъ два мѣсяца словно въ заколдованномъ саду. Я выѣхалъ 3-го іюля, сопровождаемый добрыми пожеланіями милыхъ друзей, и направился въ Саратовъ, съ которымъ для Костомарова, какъ и для меня, было связано много воспоминаній.

Въ Петербургъ я воротился въ концѣ іюля. Здѣсь уже ждали меня письма изъ того очаровательнаго уголка, про который можно было бы сказать словами «Байды»:

Рай, а не місто! Закутокъ эдемскій!

Въ этомъ «уголкѣ эдема» здоровье историка видимо поправлялось. Въ жары онъ охотно слушалъ Шекспира и Тэна, которыхъ ему читала милѣйшая М. П. Савченко—и не всегда засыпалъ подъ чтеніе. Вечеромъ каждый день его водили въ садъ, гдѣ онъ особенно любилъ сидѣть на скамейкѣ въ тополевой аллеѣ и слушать, какъ «галдѣли мужики на сходкѣ», собираясь на ночлежъ. «Мужиками», которые «галдятъ на сходкѣ», я называлъ грачей, въ немаломъ количествѣ водившихся въ саду, и это названіе очень понравилось почтенному историку, такъ что онъ просилъ меня «нареши имена» всѣмъ птицамъ, и я долженъ былъ выдумывать названія, соответственныя птичьимъ качествамъ: такъ, кобчики, которые постоянно воевали съ грачами и разгоняли «мужичьи сходки», слыли у насъ подъ именемъ «урядниковъ» и т. д. Но особенно любилъ старикъ гулять при мѣ-

сяцѣ. «Місяченько»—это была его слабость всегда. Гдѣ-бы и когда-бы онъ ни услышалъ, что видѣли мѣсяцъ, онъ сейчасъ же оживлялся и сиѣпшилъ пойти своими глазами взглянуть на «місяченька». Даже зимой, въ городѣ, онъ, съ трудомъ и съ рискомъ свалиться съ лѣстницы, спускался съ 3-го этажа и шелъ на улицу отыскивать мѣсяцъ, словно онъ его никогда не видѣлъ. Но забавно было глядѣть на старика, когда бывало въ деревнѣ онъ плакался, чтобъ шли съ нимъ погулять въ саду ночью, часу въ 11-мъ или 12 мѣ, когда на небѣ не было мѣсяца, а въ нижнихъ аллеяхъ господствовалъ абсолютный мракъ и когда приходилось идти почти ощупью. Тогда мы прибѣгнули къ очень оригинальному средству. Обыкновенно кто-нибудь пободрѣ шелъ впереди, за нимъ—другіе; шествіе замыкали—милѣйшая чтица историка въ деревнѣ, М. П. Савченко, и самъ историкъ, «ткнувшій» послѣднимъ, едва передвигая ноги.

Напала на историка въ это лѣто страсть смотрѣть на звѣзды. Когда-то, еще въ Саратовѣ, онъ прекрасно зналъ звѣздное небо, помнилъ всѣ созвѣздія, положеніе и названіе всѣхъ ночныхъ свѣтилъ первой и второй величины. Но потомъ, съ теченіемъ времени, многое позабылъ. Въ это же лѣто страсть къ звѣздному небу возгорѣлась въ немъ случайно. Милая палчерица его, С. М. Кисель, побывавъ зимой въ Петербургѣ на лекціяхъ астронома С. П. Глазенапа, захотѣла ближе познакомиться съ топографіею неба и для этого выписала себѣ карту звѣзднаго неба. Лѣтомъ мы съ нею и занялись отыскиваніемъ на небѣ Лебедей, Большихъ и Малыхъ Псовъ, Капеллъ, Лиръ, Жирафовъ, Орловъ, Боловъ и другихъ животныхъ. Это заинтересовало историка, и онъ присоединился къ намъ, но плохое зрѣніе часто мѣшало ему ориентироваться въ небесныхъ сферахъ, и потому онъ сердился на карту, доказывая, что она изображаетъ сводъ небесный «до горы ногами» (какъ, впрочемъ, и слѣдовало). И не рѣдко съ изученіемъ неба происходили комическія сцены: выходя ночью на крыльцо, чтобъ розыскать пропавшаго безъ вѣсти Оріона или Антареса, почтенный историкъ со-слѣпу наткался на спавшаго на крыльцѣ сторожа или на собаку Тропсика, котораго онъ называлъ «Трикуписомъ»—и поднимался переполохъ...

Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ г-жа Костомарова и упоминаетъ объ этомъ розыскиваніи историкомъ своихъ любимцевъ—Артуровъ или Антаресовъ:

„Соничка ходила съ Николаемъ Ивановичемъ ко всеншной, привела его домой на чаепитіе, и затѣмъ, поглазѣвши на карту звѣзднаго неба, пошли—старе и мале провѣрять на самомъ небѣ: цѣлы ли и на своихъ ли мѣстахъ всякіе Оріоны, Жирафы и проч. Вы помните, дорогой Д. Л., какъ Николай

Ивановичъ сердился на эту карту и увѣрялъ, что ничего на ней не понимаетъ,—но вчера прекрасно указывалъ на ней Сонѣ то или иное созвѣздіе, и при этомъ не разъ Соня возражала: „да нѣтъ же, Николай Ивановичъ,—купчикъ вотъ какъ училъ меня“... и проч.

Самъ же Николай Ивановичъ между прочимъ писалъ мнѣ:

„Всемигѣйшій, вселюбезнѣйшій, добродѣтельнѣйшій купецъ!... Я что-то скучаю безъ васъ: совсѣмъ не то для меня въ Дѣдовцахъ, что при васъ было. Надобно сообщить, что земля наша какъ будто шутитъ. Еще только половина августа, а ужъ липы пожелтѣли и орѣшникъ и вязъ начинаютъ желтѣть.—Штондинъ лѣсъ, въ которомъ вы перепугали дѣвчатъ, появившись въ видѣ силвана, блистаетъ такою пестротою, какъ будто въ началѣ октября. А между тѣмъ жары были сильныя и только вчера и сегодня появились дожди. Алина Леонтьевна, Софья Марковна и Марья Петровна вамъ усердно кланяются. Онѣ васъ очень любятъ и я ихъ люблю именно за то, что онѣ привязаны къ вамъ и расположены искренно.

„Не знаю еще, когда воротимся. Но думаю, что скоро, не позже 1 сентября с. ст.

„Передайте мое усердное почтеніе всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ, кого только случится вамъ встрѣтить.

„Я думаю, вы уже настрочили какой-нибудь новый романъ, или не собираетесь-ли впечатлѣній вашей поѣздки во Францію, Италію и Испанію, съ цѣлію подѣлиться ими съ своими читателями путемъ печати. И то, и другое равно будетъ желательно для уважающихъ и любящихъ васъ, которымъ имя легионъ. До свиданія“.

Упоминаемый въ письмѣ Штондинъ лѣсъ находится недалеко отъ Дѣдовецъ, по дорогѣ къ Прилукамъ. Это одно изъ любимыхъ мѣстечекъ покойнаго историка, гдѣ онъ обыкновенно гулялъ, возвращаясь съ купанья. Купаться онъ ѣздилъ довольно рано, на рѣчку Удай, версты за три отъ Дѣдовецъ, и, возвращаясь оттуда, всегда останавливался у Штондина лѣса, выползалъ изъ экипажа и бродилъ у окраины лѣска, срывая васильки и затыкая ихъ себѣ въ шляпу. Возвращаясь онъ домой весь утыканный васильками и другими полевыми цвѣтами, и въ этомъ видѣ напоминалъ стараго, сѣдого римскаго патриція, возвращающагося съ сатурналій или вакханалій, на которыхъ молодая жрица Вакха увѣнчивали подгулявшаго старца цвѣтами. Больше же всего старикъ любилъ, когда цвѣтеть бывало липа, отломивъ зеленую съ цвѣтомъ вѣтку, въ аршинъ или болѣе длиною, заткнуть ее за шляпу, и въ такомъ комическомъ украшеніи бродить по саду и возбуждать удивленіе косарей или дѣвчатъ, работающихъ въ саду:

«Дивитесь, якій нанъ!—Отъ чудный!—цілу гиляку застромивъ у бриль“.

Но иногда случалось, что самъ историкъ былъ не радъ своему липовому украшенію: какая-нибудь пальная пчела, почуявъ запахъ

липового цвѣту, начинала кружиться вокругъ головы историка и начинала ему не мало тревоги.

Упомянувъ въ письмѣ о томъ, что въ Штондиномъ лѣсу я перепугалъ дѣвчатъ, «появившись въ видѣ силвана», также требуетъ историческаго комментарія. Разъ мы сидѣли съ историкомъ въ лѣсу, отбиваясь отъ «враговъ рода человѣческаго» (такъ историкъ называлъ комаровъ и мошекъ), и въ тотъ часъ присцѣ историкъ отъйти на страну И се бѣ внезапно слышати намъ въ лѣсѣ томъ, недалече, нѣкое бѣсовское пѣніе. И видѣхъ, яко лѣсною тропою грядуть на насъ бѣси во образѣ дѣвиць. И ужасохся за старца Николая. Азъ, старецъ Данииль, мужественно сердцемъ укрѣпихся и потекохъ во срѣтеніе бѣсовъ. И—оле чуда неслыханнаго!—Узрѣвши бѣси браду мою сѣдую и уразумѣвши во мнѣ инока смиренна, — съ воплемъ ужаса яко дымъ и яко прахъ возметаемый вѣтромъ исчезоша».

Въ 1883 году рѣшался важный, хотя съ посторонней точки зрѣнія пустой, вопросъ въ жизни маститаго историка—вопросъ о перемѣнѣ квартиры. Кому не извѣстна была квартира Костомарова по 9 линіи Васильевскаго острова, въ домѣ бывшемъ Карманова, а потомъ Бланка! Онъ жилъ въ ней съ 1860 года—болѣе 20 лѣтъ, и думать о Костомаровѣ въ другой квартирѣ было даже какъ-то странно, непривычно. Но съ тѣхъ поръ, какъ почтенный историкъ сталъ дряхлѣть и опускаться, когда подъемъ въ 3-й этажъ, черезъ 80 и болѣе ступенекъ, да притомъ крутыхъ и высокихъ, сталъ для него утомителенъ, а тутъ еще начались совершенно неожиданно кровоизліянія изъ горла, требовавшія абсолютнаго покоя для легкихъ,—оставлять его на прежней квартирѣ равносильно было покушенію на жизнь престарѣлаго историка. И хотя онъ слышать не хотѣлъ о новой квартирѣ, но впослѣдствіи послушался благоразумнаго совѣта попечительной жены и позволилъ нанять новую квартиру въ 1-й линіи, № 6, въ домѣ Бруни, въ первомъ этажѣ.

Сколько тревогъ и заботъ положила въ эту новую квартиру заботливая жена историка!

„Съ 15-го августа—пишетъ мнѣ г-жа Костомарова изъ Дѣдовецъ—съ 15-го августа станемъ собираться въ Лубны дня на три (это Костомаровъ собирался осмотрѣть тамъ древности), а воротившись, придется по немногу собираться и въ Питеръ, гдѣ намъ предстоитъ много хлопотъ съ устройствомъ въ новой квартирѣ. Независта квартира съ темной гостиной-столовой, некуда правды дѣтъ; но вѣдь мы всѣ трое это видѣли, когда нанмали—и все-таки, увлекшись возможностью жить низко, чтобы сберечь легкія Николая Ивановича, не выносившія въ послѣднюю зиму такой тяжелой работы, каку

задавала имъ высокая и крутая лѣстница въ 9-й линіи; Соничка же просто настаивала, указывая и на мои болѣсти, также требующія возможно меньшаго лазанія по крутымъ лѣстницамъ.... Пусть и потѣсимся немного, добрые знакомые извинять за недостатокъ простора въ гостинной и кабинетѣ, за то спальная у Ник. Ив. свѣтлая (въ домѣ Карманова была совсѣмъ безъ оконъ!) и съ воздухомъ, да выходить можетъ по три и по четыре раза въ день, какъ онъ это любитъ: не нужно подниматься всякій разъ на 63 ступени“.

Все о немъ, всѣ заботы — протянуть дни, годы для бѣднаго старика!

„Жить въ 4-мъ этажѣ или въ 1-мъ—пишетъ она далѣе—это вопросъ жизни или смерти для Николая Ивановича при томъ ослабленіи легочныхъ сосудовъ, которые лопаются у него и не требуютъ никакого леченія, какъ это доказалъ Мерингъ (киевскій врачъ), а только требуютъ сбереженія отъ непосильнаго механическаго труда. Если увидите....., пожалуйста разумите ихъ, что не дѣло воздыхать при Николаѣ Ивановичѣ о неудобствахъ его новой квартиры, а напротивъ, дѣло добрыхъ знакомыхъ успокаивать его для пользы его здоровья“.

Затѣмъ сообщаются мнѣ заботы о томъ, какъ бы въ новой квартирѣ устроить электрическій внутренній звонокъ такъ, чтобы пуговка его, въ спальнѣ у историка, приходилась у самаго изголовья его кровати:

„Это—поясняли мнѣ—на случай болѣзни, чтобы онъ могъ звать къ себѣ и нельзя-ли провести такъ проволоки, чтобы одна изъ нихъ проходила изъ спальни Ник. Ив. въ махонькую комнатку, гдѣ будетъ жить Ульяна: это собственно для удобства старика, котораго спальная слишкомъ отдалена отъ прислуги—и звать ему трудно“.

Мало того,—выражаются опасенія, что такъ какъ въ корридорѣ новой квартиры есть двѣ ступеньки, то старикъ можетъ, со слѣпу и по разсѣянности, спотыкаться черезъ нихъ и падать, и потому просятъ—нельзя ли ихъ выкрасить особою краскою, чтобы издали видно было. Домохозяинъ, г. Бруни, придумываетъ окрасить ихъ бѣлою краскою...

Вотъ сколько заботъ вызывало перемѣщеніе на новую квартиру. Только любящая женщина въ состояніи предвидѣть все, что нужно для того, кого она желаетъ охранить отъ всякихъ неприяностей и опасностей.

Между тѣмъ я долженъ былъ сообщить историкѣ горестную вѣсть—вѣсть о кончинѣ его заслуженнаго вота Васьки. Потеря эта была перенесена имъ мужественно, ибо горечь извѣстія была скрашена сочиненною мною «одою на смерть Василя Міофагова»:

Угасъ! но ничто не оставлено имъ
На всѣхъ чердакахъ безъ привѣта...

Въ послѣднемъ передъ выѣздомъ изъ Дѣдовецъ письмѣ (отъ 26-го августа) мнѣ, между прочимъ, сообщали о Николаѣ Ивановичѣ:

„Н. И. скучалъ безъ дѣла, какъ онъ выражается, и назначилъ день выѣзда на 2-е сентября, въ пятницу, чтобы день субботній, когда у жидковъ шабашъ, быть намъ въ пути и пользоваться нѣкоторымъ просторомъ въ вагонахъ, всегда переполненныхъ въ другіе дни недѣли шныряющими взадъ и впередъ по всѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ гешефтмахерами. Но какъ нарочно, погода стоитъ дивно прекрасная, Ник. Ив. ѣздитъ купаться, а гуляя вчера со мной по саду, онъ сказалъ, что, приближаясь къ дню выѣзда, ему съ каждымъ днемъ становится грустнѣе повинуть этотъ уголокъ, и самый садъ ему кажется такимъ же милымъ, какъ въ первые дни пріѣзда сюда весной:—жалко покидать его. Не ручаюсь за то, что выѣдемъ 2-го сентября. Завтра вечеромъ долженъ явиться къ намъ В. П. Горленко, и въ воскресенье утромъ, 28-го, Ник. Ив. поѣдетъ съ нимъ въ Лубны на одинъ день“.

И они, дѣйствительно, ѣздили.

4-го сентября Костомаровы были уже въ Петербургѣ, въ своей новой квартирѣ. Историкъ на первыхъ порахъ остался доволенъ ею.

Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ покойный своимъ собственнымъ неблагоразуміемъ разрушалъ свое, уже въ конецъ рухнувшее, здоровье и довелъ его до рокового исхода, расскажу слѣдующій, по видимому невѣроятный, сумасбродный поступокъ причудливаго старика.

Въ первый же день по пріѣздѣ его въ Петербургъ, мы, на радостяхъ свиданья, пошли съ нимъ, послѣ завтрака, гулять. День былъ ясный, но свѣжій, сентябрьскій, съ острымъ вѣтеркомъ. Противъ обыкновенія, старикъ направилъ свои дряхлыя ноги, обутыя въ исполнскіе «сапожѣ», не къ излюбленному нами Трагическому проспекту, а къ набережной Невы.

— Чесо ради, старче, не на Трагичный тецева? спрашиваю.

— Красоты ради очесемъ, яже на Невѣ рѣцѣ, былъ отвѣтъ.

А умисель другой тутъ былъ. «Потекли» мы на набережную; идемъ мимо купальень.

— Се вода—говорить—купче: что возбраняетъ ми купатися?

— А барыня, говорю, что скажетъ?

— Барыня — говоритъ — не увѣсть ни дне, ни часа, въ онъ же искупаюся.

— А я скажу.

Онъ начинаетъ меня упрашивать, чтобы я не говорилъ; доказывалъ, что ему жарко, что вода должна быть теплая. Подошли къ конторкѣ купальни, спрашиваемъ — сколько въ водѣ градусовъ? Отвѣчаютъ: двѣнадцать или тринадцать. — «Это совсѣмъ теплая вода», говоритъ упрямый старикъ. Я настаиваю, что нельзя, пугаю его, что скажу «барынь».

— Ну, такъ я тихонько и отъ васъ, и отъ нея буду купаться.

Что мнѣ оставалось дѣлать! Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ сумасбродный старикъ исполнить свою угрозу. Нечего дѣлать—я согласился.

Надо было видѣть, сколько времени копался онъ съ раздѣваньемъ! Пока раздѣлся, ужъ онъ весь дрожалъ. А сколько минутъ онъ цѣлился, чтобы со слѣпу попасть на сходцы, которыя вели въ воду, сколько времени онъ сползалъ со ступеньки на ступеньку, боясь поскользнуться и не зная за какое перило уцѣпиться, потому что они оба шатались! Еще удивительно, какъ съ нимъ не сдѣлался ударъ въ водѣ, когда онъ влѣзъ въ нее только ногами.

Наконецъ, онъ въ водѣ, дрожитъ («ловить дрыжаки»), весь посинѣлъ, зубъ на зубъ не попадетъ ¹⁾).

Выползалъ онъ изъ воды съ такою же быстротою, какъ и вползалъ въ нее. Окоченѣвшія руки скользятъ по периламъ, ноги скользятъ по ступенькамъ, губы трясутся, и если-бъ были зубы, то шелкали бы, конечно, какъ у волка. А процессъ одѣванья на мокрое, окоченѣлое тѣло, которое онъ не могъ, да и никогда не умѣлъ, безъ няньки, обтереть простынею!

Наконецъ, одѣлся.

— Теперь надо гулять—согрѣться надо, говорить, весь дрожа; переѣдьте на пароходикъ въ Александровскій скверъ.

Но на пароходикъ я его не пустилъ, а силою потащилъ пѣшкомъ въ обходъ, чрезъ Николаевскій мостъ, чтобы дать ему возможность согрѣться.

— Смотрите же, добродѣтельный купецъ, не говорите барынѣ.

— То-то, смѣюсь,—трусу празднуете.

— Еще бы!—пилить станеть:—моркву скромадити.

— Ладно, ладно—не выдамъ.

И что же!—Въ тотъ же вечеръ у сумасброднаго упряма оказалась лихорадка, жаръ. Но я тотчасъ же, какъ только мы воротились съ гулянья, предалъ друга—шепнулъ «барынѣ», что мы-де купались. Она такъ и ахнула. Въ Удаѣ, гдѣ онъ купался передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, было болѣе 20° или около того, а въ Невѣ—12!

Тотчасъ же пригласили доктора, г-на Кондратьева. Онъ явился. Хитрый старикъ, воображая, что о купаньѣ знаю только я, и боясь, чтобы о его проказѣ не узнала или не догадалась «барыня», увелъ доктора къ себѣ въ спальню и тамъ, изъ предосторожности, скромно затворился. Я понялъ увертку историка, и боясь, что онъ и передъ докторомъ схитритъ, вошелъ въ спальню и сказалъ доктору: «знайте, что мы сегодня купались въ Невѣ».

¹⁾ Впрочемъ, не чѣмъ и не на что было попадать.

— Какъ! не можетъ быть!

— Я вамъ говорю: купались.

— Я не купался, пробормоталъ уличный проказникъ:—я только хотѣлъ.

Это была чисто-ребяческая ложь—ложь школьника передъ учителемъ. Г. Кондратьевъ улыбнулся и принялся за выстукиванье и выслушиванье своего пациента, который, чувствуя себя пойманнымъ на «конѣ спасенія», торопливо, нервно теребилъ свой носъ, дѣлая обычныя свои «чуфизы».

Осень и зиму этого года покойный пережилъ все съ тѣми-же недомоганьями: тотъ же кашель, то-же постепенное паденіе силъ и энергіи. Постоянная сонливость казалась просто изумительною; но это была какая-то странная сонливость, капризная, какъ былъ своенравенъ самъ покойникъ. Онъ спалъ не по ночамъ—ночной его сонъ продолжался всего нѣсколько часовъ, и старикъ постоянно вставалъ съ пѣтухами, чтобъ тотчасъ же, на-скоро одѣвшись и помолившись передъ образами, при сіяніи двухъ горящихъ громадныхъ восковыхъ свѣчей,—бѣжать изъ дому и бродить по городу то за калачами отъ Филипова, то за сливками отъ Серапина. А засыпалъ онъ за чтеніемъ почти всего, что не касалось его специальности или того самого предмета, которымъ въ данное время онъ былъ занятъ; но едва чтеніе прекращалось и въ кабинетѣ водворялась тишина, какъ своенравный старикъ открывалъ глаза.

— Будемъ читать дальше?

— Да что даромъ читать!—вы все спите.

— Я вовсе не спалъ! горячился старикъ:—я слушалъ.

— Такъ на чемъ же остановились?—а?—разскажите, любезнѣйшій.

— А чортъ его знаетъ!—я дуракъ.

— Ну, не дуракъ... А просто попался—ооохъ старость!

— Что вы все надо мной шкилюете!—какой я старикъ!

— Ну конечно, — совсѣмъ молодецъ... «Человѣкъ!... человѣкъ!» намекъ на очень стараго генерала).

Историкъ издавалъ какой-то слабый свистъ беззубнымъ ртомъ. Это значило, что онъ смѣялся. Куда дѣвался его прежній молодой смѣхъ!

Засыпалъ онъ и тогда, когда много было гостей и многіе говорили около него разомъ. Но съ глазу на глазъ съ собесѣдникомъ, который не былъ для него скученъ, онъ любилъ охотно говорить обо всемъ, что дѣлалось въ мірѣ.

Между тѣмъ почтенный историкъ продолжалъ неустанно работать въ своей специальности, дополнять прежніе труды новыми данными,

писать по разнымъ, занимавшимъ его, вопросамъ—и мысль его оставалась трезва и ясна.

Въ эту зиму онъ усидчиво занимался старыми историческими документами въ государственномъ архивѣ, готовясь, повидимому, еще долго работать для исторіи.

ХІІ.

Говоря вообще о послѣднемъ десятилѣтіи жизни покойнаго историка, я долженъ положительно засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что за это время въ почтенномъ ученомъ послѣдовало какое-то духовное раздвоеніе. У Н. И. Костомарова явился двойникъ, совсѣмъ непохожій на того, котораго всѣ знали прежде, но который настойчиво утверждалъ, что и онъ—тоже Костомаровъ, и всѣ видѣли, что это дѣйствительно Костомаровъ, но только—другой: онъ и не онъ, какой то двупостасный, два человѣка въ одномъ тѣлѣ. Въ первомъ—то-же прежнее, свѣтлое, трезвое и полное критической силы отношеніе къ исторіи, къ ея задачамъ и ко всему, что составляетъ сущность исторіи какъ науки, какъ проявленіе въ прошломъ коллективной жизни народа и единичныхъ его силъ, называющихся «историческими лицами», «историческими дѣятелями». Въ немъ сохранился тотъ же порывистый темпераментъ, не знавшій въ своихъ проявленіяхъ ни въ чемъ середины, хотя самъ Костомаровъ, какъ ученый, былъ олицетвореніемъ этой середины, ибо въ исторіи середина—это историческая критика, историческая правда, которой онъ былъ самымъ вѣрнымъ слугою и жрецомъ; но онъ не зналъ середины въ своей личной жизни. О немъ можно было сказать то, что въ народной характеристикѣ человѣческихъ личностей мѣтко очерчено, выражено: «ему коли медь, такъ ужъ непременно ложкой». Если онъ желалъ чего-либо, то исполненіе этого желанія должно было наступить тотчасъ же, а иначе онъ впадалъ въ отчаяніе и, какъ ребенокъ, которому не позволяютъ дотронуться до пламени свѣчи, готовъ былъ кричать—рвать и метать»; здѣсь въ немъ какъ-бы совершенно отсутствовалъ анализъ, разсудокъ, критика, та критика, въ которой онъ былъ такъ силенъ и такъ сдержанъ въ своихъ историческихъ работахъ. Я поясню это наглядно, примѣрами изъ обыденной жизни. Если онъ, напр., хотѣлъ пить, то требовалъ, чтобы давали ему питье самое холодное, такое холодное, такой низкой температуры, до какой только возможно было довести воду или другое питье,—и оттого даже врачи говорили ему:

— Что же—вы желаете, чтобъ у васъ внутри образовались ледяныя сосульки?

Сознавая эти крайности, онъ и самъ говорилъ о себѣ библейскими словами, тѣми словами, съ которыми будто бы Саваоѳъ обращался къ избранному народу, чтобы онъ былъ либо ужь «совсѣмъ горячъ», либо «совсѣмъ холоденъ», а не былъ бы только «теплымъ»: «не буди тепель, да не изблюю тя». Если ему, уже больному, позволяли немного гулять, то онъ гулялъ не немного, но до утомленія, до невозможности двигаться, дышать. Если ему позволяли купаться, то онъ лѣзъ въ самую холодную воду, и готовъ былъ купаться до заморозковъ, хотя его при этомъ и колотила лихорадка. Если ему нужно было достать что-либо, то онъ не могъ ждать ни минуты—сейчасъ же подавай, хоть бы здравый смыслъ и говорилъ, что сейчасъ этого сдѣлать нельзя. Въ трудѣ онъ былъ такой же неумѣренный, какъ и въ ѣдѣ: до ѣды, какъ и до труда, онъ «дорывался» и не зналъ мѣры, не зналъ, гдѣ и когда ему остановиться. И когда, по совершеніи самаго факта, онъ чувствовалъ, что поступилъ неблагоразумно, то винилъ другихъ:

- Зачѣмъ же меня не остановили!
- Останавливали, да ты не слушался.
- Такъ я дуракъ!—на меня не надо смотрѣть.

Любилъ онъ просторное платье—и ему, по его непреклоннымъ настояніямъ, должны были шить не просто просторное платье, особенно лѣтнее, а мѣшки. Онъ требовалъ, чтобы карманы его платья были широки и глубоки, и тогда только успокоивался, когда вмѣсто кармановъ ему пришивали нѣчто вродѣ наволочекъ. Онъ не любилъ тѣсной обуви—и его сапоги были чѣмъ то вродѣ кожаныхъ валенокъ, на вершокъ длиннѣе его ступней, а калоши—словно лодки. Въ какомъ-то городѣ Италіи, гдѣ нашъ историкъ хотѣлъ заказать себѣ сапоги, сапожникъ, къ которому историкъ обратился съ заказомъ, не могъ повѣрить, чтобы существовала на свѣтѣ такая нога, на которую требовалась бы мѣрка съ ноги Гаргантюа. Калоши его въ свое время такъ были извѣстны своими нечеловѣческими размѣрами, что въ оперѣ, куда историкъ постоянно хаживалъ на «Жизнь за царя», капельдинеры говорили ему, что его калоши никто не возьметъ, даже по ошибкѣ, ибо другой такой ноги нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ. Однимъ словомъ—все не въ мѣру. Перцу покойный историкъ сыпалъ обыкновенно въ свой супъ столько, что поверхность его лѣлалась совершенно черною. Хотя въ любимую историкомъ уху клали всегда много лимоновъ, даже очень много, однако ему все было мало, и онъ въ свою тарелку обыкновенно выжималъ еще цѣлый лимонъ. Когда врачи предписали ему, уже больному, пить молоко, а потомъ кумысъ, небольшими прие-

мами, по полустагану, онъ настойчиво требовалъ, чтобы ему давали по полному стагану и отъ полустагановъ рѣшительно отказывался, говоря, что это—«дворянскія примки», «жантильности», а онъ-де мужикъ. Когда его, больного уже, останавливали отъ такихъ дѣйствій, которыя были ему не подъ силу или положительно вредны, онъ съ азартомъ утверждалъ, что онъ дѣлаетъ это уже 60 лѣтъ—и будетъ дѣлать! Въмѣсто того, чтобы украсить свою шляпу или скртузъ (а онъ любилъ лѣтомъ въ деревнѣ украшать себя цвѣтами) цвѣткомъ или нѣсколькими цвѣтками, онъ затыкалъ себѣ и за шляпу и въ петлицы цѣлыя охапки цвѣтовъ, а когда цвѣла липа, то покойный запикивалъ себѣ въ шляпу не цвѣты липовые, а непременно огромную вѣтку, четверти три или четыре длиною, съ вѣточками и листьями. Если онъ шелъ въ церковь, то непременно къ началу службы, и уходилъ изъ церкви чуть-ли не послѣднимъ.

Такъ во всемъ. Этотъ Костомаровъ остался до смерти такимъ, какимъ былъ прежде: настойчивый въ трудѣ и незнающій мѣры въ проявленіи своихъ привычекъ—все черезъ край.

Но рядомъ съ этимъ Костомаровымъ въ послѣднее десятилѣтіе жизни почтеннаго ученаго стоялъ его двойникъ, совсѣмъ непохожій на прежняго Костомарова. У того, у прежняго, была замѣчательная, можно сказать, феноменальная память, и это было извѣстно всѣмъ, кто зналъ покойнаго. Покойный Бодянский, какъ извѣстно, на лекціяхъ своихъ утверждалъ, что Костомаровъ знаетъ наизусть всѣ украинскія пѣсни,—и это было до нѣкоторой степени справедливо: рѣдкую онъ не зналъ. Онъ изумлялъ всѣхъ необыкновеннымъ знаніемъ хронологіи, историческихъ именъ, фактовъ, мелочей, названій урочищъ и всего, что разъ побывало въ его головѣ. Бывало задается вопросомъ перечислить по порядку вселенскихъ патріарховъ или митрополитовъ кievскихъ, петербургскихъ и т. п.—и глядя куда-то въ пространство, словно бы все это было записано гдѣ-то тамъ вдали, онъ ихъ всѣхъ перечислялъ по пальцамъ, и до тѣхъ поръ не успокоивался, пока не доводилъ до конца своего безконечнаго синодика. Онъ зналъ самую мелкую, самую побочную родню царей и вельможъ русскихъ, а равно гетмановъ Малороссіи. Зналъ наизусть почти все евангеліе, псалтырь и всю церковную службу. Наизусть онъ цитировалъ изъ лѣтописей цѣлыя страницы.

Это, опять-таки, тотъ Костомаровъ — осколокъ прежняго. Но Костомаровъ послѣдняго десятилѣтія не былъ уже такимъ. Отъ его феноменальной памяти не осталось и слѣда. Все, что происходило до 1870—1875 годовъ (два мозговые удара, о которыхъ говорено выше), онъ помнилъ попрежнему, хотя не съ прежнею ясностью и послѣдова-

тельностью. Все же, что онъ узнавалъ, читалъ, слышалъ теперь—все или почти все забывалось тотчасъ же. Иногда объ одномъ и томъ же событіи онъ переспрашивалъ по нѣсколько разъ, увѣряя, что не слышалъ, а когда ему вновь рассказывали—то это почти всегда вскорѣ забывалось.

Какъ примѣръ забывчивости я приведу слѣдующій случай въ его жизни за послѣднее дѣсятилѣтіе.

Въ январѣ 1884 года Николай Ивановичъ усердно работалъ въ государственномъ архивѣ, съ большой настойчивостью списывая слѣдственное дѣло о Долгорукихъ. Это продолжалось нѣсколько недѣль. Покойный радовался, что архивная работа подходила къ концу, и наконецъ—кончена. Въ этотъ именно день, помнится, 25-го января, когда старикъ, кончивъ занятія въ архивѣ, возвращался домой, подъ аркой Главнаго штаба съ нимъ случилось несчастіе, о которомъ въ свое время не мало говорила печать и которое вызвало очень горячее участіе къ пострадавшему со стороны всѣхъ его почитателей и знакомыхъ. Въ числѣ таковыхъ посѣтилъ больного историка и С. Н. Шубинскій, редакторъ «Историческаго Вѣстника». Николай Ивановичъ заговорилъ о томъ, чѣмъ въ послѣднее время занимался въ государственномъ архивѣ, и сообщилъ своему собесѣднику извѣстіе, что онъ, наконецъ, покончилъ съ слѣдственнымъ дѣломъ Долгорукихъ — все его списалъ. На это г. Шубинскій замѣтилъ ему, что напрасно онъ терялъ въ архивѣ время на это занятіе, такъ какъ слѣдственное дѣло Долгорукихъ давно уже списано другимъ и напечатано въ «Памятникахъ новой русской исторіи, издававшихся при журналѣ «Заря». Извѣстіе это такъ поразило бѣднаго историка—поразило тѣмъ, во-первыхъ, что онъ даромъ потратилъ время на совершенно ненужный и излишній трудъ, а во-вторыхъ—и это особенно было прискорбно и обидно для него—подобный случай убѣждалъ его въ томъ, какъ дряхла и слаба стала его память, изъ которой испаряются такіе крупные историческіе факты.

— Я ни на что не гожусь! жаловался онъ мнѣ съ горечью:—какъ дуракъ работалъ надъ тѣмъ, что всѣмъ извѣстно и что я самъ зналъ прежде.—*Oléum et laborem perdidit!*

Онъ говорилъ даже, и говорилъ искренно, что не такъ поразили его сани подъ аркой Главнаго штаба, какъ поразилъ г. Шубинскій этимъ извѣстіемъ, что боленъ онъ не отъ ушиба, а отъ своей непригодности,—что послѣ этого ему жить нельзя.

— Какой же я у чорта историкъ, когда этого не помню!—Ахъ, скорѣй бы умереть!—Только моя тряпичная душонка не позволяетъ мнѣ покончить съ собой, а то сейчасъ бы..

Въ прежнее время, неустанно работая и въ архивахъ, и въ публичной библиотекѣ изготавляя монографію за монографіей, воюя въ газетахъ съ своими противниками или готовясь къ лекціямъ для чтенія въ университетѣ, онъ находилъ время бывать вездѣ, куда влечетъ внутренняя потребность всякаго интеллигентнаго человѣка: онъ посѣщалъ знакомыхъ, бывалъ въ концертахъ, въ театрахъ, на диспутахъ, на чтеніяхъ. Театры и опера поглощали у него множество вечеровъ. особенно опера. Въ прежнее время онъ никогда не пропускалъ «Жизнь за царя» и зналъ эту оперу наизусть, потому что въ теченіи своей жизни прослушалъ ее болѣе ста разъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе у него рѣдко являлась эта потребность, и онъ, что называется, въ кои годы посѣщалъ оперу или театръ, когда давалось что-либо новое, выдающееся, или его интересовала личность артиста или артистки—Росси, Сальвини, Стрепетова. Но и тутъ онъ постоянно ждался, что или не видитъ ничего на сценѣ или не слышитъ, но наконецъ даже сталъ утверждать иногда, что онъ никогда не любилъ ни театра, ни музыки, а ходилъ такъ—«изъ любознательности». Но это онъ капризничалъ; говорилъ такъ, по чувству противорѣчія: до самой смерти онъ любилъ музыку и въ свободную минуту нерѣдко упрашивалъ жену: «барыня! сыграйте что-нибудь»

При всемъ томъ и въ послѣднія десять лѣтъ почтенный историкъ работалъ такъ много, какъ почти ни одинъ писатель въ Россіи. Видя его имя постоянно въ печати и слыша постоянно о томъ, что Костомаровъ боленъ, многіе не хотѣли вѣрить серьезности его страданій и говорили: «если бы боленъ былъ въ самомъ дѣлѣ, то не писалъ бы такъ много».

Но скоро онъ доказалъ смертью, что боленъ былъ «въ самомъ дѣлѣ».

Онъ умеръ, можно сказать, съ перомъ въ рукѣ, подтверждая своимъ примѣромъ слова Бисмарка, заявившаго какъ-то, что онъ долженъ умереть въ парламентѣ, на своемъ посту: «рабочая лошадь должна умереть въ упряжи».

Такъ умеръ и Н. И. Костомаровъ—на своемъ посту.

Д. Л. Мордовцевъ.

ГРАФЪ ВІКТОРЪ СЪЗДЪ

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ.

РОД. 1801 г. † 1874 г.

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ.

род. 1801 г. † 1874 г.

ВЪ УЧИЛИЩѢ ПРАВОВѢДѢНІЯ

въ 1847—1852 гг.

Воспоминанія по поводу 50-лѣтняго юбилея училища.

Х ¹⁾.

При Языковѣ создана была особая должность въ училищѣ—инспектора воспитанниковъ. На эту должность назначенъ былъ Рутенбергъ, подполковникъ артиллеріи, занимавшій до того времени въ артиллерійскомъ училищѣ должность бібліотекаря и преподавателя гиппологіи. Я питалъ къ Рутенбергу глубокое уваженіе и особую симпатію; помнится, и онъ относился ко мнѣ съ особымъ расположеніемъ, называлъ обыкновенно меня не по фамиліи, а по имени и отчеству. Я слыхалъ отъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ правовѣдовъ упреки Рутенбергу, что онъ не педагогъ и его мѣсто не инспектора воспитанниковъ, но они мнѣ вѣжутся несправедливыми. Рутенбергъ представляется мнѣ до сихъ поръ честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ; я высоко цѣнилъ его прямоту, отвращеніе отъ всякихъ дразгъ; жалобъ товарищей другъ на друга и даже жалобъ воспитателей на воспитанниковъ онъ терпѣть не могъ. Рутенбергъ не былъ строгъ съ нами, но постоянно одинаковъ и невозмутимо флегматиченъ. Я живо помню его первое появленіе въ столовой во время завтрака.

Кто-то изъ воспитанниковъ стащилъ пирога, такъ что одному не достало пирога; не получившій заявилъ требованіе; между сидѣвшими за столомъ возникли препирательства, послужившія

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1885 г., т. XLVIII, ноябрь, стр. 436—452; декабрь, стр. 663—678.

къ открытію виновнаго. Рутенбергъ пригрозилъ ему карцеромъ; это не понравилось воспитанникамъ, они начали топать ногами, но Рутенбергъ не обратилъ никакого вниманія на страшный та-раге и не вышелъ изъ себя. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ улегся, все успокоилось. Рутенбергъ, покручивая усы, процѣдилъ съвозъ зубы: „я обстрѣленный, меня этимъ не испугаешь“. Черезъ это воспитанники очутились въ курьезномъ положеніи: цѣль ихъ—вывести изъ терпѣнія Рутенберга—не удалась, онъ не пошелъ ни жаловаться, ни розыскивать виновниковъ, все осталось такъ, какъ-бы между нами ничего не происходило. Поведеніе Рутенберга произвело большой эффектъ и было предметомъ толковъ между воспитанниками. Что Рутенбергъ не любилъ дразгъ и слѣдствій, видно изъ слѣдующаго факта, твердо сохранившагося въ моей памяти.

Мы были уже въ третьемъ классѣ; не помню, кому-то пришло въ голову предложить классу не подходить къ Богословскому подъ благословеніе; предложеніе показалось заманчивымъ и было принято, не встрѣтивъ ни съ чьей стороны возраженій. Входитъ въ классъ Богословскій—всѣ сидятъ по мѣстамъ; онъ привязываетъ читать молитву: ее читаетъ Шишкинъ и садится на мѣсто; никто не двигается за благословеніемъ. Начинается урокъ, все идетъ благополучно, обычнымъ порядкомъ; раздается, наконецъ, звонокъ по случаю окончанія урока; опять читается молитва, но никто не двигается за благословеніемъ. Богословскій оглядывается назадъ и видитъ массу воспитанниковъ другихъ классовъ, упершихся лбами въ стеклянныя двери нашего класса, а за ними толпу другихъ, заглядывающихъ въ классъ; у всѣхъ на лицахъ написано: а что-то будетъ? Богословскій не выдержалъ, потерялъ самообладаніе, разбранилъ насъ и нажаловался начальству. Начальство доложило о случившемся принцу; его высочество приказалъ лишить насъ отпуска впредь до его распоряженія. Казалось бы, дѣло тѣмъ и должно было окончиться, но нашему добрыйшему воспитателю пришла охота доискаться до зачинщика. Каждый вечеръ, являясь въ классъ, производилъ онъ допросы. Случайно проходилъ Рутенбергъ мимо класса, замѣтилъ воспитателя, допрашивавшаго воспитанника, стоявшаго у каеэдры, и, зайдя въ классъ, спросилъ воспитателя: „чѣмъ это вы занимаетесь?“ Нѣсколько сконфуженный, воспитатель пробормоталъ: „ви-

дите ли, я стараюсь разузнать, кто изъ нихъ затѣялъ не подходить къ священнику подь благословеніе“.

— Это зачѣмъ вамъ? Хотите найти паршивую овцу и сдѣлать ее возлищемъ отпущенія? Всѣ вѣдь они не подходили подь благословеніе, ну и нусть всѣ сидятъ безъ отпуса. Оставьте это... и съ этими словами Рутенбергъ вышелъ изъ класса.

Воспитатель послушался добраго совѣта, прекративъ розыскъ, и мы просидѣли шесть недѣль въ училищѣ безъ отпуса до Екатеринына дня, когда снято было съ насъ наказаніе, благодаря Рутенбергу, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій для кого либо изъ насъ.

Рутенбергъ былъ знаткомъ и любителемъ лошадей; онъ издалъ очень недурное руководство къ познанію лошади по наружнымъ признакамъ, хотя оно сильно напоминаетъ сочиненіе Baumeister'a: *Anleitung zur Kenntniss des Aeussern des Pferdes*. Кромѣ того, увѣряли воспитанники, Рутенбергъ былъ большой любитель билліардной игры. Говорили, что Рутенбергъ въ воскресенье, отслушавъ обѣдню вмѣстѣ съ нами въ православной училищной церкви, отправлялся на конную площадь, гдѣ осматривалъ продажныхъ влячъ, и нерѣдко предлагалъ продавцамъ вопросы: „а что ты хочешь за сію рыжую кобылу?“, вовсе не имѣя въ виду не только купить, но и торговать кобылу. Съ конной онъ заѣзжалъ къ Доминику играть на билліардѣ; отъ Доминика возвращался домой къ обѣду. Такъ проводилъ Рутенбергъ или, какъ называли его воспитанники, „Фролка“ воскресные дни. Правда ли это или нѣтъ—не знаю. Фроль—патронъ лошадей; это прозвище дано Рутенбергу въ артиллерійскомъ училищѣ, о чемъ мы узнали отъ самого Рутенберга, и вотъ по какому случаю: двое воспитателей получили прозваніе „топфовъ“, съ какими-то, не совсѣмъ приличными, нѣмецкими приатками; узнавъ свои прозванія, они обидѣлись и пожаловались Рутенбергу. Передъ завтракомъ, когда мы построились, чтобы идти въ столовую, является Рутенбергъ въ сопровожденіи обиженныхъ воспитателей.

— Что это вы, господа, даете за прозванія воспитателямъ, ни на что не похожія. Ну, меня въ артиллерійскомъ училищѣ называли Фроломъ, а вы называете одного воспитателя такимъ топфомъ, а другога—инымъ, такъ что совѣстно произнести; они на васъ жалуются—это чортъ знаетъ что такое... Старшій, командуйте!

Раздалась команда и мы, подсмѣиваясь надъ воспитателями, отправились въ столовую. Еще разъ повторяю, что я сердечно любилъ Фрола, добромъ его вспоминаю и не разъ въ обращеніи съ молодежью слѣдоваль его примѣрамъ и до сихъ поръ не имѣлъ случая въ этомъ раскаяваться.

XI.

Вслѣдъ за учрежденіемъ должности инспектора воспитанниковъ, введено обученіе насъ маршировки и послѣдовало распоряженіе о замѣщеніи должностей воспитателей офицерами. Языковъ завелъ даже барабанъ и одно время онъ билъ утреннюю и вечернюю зорю, по счастью не въ самомъ училищѣ, а на училищномъ дворѣ. Обученіе маршировки производилось послѣ завтрака. Къ намъ приходили унтеръ-офицеры, не помню, какихъ-то гвардейскихъ полковъ; это были профессора шагистики. Каждому унтеръ-офицеру поручалось обученіе чуть ли не десяти воспитанниковъ. Учитель съ учениками избирали себѣ какое нибудь мѣстечко въ залѣ, водворялась тишина, прерывавшаяся то командой: тихимъ учебнымъ шагомъ въ три приѣма, разъ, два, три, то командой—скорымъ шагомъ маршъ и топаньемъ ногъ, разъ, разъ, разъ и т. д. Меня сначала учили вмѣстѣ съ другими, но потомъ отдѣльно; мнѣ въ учителя былъ назначенъ особый унтеръ-офицеръ. Долго длилось мое обученіе, прежде чѣмъ убѣдились, что нѣтъ никакой возможности выучить меня попадать въ тактъ. Такъ на всю жизнь я и остался человѣкомъ безъ такта. Когда окончательно убѣдились въ моей крайней неспособности въ маршировкѣ, меня бросили обучать ей.

Съ поступленіемъ Языкова на должность директора училища многіе старые воспитатели оставили службу въ училищѣ. Изъ воспитателей временъ Пошмана оставалось сравнительно немного. Нѣкоторые изъ нихъ обращали на себя общее вниманіе воспитанниковъ своею своеобразностью. Живо помнится мнѣ воспитатель Мальо. Французъ по происхожденію, Мальо служилъ въ русской военной службѣ, имѣлъ Владиміра съ бантомъ и георгиевскій крестъ за двадцатипятилѣтнюю службу; до поступления въ училище, какъ говорили, былъ дежурнымъ офицеромъ въ Пажескомъ корпусѣ. Специальность Мальо составляла стрижка;

въ столовой Мальо расхаживаль между скамьями, занятыми воспитанниками, запускаль свои руки въ волосы воспитанниковъ, и если они оказывались длинными, то имя обладателя ихъ заносилось въ особый списокъ, а ему Мальо сообщалъ: „mon cher, стригачъ тебя давно ждетъ“. Мальо усердно наблюдалъ, чтобы его совѣты остричь волосы не пропадали даромъ.

Другая специальность его была остричь, и остриля онъ очень своеобразно: то спросить въ столовой во время своего дежурства: „кто желаетъ получить мою порцію?“ И когда съ разныхъ сторонъ раздадутся крики: „я, я, я“—съ его стороны внезапно послѣдуетъ: „и я, mon cher“. То кому либо изъ воспитанниковъ скажетъ: „mon cher, мы съ тобой земляки“. — „Какъ такъ?“ — „Да, mon cher, земляки, потому что по одной землѣ ходимъ“. То объявить новичку, что сегодня солнце въ починеѣ; тотъ смотритъ вытараща глаза на Мальо; „да, mon cher, въ починеѣ солнце, видишь какой сегодня сѣрый, туманный день, все отъ того“. Подобныхъ острогъ и такого же достоинства игры словъ слышалось отъ Мальо множество. Помню, что, будучи студентомъ, какъ то встрѣтился я съ Мальо на улицѣ; послѣ обычныхъ привѣтствій слышу: „а вѣдь я тебя, mon cher, очень люблю“. — „Благодарю васъ, но за что же?“ — „Эхъ, mon cher, ты и теперь, выйдя изъ училища, носишь короткіе волосы; за это, mon cher, и люблю тебя; болѣе не за что мнѣ тебя любить“. Поступивъ въ училище, я засталъ его пожилымъ человѣкомъ; въ настоящее время прахъ его, вѣроятно, давнымъ давно повоюетъ въ землѣ. Нельзя сказать, чтобы воспитанники не любили Мальо, но относились къ нему довольно либерально. Не получивъ хорошаго образованія, Мальо сдѣлался типомъ хорошаго служаки Николаевского времени, — типомъ, нынѣ крайне рѣдкимъ.

Къ числу воспитателей временъ Пошмана слѣдуетъ отнести и воспитателя нашего класса, Кайпша. Къ какой націи онъ принадлежалъ—трудно сказать, точно также трудно опредѣлить—гдѣ онъ получилъ образованіе и какъ оно было обширно. Кайпшъ говорилъ по французски и по нѣмецки. Былъ онъ преподавателемъ географіи, но откуда берутся у насъ географы—это загадка для меня; въ университетахъ нѣтъ кафедры географіи; правда, что тамъ преподается, такъ называемая, физическая географія или, точнѣе, физика земнаго шара и ею студенты обыкновенно занимаются настолько, сколько нужно, чтобы благополучно сдать

экзаменъ. Едва-ли не большинство нашихъ учителей географіи составляютъ неудавшіеся филологи. Былъ ли Кайпшъ неудавшимся филологомъ или нѣтъ — не знаю... Кайпшъ былъ добрый человѣкъ, хотя и пользовался репутаціей недалекаго. Первое время нашего пребыванія въ училищѣ, по субботамъ, послѣ все-нощной онъ приглашалъ нѣсколькихъ воспитанниковъ къ себѣ, угощалъ чаемъ, десертомъ и, видимо, желалъ съ нами поближе познакомиться. Эти приглашенія прекратились со смертію его жены. Кайпшъ овдовѣлъ, когда мы были въ седьмомъ классѣ, вскорѣ послѣ нашего поступленія. Обращеніе Кайпша съ воспитанниками было мягкое, онъ никогда не говорилъ намъ „ты“. Фигура Кайпша была невзрачная, небольшого роста, съ большой головой, прикрытой парикомъ, съ ногами, обезображенными мозолями и шишками. Эта фигура Кайпша была предметомъ глумленія школьничковъ. Помнится, что разъ какъ то, во время посѣщенія училища государемъ Ниволаемъ Павловичемъ, Кайпшу пришлось отворить государю дверь изъ младшаго отдѣленія въ старшее. Государь что то спросилъ Кайпша и, получивъ отвѣтъ, улыбнулся. Эту улыбку государя замѣтили школяры и кому то изъ нихъ пришла фантазія сообщить товарищамъ, что нашъ Кайпшъ будетъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и какъ хорошъ онъ будетъ въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ. Нашлись школяры, рѣшившіеся поздравлять Кайпша съ пожалованіемъ ему камеръ-юнкерства... вмѣсто благодаренія за поздравленія, Кайпшъ отдѣлывался: „тпсъ, ахъ, оставьте“. Кайпшъ не довелъ нашего класса до выпуска; когда я оставлялъ училище, Кайпшъ назначался библиотекаремъ. Кайпша называли „чичемъ“ и воспитанники на мотивъ изъ Роберта распѣвали:

Какъ жилъ чичъ,
 Съ поповной подъ лѣстницею,
 Кормилъ онъ поповну яичницею
 и т. д.

По случайному стеченію обстоятельствъ въ этихъ словахъ скрывалось пророчество. Кайпшъ, какъ мнѣ сообщали, по оставленіи службы въ училищѣ, поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ то на сѣверѣ Россіи, былъ мировымъ посредникомъ, и передъ смертію женился на поповнѣ изъ благодарности, желая ей предоставить свою пенсію. Много лѣтъ до смерти онъ тяжело страдалъ, вслѣдствіе паралича или инаго недуга, и поповна была его garde-

malade. Еще раз повторяю, что Кайпшъ былъ добрый человекъ и едва ли кто изъ правовѣдовъ станетъ утверждать противное.

Изъ воспитателей, поступившихъ въ училище послѣ смерти Пошмана, помнится мнѣ Поповъ. Онъ поступилъ чуть ли не одновременно съ своимъ другомъ Носовымъ, филологомъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ изданіемъ множества руководствъ и пособій для изученія древнихъ языковъ. Въ мое время въ представленіи воспитанниковъ имена Носовъ и Поповъ такъ тѣсно связаны были другъ съ другомъ, какъ имена Monge и Bertollet въ умахъ солдатъ египетской арміи перваго консула. Поповъ, питомецъ педагогическаго института, отлично кончилъ курсъ какъ гимназій, такъ и института; успѣхи его, добытые страшнымъ усидчивымъ зубрежемъ, развили въ немъ самолюбіе до болѣзненности. Эту слабую черту Попова воспитанники тотчасъ подмѣтили и пользовались ею, чтобы безнаказанно курить во время его дежурствъ. Устраивалось это обыкновенно такъ: Поповъ, съ думой на челѣ, вѣроятно, ни о чемъ, рассказываетъ, заложивъ руки за спину, по залѣ. Для курильщиковъ нужно только, чтобы Поповъ не заглянулъ въ классъ, гдѣ они намѣрены расположиться около душника покурить. Съ этой цѣлью товарищи уговариваютъ кого либо отправиться занимать Попова разговорами и отвлекать его вниманіе отъ класса, въ которомъ курятъ, не препятствуя ему заглядывать въ другіе классы.

Не знаю, почему то любилъ занимать бесѣдой Попова Браилко. Обыкновенно Браилко подходилъ къ Попову и начиналъ толковать съ нимъ о скучной и неблагодарной обязанности воспитателя; затѣмъ, постепенно переходилъ къ тому, что хорошо было бы Попову перемѣнить службу и что ему слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, быть вице-губернаторомъ, что и чинъ надворнаго совѣтника (которымъ обладалъ Поповъ) самый къ тому подходящий и т. д. Поповъ таялъ отъ рѣчей Браилко. Такимъ образомъ, бесѣда затягивалась надолго и курильщики могли спокойно выкуривать цѣлыя пушки, а не ограничиваться одной или двумя затяжками. По выходѣ изъ училища я встрѣтился еще разъ съ Поповымъ, будучи на службѣ въ варшавскомъ учебномъ округѣ, и имѣлъ случай повороचे его узнать. Холостая жизнь (онъ и умеръ холостякомъ) сдѣлала его до нѣкоторой степени чудакомъ и богомолкомъ; болѣзненное самолюбіе подъ старость еще болѣе усили-

лось. Русскіе авантюристы, бывшіе на службѣ въ Польшѣ, не любили Попова, считали его педантомъ и формалистомъ. Поляки, хотя и считали его формалистомъ и тяжелымъ человекомъ, тѣмъ не менѣе уважали въ немъ честность убѣжденій, серьезное отношеніе къ дѣлу и безупречное исполненіе долга службы.

Вслѣдъ за состоявшимся распоряженіемъ о замѣщеніи военными воспитательскими должностей, въ училищѣ появилась масса офицеровъ разныхъ родовъ оружія и даже нѣкоторые изъ штатскихъ воспитателей, служившихъ когда то въ военной службѣ, напялили на себя военные мундиры. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ представляли комическія фигуры. Такъ, одинъ изъ нихъ являлся на дежурство въ мундирѣ пѣхотнаго полка и въ широчайшихъ невыразимыхъ, въ родѣ казачьихъ. Другой также въ пѣхотномъ мундирѣ напоминалъ собою баварскихъ офицеровъ, которыхъ мнѣ впоследствии случилось видѣть въ Майнцѣ.

Изъ военныхъ воспитателей, поступившихъ въ училище, ко мнѣ какъ то особенно благоволили артиллеристы. Одинъ изъ нихъ, поручикъ учебной артиллерійской бригады, почему то меня особенно полюбилъ; онъ, какъ говорится, пригрѣлъ меня. Когда его назначили завѣдывать физическимъ кабинетомъ и естество-историческими коллекціями, онъ выбралъ меня въ помощь себѣ для провѣрки каталоговъ и приведенія кабинета въ порядокъ. Это вниманіе съ его стороны льстило моему самолюбію и было почему то особенно пріятно... До сихъ поръ я храню о немъ самое лучшее воспоминаніе и мнѣ всегда доставляетъ большое удовольствіе, если удастся съ нимъ гдѣ либо встрѣтиться и перекинуться нѣсколькими словами.

Другой воспитатель, которому я очень симпатизировалъ, былъ поручикъ гвардейской конной артиллеріи Рейнталь. Это былъ человекъ очень образованный; по окончаніи курса артиллерійскаго училища, онъ вышелъ изъ офицерскихъ классовъ однимъ изъ первыхъ, но по внѣшности былъ очень безалаберный. Являлся на дежурство частенько позже назначеннаго для смѣны времени и чрезъ это вызывалъ неудовольствіе такихъ службистовъ, каковымъ былъ Поповъ. Въ мою бытность въ училищѣ Рейнталь занимался ученіями Лафатера и Галля и по этому случаю, кажется, перещупалъ головы чуть ли не всѣхъ воспитанниковъ. Онъ былъ очень порядочный математикъ, а въ училищѣ занялся переводомъ оды Богъ, Державина, на нѣмецкій языкъ. Говорили, что онъ

сдѣлалъ это отъ скуки, во время дежурствъ. Уже одновременное занятіе математикой, френологіей и переводомъ оды Богъ обличало въ немъ не дюжинный умъ и не заурядныя способности. Впослѣдствіи я встрѣтился съ нимъ въ Царствѣ Польскомъ; онъ занималъ тамъ должность помощника начальника артиллеріи варшавскаго округа и пользовался извѣстностью, какъ знатокъ матеріальной части артиллеріи и изобрѣтатель свѣтящихся ядеръ. Я встрѣтился съ нимъ, когда лѣта, а главное—потеря жены нѣсколько поугомонили его. Про него мнѣ довелось много слышать анекдотовъ, которымъ и не повѣрилъ бы, если бы не былъ увѣренъ въ правдивости рассказчиковъ.

Были въ училищѣ воспитатели, нелюбимые воспитанниками, но такихъ было очень немного: одинъ, два и обчелся. Я рѣшительно не могу, да и не могъ себя объяснить, за что именно они пользовались общимъ нерасположеніемъ нашимъ.

Расположеніе или нерасположеніе воспитанниковъ къ кому либо изъ воспитателей выражалось воспитанниками довольно своеобразно.

Если дежурилъ воспитатель, котораго любили воспитанники, то въ рекреационное время собирались они около столика, поставленнаго въ залѣ для дежурнаго; шли толки о разныхъ предметахъ и т. д. Если онъ прохаживался по залѣ, то и тутъ нѣсколько человѣкъ его сопровождало и бесѣдовало съ нимъ. Помню, какъ то разгуливая съ Андреевымъ по залѣ, у насъ зашла рѣчь о чемъ то изъ геометріи. Разговоръ окончился обѣщаніемъ Андреева принести мнѣ книжку Terquem'a. — „Да что и говорить, сударь ты мой, книжка хорошая, почитай ее, въ ней и портеи пифагоровы выкроены на иной ладъ“. И дѣйствительно, въ ней нашелъ я очень простое доказательство всѣмъ извѣстной теоремы Пифагора. Видимо, воспитанники старались занимать и развлекать любимаго воспитателя.

Если дежурилъ воспитатель, не пользовавшійся расположеніемъ воспитанниковъ, то никто къ нему не подходилъ, никто съ нимъ не разговаривалъ, всѣ относились къ такому хотя вѣжливо, но сухо, официально, а между тѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, при малѣйшей оплошности съ его стороны, готовы были устроить ему какую нибудь школьную продѣлку.

Наконецъ, былъ еще одинъ воспитатель, котораго воспитанники въ извѣстной степени любили, но съ которымъ не пуска-

лись въ собесѣдованіе—ужь больно обидчивъ былъ... Про него говорили воспитанники, скажи ему: „Александръ Ивановичъ, сегодня скверная погода“, Александръ Ивановичъ обидится; скажешь ему: „сегодня у меня брюхо болитъ, позвольте отправиться въ лазаретъ“—и Александръ Ивановичъ обидится. Что ни скажи ему—все обижается. Не взирая на это, всѣ считали Александра Ивановича благороднымъ человѣкомъ.

Относясь подобнымъ образомъ къ воспитателямъ, мы не знавали, что служба ихъ далеко не легкая, въ особенности при такомъ суетливомъ директорѣ, какимъ былъ Языковъ. Впрочемъ, мнѣ говорили, что въ царствованіе императора Александра II Языковъ сдѣлался неузнаваемъ, совершенно инымъ человѣкомъ, въ особенности послѣ того, какъ побывалъ не разъ за границей.

XII.

Мнѣ слѣдуетъ сказать хоть нѣсколько словъ о жизни воспитанниковъ въ стѣнахъ училища и при этомъ, прежде всего, является вопросъ: каково то мнѣ жилось въ нихъ? И на такой вопросъ я могу спокойно отвѣтить, что тамъ прошли лучшіе годы моей жизни, что нигдѣ и никогда мнѣ не жилось такъ хорошо, какъ въ училищѣ, не взирая даже на то, что первые два или три мѣсяца мнѣ приходилось тяжело. Приставанье съ вопросами: „какъ ваша фамилія“, „отчего вы такой толстый“, „зачѣмъ у васъ круглая фізіогномія, какъ у луны въ полнолуніе?“, все это, конечно, надоѣдало и досадовало. Но какъ всему на свѣтѣ есть конецъ, такъ и насталъ конецъ приставанью и тогда я могъ сказать, что аклиматизировался въ училищѣ. Съ товарищами по классу я скоро поладилъ и между нами скоро установились нормальныя отношенія и эти нормальныя отношенія вслѣдъ затѣмъ установились между мною и воспитанниками другихъ классовъ. Эти отношенія можно характеризовать словами: „égalité“ и „fraternité“. Въ училищѣ мы всѣ были равны и говорили другъ другу „ты“. Языковъ пытался уничтожить между нами égalité, выдумавъ кромѣ старшаго воспитанника, бывшаго въ каждомъ классѣ, еще и подстаршихъ, но это ни къ чему не повело. Помнится, что одинъ старшій сокрушался о томъ, что онъ лишень всякой власти и

положеніе его чрезъ это хуже собаки—что подало поводъ товарищамъ прозвать его фельдфебелемъ, завидующимъ собакамъ.

Но обращаюсь къ прерванному разсказу о моемъ житьѣ-бытьѣ.

По воскресеньямъ и праздникамъ ходилъ я къ одному священнику. Сынъ его, по лѣтамъ гораздо старше меня, былъ въ университетѣ и обыкновенно во дни отпусковъ являлся за мной въ училище. У священника я встрѣчалъ студентовъ, приходившихъ къ его сыну; то были по большей части юристы и тутъ то мнѣ пришлось услышать, что правовѣды составляютъ особую касту, что это баричи, баловни судьбы и, не взирая на то, что по образованію и по познаніямъ они несравненно ниже стоятъ студентовъ юридическаго факультета, все таки на службѣ садятся этимъ послѣднимъ на шею и имѣютъ предъ ними преимущество; что всѣмъ они обязаны единственно протекціи и связямъ. Я слушалъ совершенно спокойно подобныя толки и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что въ извѣстномъ слѣѣ нашего общества скрывалось недоброжелательство къ правовѣдамъ и нерасположеніе къ училищу. Правовѣдское *Respite finem* мозолило многимъ глаза.

Жизнь въ училищѣ изо дня въ день протекала довольно однообразно. День проходилъ въ занятіяхъ, свободное время—въ играхъ: въ мячъ, лапту, пятнашки, и разнообразилась она подчасъ какою нибудь выходкою отчаяннаго школьника, за которую раба Божія выдерутъ. Операцию эту производилъ въ спальнѣ старшій надъ дядьками Кравченко, въ присутствіи кого либо изъ воспитателей. Воспитанники относились къ этому наказанію, впрочемъ, довольно рѣдко налагаемому, очень своеобразно. Подвергнутый наказанію въ ихъ мнѣніи ничего не терялъ,—отношенія къ нему товарищей не измѣнялись. Всѣ какъ бы сознавали, что на то и начальство, чтобы драть нашего брата за шалости, но не слѣдуетъ драть за пустяки.

Дядя Мотя, такъ звали одного изъ моихъ пріятелей, говаривалъ: „скверно, братъ, что дерутъ, а еще хуже, когда приходится собственной марфутвой отдуваться; ну, не попадайся“.

Помнится мнѣ только одинъ случай сѣченія, всѣхъ насъ возмутившій; это—когда Языковъ воспитанника, предназначеннаго къ исключенію, высѣлъ предъ всѣмъ младшимъ отдѣленіемъ, построеннымъ въ залѣ. Воспитанники, если и равнодушно относи-

лись къ сѣченію, то все таки не желали быть свидѣтелями этихъ операций.

Подъ часть нормальное теченіе жизни нарушалось жалобами воспитанниковъ на дурной столъ, по правдѣ сказать, въ большинствѣ случаевъ неосновательными. Помнится, что, будучи уже студентомъ, зашелъ я въ училище навѣстить пріятеля и попалъ какъ разъ вскорѣ послѣ того, какъ заявлены были воспитанниками жалобы на дурной столъ. Швейцаръ, вызвавъ внизъ, въ пріемную, моего пріятеля, не утерпѣлъ, чтобы не замѣтить: „вотъ они съ (относилось ко мнѣ), какъ вышли на собственное продовольствіе, такъ похудѣли, а наши господа не довольны пищей, поди угоди на нихъ“... Повторяю, въ училищѣ кормили насъ весьма и весьма недурно, что, впрочемъ, любителямъ покушать не мѣшало посылать дядекъ за пеклеванникомъ, двѣнадцати копѣечною колбасою, за сардинками, пирожками и т. п. Былъ у меня товарищъ, ухитрившійся какъ то на масляницѣ протащить въ классъ горпечекъ съ икрой и блины. Съ нимъ тогда случился такой казусъ; преподаватель забрался на кафедру, а онъ, намазавъ блинъ икрой, отправлялъ его въ ротъ. Замѣтилъ это преподаватель или нѣтъ, только вызываетъ любителя блиновъ. Встаегъ Щ., не успѣвъ проглотить блинъ, и не можетъ вымолвить ни слова. Преподаватель, видно, сжалился надъ нимъ: „сидите, произнесъ онъ не безъ ироніи, вижу, первый блинъ комомъ...“

Иногда на недѣлѣ посѣщаль училище его высочество принцъ Ольденбургскій и при встрѣчѣ спрашивалъ меня—какъ твоя фамилія, кто это: Тиньвовъ, Тырковъ, Тютчевъ? и каждый разъ, когда принцъ бывалъ въ училищѣ, онъ считалъ своею обязанностью посѣтить лазаретъ, навѣстить больныхъ.

Послѣ крещенія, или около первыхъ чиселъ февраля, жизнь наша разнообразилась ожиданіемъ государя. Въ ожиданіи его величества, послѣ завтрака въ часть мы шли въ спальню и надѣвали новое платье; если посѣщенія не было, то послѣ уроковъ снова переодѣвались въ старое.

Въ особенности памятно мнѣ одно посѣщеніе училища государемъ Николаемъ Павловичемъ; это было, если не ошибаюсь, въ 1850 году, и вотъ по какому случаю оно мнѣ памятно. Николай Павловичъ на этотъ разъ остался очень доволенъ учили-

щемъ и велѣлъ насъ распустить по домамъ чуть ли не на три дня. Въ числѣ воспитанниковъ, не имѣвшихъ родственниковъ или, точнѣе, пристанища въ городѣ, былъ С., прозывавшійся, не помню хорошенько, гусемъ или тумбой, кажется гусемъ. Этотъ гусь, на другой день послѣ посѣщенія училища государемъ, выпросилъ у начальства позволеніе сходить въ Казанскій соборъ помолиться Богу. Изъ собора гусь отправился погулять и, встрѣтивъ прогуливавагося государя, обратился съ просьбой опредѣлить его въ военную службу. Государь, выслушавъ его благоклонно, приказалъ отправиться въ училище и обо всемъ доложить начальству. Языковъ отъ разсказа гуся пришелъ въ негодаваніе и ужасъ, приказалъ тотчасъ же гуся запереть въ карцеръ; оставшіеся товарищи, узнавъ о случившемся, сочли своимъ долгомъ наградить гуся кто пинькомъ, кто въ шею, а кто и просто затрепиной, куда попало. Начальство, продержавъ нѣсколько дней въ карцерѣ, выпустило гуся на свободу, объявивъ ему, что онъ воленъ летѣть на всѣ четыре стороны и что его никто въ училищѣ не задерживаетъ. Гусь упорхнулъ отъ насъ и по прошествіи нѣкотораго времени показался намъ въ мундирѣ гренадерскаго австрійскаго полка, съ юнкерскими обшивками на погонахъ. Что съ нимъ сдѣлалось впослѣдствіи—мнѣ неизвѣстно.

Въ моей памяти сохранилось еще посѣщеніе училища министромъ юстиціи графомъ В. Н. Панинымъ. Не помню только, по какому случаю оно имѣло мѣсто. Графъ пріѣхалъ въ сопровожденіи директора департамента Топильскаго. Насъ выстроили въ залѣ, вошелъ графъ, поразившій насъ громадностью роста въ сравненіи съ директоромъ департамента, человѣчкомъ очень небольшого роста. Графъ о чемъ то намъ ораторствовалъ и въ своей рѣчи не разъ обращался къ директору департамента съ вопросами: „не такъ ли это, что я говорю?“ и т. п. Вслѣдъ за посѣщеніемъ графа въ училищѣ начали циркулировать разные анекдоты, основанные на курьезныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ въ то время между министромъ юстиціи и директоромъ департамента.

Вслѣдствіе ли однообразія училищной жизни или по другимъ причинамъ, воспитанники ожидали съ нетерпѣніемъ нѣкоторыхъ праздниковъ. Такъ, на примѣръ, ожидался храмовой праздникъ—день св. Екатерины, 24 ноября. День этотъ праздновался

въ училищѣ особенно торжественно. Богослуженіе совершалъ кто либо изъ архіереевъ, пребывающихъ на чредѣ въ Петербургѣ. Къ обѣднѣ пріѣзжалъ принцъ, лица близкія къ его высочеству и бывшіе воспитанники. Посѣтители училища въ этотъ день бывали въ мундирахъ и представляли собой пренарядную толпу, хотя въ годъ моего поступленія и во всѣ годы пребыванія въ училищѣ ни на одномъ изъ бывшихъ воспитанниковъ не было ни сенаторскаго мундира, ни мундира члена государственнаго совѣта. За храмовымъ праздникомъ слѣдовала годовщина основанія училища, пятаго декабря, и въ этотъ день посѣщали училище принцъ и кто либо изъ бывшихъ воспитанниковъ; совершалось молебствіе настоятелемъ церкви Богословскимъ.

Во второй половинѣ декабря мѣсяца между воспитанниками шли толки о томъ, когда насъ распустятъ на рождественскіе праздники. Обыкновенно насъ распускали 22 или 23 декабря и предъ самымъ отпускомъ читали намъ изъ года въ годъ одно и то же посланіе. Въ этомъ посланіи намъ предписывалось вести себя прилично, соблюдать правила, напечатанныя на оборотѣ отпускнаго билета, носить его между 3-ей и 4-ой пуговицами мундира и т. п., а въ заключеніе говорилось: „кто не боится всевидящаго ока Божія, тотъ да знаетъ, что всѣ мѣры приняты къ тому, чтобы проступки виновныхъ не укрылись отъ бдительности начальства, а сами виновные не ускользнули отъ заслуженной ими кары“.

Рождество считалось самымъ дорогимъ праздникомъ: воспитанники могли вдоволь повеселиться, побывать въ театрѣ. Любимымъ театромъ былъ Михайловскій; въ немъ намъ дозволялось быть на балконѣ, тогда какъ въ другихъ театрахъ мы могли быть только въ ложахъ. Изъ Михайловскаго театра воспитанники приносили въ училище водевильные куплеты и восхищенія какою нибудь m-lle Milla или m-r Pechena.

Наступалъ новый годъ, за нимъ слѣдовала масленица, а на первой недѣлѣ великаго поста въ училищѣ происходило говѣніе. Говѣли мы цѣлую недѣлю, на исповѣдь воспитанники младшаго отдѣленія ходили въ четвергъ, а старшаго въ пятницу, приобщались же всѣ въ субботу. Обыкновенно передъ исповѣдью Богословскій говорилъ проповѣдь. Собраніе этихъ проповѣдей было издано впослѣдствіи подъ заглавіемъ: „Приготовленіе къ благо-

говѣйному принятію Святыхъ Таинъ“. Послѣ исповѣди шли между воспитанниками толки, что спрашивалъ Богословскій. Началось слышать, что на вопросъ: „не ругалъ ли меня?“ воспитанникъ отвѣчалъ: „грѣшенъ“. Что вело къ новому вопросу: „а какъ?“ „Да козломъ, батюшка“, и т. п. Иногда исповѣдь влекла за собою эпитимію — власть ежедневно понѣскольео поклоновъ. Помню, что какъ-то во время говѣнія, нѣсколько человекъ попались въ куреніи, а можетъ быть и Богословскій пожаловался, что отъ нихъ на исповѣди разило табачищемъ. Начальство распорядилось виновныхъ оставить безъ отпусковъ на цѣлый постъ, спороть галуны съ ихъ мундировъ и заставило ихъ на страстной недѣлѣ еще разъ говѣть и исповѣдаться.

Пасху мы встрѣчали въ училищѣ, гдѣ и разгавливались. Къ концу утрени пріѣзжалъ принцъ и христосовался съ каждымъ воспитанникомъ. Каждый изъ насъ цаловалъ сначала правую, а затѣмъ лѣвую щеку его высочества; дѣлалось это необычайно быстро: мы циркулировали мимо принца, подходившіе образовывали длинный хвостъ, а похристосовавшіеся сейчасъ же занимали въ церкви свои мѣста, чтобы слушать литургію.

Послѣ Пасхи наступало время экзаменовъ. Выпускныхъ воспитанниковъ еще до Пасхи увольняли на житье внѣ училища. Одно время было въ модѣ выносить на креслѣ профессоровъ, читавшихъ послѣднюю лекцію и съ которыми предстояло разстаться. Сначала практиковалъ это только выпускной классъ, но ихъ примѣръ оказался заразительнымъ и мы, будучи въ 4-мъ классѣ и слѣдуя ихъ примѣру, выносили своихъ преподавателей и даже вынесли учителя рисованія, но не на креслѣ, а на подставкѣ для гипсовыхъ фигуръ, приносимыхъ на уроки рисованія. Долго онъ не соглашался сѣсть, долго его упрасивали, прежде чѣмъ усадили, и съ шумомъ пронесли черезъ залъ. Бѣдняга все боялся, что его уронять.

Послѣ экзаменовъ бывали въ училищѣ акты, болѣе или менѣе торжественные. Передъ торжественнымъ актомъ Языковъ дѣлалъ не одну, а нѣсколько репетичекъ. На репетичкахъ (бывшихъ тогда въ большой модѣ въ военномъ мірѣ) онъ указывалъ, гдѣ мы должны стоять, какъ переходить съ одной стороны залы на другую, когда отвѣсить поклонъ и т. п. На актъ являлись окончившіе курсъ, обыкновенно въ мундирахъ, по большей части

сенатскихъ. Читали приказъ объ опредѣленіи ихъ на службу. Перешедшимъ въ первый классъ его высочество раздавалъ шпаги, затѣмъ, удостоеннымъ награды — медали, книги и похвальные листы и проч. Помнится мнѣ, что послѣ одного изъ актовъ насъ возили на дачу къ его высочеству. Путешествіе совершенно было на яликахъ на Каменный островъ; тогда и помину не было о пароходныхъ сообщеніяхъ Лѣтняго сада съ островами. На дачѣ его высочества мы рѣзвились и играли какъ у себя дома, ходили по конюшнямъ, смотрѣли пони; любители парнаго молока, забравшись въ коровникъ, отвѣдали и его. Воспитатели пробовали насъ удерживать отъ черезчуръ безцеремоннаго хозяйничанья, но встрѣтили оппозицію не только съ нашей стороны, но и со стороны его высочества. Добрѣйшій принцъ смотрѣлъ на насъ, если не какъ на членовъ своей семьи, то какъ на самыхъ дорогихъ гостей. Такъ изъ года въ годъ протекало время пребыванія въ училищѣ.

Honeste vivere, neminem ledere, suum cuique tribuere, вотъ девизъ питомца училища правовѣдѣнія. Мнѣ можетъ быть возражать: пеужели же между правовѣдами нѣтъ и не было дурныхъ людей? На это отвѣчу пословицей: въ семьѣ не безъ урода. Да, къ сожалѣнію, есть и между правовѣдами недостойные люди, но сравните ихъ число съ числомъ почтенныхъ дѣятелей изъ правовѣдовъ, достигшихъ высшихъ государственныхъ должностей, управляющихъ правосудіе или трудящихся на иныхъ, болѣе скромныхъ, поприщахъ, и вы увидите, что нравственныхъ уродовъ вышло изъ училища правовѣдѣнія весьма немного.

Исторія оцѣнить заслуги принца Петра Георгіевича по отношенію къ Россіи и въ числѣ ихъ не забудетъ, что ему училище правовѣдѣнія обязано своимъ существованіемъ. Эта же безпристрастная исторія отдастъ должную справедливость и питомцамъ училища, посвятившимъ всѣ свои силы и способности на служеніе отечеству.

И. А. Тютчевъ,
директоръ с.-петербургской земледѣльческой колоніи.

Ноября 19 дня
1885 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. П. БЪЛЯЕВА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ СЪ 1803 ГОДА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІІ ¹⁾.

Переѣздъ въ имѣніе Л. К. Нарышкина.

Пріѣхавъ въ имѣніе, я засталъ Льва Кириловича Нарышкина уже возвратившимся. Онъ очень радъ былъ моему пріѣзду и познакомилъ меня со своимъ главнымъ управляющимъ, Дм. Алексѣев. Кругликовымъ. Это былъ господинъ представительный, очень умный и очень образованный, имѣвшій около Тамбова свое имѣніе. Онъ прежде служилъ въ военной службѣ, за дуэль былъ разжалованъ, а дослужившись до офицерскаго чина, какъ и мы съ братомъ, вышелъ въ отставку. Жена его была *grande dame*, принадлежала къ лучшему кругу общества по воспитанію и образованности. У нихъ было очень много дѣтей, которыя прибавлялись ежегодно, а такъ какъ имѣніе ихъ въ 200 или 300 душъ было очень разстроено, то онъ рѣшился принять мѣсто управляющаго. Это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, хорошій хозяинъ и благодѣтельный представитель неограничен-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX, сентябрь, стр. 1—42; декабрь, стр. 823—850. Изд. 1881 г., т. XXX, январь, стр. 1—26; мартъ, стр. 487—518; апрѣль, стр. 799—838; томъ XXXI, июль, стр. 327—370; томъ XXXII, сентябрь, стр. 1—46; октябрь, стр. 251—286; декабрь, стр. 679—740. Изд. 1884 г., т. XLII, апрѣль, стр. 67—86; май, стр. 303—324. Изд. 1885 г., т. XLV, мартъ, стр. 658—670; т. XLVIII, декабрь, стр. 551—568.

ной помѣщичьей власти той эпохи. Понятно, что съ такимъ управляющимъ Л. К. никогда бы не разстался, какъ онъ и говорилъ. Мы съ нимъ объѣхали все имѣніе; онъ познакомилъ меня съ порядкомъ управленія, конторскою отчетностью, вполне рациональною и современною, хотя очень сложною. Переговоры съ Л. К. были очень кратки, такъ какъ я поступалъ на всѣхъ правахъ и на всемъ матеріальномъ и денежномъ положеніи прежняго управляющаго. По окончаніи всего, Л. К. уѣхалъ въ имѣніе жены Пензенской губ., а оттуда въ Петербургъ. Съ прежнимъ управляющимъ мы пробыли еще недѣлю, въ теченіи которой пріѣхала его жена, чтобы взять свои вещи; для перевозки вещей я далъ подводы, а для нихъ лошадей и карету. Возвратившись въ свое имѣніе, его постигла скорѣ несчастная и загадочная смерть. Совершенно здоровый онъ вышелъ изъ дома на обычную свою прогулку и уже не возвратился, бросились его искать и нашли сидящимъ на берегу рѣки мертвымъ. Домъ, занимаемый имъ въ Падахъ, былъ уже очень ветхій и Л. К. приказалъ для меня построить новый въ два этажа, а до его постройки передалъ намъ съ женой свой, въ которомъ помѣщеніе было роскошное. Въ имѣніи была огромная каменная оранжерея, фруктовый садъ съ шпанскими и другихъ сортовъ вишнями; въ двухъ отдѣленіяхъ оранжереи были персики, абрикосы, лимонныя и померанцевыя деревья съ плодами. Содержаніе мое было 1800 р. жалованья, а потомъ 3000 р., провизія и пр. У насъ въ Саратовѣ была очень хорошая мебель, которую Л. К. купилъ, чтобы меблировать мой домъ, который былъ готовъ къ слѣдующей осени; всевозможные экипажи: кареты, коляски, дроги, дрожки; полная конюшня лошадей; словомъ, тутъ для меня, бѣдняка, было все, что нужно для жизни богатаго человѣка; оставалось трудиться на пользу своего довѣрителя и для благоденствія ввѣренныхъ мнѣ тысячь душъ меньшихъ братій нашихъ и трудиться съ наслажденіемъ.

Домъ Л. К. Нарышкина, въ которомъ мы и начали свою новую жизнь, былъ въ два этажа; комнать, хотя было и немного, не болѣе десяти, но для нашей маленькой семьи домъ былъ даже великъ. Зимой пріѣзжалъ къ намъ гостить тесть мой съ дочерью; весной гостили у насъ сестры; такъ что мы рѣдко бывали одни. Лѣтомъ пріѣхалъ Л. К. и мы тогда заняли докторскій флигель, а къ осени перешли въ свой новый домъ. Тамъ жена моя родила и роды были такъ тяжелы, что за ними послѣдовала родильная горячка и она въ ноябрѣ, черезъ два года нашей жизни въ Падахъ, скончалась въ страшныхъ страданіяхъ и я снова остался одинокимъ. Но мои добрыя сестры снова пріѣхали

ко мнѣ; конечно, скорбь моя была очень велика, но присутствіе сестеръ, дѣятельная жизнь, развѣзды поддерживали меня.

Дѣятельность моя по управленію была очень обширна; Л. К. возложилъ на меня полное переустройство имѣнія. Я началъ съ того, что прежде всего занялся рациональнымъ устройствомъ земли, которой было въ этомъ имѣніи 102 тыс. десятинъ; я всю землю разбилъ на участки, засѣвая по одной десятой участка сряду три года, а на четвертый земля залужалась на 10 лѣтъ. Такимъ способомъ посѣвъ постоянно производился на твердой землѣ безъ малѣйшаго истощенія; это собственно для пшеницы и проса, озимыя же остались на прежней трехпольной системѣ съ урочной, огульной работой всего общества на особомъ участкѣ близъ усадьбы, гдѣ было гумно, амбары молотильные, сарай, сушильни, рига, куда помѣщался хлѣбъ въ снопахъ на случай дождей. Вся пшеница на залежной землѣ, убиравшаяся наймомъ или изполу и въ случаѣ урожая, молотилась для успѣшности на многихъ токахъ разомъ, лошадьми, такъ какъ у крестьянъ нашихъ не было въ нихъ недостатка. Такъ какъ имѣніе тянулось на 100 верстъ слишкомъ, то оно раздѣлялось на три отдѣльныхъ экономіи: Падовская главная, Гусевская и Сергіевская. За исключеніемъ ихъ вся земля раздѣлялась на пастбищную для 30 т. овецъ, распределенныхъ по многимъ овчарнямъ во всѣхъ трехъ экономіяхъ. Тиролецъ овчарь жилъ при Сергіевскомъ заводѣ, но завѣдывалъ всѣми тремя овчарнями. Затѣмъ было отведено большое количество земли подъ сѣнокосъ, убиравшійся наймомъ съ предварительной наемкой съ осени до слѣдующаго сѣнокоса, когда косцы являлись по полученіи повѣстки.

При имѣніи былъ винокуренный заводъ, переработывавшій рожь въ спиртъ, сплавляемый Хопромъ въ Донъ, куда онъ подряжался. Въ то время, когда четверть ржи была 2 р. или 2 р. 50 к., заводъ былъ выгоденъ, но все же онъ не могъ переработать всего хлѣба, произведеннаго имѣніемъ. Мельница-крупчатка на Хопрѣ имѣла 22 постава съ толчеей и сукновальней. Сперва она была въ управленіи конторы, а потомъ сдана въ аренду за 4,000 руб. Имѣніе это состояло изъ 5,000 душъ, и прежде было на оброкѣ. Крестьяне имѣли по 10 десятинъ на душу и платили по 10 руб. съ души. Но такъ какъ на нихъ накопилась большая недоимка, то Л. К. всѣхъ недоимщиковъ обратилъ на барщину, что, конечно, имъ крѣпко не понравилось; это было задолго до меня. Барщина при управляющихъ, предшествовавшихъ послѣднему, Д. А. Кругликову, который былъ человѣкъ либеральный и человѣколюбивый, была очень тяжела и выполнялась такъ строго, что одинъ изъ прежнихъ управляющихъ, ѣздивши по рабо-

тамъ, въ ящикѣ подъ дрогами возилъ пучки розогъ, и немилосердно сѣкъ за всякую провинку на мѣстѣ, а сверхъ того прихожая конторы по вечерамъ безпрестанно оглашалась воплями несчастныхъ подъ розгами. При Кругликовѣ все это прекратилось, но какъ барщина продолжалась, то понятно, что она была имъ ненавистна, да и бѣдняки могли ожидать, что опять можетъ поступить такой же строгій управляющій.

Въ одинъ прекрасный день, въ послѣдствіи дѣйствительно оказавшійся для нихъ прекраснымъ, барщинскіе пришли ко мнѣ съ просьбой обратиться ихъ снова на оброкъ, а когда я сказалъ имъ, что помѣщикъ сдѣлалъ уже большія затраты на устройство пашни, постройку амбаровъ и ригъ, покупку машинъ и проч., и потому не согласится ихъ снова отпустить на оброкъ, на это возраженіе они предложили принять на себя работы по запашкѣ, но только не барщиной, а огуломъ всѣмъ обществомъ. Тогда я имъ представилъ всю несообразность такого обязательства, съ которымъ они придутъ въ полное и окончательное раззореніе, платя оброкъ, который вы теперь не платите, выполняя трехдневныя работы. Тогда они заявили мнѣ, что вся вотчина беретъ на себя ихъ работу, и черезъ нѣсколько дней все общество съ ихъ стариками и старостами явилось ко мнѣ и подтвердило ихъ согласіе всѣмъ обществомъ, круговою порукою, выполнять бывшую господскую запашку, которая для всѣхъ пяти тысячъ душъ была, конечно, ничтожна. Тогда я согласился просить Л. К. исполнить ихъ желаніе. Сначала Л. К. долго не соглашался, увѣренный, что оброчная недоимка еще болѣе увеличится и тогда снова придется все ломать, но я также упорно стоялъ за ихъ просьбу, доказывая ему, что онъ еще выиграетъ, но никакъ не проиграетъ. Тогда онъ, наконецъ, согласился, написавъ мнѣ, что соглашается, «но смотрите, не ошибитесь въ своей довѣренности». Когда я объявилъ вотчинѣ, что желаніе ихъ исполнилось и барщина уничтожена, надо было видѣть ихъ радость и благодарность, и дѣйствительно въ теченіи многихъ лѣтъ они добросовѣстно выполняли взятыя на себя обязательства. Правда, что кромѣ запашки всѣ другія работы, ими выполняемыя, которыхъ пропасть въ такомъ имѣніи, какъ-то: запрудка мельницы на Хопрѣ, работы на винокуренномъ заводѣ, подвозка хлѣба, рубка лѣса и дровъ для экономіи, пастухи при 30 т. овецъ, которыхъ было до 100 человекъ, ихъ стрижка бабами, все уже дѣлалось наймомъ отъ конторы. Когда эта мѣра увѣнчалась успѣхомъ, Нарышкинъ уже не зналъ, какъ благодарить меня.

Въ то же время мнѣ прибавилась еще новая работа, управленіе Заволожскимъ имѣніемъ въ 40 т. десятинъ. Вотъ какъ это случилось.

Нарышкинъ бывши въ Петербургѣ, получилъ отъ управляющаго за Волгой письмо, въ которомъ онъ просилъ уволить его и прислать другаго управляющаго. Л. К. былъ страшно вспыльчивъ и подозрителенъ и ему сейчасъ представилось, что управляющій уходилъ вслѣдствіе интригъ заволжскаго прикащика Плаксина, очень умнаго и дѣльнаго человѣка, знатока въ земляхъ и степномъ хозяйствѣ. Ему же еще прежде поручено было отводъ и принятіе во владѣніе Л. К. всѣхъ 40 т. десятинъ, и онъ добросовѣстно и со знаніемъ дѣла выполнялъ порученіе господина; вся земля оказалась превосходною. Получивъ письмо, Нарышкинъ пришелъ въ такую ярость, что тотчасъ же письмомъ изъ Петербурга просилъ мѣня съѣздить за Волгу, поставить другаго управляющаго, а Плаксина немедленно отдать въ солдаты, если годенъ, а негоденъ—не въ зачетъ, а надо не забыть, что Плаксину было 40 лѣтъ, и что онъ имѣлъ жену и дѣтей. Вотъ какъ ужасна была безконтрольная власть господина надъ его крѣпостными рабами, данная закономъ! Какъ безнравственна, и какое поощреніе давалъ этотъ законъ всѣмъ дурнымъ страстямъ нашей искаженной природы! Я взялъ съ собой новаго управляющаго, рекомендованнаго мнѣ почтмейстеромъ изъ почтовой конторы, который служилъ у него писаремъ по найму, отставнаго кандидата, и отправился за Волгу. Когда я пріѣхалъ въ имѣніе, то увидѣлъ, что управляющій ушелъ отъ Нарышкина къ графу Несельроде изъ корыстныхъ видовъ, большаго жалованья, и что Плаксинъ совершенно невиновенъ. Я опредѣлилъ новаго прикащика, а Плаксину велѣлъ явиться въ Пады, гдѣ было главное управленіе и приставилъ его пока надзирателемъ винокуреннаго завода, не исполнивъ ни одной резолюціи Л. К., который былъ такъ благороденъ и справедливъ, что еще поблагодарилъ меня за то, что отвелъ его отъ вопіющей неправды. Вмѣстѣ съ этимъ онъ ввѣрилъ мнѣ главное управленіе и заволжскимъ имѣніемъ, состоявшимъ, кромѣ 40 т. десятинъ, изъ двухъ или трехъ сотъ пензенскихъ крестьянъ Чембарскаго уѣзда, переселенныхъ туда изъ имѣнія жены его Маріи Вас. Нарышкиной, урожденной княжны Долгоруковой, и сказалъ, что передастъ мнѣ въ управленіе всѣ имѣнія, что потомъ и послѣдовало. Падовская вотчина раздѣлялась на три части и въ каждой былъ особый управляющій, зависѣвшій отъ главной Падовской конторы только отчетностью. За управленіе заволжскимъ имѣніемъ онъ положилъ мнѣ гонораромъ 10% съ чистаго дохода и 5% съ рубля, если я найду покупателя на эти земли.

Не прошло и года какъ новый прикащикъ оказался негоднымъ и уже въ Балаконтѣ устроилъ для себя какую-то аферу. Я его сейчасъ

смѣнилъ, а когда Л. К. затруднялся кого туда опредѣлить, я написалъ ему, что назначаю туда того самаго опальнаго Плаксина, который былъ тамъ прежде, какъ человѣка очень способнаго, а его поведеніе и надзоръ за его дѣйствіями бралъ на свою отвѣтственность. На слѣдующей же почтѣ получаю отъ Л. К. письмо, въ которомъ онъ пишетъ: «согласенъ поставить Плаксина, если вы беретесь наблюдать за нимъ, но смотрите, не ошибитесь!» Я тотчасъ же призвалъ Плаксина, объявилъ, что назначаю его прикащикомъ. Онъ былъ очень тронутъ моимъ заступленіемъ, что я защитилъ его, и общалъ стараться всѣми силами оправдать себя. Заволжскія земли были превосходнаго качества черноземъ, но онъ былъ очень мелокъ, имѣлъ глинистую подпочву, а потому первый хлѣбъ по пластамъ или нови родился превосходно, давая по 15 или 16 мѣшковъ 8 пудоваго вѣса, тогда какъ цѣна бѣлотурки была по 1 р. 50 к. высшій сортъ и дороже; но по обороту, какъ дѣлали тамъ прежде, она уже давала мѣшковъ 5 или около пяти; значитъ въ сложности доходъ уменьшился и расходъ поглощалъ весь валовой доходъ, особенно при среднемъ урожаѣ, такъ какъ обработка, посѣвъ, уборка и доставка на пристань все дѣлалось наймомъ. Увидѣвъ все это изъ отчетовъ, я попробовалъ, посоветывавшись съ Плаксинымъ, сряду два года такой сильный хлѣбъ, какъ пшеница-бѣлотурка, не сѣять, наоборотъ, замѣнить этотъ годъ пластами и уже сѣять по перележавшему два года обороту. Мѣра эта оказалась полезною и на слѣдующій же годъ мы уже послали съ Заволожья 8,000 р. чистаго дохода. Не получая прежде ни копѣйки, этотъ ничтожный доходъ такъ порадовалъ Нарышкина, что онъ писалъ мнѣ: «передайте этой шельмѣ Плаксину, что если такъ пойдетъ, то я дарю ему 300 десят. и волю!» Далѣе съ заволжскаго имѣнія доходы еще увеличились, но онъ не успѣлъ исполнить обѣщанія, скончавшись въ 1855 году, въ годъ взятія Севастополя.

Л. К. Нарышкинъ былъ у меня въ Падахъ, когда было получено извѣстіе объ этомъ грустномъ событіи, и онъ, передавая мнѣ газету, со слезами на глазахъ сказалъ: «когда князя Горчакова назначили главнокомандующимъ, я тогда уже былъ увѣренъ, что война эта кончится позорно для Россіи». (Онъ зналъ его страшную разсѣянность и считалъ его неспособнымъ).

По сосѣдству съ его имѣніемъ было имѣніе Платона Чихачева, брата извѣстнаго русскаго путешественника по Малой Азій, печатавшаго свои путешествія въ *Revue des deux mondes*. Онъ былъ въ Крыму, вызванный кн. Горчаковымъ, и много рассказывалъ намъ о ходѣ войны, разсѣянности Горчакова, о геройствѣ пластуновъ, о подвигахъ которыхъ

онъ писалъ статьи въ журналѣ «Р. Бесѣда». Онъ часто бывалъ у Нарышкина, а также и мы у него, бывъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Л. К. Это былъ человѣкъ очень умный и съ большими познаніями. Помню, что Чихачевъ рассказывалъ, какъ въ Константинополѣ еще до Крымской войны преобладало вліяніе Англии. Пальмерстонъ былъ всемогущъ, и русскому, для свободнаго путешествія по Турецкой имперіи, нужно было согласіе англійскаго посла, лорда Редклифа, и помню какъ возмущали насъ эти рассказы о нашей униженной и робкой политикѣ. Саратовскій губернаторъ М. Л. Кожевниковъ отзывался о Нарышкинѣ такъ: «это голова министерская и жаль, что онъ не занимаетъ поста, соответствующаго его уму, способности и патриотизму». Онъ былъ, помнится, членомъ совѣта министерства финансовъ, а прежде контролеромъ. Общество этого человѣка было увлекательно, пріятно, а для меня оно было такъ отрадно, что я всегда съ сожалѣніемъ провожалъ его въ Петербургъ. Это былъ человѣкъ кипучей дѣятельности и мы ни одного дня не оставались дома. Последній его пріѣздъ былъ съ двумя сыновьями, Кирилломъ и Василемъ Львовичами; оба брата были красивы собой, умны, прекрасно воспитаны, какъ подобаетъ ихъ роду; молодые люди, достойные дѣти благороднѣйшаго отца. Будучи потомками царицы, конечно, они гордились своимъ родомъ, и какъ теперь помню вопросъ младшаго В. Л., когда въ разговорѣ назвали фамилію Нарышкина, тамбовскаго помѣщика: «папа, развѣ есть еще Нарышкины кромѣ насъ?» Ему было тогда, какъ я думаю, около 13 лѣтъ. Помню также, какъ пріѣхавшій становой приставъ, приглашенный Л. К. къ обѣду, по окончаніи обѣда выпилъ поданное съ кусочкомъ лимона полосканье и какъ отецъ послѣ обѣда сдѣлалъ строгій выговоръ сыну за то, что онъ громко разсмѣялся.

Каждый день послѣ завтрака намъ подавали верховыхъ лошадей и мы отправлялись въ какую нибудь часть имѣнія: или на мельницу, или на пчельникъ, или въ ближайшія села и деревни, по полямъ, по овчарнямъ. Иногда сестры участвовали въ этихъ прогулкахъ, сопровождая кавалькадой. Л. К. приглашалъ также ѣздить съ нами нашего доктора, что ему вовсе не нравилось, такъ какъ онъ никогда не ѣздилъ верхомъ и къ тому же былъ высокаго роста и очень толстъ, почему и представлялъ довольно забавную фигуру, особенно, когда этой массѣ случалось ѣхать на пони. Старшій сынъ, Кириллъ Львовичъ, мастерски копировалъ его позу и нельзя было удержаться отъ смѣха, когда онъ гдѣ нибудь въ сторонкѣ возьметъ его посадку съ рукой, опертой на колѣна.

Все это лѣто прошло очень пріятно. Въ то же время появилась жатвенная машина, изобрѣтеніе нѣмца Штейнберга. Назначенъ былъ день для пробы и опубликованъ въ газетахъ; а такъ какъ въ трехъ степныхъ имѣніяхъ, кромѣ Падовъ, былъ громадный посѣвъ пшеницы, то Л. К. захотѣлъ быть при объявленной пробѣ. Мы сѣли въ карету, и, ночевавъ въ нашей Сергіевкѣ, пріѣхали на хуторъ, гдѣ жилъ изобрѣтатель. Онъ снималъ у казны въ аренду 10 т. десятинъ земли и имѣлъ запашку и мастерскія. Машина исполнила довольно хорошо свое дѣло, но не безъ остановокъ, хотя рѣдкихъ. Л. К., желая поощрить русскаго изобрѣтателя, велѣлъ купить три машины на 900 р. Потомъ я всё ихъ пустилъ въ работу въ Заволжскомъ и Гусевскомъ имѣніяхъ; и здѣсь, и тамъ жатва производилась успѣшно, но какъ она шла около хлѣба, по сжатому мѣсту, то трава набивалась въ оси и для очищенія ея требовались частыя остановки, такъ что впоследствии оказалось, что работа ручная была успѣшнѣе; а какъ въ коммерческихъ посѣвахъ первое условіе скорѣйшая уборка, то машины его мало употреблялись. Въ настоящее время эти машины такъ усовершенствованы, что всё прежнія попытки были полезны только тѣмъ, что возбуждали и поощряли умъ къ работѣ и къ достиженію полного успѣха, котораго теперь и достигли. Во время его пребыванія въ имѣніи къ нему, какъ лицу важному по чину и еще болѣе по своему имени, роду и богатству, пріѣзжали разныя служебныя лица, которыя всегда принимаемы имъ были радушно, вѣжливо, деликатно. Въ немъ не было и тѣни гордости или важности. Онъ былъ страшно гордъ, когда что нибудь касалось его чести и независимости; въ этомъ случаѣ его не останавливала никакая власть, ни сила.

Я помню, какъ Л. К. Нарышкинъ былъ оскорбленъ и страшно раздраженъ, когда жену его, Мар. Вас., противъ его воли, даже со вмѣшательствомъ покойнаго государя Николая Павловича, взяли изъ за границы, гдѣ она была помѣщена имъ въ Бонѣ у знаменитаго тогда врача душевныхъ болѣзней, и передана отцу ея, кн. Вас. Вас. Долгорукову. Оба эти лица дороги моему сердцу; князь былъ моимъ воспитателемъ и благодѣтелемъ; Л. К. былъ ко мнѣ такъ добръ, имѣлъ ко мнѣ такую неограниченную любовь и довѣренность, что мнѣ трудно обвинить кого-либо изъ нихъ. По моему мнѣнію они оба были правы. Князь по своему отеческому чувству страдалъ за свою несчастную дочь, лишенную всякаго религіознаго утѣшенія за границей, и надѣялся, что, живя съ нимъ, она поправится, о чемъ онъ самъ говорилъ мнѣ въ первый мой пріѣздъ въ Петербургъ. Конечно, онъ сначала просилъ объ этомъ зятя, но тотъ въ свою очередь очень надѣялся, что докторъ

окончательно ее вылечить, и никакъ не соглашался взять ее оттуда; тогда князь просилъ государя. Когда же ее взяли противъ его воли черезъ посредство такой власти, съ которой не спорять, то Нарышкинъ былъ страшно раздраженъ и не скрывалъ этого. Онъ былъ великодушень, правдивъ въ высшей степени, справедливъ, добръ до нѣжности, но когда возбуждена была страсть, онъ былъ неукротимъ, какъ всѣ сильные характеры. Такъ, въ первое поступленіе къ нему управляющимъ, когда я еще не принималъ имѣнія, была украдена господская лошадь; всѣ улики были на лицо, но воръ не признавался, не смотря ни на какія угрозы. Л. К. былъ взбѣшенъ и приказалъ на завтра все приготовить къ допросу и при этомъ проговорилъ ужасныя слова, которыя я слышалъ: «Или признается, или издохнетъ!» Я далъ пройти этой ярости; когда страсть улеглась и онъ сталъ покойнѣе, мы стали говорить объ его отъѣздѣ и я сказалъ: «Л. К., если вы уже довѣряете мнѣ ваше имѣніе и ваши интересы, то прошу васъ не берите на себя допроса, а предоставьте это мнѣ. Вы раздражены упорствомъ вора, можете придти въ такое положеніе и сдѣлать что нибудь такое, что потомъ сами будете раскаяваться всю вашу жизнь». «Правда ваша, сказалъ онъ, дѣлайте, какъ знаете».

Я такъ былъ обрадованъ, что отъ всего сердца благодарилъ его. Кромѣ его вспыльчивости бурныхъ страстей, еще болѣе поощряемыхъ закономъ, такъ сказать, хотя и не гласно, почти дававшимъ владѣтелю право жизни или смерти надъ его крѣпостными, онъ былъ хорошимъ добрымъ владѣльцемъ душъ и тѣлесъ своихъ крестьянъ, жалѣлъ ихъ, помогалъ имъ, ласково обращался съ ними и мы съ нимъ нерѣдко, по зову какого-нибудь крестьянина, посѣщали дома ихъ и принимали угощеніе. Однажды, я помню, какъ въ Гусевкѣ, степной конторѣ имѣнія, къ нему приходитъ крестьянинъ и со слезами на глазахъ рассказываетъ, что въ Моршанскѣ, куда онъ возилъ на продажу свою пшеницу, ему между деньгами всунули фальшивую 50 рублевую бумажку. Л. К. побранилъ его за оплошность, а между тѣмъ взялъ бумажку и сжегъ ее на свѣчкѣ, приказавъ выдать ему 50 р. Да и вообще скажу, положе руку на сердце, это былъ человекъ необыкновенно энергичный, твердаго характера, но великодушный, щедрый и добрый. Я знаю, что онъ послалъ значительную сумму денегъ бывшему управляющему его отца, котораго обвинялъ въ пристрастномъ распредѣленіи лѣсовъ при раздѣлѣ Кирилломъ и Львомъ Александровичами Нарышкиными, т. е. между его отцемъ и дядей, и не смотря на то, когда получилъ отъ него, пришедшаго въ бѣдность, просьбу о помощи, тотчасъ же послалъ значительную сумму. Также при мнѣ далъ онъ нѣсколько сотъ рублей

одному лицу, занимавшему тогда должность исправника и находившагося въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ также вполне русскимъ человѣкомъ и ревностнымъ патриотомъ. Когда мы извѣщены были, что ополченія по маршруту должны будутъ проходить черезъ нашу вотчину, онъ приказалъ устроить для нихъ, въ с. Катаврасѣ, столы и всѣ ратники были угощаемы щами, говядиной, пирогами и водкой. Для приготовленія кушанья и печенія хлѣба подряжены были нѣсколько домовъ за вольную выговоренную ими плату. Дружинные же начальники и офицеры обѣдали у него на большой терасѣ при его домѣ; обѣдъ, конечно, былъ роскошный, шампанское лилось рѣкой, такъ обильны были патриотическіе задравные тосты, что всѣ были въ самомъ восторженномъ настроеніи. Женатымъ офицерамъ, которыхъ сопровождали ихъ жены, были отведены квартиры въ большомъ флигелѣ, противъ его дома, и весьма комфортабельныя, гдѣ они имѣли столъ, чай, кофе и все нужное. Нѣсколько дружинъ шли этой дорогой и всѣ были угощаемы одинаково; эта патриотическая черта была достойна имени владѣтеля имѣнія.

Въ послѣдній годъ своей жизни Нарышкинъ заболѣлъ лихорадкой и даже слегъ въ постель. Въ это время случились роды жены уѣзднаго судьи Шашина, который просилъ Л. К. сдѣлать ему честь и быть воспріемникомъ его младенца, а онъ уже готовился къ отъѣзду. Не смотря на свое нездоровье и скорый отъѣздъ, онъ не рѣшился отказать ему. Мы всѣ уговаривали его не ѣздить, тогда же гостилъ у насъ докторъ, его другъ О. Э. Вагнеръ, всегда совѣтывавшій ему бросить гомеопатію, которой онъ придерживался, и принять хину, но онъ отшучивался и не лѣчился. Крестины же, по его чрезмѣрной деликатности и вслѣдствіе угошеній шампанскимъ, окончательно разстроили его, но какъ эта крѣпкая натура не поддавалась болѣзни, боролась съ нею, то онъ, не смотря на наши убѣжденія, настаивалъ на своемъ отъѣздѣ. Когда подали карету, погода была ужасная: шелъ снѣгъ, былъ сильный вѣтеръ и я умолялъ его переждать эту погоду и тогда ѣхать, но онъ говорилъ: «вѣдь я въ каретѣ, у меня добрая шуба, а меня ждетъ В. Сабуровъ, у котораго я общалъ быть непременно».

Итакъ, мы съ нимъ простились, онъ крѣпко обнялъ меня, садясь въ карету, и могъ ли я думать, что это было послѣднее прощаніе. Да упокоить Господь его душу! Онъ былъ человѣкъ вѣрующій, выполнялъ всегда съ усердіемъ поминованіе о своихъ родныхъ, и такъ зналъ эту успокоительную службу, что былъ недоволенъ ея сокращеніемъ, которое дѣлалъ священникъ, но когда этотъ священникъ, за обѣдной, желая, вѣроятно, не утомлять его превосходительство, остановилъ до

окончанія обѣдни причащеніе младенцевъ, въ большомъ числѣ принесенныхъ въ церковь, онъ такъ разсердился, что ушелъ тотчасъ же и приказалъ конторѣ прекратить выдаваемое ему денежное положеніе. Такъ ему противно было это человѣкоугодіе въ священникѣ.

Я такъ любилъ этого человѣка, мнѣ такъ дорога память его, что я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что онъ при своихъ недостаткахъ общечеловѣческихъ, привитыхъ воспитаніемъ, знатностью рода, богатствомъ и высокимъ положеніемъ, обладалъ такими прекрасными, благородными качествами и такимъ прекраснымъ сердцемъ, что при моихъ религіозныхъ, христіанскихъ и строго православныхъ убѣжденіяхъ мнѣ было бы грустно знать, что онъ былъ человѣкомъ невѣрующимъ, но, къ утѣшенію моему, могу сказать, что онъ былъ человѣкомъ вѣрующимъ, если не вполне знакомымъ съ духовной сторонаю и глубиной христіанской вѣры, какъ и многіе свѣтскіе люди, но все же онъ былъ вѣрующимъ христіаниномъ, а этого достаточно, чтобы надѣяться на спасеніе его души.

У насъ бывали съ нимъ разговоры и объ этомъ предметѣ и я помню, какъ однажды, ѣхавши смотрѣть машину, онъ сказалъ: «я, конечно, вѣрую въ Бога и невѣріе считаю безуміемъ, но меня многое смущаетъ въ вѣрѣ, — какая-то будто несправедливость, допускаемая Богомъ. Люди недостойные и дурные торжествуютъ, имъ во всемъ счастье, а напротивъ добрые и достойные притѣснены, забыты и страдаютъ».

На это я ему сказалъ: «это потому васъ смущаетъ, что вы берете одну наружность, не проникая во внутренность человѣка, а если бы вы могли видѣть сокровенное въ сердцѣ, то можетъ быть не сказали бы, что они счастливы, это во первыхъ; а во вторыхъ, если и есть нечестивые, благоденствующіе въ этой жизни, весьма краткой, то это объясняется только благодію Божіею, не хотящею смерти грѣшника благоденствующаго. Онъ испытуетъ благодѣяніями, и праведному, страждущему воздаетъ блаженствомъ будущей жизни».

Я до сихъ поръ описывалъ личность Л. К. Нарышкина и отчасти его владѣльческія отношенія къ его крестьянамъ; теперь обращаюсь къ устройству управленія и положенію его крестьянъ.

XIII.

Падовское имѣніе Л. К. Нарышкина было раздѣлено на три части. Главное управленіе и контора были въ с. Падахъ; вторая часть въ деревнѣ Гусевкѣ; третья—въ с. Сергіевкѣ. Двѣ послѣднія степныя части были меньше наслены и потому имѣли большее количество земли. Въ Падовской волости было три села: Пады, Чиганокъ и Рѣпная Вершина, а по другую сторону р. Хопра с. Котоврасъ, с. Меликъ, с. Покровское, с. Сергіевка и двѣ деревни, Летяжевка и Арзявъ.

Земельное владѣніе у крестьянъ было общинное, внутреннія дѣла крестьянъ вѣдались и рѣшались мірскимъ сходомъ. Со вступленіемъ въ управленіе я возложилъ на общественный приговоръ и всѣ рѣшенія по проступкамъ и преступленіямъ крестьянъ, не выходящимъ изъ предѣловъ владѣльческой юрисдикціи, предоставленной закономъ, кромѣ тѣхъ преступленій, для которыхъ требовались государственные суды, государственная власть или низшая и высшая администрація. Управленіе въ селахъ и деревняхъ было предоставлено такъ называемому сходу; старосты во всѣхъ селахъ и деревняхъ непремѣнно были выборные; они завѣдывали сборомъ податей, были блюстителями порядка, безопасности, завѣдывали общественными хлѣбными магазинами, пожарными инструментами, отъ нихъ требовалось, чтобы у каждой избы непремѣнно стояла сороковая бочка, всегда полная водой, они же наблюдали за ночными караулами и за господскими работами и за мірской запашкой, находившейся при каждой деревнѣ. Мірская запашка и мірская касса были введены до моего поступленія. 10 рабочихъ обрабатывали одну десятину, а такъ какъ работа производилась огуломъ, то она и была для нихъ ничтожна, а мірская касса была для нихъ благодѣяніемъ. Кромѣ своихъ внутреннихъ, непосредственныхъ сельскихъ обязанностей, староста выполнялъ предписанія конторы въ оповѣщеніи крестьянъ къ выходу на господскую работу, когда наступало время уборки сѣна или хлѣбовъ. Всѣ работы исполнялись всѣмъ обществомъ, урочнымъ порядкомъ самими обществами распредѣляемыми. Для рекрутскихъ наборовъ списки составлялись конторой съ распредѣленіемъ очередей по силамъ семействъ, по рѣшенію общества. Переходъ къ свободѣ совершался мирно. Нѣсколько обществъ, по приговору цѣлаго мірскаго схода, перешли въ собственники, не съ четвертою частью надѣла, а съ 1½ дес. на душу по моему представленію и утвержденію опекуна; не желавшіе остались на оброкѣ согласно уставнымъ грамотамъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ положеніе

ихъ не улучшилось, такъ какъ и за помѣщикомъ они были въ хорошемъ положеніи. Послѣ большаго надѣла, 10 дес. на душу, перейти на половинный, конечно, имъ было невыгодно при платежѣ того же оброка, но за то всѣ работы изъ обязательныхъ обратились въ наемныя и они ничего не потерпѣли. Сравнительно имѣя половину земли противъ прежней, имъ сдѣлалось нужнымъ арендовать земли экономическія и какъ я, не теряя интересы конторы, сдавалъ имъ земли по такимъ цѣнамъ, за которыя они нигдѣ въ сосѣдствѣ не находили, то дѣла между конторой и уже свободными обществами крестьянъ не измѣнились и отношенія наши были попрежнему мирныя и пріязненныя.

Во время крѣпостнаго права наблюденіе за положеніемъ и благосостояніемъ крестьянъ, судъ и расправа, поведеніе крестьянъ, все лежало на совѣсти владѣльца или его управляющаго конторой и имѣніемъ, а какъ моимъ правиломъ заведено было и наблюдать интересъ довѣрителя и въ то-же время интересы и благосостояніе вѣранныхъ мнѣ тысячъ человѣческихъ душъ, то я строго наблюдалъ, чтобы ихъ хозяйства не упали, а улучшались; и потому я каждый годъ разсматривалъ подворныя описи, въ которыхъ означалось каждый годъ все количество скота, лошадей, овецъ, строеній, т. е. всего имущества крестьянъ, и гдѣ было видно усиленіе или упадокъ домовъ. Если по какимъ нибудь обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ воли хозяина, дѣлался упадокъ, то всегда контора приходила на помощь потерпѣвшему, и она могла это дѣлать, потому что имѣла мірскую кассу, изъ которой и дѣлала пособія; мірская же касса составлялась и поддерживалась мірской запашкой, о чемъ я упоминалъ выше.

Первую зиму мы провели на новомъ нашемъ мѣстѣ жительства конечно, очень пріятно, посѣщаемые родными жены и моими. Когда нужно было ѣхать въ Саратовъ по дѣламъ или куда бы то ни было, жена моя непременно ѣхала со мной, кромѣ поѣздокъ по вотчинѣ и за Волгу, куда я уже не бралъ ее съ собой. Лѣтомъ опять пріѣхалъ Л. К. Нарышкинъ одинъ; мы къ его пріѣзду перешли въ старый докторскій флигель, а онъ занялъ свой домъ, но обѣдалъ у насъ и проводилъ свободное время. Онъ былъ такъ обязателенъ, что узнавъ отъ жены, что она занималась прежде музыкой, прислалъ намъ рояль и пропасть нотъ. При такихъ пріятныхъ отношеніяхъ и ощущеніяхъ потекла здѣсь наша жизнь. Сестры мои жили съ нами; Л. К. зналъ ихъ, когда онѣ еще жили у княгини Варв. Серг. и потому они тутъ встрѣтились какъ старые знакомые. Домъ управляющаго былъ готовъ къ зимѣ и мы перешли туда лѣтомъ. Въ это лѣто была страшная гроза и раздробила большое дерево въ саду; ударъ былъ такъ силенъ, что жена моя упала въ обморокъ. Это какъ-будто было дурнымъ предзнаме-

нованіемъ, по понятіямъ жены, которая была страшно суевѣрна, обращеніемъ чего можетъ служить случай еще въ началѣ нашей женитьбы.

Однажды, еще изъ Саратова, поѣхали мы съ нею къ ея отцу въ его имѣніе Петровскаго уѣзда и дорогой показался новый мѣсяць, а такъ какъ она увидала его съ лѣвой стороны, то расплакалась какъ ребенокъ. Она вообще имѣла много ребяческаго, не смотря на свои 27 лѣтъ. Такъ ей какая-то юродивая еще въ дѣвцахъ сказала, что она не долговѣчна; все это у нея западало въ голову и составляло мученіе ея жизни; сколько я не старался вразумлять и убѣждать ее, ничто не помогало. Черезъ два года нашего союза она забеременѣла и не смотря на то, что страшно желала дѣтей, когда убѣдилась въ беременности, стала беспокоиться о своихъ родахъ и предсказывать смерть, вспоминая слова юродивой. Это было существо замѣчательное по своему характеру: живая, веселая иногда до безумія, пылкая, какъ огонь, жаждавшая жизни и ея наслажденій и въ то-же время сама разрушавшая свое счастье. Съ нею, однако-жъ, ея предчувствія и суевѣріе оправдались. До родовъ она была совершенно здорова, весела, къ намъ пріѣхалъ ея отецъ съ меньшею дочерью, но наступили роды, страшно тяжелыя, продолжавшіяся болѣе двухъ сутокъ; младенецъ жилъ только недѣлю, а съ ней послѣдовала родильная горячка, отъ которой она и скончалась въ страшныхъ мученіяхъ при агоніи; стонъ ея раздиралъ сердце. Когда ей бывало легче, она подзывала насъ съ ея сестрой и требовала, чтобы послѣ ея смерти я женился на ней. Въ гробу она была также хороша, какъ и при жизни. Отецъ ея былъ раздраженъ на доктора, приписывая ея смерть его незнанію. Такъ или нѣтъ—она скончалась и я остался снова одинокимъ и вдовцомъ, черезъ два года супружеской жизни. Хотя ея характеръ и предрасудки иногда бывали тяжелы, но она была добра до самоотверженія, любила меня страстно и эта любовь покрывала все. Добрыя и нѣжныя мои сестры пріѣхали ко мнѣ, долго жили со мной и восполнили мою утрату и одиночество.

XIV.

Женитьба вторымъ бракомъ.

Старшія сестры совѣтывали мнѣ не оставаться вдовцомъ, приводя мнѣ мое безотрадное положеніе при многихъ дѣлахъ оставаться одному, не имѣя съ кѣмъ раздѣлить часовъ отдыха. Зная, что мнѣ нравилась одна изъ сестеръ Арнольди, онѣ, при свиданіи съ истинными, старинными нашими друзьями съ дѣтства, ея тетками, хотѣли разузнать отъ нихъ—согласится ли старшая Е. Арнольди на мое предложеніе, если бы я его сдѣлалъ? При благопріятномъ же для меня отвѣтѣ, онѣ сдѣлаютъ и предложеніе отъ моего имени, такъ какъ самъ я былъ въ Петербургѣ, вызванный княземъ Вас. Вас. по поводу дѣлъ осиротѣвшихъ внуковъ его, дѣтей дочери. Тогда же онъ завѣщалъ имъ 14,000 десятинъ его Заволжской земли, которыми я завѣдывалъ вмѣстѣ съ землями Л. К. Нарышкина.

На обратномъ пути, въ Москвѣ, я получилъ письмо отъ сестеръ, которыя увѣдомляли меня объ ея согласіи и поздравляли меня. Невѣста же моя была та самая Арнольди, красавица, о которой я упоминалъ при поѣздкѣ нашей по роднымъ и когда отецъ ея, указывая на свою жену, а ея мать, какъ бы предугадывая этотъ союзъ, сказалъ: «вотъ бы вамъ найти теперь такую же, какъ моя, кроткую и добрую жену»; и съ этого свиданія образъ ея запалъ въ мое сердце, но отдаленность, обстоятельства, средства не дозволяли мнѣ и думать о такомъ счастіи, которое Господь въ милосердіи своемъ мнѣ посылалъ.

Женился я на первой женѣ по совѣту товарища В., болѣе по желанію окончить холостую мою жизнь, которая меня уже тяготила; предлагаемая невѣста была хороша собой, близкая родственница друга, хорошаго благороднаго семейства, а о той, которая при первомъ свиданіи плѣнила меня, я не могъ и думать. Отецъ ея, хотя всегда расположенный къ нашему семейству, былъ довольно гордаго характера, занималъ важный постъ, и хотя послѣднее время онъ службу оставилъ, но какъ просить руки его дочери, не имѣя никакихъ средствъ для того, чтобы содержать прилично его дочь? ихъ же состояніе при девяти дѣтяхъ было ничтожно. Когда онъ скончался, я былъ вдовцомъ, имѣлъ хорошее мѣсто, съ хорошимъ содержаніемъ, и потому съ восторгомъ, хотя и съ недоумѣніемъ, согласился на предложеніе моихъ сестеръ, только и мечтавшихъ о нашемъ счастіи. Когда я получилъ эту вѣсть о неожиданномъ счастіи, ея очаровательный образъ предсталъ

передо мной во всей восхитительной красотѣ и я, не помня себя отъ радости, началъ торопить къ немедленному отъѣзду сестру, гостившую у своей племянницы Набоковой, которой мужъ былъ тогда правителемъ канцеляріи попечителя московскаго университета.

Передъ моей поѣздкой въ Петербургъ я былъ проѣздомъ въ Вельможкѣ у Арнольди; провелъ восхитительный день и вечеръ съ нею и ея сестрами, братомъ, который только что женился и уѣзжалъ отъ нихъ съ молодой женой въ ея имѣніе. Въ тотъ день Арнольди была такъ мила со мной, такъ внимательна, что, пожалуй, общее намъ мужчинамъ самолюбіе и нашептывало мнѣ: можетъ быть она была такъ мила, что я ей былъ по сердцу; но уѣзжая отъ нея, засѣвши въ повозку, конечно, я старался отгонять эту радужную мечту, казавшуюся мнѣ химерой. Теперь же я садился въ возокъ уже съ увѣренностью, что рука Арнольди протянута мнѣ и при свиданіи можетъ быть покрыта горячимъ поцѣлуемъ жениха, и потому дорога показалась мнѣ за какое-то вѣчное плутаніе. Но, наконецъ, мы подѣхали къ дому Над. Васильевны, ея старшей тетки, у которой гостили наши сестры; это верстъ десять отъ Вельможки, гдѣ она жила въ отеческомъ домѣ вмѣстѣ съ сестрами и невѣсткой, женой старшаго брата ея, Елиз. Алексѣевной, которая была ея другомъ и которая должна была вмѣстѣ съ нею принять меня за жениха. На другой день всѣ мы, Над. Вас. съ сестрами и я съ Иваномъ Алек., поѣхали къ нимъ. Вотъ, наконецъ, мы у крыльца, входимъ, въ залѣ она съ своей невѣсткой, подхожу почти отуманенный новостью моего положенія, такъ какъ я лично не объяснялся съ нею въ любви и не просилъ ея согласія; подходя къ ней, я проговорилъ что-то въ родѣ восторга, благодарности за то счастье, которымъ она меня дарила своимъ согласіемъ, что давняя мечта моя была она, что я, съ своей стороны, съ рукой моей приношу ей всю жизнь мою, съ этой минуты всецѣло посвященную ея счастью. Протянутая рука была покрыта поцѣлуями и мы стали женихъ и невѣста; затѣмъ обоимъ намъ отверзались объятія родныхъ ея и моихъ и съ этого часа началось мое счастье, счастье, подобное которому можетъ быть и есть на землѣ, но не думаю, чтобы было высшее; хотя послѣ смерти отца не прошло и 6 мѣсяцевъ, но какъ я торопился по неотложнымъ дѣламъ возвратиться въ имѣніе и не могъ откладывать отъѣзда, то рѣшено было ускорить свадьбу и обвѣнчаться на третій день; пріѣхалъ и мой братъ, которому написали сестры.

17-го февраля 1856 года мы обвѣнчались въ ихъ сельской церкви, а на другой же день въ нѣсколькихъ экипажахъ уѣхали ко мнѣ въ Пады, взявъ съ собой ея сестеръ, а мои сестры съ братомъ поѣхали къ себѣ.

Въ этомъ уголкѣ на берегу живописнаго Хопра и началась моя счастливая жизнь. Какъ молодые, мы повѣхали прежде къ сестрѣ ея, В. А. Суровцовой; она жила въ 30 верстахъ отъ Падовъ съ мужемъ и дѣтьми. Мужъ ея, Н. Н. С., былъ богатый помѣщикъ, большой хозяинъ и еще бѣльшій хлопотунъ, безпрестанно бѣгавшій, суетившійся, но вся эта суета его, однако-жъ, всегда была какъ-то дѣльная. Большой, помѣстительный домъ ихъ былъ прекрасно меблированъ; огромный садъ, въ которомъ можно заблудиться; великолѣпный цвѣтникъ передъ обѣими террасами, по одну и по другую сторону дома, которымъ занималась сестра, большая любительница цвѣтовъ; фруктовый садъ со множествомъ превосходныхъ фруктовъ, какъ-то: яблокъ, грушъ, бергамотъ, сливъ, и такая пропасть ягодъ, что излишекъ продавался на базарѣ въ Туркахъ; за садомъ подъ горой протекалъ Хоперь, гдѣ была устроена купальня и стояла лодка для катанья по рѣкѣ; изъ самаго дома видѣнь былъ только одинъ садъ, съ одной стороны, а съ другой—большая дорога; церковь, ходъ въ которую шелъ также молодымъ садомъ. Длинная, широкая аллея, доходившая до лѣснаго обрыва къ Хопру, во дни семейныхъ праздниковъ, именинъ, рожденія, съ темнотою освѣщалась разноцвѣтными фонарями. Въ эти дни съѣзжалось всегда множество гостей; все было молодо, весело, танцовали до упаду подъ звуки небольшого оркестра, выписываемаго на это время. Всѣ четыре дочери, изъ коихъ одна была ребенкомъ, были очень милыя, умныя и хорошо воспитанныя дѣвицы; если всѣ онѣ были недурны, то двѣ изъ нихъ, старшая и младшая, были очень хороши собой, и на ихъ свадьбахъ Трубецкое (такъ называлось село) было залито свѣтомъ и веселіемъ. Этотъ домъ старшей сестры нашей былъ пріятнѣйшимъ мѣстечкомъ для всѣхъ его посѣщавшихъ. Самъ глава дома былъ очень оригинальный человѣкъ, добрѣйшая душа, хлѣбосолю, радушень въ душѣ; но кто его мало зналъ, тому по наружности онъ представлялся какимъ-то нелюдимымъ и выходилъ въ прихожую къ пріѣзжавшимъ гостямъ съ такимъ нахмуреннымъ недовольнымъ видомъ, который какъ бы говорилъ: «зачѣмъ васъ принесло?» Протягивая руку, онъ, насупясь, едва протягивалъ два пальца, но все это была одна только странная наружность, а между тѣмъ, въ сущности, онъ бы пропалъ отъ тоски, если-бы такъ часто и такъ много не пріѣзжало къ нимъ гостей. Хозяйка дома, сестра моей жены, въ молодости блистала красотой, которую сохранила и въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Она очень любила общество, хлопотала, чтобы всѣмъ было весело, пріятно и свободно, не терпѣла церемоній. Своимъ умомъ, тактомъ, женскимъ умѣньемъ она была настоящей полной хозяйкой дома, и не смотря на деспотическій характеръ и выходившую часто изъ мѣры

горячность мужа, онъ дѣлался ягнемкомъ, когда видѣлъ хоть одну слезинку на глазахъ жены, которая, зная свою силу, была полной владычицей во всемъ. Она выросла и провела ранніе годы юности въ Пензѣ и Тамбовѣ, гдѣ отецъ занималъ высшіе посты въ администраціи. Она одна изъ всѣхъ дѣтей моего тестя была въ возрастѣ баловъ и ее одну вывозили на балы. Она производила большое впечатлѣніе и даже восхищала своей красотой и граціей. Слѣдовательно, все усвоенное ею въ эти годы молодого счастья и торжества она внесла и въ тихую деревню, сдѣлавъ ее довольно шумной. Выйдя замужъ, хотя по красотѣ, уму и пріятности мужъ ея былъ ей не пара, когда я вошелъ въ ихъ семью, но въ молодости уланскимъ офицеромъ онъ былъ, говорятъ, очень красивъ. Дѣтей она воспитывала роскошно, судя по множеству гувернантокъ и по огромной цѣнѣ, имъ платимой. Конечно, для тихой деревни такое воспитаніе было роскошно, но кто-жъ могъ знать ихъ будущую судьбу. Всѣ дочери прекрасно владѣли языками французскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ, были образованы, всѣ занимались музыкой и хорошо играли на фортепьяно, но старшая А. Н. достигла въ музыкѣ такой степени, что могла бы, если захотѣла, съ большимъ успѣхомъ давать концерты. Дружба между сестрами, родственная и нѣжная пріязнь дѣтей и ихъ отца, который очень любилъ мою жену и меня и часто говаривалъ: «перемѣнимся женами, бери Варю, которая больше подходитъ къ тебѣ по лѣтамъ, а мнѣ отдай Лизу!» Видѣлись мы часто или у нихъ, или у насъ и во все время нашей жизни въ Падахъ наша родственная дружба росла и никогда никакое облачко не омрачало ее.

Лѣтомъ пріѣхалъ опекунъ Нарышкиныхъ, Емануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ, съ которымъ я познакомился, и познакомилъ его съ женой, ея сестрами и съ семействомъ доктора. Съ его поступленіемъ опекуномъ управленіе имѣніемъ нисколько не измѣнилось имъ, такъ какъ онъ удостоилъ меня тѣмъ же довѣріемъ, какое питалъ ко мнѣ покойный Л. К. Нарышкинъ. Мы объѣзжали съ нимъ все имѣніе: поля, конторы, многочисленныя овчарни; конторскою отчетностью, порядкомъ управленія, всѣми текущими дѣлами онъ остался очень доволенъ и все, что требовало его разрѣшенія, было тотчасъ же разрѣшено. Мнѣ хотѣлось прибавить жалованье и наградить достойно служащихъ; онъ все это сдѣлалъ съ величайшею готовностью. Опредѣленіе его опекуномъ было большимъ счастьемъ, какъ для имѣнія, такъ и для дѣтей, а также и для меня, потому что зависѣть отъ такого прекраснаго, деликатнаго человѣка было очень пріятно, особенно, когда это былъ не какой нибудь новичекъ въ дѣлахъ владѣльческихъ имѣній и самъ былъ владѣтелемъ 20 т. крестьянъ, находившихся въ

самомъ благоденственномъ состояніи. Емануиль Дмитріевичъ былъ, дѣйствительно, отцомъ своихъ крестьянъ; потомъ онъ продалъ всѣ свои населенныя земли, но продалъ уже послѣ освобожденія крестьянъ.

Во время прїѣзда, онъ засталъ у меня старшаго брата моей жены, тогда еще военнымъ; онъ служилъ старшимъ адъютантомъ корпуснаго командира, генерала Врангеля. Онъ служилъ въ Севастопольскую кампанію, а по заключеніи мира располагалъ выйти въ отставку и также взять частное мѣсто, которое давало бы большее, противъ военной службы, содержаніе, такъ какъ у него уже было пятеро дѣтей, а состояніе его было очень ограниченное при девяти братьяхъ и сестрахъ. Это желаніе его вскорѣ и исполнилось: онъ поступилъ управляющимъ къ тому же Ем. Дм., въ его тульскія оброчныя имѣнія.

Въ этотъ памятный годъ была коронація благодѣтельнаго покойнаго государя, а зимой опекунъ пригласилъ меня прїѣхать въ Петербургъ по дѣламъ имѣній, имъ принятыхъ въ опеку. По милости Божьей, не оставлявшей меня Своею помощію, дѣла по имѣнію шли своимъ порядкомъ и доходы постепенно возрастали, такъ что отъ 100 т., иногда и невступно до моего поступленія, они много увеличились, и въ послѣдніе 3 года моего управленія отъ совершеннолѣтія сына его, В. Л., падовская контора высылала чистаго дохода уже болѣе 200 т. руб. Но чтобы быть справедливымъ, я долженъ сказать, что весь этотъ успѣхъ принадлежитъ опекуну, Ем. Дм. Нарышкину, а мнѣ принадлежить только частицей, какъ работнику и вѣрному исполнителю его предначертаній и распоряженій. Тѣ же блистательные результаты были, когда онъ былъ опекуномъ и потомъ попечителемъ у князей Четвертинскихъ, которыхъ огромные долги въ его управленія были не только уплачены, но и доходы съ имѣнія въ 86 т. десятинъ возрасли значительно. Затѣмъ онъ принялъ на себя попечительство надъ юношей графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ и тутъ результаты были тѣ же. Всѣ его имѣнія, тамбовскія и другія, онъ поручилъ своему главному управляющему, Ник. Вик. Веригину, а саратовскія, 6000 душъ— мнѣ ¹⁾. Хотя это попечительство продолжалось около двухъ лѣтъ, не смотря однако на такой короткій срокъ, благодаря его распоряженіямъ, я съ одного изъ двухъ порученныхъ мнѣ имѣній, принятаго съ доходомъ въ десятилѣтней сложности валоваго 30 т., а чистаго 15 т., въ его попечительство выслалъ 60 т. чистаго. Когда князь Вас. Вас. узналъ объ этомъ, то спросилъ у меня — сколько я за это получаю жало-

¹⁾ Обширныя и весьма интересныя посмертныя Записки Ник. Вас. Веригина переданы имъ, Веригиннымъ, предъ его кончиною, въ наше распоряженіе и будутъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“.

ванья, и когда узналъ, что 1200 р., то сказалъ: «это очень мало и я непременно скажу Емануилу, чтобы онъ тебѣ прибавилъ». Я умолялъ его не дѣлать этого, такъ какъ Ем. Дм. могъ подумать, что я выразилъ ему недовольство этимъ жалованьемъ, тогда какъ при порученіи мнѣ этихъ имѣній онъ не могъ еще знать—какъ пойдутъ у меня дѣла въ имѣніяхъ, которыми я управлялъ наѣздомъ. Другое имѣніе было подъ управленіемъ мѣстнаго управляющаго Егор. Ив. Шида, очень знающаго и честнаго человѣка, и мнѣ тамъ нечего было дѣлать кромѣ общихъ соображеній по поддержанію вѣренной и уже весьма рациональной системы хозяйства и управленія. Это второе имѣніе въ 2,500 душъ было на Волгѣ и простиралось по обѣ ея стороны и имѣло также большое тонкорунное овцеводство. Первое и большее имѣніе въ 3,500 душъ, с. Тепловка, было въ Саратовскомъ уѣздѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Саратова. Оно было, дѣйствительно, разстроено, почти половина тяголъ были безлошадныя. Ем. Дм., узнавъ о положеніи крестьянъ по представленнымъ мною донесеніямъ, разрѣшилъ мнѣ, изъ суммъ мірской кассы, на ближайшемъ конномъ базарѣ, называемомъ Сухой Карабулокъ, закупить значительное число лошадей и раздать по неимущимъ дворамъ, такъ что дѣло вдругъ измѣнилось; посѣвы пшеницы можно было удвоить; при имѣніи громадной молотильной машиной, приводимой въ движеніе рѣкой, хлѣбъ вымолачивался быстро; а за сбытомъ дѣло не стояло, такъ какъ Саратовская пристань была близко, и дѣла стали быстро поправляться. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ имѣніе, то при вѣздѣ въ село я былъ пораженъ улицей лачужекъ, подпертыхъ бревнами, чтобы не упали и не передавили семействъ. Ем. Дм. разрѣшилъ лѣсъ, котораго при имѣніи было 9 т. десятинъ, на постройки, и улица возобновилась, что видѣть было очень отрадно. Въ Тепловской вотчинѣ до меня былъ, впрочемъ, человѣкъ умный, но Ем. Дм. желалъ измѣнить все управленіе, дававшее такіе плоды, хотя, можетъ быть, если-бы онъ остался, имѣніе бы и исправилось. Я же не опредѣлилъ никакого образованнаго управляющаго, чтобы не входить въ споры и пререканія при разныхъ взглядахъ, а поставилъ бурмистра изъ богатыхъ крестьянъ, одобряемого всеѣмъ обществомъ, и онъ былъ у меня только точнымъ исполнителемъ моихъ распоряженій, исходившихъ, конечно, отъ высшаго попечителя.

Въ этой вотчинѣ было нѣсколько отдѣльныхъ экономій, каждая имѣла свои поля и свое полеводство въ каждой. Въ каждой были господскія гумна, амбары, флигель для конторы, писаря и все принадлежности какъ бы отдѣльнаго хозяйства подъ наблюденіемъ вотчиннаго бурмистра. Для отвращенія расхищенія, я завелъ такой порядокъ, чтобы на дверяхъ cadaго амбара была дощечка съ обозначеніемъ дѣйстви-

тельнаго количества хлѣба; при каждой перемѣнѣ убыли или прибыли, велика ли или мала она была, надпись стиралась и выставялось новое количество; это для моей повѣрки, жившаго отъ имѣнія въ 200 вер. Я прїѣзжаю, ѣду по всеѣмъ экономіямъ, выбираю какойнибудь амбаръ и дѣлаю перемѣрку согласно надписи; такимъ образомъ, всегда мнѣ было извѣстно дѣйствительное количество находящагося въ амбарахъ хлѣба. Конечно, при свободномъ трудѣ такія перемѣрки будутъ начетисты, но все же могутъ дѣлаться отъ времени до времени какъ необходимыя.

Въ имѣніи, заглазно, наѣздами управляемомъ, у меня заведенъ былъ особый журналъ управленія, куда вписывались ежедневно всѣ дѣла по вотчинѣ: состояніе работъ, размѣръ оныхъ, порядокъ жалобы, проступки и пр. Журналъ этотъ я по прїѣздѣ пересматривалъ и на поляхъ полагалъ свои резолюціи. Сельскія дѣла, какъ и въ Падахъ, вѣдались сходами, при наблюденіи бурмистра. Всѣ же мои распоряженія дѣлались изъ Падовъ, гдѣ былъ особый столъ для Воронцовскихъ имѣній, и сюда высылались вся отчетность и донесенія конторы, которая контролировала дѣйствія бурмистра.

Это превосходное имѣніе графа могло давать большіе доходы, на что я могъ надѣяться. Такъ какъ посѣвы были значительны, то для поддержки плодородности земель я ввелъ залуженіе нѣкоторыхъ истощенныхъ уже земель, какъ и въ Падахъ. Въ Падахъ, гдѣ я управлялъ 16 лѣтъ, я могъ видѣть плоды этой системы, здѣсь же я былъ такое короткое время, что могъ только положить начало, а другимъ предоставить развивать его или придумать чтонибудь еще болѣе полезное.

Другое имѣніе, Алексѣевка, хорошо управляемое г. Шицомъ, было очень богатое; тамъ крестьяне большею частію, если не всѣ, были раскольники и церкви не посѣщали, такъ что я, бывши, однажды, въ самый праздникъ Успенія, не видѣлъ ни одного крестьянина; только нѣсколько изъ служащихъ были у обѣдни. Жители занимались садоводствомъ, владѣли обширными усадьбами и садами и были очень зажиточны. Имѣніе это, называемое Алексѣевка, какъ я упоминалъ, простиралось по обѣ стороны Волги и сообщеніе производилось большими катерами, содержимыми конторой. Луговая часть была подъ управленіемъ помощника управляющаго. Затруднительность сообщенія черезъ Волгу составляла большое неудобство для управленія, а иногда и опасность. Такъ, однажды, мы съ управляющимъ, возвращаясь съ той стороны, были въ такой опасности. Небо было покрыто тучами, насъ окружала тьма и, пропустивъ какъ-то мысъ, составляющій съ берегомъ бухту или затонъ, отъ котораго по прямому направленію была при-

стань, мы потеряли дорогу и направлялись туда и сюда, не попадая на настоящій путь. Опасность заключалась въ томъ, что гребцы, которыхъ было десять человѣкъ, выбились изъ силъ, промокли до костей отъ поту и падавшего снѣга, такъ что въ случаѣ сильнаго мороза всѣ могли замерзнуть. Но тутъ, какъ и вездѣ, явилась милость Божія: въ то самое время, какъ мы уже отчаявались достигнуть берега, а теченіемъ насъ могло унести далеко внизъ и тогда гибель наша была неизбежна, вдругъ, на горной сторонѣ, куда мы плыли, прояснилось и мы, увидѣвъ берегъ, тогда употребили послѣднія усилія и, наконецъ, достигли его, но уже не у пристани, но гораздо ниже. Была поздняя осень, снѣгу выпало уже много и мы съ гребцами почти по колѣно пробирались до дома. Когда жена Ел. Ив. напоила насъ чаемъ, гребцамъ поднесли по большому стакану водки и закуски и дали денегъ, мы изъ любопытства посмотрѣли на термометръ и оказалось, что было уже 7—8 градусовъ мороза при ясномъ небѣ.

Другое неудобство въ этомъ имѣніи заключалось въ томъ, что пристань Балаковская также находится на луговой сторонѣ Волги и подвозъ хлѣбовъ съ нагорной стороны затруднителенъ, а иногда и опасенъ.

Съ наступленіемъ совершеннолѣтія графа Воронцова-Дашкова, Ем. Дм. Нарышкинъ передалъ ему всѣ его имѣнія, а при другомъ его главномъ управляющемъ, г. Моршанскомъ, я оставаться уже не хотѣлъ.

А. П. Бѣляевъ.

Письма цесар. Александра Николаевича къ его воспитателю
К. К. Мердеру.

На стр. „Русской Старины“ изд. 1885-го года помѣщенъ обширный дневникъ-записки генер.-адъютанта К. К. Мердера, состоявшаго главнымъ воспитателемъ и руководителемъ цесаревича и великаго князя Александра Николаевича съ 1824-го по 1833-й годъ. Въ началѣ 1833, послѣ десятилѣтнихъ неутомимыхъ трудовъ и заботъ, Карлъ Карловичъ Мердеръ, вслѣдствіе крайне разстроеннаго здоровья, вынужденъ былъ отправиться за-границу; болѣзнь его была неизлечима, но все еще полагали, что пребываніе въ тепломъ климатѣ поддержитъ его силы.

Лѣто 1833 г. К. К. Мердеръ провель въ Баденъ-Баденѣ, осенью поѣхалъ въ Италію и всю зиму прожилъ въ Римѣ. Во все это время громаднымъ утѣшеніемъ для больного служили письма изъ Россіи отъ его августѣйшаго воспитанника. Въ самомъ дѣлѣ, задушевность и сердечная теплота, отличавшія эти письма пятнадцатилѣтняго цесаревича, крайне радовали Мердера: онъ ясно видѣлъ, что успѣлъ привязать къ себѣ это доброе, прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ сердце, радовался онъ и потому, что такимъ отзывчивымъ на все хорошее сердцемъ одаренъ будущій Государь всей Россіи.

Напечатать дневникъ-записки К. К. Мердера, печатаемъ, какъ самое драгоценное къ нимъ приложеніе, письма его августѣйшаго воспитанника; эти письма если не отличаются /разнообразіемъ и богатствомъ содержанія, то по тону своему, вообще по изложенію, составляютъ весьма важный матеріалъ для знакомства съ нравственнымъ образомъ Государя-Освободителя въ эпоху его юности и. во всякомъ случаѣ, довольно живо очерчиваютъ весь строй его жизни въ 1833—1834 годахъ.

Р е д.

I.

15-го марта 1833 г. С.-Петербургъ.

Какъ мы всё рады, милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, что вы такъ хорошо начали свое путешествіе. Я ежедневно молю Всевышняго, чтобы онъ васъ къ намъ снова возвратилъ, но уже не больнымъ, а совершенно здоровымъ, чтобы мы съ вами попрежнему продолжали жить, и я буду стараться приносить вамъ, безцѣнный другъ, одно только удовольствіе, которое, какъ вы мнѣ часто говорили, служить единственною наградою за всёъ ваши труды. У меня какое-то внутреннее предчувствіе, что вы возвратитесь совсѣмъ здоровымъ, но между тѣмъ я не могу пріучиться думать, что вы не со мною. Въ свободные часы мнѣ все хочется идти къ вамъ въ комнаты, которыя послѣ васъ остались такъ пусты.

Я думаю, что это письмо васъ встрѣтитъ въ Ригѣ, вы тамъ вспомните наше пребываніе въ 1829 г.; но я не могу вамъ объяснить, милый другъ, какъ мнѣ странно къ вамъ писать, когда я подумаю, что это первое мое письмо къ вамъ въ продолженіе 9 лѣтъ. Какъ я бы желалъ, что оно было и послѣднимъ, дабы мы могли всегда быть вмѣстѣ и никогда не разлучаться.

Послѣ вашего отъѣзда я васъ провожалъ, безцѣнный другъ, вмѣстѣ съ мама, взорами, столь далеко, какъ могъ, и послѣ этого мы пошли въ вашу комнату, гдѣ вы послѣднее время жили, и тамъ за васъ вмѣстѣ молились, и послѣ этой молитвы у меня пробудилась новая надежда васъ видѣть здоровымъ.

Какъ у насъ всё здѣсь радовались, узнавъ, что вы генераль-адъютантъ, и Михайлъ Павловичъ поручилъ мнѣ вамъ написать, что онъ васъ поздравляетъ съ новымъ вашимъ званіемъ и очень радъ быть вашимъ товарищемъ.

Папа и мама, сестрицы и братцы вамъ кланяются, равно какъ и Александръ Александровичъ и всё здѣсь находящіяся. А я васъ прошу кланяться Сарѣ Николаевнѣ и Хотинскому.

Прощайте, прощайте, безцѣнный Карлъ Карловичъ, обнимаю васъ искренно, отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

II.

С.-Петербургъ. 25-го марта 1833 г.

Не могу вамъ выразить на словахъ, милый безцѣнный, Карлъ Карловичъ, какъ вы насъ всѣхъ обрадовали вашими письмами; дай Богъ, чтобы вы точно такъ же хорошо продолжали ваше путешествіе, какъ начали. Я думаю, что это письмо васъ встрѣтитъ въ Кенигсбергѣ и будетъ для васъ, милый другъ, яичкомъ; до сихъ поръ не могу вообразить себѣ, что мы не проведемъ вмѣстѣ праздниковъ и что мнѣ нельзя будетъ съ вами похристоваться и прижать васъ къ моему сердцу. Но я скоро утѣшаюсь, когда подумаю, что сія разлука только для того, чтобы вы, безцѣнный другъ, возвратились совсѣмъ здоровымъ и жили бы уже неразлучно со мною.

Вчера вечеромъ у насъ была лотерея и я выигралъ на билеты, которые за васъ взялъ, портфель съ рисункомъ. Она (лотерея) принесетъ намъ нынѣшній годъ болѣе 11,000 рублей.

Семень Алексѣевичъ былъ, какъ обыкновенно, чрезвычайно занятъ въ это время и отъ того извиняется, что вамъ не пишетъ.

Погода у насъ чрезвычайно хороша, одно только, что по утрамъ маленькіе морозы, отъ которыхъ Нева еще держится. У васъ, я думаю, что деревья уже распустились и настоящая весна началась.

Какъ время летитъ: сегодня ровно уже двѣ недѣли, какъ вы насъ оставили; не успѣешь оглянуться, придетъ лѣто, осень и тамъ мы опять съ вами,—сія мысль меня удивительно радуетъ.

Отъ нашего безцѣннаго Василя Андреевича (Жуковского) нѣтъ никакихъ новыхъ извѣстій.

Мы тотчасъ идемъ въ церковь къ обѣднѣ и потому, безцѣнный, милый другъ мой, долженъ кончить письмо мое, которое для меня точно наслажденіе, ибо я могу вамъ выражать всѣ мои чувства и все мое сердце, которое, какъ вы можете быть увѣрены, вѣчно открыто для васъ.

Сдѣлайте милость, поздравьте съ праздникомъ Сару Николаевну, Машеньку и Хотинскаго. Папа и мама, Михайль Павловичъ, Елена Павловна, сестрицы и братцы вамъ кланяются, равно какъ и Александръ Александровичъ, Семень Алексѣевичъ, Експаръ, Ю. О. Баранова, Ш. К. Дункеръ, В. И. Дубенская, Г. Е. Голидей, О. П. Литке и всѣ васъ любящіе ¹⁾).

¹⁾ Въ слѣдующихъ письмахъ мы опускаемъ передачу поклоновъ.

Прощайте, прощайте, милый другъ, цѣлую и обвиняю васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ вѣчно преданный Александръ.

III.

С.-Петербургъ. 1-го апрѣля 1833 г.

Поздравляю васъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, съ завтрашнимъ праздникомъ, который вы вѣрно проведете въ Кенигсбергѣ, гдѣ и вспомните о насъ.

Нынѣшнюю недѣлю мы провели въ Аничковскомъ дворцѣ и въ четвергъ тамъ приобщались, какъ обыкновенно. Не могу вамъ выразить на словахъ, милый другъ, какъ мнѣ странно проводить это время безъ васъ.

Вчера мы переѣхали въ Зимній и сегодня за обѣдней мои маленькіе братцы приобщатся, ибо они не могли быть съ нами въ Аничковомъ, потому что не совсѣмъ здоровы, такъ какъ и Михаилъ Павловичъ.

Вчера я получилъ письмо отъ принца Ольденбургскаго, котораго вы, вѣроятно, уже не застанете въ Берлинѣ, гдѣ его необыкновенно хорошо приняли.

Мама писала къ принцу Вильгельму, чтобы онъ вамъ не позволялъ слишкомъ много развѣзжаты ко всѣмъ принцамъ въ полной формѣ. Какъ вамъ должно быть странно, милый, безцѣнный другъ, находиться теперь одному въ Берлинѣ, тогда какъ 4 года тому назадъ мы вмѣстѣ тамъ такъ много веселились и развѣзжали по всѣмъ дворцамъ.

Вотъ уже больше недѣли, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій, что меня и беспокоитъ, но я думаю, что рѣшки остановили ваши письма, милый другъ, которыя одни меня утѣшаютъ въ нашей временной разлукѣ, которая для меня, какъ вы знаете, весьма тяжка. Время у насъ довольно теплое, снѣгу почти уже нѣтъ, но Нева еще стоитъ, что весьма неприятно для праздниковъ.

Прощайте, милый, безцѣнный другъ, я бы желалъ вамъ больше написать, но времени недостаетъ, ибо скоро надобно идти въ церковь поклониться плащаницѣ.....

Вамъ вѣчно преданный Александръ.

IV.

8-го апрѣля 1833 г. С.-Петербургъ.

Наконецъ, вы насъ успокоили, милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, написавъ намъ, что вы доѣхали до Кенигсберга. Съ вами, къ несчастю, случился новый припадокъ въ Тильзитѣ, но слава Богу, что вы могли продолжать вашъ путь. Мы не имѣли цѣлыхъ двѣ недѣли отъ васъ никакихъ извѣстій, и въ это время распространились ужасные слухи о васъ, но, слава Богу, всё они ложны.

Нынѣшнюю недѣлю у насъ, какъ обыкновенно, настоящихъ уроковъ не было, но мы занимаемся сами. Въ Свѣтлое Христово Воскресенье я простоялъ всю ночь, Мери также присутствовала при началѣ. Въ самый день утромъ была довольно хорошая погода, но вечеромъ проливной дождь, не смотря на который Нева еще держится. Одна ко во всё дни разводы были на плацу, какъ обыкновенно на Святой, и я парадировалъ разъ съ казаками и три раза съ павловскими, у которыхъ я вчера былъ. Кромѣ сего, вчера фельдмаршалъ кн. Варшавскій уѣхалъ послѣ большого обѣда у нап, на которомъ я также присутствовалъ.

Начиная съ среды, мы ѣздили каждый вечеръ верхомъ кругомъ качелей съ Александромъ Александровичемъ, не смотря на ужаснѣйшую грязь.

Сегодня вечеромъ будетъ балъ въ Аничковскомъ, на которомъ, я думаю, что буду веселиться, но, право, я не могу предаваться всему веселью, потому что мысль, что мы не вмѣстѣ, милый мой другъ, раздраетъ мнѣ каждый разъ сердце, и я всегда готовъ плакать. Дай Богъ, чтобы сія разлука вамъ послужила къ возстановленію вашего здоровья, тогда я все забуду, и мою скорбь, и слезы, и буду только радоваться, что мы снова вмѣстѣ.

Нашъ обѣдный г. Жилль все хвораетъ, и вотъ уже двѣ недѣли какъ онъ совсѣмъ удалился къ себѣ для леченія. На будущей недѣли наши занятія снова начнутся попрежнему. Мы всё тутъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждемъ вашего пріѣзда въ Берлинъ, ибо тамъ вы будете почти какъ здѣсь у насъ.....

Вамъ вѣчно преданный Александръ.

V.

С.-Петербургъ. Суббота, 14-го апрѣля 1834.

Третьяго дня получилъ я, наконецъ, ваше письмо, мой милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, которое я такъ долго ожидалъ. Я очень сожалѣю, что погода вамъ не благопріятствовала въ Неаполѣ, но и то слава Богу, что припадки ваши теперь сдѣлались ничтожными; дай Богъ, чтобы они скоро совсѣмъ кончились.

Вы, вѣроятно, теперь уже знаете что мнѣ чрезъ недѣлю предстоитъ. Я увѣренъ, что вы будете обо мнѣ думать, равно какъ и я о васъ, мой милый, безцѣнный другъ, и потому вы можете себѣ представить, какъ мнѣ должно быть грустно, что васъ, моего втораго отца, въ этотъ важный въ жизни моей день, здѣсь не будетъ. Но всю эту скорбь я забуду, лишь бы вы возвратились ко мнѣ совсѣмъ здоровымъ, чтобы окончить вами начатое дѣло. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что Сперанскій приготавлилъ меня къ присягѣ и въ прошедшую субботу прочелъ мнѣ ее. Она удивительно хорошо написана и всякій человѣкъ съ чувствомъ не можетъ ее хладнокровно прочесть. Коль скоро она будетъ напечатана, я вамъ ее пришлю. Завтрашній день, въ Вербное Воскресеніе, отправляемся мы, какъ обыкновенно, въ Аничковскій, для говѣнія. Время мы проводимъ очень весело. Третьяго дня былъ вечеромъ карусель, въ которомъ я съ Александровой ѣздила. Вчера вечеромъ былъ на патріотическомъ концертѣ. Прощайте, мой милый другъ. Папа, мама, сестрицы, равно какъ и всѣ васъ любящіе, вамъ кланяются. Мое почтеніе вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ, милый другъ, отъ всего сердца.

Вашъ навсегда Александръ.

VI.

С.-Петербургъ. 22-го апрѣля 1833 г.

Вы насъ снова перепугали, милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, вашимъ припадкомъ въ Берлинѣ, но слава Богу, что вы хорошо себя чувствуете теперь. Я получилъ письмо Сары Николаевны, именно, наканунѣ моего рожденія, возвращаясь съ нашего дѣтскаго бала, послѣ котораго Молдоано дѣлалъ разныя штуки. Сие письмо меня успокоило и дало новую надежду васъ видѣть, милый другъ, совершенно здоровымъ. Какъ я думалъ о васъ, въ этотъ день, когда годъ тому назадъ я слетѣлъ съ лошади.

Я много получилъ подарковъ. Отъ папа коллекцію россійскихъ историческихъ медалей и двѣ турецкія сабли; отъ мама — большой надувающійся глобусъ, который вы сами, кажется, выписывали; часы, чтобы узнавать время на всей землѣ и также двѣ турецкія сабли, изъ которыхъ одна, еще по вашему желанію, оправлена въ настоящую гусарскую. Костя подарилъ мнѣ разныя охотничьи вещи, а сестрицы свои портреты, сдѣланные Брюловымъ, какъ вы ихъ сами видѣли въ день индѣйскаго маскарада, и еще разныя другіе рисунки.

11-го числа мы были въ большой церкви за обѣдной, гдѣ я искренно молилъ Всемогущаго, чтобы намъ можно было провести прочіе дни моего рожденія вмѣстѣ, а не въ разлукѣ. Развода, какъ и прошлый годъ, за дождемъ, не было, но я принималъ поздравленія всѣхъ лицъ, которыя были назначены еще прошедшаго года, и кажется, что они были довольны моимъ разговоромъ. Я обѣдалъ этотъ день у папа, а вечеромъ очень веселился на балу въ Аничковскомъ дворцѣ. На прошедшей недѣлѣ въ пятницу былъ также дѣтскій балъ у гр. Вельгурской и я на немъ также много веселился съ Петеею и съ Полею. Вчера у насъ былъ большой праздникъ. Я былъ, какъ прошлаго года, на ординарцахъ и папа былъ мною доволенъ. Вечеромъ былъ большой балъ въ Эрмитажѣ, на которомъ я также много веселился. Но у насъ, къ несчастію, много больныхъ; у великой княгини Елены Павловны скарлатина, а у Мери и Оли лихорадка и головная боль. Я, слава Богу, совсѣмъ здоровъ.

На прошедшей недѣлѣ я получилъ письмо отъ Василя Андреевича (Жуковскаго), въ которомъ онъ пишетъ, что хочетъ ѣхать на пароходѣ въ Италію и что потомъ поѣдетъ на воды. Вы мнѣ извините,

надѣюсь, безцѣнный Карль Карловичъ, что я вамъ въ прошедшую субботу не писалъ, но у меня, право, времени не было.

Надобно вамъ объявить, что нынѣшнюю весну у насъ чудеснѣйшая погода, особливо вчера былъ такой жаръ, что на солнцѣ 31° тепла.

Вашъ навсегда преданный Александръ.

VII.

С.-Петербургъ, 29-го апрѣля 1833 года.

Не могу вамъ выразить, милый безцѣнный Карль Карловичъ, какъ вы меня обрадовали вашимъ собственноручнымъ письмомъ, котораго я вовсе не ожидалъ. Слава Богу, что вы себя теперь хорошо чувствуете. Минуту свиданія, которую вы съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаете, и я ожидаю съ неменьшимъ. Мысль, что сія кратковременная разлука только для того, чтобы потомъ быть неразлучно вмѣстѣ, меня единственно утѣшаетъ.

Письмо ваше, милый другъ, показывалъ я папа, и онъ обратилъ мое вниманіе особливо на то мѣсто, гдѣ вы говорите о твердости характера и объ искренности къ родителямъ и ко всемъ мнѣ близкимъ. Вы можете быть увѣрены, что я стараюсь пріобрѣтать и ту, и другую. Вчера получилъ я письмо отъ Сары Николаевны, которая насъ снова обрадовала насчетъ вашего здоровья, написавъ, что вы часто ѣздите гулять по городу. Вы въ это утро должны были представиться королю; любопытенъ я знать, какъ онъ васъ нашель.

Время у насъ, такъ какъ и въ Берлинѣ, незавидное въ эти послѣдніе дни, и вчера даже былъ морозъ. Не смотря на это, трава уже позеленѣла и листья начинаютъ пробиваться. Я гуляю теперь, по приказанію папа, въ мундирѣ. Онъ вчера поѣхалъ въ Новгородъ смотрѣть л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ, сегодня же онъ будетъ назадъ. За уервейдъ сдѣлалъ для меня (рисунки?) всего штаба моей предполагаемой арміи, который весь въ чекменяхъ, что вамъ вѣрно бы понравилось.

10-го мая, если будетъ хорошая погода, мы переѣдемъ на Елагинъ; передъ этимъ долженъ быть большой парадъ на Царицыномъ лугу, и папа еще не рѣшилъ, съ кѣмъ и гдѣ я буду.

Костя съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ вашего общаго письма; онъ вчера за обѣдомъ плакалъ за то, что голубямъ въ арми-

тажѣ не даютъ овса, и послали имъ кусокъ своего хлѣба ¹⁾). Я, слава Богу, совершенно здоровъ. Но у мама, къ сожалѣнью, вчера болѣла сильно голова. Мери вчера очень обрадовалась, получивъ письмо отъ Машеньки.

Папа поручилъ мнѣ вамъ сердечно кланяться, равно какъ и мама, сестрицы, братцы...

Прощайте, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, мои товарищи и я, мы васъ искренно прижимаемъ къ сердцу и цѣлуемъ.

Вашъ вѣрный другъ Александръ.

VIII.

С.-Петербургъ. 8-го мая 1833 года.

Папа и мама и всѣ васъ любящiе поручили мнѣ васъ поздравить съ вашей новой звѣздой, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. Какъ мы всѣ рады, что вы себя хорошо чувствуете.

Я думаю, что это письмо васъ уже застанетъ въ Баденъ-Баденѣ, куда г. Жилье намѣревается прѣхать васъ посѣтить. вмѣсто него у насъ будетъ на время г. Рефъ, котораго вы знали; онъ уже присутствовалъ при нашихъ урокахъ. У насъ всю эту недѣлю была чудесная погода и это въ первый разъ, что 1-го мая была также хорошая погода. Я совершенно, какъ прошлаго года, ѣздилъ за пала верхомъ. Вчера онъ рѣшилъ, что я буду на парадѣ 1-го мая въ первый разъ съ казаками, и пойду, какъ прошлаго года, за штандартами; я этому очень радъ. Я любопытенъ знать, ходили-ли вы смотрѣть въ большомъ дворцѣ въ Берлинѣ комнаты, въ которыхъ мы съ вами жили въ 1829 году. Вчера было ровно 4 года, какъ мы вѣхали въ Варшаву. Боже мой! сколько перемѣнъ съ того времени, а все кажется какъ вчера. Время нашей разлуки тоже такъ скоро пройдетъ. Вы можете быть увѣрены, милый другъ, что я съ такимъ же нетерпѣнiемъ жду минуты свиданiя, какъ и вы. Разговоръ сей письменный съ вами настоящее для меня наслажденiе, и мнѣ всегда прискорбно прервать его, но обязанность сего требуетъ. Итакъ, прощайте, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. Папа поручилъ мнѣ васъ еще поздравить съ милостивымъ королевскимъ рескриптомъ, который вы такъ достойно заслужили, и сказать вамъ, что онъ мною до сихъ поръ доволенъ.

¹⁾ Вел. кн. Константину Николаевичу шелъ въ это время пятый годъ. Род. 9-го сентября 1827 года.

Мама, сестрицы и братцы вамъ кланяются, равно какъ и всѣ, васъ любящіе.

Прощайте еще разъ, милый безцѣнный другъ, я васъ мысленно обнимаю и цѣлую отъ всего сердца.

Вамъ вѣчно вѣрный Александръ.

IX.

С.-Петербургъ, 13-го мая 1833 года.

Вашъ новый припадокъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, насъ снова перепугалъ, но ваше письмо меня успокоило, ибо этотъ пароксизмъ былъ, слава Богу, слабѣе прежнихъ.

Мы, слава Богу, здоровы, занятія у насъ попрежнему, все по старому, одного только не достаетъ,—васъ, мой милый другъ. Я до сихъ поръ не могу приучиться васъ не видѣть; мысль эта меня всегда погружаетъ въ скорбь, а надежда васъ увидѣть совершенно здоровымъ—снова успокоиваетъ.

Во вторникъ мы смотрѣли выставку; какъ мнѣ жаль, что вы ее не увидите, ибо она несравненно больше и богаче московской. Смотра на это, сердце каждаго русскаго должно радоваться, видя успѣхи, которые промышленность у насъ ежегодно дѣлаетъ. Папа благодарилъ Канкринъ и всѣхъ купцовъ за ихъ старанія, и сегодня онъ имъ даетъ большой обѣдъ, чему они чрезвычайно рады.

Въ среду у насъ былъ большой парадъ, въ которомъ я съ казаками былъ, какъ я уже вамъ писалъ. Папа всѣми чрезвычайно доволенъ. Послѣ завтра онъ уже ѣдетъ осматривать корпусъ въ Ригу и Динабургъ, а мы поѣдемъ на Елагинъ. Третьяго дня мы осматривали съ Весселемъ старый арсеналъ, въ которомъ есть много занимательныхъ вещей. Въ этотъ же день умеръ, къ сожалѣнію, гр. Моденъ, который уже такъ долго страдалъ. Мнѣ всего болѣе жаль его бѣднаго семейства, которое точно въ отчаяніи...

Вамъ вѣчно вѣрный Александръ.

X.

Елагинъ, 20-го мая 1833 года.

Вѣроятно письмо мое найдетъ васъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, въ Баденѣ. Вчера получилъ я ваше и былъ очень обрадованъ тѣмъ, что вы себя хорошо чувствуете.

Во вторникъ на нынѣшней недѣлѣ мы переѣхали сюда, т. е. на Елагинъ, и погода намъ вовсе не благоприятствовала, ибо холодно, какъ осенью. Сегодня первый день, что немного теплѣе.

Вчера мама взяла насъ въ театръ смотрѣть оперу *Fra Diavolo*; музыка удивительнѣйшая. Третьяго дня мы ѣздили съ полковникомъ Вакселемъ смотрѣть дѣланіе пороха на охтенскій пороховой заводъ, гдѣ передъ нашими глазами, отъ начала до конца, производились работы, и потомъ даже пробовали порошокъ. Это все весьма любопытно.

Я не могу вамъ выразить, милый другъ, какъ мнѣ странно здѣсь безъ васъ, безъ того все совершенно какъ прошлаго года. Мы тутъ не долго останемся, ибо черезъ недѣлю папа возвращается въ Петергофъ. Завтра Троицынъ день и Костины именины. Папа ему даритъ вооруженную лодку, а я — морскую походную шляпу и саблю. Онъ удивительно какъ веселъ, онъ начинаетъ учиться по-англійски и по-французски...

Обнимаю и цѣлую васъ отъ всего сердца. Александръ.

XI.

Елагинъ, 26-го мая 1833 года.

Сегодня мы снова были обрадованы, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, узнавъ черезъ письмо Сары Николаевны, что вы, благодаря Бога, чувствуете себя хорошо.

Вы вѣрно удивитесь, когда узнаете, что мама отправилась третьяго дня отсюда въ Ревель, на встрѣчу къ папа. Это для насъ для всѣхъ случилось вовсе неожиданно. Мы ждемъ теперь ея приказанія, чтобы переправиться въ Петергофъ. Погода прекрасная съ Троицына дня. Въ этотъ день Александръ Александровичъ привелъ къ намъ Петю и мы всѣ обѣдали у мама, потомъ ѣздили пить чай въ Парголово, что мнѣ удивительно какъ васъ напомнило, милый другъ. Вечеромъ

въ тотъ-же день мы всё играли въ разныя игры въ собраніи у мама.

Мы ѣздимъ верхомъ по вечерамъ, какъ прошлаго года, и два раза мнѣ удалось съѣздить съ мама.

Вчера мы ѣздили въ Колымаги, а сегодня хотимъ поѣхать въ ботаническій садъ, къ Фишеру.

К. Долгорукій велѣлъ выѣздить для кабриолета двухъ этихъ гнѣдыхъ ревелскихъ клеперовъ, полученныхъ отъ Паткуля, и мы на нихъ уже ѣздили. Куда мы ни поѣдемъ, мнѣ все удивительно какъ странно кажется безъ васъ, мой милый другъ; я право не могу привыкнуть къ нашей временной разлукѣ, которая, я увѣренъ, вамъ очень много принесетъ добра.

Отъ Василя Андреевича (Жуковскаго) мы не имѣли никакихъ извѣстій.

Я къ вамъ пишу сегодня вечеромъ, ибо боюсь завтра не успѣть.

Вамъ вѣчно вѣрный Александръ.

РАЗСКАЗЫ ЕВГЕНІЯ АНДРЕЕВИЧА ЕГОРОВА,

инженеръ-генералъ-лейтенанта.

Разказы, здѣсь помѣщаемыя, принадлежать покойному инженеръ-генералъ-лейтенанту Евгенію Андреевичу Егорову, со словъ котораго они и записаны. Престарѣлый ветеранъ, прослужившій 60 лѣтъ четыремъ государямъ, любилъ неоднократно повторять эти разказы при жизни въ тѣсномъ кругу близкихъ ему лицъ, припоминая, по привычкѣ старыхъ военныхъ, многоразличные эпизоды изъ своей богатой воспоминаніями, болѣе чѣмъ полувѣковой служебной дѣятельности. Обойти словомъ, при передачѣ этихъ разказовъ, самого разказчика было-бы отнять отъ его разказовъ полноту ихъ окраски, поэтому удѣляю здѣсь мѣсто небольшому очерку жизни покойнаго Е. А. Егорова, нелишней своего особеннаго интереса и во всякомъ случаѣ поучительной для однослуживцевъ его по профессіи, гг. инженеровъ новѣйшей формаціи.

Окончивъ первоначальное свое образованіе въ лучшемъ въ то время заведеніи — Горномъ корпусѣ, Е. А. Егоровъ поступилъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, въ ту блестящую эпоху этого заведенія, когда попечителемъ онаго былъ герцогъ Александръ Виртембергскій, директоромъ — генералъ Базенъ (отецъ извѣстнаго маршала), а профессорами: Бетанкуръ, Потіе, Ламэ, Лаперонъ и проч. знаменитости того времени, приглашенные изъ Франціи и Вельгіи основателямъ этого заведенія, императоромъ Александромъ I.

По производствѣ своемъ въ 1824 году въ офицеры, Е. А. Егоровъ былъ командированъ въ распоряженіе главнаго директора мостовъ и дорогъ Царства Польскаго, генерала Христіани. Тамъ, на западной окраинѣ нашей, провель онъ большую половину своей плодотворной служебной дѣятельности занимаясь то построеніемъ различныхъ шоссе, какъ, наприимѣръ, Ковенскаго, Таурогенскаго и Врестъ-Литовскаго, то принимая участіе въ польской кампаніи 1830 года, гдѣ былъ раненъ пулею въ правую руку, то, наконецъ, ра-

ботая надъ сооруже́нiемъ казармъ, госпиталей, крѣпостей и т. п. казенныхъ построекъ.

Въ дальнѣйшемъ прохожденiи своей служебной карьеры, покойный ветеранъ является въ должностяхъ начальника инженернаго округа въ Вильнѣ, начальника строительной части южныхъ военныхъ поселенiй, начальника инженеровъ московскаго и харьковскаго военныхъ округовъ и, подъ конецъ своей жизни, коменданта Бобруйскаго крѣпости; и если къ этому перечню занимаемыхъ имъ должностей присовокупить, что онъ былъ, между прочимъ, кавалеромъ Бѣлаго Орла, Георгiя 4 ст. и *Virtutti militare*, а въ столѣтнiй день памяти императора Александра I получилъ знакъ службы трехъ царствованiй, то этимъ исчерпается краткiй обзоръ его официальнаго, такъ сказать, *curriculum vitae*.

Но можно-ли имѣть вѣрное понятiе и безошибочное сужденiе о человѣкѣ по формулярному о службѣ его списку? Для полнаго опредѣленiя личности, нужно еще знать ту непоказную и независимую ни въ какой послужной списокъ сторону жизни, которая могла быть не всѣми опознана въ теченiи земнаго поприща и которая остается глубоко запечатлѣнною лишь въ памяти тѣхъ, кому она была ближе извѣстна.

Съ этой стороны, говоря безпристрастно, авторъ этихъ разсказовъ представлялъ собою идеальнiй примѣръ въ той профессiи, служенiю которой была посвящена вся его жизнь. Въ подтвержденiе сказаннаго, ограничусь лишь приведенiемъ имъ же высказаннаго однажды взгляда на долгъ службы, въ полной мѣрѣ обличающiй его принципы и достаточно рисующiй его съ упомянутой стороны.

Было это уже подъ конецъ его служебной карьеры, когда однажды случай свелъ его съ однимъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ товарищей его по институту.

— „Ну, что, скажи, выиграли мы съ тобой въ результатѣ, сказалъ ему тотъ, оберегая такъ беззавѣтно казенную копѣйку и позабывъ записаться капитальцемъ про черный денекъ? А вѣдь, кажется, было бы съ чего—миллионы проходили черезъ наши руки!“

— „Какъ что?! изумленно воскликнулъ покойный Е. А., а этого тебѣ развѣ мало, что мы въ концѣ нашей жизни можемъ такъ смѣло смотрѣть на себя въ зеркало? Не то было бы, если бы мы набили себѣ карманы, тогда пришлось бы отвернуться отъ своего облика, плюнуть и сказать самому себѣ: экій ты, братецъ, подлець!“...

Полагаю, что слова эти всецѣло характеризуютъ того, кто ихъ сказалъ, и въ комментарiяхъ къ нимъ нѣтъ надобности. И вотъ, если остановиться на нихъ и сопоставить выраженное ими понятiе о чести и чувствѣ скромнаго удовлетворенiя передъ своею совѣстью, съ заурядными въ наше время явленiями алчнаго сребролюбiя, казнокрадства, лихоимства и разнаго рода хищенiй, то невольно приходится пожалѣть объ отшедшихъ инженерахъ старой школы,

разсадникомъ котораго былъ институтъ императора Александра I-го, въ лучшее время его процвѣтанія.

Е. А. Егоровъ скончался почти внезапно 1-го марта 1882 г. въ С.-Петербурѣ, куда прибылъ изъ Бобруйска по полученіи извѣстія объ увольненіи его отъ должности, мотивированномъ необходимостью для него отдыха... Онъ обрѣлъ себѣ этотъ отдыхъ на вѣки въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ похороненъ на отпущенныя инженернымъ вѣдомствомъ деньги, въ развѣрѣ... 200 рублей! Фактъ, несомнѣнно свидѣтельствующій объ умѣстной бережливости и отличительной благоразумной экономіи названнаго вѣдомства...

А. Е.

1.

Въ одной изъ стычекъ съ поляками, авторъ этихъ разсказовъ, принимавшій участіе въ кампаніи 1831 года, обратилъ непріятеля въ бѣгство, захвативъ при этомъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ и отбивъ орудіе. Отбитіе непріятельскаго орудія, какъ извѣстно, награждается по статуту орденомъ св. Георгія 4-й степени. Приятная перспектива — получить столь возжелѣнную и лестную для каждаго офицера награду, не могла не вызвать радостныхъ мечтаній въ юномъ воицѣ, и онъ съ триумфомъ доставилъ свой трофей въ лагерь. Но... достаточно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ однимъ изъ солдатиковъ, все время внимательно осматривавшаго непріятельское орудіе, чтобы розовыя иллюзіи будущаго Георгіевскаго кавалера разлетѣлись прахомъ.

— „Ваше благородіе, крикнулъ этотъ солдатикъ, а вѣдь пушка-то деревянная!“...

Кинулись къ пушкѣ и—увы! солдатикъ былъ правъ: злосчастное орудіе оказалось, дѣйствительно, деревяннымъ... И вотъ—герой минуты обратился снова въ обыкновеннаго смертнаго!...

Впослѣдствіи выяснилось изъ разсказовъ плѣнныхъ, что въ польской арміи было не мало такихъ фальшивыхъ пушекъ, назначеніе которыхъ состояло въ устрашеніи ихъ грознымъ видомъ врага, для внушенія ему большаго уваженія къ численности непріятельской артиллеріи.

2.

Кучеръ Александра Павловича, Илья, былъ въ свое время извѣстенъ всему Петербургу, гдѣ часто можно было видѣть, какъ государь, нагнувшись впередъ, разговаривалъ съ нимъ во время ѣзды, почему въ ту пору вошло даже въ моду и считалось какъ-бы признакомъ хорошаго тона разговаривать, à l'Empereur, съ своимъ кучеромъ.

Съ любимымъ своимъ кучеромъ Ильей Александръ Павловичъ никогда не разставался, бралъ его съ собою въ путешествіяхъ своихъ по Россіи, а когда скончался въ Таганрогѣ, то этотъ же Илья не захотѣлъ уступить мѣста своего также и на козлахъ печальной колесницы, доставивъ тѣло своего благодѣтеля въ Петербургъ. Не безъизвѣстно было и то, что расположеніемъ къ нему государя Илья, какъ смѣтливый русскій мужикъ, пользовался зачастую очень ловко, направляя коней и экипажъ своего августѣйшаго сѣдока не разъ по своимъ соображеніямъ туда, куда послѣдній не предполагалъ попасть. На этотъ счетъ извѣстны уже многіе анекдоты, но вотъ еще одинъ, который, кажется, еще неизвѣстенъ.

Въ одну изъ поѣздокъ Александра I-го на югъ Россіи, въ г. Полтавѣ, гдѣ въ то время губернаторъ сильно враждовалъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, Илья устроилъ такъ, что государь, вмѣсто того, чтобы попасть на заготовленную ему квартиру у губернатора, попалъ, по волѣ своего кучера, къ предводителю. Продѣлалъ это Илья слѣдующимъ образомъ: когда государь остановился у собора, чтобы выслушать молебенъ, къ Ильѣ, какъ къ старому знакомому по Петербургу, подошелъ предводитель, служившій когда-то въ гвардіи, и упросилъ его отвезти государя не къ губернатору, а къ нему въ домъ, за что пообѣщалъ угостить и наградить на славу. Илья не заставилъ себя долго просить и, условившись съ предводителемъ, чтобы тотъ выставлялъ, гдѣ слѣдуетъ, по пути махальщиковъ, лихо подкатилъ государя, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, къ крыльцу дома предводителя дворянства. Сначала и самъ Александръ Павловичъ былъ нѣсколько удивленъ неожиданнымъ прибытіемъ своимъ къ предводителю, но встрѣченный молодой хозяйкой и цѣлымъ роємъ хорошенькихъ женщинъ, къ которымъ, кстати сказать, имѣлъ всегда большую слабость, онъ тотчасъ же примирился съ своимъ положеніемъ и, къ крайней досадѣ губернатора, остался ночевать у ловко переманивашаго его къ себѣ предводителя.

Повѣствовавшій припоминалъ, что и ему случилось разъ въ юности своей встрѣтиться съ Ильей. Проходя однажды съ товарищемъ своимъ Загоскинымъ (братомъ извѣстнаго писателя) мимо дома Аракчеева на Литейной, они обратили вниманіе на стоящія у подвѣзда сани съ великолѣпнымъ рысакомъ.

„Чья это лошадь?“ полюбопытствовали узнать молодые люди у важно возсѣдавшаго на козлахъ кучера.

— „Какое странное любопытство!“ получили они въ отвѣтъ отъ него и, узнавъ въ немъ знаменитаго Илью государя, поспѣшили извиниться и оставить его.

3.

Императоръ Николай питалъ всегда особенное влеченіе къ инженерному и архитектурному искусствамъ, почему, будучи еще великимъ княземъ, былъ назначенъ царствующимъ братомъ своимъ главнымъ начальникомъ инженернаго корпуса.

Любовь его къ строительному дѣлу не покидала его до конца жизни и, надо сказать правду, онъ понималъ въ немъ толкъ не хуже любого спеціалиста по этой части, слѣдилъ и очень часто лично провѣрялъ выполненные и утвержденные имъ проекты различныхъ построекъ, не оставляя замѣченныя имъ упущенія безъ строгаго взысканія. Не ограничиваясь поверхностнымъ осмотромъ казенныхъ зданій, онъ всегда входилъ во всѣ техническія подробности производства работъ и поражалъ всѣхъ иѣткостью своихъ замѣчаній и вѣрностью глаза. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, подтверждающій сказанное.

Обозрѣвая однажды сдѣланныя по его повелѣнію постройки въ сѣверо-западномъ краѣ, онъ видимо довольный осмотромъ одной казармы, перестроенной изъ упраздненнаго католическаго кляштора (монастыря), при входѣ въ одну комнату вдругъ остановился на порогѣ ея и, нахмурившись, обратился къ начальнику края съ вопросомъ:

— „Кто производилъ перестройку этой казармы?“

Генералъ-губернаторъ поспѣшилъ представить ему производителя работъ.

— „Отчего полъ покать?“ спросилъ его Николай.

Инженеръ-строитель объяснилъ, что покатьсть пола происходитъ по той причинѣ, что въ этой комнатѣ была прежде классная монастырскаго школы и что полъ въ ней былъ сдѣланъ наиѣренно съ легкимъ наклономъ для удобства надзора съ кафедры преподавателю за учащимися, а такъ какъ все зданіе было построено на сводахъ, то и передѣлка пола въ этой комнатѣ оказалась невозможной.

Приведеннымъ объясненіемъ монархъ-зодчій остался удовлетвореннымъ и, выходя изъ зданія, изъявилъ свою благодарность строителю.

4.

Проѣздомъ черезъ г. Вильно, Николай Павловичъ посѣтилъ существовавшій тогда, нынѣ упраздненный, виленскій дворянскій институтъ. Обойдя сначала классы, онъ направился потомъ въ лазаретъ, въ дверяхъ котораго былъ неожиданно прिवѣтствованъ чрезвычайно вычнымъ: „здравія желаемъ вашему императорскому величеству!“, вырвавшимся изъ груди толстаго подлекаря, стоящаго тутъ-же на вытяжку.

— „Кто онъ?“ спросилъ государь у директора училища, указывая на подлекаря.

Тотъ доложилъ.

— „Молодецъ!“ сказалъ Николай и, освѣдомившись о его чинѣ и узнавъ, что онъ не имѣетъ никакого — велѣлъ представить его въ коллежскіе регистраторы.

5.

Производя однажды артиллерійскіе маневры подъ Петергофомъ, Николай Павловичъ скомандовалъ залпъ изъ всѣхъ орудій. Само собой разумѣется, что залпъ долженъ былъ послѣдовать холостыми зарядами, но каково, однако, было изумленіе и ужасъ всѣхъ, когда внезапно изъ одной пушки вылетѣлъ настоящій зарядъ и, шипя, пронесся надъ головой государя, заставивъ его сдѣлать невольное въ подобныхъ случаяхъ нервное движеніе головой внизъ.

Внѣ себя отъ гнѣва Николай Павловичъ позвалъ своимъ громкимъ голосомъ батарейнаго командира, въ батареѣ котораго оказался столь непростительный недосмотръ, и когда послѣдній, блѣдный какъ смерть, подскакалъ къ нему, онъ облегчилъ свое сердце, выругавъ его трехъэтажнымъ непечатаннымъ словомъ. Обезумѣвшій отъ страха батарейный командиръ до того растерялся, что ни съ того, ни съ сего брякнулъ вдругъ не впопадъ:

— „Почту за особенное счастье, ваше императорское величество!“

Не къ слову сказанная фраза произвела свое смѣхотворное дѣйствіе на всѣхъ, и государь, долго сился удержать себя отъ душившаго его хохота, отворачивался отъ присутствующихъ, потряхивая своими густыми эполетами. Всѣ окружавшіе его, глядя на него, смѣялись также и только одному виновнику, вызвавшему такое неожиданное настроеніе у всѣхъ, было не до смѣха: его нашли безъ чувствъ у злополучнаго орудія...

Къ разсказанному у мѣста сказать, что въ обубавшемъ батарейнаго командира страхъ не было ничего преувеличеннаго, если припомнить—до какой стро-

гости была доведена дисциплина въ царствованіе Николая I-го. Строгость эта господствовала надъ всѣмъ и доходила до непонятныхъ въ наше время мелочей. Такъ, когда однажды этотъ государь, находясь въ Петергофѣ-же на водосвятіи въ лагерной церкви кадетскихъ корпусовъ, позабылъ, войдя въ церковь, снять перчатку съ правой руки, то никто изъ присутствовавшихъ военныхъ, безотчетно во всемъ ему подражавшихъ и слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ, не посмѣлъ и подумать снять перчатку до тѣхъ поръ, пока онъ, желая перекреститься, не снялъ свою съ руки... Удивительно-ли послѣ того, что тако дѣйствительно крупный фактъ, какъ приведенный выше, могъ произвести столь сильное дѣйствіе на его виновника!

6.

Однажды императоръ Николай обогналъ въ дорогѣ какую-то военную команду, шедшую походомъ подъ начальствомъ офицера. Солдаты шли стройно и въ большомъ порядкѣ, что, видимо, понравилось его величеству, и онъ, поровнявшись, поздоровался съ ними. Остановясь для обѣда на слѣдующей станціи и замѣтя черезъ окно снова ту-же проходившую мимо команду, государь велѣлъ находившемуся при немъ флигель-адъютанту Гогелю¹⁾ позвать къ нему офицера. Вошедшій офицеръ оказался совершенно юнымъ прапорщикомъ, почти ребенкомъ; весь въ пыли онъ конфузливо остановился у двери. Николай Павловичъ ласково подозвалъ его къ себѣ, спросилъ о фамиліи и, указавъ на стулъ, предложилъ отобѣдать. Смущенный офицерикъ совершенно растерялся и не зналъ какъ приступить къ ѣдѣ, но, ободренный государемъ, сначала робко, а потомъ смѣлѣй, началъ ѣсть все, что ему подавали, съ тѣмъ завиднымъ аппетитомъ, какой бываетъ только въ ранніе годы молодости.

Въ началѣ обѣда разговоръ его былъ не смѣлъ, но понемногу, выпивъ стакана два добраго вина, языкъ не-хотя у него развязался и на вопросы государя о его житьѣ-бытьѣ офицерикъ пустился уже безъ стѣсненія въ такія подробности, что заставляя неволью улыбаться всѣхъ присутствующихъ. Поощряемый смѣхомъ самого государя, юный собесѣдникъ его дошелъ въ своей откровенности, наконецъ, до того, что вскорѣ всѣ интимныя подробности его жизни и житія уѣзднаго горбана, въ которомъ квартировалъ его полкъ, были

¹⁾ Это тотъ самый флигель-адъютантъ Гогель, вполсѣдствія свиты его величества генералъ-маіоръ и начальникъ штаба на Кавказѣ, который былъ командированъ въ 1831 г. въ Иркутскъ для усмиренія бунтовавшаго архіепископа Ириней Нестеревича. Ив. Ив. Гогель былъ женатъ на родной сестрѣ жены повѣствовавшаго эти рассказы, рожденной Есаковой, и отъ него заимствованъ настоящій рассказъ.

досконально извѣстны государю. Такъ, между прочимъ, изъ разговора его выяснилось, что онъ влюбленъ въ дочь казначея, прекоршенькую блондинку, но что у послѣдней есть соперница, коварная брюнетка, которая ревнуетъ его къ блондинкѣ, и т. д. Словомъ, юная душа вылилась вся на распашку, забывая въ увлеченіи своемъ — съ кѣмъ ведетъ разговоръ...

Долго потѣшалъ прапорщикъ государя своими наивными разсказами и когда, наконецъ, пришло время прекратить ихъ, то до того поправился послѣднему, что тотъ, прощаясь съ нимъ, подалъ ему руку и велѣлъ Гогелю записать его фамилію.

По прошествіи нѣкотораго времени неизвѣстный и скромный армейскій прапорщикъ былъ высочайшимъ приказомъ переведенъ въ гвардію и когда потомъ онъ попадался на глаза Николаю Павловичу — на смотрѣхъ-ли или на выходахъ — послѣдній неизмѣнно узнавалъ его и шуточно спрашивалъ:

— „Что пишеть тебѣ твоя возлюбленная и что подѣлываетъ ея ревнивая соперница?“

7.

Находясь въ большой дружбѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, отцемъ императрицы Александры Теодоровны, императоръ Николай весьма часто навѣщалъ его въ Берлинѣ, и въ этихъ поѣздкахъ, совершаемыхъ имъ нерѣдко подъ строгимъ инкогнито, онъ обыкновенно ѣздилъ безъ всякой свиты и по чужой подорожной.

Въ одну изъ такихъ частныхъ поѣздокъ его, когда онъ, желая пріѣздомъ своимъ сдѣлать сюрпризъ императрицѣ, гостившей въ то время у отца своего въ Берлинѣ, принялъ особенныя мѣры предосторожности, чтобы не быть узнаваемымъ, и ѣхалъ подъ казенной подорожной одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, строгое инкогнито его было неосторожно разоблачено смотрителемъ одной почтовой станціи. Подѣхавъ къ этой станціи, государь вышелъ изъ экипажа и, въ ожиданіи перепряжки лошадей, а также расчета камердинера съ смотрителемъ въ прогонныхъ деньгахъ, вошелъ въ комнату для пассажировъ и сталъ по ней прохаживаться. Смотритель, увидѣвши изъ подорожной, что имѣеть дѣло не съ совсѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ, а съ генераль-адъютантомъ, счелъ долгомъ своимъ вручить подорожную лично ея владѣльцу. Войдя съ этой цѣлью въ комнату, гдѣ находился именитый путешественникъ, онъ остолбенѣлъ на порогѣ, увидѣвъ передъ собой самого государя, котораго ему не разъ доводилось видѣть прежде въ поѣзды послѣдняго по этой мѣстности.

— „Готовы лошади?“ спросилъ его Николай Павловичъ.

„Такъ точно, ваше императорское величество“ брякнулъ оторопѣвшій смотритель.

— „Д ! не видишь развѣ—кто прописанъ въ подорожной?“ замѣтилъ ему съ досадою государь и вышелъ къ экипажу:

8.

Въ частяхъ поѣздкахъ своихъ по шоссе изъ Петербурга къ прусской границѣ, Николай Павловичъ успѣлъ приглядѣться къ лицамъ смотрителей станцій и возившихъ его ямщиковъ; зналъ многихъ по имени, а съ однимъ старымъ ямщикомъ изъ поляковъ, по имени Янъ, имѣлъ даже привычку каждый разъ заговаривать и разспрашивать о его житьѣ-бытьѣ. Въ отвѣтахъ своихъ старый Янъ не стѣснялся и рубилъ съ плеча все, что ему приходило на умъ, за что собственно и пользовался такимъ особеннымъ расположеніемъ государя. И вотъ, разъ какъ-то, когда государь, по обыкновенію своему, сталъ шутливо заговаривать съ Яномъ, послѣдній оказался менѣе разговорчивымъ, чѣмъ обыкновенно, видимо, имѣя что-то на душѣ. Государь это замѣтилъ. Подъѣхавъ къ станціи и выйдя изъ экипажа, онъ обратился къ Яну съ вопросомъ, не постигло-ли его какое несчастье? Янъ снялъ шапку и мялся.

— „Ну, да не бойся, говори“, сказалъ ласково Николай.

„Najiasniejszy Pan zrobot sie skaru¹⁾“, заявилъ вдругъ наивно старикъ и вслѣдъ затѣмъ объяснилъ, что бывало прежде отпускалось на водку за царскій проѣздъ кучерамъ по червонцу, а форейторамъ—по рублю, теперь же кучера стали получать всего по рублю, а форейтора—по полтиннику.

— „Это почему такъ?“ обратился государь къ гр. Орлову и велѣлъ немедленно дознаться въ чемъ дѣло и доложить ему.

Изъ разспросовъ Орлова обнаружилось, что старшій камердинеръ государя, пользовавшійся его безграничнымъ довѣріемъ, имѣя на своей обязанности раздачу денегъ на чай ямщикамъ, прикарманивалъ большую половину этихъ денегъ въ свою пользу, мошеннически обчитывая бѣдныхъ ямщиковъ. Орловъ доложилъ объ этомъ открытіи ожидавшему его въ станціонной комнатѣ государю.

— „М.....цъ!“ крикнулъ Николай Павловичъ на павшаго передъ нимъ на колѣни преступнаго камердинера и, оттолкнувъ его ногой, приказалъ тутъ же, съ мѣста, посадить съ жандармами на тройку и отправить въ Сибирь на поселеніе.

¹⁾ Ваше величество сдѣлались скупы.

9.

Генераль-адъютантъ графъ Орловъ сопровождалъ почти всегда Никола Павловича въ его путешествіяхъ и ѣхалъ иногда въ отдѣльномъ экипажѣ впереди государя. Это послѣднее обстоятельство было однажды причиной забавнаго *qui proquo*.

Разъ, когда Николай Павловичъ ѣхалъ по обыкновенію своему на свиданіе къ королю прусскому, ему по пути былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ однимъ изъ богатыхъ помѣщиковъ Ковенской губерніи на близъ лежащей отъ имѣнія послѣдняго почтовой станціи. По маршруту государь долженъ былъ прибыть на ту станцію какъ разъ къ тому времени, когда имѣлъ обыкновеніе завтракать, а потому все какъ слѣдуетъ было приготовлено гостепріимнымъ помѣщикомъ къ урочному часу для приѣма: комнаты убраны оранжерейными растеніями, столъ, великолѣпно сервированный, установленъ яствами и питьями, а самъ хозяинъ, облеченный въ дворянскій мундиръ, стоялъ на крыльцѣ и нетерпѣливо ожидалъ прибытія предшествовавшаго государю фельдъегеря. Вотъ, наконецъ, прискакалъ и послѣдній и, быстро пережѣнивъ лошадей, объявилъ, что слѣдомъ за нимъ будетъ его величество.

Вскорѣ по шоссе дѣйствительно не замедлила показаться пыль отъ приближающагося экипажа и черезъ нѣсколько минутъ подкатила къ крыльцу станціи карета, запряженная шестеркой съ форейторомъ впереди. Изъ кареты выдѣзъ высокаго роста генераль въ бѣлой фуражкѣ и, не обращая вниманія на отдавашаго ему честь помѣщика, молча прошелъ прямо въ ту комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Генераль—который былъ не кто иной, какъ извѣстный своимъ аппетитомъ гр. Орловъ—пріятно изумился при видѣ изобильно уставленнаго блюдами стола и, не говоря ни слова, поспѣшно сталъ уписывать одно кушанье за другимъ, запивая все винами и видимо торопясь, чтобы не быть настигнутымъ государемъ. Покушавши, какъ слѣдуетъ, онъ всталъ со стола и, кивнувъ головой стоявшему у дверей помѣщику, молча сѣлъ снова въ свою карету и ускакалъ дальше...

Удивленный и крайне огорченный такимъ невниманіемъ къ нему, помѣщикъ, принявшій Орлова за Николая Павловича, вышелъ на крыльцо станціи и, въ грустномъ раздумьѣ о постигшей его неудачѣ, закурилъ трубку. Не успѣлъ онъ, однако, затянуться ею, какъ слѣдуетъ, какъ вдругъ подкатываетъ къ станціи еще экипажъ и въ немъ опять генераль въ бѣлой фуражкѣ. Этотъ, впрочемъ, не вышелъ изъ экипажа, а остался въ немъ во время перекачки лошадей. Замѣтя помѣщика, онъ подозвалъ его рукой къ себѣ.

— „Что вы здѣсь дѣлаете?“ спросилъ онъ его громкимъ голосомъ.

Помѣщикъ рассказалъ какъ о причинѣ своего нахождения на станціи, такъ

и о постигшей его неудачѣ съ „государемъ“, столь немилостиво осведшимся съ нимъ, и заключилъ свой рассказъ приглашеніемъ позавтракать.

— „Благодарю“, сказалъ проѣзжій, „я уже позавтракалъ на прошлой станціи. А вы развѣ никогда не видѣли государя?“

„Никогда, ваше превосходительство“.

— „А вамъ хотѣлось бы очень его видѣть?“ продолжалъ допрашивать первый.

„Еще-бы! Хотя-бы развѣ въ жизни хотѣлось поглядѣть на него вблизи и удостоиться его разговора—такого случая вѣдь уже никогда мнѣ не представится!“...

— „Вотъ какъ! Ну, такъ успокойтесь: тотъ, кого вы приняли за государя, не былъ имъ; государь—это я“, сказалъ улыбаясь Николай I-й безпрѣдѣльно изумленному помѣщику, и протянулъ ему на прощанье руку, которую тотъ поспѣшилъ поцѣловать.

10.

Въ одну изъ многихъ поѣздокъ своихъ въ Берлинъ, Николай Павловичъ, застигнутый однажды ненастьемъ у пограничной станціи въ мѣстечкѣ Таургенѣ, по прїѣздѣ на эту станцію, вышелъ изъ экипажа и вошелъ въ станціонную комнату, чтобы согрѣться. Случилось такъ, что наканунѣ того дня сторѣла до тла находящаяся насупротивъ станціи пчтовая контора, и почтмейстеръ, пострадавшій отъ пожара, перебрался на время съ семействомъ своимъ на станцію. Совершая и на сей разъ поѣздки свою подъ строгимъ инкогнито, императоръ Николай не былъ никѣмъ узнанъ и никто не могъ подозрѣвать о возможности его проѣзда. Не снимая шинели и фуражки, вошелъ онъ въ тускло освѣщенную сальной свѣчей станціонную комнату и, прислонясь къ топившейся печкѣ, сталъ около нея грѣться. Въ комнатѣ возилась въ то время у саковара жена погорѣвшаго почтмейстера, увидя которую, государь, сильно продрогшій, спросилъ сломанъ звонкимъ голосомъ—не кожетъ-ли онъ получить стаканъ чаю?

„Это еще что!“ вопросительно вскрикнула на него почтенная дама, „какое право имѣете вы такъ кричать на меня? Вишь ты какой! Влѣзъ въ комнату въ фуражкѣ, да еще вздумалъ командовать. Я, милостивый государь, не горничная какая, а жена здѣшняго почтмейстера и не позволю есакоу проѣзжему офицеру грѣбить мнѣ... Говорила я мужу, что здѣсь мы только нажигемъ себѣ непріятности отъ проѣзжихъ, вотъ оно и вышло по моему“—и пошла, и пошла голосить!

Государь молча, стоя у печки, слушалъ ее.

Въ моментъ самого сильнаго разгара рацей неутомной почтмейстерши,

отворилась дверь и на порогѣ ея остановился въ недоумѣніи генераль-адъютантъ гр. Орловъ. Видя, однако, что расхромившаяся баба не унижается, а, наоборотъ, забираетъ все выше, онъ сталъ ей дѣлать выразительные знаки рукой, давая ей понять, чтобы она замолчала.

„А этотъ еще что тамъ киваетъ?“ накинулась она вдругъ и на Орлова: „нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ, пойду и позову мужа!“ И съ этими словами энергичная почтмейстерша выскочила какъ бомба изъ комнаты...

— „Поѣдемъ“, сказалъ улыбаясь Николай Павловичъ своему спутнику, „дѣлать нечего—не удалсъ напиться чаю!“

На этомъ, вѣроятно, и закончился бы этотъ своеобразный эпизодъ и свирѣлая почтмейстерша никогда, быть можетъ, и не узнала—кого она такъ ласково приняла, если-бъ не возвратившіеся обратно ящички. Ящички эти, доставившіе государя до прусской почтовой станціи, возвратились пораженные тѣмъ, что они видѣли на прусской сторонѣ. Тамъ, по рассказамъ ихъ, вся станція была иллюминирована и мѣстныхъ власти выѣхали на встрѣчу высокому путешественнику. Ящички, естественно, заинтересовались узнать объ имени ихъ пассажира, и узнавъ, что это былъ самъ царь, обо всемъ видѣнномъ и узнанномъ ими рассказали у себя дома.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе, сообщенное ими, должно было произвести на почтмейстершу, а еще болѣе на ея перепуганнаго супруга! Но тревога ихъ была напрасна: никакихъ непріятныхъ послѣдствій для нихъ не послѣдовало. Только годъ спустя, когда Николай Павловичъ проѣзжалъ съ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ снова черезъ Таурогенъ, онъ вспомнилъ о приключившемся здѣсь съ нимъ.

— „Это здѣсь васъ нелюбезно приняла жена почтмейстера?“ спросилъ цесаревичъ своего отца, входя на станцію.

„Да, здѣсь“, отвѣтилъ ему послѣдній и рассказалъ, какъ все происходило. Они вышли оба садиться въ экипажъ, весело посмѣиваясь.

11.

У покойнаго князя Юсупова, въ его великолѣпномъ дворцѣ на Мойкѣ, былъ балъ. Балъ этотъ почтилъ своимъ присутствіемъ государь Николай Павловичъ со всей царской фамиліей. Оставляя балъ, государь спускался по лѣстницѣ, гдѣ тотчасъ ему была подана его шуба. Хватились шубы наследника цесаревича Александра Николаевича—въ то время еще очень молодого человѣка,—но къ ужасу всѣхъ ея нигдѣ нельзя было найти; поиски были тщетны—шуба оказалась уворованной! Въ такомъ крайнемъ положеніи, и чтобы не задерживать сѣвшаго уже въ сани и поджидавшаго государя, на цесаревича

накинули первую попавшуюся шинель. Увидя на цесаревичѣ эту шинель, Николай Павловичъ сильно разгнѣвался на него и всю дорогу до Зимняго дворца журить его за безпечность и небреженіе къ своему здоровію, а по приѣздѣ во дворецъ, приказавъ, не снимая шинели, отправиться за нимъ къ императрицѣ, которой, указывая на наслѣдника, сказалъ:

— „Полубуйся-ка, въ какой шинели онъ щеголяетъ въ такую погоду!“

Императрица Александра Теодоровна пришла въ ужасъ и въ свою очередь обратилась съ укоризнами къ сыну. Но какъ отцу, такъ и ей, онъ не проронилъ ни одного слова въ свое оправданіе, не желая выдать виновныхъ...

На другой день оберъ-полицеймейстеръ, явась съ утреннимъ рапортомъ къ государю, прежде всего доложилъ ему, что украденная наканунѣ вечеромъ на балу у князя Юсупова шуба его высочества розыскана и воръ задержанъ.

Велико было удивленіе Николая Павловича, когда онъ узналъ объ этомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ велика была и радость его за сына, обнаружившаго въ данномъ случаѣ столь рельефно всегда отличавшія его высокія душевныя качества. Онъ велѣлъ позвать его и горячо поцѣловалъ.

Сообщ. Анатолій Ег — охъ.

С. П. ШЕВЫРЕВЪ,

ЕГО СТИХОТВОРЕНІЕ.

Степанъ Петровичъ Шевыревъ горячо сочувствовалъ проявленіемъ свободы повсюду и съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ спѣшилъ откликаться на нихъ теплымъ, задушевымъ словомъ, въ той или другой формѣ. Изъ многихъ примѣровъ мы позволимъ себѣ привести одно стихотвореніе, написанное имъ по случаю начавшейся итальянской войны за свободу (кажется въ 1857 г.) и читанное имъ въ Москвѣ, въ публичномъ засѣданіи общества любителей Россійской словесности. Оно, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ не было напечатано и записано нами съ его словъ:

И для тебя насталъ свободы мигъ,
Раба своихъ тирановъ и чужихъ!

И ты, цѣпей почувствовавъ обиду,
Зовешь на нихъ народъ и Немизиду!

О кто тебѣ, красавица, изъ часъ
 Не скажетъ вслухъ: Богъ помочь! въ добрый часъ!
 Пошли тебѣ Господь свой даръ свободу,
 И за твою счастливую природу,
 И за твои лазурны небеса,
 За пѣсень даръ, за звонки голоса,
 За чудеса небесныхъ вдохновеній,
 Что навѣвалъ тебѣ искусства геній,
 За жертвы всѣ, за пролитую кровь,
 За красоту, за вѣру, за любовь,
 За славное отъ Бога назначенье
 Два раза дать народамъ просвѣщенье,
 За то, что нѣкогда въ семьѣ твоей
 И пѣлъ твой Дантъ, и мыслилъ Галилей,
 За то, что ты черезъ вѣка страдави
 Спасла ковчегъ народныхъ упованій.

Взглядъ на Шевырева начинается, кажется, разясняться. На критику
 лежитъ неотразимая обязанность подвергнуть безпристрастной оцѣнкѣ его
 литературную и ученую дѣятельность, взвѣсить на вѣсахъ строгой справед-
 ливости и выяснить все его значеніе для русской науки. Но выполнение
 этой почтенной задачи критикой почти невысказано до тѣхъ поръ, пока не
 будетъ издано полное собраніе сочиненій Шевырева, его лекцій и его обшир-
 ной переписки. А скоро ли мы дождемся этого?

П. В. Шейнъ.

СЕНАТОРЪ ЯКОВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

† 11-ГО ДЕКАВРЯ 1876 Г.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СЛАВЯНЪ

въ 1877—1878 гг.

Посмертныя Записки генер. отъ инфантеріи П. Д. Зотова.

III⁴⁾.

Приказы.—Движеніе на Плевно.—Дѣло 18 іюля 1877 года.—Диспозиція для войскъ западнаго отряда.—Пріѣздъ Скобелева.—Пораженіе Гурко подъ Ени-Загрой.—Пріѣздъ корреспондентовъ.—Андреевъ.—Недостатокъ въ продовольствіи.—Несостоятельность интендантства.—Незнакомство наше съ Турціей.

Въ Плевно у непріятеля считаютъ около 60,000 войскъ; силы же моего отряда, не считая румынъ и Скобелева, составляютъ 25,638 пштыковъ, 3,349 сабель, 186 орудій.

По строевымъ рапортамъ за 24 іюля 1877 г. значилось на лицо:

Въ 4-мъ корпусѣ:

16 див. Суздальскій полкъ	2,535	пштыковъ.
Углицкій "	2,642	"
Казанскій "	2,734	"
30 див. 1 бат. Ярослав. "	632	"
Шуйскій "	1,725	"
Коломенскій "	2,060	"
Серпуховскій "	2,035	"

пѣшихъ 80 орудій.

⁴⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, январь, стр. 213—240.

4 кав. див. Екатериносл. драг.	612 сабель.
Харьковск. улан.	611 "
Маріуп. гус.	606 "
2 конныя батареи, 12 орудій.	
Въ 9 корпусѣ:	
5 дивиз. Архангелогородскій полкъ . . .	1,656 штыковъ.
Вологодскій " . . .	1,735 "
Галицкій " . . .	1,818 "
31 дивиз. Пензенскій " . . .	1,764 "
Тамбовскій " . . .	1,891 "
Козловскій " . . .	1,721 "
1 батал. воронежскаго " . . .	706 "
9 кав. див. Бугскій уланскій полкъ. . .	456 сабель.
№ 9 казачій " . . .	745 "
3 с. № 34 пол. " . . .	317 "
пѣшихъ 88 орудій.	
конныхъ 6 "	

По полученнымъ изъ штаба арміи свѣдѣніямъ на пополненіе убыли 18-го іюля предполагалось изъ первыхъ запасныхъ войскъ назначить въ 9-й корпусъ 7,000, а въ 30 див.—3,000; но скоро-ли придутъ—неизвѣстно.

Какъ обернуться, чтобы съ этими силами выполнить возложенныя разнообразныя задачи. Разумѣется, первое, что нужно, сосредоточить силы и приблизить фланги, чтобы сгруппироваться около Плевны. Думаю, оставивъ 9-й корпусъ въ настоящемъ его расположеніи, на Болгаренскомъ шоссе, для прикрытія этой главной линіи, 4-й корпусъ выдвинуть уступомъ впередъ, чтобы имѣть наблюденіе надъ шоссе изъ Ловчи и занять имъ Боготъ, Тученицу, Пелишати и Сгалевицы. При такомъ расположеніи болѣе вѣроятія помѣшать движенію турокъ изъ Плевны въ Ловчу, а въ случаѣ атаки на 9-й корпусъ 4-й можетъ ударить въ правый флангъ непріятеля. Румынскую дивизію необходимо продвинуть впередъ и занять передовыми частями Рыбенъ и Чилисофать, а резервъ имѣть въ Бресляницѣ; такимъ расположеніемъ сократится линія наблюденія около Плевны и нѣкоторымъ образомъ прикроется переправа румынской арміи у Кораби. Но зачѣмъ румыны хотятъ строить мостъ у Кораби? тутъ турки могутъ оказать сопротивленіе; для прикрытія моста нужно возвести укрѣпленія и держать въ нихъ часть войскъ; обѣ эти невыгоды не имѣютъ мѣста при устройствѣ моста у Никополя; затѣмъ, дѣйствуя между Искеромъ и Видомъ, румыны могутъ подвергнуться отдѣльному пораженію и мы не въ состояніи будемъ имъ помочь.

Скобелева отрядъ необходимо также перевести на лѣвый берегъ Осмы, чтобы прикрыть долину этой рѣки, по лѣвому берегу которой идутъ удобныя дороги въ тылъ арміи, тогда какъ между Осмой и шоссе изъ Ловчи въ Сельви нѣтъ дороги съ запада на востокъ.

Рейтлингеру приказалъ изъ 3-го сапернаго батальона, присоединеннаго къ отряду, послать по одной ротѣ къ 4 и 9 корпусамъ для руководства при постройкѣ укрѣпленій. Одну роту оставить въ Болгарени для постройки, кромѣ имѣющагося, еще двухъ мостовъ; одну роту отправить въ Лежанъ и тамъ устроить также два моста. Тихменева, Лауница, Палина и Эссена послалъ обрекогноспировать мѣстность около Богота, Ралево, Брестовца и Слатина. Самъ поѣду осмотрѣть мѣстность отъ Сгалевиды къ Трестенику.

26 іюля. Порадимъ. Позиція, указанная вел. княземъ для 9 корпуса, крайне растянута, отъ Трестеника до Порадима¹⁾ около 6 верстъ; Криднеръ уже началъ работы. Для удовлетворенія желанія главнокомандующаго, велѣлъ на правомъ берегу ручья возвести нѣсколько батарей и ложементовъ, на протяженіи еще одной версты. Турки, конечно, знаютъ, что мы укрѣпляемъ позицію, и врядъ-ли пойдутъ ее атаковать, особенно, когда 4-й корпусъ будетъ стоять уступами впереди—этимъ расположеніемъ Криднеръ, а равно и Болгаренское шоссе вполнѣ будетъ обезпечено. Имѣя въ виду страшныя потери, при атакѣ турецкихъ укрѣпленій, намъ обязательно должно будетъ вызвать атаку съ ихъ стороны или вообще вызвать ихъ въ поле, чтобы подраться съ равными шансами,—нужно надѣяться, что тогда превосходство нашихъ войскъ, въ тактическомъ отношеніи, дастъ себя знать.

Получены приказы за іюнь и часть іюля; можно обратить вниманіе на приказы 21-го іюня № 100, 2 іюля № 109 и 16 іюля № 120, опредѣляющій цѣнность русскихъ денегъ, причемъ русскому кредитному рублю, оцѣненному въ 20 піастровъ, присвоивается хожденіе во всемъ завятомъ краѣ и сказано, что никто не въ правѣ отказываться въ приемѣ билетовъ по этой цѣнѣ. Но братушки и знать не хотятъ другихъ денегъ, кромѣ золота и серебра, а принимать (?) турецкія каиме, которыя приказали изъять изъ обращенія. Вообще до сихъ поръ не вижу никакого къ намъ сочувствія со стороны болгаръ; скорѣе — полное недовѣріе и даже враждебность, — продавать не хотятъ.

¹⁾ Одно слово не разобрано.

Гербеджи и попы положительно въ пользу турокъ, такъ какъ были ими утверждены въ должностяхъ и пользовались извѣстными выгодами отъ массы. Порадимскому гербеджи я долженъ былъ пригрозить всѣлицею за неисполненіе приказанія. Лазутчиками не соглашаются быть даже и за большія деньги.

Пріѣзжалъ Макшеевъ и рассказывалъ любопытныя вещи о дѣлахъ 8 и 18 іюля, въ конхъ былъ очевидцемъ. 7 іюля Шильдеръ-Шульднеръ двигался къ Плевно такимъ образомъ: впереди ѣхалъ онъ самъ, Лошкаревъ и ихъ штабы; за ними шли: Архангелогородскій полкъ и его обозъ; три батареи и ихъ обозы; Вологодскій полкъ и обозъ; № 9 казачій полкъ замыкалъ шествіе; впереди разъѣздовъ не было, а равно не была открыта связь съ Костромскимъ полкомъ, наступавшимъ по Болгаренскому шоссе; когда къ вечеру подошли къ кустарникамъ, покрывающимъ высоты къ сѣверу отъ Плевно, то въ разъѣзды послали адъютантовъ и ординарцевъ, которые встрѣчены были выстрѣлами. Остановилсь для ночлега и на другой день атаковали, не осмотрѣвъ непріятельской позиціи. Для атаки всѣ батальоны были выстроены въ одну линію безъ резерва. Отступленіе послѣ боя сильно походило на бѣгство,—къ счастью, турки не преслѣдовали. Послѣ сдачи Никополя, генераль Н. приказалъ офицерамъ возвратитъ, какъ военную добычу, всѣхъ захваченныхъ турецкихъ лошадей, а самъ присвоилъ себѣ двѣ верховныя лошади. Представленіе командира Z* полка за 8-е іюля было возвращено, потому что H*** не представилъ сына *** Антошу; велѣно было включить его въ представленіе и притомъ составить ему реляцію на полученіе золотой сабли.

Диспозиція на 18 іюля была получена въ штабѣ 9-й кавалерійской дивизіи, получасомъ позже времени, назначеннаго для движенія; перевязочныхъ пунктовъ не было опредѣлено. 18 іюля Коломенскій полкъ, получивъ приказанія, въ 5 часовъ, идти «туда» ¹⁾, на выстрѣлы Шаховскаго. Полкъ и пошелъ въ промежуткѣ между Криднеромъ и Шаховскимъ.

Получена строевая записка о составѣ и численности 4-хъ дивизій румынскихъ войскъ А. Ангелеско.

1 бат. стрѣлковъ	1 бат. 800
2 полка линейныхъ	4 » 2,964
4 » доробанцевъ	7 » 4,211

Итого . . . — » 7,975

3 полка каларашей—12 эскадроновъ 1,347 сабель, 6 батарей артиллеріи, изъ которыхъ одна конная—всего 36 орудій.

¹⁾ Здѣсь не разобрано два слова.

Слышна была канонада со стороны Ловчи. Скобелевъ производилъ рекогносцировку.

Отдалъ диспозицію по западному отряду: 9-му корпусу изъ 19 батальоновъ 10-ю занять укрѣпленія, а 9 имѣть въ резервъ, 4-му корпусу занимать авангардомъ Пелишати и Сгалевицы, резервъ у Порадима.

27-го іюля. Обѣзжалъ лощину Порадима и мѣстность до Трестеника; познакомился съ войсками 9 корпуса, кажется, духомъ не упали и въ полѣ вполне надежны; но жалуются на артиллерію и на турокъ, зарывающихся въ землю, откуда выбить трудно. Одиночные люди бродятъ всюду; отданъ приказъ объ отправкѣ командами за разными надобностями; Криднеръ находитъ, что это излишнія стѣсненія; насчетъ диспозиціи находитъ, что мало войскъ назначено для занятія укрѣпленій, все почему-то опасается за Трестеникъ, бесполезно занимаемый, и не хочетъ согласиться, что расположеніе уступомъ 4-го корпуса вполне его обезпечиваетъ.

Разсказывалъ *** подробности дѣла 18 іюля; говорить, что главную атаку назначилъ со стороны Радишевскихъ высотъ, а между тѣмъ, далъ Шаховскому только 12 батальоновъ (изъ которыхъ одинъ былъ отдѣленъ къ Скобелеву на Ловчинское шоссе), а противъ Гривицкаго редута послалъ 19 батальоновъ и резервъ изъ 6 батальоновъ держалъ тоже у Гривицы, верстахъ въ 5—6 отъ мѣста атаки Шаховскаго. Далѣе говорить, что когда, около 5 часовъ пополудни, онъ замѣтилъ, что артиллерійскій огонь не производилъ должнаго эффекта, то хотѣлъ отложить штурмъ; но Дигницъ и другіе прусскіе офицеры были этимъ крайне недовольны, а Гальяръ прямо сказалъ: «*Mon général, on m'a chargé de vous dire, qu'on tient beaucoup à ce que Plevna soit prise absolument*», слѣдовательно не собственныя военныя соображенія руководили командующимъ войсками, нестѣсненнаго ничьимъ присутствіемъ, ничьимъ вліяніемъ, а мнѣнія иностранныхъ офицеровъ; къ тому-же въ это время Шаховской прислалъ сказать, что онъ атакуетъ, хотя, по словамъ Криднера, согласно диспозиціи, онъ долженъ былъ для атаки ждать приказанія Криднера. Когда Шаховской потребовалъ подкрѣпленія, то Коломенскій полкъ будто-бы былъ направленъ къ нему съ офицеромъ генеральнаго штаба, — а Г.....¹⁾ говорить, что офицеръ дѣйствительно подѣхалъ по направленію движенія, показалъ рукою въ промежутокъ между Гривицею и Радишевскою горою, отчего полкъ и вышелъ не къ Шаховскому, а въ промежутокъ между нимъ и Крид-

¹⁾ Фамилія не разобрана

перомъ. Въ заключеніе Криднеръ говорить, что вечеромъ онъ послалъ письменное приказаніе Шаховскому оставаться на позиціи и не отступать, съ тѣмъ, чтобы на другой день вторично атаковать; но Шаховской не послушался и началъ отступленіе, тогда приказано было отступать и войскамъ 9 корпуса. Имѣя въ виду, что Криднеръ распоряжался вполне самостоятельно, нельзя его оправдать въ томъ, что для главной атаки было назначено гораздо менѣе войскъ, чѣмъ для второстепенной, и что видя, что успѣхъ атаки не достаточно подготовленъ артиллеріею, онъ не остановилъ штурма.

Во всякомъ случаѣ: а) съ одною бригадою 32 дивизіи не слѣдовало посылать корпуснаго командира, для избѣжанія столкновенія самолюбія, — слѣдовало обсудить рѣшеніе военнаго совѣта, представлявшаго о недостаточныхъ шансахъ на успѣхъ; а ужъ ежели, вопреки мнѣнію совѣта, приказывалось атаковать, то слѣдовало усилить Криднера, насколько возможно, и для этого направить къ Плевно 9 батальоновъ 16-й дивизіи, бывшихъ уже 14 іюля у Тюркъ-Сливы въ трехъ переходахъ отъ Плевно.

Получено разрѣшеніе распустить отрядъ Скобелева и пользоваться румынскою кавалеріею.

28 іюля. Посылалъ парламентаря въ Плевну съ письмомъ отъ плѣнныхъ турокъ изъ Никополя; но турки не уважали парламентарскаго флага и начали стрѣлять.

Отдана новая диспозиція по войскамъ Западнаго отряда: 1) румынской дивизіи Ангелеско, оставивъ въ распоряженіи Столыпина два батальона съ батареею и полкъ каларашей (для занятія переправы у Гиляны и наблюденія на лѣвомъ берегу Вида по направленію къ Рахову и Плевно), передвинуться въ Бресляницу и занять Крету батальономъ; Рыбенъ двумя батальонами и 4 орудіями; Чилисофатъ батальономъ съ двумя орудіями, остальные шесть батальоновъ съ 4 батареями въ резервѣ у Бресляницы. 2) Два полка каларашей присоединить къ Лошкареву и этимъ двумъ полкамъ, вмѣстѣ съ бугскими уланами, наблюдать пространство между Видомъ и болгаренскимъ шоссе. 3) 9-му корпусу оставаться попрежнему у Карагача Болгарскаго, отдѣливъ Галицкій полкъ въ Сгалевицы. 4) Въ 4-мъ корпусѣ: тремъ полкамъ 16-й дивизіи расположиться между Тученицею и Боготомъ, занимая оба пункта авангардомъ; на ручьѣ позади бивуака выстроить редутъ на двѣ роты съ 4 орудіями; для сохраненія этого пункта, въ случаѣ необходимости, двинуть куда нибудь полки дивизіи; укрѣпивъ позицію въ Сгалевицахъ, занять ее двумя батальонами Шуйскаго и

Галицкаго полковъ съ двумя батареями. Ярославскій полкъ съ батареею у Порадима; а 2-я бригада 30 дивизіи, а равно кавалерійскій резервъ, изъ 1-й бригады 4 кавалерійской дивизіи съ № 7 батареею, въ Пелишатъ; на дорогѣ оттуда въ Гривицу для дежурной части (2 роты съ 2 орудіями) выстроена флешъ съ флангами, которая связываетъ Сгалевицкую позицію съ расположеніемъ 16 дивизіи. 5) Мариупольскіе гусары, казачій № 9 полкъ и три сотни № 34 полка занимаютъ передовые посты отъ Болгаренскаго шоссе, мимо Радишево, впереди Тученицы и Богота вдоль Ловчинскаго шоссе до Слатина. 6) Казачья кавказская бригада располагается въ Унглавѣ и содержитъ передовые посты отъ лѣваго берега Осмы до лѣваго фланга казакъ № 34 полка. 7) Владина занята батальономъ Шуйскаго полка съ двумя орудіями для опоры лѣваго фланга. Такимъ образомъ, Ловчинское шоссе подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и по немъ турки болѣе двигаться не могутъ; линія передовыхъ постовъ сокращена; образованъ кавалерійскій подвижной резервъ, а 9-й корпусъ и Болгаренское шоссе вполнѣ обезпечены расположеніемъ 4-го корпуса.

30 іюля. Двое сутокъ шелъ проливной дождь, мосты на Осмѣ сорвало, броды непроходимы, дорога и вся мѣстность распустились и сдѣлались непроходимы. Замѣчательно, что въ Видѣ вода поднимается послѣ дождей дня черезъ два. Приказалъ воспретить болгарамъ пасти скотъ на пространствахъ между нашими и неприятельскими аванпостами; они служатъ болѣе туркамъ, чѣмъ намъ. Богатство болгаръ въ хлѣбѣ и скотѣ поразительно; предлагалъ по 50 полуимперіаловъ желающимъ отправиться въ Плевно и на Софійское шоссе между Плевно и Орханіе для собранія свѣдѣній, но охотниковъ нѣтъ.

31-го іюля. Приѣхалъ Скобелевъ; со слезами просить, чтобы его оставили при мнѣ, такъ какъ положеніе его въ штабѣ, гдѣ его всѣ ненавидятъ (?), для него невыносимо. Человѣкъ дѣльный, съ военнымъ взглядомъ и опытностью; но по моральнымъ качествамъ, кажется, ненадежный — страшный честолюбецъ и должно быть не разборчивъ въ средствахъ для удовлетворенія своего честолюбія. Говорить, что на 18-е іюля его подчинили Криднеру и Шаховскому и, сверхъ того, приказали доносить прямо въ штабъ арміи; что ежели бы онъ въ тотъ день имѣлъ вмѣсто одного три батальона пѣхоты, то взялъ бы Плевно и рѣшилъ бы участь дня въ нашу пользу — самоувѣренность большая, когда самъ утверждаетъ, что предъ началомъ отступленія Шаховскаго онъ видѣлъ резервъ турокъ за линією южныхъ укрѣпленій силою въ 22,000. Утверждаетъ, что строй-

ное отступление его батальона съ кавказскою бригадою спасло Шаховскаго отъ катастрофы при отступленіи. Рекогносцировка у Ловчи, по мнѣнію Скобелева, выясняетъ, что пунктъ этотъ можетъ быть занятъ безъ большой потери. Конечно, было бы полезно завладѣть Ловчею, для обезпеченія нашего лѣваго фланга при операціяхъ противъ Плевно, а равно и для открытія ближайшаго и удобнѣйшаго сообщенія съ кн. Мирскимъ; но вѣдь силы наши слишкомъ слабы, и штурмъ все же будетъ стоить не менѣе 1,000 человекъ потери, а можетъ быть и болѣе.

Скобелевъ долженъ быть завистливъ и не пощадить пріятеля, чтобы выставить себя. Вотъ что онъ намъ рассказывалъ о георгіевскомъ крестѣ генерала Z*. Командовалъ онъ какимъ-то отрядомъ, кажется у Браилова, когда устраивалось тамъ минное загражденіе — четыре миноносца съ помѣщенными на нихъ двумя ротами Подольскаго полка занимались этою операціею и по окончаніи, вытащивъ лодки на берегъ, расположились завтракать на правомъ берегу Дуная. «Вдругъ вижу, говоритъ Скобелевъ, что по высотамъ берега тянется колонна турокъ къ тому мѣсту, гдѣ расположились неосторожные — приказываю подать лодку и сажусь въ нее съ Мольскимъ (командиръ полка), а въ это время подѣзжаетъ Z* и садится съ нами. По пріѣздѣ на лѣвый берегъ, предупредили неосторожныхъ и немедленно начали тащить въ воду миноносцевъ. Двухъ спустили въ воду, когда турки уже подошли почти къ краю возвышеннаго берега. Тогда Z* будто бы предложилъ бросить остальныхъ двухъ миноносцевъ и спастись на двухъ, спущенныхъ уже въ воду. Сказано — сдѣлано. Черезъ нѣсколько времени въ Плоэшти приглашаюсь я въ засѣданіе Георгіевской кавалерской думы и вообразите мое изумленіе: въ числѣ другихъ предлагается на обсужденіе подвигъ Z* о спасеніи подъ выстрѣлами непріятеля 4-хъ миноносцевъ».

Въ послѣднихъ числахъ іюля прибыло въ 9-й корпусъ около 3,000 укомплектованія, такъ что сила русской пѣхоты въ западномъ отрядѣ возрасла до 30,000.

Свѣдѣнія о численности войскъ 31-го іюля 1877 г.

4-го корпуса:

16-й дивизіи полки:	Суздальскій	2,535	штыковъ.
	Углицкій	2,642	„
	Казанскій	2,734	„
30-й дивизіи полки:	Ярославскій	1,915	„
	Шуйскій	1,725	„
	Коломенскій	2,060	„
	Серпуховскій	2,034	„

9-го корпуса:

5-й дивизиі полки:	Архангелогородскій	2,156	штыковъ.
	Вологодскій	2,235	“
	Галицкій	2,398	“
31-й дивизиі полки:	Пензенскій	2,264	“
	Тамбовскій	2,391	“
	Козловскій	2,221	“
	1 батал. Воронежск.	706	“

Итого 29,837 штыковъ.

1-го августа. Получено извѣстiе, что Гурко разбитъ подъ Ени и Эски-Загрой; передовой нашъ отрядъ, повидимому, шелъ впередъ слишкомъ быстро и не былъ поддержанъ остальными войсками, да, правда, что ихъ было слишкомъ мало для исполненiя задуманнаго плана. Ошибка противъ основнаго принципа военнаго дѣла: всегда соображать свои дѣйствiя съ имѣющимися наличными средствами. Мы задались планомъ смѣлымъ; но при исполненiи, желая занять по возможности болѣе пунктовъ и прикрыть себя отсюда, разбросались и выходимъ вездѣ слабыми, вдаваясь въ кордонную систему, которая, при напорѣ непрiятеля на одну точку, того и смотри прорвется. Силою обстоятельствъ и ошибками нашими, мы изъ наступающаго обратились въ обороняющагося. Плевна приковала къ себѣ 4-й и 9-й корпуса; противъ турецкой армiи Магмета-Али, собранной въ 4-хъ угольникѣ крѣпостей, стоятъ 12 и 13 корпуса; а съ другой стороны 14-й корпусъ генерала Циммермана, который слишкомъ слабъ, чтобы рѣшительными дѣйствiями обратить на себя серьезное вниманiе турокъ. 1¹/₂ дивизиі 11 корпуса занимаютъ на восточномъ фронтѣ промежутокъ между Рущукскимъ отрядомъ и горами; 11-я дивизiя занимаетъ Османъ-базарскую дорогу и Елену; 9-я дивизiя прикрываетъ Тырновъ съ запада и остается для поддержанiя наступательныхъ дѣйствiй Гурко одна 14-я дивизiя, — много не сдѣлаешь. Для прикрытiя операціоннаго пункта на лѣвомъ берегу Дуная оставлено весьма слабое прикрытiе изъ бригадъ 32-й дивизиі и двухъ полковъ кавалерiи 11-й кавалерiйской дивизиі; стратегическаго резерва нѣтъ. Въ послѣдствiя неправильнаго распредѣленiя силъ на театрѣ войны и неумѣстность рейдовъ.

Вода на Осмѣ все идетъ выше мостовъ, а въ Видѣ начинается прибывать. Перебѣжчикъ изъ Плевно (болгаринъ, сынъ мясника) сообщаетъ, что для гарнизона Плевно ежедневно бьется 60 штукъ скота и 200 барановъ, что каждый солдатъ низама и редифа получаетъ въ день 80 драммъ мяса (око около 3-хъ фунтовъ, омкать 400 драммъ) и одно око хлѣба; больные получаютъ болѣе. Раненыхъ, послѣ 18-го iюля, было отправлено въ Софію на 1,000 подводяхъ; больныхъ остается въ Плевно око 3,000 человекъ. Черкесы и баши-бузуки

довольствія не получаютъ,—орудій считается до 70. По расчету потребляемаго мяса, сила регулярныхъ войскъ Османа-паши должна доходить до 60,000 человѣкъ; по слухамъ ожидается изъ Софіи 40 таборовъ съ 14 орудіями. Возвратиться въ Плевно перебѣжчикъ не соглашается ни за какія деньги, а вышелъ онъ у буковой липы со скотомъ.

Явились корреспонденты газетъ: «Биржевыхъ вѣдомостей»—Максимовъ, а со Скобелевымъ—англичанинъ, корреспондентъ «Таймса», Стенли и корреспондентъ Делли-Ньюсъ—Макъ-Гаханъ.

На аванпостахъ у маріупольскихъ гусаръ почти ежедневныя стычки; полкъ держитъ аванпосты исправно, благодаря молодцу Андрыкаеву, который добровольно взялъ на себя обязанность постоянного начальника аванпостовъ и сидитъ въ цѣпи день и ночь.

Удивительная любовь къ военному дѣлу въ кавказскихъ уроженцахъ; Андрыкаевъ—осетинъ, и что значить въ кавалеріи хотя одинъ изъ офицеровъ смѣлый и отчаянный кавалеристъ,—всѣмъ поддаетъ бодрость духа. Гривицу и Радишево турки занимаютъ не постоянно, такъ что наши развѣды по временамъ тамъ бываютъ; у турокъ цѣпь передовыхъ постовъ смѣшанная—пѣхотные пикеты, а впереди конные; наши гусары уже два раза попались въ ловушку: отступающіе черкескіе посты наводили ихъ на огонь пѣхоты.

Распутица страшная; прошу Непокойчицкаго провести телеграфъ хоть до Порадима и дать нѣсколько понтоновъ для мостовъ чрезъ Осму, такъ какъ нѣтъ возможности найти на мѣстѣ лѣса для мостовъ достаточныхъ размѣровъ; пишу тоже о необходимости осадной артиллеріи. Съ аванпостовъ донесенія, что турки все работаютъ на укрѣпленіяхъ и строятъ редутъ на Ловчинской дорогѣ у Крышина.

2-го августа. Успокаиваются совершенно, мечтаютъ о возможности для западнаго отряда начать наступательныя дѣйствія. Сегодня пріѣхалъ ординарецъ штабъ-ротмистръ Евреинновъ съ приказаніемъ произвести набѣгъ на лѣвый берегъ Вида, съ цѣлью захватить транспортъ съ артиллерійскими запасами, слѣдующій изъ Видина въ Плевно, подъ прикрытіемъ двухъ таборовъ и нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ; къ этому присовокупляетъ, что по имѣющимся свѣдѣніямъ въ Орханіе собрано 14,000 турецкой пѣхоты. Итакъ, хотя обстоятельства нисколько не измѣнились, инструкцію, данную мнѣ, забываютъ и требуютъ отъ меня предиріянія, вполне рискованнаго. Въ самомъ дѣлѣ, какіе шансы на успѣхъ нападенія на транспортъ? Ни время выступленія транспорта изъ Видина, ни дорога, по которой онъ слѣдуетъ, мнѣ неизвѣстны, а онъ можетъ идти и чрезъ

Рахово, и чрезъ Врацу—слѣдовательно, нужно его разыскивать по двумъ направлєніямъ на разстояніи отъ 150 до 200 верстъ. Дороги непроходимы и бродовъ на Видѣ нѣтъ, а можетъ быть ихъ нѣтъ и на Искерѣ. У меня въ подвижномъ резервѣ есть бригада кавалеріи, но что она сдѣлаетъ, когда транспортъ прикрывается двумя баталіонами пѣхоты и нѣсколькими сотнями черкесовъ. Послать же пѣхоту въ такую распутицу и на такія дальнія разстоянія было-бы безуміемъ; да притомъ противъ моихъ 30,000 стоитъ 60,000, которые ежеминутно могутъ дебушировать изъ Плевно и, отбросивъ меня, вторгнуться въ тылъ арміи. Положительно отказываюсь отъ набѣга, рискуя навлечь на себя неудовольствіе. . . .

Скобелевъ, должно быть, принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ корреспондентовъ; сегодня я засталъ у него Макъ-Гахана съ рукописью, которую онъ исправлялъ, должно быть, по указаніямъ Скобелева. Оба они немного сконфузились при моемъ входѣ. Нашъ топографъ Сафоновъ, гражданскій чиновникъ, вполне безстрашный; со своею мензурою и 6 человѣками рабочихъ онъ снимаетъ планъ подъ выстрѣлами изъ ложементовъ.

Получилъ письмо отъ коменданта Никополя Аркадія Дмитріевича Столыпина: предлагаетъ съ своей стороны всѣ имѣющіяся у него средства, два осадныя орудія, снаряды, платформы, туры и фашины для дѣйствія противъ Плевно. Рѣдкій примѣръ самоотверженія въ нашей арміи, характеризующій человѣка честнаго, незараженнаго завистью и мелкимъ тщеславіемъ, вполне доблестнаго воина,—кабы такихъ людей у насъ было побольше; къ несчастію, ихъ слишкомъ мало. О румынскихъ войскахъ отзывается неблагопріятно, особенно о начальникахъ, которые больше занимаются политикою, чѣмъ своимъ дѣломъ.

Приказалъ въ войскахъ заготовлять туры, фашины и лѣстницы, устроить учебные бруствера и пріучить войска къ штурму. Криднеръ почему-то недоволенъ этими распоряженіями.

3-го августа. Получилъ отзывъ Непокойчицкаго № 923. Разрѣ-

шается нападеніе на транспортъ не производить, а Скобелева оставить въ моемъ распоряженіи.

4-го августа. Жалобы на недостатокъ сухарей и другихъ предметовъ довольствія войскъ, какъ-то: спирту, чаю, сахару, начинаютъ повторяться чаще и чаще. Дѣлаю распоряженіе уменьшить въ войскахъ дачу сухарей и усилить дачу мяса; о хлѣбѣ, обѣщанномъ товариществомъ, нѣтъ и помину; 9-й корпусъ, расположенный ближе къ Никополю, имѣетъ тамъ пекарни и получаетъ хлѣбъ, а 4-й и сухарей не имѣетъ, да и агента товарищества нѣтъ. При богатствѣ Болгаріи въ зернѣ всякаго рода и въ травахъ, можно бы было установить правильную реквизицію, заготовить для войскъ запасы, пожалуй, хоть на цѣлый годъ; это бы слѣдовало возложить на интендантство со дня перехода черезъ Дунай, но это не сдѣлано,—вина-ли интендантства или штаба арміи, не давшаго интендантству наряда — не знаю. Но дѣлъ въ томъ, что множество луговъ и полей съ хлѣбомъ, принадлежащихъ обѣжавшимъ туркамъ, истребляются войсками самымъ безжалостнымъ образомъ. Что хватило-бы для довольствія части недѣли на двѣ, уничтожается въ однѣ сутки; самъ видѣлъ, какъ лошади на конюшняхъ стоятъ по брюхо въ скошенномъ овсѣ. Дѣла затягиваются, этой мѣстности скоро не оставимъ, а до осени, пожалуй, все истребятъ, останутся только кукурузовыя поля. Непонятное тоже дѣло съ перевязочными средствами арміи. Свѣчинъ говоритъ, что транспортъ интендантства состоитъ изъ 10,000 подводъ, да сверхъ того у Варшавскаго законтраковано 7,000 подводъ, по 4 рубля за каждую въ сутки; слѣдовательно, всего 17,000 подводъ. Объ обѣщанной придачѣ каждой дивизіи транспорта нѣтъ и помину—да и вообще въ западномъ отрядѣ транспортовъ не видно; приходитъ, и то не всякій день, подводъ 100, 150 и рѣдко болѣе 200, такъ какъ войска расположены въ трехъ главныхъ группахъ: на Янтрѣ, въ Балканахъ и на Видѣ, то, казалось бы, каждая часть должна имѣть при себѣ около 5,000 подводъ, а ихъ нѣтъ, только цесаревичъ успѣлъ присвоить себѣ 3,500

подводъ, которые и держать при Рушукскомъ отрядѣ. Является вопросъ: есть-ли, на самомъ дѣлѣ, при арміи эти 17,000 подводъ; считая отъ Фратешты до Порадима 6 переходовъ, а обратно, порожнякамъ, 5, должно бы было ежедневно прибывать (изъ 5,000 подводъ) около 450 съ припасами, и тогда бы войска, по всей вѣроятности, ни въ чемъ не нуждались; вѣтъ, интендантство всегда было, есть и будетъ врагомъ арміи. Партизаны этого вреднаго и дорого стоящаго учрежденія обыкновенно указываютъ, что въ военное время окажется вся выгода интендантства; мы въ настоящее время при арміи имѣемъ ихъ два: одно официальное, министерское, другое жидовское а между тѣмъ даже теперь, въ хорошее время года, войска уже нуждаются; что-же будетъ осенью и зимою во время бездорожья?

Телеграфъ до Порадома общають провести, но въ понтонахъ отказываютъ,—а по словамъ Рейтлингера въ Тырновѣ стоитъ отдѣленіе понтоннаго парка безъ всякаго употребленія — приказываютъ устроить мосты чрезъ Осму изъ мѣстныхъ матеріаловъ; конечно, устроить, но ихъ опять сорветъ при первомъ половодіи.

Съ аванпостовъ гусары ежедневно доносятъ, что тысячи болгаръ и турокъ все копошатся около укрѣпленій: должно быть, турки создаютъ новый Севастополь,—время, благо, мы имъ даемъ.

Во что, однако, обойдется новый штурмъ, который непременно хотять произвести? Боюсь, чтобы турки не заняли укрѣпленіями всѣхъ командующихъ высотъ, тогда вѣдь и артиллерія негдѣ будетъ поставить. Ежели мы для прикрытія праваго фланга арміи считаемъ недостаточнымъ занимать линіи Осмы и во что бы то ни стало хотимъ утвердиться на Видѣ, то для второй атаки Плевны слѣдовало сосредоточить такія силы, чтобы успѣхъ былъ вѣренъ; можно было употребить 9 батальоновъ 16 дивизіи, взять временно дивизію изъ Рушукскаго отряда; но этого не сдѣлали, а теперь задача становится съ каждымъ днемъ труднѣе и труднѣе. Армія Османа умножается, укрѣпленія растутъ и усиливаются. Судьба зло подшутила надо мною, возложивъ на мою отвѣтственность такую трудную, ежели не совѣмъ неисполнимую, задачу. Да и зачѣмъ въ сущности намъ Плевна?

Прикрываясь Осмой, мы вполне обезпечивали быправый флангъ арміи; пусть турки насъ атакуютъ и бьютъ свои лбы,—вѣдь на сторонѣ обороняющихся огромныя выгоды. Вопросъ чести? Но слѣдуетъ ли его имѣть на первомъ планѣ и для него жертвовать болѣе существенными цѣлями войны? Конечно, первая цѣль войны—это разбить неприятельскую армію. Ихъ противъ насъ три: одна Османа въ Плевно, другая Сулеймана противъ Радецкаго, третья Мегметъ-Али противъ Цесаревича; на которую выгоднѣе всего ударить сосредоточенными силами?

У Османа не менѣе 60.000 въ укрѣпленномъ лагерѣ; другія, кажется, еще не успѣли укрѣпиться. Чтобы имѣть подъ Плевною положительный успѣхъ, нужно здѣсь сосредоточить не менѣе 100.000; а гдѣ ихъ взять? Говорять, что къ Дуваю подходятъ 2 и 3 дивизіи, съ 3-ю стрѣлковою бригадою; но вѣдь это только около 30.000; въ соединеніи со мною составитя армія въ 60.000; это только силы равныя Осману,—съ такимъ количествомъ войска за успѣхъ поручиться нельзя.

Три дня тому назадъ три болгарина за 50 полуимперіаловъ согласились отправиться на дорогу изъ Плевны въ Орханіе, чтобы разузнать объ ожидаемыхъ турками подкрѣпленіяхъ, и взяли 20 полуимперіаловъ задатка. Сегодня вернулись двое изъ нихъ и сообщили, что, по переправѣ черезъ Видъ, они наткнулись на баши-бузукъвъ, продовольствующихся въ болгарскихъ селеніяхъ собственными средствами; одинъ изъ нихъ, именно тотъ, у котораго былъ задатокъ, захваченъ, а эти два успѣли спастись и болѣе идти на орханійскую дорогу не соглашаются; по всей вѣроятности, плуты обманываютъ, но что, же съ ними сдѣлать? Повѣсить? А можетъ быть и правду говорить? А деньги пропали. Вотъ что непроситительно: Россія ведетъ съ Турціею войны слишкомъ 150 лѣтъ, и каждая война стоила десятки милліоновъ денегъ; восточный вопросъ составляетъ основной столбъ нашей политики и, между тѣмъ, Турція до сихъ поръ для насъ почти terra incognita и мы не имѣемъ въ странѣ ни вѣрныхъ шпионовъ, ни порядочныхъ картъ, ни вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній. При громадныхъ расходахъ на представительство при иностранныхъ дворахъ, какія нибудь 50—100 тысячъ въ годъ для изученія и изслѣдованія театра войны въ Турціи и приобрѣтеніе вѣрныхъ лазутчиковъ было не расходомъ, а чистою экономіею; ибо при новой войнѣ, къ которой мы должны были быть готовы ежеминутно, эти израсходованныя деньги на изученіе страны доставили бы намъ милліоны экономіи. А пруссаки намъ показали хорошій примѣръ передъ войною 1870 года: восточная Франція была за два года до войны наводнена пруссаками, повѣрявшими карты, собиравшими всевозможныя о странѣ свѣдѣнія и потому войну пруссаки вели съ открытыми картами, а мы блуждаемъ въ полныхъ потемкахъ. Ужъ, видно, судьба наша такая—подражать мы очень любимъ, но только въ внѣшнихъ вещахъ: каски, однобортные мундиры, крайне неудобные шарфы; а суть дѣла, мысль, духъ—у насъ ускользають. За то и наказаны.

IV.

Тактика Османа Паши.—Непокойчицкій.—Свѣдѣнія о состояніи Плевны.—Топографъ Сафоновъ.—Письмо отъ полковника Ангелеско.—Подвигъ хорунжаго.—Неисправность почты.—Ожиданіе луннаго затмѣнія.—Стратегическія способности нашихъ союзниковъ румынъ.—Рекогносцировка Плевненскихъ укрѣпленій.—Инструкція, данная Непокойчицкимъ.

6-го августа. Приѣхалъ Непокойчицкій; кажется, не вѣрить моимъ сообщеніямъ о силѣ непріятельской позиціи и числѣ штыковъ въ арміи Османа; полагаетъ, что я преувеличиваю и указываетъ на необходимость начинать наступательныя дѣйствія, въ виду того, что Мегметъ-Али начинаетъ тѣснить Руцукскій отрядъ, а противъ Радецкаго также собираются таборы Сулеймана. На чемъ основана подобная перемѣна воззрѣнія на дѣло? Двѣ недѣли тому назадъ даютъ инструкцію строго держаться оборонительнаго положенія, даже допускаютъ возможность быть отброшеннымъ за Осму, и вдругъ, безъ всякой перемѣны обстоятельствъ, помышляютъ о дѣйствіяхъ агрессивныхъ. Османъ самъ не атакуетъ, слѣдовательно онъ слабъ,—силлогизмъ рогатый. Османъ благоразуменъ: ему дана задача занимать Плевно и не пропускать русскихъ за Видъ; онъ сидитъ, выжидая, что мы его будемъ выбивать—зачѣмъ дескать я буду бить свой лобъ, пускай это дѣлаютъ русскіе Непокойчицкій вообще не словоохотливъ. Убѣждается моими доводами начинать наступательныя дѣйствія по присоединеніи всѣхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій, которыя будутъ состоять изъ 2 и 3 пѣхотныхъ дивизій и 3 стрѣлковой бригады и всей 35.000 румынской арміи съ ея прекрасною дальнобойною артиллеріею. Ежели этимъ войскамъ дадутъ полную свободу дѣйствовать безъ всякихъ стѣсненій—пожалуй, можно будетъ и взять Плевно, разбивъ армію Османа. Сверхъ того, обѣщаютъ на дняхъ 6—7 тысячъ для укомплектованія 4 и 5 корпусовъ. Владимірскій полкъ съ батарею также идетъ и прибудетъ 11-го числа. Все это прибудетъ къ половинѣ августа. Поломался немного на счетъ осадныхъ орудій, которыхъ я требую не менѣе 20 пушекъ и 10 мортиръ, и тутъ же написалъ Левицкому шифрованную телеграмму о направленіи подъ Плевно части осаднаго артиллерійскаго парка. Взять осмотрѣть позицію турокъ не нашель нужнымъ. На счетъ устройства правильнаго довольствія войскъ тоже обѣщаль позаботиться.

Столыпинъ обѣщаетъ выслать туры, фашины, два годныхъ осадныхъ орудія, съ платформами и зарядами, по 200 на каждое,—безкорыстное содѣйствіе Столыпина составляетъ явленіе вполне отрадное.

Новые перебѣжчики изъ Плевно, болгары, подтверждаютъ, что у Османа около 100 таборовъ и 70 орудій; кромѣ того, есть около 1,000 черкесовъ, 4 эскадрона регулярной кавалеріи и около 2,000 баши-бузуковъ; скоть въ изобиліи, хлѣба тоже много и непрерывно подвозятъ изъ деревень, лежащихъ за Искеромъ и между этою рѣкою и Видомъ.

7-го августа. По рассказамъ перебѣжчика, въ Плевно прибыло 14 таборовъ арнаутовъ съ 12 орудіями. Тутолмина сильно беспокоитъ черкесы и баши-бузуки; перевелъ батальоны изъ Владина въ Унглавъ.

Сафонова чуть бытъ не застукали; съ 10 рабочими, онъ изъ кукурузнаго поля, вблизи непріятельскихъ укрѣпленій, производилъ съемку; показались черкесы около двухъ сотенъ и начали окружать поля; храбрый Сафоновъ не приказалъ людямъ стрѣлять, и началъ отступать по кукурузному полю. Черкесы, вѣроятно, опасаясь хитрости, поступали нерѣшительно и въ кукурузу не входили. Положеніе Сафонова было бы, однако, безвыходное, когда, по выходѣ изъ кукурузы, черкесы бы замѣтили, что нашихъ всего 10 человекъ. Выручилъ изъ бѣды молодець Андрыкаевъ, повѣрившій посты и случайно увидѣвшій опасность грозившую Сафонову,—съ однимъ взводомъ гусаръ, стоявшихъ на пикетѣ, Андрыкаевъ бросается въ атаку на черкесовъ, которые дали тягу.

8-го августа. Левицкій телеграфируетъ, что на счетъ высылки осадныхъ орудій распоряженіе сдѣлано; что же касается до мортиръ, то онѣ могутъ быть высланы не ранѣе какъ черезъ двѣ недѣли; пожалуй, мортиръ и совсѣмъ не дадутъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы снова напомнить о трудностяхъ замышляемой атаки, пишу (7-го августа № 91): «Изъ телеграммы Левицкаго явствуетъ, что мортиры могутъ быть доставлены только черезъ двѣ недѣли, а такъ какъ онѣ столько же, ежели еще не болѣе, необходимы, какъ и осадныя пушки, то убѣдительно прошу в. высокопр.—во употребить всѣ усилія, чтобы и тѣ и другія орудія были присланы одновременно. Двѣ недѣли крайне долгій срокъ, и то, что въ настоящее время кажется достаточнымъ, можетъ оказаться черезъ двѣ недѣли недостаточнымъ; въ двѣ недѣли въ Плевно можетъ возникнуть новый Гибралтаръ и придется, можетъ быть, вести правильную осаду».

Нѣсколько дней тому назадъ болгары чрезъ чиновника Каре-Джанова, состоящаго при мнѣ въ роли переводчика, для сношенія съ жителями, жаловались мнѣ на румынъ Ангелеско, забирающихъ у нихъ бесплатно скоть и другіе жизненные припасы. На запросъ мой чрезъ Лошкарева Ангелеско вотъ что мнѣ отвѣтилъ:

Romania Dividia 4 activa № 1216. Annuba 1877 luna adut 7 (19) Breslany.

Excellence.

Le commandant de la brigade de Calaraschi m'a transmit l'ordre de son Excellence le general-major Lochcareff par lequel lui fait connaitre qu'une enquête a été ordonnée par votre Excellence afin de constater si les troupes roumaines ont pris des fourrages sans payer.

Je m'empresse de soumettre à la connaissance de votre Excellence que nos troupes manquent pour le moment des fonds nécessaires et ne peuvent pas faire face aux dépenses qu'entraîneraient le payement des fourrages; à ce fait ne voyant un autre moyen d'approvisionnement, j'ai donné l'ordre aux troupes de donner des quittances jusqu'à ce qu'il leur arrivent l'argent que j'ai demandé au ministre de la guerre.

En conséquence je prie Votre Excellence faire connaitre aux réclamants que toutes les quittances qui seront délivrées par les commandants de mes troupes seront acquittés dans le plus bref délai.

Le commandant de la 4 division roumaine, colonel A. Angelesco.

Son Excellence

Le general-lieutenant Zotoff, commandant l'armée d'Occident.

(Переводъ). «В. п-во, командиръ бригады каларашей сообщилъ мнѣ приказъ е. пр—ва ген.-м. Лонкарева, которымъ сообщается, что по приказанію в. пр—ва наряжено слѣдствие съ цѣлью удостовѣриться—брали ли румынскія войска фуражъ бесплатно.

«Спѣшу довести до свѣдѣнія в. пр—ва, что войска наши не имѣютъ въ данную минуту достаточно средствъ и не въ состояніи покрыть расходовъ, которые повлекли бы за собою уплату за фуражъ; поэтому, не видя иного средства для снабженія войска, я отдалъ приказаніе войскамъ выдавать квитанціи впредь до полученія денегъ, которыя я требую у военнаго министра.

«Вслѣдствие этого прошу в. пр—во объявить, что по квитанціямъ, выданнымъ начальниками моихъ войскъ, будетъ произведена уплата въ самомъ непродолжительномъ времени. Начальникъ 4 румынской дивизіи полковникъ А. Ангелеско.

«Е. пр—ву ген.-лейт. Зотову, начальнику западнаго отряда».

Итакъ, наши любезные союзники, въ одномъ переходѣ отъ своей границы, изобилующей и скотомъ, и хлѣбомъ, воюющіе за свою независимость и взявшіе съ насъ уже нѣсколько милліоновъ, находятъ необходимымъ производить реквизиціи съ болгаръ, за освобожденіе которыхъ мы воюемъ, не дозволяя себѣ брать съ нихъ даромъ ни одной курицы.

Чтобы удовлетворить нѣсколько воинственныхъ пылъ главной квартиры и пугнуть Османа съ лѣваго берега Вида, гдѣ онъ производитъ,

подобно румынамъ, но въ бѣльшихъ размѣрахъ, реквизици, рѣшаюсъ направить Лощкарева съ 1-й бригадой 4-й кавалерійской дивизіи, Бугскимъ уланскимъ полкомъ и полкомъ каларашей на лѣвый берегъ Вида, чтобы сдѣлать поискъ на Софійское шоссе, уничтожить телеграфъ и захватить что можно. Хотя на Л*** надежда плохая, но у него будетъ Леонтьевъ и Макшеевъ; завтра съ разсвѣтомъ сдѣлаютъ набѣгъ.

Приѣхалъ К*** съ жалобой, что К—въ не даетъ хода представленію о слѣдующемъ подвигѣ хорунжаго № 9 полка, сообщенномъ ему, К***, сыномъ его, Антошей. Хорунжій со взводомъ казаковъ, посланный въ разъѣздъ между Тученицею и Боготомъ, наткнулся на двѣ сотни черкесовъ. Видя затруднительность своего положенія, онъ дѣлаетъ по черкесамъ залпъ; маршь-маршемъ отскакиваетъ назадъ на 100 сажень, снова дѣлаетъ залпъ и повторяетъ этотъ маневръ три или четыре раза, пока не приблизился къ Боготу, занятому нашею пѣхотою. Не любо—не слушай, а вратъ не мѣшай. Я отвѣчалъ, что дѣйствительно К—въ мнѣ объ этомъ подвигѣ не представлялъ, но что ежели-бы представилъ, то я этой сказкѣ не повѣрилъ бы, такъ какъ въ теченіи десятилѣтней службы на Кавказѣ слишкомъ хорошо познакомился съ кавказскими горцами. Смѣлая атака одного взвода противъ двухъ сотенъ, или отчаянное намѣреніе спасавшихся казаковъ защищаться, могла бы поселить въ черкесахъ панику или нерѣшимость атаковать, но при первомъ поворотѣ назадъ казаки были-бы настигнуты и порублены. Должно быть это былъ пробный базисъ; затѣмъ, послѣдовалъ-бы новый рассказъ о подвигѣ, въ такомъ-же вкусѣ, самого Антоши.

9 августа. Получено свѣдѣніе, что противъ Радецкаго въ Шибкѣ собралось 24 табора и 4,000 кавалеріи, вслѣдствіе этого 2 дивизіи, вмѣсто Плевно, направлена въ горы. Новыя свѣдѣнія, что Мегметъ-Али наступаетъ по Османъ-базарской дорогѣ; Мирскій-же доноситъ, что изъ Ловчи ожидается нападеніе на Сельви. Повидимому, непріятель начинаетъ общее наступленіе; мы же растянуты и вездѣ слабы—должны только отбиваться. Приказано отправить на шоссе изъ Ловчи въ Сельви бригаду пѣхоты, а между тѣмъ, въ виду всеобщаго наступленія турокъ, можно ожидать того-же и со стороны Османа изъ Плевны. Назначены Казанскій и Шуйскій полки, подъ командою Скобелева, какъ знающаго хорошо мѣстность въ окрестностяхъ Ловчи и Сельви, притомъ-же на Полторацкаго или Гренквиста мало надежды, чтобы они хорошо распорядились при полной самостоятельности. Скобелевъ требуетъ Куропаткина и Кавказскую казачью бригаду; оказывается необходимымъ вернуть назадъ кавалерію изъ-за Вида и сгруппировать войска,—при снабженіи командироваемыхъ на Сельви восьмидневнымъ сухарнымъ запа-

сомъ, оказывается, что во всеъ 4 корпусѣ набралось сухарей на 8 дней только на 4 батальона, а потому Скобелева отрядъ будетъ состоять изъ казачьей бригады, Казанскаго полка съ батареей и одного батальона Шуйскаго. Для закрытія долины Осмы назначены драгуны съ конной батареей, а для сгруппированія войскъ оставляю Боготъ и Тученицу и стягиваю два полка 11-й див. къ Пелишату, авангардомъ будутъ занимать редутъ и флешъ. Всѣ распоряженія приведутъ въ исполненіе завтра. Ночью телеграмма отъ Радецкаго: атаковали около 40 таборовъ, шесть послѣдовательныхъ атакъ отбито, потеря наша только 200 человекъ.

Почтовая корреспонденція устроена крайне плохо; письма получаютъ неаккуратно, старѣйшія позже новѣйшихъ и притомъ никогда не ранѣе, какъ на четырнадцатый день. Человѣку, ведущему собачью жизнь военного времени, лишенному всѣхъ привычныхъ удобствъ въ жизни, отдѣленному отъ семьи, т. е. всего того, что ему дорого и мило, единственнымъ утѣшеніемъ могло-бы служить полученіе вѣстей изъ роднаго очага,—это бы поддерживало его духъ и позволяло-бы легче переносить всѣ невзгоды;—эта нравственная потребность человѣческой природы. Частныхъ же телеграммъ и совѣтъ не дозволяютъ посылать по военному телеграфу; отчего-бы не устроить немедленно государственный телеграфъ, вѣдь расходы быстро-бы окупались.

Въ виду возможности нападенія приказалъ усилить бдительность на передовыхъ постахъ и поторопиться устройствомъ укрѣпленій у Сгалевицы.

10 августа. Думалъ, что наступленіе турокъ съ востока и юга заставитъ измѣнить у насъ намѣреніе и рѣшить ограничиться противъ неподвижнаго Османа наблюденіемъ и обратить сосредоточенныя усилія противъ Мегмета или Сулеймана, которые оказываются болѣе предпримчивыми, а не создали еще укрѣпленныхъ лагерей, подобно Плевенскому; но нѣтъ, остаются на прежней мысли.

Получилъ отъ Непохойцицкаго письмо отъ 8 августа № 996, въ которомъ онъ пишетъ, что хотя 2-я дивизія временно направлена въ горы, но что этимъ не устраняется возможность употребленія ея для наступательныхъ дѣйствій подъ Плевно; затѣмъ сообщаетъ, что мортиры невозможно своевременно доставить и что начальникъ артиллеріи арміи находитъ, что навѣсное дѣйствіе мортиръ вполне можетъ быть замѣнено, особенно на дальнихъ дистанціяхъ, навѣсною стрѣльбою дальнобойныхъ осадныхъ орудій. Итакъ, послѣ двухъ отбитыхъ штурмовъ, настаиваютъ на третьемъ, но, предпринимая это трудное и

рискованное дѣло—не хотѣть давать требуемых мною средствъ. Пишу Непокойчицкому отъ 10 августа № 11: «Въ письмѣ в. высокопр—ва, № 996, вы увѣдомляете меня о невозможности своевременно доставить мортиры и приводите мнѣніе начальника артиллеріи, что 24 фунт. пушки, въ особенности дальняго боя и на дальнихъ дистанціяхъ, вполнѣ пригодны для навѣсной стрѣльбы; ни мало не отвергая приведенное мнѣніе, я, въ замѣнъ мортиръ, въ такомъ случаѣ, прошу васъ снабдить меня соотвѣтствующимъ числомъ длинныхъ дальнобойныхъ орудій. Вообще снабженіе Западнаго отряда сильною осадною артиллеріею, которою я могъ бы открыть мои дѣйствія противъ Плевны, я считаю положительно необходимымъ, какъ по причинамъ моральнымъ, такъ и матеріальнымъ, ибо, позволяю себѣ повторить, турецкія укрѣпленія здѣсь вооружены многочисленною артиллеріею, стрѣляющею гораздо далѣе нашихъ 9-ти фунт. орудій. Затѣмъ, такъ какъ на 9-ти фунт. орудіе имѣется у насъ (въ ящикахъ, летучемъ и подвижномъ паркахъ) всего по 112 обыкновенныхъ гранатъ (на каждое орудіе), которыми, при обстрѣливаниі укрѣпленій съ дальнихъ дистанцій, собственно, можно и должно дѣйствовать, то я, въ виду полной вѣроятности продолжительнаго дѣйствія артиллеріи въ предстоящемъ бою, попросилъ-бы распоряженія вашего о заблаговременномъ доставленіи изъ мѣстныхъ нарковъ этого рода снарядовъ для 9 фунтовыхъ батарей Западнаго отряда.

«Сообщая мнѣ о возможности употребленія 2-й дивизіи для наступательныхъ дѣйствій подъ Плевно, в. высокопр—во ничего не упоминаете объ обѣщанныхъ мнѣ, для усиленія Западнаго отряда, 3-й дивизіи, стрѣлковой бригады и укомплектованіи для полковъ 4-го и 9-го корпусовъ. Между тѣмъ всѣ усиленія эти настоятельно необходимы, ибо, со включеніемъ и румынской дивизіи, силы Западнаго отряда, по числу штыковъ, все таки не дойдутъ и до 60,000, тогда какъ имъ предстоитъ брать укрѣпленный лагерь противника, силы котораго, по всѣмъ доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, никакъ нельзя считать менѣе 70—80,000».

Набѣгъ Лошкарева привелъ, какъ я и ожидалъ, къ результатамъ ничтожнымъ: испортили телеграфъ и захватили возвращавшійся изъ Плевны транспортъ около 200 паръ буйволовъ и воловъ, принадлежавшій, вѣроятно, болгарамъ. Вообще дѣйствія нашей кавалеріи не отличаются особеннымъ блескомъ; ухарства и лихости нѣтъ; болѣе развита осторожность и нерѣшительность, особенно боятся непріятельской пѣхоты. Офицеры, какъ Андрыкаевъ, являются рѣдкимъ исключеніемъ.

11-го августа. По свѣдѣніямъ изъ Шибки, всѣ атаки 9—10 чиселъ, веденныя Сулейманомъ, отбиты съ большимъ для него урономъ; въ ночь съ 11-го на 12-ое Радецкій самъ предполагаетъ атаковать, какъ пишетъ великій князь. Любопытную телеграмму прислалъ сегодня Левицкій. Телеграмма изъ Горнаго Студеня, 11-го августа 1877 г., № 307: «Передайте генералу Зотову, приказано вамъ сообщить, что сегодня отъ 10-ти часовъ вечера до 2-хъ пополуночи должно быть лунное затмѣніе; у турокъ обычай стрѣлять въ луну во время затмѣнія, надо, чтобы войска объ этомъ знали; необходимо также имѣть въ виду, что во время затмѣнія турки настроены очень тревожно и склонны къ паникѣ. Левицкій».

Ужъ не вызываютъ-ли меня атаковать Плевненскій лагерь во время луннаго затмѣнія? Неужели Радецкій думаетъ имъ воспользоваться для атаки турокъ?

12-го августа. Начинаются жестокия жары; термометръ показываетъ въ тѣни 42°, а на солнцѣ—51½°.

Въ штабѣ арміи недовольны моимъ распоряженіемъ объ очищеніи Боготы и Тученицы и требуютъ снова занять эти пункты; не хотятъ (допустить), что за ослабленіемъ меня отрядомъ Скобелева и въ виду ожиданія атаки со стороны Османа, мнѣ необходимо сосредоточиться; ежели Османъ ударитъ между Тученицею и Сгалевицею, то бригада 16-й дивизіи будетъ отрѣзана и отдѣльно разбита, а Боготъ и Тученицу я всегда снова займу, когда въ этомъ явится надобность, и (главному штабу) не слѣдуетъ мѣшаться въ подробности распоряженій частныхъ начальниковъ и стѣснять ихъ; слѣдуетъ указать цѣль и предоставить свободу дѣйствія, иначе можно убить въ частномъ начальникѣ всякую энергію и инициативу и породить въ немъ недовѣріе къ самому себѣ. Требования этого я не исполню, потому что пользы въ занятіи этихъ пунктовъ не вижу, а возможность подвергнуть бригаду отдѣльному пораженію вижу.

Отрядъ Скобелева разрѣшено возвратить; атака же Радецкаго, повидимому, не состоялась, ибо изъ телеграммы видно, что наши только держатся; Рущукскій отрядъ оставляетъ линію Бѣлаго Лома.

13-го августа. Румынская армія окончательно строить мостъ у Караби, а противъ Никополя переправляетъ кавалерію. Начальникъ штаба, Сланичано, сообщая мнѣ объ этомъ, развиваетъ свой планъ дѣйствія, безпрестанно повторяя фразу: «d'après mes combinaisons stratégiques». Планъ мало понятенъ: онъ хочетъ сѣсть à cheval на низовьяхъ Искера и оперировать по направленію къ Рахову и Плевно,

освѣщая зону между Видомъ и Искеромъ. Избави Богъ отъ подобныхъ стратеговъ. Войска неопытныя, начальники еще болѣе неопытны и притомъ заражены самодурствомъ. Какъ можно предоставлять имъ отдѣльныя самостоятельныя дѣйствія? Неужели главнокомандующій это допустить? Оперируя отдѣльно на лѣвомъ берегу Вида, они турокъ, знающихъ имъ цѣну, не испугаютъ, а, напротивъ, будутъ тормозить наши дѣйствія, обращаясь къ намъ постоянно за помощью. Ужъ ежели мы навязали себѣ этихъ союзниковъ, то слѣдовало-бы ихъ вполне присоединить и даже перемѣшать съ частями нашихъ войскъ, подчинивъ нашимъ начальникамъ. По мнѣнію Столыпина, изъ высшихъ румынскихъ офицеровъ только одинъ генераль Мано, получившій военное образованіе въ Берлинѣ, можетъ назваться военнымъ генераломъ; остальные же, во всякомъ случаѣ, ниже всякой критики; къ сожалѣнію, Мано, какъ консерваторъ, устраненъ отъ командованія дивизіею и ему дана безцвѣтная роль начальника артиллеріи. Изъ прилагаемаго письма Столыпина (Приложеніе № 1) видно, что продовольственная часть у румынъ устроена дурно.

Для содѣйствія румынамъ въ устройствѣ переправы приказаль всю кавалерію, переправляемую у Никополя (два полка рошіоровъ и 4 полка каларашей) направить на лѣвый берегъ Вида. Занять линію между Видомъ и Искеромъ на высотѣ Рыбина и Старосельцы, имѣя резервъ въ Брестѣ; находящимся въ распоряженіи Столыпина двумя батальонамъ румынъ съ батареею велѣлъ занять Гюлянци на лѣвомъ берегу Вида.

На счетъ отряда Скобелева послѣдовала перемѣна: ему велѣно оставаться между Ловчею и Сельви, такъ какъ 2-я дивизія направляется къ Шибкѣ, гдѣ бой идетъ ожесточенный.

14-го августа. Утро посвятилъ на производство рекогносцировки восточнаго и южнаго фронта плевненскихъ укрѣпленій; къ удовольствію увидѣлъ, что еще достаточно мѣста для расположенія нашихъ батарей, по высотамъ около Гривницы и Радишева; турки удостоили меня дюжиною брошенныхъ гранатъ изъ ближайшихъ укрѣпленій; видно, что они отлично пристрѣлялись по извѣстнымъ направленіямъ, особенно вдоль лоцинь, спускающихся въ плевненскую котловину. Въ ближайшихъ къ нимъ линіяхъ фронта видны 4 редута, связанные траншеями и усиленные впереди ложементами. Оборонительныя работы еще продолжаются. Трудное дѣло будетъ штурмовать эти укрѣпленія, даже и при содѣйствіи осадной артиллеріи. Потери будутъ громадныя.

Опять получаю длиннѣйшую инструкцію въ отзывѣ Непокойчицкаго, отъ 14-го августа, № 1029—слозь и рука Левицкаго:

«Изъ телеграммъ, мною отправленныхъ къ вамъ, в. прев—ство уже извѣщены какъ о томъ, что румынская армія начала совершать переправу черезъ Дунай въ окрестностяхъ Карабинъ, такъ и о томъ, что вел. князь главнокомандующій приказалъ вамъ, въ случаѣ надобности, оказать румынамъ возможное содѣйствіе. Для соображеній вашихъ о способѣ дѣйствія на различныя случайности, считаю необходимымъ сообщить слѣдующія данныя: румынская армія послѣ переправы предполагала направиться къ Плевно, чтобы содѣйствовать нашему наступленію на турецкую армію; при этомъ она предполагала принять направленіе въ пространство между Искеромъ и Видомъ, чтобы дѣйствовать на сообщенія противника. Первоначально предполагалось произвести переправу и начать дальнѣйшія дѣйствія одновременно съ наступленіемъ нашихъ войскъ противъ Плевненской арміи. Между тѣмъ обстоятельства измѣнились; Сулейманъ-паша, успѣвъ собрать значительныя силы, до 60 и даже болѣе таборовъ, атаковалъ Шибку. Атака длится шестой день, причемъ къ нему приходятъ новыя подкрѣпленія.

«Какъ видно, Сулейманъ рѣшился умереть или взять проходъ. При такомъ условіи, придавая важное значеніе удержанію прохода, великій князь рѣшился усилить войска г. Радецкаго, не смотря на то, что онъ успѣлъ уже собрать на Шибкѣ 25 батальоновъ. Для сего, какъ извѣстно в. пр—ву, направляется уже на Габрово и Шибку, въ распоряженіе г. Радецкаго, бригада 11-й дивизіи изъ Тырново и бригада 2-й дивизіи изъ Сельви; въ Тырново же направлена 3-я стрѣлковая бригада изъ Горнаго Студеня. Великій князь, кромѣ того, уже рѣшилъ, въ случаѣ надобности, направить къ Габрову и другую бригаду 2-й дивизіи, ежели не обнаружится серьезнаго наступленія отъ Ловчи и подтвердятся полученныя изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія, что у этого пункта имѣются значительныя силы. Бригадѣ послано приказаніе быть въ полной готовности къ выступленію по первому приказанію. Въ случаѣ, если представится дѣйствительная необходимость двинуть эту бригаду, тогда отрядъ г. Скобелева долженъ будетъ остаться на дорогѣ изъ Ловчи въ Сельви и защищать ее отъ наступленія изъ Ловчи. Такимъ образомъ, почти всѣ войска, которыми предполагалось усилить западный отрядъ для рѣшительнаго, совмѣстно съ румынами, наступленія противъ арміи Османа-паши, получили уже, хотя и временно, другое назначеніе и могутъ быть возвращены для первоначальной цѣли только тогда, когда, если намъ поможетъ Богъ, отбивъ наступленіе Сулеймана, заставятъ его отойти назадъ. На основаніи всего этого великій князь главнокомандующій признаетъ вынужденнымъ, до разъясненія обстоятельствъ, выждать результата

дѣйствій противъ Сулеймана и, до благоприятнаго его исхода, отказаться отъ преднамѣренныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ Османа, — между тѣмъ, румынская армія совершаетъ переправу. Въ случаѣ наступленія противъ нея изъ Плевны, Орханіе, даже Видина (о послѣднемъ имѣются уже свѣдѣнія), необходимо поддержать ихъ вашимъ содѣйствіемъ. Чрезъ это обстоятельства могутъ сложиться такъ, что западный отрядъ, противъ нашей воли, можетъ быть поставленъ въ необходимость приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Чтобы поддержать этотъ отрядъ, великій князь имѣетъ въ своемъ распоряженіи резервъ, который въ настоящее время состоитъ пока только изъ 12-го пѣхотнаго полка съ тремя батареями, къ которому не ранѣе 19-го числа могутъ подойти еще бригада 3-й дивизіи съ тремя батареями. При этомъ нужно имѣть въ виду, что это есть единственный резервъ и для другихъ частей арміи. Разбирая затѣмъ численныя средства Западнаго отряда, окажется: русскія войска—въ 9-мъ корпусѣ, 7 полковъ пѣхоты и 3 полка кавалеріи; въ 4-мъ, безъ отряда Скобелева, 17 батальоновъ и 3 полка кавалеріи, всего 38 батальоновъ и 32 эскадрона; къ 4 корпусу 16-го августа присоединится Владимірскій полкъ съ батареею; румынскихъ, въ 2 дивизіяхъ и резервѣ, за исключеніемъ 2 батальоновъ въ Никополѣ, 40 батальоновъ, 31 эскадронъ. Поэтому общій итогъ войскъ Западнаго отряда будетъ: 81 батальонъ и 63 эскадрона; этихъ силъ, кажется, будетъ достаточно для противудѣйствія различнымъ случайностямъ. Для преднамѣренныхъ же наступательныхъ дѣйствій великій князь считаетъ ихъ однако недостаточными. На основаніи этого послѣдняго поневолѣ будетъ необходимымъ временно, до разъясненія обстоятельствъ, выждать, противудѣйствуя туркамъ въ ихъ предпріятіяхъ, которыя могутъ состоять: или въ наступленіи противъ нашихъ войскъ, противъ праваго фланга общаго расположенія; или въ наступленіи противъ румынъ, съ цѣлью разбить ихъ прежде, нежели мы окажемъ имъ помощь, или, наконецъ, въ особенности, въ случаѣ успѣшнаго отраженія Сулеймана, въ отступленіи къ Балканамъ. Въ первомъ случаѣ намъ нужно удерживаться въ занятыхъ нами позиціяхъ, и если пришлось-бы временно отходить, то отойти за рѣку Осму, но никакъ не далѣе, хотя бы до полнаго истощенія силъ. Во второмъ случаѣ можно, оставивъ только необходимую часть противъ Плевно, съ главными силами идти на поддержку румынъ, чтобы остановить турокъ въ открытомъ полѣ, или же, по полученіи свѣдѣній о движеніи турокъ противъ румынъ, немедленно подойти къ Плевно и завязать бой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ доводить бой до атаки слѣдовало бы только при условіи, что число войскъ въ Плевно будетъ незначительно и будетъ полная

вѣроятность въ успѣхѣ атаки. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ необходимо перейти въ самое рѣшительное наступленіе, и настойчивымъ, назойливымъ преслѣдованіемъ разстроить непріятели. Великій князь главнокомандующій, приказавъ высказать эти общіе взгляды, въ то-же время приказалъ сообщить вамъ, что способъ дѣйствія онъ предоставляетъ совершенно вашему усмотрѣнію и желалъ только, чтобы вы о вашихъ соображеніяхъ сообщали какъ ему, такъ и въ штабъ румынской арміи. Но во всякомъ случаѣ великій князь обращаетъ вниманіе ваше на необходимость быть съ настоящей минуты въ постоянной, тѣсной связи со штабомъ румынской арміи, а также зорко, неустанно слѣдить за всѣми движеніями непріятели, чтобы имѣть постоянно о немъ самыя точныя свѣдѣнія и при первомъ движеніи его изъ Плевно принять соотвѣтствующія мѣры. Относительно подчиненности румынскихъ войскъ великій князь приказалъ сообщить, что, до прибытія главнокомандующаго къ Западному отряду, румынскія войска должны состоять подъ общею вашею командою, получая отъ васъ указанія для дѣйствія. Объ этомъ вмѣстѣ съ симъ еще разъ сообщается въ главную квартиру ихъ арміи».

Прочитать эту многословную профессорскую лекцію, нужно употребить достаточное время; а написать — еще болѣе, а время въѣдъ деньги, его попусту тратить не слѣдуетъ. Въ военной перепискѣ первое условіе ясность и законченность

15 августа. Скобелевъ пишетъ, что со стороны Ловчи и Трояна нѣтъ никакихъ признаковъ, заставляющихъ остерегаться наступленія турокъ съ этой стороны; письмо привезъ Стенлей, возвратившійся съ Шибки. По его описанію позиція наша вдоль дороги, идущей чрезъ переваль, слѣдовательно, въ направленіи, перпендикулярномъ къ позиціи непріятели и притомъ окруженной командующими высотами, изъ которыхъ нѣкоторыя въ разстояніи ружейнаго выстрѣла. Турки окружили насъ въ видѣ подковы и обстрѣливаютъ продольно въ тылу нашамъ дорогу—трудно уразумѣть, какъ могла быть избрана подобная позиція; а между тѣмъ укрѣпившій ее, а можетъ быть и выбравшій, адъютантъ Ласковскій получилъ Георгіевскій крестъ.

Войска нуждаются въ сухаряхъ, спиртѣ, чаѣ и сахарѣ, а интендантство прислало транспортъ около 200 подводъ съ ячменемъ, котораго подъ рукою на мѣстѣ вдоволь, и притомъ онъ стоитъ отъ 3 р. 50 к. до 4 р. четверть, а интендантскій, по словамъ Грибоѣдова, обходится съ перевозкою по 42 руб. четверть, хотя эта цифра, быть можетъ, и преувеличена, но все-же, ежели принять въ соображеніе, что справочная цѣна 6 р. 50 коп., а подвода, стоящая 4 р. въ день, везетъ

только 4 четверти и бываетъ въ дорогѣ отъ Фратешти до Порадима и обратно 12 дней, окажется, что четверть обойдется около 20 руб.; слѣдовательно, болѣе чѣмъ въ пять разъ дороже противъ мѣстной цѣны. Закупкою на мѣстѣ интендантство могло-бы обезпечить довольствіе всей арміи ячменемъ легко на цѣлый годъ. Мудрено простому смертному постигнуть тайны интендантскихъ высшихъ соображеній.

Пріѣхалъ новый агентъ товарищества, Кузминъ, который также на словахъ все общаетъ, но, вѣроятно, ничего не сдѣлаетъ, какъ и его предшественникъ. Просить дать саперъ для постройки печей въ P* и послать туда отъ полковъ хлѣбопековъ. Приказано сдѣлать.

Съ аванпостовъ все тѣ-же извѣстія объ усиленныхъ работахъ около Плевненскихъ укрѣпленій; у мариупольцевъ постоянныя стычки съ черкесами. По образцу турокъ, велѣлъ наши кавалерійскіе аванпосты поддерживать командами стрѣлковъ. Опытъ съ охотничьими командами отъ 16 дивизіи не далъ никакихъ результатовъ; нѣтъ отчаянныхъ офицеровъ, или-же Тихменевъ испортилъ дѣло излишнею регламентаціею.

П. Д. Зотовъ.

Примѣчаніе. Считаемо необходимымъ замѣтить, что записки генераль-отъ инфантеріи П. Д. Зотова печатаются нами съ подлинной его рукописи: она писана на почтовой бумагѣ малаго формата и крайне мелкимъ, не разборчивымъ почеркомъ; писана ежедневно во время войны и послѣ не исправлялась и не дополнялась П. Д. Зотовымъ.

Ред.

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ,

предсѣдатель редакціонныхъ комиссій по составленію

положеній объ устройствѣ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости,

род. 1801 г. † 1874 г.

Представя на страницахъ „Русской Старины“ множество матеріаловъ къ исторіи освобожденія крестьянъ, мы неоднократно вспоминали главнѣйшихъ сподвижниковъ императора Александра II въ его трудахъ по освобожденію крестьянъ. При настоящей книгѣ нашего изданія мы помѣщаемъ портретъ втораго, по времени, предсѣдателя редакціонныхъ комиссій—гр. В. Н. Панина и напоминаемъ о его заслугахъ Россіи словами рескриптовъ въ Бозѣ почившаго монарха.

Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ, дѣйств. т. сов., членъ госуд. сов., бывшій министромъ юстиціи 21 годъ и главноуправл. II-мъ отдѣл. собств. его имп. вел. канц., род. въ 1801 г. и получилъ серьезное домашнее воспитаніе, давшее ему возможность сдать экзамень въ московскомъ университетѣ передъ поступленіемъ на службу въ иностранную коллегію (1819 г.).

Въ 1824 г. онъ назначенъ былъ 2-мъ секретаремъ посольства въ Мадридѣ и оставался тамъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. По возвращеніи, въ чинѣ надв. совѣтника, назначенъ (1828 г.) въ походную канцелярію мин. иностран. дѣлъ на время турецкой войны. Изъ Бухареста, по выс. повелѣнію, посланъ въ Грецію къ нашему повѣренному въ дѣлахъ и, замѣнивъ графа Булгари, остался тамъ до 1831 г. Отозванный въ отечество, назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря въ госуд. сов., а въ 1832 г. — товарищемъ министра юстиціи и статсъ-секретаремъ, въ 1839 году управляющимъ министерствомъ, съ пожалованіемъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Въ 1841 году графъ В. Н. Панинъ утвержденъ мин. юстиціи и занималъ этотъ постъ по 21-е окт. 1862 г. По смерти графа Я. И. Ростовцева въ февралѣ 1860 года на Панина возложено предсѣдательство въ редакціон. комиссіяхъ по составленію положеній объ устройствѣ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, и съ окончаніемъ этого важнаго дѣла онъ назначенъ непремѣннымъ членомъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. Разстройство здоровья, заставившее Панина просить

объ увольненіи отъ министерства, позволило ему, впрочемъ, выполнять разнаго рода другія порученія и принимать участіе въ занятіяхъ разныхъ комитетовъ. Въ 1864 г. гр. Панинъ назначенъ былъ главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ собственной его имп. вел. канц. Гр. В. Н. Панинъ умеръ въ апрѣлѣ 1874 года.

Вотъ въ какихъ, между прочимъ, выраженіяхъ императоръ Александръ II оцѣнилъ заслуги гр. Панина въ трудахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости:

31-го марта 1861 года.

— По особенной нашей къ вамъ довѣренности и по вашей опытности въ дѣлахъ государственнаго управленія, пріобрѣтенной многолѣтнею и всегда полезною службою вашей отечеству, мы въ февралѣ 1860 года призвали васъ къ исполненію обязанностей предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, учрежденныхъ для составленія проектовъ положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Комиссіямъ предстояло тогда привести въ общую систему всѣ предварительныя работы и приступить къ составленію окончательныхъ проектовъ новыхъ законоположеній. Все это исполнено редакціонными комиссіями съ полнымъ успѣхомъ во время вашего предсѣдательства. По поступленіи работъ сихъ комиссій въ главный по крестьянскому дѣлу комитетъ и потомъ въ государственный совѣтъ, вы принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ вообще трудахъ по разсмотрѣнію новыхъ о крестьянахъ положеній. Вполнѣ сочувствуя освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ и изучивъ всѣ вообще подробности этого труднаго, обширнаго и многосложнаго дѣла, вы пламеннымъ въ этомъ дѣлѣ участіемъ много содѣйствовали успѣшному его совершенію. Желая изъявить вамъ искреннюю признательность нашу за огромные и полезные труды, вами въ этомъ дѣлѣ понесенные, и вообще за ревностное и полезное служеніе ваше престолу и отечеству, въ важныхъ государственныхъ должностяхъ, на васъ возложенныхъ, мы, въ изъявленіе такой признательности нашей, всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ импер. ордена нашего св. Андрея Первозваннаго, коего знаки, при семъ предровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

„Пребываемъ вамъ императорскою милостію нашею всегда благосклонны
„Александръ“.

Къ характеристикѣ гр. В. Н. Панина, —этой въ высшей степени своеобразной личности, человѣка многосторонне образованнаго, можно сказать даже ученаго, но весьма оригинальнаго, —мы возвратимся въ одной изъ слѣдующихъ книгъ.

При настоящей книгѣ мы приложили портретъ графа Виктора Никитича Панина; онъ исполненъ художникомъ И. И. Матюшинымъ съ фотографіи, весьма обязательно сообщенной М. Н. Любощинскимъ. Маркъ Николаевичъ получилъ этотъ портретъ отъ самого гр. В. Н. Панина.

При настоящей же книгѣ мы помѣстили портретъ энергическаго и ревностнаго труженика въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ—Якова Александровича Соловьева. Его обширныя записки о крестьянскомъ дѣлѣ извѣстны читателямъ „Русской Старины“.

Ред.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ.

ЧАСТЬ III¹⁾.

ГЛАВА I.

Въ Швейцаріи.

„Всякій человекъ, прожившій лѣтъ пятьдесятъ схоронилъ цѣлый міръ, даже два; съ его исчезновеніемъ онъ свыкъ и привыкъ къ новымъ декораціямъ другаго акта,—вдругъ имена и лица, давно умершаго времени, являются чаще и чаще на его дорогѣ, вызывая ряды тѣней и картинъ, гдѣ-то хранившихся, - на всякій случай, въ безконечныхъ катакомбахъ памяти, заставляя то улыбнуться, то вздохнуть, иной разъ чуть не расплакаться“.

А. Г***.

Въ 1873 году, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Интерлакенъ, я писала Нику (Николаю Платоновичу О...ву), что такъ какъ мы (я съ дѣтьми) находимся недалеко отъ него, то хорошо бы ему побывать у насъ, что мы его покойно устроимъ, а онъ, поживши съ нами, развлечется и поздоровѣетъ. Никъ отвѣчалъ:

Суббота, Женева. Rue du Conseil général.

«Вотъ уже нѣсколько дней собираюсь писать тебѣ, старый другъ Таня, и все что нибудь да мѣшаетъ. Мѣшаетъ подѣ часъ и мой соб-

¹⁾ Первые двѣ части воспоминаній Т. П. Пассекъ, нашей маститой и уважаемой писательницы, помѣщены въ «Русской Старинѣ» 1872, томы VI и VII; изд. 1876 г., томы XV, XVI и XVII; изд. 1877 г., томы XVIII, XIX и XX; изд. 1878 г., томы XXI—XXII; изд. 1879 г., т. XXVI и изд. 1882 г., т. XXXIV.

ственный катарръ. Твоему письму я былъ сильно радъ. Жду скоро еще письма и извѣстія, пріѣхали ли Володя и Лёля. И когда мы съ тобой, послѣдніе двое того времени, увидимся? Мнѣ путешествовать не приходится, Таня: нога надломлена и болѣзнь спиннаго мозга, т. е. эпилепсія,—навѣрное не допустить до путешествія. Напиши мнѣ, что дѣлаетъ Ипполитъ и гдѣ путешествуетъ. Отъ Марьи Касперовны имѣю письмецо, стану писать къ ней завтра.

«Сегодня мнѣ пришелъ на память нашъ старый другъ Носковъ, такъ что я не могу отдѣлаться отъ воспоминанія его юношескаго образа и преданной дружбы. Напиши мнѣ, если знаешь, живъ онъ или нѣтъ.

«Не знаю, посылалъ ли я тебѣ прилагаемую мою статейку, здѣсь напечатанную. Она мнѣ сегодня подвернулась подъ руку,—на всякій случай посылаю. Записки стану продолжать черезъ три дня; мнѣ кажется, я еще не довольно сообразилъ все. А за Ивана Федоровича отвѣчаю, и да будетъ память этого простаго, благороднаго человѣка оцѣнена. Крепко обнимаю тебя. Твой Никъ».

Женева. Rue du Conseil général.

«Вотъ уже нѣсколько дней, мой другъ, собираюсь отвѣчать на твое милое письмо. Я не могу ни на что рѣшиться. Самъ себѣ не могу рѣшить—что дѣлать. Выѣхать изъ Жeneвы никакъ не могу, сломанная нога и обычная болѣзнь не позволяютъ, а ужъ какъ я буду радъ тебя и всѣхъ васъ увидать. «Былое и Думы» не могу у себя найти; вѣроятно, кому нибудь отдалъ и обратно не получилъ. Сегодня пишу въ Цюрихъ къ Натали, чтобы она тебѣ выслала свой экземпляръ (надѣюсь, найдется). Биографіи моей я еще не кончилъ,—силъ не хватило.

«Надняхъ напишу еще. Сегодня такъ темно, что не вижу писать. Твой Никъ».

Никъ звалъ насъ къ себѣ. Подумавши, я рѣшилась къ нему ѣхать, а по дорогѣ въ Бернъ завернуть къ Машѣ Рейхель. Къ Нику я написала, что такъ какъ онъ не въ состояніи оставить Женева, то я сама побываю у него.

Повидимому, Никъ ожилъ, поюнѣлъ, и отвѣтъ мнѣ на это письмо началъ поэтическимъ эпиграфомъ:

Женева. Rue du Conseil général.

„Я жду тебя, когда зефиръ игривый
Листочки розъ въ часъ утра шевелить“.

«Вотъ, другъ Таня, эпиграфъ къ моему письму къ тебѣ, но прежде всего жду еще отъ тебя письма, жду съ нетерпѣніемъ. Передъ выѣздомъ напиши, когда это рѣшительно будетъ. Твой Никъ».

При этомъ письмѣ Никъ прислалъ главу изъ своихъ записокъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ писалъ мнѣ:

Génève. Rue du Conseil général.

«Старый другъ Таня, получилъ третьяго дня твое письмо. Думалъ сегодня больше написать, но все нездоровится, уже не обычной падучей болѣзнью, а просто простудой и кашлемъ,—но это ничтожно.

Извѣсти меня о вашемъ приѣздѣ въ Женеву, чтобы я могъ распорядиться собой и васъ встрѣтить.

Въ скоромъ времени я многое подготовлю. Твой Ага».

Génève. Rue du Conseil général. Суббота.

«Сегодня я получилъ твое письмо, другъ мой, и спѣшу отвѣтить.

Шенбруна я не знаю, надняхъ постараюсь узнать о немъ, и напишу. «Русскую Старину» и «Вѣстникъ Европы» получилъ и очень ими доволенъ. Въ Цюрихѣ постоянный дождь. Натали съ дѣтьми усыпаютъ въ горы. Кажется, имъ не лучше, особенно юношѣ.

Итакъ, я жду тебя, старый другъ,—и буду счастливъ увидаться. Мое здоровье плохо, да и 60 лѣтъ не благодать. Твой Ага».

Génève. Rue du Conseil général.

«Другъ Таня! Пишу вечеромъ; день прошелъ въ большихъ заботахъ. Надо было писать дѣловое письмо и ускользнуть отъ ненужнаго свиданья, что я все и сдѣлалъ. Ахъ! какъ жизнь-то здѣсь тяжела, Таня! Можетъ быть человѣка два, съ которыми встрѣчаюсь братски, хотя и рѣдко, а тамъ ни съ кѣмъ и встрѣтиться не хочется. Хочется остаться одному, да и только. Поддерживаетъ меня одна моя простая добрая Мери, начиная съ перевязки моей ломанной ноги и приготовленія обѣда, да ея сынъ Ганри, который здѣсь въ академіи хорошо занимается химіей. Ему теперь 17 лѣтъ.

Вчера не могъ продолжать письма, а теперь получилъ твое милое письмо, гдѣ ты говоришь о полученіи тома моихъ стиховъ. Замѣть тамъ послѣдніе, т. е. «Тюрьму», отрывокъ изъ моихъ прежнихъ воспоминаній. Если ты можешь куда нибудь влѣпнуть ихъ, это, я думаю, было бы не бесполезно. Записки помѣщика я сталъ продолжать, но

для 2-й главы надо все же съ недѣлю времени, тѣмъ больше, что я какъ-то ея ходомъ недоволенъ. Твоими записками я, безъ сомнѣнія, доволенъ; февральской книжки я получилъ два экземпляра, изъ которыхъ отдалъ одинъ одному другу здѣсь, а другой у меня. Теперь надо сходить къ доктору. Крѣпко жму твою добрую руку. Твой Ага».

Располагая побывать въ Бернѣ у Маши Рейхель ¹⁾, я писала объ этомъ ей; Маша отвѣчала, что такъ какъ они живутъ не въ Бернѣ, а на своей маленькой дачѣ Вейзенбуль близъ Берна, то она проситъ меня извѣстить ее о днѣ моего прїѣзда, чтобы она могла встрѣтить меня на желѣзной дорогѣ и привезти къ себѣ на дачу.

Но такъ какъ я довольно долго собиралась выѣхать, то еще продолжала переписку съ Машей; между прочимъ, писала ей, чтобы она продолжала писать свои воспоминанія, а что готово, то прислала бы мнѣ. Сверхъ того, просила ее дать мнѣ на время или переписать для меня одну статью Саши, оставленную имъ ей на сохраненіе, которую онъ намѣревался со временемъ издать въ свѣтъ. Эта рукопись—актъ, который бросаетъ свѣтъ на поразившее его семейное несчастье. Маша отвѣчала мнѣ:

Bern. Weissen.

«Милая Татьяна Петровна! Всегда надо вамъ въ берлогу раза два постучаться, покуда медвѣдь лапу въ чернильницу опуститъ, а вы требуете, чтобы онъ свои воспоминанія писалъ, когда ему некогда нѣсколько строкъ черкнуть. Простите чистосердечно, что не отвѣтила вамъ тотчасъ, но, право, не удалось; послѣ вашего письма вскорѣ явился г. П—ль и увезъ меня въ Люцернъ дѣтей показать,—вотъ я на денекъ и прокатилась, а потомъ прїѣхала m-me Станкевичъ и пробыла у насъ, въ самой берлогѣ, почти недѣлю.

Вотъ вамъ сколько отвлеченій, кромѣ обыкновенныхъ домашнихъ занятій.

Сегодня не кончаю дня, не написавъ вамъ, но много некогда: завтра мы приглашены съ дѣтьми на свадьбу Елены ²⁾.

Наташа теперь въ Davos-Plaz, Canton Graubünden, hôtel—Rhatzia у Натальи Алексѣвны и больныхъ.

¹⁾ Марья Каспаровна Рейхель, урожденная Эрнъ, въ Россіи, вмѣстѣ съ матерью своей, жила съ 12 лѣтъ, въ семействѣ А. И. Г—на. Вмѣстѣ съ семействомъ его она уѣхала за границу; въ Парижѣ вышла замужъ за извѣстнаго музыканта Рейхеля.

²⁾ Дочь Николая Михайловича Сатина, друга Саши и Нюка и родной сестры второй жены Нюка—Натальи Алексѣвны, рожденной Тучковой.

Нашъ Алексъ былъ у нея нѣсколько дней, нѣсколько счастливыхъ дней, и только что оттуда поѣхалъ въ Люцернъ, чтобы въ тамошнихъ архивахъ, для одной предпринятой работы, порыться, какъ ему было дано приказаніе явиться къ маневрамъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Рѣшили ли вы куда на зиму? Насчетъ Фонтенебло что-то во Франціи он шамбогизе трор и Богъ знаетъ чѣмъ кончится все это; только жить тамъ, я думаю, не совсѣмъ пріятно. Былъ бы у насъ климатъ здѣсь менѣе суровый, я бы васъ уговорила сюда пріѣхать, хотя онъ въ сравненіи съ петербургскимъ ужъ никакъ не хуже, а напротивъ. Но въ теплыхъ комнатахъ у насъ здѣсь недостатка нѣтъ, но Богъ знаетъ какія попадутся.

Насчетъ рукописи А. Г—на, голубчикъ Татьяна Петровна, не просите переписывать ее, не хочется мнѣ этого дѣлать; вамъ же для записокъ она ни къ чему не послужитъ,—вы объ этомъ дѣлѣ писать не будете, сами же вы содержаніе знаете.

Мнѣ очень было больно слышать, что въ Россіи имя Г*** не съ любовью вспоминаютъ,—его считаютъ виновникомъ всѣхъ этихъ новыхъ безалаберныхъ идей. Я не хочу этому вѣрить, со временемъ отдадутъ ему и другіе больше справедливости, когда узнаютъ болѣе эту горячую натуру. То, что до Россіи дошло, слишкомъ отрывочно и недостаточно. Положилъ человѣкъ всю жизнь на преслѣдованіе одной цѣли и сошелъ въ гробъ непонятый тѣми, которые хотѣли слѣдовать ему и сами стали дезавуированными. Какая трагическая участь! Ну, однако, надо кончить, къ завтраму необходимо еще кой-чѣмъ распорядиться и потому прощайте, поклонитесь вашимъ. Очень мила ваша Леля, дай Богъ ей утѣшенія. Вашъ Медвѣдь.

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ моихъ дѣтей, я поѣхала въ Женеву. Въ Бернѣ Маша встрѣтила меня на желѣзной дорогѣ и увезла къ себѣ въ Вейсенбуль, гдѣ я прсвела у нихъ около трехъ дней самыхъ освѣжающихъ ¹⁾. Въ небольшомъ домикѣ Рейхелей, въ ихъ рощицѣ, въ тѣнистой аллеѣ, въ цвѣтникѣ, огородѣ—на всемъ лежала печать теплой семейной жизни, простоты, образованности, трудолюбія. Подъ густыми деревьями, въ виду Берна и величественнаго Оберланда, Маша рассказывала мнѣ всю ихъ жизнь съ выѣзда изъ Москвы. Сколько утратъ! Сколько ошибокъ и слезъ! О Сашѣ она вспоминала съ глубокимъ чувствомъ дружбы и уваженія къ его великому таланту

¹⁾ О семействѣ Рейхель я уже говорила въ небольшихъ отрывкахъ изъ „Дальнихъ лѣтъ“, помѣщенныхъ мною въ журналѣ „Полярная звѣзда“, издававшемся графомъ Сальясомъ.

и сердечной добротѣ. Онъ былъ такъ добродушенъ, говорила она, и такъ дѣтски простосердеченъ, что во всёхъ видѣлъ больше хорошее, за то и попадался.

Перечитали мы еще разъ рукопись Саши. Съ какой любовью стремился онъ оправдать, возстановить, сбросить общественные укоры съ дорогой ему личности—его жены.

Вечерами Рейхель игралъ на фортепіано, ему акомпанировали сыновья, одинъ на скрипкѣ, другой на виолончели, а заря гасла за густыми деревьями ихъ рощи, и наступалъ тихій вечеръ. Въ бесѣдкѣ, освѣщенной лампой и полнымъ мѣсяцемъ, готовили ужинъ. Маша и Рейхель проводили меня на желѣзную дорогу и мы простились дружески. Въ Женевѣ никто не встрѣтилъ меня.

Никъ, отъ природы робкій и застѣнчивый, въ одиночествѣ одичалъ, и еще болѣе сталъ удаляться людей. Онъ встрѣтилъ меня въ своей гостиной, сидя въ большихъ креслахъ. Когда я вошла въ комнату, онъ обнялъ меня и зарыдалъ. У меня катились по лицу слезы; образы, ушедшіе въ вѣчность, воскресали и казалось обступали насъ.

Я нашла Ника сильно измѣнившимся, но во взорѣ его сохранилась прежняя кротость и та-же магнитность, которая притягивала къ нему cadaго.

Послѣдній разъ я видѣлась съ Никомъ въ Лондонѣ и не ждала когда нибудь еще увидаться, прощаясь на англійскомъ пароходѣ. Съ того времени прошло десять лѣтъ и мы опять вмѣстѣ. Но какъ все измѣнилось! Все, для чего онъ жилъ, жертвовалъ, что любилъ, все покинуло его.

Онъ одинокъ и бѣденъ. Въ средствахъ жизни зависѣлъ отъ дѣтей Александра.

Когда Никъ успокоился, то представилъ мнѣ жившую при немъ среднихъ лѣтъ вдову англичанку Мери и ея сына Ганри. Мери мнѣ понравилась, добрая, простая, она заботилась о постоянно больномъ Никѣ и порой удерживала отъ лишней рюмки вина, которую бѣдный Никъ украдкой, во вредъ себѣ, добывалъ; но раздѣлять интересовъ его интеллектуальной жизни она не могла. Мери и Ганри отнеслись ко мнѣ какъ бы къ старому другу.

Я прожила у Ника двое сутокъ, на третьи, не смотря на ливня лившій дождь, хотѣла уѣхать; но просьбы Ника удержали меня еще на сутки. Послѣ мрачнаго дня, наступилъ прекрасный вечеръ и до того теплый, что мы вынесли на балконъ кресла, помѣстились тамъ и проговорили до полуночи. Ароматный воздухъ, яхонтовое небо, сиявшее безчисленными звѣздами, увлекли насъ въ дни изъ дальнихъ лѣтъ; отъ нашего дѣтства и юности, мы перешли къ переѣзду Ника съ

женою ¹⁾ въ Англію, къ жизни его за границей съ Александромъ, къ политикѣ, къ Гарibaldi, къ типографскому станку. На слѣдующій день, собираясь рано уѣхать, я встала чуть свѣтъ. По небу плыли разорванныя облака, казалось будетъ дождь,—но это не останавливало меня. Пока я убирала въ сакъ-воязъ свои вещи, изъ разстувившихся облаковъ явилось солнце. Я открыла окно—тепло, тихо. Оставивши все, я сѣла у окна и не могла наглядѣться на озеро, на даль, на солнце. Въ воздухѣ жужжали мухи, пчелы,—порхали бабочки, гдѣ-то птица пропѣла. Людей никого. Въ домѣ всѣ спали. Мнѣ казалось—я одна въ пѣломъ мірѣ, и было мнѣ какъ-то хорошо и страшно. То-же самое чувствовала Саша, какъ видно въ одномъ изъ его писемъ изъ Швейцаріи, писанныхъ имъ къ О...ву въ 1866 и 1868 гг.

«Съ лѣтами, говорилъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, странно развивается потребность одиночества и, главное, тишины.

«Знать, что никто васъ не ждетъ, никто къ вамъ не взойдетъ, что вы можете дѣлать что хотите,—умереть, пожалуй.... никто не помѣшаетъ, никому нѣтъ дѣла... разомъ страшно и хорошо».

Никъ проснулся поздно и чувствовалъ себя плохо; я вошла къ нему, онъ еще лежалъ на диванѣ, замѣнявшемъ ему кровать. Гостиная Ника была вмѣстѣ и спальня, и кабинетъ. Изъ гостиной выходила столовая, изъ столовой кухня—царство Мери. Тамъ, подвязанная бѣлымъ фартукомъ, она кипятила, жарила, толкла и молола; ей иногда помогали Ганри и одинъ юный, красивый французъ, скрывавшійся у Ника по политическимъ событіямъ. Онъ былъ сынъ богатыхъ родителей и собрался уѣхать въ Америку.

Когда я, поговоривши съ Никомъ, простилась и вышла, чтобы отправиться на желѣзную дорогу, на лѣстницѣ меня догнала Мери и сказала, что Никъ проситъ меня къ себѣ. Я возвратилась.

Никъ былъ грустенъ и горячо просилъ меня остаться еще на денекъ, говорилъ, что онъ совсѣмъ болѣнъ, и что можетъ мы видимся въ послѣдній разъ ²⁾.

¹⁾ Никъ женился вторично въ Россіи, на дочери Алексѣя Алексѣевича Тучкова, Натальѣ Алексѣевнѣ. Гер...ы въ это время жили за границей Вторую жену Огарева они видѣли еще очень молодой дѣвушкой, когда она пріѣзжала въ Парижъ съ отцемъ своимъ. Спустя года два или три по смерти жены своей Г—въ вызвалъ Ог...ва къ себѣ въ Лондонъ. О—въ съ женою пріѣхалъ на время, но увлекся дѣятельностью Саши, и остался тамъ навсегда. Онъ помѣстился въ одномъ домѣ съ Г***, принялъ самое живое участіе въ его періодическомъ изданіи и болѣе въ Россію не возвращался. Вслѣдствіе этого онъ лишился большей части своего огромнаго состоянія.

²⁾ Мы и видѣлись въ послѣдній разъ.

Я осталась. Никъ сильно страдалъ отъ боли въ надломленной ногѣ и не могъ встать съ дивана. Мери быстро придвинула къ дивану столикъ и принесла кофе съ принадлежностями. Никъ, довольный тѣмъ, что я исполнила его желаніе, согрѣтый пылающей канфоркой и горячимъ кофе, — разговорился, что случилось съ нимъ чрезвычайно рѣдко ¹⁾.

Онъ говорилъ объ ихъ жизни за границей, о своей любви въ Россіи и какъ хотѣлось-бы ему еще разъ услышать шумъ родной дубравы, подышать запахомъ широкихъ полей, слышать вокругъ себя русскую рѣчь.

— Я думаю, Никъ, если попросить влиятельныхъ людей, то, конечно, тебѣ разрѣшать жить въ Россіи. Въ родной деревнѣ передъ тобой воскреснетъ вся твоя юность, воскреснетъ вдохновеніе и съ пера твоего польются опять чарующіе стихи.

Никъ слушалъ меня сквозь слезы, глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— «Нѣтъ, старый другъ, не говори обо мнѣ съ высшими и не проси,—мнѣ умереть на чужбинѣ. Въ Швейцаріи не останусь надолго. Здѣсь свѣтъ слишкомъ яркъ, вреденъ мнѣ для глазъ».

— Куда-же ты думаешь переселиться?

— «Не знаю, еще не рѣшилъ. Въ Италіи слишкомъ свѣтло и жарко, да и говорить по итальянски я почти позабылъ. Французскій народъ надоѣлъ мнѣ. Остается Лондонъ; климатъ болѣе холодный необходимъ для моего здоровья».

— Ты много самъ разстраиваешь свое здоровье.

— «Отъ тоски и отъ нечего дѣлать».

— Когда же это съ тобой бывало, чтобы ты не находилъ себѣ дѣла?

— «Не нахожу».

— Пиши свои воспоминанія. Записки твои чѣмъ дальше, тѣмъ должны быть интереснѣе, по событіямъ и по личностямъ, среди которыхъ ты жилъ.

— «Едва-ли буду въ состояніи, отвѣчалъ Никъ печально, да и кого что интересуешь въ настоящее время. Даже и юношей не увлекаютъ, не волнуютъ высокіе подвиги, благородныя чувства, надежды, упованья, поэзія. Юноши есть—юности не вижу. Только уходя въ самого себя—я чувствую себя лучше. Сверхъ всего—я одинокъ»....

— Ну, Никъ, гдѣ-же одинокъ... Мало-ли людей, которые тебѣ сочувствуютъ,—не говоря уже о дѣтяхъ Александра.

¹⁾ Разговоръ этотъ былъ помѣщенъ мною въ «Полярной Звѣздѣ» изд. графа Салиаса.

— «Дѣти Александра, конечно, да вѣдь они не часто со мною; верхъ того, у нихъ есть уже что-то свое, что не совсѣмъ наше. Встрѣчаются и изъ нашихъ,—да къ чему? порой и съ ними не знаешь что говорить,—слова и слова, а до дѣла и дѣла нѣтъ. Полное безучастье и пустота. Время проходить и вспомнить нечего».

— Конечно, Никъ, есть доля правды въ словахъ твоихъ; но у тебя, сверхъ всего, прелестный талантъ, пиши стихи.

— «Вѣришь-ли, Таня, все, что я писалъ, все это не то, что я чувствовалъ. Души моей я никогда не могъ выразить, и не выразилъ никогда ¹⁾ ни въ музыкальныхъ звукахъ, ни въ словахъ. Я бывалъ счастливъ, когда высказывалась хотя часть того, что глубоко таилось въ душѣ моей».

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ: «знаешь-ли, старый другъ, я долго не проживу; и хорошо: жить—страдать, да страдать»....

Сказавши это, онъ раскрылъ ящичекъ своего столика, вынулъ изъ него нѣсколько листочковъ исписанной бумаги и, подавая мнѣ, говорилъ: вотъ тебѣ мои стихи настоящаго времени.

ОЖИДАНИЕ.

Стихи безъ размѣра.

Скачи, скачи, дребезжащая телѣга,
Не долго намъ доплетися до ночлега,
Не долго намъ до ночлега вѣковаго,
Ночлега темнаго, гробоваго.

* * *

А сколько дней протрещали мы по свѣту.
Успѣха въ томъ оказалось намъ нѣту,
Начала добрыя поспотывались,
Стремленья всѣ праздны остались.

* * *

Скачи, скачи, дребезжащая телѣга,
Пора, пора добираться до ночлега,
Чтобъ и толпа возникающихъ гостей
Не шла будить отжившихъ костей.

* * *

¹⁾ Николай Платоновичъ О—въ страстно любилъ музыку и хорошо игралъ на фортепіано.

Прочитавши, я положила листокъ на столъ и сказала: «не узнаю тебя въ этихъ стихахъ»,—и взяла другіе, вотъ они:

ВОПРОСЪ.

Странное, странное дѣло—
 Жить мнѣ давно надоѣло,
 Смерть-же какъ будто бѣда,
 Нѣтъ въ ней нужды никогда.
 Я же въ бессмертье не вѣрю;
 Гдѣ тутъ бессмертіе звѣрю—
 Будь онъ пожалуй двурогъ
 Или хоть просто двуногъ.
 Я же не вѣрю—
 Мнѣ знать иная дорога—
 Какъ-бы къ свободѣ людской
 Шагъ хоть подвинуть какой.
 Хватить иль нѣтъ до могилы
 Нужной для этого силы.
 Тутъ вотъ и смерть-то страшна,
 Тутъ вотъ и жизнь-то скучна.

— На, Никъ, возьми свои стихи,—тяжело!

— «Такія минуты, такія чувства я теперь переживаю. Завтра я дамъ тебѣ другіе стихи, продолженіе моей поэмы Радаевъ. Она написана еще въ хорошее время моей жизни, хотя и не въ лучшее. Если хочешь, напечатай ихъ».

— Хорошо, Никъ, дай.

— «Завтра, отвѣчалъ онъ, теперь я такъ хорошо и удобно умѣстился, что не хочется мѣнять этого положенія!

— Отчего, Никъ, ты самъ не печатаешь эту поэму?

— «Здѣсь! Кому читать? Ты говоришь: пиши... писать мнѣ нечего».

— А общіе интересы! Не можетъ быть, чтобы сочувствіе къ общимъ интересамъ не врывалось и теперь порой въ твою жизнь, хотя и очень замкнутую.

— «Одному?—Я вижу какъ теперь выше всего ставятъ: наживы, захваты, личное наслажденіе,—хотя-бы въ ущербъ и гибель другихъ. А ты говоришь о самоотверженіи. Наше время, 1840-ые года, называютъ—временемъ романтизма, фантазіи,—пусть такъ, а это дѣйствительность? Правда, мы воспитывались художественно; да развѣ изящество и благородство не есть высшее проявленіе дѣйствительности? Эгоизмъ и грубое наслажденіе насъ возмущали».

— И въ наше время, Никъ, этого бывало довольно.

— «Такъ, но скрывали, совѣстились. Теперь хвалятся».

— Пожалуй, въ наше время большинство было съ высшимъ направлениемъ, да вѣдь ихъ считали опасными.

— «Они и были опасны невѣжеству и эгоизму, но всё сознавали, что эти люди вносили свѣтъ знанія, будили. Стыдились явно издѣваться надъ наукой, надъ правдой,—а теперь!»

Разговоръ нашъ, сколько могу припомнить, былъ въ этомъ родѣ. Мало по малу онъ перешелъ на послѣдніе годы ихъ жизни вмѣстѣ.

Къ обѣду Никъ всталъ, онъ чувствовалъ себя лучше и былъ въ такомъ прекрасномъ настроеніи духа, что вечеромъ сѣлъ за роялино. Никъ любилъ музыку, игралъ на фортепіано прекрасно,—большею частію свои фантазіи.

Сильныя, гармоничныя мелодіи полились изъ роялино, переплетались, дробились, наконецъ, перешли въ тихіе, трогательныя тоны на мотивъ:

Я жду тебя, когда зефиръ игривый,
Въ часъ утра, розъ листочки шевелить.

— Эта музыка моего бѣднаго пріятеля Алябьева, —сказалъ Никъ, кончая прерывающимися звуками.

На слѣдующій день, рано утромъ, вошла я къ Нику проститься; онъ былъ уже на ногахъ. Поздоровавшись со мною, онъ, грустно пожавъ мнѣ руку,—подошелъ къ небольшому бюро краснаго дерева, стоявшему въ углу гостиной, вынулъ изъ него пачку писемъ, писанныхъ Сашей къ нему за упомянутые два года, и, передавая ихъ мнѣ, сказалъ:

— Такъ какъ ты пишешь свои воспоминанія и больше о людяхъ и о времени, въ которое они жили, то вотъ тебѣ письма Александра ко мнѣ, писанныя во время его послѣднихъ переѣздовъ. Выбери изъ нихъ гѣ, которыя найдешь болѣе подходящими для объясненія чегонибудь и печатай въ своихъ воспоминаніяхъ изъ «Дальнихъ лѣтъ». Предоставляю ихъ тебѣ въ твое полное распоряженіе какъ мою собственность.

Вмѣстѣ съ письмами Никъ передалъ мнѣ мелко написанную имъ рукопись своей поэмы въ стихахъ, подъ названіемъ «Радаевъ», съ тѣмъ, чтобы напечатать ее въ моихъ запискахъ. ¹⁾ Я всё письма пере-

¹⁾ Поэма эта была напечатана мною частью въ „Газетѣ Гатцука“ въ Москвѣ, частью въ изд. гр. Салиаса

читала, выбрала изъ нихъ тѣ, которыя болѣе объясняли тотъ періодъ времени ихъ жизни, остальные возвратила Нику. У меня осталось семьдесятъ пять писемъ; большую часть изъ нихъ я рѣшилась помѣстить въ моихъ запискахъ какъ историческіе факты, не только что съ разрѣшенія самого Ника, но отчасти и по его желанію.

Изъ этихъ интересныхъ писемъ видны событія въ жизни Ника и Саши, ихъ отношенія къ разнымъ лицамъ и ихъ семейный бытъ. Видно также изъ нихъ, что скитальческая жизнь начинаетъ утомлять Сашу,— что онъ мечтаетъ о кабинетѣ, о домашнемъ тихомъ уголкѣ.

— «Я ужасно люблю тишину, пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ. Я счастливъ въ деревнѣ, устаю отъ шума, отъ людей, отъ слуховъ, отъ невозможности сосредоточиться, устаю отъ неестественной жизни».

Т. П. Пасекъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАДАЕВЪ

ПОЭМА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

И день прошелъ! Я наконецъ одинъ,
Моей мечты безспорный господинъ.
Какую цѣль ей въ тѣмъ ночной поставлю?
Куда полетъ задумчивый направлю?
О! Знаю, знаю!... Какъ не отчай,
Къ гнѣзду летитъ затерянная птица—
На родину! Какъ будто чуждый край
Просторная, но грустная темница!
Нѣтъ, нѣтъ! Тебѣ съ тоскующей мечтой
Не совладать, изгнанникъ добровольный!
Ей нужды нѣтъ, легко тебѣ иль больно,
Вспорхнетъ себѣ и полетитъ домой.
И тамъ, бродя въ кругу воспоминаній,
Упрямая, отыскивать начнетъ
Картины тускляя—народный гнетъ,
Унынье лицъ, безмолвіе страданій...
А сердце,—сердце глухо задрожитъ,
Холодный знобъ по тѣлу пробѣжитъ.
Иль вдругъ мечта, вниманье напрягая,
Подслушаетъ внутри роднаго края
Живую жизнь, и съ вѣстію весны,
Надъ родиною съ лазурной вышины,
Въ сіяньи утра крыльями забьется
И пѣсней серебряной зальется,
А сердце, вѣруя, на звукъ живой
Откликнется тревогой молодой.
Продержитъ-ли, озарена денницей,
Моя мечта свой радостный полетъ,
Иль съ высоты подстрѣленной птицей
Она на степь безмолвную падетъ

И сердце съ всей горячею любовью
 Заглохнетъ вовсе, обливаясь кровью.
 Что-бъ ни было—придется-ль отпѣвать
 Умершихъ за-живо, у ихъ постели
 Весь пошлый хламъ ихъ жизни поднимать,
 Иль пѣсни пѣть у новой колыбели,—
 Что-бъ ни было—за чуждые края,
 На родину лети мечта моя,
 И съ трепетомъ надежды и кручины
 Отыскивай знакомыя картины....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Преданія.

ГЛАВА I.

Вдоль снѣжной улицы заборъ,
 За нимъ широкій, бѣлый дворъ
 Между людскими и сараемъ,
 До оконъ снѣгомъ замечаемъ
 Приземистый господскій домъ;
 Навѣсь досчатый надъ крыльцомъ
 Въ передней свѣчка нагорѣла;
 На койкѣ, прислонясь къ стѣнѣ,
 Безъ развлеченій и безъ дѣла,
 Лакей храпитъ въ неровномъ снѣ.
 Въ столовой пусто; втихомолку
 Блуждаетъ лампы тощій свѣтъ,
 Часы стѣнные безъ умолку
 Снотворно стучають: да, нѣтъ...
 Въ гостиной пусто и печально,
 Передъ диваномъ столъ овальный,
 Горять двѣ свѣчи на столѣ;
 Уныло креслы въ полумгѣ,
 Пустыя ручки простирая,
 Кругомъ стоятъ, какъ-бы взывалъ—
 Когда же кто, о небеса!
 Одушевляя кругъ нашъ тѣсный,
 Въ объятія наши полновѣсно
 Опустить тучныя мяса!—
 Но ихъ взыванье безотвѣтно ...
 Одинъ свидѣтель тишины,
 Какой-то баринъ со стѣны,
 Впередъ склонясь едва замѣтно,
 Недвиженъ въ рамѣ золотой,

Лукаво смотритъ какъ живой,
 Съ улыбкой чертовой, желчно-важенъ,
 Во фракъ, чопорно приглаженъ,
 И въ бѣломъ галстухѣ съ узломъ
 Подъ красной лентою съ крестомъ.
 Но возгѣ, въ комнатѣ угольной
 По взгляду первому невольню
 Узнаеть каждый этотъ лиць:
 Высокій сгорбленный старикъ—
 Да, это онъ! Хоть старѣй много,
 Но тотъ-же взглядъ лукаво-стрѣгій.
 Не мало, знать, мельнуло гѣтъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ писанъ былъ портретъ!
 Теперь и голова сѣдая,
 Улыбка съежась стала злая,
 Наморщенъ лобъ, нависла бровь,
 И вмѣсто фрака, пригрѣвая
 Уже дрожащую кровь,
 Надѣтъ пальто, да потелѣе,
 Одно какъ прежде: крестъ на шеѣ.
 Старикъ за письменнымъ столомъ
 Сидитъ въ расчеты погруженный,
 Предъ нимъ бумаги листъ, кругомъ
 Исписанный и разграфленный;
 Слѣдитъ за цифрой зоркїй взглядъ,
 По счетамъ, пальцами сухими
 Рука, скользя изъ ряда въ рядъ,
 Стучитъ кружками костяными.
 Хоть-бъ одинъ сторонній звукъ!
 И слышно въ тишинѣ суровой
 Все только счетовъ бѣглый стукъ,
 Да ровный ходъ часовъ въ столовой.
 И время крадется впередъ....
 Старикъ провѣрилъ свой приходъ,
 Рука притихла, смолкли счеты;
 Часы въ столовой, изъ дремоты
 Съ внезапнымъ шипомъ пробудясь,
 Пробили звонко девять разъ,
 И снова съ мѣрностью упорной
 Пошли постукивать снотворно.
 Морщины жесткаго чела
 Старикъ, насуясь, грозно сдвинулъ
 И счеты въ сторону отъгнулъ,
 Взялъ колокольчикъ со стола,
 Звонить... звонить... Но нѣтъ отвѣта,
 Трепещетъ гнѣвная рука...
 Вдругъ, будто пуцень изъ лука
 Иль выстрѣленъ изъ пистолета,
 Лакей бѣжитъ, стучитъ, бѣжитъ

И сталь въ дверяхъ у кабинета .
 Старикъ въ лицо ему глядитъ
 И у лакея дрожь-злѣдѣйка
 Прошла по тѣлу бѣглою змѣйкой.
 — «А ты ходи, да не стучи!
 Добромъ васъ видно не учи!
 Все спишь, мошенникъ! Розгу знаешь?
 Иль ты ее позабываешь?
 Напомнить что-ли? говори:
 Напомнить?... Тото-же! Смотри!
 Позвать бурмистра!» — Вслѣдъ урока
 Лакей на цыпочкахъ ушелъ,
 Какъ-бы боясь попортить полъ,
 И было слышно издалека
 Какъ взвизгнувъ блокъ во весь размахъ
 И дверью хлопнуло въ сѣняхъ.
 Старикъ встаетъ, какъ тѣнь сухая,
 И ровно, медленно шагая,
 По комнатамъ взадъ и впередъ,
 Въ углахъ свершая поворотъ.
 Блуждаетъ точно духъ пустынный
 Въ тиши обители старинной,
 И вторитъ шороху шаговъ
 Глухое стуканье часовъ.
 Пришелъ бурмистръ и сталь въ столовой,
 А баринъ ходитъ и молчитъ;
 Всегда грозы бояся новой,
 Мужикъ опасливо глядитъ,
 То робко ноги переставитъ,
 Погладитъ бороду, вздохнетъ,
 Иль кашлянетъ, кушакъ поправитъ,
 Или блѣднѣя пальцы мнетъ.
 Соскучившись прогулкою мѣрной,
 Подходить баринъ наконецъ:
 «Ну! Что? прѣхалъ твой купецъ?»
 — «Ждемъ съ часу на часъ. Будетъ вѣрно».
 «Ты у меня смотри, подлецъ,
 Надуть меня съ нимъ хочешь вмѣстѣ?»
 — «Какъ можно-съ! Провались на мѣстѣ»...
 «Задатокъ въ руки! И смотри,
 Чтобъ было у всего обоза
 Зерно получше сверху воза,
 А дрянъ что ни на есть внутри,
 Да улучай и день пріема,
 Когда кушца не будетъ дома».
 — «Кузьма просился на базаръ»...
 «Забылъ чѣмъ нахвнетъ полугарь?
 Али онъ сѣчень не былъ съ роду?
 Не смѣты! Назначь его въ подводу.

Пошелъ».—И вышелъ вонъ мужикъ;
 Опять молчанье домъ объемлетъ,
 Опять лакей на койкѣ дремлетъ,
 Опять по комнатамъ старикъ
 Пошелъ бродить какъ духъ пустынный
 Въ тиши обители старинной,
 И снова шорханье шаговъ,
 И снова стуканье часовъ,
 И въ вечеръ зимній, вечеръ длинный
 Васъ такъ и давить и гнететь
 Глухое чувство тайной муки,
 Тоски подавленной и скуки
 И время крадется впередъ.
 А на дворѣ свое молчанье,
 На небѣ мѣсяцъ и свѣтло,
 По снѣгу робкое мерцанье,
 Морозно, пусто и бѣло.
 Въ саду деревья сѣды, голы,
 Стоять недвижны ихъ стволы,
 Всѣ сучья къ верху устремивъ,
 Какъ будто и у нихъ порывъ
 Какой-то былъ, покуда жили,
 Да тутъ-же на вѣкъ и застыли.
 И ни вблизи, ни съ далека,
 Среди безмолвія глухаго,
 Не чуешь ничего живаго
 И давить страшная тоска.

Такъ жизнь тянулась годы, годы,
 Сегодня также, какъ вчера,
 Старикъ считалъ свои приходы,
 Все также длились вечера.
 Изъ службы выгнанный когда-то,
 Но вѣрный дѣли всѣхъ трудовъ,
 Копилъ онъ постоянно злато
 Въ деревнѣ, купленной съ торговъ,
 Все прочее считалъ за шалость;
 Въ хозяйствѣ видя идеалъ,
 Онъ къ мужику не вѣдалъ жалость,
 Давилъ работою и дралъ.
 Въ замѣну взятокъ съ страстью новой
 Онъ полюбилъ обманъ торговый;
 Любилъ процессы по судамъ
 Вести кривой дорогой самъ;
 Съ своимъ сосѣдомъ и сосѣдкой
 Не лада — онъ выдавался рѣдко;
 Изъ слабостей мірскихъ къ одной
 Благоговѣнне питая,
 На шеѣ крестъ носилъ онъ свой
 Въ уединеннѣ поджидая:

Заѣдетъ-ли купецъ какой
 Въ недружелюбную трущобу,
 Чтобы тотчасъ передъ собой,
 Взглянувъ, почувствовалъ особу,
 Иль навернется какъ-нибудь
 Судья-ли, членъ-ли непрѣмливый,
 Не преминутъ-бы униженно
 „Превосходительство“ вернуть.
 Но эта слабость мимоходомъ
 Шла, не вреда любви доходамъ.
 Кому старикъ и для чего
 Копись съ безуміемъ недуга?
 Богъ вѣсть. Ни сродника, ни друга
 Не появлялось у него.
 Хотя въ ребячествѣ когда то
 Онъ зналъ двоюроднаго брата,
 Но жизнь ихъ врозь пошла давно,
 И что съ нимъ стало — все равно.
 Одно живое наслажденье, —
 Что годъ, то прикупить имѣнье,
 Одна томительная страсть —
 Наживъ и мелочная власть...
 И жилъ старикъ какъ духъ пустынный
 Въ тиши обители старинной,
 И все дряхлѣлъ изъ года въ годъ,
 И напоследокъ въ свой чередъ
 Онъ умеръ какъ-то незамѣтно,
 Скудную жизнь доживъ бездѣтно.
 И долго послѣ грустный домъ
 Между людскими и сараемъ,
 До оконъ снѣгомъ заметаемъ
 Стоялъ въ забвеніи глухомъ.
 Лишь мѣсяцъ, по небу гуляя,
 Сквозь сучья голые блеснувъ
 И робко въ окна заглянувъ,
 Лучемъ по комнатамъ блуждая,
 Бросалъ безмолвно мертвый свѣтъ
 На непоколебимый портретъ;
 Часы молчать, свѣча задута,
 Лакей ушелъ — и дверь замкнута,
 Въ дому нигдѣ не шелохнетъ,
 И время крадется впередъ.

ГЛАВА II.

Разъ у околицы, зимою,
Въ пустую даль черезъ ухабъ
Съдой мужикъ глядѣлъ и забъ,
И слушалъ съ робкою тоскою —
Кого съ утра Господь сулить?..
А колокольчикъ все звенить,
То притихая по сугробью,
То заливаясь мелкой дробью,
Все громче, громче... вотъ вдали,
По слѣду узкому, какъ свора,
Тѣснится тройка, съ косогора
Катя въ серебрянной пыли.
Вотъ съѣхала, вотъ близко, близко...
И вотъ, въ ухабъ ударясь низко,
Кибитка, вымахнувъ съ прыжка,
Мелькнула мимо мужика,
Его оставивъ безъ движенья
Съ раскрытымъ ртомъ отъ удивленья
Летить селомъ во весь опоръ,
Вотъ передъ ней рябитъ заборъ,
И вотъ, качнувшись съ поворота,
Она въ скрипящія ворота
Нырнула на господскій дворъ,
И колокольчикъ, замирая,
Смокъ у крыльца. Слуга спрыгнулъ,
И полость мерзлую стряхая,
Ее проворно отстегнулъ;
И что-то тамъ внутри кибитки,
Въ глубь, подъ рогоженный навѣсъ
Совсѣмъ ушедшее въ пожитки,
Закопшилось, и полѣзъ,
Тяжелымъ звѣремъ изъ берлоги,
Съ трудомъ выпутывая ноги,
Какой-то баринъ, или грузъ —
Гдѣ только шуба, да картузь,
И въ домъ пошелъ. Его впуская,
Отверзалась съ визгомъ дверь сѣнная;
Лакей, вкушавшій нѣгу сна
На койкѣ въ оны времена,
Вокресъ опять; съ заботой новой
Часы опомнились въ столовой,
Портретъ безмолвно со стѣны
Встрѣчалъ движенье новизны.
Но кто же гость не приглашенный?
Съ какого гора вздумалъ онъ
Нарушить многѣтній сонъ,

И вносить въ домъ неблагосклонный
 Заботу чуждую свою?
 Не хочется ли для перемѣны
 Вдохнуть въ замолкнувшія стѣны
 Онь жизни рѣзвую струю?
 Или покойнику подобно
 Найдеть, что и ему удобно
 Здѣсь молча жить изъ года въ годъ;
 И все попрежнему пойдетъ,
 И въ жизни все одно и то-же
 Потянется на смерть похоже...

Пріѣзжій снялъ не безъ труда
 Одежду зимнюю въ передней,
 И вышелъ баринъ хоть куда —
 Въ пальто короткомъ, ростомъ средній,
 Ни худъ, ни толстъ, и въ тѣхъ годахъ,
 Когда сѣдинъ морозъ осенній
 Не серебрится въ волосахъ,
 А нѣжный цвѣтъ поры весенней
 Уже на вѣкъ сбѣжалъ съ лица, —
 Достигла юность до конца;
 Черты всѣ рѣзки, нѣтъ ужъ болѣ
 Въ глазахъ веселости живой,
 Въ улыбкѣ мягкости родной,
 И втайнѣ спросишь поневолѣ,
 Предъ человѣкомъ становясь:
 Что это сердце—скорбно-ль, пусто ль?
 Что тутъ—раздумье или усталъ?
 Какъ жизни ломка пронеслась?
 Здоровость силъ ли въ немъ созрѣла,
 И ринется въ живое дѣло,
 Иль только жизнью данъ ему
 Бесплодный холодъ ко всему?
 Слуга пріѣзжаго спокойно
 Съ нимъ обращался и достойно
 Покорно звалъ: Матвѣй Ильичъ,
 Но все-жъ, стремглавъ, дрожа заранѣ,
 Не бѣгалъ на господскій кличъ.
 На принесенномъ чемоданѣ,
 На мѣдной маленькой доскѣ,
 Въ мудреныхъ букввахъ чуждыхъ краевъ
 Хотя на русскомъ языкѣ,
 Читалось явственно: Радаевъ.

Радаевъ на-скоро спросилъ,
 (Что сдѣлалъ всякій бы съ дороги,
 Уставъ отъ грязи и тревоги),
 Умыться и бѣлье смѣнилъ,

Напился чаю, сну предался,
 И за обѣдомъ доказалъ,
 Что бурь житейскихъ грозный шеваль
 Его желудка не касался,
 И свято чловѣкъ хранить
 Въ юдоли бѣдъ свой аппетитъ.
 Удобствъ желаніе имѣя,
 Радаевъ пересилилъ гнѣвъ,
 Взявъ въ помощь стараго лакея,
 Свой домъ устроилъ въ тотъ же день:
 Столы и стулья переставилъ.
 Слугѣ пріѣзжему убрать
 Велѣлъ пожитки и кровать
 И книгъ запасъ въ тотъ шкафъ прибавилъ,
 Гдѣ молча жилъ изъ года въ годъ
 Законовъ многотомный сводъ, —
 Покойника въ уединеньи
 Одно усидчивое чтенье.
 Потомъ по ящикамъ въ столахъ
 Радаевъ сталъ, порядка ради,
 Раскладывать свои тетради
 И письма въ связкахъ и листахъ.
 Гдѣ почеркъ мелокъ, буквы дружно
 Толпятся, жмутся въ тѣснотѣ,
 И много сердцу было нужно
 Сказать на маленькомъ листѣ.

Но рано день склонился томный,
 Насталъ и вечеръ длинный, темный.
 Была, какъ въ презни времена,
 Въ столовой лампа зажжена,
 Въ гостиной свѣчи. Домъ устроенъ,
 Радаевъ могъ ужъ быть спокоенъ,
 И отпустилъ усталыхъ слугъ,
 Чтобъ дать имъ отдыхъ и досугъ.
 Иль можетъ быть, хотъ тутъ ужъ мало
 Людолюбиваго начала,
 Хотѣлось, наконецъ, ему
 Остаться просто одному.

Какая тишь! Какъ одиноко!...
 Какъ близко ждешь ударовъ рока!
 Почти что страшно. Эта тьма,
 Въ окно глядящая докучно,
 Въ углахъ бродящая беззвучно,
 Весь этотъ домъ... что онъ? Тюрьма?
 И гдѣ исходъ изъ заточенья,
 Гдѣ звукъ хотъ дальній искушленья?

Здѣсь даже прошлымъ не могло
 Повѣять какъ нибудь тепло.
 Портретъ двоюроднаго дяди!...
 Старикъ вѣкъ прожилъ не любя,
 Глядѣлъ на одного себя;
 И вотъ, наслѣдственности ради,
 Закона страннаго путемъ
 Попалъ Радаевъ въ этотъ домъ;
 Онъ дяди не знавалъ и съ роду,
 Ему старикъ и домъ его,
 И жизнь его вся годъ отъ году
 Не представила ничего.
 Здѣсь не было воспоминаній,
 Того знакомаго слѣда
 Былыхъ людей, живыхъ преданій,
 Незгладимыхъ никогда;
 Здѣсь тихо дѣтскому веселью
 Ни чей не радовался глазъ,
 Никто, съ любовію склонясь,
 Не пѣлъ надъ дѣтской колыбелью,
 Никто здѣсь по полу порой
 Шаговъ знакомыхъ не направилъ,
 Никто на вещи ни одной
 Прикосновенья не оставилъ;
 На что не взглянетъ онъ — ему
 Чужое все во всемъ дому,
 И только то ему извѣстно,
 Что дядя нажилъ грабежемъ
 И что наслѣдовать по немъ
 Почти что даже и нечестно.
 Тоска, тоска! Невольно тутъ
 Радаевъ сталъ искать пріютъ
 Среди иныхъ воспоминаній,
 Среди своихъ родныхъ преданій.
 И образы тутъ вспомнилъ онъ
 Иныхъ людей, иныхъ сторонъ.
 Онъ вспомнилъ, какъ во дни забавы,
 Когда онъ мальчикъ былъ кудрявый,
 Чтобъ слабый возрастъ охранять
 Ему сопутствовала мать,
 Высокая со станомъ стройнымъ,
 Съ лицомъ задумчиво-спокойнымъ
 И лаской въ голосѣ самомъ.

Онъ вспомнилъ, какъ она сидѣла,
 Онъ на колѣняхъ передъ ней
 Не отводилъ съ нея очей,
 Часы глядѣлъ бы, день бы цѣлый;

Пускай не могъ онъ понимать,
 Но взоры дѣтскіе искали
 На кроткомъ лицѣ разгадать
 Значенье думы и печали.
 Разъ онъ засталъ ее въ слезахъ;
 Отецъ его, веселый малый,
 На этотъ разъ, какъ полинялый,
 Стоялъ съ газетою въ рукахъ.
 Они тревожно разговоръ
 Вели все шопотомъ...

Ребенокъ ужасомъ объять,
 Съ ума нейдетъ все этотъ дядя,
 Онъ къ нимъ недавно пріѣзжалъ
 Въ мундирѣ съ саблей; тихо глядя
 По головѣ, его ласкалъ:
 „Будь, милый мальчикъ, другъ народа,
 А тамъ ужъ что ни суждено.....
 А при гостяхъ — онъ такъ кричалъ,
 Такъ какъ-то рѣзко выражался,
 Старикъ съ звѣздой — его боялся
 И, втайнѣ злясь, при немъ молчалъ.

Потомъ прошло еще съ полъ года,
 Цвѣла зеленая природа,
 И было лѣто, и дитя
 Въ саду рѣзвилось шутя;
 Вдругъ вѣсть достигла дальнимъ слухомъ...

А сердце женское изныло,
 И мать не вынесла бѣду,
 Она слегла, звала въ бреду
 Свое дитя, и говорила:
 „Мой сынъ, мой сынъ, храни, храни,
 Храни завѣтъ страдальцевъ сильныхъ

Дитя мое, храни, храни...“
 Смогъ голось, сила упала,
 Въ девятый день ея не стало;
 Лицо какъ мраморъ, блѣдный лобъ,
 Поны и пѣнье, свѣчи, гробъ...
 Радаевъ вскрикнулъ. Все, что было,
 Такъ ярко память воскресила,

Душа его потрясена,
 Живая дрогнула струна;
 Такъ вотъ оно, — его преданье!
 Вотъ праотцы! вотъ завѣщанье!
 О! Тутъ съ былымъ святая связь
 Внутри его не порвалась.
 Пусть все вокругъ пока чужое.
 Внутри преданье есть живое,
 Ему въ дни скорби и труда
 Не измѣнялъ онъ никогда.
 Пусть тьма ночная глухо бродить,
 Мятель тоскливо пѣснь заводитъ,
 Онъ чувствуетъ, что сохранилъ
 Упорство воли, бодрость силъ;
 А много въ жизни шумнокрылой
 Прошло и мыслей, и страстей,
 Ошибокъ, слабостей, скорбей,
 Паденій горькихъ, взмаховъ силы.
 И все-жъ еще, на зло судьбѣ,
 Не утомился онъ въ борьбѣ.
 Онъ вспоминалъ про годы школы,
 И рѣзвыхъ мальчиковъ семью,
 И про латинскіе глаголы,
 Про дружбу первую свою,
 Про безотчетное стремленье
 И юной мысли пробужденье,
 И какъ, сквозь школьный хламъ тѣснясь,
 На свѣжій путь она рвалась.
 Сначала въ школѣ шло свободно
 И обращались благородно,
 Безъ оскорбленій, и съ дѣтми
 Учтивы были, какъ съ людьми.
 Но хуже стало

 И гдѣ друзья общины школьной,
 Товарищи весны привольной,
 Дѣлившіе между собой
 Порывы жизни молодой,
 И первый пылъ негодованья,
 И робкой мысли начинанье,
 Восторги, скорбь, надежды, трудъ
 И прелесть искреннихъ минутъ?
 Всѣ разбредися, какъ попало,
 Ихъ жизни по свѣту разметала...
 Блаженны тѣ, кого ужъ нѣтъ,
 Кто въ гробъ сошелъ во цвѣтѣхъ лѣтъ
 Безъ грязныхъ пятенъ, сердца жара

Не заглушивъ въ чаду угара.
 И не торгуя, какъ иной,
 Своей душевной чистотой.
 За деньги, барство, блескъ столицы,
 За блюдо чечевичи.
 Кто жъ уцѣлѣлъ?
 Да, рѣдкій тотъ,
 Кто могъ въ себѣ сквозь скорбь и гнетъ
 Спасти завѣтъ

.
 Преданье чистое одно.
 Радаевъ вспомнилъ, какъ въ угоду
 Отцу служилъ онъ больше году
 Въ блестящемъ городѣ Петра
 Въ одномъ изъ зданій многолюдныхъ,
 Въ одномъ изъ заведеній чудныхъ,
 Гдѣ пишутъ съ самаго утра,
 Спѣша
 Съ неутомимостью потока
 Справлять дѣла, дѣла, дѣла,
 Рѣшенія добра и зла,
 Свершенныя
 Порядкомъ канцелярской
 Радаеву навѣялъ сплинъ
 Ходъ государственныхъ пружинъ...

.
 Радаевъ съ жизнью не свыкался.
 Весь чадъ тревоги городской,
 Бездушный, дикій и пустой,
 Его томилъ. Онъ задыхался,
 Рвался на волю, и уйти
 Хотѣлъ съ служебнаго пути;
 Но чувство увлекло ино
 Его въ тѣ памятные дни:
 Искало сердце молодое
 Любви и счастья,—я они,
 Они пришли тепло и ясно,
 Со всей мечтательностью страстной,
 Съ мягкимъ воздухомъ весны,
 Гдѣ мирно слиты жизнь и сны,
 Радаевъ вспомнилъ утро мая:
 Прогулку раннюю свершая
 Въ садахъ лица вмѣстѣ съ ней,
 Онъ шелъ подъ сѣнію вѣтвей.
 Какъ солнце весело вставало
 И блескомъ розовымъ сіяло;
 И какъ свѣтла была вода

Спокойно-гладваго пруда,
 Въ студеной влагѣ отражая
 И въ глубь отраднo погружая
 Верхи деревьевъ и кустовъ.
 Какъ пахло свѣжестью листовъ,
 Густая зелень чуть шептала,
 Роса блестя и дрожала,
 А въ сердцѣ что за полнота!
 Любовь просилась на уста
 И пролетѣла какъ бы украдкой
 Влюбленной рѣчи лепетъ сладкій.
 Радаевъ помнилъ
 Пожалте бѣленькой руки
 И личько, полное участья,
 Улыбку счастья, слезы счастья.
 О! какъ хорошъ, какъ чистъ былъ онъ,
 Сердечной жизни первый сонъ!
 И всѣ надежды, все страданье,
 Свое завѣтное преданье,
 Весь мѣръ своихъ любимыхъ грезъ
 Въ свою любовь Радаевъ внесъ,
 И сердце дѣвичье казалось
 На все соввучно отзывалось.
 И силы вызвали любовь
 И въ жизнь повѣрилось вновь.
 И чѣмъ же кончилось все это?
 Жсниться рано, тамъ и тутъ
 Отцы согласья не дадутъ.
 Въ мечтахъ любви промчалось лѣто;
 Нашелся въ Питерѣ зимой
 У Вареньки женихъ другой.
 Три года старше и богаче.
 Радаевъ близокъ былъ ему
 По направленью и уму;
 Но Варя разочла иначе
 И къ другу сердца въ пять—шесть дней
 Замѣтно стала холоднѣй.
 О дружбѣ говорила только.
 А о любви уже нисколько,
 И стала требовать совѣтъ:
 Идти ей замужъ или нѣтъ?
 Ударъ былъ данъ по самой ранѣ.
 Радаевъ помнилъ, какъ въ туманѣ.
 Онъ, самъ не зная какъ, тогда
 Пролепеталъ: конечно, да!
 Потомъ онъ помнить—вкругъ налю,
 Взявъ роль шута или героя,
 Вѣнецъ надъ милой головой

Носилъ онъ собственной рукой;
 Потомъ въ саняхъ скакалъ онъ прытко
 По темнымъ улицамъ въ мятель,
 И дома весь измученъ пыткой,
 Рыдая, бросился въ постель.
 У! Вдругъ какъ пусто въ жизни стало,
 Какъ будто умеръ кто, и онъ
 Вернулся съ чьихъ-то похоронъ.
 Иль это что-то умирало
 Внутри его, и въ цвѣтъ силъ
 Свое онъ сердце хоронилъ?
 Какъ всё предметы стали блѣдны,
 Какъ всё надежды стали бѣдны;
 Да и на чемъ онъ строилъ ихъ
 Въ мечтахъ восторженныхъ своихъ?
 Кругомъ осталось все какъ было,
 Все также пошло, также гнило,

.....

 Радаевъ службу, наконецъ,
 Оставилъ, жаждалъ воли, воли...
 Куда? въ Москву уѣхать что-ли?
 Тамъ жилъ тогда его отецъ
 Въ своемъ вдовствѣ давно утѣшенъ
 Тѣмъ, что былъ много грѣшенъ.
 Онъ сыну, нехотя, урокъ
 Прочелъ слегка, и не въ упрекъ
 Сказалъ, что онъ не одобряетъ
 Отставки, что поступокъ глупъ,
 Но впрочемъ жилъ бы самъ, какъ знаетъ,
 И, засмѣясь, поѣхалъ въ клубъ,
 Гдѣ ставилъ мазы на валеа,
 Отъ ранней ночи до разсвѣта.

Но изъ среды воспоминанья
 На мигъ Радаевъ отвлеченъ
 Былъ мыслью страннаго свиданья,
 Да! Вареньку увидитъ онъ;
 Она теперь его сосѣдка,
 Въ деревнѣ съ мужемъ здѣсь живетъ
 Верстъ за десять, ужъ пятый годъ
 Съ дѣтьми... чай, стала, какъ насѣдка,
 И хлопотлива, и жирна...
 А будетъ встрѣча ихъ смѣшна!
 Но онъ насмѣшкою презрѣнья
 Не омрачитъ прошедшихъ дней,

И взглянуть съ чувствомъ примиренья
 На грезы юности своей.
 Такъ въ полдень душный, въ вечеръ мгlistый
 Отрадно вспомнить про разсвѣтъ,
 Про утро съ свѣжестью душистой,
 Про теплый солнечный привѣтъ.
 Не все-жъ на женскую измѣну
 Досаду дѣтскую питать,
 Когда онъ самъ... но тутъ опять,
 Уставя взоръ въ пустую стѣну,
 Радаевъ началъ проводить
 Было прерванную нить.

Въ Москвѣ его ждала пная
 Бѣда безумная, тупая...
 Ударъ судьбы! Бѣды страстей
 Какъ ни жестоки, но сноснѣй —
 Ихъ ждешь, какъ молніи съ грозою,
 А тутъ, какъ ни бери въ расчетъ,
 Причинъ и слѣдствій стройный ходъ,
 А все-жъ судьба передъ тобою —
 Топоръ слѣпаго палача,
 Безумно рубящій съ плеча.
 Радаевъ доблестнаго друга,
 Товарища и мыслью сильнаго бойца,
 Засталъ подъ властью недуга
 Въ чухоткѣ — мѣсяцъ жить наврядъ...
 Чуть вятный шопоть, мутный взглядъ,
 Лица и тѣла исхудалость,
 И безпокойство, и усталость.
 Страшна она, страшна, дика
 Людей предсмертная тоска!
 Все кончилось.. еще могла!

Такъ молодъ, а уже идти
 Пришлось на жизненномъ пути
 Какъ по кладбищу, и уныло,
 Въ туманъ и мглу глядя впередъ.
 Считать кого недостаетъ.
 Что-жъ это? Вотъ не стало друга.
 Мечта любви унесена,
 Какъ въ тѣнь юркнувшая волна,
 А средь безвыходнаго круга,
 Гдѣ жизнь лепечетъ жалкій бредъ,
 Оплотъ потерянь, вѣры нѣтъ ...
 Свободы гордое призванье.

Его завѣтное преданье —
Оно не нужно никому,
Всѣ придышались къ ярму.
Онъ чувствовалъ, что трауръ носить
И по своимъ, и по чужимъ,
Равно по мертвымъ и живымъ.
Тоска души покоя просить,
Въ Москвѣ не по себѣ ему
Въ лѣнливомъ, леговкомъ шуму.
И съ наступившею весною
Онъ въ путь пустился поскорѣй
Въ деревню, гдѣ онъ росъ дитею,
Къ пріюту мирныхъ вротныхъ дней,
Къ могилѣ матери свей.

Н. П. О — въ.

Сообщ. Т. П. Пассежъ.

*
*
*

Твое письмо меня нашло
 Въ хандрѣ, унылаго, больнаго,
 Такъ что въ весеннее тепло
 Боюсь вѣтра я сквознаго.
 Мнѣ вреденъ дождь, несносна пыль,
 Съ стола не сходить стѣлянка съ бурой,
 Непроглатаемой микстурой
 И мазь вонючая какъ гниль;
 Дышу съ трудомъ, въ глазахъ все мутно
 И кашель мучить поминутно;
 Но на меня письмо твое
 Пахнуло жизнью благодатной:
 Сердечной пѣсни голосъ внятной
 Смягчилъ страданіе мое.
 Я даже,—а со мною это
 Такъ не случалось давно,—
 Рѣшился отворить окно,
 Опять взглянуть на Божье лѣто.
 Все къ настроенью духа шло,
 И мягкій воздухъ, и тепло,
 И солнце, къ вечеру склоняясь,
 Не зная—медить или уйти,
 Казалось, стало на пути,
 Дай, говорить, еще, прощаясь,
 Минуту лишнюю одну
 На землю мирную взгляну.
 Сосѣдній садъ передо мною
 Сіялъ зеленою листвою,
 Сосѣдней кровли свать крутой
 Желтѣлъ, свѣтясь, какъ золотой;
 Сосѣднихъ оконъ томный глянецъ,
 Зари мерцающій румянецъ,
 Безмолвный праздникъ шелъ по ней,
 По бѣдной ульцѣ моей.....

Н. О.

Примѣчаніе. Этотъ отрывокъ написанъ поэтомъ на полѣ одного изъ
 листовъ подлинной рукописи его поэмы «Радаевъ», на 11-мъ листѣ. Весь
 подлинникъ поэмы (у насъ только первая часть, вторая не была, кажется,
 и написана) занимаетъ 13 четвертушекъ рукописи, мелко исписанной рукою
 Н. П. О—ва.

Т. П.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО ВЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

изъ собранія П. В. Шейна.

Всякаго приступающаго къ изученію народной словесности приводитъ въ недоумѣнье то обстоятельство, что въ огромной массѣ напечатанныхъ доселѣ фактовъ изъ этой области онъ почти не встрѣчаетъ никакихъ слѣдовъ о житьѣ-бытьѣ крестьянъ подъ игомъ помѣщиковъ и о крѣпостническихъ отношеніяхъ послѣднихъ къ первымъ. А эти отношенія, въ большинствѣ случаевъ, были таковы, что едва ли могли изгладиться изъ памяти народа въ теченіе лишь одной четверти вѣка. Да и возможно ли представить себѣ, чтобы трезвая, всеобъемлющая поэзія нашего народа, особливо его пѣсня, которая всегда громко и ясно отъликала на все то, что тревожило и задѣвало за живое какъ внутреннюю бытовую, такъ и внѣшнюю его жизнь, могла пройти огульнымъ молчаніемъ, именно тѣ печальныя явленія крѣпостнаго періода этой жизни, которыми переполнены скорбныя листы исторіи крестьянства на Руси. А вѣдь этотъ періодъ далъ себя знать народу не менѣе чувствительно, чѣмъ татарщина, опричнина и разныя войны стараго и новаго времени. А между тѣмъ, посмотрите, какъ уже теперь значительно то количество пѣсень, легендъ и сказокъ объ этихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ эпохахъ, которое для насъ доселѣ сохранила народная память и успѣло давно найти себѣ мѣсто въ литературѣ. Чѣмъ же объяснить такое противорѣчіе?

По моему противорѣчіе тутъ только кажущееся и оно разсѣется само собою, если возьмемъ въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: во 1-хъ, то (да проститъ читатель напомниманіе ста-

рой, но нестарѣющей истины), чего мы не знаемъ и не находимъ около себя безъ труда, не значить, что его нѣтъ и не было въ дѣйствительности. Это, между прочимъ, подтверждается, какъ нельзя болѣе, новѣйшими открытіями въ самой области нашей народной поэзіи. Такъ, напр., до появленія сборниковъ Рыбникова, Гильфердинга, Барсова и др., свѣдѣнія наши объ эпической поэзіи были весьма скудны, о многихъ богатыряхъ и слыхомъ было не слыхать въ русской литературѣ, точно такъ какъ ничего не знали и о замѣчательныхъ элегическихъ поэмахъ (Пританіяхъ) сѣвернаго края, и о цѣлыхъ циклахъ обрядовыхъ пѣсенъ и пр. Во 2-хъ, деспотическая барская власть, гнувшая въ дугу все существо безправнаго крестьянина¹⁾, не щадила своимъ преслѣдованіемъ и доходившей до ея подозрительнаго слуха его пѣсни, въ которой подчасъ прорывались наружу сердечныя сѣтованія на свою рабскую судьбу, на свое безправіе. Бывали примѣры, что за подобныя пѣсни несчастные пѣвцы и пѣвицы подвергались отеческой расправѣ на конюшнѣ. Наша пѣсня подвергалась гоненію и со стороны высокопоставленныхъ лицъ, власть имѣвшихъ. Такъ, напр., въ 1850 годахъ повсюду можно было слышать въ народѣ типическій разсвѣзъ о томъ, что приближенный къ императору князь Волконскій, во время одной изъ своихъ поѣздокъ по какому-то шоссеиному тракту, на одной станціи приказалъ порядкомъ выпоротъ везшаго его молодца ямщика за то лишь, что этотъ несчастный, по приказанію самого же князя спѣлъ какую либо хорошую пѣсню, затянулъ ему о „Ванюшѣ ключникѣ и князѣ Волконскомъ“. (Эта пѣсня до сихъ поръ еще весьма распространена въ народѣ). Слухъ объ этомъ происшествіи быстро разнесся по всей Россіи и, какъ водится, съ разными нелѣпыми дополненіями и послужилъ въ народѣ грозной острасткой всѣмъ охотникамъ потѣшать отборными пѣснями проѣзжающихъ господъ. Въ 3-хъ, до манифеста 19 февраля пѣсня преслѣдовалась также со стороны самого правительства, а еще болѣе со стороны мѣстныхъ предержавшихъ властей. Такъ, въ тѣхъ же 1850 годахъ саратовскій губернаторъ получилъ изъ Петербурга строгій выговоръ за напечатаніе въ мѣстныхъ

¹⁾ Смот. соч. Дубасова. Исторія Тамбовскаго края, вып. III, 1884 г., стр. 84, 85, 87 и 102.

вѣдомостяхъ (записанной Н. И. Костомаровымъ) народной пѣсенки, въ которой есть два такіе стиха:

„Чужія жены—что лебедки бѣлыя,
А моя шельма жена—попынь горькая трава ¹⁾“.

Въ выговорѣ этомъ, между прочимъ, было скакано, что „такія пѣсни слѣдуетъ искоренять, а не распространять“. Резолюцію эту ретивый полиціймейстеръ города Саратова тотчасъ-же буквально принялся исполнять, ѣздилъ по городу и при встрѣчѣ тамъ поющихъ и играющихъ лупилъ плетью. Это произвело большой переполохъ въ Саратовѣ, въ которомъ, какъ во всѣхъ поволжскихъ городахъ, съ утра до поздней ночи то тутъ, то тамъ носится бывало надъ рѣчкой народная пѣсня. Но тутъ замолкли на время всѣ пѣсни, перестали собираться веселые хо-

¹⁾ Считаемо не лишнимъ привести кстати полный текстъ этой пѣсни изъ сдѣланной уже библиографическою рѣдкостью, изданія профес. Тихонравова.

Дѣвчоночка молода раздогадлива была,
Черноброва, черноглаза—парня высушила:
Присушила русы кудри ко буйной головѣ,
Заставила шататься по чужой сторонѣ,
Приневолила любити чужемужнихъ женъ.
Какъ чужая-то жена—лебедушка бѣлая,
Моя шельма жена—попынь горькая трава,
Попынь горькая трава, на межѣ въ полѣ ростеть,
На раздолѣ, на межѣ, на широкомъ столбнячкѣ.
Я со вьтой ли тоски расчешу кудри-виски,
Расчешу кудри виски,—пойду въ темные лѣски;
Изъ за лѣсу, изъ за горъ—подымалась туча-громъ,
Подымалась туча-громъ со сильными со дождемъ,
Какъ со этого дождя стала улица грязна,
Стала улица грязна, въ переулочкахъ вода;
Ко сударушкѣ пройти добру молодцу нельзя.
Размалчишила молодой, воръ раздогадливый такой—
Сталъ канавки прорывать, сталъ онъ воду выпущать;
Стала улица просыхать, стала дѣвушка ходить,
Стала дѣвушка ходить, хороводы заводить;
А я мостикъ намошу—ко сударушкѣ пройду!

Изъ «Сборника» Мордовцевой и Костомарова въ IV т. «Лѣтописи Русск. литер. и древностей» Тихонравова, стр. 94—5.

Сравни Р. н. п. Шейна, стр. 353 № 87, и сборникъ Якушкина, стр. 197.

II. III.

роводы. Словно замерь городъ, вакимъ-то другимъ сталъ ¹⁾“. Въ 4-хъ, нельзя упускать изъ виду и то, что до освобожденія крестьянъ, пѣсня подвергалась вообще строгой цензурѣ и показаться ей въ печати въ ея подлинномъ видѣ сдѣлалось возможнымъ, и то не вдругъ, только послѣ обнародованія манифеста 19 февраля. Достаточно напомнить читателю только о томъ, что богатое и цѣнное собраніе Кирѣвскаго обречено было лежать цѣлые десятки лѣтъ подъ спудомъ безъ движенія по милости цензурныхъ строгостей. Когда же эти строгости были, наконецъ, смягчены и печать получила возможность говорить свободно о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде и мечтать не смѣла, то у нея явилась цѣлая масса вопросовъ, болѣе существенныхъ. Она немедленно и занялась ихъ разработкою, рѣшеніе которыхъ не терпѣло отлагательства. Въ правительственныхъ сферахъ и въ высшемъ обществѣ весьма слабо сознавалась тогда необходимость въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, которымъ не придавали никакой цѣны и на немногихъ собирателей этихъ памятниковъ смотрѣли очень неблагоклонно, даже подозрительно. Напомнимъ только читателю происшествіе съ Якушкинымъ въ Псковѣ въ 1850-хъ годахъ и т. п. Къ несчастію, это подозрѣніе, въ эпоху такъ называемаго „хожденія въ народъ“ и „золотыхъ грамотъ“, отчасти нашло себѣ оправданіе. Понятно, что въ виду такихъ обстоятельствъ ни народу пѣть свои пѣсни, сказывать свои сказки какому-либо прохожему или проѣзжему барину, ни самому барину, охотнику до такихъ вещей, записывать ихъ не было никакой охоты. И, въ самомъ дѣлѣ, что за радость трудиться совершенно безцѣльно, не видя годнаго примѣненія своего труда къ какому либо дѣлу, не видя никакой нравственной поддержки ни съ чьей стороны? Отсюда ясно, почему въ нашей современной печати оказывается такъ мало произведеній народнаго творчества, особенно пѣсенъ, изъ временъ крѣпостнаго права. Но что эти произведенія были и существуютъ въ народѣ до сихъ поръ, преимущественно въ Бѣлой и Малой Россіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

¹⁾ Автобіогр. Костомарова. „Русская Мысль“ 1886 г., июнь, стр. 27. Этотъ рассказъ пишущій эти строки слышалъ еще въ 1875 г. изъ устъ покойнаго Н. Ив. съ нѣкоторыми даже дополненіями.

Такъ, мы знаемъ, что въ бывшемъ южно-русскомъ отдѣлѣ имп. геогр. общества трудами его членовъ собрано было довольно значительное количество пѣсенъ „крепацкихъ и про волю“, которыя должны были составить 4-ю и 5-ю части сборника Антоновича и Драгоманова ¹⁾, но не явились въ печати вслѣдствіе внезапнаго закрытія этого отдѣла. Число-же пѣсенъ изъ крѣпостнаго быта, до сихъ поръ напечатанныхъ, весьма ограничено, едва-ли ихъ наберется, насколько намъ извѣстно, не болѣе 20, изъ которыхъ 10 приходится на долю Малороссіи. Поэтому я полагаю, что приводимый ниже небольшой выборъ пѣсенъ изъ временъ крѣпостной зависимости окажется не безынтереснымъ, особенно теперь, какъ для любителей, такъ и для изслѣдователей бытовой исторіи нашего народа.

Пѣсни эти я выдѣлилъ частію изъ давно приготовляемаго мною къ печати собранія великорусскихъ пѣсенъ, частію-же изъ печатаемыхъ теперь академіею наукъ „Матеріаловъ для изученія быта и языка русскаго населенія въ сѣверо-западномъ краѣ“.

Какъ ни жаль было мнѣ вырывать по клочкамъ предлагаемыя пѣсни изъ опредѣленныхъ имъ мѣстъ въ системѣ моихъ сборниковъ, для составленія изъ нихъ новой группы, но я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ познакомить съ ними читающую публику именно теперь, чтобы положительными фактами разсѣять по возможности сомнѣніе насчетъ существованія подобныхъ пѣсенъ на Руси. Мнѣ вѣжется, что этотъ, печатаемый здѣсь, сборничекъ пѣсенъ достаточно доказываетъ, что тяжелыя времена крѣпостной зависимости нашего народа прошли не безслѣдно и въ его поэзіи, что послѣдняя довольно ясно отразила въ себѣ всѣ отбѣны этого, посланнаго ему свыше, историческаго испытанія. Кто знаетъ, можетъ быть этотъ небольшой сборничекъ своимъ содержаніемъ настолько заинтересуетъ просвѣщенныхъ людей въ провинціи, близко знакомыхъ съ народною жизнью, что они не упустятъ случая къ дополненію его новыми подобными данными ²⁾.

¹⁾ „Историческія пѣсни малороссійскаго народа“ 1874 г.

²⁾ Предполагая со временемъ издать отдѣльный, болѣе полный, сборникъ памятниковъ народнаго творчества, относящихся къ эпохѣ крѣпостной зависимости, я убѣдительнѣйше прошу такихъ любителей народной поэзіи, у которыхъ окажется что либо сюда относящееся, благоволить сообщить мнѣ по слѣдующему адресу: „Въ редакцію „Русской Старинны“, для передачи Павлу Васильевичу Шейну“. Лично себя надеждой, что и на этотъ разъ моя просьба не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Всѣ приводимыя ниже пѣсни можно раздѣлить на четыре категоріи: I—рисующія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ вообще, II—къ дворовымъ въ особенности, III—чаяніе крестьянъ облегченія своей участи отъ благодати царя и IV—исполненіе этого чаянія и ликованіе народа о волѣ.

Первыя двѣ пѣсни весьма распространены, особливо вторая; она встрѣчается въ Великой, Бѣлой и Малой Россіи во множествѣ вариантовъ. Въ печати мы впервые ее находимъ у Сахарова, затѣмъ у Якушкина, у Костомарова, въ моихъ сборникахъ и др. Изъ малороссійскихъ, извѣстныхъ въ печати вариантовъ мы у одного Чубинскаго ихъ встрѣчаемъ 18. Но во всѣхъ здѣсь перечисленныхъ различіяхъ этой замѣчательной пѣсни глухо высказываются жалобы молодой женщины на свою тяжелую, горемычную жизнь на чужой сторонѣ въ семьѣ мужа—и только, о гнетѣ же со стороны деспотической барской власти, о тягости барщины—нигдѣ ни слова.

Отношенія къ дворовымъ, какъ они изображены въ пѣснѣ, были двоякаго рода: а) вассальныя, и б) романтическія. Первыя очерчены далѣе въ нѣсколькихъ вариантахъ,—последнія же болѣе подробно представлены въ пѣснѣ, которая поется еще до сихъ поръ изъ конца въ конецъ Великой Россіи. Въ печати она выглянула впервые и то, вѣроятно, по недосмотру цензора, въ 1841 году, въ сборникѣ Студитскаго, затѣмъ она была напечатана въ 4-хъ вариантахъ въ отдѣлѣ хороводныхъ моего великорусскаго сборника, вышедшаго въ свѣтъ въ 1871 г. Приводимъ одинъ новый, болѣе полный вариантъ ея цѣликомъ съ относящимися къ нему интересными какъ рукописными, такъ и имѣющимися въ печати видоизмѣненіями.

П. В. Шейнъ.

I.

1.

Изъ-за гѣса, гѣса темнаго,
 Изъ-за садика зеленаго
 Собиралась тучка грозная
 Со свѣгами, со сыпучими, 2,
 Со морозами трескучими.
 Грозная туча ворочалася,
 Дочка къ маткѣ собиралася.
 Пособравшись, дочь поѣхала,
 Поѣхала, не доѣхала,
 Среди гѣсу становилася:
 Лошаденка становилася, 2,
 Телѣженка изломалася, 2,
 Всѣ каточки раскатились, 2,
 Ко дубочку приватились.
 На дубу сидитъ соловушка.
 „Ахъ, ты птушка, птушка вольная,
 Ты лети въ мою сторонушку
 Ко батюшкѣ во зеленый садъ, 2,
 А къ матушкѣ во высокъ теремъ.
 Ты неси, неси, соловушка,
 Ахъ, батюшкѣ да низкій поклонъ, 2,
 А матушкѣ челобитьице,
 Что пропали наши головы
 За боярамъ, за ворами:
 Гонять стараго, гонять малаго
 На работушку тяжелую,
 На работушку ранешенько,
 А съ работушки позднешенько“ .

Запис. С. Н. Рачинской въ Смолен. губ., Бѣльск. уѣз.,
 въ 1870-хъ гг.

2.

Калинушку съ малинушкой водой залило,
 На ту пору матушка меня родила,
 Не собравшись съ разумомъ, меня замужъ отдала.
 Я три года у матушки въ гостяхъ не была.
 На четвертый годъ вздумала, пошла.
 Я скинуса, сброшуся горькой пташечкой,
 Полечу я, горькая, въ матушенинъ садокъ,
 Сяду я, горькая, на сладкую яблонь.

Слезами то горючими весь садъ затоплю,
 Причётами горькими животъ-сердце изсушу,
 А матушка ходить по новымъ сѣнямъ,
 Невѣстусекъ-ластусекъ побуживаетъ:
 „Невѣстуски-ластуски, встаньте скорѣй!
 Что у насъ во садикѣ пташечка поеть?
 Гдѣ она, горькая, причеты беретъ?“
 Большой-то братъ скажетъ: „давай застрѣлимъ!“
 Средній братъ скажетъ: „давай поймаемъ!“
 А меньшей-то братъ скажетъ: „на что вамъ ее?
 Не наша-ли, горькія съ чужой стороны,
 Поди же ты, горькія, въ нашъ высокъ теремъ,
 Про свое горе Расскажи, про наше спроси:
 Какъ батюшку съ матушкой за Волгу везуть,
 Большаго-то брата въ солдаты куютъ,
 А середняго-то брата въ лакеи стригуть,
 А меньшаго брата въ прикащики“.

Запис. Н. Ф. Соловьевымъ, отъ крестьянки Туль-
 ской губ., въ началѣ 1860-хъ гг. Достойно вниманія,
 что послѣднія четыре строки никогда, сколько намъ
 известно, не появлялись въ печати. П. III.

3.

Злодѣй, ты, наша барыня!
 Сжила ўсю свою вотчину.

Ена молодыхъ-то робятъ
 У солдаты отдаецъ,
 А середовыхъ мужикоў —
 Усе ў винокурици,
 Удалыхъ молодцоў
 На хвабрици,
 Красныхъ дзѣвусекъ —
 Усе у батрацуци,
 Остаўляецъ ена сиротинками
 Дробныхъ дзѣтусекъ, малолѣтусекъ,
 Старымъ-то ена
 Не даецъ отдыхнуць.
 Старикамъ не даецъ
 За дворомъ проглянуць:
 Ена гониць ихъ
 На работушку,
 На работушку, ну
 Усе цяжелую,
 На цяжелую, подневольную,
 Подневольную, да пригонную.

Запис. С. Н. Рачинской, Смоленской г., Порѣчск. у.,
 въ 1882 году.—О безъ ударенія, тутъ какъ а.

4.

Вы кудри-ль, мои кудри,
 Хорошо-ль кудри расчесаны,
 Какъ по плечикамъ лежать
 И развѣйтись хотѣть,
 Какъ завила, завила
 Чужа дальна сторона.
 Какъ плакала, тужила
 Наша Обозерска свобода,
 Наша Обозерска свобода,
 Что нагуляться не дала.
 Разорилъ нашу сторонку
 Злодѣй бояринъ, господинъ,
 Какъ повывралъ онъ, злодѣй,
 Молодыхъ нашихъ ребятъ,
 Молодыхъ нашихъ ребятъ
 Во солдатушки,
 А насъ, красныхъ дѣвушекъ,
 Во служаночки,
 Молодыхъ молодушекъ
 Во кормилочки,
 А матушекъ съ батюшками
 На работушку.
 Собрались наши ребятушки
 Что на круту горушку,
 Отказали наши ребятушки
 Своему боярину-господишке:
 „Ты злодѣй, нашъ господинъ,
 Мы тебѣ не солдатушки,
 Красны дѣвушки тебѣ
 Не служаночки,
 Молодыя молодушки
 Не кормилочки,
 И батюшки съ матушками
 Не работнички“ .

Запис. М. И. Семеновскимъ, Псковской губ. и уѣзда,
 въ 1862 году.

5.

Охъ, горе не матчина, 2,
 Надокучила вражья панщина, 2,
 Я на панщину иду, 2,
 Ой, и торбу хлѣба несу, 2.
 Я съ панщины иду —
 Ахъ, горькія слезы лью.
 Загадаў же мнѣ панъ
 Охъ, великую работу,
 Великую работу —
 Ахъ, въ лѣсъ на сторожу,
 Ой, даў-же мнѣ панъ
 Коня дорогого, 2,
 Да не вученого,
 А еще даў мнѣ панъ
 Три кошѣйки гроши:
 Штобъ было впится,
 Ахъ, было похмѣлится ¹⁾.

Запис. мною, Могилев. губ., Гомель. уѣз., Новыя Дятловичи, отъ старика лѣсника.

Сообщ. П. В. Шейнъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ По всей вѣроятности эта пѣсня не что иное, какъ передѣлка слѣдующей малороссійской:

Горѣ намъ на гетманщині,
 Надокучила намъ вража панщина,
 Що ходячи наісись,
 Сидя виспишся.
 Служивъ я у пана
 Три виділоньки,
 Заробивъ же я грошей
 Три копіечки,
 Щобъ за одну впится,
 За дві похмилиться,
 Щобъ до свого пана
 Сміливо явиться,
 И передъ паномъ словомъ примініться, в т. д.

Изъ V Тома «Трудовъ» Чубинскаго, стр. 1065.

ПАМЯТНИКИ АЛЕКСАНДРУ II ОСВОБОДИТЕЛЮ,

сооруженные крестьянами.

Вслѣдъ за мученической кончиной блаженной памяти императора Александра II, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи было приступлено къ постановкѣ памятниковъ въ честь величайшаго изъ русскихъ монарховъ. Среди этихъ сооружений, воздвигнутыхъ въ отдѣльных мѣстностяхъ или въ зданіяхъ разныхъ учреждений, особое вниманіе обращаютъ на себя памятники, поставленные крестьянами.

Многочисленное крестьянское сословіе русской имперіи, получивъ изъ царскихъ рукъ свободу отъ трехвѣковаго рабства, вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ, по волѣ Царя-Освободителя, пріобрѣло всѣ гражданскія права, которыми пользуются остальные сословія Россіи. Сознавая это благодѣяніе, крестьянское сословіе выражаетъ теперь свою признательность сооруженіемъ памятниковъ своему Царю-Освободителю съ цѣлью увѣковѣченія своей къ нему любви и преданности въ сердцахъ потомства.

Первымъ, по времени, изъ такихъ памятниковъ поставленъ крестьянами села Бузовки, Киевской губерніи, Таращанскаго уѣзда, о которомъ помѣщена замѣтка въ «Русской Старинѣ», май, 1884 г.

Послѣдующіе затѣмъ, воздвигнутые крестьянами, три памятника сооружены въ Замостьскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи.

Имѣя подъ рукой свѣдѣнія о постановкѣ этихъ памятниковъ ¹⁾, мы сообщаемъ ихъ читателямъ «Русской Старины» съ приложеніемъ изображеній памятниковъ.

¹⁾ Приносимъ искреннюю признательность М. Л. Коростовцеву за сообщеніе необходимыхъ для сего матеріаловъ вмѣстѣ съ рисунками памятниковъ.
М. Г.

Но прежде нелишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о мѣстности, къ которой относится наша замѣтка.

Люблинская губернія, по административному ея значенію, составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ десяти губерній бывшаго Царства Польскаго. Въ древности Люблинская земля служила достояніемъ русскихъ галицкихъ князей, но въ XIII столѣтіи подпала подъ польское владычество, образовавъ изъ себя, въ 1471 году, люблинское воеводство. Мѣстность эта всегда признавалась русской и православной. Самый городъ Люблинь, основаніе котораго теряется въ исторіи, имѣлъ именно такой характеръ. По архивнымъ документамъ, равно и по сказаніямъ польскихъ историковъ, въ немъ до конца XIII столѣтія не было ни одного латинскаго костела; но съ появленіемъ въ этомъ русскомъ краѣ польской колонизаціи, а съ нею вмѣстѣ и неизбѣжной латинской пропаганды, значеніе Люблинской земли, какъ русскаго края, начинаетъ быстро измѣняться, въ особенности послѣ того, когда православному народу была навязана унія (1596 г.) и когда русскія княжескія и дворянскія фамиліи, подъ вліяніемъ польско-латинскихъ притѣсненій, вынуждены были перейти въ католицизмъ ¹⁾. Съ той поры защита русской народности и русской вѣры всецѣло была до ставлена народу. Великъ этотъ народъ и велика его живучесть, если, не смотря на сильный натискъ польскаго фанатизма, онъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ сохранилъ свои національныя особенности и религіозныя вѣрованія.

Вотъ этотъ-то народъ, пробывшій въ теченіи 279 лѣтъ въ уніи съ римскою церковью и возвратившійся къ древнему православію въ 1875 году, чтить нынѣ память безвременно почившаго великаго русскаго монарха сооруженіемъ ему памятниковъ. Благодарные своему своему Царю-Освободителю за устройство ихъ быта дарованіемъ земельного надѣла ²⁾, люблинскіе крестьяне собрали посильныя средства свои на устройство скромныхъ памятниковъ въ посадѣ Фрамполѣ и въ селеніяхъ Радечницахъ и Лабунькахъ, Замостьскаго уѣзда.

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о Люблинской землѣ см. въ статьѣ А. В. Лонгинова, помѣщенной въ VIII выпускѣ „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, изд. П. Н. Батюшковымъ.

²⁾ Крестьяне привислянскаго края, лично свободные, находились въ зависимости отъ помѣщиковъ лишь по владѣнію бывшею въ ихъ пользованіи землею, выкупъ которой былъ произведенъ (въ 1864 году) на счетъ казны.

I.

Мысль о сооруженіи памятника впервые была заявлена жителями гмины Радечницы, которые, собравшись 19 февраля 1882 г. на гминномъ сходѣ, постановили объ этомъ приговоръ; но едва приговоръ схода былъ представленъ начальству для полученія должнаго разрѣшенія, какъ крестьяне сосѣдней Суловской гмины выразили желаніе участвовать въ сооруженіи памятника, задуманнаго жителями гмины Радечницы, и постановили объ этомъ, 30 апрѣля 1882 года, приговоръ. Въ той и другой гминѣ находятся и крестьяне-католики, которые наравнѣ съ православными участвовали въ расходахъ по сооруженію памятника. Пожертвованныхъ денегъ оказалось 500 руб. 14 коп. За эту небольшую сумму варшавское акціонерно-промышленное общество «Дильпопъ, Рау и Левенштейнъ» изготовило памятникъ, состоящій изъ чугуннаго креста на каменномъ пьедесталѣ; на послѣднемъ помѣщена икона св. Александра Невскаго и чугунная доска, на которой золочеными литерами на русскомъ и польскомъ языкахъ сдѣлана соотвѣтственная надпись.

Мѣсто для постановки памятника было избрано преосвященнымъ Модестомъ, епископомъ люблинскимъ, викаріемъ холмско-варшавской епархіи ¹⁾, въ роцѣ радечницкаго православнаго монастыря, между часовнями Успенія пресв. Богородицы и Архангела Михаила, тамъ, гдѣ обыкновенно совершаются молитвословія во время крестныхъ ходовъ. Торжественное освященіе памятника было совершено епископомъ Модестомъ 1 іюня 1884 года.

¹⁾ Нынѣ епископъ нижегородскій.

II.

Предположеніе о постановкѣ памятника въ посадѣ Фрамполѣ, возникшее среди его жителей одновременно съ жителями гмины Радечницы, окончательно выразилось въ первую годовщину мученической смерти Царя-Освободителя—1 марта 1882 г. Скромная сумма пожертвованій на этотъ предметъ—всего 157 руб. 90 коп.—была нѣсколько усилена добровольнымъ трудомъ жертвователей, состоявшимъ въ доставкѣ на мѣсто сооруженія строительныхъ матеріаловъ. Памятникъ состоитъ изъ чугуннаго креста на каменной колоннѣ, установленной на цоколѣ о трехъ ступеняхъ. На колоннѣ помѣщено бронзовое изображеніе св. Александра, папы римскаго, и чугунная доска съ надписью золочеными буквами на русскомъ и польскомъ языкахъ, слѣдующаго содержанія:

«Незабвенной памяти Великаго Царя-Освободителя Императора Александра II, благодарные жители посада и гмины Фрамполь 1864—19 февраля—1882 года».

Составителемъ проекта памятника и строителемъ его былъ инженеръ-архитекторъ Замостьскаго уѣзда В. Сѣницкій.

Памятникъ освященъ мѣстнымъ римско-католическимъ священникомъ, такъ какъ большинство жителей гмины Фрамполь—католики.

III.

Инициатива постановки памятника въ селѣ Лабунькахъ принадлежитъ крестьянамъ Лабуньской гмины. Старѣйшіе изъ нихъ, собравшись 19-го февраля 1882 г. въ гминномъ управленіи, заявили гминному войту, что они «желаютъ на долгое время оставить память объ освобожденіи ихъ отъ тяжелой зависимости отъ помѣщиковъ и для того, чтобы такое воспоминаніе переходило изъ рода въ родъ и чтобы никогда не изгладилась изъ сердецъ ихъ дѣтей и внучатъ любовь къ Великому Освободителю, въ Бозѣ почившему Императору Александру II, они рѣшили воздвигнуть памятникъ». Въ постановкѣ памятника по-

желали участвовать и крестьяне гминь Замостьской и Мокренской. Приговорами сходовъ этихъ трехъ гминь, составленными 19 и 31 марта и 13 апрѣля 1882 г., крестьяне установили способъ раскладки необходимой для сего суммы, распредѣливъ ее между собой безъ всякаго участія въ томъ со стороны лицъ, не принадлежащихъ крестьянскому сословію. Собранныхъ денегъ оказалось 562 руб. Затѣмъ уполномоченные отъ крестьянъ гминь Лабуньской, Замостьской и Мокренской обратились, 24 мая 1882 г., къ Замостьскому уѣздному начальнику съ просьбою принять на себя заботы по составленію проекта памятника и наблюденіе за сооруженіемъ его, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы памятникъ былъ поставленъ въ селѣ Лабунькахъ, на видномъ мѣстѣ, близъ православной церкви.

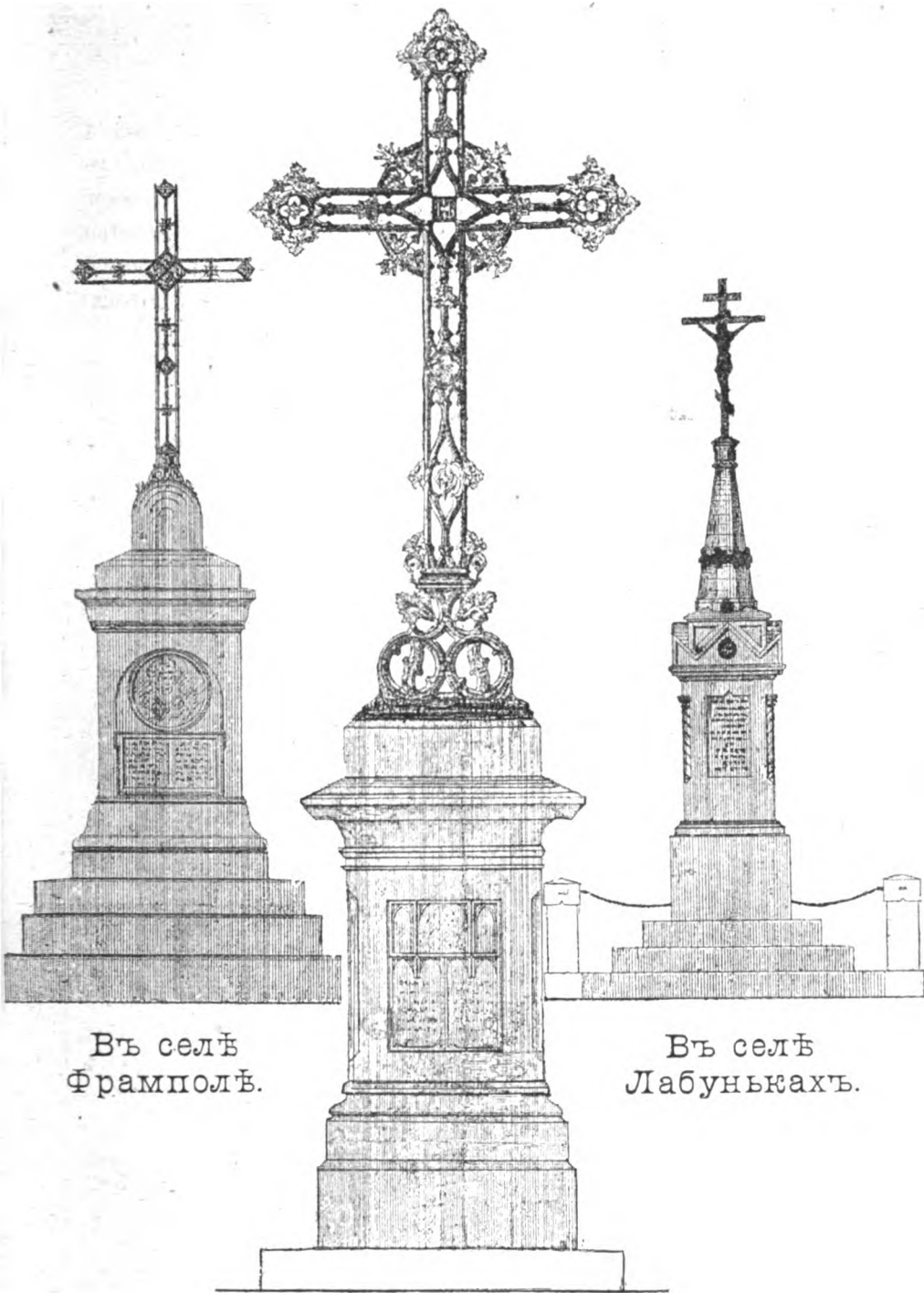
Сооруженный по проекту инженеръ-архитектора В. Сѣницаго памятникъ состоитъ изъ каменной колонны готическаго стиля, на которой возвышается восьмиконечный чугунный крестъ съ бронзовымъ распятіемъ. На колоннѣ укрѣплена чугунная доска съ надписью золочеными буквами на русскомъ и польскомъ языкахъ:

«Незабвенной памяти Великаго Царя-Освободителя Императора Александра II, благодарные жители гминь: Замостья, Лабунья и Мокрено».

Освященіе памятника было совершено православнымъ духовенствомъ 21 іюля 1885 г., при вполнѣ торжественной обстановкѣ. Близъ небольшой, но красивой Лабуньской церкви, собрались крестные ходы изъ ближайшихъ селъ. Послѣ литургіи и проповѣди, произнесенной однимъ изъ священниковъ о жизни, дѣятельности и мученической кончинѣ Царя-Освободителя, процессія направилась къ памятнику со свѣтильниками, хоругвями и иконами, при пѣніи и музыкѣ. Освященіе сопровождалось молебномъ и проповѣдью, произнесенною на мѣстномъ нарѣчій извѣстнымъ проповѣдникомъ, настоятелемъ Щебрешинскаго прихода, о. Трачемъ, который въ убѣдительной рѣчи сопоставилъ предъ народомъ значеніе воздвигнутаго теперь креста и тѣхъ крестовъ, которые еще такъ недавно ставились въ деревняхъ Холмскаго края по приказанію польскихъ навовъ.

Не можем не отмѣтить въ заключеніе, что всѣ три сооруженія, скромныя по своему виду и по своей стоимости, но цѣнныя, какъ вещественные выразители глубокой благодарности народа къ своему Царю-Освободителю, были воздвигнуты при ближайшемъ содѣйствіи бывшаго замостьскаго уѣднаго начальника, Игнатія Матвѣевича Чайковскаго, который, по желанію крестьянъ, былъ исполнителемъ ихъ воли по устройству описанныхъ нами памятниковъ.

М. И. Городецкій.

Въ селѣ
Фрамполѣ.

Въ селѣ
Лабунькахъ.

Въ селѣ Радечнидахъ.

ПАМЯТНИКИ,

поставленные крестьянами Люблинской губернии Александру II - Освободителю

ЮЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ГРЕБКЕ

† 2 января 1886 г.

Вносимъ на страницы «Русской Старины» вѣсть о кончинѣ скромнаго, но въ высшей степени добросовѣстнаго и неутомимаго труженника въ области русскаго типографскаго дѣла. Умеръ не болѣе, какъ факторъ или управляющій нѣсколькими, послѣдовательно одна за другой, типографіями и, между тѣмъ, кончина этого фактора, Юлія Ивановича Гребке, вызвала чувство глубокой скорби со стороны множества лицъ, знавшихъ его, и искреннія слезы со стороны множества рабочихъ, трудившихся либо вмѣстѣ съ нимъ, либо подь его руководствомъ.

Гребке, уроженецъ Курляндской губерніи, лютеранскаго вѣроисповѣданія, родился въ августѣ 1820 года; получивъ образованіе въ Дерптѣ, онъ въ 1837—1842 гг. ознакомился съ типографскимъ дѣломъ, въ типографіи П. К. Шиманъ, въ Дерптѣ-же. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гребке послѣдовательно трудился въ лучшихъ типографіяхъ того времени, а именно: Пратцъ, Имп. Академіи Наукъ и Край. Въ послѣдней мы уже видимъ его факторомъ типографіи. Съ 1853 по 1866 годъ включительно Гребке— факторъ въ типографіи Ив. И. Глазунова, а съ 1-го января 1867 года до 2-го января 1886 года, т. е. до дня кончины, онъ состоятъ главнымъ факторомъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Жителямъ Петербурга, по крайней мѣрѣ многимъ изъ нихъ, конечно извѣстно, что упомянутая экспедиція составляетъ какъ бы цѣлый городокъ съ нѣсколькими тысячами обывателей и труженниковъ. Нѣсколько сотенъ изъ нихъ работаетъ въ типографіи экспе-

диции и, конечно, всё они находились въ известной зависимости отъ своего непосредственнаго начальника Юлія Ивановича Гребке. Отъ отношеній сего послѣдняго къ рабочимъ, конечно, много зависѣло въ ихъ бытѣ, но эти отношенія были до того хороши, что рабочіе, оплакивая кончину Юлія Ивановича, возложили на гробъ его вѣнокъ съ надписью: «Отцу и благодѣтелю!»

Самъ первый работникъ и притомъ вполне неутомимый, Юлія Ивановичъ отличался, въ высшей степени, ровнымъ, добрымъ и спокойнымъ характеромъ. Исполнительность его и аккуратность были образцовыя; скромный, молчаливый, онъ представлялъ могилу для каждаго служебнаго секрета, а ихъ было не мало при поспѣшномъ выполненіи заказовъ, напр., выпусковъ билетовъ того или другаго займа. Главный начальникъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, Ѳ. Ѳ. Винбергъ, съ каждымъ годомъ продолжительной службы Ю. И. Гребке, все болѣе и болѣе довѣрялъ этому честнѣйшему изъ честныхъ своихъ сотрудниковъ. При томъ Юлія Ивановичъ не былъ простымъ, такъ сказать, механическимъ исполнителемъ возлагаемыхъ на него порученій: по свидѣтельству Ѳ. Ѳ. Винберга, не рѣдко случалось, что Гребке, получивъ для отпечатанія какой-нибудь финансовый отчетъ, прежде чѣмъ сдать его въ наборъ, посвящала цѣлую ночь на просмотръ выведенныхъ исчисленій. Бывали случаи, на другое-же утро Гребке докладывалъ о замѣченныхъ имъ серьезныхъ ошибкахъ въ цифровыхъ выкладкахъ отчета, и онъ возвращался для исправленія.

Ввѣренное ему типографское дѣло Юлія Ивановичъ зналъ въ совершенствѣ; онъ занимался имъ съ любовью и увлеченіемъ. Въ особенности, вполне изящно отпечатывалъ онъ портреты, рисунки и прочія художественныя произведенія, предаваемые тисненію.

Съ 1870 г., большинство художественныхъ приложений къ «Русской Старинѣ» отпечатано въ типографіи экспедиціи, подъ ближайшимъ наблюденіемъ ея незабвеннаго фактора; и редація «Русской Старины» присоединяетъ выраженіе своей скорби къ тѣмъ слезамъ, которыя пролиты были множествомъ труженниковъ, сопровождавшихъ гробъ честнаго, усерднаго и неутомимаго работника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснаго человѣка, какимъ былъ Ю. И. Гребке.

Миръ твоему праху!

Р е д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Замѣтки о новыхъ книгахъ.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ восьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ. Варшавскаго генераль-губернаторства). Спб. 1885.

Мы уже не разъ имѣли случай давать отзывъ объ этомъ монументальномъ, трижды возобновляемомъ, изданіи, начатомъ въ 1860 годахъ ¹⁾. Последний VIII выпускъ, какъ и предыдущій, посвященъ, малозвѣстной и почти нетронутой нашей литературой, Холмской Руси, издавна населенной славяно-русскими племенами. Тщательное изслѣдованіе этой русской, отчасти ополяченной, обращенной въ унию и вновь возвращенной къ православію, земли, помимо прямого научнаго значенія, крайне важно въ смыслъ оплота русскаго дѣла и русской народности въ привислянскомъ краѣ. Польза изданія, посвященнаго такому изслѣдованію, при неостывшей еще борьбѣ православія съ католицизмомъ и поборниковъ русской народности съ враждебными ей элементами, настолько очевидна, что врядъ ли есть надобность распространяться о ней. При этомъ считаемъ необходимымъ отдать должную справедливость умѣнью П. Н. Батюшкова, руководителя сего монументальнаго изданія, сгруппировать вокругъ себя научныя силы лицъ, обстоятельно изучившихъ старину западной Руси, что особенно замѣтно въ удачномъ подборѣ статей настоящаго выпуска. Въ числѣ другихъ, С. В. Шолковичъ, членъ виленской археографической комиссіи, помѣстилъ здѣсь извлеченіе изъ своего обширнаго и превосходнаго изслѣдованія о неразработанномъ у насъ граничномъ вопросѣ между короной польской и Великимъ княжествомъ литовско-русскимъ. Къ статьѣ приложена карта, съ показаніемъ границъ того и другого государства съ древнѣйшихъ

¹⁾ См. «Русск. Стар.» 1872, т. V, об. 1 кн.; 1873, т. VII, кн. I—VI, по поводу выхода V выпуска Памятниковъ, стр. 287—289; 1875, т. VII, кн. I—IV, стр. 445—449, гдѣ въ статьѣ «Памятники русской старины въ Западной Россіи» по поводу первыхъ шести выпусковъ помѣщены свѣдѣнія изъ исторіи церковно-строительнаго дѣла въ Западной Россіи, выѣстъ съ выясненіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ изданіе «Памятниковъ». Наконецъ на оберткѣ майской книги «Русск. Стар.» 1885 года мы дали отзывъ о VII-мъ выпускѣ.

время до Люблинской уніи и послѣ нея, а равно и современнаго варшавскаго генералъ-губернаторства. Затѣмъ проф. И. И. Малышевскій въ своемъ изслѣдованіи „Люблинскій сеймъ 1569 года“ и проф. М. О. Кояловичъ въ статьѣ „Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года“, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, представили обстоятельный очеркъ Люблинской уніи, освободивъ это событіе отъ обычныхъ вымысловъ. Изъ ихъ изслѣдованій видно какую тяжелую борьбу должны были вынести русскіе и литвины, отстаивая самостоятельность и отдѣльность своего княжества, пока имъ не пришлось уступить силѣ. Статья „Памятники русской старины въ г. Люблинѣ“ составлена знатокомъ мѣстной исторіи, А. В. Лонгиновымъ, съ приложеніемъ карты границъ Люблинской земли въ половинѣ XIII вѣка и сосѣднихъ съ нею земель Червонной Руси. А. П. Петровъ представилъ весьма полную характеристику Львовскаго епископа Гедеона Балабана, въ которой касается не только паптырской, но и организаторской дѣятельности святаго, направленной къ упроченію православія въ грядущихъ поколѣніяхъ. Опъ разумѣетъ подъ этимъ дѣятельность Балабана по учрежденію церковныхъ братствъ, устройству типографіи, исправленію и изданію богословскихъ и учительскихъ книгъ, заведенію школъ и преобразованію монастырской жизни на новыхъ началахъ. По мнѣнію А. П. Петрова львовскій епископъ Балабанъ не мало содѣйствовалъ къ поддержанію православія среди западно-руссковъ какъ своимъ мужественнымъ противодѣйствіемъ латинянамъ и уніатамъ, такъ и энергическою дѣятельностью по внутреннему благоустройенію западно-русской церкви. Тѣмъ-жъ авторомъ написана статья объ уніатскомъ жемученикѣ Іосафатѣ Кунцевичѣ, въ которой онъ обращаетъ особенное вниманіе на посмертныя похороженія его останковъ и оставляя въ сторонѣ дѣянія Іосафата Кунцевича, при жизни хорошо извѣстныя по другимъ изслѣдованіямъ, г. Петровъ старается уяснить только тѣ черты въ жизни и характерѣ жемученика, которыя могли имѣть вліяніе на его смерть и посмертную судьбу. Въ VIII выпускѣ „Памятниковъ“ помѣщены также двѣ статьи Ор. И. Левидскаго: Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій, и Ипатій Потѣй, кievскій уніатскій митрополитъ, въ которыхъ жизнь и дѣятельность этихъ двухъ лицъ изложены въ связи съ характеристикой эпохи, чтобы яснѣе представить чытателямъ „возникновеніе уніи, причины и поводы къ ней, условія ея провозглашенія, группировку партій и интересовъ за и противъ уніи“. Эта трудная задача успѣшно выполнена авторомъ; ему удалось также живо обрисовать на этомъ историческомъ фонѣ безнравственную личность Кирилла Терлецкаго, преслѣдовавшаго своскорыетныя интересы, и добровольнаго убѣжденнаго приверженца уніи Потѣя. Авторъ, сопоставляя эти два лица, замѣчаетъ, что церковная унія никогда не имѣла бы успѣха, если бы опиралась на сочувствіе такихъ сторонниковъ, какъ Кириллъ Терлецкій и ему подобные, и если бы въ средѣ тогдашняго западно-русскаго общества не было людей, которые, подобно Потѣю, искренно заботились объ уніи. Послѣдніе были убѣждены въ пользѣ и необходимости ея для интересовъ западно-русской церкви, и потому съ полнымъ усердіемъ содѣйствовали введенію уніи и затѣмъ также ревностно трудились надъ ея упроченіемъ. Этнографіи отведено довольно скромное мѣсто, какъ и въ предъидущемъ выпускѣ. По этому отдѣлу помѣщена всего одна статья Н. И. Страшкевича: Устная народная словесность въ Холмской и Подлясской Руси,

но и въ такомъ видѣ нельзя не радоваться этому полезному нововведенію въ изданіи „Памятниковъ“, потому что этнографія можетъ не менѣе археологін и исторіи представить несомнѣнныя доказательства давняго существованія русской народности въ забужскомъ краѣ.

Въ текстѣ разсматриваемой книги помѣщены снимки крайне рѣдкихъ портретовъ, какъ, напр., царя Михаила Феодоровича безъ бороды; затѣмъ портреты: царя Алексѣя Михайловича, Балабана, Кунцевича и др. Кромѣ того приложено прекрасно воспроизведенное изображение чудотворной иконы Купятицкой Божьей матери, которая находится въ кievскомъ Софійскомъ соборѣ.

Къ VIII выпуску приложенъ роскошный альбомъ рисунковъ и снимковъ различныхъ памятниковъ Холмской Руси, древнихъ рукописей и другихъ остатковъ старины въ этомъ краѣ. Помпей Николаевичъ Батюшковъ съ обычною заботливостью и полнымъ знаніемъ дѣла отнесся къ выполненію этого художественнаго и весьма замѣчательнаго альбома, какъ по тщательному, поразительно вѣрному, воспроизведенію подлинниковъ, такъ и отдѣлкѣ деталей снимковъ. Изъ акварельныхъ рисунковъ особенно заслуживаютъ вниманія: Витулинская церковь XVI вѣка, церковь Спаса близъ Холма до послѣдней реставраціи и Каменецъ-Литовская башня близъ Вуга въ настоящеемъ ея видѣ. Изъ снимковъ евангелій, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Холмскому евангелію XIII — XIV вѣковъ, хранящемуся въ Румянцовскомъ музеѣ, этому драгоценнѣйшему памятнику православно-русской старины въ краѣ. Затѣмъ изъ снимковъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія: деревянный крестъ изъ Замостья, блюдо изъ уничтоженной замостской церкви Вознесенія Господня, двѣ чаши, хранящіяся въ Яблогинскомъ монастырѣ (Сѣдлецкой губерніи), священническія облаченія XVI вѣка изъ древняго, нынѣ не существующаго, Брестскаго собора, рака св. Аванасія и, наконецъ, поразительно хорошо выполненный снимокъ иконы Люблинской Божьей матери.

Весьма понятно, что подобное дорогое изданіе, какъ „Памятники русской старины“, и еще болѣе цѣнный альбомъ рисунковъ и снимковъ не могутъ существовать безъ значительной субсидіи правительства, а равно и сдѣлаться общедоступными. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать большаго распространенія изданія въ публикѣ, чѣмъ мы это видимъ до сихъ поръ; и намъ кажется, что для достиженія этой цѣли не мѣшало бы, по мѣрѣ выхода выпусковъ помянутаго изданія, разсылать оныя безвозмездно по одному экземпляру въ каждое изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ общественныя бібліотеки, преимущественно западной Россіи; каждый согласится съ тѣмъ, что такое изданіе—полное изслѣдованій лучшихъ спеціалистовъ по исторіи и археологін западно-русскаго края, при этомъ подкрѣпленное художественными воспроизведеніями памятниковъ старины этой земли, послужитъ лучшимъ оплотомъ въ научной борьбѣ съ враждебными Россіи элементами.

Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, изд. подъ редакціею преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго, три тома. Спб., 1885 г., въ б. 8-ю д. Цѣна cadaго тома 2 руб.

До сихъ поръ, не смотря на усиленную разработку отечественной исто-

рѣи въ послѣднія десятилѣтїя, многіе видные русскіе государственные дѣятели XVIII и XIX вѣковъ остаются все еще недостаточно извѣстными. Письменные служебные труды этихъ отжившихъ дѣателей, ихъ отзывы и мнѣнія о различныхъ государственныхъ вопросахъ и явленїяхъ русской жизни, въ большинствѣ случаевъ, оставались и остаются достояніемъ архивовъ. Если время отъ времени печатались біографїи и характеристики нѣкоторыхъ изъ нихъ и обзоры ихъ государственной и общественной дѣятельности, то такіе труды составляютъ исключеніе и не всегда отличаются обилїемъ сообщаемыхъ свѣдѣній. Еще меньше сдѣлано относительно замѣчательныхъ представителей духовства. Хотя издавна печатались ихъ проповѣди и сочиненїя, случайно появлялись и сборники писемъ, но ихъ отзывы и мнѣнія о различныхъ государственныхъ и церковныхъ вопросахъ оставались подъ спудомъ. Прекраснымъ починомъ для обнародованїя такого рода документовъ служить „Собранїе мнѣній и отзывовъ“ московскаго первосвятителя, который безспорно занимаетъ первенствующее мѣсто среди іерарховъ русской церкви текущаго столѣтїя. Еще при жизни пользовался онъ громкою извѣстностью, далеко за предѣлами не только московской, но и всей русской церкви, какъ по своимъ высокимъ духовнымъ дарованїямъ, такъ и неуспѣшному служенїю православію. Поэтому, говоря словами почтеннаго редактора разсматриваемаго изданїя: „тѣмъ желательнѣе для современниковъ ближе ознакомиться съ великою личностью святителя, уяснить нравственный его характеръ и опредѣлить его значенїе въ исторїи церкви“. Настоящее изданїе значительно приближаетъ насъ къ этой цѣли и служитъ богатымъ вкладомъ въ литературу о великомъ святителѣ. Въ настоящее время напечатано уже три обширныхъ тома „Собранїя“, которые, по тщательности и добросовѣстности редакціи, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Въ первый томъ вошли бумаги митрополита Филарета (въ числѣ 132 автографовъ), за время его духовно-учебной дѣятельности, съ 26 января 1809 года по 15 марта 1819 г.

Въ началѣ 1809 г. молодой іеродїаконъ Филаретъ Дроздовъ, занимавшій скромное мѣсто учителя риторики троицкой семинаріи, былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, гдѣ назначенъ преподавателемъ философіи въ духовной семинаріи, а затѣмъ высшей риторики, въ только что открытой духовной академіи. Здѣсь онъ послѣдовательно проходилъ должности: инспектора с.-петербургской семинаріи и въ то-же время ректора Александровскаго духовнаго уѣзднаго училища, ректора академіи, члена с.-петербургской духовной консисторїи и комиссіи духовныхъ училищъ, члена императорскаго челоуѣколюбиваго общества и главнаго правленїя училищъ. Бумаги за этотъ періодъ времени, помѣщенные въ первомъ томѣ, служатъ нагляднымъ свидѣтельствомъ широкой, разносторонней и неутомимой дѣятельности будущаго великаго іерарха московской церкви. Онъ ревностно заботился о соблюденїи порядка въ подвѣдомственныхъ ему заведенїяхъ и добрымъ поведенїемъ воспитанниковъ, обращаетъ особенное вниманїе на возможное улучшенїе учебной части, обсуждаетъ различные способы преподаванїя, составляетъ конспекты лекцій, росписанїе часовъ, программы экзаменовъ и проч. Кроме того онъ заботится о покупкѣ новыхъ русскихъ книгъ и выпискѣ иностранныхъ изъ-за границы. Изданїя учебниковъ, жертвуетъ въ академическую бібліотеку свои собственныя книги, какъ, напримѣръ, соч. Канта и Волькелїя. Въ то-же время преосвященный Филаретъ внимательно слѣдитъ за текущей духовной литературой въ Россїи и за границей, пишетъ отзывы о вновь выходящихъ книгахъ, сви-

дѣтельствующіе объ его необыкновенномъ умѣ и начитанности. Едва вступивъ въ комиссію духовныхъ училищъ, онъ дѣлаетъ рядъ ревизій и представляетъ о нихъ подробные отчеты, изъ которыхъ видно, что эти ревизіи не имѣютъ ничего общаго съ обычными оффиціальными посѣщеніями учебныхъ заведеній высшимъ начальствомъ. Архимандритъ старательно знакомится съ успѣхами воспитанниковъ на основаніи сдѣланныхъ имъ самимъ испытаній, наводитъ тщательныя справки о нравственности учениковъ, обращаетъ вниманіе на хозяйственную часть, помѣщеніе, состояніе больницы, библиотеки и проч. Не упускаетъ онъ изъ виду и дѣла консисторій, внимательно разбираетъ приносимыя жалобы, бракоразводныя и другія дѣла, пишетъ доклады о назначеніи кандидатовъ на духовныя должности и мѣста церковныхъ старостъ. Не менѣе дѣятельнымъ является Филаретъ въ качествѣ члена императорскаго человеколюбиваго общества, которому постоянно помогаетъ совѣтами, руководствуясь въ своихъ рѣшеніяхъ тѣмъ же яснымъ, никогда не измѣнявшимъ ему, умомъ и чувствомъ строгой справедливости.

Второй томъ „Собранія мнѣній и отзывовъ Филарета“ обнимаетъ время съ 20 марта 1819 г. по 8 декабря 1839 г. и заключается сто тринадцатью статьями, касающимися разныхъ сторонъ церковно-государственной жизни и богословія, расположенныхъ, какъ и въ первомъ томѣ, въ хронологическомъ порядкѣ (исключая немногихъ дополненій). 15 марта 1819 года Филаретъ назначенъ архіепископомъ тверской епархіи и вмѣстѣ членомъ святѣйшаго синода. Въ званіи члена синода святитель до самой кончины, послѣдовавшей 19 ноября 1867 г., въ теченіи сорока восьми лѣтъ, принималъ ближайше непосредственное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся вѣры и церковнаго управленія, и не одной нашей отечественной церкви, но и вселенской, а иногда, по призыву верховной власти, участвовалъ и въ разрѣшеніи дѣлъ государственной важности. Поэтому второй томъ „Собранія“, заключающій бумаги, относящіяся къ началу этого замѣчательнаго періода дѣятельности московскаго святителя, представляетъ особенный интересъ для всей образованной публики. Митрополиту Филарету приходилось не только разрѣшать вопросы, возникавшіе въ практикѣ духовнаго управленія, но и писать цѣлыя трактаты въ защиту православія, какъ, напримѣръ, по поводу неправильнаго толкованія неизвѣстнымъ авторомъ нѣкоторыхъ выражений въ нашихъ славянскихъ книгахъ съ ссылками на западную духовную литературу. Не рѣдко святителю приходилось вмѣшиваться въ дѣла, не входившія въ кругъ его обязанностей, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ „проектированный имъ протоколъ засѣданія особаго комитета, учрежденнаго въ Москвѣ, для очищенія товаровъ, по случаю холеры“ (стр. 284—290, II). Особенно любопытны бумаги, касающіяся духовнаго управленія, которыя служатъ доказательствомъ непоколебимой ревности митрополита Филарета къ охраненію ненарушимости священныхъ правилъ и церковнаго благочестія. Такъ, упуская изъ виду практическія соображенія, онъ подалъ 3 апрѣля 1829 г. свсе „мнѣніе“ въ синодъ, въ которомъ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался о невозможности удовлетворить прошеніе генераль-адъютанта П. А. Клейнмихеля о вступленіи въ бракъ (стр. 268—273, т. II). Въ другомъ случаѣ, признавая незаконнымъ бракъ флигель-адъютанта А. П. Мансурова на двоюродной сестрѣ, московскій святитель писалъ по этому поводу, 23 ноября 1826 г., въ запискѣ къ оберъ-прокурору синода:

„Забота здѣсь не о частныхъ лицахъ, но о неприкосновенности кореннаго закона (правило вселенскаго собора), котораго предѣль, если преступить, то неизвѣстно будетъ, на чемъ остановиться“... (Стр. 171, II).

Затѣмъ, въ отвѣтъ на предложеніе повременить сужденіемъ о самомъ бракѣ, въ виду посланки Мансурова за границу, а священника съ причтомъ судить особо и немедленно, на основаніи законовъ—святитель писалъ оберъ-прокурору 22-го октября того-же года:

.....„Письмо ваше подало мнѣ случай войти въ лабиринтъ размышленій, изъ которыхъ до сихъ поръ не нахожу выхода. Одно дѣло, хотя двумя виновными сторонами сдѣланное, какъ раздѣлить? И какъ можно мнѣ причтомъ остаться вѣрнымъ“. (Стр. 176, II).

Тѣмъ-же негодованіемъ проникнуты и остальные письма святителя, въ которыхъ онъ жалуется, что Мансуровъ не думаетъ ѣхать за границу и „третій мѣсяцъ остается на виду столицы, какъ бы для того, чтобы показывать свое торжество и уничтоженіе церковнаго правосудія“... наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что Мансуровъ былъ вызванъ въ Петербургъ, съ приказомъ весной отправиться за границу. Такъ-же смѣло выступилъ митрополитъ на защиту интересовъ духовенства въ своемъ „Проектѣ всеподданнѣйшей записки по поводу исключенія государственнымъ совѣтомъ изъ доклада святѣйшаго синода важныхъ положеній“.. (Стр. 273—279). Имѣя въ виду, что уваженіе къ церкви всего вѣрнѣе можетъ быть достигнуто черезъ посредство достойныхъ представителей духовенства, онъ неусыпно заботился о томъ, чтобы въ священники посвящались люди испытанной нравственности и съ достаточнымъ образованіемъ. Для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли московскій святитель составилъ всеподданнѣйшее представленіе, съ приложеніемъ рукописи, озаглавленной „О средствахъ противъ недостатка въ достойныхъ священникахъ“. Не менѣе любопытно мнѣніе архіепископа Филарета, поданное въ синодъ „О способахъ къ усиленію православнаго ученія въ народъ чрезъ посредство учащихъ въ духовныхъ училищахъ“ (стр. 77—79), а также „Мнѣніе о преподаваніи во всѣхъ церквахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ катехизическихъ ученій“ (стр. 22—24).

На ряду съ заботами объ увеличеніи значенія православной церкви и поднятій умственнаго и нравственнаго уровня духовенства, московскій митрополитъ не упускалъ изъ виду и матеріальнаго благосостоянія духовенства, особенно сельскаго, и много писалъ о средствахъ къ улучшенію его положенія. Достоинно замѣчанія, что преосвященный Филаретъ, при всей своей горячей преданности православной церкви, какъ видно изъ его бумагъ, отличается замѣчательнымъ отсутствіемъ фанатизма. Ясность ума и спокойствіе духа не измѣняютъ ему даже въ такихъ вопросахъ, какъ воссоединеніе униатской церкви въ Россіи съ восточно-каатолической, равно и въ вопросѣ о раскольникахъ. Великій святитель былъ сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ, но хотѣлъ, чтобы эти мѣры проводились безъ насилія и нечаянности, съ возможною „тишиною“ и осторожностью, и чтобы при этомъ не упускались изъ виду препятствія и затрудненія, непобѣдимыя въ подобныхъ дѣлахъ.

Третій томъ заключаетъ въ себѣ 353 собственноручныя бумаги Филарета, съ 7-го января 1840 г. по 31-е декабря 1854-го года. Интересъ этихъ бумагъ, разъясняющихъ, между прочимъ, многіе вопросы по исторіи православной церкви, по духовно-учебнымъ вопросамъ и проч.—ни мало не меньше интереса первыхъ двухъ томовъ сего драгоценнаго собранія. Достоуважаемый

редакторъ, преосвященный Савва, вполне вѣрно указываетъ на весьма важное значеніе изданныхъ книгъ трудовъ великаго святителя и для современной церковной практики.

Повторяемъ сказанное уже выше, что тщательность редакціи сего изданія не оставляетъ ничего желать лучшаго и нельзя не выразить глубокой признательности К. П. Побѣдоносцеву, просвѣщенной инициативѣ котораго изданіе это обязано своимъ существованіемъ: въ этомъ сборникѣ, по его окончаніи, оживетъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ весь обликъ Филарета, митрополита Московскаго, какъ мужа государственнаго, представителя и ревнителя православной церкви.

Общій Морской Списокъ. Спб. 1835, 2 ч. 982 стр.—(Первая часть — отъ основанія флота до кончины Петра Великаго; вторая — отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II).

„Общій Морской Списокъ“ представляетъ весьма почтенный, кропотливый трудъ, въ которомъ старательно подобраны служебныя свѣдѣнія о всѣхъ офицерахъ корабельнаго флота и о болѣе замѣчательныхъ лицахъ „другихъ морскихъ специальностей“, начиная со времени основанія флота. Въ предисловіи помѣщенъ краткій историческій очеркъ послѣдовательнаго введенія офицерскихъ морскихъ чиновъ, съ таблицей, гдѣ показано, какіе чины были въ нашемъ флотѣ въ разное время, а также всѣ происходившія при этомъ измѣненія. Въ первой части „Списка“ помѣщены лица, получившія офицерскій или мичманскій чинъ въ царствованіе Петра Великаго; во второй — отъ кончины Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II. Трудность такого изданія, при скудости и разрозненности необходимыхъ для этого данныхъ, вполне очевидна и объясняетъ неизбежныя и довольно значительныя пробѣлы, встрѣчаемыя въ „Спискѣ“. Тѣмъ не менѣе, эта трудность не остановила его усердныхъ составителей, такъ какъ имѣется въ виду издать еще три тома, изъ которыхъ пятый будетъ доведенъ до новѣйшаго времени. Было бы желательно, чтобы въ слѣдующихъ томахъ послужные списки моряковъ, по мѣрѣ возможности, были бы пополнены нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями, чѣмъ могло бытъ избѣгнуто изданіе особаго біографическаго словаря. Но, во всякомъ случаѣ, „Общій Морской Списокъ“, по тщательно собранному даннымъ, займетъ видное мѣсто среди цѣлаго ряда вышедшихъ въ свѣтъ полезныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ по исторіи русскаго флота, составленныхъ тѣми-же лицами, специально знакомыми съ морскимъ дѣломъ, подъ главнымъ и вполне просвѣщеннымъ руководствомъ неутомимаго трудолюбца Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Витебская Старина, томъ IV. Сост. и изд. А. Сапуновъ. Витебскъ. 1885.

Провинція съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обогащаетъ отечественную исторію, археологію, статистику и этнографію различными сборниками и изданіями, которые въ то-же время становятся все полнѣе и обстоятельнѣе. Нельзя не радоваться увеличенію такого рода литературы, потому что историческое и всякое другое изученіе нашего обширнаго отечества пойдетъ вдвойнѣ успѣшнѣе, если провинція съ своей стороны будетъ дѣлиться свѣдѣніями и данными собранными на мѣстѣ и ей одной вполне доступными.

Не менѣе цѣлесообразна задача издателя „Витебской Старины“—собрать по возможности всѣ относящіяся къ ней документы, и мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что эта трудная задача будетъ выполнена имъ. Въ 1883 г. вышелъ I-й томъ, посвященный главнымъ образомъ городу Витебску, о которомъ мы въ свое время дѣлали отзывъ ¹⁾; новый IV томъ, вслѣдствіе издательскихъ соображеній автора, появился раньше втораго и третьяго. Онъ обнимаетъ собой 30-лѣтній періодъ времени (17 л. царствованія Іоанна Грознаго и 13 л. царствованія Алексѣя Михайловича) и состоитъ изъ двухъ частей: первая заключаетъ въ себѣ документы, относящіяся къ „занятію Полоцкаго воеводства царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ“ (1563—1580 гг.); во второй части помѣщены документы, касающіяся „занятія Полоцкаго и Витебскаго княжества царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1654—1667 гг.)“. Представленный А. П. Сапуновымъ „Краткій очеркъ борьбы Московскаго государства съ Литвою и Польшею въ XIV—XVII вв.“ представляетъ перечень главнѣйшихъ событій, происходившихъ въ это время въ краѣ, и долженъ служить путеводной нитью въ массѣ отрывочныхъ документовъ. Таковыхъ, дѣйствительно, цѣлая масса; и въ этомъ отношеніи нельзя не удивляться добросовѣстности и неутомимому трудолюбію составителя. Онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы облегчить читателей въ знакомствѣ съ документами, до „Витебской Старины“ относящимися; но, какъ намъ кажется, упустилъ изъ виду, что его книга будетъ читаться преимущественно извѣстной подготовленной публикой, для которой было бы достаточно, на ряду съ отысканными имъ и впервые изданными актами, ограничиться ссылками на документы, напечатанные въ такихъ общедоступныхъ изданіяхъ, какъ акты историческіе, акты западной Россіи, собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ и древняя Россійская Веліколенка, а не перепечатывать таковыя цѣлкомъ, какъ то, напротивъ, дѣлаетъ г. Сапуновъ. Равнымъ образомъ мы не видимъ особенной необходимости въ приложеніи довольно извѣстныхъ портретовъ царей: Іоанна Грознаго и Алексѣя Михайловича, равно и ихъ печатей, и таково множество палеографическихъ снимковъ, не представляющихъ ничего особеннаго. Но наши замѣчанія ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ цѣлью умалить заслугу почтеннаго составителя „Витебской Старины“, и мы дѣлаемъ ихъ потому только, что излишняя дороговизна изданія можетъ охладить его рвеніе и замедлить продолженіе его весьма и весьма полезнаго труда. Нѣкоторыя типографскія упущенія, какъ, напр., путаница въ страницахъ примѣчаній, разумѣется, не имѣютъ особеннаго значенія и, вѣроятно, будутъ избѣгнуты въ слѣдующихъ томахъ.

Сѣверный юбилей 1594—1894. Въ память исполнившейся 300-лѣтней годовщины города Архангельска. Изд. арханг. губ. стат. комит. подъ редакціею Я. И. Лудмера. Архангельскъ. 1885.

Брошюра, вышедшая подъ этимъ заглавіемъ, представляетъ обстоятельное, доведенное до мельчайшихъ подробностей, описаніе приготовленій къ трехдневному празднованію юбилея, равно и самого праздника. Въ заключеніе приведены всѣ рѣчи и статьи, вызванныя юбилейнымъ торжествомъ, не включая телеграммъ, присланныхъ въ Архангельскъ съ разныхъ концовъ Россіи. При этомъ составитель брошюры невольно впадаетъ въ эгегическій тонъ

¹⁾ См. «Русск. Стар.» 1884 г., мартъ и іюнь.

и восклицаетъ: «Неужели же сѣверянамъ и послѣ пышно отпразднованной 300-лѣтней годовщины придется продолжать свое существованіе при тѣхъ же неудовлетворительныхъ условіяхъ». Дѣйствительно, старѣйшій русскій портъ, повидимому, не особенно процвѣтаетъ въ настоящее время, судя по тому, что городъ, ассигновавъ 1000 р. на празднованіе юбилея, долженъ былъ сдѣлать постановленіе о займѣ этой суммы въ общественномъ банкѣ. Тутъ естественно является вопросъ: какъ помочь бѣдѣ? Составитель брошюры Я. И. Лудмеръ вполне раздѣляетъ взглядъ «Московскихъ Вѣдомостей», высказанный по поводу юбилея, съ которымъ болѣе или менѣе солидарны другіе органы русской печати, что «упадокъ города Архангельска обуславливается главнымъ образомъ отсутствіемъ и неорганизованностью путей сообщенія». Я. И. Лудмеръ идетъ далѣе этого и высказываетъ надежду, что съ улучшеніемъ путей сообщенія и проведеніемъ желѣзной дороги наступитъ пора прежняго процвѣтанія и что «архангельскій портъ и весь сѣверный край станутъ одной изъ лучшихъ жемчужинъ русской короны».

Врядъ ли можно согласиться съ этимъ взглядомъ: причины упадка того или другаго города или дѣлага края слишкомъ сложны, чтобы ихъ можно было устранить одними внѣшними мѣрами.

Енисейская губернія къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири. Статистико-публицистическіе этюды С. Чудновскаго. Удостоено преміи красноярской городской думы. Томскъ. 1885. Прил. къ „Сибир. Газ.“ 1885.

„Настоящій трудъ“, говорится въ замѣткѣ отъ редакціи, „Сибирской Газеты“, предпосланной книжкѣ С. Чудновскаго (занимающей 195 стр. небольшого формата), „заключенъ въ началѣ 1883... Хотя данныя, которыми пользовался авторъ, не восходятъ б. ч. далѣе 1882, но они оставлены безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ за 2, за 3 года положеніе вещей слишкомъ мало измѣнилось, и Енисейская губ. изображена именно въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ее трехсотлѣтній юбилей“... Вѣрнѣе на слово заявленію органа мѣстной печати и добавляемъ съ своей стороны, что трудъ С. Чудновскаго и въ этомъ видѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ авторъ болѣе или менѣе воспользовался различными источниками, бывшими въ его распоряженіи. Онъ представилъ, между прочимъ, любопытныя цифровыя данныя относительно населенія Енисейской губерніи, рода его занятій, установленныхъ податей и повинностей, состоянія путей сообщенія, народнаго образованія и вреднаго вліянія, оказываемаго бродягами посельщиками, число которыхъ въ Сибири доходитъ до 40,000 въ годъ.

Переходъ Россіи къ регулярной арміи. Изслѣдованіе П. О. Боровскаго. Спб. 1885 г., стр. 215. Ц. 2 р

Авторъ много потрудился надъ выясненіемъ вопроса о значеніи преобразованій Петра Великаго въ военномъ дѣлѣ, въ своихъ изслѣдованіяхъ: „Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (Артикулъ воинскій), „Состояніе военного права въ зап. Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ (XVI—XVIII стол.)“ и др. Настоящее изслѣдованіе служитъ обстоятельнымъ введеніемъ въ изученіе важнѣйшихъ вопросовъ военной исторіи въ связи съ обще-историческими фактами и значительно освѣщаетъ эти послѣдніе. Въ немъ авторъ разсматриваетъ: 1) войска въ западной Европѣ въ XVI и

XVII стол. и способы ихъ содержанія; 2) состояніе русскихъ войскъ въ XVI и XVII стол., до преобразования Петра Великаго; 3) переходъ къ учрежденію регулярныхъ войскъ въ Россіи и работы по составленію перваго свода (сборника) военныхъ законовъ. Для настоящаго труда авторъ изучилъ важнѣйшіе источники и пособия, имѣющіеся по даннымъ вопросамъ въ русской и иностранной литературѣ. Какъ специалистъ, онъ даетъ много важныхъ и любопытныхъ объясненій, существенныхъ и для историка. Замѣтимъ также, что изъ многихъ цитатъ въ изданномъ теперь трудѣ видно, что авторъ приготовляетъ къ изданію новое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Бытъ русскихъ войскъ въ XVI и XVII столѣт.“ Въ его обширное изслѣдованіе войдутъ, между прочимъ, главы: о городскомъ дѣлѣ, о плѣнныхъ, о мѣстничествѣ, разборъ Уложения въ военно-юридическомъ отношеніи и др. (стр. 59, 61, 99, 118, 126). Большимъ достоинствомъ трудовъ автора служить и то, что всѣ явленія военно-историческаго быта онъ рассматриваетъ съ сравнительно-исторической точки зрѣнія.

В. И.

П о п р а в к и .

Въ статьѣ: «Училище Правовѣдѣнія», записка графа М. М. Сперанскаго— („Русская Старина“, изд. 1885 г., томъ XLVIII, въ началѣ дек. книги, стр. I—IV) вклялись слѣдующія описки и опечатки: Такъ, на страницѣ III, вмѣсто „простоученый“ (3-я строка сверху) должно быть „просто ученый“. Вмѣсто „при худомъ производствѣ“ (тамъ же, 4-я строка) надо сказать „при худомъ производителѣ“; на 9-й строкѣ, вмѣсто „не были обязаны“, слѣдуетъ читать: „не бывъ обязаны“.

Г. Р.

ПАМЯТИ А. И. ПОДОЛИНСКАГО.

† 4-го января 1886 г.

Блаженъ, кто въ старческіе годы
Всю свѣжесть чувства сохранилъ.

Плещеевъ.

Эти стихи недавно нами привѣтствованнаго на общественномъ праздникѣ маститаго поэта, невольно напомнили о другомъ, покинувшемъ этотъ міръ въ самомъ началѣ настоящаго года. Судьба послала ему такой долгій вѣкъ, какого обыкновенно не получаютъ отъ ея щедротъ поэты на столь мало вообще балуемой ею землѣ русской. Но, несмотря на это, онъ до самой гробовой доски несомнѣнно сохранилъ юношескую свѣжесть чувства, и, давно позабытый молодымъ поколѣніемъ, не думалъ съ своей стороны забывать о немъ, чутко прислушиваясь къ злобамъ нашего дня и подчасъ поэтически горячо на нихъ отзываясь. Стихотворенія его, напечатанныя въ январѣ 1885-го года въ «Русской Старинѣ» служатъ лучшимъ о томъ свидѣтельствомъ. Уже по напечатанному въ 2-мъ томѣ собранія сочиненій покойнаго, изданнаго въ 1860 г. Н. Г. Устряловымъ, видно, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ онъ зарю нашего возрожденія, занявшуюся въ 1855 г. Онъ вызывалъ ей на встрѣчу поэта-пророка, который помогъ бы намъ вполне совладать съ задачами воссіявшаго для насъ великаго дня. Тогда только почувствовала душа поэта вокругъ себя тотъ просторъ,—тогда только вдохнулъ онъ въ себя ту живительную струю вольнаго воздуха, которыхъ не доставало ему среди безбрежнаго моря нашихъ степей съ раскинутымъ надъ ними, казалось бы,

высокимъ и необъятно широкимъ, но все-же давившимъ его небо-склономъ (см. его стихотвореніе «Дума»). Тогда замолкли у поэта на время и тѣ байроническія ноты, которыя звучали у него едвали не упорнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ у другихъ нашихъ поэтовъ (послѣ, разумѣется, Лермонтова). Дѣло въ томъ, что эти ноты звучали въ немъ не столько въ силу нашей воспримчивости или же какихъ нибудь обстоятельствъ личнаго свойства, сколько въ силу того, что въ нихъ есть міроваго и вѣчнаго,—въ силу того, что нѣмцы прозвали такъ вѣрно словомъ «Weltschmerz» (міровая скорбь). Въ нелюдимо разочарованныхъ и даже безвѣрно отчаянныхъ звукахъ, которыхъ не переставала окончательно издавать лира Подолинскаго (онъ еще употреблялъ это слово по старой памяти), сказывались неудовлетворенные запросы неистощимой любви къ человѣку и только болѣе разгоравшаяся подъ напоромъ сомнѣнія жажда вѣры въ возможность всей полноты человѣческаго достоинства и человѣческаго блаженства. Когда, наконецъ, съ наступившею оттепелью, все задыхавшееся взаперти выступило у насъ на свѣтъ Божій, стало расправляться и въ самомъ дѣлѣ жить, тогда, съ другой стороны, наступилъ и тотъ процессъ таянія, который неизбежно вызываетъ наружу и всякія нехорошія испаренія. Между тѣмъ, спѣша раздѣлаться со всякою фальшью и всяческимъ лицемеріемъ, почувствовавъ окончательное отвращеніе къ тому «добродѣтельному человѣку», котораго такъ заѣздили и затаскали у насъ, по выраженію Гоголя, мы возстали ради того противъ всякаго нравственнаго идеала, какъ одного изъ тѣхъ кумировъ, которыхъ давно бы пора пограть, мы исключительно предалися выставленію на позоръ и на всенародный показъ накопившагося зла, и это обличительное направленіе сразу стало переходить въ злоупотребленіе своего рода, въ какое-то «искусство для искусства». И вотъ покойный поэтъ, уже въ 1859 г., пишетъ свое стихотвореніе «Два направленія», но оставляетъ его въ своемъ столѣ, полагая, можетъ быть, что слишкомъ смѣлымъ и ни начесть не основаннымъ представится людямъ тогдашней минуты его предсказаніе:

Не цвѣсть тамъ жизни, гдѣ поета
Смѣнилъ глумитель площадной!

Только десять лѣтъ спустя, не умолкавшій все это время лишь для близкихъ, поэтъ напомнилъ, наконецъ, о себѣ и русскому обществу, такъ горячо отозвавшись на призывъ принять участіе въ празднованіи 50-тилѣтія роднаго ему с.-петербургскаго универ-

ситета. То былъ опять очень свѣтлый мигъ, промелькнувшій сквозь уже скопившіяся тогда надъ нами грозныя тучи. Какимъ живымъ уваженіемъ къ наукѣ и ея дѣятелямъ, какою теплою заботливостью объ учащейся молодежи звучало то, что было тогда высказано и сдѣлано съ высоты престола. Вполнѣ, видно, признавалось то, что вылилось у нашего поэта въ концѣ его привѣтствія родному университету:

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человекъ.

И эти золотыя слова остались начертанными на отчеканенной тогда въ память университетскаго юбилея медали.

Между тѣмъ, все яснѣе и яснѣе становилось, что при раздавшемся, наконецъ, кличѣ о грядущемъ женихѣ, по крайней мѣрѣ половина пошедшихъ ему на встрѣчу пошла лѣниво и сонно и позабыла заpastись освѣтительнымъ снадобьемъ. Да, только немногіе изъ насъ оказались вооруженными настоящимъ свѣтомъ,—свѣтомъ непосредственнаго знанія родной земли съ ея требованіями и нуждами;—большинство, не обладая подобнымъ знаніемъ, высокогѣрно рассчитывало обойтись безъ него, и этотъ-то грѣхъ невѣдѣнія помѣшалъ окончательному успѣху самыхъ лучшихъ начинаній, самыхъ лучшихъ мѣръ. Но мы думали обойтись еще и безъ другаго свѣта—того, который заключается въ живой человѣческой душѣ съ ея личнымъ свободнымъ подвигомъ. Оставивъ за штатомъ эту живую человѣческую душу, мы начавшеюся тогда проповѣдью эгоистическаго матеріализма стали, сами не понимая что дѣлаемъ, подкапываться подъ первые свѣжіе всходы давно желанной гражданской свободы. Вполнѣ неизбѣжнымъ оказался для насъ послѣ этого рядъ самыхъ убійственныхъ разочарованій, отъ которыхъ опять зазвучали у нашего поэта замершія было на время старыя байроническія ноты. Онѣ сказались у него подъ самый конецъ жизни тѣмъ съ большею силою, что и на Западѣ оказывались самыя несомнѣнныя основанія для горькаго разочарованія. Въ силу того же, издавнаго уже, оставленія души за штатомъ, или даже увольненія ея въ окончательную отставку, въ связи со многими историческими причинами, въ итогѣ вездѣ оказалось то, что Некрасову съ одной стороны, Достоевскому съ другой представлялось «возведеніемъ банкира на тронъ земли». И вотъ, уже на самомъ склонѣ жизни (въ 1879 г.) у Подолинскаго выливается изъ души

одно изъ самыхъ скорбныхъ, самыхъ сильныхъ по безотрадности его стихотвореній:

Подъ необъятнымъ сводомъ неба
Одинъ свирѣпствуетъ законъ:
Не достаетъ тепла и хлѣба,
Не умолкають плачь и стонъ.

И алчно гибнущее племя
Ждетъ погрузиться въ вѣчный сонъ,
А вслѣдъ ему выводитъ время
На жертву новый легионъ.

И такъ отъ вѣка и до вѣка;
А мы увѣровать могли,
Что создана для человѣка
Вся прелесть жизни на землѣ!

Но разъ прозрѣвъ, душа, какъ прежде,
Уже забыться не должна.
Скажи-жь: прости! мечтамъ, надеждѣ
И оборвись моя струна!

Но она не оборвалась, она не могла оборваться у поэта до самаго, уже недалекаго, впрочемъ, конца его жизни, омрачившагося посланнымъ ему судьбою тяжелымъ семейнымъ потрясеніемъ, вызваннымъ нашими смутными общественными явленіями. Живительно подѣйствовала опять на поэта печальная, но духовно-торжественная вѣсть. Въ 1883 г. до него, почти уже 80-ти лѣтняго старца, доходятъ рассказы о похоронахъ гораздо преждевременнѣе унесеннаго смертью славнаго русскаго писателя. Его вѣчно юному воображенію представляется образъ бывшихъ Тургеневскихъ крѣпостныхъ, провожающихъ въ могилу творца «Записокъ Охотника», и онъ обращается къ нимъ съ такимъ завѣтомъ:

Скажите душевное слово
О немъ между братьевъ своихъ,
Оно, будь имъ дивно и ново,
А въ сердцѣ отълѣзнется ихъ!

Великій учитель Подолинскаго, Пушкинъ, на зарѣ своихъ дней привѣтствовалъ будущее освобожденіе крестьянъ въ стихахъ, сочувствіе къ которымъ когда-то вмѣнялось въ вину... Подолинскій на закатѣ своей жизни поминаетъ добрымъ словомъ одного изъ литературныхъ сочувственниковъ той завѣтной мечты, которая волею благодушнаго Государя стала, наконецъ, дѣломъ... Вѣчная благодарная память Ему и всѣмъ, кто Ему сочувствовалъ и по мѣрѣ силъ своихъ помогаль.

Ор. Ө. Миллеръ.

4 января 1886 г.

этомъ поприщѣ можно видѣть изъ того, что въ завѣдываніи IV-го отд. собствен. е. ведич. канцеляріи, въ 1844 году, было 104 воспитательныхъ и друг. учреждений, а въ году кончины е. выс. (1881) было уже 496 заведеній, основанныхъ какъ въ общихъ столицахъ, такъ и въ различныхъ городахъ имперіи. Большинство этихъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній принцъ посѣщалъ неоднократно, и съ этой цѣлью предпринималъ поѣздки по Россіи. Ни превлонные года, ни связанная съ ними физическая немощь не могли охладить его къ принятой имъ на себя многосторонней, трудной дѣятельности. 28 апрѣля 1881 г., почти наканунѣ смерти, принцъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Екатерининскій институтъ, куда былъ внесенъ, не будучи въ силахъ подняться на лѣстницу. Седьмая глава книги А. Пашкова посвящена описанію празднованія пятидесятилѣтняго юбилея государственной службы принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, при которомъ юбиляру была принесена такая обильная дань общаго уваженія и признательности, что ему ни въ какомъ случаѣ не пришлось упрекнуть въ неблагодарности страну, которой онъ принесъ столько пользы и добра.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1883. Спб. 1885, также тщательно изданъ, какъ и всѣ предыдущіе отчеты этого учрежденія, и представляетъ наглядныя данныя, по которымъ можно судить о постепенномъ развитіи и преуспѣваніи нашего главнѣйшаго книгохранилища. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя «Отчетомъ» о сдѣланныхъ пріобрѣтеніяхъ и глава о «пользованіи библіотекою». Приведенныя въ ней цифры показываютъ, что число читателей значительно увеличилось въ 1883 году, сравнительно съ 1882 (на 742 чел.). Выбѣтъ съ тѣмъ прогрессивно увеличилось требованіе русскихъ книгъ изъ отдѣлений и въ читальной залѣ, хотя въ то же время замѣтно уменьшился спросъ на иностранныя книги. При этомъ оказывается, что изъ 482 русскихъ повременныхъ изданій «Русская Старина» по числу требованій занимаетъ пятое мѣсто. Къ «Отчету» приложены: а) описаніе фототипическихъ и фототипическихъ коллекцій библіотеки, В. В. Стасова; б) спи-

сокъ датированныхъ греческихъ рукописей Порфиріевскаго собранія, В. К. Ериштедта; в) описаніе Порфиріевскаго сборника византійскихъ документовъ, В. Г. Васильевскаго. В.

Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Александра I. П. Знаменскаго. Казань, 1885, 248 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ многочисленныхъ трудовъ по исторіи церкви и духовенства, недавно напечатавшій Чтенія по исторіи русской церкви въ царств. Екатерины II (Правосл. Собесѣдн. 1877 г.), къ сожалѣнію не вышедшія отдѣльно, издалъ теперь новый трудъ, отличающійся всеми прежними качествами его работъ — удачнымъ выборомъ главныхъ фактовъ, рельефнымъ освѣщеніемъ лицъ и явленій церковной жизни, постоянными сближеніями съ общеисторическими данными; наконецъ, общедоступнымъ, чуждымъ схоластическихъ приемовъ, изложеніемъ церковныхъ вопросовъ. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ касается, между прочимъ, дѣятельности Сперанскаго въ дѣлѣ духовнаго образованія, Россійскаго библейскаго общества и мистицизма, христіанской миссіи, уни, сектъ и раскола въ означенную эпоху. Изъ лицъ церковной администраціи и духовенства здѣсь выступаютъ: Филаретъ Дроздовъ, Феофилактъ Русановъ, Иннокентій Смирновъ, архим. Фотій и многіе др.

Исслѣдованія о Русской Правдѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго. В. П. М. 1885. ХLI + 289. Ц. 2 р.

Въ 1881 г. вышелъ первый выпускъ настоящаго изслѣдованія, посвященный частному вопросу, а именно, изслѣдованію источниковъ по вопросу о девгахъ Русской Правды (XXII + 196 стр.). Второй выпускъ состоитъ изъ предисловія, въ которомъ авторъ говоритъ о текстахъ Русской Правды, о ея составѣ, системѣ, дополненіяхъ и изданіяхъ; затѣмъ опредѣляетъ понятіе Правды; даетъ текстъ Русской Правды по нѣкоторымъ спискамъ разныхъ разрядовъ и, наконецъ, сообщаетъ подробный объяснительный словарь (131—289), заключающій въ себѣ сводъ словъ, встречающихся въ памятникѣ и объясняемыхъ другими матеріалами и изслѣдованіями.

В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской истории, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (56 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (8 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (49 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеvскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

МАРТЪ.

1886 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Дмитрія Ивановича Кипіани съ 1820 г. Гл. I—II . . . 517	0	IX. Гавриилъ Якимовичъ Ломанинъ. Автобiогр. записки, съ примѣч. В. В. Стасова 645	0
II. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ . . . 539	0	X. Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ изъ собранія П. В. Шейна 667	0
III. Последніе дни въ русской Америкѣ. Изъ записокъ очевидца. М. П. Вавилова 549	0	XI. Картинное и книжное народное производство и торговля, 1858—1866 гг. Разказъ П. А. Голышева 679	0
IV. Еропкины. Замятка и родословіе. Сообщ. Вѣра Вас. Еропкина . 561	0	XII. Иванъ Сергѣевичъ Ансановъ, † 27 января 1886 г. Очеркъ профес. О. Ѳ. Миллера 745	0
V. Императоръ Николай въ его военныхъ распоряженіяхъ 1848 и 1854 гг. Сообщ. Л. М. Чичаговъ 570	0	XIII. Адольфъ Петровичъ Берже, † 31-го января 1886 г. Очеркъ Ред. . . 727	0
VI. Докторъ Иванъ Тимофеевичъ Богородскій, 1831 г. Сообщ. С. А. Ярошъ 581	0	XIV. Матеріалы и замѣтки: Англичанка Бирчъ, 1826 г. (577). — П. П. Годенинъ (587). — Митр. Іоаннъ Максимовичъ (589). — Филаретъ и Иннокентій (593). — Л. К. Квитницкій (637). — П. В. Кукольникъ (642).	0
VII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ брату, 1863—1878 гг. 597	0	XV. Девятнадцатое февраля . . . 760	0
VIII. Николай Ивановичъ Костомаровъ въ 1857—1875 гг. Воспоминанія Н. А. Бѣлозерской 609	0	XVI. Библиографическій листокъ.	0

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе) напечатанъ и раздается въ началѣ марта 1886 года тѣмъ изъ подписчиковъ «Русской Старины», которые возобновили свою подписку до 1-го марта 1886 г. и выслали одинъ руб. за Альбомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1886 г.

Червенскіе города. Историч. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси. Соч. А. В. Лонгинова. Варш. 1885. Ц. 1 р. 20 к., стр. 368.

Авторъ ведетъ свой разсказъ объ ономъ — съ древнѣйшихъ временъ; но въ выборѣ источниковъ и распредѣленіи матеріала поступаетъ крайне произвольно, цитируя заурядъ и славянскія древности Шаарика, и энциклопед. словарь Березина и т. п. О другихъ источникахъ автора иногда трудно судить, въ какой мѣрѣ онъ знакомъ съ ними. Такъ, дважды онъ называетъ «Боярскую думу древней Руси» сочин. Калюпанова (стр. 20 и 28) и т. п. Въ общемъ изложеніи онъ слѣдитъ за судьбами этого края или, лучше сказать, православія въ немъ и отношеній его къ католицизму до XIX вѣка. Существенную часть труда составляютъ данныя, извлеченныя авторомъ изъ мѣстныхъ архивовъ: Варшавскаго главнаго, Свидлецкаго (нынѣ присоединеннаго къ Варшавскому), Люблинскаго, Любартовскаго, бывш. Холмской консисторіи и церковныхъ, а также изъ матеріаловъ Холмскаго церковно-археологич. музея; въ концѣ книги приложены свѣдѣнія о церквахъ и монастыряхъ Холмской епархіи до начала XIX столѣтія.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. Археографич. ком. Т. X, Спб. 1885, 244 стр. Ц. 2 р.

Послѣ значительнаго промежутка времени появился этотъ новый томъ лѣтописнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Николаевской или Патріаршей лѣтописи. Въ основаніе изданія II тома приняты были тѣ-же списки, какъ и для I-го (Академ., Архив., Толст., Троицк., Публич. библ. и др.); форматъ и система примѣчаній тѣ-же, какъ и въ другихъ томахъ полн. собр. лѣтописей. Настоящій томъ обнимаетъ событія 1176 — 1362 г., заканчиваясь такимъ образомъ тѣмъ годомъ, которымъ оканчивается III часть Никоновской лѣтоп. по изданію XVIII столѣтія, какъ извѣстно состоящая изъ 8 частей. Въ концѣ вышедшаго тома помѣщена повѣсть объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго и боярина его Θεодора отъ царя Батыя въ Ордѣ, по одному изъ списковъ (Лаптевскому) этой лѣт., принадлежащему Публич. библ.

сходная съ тою же повѣстью, напечатанною въ I части Степенной книги. Редакція X тома Полн. собр. принадлежитъ академику А. Θ. Бычкову. В. И.

Исторія родовъ русскаго дворянства. Сост. П. Н. Петровъ. Томъ I (339 прозваній съ 32-мя родословными таблицами и 150-ю гербами фамилій, кромѣ гербовъ территорій; трехъ видовъ госуд. печати и госуд. знамени). Спб. Книгоизд. Г. Голпе. 1886 г. (400 стр.).

Празднованіе столѣтній годовщины пожалованія грамоты русскому дворянству вызвало появленіе нѣсколькихъ изданій по исторіи нашего служилаго дворянства и старинныхъ боярскихъ родовъ. Настоящій трудъ принадлежитъ П. Н. Петрову, изслѣдователю различныхъ отраслей историческаго знанія, касающихся изученія Россіи и русской народности. Несмотря на важное значеніе генеалогіи при всякихъ историческихъ работахъ, она менѣе всего обращала на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей, что отчасти объясняется скудостью и сбивчивостью генеалогическихъ данныхъ, вслѣдствіе того равнодушія, съ какимъ наше дворянство, за немногими исключеніями, относится къ большей или меньшей степени своей родovitости. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсмотрѣніе причинъ такого демократизма, составляющаго отличительную черту восточныхъ и южныхъ славянъ, но одно несомнѣнно, что русскія дворянскія фамиліи, въ большинствѣ случаевъ такъ мало дорожатъ своими родословіями, что многіе документы исчезли безслѣдно, и такимъ образомъ явились ничѣмъ не пополнимыя пробѣлы. Множество пробѣловъ встрѣчаются и въ книгѣ П. Н. Петрова, но при этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что въ виду тѣхъ затрудненій, какія ему пришлось встрѣтить въ своихъ изысканіяхъ, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы собрать уцѣлѣвшія генеалогическія свѣдѣнія и очистить ихъ отъ связанныхъ съ ними легендъ, анахронизмовъ и искаженій именъ. Вступленіемъ къ первому тому «Исторіи родовъ русскаго дворянства» служить историческій очеркъ П. Н. Петрова «О значеніи Степенной книги», которая, согласно его предположенію, была едва ли «не пер-

ЗАПИСКИ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА КИПІАНИ

съ 1820 г.

Здѣсь предполагается прослѣдить теченіе такихъ случайностей въ жизни, которыя формируютъ духовную нашу сторону. Мастерскою служить, конечно, тотъ мірокъ, въ которомъ приходится вращаться:

- I. Во время ученія.
- II. На правительственной службѣ.
- III. На службѣ по выборамъ.
- IV. Въ частной жизни.

I.

Во время ученія.

1.

Учебныя заведенія 1820 годовъ въ Тифлисѣ.—Тогдашняя педагогія.—Первая напраслина. Лупка линейками. — П. И. Шипулинъ. — Слѣдуетъ ли сознавать ошибку?

Въ началѣ 1820 годовъ, чтобы въ Тифлисѣ отдать мальчика въ учебное заведеніе, роднымъ его предстоялъ выборъ между двумя заведеніями, которыя только и существовали здѣсь.

Рѣчь тутъ не о томъ, конечно, гдѣ, какъ учили. Говорить объ этомъ придется весьма немного. И въ духовной семинаріи, и въ благородномъ училищѣ держались одного: зубрить отъ строки до строки безъ разсужденія. А въ случаѣ какой про-

винности протягивать ладони подь лупку линейкою. Вотъ вся тогдaшняя педагогическая премудрость.

Меня отдали сначала въ семинарію, а года черезъ два заручились нужными документами и перевели въ благородное училище.

На другой день входятъ во 2-й классъ, куда меня приняли, исправлявшій должность директора Павелъ Ивановичъ Шипулинъ, учитель русскаго языка Петръ Степановичъ Сротинскій; за ними нѣсколько учениковъ высшихъ классовъ; въ числѣ ихъ, какъ помню, благообразный юноша, князь Леванъ Мухранскій; всѣ они направляются чрезъ весь классъ къ заднимъ партамъ и, по указанію этого юноши, останавливаются прямо передо мною.

Всѣ эти имена сдѣлались мнѣ извѣстны впоследствии, а тогда я никого еще не зналъ—ни начальниковъ, ни товарищей.

— Какъ ты смѣлъ звонить безъ приказанія? грозно спрашиваетъ меня старшій.

Я не понимаю вопроса и глупо гляжу.

Хватаютъ меня за ухо, дерутъ и возобновляютъ вопросъ.

— Не звонилъ я, отвѣчаю.

— Онъ ли? обращаясь къ юношѣ,—спрашиваетъ его Шипулинъ.

— Онъ, онъ,—утверждаетъ тотъ и за нимъ его товарищи.

— А, а! такъ ты еще запыраться? Линейку сюда!

И влѣпили мнѣ въ ладони ударовъ двадцать съ какимъ-то остервенѣніемъ.

И больно, и злость подступаетъ къ горлу!

— За что это? спрашиваю себя, рыдая.

Я также былъ повиненъ въ этомъ преступленіи, какъ и вы, мой читатель.

Ошибка! Мать милая учила меня, что ошибки надобно прощать, и я, кажется, простилъ; но забыть—не хватило силъ.

Шипулинъ узналъ потомъ о своей ошибкѣ; но не нашлось у него гражданскаго мужества показать мнѣ это, какъ нибудь приласкать меня.

— Значить сознаваться въ ошибкѣ не слѣдуетъ?! Начальство.

2.

Общественныя развлечения, спектакли, собранія.—Контингентъ дамскихъ кавалеровъ.—Мирза Джафаръ.—Генералъ Ховенъ.—Князь Багратионъ.—„Чтобъ этого впередъ не было!“

Въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, т. е. времена 1820 годовъ, въ Тифлисъ не было никакихъ общественныхъ развлеченій. Наѣзжали иногда странствующие жонглеры или акробаты и опять уѣзжали. Составлялись изрѣдка домашніе спектакли, въ которыхъ и женскія роли выполнялись мужчинами. Оставались въ рессурсѣ неперіодическія собранія съ танцами,—но вообще было еще немного дамъ танцующихъ, а по времени и того меньше кавалеровъ. Молодые офицеры почти всѣ были отвлечены на войну съ Персією; а танцоровъ во ф́ракахъ насчитывалось едва три—четыре человѣка во всемъ городѣ.

Чтобъ сколько нибудь восполнить этотъ недостатокъ, генералъ Ховенъ, тогдашній военный губернаторъ, или, точнѣе говоря, тифлисскій гражданскій губернаторъ на правахъ военнаго, непосредственно завѣдывавшій въ то же время и тифлискимъ благороднымъ училищемъ, придумалъ мѣру, которая достигала разомъ двухъ цѣлей: удовольствія танцующихъ дамъ и поощренія юныхъ питомцевъ училища. Сдѣлано было распоряженіе, каждый разъ, когда составлялось гдѣ нибудь танцевальное собраніе, посылать туда, какъ запасный контингентъ кавалеровъ, по нѣсколько человѣкъ учениковъ изъ высшихъ классовъ училища, выбирая достойныхъ этой чести по успѣхамъ и благонравію.

Въ число этихъ избранныхъ удостоился однажды попасть и я, изъ пятаго класса.

Классъ этотъ имѣлъ только одинъ выходъ, черезъ третій, который,—въ свою очередь,—имѣлъ ихъ два—въ четвертый классъ и на крыльцо въ подъѣзду, черезъ просторную и длинную переднюю.

Ученики 5-го класса составляли, въ глазахъ 3-го, нѣчто въ родѣ школьной аристократіи. Сплошь да рядомъ приходилось

намъ замѣнять въ 3-мъ классѣ отсутствовавшихъ преподавателей и возсѣдать такимъ образомъ за учительскою каедрой.

На другой день послѣ танцевъ пришлось мнѣ отправиться въ училище въ томъ же самомъ платьѣ, въ какомъ былъ наканунѣ въ собраніи, и только въ классѣ замѣтилъ у себя два бѣлыхъ пятна на рукавѣ, образовавшіяся отъ капель съ восковыхъ свѣчей. Стеарина тогда, конечно, не было. Пятна эти какъ-то кололи мнѣ глаза и вздумалось мнѣ зачернить ихъ. Близко ко мнѣ ни у кого изъ товарищей не было чернилъ на виду и я вышелъ въ 3-й классъ. На партѣ сейчасъ за дверью увидѣлъ я чернильницу, обмакнулъ въ ней перо и сталъ чернить пятна, не производя, понятно, ни малѣйшаго шума, ни малѣйшаго безпорядка.

Но учитель татарскаго языка, — Мирза Джафаръ Тушмаловъ, сидѣвшій въ этомъ классѣ на учительскомъ возвышеніи, оскорбился, вѣроятно, тѣмъ, что я, совершенно неумышленно, былъ къ нему обращенъ спиною, и гнѣвно закричалъ мнѣ по грузински:

— „Что ты тамъ дѣлаешь?“

Я взглянулъ на него, недоумѣвая, чего онъ кричитъ, и отвѣтилъ:— „ничего особеннаго!“ Судя по тому, что за тѣмъ послѣдовало, отвѣтъ мой показался ему возмутительно дерзкимъ; онъ вскочилъ съ мѣста, накинулся на меня, схватилъ обѣими руками за волосы и сталъ таскать съ ожесточеніемъ. Задыхаясь и отъ боли и отъ обиды, я сталъ тянуться къ выходу, чтобъ пойти жаловаться директору, но хлынула у меня кровь изъ носу и я долженъ былъ прислониться поэтому къ стѣнѣ въ передней до прекращенія течи.

Мирза Джафаръ воспользовался этимъ случаемъ и самъ побѣжалъ къ началству съ жалобою, что я прибилъ его.

Тотъ же герой предъидущаго эпизода, имѣвшій слабость увлекаться впечатлѣніемъ первой жалобы или доноса, подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ вопросомъ:— какъ ты смѣлъ?... но увидѣвъ, что я не могъ отвѣчать ему, П. И. Шипулинъ никого уже ни о чемъ не спрашивалъ и, найдя, вѣроятно, что дѣло это выходило изъ его компетенціи, велѣлъ Мирзѣ Джафару взять шапку и бросились оба къ губернатору лично доложить о происшествіи.

Потребовали немедленно и меня къ губернатору.

До моей явки Шипулинъ и Тушмаловъ успѣли сдѣлать ему

обстоятельный докладъ въ томъ смыслѣ, который не могъ не настроить военнаго генерала того времени на ладъ, и безъ того ему присущій: какъ можетъ-де младшій быть правъ противъ старшаго?!

Въ атомъ настроеніи генераль Ховенъ встрѣтилъ меня уничтожающимъ вопросомъ: „какъ ты смѣлъ поднять руку на учителя?“

Не успѣлъ онъ произнести этотъ вопросъ, какъ вошелъ къ нему генераль-лейтенантъ князь Багратіонъ, братъ знаменитаго Петра Багратіона и отецъ другаго Петра, впоследствии генераль-губернатора остзейскаго.

Меня душила, съ ума сводила мысль, что я ни за что ни про что оскорбленъ, и, судя по всему, я-же буду и обвиненъ.

Покуда генералы обмѣнивались привѣтствіями и покуда Романъ Ивановичъ Ховенъ объяснялъ также Роману Ивановичу князю Багратіону въ чемъ состояло дѣло, мое волненіе поулеглось немного и я могъ уже рассказать какъ было дѣло.

Тутъ Багратіонъ, внимательно меня слушавшій, обратился къ губернатору въ такомъ смыслѣ:

— Пощадите, Романъ Ивановичъ! Вѣдь въ благородномъ училищѣ воспитываются дѣти дворянскія! Вѣдь и мои сыновья тамъ! Какъ-же это? Кто можетъ позволять себѣ бить ихъ? Вѣдь таскать за волосы—развѣ не то, что бить? Какъ хотите, а этого допускать нельзя!

Настроеніе Ховена перевернулось.

Онъ сталъ читать въ атомъ-же смыслѣ нотацію уже Шипулину и Мирзѣ Джафару и, наконецъ, отпустивъ ихъ, приказалъ, чтобъ этого впередъ не было.

Затѣмъ обратился ко мнѣ.

— На этотъ разъ ты благодари Бога и, вотъ, князя, что такъ отдѣлался! Но смотри ты у меня! Чтобъ этого впередъ не было! Слышишь, чтобъ не было! А то не будетъ пощады никакой! Ступай! да не рассказывать объ атомъ!

Рассказывать, положимъ, не пришлось; Шипулинъ успѣлъ уже рассказать и, пока я возвратился, всѣ уже въ училищѣ знали чѣмъ кончилось дѣло; но подумать пришлось:

— „Чтобъ этого не было!“ Да развѣ я виноватъ, что это было? И буду-ли я виноватъ, если еще будетъ“? Такъ и не отвѣтилъ мнѣ никто на эти вопросы.

3.

Школьные экзамены.—Е. П. Манассеинъ.—Н. Т. Дементьевъ.—Князь И. З. Аргутинскій-Долгорукой.—Публичные акты.—Представленіе акта для дамъ.— Гнѣвъ училищныхъ властей.

Наступали экзамены.

Два слова объ экзаменахъ моего времени.

Я имѣлъ уже случай сказать, что вся тогдашняя педагогическая премудрость заключалась въ двухъ главнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнѣйшихъ правилахъ:

Уроки учить наизусть, т. е. зубрить механически, и за всякую провинность лупить линейками по ладонямъ.

Этимъ традиціоннымъ положеніямъ не подчинялись только трое изъ нашихъ преподавателей:

1) Эльпидифоръ Петровичъ Манассеинъ, который былъ назначенъ къ намъ директоромъ училища и, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавателемъ русскаго языка въ низшихъ классахъ и русской словесности въ высшихъ.

Всѣхъ этихъ обязанностей честно выполнять одному лицу было физически невозможно, и потому Манассеинъ пробылъ у насъ только одинъ учебный годъ. Онъ засталъ меня въ 4-мъ классѣ. Только у него ученики стали сознательно воспринимать преподаваемое; только у него сдѣлались высшимъ наказаніемъ отсылка ученика въ уголъ или задержаніе на полчаса въ классѣ по выходѣ изъ него всѣхъ остальныхъ. Навзрыдъ рыдали, бывало, подвергшіеся этимъ наказаніямъ.

Драть за уши или за волосы, лупить линейками, ставить на колѣни, или-же подвергать иному тѣлесному наказанію, въ бытность Эльпидифора Петровича, и подумать было невозможно.

За то и дѣти никогда не казались настолько дѣйствительно благородными и никогда не понимали такъ хорошо преподаваемого, какъ при немъ.

2) Вторымъ, также разумнымъ и вполнѣ симпатичнымъ для учащихся, преподавателемъ былъ назначенный послѣ Манассеина учителемъ русскаго языка и русской словесности кандидатъ

харьковскаго университета, Николай Тимофѣевичъ Дементьевъ. Меня онъ засталъ въ 5-мъ классѣ.

3) Князь Иванъ Захаревичъ Аргутинскій-Долгорукой преподавалъ исторію и былъ наиболѣе уважаемымъ и любимымъ всѣми.

Наступали, какъ я сказалъ, экзамены. Экзаменаторами бывали сами преподаватели, каждый по своему предмету; но, кромѣ Манассеина, Дементьева и князя Аргутинскаго, у всѣхъ остальныхъ ученики сознательно выучивались только лжи.

Учитель географіи, напр., за двѣ недѣли до экзаменовъ задалъ приготовиться отвѣчать: одному—о Швеціи;—„нѣтъ, мнѣ лучше о Португаліи“;—ну, хорошо, Португаліи; другому—Испаніи!—„а? что? ну, Швеціи, такъ Швеціи“; третьему—Англии и т. д., и т. д.

Такъ дѣлали и всѣ остальные преподаватели.

Экзамены сдавались, конечно, благополучно.

За экзаменами слѣдовалъ обыкновенно публичный актъ. На актѣ совершалась, весьма бѣгло и сокращенно, та-же продѣлка; кромѣ того читались отчеты, говорились рѣчи и въ заключеніе раздавались наиболѣе отличавшимся награды, провозглашались имена переводимыхъ въ высшіе классы и окончившимъ курсъ выдавались аттестаты.

Акты удостоивались присутствія высшихъ лицъ: главноуправляющаго краемъ, экзарха Грузіи, губернатора, начальника штаба корпуса и вообще всѣхъ сановниковъ, случайно или постоянно пребывавшихъ въ Тифлисѣ.

При отсутствіи всякихъ другихъ зрѣлицъ, публичный актъ служилъ торжественнымъ годовымъ спектаклемъ; но не могу объяснить, почему на этихъ спектакляхъ никогда не бывало дамъ.

А любознательность ихъ не могла не поинтересоваться хоть разъ узнать что и какъ тамъ происходитъ?

Въ немногочисленномъ кругу тогдашнихъ образованныхъ дамъ блистали въ Тифлисѣ, какъ звѣзды первой величины, двѣ княжны: Нина Александровна Чавчавадзе, впоследствии супруга Грибоѣдова, и Марья Ивановна Орбеліани, впоследствии мать супруга фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго.

Пожелали онѣ устроить домашній спектакль—представленіе училищнаго акта.

Могло-ли придти кому нибудь въ голову воспротивиться этому, въ сущности невинному, желанію такихъ первоклассныхъ представительницъ грузинской красоты?

Конечно, нѣтъ.

И устроили подобіе акта.

Оффиціальныхъ сановниковъ, конечно, тамъ не было; а были все родственники и родственницы княжёнъ.

Происходило это во время каникулъ, т. е. въ свободное отъ ученія время, и въ домѣ у княжны Марьи Ивановны Орбелиани.

Въ представленіи участвовали ученики высшихъ классовъ. Въ ихъ числѣ былъ и я.

Импровизированный актъ сошелъ весьма удачно и мы удостоились одуряющей благодарности.

Прошли каникулы, возобновилось ученіе и, Боже великій! Учебное начальство, съ тѣмъ-же Шипулинымъ во главѣ, разразилось всѣми громами безотчетнаго начальственнаго негодованія: „какъ, да какимъ образомъ? да какъ вы осмѣлились?..“

Ни слова въ оправданіе! Этого мало: рѣшено было всѣхъ шесть человѣкъ за такую неслыханную продерзость наказать примѣрно: высѣчь всѣхъ и сѣчь во всѣхъ классахъ, чтобы видѣли всѣ ученики!!!

Самоубійство у грузинъ считалось всегда за преступленіе постыдное; но мы готовы были посягнуть на себя, если-бъ не спасло энергическое заступничество тогдашнихъ свѣтилъ всесильной красоты.

А въ чемъ преступленіе?

Никто никогда намъ этого не объяснилъ.

II.

На правительственной службѣ.

4.

Первый шагъ по окончаніи курса. — Неудача при началѣ службы. — Второй официальный урокъ во лжи.

Въ тифлисское благородное училище принимали дѣтей только дворянскихъ и готовили къ службѣ. Окончивъ тамъ курсъ, я поступилъ въ уѣздный судъ, и пылко, юношески, предался новому роду ученія. Мнѣ было лестно, что начальствовавшіе удостоивали меня вниманія. Но, мѣсяца черезъ полтора, зовутъ въ присутствіе суда и тамъ съ соболѣзнованіемъ объявляютъ, что мнѣ отказано въ утвержденіи на службѣ.

Исполнительная экспедиція—(замѣнявшая губернское правленіе) отказала за непредставленіемъ доказательствъ дворянскаго происхожденія!

Какъ же приняли въ благородное училище? Зачѣмъ учили? Зачѣмъ платили по 5 р. въ мѣсяць? Неужели затѣмъ, чтобы такъ оскорбительно выгнать на улицу?

Обратился я въ дворянское депутатское собраніе за справками и нашелъ тамъ временной пріютъ. Въ качествѣ переводчика пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, безъ правъ дѣйствительной службы, такъ какъ родъ мой, въ числѣ множества грузинскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, оказался дѣйствительно еще не утвержденнымъ въ дворянствѣ.

Между тѣмъ благородное училище преобразовали въ гимназію и, по ощутительному недостатку въ учителяхъ, предложили мнѣ должность одного изъ нихъ.

Доказательствъ дворянскаго происхожденія здѣсь не требовалось; надобно было только выдержать учительскій экзаменъ въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи.

Выдержалъ; допустили къ должности и вошли съ представленіемъ объ утвержденіи.

Власть отвѣтила, что 16-лѣтній юноша не можетъ быть учителемъ гимназiи.

Опять на улицу?

Но тутъ начальство гимназiи поставило меня на окольный путь,—на которомъ оказалось и было доказано, что мнѣ уже 20 лѣтъ отъ роду, тогда какъ въ дѣйствительности было только 16.

Утвердили учителемъ.

Прiятно! Стоитъ забыть и тѣ обиды, и эту официальную ложь.

5.

Служба въ Вологдѣ. — Брусаловъ. — Кузьминъ. — Иванъ Тимоф. Жарковъ. — Движенiе впередъ и вспять.

Черезъ три года очутился я на службѣ въ Вологдѣ.

Тамъ одни—по тону полученной обо мнѣ бумаги—смотрѣли на меня, какъ на звѣря, который, можетъ быть, и кусается; другiе, — не раздѣляя этого опасенiя, — смотрѣли, какъ на звѣря юнаго и южнаго, котораго слѣдовало скорѣе приголубить; но я настолько искренно предался службѣ, что ходилъ и по утрамъ и по вечерамъ въ губернское правленiе, не замѣчая вовсе опасенiй,—которыя, впрочемъ, скоро прекратились, — и такимъ образомъ въ три года добрался я по канцелярской лѣстницѣ до ступени секретаря губернскаго правленiя.

Я былъ доволенъ и мною были довольны; подыматься выше я не мечталъ ¹⁾).

Прiѣхалъ въ Вологду; меня представили губернатору Брусалову, о которомъ припоминаю только то, что когда онъ спросилъ, говорю-ли я по русски, — и получилъ въ отвѣтъ, что я былъ учителемъ русскаго языка въ гимназiи, онъ охотно уже утвердилъ тѣ опредѣленiя губернскаго правленiя, которыми я назначался, послѣдовательно—помощникомъ секретаря, протоколистомъ и секретаремъ.

¹⁾ Разъ навсегда я долженъ сказать здѣсь, что я никогда не позволялъ себѣ просить или иначе добиваться какого бы то ни было повышенiя по службѣ. Оно шло всегда для меня неожиданно.

Мѣсто Брусалова занялъ Кузьминъ, бывшій адъютантомъ фельдмаршала князя Сакена и потомъ изъ генераль-маіоровъ переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Читалъ онъ не разъ въ газетахъ, что другіе губернаторы удостоивались высочайшихъ благоволеній за успѣшное взысканіе недоимокъ, а онъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ—ни разу.

Это задѣвало его за живое и жаловался онъ на правителя своей канцеляріи.

Посоветовали ему разсмотрѣніе дѣла о недоимкахъ поручить одному изъ двухъ секретарей губернскаго правленія и выборъ палъ на меня.

Оказалось, что нѣкоторый успѣхъ въ этомъ дѣлѣ огромной финансовой важности былъ и по Вологодской губерніи—и Кузьминъ также удостоился высочайшаго благоволенія.

Между тѣмъ случилось еще что-то такое, что сильно возстановило его противъ казавшагося несокрушимымъ правителя его канцеляріи, и, приказавъ ему подать въ отставку, предложилъ мнѣ вступить въ его должность.

Дѣла канцеляріи обазались не въ блистательномъ видѣ и я принялся за приведеніе ихъ въ порядокъ со всѣмъ беззаѣтнымъ увлеченіемъ. Просиживалъ я надъ ними отъ 12 до 15 и 16 часовъ въ сутки и начиналъ уже радоваться видимому успѣху,—какъ... оборвалось!

Назначеніе на эту должность зависѣло отъ власти губернатора; но у Кузьмина не стало на это прежней его боевой храбрости и, слѣдуя мнѣнію какихъ-то домашнихъ совѣтниковъ, онъ вошелъ, какъ оказалось, съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и просилъ его утвержденія.

Тамъ задались, конечно, вопросомъ, съ какой это радости добиваются санціи министерства въ дѣлѣ, ему не подлежащемъ, и отвѣтили губернатору отказомъ.

И возвратили раба Божія назадъ, въ губернское правленіе.

Подняли на высшую ступень—и ни за что, ни про что столетнули оттуда.

6.

Непенинъ.—Генераль Болговскій.—Приказано извиниться,—въ чемъ?

Чѣмъ больше двое старшихъ и достойнѣйшихъ совѣтниковъ губернскаго правленія выказывали соболѣзнующаго вниманія къ моему положенію, — тѣмъ больше сталъ кичиться передо мною третій изъ нихъ, имя котораго — Егоръ Ивановичъ Непенинъ. Онъ злился на меня за одну, доставшуюся ему отъ губернатора, нахлобучку.

Спустя нѣкоторое время былъ уволенъ Кузьминъ и назначили въ Вологду генерала Болговскаго военнымъ губернаторомъ.

Мою исторію, вѣроятно, повѣдали ему на первыхъ же порахъ, судя по тому, что онъ съ самаго же начала оказывалъ мнѣ одобряющее вниманіе.

Но однажды онъ требуетъ меня къ себѣ и встрѣчаетъ такими словами:

— Таковы всѣ вы, молодые люди; дай вамъ воли на вершокъ,—а вы захватите на аршинъ.

Смотрю на него безмысленно, ничего не понимая.

— Что это вы смотрите такимъ невиннымъ? А позволили себѣ оказать невѣжливость совѣтнику губернскаго правленія?

Это слово вывернуло мнѣ всю душу.

— Позвольте мнѣ доложить вашему пр—ву, что я грузинъ, а грузину можете приписать все, что угодно, но невѣжливости никогда!

— Однако Непенинъ жаловался мнѣ вчера, что вы не отдали ему поклона при входѣ въ присутствіе.

— Если это дѣйствительно случилось, то вѣрьте, ваше пр—во, что такого намѣренія у меня не могло быть.

— Но онъ жаловался и я обѣщала ему, что вы извинитесь передъ нимъ, и вы сдѣлаете это,—сдѣлаете для меня.

— Могу сдѣлать, но только исполняя ваше приказаніе.

— Ну, ну!

Пріѣхалъ къ Непенину.

— Исполняя приказаніе губернатора, приношу вамъ извиненіе; но не скрываю, что не знаю въ чемъ!

— Да!.. ну!.. ничего!.. забудемъ теперь!..

Нѣсколько дней толковали объ этомъ въ Вологдѣ.

Придали національный характеръ индивидуальному.

Но... Егоръ Ивановичъ Непенинъ?

Не тѣмъ будь онъ помянутъ. Вообще онъ былъ добрый малый; но бываетъ же, что и доброму малому померещится иногда чтонибудь и не доброе!

7.

Переводъ въ Тифлисъ.—Губернаторъ князь Палавандовъ.—Содержаніе около 7 р. въ мѣсяцъ.

По ходатайству генерала Болговскаго, поддержанному изъ Тифлиса барономъ Розеномъ, послѣдовало, въ началѣ 1837 г., высочайшее повелѣніе перевести меня на службу въ Тифлисъ; губернаторомъ засталъ здѣсь все того же князя Палавандова, брата, погибшему впоследствии въ Архангельскѣ, донощику 1832 г.

Какъ прибывшаго изъ внутреннихъ губерній человѣка, зачислили меня въ исполнительную экспедицію, съ откомандированіемъ къ канцеляріи губернатора.

Нештатнымъ канцелярскимъ чинамъ содержаніе назначалъ тогда самъ губернаторъ.

Черезъ три мѣсяца секретарь исполнительной экспедиціи объявляетъ мнѣ, что губернаторъ за это время назначилъ мнѣ 20 р. ассигн.

— Какъ? мнѣ, бывшему секретарю губернскаго правленія, правителю губернской канцеляріи, около 7 р. въ мѣсяцъ, тогда какъ никто изъ кантонистовъ не получаетъ меньше 10 р.? благодарю!

— Ужь выведено по книгѣ въ расходъ. Нельзя! Надобно росписаться.

— Быть можетъ роспишется самъ; я меня прошу освободить. Такъ и потрудитесь доложить.

8.

Главноуправлявшій въ Грузіи баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ.—Назначеніе въ Кутаисъ къ генералу Эспехо.—Управленіе Имеретією, Мингрелією, Гурією, Абхазією и Сванетією.—Генераль Евг. Ал. Головинъ.—Переводъ въ Тифлисъ; удержаніе въ Кутаисѣ.—Главный начальникъ кавказскаго края даетъ новый урокъ.

Черезъ нѣсколько дней меня потребовали къ главноуправляющему.

— Здравствуйте, здравствуйте, — встрѣчаетъ меня баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ; — очень радъ васъ видѣть. Вы были, говорятъ, правителемъ канцеляріи губернатора въ Вологдѣ? Это хорошо! Это хорошо! Не хотите ли занять такую же, но лучшую должность въ Кутаисѣ? Тамъ ваша служба будетъ у меня на виду!

Оказалось, что въ Кутаисѣ былъ тогда, въ званіи управляющаго Имеретією, Мингрелією, Гурією, Абхазією и Сванетією генераль Екимъ Мих. Еспехо, испанецъ родомъ. Онъ съ трудомъ объяснялся по-русски, умѣлъ только подписываться, но въ составленіи дѣловыхъ бумагъ на русскомъ языкѣ былъ совершенно темень. Между тѣмъ у главнаго начальства онъ былъ на счету, какъ человѣкъ безукоризненной честности и закаленнаго характера во всемъ, что требовало бдительности, дѣятельности и беззавѣтнаго исполненія служебнаго долга.

Въ русскомъ языкѣ, какъ я говорилъ, былъ крайне слабъ, но, какъ европейски образованный, онъ, кромѣ своего роднаго языка, хорошо владѣлъ и французскимъ.

Онъ просилъ барона Розена выбрать ему секретаря, которому-бы могъ довѣряться, и выборъ этотъ палъ на меня.

Предложеніе было сдѣлано такъ лестно и дѣятельность представлялась такая заманчивая, что я тотчасъ согласился и поѣхалъ секретаремъ въ Кутаисъ.

Генераль Эспехо принялъ меня, какъ и ожидать слѣдовало,

вѣжливо; но вѣжливость стала съ каждымъ днемъ пріобрѣтать характеръ искренняго расположенія и полнаго довѣрія.

Надобно бросить здѣсь бѣглый взглядъ на тогдашнее устройство управленія этимъ обширнымъ и разнообразнымъ краемъ.

Непосредственно русское управленіе было водворено: въ Имеретіи—съ 1810 г. и въ Гуріи—съ 1829 г. А остальные части: Мингрелія, Абхазія и Сванетія, имѣвшія своихъ владѣтелей, подчинялись лишь поверхностному наблюденію русскаго управленія. При этомъ Сванетія дробилась на три части, изъ коихъ одна принадлежала владѣтелю Мингреліи, другая князьямъ Дадишкилиани, а третья, такъ называвшаяся Вольная, признавая власть одной лишь царицы Тамары, царствовавшей въ Грузіи въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій, была совершенно изолирована среди малодоступныхъ горъ и не имѣла никакого общенія ни съ названными владѣтелями, ни съ русскою властью.

Въ непосредственно управляемыхъ русскою властью частяхъ были:

Въ Имеретіи: а) 4 окружныхъ управленія — Шорапанское, Рачинское, Кутаисское и Вакинское;

б) одно Имеретинское временное правленіе съ двоякимъ характеромъ — финансовымъ и судебнымъ по гражданскимъ дѣламъ.

Въ Гуріи также временное Гурійское правленіе—съ характеромъ административнымъ и судебнымъ гражданскимъ.

Уголовныя дѣла разбирались въ Кутаисской военно-судной комиссіи.

Во главѣ всѣхъ этихъ учрежденій стоялъ управляющій Имеретіею и пр., и пр., съ его канцеляріею.

Въ канцеляріи сосредоточивались всѣ дѣла административныя и чрезъ нея восходили далѣе, въ ревизіонномъ и апелляціонномъ порядкахъ, дѣла судебныя, какъ временныхъ правленій, такъ и военно-судной комиссіи.

По всѣмъ этимъ дѣламъ канцелярія заготовляла и мнѣнія отъ управляющаго.

Персональ этой канцеляріи былъ слѣдующій:

1 столоначальникъ или дѣлопроизводитель изъ гражданскихъ чиновниковъ съ тремя писцами изъ мѣстныхъ князей и дворянъ;

1 дѣлопроизводитель изъ офицеровъ мѣстнаго линейнаго баталіона съ тремя писцами изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ;

1 журналистъ изъ военныхъ писарей съ помощникомъ и секретарь.

Слишкомъ много дѣла и слишкомъ мало дѣятелей.

Соблюдался порядокъ, при которомъ трудъ журналиста дѣлался непомѣрнымъ, но облегчался трудъ секретаря: исходящія бумаги записывались въ журналъ цѣликомъ и потому секретарь болѣе или менѣе значительную ихъ часть могъ отписывать, по навыку, прямо на бѣло.

Но все-таки приходилось ему возвращаться на квартиру только на ночлегъ съ тѣмъ, чтобъ на другой день являться въ канцелярію чуть не на разсвѣтѣ.

Такъ какъ канцелярія была при самомъ домѣ управляющаго, то какъ поэтому, такъ и въ силу иныхъ причинъ, получая всего 400 руб. въ годъ, невозможно было имѣть своего стола,—а столоваться въ гостинницѣ было еще невозможнѣе, за несуществованіемъ тогда въ Кутаисѣ ни одной гостинницы,—я и обѣдалъ, и ужиналъ постоянно у моего генерала, совершая передъ тѣмъ и доклады ему.

Но между нами установилось, дѣйствительно, такое безграничное довѣріе, что онъ самъ призналъ достаточнымъ выслушивать доклады самые бѣглые, кратчайшіе: тому-то, о томъ-то.

Отъ этого у меня времени выигрывалось много; но за то невозможно было не замѣтить и не испугаться той силы, которая оказалась въ рукахъ 22-хъ или 23-хъ лѣтняго молодого человѣка.

Ни по административнымъ, ни по судебнымъ дѣламъ никакого руководителя; что написалъ—то и свято.

Черезъ годъ пришлось поѣхать, вмѣстѣ съ генераломъ, на нѣсколько дней въ Тифлисъ—отвести душу въ свиданіи съ родными и друзьями.

Тутъ князь Палавандовъ сдѣлалъ мнѣ заманчивое предложе-

ніе — принять должность правителя его канцеляріи и званіе редактора официальной газеты „Тифлисскія Вѣдомости“. Быть можетъ, этимъ онъ хотѣлъ загладить назначеніе 20 руб. за три мѣсяца службы.

Содержаніе 750 руб., стало-быть родному дому можно, вмѣсто какихъ-нибудь 100 руб., удѣлять до 400, да и жить въ своей родной средѣ. Это было слишкомъ искусительно, чтобъ возможно было колебаться.

Сврѣпя сердце, рѣшился объявить объ этомъ Екиму Михайловичу (Эспехо).

Онъ также не скрылъ отъ меня своего огорченія.

— Ваше содержаніе у меня дѣйствительно весьма небольшое, — сказалъ онъ мнѣ, — но нѣтъ-ли у васъ какой другой причины; не недовольны-ли вы чѣмъ-нибудь или вѣмъ-нибудь? будьте откровенны, какъ съ роднымъ отцемъ, какъ съ другомъ.

Моя съ нимъ искренность оказалась тутъ у своего предѣла; я долженъ былъ шадить его самолюбіе и умолчать о томъ, что желаю бѣжать отъ власти, которая у него въ моихъ рукахъ.

Поэтому отвѣтилъ, что не имѣю никакой другой причины уходить отъ него, кромѣ денежной.

— Значить, вы не уйдете отъ меня, если я исходатайствую прибавку къ вашему жалованью у Евгенія Александровича?

Главноуправляющимъ тогда былъ уже не баронъ Гр. Вл. Розень, а Евг. Ал. Головинъ.

Тогда невозможно уже было не связать, что не буду имѣть никакой причины уходить.

Отправился онъ тогда-же къ Головину съ личнымъ ходатайствомъ и, возвратившись къ обѣденному времени, объявилъ мнѣ официально, отъ имени главноуправляющаго, что къ моему жалованью будетъ добавлено 350 руб. въ годъ.

Затѣмъ, онъ письменно донесъ о моемъ согласіи остаться при этомъ условіи и сообщилъ также губернатору, князю Палавандову.

Возвратились мы въ Кутаисъ.

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и получается, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемая бумага, но что заключала она въ себѣ?

Извѣщеніе о невозможности назначить обѣщанную прибавку!!
 Что это? Обѣщаль вѣдь главноуправляющій кавказскимъ и
 закавказскимъ краемъ!

9.

Павель Петровичъ Тимоеевъ. — Канцелярія главноуправляющаго. — Право
 мартъ бумаги. — Дѣло индѣйца Могундасова. — Удачный плодъ служебнаго
 терпѣнія.

Разставшись окончательно съ неменьше меня озадаченнымъ
 генераломъ Эспехо, прибылъ я въ Тифлисъ и отправился за
 объясненіемъ въ директору канцеляріи главноуправляющаго,
 Павлу Петровичу Тимоееву.

Горячее наше объясненіе выказало, что тутъ генераль Голо-
 винъ былъ не при чемъ и Тимоеевъ предложилъ мнѣ поступить
 къ нему въ канцелярію.

Служба тамъ считалась самою почетною, самою желательною.

Мое оскорбленное самолюбіе, значить, удовлетворилось и я
 согласился поступить въ канцелярію главноуправляющаго.

Но самолюбію моему пришлось и здѣсь подвергнуться испы-
 танію. Это было въ началѣ 1838 г.

Назначили меня столоначальникомъ въ хозяйственное отдѣ-
 леніе. Начальникомъ этого отдѣленія былъ Никита Степановичъ
 Орловскій, чиновникъ стараго закала; намъ обоимъ пришлось
 сидѣть за однимъ столомъ другъ противъ друга. Работа мнѣ пред-
 стояла большею частію счетная, не требовавшая ни малѣйшей
 литературной отдѣлки. „Въ таковой-то продовольственный мага-
 зинъ, тогда-то, подѣ квитанціи NN, сдано столько-то четвертей
 податнаго хлѣба“. Препровождая квитанціи въ генераль-интен-
 данту кавказскаго корпуса, поручалось сдѣлать распоряженіе—
 причитающуюся сумму внести „въ казначейство главноуправ-
 ляющаго“.

Въ то время подати съ мусульманскихъ провинцій—Кара-
 бахской, Шемахинской, Нухинской, Бакинской, Талышинской,

Кубанской и Дербентской вимались натурою, т. е. хлѣбомъ, обращались въ деньги, въ приведенномъ порядкѣ, и поступали въ распоряженіе главноуправляющаго.

Двѣ или три бумаги этого рода я написалъ первый разъ по точному образцу тѣхъ, которыя писались до меня, и подалъ Никитѣ Степановичу. Онъ долго сидѣлъ надъ ними и до того перемаралъ всё, что не осталось ни одной строки моего письма.

Оскорбительно! Но онъ пользуется своимъ правомъ обращать на самолюбіе подчиненнаго какъ можно меньше вниманія.

Что-жь дѣлать! На то—служба!

Въ слѣдующій разъ подалъ бумаги, составленныя по его редакціи.

Точно также перемаралъ онъ и эти бумаги.

Тогда я сдѣлалъ перестановку функцій между мною и помощникомъ моимъ, Ив. Мих. Индутнымъ-Спафаріемъ: я сталъ перебѣливать ремарки, подшивать ихъ къ дѣламъ и вести имъ описи и реестры; а онъ—сочинять бумаги и подавать на перемарку.

Орловскій замѣтилъ, что я манкирую моими къ нему отношеніями и, кажется, пожаловался директору, судя по тому, что директоръ вскорѣ послѣ того далъ мнѣ порученіе, освобождавшее меня на цѣлые мѣсяцы отъ лицезрѣнія моего начальника отдѣленія.

Надобно было составить „юридическую“ записку изъ много-томнаго дѣла объ индѣйцѣ Могундасовѣ, бывшемъ откупщикѣ Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ.

Ко времени окончанія или, точнѣе, немного времени спустя по представленіи мною этой записки, въ началѣ 1840 г., приступлено было къ преобразованіямъ по главному управленію и по губернскимъ учрежденіямъ. Преобразованія эти считались преддверіемъ къ новой финансовой системѣ по проекту сенатора барона Гана.

Никита Степановичъ получилъ мѣсто управляющаго тифлисскою палатою государственныхъ имуществъ; а я—его мѣсто начальника отдѣленія въ той-же канцеляріи.

Такъ я былъ, въ первый еще разъ, вознагражденъ повыше-
ніемъ за терпѣніе.

10.

Генераль-Адъютантъ.—Благотворительное общество.—Дѣтскіе пріюты —М-те
Грабаригъ.—Выговоръ изъ-за нея.

Въ 1842 г. на мѣсто генерала Головина былъ назначенъ главноуправляющимъ генераль-адъютантъ Нейдгардтъ, чело-
вѣкъ въ высочайшей степени правдивый, но до того строгій и
пунктуальный, что не допускалъ никому никакихъ послабле-
ній, не дарилъ никому ни единой минуты времени и все тре-
петало передъ нимъ.

Года за три передъ тѣмъ водворилось по всей Россіи увле-
ченіе идеею открытія дѣтскихъ пріютовъ и въ этихъ видахъ ге-
неральша Головина задумала образовать въ Тифлисѣ женское
благотворительное общество. Я былъ назначенъ съ самаго начала
секретаремъ этого общества; но, по различнымъ случайностямъ,
ни общество не успѣло вполне организоваться, до прибытія ге-
нерала Нейдгардта, ни дѣтскіе пріюты не получили достаточ-
наго развитія.

Неусыпный Алдр. Ив. Нейдгардтъ пожелалъ дать, между
прочимъ, и этому дѣлу движеніе и, задумавъ поставить обще-
ство пріютовъ на возможно прочную почву, потребовалъ къ себѣ,
по службѣ, м-те Грабаригъ, начальницу закавказскаго инсти-
тута благородныхъ дѣвицъ (такъ онъ именовался тогда) и меня,
какъ секретаря благотворительнаго общества.

Въ глазахъ Нейдгардта въ этомъ случаѣ и м-те Грабаригъ,
и я были только чиновники,—и принялъ онъ насъ, какъ глав-
ный начальникъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Г-жѣ Гра-
баригъ онъ оказалъ, какъ дамѣ, только то предпочтеніе, что пред-
ложилъ ей стулъ.

Обращаясь къ намъ обоимъ, онъ высказывалъ свои мысли, какъ повести дѣло благотворительнаго общества и, остановившись на образованіи, сначала, одного образцоваго дѣтскаго приюта, приказалъ намъ обоимъ, совмѣстно, составить соображенія и штатъ и представить ему непосредственно.

Выходя, м-те Грабаригъ сказала мнѣ, что увѣдомить меня, когда будетъ готова приступить къ дѣлу.

Дней черезъ десять, зная, что Нейдгардтъ шутить не любитъ, навѣщаю ее и спрашиваю, когда будетъ ей угодно принять мое сотрудничество въ работѣ?

Тотъ-же отвѣтъ: „увѣдомлю, когда буду готова“.

Проходитъ еще недѣли двѣ и меня зовутъ къ Нейдгардту.

Увѣряю читателя, что у иного на моемъ мѣстѣ тутъ-же и подкосились-бы ноги — такъ сурово встрѣтилъ меня грозный главнокомандующій.

— Я потребовалъ васъ, чтобы намылить вамъ голову!

Дѣлаю невольный жестъ крайняго изумленія и недоумѣнія.

А онъ беретъ со стола какую-то тетрадь и, показывая ее, спрашиваетъ меня тономъ еще выше:

— Что это за чепуху вы, тутъ, съ Грабаригъ, напоролѣ?

Я понялъ.

— Не найдете ли, ваше в. высокопр—во, что мыло надобно будетъ отъ мсна отстранить?

— Какъ вы смѣете возражать мнѣ?

— Не возражаю, а только докладываю, что я тутъ не причемъ.

— Какъ? я вамъ приказалъ вмѣстѣ заняться?

— Это вѣрно-съ; но м-те Грабаригъ безъ меня составила и безъ моего вѣдома представила вамъ свою работу, какъ я вижу теперь!

— Да?! Ну, да! и то сказать,—не можете же вы знать какіе нужны шта... для дѣвочекъ!

— Этого могу я не знать, но могу знать какіе строятся въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ; въ Россіи ихъ много, и у меня въ рукахъ штаты чуть ли не всѣхъ ихъ!

— Такеъ вотъ что? Въ такомъ случаѣ вы отвезите эту тетрадь къ м-ше Грабаригъ и скажите отъ меня, чтобъ она передѣлала, какъ я говорилъ.

Ни слова больше! Хорошо еще, что не отправилъ на гауптвахту, какъ это у него обыкновенно практиковалось.

Д. И. Кипиани.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Война съ польскими мятежниками 1831-го года

въ перепискѣ императора Николая I съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

LXXVIII ¹⁾.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 24-го марта (5-го апрѣля) 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Ваше письмо отъ 30-го (18-го) числа доставило мнѣ, любезный другъ, большое удовольствіе тѣмъ, что вы общаете въ немъ о своемъ намѣреніи выступить въ непродолжительномъ времени; да направить васъ и поможетъ вамъ Господь. Давно уже пора было двинуться. Мнѣ весьма любопытно узнать, гдѣ окажется возможнымъ совершить переправу, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю этого извѣстія. Вы говорите о мостахъ, приготовляемыхъ секретнымъ образомъ, но не пишите мнѣ, обезпечили ли вы себѣ и другія средства переправы, какъ-то плоты и лодки? Я полагаю, что вы сдѣлали это, ибо оно необходимо для высадки на противоположный берегъ первыхъ войскъ. Я вполне одобряю вашъ проектъ сосредоточить 2-й корпусъ въ Седльцѣ вмѣсто того, чтобы посылать его по частямъ въ Люблинъ. Я получилъ уже донесеніе отъ Сакена о сформированіи отряда подъ командою Лошкарева для того, чтобы обложить Замостье,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., т. XLI, январь, стр. 94—122, февраль, стр. 381—400; т. XLII, июль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544; изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 107—124, май, стр. 281—308, июнь, стр. 511—530; т. XLVII, июль, стр. 45—60, августъ, стр. 239—254, сентябрь, стр. 411—428.

или для наблюденія за этимъ пунктомъ; такимъ образомъ и Крейцъ будетъ въ вашемъ распоряженіи.

Я также одобряю движеніе, которое вы предполагаете предписать правому флангу, хотя меня огорчаетъ эта пестрая смѣсь войска всевозможныхъ корпусовъ, противъ чего я постоянно протестую; вѣроятно, вы уже получили то приказаніе, которое я послалъ предварительно Михаилу, который уѣхалъ согласно вашему желанію, но такъ какъ я нахожусь еще въ неизвѣстности о результатѣ экспедиціи Уминскаго, исключая первой неудавшейся его атаки на Остроленку, то я не знаю, что будетъ возможно исполнить изъ вашихъ проектовъ съ этой стороны. Но такъ какъ я знаю, что вы были предувѣдомлены объ этомъ своевременно Сакеномъ, и что съ 14 по 18 число вы не получали съ этой стороны никакого важнаго извѣстія, то надѣюсь, что вы приняли необходимыя мѣры къ тому, чтобы заставить поляковъ дорого поплатиться за ихъ смѣлое нападеніе.

Я вполне согласенъ съ вами, что позиція ихъ слишкомъ растянута, это было бы понятно, если-бы ихъ силы равнялись вашимъ, но оно кажется сомнительнымъ, поэтому я надѣюсь, что вамъ удастся безъ особенныхъ препятствій прорвать центръ и можетъ быть разбить часть его прежде, нежели остальное войско успѣло бы собраться. Теперь слѣдуетъ дѣйствовать съ большою осторожностью, съ особенною дѣятельностью и рѣшимостью, и я надѣюсь, что у васъ не будетъ недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ. Меня чрезвычайно радуетъ сообщаемое вами извѣстіе о возвращеніи въ ряды 4,000 раненыхъ. Надѣюсь также, что мѣры, принятыя противъ холеры, будутъ достаточны для того, чтобы приостановить развитіе болѣзни.

Меня все еще тревожатъ событія, происходящія въ Самогитіи, въ особенности вслѣдствіе совершеннаго почти недостатка кавалеріи. Полангену угрожаетъ большая опасность. Я долженъ былъ приказать бригадѣ Отрошенко и двумъ полкамъ казаковъ двинуться къ Вильно, чтобы усмирить возстаніе, какъ можно скорѣе. Я опасаюсь, особенно, за этотъ послѣдній пунктъ, потеря котораго имѣла бы самыя печальныя послѣдствія. Въ этомъ городѣ открытъ весьма важный заговоръ и я ожидаю его послѣдствій. Я отправилъ на подводахъ по 3 баталіона въ Ригу и Динабургъ, чтобы дать возможность соединенной бригадѣ 4-й дивизіи двинуться въ самый центръ мятежа и возстановить порядокъ; начальство надъ этимъ отрядомъ будетъ ввѣрено барону Палену и Ширману, но они могутъ начать свои дѣйствія не ранѣе 5 или 6 числа будущаго мѣсяца.

25-го (6-го) числа. Письмо Константина отъ 18-го (30-го) числа, полученное мною съ эстафетою лишь въ 3 часа пополудни,

извѣщаетъ меня, что 15-го (27-го) числа Сагенъ донесъ ему, что онъ узналъ, будто Уминскій — намѣревался переправиться черезъ Наревъ при Пултускѣ; этотъ безумный проектъ можетъ быть причиною его окончательной гибели и я надѣюсь, что Михаилъ съумѣетъ искусно воспользоваться этимъ, но особенно важно въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что противъ васъ будетъ такимъ образомъ менѣе войска.

Менѣе утѣшительны извѣстія изъ Самогитіи; въ Поневежѣ также обнаружилось возстаніе и по дорогѣ въ Полангенъ сообщеніе прервано; это весьма неприятно, но не должно измѣнить вашихъ плановъ, объ этомъ я позабочусь и надѣюсь, что съ Божьей помощью дѣло окончится безъ особаго труда, лишь бы Вильна осталась спокойною. Донесеніе Храповицкаго отъ 18-го числа доказываетъ, что онъ находится на-сторожѣ и что заговоръ обнаруженъ во время.

Извѣстія изъ Англій превосходны; 4 державами было сдѣлано энергическое и положительное заявленіе съ цѣлью представить Франціи сущность вопроса и доказать ей, что мы соединены тѣснымъ союзомъ и рѣшились поддержать наши права, признанныя трактатами. Извѣстія изъ Франціи также хороши, новое министерство дѣйствуетъ здраво (*dans le bon sens*), повидимому, скорѣе по убѣжденію, нежели по необходимости; однимъ словомъ, въ настоящую минуту мы не можемъ желать ничего болѣе.

Кончайте дѣло твердо, хорошо и какъ можно скорѣе; я все еще надѣюсь на возможность заключенія мира хотя на нѣсколько мѣсяцевъ. Повторяю вамъ, будьте осторожны, тверды и дѣятельны, остальное въ волѣ Божьей съ полнымъ упованіемъ и покорностью ему. **ВПЕРЕДЪ, СЪ НАМИ БОГЪ** ¹⁾.

Жена моя, будучи беременна, по обряду нашей церкви не можетъ крестить, но посылаетъ вмѣсто себя старшую дочь; передайте это мужу, вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ. Кланяйтесь также всѣмъ нашимъ. Прощайте, любезный другъ, да направитъ и руководитъ васъ Господь. Навсегда, искренно любящій васъ Николай. Жена моя кланяется вамъ.

¹⁾ Послѣднія слова въ подлинникѣ три раза подчеркнуты.

S.-Petersbourg, le 24 Mars (5 Avril) 1831.

Votre lettre du 18 (30) m'a fait un grand plaisir, mon cher ami, en ce qu'elle m'assure que vous alliez marcher; que Dieu vous soit en aide et vous inspire. Il en était grandement temps. Je suis fort curieux et impatient de savoir où vous pourrez tenter de passer. Vous me parlez de ponts que l'on prépare en secret, mais vous ne me dites pas si vous vous êtes ménagé d'autres moyens de passage comme radeaux et bateaux? je le suppose, car c'est indispensable pour pouvoir jeter à l'autre rive les premières troupes. J'approuve complètement votre projet de concentrer le 2 corps à Sedlze au lieu de l'envoyer en partie à Lublin. J'ai déjà le rapport du M-l Sacken sur la formation du détachement aux ordres de Lochkaref pour cerner ou observer Zamosc, de façon que même Kreutz devient disponible pour vous. J'approuve aussi le mouvement que vous projetez pour la droite, quoique je voie avec peine ce mélange composé de troupes de tous les corps possibles et contre lequel je proteste toujours; vous devez avoir reçu déjà ce que j'avais ordonné au préalable à Michel, qui est parti est conforme à ce que vous désirez; mais comme je suis encore dans l'ignorance du résultat de l'expédition d'Ouminsky, excepté sa première attaque repoussée sur Ostrolenka, je ne puis savoir ce qui sera possible d'exécuter de tous vos projets de ce côté. Depuis que je sais cependant que vous en avez été instruit à temps par Sacken, et depuis le 14 au 18 aucune nouvelle importante ne vous était parvenue de ce côté, j'aime à croire que vous aurez pris les mesures propres à faire payer cher aux polonais leur tentative hardie.

Je dis comme vous qu'ils sont bien étendus ce que l'on ne pourrait comprendre que s'ils étaient aussi forts que vous, chose dont il est permis de douter; j'ai donc l'espoir que vous pourrez percer au centre sans trop grands obstacles et peut-être en battre une partie avant que le tout n'ait le temps de se railler. Il faut maintenant avec beaucoup de prudence, beaucoup d'activité et de résolution; j'espère que ni l'un ni l'autre ne vous manquera. Ce que vous me dites de la rentrée de 4.000 blessés me fait un plaisir réel. Je me flatte aussi que les mesures prises contre le choléra seront suffisantes pour arrêter l'invasion du mal.

Ce qui se passe en Samogitie me donne encore toujours des inquiétudes, vu surtout le manque presque total de cavalerie. Polangen est fortement menacé. J'ai du ordonner à la brigade Otrochenko et à deux régiments de cosaques de se porter sur Wilna pour reprimer la

chose le plutôt possible. Je crains surtout pour ce dernier point dont la perte serait de la plus triste conséquence. Un complot très grave vient d'y être découvert et j'en attends les résultats. J'ai envoyé sur подводы par 3 bataillons à Riga et Dunabourg, pour donner possibilité à la brigade réunie de la 4 division de se porter vers le centre du trouble et y rétablir l'ordre en chargeant le baron Pahlen et Schirman; mais ce n'est que vers le 5 ou 6 prochain qu'ils pourront agir.

Le 25 (6). Une lettre de Constantin du 18 (30) que je n'ai reçu par estafette qu'à 3 heures après midi, m'a instruit que le 15 (27) Sacken lui faisait le rapport qu'il avait des nouvelles comme si Uminsky voulait passer le Narew à Pultusk, projet insensé qui peut-être cause de sa perte entière, et j'espère que Michel saura en profiter habilement, mais ce qui est important surtout c'est que c'est autant de moins contre vous.

Ce qui est moins bon ce sont les nouvelles de la Samogitie; Поневажъ est aussi en révolte et la route de Полаугенъ interceptée; c'est fort désagréable, mais que cela n'arrête ni ne change en rien vos opérations, je me charge de cette affaire, qui j'espère pourra avec l'aide de Dieu se terminer sans beaucoup de peine, pourvu que Wilno reste tranquille. Un rapport de Chrapovitsky du 18 prouve qu'il est sur ses gardes et que le complot a été déjoué à temps.

Les nouvelles d'Angleterre sont excellentes; une déclaration ferme et positive a été faite par les 4 puissances pour poser l'état de la question à la France et lui prouver que nous étions fermement unis et résolus à soutenir nos droits reconnus par les traités. Celles de France sont bonnes aussi, il paraît que le nouveau ministère agit par conviction plus que par nécessité dans le bon sens; en un mot c'est tout ce qu'il nous est permis de vouloir pour le moment.

Finissez ferme et bien et le plus vite possible et j'espère encore la possibilité d'une paix pour quelques mois. Je vous répète: prudence, fermeté et activité, le reste en Dieu avec toute et pleine confiance et parfaite soumission. ВПЕРЕДЪ, СЪ НАМИ БОГЪ.

Ma femme étant grosse ne peut pas d'après notre rite baptiser, mais elle envoie ma fille aînée pour la remplacer; dites-le au mari, en lui disant mille choses de ma part. Mille choses aussi à tous les autres. Adieu, mon cher ami, qui Dieu vous guide et vous inspire. Tout à vous pour la vie votre tendrement affectionné N.

Ma femme vous salue.

LXXIX.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Рыки. 24-го марта 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Ваше величество, съ глубочайшею скорбью приходится мнѣ отвѣтить на ваше письмо отъ 15 числа самымъ неутѣшительнымъ образомъ. Надежды, высказываемыя въ этомъ письмѣ, которыя я раздѣляя чистосердечно въ полной увѣренности, что довольно значительный отрядъ не могъ потерпѣть серьезнаго пораженія на мѣстности, покрытой ущельями, имѣя шоссе для отступленія. Къ несчастію, послѣднія донесенія генерала Розена доказываютъ противное. Его уронъ гораздо значительнѣе, нежели онъ думалъ въ первую минуту, и изъ его донесенія можно заключить, что вся пѣхота 6-го корпуса окончательно разстроена, какъ в. и. в. усмотрите изъ моего официального донесенія. Громадное пораженіе, понесенное Розеномъ, вынудить меня, очевидно, дѣйствовать совершенно иначе, нежели я предполагалъ, если не удастся исправить его послѣдствій, одержавъ на правомъ берегу какую-нибудь побѣду надъ непріателемъ. Особенно прискорбенъ тотъ упадокъ духа, который проявила пѣхота Розена съ первыхъ же шаговъ въ сраженіи при Дембевелки; я не могу скрыть отъ в. в., не смотря на мое величайшее прискорбіе, о коемъ вы можете судить, зная тѣ чувства, какія я питаю къ августѣйшей особѣ вашей и къ великому и святому дѣлу, вѣренному мнѣ в. в., что вслѣдствіе этого несчастія я могу утратить всѣ выгоды, связанныя съ побѣдами, одержанными нашими главными силами съ большими жертвами, если непріатель не дастъ намъ случая вступить съ нимъ въ бой съ болѣе превосходными силами.

Я опасаясь даже, чтобы пораженіе 6-го корпуса не оказало дурнаго вліянія на наши, бывшія польскія, губерніи. Поэтому будетъ крайне необходимо подвинуть къ нимъ и даже ввести въ нихъ всѣ резервы арміи; можетъ быть в. в. найдете нужнымъ также передвинуть 2-ой кавалерійскій корпусъ къ мѣсту стоянки 3-го корпуса, откуда въ случаѣ надобности онъ можетъ выступить всегда скорѣе. Я не могу представить в. в. сколько нибудь точныхъ соображеній по поводу дальнѣйшихъ движеній нашей арміи, покуда не получу совершенно точныхъ извѣстій о позиціи и движеніяхъ непріателя, что надѣюсь узнать завтра, тѣмъ болѣе, что непріатель занялъ сегодня Зелехова со своей пѣхотою и кавалерією.

Полковникъ Зейдлеръ превосходный офицеръ, но большой интриганъ. Я уже слѣжу за нимъ и воспользуюсь первымъ случаемъ, чтобы образумить его, не выдавая ему источника, изъ коего мнѣ это извѣстно. Я буду слѣдить также по возможности и за прочими офицерами и стараюсь при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлать имъ внушенія, въ особенности начальникамъ, которые, осуждая распоряженія высшихъ властей, являются первыми источниками зла, а съ ихъ стороны, безъ сомнѣннй, можно ожидать теперь еще больше осужденій, если кампанія пойдетъ не такъ скоро, какъ можно было ожидать.

Къ несчастію, это является роковымъ послѣдствіемъ пораженія 6-го корпуса. Я думаю преобразовать этотъ корпусъ, сформировавъ изъ полковъ, сохранившихъ свои знамена, одинъ баталіонъ и присоединивъ къ нимъ тѣ полки, которые потеряли ихъ, что составитъ десять баталіоновъ, которые численностью могутъ дойти, я полагаю, до 6,000 штыковъ, если считать безъ вѣсти пропавшихъ и хорошихъ и пр., находящихся въ госпиталяхъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

LXXX.

Баронъ Розенъ — графу Дибичу.

(При всеподд. рапортѣ графа Дибича,
отъ 23-го марта № 1282, м. Рыки).

«Въ дополненіе всеподд. донесенія моего отъ 21-го марта о нападении мятежниковъ отъ Праги на корпусъ г.-а. барона Розена и объ отступленіи сего генерала за Калушинъ, представляю при семъ на выс. усмотрѣніе в. и. в. копію съ рапорта г.-а. барона Розена, отъ 21-го же марта изъ с. Поляки».

21-го марта изъ с. Поляки.

Послѣ донесенія моего вашему сіятельству о первомъ сильномъ наступленіи при Дембелелкахъ, я располагалъ удерживать непріятеля по сю сторону Калушина, занимая и оный, ожидая между тѣмъ, что авангардъ мой не прежде наведетъ непріятеля на меня отъ Стоядлы, какъ послѣ удержанія онаго нѣсколько времени при томъ селеніи, и не получая никакого донесенія изъ авангарда, увидѣлъ прибывшую

ко мнѣ оттуда всю кавалерію, кромѣ казаковъ, а потомъ и всю вообще артиллерію, отпущенные генераль-адъютантомъ Гейсмаромъ; а потомъ и самъ онъ ко мнѣ прибылъ въ Калушинъ и довелъ до моего свѣдѣнія, что и пѣхота слѣдуетъ подъ прикрытіемъ казаковъ, за конями и непріятель слѣдуетъ. Я приказалъ всему остатку моего корпуса занять позицію по сю сторону Калушина, отправилъ артиллерію впередъ къ арьергарду и подкрѣпилъ оную кавалерію, но позиція при Калушинѣ столь обширна, что для встрѣчи сильнаго непріятели нужно бы имѣть превосходство въ числѣ, котораго я не имѣлъ. Между тѣмъ пѣхота арьергарда, слѣдовавшая въ маршевой колоннѣ, наскочившими казаками была извѣщена, что непріятельская кавалерія скачетъ за ними и, дѣйствительно, въ то-же мгновеніе, два эскадрона вскакали въ оную и часть отдѣлилась въ лѣсъ, а непріятельскіе эскадроны ушли. Сколько позиція при Калушинѣ ни была неудобна, но я оставить оной не могъ до прибытія ко мнѣ 1-й бригады 25-й пѣхотной дивизіи съ легкою № 3 ротой 25-й бригады, которая остановлена была въ грязи и топяхъ; непріятель, видя, что я стою на позиціи, ничего не предпринялъ противу меня, но отдѣлилъ часть кавалеріи для отрѣзанія упомянутой бригады, слѣдовавшей изъ Мастова. Командующій оною подполковникъ Стефановичъ показалъ тутъ и опытность, и усердіе, хотя нападеніе было и не сильное, но онъ стрѣлками своими и нѣсколькими пушечными выстрѣлами на маршѣ въ лѣсистыхъ мѣстахъ не допустилъ до себя непріятели и привелъ бригаду въ устройствѣ и порядкѣ, потерявъ только два зарядныхъ ящика и разные обозы и вьюки, которые изъ грязи не могли быть вывезены. Не имѣя болѣе надобности удерживаться на невыгодной позиціи, я приказалъ пѣхотѣ моей слѣдовать къ выгодной позиціи при Ягоднѣ и, дождавшись тамъ арьергарда, отошелъ съ прочими войсками къ Поляки для ночлега. По рѣкѣ весьма болотистой, на коей лежитъ Ягода, уничтожены три моста, одинъ на шоссе по переходѣ казаковъ, разбиравшихъ и дѣлавшихъ на ономъ засѣки; другіе два при Сухо и Алескинѣ уничтожены, равно какъ и при Ленька.

Съ прискорбіемъ доношу вашему сіятельству, что потеря моя въ первый день гораздо значительнѣе, нежели я полагалъ. Литовскій пѣхотный полкъ и съ знаменами не существуетъ. Онъ былъ окруженъ и взятъ при Ваврѣ съ двумя орудіями 3-й легкой роты 24-й бригады, а при Дембевелкахъ затопили 1-й батарейной роты 25-й бригады шесть орудій и 24-й бригады 1-й батарейной одно орудіе и 2-й легкой роты одно.

Генераль-майоръ Левандовскій въ стрѣлковой цѣпи, а полковникъ Соколовъ при орудіяхъ взяты въ плѣнъ. Вчерашняго числа, то есть

20-го марта, при слѣдованіи авангарда, наскакавшая кавалерія схватила знамя въ 49 егерскомъ полку. Того же 20-го марта часть сучарныхъ фуръ и патронныхъ ящиковъ 25 пѣхотной дивизіи также увязла въ грязи и топяхъ. Вообще я понесъ чрезвычайныя потери въ людяхъ и въ офицерахъ. Пѣхоты имѣю всего на все не болѣе 4,000 человѣкъ въ строю; кавалерія съ трудомъ двигается, равно какъ и артиллерія. Подкрѣпленія ни откуда не ожидаю; части, слѣдующія на Седлецъ, всѣ вообще туда еще не прибыли и ожидаются не прежде 23-го числа; если непріятель обойдетъ меня здѣсь на которомъ либо флангѣ, то я долженъ буду отходить прямо къ Седлцу; сего числа тамъ токмо 6 ротъ егерей разсѣянныхъ: частію на залогіи и распределенныхъ для внутренней службы. Я предвидѣлъ мое несчастье, но, привыкнувъ слѣпо исполнять повелѣнное, не рапортовался большимъ ни при сильномъ пароксизмѣ горячки, ни при полученіи контузіи. Судьба моя рѣшится можетъ быть сего числа; долгъ присяги государю мнѣ извѣстенъ, а усердіе мое извѣстно даже и его величеству; но противъ судьбы и обстоятельствъ ничто противоборствовать не можетъ.

LXXXI.

(При рапортѣ ген.-ад. Нейдгардта гр. Чернышеву,
отъ 23-го марта 1831 года, изъ м. Рыки).

Отъ 19-го марта изъ Минска.

Послѣ донесенія моего вашему сіятельству и представленія рапорта генераль-адыютанта барона Гейсмара, авангардъ по возможности удерживалъ непріятеля до Дембевелки съ большою потерею. Я принялъ авангардъ съ эшелонамъ моимъ и началось весьма жаркое дѣло, продолжавшееся болѣе четырехъ часовъ. Непріятель, несравненно сильнѣйшій противу меня, безпрестанно усиливалъ свой лѣвый флангъ, и когда я вынужденъ былъ противопоставить ему на моемъ правомъ флангѣ войска изъ центра, то новыя сильныя колонны появлялись противъ центра и лѣваго моего фланга и вынудили къ отступленію. До сихъ поръ потеря неизвѣстна, но она весьма значительна; по первому извѣстію я не досчитываюсъ четырехъ орудій, лошади не могли вывезти оныхъ изъ топи.

Ранены полковники: Курошъ, Цемировъ, Ослоновичъ; убитъ полковникъ Глазоновичъ; раненъ полковникъ Квицинскій. Я и генераль Гейсмаръ почти были въ рукахъ непріятельскихъ, но по счастію спаслись. Я получилъ легкую контузію пулею въ ногу. Дѣло было самое горячее. Непріятель наступалъ сильно и въ превосходномъ числѣ. Я при Минскѣ не могу удерживать непріятеля и въ ночь отступлю къ Калушину, гдѣ, собравшись, буду удерживаться по возможности съ остатками моего корпуса противъ весьма сильнѣйшаго непріятеля, о чемъ вашему сіятельству съ прискорбіемъ доношу. Генераль-адъютантъ Нейдгардтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОЧЕВИДЦА.

1867 г.

Ново-Архангельскъ на островѣ Ситхѣ. — Появленіе американскихъ пионеровъ. — Формальная передача колоній. — Бездѣтельность русскихъ. — Естественныя богатства с.-з. Америки. — Ликвідація дѣлъ Россійско-Американской компаніи. — Народнонаселеніе колоній и ихъ занятія. — Права проданныхъ людей. — Судьба ихъ послѣ продажи. — Заключеніе.

I.

Помѣщая на страницахъ журнала „Русской Старины“ нѣсколько свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ въ русской Америкѣ, желающимъ болѣе обстоятельно ознакомиться съ мѣстностью и жизнью бывшихъ русскихъ колоній могу указать на болѣе солидный и единственный на русскомъ языкѣ трудъ, систематически собранный и изданный въ 1861 году г. Тихменевымъ, подъ заглавіемъ „Историческое обозрѣніе Россійско-американской компаніи, въ 2-хъ частяхъ, съ географическими картами и рисунками, которое было издано имъ на средства Россійско-американской компаніи, за шесть лѣтъ до уступки русскихъ колоній на сѣв.-зап. берегахъ Америки правительству Соединенныхъ Штатовъ ¹⁾; съ своей стороны, бывши очевидцемъ официальной передачи колоній и находясь эти послѣднія шесть лѣтъ, до весны 1868 года, на непривѣтливыхъ берегахъ территоріи „Аляска“, а равно имѣвъ

¹⁾ Колоніи проданы за 7.200,000 долларовъ 3-го мая 1867 года.

случай быть во многихъ мѣстахъ этого еще дикаго и угрюмаго края, влючительно съ Курильскими островами, тоже уступленными Японіи ¹⁾, какъ живой свидѣтель могу еще повѣдать о тѣхъ событіяхъ, которыя имѣли мѣсто на отдаленнѣйшихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества.

Высочайшая ратификація, объ уступкѣ русскихъ владѣній въ сѣв.-зап. Америкѣ, состоялась 3-го мая 1867 года; фактическая же передача ихъ произошла только осенью того-же года, на островѣ „Ситхѣ“. Такимъ образомъ Россія владѣла краемъ, считая со временъ первыхъ русскихъ выходцевъ, промышленниковъ и авантюристовъ, съ 1743 года ²⁾ до конца 1868 г., которымъ и закончилось преобладаніе русскаго элемента въ сѣв.-зап. Америкѣ, основаннаго слишкомъ 125 лѣтъ тому назадъ на захватѣ никѣмъ незанятыхъ земель, рѣдко населенныхъ дикими первобытными туземцами, и который, въ свою очередь, такъ или иначе, въ минуту уступки колоній, былъ поглощенъ болѣе ближайшею и практическою націею — американцами, что, впрочемъ, по географическому положенію колоній и отдаленности ихъ отъ центра Россіи, вполне представляется естественнымъ, такъ какъ за неразвитіемъ въ Россіи торговаго мореходства бывшая російско-американская компанія, управлявшая колоніями изъ С.-Петербурга, въ сущности представляла изъ себя жалкую пародію на Англійскія Остъ-Индскую и Гудзонбайскую компаніи, принося русскому правительству и акціонерамъ только убытки и хлопоты, при постоянныхъ ссылкахъ на дарованныя ей разныя льготы, привилегіи и полную монополію.

¹⁾ Курильскіе острова уступлены Японіи взаменъ южной части острова Сахалина, вслѣдствіе чего весь островъ Сахалинъ отошелъ къ Россіи.

²⁾ Впрочемъ, еще ранѣе, по повелѣнію императора Петра 1, была послана 1-ая сѣверная экспедиція для опредѣленія сопредѣльныхъ береговъ Азіи и Америки подъ командою капитана Беринга и между 1730 и 1740 годами императрицею Анной Іоанновной была снаряжена 2-ая экспедиція во главѣ того-же капитана Беринга и для той же цѣли. В.

II.

Это было осенью 1867 года.

Центромъ русскихъ колоній въ Америкѣ считался тогда портъ Ново-Архангельскъ, откуда русская „цивилизациа“ распространялась по всему громадному протяженію далеко за Беринговъ проливъ къ сѣверу и до береговъ Восточной Сибири къ западу.

Въ 1799 году, когда былъ основанъ Ново-Архангельскъ, не существовало еще штата Калифорніи съ знаменитымъ городомъ Санъ-Франциско, который господствуетъ теперь на берегахъ Восточнаго океана. Черезъ 70 лѣтъ, осенью 1867 г., Ново-Архангельскъ представлялъ еще довольно жалкое поселеніе нѣсколькихъ русскихъ и креоловъ, гдѣ вся жизнь ограничивалась только интересами Россійско-Американской пушной компаніи. Большинство жителей, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ служащихъ, были безграмотны. Крайнее однообразіе жизни было причиною развитія почти повальнаго пьянства, средства для котораго прибывали ежегодно на кругосвѣтныхъ судахъ въ формѣ огромныхъ бочекъ разсыропленнаго спирта съ маркою Р. А. К., что означало Россійскую Американскую компанію.

При такихъ обстоятельствахъ 1867 годъ засталъ немногочисленное русское населеніе на берегахъ сѣв.-зап. Америки.

Въ концѣ августа 1867 года, неожиданно появляется американское судно, за нимъ другое, третье и, наконецъ, жители узнаютъ, что земля Русская или, точнѣе сказать, Алеутская, продана за 7.200,000 долларовъ Америкѣ.

Первымъ американскимъ промышленникамъ не повѣрили, и убѣдились только тогда, когда увидѣли свѣтлосинія шинели американскаго гарнизона, вмѣстѣ съ чѣмъ начали, въ теченіи нѣсколькихъ дней, какъ грибы выростать дома, привезенные американцами съ собою и которыми они удивили насъ едва-ли менѣе, чѣмъ нѣкогда Кукъ удивилъ своимъ появленіемъ людей черной расы.

7-го октября 1867 года, въ день формальной передачи колоній, погода, противъ обыкновенія, была ясная. На безоблачномъ небѣ обрисовывались мѣстами вершины пирамидальныхъ

горъ; иногда же, достигнувъ линіи снѣговъ, онѣ высились красноватыми скатами, съ потоками, рывтинами и голыми печальными скалами.

Вѣчный океанъ съ шумомъ бился въ подножія скалъ непривѣтливаго берега.

Кое-гдѣ плеснетъ весло колоша ¹⁾, вымазаннаго черною краскою съ яркочерными разводами киновари, или брякнетъ цѣпъ на суднѣ, стоящемъ въ гавани, или раздастся крикъ чайки, и эхо далеко разнесется по заливу...

Два комиссара ²⁾, прибывшіе наканунѣ, готовились совершить обрядъ формальной передачи территоріи, хотя уступка ея была ратификована 3-го мая 1867 года, а самый договоръ состоялся въ Вашингтонѣ 18-го (30-го) апрѣля того же года.

Уполномоченнымъ комиссарамъ надлежало спустить флагъ Россійско-Американской компаніи и, поднявъ флагъ республики, возвѣститъ жителямъ территоріи, что край войдетъ съ этого дня въ составъ республики Соединенныхъ Штатовъ. При спускѣ флага, весь наличный составъ населенія города высыпалъ изъ своихъ лачугъ посмотрѣть какъ это прибывшіе комиссары съ сотнею американскихъ солдатъ примутъ территорію.

Тутъ было нѣсколько русскихъ служащихъ, человѣкъ триста солдатъ сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, едва ли не въ первый разъ, по прибытіи въ колонію, почувствовавшихъ свое военное назначеніе, и нѣсколько сотъ креоловъ, да туземныхъ жителей, заинтересованныхъ предстоящимъ зрѣлищемъ. Церемонія передачи была коротка: тихо спустился русскій флагъ надъ домомъ главнаго правителя колоніи ³⁾ и вмѣсто него взвился флагъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, затѣмъ грянула американская пушка... разнеслось по морю ея эхо, и навсегда смолкнуло русское слово, русская жизнь въ сѣверо-западной Америкѣ...

¹⁾ Мѣстное туземное независимое населеніе.

²⁾ Отъ Россіи капитанъ 1-го ранга Пещуровъ; отъ Соед. Штатовъ генералъ Руссо.

³⁾ Послѣднимъ правителемъ русскихъ колоній въ Америкѣ былъ капитанъ 1-го ранга, князь Дмитрій Петровичъ Максудовъ В.

III.

Съ уступкою русской Америки, русскіе навсегда потеряли свои единственныя колоніи, которыя, при громадномъ протяженіи Россіи, конечно, не могли имѣть для нея особаго значенія.

Владѣя краемъ со временъ Беринга (1733 г.), русскіе ограничивались только грошевою эксплуатаціею пушныхъ звѣрей, оставивъ все остальное въ томъ же состояніи, въ какомъ оно было съ незапамятныхъ временъ.

Тѣ-же полунагіе обитатели, возносящіе свои молитвы огню и водѣ, и не принесшіе никакой пользы лѣса, горы съ запасами неизвѣданныхъ минераловъ и, наконецъ, полное отсутствіе путей сообщеній,—все осталось въ такомъ же первобытномъ видѣ, въ какомъ было: съ громадными стадами по берегамъ ластроногихъ животныхъ, горячими бьющими изъ-подъ земли ключами и вѣчнымъ прибоемъ океана. Вотъ край, уступленный русскими, куда въ настоящее время проникаетъ практическая дѣятельность и цивилизація американцевъ.

Тотчасъ же по спускѣ русскаго флага, американская милиція заняла наиболѣе важныя пункты колоній, и стали сѣзжаться промышленники для эксплуатаціи края, преимущественно евреи, прикрытые американскимъ гражданствомъ.

Первымъ лакомымъ кускомъ представилось обзаведеніе самой компаніи. Естественныя богатства края надо было еще разрабатывать, затрачивать большіе капиталы, между тѣмъ какъ Россійско-Американская компанія, не умѣвшая сводить концы съ концами при всевозможныхъ привиллегіяхъ, заблагоразсудила все свое наличное имущество и хозяйство отдать, чрезъ своего представителя, американскимъ евреямъ за совершенный безцѣнокъ, и затѣмъ требовать свои протори и убытки отъ правительства только въ силу историческихъ соображеній. Русское правительство удовлетворило, насколько считало возможнымъ, эти претензіи, и затѣмъ кончилась пресловутая дѣятельность компаніи; американцы же нажили и по настоящее время продолжаютъ

наживать капиталы, благодаря русскому равнодушію къ собственнымъ интересамъ ¹⁾).

Но, съ уступкою колоній американцамъ, отошла къ нимъ не одна земля,—отошли и люди.

Бросимъ же бѣглый взглядъ на нихъ, всетаки, такъ или иначе, служившихъ нѣкогда интересамъ Россіи.

IV.

Жители, населявшіе колоніи, состояли изъ туземцевъ, креоловъ, а также русскихъ и иностранцевъ, законтрагованныхъ на службу компаніи. Между туземными обитателями, заслуживающими болѣе другихъ вниманія, можно назвать алеутовъ, жившихъ на островахъ колоній; всѣ прочія племена на материкѣ и на островахъ, ближе лежащихъ къ материку,—племена, бывшія полузависимыя или совсѣмъ независимыя, хотя они и числились принадлежащими Россіи.

Алеуты, всѣ крещенные и номинально православные, представляли, въ сущности, бѣднѣйшее племя, питающееся котовымъ и битовымъ жиромъ, соленою рыбою и юколою ²⁾ и т. п. есте-

¹⁾ Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что острова св. Павель и Георгій, извѣстные подъ именемъ „Прибыловыхъ острововъ“, лежащіе сѣвернѣе полуострова Аляски, а именно между 55° и 60° с. ш. и 165° и 170° в. д., и по трактату отошедшіе къ Америкѣ, есть единственное и весьма замѣчательное какъ въ промышленномъ, такъ и въ научномъ отношеніи, сборище или такъ называемое лежбище морскихъ котиковъ (ластоноее земноводное животное), которые въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ ежегодно, съ мая до конца августа, появляются на этихъ островахъ для вывода дѣтенышей, остальное-же время года, по уходѣ ихъ въ море, они пропадаютъ и мѣстопробываніе ихъ неизвѣстно. Мѣхъ этихъ животныхъ высоко цѣнится какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи; изъ мяса же вытѣливается жиръ. До 1884 г., острова эти эксплуатируются американцами Гутчинсонъ, Когль и К°, между русскими-же капиталистами, во всей Россіи, не нашлось еще охотниковъ для серьезной и рациональной эксплуатаціи какъ упомянутыхъ острововъ, такъ и вообще всего сѣверо-восточнаго побережья Камчатки и восточныхъ береговъ Сибири, въ избыткѣ на дѣленныхъ природою лѣсомъ, рыбою, минералами и проч.

²⁾ (Ушеная рыба.

В.

ственными произведеніями края. Жили они въ землянкахъ, на бѣднѣйшихъ, совершенно безлѣсныхъ, островахъ, отоплялись травой и наноснымъ лѣсомъ. Вся жизнь ихъ проходила или подъ землей, или на колѣняхъ въ байдаркѣ ¹⁾, на промыслѣ рыбы, морскихъ бобровъ, котовъ, моржей и другихъ животныхъ, а въ иныхъ мѣстахъ, на берегу, на ловлѣ лисиць, песцовъ, евражекъ, соболей, медвѣдей, куницъ и проч. За алеутами слѣдовали креолы. Это переходъ отъ туземцевъ къ европейцамъ или точнѣе къ русскимъ.

Въ теченіи 120 лѣтъ русскіе промышленники, а со времени образованія Россійско-американской компаніи—служащіе въ ней русскіе, смѣшиваясь съ туземцами, произвели креоловъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, смѣшиваясь то съ русскими, то съ туземцами, произвели такія разновидности, что въ иныхъ случаяхъ трудно было опредѣлить происхожденіе той или другой личности. Нерѣдко, на отдаленнѣйшемъ островѣ, въ семьѣ алеута можно было встрѣтить блага ребенка русскаго типа — результатъ минутнаго увлеченія какого нибудь матроса или пьянаго рабочаго, случайно побывавшаго на алеутской градѣ. Затѣмъ слѣдуютъ русскіе, первоначально промышленники изъ Сибири, а впослѣдствіи служащіе по найму компаніи.

Численность населенія, ко дню уступки колоній Америкѣ, въ круглыхъ цифрахъ состояла:

1) Русскихъ, финляндцевъ и иностранцевъ . . .	800 чел.
2) Креоловъ	2,000 „
3) Алеуть	5,000 „
4) Полузависимыхъ и независимыхъ туземцевъ . .	10,000 „

Такимъ образомъ. . . 17,800 чел.

за исключеніемъ 800—первой категоріи, которымъ предоставлено было право, „по своему желанію, возвратиться въ Россію въ

¹⁾ Лодка изъ шкуры сивуча, ластоногаго животнаго; мѣстное названіе. Собственно говоря, сивучъ есть крупнѣйшіе экземпляры самцевъ моржей. Кожа ихъ называется „лавтакомъ“, чрезвычайно толста и прочна. Изъ нея алеуты строятъ байдарки и байдары; послѣднія вмѣстимостью иногда 50 тоннъ и болѣе В.

трехъ-годичный срокъ, сохраняя свою національность или же оставаться въ уступленной странѣ и пользоваться, согласно договору всѣми правами, преимуществами и льготами, предоставленными гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, въ полномъ пользованіи свободою, правомъ собственности и исповѣданіемъ своей вѣры; остальные туземныя дикія племена остались подчинены законамъ и правиламъ, которые отъ времени до времени могутъ быть постановляемы Соединенными Штатами въ отношеніи къ туземнымъ племенамъ этой территоріи ¹⁾“. Нѣсколько лицъ измѣнили національность и остались въ Америкѣ, часть переселилась въ Восточную Сибирь, часть возвратилась на родину русскими. Вслѣдъ за ними потянулись и нѣкоторые изъ креоловъ; изъ нихъ болѣе способные скоро принесли себѣ работу и устроились лучше, чѣмъ дома; бѣлая же часть вывезенныхъ въ Европейскую Россію, безъ всякой подготовки къ самостоятельности, перемерли отъ бѣдности, перемѣны климата и образа жизни, сожалься о непривѣтливыхъ берегахъ далекой родины, гдѣ имъ не нужно было заботиться, по крайней мѣрѣ, ни о паспортѣ, ни о квартирѣ, ни о водѣ и дровахъ ни, наконецъ, даже о рыбѣ, такъ какъ все это имѣлось въ колоніяхъ даромъ.

Оставшееся населеніе въ первое время жестоко эксплуатировалось нахвѣвшими американцами. Такъ, напр., съ прекращеніемъ дѣйствій русской компаніи, оно шло къ нимъ за ничтожную плату въ работу, хотя заработокъ и былъ сравнительно выше прежняго. Когда край принадлежалъ еще русскимъ, то самые лучшіе работники получали едва до 50 в. въ сутки, почему они и шли охотно къ американцамъ за $\frac{1}{2}$ доллара, между тѣмъ какъ ни одинъ янки не сталъ-бы работать менѣе 2-хъ долларовъ; однимъ словомъ, эти люди оказались въ положеніи китайскихъ кули ²⁾.

Въ заключеніе думается, что если бы всѣ эти люди, кромѣ полузависимыхъ и независимыхъ туземцевъ, а именно креолы и алеуты, числомъ до 8,000 человекъ, были бы переселены въ

¹⁾ Статья третья договора, о жителяхъ, населявшихъ рус. колоніи.

²⁾ Кули—переселенцы изъ Китая въ Америку, гдѣ они работаютъ за низкую плату, понижая тѣмъ стоимость труда. В.

восточную окраину Сибири, какую громадную пользу они могли бы принести для столь отдаленнаго русскаго края, который, по настоящее время, туго заселяется, да и то преимущественно ссыльными. Скупивъ все обзаведеніе компаніи и предоставивъ его переселенцамъ, русское правительство не осталось бы въ убыткѣ. Креолы и алеуты отличные моряки и могли бы быть весьма полезны Восточной Сибири, которой предстоитъ широкая будущность. Владѣя сѣв.-зап. Америкой со временъ Беринга, мы, русскіе, ровно ничего не сдѣлали для края, и та же будущность, быть можетъ, ожидаетъ наши отдаленнѣйшія окраины Сибири; уже въ настоящее время тамъ появляются факторіи иностранцевъ, которые, забирая, мало по малу, въ свои руки торговлю и цивилизацію, предоставляютъ намъ, русскимъ, довольствоваться собираніемъ ничтожнаго ясака съ инородцевъ, да оффиціальными отчетами мѣстныхъ властей о благосостояніи края.

М. И. Вавиловъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Высочайше ратификованный договоръ объ уступкѣ россійскихъ сѣверо-американскихъ колоній.

(По титулѣ). Его величество императоръ всероссійскій и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, желая упрочить, если возможно, существующее между ними доброе согласіе, назначили на сей конецъ своими полномочными, а именно: его величество императоръ всероссійскій Эдуарда Стекля, своего тайнаго совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Соединенныхъ Штатахъ, а президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—статсъ-секретаря Вильяма Сварда. Каковыя полномочныя, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ доброй и надлежащей формѣ, постановили и подписали нижеслѣдующія статьи:

Статья I. Его величество императоръ всероссійскій симъ обязуется уступить Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, немедленно по обмѣнѣ ратификацій, всю территорію съ верховнымъ на оную правомъ, владѣемымъ нынѣ его величествомъ на американскомъ материкѣ, а также прилежающіе къ ней острова. Сказанная территорія заключается въ нижеозначенныхъ географическихъ границахъ, а именно: восточною границею служитъ линія разграниченія между россійскими и британскими владѣніями, въ сѣверной Америкѣ, какъ таковая линія постановлена конвенціею, заключенною

между Россією и Великобританією 16 (28) февраля 1825 г. и какъ она опредѣлена въ статьяхъ III и IV сказанной конвенціи, а именно:

Начиная съ самой южной точки острова, именуемаго Принцъ Валлійскій (Prince of Wales), каковая точка находится подъ 54-мъ градусомъ 40 минутами сѣверной широты и между 131 и 133 градусомъ западной долготы (считая отъ Гринвичскаго меридіана), вышесказанная черта протянется къ сѣверу вдоль по проливу, называемому Портландскій каналъ (Portland Channel), до той точки твердой земли, гдѣ она касается 56 градуса сѣверной широты. Отсюда черта разграниченія послѣдуетъ по хребту горъ, простирающихся въ параллельномъ направленіи съ берегомъ до точки пересѣченія на 141 градусѣ западной долготы (отъ того же меридіана), и, наконецъ, отъ сей точки пересѣченія та же меридіальная линія 141 градуса составитъ въ своемъ продолженіи до Ледовитаго моря границу между русскими и великобританскими владѣніями на твердой землѣ сѣверо-западной Америки.

Ст. IV. Въ отношеніи къ чертѣ разграниченія, опредѣленной въ предыдущей статьѣ, разумѣется: 1) что островъ, именуемый Принцъ Валлійскій (Prince of Wales), принадлежать будетъ Россіи весь безъ изъятія (но съ сего числа, въ силу сей уступки, Соединеннымъ Штатамъ).

2) Что вездѣ, гдѣ хребетъ горъ, простирающихся въ параллельномъ направленіи съ берегомъ отъ 56 градуса сѣверной широты до точки пересѣченія подъ 141 градусомъ западной долготы, отстоятъ будетъ далѣе 10 морскихъ миль отъ океана, граница между владѣніями великобританскими и вышеозначеннымъ берегомъ, яко долженствующимъ принадлежать Россіи (т. е. граница владѣній, уступленныхъ настоящею конвенціею), проведена будетъ параллельною чертою съ кривизнами берега и не можетъ идти далѣе десяти морскихъ миль отъ онаго.

Западная граница уступленныхъ территорій проходитъ черезъ точку въ Беринговомъ проливѣ подъ шестьдесятъ пятьмъ градусомъ и тридцатью минутами сѣверной широты въ ея пересѣченіи меридіаномъ, отдѣляющимъ на равномъ разстояніи острова Крузенштерна или Игналуъ отъ острова Ратмана или Нуварбуъ, и направляется по прямой линіи безгранично къ сѣверу, доколѣ она совсѣмъ не теряется въ Ледовитомъ океанѣ. Начиная съ той же исходной точки, эта западная граница идетъ оттуда почти въ югозападномъ направленіи чрезъ Беринговъ проливъ и Берингово море, такъ что она проходитъ въ равномъ разстояніи между сѣверо-западною оконечностью острова св. Лаврентія и юго-восточною оконечностью Чукотскаго носа до меридіана сто семидесяти двухъ градусомъ западной долготы; отъ сего пункта, начиная отъ точки пересѣченія этого меридіана, граница идетъ въ юго-западномъ направленіи, проходя на равномъ разстояніи между островомъ Атту и островомъ Куппера, лежащимъ въ группѣ малыхъ острововъ Командорскихъ въ сѣверномъ Тихомъ океанѣ до меридіана сто девяносто трехъ градусомъ западной долготы, и такимъ образомъ включаетъ въ уступленную территорію всѣ Алеутскіе острова, лежащіе къ востоку отъ сего меридіана.

Статья II. Съ территорією, согласно предыдущей статьѣ, верховной власти Соединенныхъ Штатовъ, связано право собственности на всѣ публичныя земли и площади, земли никѣмъ незанятія, всѣ публичныя зданія, укрѣпленія, казармы и другія зданія, не составляющія частной собственности. Однако постановляется, что храмы, воздвигнутыя русскими правительствомъ на уступленной территоріи, остаются собственностью чле-

новъ православной церкви, проживающихъ на этой территоріи и принадлежащихъ къ этой церкви. Всѣ дѣла, бумаги и документы правительства, относящіеся до вышеозначенной территоріи и нынѣ тамъ хранящіеся, передаются уполномоченному Соединенныхъ Штатовъ; но Соединенные Штаты, во всякое время, когда встрѣтится надобность, выдаютъ російскому правительству, російскимъ чиновникамъ или російскимъ подданнымъ, которые того требуютъ, засвидѣтельствованныя копии съ этихъ документовъ.

Статья III. Жители уступленной территоріи могутъ, по своему желанію, возвратиться въ Россію въ трехгодичный срокъ, сохраняя свою національность; но если они предпочитаютъ оставаться въ уступленной странѣ, то они, за исключеніемъ однако-жъ дикихъ туземныхъ племенъ, должны быть допущены къ пользованію всѣми правами, преимуществами и льготами, предоставленными гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, и имъ должны быть оказываемы помощь и покровительство въ полномъ пользованіи свободою, правомъ собственности и исповѣданіемъ своей вѣры. Дикія же племена будутъ подчинены законамъ и правиламъ, которые отъ времени до времени могутъ быть постановляемы Соединенными Штатами въ отношеніи къ туземнымъ племенамъ этой территоріи.

Статья IV. Его величество императоръ всероссійскій назначить въ возможно скоромъ времени уполномоченнаго или уполномоченныхъ для формальной передачи уполномоченному или уполномоченныхъ отъ Соединенныхъ Штатовъ вышеуступленныхъ: территоріи, верховнаго права и частной собственности совсѣми принадлежностями, и для всякихъ другихъ дѣлствій, которыя оажутся нужными по сему предмету. Но уступка съ правомъ немедленнаго вступленія во владѣніе тѣмъ не менѣе должна считаться полною и безусловною со времени обмѣна ратификацій, не дожидаясь формальной передачи оныхъ.

Статья V. Немедленно послѣ обмѣна ратификацій сей конвенціи, всякія укрѣпленія или военные посты, находящіеся въ уступленной территоріи, передаются уполномоченному Соединенныхъ Штатовъ, и всѣ русскія войска, расположенныя въ этой территоріи, выводятся въ удобный для обѣихъ сторонъ срокъ.

Статья VI. На основаніи вышеустановленной уступки, Соединенные Штаты обязываются заплатить въ казначействѣ въ Вашингтонѣ, въ десяти-мѣсячный срокъ со времени обмѣна ратификацій сей конвенціи, дипломатическому представителю или иному его величествомъ императоромъ всероссійскимъ надлежаще уполномоченному лицу, семь миллионъ двѣсти тысячъ долларовъ золотомъ монетою. Вышеустановленная уступка территоріи и верховнаго на оную права сими признается свободною и изъятою отъ всякихъ ограниченій, привилегій, льготъ или владѣльческихъ правъ російскихъ или иныхъ компаній законнымъ порядкомъ, или инымъ образомъ учрежденныхъ, или таковыхъ же правъ товариществъ, за исключеніемъ только правъ собственности, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, и уступка эта, сими установленная, заключаетъ въ себѣ всѣ права, льготы и привилегіи, нынѣ принадлежащія Россіи въ сказанной территоріи, ея владѣніяхъ и принадлежностяхъ.

Статья VII. По надлежащей ратификаціи сей конвенціи его величествомъ императоромъ всероссійскимъ съ одной стороны и президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, съ надлежащаго разрѣшенія сената съ другой сто-

роны, ратификаціи будутъ обмѣнены въ Вашингтонѣ въ трехмѣсячный срокъ, отъ сего числа, или ранѣе, буде возможно.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные уполномоченные подписали сію конвенцію съ приложеніемъ печатей своихъ гербовъ.

Учинено въ Вашингтонѣ 18 (30) марта тысяча восемьсотъ шестьдесятъ седьмого года.

(М. П.) (подп.) Эдуардъ Стевлъ.

(М. П.) (подп.) Вильямъ Г. Сьюардъ.

Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего договора, мы приняли оный за благо, подтвердили и ратификовали, яко же симъ за благо приедемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его содержаніи, общая императорскимъ нашимъ словомъ за насъ, наслѣдниковъ и преемниковъ нашихъ, что все въ помянутомъ договорѣ постановленное соблюдаемо и исполняемо будетъ ненарушимо. Въ удостовѣреніе чего мы сію нашу императорскую ратификацію, собственноручно подписавъ, государственною нашею печатью утвердить повелѣли. Дана въ С.-Петербургѣ мая 3 дня въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ седьмое, царствованія же нашего въ тринадцатое.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано тако:

Александръ.

(М. П.)

Контрасигнировалъ: вице-канцлеръ князь А. Горчаковъ.

ЕРОПКИНЫ.

Замѣтка и родословіе.

I.

Родъ дворянъ Еропкиныхъ происходитъ отъ великихъ князей Смоленскихъ, родоначальникомъ которыхъ былъ великій князь Ростиславъ Мстиславовичъ родной внукъ Владиміра Всеволодовича Мономаха. Великій князь Ростиславъ былъ на великомъ княженіи Кіевскомъ и Смоленскомъ, и умеръ въ 1166 году.

У одного изъ потомковъ в. кн. Ростислава, князя Феодора Юрьевича Смоленскаго, былъ сынъ Евстафій, а у него сынъ Иванъ по прозванію Еропка отъ него уже пошелъ родъ Еропкиныхъ.

Иванъ Евстафьевичъ Еропка былъ воеводою при великомъ князѣ Василіи Темномъ; въ 1445 году, въ битвѣ съ литовцами при Суходоровѣ, взятъ въ плѣнъ.

Потомки Ивана Еропки, Еропкины, служили окольными, стольниками и воеводами при великихъ государяхъ, которые ихъ жаловали помѣстьями и вотчинами.

Еропкины имѣютъ гербъ великихъ князей Смоленскихъ, съ прибавленіемъ надъ пушкой золотого меча.

Одинъ изъ правнуковъ Аванасія Ивановича Еропкина, Игнатій Азарьевичъ, принялъ монашество, въ инокахъ названъ Изосимомъ, основалъ на свои средства вмѣстѣ съ Андрианомъ пустынь (нынѣ упраздненную) на границѣ Клинскаго и Волоколамскаго уѣздовъ, которую назвали, именемъ основателя, Изосимовскою, что видно изъ удѣлѣвшихъ монастырскихъ актовъ; въ XVII столѣтіи пустынь находилась въ цвѣтущемъ состояніи. По монастырскимъ актамъ, Изосимъ упоминается первымъ игумномъ пустыни въ 1488 году. Онъ преставился около 1506 года; церковное преданіе именуеътъ

Изосима преподобный, а мощи его доселѣ почиваютъ подъ спудомъ въ церкви бывшаго монастыря, въ склепѣ близь алтара. Къ 1488 г. 20-го января относится жалованная грамота Ивана Ивановича, в. князя Тверскаго, сына Ивана Васильевича, в. князя Московскаго, кою онъ жаловалъ въ Зосимину пустынь игумну Зосимѣ, первоначальному обителю, съ братьею, деревню Стервище; у грамоты приложена печать на красномъ воскѣ и на ней написано „Князь Великій“. Къ тому-же столѣтію относится мѣновая запись Азарія Юрьевича, сына Еропкина, отца Изосима, въ томъ, что онъ промѣнялъ въ Зосимину пустынь вотчинную свою деревню Кушилово, да починокъ Кушиловскій, при игумнѣ Зосимѣ. Преподобный Зосима подвизался въ концѣ XV столѣтія около 1479 г., при великомъ князѣ Иванѣ III Васильевичѣ, отъ котораго пустынь получила свой 1-й поземельный надѣлъ: рѣку Сестрицу съ лѣсомъ вверху по рѣку Городенку, а внизъ по рѣку Ламу.

Въ концѣ XV столѣтія, а именно: 1488, 1489, 1491 и 1496 годахъ, племянникъ преподобнаго Изосимы, сынъ брата его, Степана Азарьевича Еропкина, Михаилъ, по прованію Клепикъ, посланъ былъ посломъ въ Польшу, а въ 1492 году великій князь отправилъ его посломъ къ римскому королю Максимилиану. Михаилъ Клепикъ былъ околичникъ при великомъ князѣ Васи́лѣ Ивановичѣ; у него былъ троюродный братъ Андрей, сынъ Ивана Семеновича Еропкина; родной внукъ этого Андрея, Михаилъ Андреевичъ, былъ пожалованъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ въ 1630 г. въ стольники, а великій государь Михаилъ Федоровичъ, указомъ отъ 1634 г., повелѣлъ его записать княземъ и опредѣлилъ его воеводою въ Калугѣ, гдѣ онъ служилъ отъ (7162) 1654 — (7165) 1657 г.; потомкамъ Михаила не перешелъ княжескій титулъ.

Правнукъ князя Михаила, Дмитрій Федоровичъ Еропкинъ, генералъ-поручикъ, былъ губернаторомъ въ Ригѣ, а сынъ его, Петръ Дмитриевичъ Еропкинъ, сенаторъ, генералъ-аншефъ и главнокомандующій въ Москвѣ, въ 1771 г. спасъ Москву отъ чумы. Императрица Екатерина II хотѣла наградить его, прислала ему 30,000 руб., дарственную на 4,000 дворовъ крестьянъ и андреевскую ленту. Петръ Дмитриевичъ всеподданнѣйше поблагодарилъ императрицу за вниманіе; отъ 4,000 крестьянъ и отъ денегъ отказался, а принялъ только андреевскую ленту.

У Еропкина воспитывались сыновья его троюроднаго брата, Николая Васильевича Еропкина-же, Александръ (родной дѣдъ по матери кievскаго генералъ-губернатора Александра Романовича Дрентельнъ) и Михаилъ Николаевичи; императрица пожелала ихъ видѣть и сказала Петру Дмитриевичу, что она имъ возвращаетъ княжескій титулъ; Петръ Дмитриевичъ отклонилъ и эту милость; показывая на лобъ племянниковъ, онъ сказалъ: „матушка императрица, у нихъ

князь долженъ быть тутъ“. Императрица приказала записать Михаила и Александра Еропкиныхъ, не смотря на ихъ молодость, сержантами Преображенскаго полка; вскорѣ они были произведены офицерами въ этотъ-же полкъ. Переписка Петра Дмитриевича Еропкина съ императрицей Екатериной II-й хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ¹⁾.

Въ 1818—1820-хъ годахъ Михаилъ Николаевичъ Еропкинъ былъ избранъ предводителемъ дворянства Серпуховскаго уѣзда, гдѣ у него было имѣніе село Лопасня, Садки то-жъ; эта вотчина перешла къ нему по прямой линіи отъ его предковъ Еропкиныхъ, а когда в. кн. Иоаннъ I Калита отправлялся въ 1328 г. въ Золотую орду на поклоненіе къ Узбеку, онъ оставилъ духовную или, какъ сказано, „душевную грамоту“, въ которой назначаетъ сыну своему Андрею въ надѣль: Лопасню, Серпуховъ и Перемышль.

Сынъ Михаила Николаевича, Василій Михайловичъ, котораго лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ называетъ „старѣйшимъ л.-гренадеромъ“, поступилъ въ этотъ полкъ въ 1827 г. изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, дѣлалъ съ полкомъ турецкій походъ 1828 г., участвовалъ въ 1-мъ баталіонѣ при взятіи Варны; старшіе офицеры были убиты или ранены; ему дали, въ чинѣ прапорщика, командовать ротой его величества. Василій Михайловичъ сдѣлалъ съ полкомъ польскую кампанію, былъ при штурмѣ Варшавы, въ битвѣ при Острѣленко; былъ лично извѣстенъ императору Николаю I и в. кн. Михаилу Павловичу. Въ 1837 г. вышелъ въ отставку, въ 1838 или 1839 г. былъ выбранъ отъ Серпуховскаго дворянства посредникомъ по размежеванію земель съ назначеніемъ ему 5,000 жалованья, отъ котораго В. Мих. отказался. Въ крымскую кампанію Василій Мих. Еропкинъ снова вступилъ въ военную службу командиромъ батальона л.-бородинскаго полка, находился при защитѣ Севастополя, въ битвѣ подъ Альмой раненъ въ ногу, оправившись пошелъ въ строй и въ сраженіи на Инкерманскихъ высотахъ раненъ штурцерною пулею въ другую ногу, пуля и теперь не вынута изъ ноги. В. кн. Николай и Михаилъ Николаевичи навѣщали его въ госпиталѣ въ Симферополѣ²⁾.

¹⁾ Со смертью П. Д. Еропкина его линія прекратилась.

²⁾ Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г. статья В. М. Еропкина: „Воспоминаніе подъ Варною“, № XII, а въ 1878 г. № II статья его-же «Подольскій походъ».

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1885 г., т. XLVI, книга апрѣль, стр. 187—191 и 665 былъ помѣщенъ рассказъ этого же доблестнаго и высокоуважаемаго ветерана о событіяхъ 14-го декабря 1825 г. Рассказъ этотъ на стр. нашего же изданія («Русская Старина» изд. 1885 г., томъ XLVII, сентябрь, стр. 521—523) былъ дополненъ, причемъ сдѣланы нѣкоторыя исправленія, главнымъ образомъ по воспоминанію устныхъ рассказовъ въ Бовѣ почитающаго

Въ 1881 г. В. М. Еропкинь посѣтилъ свой родной л.-гвар. гренадерскій полкъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ; пріемъ однополчанъ—одинъ изъ лучшихъ дней въ жизни Василя Михайловича Еропкина, который далъ въ полкъ, по желанію полка, свой портретъ, что видно изъ слѣдующаго приказа по полку: „При посѣщеніи, которымъ насъ удостоилъ въ Красномъ Селѣ 28 іюля текущаго года нашъ старѣйшій полковой товарищъ В. М. Еропкинь, онъ поднесъ намъ на память свой портретъ того времени, когда онъ еще состоялъ въ полку субалтернъ-офицеромъ. Портретъ этотъ помѣщенъ въ дежурной комнатѣ для всегдашняго храненія, со слѣдующею надписью: „В. М. Еропкинь участникъ славныхъ для л.-гв. гренадеръ сраженій подъ Варною въ 1828 г., не расстающійся и до нынѣ душою и сердцемъ съ роднымъ полкомъ. 28 іюля 1881 года“.

Братъ прапрадѣда В. М., сынъ стольника Владиміра Михайловича Еропкина, стольникъ Аѳанасій, участвовалъ въ вѣчномъ мирѣ съ польскимъ королемъ, былъ въ крымскомъ походѣ, жалованъ помѣстьями и вотчинами; въ 1691 г. 6 августа принялъ монашество, названъ Аарономъ; былъ епископомъ корельскимъ и ладожскимъ и затѣмъ удалился въ Нилову пустынь близъ Осташкова, гдѣ принялъ схиму, и скончался 1741 г. 1 мая, погребенъ въ Ниловой пустынѣ. Епископъ Ааронъ былъ очень друженъ съ родственникомъ своимъ, сыномъ Михаила Федоровича Еропкина—Петромъ, пращуръ котораго Дмитрій Азаревичъ, родной братъ преподобнаго Иосима. Отецъ Петра, Михаилъ Федоровичъ, былъ помѣщикомъ въ московскомъ округѣ и другихъ станахъ: государь Алексѣй Михайловичъ и императоръ Петръ I-й жаловали его вотчинами въ (7205) 1687, въ (7208) 1700 и другихъ годахъ ¹⁾.

Сынъ его, Петръ Михайловичъ, родился въ 1689 году, а въ 1700 году царь Петръ I-й послалъ его, вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами, въ чужіе края, для обученія наукамъ. Императоръ, отпуская Петра Еропкина за-границу, благословилъ его золотымъ образомъ спаса Нерукотвореннаго, который сохраняется у родственниковъ Еропкина. Окончивъ науки, Петръ Еропкинь, находясь въ Италіи и Римѣ, изучилъ гражданскую архитектуру, а когда онъ вернулся въ Россію въ 1707 году, царь Петръ опредѣлилъ его къ разнымъ строеніямъ въ Петербургѣ, и, между прочимъ, поручилъ

императора Николая Павловича. По поводу нѣкоторыхъ неточностей въ разсказѣ В. М. Еропкина, мы сдѣлали тогда нѣсколько рѣзкую оговорку, о чемъ искренно сожалѣемъ, такъ какъ этотъ старѣйшій ветеранъ—представитель гвардіи былого и боевого времени вполнѣ заслуженно пользуется высокимъ уваженіемъ всѣхъ, кто только его знаетъ. Ред.

¹⁾ Былъ женатъ на Устинѣ Софроновѣ Карповой.

ему составить планъ для постройки Александро-Невскаго монастыря ¹⁾ въ 1710 г. Петръ I-й наградила его чиномъ маіора, въ 1724 г. подполковникомъ, а въ 1725 г. полковникомъ.

Въ 1734 г. петербургскіе купцы, торговавшіе въ старомъ гостинномъ дворѣ, гдѣ теперь Петровскій паркъ, подали прошеніе въ сенатъ, заявляя о ветхости рыночнаго зданія и невозможности дольше торговать въ старыхъ деревянныхъ его лавкахъ, потому что во многихъ мѣстахъ крыши обвалились, вслѣдствіе чего сенатъ запросилъ архитектора Петра Михайловича Еропкина, который былъ занятъ проэктомъ большаго Гостиннаго двора и находилъ возможнымъ умѣстить въ немъ торговцевъ петербургскаго острова, разрѣшилъ имъ построить временныя деревянныя лавки, пока не утвердится проэктъ большаго Гостиннаго двора. Въ это время предполагалось много большихъ и необходимыхъ построекъ въ Петербургѣ; для составленія плановъ учредили комиссію подъ вѣдѣніемъ Кабинета. Этому учрежденію предоставлена въ исторіи столицы очень видная роль; члены комиссіи назначались именнымъ указомъ императрицы Анны Іоанновны; составъ комисіи слѣдующій: д. т. с. баронъ Минихъ, братъ фельд-маршала, гр. М. Гав. Головкинъ, управляющій канцеляріей строеній Александръ Львовичъ Нарышкинъ, ген.-л. Измайловъ, оберъ-штеръ-комисаръ адмиралтейства Ф. И. Соймоновъ, совѣтникъ артил. Унковской, архитекторъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ, фортификаціи маіоръ Раухъ, сенат. секрет. Хель, секретарь инженерной конторы Леванидовъ и полицейской архитекторъ Земцовъ. За сочиненіемъ нормальныхъ плановъ съ надлежащимъ объясненіемъ, само собою вытекала обязанность комисіи: сличить планы существующихъ построекъ и составить общій планъ всего Петербурга, съ обозначеніемъ мѣстъ, гдѣ должно быть какого рода строеніе, „также и гдѣ публичнымъ площадямъ быть“; этимъ планомъ немедленно занялись техники комисіи: Петръ Еропкинъ и Земцовъ. Для геодезическихъ работъ вытребованъ изъ Преображенскаго полка маіоръ Зихгейтъ. Въ 1738 г. 20 апрѣля, видно изъ доклада, что въ эту пору не были точно опредѣлены мѣста улицъ, а вскорѣ сдѣлать планъ этимъ мѣстамъ поручено архитектору П. М. Еропкину и Земцову. Октября 3-го 1737 г. нанесенные на планъ дополнительные надѣлы докладывалъ П. М. Еропкинъ комисіи 18 октября, когда усмотрѣно было, что планъ мѣстности, внесенный адмираломъ Головинымъ, не сходится въ масштабѣ съ общимъ планомъ города, выполнявшимся капитаномъ поручикомъ фонъ-Зихгеймомъ, приславшимъ уже отдѣльныя части столицы: Московскую и Адмиралтейскую. П. М. Еропкину поручено было въ одномъ масштабѣ съ пла-

¹⁾ Что можно видѣть въ лѣтописи Александро-Невской лавры.

нами Зихгейма приготовить распределение мѣстъ подъ дворы отъ Вознесенскаго проспекта до Калинкина моста за Мойкою, и этотъ трудъ специалиста былъ поводомъ рѣшеній комиссiи, объясненныхъ въ высочайшемъ докладѣ 20-го апрѣля. Въ комиссiи о составленiи общаго плана застройки столицы при императрицѣ Аннѣ былъ Земцовъ, труженникъ и сотрудникъ П. М. Еропкина. (Сан.-Пет. сенат. архивъ, книга высочайшихъ повелѣнiй, 48 и 366 и XXXI). Есть и особая книга строительныхъ уставовъ въ проэктѣ трудовъ П. М. Еропкина, въ государственномъ архивѣ. П. М. Еропкинъ былъ пожалованъ въ придворные гофъ-бау-интенданты; не смотря на его многотрудныя занятiя въ комиссiи и по главнымъ постройкамъ въ столицѣ, онъ интересовался всѣми научными вопросами и всѣмъ, что касалось улучшенiя быта государства. Еропкинъ былъ человѣкъ большого образованiя, какъ по своей специальности, такъ и въ наукахъ. Артемiй Петровичъ Волинскiй сошелся съ нимъ во время своего пребыванiя въ Москвѣ въ 1730 году, часто бесѣдовалъ съ нимъ.

Петръ Михайловичъ, учившiйся архитектурѣ въ Италiи, былъ однимъ изъ весьма образованныхъ русскихъ людей того времени. Зналъ языки французскiй, нѣмецкiй и итальянскiй, имѣлъ очень хорошую библiотеку, приносилъ Волинскому сочиненiя Маккиавелли и Юста Либiя, и читалъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ. „Конфиденцiя“ Волинскаго съ Еропкинымъ въ 1730 г. въ Москвѣ во время ареста Артемiя Петровича положила основанiе кружку образованныхъ русскихъ людей, которые въ концѣ 1730-хъ годовъ сгруппировались вокругъ Волинскаго. Еропкинъ, Соймоновъ и Хрущовъ, первоначальные „конфиденты“ Артемiя Петровича, стали главными руководителями кружка. Нащокинъ, современникъ Волинскаго, называлъ Еропкина и Хрущова „людьми славными своимъ разумомъ“. Волинскiй вторымъ бракомъ былъ женатъ на сестрѣ П. М. Еропкина. Въ числѣ „конфидентовъ“ Волинскаго встрѣчаются лица высокопоставленныя и между ними былъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ, придворный архитекторъ. Въ числѣ „конфидентовъ“ Волинскаго находились также иностранцы. Еропкинъ былъ самый образованный членъ кружка, занимая довольно скромное общественное положенiе придворнаго архитектора. Соймоновъ имѣлъ важныя должности. Хрущовъ былъ совѣтникомъ бергъ-коллегiи. Они были не только умны отъ природы, но обладали обширными научными свѣдѣнiями и познаниемъ языковъ. Подробныя свѣдѣнiя о заговорѣ во всемъ его объемѣ имѣлъ вмѣстѣ съ П. М. Еропкинымъ и Хрущовымъ, кажется, только еще президентъ ком.-коллегiи, Муссинъ-Пушкинъ. На вечерахъ у Волинскаго читались и обсуждались политическiя сочиненiя и разсматривались сочиненiя и проэктъ, написанные Волинскимъ при участiи Еропкина, Сой-

монова и Хрущова. Еропкинь, Соймоновъ и Хрущовъ оставались иногда у Волынского по ночамъ и долго пере-читывали, поправляли и передумывали одинъ большой проэктъ, которымъ особенно дорожилъ Волынской. Этотъ проэктъ названныя лица брали къ себѣ на домъ, и тамъ тоже его передѣлывали, „чернили“, иное прибавляли. Иногда въ разговорѣ съ Еропкинымъ Волынской съговаривалъ на жизнь: „нынѣ житѣе наше пришло хуже собачьяго“; на подобныя мысли вслухъ кабинетъ-министра Еропкинь приводилъ цитату изъ Галенучи: „худо живется, когда жена владѣеть, всегда ея правленіе больше къ безпорядку, нежели къ доброму учрежденію“. Книги на языкахъ итальянскомъ, французскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ читали Волынскому Еропкинь, Эйхлеръ, де-ла-Суда и Ададуровъ.

Въ 1740 г. 16 апрѣля Еропкина и Хрущова арестовали. Съ 10 по 20 мая допросили Соймонова, Еропкина и Хрущова. Всѣхъ допрашивали „о замыслахъ Волынскаго“. Соймоновъ и Еропкинь объяснили подробно въ чемъ состоялъ „генеральный проэктъ Волынскаго“. Еропкинь подробно передалъ свои разговоры съ Волынскимъ, при чемъ самымъ важнымъ для слѣдователей и опаснымъ для Волынскаго явилось сравненіе Волынскаго Анны Іоанновны съ неаполитанской королевой Іоанной III-ей. 16-го мая П. М. Еропкинь снова подробно рассказалъ свои разговоры съ Волынскимъ въ Москвѣ о принцессѣ Елизаветѣ Петровнѣ и о Голштинскомъ принцѣ въ 1731 г., а затѣмъ повидѣе въ Петербургѣ. Въ слѣдующіе три дня 17, 18 и 19 объяснялъ все то-же. 24-го мая были очныя ставки у Волынскаго съ Хрущовымъ и Еропкинымъ. Показаніе Хрущова неизвѣстно. Еропкинь же, какъ видно изъ дѣла Волынскаго, заставилъ признаться Артемія Петровича въ своихъ разговорахъ объ Елизаветѣ Петровнѣ и Голштинскомъ принцѣ. 5 и 6 іюня происходилъ допросъ главнѣйшихъ „конфидентовъ“ Волынскаго: Еропкина, Соймонова, Эйхлера и Муссина-Пушкина; дознавались у всѣхъ—когда Волынской хотѣлъ привести „свой умыселъ въ дѣйство“. Не смотря на значительное число ударовъ: Эйхлеру 10, Соймонову 12, Муссину-Пушкину 14, Еропкину 15—всѣ они единогласно показали, что ничего объ этомъ не знаютъ. Всѣ откровенно назвали себя „конфидентами“ Волынскаго, кромѣ Муссина-Пушкина. 20 іюня собраніе, выслушавъ „изображеніе“ и экстрактъ письма, поданнаго Волынскимъ императрицѣ 1739 г., постановило:

- 1) Волынскаго, яко начинателя всего этого злаго дѣла, живаго посадить на колъ, вырѣзавъ у него предварительно языкъ; 2) Хрущова, Соймонова, Еропкина и Муссина-Пушкина четвертовать и затѣмъ отсѣчь у нихъ головы. 23 іюня послѣдовалъ въ Петергофѣ высочайшій указъ, гдѣ сказано: Андрея Хрущова, Петра Еропкина—казнить смертию, отсѣчь имъ головы, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе описать на насъ, за исключеніемъ приданнаго

жены Хрущова. За подписомъ ея и. величества руки, Петергофъ, 23 іюня 1740 года.

27-го іюня, въ день св. Самсонія, въ 8 ч. утра, выведены изъ крѣпости Ар. П. Волынской и его конфиденты, исключая Мус.-Пушкина; Хрущовъ, ассессоръ тайной канцеляріи, прочелъ о смягченіи наказанія; начали съ Волынскаго, вслѣдъ за нимъ палачъ отрубилъ головы Еропкину и Хрущову!

Еропкинь не былъ женатъ, съ его смертію прекратилась одна изъ линій рода Еропкиныхъ, родоначальникомъ которой былъ Дмитрій Азарьевичъ Еропкинь.

Потомки страстотерпцевъ несомнѣнно отнесутся съ глубокою признательностью къ высокоуважаемому Михаилу Ивановичу Семейскому. Благодаря его вчинанію и неутомимой энергіи сооруженъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова вполне достойный памятникъ работы профессора М. А. Щурупова и академика А. М. Опекушина. По мысли и исполненію памятникъ достигаетъ вполне своей высокой цѣли — увѣковѣчить память истинныхъ патриотовъ и вполне славныхъ русскихъ дѣятелей.

Вѣра Вас. Еропкина.

Тверь.
3-е января 1886 г.

II.

Родословіе Еропкиныхъ.

	№№ отцовскіе.
1. Владиміръ Мономахъ, р. 1053, † 1125.	
2. Мстиславъ Великій, р. 1076, † 1132	1
3. Ростиславъ, в. князь Смоленскій, внукъ Владиміра Мономаха, родоначальникъ князей Смоленскихъ, † 1166	2
4. Давыдъ, † 1197	3
5. Мстиславъ, † 1230	4
6. Ростиславъ	5
7. Гдѣбъ, † 1277	6
8. Александръ	7
9. Иванъ	8
10. Святославъ	9

	№№ отцовскіе.
11. Юрій	10
12. Федоръ	11
13. Евстафій	12
14. Иванъ Еропка, воевода вел. кн. Василя Темнаго, взятъ въ плѣнъ при Суходоровѣ литовцами въ 1445 г.	13
15. Аванасій Ивановичъ Еропкинъ	14
16. Юрій Аванасьевичъ	15
17. Семень Юрьевичъ	16
18. Азарій Юрьевичъ	16
19. Степанъ Азарьевичъ	18
20. Дмитрій Азарьевичъ	18
21. Игнатій Азарьевичъ, въ инокахъ Исосимъ, преподобный, предста- вился 1505 г.	18
22. Михаилъ Степановичъ Клѣпникъ	19
23. Иванъ Семеновичъ	17
24. Андрей Ивановичъ	23
25. Федоръ Андреевичъ, патріаршій стольникъ	24
26. Андрей Андреевичъ	24
27. Князь Михаилъ Андреевичъ, (пожалованъ титуломъ князя ука- зомъ 1634 г. царя Михаила Федоровича).	26
28. Федоръ Михайловичъ, отъ отца княжескій титулъ не перешель.	27
29. Федоръ Федоровичъ	28
30. Дмитрій Федоровичъ, генераль-поручикъ, рижскій губернаторъ .	29
31. Петръ Дмитріевичъ, генераль-аншефъ, 1741 г., спасъ Москву отъ чумы, сенаторъ, главнокомандующій, кавалеръ ордена Андрея Пер- возваннаго.	30
32. Михаилъ Федоровичъ	25
33. Василій Михайловичъ, окольничій при царѣ Алексѣѣ Михай- ловичѣ	32
34. Владиміръ Михайловичъ, стольникъ	32
35. Аванасій Владиміровичъ, стольникъ, въ монашествѣ Ааронъ, епи- скопъ корельскій и ладожскій	34
36. Михаилъ Владиміровичъ, стольникъ при царѣ Алексѣѣ Михай- ловичѣ	34
37. Василій Михайловичъ, стольникъ при Петрѣ I	36
38. Остафій Дмитріевичъ	18

	№№ отцовскіе.
39. Василій Остафьевичъ	38
40. Иванъ Васильевичъ	39
41. Иванъ Ивановичъ	40
50. Федоръ Ивановичъ	41
51. Михаилъ Федоровичъ, былъ женатъ на Устиньѣ Софроновѣ Карповой	50
52. Петръ Михайловичъ, гофъ-бау-интендантъ, р. 1689 г., казнень 27 іюня 1740 г.	51
53. Николай Васильевичъ	37
54. Михаилъ Николаевичъ	53
55. Александръ Николаевичъ	53
56. Василій Михайловичъ	54
57. Викторъ Васильевичъ	56

Всѣ вышеозначенныя лица сопричислены къ древнему роду Еропкиныхъ, записанному въ бархатную книгу, со внесеніемъ въ VI часть дворянской родословной книги по разнымъ губерніямъ.

Сообщ. В. В. Еропкина.

Тверь, 1885 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

въ его военныхъ распоряженіяхъ

1849 и 1854 гг.

Собственноручныя записки императора Николая Павловича военному министру графу Чернышеву.

19-го апрѣля 1849 года.

«Вслѣдствіе разрѣшеній, мною сего утра данныхъ, по сбору запасныхъ баталіоновъ и батарей гренадерскаго корпуса, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться вопросовъ, считаю нужнымъ добавить слѣдующее:

1) собираемые въ Кіевѣ запасные баталіоны 3-й гренадерской дивизіи формировать въ одинъ маршевой баталіонъ при 1-мъ штабъ-офицерѣ и 5 оберъ-офицеровъ.

2) Баталіонъ сей отправить въ Гродно въ штабъ своей дивизіи, гдѣ онъ расформируется по своимъ полкамъ на ихъ укомплектованіе.

3) Баталіонъ сей снабдить полагаю одною мундирною аммунициею, отправивъ все прочее и оружіе прямо въ полки, что кажется мнѣ удобнѣе, чѣмъ два приема и передача.

4) Знамена 4-хъ запасныхъ баталіоновъ 3-й гренадерской дивизіи, уложивъ бережно, прислать въ резервные баталіоны сей дивизіи.

5) Его высочество Михайлъ Павловичъ дать нужныя наставленія г.-л. Муравьеву, какъ наилучше раздѣлить резервные баталіоны сей дивизіи на 2 баталіона; по исполненіи сего, присланныя знамена сдадутся въ новоотдѣленные и съ той поры: запасные баталіоны сей дивизіи.

6) Запасные баталіоны 1 и 2 гренадерскихъ дивизій собираются

въ Москвѣ; тамъ примуть ихъ съ каждой дивизіи 1 штабъ-офицеръ и по 5 оберъ-офицеровъ.

7) Баталіоны сіи я полагаю-бы равномѣрно тамъ не снабжать ни аммуниціею, ни оружіемъ, а исполнить сіе по приводѣ въ Новгородъ, гдѣ формированіе будетъ удобнѣе. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ прислать уложенныя ихъ знамена въ резервные ихъ баталіоны и выдать баталіонамъ тогда, когда они окончательно сформированы, уровнены и вооружены будутъ.

8) Тогда гренадерская дивизія будетъ состоять изъ 24 баталіоновъ, подъ командою одного генерала, по выбору его высочества Михаила Павловича, и 3-хъ бригадныхъ командировъ, для каждой дивизіи по одному, генераль-маиоровъ или полковниковъ, по выбору его высочества.

9) Такъ какъ 2 и 3 гренадерскія дивизіи почти вполнѣ укомплектованы будутъ зачисленіемъ отпускныхъ, то его высочество Михаилъ Павловичъ озаботится объ укомплектованіи 1 дивизіи, предъ ея выступленіемъ, готовыми рекрутами отъ всѣхъ 12 резервныхъ баталіоновъ.

10) Сколько помню, запасная батарея 3 гренадерской дивизіи собирается въ Кіевѣ; ее можно тоже обратить на укомплектованіе всѣхъ 3-хъ бригадъ гренадерскаго корпуса, направля туда, гдѣ будетъ штабъ гренадерскаго корпуса, полагаю, вѣроятно въ Гродно.

11) Въ замѣнъ ея изъ 1 и 2 запасной и 1, 2 и 3 резервныхъ гренадерскихъ батарей сформировать 3 запасную, по соединеніи ихъ въ Новгородѣ. Николай».

23-го апрѣля 1849 года.

«По близкой вѣроятности привлеченія всѣхъ силъ нашихъ къ дѣйствію, нахожу необходимымъ:

1) Приступить къ покупкѣ подъемныхъ лошадей для 16, 18 пѣхотныхъ и 6 кавалерійской дивизій.

2) Назначить мѣсячный для сего срокъ.

3) 16 и 18 дивизіи съ ихъ артиллеріей двинуть 1-го іюня на новыя назначенныя имъ квартиры.

4) Приступить къ покупкѣ артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей подъ гвардейскій корпусъ, кончивъ къ первому іюня.

5) Заготовить маршруты для гвард. корпуса, по направленію на Ковно и Гродно.

6) Приступить къ сбору отпускныхъ гвардіи на пополненіе рядовъ, назначивъ сборными пунктами Брестъ и Гродно.

7) Приступить къ сбору резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ и резервныхъ и запасныхъ батарей 1 и 2 корпусовъ и 3 резервнаго кавалерійскаго и 7 легкой дивизіи.

8) Эскадроны 1—2 легкой и 3-го резервного корпуса полагаю собрать въ Чугуевѣ, ежели не встрѣтятся особыхъ препятствій, а эскадроны 7 легкой въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ.

9) Приступить къ сбору запасныхъ гвардейскихъ эскадроновъ и запасныхъ гвардейск. пѣшихъ батарей сюда-же въ Петербургъ. Николай».

26-го апрѣля 1849 года.

«1) Можно приказать теперь-же двинуть 16 и 18 дивизіи, съ тѣмъ, чтобы обозъ ихъ догналъ позже.

2) Артиллерія ихъ можетъ двинуться позднѣе, дабы дать время искупить лошадей.

3) Гвард. черноморскому эскадрону выступить отсюда съ обозомъ моей главной квартиры, при которомъ будетъ конвоемъ.

4) Собственный мой конвой выступить тоже съ обозомъ.

5) Г.-м. Назимову велѣть исправлять должность коменданта главной квартиры и принять команду какъ надъ конвоями, такъ и надъ обозомъ.

6) Для исправленія здѣсь патрульной службы оставить л.-гв. уральскій эскадронъ и крымско-татарскій, а въ облегченіе къ нимъ взять одну сотню Донскаго полка, что въ Финляндіи.

7) Дивизионъ гвард. донской батареи оставить здѣсь.

8) Гвардейскій экипажъ пойдетъ въ походъ въ силѣ 1,000 человекъ; лишніе по штату останутся здѣсь при резервной ротѣ.

9) Гвардейской кавалеріи выступить въ 13 рядовъ въ строю и взять ремонтъ наличный съ соответствующимъ числомъ людей, для возможнаго усиленія полковъ.

10) Гвардейскіе кирасирскіе полки имѣютъ значительный некомплектъ; дѣйствующіе эскадроны пополнить изъ резервныхъ, оставя, однако, въ сихъ послѣднихъ непремѣнно 20 у.-о. ¹⁾ и не менѣе двойнаго комплекта карабинеръ.

11) Гвардейскому финскому стрѣлковому баталіону отправиться сюда моремъ, при первой возможности, и примкнуть къ своей дивизіи, когда успѣетъ. Баталіону сему отдѣлить предъ выступленіемъ калдру для резервной роты, изъ належныхъ 20 у.-о. и 48 стрѣлковъ, коимъ остаться въ Гельсингфорсѣ.

12) Г.-ад. Мейендорфу озаботиться, елико можно, раннимъ приводомъ гвард. ремонтвъ съ непремѣнной докупкой лошадей недоведен-

¹⁾ Унтеръ-сфицеровъ.

ныхъ и сумму ремонта на 1850 годъ отпустить теперь же, дабы нынѣ же приступить къ закупкѣ сихъ лошадей, чтобы оба, резервный и запасный, эскадроны гвардейскихъ полковъ во-время снабжены были лошадьми.

13) Учебныхъ карабинеровъ, приготовленныхъ къ выпуску, рядовыхъ дворянъ произвести въ подпрапорщики во внутренніе гарнизонные баталіоны и распредѣляя по баталіонно не болѣе двухъ въ каждый.

14) Г.-ад. моимъ Мейендорфу и Гербелю явиться ко мнѣ въ Варшаву.

15) Смотръ мой въ Бобруйскѣ и Брестѣ я, вѣроятно, отмѣню, отправясь прямо въ Варшаву.

16) Дано-ли приказаніе направить резервную бригаду 3-ей пѣхотной дивизіи въ Динабургъ? Ежели нѣтъ, то велѣть. Николай».

Собственноручная записка императора Николая Павловича главнокомандующему дѣйствующей арміи, князю Варшавскому, которую его величество изволилъ лично вручить.

26-го августа 1849 года.

«1) По возвращеніи войскъ на свои зимнія квартиры, сейчасъ приступить къ инспекторскимъ осмотрамъ, чрезъ дивизионныхъ начальниковъ.

При сихъ осмотрахъ все исполнить по уставу, во всей строгости, обратя особенное вниманіе:

- a) На оружіе и патроны.
- b) На аммуницію.
- c) На обозы.

Ооо всѣхъ неисправностяхъ донести подробно.

d) На представленныхъ въ неспособные,—для чего прежде всѣхъ людей, безъ исключенія, по спискамъ, полковымъ лекарямъ осмотрѣть, и къ смотру представить найденныхъ ими неспособными, или слабыми особо.

e) Дѣйствительно признанныхъ неспособными сейчасъ же, перечисливъ по установленнымъ разрядамъ изъ полковъ, исключая, отправить куда надлежитъ: назначенныхъ въ гарнизонъ изъ 2-го корпуса— въ новогеоргіевскій баталіонъ, изъ 3-го— въ замосцскій, изъ 4-го— каменецъ-подольскій.

2) Въ кавалеріи, учиня то-же, негодныхъ лошадей сбыть сейчасъ, слабыхъ отдѣлить и стараться поправить.

3) Въ артиллеріи, кромѣ всего прописаннаго, обратить особое вниманіе на состояніе матеріальной части орудій и всего обоза и немедленно донести о состояніи оной.

5) ¹⁾. По окончаніи инспекторскихъ смотровъ заняться немедленно исправленіемъ всѣхъ неисправностей и постройкою годовыхъ вещей, новыхъ шинелей и проч. Но въ теченіе мѣсяца съ прихода никакихъ ученій не производить.

6) По прибытіи маршевыхъ и резервныхъ баталіоновъ приступить къ расформировкѣ первыхъ и принятію отъ вторыхъ приведеннаго укомплектованія.

7) Въ резервные баталіоны передать всѣхъ тѣхъ 20 лѣтъ выслужившихъ нижнихъ чиновъ, которые, по разряду губерній, не принадлежать къ пополненію рядовъ по военному времени, а причитаются къ резервнымъ и запаснымъ баталіонамъ.

8) Когда такимъ образомъ передача и обмѣнъ людей изъ резервныхъ и въ резервные баталіоны кончено будетъ, о семъ мнѣ довести, отъ каждаго полка, прямо въ собственныя руки, по данной формѣ (форму дать отъ инспекторскаго департамента), въ которой ясно означить, сколько какихъ чиновъ принято изъ резервныхъ баталіоновъ и сколько и какихъ чиновъ передано въ резервные баталіоны.

9) Когда все сіе исполнено будетъ, резервнымъ баталіонамъ слѣдовать обратно къ своимъ бригадамъ, т. е. туда, гдѣ остались запасные баталіоны.

10) Донести мнѣ тоже въ какомъ состояніи воротятся подвижные артиллерійскіе парки и понтонный паркъ 2-го корпуса. Николай».

¹⁾ Цифра 4 пропущена, вѣроятно, по ошибкѣ.

Собственноручная записка императора Николая Павловича къ
военному министру князю Долгорукому.

22-го іюня 1854 года.

«1) Послать 8 четвертыхъ бат. гренадерскаго корпуса, приведя ихъ въ 600 рядовыхъ и легкія двѣ батареи при нихъ, въ Динабургъ, Вилькомиръ и Ковну.

2) 5 гренадерскихъ баталіоновъ привести въ возможно сильный составъ, взявъ готовыхъ людей изъ 6-ти, оставя сіи въ кадровомъ положеніи и комплектуя постепенно прибывающими рекрутами.

3) Полки 1-й дивизіи, по мѣрѣ возможности, стягивать къ Варшавѣ, отправляя эшелонами по 2 баталіона для большей скорости, начавъ съ полка въ Вильнѣ, коль скоро только резервн. баталіоны 4-й дивизіи подойдутъ.

4) Резервную дивизію 6-го корпуса двинуть въ Кіевъ, но расположить прежде противъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра, присоединя къ ней и резервныя 3 бат., доформировавъ ихъ до 8-ми орудійнаго состава.

5) Эти 24 баталіона съ 8 резервными бат. 8 дивизіи въ Кіевѣ, съ 6-ю резервн. батареями и съ резервными полками 1, 2 и 6-й легкіихъ кавалерійскихъ дивизій составить, въ случаѣ нужды, особый корпусъ подъ Кіевомъ, для всякаго случая. Кому подчинить—велю въ свое время.

6) По мѣрѣ сформированія 7 и 8 баталіоновъ 1-го корпуса, обученныхъ рекрутъ передавать въ резервные баталіоны; когда же баталіоны сіи достигнутъ до 1,000 числа, тогда можно будетъ 1 и 2-й учебныя нарабинерные полки освободить изъ Кронштадта и поставить въ лагерь въ Красномъ Селѣ, куда желаю, какъ можно скорѣе, вывести и 3, и 4-й учебные полки, чтобъ имъ освѣжиться и заняться своимъ дѣломъ.

7) Быть можетъ, что двинется въ Лифляндію гвард. кирасирск. дивиз., чтобъ была ближе къ границѣ. Николай».

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

Письмо англичанки Бирчъ—Николаю I

17-го января 1826 г.

Первое время по вступленіи императора Николая Павловича на престолъ—къ нему обращемо было различными и пришлыми людьми, и російскими подданными—множество извѣтовъ на кралоу. Конечно большинство ихъ отличалось фантастичностью и жаждою злобы къ ближнему, прикритою яко-бы желаніемъ принести свою лепту вѣрноподданныческихъ чувствъ на алтарь отечества. Однимъ изъ такихъ особенно курьезныхъ извѣтовъ является печатаемое здѣсь письмо Бирчъ.

Ред.

[Перев. съ франц.]. Весьма опасаясь неудовольствія вашего и. в—ва за то, что я пріяла смѣлость беспокоить васъ, когда вы такъ заняты. Четыре года тому назадъ (въ ноябрѣ) я была избрана Провидѣніемъ для извѣщенія покойнаго императора Александра о существовавшемъ въ то время заговорѣ, томъ самомъ, который разразился 14 декабря. Тогда уже дерзали пить за его смерть. Передъ Богомъ и моею совѣстію чувствую, что послѣ всего происшедшаго долгъ мой повелѣваетъ мнѣ открыть в. в—ву все, что о томъ знаю, хотя бы чрезъ то и подверглась многимъ огорченіемъ; но я предпочитаю страдать, чѣмъ терпѣть отъ упрековъ совѣсти, если бы еще случились какія либо несчастія. Я узнала тайну отъ графини Гаше (Gachet), довѣрившей мнѣ оную для того, чтобы предостеречь отъ одной дамы, которая имѣла намѣреніе вовлечь меня въ эти гнусныя общества. Я ввела графиню Гаше къ императрицѣ Елисаветѣ, гдѣ государь говорилъ съ нею; и съ этого времени она имѣла честь весьма часто видѣться съ е. в—омъ и писать ему. Графъ Уваровъ и генералъ Гладковъ избраны были для того, чтобы вводить въ заблужденіе и раскрыть всѣхъ заговорщиковъ. Графа, къ несчастію, уже нѣтъ въ живыхъ; но благоволите пригласить г. Гладкова и прикажите рассказать в. в—ву все, что происходило въ эти четыре года. Графиня Гаше всегда говорила, что она

не боится тѣхъ, которые себя уже скомпрометировали и которыхъ она называла малыми собачками (*les petits chiens*),—но что существуетъ партія гораздо болѣе опасная для прочности и счастья имперіи. Графиня выказала безграничную преданность интересамъ этой прекрасной имперіи, послѣдовавъ въ Крымъ, за княгиню Голицыною,—женщиною дерзкою, которая надѣлала здѣсь всевозможныя гнусности, на какія способна, но встрѣтивъ препятствія въ своихъ поворныхъ проектахъ и будучи снѣдаема досадою, удалилась въ Крымъ.

Вотъ что писала мнѣ графиня Гаше, въ письмѣ отъ 18 марта 1825 г.: „Послѣ многихъ мученій я покинула княгиню. Печальное положеніе мое не столь ужасно, какъ то, которое приходилось мнѣ переносить на (крымскомъ) берегу, въ татарской лачужкѣ, гдѣ въ теченіи пяти дней я была безъ топлива и пищи—такъ сильно желали поскорѣе покончить съ моею жизнью, вслѣдствіе моего отказа вступить въ ихъ адскую секту. Княгиня, преданная употребленію крѣпкихъ напитковъ, не знаетъ для себя болѣе никакихъ границъ; ее поддерживаютъ ея братья, которые вскорѣ пріѣдутъ въ Россію. Давно пора была мнѣ выбраться изъ ужасной пропасти, въ которой я находилась, благословляя Бога за то, что могла сдѣлать это безъ стыда и угрозеній совѣсти. Присоединяю къ письму этому правдивое изложеніе фактовъ, происшедшихъ передъ моими глазами; такъ какъ я жертвовала собою безъ всякой иной цѣли, какъ спасеніе благословеннаго государя, которому, по волѣ Провидѣнія, я призвана была оказать услуги. На послѣдній разъ ограничиваюсь сообщеніемъ ему средства избавиться отъ оскорбленій дерзкой женщины, могущей повести къ совершенной уtratѣ этой прекрасной части его имперіи“.

Донесеніе, о которомъ говорятъ графиня, передано было г. Гладковимъ покойному императору Александру передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ. Такъ какъ здоровье графини было совершенно разстроено мѣстною лихорадкою, то она рѣшилась просить о выдачѣ ей паспорта и о дозволеніи удалиться во Францію, гдѣ ей нужно было устроить нѣкоторыя дѣла свои; но письмо не было ей возвращено, ибо тотъ, для котораго она все считала возможнымъ сдѣлать, былъ уже на небесахъ. Теперь она послала свое прошеніе къ г. Вопрѣ (*Beaurgé*), чтобы онъ постарался получить для нея паспортъ, но такъ какъ она приняла русское подданство, то въ выдачѣ паспорта дѣлаютъ затрудненія. При семъ прилагаю прошеніе ея. Благоволите, государь, повелѣть, чтобы паспортъ ей выдали.

Лисица, вздумавшая судить поступки мелких собаченокъ, и состоящая въ числѣ лицъ приближенныхъ вашего и. в—ва, всегда была руководима помянутою дерзкою женщиною, о которой я только что говорила. Все зло, которое лице это, по слабости своей, причинило благословенному монарху и ангелу, дарованному ему въ супруги,—вся смута, которую онъ внесъ въ истинную религію, допуская въ проповѣдь и печать все, чего не должно бы было допускать—всему этому она (княгиня) служила побудительною причиною. Въ настоящее время думаютъ и надѣются, что весьма легко будетъ управлять и руководить государемъ юнымъ и неопытнымъ; но если, вопреки ихъ ожиданія (и о чемъ всякій человекъ съ душою долженъ молить Господа), юный государь, прежде чѣмъ довѣряться имъ, станетъ обращаться во всемъ къ Тому, Кто управляетъ міромъ, то онъ, по милости Божіей, можетъ сдѣлаться самымъ мудрымъ и самымъ великимъ между великими міра сего.

Е. в. императоръ Александръ даровалъ мнѣ позволеніе говорить и писать все, что я думаю, и одинъ лишь наслѣдникъ его можетъ отнять у меня это право. Если онъ признастъ это нужнымъ, то даю ему обѣщаніе, что не буду ни писать, ни говорить. Благословенному монарху все было извѣстно, но, по чрезвычайной благодати своей, онъ не могъ рѣшиться наказать виновныхъ и предоставилъ эту великую и страшную задачу своему наслѣднику. Весьма тяжело быть избраннымъ Провидѣніемъ на совершеніе чего-либо труднаго и неудобноисполнимаго; но не подчиняясь сему, рискуешь утратить свою долю въ наслѣдіи небеснаго царства.

Осмѣливаюсь смиренно умолять в. в. не компрометировать меня; ибо то, что я дѣлаю—дѣлаю лишь ради угожденія Богу.

Позвольте завѣрить в. и. в., что мы, друзья человѣчества, вѣрные подданные ваши, молимъ Всевышняго блюсти счастье и изливать благословенія свои на наслѣдника благословеннаго монарха и даровать ему способность къ различенію истины отъ лжи, вѣрныхъ подданныхъ отъ тѣхъ, которые стараются лишь обманывать его.

Весьма возможно, что в. и. в. сочтете меня впаавшею въ сумашествіе, вслѣдствіе того, что я сказала, что считала себя избранною Провидѣніемъ для раскрытія заговора. Повѣрьте, государь, что я весьма скромнаго мнѣнія о себѣ и говорю лишь строгую истину. Ввѣряю сердцу в. и. в—ва тѣ причины, которыя заставляютъ меня вѣрить этому. Незадолго передъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я только что вамъ говорила, графиня Гаше находилась у одной больной, съ которою находилась въ дружескихъ отношеніяхъ (г-жа Бекъ). Дама эта, за нѣсколько минутъ передъ смертію, сказала ей, что только что видѣла

весьма странный сонъ: будто ей представилась Россійская имперія въ ужасномъ положеніи,—будто громъ разразился надъ главами крамольниковъ,—будто она, графиня, получить чрезвычайное призваніе и что будто послѣ всѣхъ этихъ несчастій, она (больная) увидала ее (графиню) въ прекрасномъ саду, изукрашенномъ цвѣтами, меня же—разливающую молоко. Послѣ всего, что случилось со мною съ той поры, я не могу не вѣрить этому; да человекъ и не имѣетъ права подвергать сомнѣнію то, что превыше его ума. Мудрое Провидѣніе обладаетъ орудіями, которыя скрыты отъ слабыхъ глазъ нашихъ; нашъ же долгъ—подчиняться его руководству.

Бирчъ.

ДОКТОРЪ ИВАНЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ БОГОРОДСКІИ,

одна изъ жертвъ бунта военныхъ поселянъ

1831 г.

Есть люди, заслуги которыхъ никому неизвѣстны, чьи страданія, великая душа и героизмъ хоронятся вмѣстѣ съ ними въ могилу, и только близкіе, да и то не всегда или какъ нибудь случайно, узнаютъ объ ихъ жизни и судьбѣ. Такимъ образомъ, будучи 14-ти лѣтней дѣвочкой, я въ первый разъ услышала отъ своего отца ¹⁾ рассказъ о томъ, какую мученическую смертію умеръ мой дѣдъ И. Т. Богородскій, въ Старой Руссѣ, во время бунта военныхъ поселянъ.

Рассказъ этотъ такъ глубоко запалъ мнѣ въ душу, что и теперь, уже будучи матерью семейства, я не могу равнодушно вспомнить о немъ, и тогда же дала себѣ слово чѣмъ нибудь почтить память этого, въ моихъ глазахъ, глубокоуважаемаго человѣка, къ которому почувствовала какое-то особенное благоговѣніе.

Я не рискнула бы предложить слѣдующій рассказъ, если-бъ онъ, кромѣ судьбы дѣда, не имѣлъ интереса, какъ правдивая, хотя и печальная, страница изъ событій 1831 года на Руси.

¹⁾ Генералъ-лейтенанта Александра Иван. Богородскаго, командующаго нынѣ (февраль 1885 г.) 4-й резервной артиллерійской бригадой въ Курскѣ. С. Я.

Дѣдъ мой, И. Т. Богородскій, окончившій медицинскую академію, занималъ въ 1831 г. должность, сорока лѣтъ отъ роду, старшаго врача при военномъ госпиталѣ въ Старой Руссѣ. Семья его состояла тогда изъ жены и шести человѣкъ дѣтей, между которыми отецъ мой былъ вторымъ послѣ старшей 13-ти лѣтней сестры своей—ему было десять лѣтъ. Дѣдъ содержалъ семью только жалованьемъ, не имѣя другихъ средствъ, былъ безукоризненно честный и всѣми уважаемый человѣкъ; семью свою онъ любилъ и, какъ нѣжный отецъ, часто, окруженный дѣтьми, бесѣдовалъ съ ними въ свободное время, вслѣдствіе чего и дѣти были особенно привязаны къ нему.

Любимецъ родителей, отецъ мой, какъ старшій и при этомъ надѣленный впечатлительной нервной натурой, болѣе чѣмъ остальные дѣти приглядывался и прислушивался къ окружающему. Отъ его наблюденій не скрылось, что въ послѣднее время, незадолго до бунта, дѣдъ мой сдѣлался грустенъ и задумчивъ; вмѣсто шутокъ, которыми онъ часто развлекалъ семью за обѣдомъ, не разъ можно было уловить печальный, озабоченный взглядъ или глубокій вздохъ, выдававшіе его тяжелое душевное настроеніе. Однажды, за обѣдомъ, на вопросъ жены—что съ нимъ, онъ сказалъ: «кругомъ въ военныхъ госпиталяхъ бунтъ, многихъ начальниковъ ужъ убили, спаслись только тѣ, кому удалось переодѣться и бѣжать. Плохое будетъ дѣло — куда я съ вами дѣнусь!» Эти слова до сихъ поръ врѣзались въ память моего отца.

Весь іюль 1831 г. въ Старой Руссѣ стояла удушливая жара, а въ воздухѣ носилась какая-то мгла, настолько застилавшая солнце, что оно, казавшееся огромнымъ, краснымъ шаромъ, не ослѣпляло глазъ, и даже въ полдень можно было свободно смотрѣть на него; слухи носились, что въ это время страшно горѣли лѣса и что ужаснѣйшая холера косила людей, не поддаваясь никакимъ средствамъ. Народная молва приписывала упорство, съ какимъ свирѣпствовалъ этотъ бичъ, яду, которымъ, по ихъ мнѣнію, отравляли колодцы и пищу военное начальство и доктора.

Въ одну изъ субботъ того же іюля мѣсяца, когда всѣ уже спали въ домѣ, отецъ мой былъ разбуженъ крикомъ матери и старшей сестры: «вставайте, вставайте скорѣе! спасайтесь, бунтъ! рабочіе идутъ съ топорами, хотятъ убить насъ всѣхъ!» Отецъ мой бросился къ матери, которая съ распущенными волосами, въ одной юбкѣ, бѣгала по всѣмъ комнатамъ, схвативъ на руки самаго младшаго изъ дѣтей, ко-

тому былъ только одинъ годъ; няня взяла на руки двухъ дѣвочекъ, а старшія дѣти, дѣвочки 13-ти лѣтъ, мой отецъ, 16-ти, и его братъ, 8-ми лѣтъ, взявшись за руки, въ однихъ рубашкахъ выскочили на улицу и бросились бѣжать за матерью, куда глаза глядѣли. Ночь была темная, душная... Сосѣдъ дѣдушки, купецъ П., пріютилъ несчастную семью у себя до утра. Всѣ съ замираніемъ сердца ждали чего-то ужаснаго, прислушиваясь къ бушевавшей толпѣ на площади. Въ 4 часа утра девятикъ дѣдушки пришелъ въ домъ къ П., прося бабушку и дѣтей отъ имени барина вернуться домой. Дѣдъ мой лежалъ у себя въ кабинетѣ, на диванѣ, съ грустнымъ, но покойнымъ лицомъ; увидѣвъ семью, онъ позвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ и, снявъ образъ со стѣны, началъ благословлять ихъ, при чемъ въ первый разъ въ жизни дѣти увидали какъ слезы градомъ лились изъ его глазъ. Успокоившись немного, онъ сказалъ: «прощайте, дѣти, можетъ быть меня скоро не будетъ на свѣтѣ», при этомъ онъ сдѣлался блѣдень, какъ полотно, и прилегъ опять на диванъ, прося оставить его на нѣкоторое время. Вся семья рыдала какъ безумные, не находя выхода изъ своего ужаснаго положенія. Отецъ мой, шепча молитву, весь въ слезахъ, подошелъ къ открытому окну. Что испытывало сердце десятилѣтняго мальчугана, да еще такого впечатлительнаго, какимъ былъ онъ, можетъ представить себѣ тотъ, кому въ дѣтствѣ, какъ мнѣ, приходилось терять отца или мать и, слѣдовательно, переживать это величайшее изъ несчастій. Не долго простоялъ онъ у окна: толпа военнорабочихъ солдатъ, пьяныхъ, оборванныхъ, испачканныхъ кровью, вооруженныхъ колющими, съ руганью и криками, приближалась къ дому; увидѣвъ у окна мальчика, обратились къ нему съ вопросомъ, «здѣсь ли живетъ докторъ Богородскій?» но отецъ ничего не отвѣчалъ, вбѣжалъ въ комнату дѣда предупредить о томъ, что его ищутъ бунтовщики. Дѣдушка все еще лежалъ на диванѣ, и на слова моего отца отвѣтилъ покойнымъ голосомъ: «скажи, что я дома».

Но въ это время толпа взбиралась ужъ по лѣстницѣ во второй этажъ.

Бабушка, дѣти, прислуга въ ужасѣ бросились на колѣни передъ шайкой этихъ изверговъ и умоляли ихъ не трогать, пощадить отца, но опьяненные кровью, виномъ—это были ужъ не люди, а разъяренные звѣри; оттолкнувъ ногами стоявшихъ передъ ними дѣтей, они ворвались въ гостинную, куда вышелъ къ нимъ мой дѣдъ, въ полной парадной формѣ, при шпагѣ. Его покойное лицо выражало въ ту ми-

нугу всю стойкость, всю силу воли, съ какими шелъ онъ на встрѣчу своему смертному приговору. Это было прекрасное лицо — я смѣло могу сказать, потому что передо мною портретъ его съ открытымъ лбомъ, большими карими, задумчивыми, грустными глазами, выражающими въ то-же время рѣшимость и умъ. «Что хотите вы отъ меня, ребята?» обратился онъ съ вопросомъ. «А вотъ увидишь», было отвѣтомъ толпы, «маршъ съ нами!» Выйдя на улицу, всѣ они окружили дѣда и, какъ преступника, повели на площадь.

Надо замѣтить, что въ Старой Руссѣ не было въ то время войска, кромѣ гарнизонной команды, составленной изъ тѣхъ же военно-рабочихъ, и потому толпа безчинствовала и распоряжалась какъ ей было угодно.

Съ отчаяніемъ и съ какой-то дикой злобой, готовый разорвать всѣхъ въ клочки, не чувствуя ни малѣйшаго страха за себя, отецъ мой выбѣжалъ на улицу и все время, истерически рыдая, слѣдовалъ за толпой до самой площади; тамъ глазамъ его представилась ужасная картина: нѣсколько окровавленныхъ труповъ, въ томъ числѣ трупъ полиціимейстера Старой Руссы, Манжоса; тутъ же стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Какъ только оставшаяся тутъ толпа увидѣла моего дѣда, она бросилась на него съ кольями, осыпая его ударами со всѣхъ сторонъ; послѣ этого они посадили его за столъ и начали требовать, чтобы онъ подписалъ какую-то бумагу¹⁾, но видя отказъ въ этомъ съ его стороны, они опять начинали бить его, потомъ опять сажали за столъ, требуя того же, и такъ продолжалось отъ 5 часовъ утра до 5 часовъ вечера, когда его заковали въ кандалы и отвели на гауптвахту.

Послѣ этого отецъ мой въ полномъ отчаяніи вернулся домой, рѣшивъ, что онъ на вѣки лишился безгранично любимаго имъ отца. Въ домѣ засталъ онъ полнѣйшій хаосъ: все ломалось и грабилось новой толпой бунтовщиковъ, разыскивающихъ во всѣхъ закоулкахъ ядь, которымъ, какъ они увѣряли, дѣдъ мой отравлялъ простой народъ. Отецъ мой съ братомъ своимъ все время были свидѣтелями разграбленія имущества ихъ родителей, мать съ остальными дѣтьми

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что бумага содержала въ себѣ изложеніе того, что было вымыслено народной фантазіей объ отравленіи простаго народа докторами и военнымъ начальствомъ, что и требовали они подтвердить подписью убитыхъ ими жертвъ.

спряталась куда-то. Вечеромъ, въ тотъ же день, пришелъ солдатъ изъ гауптвахты отъ дѣдушки узнать чтоъ стало съ его семьей, живы ли они, прося прислать ему чаю. Отъ этого же солдата узнали, что дѣдушка, закованный въ кандалы, страшно избитый, лежитъ на нарахъ, на соломенной подстилкѣ. Хотя солдатъ и былъ предупрежденъ о томъ, чтобы никто изъ семьи не приходилъ къ дѣдушкѣ, но отецъ мой не могъ преодолѣть сильнаго желанія взглянуть на него и потихоньку отъ матери упросилъ деньщика взять его съ собою. Войдя въ солдатское отдѣленіе гауптвахты, онъ увидалъ своего отца въ изодранномъ бѣльѣ, лежащимъ на соломенной подстилкѣ, съ распухшимъ темно-багровымъ тѣломъ, покрытымъ ранами съ запекшеюся кровью. Съ отцомъ моимъ сдѣлалась истерика; онъ бросился къ несчастному страдальцу (который не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія) и только деньщикъ оторвалъ его отъ дѣдушки.

На другой день послѣ бунта дѣдушку отвезли въ Дубовицкій госпиталь, а оттуда черезъ нѣсколько дней перевезли въ госпиталь Коломець, гдѣ онъ служилъ старшимъ врачомъ. О своемъ переходѣ въ этотъ госпиталь дѣдъ увѣдомилъ семью, которая и навѣщала его нѣсколько разъ. По воспоминаніямъ моего отца, дѣдъ былъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи и постоянно говорилъ о бунтѣ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ госпиталь вошелъ докторъ Сперанскій, товарищъ дѣда по академіи; прибывъ въ Старую Руссу вмѣстѣ съ батальономъ, присланнымъ для усмиренія бунта, и узнавъ объ участи своего товарища, онъ прямо, съ похода, заѣхалъ къ нему, доставивъ большую радость дѣдушкѣ, который только что началъ рассказывать ему о своихъ мученіяхъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ фельдшеръ съ восклицаніемъ: «бунтъ, бунтъ! поселяне ворвались въ городъ, убиваютъ всѣхъ начальниковъ!»

Дѣдъ мой простился въ послѣдній разъ со своей семьей, поручивъ Сперанскому доставить ее домой. На другой день дѣда привезли на его квартиру мертвымъ: вся грудь, спина, руки и ноги были иссѣчены, оба глаза выбиты, а отвалившійся кусокъ черепа обнажалъ мозгъ.

Похоронили его вмѣстѣ съ другими убитыми на Симеоновскомъ кладбищѣ.

Семья дѣда не осталась безъ призора: всѣ дѣти воспитывались на казенный счетъ; бабушка получила пансіонъ, но только на три года

пережила своего мужа и всѣ заботы объ остальныхъ дѣтяхъ пали на моего отца. Такія событія кладутъ печать на дѣтскія воспріимчивыя души, давая извѣстный оттѣнокъ характеру. Оба дяди мои, одинъ артиллеристъ, другой драгунъ, впоследствии застрѣлились, а отецъ мой, не смотря на любовь и уваженіе, какими пользуется отъ всѣхъ, знающихъ его, подверженъ ипохондріи, и нравъ, съ мрачнымъ взглядомъ на жизнь, сложившійся подъ впечатлѣніемъ такого тяжелаго дѣтства, наследовали и мы всѣ отъ него.

Софія А. Ярошъ.

12-го февраля 1885 г.
Луганскъ.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ГОДЕИНЪ

† 24-го іюля 1847 г.

Въ январской книгѣ журнала „Русская Старина“ изд. 1886 года, г. М. Я. Ольшевскій подарилъ читателей своими воспоминаніями о первомъ кадетскомъ корпусѣ съ 1826 года, по день своего выпуска въ офицеры 22-го апрѣля 1833 года.

Читая отъ доски до доски все помѣщаемое въ высокоуважаемомъ журналѣ, мы не могли не прочесть и вышеозначенной статьи; тѣмъ болѣе, что въ началѣ 1840-хъ годовъ мы сами имѣли пріютъ у нашего директора 1-го кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Павла Петровича Годеинъ, бывшаго нашего воспитателя, въ 1829—1831 гг., въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

Правы и методъ воспитанія и образованія кадетъ въ минувшемъ полу столѣтіи не показались намъ новостію. За послѣднее время появилось въ печати не мало воспоминаній бывшихъ кадетъ, тернистымъ путемъ вышедшихъ на гладкую дорогу. Всѣ ихъ воспоминанія—какъ бы сколокъ одного съ другаго. Почему, опуская критику старинныхъ порядковъ въ корпусахъ, мы все-таки съ благодарностію относимся къ автору „Воспоминаній о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ“, какъ воскресившему въ нашей стариковской памяти имена тогдашнихъ достойнѣйшихъ воспитателей: Сольскаго, Мердера, Демидова, Шлиппенбаха, Корфа, Слатвинскаго, Перскаго и др., причемъ г. М. Я. Ольшевскій наибольшую часть своей симпатіи удѣлилъ директору корпуса, Михаилу Степановичу Перскому.

Не понравилось намъ одно, это то, что почтенный авторъ „Воспоминаній“, такъ сказать, à vol d'oiseau отозвался о П. П. Годеинѣ, который, притомъ если и былъ его начальникомъ, то едва ли не нѣсколько дней, по своему перемѣщеніи изъ московскаго кадетскаго корпуса.

М. Я. Ольшевскій говоритъ о Михаилѣ Степановичѣ Перскомъ: „Покройникъ былъ бесребренникъ, да ему и не для кого было заботиться о сбереженіи, потому что онъ былъ одинокъ. Напротивъ, его намѣстникъ былъ семейный и долженъ былъ расходовать значительное количество денегъ на содержаніе своего красиваго старшаго сына, служившаго въ лейбъ-гусарахъ. Михаилъ Степановичъ былъ уменъ, образованъ, дѣятеленъ, ласковъ, привѣтливъ, красивъ собою; а Павелъ Петровичъ обладалъ болѣе или менѣе противоположными качествами души и сердца. Первый, посѣщая классы, лазаретъ, дортуары и вообще являясь передъ кадетами, не иначе былъ одѣтъ,

какъ въ мундирѣ со шляпой и при шпагѣ; послѣдній же, если и посѣщалъ классы, лазаретъ и дортуары, то являлся въ сюртукѣ, иной разъ довольно поношенномъ, полуразстегнутъ, съ хлыстомъ или трубкой въ рукѣ. Такое поведение новаго директора не мало шокировало и удивляло кадетъ; а его неласковое, непривѣтливое обращеніе возбудило нелюбовь къ нему“.

Увѣряемъ почтеннаго автора вышеприведенныхъ строкъ, что его оцѣнка души, сердца, ума и дѣятельности покойнаго нашего воспитателя, Павла Петровича Година, ошибочная, чтобы не сказать—совершенно невѣрная. Мы коротко знали покойнаго, не въ кадетскомъ притомъ возрастѣ, богатомъ опрочечивостію. Павелъ Петровичъ, съ 1823 по 1831 годъ командиръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, повсюду былъ достойнѣйшій человѣкъ и на своемъ мѣстѣ. Имѣвъ солидное состояніе отъ рожденія и по женѣ своей, онъ дѣйствительно былъ нерасточителенъ. За то ни у кого не былъ въ рабствѣ, не гнулся просителемъ по пріемнымъ, сохранилъ независимость характера, не французилъ, чего, конечно, не слѣдовало бы ставить ему въ вину или во осужденіе и тѣмъ какъ бы силиться унизить его передъ предметникомъ. Павелъ Петровичъ, съ 1805—1814 г. боевой измайловскій офицеръ, во всю свою службу пользовавшійся особенными милостями двухъ императоровъ, любовью современниковъ и молодежи, очевидно, былъ не во вкусъ автора „Воспоминаній о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ“. Но о вкусахъ не спорять. Такъ, не понравилось ему даже и то, что Павелъ Петровичъ являлся передъ кадетами не въ мундирѣ со шляпой и безъ шпаги. Намъ же, напротивъ, это нравилось: теплые коридоры, соединявшіе всѣ отдѣлы корпуса съ кабинетомъ директора, способствовали ему, по домашнему, въ сюртукѣ, видѣть своихъ питомцевъ, по часту, и днемъ и ночью. Кадеты, народъ шустрый, увидѣвъ ночью директора въ дортуарахъ въ мундирѣ со шляпой, при шпагѣ, конечно, расхотались бы неужержимо и нескоро бы снова заснули.

Не можемъ тоже не замѣтить, что у Павла Петровича былъ одинъ только сынъ, котораго уже никакъ нельзя было назвать старшимъ. Намъ кажется, что если и понадобилось автору „Воспоминаній“ для иллюстраціи своего сказанія коснуться и семейства недалбливаемой имъ личности, то все же слѣдовало бы не допускать неточности, которая дискредитируетъ автора „Воспоминаній“. Посѣщеніе Павломъ Петровичемъ отдѣловъ корпуса, иной разъ въ поношенномъ сюртукѣ, съ хлыстомъ и трубкой въ рукѣ, показываетъ не болѣе какъ наблюдательность со стороны подмѣтившаго то. Но мы можемъ увѣрить, что у Павла Петровича, во всемъ домѣ, не водилось ни единого хлыста. Вооруженіе его хлыстомъ—не натяжка ли?

Незабвенный воспитатель нашъ Павелъ Петровичъ Годинъ, 24-го іюля 1847 г., въ званіи члена совѣта и инспектора военно-учебныхъ заведеній, инспектируя Михайловскій-Воронежскій кадетскій корпусъ, скончался на 63 году своей многотрудной жизни въ г. Воронежѣ, гдѣ и погребенъ въ Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ. Отвѣчать автору „Воспоминаній“ онъ не можетъ. Кому же, какъ не намъ, изъ увѣдѣвшихъ, помянуть его слезой благодарности—сказать о покойномъ доброе, правдивое слово:

De mortui aut bene aut nihil!

А. М. Дренягинъ.

8-го января 1886 г.

МИТРОПОЛИТЪ ІОАННЪ МАКСИМОВИЧЪ,

† 1715 г.

Перенесеніе его праха въ 1826 г.

Помѣщаемое нами письмо тобольскаго архіепископа Евгенія къ преосвящ. Аврааму, архіепископу ярославскому, члену святѣйшаго правительствующаго синода, бывшему въ то время на чредѣ служенія въ С.-Петербургѣ, можетъ служить матеріаломъ для біографіи преосвященнаго Евгенія, бывшаго сотрудникомъ и близкимъ лицомъ къ приснопамятному митрополиту Филарету. Обстоятельства дѣла, о которомъ пишетъ Евгений, лишь отчасти были напечатаны въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1871 г., № 41), но такъ какъ письмо это крайне интересно, то мы передаемъ его здѣсь ¹⁾.

Во время пребыванія Евгенія въ Тобольскѣ большая была у него забота о кафедральномъ соборѣ. «Холодный соборъ—говоритъ авторъ біографическаго очерка архіеп. Евгенія ²⁾, его племянникъ, протоіерей І. Благовѣщенскій—далъ трещину и оставался безъ службы. Граждане Тобольска скорбѣли объ этомъ, принявъ участіе въ ихъ скорби и архіепископъ, и съ радостію согласился содѣйствовать общему желанію исправить соборъ. Приглашенъ архитекторъ и по общему осмотру и совѣщанію признано возможнымъ пробрать трещину отъ основанія

¹⁾ Своеручное, по охранному каталогу нашей бібліотеки, № 2652.

²⁾ Архіепископъ Евгений Казанцевъ, біографическій очеркъ, составилъ прот. І. Благовѣщенскій. Москва, 1873, типогр. „Соврем. Извѣстій“, стр. 80—81. Книга весьма рѣдкая. А. Титовъ.

до верха. Но оказалось важное препятствіе. Противъ самой трещины съ внѣшней стороны былъ придѣлъ и въ этомъ придѣлѣ погребено тѣло Іоанна Максимовича, митрополита тобольскаго, котораго всѣ почитаютъ святымъ и служатъ надъ нимъ панихиды. Чтобы исправить фундаментъ, необходимо тѣло святителя перенести. Вотъ какъ онъ самъ пишетъ объ этомъ: «Обществомъ здѣшнимъ доселѣ доволенъ. Но что будетъ послѣ завтра—не знаю. Дѣло критическое! Соборъ треснулъ. Нужно стало у трещины открыть фундаментъ. Но тутъ погребенъ митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ, коего здѣсь считаютъ за святого. Представлялъ св. синоду переложить на другое мѣсто. Вчера получилъ дозволеніе—переложить безъ огласки!!! Изволь шло въ мѣшкѣ утаить». Но дѣло начато; надобно кончить. 4-го сентября нѣсколько благонадежныхъ чловѣкъ приглашены, обязаны къ молчанію и поручено приготовить въ томъ же придѣлѣ на другомъ мѣстѣ могилу. Потомъ преосвященный съ ректоромъ семинаріи, кафедральнымъ протоіереемъ и ключаремъ, приготовившись трехдневнымъ строгимъ постомъ и молитвою, останки митрополита безъ всякихъ постороннихъ свидѣтелей, 5-го числа, переложили въ новый гробъ; вечеромъ секретно повѣщены градскіе священники и также секретно четверо почетныхъ и извѣстныхъ благочестивою жизнью гражданъ въ качествѣ депутатовъ приглашены явиться на другой день. И 6-го числа, рано утромъ, преосвященный съ служащими совершилъ панихиду, перенесли гробъ въ новоготованную могилу; затѣмъ, облачившись, отслужилъ раннюю литургію, также безъ народа, только въ присутствіи приглашенныхъ, даже безъ иподіаконовъ и безъ пѣвчихъ, съ одними священниками, изъ которыхъ, кромѣ сослужащихъ, прочіе пѣли на клиросѣ».

Вотъ письмо по этому поводу высокопреосвящен. Евгенія:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырѣ! По сей почтѣ посылаю я въ святѣйшій синодъ доношеніе весьма критическое и на моемъ мѣстѣ важное. Не смѣя писать о семъ къ первенствующему члену, коего я уже троекратно по сей веснѣ безпокоилъ разнаго содержанія недоумѣніями и доуками, я приѣмлю смѣлость, по испытанному мною вашему благодущію, прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству и просить о содѣйствіи какъ скорѣйшему рѣшенію, такъ и положенію рѣшительному, а не обоюдному. Просьба моя: дозволить перенести гробъ и тлѣнные останки тѣла митрополита Іоанна Максимовича. Необходимость такая: я думаю писалъ къ ва-

шему высокопреосвященству, что холодный соборъ далъ по сѣверной стѣнѣ важную трещину съ низу до самаго верху и далѣе по сводамъ въ алтарь. Служеніе въ междуархіерейство по требованію свѣтской команды остановлено. Чтобы разрѣшить, должно прежде починить. Почему и рѣшился я со всѣми подробностями представить святѣйшему синоду. Но архитекторъ на первомъ шагу потребовалъ дозволить ему осмотрѣть основаніе фундамента и копать подлѣ трещины дотолѣ, пока идетъ фундаментъ, дабы видѣть, на чемъ онъ основанъ, и по тому судить о причинѣ трещины. По письму преосвященнаго рязанскаго, совѣтовавшагося о семъ съ возстановителемъ тамошняго собора Рюминымъ, что въ семъ нѣтъ никакой опасности, я согласился свободно на требованіе архитектора, чтобы докопаться у трещины до основанія фундамента, но возникъ вопросъ, съ которой стороны копать, изнутри собора или снаружи. Изнутри казалось опасно, ибо въ 4-хъ только аршинахъ столбъ, поддерживающій своды. Но съ внѣшней стороны особаго рода затрудненіе. Тутъ алтарь придѣла, а въ алтарѣ у самой трещины деревянное надгробіе митрополита Іоанна Максимовича, которому здѣсь такъ велика вѣра, что многія носятя чудеса и что даже самый сей придѣлъ построенъ въ честь его (во имя Іоанна Златоустаго, патрона Максимовича) будто исцѣлвшимся отъ него, по сказанію однихъ, губернаторомъ Чичеринымъ, другихъ—митрополитомъ Павломъ II. А погребенъ здѣсь Максимовичъ въ 1715 году. Впрочемъ, мы рѣшились копать, думая, не далеко-ли отъ сего надгробія онъ погребенъ. Но вскорѣ встрѣтили сводъ склепа. Разсуждая потомъ, что въ склепѣ гробъ цѣлъ, ибо старинные были дубовые, и удаля народъ и свѣтскихъ, одни консистористы и старшіе соборяне открыли сводъ въ томъ предположеніи, чтобы перенести гробъ на другое мѣсто предъ иконостасъ, выкопавъ тамъ новую могилу и сдѣлавъ новый сводъ, не открывая отнюдь гроба, ибо народъ готовился уже услышать, что окажутся мощи. Но и мы, и народъ ошиблись. Крыша у гроба вся сокрушилась и вломилась внутрь и перенести, не перекадывая тѣла въ новый гробъ, было не можно. Къ толь щекотливому дѣлу приступить уже я не смѣлъ, а прошу дозволенія св. синода. Наконецъ, скажу цѣль моего письма. Я не пишу въ синодъ, дабы не огласилось; а открывалъ доску и смотрѣлъ тѣло: мантия и ряса цѣлы совершенно или отъ холоду, ибо склепъ изнутри весь во льду, равно и гробъ, или отъ массивности сихъ матерій, но тѣла однѣ кости цѣлы, впрочемъ, всѣ распались и всѣ черны и отчасти

плесневы. И такъ моя къ вашему высокопреосвященству просьба въ томъ: внушить секретно членамъ, чтобы не назначили свидѣтельства, а только чтобы дозволили переложить въ новый гробъ и перенести на новое мѣсто секретно. Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга архіепископъ Евгеній. 1826, іюня 19.

«P. S. Написавши сіе, передумалъ и рѣшился написать и къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Серафиму по секрету, но есть иное здѣсь, чего тамъ нѣтъ. Прошу пояснять, что нужно¹⁾»).

Сообщ. А. А. Титовъ.

Ростовъ, 1885 г. дек. 30.

¹⁾ Юаннъ Максимовичъ, воспитанникъ кіевской академіи; 1680 г.—печерскій іеромонахъ; съ 1697—черниговскій архіепископъ; съ 1712—митрополитъ тобольскій; прославился своимъ благочестіемъ. Скончался въ 1715 году. Почти всѣ сочиненія его писаны стихами

ФИЛАРЕТЪ и ИННОКЕНТІЙ.

Памятная записка 1848 г. для будущаго ¹⁾.

Часто слыхаль я нареканіе на митрополита Филарета, будто онъ былъ виною гоненія на преосвященнаго Иннокентія пензенскаго; но я имѣлъ также случай слышать его оправданіе и желалъ бы передать это потомству, для того, чтобы ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія не падала на столь благочестиваго мужа.

На другой день послѣ погребенія княгини Софьи Сергѣевны Мещерской, которую онъ самъ вызвался отпѣвать, съ христіанскою къ ней любовію, я обѣдалъ у владыки и, говоря съ нимъ о добродѣтеляхъ покойной, сказалъ ему:

— Я видѣлъ, что вы были очень тронуты, когда посыпали лице ея землю, и я понималъ ваше чувство, потому что вы любили императора Александра I и она пользовалась его любовію. Это былъ союзъ, соединявшій васъ, и въ ея лицѣ какъ будто отходилъ въ могилу предъ вами послѣдній присный остатокъ вѣка Александра.

Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ: «я, дѣйствительно, любилъ и уважалъ княгиню и она, кажется, была ко мнѣ благосклонна, но не въ то время, когда пользовалась милостями государя и принимала участіе въ дѣлахъ духовныхъ, потому что тогда она подозрѣвала меня въ гоненіи противъ Иннокентія».

— Я слышалъ столько различныхъ сужденій объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ я владыкѣ, что мнѣ хотѣлось бы отъ васъ лично получить объясненіе моему недоумѣнію.

¹⁾ Изъ Сборн. моей библ. № 2671.

Митрополитъ весьма просто и откровенно сталъ рассказывать вслухъ при двухъ служителяхъ, которые были за столомъ.

— «Часто случается, что когда не узнаютъ во всей подробности дѣла, оно даетъ поводъ къ неправильному подозрѣнію. Я всегда былъ хорошъ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ и, когда можно, предостерегалъ его; но часто ревность увлекала его за предѣлы осторожности. Я говорилъ ему: намъ двумъ, архимандритамъ Юрьевскому и Пустынскому, не спасти церковь, если въ чемъ есть погрѣшности, а лучше обращаться къ преосвященному митрополиту Михаилу, котораго господь имѣетъ болѣе силы, нежели наши оба. Въ то время появился переводъ Шеллинговой книги: «Побѣдная пѣснь или истолкованіе апокалипсиса», въ которой изъясненія первыхъ пяти печатей были, дѣйствительно, замѣчательны, но, впрочемъ, вся книга была проникнута духомъ протестантства, особенно тамъ, гдѣ дѣло шло о соборахъ. Преосвященный Иннокентій сильно возревновалъ противъ этой книги, но я успокоилъ его тѣмъ, что она пропущена свѣтскою цензурою и слѣдовательно лежитъ не на нашей отвѣтственности. Появилось и возраженіе на сію книгу Смирнова, весьма рѣзкое, но мало толковое подъ заглавіемъ: «Вопль жены, облеченной въ солнце». Преосвященный Иннокентій хотѣлъ пропустить сію рукопись, но я удержалъ его, чтобы не произвести напраснаго волненія, и митрополитъ Михаилъ одобрилъ мое мнѣніе. Нѣсколько времени спустя, когда я отлучился для обозрѣнія семинаріи, преосвященный Иннокентій, будучи огорченъ нѣкоторыми статьями «Сіонскаго Вѣстника», который былъ издаваемъ вице-директоромъ академіи Лабзинымъ, написалъ рѣзкое письмо къ князю Александру Ник. Голицыну и совѣтовалъ ему стараться залечить раны, которыми онъ самъ уязвилъ церковь. Князь Голицынъ принесъ письмо къ митрополиту; представлялъ его суду рѣзкость выраженія, и митрополитъ съ большимъ трудомъ могъ убѣдить архимандрита идти просить извиненія у князя, по крайней мѣрѣ на томъ основаніи, что если ревность его и справедлива, но не его дѣло было упрекать князя. Князь примирился съ Иннокентіемъ, но, конечно, это могло оставить непріятное впечатлѣніе въ его сердцѣ. Въ томъ же 1815 году появилась книга Станевича—«Плачь надъ гробомъ младенца», въ опроверженіе «Сіонскаго Вѣстника», но въ ней заключалось много выраженій слишкомъ оскорбительныхъ для предрержащей власти и вообще для духа правленія того времени. Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и лежалъ больной, а потому не обратилъ долж-

наго вниманія на тетради, которыя посылалъ ему постепенно Станевичъ. На мою бѣду я посѣтилъ его во время болѣзни, когда рукопись лежала у него на столѣ.

— «Знаете-ли вы сію рукопись?» спросилъ онъ.

«Я взглянулъ на заглавіе и оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая найти въ ней ничего особенно замѣчательнаго; чрезъ нѣсколько дней она явилась въ свѣтъ и произвела много шума.

«Въ тотъ самый день, когда я ее получилъ, князь Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками; какъ видно, кто нибудь за-благовременно старался поднести ему такой экземпляръ.

— «Знаете-ли вы эту книгу—спросилъ меня князь: она исполнена непріязненныхъ мнѣній и я хочу доложить о ней государю; какъ могъ Иннокентій пропустить ее?»

«Я старался извинить моего товарища предъ княземъ его нездоровьемъ и просилъ удержаться отъ доклада государю для того, чтобы мнѣ дать время просмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатавъ листы. Съ трудомъ согласился на это князь, потому что онъ сильно былъ предубѣжденъ. Дѣйствительно, я самъ изумился тому, что нашолъ въ этой книгѣ, и поспѣшилъ съ нею къ Иннокентію; онъ отвѣчалъ мнѣ коротко, что готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе. Я пошелъ къ митрополиту просить его, чтобы онъ какъ нибудь помогъ дѣлу. Митрополитъ оставилъ у себя книгу и два дня не раскрывалъ ее. На третій день я опять пришолъ къ нему и насильно почти заставилъ выслушать нѣкоторые отрывки. Митрополитъ осуждалъ почти каждое слово, я-же сказалъ ему:

— «Оставимъ то, что безтолково, исправимъ только то, что можетъ принести намъ вредъ, и перепечатаемъ листы на собственный нашъ счетъ, если не захочетъ авторъ».

«Митрополитъ опять оставилъ у себя книгу и прошла еще недѣля; а между тѣмъ князь Голицынъ доложилъ государю и въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, въ уваженіе его заслугъ, епископомъ оренбургскимъ. Нельзя было почитать такое возвышеніе за гоненіе, а только удаленіе изъ столицы и холодный климатъ епархіи могли быть для него тягостны. Но митрополиту Михаилу было особенно больно то, что въ первый разъ, безъ избранія синодальнаго, назначался епископъ прямо отъ императора, вопреки церковнаго порядка; онъ замѣтилъ объ этомъ князю въ присутствіи

синода и сказалъ, что на этотъ разъ можно оправдать это тѣмъ, что архимандритъ Иннокентій былъ уже представляемъ однажды отъ синода, въ числѣ кандидатовъ на архіерейскую кафедру; онъ просилъ его, однако, перевести въ епархію болѣе благопріятную по климату, и это было исполнено. Преосвященный Иннокентій былъ назначенъ въ Пензу; однако, мнѣ кажется, и ему внушили нѣкоторое чувство недовѣрчивости ко мнѣ, потому что въ тѣхъ его письмахъ, которыя мнѣ доставила покойная княгиня Мещерская, еще въ нынѣшнемъ году, и которыя были напечатаны, онъ пишетъ къ ней обо мнѣ: «Преосвященный Филаретъ говоритъ, будто я упалъ духомъ, но знаютъ-ли онъ, что я никогда и не возвышался духомъ». Теперь судите сами степень моей вины, и справедливы-ли тѣ нареканія, какія вы слышали».

Съ такимъ смиреніемъ заключилъ Филаретъ смиренно начатую имъ бесѣду, и я всталъ изъ-за его дружелюбной (бесѣды) трапезы еще съ бѣльшимъ къ нему уваженіемъ, если только это возможно.

(Записано Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ).

Москва, 8-го октября 1848 г.

Сообщ. А. А. Титовъ.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу,

1863—1878 гг.

1878 г. ¹⁾.

Paris. Понедѣльникъ, 29-го (17-го) апрѣля.

Любезный братъ, пишу тебѣ въ Москву, ибо узналъ отъ своего управляющаго, что ты туда уѣхалъ (значить тебѣ полегчало, чему я порадовался); я пишу тебѣ изъ постели, въ которой я лежу вотъ уже 12 день, по милости сильнѣйшаго припадка подагры въ обоихъ колѣнахъ—и сколько еще пролежу—неизвѣстно; въ послѣдній разъ я отдежурилъ 38 дней. Перспектива невеселая. Какъ только я въ состояніи буду ходить—уѣду въ Карлсбадъ, а оттуда—въ Россію.

Недавно я продалъ свою коллекцію картинъ—и потерпѣлъ поражение въ родѣ Ватерлоо. Думалъ потерять 6,000, а потерялъ 12,000. Впервыхъ, время выбралъ скверное, а вовторыхъ — меня подвели, т. е. надули: дали мнѣ для выставки и продажи три послѣднихъ дня на Святой недѣлѣ, когда никто ничего не покупаетъ. Ну, чортъ съ ними!

Послѣ завтра здѣсь открывается выставка; говорятъ—чудеса небывалыя. Я буду въ это время лежать въ постели.

Paris. Вторникъ, 7-го мая (25-го апрѣля).

Любезный братъ, сію минуту получилъ твое письмо изъ Тургенева отъ 2 мая (20-го апрѣля). Мой управляющій почему-то написалъ мнѣ, что ты уѣхалъ въ Москву—и мое послѣднее письмо было туда направлено;

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 313—336; сентябрь, стр. 495—510; т. XLVIII, октябрь, стр. 126—142; декабрь, стр. 613—632.

авось оно не пропадетъ, какъ то, которое обронилъ твой кучеръ. Я было возрадовался вѣсти о твоёмъ отъѣздѣ: я заключилъ изъ этого, что тебѣ лучше стало; но, къ сожалѣнію, я вижу, что твое здоровье все *in statu quo*. Кстати, если уже эта рана не хочетъ зажить, развѣ ты не можешь ходить этой ногой, обувъ ее въ бархатный сапогъ даже со взрѣзомъ на больномъ мѣстѣ? Я такіе сапоги видалъ неоднократно. Мой знакомый (въ Петербургѣ) Т*** постоянно ходитъ съ довольно значительной ранкой на щиколодкѣ. Надо-бы подумать объ этомъ: не все-же тебѣ лежать. Если до тебя дошло мое московское письмо, то ты уже знаешь, какимъ Ватерлоо разыгрался мой картинный аукціонъ. Двѣнадцать тысячъ франковъ чистой убыли—вотъ что мнѣ стоила эта фантазія!

Тебѣ также, вѣроятно, извѣстно, что меня опять посѣтила подагра. Вотъ скоро 3 недѣли, какъ я не выхожу изъ комнаты; двѣ недѣли пролежалъ въ постели—и теперь съ трудомъ таскаюсь на костыляхъ. Собственно такъ называемая жизнь одинаково кончена—какъ для тебя, такъ и для меня.

Тѣ-же самые господа, что трунять надо мною за то, что я не пишу—ругали меня прежде за то, что я не перестаю писать. Все это никакого значенія не имѣетъ, и пускай господа сатиристы изощряютъ на мнѣ свои зубы. Что-же касается до *gouttes de maux contemporains russes* ¹⁾—то ты можешь быть вполне увѣренъ, что я ничего подобнаго не пишу и не буду писать ни на какомъ языкѣ ибо слишкомъ радъ той чистой отставкѣ изъ литературнаго омута, которую я самъ себѣ опредѣлилъ. Я скоро позабуду, что я былъ когда-то сочинителемъ. Я отсюда выѣзжаю черезъ 3 недѣли (если подагра позволить) прямо въ Карлсбадъ, а оттуда черезъ Варшаву или Динабургъ въ Москву и въ деревню, куда я прибуду въ концѣ іюля и гдѣ буду имѣть удовольствіе увидѣть и обнять тебя.

Paris. Понедѣльникъ, 20-го (8-го) мая.

Любезный братъ, получивъ твое письмо и вставъ на ноги (что до сихъ поръ было почти невозможно по случаю подагры)—я отправился къ здѣшнимъ богатымъ парижскимъ жителямъ—Тургеневымъ (сыновьямъ Николая Ивановича), которые всю свою жизнь, интеллигенцію, всѣ силы свои безвозвратно посвятили лошадямъ, конхъ имѣютъ на конюшнѣ штукъ 20. Второй Тургеневъ, Петръ, считается, кромѣ того, первымъ

¹⁾ Романа изъ современныхъ русскихъ нравовъ.

кучеромъ Парижа. Я изложилъ имъ, какъ знатокамъ, желаніе г. Малярскаго. Вотъ ихъ отвѣтъ: наилучшій першеронскій жеребецъ стоитъ 6,000 или 6,500 франковъ. Пересылка придется въ 1,500. Стало бытъ максимумъ нужныхъ денегъ 8,000 фр. Такъ какъ жеребецъ не будетъ нуженъ раньше будущаго февраля—то покупка можетъ совершиться осенью. До тѣхъ поръ я тебя увижу въ Тургеневѣ. А тогда мы переговоримъ окончательно. Покупку и отправку можно съ полною увѣренностью поручить Тургеневымъ—*qui tiendront à cœur de se rendre ce service* ¹⁾).

Понедѣльникъ, 27-го мая.

Письмо это замѣшчалось цѣлую недѣлю, въ чемъ прошу извинить меня; но такъ какъ дѣло не къ спѣху—то бѣды большой нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ я успѣлъ получить отъ тебя второе письмо, изъ котораго съ удовольствіемъ узналъ, что ты, какъ ни какъ—а ходишь; а также пришло важное извѣстіе о конгрессѣ въ Берлинѣ и возможности мира. Посмотримъ, что будетъ; первый результатъ—поправка нашего курса.

Я отсюда выѣзжаю 7-го или 8-го іюля нов. ст., ѣду прямо въ Карлсбадъ и оттуда напишу тебѣ. Вѣроятно, я опять остановлюсь въ König v. England.

Буживаль. Суббота, 1-го (13-го) іюля.

Любезный братъ, какъ ты можешь видѣть изъ заголовка этого письма, я зажилъ здѣсь гораздо долѣе, чѣмъ думалъ. Но это не только не отложило наше свиданіе, а напротивъ—ускорило его, такъ какъ я теперь въ Карлсбадъ не ѣду, а прямо отправляюсь въ Россію. Въ концѣ будущей недѣли—я въ Петербургѣ, а нѣсколько дней спустя—въ Спасскомъ и въ Тургеневѣ. Надѣюсь застать тебя тамъ и въ лучшемъ состояніи здоровья, чѣмъ то, въ которомъ ты находился въ теченіи послѣдней зимы. Надо будетъ обо многомъ переговорить.

Изъ нѣсколькихъ записокъ Ивана Сергѣевича къ брату видимъ, что 27-го іюня онъ прибылъ въ Петербургъ, 4-го августа былъ въ Москвѣ, 10-го августа—въ Спасскомъ, въ исходѣ сентября находился уже въ Буживалѣ.

¹⁾ Которые окажутъ эту услугу.

Буживаль. Les Frênes. Середа, 6 ноября (25 октября).

Любезный братъ, сейчасъ получилъ твое письмо отъ 16 (28) октября. Мнѣ очень жаль, что ты послѣ благополучной поѣздки въ Одессу опять занемогъ. Впрочемъ, геморрой никогда не считался опасною болѣзнью; оно скучно и утомительно—но медицина умѣетъ прекращать эти припадки. Вотъ, что касается Маляревскаго—это гораздо хуже: болѣзнь его трудно излечивается, особенно при его нервной подвижности. Тутъ помогаетъ только одно: полная неподвижность—и терпѣніе.

Я пока не могу пожаловаться. Подагра молчитъ, сердце немного пошаливаетъ—въ физическомъ смыслѣ, но съ этимъ должно примириться. Мы послѣ завтра переѣзжаемъ въ Парижъ, 50, rue de Douai—на жительство.

Удивляюсь тѣмъ фізіономистамъ, которые нашли такое необычайное сходство между тобою и мною. Видно репортеру нечѣмъ было наполнить столбецъ газеты.

Н. А. Щепкинъ явится къ тебѣ вскорѣ послѣ полученія тобою этого письма и вручить тебѣ еще 500 р. процентовъ денегъ за нынѣшній годъ; я не въ состояніи сдѣлать теперь больше и надѣюсь, что ты еще потерпишь и не потребуешь немедленной уплаты.

У васъ, ты пишешь, осень отличная, а у насъ непрерывные дожди. Вообще климатъ Европы словно подвергается измѣненію съ нѣкоторыхъ поръ—и климатъ Россіи идетъ въ гору, чего нельзя сказать о нашихъ фондахъ.

Paris. Четвергъ, 26 (14) декабря.

Любезный братъ, получилъ я твое невеселое письмо съ недѣлю тому назадъ и пришелъ въ нѣкоторое смущеніе; но сегодня получилъ я письмо отъ Щепкина, который мнѣ пишетъ, что онъ видѣлъ тебя, и что ты поправляешься: у меня отлегло отъ сердца. За то удивило меня извѣстіе, что все семейство Маляревскихъ уѣзжаетъ на зиму въ Петербургъ, а ты остаешься одинъ въ деревнѣ. Тутъ что нибудъ не такъ. Какъ-же ты это останешься одинъ? Отчего-же тебѣ не переѣхать хоть въ Москву? Какъ бы ни были плохи дѣла—vous pouvez vous le permettre¹⁾). Разъясни мое недоумѣніе. Меня тоже подагра

¹⁾ Ваши средства это вамъ дозволяютъ.

поломала—8 мѣсяцевъ молчала, а 10 дней тому назадъ нагринула, да съ такой силой, что только держись. Сегодня въ первый разъ всталъ и хожу на костыляхъ. Спасибо хоть за то, что въ одномъ колѣнѣ. Вообще, я полагаю, припадокъ будетъ непродолжительный.

Бѣднаго Порфирія, точно, жалко. Vous ferez une bonne oeuvre en lui venant en aide ¹⁾. Я помогалъ, насколько было возможно. А почему онъ до этого дошелъ—дѣло простое: Jeder muss Hammer oder Amboss sein ²⁾. П. родился «наковальной» и въ него валили всё: жена, родные и пр.

Пріѣздъ мой въ Россію нѣсколько отложенъ. Но, все таки — въ мартѣ мѣсяцѣ я тамъ, т. е. въ Петербургѣ. Удивительныя дѣла совершаются на родинѣ или, говоря точнѣе, удивительная катавасія ³⁾!

Здѣсь и въ частности, и въ общемъ все идетъ изрядно. Скоро только въ одной Франціи и будетъ тихо. Что и требовалось доказать.

Это письмо къ брату было послѣднее: въ первыхъ числахъ января 1879 года Николай Сергѣевичъ Тургеневъ скончался. Смерть его сопровождалась крайне возмутительными обстоятельствами, о которыхъ даютъ понятія слѣдующія письма Ивана Сергѣевича Тургенева къ Н. А. Щепкину, сообщенныя намъ самимъ получателемъ.

Сію минуту полученное мною ваше письмо отъ 8-го января ⁴⁾ наполнило меня горестію и негодованіемъ. Какъ? бѣдный мой братъ уже съ конца прошлаго года былъ безнадеженъ; доктора даже предсказывали близкую его кончину, а г. Маляревскій не только не извѣстилъ васъ, но даже мнѣ послалъ телеграмму не раньше кануна смерти, и то изъ Петербурга, и то со словами: докторъ подаетъ мало на-

¹⁾ Вы сдѣлаете доброе дѣло, оказавъ ему помощь.

²⁾ Каждый долженъ быть молотомъ, либо наковальной.

³⁾ Тургеневъ говоритъ о беспорядкахъ, произведенныхъ анархистами въ средѣ студентовъ. Вотъ какъ четыре мѣсяца спустя Иванъ Сергѣевичъ отзывался о дѣйствіяхъ анархистовъ, а именно, 5-го апрѣля 1879 года, по случаю злодѣйскаго покушенія Соговьева, Иванъ Сергѣевичъ писалъ Я. П. Лонскому (Первое собраніе, № 279, стр. 343—344): «Послѣднее безобразное извѣстіе меня сильно смутило: предвижу, какъ будутъ иные люди эксплуатировать это безумное покушеніе во вредъ той партіи, которая, именно, вслѣдствіе своихъ либеральныхъ убѣжденій, больше всего дорожитъ жизнью Государя, такъ какъ только отъ него и ждетъ спасительныхъ реформъ: всякая реформа у насъ въ Россіи, не сходящая свѣше—немыслима. Все это прекрасно... но въ результатъ выйдетъ то, что именно эта партія и пострадаетъ. Одна надежда на спокойный духъ и благоразуміе самого Государя. Очень я этимъ взволнованъ и огорченъ.. Вотъ двѣ ночи какъ не сплю, все думаю, думаю—и не до чего додуматься не могу».

⁴⁾ 1879 г.

дежды—а братъ уже былъ въ агоніи! Очевидно, все это было прилажено съ той задней мыслью, какъ-бы я не пріѣхалъ и не повліялъ на брата на счетъ завѣщанія. Могу увѣрить г. Маляревскаго, что я совершенно равнодушенъ къ денежному вопросу и охотно предоставляю ему пользоваться всѣмъ, что братъ ему оставилъ; но что я никогда ему не прошу, это то, что онъ лишилъ меня возможности, хотя письменно или по телеграфу выразить мое сочувствіе брату, проститься съ нимъ; я не прошу ему того, что, по его милости, братъ, на смертномъ одрѣ, могъ подумать, что я его забываю—и что можетъ быть онъ умеръ съ этой мыслью! Это глубоко-возмутительный поступокъ и вопліѣ достойный человѣка, котораго М. Н. Муравьевъ употреблялъ чуть-ли не въ роли палача! Умѣлъ-же онъ дать знать Н. П. Тургеневу. Очевидно, онъ боялся, что вы сообщите мнѣ объ опасномъ положеніи брата. И эта гнусная хитрость—посылать мнѣ телеграмму изъ С.-Петербурга (вѣроятно черезъ свою жену) для того, чтобы я подумалъ: видно, опасность еще не такъ велика, коли М. остается въ Петербургѣ!

Впрочемъ, мнѣ гадко говорить больше объ этомъ. Пусть онъ справляется съ своею совѣстью, если только у него имѣется таковая.

Вполнѣ одобряю всѣ ваши распоряженія — и какъ только получу проектъ довѣрительнаго письма, немедленно вамъ его вышлю. Прошу васъ также узнать съ достовѣрностью отъ г. Маляревскаго (который даже не счелъ нужнымъ увѣдомить меня о кончинѣ брата), когда, именно, произойдутъ похороны въ Москвѣ? Если только здоровье мое позволитъ, я непременно хочу на нихъ присутствовать. Прошу васъ извѣстить меня объ этомъ телеграммой. Такъ какъ гробъ будетъ закрытъ на-глухо въ Тургеневѣ, то нѣтъ никакой причины торопиться похоронами. Русскихъ, умирающихъ за границей, хоронятъ иногда въ Россіи два, три мѣсяца спустя. Я требую отъ г. Маляревскаго немедленнаго извѣщенія; мнѣ кажется даже, что назначеніе дня похоронъ зависитъ отъ меня, какъ единственнаго законнаго наслѣдника; въ такомъ случаѣ я требую, чтобы мнѣ былъ сдѣланъ запросъ—и я отвѣчу телеграммой. Все это меня очень взволновало; но здоровье мое поправилось, т. е. подагрическій припадокъ почти совсѣмъ прошелъ—и я дней черезъ 10 могъ-бы выѣхать.

Благодарю васъ за хлопоты; кланяюсь всѣмъ вашимъ и жму вамъ руку.

Парижъ Среда, 29 (17) января.

Получивши ваше письмо, я немедленно переписалъ довѣренность, засвидѣтельствовавъ ее въ консульствѣ, и отправилъ въ Петербургъ къ г. Стасюлевичу, редактору «Вѣстника Европы», который, засвидѣтельствовавъ подпись консула въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, немедленно препроводить ее въ Спасское, на ваше имя. Вполнѣ полагаюсь на вашу распорядительность и благодарю за уже сдѣланное.

Нѣтъ сомнѣнiя, что г. NN поступилъ со мною самымъ постыднымъ образомъ; полагаю также, что онъ былъ весьма способенъ похитить тѣ 20,000 руб., о которыхъ вы пишете. Одно мѣсто въ вашемъ письмѣ возбудило мое недоумѣнiе: какая это населенная земля въ Мценскомъ уѣздѣ при селѣ Долгомъ, которая не вошла въ завѣщанiе и, потому, должна достаться мнѣ? Сколько мнѣ извѣстно—Долгое братомъ продано. Не хотѣли-ли вы сказать Сычево? Или Сычево также продано г-ну Маляревскому, какъ Тургенево? Сомнѣваюсь я, чтобы братъ сдѣлалъ это при жизни. Вѣроятно, г. Маляревскiй сказалъ бы вамъ это, какъ сказалъ о Тургеневѣ. Если братъ, за мѣсяць до смерти, получилъ 28,000 р., то невозможно предполагать, чтобы онъ ихъ роздалъ; онъ совсѣмъ не былъ такимъ щедрымъ человѣкомъ—и кому-бы онъ ихъ далъ? Самъ я выѣзжаю отсюда черезъ 10 дней—и черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ надѣюсь быть въ Москвѣ, а тамъ и въ Спасскомъ; но до того времени вы не упустите принять надлежащiя мѣры. Извѣстите меня телеграммою, какъ только получите довѣренность. Я четвертаго дня отправилъ телеграмму на счетъ похоронъ моего брата; но изъ вашего письма я вижу, что они рѣшились ускорить дѣло и похороны произойдутъ безъ меня. Я вамъ также написалъ письмо со вложеннымъ письмомъ для г.*** которое я просилъ васъ прочесть; если-бы я зналъ, чтѣ онъ за птица—я-бы совсѣмъ къ нему не писалъ. Если-бы, паче-чаянiя, вы-бы этого письма еще не отдавали, то оставьте его у себя. Пишу вамъ въ Спасское—хотя вы мнѣ говорите, что ѣдете въ Москву; такъ будетъ вѣрнѣе. Повторяю, что если Сычево не было продано братомъ при жизни Маляревскому и не записано въ завѣщанiи—то оно должно поступить въ мое владѣнiе—и, въ такомъ случаѣ, не худо-бы наложить на это имѣнiе временное запрещенiе—какъ-бы оттуда что не вытащили, не продали гѣса и т. п., но можетъ быть также, что оно продано; тогда слѣдуетъ Маляревскому предъявить купчую.

Оканчивая свое письмо, повторяю, что вполнѣ на васъ полагаюсь и заранѣе прошу принять выраженiе моей благодарности.

Paris. Суббота, 8-го февраля (27 го января).

Сейчасъ получилъ ваше страховое письмо отъ 23-го января изъ Спасскаго — и прежде всего благодарю васъ за разумное рѣшеніе удержать мое письмо къ г. NN (впрочемъ, я уже писалъ вамъ объ этомъ). Этотъ господинъ не стоитъ того, чтобы обращались съ нимъ какъ съ порядочнымъ человѣкомъ. Прошу васъ это письмо немедленно истребить. Изъ всего сказаннаго вами явствуетъ, что мнѣ слѣдуетъ отправиться въ Россію самому. Я выѣзжаю отсюда черезъ 3 дня и если ничего не случится со мною на дорогѣ, надѣюсь прибыть въ Москву не позже 6-го февраля нашего стilia. Если вамъ придется о чемъ нибудь меня извѣстить—пишите мнѣ въ Петербургъ (я черезъ Петербургъ поѣду) въ редакцію «Вѣстника Европы», Галерная ул., № 20.

Изъ Петербурга я вамъ тотчасъ дамъ знать по телеграфу—и мы съѣдемся въ Москвѣ, гдѣ я попрежнему остановлюсь у Маслова.

Полагаю, что вы теперь уже получили отправленную къ вамъ довѣренность и заявили ее гдѣ слѣдуетъ; но до моего пріѣзда не принимайте никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

P. S. О времени моего пріѣзда вы можете, буде нужно, заявить въ тульскомъ окружномъ судѣ и т. д.

С.-Петербургъ, Европейская гостинница, № 194. Пятница, 9 марта.

Я пріѣхалъ сюда вчера, но обѣщаннаго письма отъ вашего батюшки не нашель, а оно очень важно. Я остаюсь здѣсь еще 8 дней, до будущей субботы. Вы успѣете еще мнѣ доставить это письмо, а также и деньги, если окажутся у васъ свободныя.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы я узналъ, что Маляревскій опасно заболѣлъ воспаленіемъ въ легкихъ, вслѣдствіе чего все наше дѣло откладывается въ долгій ящикъ; также, что касается до утвержденія правъ на наслѣдство, то оно совершится не ранѣе 6-ти мѣсячнаго срока послѣ послѣдней публикаціи. Все это очень неприятно, но дѣлать нечего. Все таки, я полагаю, вамъ было-бы недурно, въ теченіи будущей недѣли, пріѣхать въ Москву, чтобы убѣдиться въ положеніи г. Маляревскаго, а также, если возможно, переговорить съ нимъ на счетъ движимости.

Мнѣ совѣтывалъ одинъ адвокатъ, чтобы я или мой повѣренный (т. е. вы), не дожидаясь утвержденія на права наслѣдства, представилъ-бы во Мценскѣ просьбу на утвержденіе меня опекуномъ надъ

Долговской землей—въ чемъ они отказать не могутъ-- и тогда возможно было-бы, не теряя времени, приступить къ хлопотамъ здѣсь, на счетъ устройства и выдачи выкупной суммы. Весьма жаль, что я не имѣю письма вашего батюшки съ точнымъ обозначеніемъ лишь—къ кому надо обратиться и подробностей на счетъ самаго дѣла, т. е. когда было отказано и т. д. Повторяю, если вы не будете мѣшкать, вы еще успѣете—а также выслать мнѣ деньги.

Въ будущую субботу, т. е. 17-го марта, я выѣзжаю въ Парижъ.

Ив. Тургеневъ.

Именно, первая половина марта 1879 года, когда хлопоты по наслѣдству, матеріальныя, прозаическія заботы занимали все вниманіе Ивана Сергѣевича—именно, въ эту эпоху его жизни—Москва и Петербургъ, представители стараго и новаго поколѣній, почтили великаго нашего писателя цѣлымъ рядомъ овацій, какихъ до него еще не удостоивался ни одинъ изъ русскихъ писателей. Наша интеллигенція и публика какъ-бы желали доказать Тургеневу, что онъ не забыть Россію, оцѣненъ по заслугамъ и если, какъ онъ выражался въ своихъ письмахъ, «давно подалъ въ отставку изъ литературы»—то, какъ заслуженный фельдмаршалъ—съ мундиромъ, лаврами и всѣми почестями, подобающими его высокому сану. Въ мартѣ 1879 года Иванъ Сергѣевичъ убѣдился, что соотечественники его помнятъ и любятъ. Рядъ овацій начался торжествомъ въ обществѣ любителей словесности при московскомъ университетѣ; затѣмъ—публика привѣтствовала его въ театрѣ; въ Петербургѣ въ его честь данъ былъ литературный обѣдъ въ ресторанѣ Бореля; 9 и 16 марта въ Благородномъ Собраніи происходили литературныя чтенія, въ которыхъ принималъ участіе Тургеневъ. Здѣсь, равно какъ и 15 марта въ помѣщеніи педагогическихъ и высшихъ женскихъ курсовъ, русская молодежь увѣнчала его лаврами,—лаврами примиренія, доказавшими Ивану Сергѣевичу, что онъ неосновательно обвинялъ наше молодое поколѣніе не только въ равнодушіи, но какъ бы въ ожесточеніи къ нему. Приводимъ выдержки изъ нѣкоторыхъ отвѣтныхъ рѣчей ветерана русскаго слова его будущимъ дѣателямъ:

— «Въ сравненіи съ нами, молодое поколѣніе, конечно, сдѣлало много шаговъ впередъ и до нѣкоторой степени подготовило себя къ той будущности, на которую я указывалъ; но только—до нѣкоторой степени. Надо докончить начатое и докончить прямо, честно—по от-

крытому пути. Задача его, правда, сложнѣе и труднѣе нашей. Тогда вся сознательная жизнь общества текла, если можно такъ выразиться, по одному руслу; теперь—она развѣтвилась или готовится развѣтвиться, какъ оно и слѣдуетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ государства. Сочувствую всѣмъ стремленіямъ молодежи и полагаю, что она хорошо дѣлаетъ, сближаясь съ нами; есть чему ей поучиться и у насъ, стариковъ. Во всякомъ случаѣ, отъ души желаю, чтобы она такъ-же честно и серьезно, такъ-же избѣгая напрасныхъ увлеченій вдаль и по сторонамъ, но и не отступая такъ-же и ни шагу назадъ—относилась къ своимъ задачамъ, какъ это дѣлали иные изъ моихъ сверстниковъ, имена которыхъ проложили славный слѣдъ въ исторіи народнаго просвѣщенія».

— «Для начинающаго писателя, сочувствіе молодаго поколѣнія, его сверстниковъ—конечно, драгоцѣнно: оно служить ему сильнымъ поощреніемъ; но для писателя старѣющаго, уже готовящагося покинуть свое поприще, это сочувствіе, такъ выраженное, есть—скажу прямо—величайшая, единственная награда, послѣ которой уже ничего не остается желать. Оно доказываетъ ему, что жизнь его не прошла даромъ; труды его не пропали; брошенное имъ сѣмя—дало плодъ!»

Въ рѣчи своей на литературномъ обѣдѣ въ Петербургѣ, отвѣчая Д. В. Григоровичу, Иванъ Сергѣевичъ замѣтилъ, что настоящее время (1879 г.) не то, что было тогда, когда онъ написалъ «Отцовъ и дѣтей», когда проявилась вражда и рознь между слоями образованнаго общества; что въ настоящее время существуютъ идеалы для примиренія—не отдаленные, не фантастическіе, а практическіе и близкіе; что достаточно свѣта, чтобы темныя силы, выражавшіяся преступленьями и другими прискорбными явленіями, снова упали въ ту тьму, изъ которой вышли пораженные свѣтомъ; что эти явленія невозможно отождествлять съ понятіемъ, которое выражаетъ собою молодежь; что правительство, которому одному, по праву, принадлежитъ руководство обществомъ, можетъ оцѣнить настоящій моментъ и провозвести тѣ реформы, которыя соединять разрозненные теперь силы».

Мы напомнили о торжествѣ Тургенева, при которомъ два поколѣнія, люди противоположныхъ мнѣній и убѣжденій, дружно подали руки другъ другу и слились въ одинъ общій голосъ для выраженія своего сочувствія писателю—не молодыхъ лѣтъ, но юному душою и дѣтски добросердечному. Казалось, что ропотъ на автора «Отцовъ и дѣтей» и «Нови» затихъ навѣки; но въ исходѣ 1880 года онъ опять возобновился еще злѣе и ожесточеннѣе прежняго. Поводъ къ тому подала, именно, доброта Ивана Сергѣевича, побудившая его къ поступку, юно-

шески опрометчивому. Приводимъ этотъ печальный фактъ послѣднихъ годовъ его жизни въ двухъ выдержкахъ изъ собственныхъ писемъ Тургенева Я. П. Полонскому и князю А. И. Урусову:

— «Ругательныя статьи во всѣхъ газетахъ, градъ анонимныхъ писемъ и пр. осязательно доказали мнѣ, что, обращаясь къ россійской публикѣ за нѣсколькими грошами въ пользу памятника моему другу Флоберу—я сдѣлалъ глупость. И, потому, остается мнѣ просить тебя и тѣхъ изъ твоихъ литераторовъ-пріятелей, которые не полагаютъ, что я с..... с..., отдать келейно свою лепту Стасюлевичу, который мнѣ ихъ перешлетъ. А я беру небо въ свидѣтели, что я не положу этихъ денегъ себѣ въ карманъ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ намековъ моихъ корреспондентовъ»¹⁾.

.....«Признаюсь вамъ», писалъ онъ князю А. И. Урусову²⁾—«пріемъ, встрѣченный мною въ россійской публикѣ по поводу запроса нѣсколькихъ грошей на его (Флобера) памятникъ, меня обезкуражилъ. Представьте: не только статьи во всѣхъ журналахъ, но и анонимныя письма посыпались на меня, негодующія, оскорбленныя и просто ругающія—точно я бездѣльничество какое совершилъ! Все это, вмѣстѣ взятое, возбудило во мнѣ чувство гадливости, доходящее нынѣ до омерзѣнія—и безъ того перо не охотно просилось въ руку—ну и Богъ съ ними, со всѣми!»

Закончимъ наши замѣтки о покойномъ его-же афоризмами о жизни, которыми онъ заключилъ свое письмо къ Я. П. Полонскому отъ 6 сентября 1882 года—за годъ до своей кончины³⁾:

— «На прощанье позволь тебѣ сообщить нѣсколько афоризмовъ, которые созрѣли во мнѣ въ теченіе уже довольно долгой жизни:

— Никогда ничево неожиданнаго не случается, ибо даже глупости имѣютъ свою логику.

— Предчувствія никогда не сбываются.

— Сообщенныя за вѣрнѣйшія извѣстія всегда ложны.

— Слѣдуетъ:

размышлять о прошедшемъ; удовлетворять требованіямъ настоящаго и никогда не думать о будущемъ.

И, наконецъ, самый важный афоризмъ:

— Человѣкъ, желающій жить спокойно, никогда ничего не пред-

¹⁾ Первое собраніе, № 308, стр. 368.

²⁾ То-же—№ 310, стр. 369—370.

³⁾ То-же—№ 423, стр. 488—489.

принимай, ничего не предполагай, ничему не доверяйся и ничего не опасайся».

Въ поясненіе вышесказанному И. С. Т. замѣчаетъ ¹⁾:

— «Когда я говорилъ, что не слѣдуетъ думать о будущемъ—я этимъ не хотѣлъ сказать, что не слѣдуетъ работать для него. Неопредѣленно размышлять о немъ, ставить себѣ вопросы, сомнѣваться, тревожиться и пр.,—вотъ что не нужно. Работая для семьи, ты не думаешь объ ея будущемъ, а принимаешь мѣры для ея прокормленія. Немнительному человѣку я-бы этого афоризма не сказалъ».

И. С. Тургеневъ.

¹⁾ Первое собр., № 429 (22 сентября 1882 г.), стр. 494.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

въ 1857—1875 гг.

Воспоминанія Н. А. Бѣлозерской.

Мои воспоминанія о Н. Ив. Костомаровѣ начинаются со времени его перваго приѣзда въ Петербургъ изъ ссылки въ 1857 и прекращаются осенью 1875 года. Хотя эти восемнадцать лѣтъ представляютъ собой періодъ наибольшаго развитія его таланта и учено-литературной дѣятельности, но я не могу не жалѣть о томъ, что мое знакомство съ нимъ ограничивается этимъ временемъ. Я не знала Н. Ив. въ болѣе раннюю пору его жизни, а въ послѣдніе два года (1883—85) видѣла слишкомъ рѣдко, чтобы вывести какія либо заключенія о той перемѣнѣ, которая совершилась въ немъ подъ влияніемъ старости и болѣзни, хотя перемѣна была очевидна для всѣхъ, знавшихъ его прежде. Тѣмъ не менѣе постараюсь съ возможною точностью передать все, что припомню изъ того, что можетъ представить общій интересъ, въ смыслѣ обрисовки личности Н. Ив., его способа работы, образа жизни и отношенія къ тѣмъ или другимъ вопросамъ. О себѣ лично буду говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для объясненія писемъ Н. Ив. ко мнѣ и выдающихся чертъ его характера или личной жизни, какъ она представлялась мнѣ въ то время, когда я имѣла возможность часто видѣть его, а затѣмъ чуть ли не ежедневно при семилѣтней совмѣстной работѣ. Исключая нѣсколькихъ необходимыхъ пропусковъ, я не рѣшаюсь сокращать письма Н. Ив., потому что, не говоря уже о болѣе чѣмъ двадцатилѣтней давности многихъ изъ нихъ, это обратило бы ихъ въ сухіе безсвязные отрывки. Между тѣмъ, въ цѣломъ они весьма характерны и служатъ болѣе или менѣе живымъ выраженіемъ душевнаго настроенія и взглядовъ Н. Ив. въ ту пору его жизни.

I.

Я увидѣла въ первый разъ Н. Ив. въ 1857 году, въ нашемъ домѣ и при довольно многочисленномъ обществѣ. Въ то время уже была напечатана его статья «О Горѣ-Злосчастѣ», а «Богданъ Хмѣльницкій» печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ», такъ что его имя уже было извѣстно не въ однихъ литературныхъ кружкахъ; о немъ говорили, какъ о новомъ талантѣ, подающемъ большія надежды ¹⁾. Поэтому я обратила особенное вниманіе на Н. Ив., когда онъ пріѣхалъ къ намъ и съ невольнымъ любопытствомъ наблюдала за нимъ. Помню, что меня всего больше поразила его необычайная живость. Онъ безпрестанно вставалъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ, опять садился, говорилъ почти безъ умолку и настолько интересно, что всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Но, къ сожалѣнію, содержаніе разговора совсѣмъ изгладилось изъ моей памяти.

Въ 1858 году мнѣ приходилось довольно рѣдко встрѣчать Н. Ив., тѣмъ болѣе, что онъ почти не выходилъ изъ публичной библіотеки. Въ концѣ слѣдующаго года онъ сталъ читать лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ и съ рѣдкимъ уснѣхомъ. Каждое его появленіе на кафедрѣ сопровождалось оваціями; онъ начиналъ и кончалъ свои лекціи при громкихъ рукоплесканіяхъ; нерѣдко его выносили на рукахъ. Но какъ ни велико было поклоненіе толпы, еще больше восторгались имъ студенты и малороссы, которые гордились имъ, какъ талантомъ, появившимся среди нихъ. Тѣ и другіе окружали меня въ то время: братъ мой К. Генъ былъ студентомъ университета, я была женой будущаго редактора малороссійскаго журнала «Основы» и постоянно находилась въ обществѣ прежнихъ кievскихъ друзей Н. Ив. 1840-хъ годовъ. Обаяніе успѣха, связанное съ лекціями Н. Ив., еще болѣе усиливалось впечатлѣніемъ, производимымъ его разносторонней, богато-одаренной и въ высшей степени скромной личностью, не смотря на обширныя, основательныя знанія и огромную, даже по тому времени, начитанность. Всѣмъ нравилась его общительность и крайняя простота обращенія; онъ одинаково говорилъ съ человѣкомъ,

¹⁾ Большинству русской читающей публики были совсѣмъ неизвѣстны малороссійскіе труды Іереміи Галки, его диссертация «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», изд. въ 1838 (1839) и слѣдующихъ годахъ, а равно и первыя историческія работы на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ разныхъ журналахъ.

равнымъ себѣ по развитію, и съ двадцатилѣтнимъ юношей; если и было различіе въ самомъ содержаніи разговора, то ни въ какомъ случаѣ не въ способѣ обхожденія. Это не было исканіемъ популярности со стороны Н. Ив., потому что онъ сразу приобрѣлъ ее и въ такой степени, что не могъ желать большаго. Н. Ив. былъ тогда весь поглощенъ приготовленіемъ лекцій; и съ тѣми, кто въ состояніи былъ понимать его, только и говорилъ о нихъ. Жилъ онъ на Садовой, въ гостинницѣ Балабина и, не смотря на всѣ неудобства, дѣльный годъ не нашель возможнымъ пріискать другого помѣщенія ²⁾.

Я стала чаще видѣть Н. Ив. со времени возвращенія Шевченка въ Петербургъ, котораго онъ особенно любилъ. Въ ихъ характерахъ было много общаго: та-же живость, впечатлительность, то-же присутствіе сильнаго таланта, глубокое поэтическое чувство, любовь ко всему прекрасному и одинаковое отвращеніе отъ всякаго насилія и пошлости. Только Н. Ив. былъ чуждъ той ненависти, доходящей почти до фанатизма, которую Шевченко, какъ человѣкъ изъ народа,—испытавшій на себѣ всю тяжесть крѣпостнаго права,—чувствовалъ къ его угнетателямъ.

Особенно хороши бывали тѣ вечера, когда они являлись вмѣстѣ. Шевченко превосходно пѣлъ малороссійскія народныя пѣсни, такъ что даже не малороссы могли съ удовольствіемъ слушать его. Все, что онъ говорилъ, было продумано и прочувствовано имъ; умно и талантливо выражено. Онъ зналъ Байрона и Шекспира по русскимъ переводамъ и тщательно изучилъ ихъ, особенно послѣдняго, нерѣдко цитировалъ его и всегда кстати. Что касается Н. Ив., то, особенно въ эту пору своей жизни, онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ, и въ этомъ отношеніи выдавался среди многихъ выдающихся людей того времени, которые очаровывали своихъ слушателей живой, разнообразной и умной рѣчью.

Тогда же у Н. Ив. съ прибытіемъ матери начались вторники, которыхъ онъ держался до конца своей жизни. Вечера эти были крайне интересны: на нихъ можно было встрѣтить видныхъ представителей науки и литературы, нѣкоторыхъ изъ вызванныхъ со всѣхъ концовъ Россіи для рѣшенія крестьянскаго вопроса, и, наконецъ, ссыльныхъ, возвращенныхъ въ началѣ прошлаго царствованія. Послѣдніе вносили не малую долю оживленія въ тогдашнее общество, такъ какъ еще не успѣли свыкнуться съ благопріятной для нихъ пе-

¹⁾ См. статью Н. Ив.: «Поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко» въ «Русск. Стар.», мартъ 1880, стр. 604, а также вторую часть «Автобіографіи Н. Ив. Костомарова», напеч. въ іюн. кн. «Русской Мысли» 1885, стр. 33 Н. В.

ремѣнной судьбы и спѣшили подѣлиться мыслями, продуманными въ одиночку нерѣдко среди полнаго отчужденія отъ всякой интеллигентной среды. Широкия общія задачи, предстоящее освобожденіе крестьянъ — занимали всѣхъ; русскіе, малороссы и поляки составляли одно нераздѣльное общество. Всѣ сообща мечтали о благѣ русскаго народа и цѣлаго челоувѣчества; затрагивались политическіе, философскіе и этичскіе вопросы, толковали о нравственномъ совершенствованіи и пр. Если эти разговоры и стремленія не всегда отличались строгой опредѣленностью, но они тѣмъ не менѣе оказали благотворное вліяніе на значительную часть тогдашняго молодаго поколѣнія, въ смыслѣ дальнѣйшаго добросовѣстнаго отношенія къ наукѣ и другому взятому на себя дѣлу, въ честномъ проведеніи крестьянской и другихъ реформъ начала прошлаго царствованія.

Иногда вторники бывали настолько многочисленны, что Татьяна Петровна (мать Н. Ив.), разливавшая чай въ сосѣдней комнатѣ, едва успѣвала наполнять стаканы. Когда мнѣ случалось переходить въ эту комнату, то здѣсь для меня тотчасъ терялась нить разговора, происходившаго въ кабинетѣ, такъ какъ при шумѣ общаго говора ничего нельзя было разобрать, кромѣ отдѣльныхъ словъ.

Не менѣе интересны и живы были многія другія собранія того времени, когда по мѣткому выраженію Н. Ив. во второй части его автобіографіи (стр. 33), «встрѣчались люди и паговориться не могли. Все казалось новымъ, все занимало. Какіхъ только вопросовъ не касались, спорили, горячились»...

На ряду съ многолюдными, шумными сборищами, было не мало и болѣе интимныхъ вечеровъ, гдѣ сходились немногіе, близкіе между собой люди, и не стѣсняясь высказывали все, что имъ приходило въ голову. Этимъ собственно вечерамъ я обязана болѣе короткимъ знакомствомъ съ Н. Ив., которое скоро перешло въ неизмѣнную дружбу, продолжавшуюся много лѣтъ. Особенно сблизила насъ одновременная поѣздка въ Москву, гдѣ я видѣла Н. Ив. ежедневно въ теченіи двухъ недѣль.

II.

Въ Москвѣ жила тогда моя замужняя сестра М—цкая и пригласила меня провести у ней масланицу. Н. Ив., узнавъ объ этомъ, предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ, такъ какъ хотѣлъ воспользо-ваться первой недѣлею Великаго поста для занятій въ московскомъ архивѣ. Благоразумные люди не совѣтовали ѣхать въ первый день масланицы, когда русскій народъ болѣе чѣмъ когда либо предается пьянству. Но это предостереженіе не послужило ни къ чему, хотя оказалось вполне справедливымъ. Передъ одной изъ станцій нашъ поѣздъ на всемъ ходу налетѣлъ на запасный вагонъ, который забыли убрать съ пути, такъ что, помимо сильнаго, хотя мимолетнаго, испуга, мы довольно долго простояли на мѣстѣ. Но объ этомъ не пришлось жалѣть: въ одномъ вагонѣ съ нами ѣхалъ Вл. М. Жемчужниковъ, а въ такомъ обществѣ, какъ Кузьма Прутковъ и Н. Ив., о скукѣ не могло быть и помину. Мы проговорили всю ночь до разсвѣта, къ немалому и вполне законному негодованію нашихъ сосѣдей, но желѣзная дорога какъ будто нарочно создана для развитія всякихъ эгоистическихъ инстинктовъ.

Масланица въ Москвѣ прошла для меня какъ одинъ день. Н. Ив. пріѣзжалъ къ намъ съ утра, и мы послѣ блиновъ отправлялись все вмѣстѣ, а еще чаще только я съ Н. Ив., въ театръ, и нерѣдко два раза въ день. Тогдашняя московская сцена съ такими блестящими силами, какъ Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Колосова и др., могла удовлетворить самому требовательному вкусу. Изрѣдка выступалъ старикъ Щепкинъ при нескончаемыхъ рукоплесканіяхъ публики; хотя голосъ его уже былъ настолько слабъ, что даже въ близкихъ рядахъ креселъ трудно было разслышать его слова ¹⁾.

Не забыты была и балаганы, весьма характерные въ Москвѣ, которые мы посѣтили раза два. Кромѣ того Н. Ив. возилъ меня по городу, указывая мѣста, ознаменованныя историческими событіями; между прочимъ, ему пришла фантазія видѣть церкви, носящія особенно своеобразныя названія. Помню, мы долго ѣхали по московскимъ улицамъ, отыскивая Николау на Курьихъ Ножкахъ, пока въ сумеркахъ

¹⁾ Послѣ того мы съ Н. Ив. видѣли еще разъ Щепкина въ Петербургѣ на многочисленномъ вечерѣ у Марка Вовчка. Старикъ Щепкинъ представлялъ сцены изъ „Скупнаго Рыцаря“ и съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, что мнѣ стала понятна та слава, которой онъ пользовался столько лѣтъ.

Н. В.

наступавшаго зимняго вечера увидѣли небольшую, ничѣмъ не замѣчательную, церковь, остановились передъ ней на нѣсколько минутъ и отправились въ обратный путь, такъ какъ спѣшили домой къ обѣду.

Съ наступленіемъ Великаго поста Н. Ив. каждое утро проводилъ въ архивѣ, но обѣдалъ большей частью у насъ и оставался на вечеръ. Въ это время онъ былъ въ неизмѣнно хорошемъ расположеніи духа, а тогда его общество могло доставить дѣйствительное удовольствіе.

Въ воскресенье передъ второй недѣлею Великаго поста мы вернулись въ Петербургъ.

Эта поѣздка, повидимому, и на Н. Ив. произвела пріятное впечатлѣніе, судя по тому, что, долгое время спустя, онъ вспоминалъ о ней въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ, по поводу незначительной, но въ то время сильно огорчившей его, ссоры съ пріятелями, гдѣ онъ говорить о себѣ:

«Я сознаюсь, что иногда безъ удержу попускаю возжи своей раздражительности; это очень дурно. Меня излечить могло бы продолжительное удаленіе изъ тѣхъ сферъ, гдѣ моя раздражительность обыкла разыгрываться. Я по природѣ своей очень уступчивъ и кротокъ, но какъ только со мной поступали несправедливо, то уже съ тою сферою, откуда вышла несправедливость, нѣтъ у меня примиренія; надобно удалиться, ибо каждое соприкосновеніе съ прежнимъ дразнить меня до крайности. Вотъ было блаженное время, когда мы съ вами были въ Москвѣ. Я цѣлыхъ двѣ недѣли не раздражался. Очень мало въ жизни было мнѣ такихъ свѣтлыхъ минутъ, какъ въ то время, когда мы ѣздили въ театръ или отыскивали Николу на Курьихъ Ножахъ.—Какое было счастливое время»...

III.

Не знаю, подъ впечатлѣніемъ ли хорошо проведеннаго времени въ Москвѣ или по какимъ либо другимъ мотивамъ, но съ этихъ поръ Н. Ив. сталъ еще дружелюбнѣе относиться ко мнѣ и видимо хотѣлъ сблизиться со мною. Онъ чаще прежняго сталъ бывать у насъ, приглашалъ меня къ себѣ, велъ длинныя бесѣды; и если мы встрѣчались въ обществѣ, то старался втянуть меня въ общій разговоръ, въ которомъ неизмѣнно являлся участникомъ. Если былъ въ виду особенно хорошій концертъ или давалась его любимая опера, то онъ

присылалъ билеты мнѣ и младшей сестрѣ, жившей тогда у меня ¹⁾, или одной мнѣ, и иногда самъ заѣзжалъ за мной. При этомъ онъ всегда заранѣе извѣщалъ объ этомъ на словахъ или короткой запиской въ родѣ слѣдующей:

«Вопросъ: Можетъ ли искренно преданный вамъ покорнѣйшій вашъ слуга имѣть въ виду завлечь вашу милость въ симфоническій концертъ, въ воскресенье, гдѣ будутъ и Бетховенъ, и Моцартъ, и Глинка?

Отвѣтъ:»

Послѣ театра слѣдовалъ чай, приготовленный къ нашему приѣзду Татьяной Петровной, и Н. Ив. въ этихъ случаяхъ являлся оживленнымъ и веселымъ, подъ влияніемъ музыки и пѣнія, которое особенно любилъ. Онъ передавалъ свои впечатлѣнія, по поводу услышанной музыки, затѣмъ разговоръ переходилъ на общія темы, всегда интересныя и разнообразныя. Помню, разъ мы сидѣли съ сестрой послѣ театра въ кабинетѣ Н. Ив., между прочимъ зашла рѣчь объ ощущеніяхъ безотчетнаго страха и мы обѣ сознались въ нашей трусливости. Н. Ив. засмѣялся и принялся рассказывать случай за случаемъ, сплетая дѣйствительное съ невѣроятнымъ, при этомъ съ такой живостью и такъ картинно, что, вернувшись поздно ночью домой, мы вздрагивали отъ каждаго шороха, а затѣмъ видѣли невозможные сны.

Естественно, что такія поѣздки въ театръ, концерты и другія зрѣлища доставляли мнѣ большое удовольствіе и я никогда не отказывалась отъ нихъ. Н. Ив., съ своей стороны, дорожилъ ими по двумъ причинамъ, во-первыхъ, это давало ему возможность непосредственно дѣлиться полученными впечатлѣніями, во-вторыхъ, онъ мало по малу привыкъ къ моему спутничеству. Послѣдняя причина едва ли не имѣла еще большее значеніе, потому что, какъ я окончательно убѣдилась впоследствии, Н. Ив. былъ замѣчательно консервативенъ во всѣхъ своихъ привычкахъ. Такъ, напр., одно время, когда я по болѣзни не могла выходить изъ дому, мое отсутствіе не прошло незамѣченнымъ для него, какъ видно изъ слѣдующаго письма:

«Надежда Александровна. Напомните Олимпію Михайловичу ²⁾ его обѣщаніе быть сегодня у меня и поручите ему доставить мнѣ обѣщанный вами «Современникъ», а у меня, если угодно, возьмете «Отч. Зап.». Быть можетъ вамъ любопытно будетъ на нихъ взглянуть и въ нихъ заглянуть.

«Господи Боже! Какъ бы мнѣ хотѣлось съ вами отправиться въ

¹⁾ Е. А., вышедшей замужъ, въ 1863 году, за А. Н. Веселовскаго, нынѣшняго профессора слѣб. университета.

²⁾ Вѣлззерскому, брату редактора «Основы», который жилъ тогда у насъ.

ковцетъ, театрѣ, библіотеку, музей, садъ, церковь и проч., и проч., и проч., гдѣ только представляется пища для ума, сердца и воображенія. Да, видно этого наслажденія мнѣ долго, а можетъ быть и никогда, не испытывать. Глубоко уважающій васъ и безгранично вамъ преданный Н. Костомаровъ.

...«Поблагодарите Елену Александровну за билетъ. Очень жалѣю, что нездоровье не дозволило мнѣ дослушать его, а еще жалче, что я не могъ вмѣстѣ съ нимъ къ вамъ пріѣхать».

1860 (безъ числа).

Такимъ образомъ незамѣтно между мной и Н. Ив. установились самыя хорошія, непринужденныя отношенія. Значительная разница нашихъ лѣтъ была незамѣтна для меня. Никогда не давалъ онъ мнѣ чувствовать превосходство своего ума, знаній и образованія, и я съ смѣлымъ задоромъ молодости вступала съ нимъ въ споръ и высказывала свои мнѣнія. Никто не спорилъ лучше Н. Ив.; онъ терпѣливо выслушивалъ противника, не придирался къ мелочамъ и отъ начала до конца не терялъ главной нити спора. Но, разумѣется, было не мало вопросовъ, которыхъ Н. Ив. не могъ тогда касаться въ разговорѣ со мной. Такъ, напримѣръ, въ это время со мной лично онъ никогда не говорилъ о болѣе или менѣе серьезныхъ вопросахъ по русской исторіи, интересовавшей его больше всего. Быть можетъ, это происходило отъ нежеланія наскучить ученымъ разговоромъ, среди господствовавшаго увлеченія общими вопросами, или же вслѣдствіе вполне основательной боязни быть непонятымъ.

«Ваши слова, пишеть онъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени, что вы чувствуете, что сошлись со мной и мы никогда не разсоримся, для меня такъ безцѣнны, такъ стоятъ выше всякой благодарности, что... *mi manca la voce!*... Я желаю имѣть возможность и случай въ жизни доказать всю полноту моихъ чувствъ на дѣлѣ и временемъ, такъ чтобы вамъ не запала ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія или противорѣчія, такъ чтобы вамъ въ моей душѣ было все свѣтло, ясно и безоблачно, какъ и мнѣ въ вашей; такъ, наконецъ, чтобы вамъ казалось немислимымъ удержаться отъ полнаго довѣрія ко мнѣ, а мнѣ отъ того-же къ вамъ...»

Съ января 1861 года, какъ извѣстно, начала издаваться «Основа», сгруппировавшая около себя тогдашнюю малороссійскую интеллигенцію, крупными представителями которой были: Шевченко, Кулишъ и Н. Ив. Не мало было и другихъ болѣе или менѣе даровитыхъ людей между окружавшими насъ въ то время малороссами, изъ которыхъ иные уже довольно смутно рисуются въ моей памяти. Много перебивало также въ нашемъ домѣ самой разнохарактерной малороссійской

молодежи, какъ изъ числа прїѣзжихъ изъ провинціи, такъ и живущихъ въ Петербургѣ, изъ которыхъ иные, впоследствии, успѣли составить себѣ почетное имя въ литературѣ и наукѣ. Такъ А. Ѳ. Кистяковскій, бывшій извѣстный профессоръ уголовного права въ кievскомъ университетѣ, былъ помощникомъ редактора «Основы» и около трехъ лѣтъ прожилъ въ нашемъ домѣ.

Большинство было воодушевлено желаніемъ блага своей родинѣ, къ которой всѣ они чувствовали ту горячую привязанность, которая составляетъ отличительную черту малороссовъ, радовались возможности выражаться на родномъ языкѣ, восторгались его благозвучіемъ. Цѣлыми днями я слышала толки о необходимости тщательно изучать языкъ и исторію Малороссіи, собирать уцѣлѣвшіе памятники старины, записывать народныя малороссійскія пѣсни, думы, обряды и пр. Многие въ высшей степени активно и искренно относились къ идеѣ возрожденія малороссійской народности, и къ нимъ всецѣло принадлежалъ Н. Ив. Костомаровъ.

Но какъ всегда бываетъ при такого рода увлеченіяхъ, дѣло не обходилось безъ комическихъ сценъ. Иные силились говорить не иначе, какъ по малороссійски, но, получивъ воспитаніе въ русскихъ гимназіяхъ и университетахъ и проживъ довольно продолжительное время вдали отъ родины, объяснялись съ такимъ трудомъ и съ такими ошибками, какъ на иностранномъ и, вдобавокъ, плохо выученномъ языкѣ; другіе распѣвали цѣлыми часами малороссійскія пѣсни, безъ малѣйшаго слуха и голоса, или-же являлись въ общество въ шитыхъ малороссійскихъ рубашкахъ и свиткахъ. Впрочемъ, послѣднее даже никого особенно не поражало въ ту пору всякихъ и самыхъ разнообразныхъ увлеченій.

Все это было ново и занимало меня, особенно первое время, и я тѣмъ внимательнѣе присматривалась къ тому, что окружало меня. Помимо нѣкоторыхъ типичныхъ и болѣе или менѣе извѣстныхъ чертъ малороссійскаго характера, мнѣ особенно казались странными и непонятными необыкновенно частыя ссоры между окружавшими насъ малороссами, такія-же легкія примиренія и истекавшія отсюда безконечныя объясненія. Ссоры, обыкновенно, начинались изъ-за пустяковъ, затѣмъ обѣ стороны сразу ожесточались и высказывали другъ другу самыя оскорбительныя подозрѣнія, послѣ которыхъ, какъ мнѣ казалось, люди должны разойтись на вѣки. Но, къ моему удивленію, я видѣла, что черезъ день, а много два, недавніе противники встрѣчались какъ ни въ чемъ не бывало, мирно разговаривали между собой и разставались друзьями.

Н. Ив. въ этомъ случаѣ не составлялъ исключенія; по крайней

мѣрѣ, къ этому выводу я невольно пришла на основаніи его отношеній къ редактору «Основы». Онъ очень часто ссорился съ послѣднимъ, а вслѣдъ затѣмъ не только мирился, но готовъ былъ подчасъ отдать ему предпочтеніе передъ всѣми другими, какъ видно изъ писемъ Н. Ив. ко мнѣ, которыя будутъ приведены ниже. Точно также относился Н. Ив. и къ своимъ соотечественникамъ вообще: иногда онъ готовъ былъ, употребляя его собственное выраженіе, «перехвалить ихъ черезъ мѣру», а въ другія минуты, подъ влияніемъ раздраженія, также искренно избранить ихъ самымъ безопаднымъ образомъ. Но такъ относился собственно Н. Ив. къ средѣ, которую принято называть «интеллигентнымъ обществомъ»; къ простому малороссійскому народу онъ чувствовалъ глубокую симпатію, доходящую почти до пристрастія, и неизмѣнно отзывался о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Онъ не прощаль того, что считалъ неуваженіемъ къ личности простаго человѣка и навосимую ему обиду близко принималъ къ сердцу.

Въ этомъ, между прочимъ, убѣдилъ меня слѣдующій случай: не помню, когда именно, но, во всякомъ случаѣ, въ пору малороссійскаго увлеченія, нѣкто Ч., малороссъ по происхожденію, привезъ на одинъ изъ нашихъ, всегда многочисленныхъ, *jours fixes*, молодую, красивую дѣвушку изъ какого-то малороссійскаго села, и представилъ, ее намъ въ качествѣ своей невѣсты. Маруся, такъ звали ее, была разряжена, какъ куклока: въ шитой малороссійской рубашкѣ и съ цѣлой массой бусъ на шеѣ и длиннѣйшихъ шелковыхъ лентъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, привѣшанныхъ къ ея головному убору. Она, большей частью, молчала и только отвѣчала на вопросы, но, повидимому, не особенно смущалась всеобщимъ, обращеннымъ на нее, вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что была безъ памяти влюблена въ своего Г—ко и вездѣ чувствовала себя хорошо въ его присутствіи.

Изъ всѣхъ, бывшихъ на вечерѣ, одинъ Н. Ив. глубоко возмущился этой выставкой на-показъ простой дѣвушки изъ народа, передъ многочисленнымъ, разнообразнымъ обществомъ, совершенно неподходящимъ къ ней по образованію и умственному развитію. Послѣ того Маруся стала довольно часто бывать въ нашемъ домѣ. Весьма возможно, что Ч. былъ дѣйствительно влюбленъ въ дѣвушку, когда посватался къ ней и исполнилъ церемонію обрученія, безъ которой родители не соглашались отпустить дочь въ Петербургъ. Но прошло нѣкоторое время и онъ счелъ лишнимъ связывать себя бракомъ, откладывая свадьбу на неопредѣленное время и прежде, чѣмъ окончательно покинуть несчастную Марусю, сталъ все хуже и небрежнѣе относиться къ ней. Однимъ словомъ, случилась обыкновенная исторія, такъ какъ нужно болѣе чѣмъ дюжинное развитіе, чтобы остаться вполне честнымъ при

отношеніяхъ, не подлежащихъ общественному контролю и для которыхъ нѣтъ готоваго, легко соблюдаемаго, кодекса нравственности. Не помню, услышала-ли я черезъ другихъ или сама Маруся рассказала мнѣ о своемъ печальномъ положеніи, но я рѣшила добыть денегъ, чтобы дать ей возможность вернуться на родину.

Я прежде всего обратилась къ Н. Ив., зная искреннее участіе, которое онъ принималъ въ судьбѣ дѣвушки, и онъ съ перваго моего слова пожертвовалъ въ ея пользу свою статью, прочитанную имъ на одномъ литературно-музыкальномъ вечерѣ, но на какомъ именно, не могу сказать въ точности. Деньги были вручены Марусѣ, но тогда она временно помирилась съ своимъ возлюбленнымъ и осталась въ Петербургѣ на новыя терзанія. Н. Ив. и впослѣдствіи не упускалъ ее изъ виду и не переставалъ заботиться объ ея судьбѣ, какъ видно изъ его позднѣйшихъ писемъ ко мнѣ, въ которыхъ онъ не разъ упоминаетъ о Марусѣ.

Привожу три письма Н. Ив., полученныхъ мною одно за другимъ въ продолженіе четырехъ дней, гдѣ онъ пишетъ о своей ссорѣ съ редакторомъ «Основы», а вслѣдъ затѣмъ отзывается о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Между прочимъ, онъ говоритъ и о своей полнѣйшей готовности помочь Марусѣ.

3-го апрѣля 1862 года.

«Къ величайшему сожалѣнію я не могу доставить себѣ удовольствіе ѣхать съ вами сегодня въ концертъ. Возвращаю билетъ; быть можетъ, вы успѣете его передать кому-нибудь. Вчера я перенесъ неприятности, которыя меня нравственно и физически разстроили, да, сверхъ того, скажу вамъ откровенно, что поступки вашего супруга въ отношеніи ко мнѣ, о которыхъ я узналъ сегодня, никакъ не позволяютъ мнѣ когда-либо переходить за порогъ вашего дома.

«Не смотря на послѣднее обстоятельство, позвольте высказать вамъ отъ всего сердца горячую признательность за ваше расположеніе; если-бъ случилось когда-либо въ жизни, что вамъ можетъ быть полезнымъ мое въ чемъ-бы то ни было содѣйствіе и вообще мое неизмѣнное расположеніе, я васъ прошу, Надежда Александровна, обращаться ко мнѣ прямо и безцеремонно, съ полною увѣренностью найти во мнѣ вѣрнаго и искренняго друга, готоваго служить вамъ дѣломъ и словомъ, сердцемъ и умомъ до тѣхъ поръ, пока вамъ это будетъ угодно. Вашъ весь... Н. Костомаровъ».

5-го апрѣля, 1862 г.

«Вы меня чрезвычайно обрадовали вашимъ письмомъ. Марусѣ я на первый разъ окажу вотъ какую помощь: читаю я завтра на вечерѣ двѣ статьи: обѣ я отдамъ вамъ въ полное распоряженіе; вы имѣете пути къ журналамъ: продайте ихъ и деньги обратите въ ея пользу. Да напишите, сколько нужно было бы всего на всего денегъ?

«На обѣдѣ К—ий и П., распорядители литературно-музыкальнаго вечера, оказали неудовольствіе и отказались отъ дѣла: это меня взбѣсило; они ушли; подъ вліяніемъ сильнѣйшаго раздраженія... я отзывался о К—омъ не хорошо. На другой день утромъ все уладилось, дѣло пошло, какъ слѣдуетъ; вдругъ присылаетъ письмо къ К. Василій Михайловичъ, гдѣ описываетъ происходившее и приводитъ цѣликомъ нѣкоторыя выраженія, произнесенныя мною. Опять пошла разладица, опять дѣло стало расклеиваться. Въ эти-то минуты, послѣ цѣлаго ряда огорченій и недоразумѣній, я написалъ вамъ письмо. Теперь дѣло опять скленилось. Хотя вы жена Василя Михайловича и не компетентны въ этомъ дѣлѣ по юридическимъ понятіямъ, но я такъ вѣрю въ ваше благородство, прямоту и честность взгляда, что отдаюсь вамъ на судъ. Если вы скажете, что онъ правъ и я виноватъ, я признаю безусловно ваше рѣшеніе. Что же касается до чувствъ, то уже давно мое чувство сказало объ отношеніяхъ его ко мнѣ истину, которая, кромѣ холодности, не можетъ ничего прозвести между нами. Но тутъ прямо вопросъ: виноватъ ли онъ или я? Рѣшите. Я отдаюсь на вашъ судъ.

«Посылаю вамъ два билета, одинъ для васъ, другой для Елены Александровны; немного далеко. Но, при входѣ, вы перемѣните на 3 рядъ у П. Теперь у меня 3-го ряда нѣтъ—сданы Стелловскому.

«Въ заключеніе еще разъ скажу вамъ, что бы вы мнѣ ни поручили, что бы мнѣ ни приказали, я все сдѣлаю, что вамъ угодно, для Маруси ли, для кого другаго ли, все равно, коль скоро вы пожелаете. Глубоко уважающій и душевно преданный вамъ неизмѣнно».

6-го апрѣля.

«Я прочиталъ ваше письмо съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ всегда прочитаю ваши строки или услышу дорогую для меня вашу рѣчь; я совершенно подчиняюсь вашему приговору и не допускаю болѣе никакого слѣда неудовольствія противъ Василя Михайловича за его записку къ К—му, тѣмъ болѣе, что эта записка не оставила, слава Богу, продолжительныхъ послѣдствій, хотя 3-го апрѣля дѣло пошло было

на разладъ, именно отъ ней, и ещё не уладилось въ то время, какъ я вамъ писалъ. Оттого-то я и былъ въ такомъ раздраженіи. Василій Михайловичъ не долженъ былъ передавать моихъ словъ, и если ужъ хотѣлъ обличить мою неосторожность или болтовню въ раздраженномъ состояніи, то могъ сдѣлать это послѣ концерта при самомъ же К., а не подливать масло въ огонь, который еще не потухъ, тѣмъ болѣе, что въ безладницѣ, которая произошла на обѣдѣ, я не былъ виноватъ нисколько: я увѣренъ, что онъ самъ и К. это скажутъ. Чѣмъ больше я присматриваюсь къ малороссійскому обществу, тѣмъ болѣе оно охлаждаетъ меня.. Нѣтъ ни капли истинной любви къ общему дѣлу и готовности пожертвовать своими личными побужденіями добру ближнихъ. Вашъ Василій Михайловичъ положительно выше ихъ всѣхъ нравственно, хотя не безъ качествъ своего общества.. поэтому какъ бы я съ нимъ ни разсорился, какъ бы ни готовъ былъ внутренно разругать его, а все таки, какъ осмотришься кругомъ, да пощещь между малороссіянами человѣка, то и кончишь дѣло тѣмъ, что ему первому и протянешь руку. И теперь, поразмысливши, я вижу, что побужденіемъ къ запискѣ было у него желаніе уладить дѣло (хотя на дѣлѣ вышло противное; по неловкости пріема), а не тайное намѣреніе уколоть меня и сотворить мнѣ пакость велію; и потому встрѣчусь съ нимъ дружелюбно, и не стану болѣе входить съ нимъ въ объясненія по этому вопросу. Пусть все, что случилось, припишется бѣсу, который, занимаясь усердно возбужденіемъ ссоръ и дразгъ между нами, привелъ къ тому, что афиши разосланы не въ пору и намъ, быть можетъ, придется разглагольствовать и воспѣвать передъ пустыми стульями...»

«Разспросите Марусю. Статья моя въ ея пользу; можетъ быть удастся собрать кромѣ того нѣкоторую сумму; если не удастся ихъ женить, то непременно слѣдуетъ вырвать эту бѣдную жертву изъ рукъ этого...».

«На первый день я былъ въ звѣринцѣ и вспомнилъ ваше милое дитя ¹⁾: какъ бы его забавляли тигры и ягуары.

«Дописавъ мое письмо къ вамъ, мысленно жму руку вашу на благословеніе идти на литературно-музыкальный вечеръ. Сейчас отправляюсь!»

Боязнь Н. Ив., что ему придется «разглагольствовать передъ пустыми стульями», была и въ это время болѣе, чѣмъ напрасною; онъ все еще пользовался безусловною популярностью. Достаточно было, чтобы его имя появилось на афишахъ, въ числѣ участниковъ литературнаго

¹⁾ Такъ неизмѣнно называлъ Н. Ив. моего старшаго сына. Н. В.

вечера, для сбора многочисленной публики, хотя уже не было тѣхъ дружныхъ продолжительныхъ рукоплесканій, которыми всегда начиналась и кончалась каждая его лекція, каждое публичное чтеніе. Молодежь мало принимала участія въ тѣхъ оваціяхъ, какія дѣлались ему теперь, хотя она еще такъ недавно всецѣло поклонялась ему.

Это поклоненіе, начавшееся съ первой лекціи Н. Ив., прочитанной имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, продолжалось безъ перерыва во все время его недолгаго профессорства, всѣхъ студенческихъ исторій, равно и при открытіи профессорскихъ чтеній въ Думѣ, гдѣ его лекціи всего усерднѣе посѣщались.

IV.

Столкновеніе Н. Ив. съ студентами, случившееся 9-го марта, 1862 г. было неожиданностью для многихъ, и тѣмъ сильнѣе негодованіе, которое Н. Ив. возбудилъ противъ себя. Я не была въ Думѣ въ это утро, но слышала до малѣйшихъ подробностей о случившемся отъ очевидцевъ и, подъ давленіемъ тогдашняго настроенія большинства молодежи, взяла сторону противниковъ Н. Ив. Не знаю, ожидалъ ли онъ этого или не хотѣлъ встрѣтиться съ молодежью въ нашемъ домѣ, только послѣ 9-го марта, противъ своего обыкновенія, не былъ у насъ ни разу въ продолженіе двухъ недѣль и не написалъ ни одного письма. Я съ своей стороны не хотѣла ѣхать къ нему, но, подъ конецъ, уступая убѣжденіямъ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ меня, собралась навѣстить его въ одно утро.

Я застала Н. Ив. одного и между нами произошло объясненіе: я высказала то, что думала, но, выслушавъ Н. Ив., не могла считать себя вполнѣ правой въ своемъ голословномъ обвиненіи, поняла и то тяжелое, нравственное состояніе, въ какомъ онъ находился тогда. Н. Ив., съ своей стороны, былъ слишкомъ терпимъ и справедливъ, чтобы долго сердиться на человѣка за откровенность и несогласіе въ мнѣніяхъ. Такимъ образомъ, между нами возобновились прежнія хорошія отношенія. Только мнѣ были крайне неприятны тогдашнія нападки Н. Ив. на молодое поколѣніе; изъ-за нихъ мы часто спорили, почти ссорились, такъ что Н. Ив. сталъ избѣгать этого рода разговоровъ, тѣмъ болѣе, что временное раздраженіе, которое онъ чувствовалъ противъ молодежи, скоро улеглось въ его душѣ, неспособной къ долгой, затаенной злобѣ. Но тѣмъ не менѣе думская исторія слишкомъ тяжело отозвалась на немъ и произвела слишкомъ глубо-

кое впечатлѣніе, чтобы изгладиться изъ его памяти, и онъ не забылъ ее, какъ мнѣ не разъ приходилось убѣждаться въ этомъ, даже долгое время спустя.

Лѣтомъ Н. Ив. не былъ въ Петербургѣ, а когда онъ вернулся осенью, то уже никто не говорилъ о думской исторіи,—общество было поглощено другими интересами.

Въ 1862 году начались польскія демонстраціи, перешедшія въ возстаніе въ началѣ 1863 г.

Это было печальное время въ русской общественной жизни. Н. Ив. отнесся къ польскому вопросу съ обычною объективностью и съ вѣрнымъ взглядомъ историка предсказалъ заранѣе его послѣдствія какъ для самихъ поляковъ, такъ и для русскаго общества. Онъ не считалъ Польшу опасною для Россіи и, по своему обыкновенію, добродушно говорилъ о несбыточныхъ мечтахъ поляковъ. Но впоследствии съ чисто гуманно-христіанской точки зрѣнія онъ искренно сожалѣлъ о трагической судьбѣ, постигшей многихъ участниковъ возстанія, не сочувствовалъ своеобразнымъ оваціямъ, какія дѣлались по этому поводу М. П. Муравьеву со стороны нѣкоторыхъ русскихъ и считалъ ихъ признакомъ глубокой нравственной деморализаціи. Такого рода проявленія патріотизма были всегда непонятны для него и казались ему совершенно безцѣльными. Не менѣе несообразными и несправедливыми находилъ онъ посыпавшіеся вслѣдъ за тѣмъ на него нападки въ украинскомъ сепаратизмѣ и тому подобныхъ тенденціяхъ, что продолжалось не одинъ годъ. Еще въ 1865 г. онъ писалъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

— «Жестокія на меня гоненія отовсюду. Составилось какое-то нелѣпое мнѣніе, будто я—кто говорить—главный заводчикъ, кто говорить—орудіе тайной партіи, которая стремится къ отложенію Малороссіи, и прочія сумасбродства... Въ газетахъ и журналахъ невыносимыя подлости; люди, игравшіе прежде въ либерализмъ и нигилизмъ, не воздерживаются, чтобы не затронуть ни съ чего, ни съ того Костомарова съ его (?) хохлословіемъ. Вамъ, напримѣръ, знавшимъ меня близко, извѣстно, что никто не былъ умѣреннѣе меня, никто такъ рѣзко не отличалъ въ этомъ вопросѣ дѣйствительно жизненнаго отъ театральнаго, подмосточнаго...»

«Жизненнымъ» называлъ Н. Ив. тотъ единственно народный украинскій языкъ, который вполне доступенъ простому человѣку, обученіе на этомъ родномъ языкѣ и изданіе учебниковъ и книгъ для народа ¹⁾. Вообще упрекъ въ крайнемъ украинофильствѣ, политическомъ

¹⁾ Съ этой цѣлью, какъ извѣстно, Н. Ив. открылъ подписку, которая пошла необыкновенно успѣшно, но такъ какъ употребленіе денегъ съ данной

сепаратизмъ и тому подобныхъ стремленіяхъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть примѣнимъ къ Н. Ив., такъ какъ онъ былъ менѣе всего способенъ къ какимъ либо предвзятымъ, упорно проводимымъ, тенденціямъ. Его широкая и богатая натура историка и поэта не могла уложиться въ тѣсныя рамки націонализма. При этомъ онъ слишкомъ хорошо зналъ условія настоящей и прошлой жизни Малороссіи, чтобы мечтать объ ея самобытномъ существованіи. Я никогда не слыхала, чтобы онъ отдѣлялъ судьбу Малороссіи отъ остальной Россіи, хотя имѣла полную возможность слышать это, если бы имъ было высказано что либо подобное.

Въ февралѣ 1863 года я опять отправилась вмѣстѣ съ Н. Ив. въ Москву и попрежнему остановилась у сестры; Н. Ив. взялъ номеръ въ какой-то гостинницѣ, которую усердно бранилъ, но тѣмъ не менѣе остался въ ней во все время своего пребыванія въ Москвѣ. Кажется, и эта поѣздка была на масляницѣ, потому что на первыхъ дняхъ великаго поста мы посѣтили Троицко-Сергіевскую лавру. Мы отправились впятеромъ: Н. Ив., моя сестра съ мужемъ и я съ своимъ маленькимъ сыномъ. Въ лавру мы пріѣхали вечеромъ и къ нашему смущенію узнали, что, вслѣдствіе большаго стеченія богомольцевъ, въ монастырской гостинницѣ нѣтъ ни одного свободнаго номера. Оставалось вернуться въ Москву, не осмотрѣвъ лавры, чего никому изъ насъ не хотѣлось и всего менѣе Н. Ив., или просидѣть всю ночь въ общей залѣ, потому что трудно было положиться на неопредѣленное обѣщаніе послушника, что, «быть можетъ, очистится какойнибудь номеръ». Дѣйствительно, мы просидѣли около часа въ общей залѣ и уже Н. Ив. начиналъ терять терпѣніе. Тутъ К. Д., мужъ моей сестры, незамѣтно исчезъ среди разговора, а затѣмъ вернулся съ торжествующимъ видомъ и сказалъ Н. И.:—«не знаю, будете ли вы сердиться или нѣтъ, но я воспользовался вашимъ именемъ, чтобы добиться номера, отрекся отъ семьи и выдалъ васъ за семейнаго человѣка». Оказалось, что К. Д. встрѣтилъ въ корридорѣ монаха, распорядившагося въ гостинницѣ, и спросилъ его: знаетъ ли онъ Н. И. Костомарова? Монахъ отвѣтилъ утвердительно, сталъ припоминать, какъ четыре года тому назадъ Н. Ив. прожилъ у нихъ около мѣсяца въ лаврѣ для своихъ занятій и добавилъ, что глубоко уважаетъ его.—«А вы, нечего сказать, хорошо принимаете г. Костомарова, сказалъ на это К. Д. Вотъ онъ уже цѣлый часъ сидитъ съ семействомъ въ общей залѣ и ему

цѣлью было приостановлено, то Н. Ив. въ 1880 г. отдалъ оставшуюся у него сумму въ академію наукъ въ видѣ преміи для изданія словаря на малороссійскомъ языкѣ. См. «Русскую Старину» 1881 г., т. XXX, стр. 332.

Н. В.

не дают номера! Монах смутился, пожалѣлъ, что раньше не зналъ объ этомъ, и велѣлъ передать Н. Ив., что тотчасъ найдеть для него помѣщеніе.

Н. Ив. повеселѣлъ и сталъ острить по поводу навязанной ему роли семейнаго человѣка, которая видимо забавляла его. Немного погодя, явился монахъ, ввелъ насъ въ номеръ, изъ котораго онъ только что выселилъ какихъ-то барынь. Комната была довольно тѣсная, съ глухой перегородкой и натопленная до невозможности, не смотря на сильную оттепель, такъ что Н. Ив. сразу объявилъ, что не въ состояніи ни одной минуты оставаться въ такой духотѣ, но дѣлать было нечего и онъ сѣлъ къ столу, гдѣ вскорѣ появился чай и ужинъ. Стало сравнительно сносно, когда мы открыли дверь въ корридоръ, но когда мы снова заперли ее и расположились на ночлегъ, то буквально можно было задохнуться; особенно плохо приходилось мнѣ и сестрѣ за глухой перегородкой. Спать при такихъ условіяхъ не было ни малѣйшей возможности и мы продолжали разговаривать; Н. Ив. смѣшилъ насъ громкими вздохами и возгласами на старославянскомъ языкѣ, увѣрялъ, что такая невыносимая жара, что онъ уже предвкушаетъ всѣ мученія ада. Но едва успѣли мы заснуть передъ разсвѣтомъ, какъ поднялся Н. Ив. и сталъ приглашать насъ осматривать старыя монастырскія стѣны. Никто не двигался. Н. Ив. сначала упрасивалъ, потомъ началъ сердиться, говоря, что не стоило пріѣзжать въ лавру чтобы спать, что въ этомъ нѣтъ человѣческаго смысла, и, наконецъ, видя, что ничто не дѣйствуетъ, объявилъ, что пойдетъ одинъ. Но моя сестра остановила его и, выразивъ готовность отправиться съ нимъ куда угодно, общала выйти къ нему черезъ нѣсколько минутъ въ общую залу. Н. Ив. и тутъ выразилъ сомнѣніе, но при вторичномъ общаніи, подкрѣпленномъ честнымъ словомъ, ушелъ изъ комнаты.

Мы съ К. Д. проснулись часъ спустя и ограничились посѣщеніемъ трапезы, а когда Н. Ив. вернулся съ моей сестрой, то мы стали описывать самыми яркими и даже не совсѣмъ точными красками величественное зрѣлище, представляемое монастырской трапезой при огромномъ стеченіи богомольцевъ. Н. Ив. серьезно огорчился, что пропустилъ часъ трапезы и въ теченіи дня нѣсколько разъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ объ этомъ. Затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ отправились на осмотръ монастыря и ризницы, что было весьма интересно при объясненіяхъ Н. Ив.; посторонніе, бывшіе при этомъ, посѣтители оставались, чтобы послушать его, но онъ, видимо, не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Въ тотъ же день мы вернулись въ Москву, гдѣ побывали въ Кремлѣ, затѣмъ въ Симоновомъ и другихъ монастыряхъ. Когда эти поѣздки, до-

вольно утомительныя при распутицѣ, стали мнѣ не подъ силу, меня замѣнила сестра, потому что Н. Ив., когда не былъ занятъ, до странности не выносилъ одиночества. Мнѣ иногда приходило въ голову, что не было ли это слѣдствіемъ годоваго одиночнаго заключенія въ крѣпости, хотя это могло быть и чисто субъективнымъ свойствомъ Н. Ив. при его живомъ, впечатлительномъ характерѣ. Вечера онъ обыкновенно проводилъ у насъ, и однажды, когда разговоръ почему-то коснулся случайностей, которыя нерѣдко разстраиваютъ безвозвратно счастье людей, то Н. Ив. замѣтилъ, шутя, что все это продѣлки бѣсовъ, которые несутъ въ аду различныя должности, какъ, напр., «бѣсы по амурнымъ дѣламъ», «бѣсы, разстраивающіе супружескія отношенія», и т. д. К. Д. съ своей стороны добавилъ, что въ такомъ случаѣ не дурно было выбрать въ герои романа Вельзевула и подвластныхъ ему злыхъ духовъ и что такой романъ, навѣрное, занялъ бы публику. Эта мысль очень понравилась Н. Ив. и затѣмъ они вмѣстѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ, сряду импровизировали на эту тему. Помню, что нѣкоторыя сцены выходили у Н. Ив. необыкновенно живыми и удачными.

Въ началѣ второй недѣли великаго поста мы вернулись въ Петербургъ. Н. Ив. спѣшилъ къ своимъ занятіямъ, такъ какъ великій постъ былъ всегда для него порой наиболѣе усиленной работы, въ виду предстоящихъ праздниковъ и неизбѣжной, связанной съ ними, траты времени. Затѣмъ, съ наступленіемъ весны, городъ становился невыносимъ для Н. Ив. Если работа не позволяла ему уѣхать на нѣкоторое время изъ Петербурга, то онъ пользовался всякимъ теплымъ солнечнымъ днемъ для поѣздокъ по тѣмъ или другимъ окрестностямъ, гдѣ онъ могъ, по крайней мѣрѣ, дышать чистымъ воздухомъ и наслаждаться свѣжестью распускавшейся зелени. Въ этихъ поѣздкахъ я была попрежнему неизмѣнной спутницей Н. Ив.; онъ заранѣе извѣщалъ меня объ этомъ, просилъ пріѣхать къ нему и еще чаще самъ заѣзжалъ за мной. Одно время Строгоновскій садъ на Черной рѣчкѣ, ранней весной мало посѣщаемый публикой, сдѣлался его излюбленнымъ мѣстомъ прогулки, которое онъ облекъ поэтическими красками своей богатой фантазіи. Иногда мы отправлялись туда съ утра съ книгой, иногда вечеромъ, и оставались часовъ до десяти. Но случилось, что эти заранѣе предположенныя поѣздки разстраивались по независимымъ причинамъ, какъ, напримѣръ, отъ погоды. Въ одномъ изъ писемъ Н. Ив. выражаетъ свою досаду по этому поводу:

«Досада, злость берутъ меня. Туча идетъ за тучей, солнце безпрестанно выглядываетъ, какъ будто дразнить насъ и смѣется надъ нами; откроетъ свое милое личико и тотчасъ спрячется, какъ будто

хочетъ сказать: недостойны вы того, чтобъ я на васъ смотрѣло. И вслѣдъ затѣмъ небо станетъ свинцовымъ и льется дождь. Сырость въ воздухѣ, мокрота на землѣ. Вотъ уже пять часовъ. Если-бъ не эти тучи, не эти капли—я бы уже былъ у васъ и мы бы поплыли на ладіи въ Строгоновскій садъ, сѣли бы на возвышеніе, распивали бы чаи, шоколады etc. etc. и, пожалуй, читали бы Гете или Пушкина или Гейне или еще кого изъ стараго поколѣнія (современниковъ бы, конечно, не читали), или хоть такъ себѣ болтали бы, а милое дитя играло бы камышками или рвало цвѣты; вдали раздавались бы трели соловья; половина луны задумчиво отражалась бы въ тихой водѣ; легкій вечерній вѣтерокъ вѣялъ бы на насъ свѣжестью, а прислуга изъ палатки ставила бы передъ нами чашки, сухари и бисквиты. И было-бы очень хорошо. Но увы! Все это только въ воображеніи, а на дѣлѣ передо мною Кобѣржицкій съ своею вычурною латынью, польскіе дневники съ польскимъ хвастовствомъ, московскія письма съ московскимъ рабствомъ и подлостью и вмѣсто вашего благороднаго, честнаго лица безстыдная и фальшивая фізіономія Марины Мнишекъ. Принуждаешь себя, а никакъ не переслишь: все представляется Нева и Строгоновскій садъ.

«Завтра свободны-ли вы: я пріѣду къ вамъ, если будетъ хорошая погода. Влѣземъ (это по славянски) въ ладью, поплывемъ по Невѣ, завернемъ, если хотите, за добрымъ Иванъ Ѳедоровичемъ (Пинъ-Корнели) и поплывемъ куда глаза глядятъ; или же возьмемъ колесницу, да въ ней махнемъ; какъ захотите, такъ пусть будетъ. Если же вамъ нельзя будетъ, то извѣстите; буде же не извѣстите до часа, то я притащусь къ вамъ. Сами знаете, праздникъ Богъ далъ; надобно православнымъ христіанамъ по закону Божію гулять въ праздникъ, если разумѣтся, Богъ дастъ хорошую погоду, а не дастъ, не наша вина, что по закону его не исполняемъ. Вчера я перехвалилъ диссертацию Бильбасова, но, какъ всегда дѣлаю—сознаюсь въ этомъ. Прочитавъ только страницъ сорокъ, я возымѣлъ о ней лучшее мнѣніе, чѣмъ она того стоила. Она вещь не дурная; въ авторѣ есть талантъ, но въ его сочиненіи много недостатковъ капитальныхъ. Защищалъ онъ ее недурно, но оппоненты не сильно на него напирали и большей частью придирались къ мелочамъ. Во всякомъ случаѣ, она много лучше многихъ: вотъ что слѣдуетъ только сказать ей въ похвалу».

19-го мая 1863 г.

Иногда поѣздки предпринимались и по моей инициативѣ, хотя весьма возможно, что я не разъ отрывала Н. Ив. отъ дѣла, но подобныя соображенія не приходили мнѣ въ голову, тѣмъ болѣе, что я имѣла тогда довольно смутное представленіе объ ученыхъ работахъ.

Н. Ив. съ своей стороны никогда не отвѣчалъ отказомъ и немедленно выражалъ на словахъ или письменно свою готовность сопутствовать мнѣ. Одна изъ такихъ записокъ сохранилась у меня:

«Завтрашній день, во вторникъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ поѣду съ вами къ Пинь - Корнели и куда хотите, туда и поѣду и поплыву съ вами».

Понедѣльникъ 1863 г. (безъ числа).

Но скорѣ наши поѣздки за городъ и свиданія совсѣмъ прекратились вслѣдствіе моего нездоровья, которое, судя по началу прилагаемаго ниже письма Н. Ив., разстроило еще одну изъ нашихъ прогулокъ. Это письмо весьма характерно по неожиданнымъ переходамъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, которые въ тѣ времена особенно рѣзко проявлялись у Н. Ив. Въ письмѣ, вслѣдъ за безпокойствомъ о моемъ здоровьѣ, онъ говоритъ о Марусѣ, судьба которой продолжала заботить его. Затѣмъ онъ дѣлаетъ приписку, проситъ писать ему, а черезъ строчку переходитъ къ оперѣ Юдиѣ и сообщаетъ мысли, по видимому, пришедшія ему въ голову въ моментъ писанія письма:

«Вотъ уже семь съ половиною. Ни васъ, ни отъ васъ. Дай Богъ, чтобъ этому причиною была только погода, а никакъ не нездоровье. Хотѣлъ было направить ноги къ вамъ, да подумалъ: можетъ быть не во время гостемъ будешь, а такой гость хуже татарина, тѣмъ болѣе, что вы писали, что вамъ скоро, скоро придется запереться. Дай Богъ увидѣться до того времени, хоть разъ, а еще болѣе—дай Богъ видаться и сто, и тысячу разъ послѣ того, когда вы выйдете изъ заперти, и всегда видѣть васъ въ добромъ здоровьѣ и въ спокойномъ расположеніи духа. О Марусиномъ дѣлѣ я вамъ скажу, что Ч. . . . ибо жениться не хочетъ, удобно ли довѣрять несчастную обманутую имъ дѣвушку, чтобы вести ее къ родителямъ, которыхъ онъ обманулъ разомъ! А что, если онъ ее на дорогѣ отправить на тотъ свѣтъ. Тотъ, кто способенъ такъ безцеремонно обращаться съ честию женщины, способенъ и на душегубство. Примите это къ свѣдѣнію. Не написать ли къ роднымъ Маруси всю поднаготню и попросить отвѣта: согласны ли они ее принять? А между тѣмъ насѣсть на Ч. Онъ долженъ жениться».

«Преданный вамъ неизмѣнно и безпредѣльно Н. Костомаровъ».

Мая 20-го 1863.

«Когда вамъ нельзя будетъ ни выѣзжать, ни принимать—при возможности напишите мнѣ о своемъ житіи, какъ васъ Богъ милуетъ».

«Завтра опять Юдиѣ. Я пойду, если билетъ сыщу, и еще разъ».

крѣпко, крѣпко пожалѣю, что невозможно тамъ быть съ вами. Ее порядочно побранили и дѣльно, между прочимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой оперѣ больше ума, разсчитанности, изученія и художественной постройки, чѣмъ того живаго, неудержимаго вдохновенія, которое, такъ сказать, шумящимъ ключемъ бьетъ изъ тайниковъ души поэта. Мнѣ кажется; но по первому впечатлѣнію не слѣдуетъ судить, всегда ошибешься: можно или перехвалить, не дохвалить, перебранить или не добранить. Еще разъ глубоко сожалѣю, что не слышали вы ее вмѣстѣ со мною. Я помню, какъ, ѣдучи отъ Троицы въ Москву, въ вагонѣ, вы прекрасно, мѣтко и вѣрно, и коротко очертили современныхъ беллетристовъ нашихъ: тогда я увѣрился, что у васъ рѣдкое чутье присутствія таланта и изящнаго. Талантъ великій двигатель: какъ роса освѣжаетъ погорѣлую отъ засухи траву, такъ талантъ оживляетъ и возбуждаетъ изсыхающее подъ бременемъ всѣдневныхъ мелкихъ заботъ общество. Явись теперь одинъ великій талантъ въ сферѣ изящнаго, будь это Пушкинъ, Глинка, Карамзинъ, Гоголь—мы бы вдругъ поднялись за нимъ вслѣдъ; мы бы почувяли вокругъ себя и въ себѣ какое-то возвышеніе уровня; его нѣтъ и приходится довольствоваться старымъ, но старое, не теряя своего объективнаго достоинства, все-таки невольно сказывается намъ чужимъ, если не сердцу нашему, то силамъ нашимъ и средѣ жизни нашей, и не можетъ такъ живительно дѣйствовать на всѣхъ насъ разомъ, какъ талантъ, появляющійся вновь среди насъ. Не это ли причина, что мы, люди старые, смотримъ безъ сочувствія и уваженія на увлеченія молодого поколѣнія: за нами громадные творцы, гени красота и духовной силы, мы въ молодости воспитывались на нихъ, а юное поколѣніе поднимаетъ передъ нами какое-то новое знамя, но это знамя выпадаетъ безпрестанно изъ рукъ у многихъ, которые думаютъ, что въ состояніи держать его, а оно можетъ быть поднято и возвышено только въ рукахъ великаго таланта».

V.

Естественно, что въ то время (начало 1860-хъ гг.), при тѣхъ хорошихъ дружескихъ отношеніяхъ, какія существовали между нами, когда Н. Ив. неизмѣнно дѣлился со мною всѣми своими впечатлѣніями и занимавшими его мыслями, я съ своей стороны привыкла обращаться къ нему со всѣмъ, что представляло для меня интересъ. А тогда многое интересовало и увлекало меня: послѣдняя прочитанная книга, встрѣча съ болѣе или менѣе выдающейся личностью, сразу возведенною мною чуть ли не въ гени, всевозможные вопросы, волновавшие тогдашнее русское общество, которые теперь считаются окончательно

рѣшенными и не заслуживающими вниманія. Н. Ив. всегда выслушивалъ меня съ неизмѣннымъ терпѣніемъ, пытался разрѣшить мучившія меня сомнѣнія, высказывалъ по этому поводу свои взгляды и если подъ часъ подсмѣивался надо мной, то въ тѣхъ случаяхъ, когда я рассказывала ему о своихъ слишкомъ частыхъ разочарованіяхъ и сама готова была смѣяться надъ ними.

Между прочимъ, въ зиму 1862—63 года я была одно время совсѣмъ поглощена такъ называемымъ «женскимъ вопросомъ» и проектированнымъ (къмъ, собственно, не помню) обществомъ «женскаго труда». Мысль эта встрѣтила сочувствіе; многіе изъявили желаніе принять участіе въ будущемъ обществѣ. На первое же собраніе явилась весьма многочисленная публика, но этотъ вечеръ и не во мнѣ одной оставилъ полное неудовлетвореніе: не мало было толковъ, преній, горячихъ споровъ и высказано самыхъ разнообразныхъ мнѣній; но въ то же время даже приблизительно не были выяснены наиболѣе важныя и основныя положенія. Дѣло затянулось и на эту зиму, и вопросъ остался открытымъ.

Тогда нѣкоторыя изъ участницъ вышеупомянутаго, еще не осуществленнаго, общества рѣшили основать независимо отъ него еще другое общество «женскаго труда», менѣе многочисленное и съ болѣе скромными притязаніями. Но у насъ не было ни достаточной опытности, ни умѣнія приняться за дѣло, тѣмъ болѣе, что большинство не имѣло никакого представленія о дѣйствительномъ трудѣ. Я обратилась за совѣтомъ къ Н. Ив. и, какъ всегда, встрѣтила съ его стороны самое живое участіе. Онъ не только высказалъ свои мысли по этому поводу, но даже изложилъ ихъ письменно. Къ сожалѣнію, изъ писемъ, написанныхъ тогда Н. Ив., уцѣлѣли только два послѣднихъ, которыя я и помѣщаю цѣликомъ:

— «Послѣ вчерашняго разговора съ вами, Надежда Александровна, о вашемъ женскомъ трудовомъ обществѣ, я нашелъ, что все написанное мною по этому вопросу не годится, потому что я не понималъ чего хотять, а теперь дѣло это для меня уяснилось. Вниманіе ваше должно быть обращено на устройство артелей и всякое доставленіе труда женщинъ частнымъ лицамъ, распоряжающимся капиталомъ однихъ членовъ артелей, и всѣ заработки должны быть вносимы въ артели. Необходимо прежде всего изучать артели и по нимъ составить себѣ планъ устройства тѣхъ, которыя имѣются въ виду. Не начать ли съ типографій и къ ней прижкнуть и умственные труды. Чѣмъ сначала вы меньше тяжести подыять захотите, тѣмъ надежнѣе, что удастся вамъ подыять много. Остановитесь на одной типографіи покуда, апробуйте на ней свои взаимныя силы, а потомъ, когда удастся,

и за другое возьметесь. Если ваша типографія не пойдет, то не пойдет ничто другое, все вздоръ будетъ. Нашъ исконный порокъ, что мы хотимъ разомъ все схватить, въ одинъ присѣсть все сдѣлать. Оттого у насъ ничто не клеится, а между тѣмъ у насъ есть пословица—тише ѣдешь, дальше будешь. Воспользуйтесь ею. Скажутъ, быть можетъ, мы и такъ черезъ-чуръ тихо ѣдемъ. Нѣтъ, мы не тихо ѣдемъ, а спѣшимъ безъ толку: побѣжимъ и станемъ и починаемъ сломанныя колеса, а время идетъ; а это время употребите на тихую ѣзду, такъ были бы дальше. Ограничьтесь одною типографіею; когда она устроится и пойдетъ хорошо, тогда можно будетъ и за другое взяться.

«Въ среду, въ часъ, я приду къ вамъ изъ бібліотеки, если не будетъ проливнаго дожда, бури или холода, ниже четырехъ градусовъ».

Мая 13-го 1863 г.

— «Въ моемъ первомъ письмѣ было только о воспитаніи, но такъ какъ вы сказали, что воспитаніе устраняется, то я изорвалъ это письмо, не находя его болѣе годнымъ.

«Трудность составить кружокъ наборщицъ достаточно показываетъ, что можетъ ожидать ваше общество. Конечно, хорошо учредить и то, и другое и одно другому не мѣшаетъ, если существуетъ, но если разомъ станете заботиться о томъ, чтобъ оно существовало, то можетъ мѣшать по пословицѣ: за двумя зайцами гоняясь, не поймашь одного. По крайней мѣрѣ, вы лично чѣмъ нибудь однимъ займитесь, а другіе пусть обратятъ свой трудъ и вниманіе на иное. Я увѣренъ, что ваше предполагаемое общество есть продуктъ моды, навѣянной изъ англійскихъ и французскихъ книгъ, и хотя кажется, что все это примѣняется какъ нельзя лучше къ жизни... но... но... именно потому-то оно и не прочно, не надежно, что только примѣняется, а не вызывается требованіями жизни. Можетъ быть, придетъ время, когда вы, Надежда Александровна, совсѣмъ другое скажете объ этомъ и будете ко всему этому гораздо строже меня. Вѣдь въ воскресенье вы отозвались вовсе неодобрительно о хожденіи женщинъ въ университетъ, а между тѣмъ, назадъ тому года полтора или два, вы бы разсердились на того, кто бы вамъ сталъ говорить то же: это оттого, что практика вамъ показала не то, чего прежде ожидали по теоріи. Вы имѣете слишкомъ много добросовѣстности, чтобы открыто сказать о перемѣнѣ вашихъ убѣжденій: многіе, очень многіе, изъ ложнаго самолюбія, будутъ противъ совѣсти продолжать говорить прежнее. А между тѣмъ, чего бы, кажется, лучше, какъ это стремленіе прекраснаго пола къ интеллектуальному саморазвитію! Примѣните это и къ вопросу о вашемъ обществѣ: между тѣмъ и другимъ много аналогіи.

«Прочтите объ артеляхъ, потомъ мнѣ дайте прочитать, а потомъ

уже поговоримъ объ этомъ предметѣ. Артели — ассоціаціи... это вѣдь цѣлый міръ, это перерожденіе человѣческаго общества, это второе христіанство или, если хотите, настоящее осуществленіе христіанства; сразу ничего не сдѣлаете: дѣло вѣковое. Если хотите дѣйствовать въ этой сферѣ, то дѣйствуйте, но не спѣшите и не лѣнитесь. Заводите, какую хотите, артель: удастся одна, возьмитесь за другую, когда первая удастся и. д. А если не удастся ни одной, то къ чему же общество? Что оно связывать будетъ матеріально и духовно?»

Мая 14-го 1863 г.

Мысль Н. Ив. отчасти была осуществлена, хотя въ весьма скромныхъ размѣрахъ, и дѣло по своей трудности не получило дальнѣйшаго развитія; составилось небольшое общество-переводчицъ на артельныхъ началахъ. Уставъ, составленный, если не ошибаюсь, г-жи Трубниковой А. Н. и Энгельгардтъ, оказался вполне примѣнимымъ на практикѣ. Первая выбранная нами книга была сказки Андерсена, въ то время еще не появившіяся на русскомъ языкѣ ¹⁾.

Мы раздѣлили сказки между собой, т. е. между участницами вновь составленнаго общества переводчицъ, и Н. Ив. вызвался редактировать мою долю перевода. Это было тѣмъ удобнѣе, что онъ нанялъ себѣ на лѣто верхній этажъ нашей дачи въ Павловскѣ, обѣдалъ у насъ и проводилъ все свободное время, а въ городъ ѣздилъ разъ въ недѣлю для занятій дня на два или на три. Противъ всякаго ожиданія, Н. Ив. вполне одобрилъ сдѣланный мной переводъ сказокъ Андерсена и, съ свойственной ему впечатлительностью, счелъ меня пригодной на самостоятельный трудъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма, полученнаго мною изъ города:

«Не лѣнитесь и не отвлекайтесь, *mia carissima signora*, и читайте I т. Карамзина; въ первый прѣздъ мой я къ вамъ привезу Соловьева. Вчера я увидаль, что вы прекрасно владѣете языкомъ; узнаемъ, каковъ у васъ будетъ даръ изложенія. А у меня теперь одно изъ первыхъ желаній, чтобъ вы, занявшись русской исторіей, попробовали написать простой популярный рассказъ: это очень нужно ²⁾. Нѣтъ нужды предупреждать васъ, что оказать вамъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, какое либо содѣйствіе для меня составляетъ лучшее наслажденіе».

1863 г. (безъ числа).

¹⁾ Сказки Андерсена были единственной книгой, названной изданіемъ „переводчицъ“. Всѣ наши дальнѣйшія изданія вышли подъ фирмой „Стасовой и Трубниковой“.

²⁾ Эта мысль, какъ извѣстно, была впоследствии осуществлена самимъ Н. Ив. въ его извѣстномъ сочиненіи: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“.

Я усердно принялась за чтение Карамзина и Соловьева, но, разумеется, из этого ничего не вышло, потому что у меня не было никакой подготовки для самостоятельнаго умственнаго труда, тѣмъ болѣе для такого, который мнѣ предлагалъ Н. Ив. Я даже не имѣла вполнѣ яснаго представленія о публичной библиотекѣ, которую знала только по наслышкѣ, и не подозрѣвала существованія академической библиотеки. Это обстоятельство заставило меня обратиться къ Н. Ив. съ просьбой сообщить мнѣ гдѣ можно достать біографическія свѣдѣнія объ Андерсенѣ, которыя мы думали предложить въ видѣ предисловія къ изданію сказокъ.

На эту просьбу Н. Ив. отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ оказалась готовая краткая біографія Андерсена¹⁾:

¹⁾ „Исполняю приказаніе ваше съ особеннымъ удовольствіемъ, mia signora carissima. Я увидѣлъ, что во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ Soldi, нѣтъ біографіи Андерсена; поэтому прибѣгнувъ къ лексиконамъ, нашолъ у Meyer'a, Эрша и Грубера, у Noefeg'a и въ англійскомъ, котораго автора уже запомнилъ, что Францъ Христіанъ Андерсенъ родился въ 1805 г. въ Оденсе въ Фіоніи (Fünen), былъ сынъ башмачника и въ дѣтствѣ терпѣлъ съ семейю нищету. Отецъ отдалъ его работать на фабрику, а потомъ къ портному. Онъ получилъ страсть къ чтенію и, прочитавши нѣсколько комедій и трагедій, сталъ мечтать, какъ бы ему сдѣлаться актеромъ. Собралъ онъ какъ то 13 талеровъ и отправился въ столицу. Тутъ явился онъ къ дирекціи копенгагенскаго театра. У него былъ прекрасный голосъ, но вовсе не презентабельная наружность; въ его пріемахъ, какъ и слѣдовало ожидать, были видны слѣды его происхожденія; къ тому-же онъ былъ чрезмѣрно худощавъ. Бѣдному Андерсену оставалось пропадать съ голоду, и онъ нанялся въ работники, и опять взялся за иглоу; потомъ, движимый непреодолимою страстью къ театру, опять сталъ пробовать счастья. Между прочимъ, онъ началъ писать стихи. Это доставило ему покровителей. Старый поэтъ Гульдбергъ и директоръ театра Коллинъ, замѣтивъ въ немъ дарованіе, не допустили ему пропадать въ театральной сферѣ, гдѣ безъ образованія онъ не могъ занять иного мѣста, кромѣ низшаго, и опредѣлили его въ гимназію. Восемнадцатилѣтній юноша слѣлъ учиться на одной доскѣ съ десятилѣтними мальчиками и вскорѣ показалъ огромныя способности. Окончивши курсъ въ гимназіи, онъ по экзамену вступилъ въ университетъ и, будучи студентомъ, писалъ лирическія произведенія. Черезъ нѣсколько времени, по окончаніи курса, тогдашнія знаменитости въ Даніи—поэтъ Еленшлегеръ и физикъ Эршtedтъ стали его покровителями и выпросили у правительства отправки его за границу на казенный счетъ. Онъ объѣхалъ Европу и полюбилъ особенно Италію, гдѣ проживалъ въ 1834—1835 годахъ, и написалъ тамъ сочиненіе, составившее его славу: „Импровизаторъ“; это рядъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ путешествія по Италіи. Въ Германіи онъ подружился съ Тиеомъ и Шамиссо. Вѣроятно, послѣдній способствовалъ его желанію посѣтить востокъ. Онъ, однако, воротился въ Копенгагенъ и жилъ трудами своего пера. Онъ написалъ, между прочимъ, драму „Мудаль“, имѣвшую большой успѣхъ, сочиненіе „Книга образовъ безъ образовъ“; и въ 1842 г. отправился на востокъ. Слѣд-

VI.

Но едва успѣла я сдать свой переводъ сказокъ Андерсена, какъ Н. Ив. придумалъ для меня новую работу, за которую я могла бы приняться немедленно, а именно за переводъ «Записокъ о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея», и обѣщалъ написать къ нему предисловіе. При рѣдкомъ трудолюбіи и дѣятельности Н. Ив., ему казалось немыслимымъ, чтобы кто нибудь, возлѣ него, могъ проводить время въ одномъ безцѣльномъ чтеніи и разговорахъ: ему хотѣлось приучить и меня къ труду и въ то же время удовлетворить моему стремленію къ умственной жизни.

Въ томъ же письмѣ, въ которомъ имъ сообщены были біографическія свѣдѣнія объ Андерсенѣ, онъ пишетъ мнѣ:

«Горсея я взялъ; но будете ли усердно имъ заниматься? Если да, то по вашему приказанію я съ нимъ приѣду къ вамъ; мы каждый день уходимъ «do lasu» и занимаемся тамъ (если будетъ хорошая погода); до VI ч. веч. я буду писать, вы читать. Но, чуръ, не отвлекаться и не развлекаться и не церемониться со мною: помогать вамъ для меня будетъ не трудъ, а удовольствіе. Если же нѣтъ, то я возвращу его, ибо держать долго не позволять, а потому не медлите этимъ дѣломъ».

Но вслѣдъ затѣмъ, какъ бы изъ боязни напугать меня строгимъ педагогическимъ тономъ и отнять охоту отъ работы, онъ добавляетъ:

«Иду вашего письма. Говорятъ, будто въ понедѣльникъ Юднѣе. Если вы приѣдете въ городъ, то приѣзжайте ко мнѣ къ VI часамъ и мы отправимся въ театръ; если не будете, нельзя ли мнѣ васъ утащить изъ Павловска. Это въ томъ случаѣ, когда будетъ Юднѣе. Если жъ нѣтъ и вы приѣдете въ городъ, то во всякомъ случаѣ приѣзжайте ко мнѣ, чтобы вмѣстѣ въ Павловскъ отправиться. А когда не поѣдете въ городъ, то напишите, я приѣду съ Горсеемъ. Но еще разъ просьба: взявшись за Горсея, не отвлекаться и заниматься прилежно. Вашъ Н. Костомаровъ. Вашъ your most worthy husband, my noble friend взялъ корректуры статьи въ календарь, пусть пришлетъ. Требуютъ. Сердечный поклонъ ему и поцѣлуй дѣтямъ вашимъ. Если что нужно вамъ, приказывайте».

ствіемъ этого путешествія была книга „Базаръ поэта“. Въ 1846 г. онъ издалъ „Повѣсть о моей жизни“, потомъ сказки... Кто же это? тотъ ли это, который вамъ нуженъ? Посмотрите, какъ онъ зовется: Христіанъ ли? А между тѣмъ я пушусь на дальнѣйшіе поиски, чтобы узнать: одинъ ли это съ вашимъ“.

Я принялась за Горсея. Дѣло подвигалось быстро, не смотря на устарѣвшій англійскій языкъ автора. Помимо моего собственнаго желанія заняться какимъ либо дѣломъ, я слишкомъ хорошо знала характеръ Н. Ив. и не позволяла себѣ истощать его терпѣнія. Въ остальное время, если была хорошая погода, то мы совершали далекія прогулки по парку, большей частью въ сообществѣ моего маленькаго сына и Маруси, попережнему одѣтой по малорусски и украшенной безчисленнымъ множествомъ бусъ и лентъ, и поэтому представлявшей довольно своеобразное явленіе среди модной павловской публики. Въ это время она жила у меня и добровольно взяла на себя обязанность няньки. Н. Ив. относился къ ней съ неизмѣннымъ участіемъ и всегда искренно жалѣлъ ее, когда видѣлъ особенно печальной и молчаливой ¹⁾).

По вечерамъ мы слушали музыку у Павловскаго воксала и, время отъ времени, когда Н. Ив. уѣзжалъ въ городъ, то присылалъ мнѣ билетъ въ театръ или самъ привозилъ его. У меня сохранилась одна изъ записокъ Н. Ив. съ приглашеніемъ на «Жизнь за царя», его любимую оперу, которую онъ слышалъ несчетное число разъ, зналъ наизусть ея устарѣлое либретто и нерѣдко цитировалъ изъ него особенно куріозныя строфы:

Воскресенье, 25-го августа 1863 года.

«Завтра «Жизнь за царя». Не хотите ли въ театръ? Вотъ вамъ билетъ. Если да, то сейчасъ-же напишите съ городской почтой, а сами пріѣзжайте съ пятичасовымъ поѣздомъ; а я встрѣчу васъ въ Петербургскомъ воксалѣ. Если нѣтъ, то передайте билетъ вашему достойному супругу, моему благородному другу, или, за неимѣніемъ его, Александру Федоровичу ²⁾), или кому захотите, мнѣ-же, пожалуйста, напишите, немедля, ибо, получивши извѣстіе, что вы, къ большому моему сожалѣнію, не будете, я поѣду въ театръ прямо къ VII час. и тамъ встрѣчу Василія Михайловича или его намѣстника. Неизмѣнно преданный вамъ Костомаровъ.

«Усидчиво занимаюсь Смутнымъ временемъ. Заперся наглухо. Звонки безпрестанные, но сопровождаемые сильнымъ голосомъ Мирона: дома нѣтъ, въ Павловскѣ!»

Но вскорѣ жизнь въ Павловскѣ была неожиданно нарушена печальнымъ для меня случаемъ. Въ порывѣ хозяйственнаго усердія, я

¹⁾ Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Маруся уѣхала на родину, гдѣ, по слухамъ, ея постигла еще болѣе печальная судьба; не знаю, насколько были справедливы эти слухи, потому что я не имѣла возможности провѣрить ихъ.

²⁾ Кистяковскому, бывшему профессору кievскаго университета, который въ это время жилъ съ нами въ Павловскѣ. Н. В.

отправилась на ферму за творогомъ и, чтобы скорѣе вернуться домой, взяла извозчика. Пришлось переѣзжать полотно желѣзной дороги передъ самымъ отходомъ поѣзда; шумъ паровоза испугалъ лошадь и она стала метаться изъ стороны въ сторону: дрожки опрокинулись и я упала на рельсы. Тотчасъ собралась толпа; извозчикъ и лошадь были спасены, а я ушибла бокъ о рельсы и расшибла въ кровь голову. Призвали доктора и тотъ нашелъ всѣ признаки начинавшагося воспаленія мозга. Къ счастью, это предсказаніе не оправдалось; но всѣ три дня, пока я находилась въ опасности, Н. Ив. почти не отходилъ отъ меня. Затѣмъ, когда мнѣ стало лучше, но я была еще слишкомъ слаба, чтобы встать съ постели, Н. Ив. предложилъ читать мнѣ вслухъ и даже съ этой цѣлью нарочно пріѣзжалъ изъ города, когда зналъ, что мнѣ предстоитъ провести день въ одиночествѣ. Эта услуга имѣла тѣмъ большую цѣну, что мнѣ запрещено было серьезное чтеніе, и приходилось ограничиваться журналами, которыхъ въ то время Н. Ив. мало читалъ, а отдѣлъ беллетристики не читалъ вовсе или только просматривалъ. Наконецъ, я выздоровѣла, провела послѣдніе ясные сентябрьскіе дни въ Павловскѣ и вернулась въ Петербургъ. Но тутъ сказалась петербургская ненастная осень; у меня въ ушибленномъ боку начался плевритъ. Вѣсть о моей болѣзни опять встревожила Н. Ив.; онъ написалъ мнѣ короткую прилагаемую записку:

«Я очень хотѣлъ васъ видѣть, но къ большому прискорбію узналъ отъ Василія Михайловича, что вы въ постели. Господи Боже, что это вамъ за напасть такая! Когда вамъ будетъ можно принять меня и захотите со мною видѣться, тогда напишите неизмѣнно преданному вамъ. Н. К. 14-го октября».

Я отвѣтила Н. Ив. извѣстіемъ, что доктора высылаютъ меня за границу и вскорѣ надолго простилась съ нимъ. Онъ часто писалъ мнѣ въ Прагу, гдѣ я прожила около семи мѣсяцевъ съ Веселовскими, собирався самъ пріѣхать, для леченія, но разныя дѣла и работа задерживали его, а когда я вернулась въ Петербургъ, то застала его передъ самымъ отъѣздомъ: онъ въ свою очередь отправился за границу. Татьяна Петровна скучала безъ сына и нѣсколько разъ сама пріѣзжала ко мнѣ съ Васильевскаго острова къ Круглому рынку, что при ея домосѣдствѣ было не малымъ подвигомъ. Она, видимо, не сочувствовала моему рѣшенію провести цѣлый годъ съ дѣтьми въ усадьбѣ моей матери (Бѣлозерскаго уѣзда), но по своей природной деликатности и тактѣ не высказала этого прямо и ограничилась одними намеками.

Н. А. Вѣлозерская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕОНИДЪ КСЕНОФОНТОВИЧЪ КВИТНИЦКІИ,

генераль-лейтенантъ,

род. 1828 † 1885 г.

Генераль-лейтенантъ Леонидъ Ксенофоновичъ Квитницкій, изъ дворянъ Харьковской губерніи, родился въ 1828 году.

Получивъ въ домѣ образованныхъ родителей основательное домашнее воспитаніе и владѣя свободно нѣсколькими иностранными языками, онъ поступилъ, въ 1840 году, въ Пажескій корпусъ и съ окончаніемъ курса въ этомъ заведеніи былъ произведенъ изъ камеръ-пажей, въ 1846 г., въ прапорщики лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Прослужилъ въ этомъ полку до 1861 г., когда, одновременно съ производствомъ въ полковники, былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

Въ 1864 году онъ принялъ 12-й гренадерскій Астраханскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, нынѣ Его Императорскаго Величества, полкъ и, прокомандовавъ имъ болѣе семи лѣтъ, былъ произведенъ въ 1872 году, въ генераль-майоры съ прикомандированіемъ къ 3 гренадерской дивизіи, въ составъ которой входитъ и Астраханскій полкъ.

Подвигаясь въ чинахъ на службѣ, которой былъ преданъ до полного самоотверженія, онъ не переставалъ посвящать всѣ свои досуги чтенію военной исторіи и всего, что появлялось въ печати изъ области военной и общей литературы. Обладая превосходною памятью, онъ легко и навсегда усваивалъ прочитанные мысли и факты. Путешествуя часто по западной Европѣ и отличаясь наблюдательностью, онъ выработалъ изъ себя многосторонне образованнаго человѣка и основательно подготовленнаго генерала.

Въ 1872 г. Квитницкій назначенъ командиромъ 2-й бригады (въ той-же дивизіи), состоящей изъ Фанагорійскаго и Астраханскаго полковъ.

Въ послѣднюю турецкую войну въ 1877 году 3-й гренадерской дивизіи выпала счастливая доля остановить армію Османа-паши и заставить ее положить оружіе.

Въ туманное утро 28 ноября полки 1 бригады этой дивизіи, растянутые на значительномъ протяженіи сторожевыхъ линій, по слуху лишь догадавшись о приближавшейся къ нимъ грозѣ, увидѣли массы турецкихъ войскъ въ нѣ-

скольких шагахъ передъ собою. Помимо неожиданности нападенія громаднаго численнаго превосходства непріятеля и невыгоднаго положенія нашихъ двухъ полковъ, они геройски удерживали напоръ турецкихъ массъ, переживая крайне тяжелыя минуты.

Въ это время 2 бригада съ своимъ командиромъ во главѣ, генераломъ Квитницкимъ, вызванная изъ далекаго резерва со своихъ биваковъ, быстро, почти бѣгомъ, бросивъ на пути свои ранцы, вошла въ центръ нашей боевой линіи, ударила прямо на непріятеля въ штыки; отчаянная турецкая храбрость и численный перевѣсъ непріятеля не могли устоять противъ геройскаго напора 2-й бригады 3-й гренадерской дивизіи; турки дрогнули, затѣмъ были окончательно смяты и въ беспорядкѣ начали отступать, выкинувъ вслѣдъ затѣмъ тотъ бѣлый флагъ, который возвѣстилъ объ одной изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ нашей доблестной арміи.

Въ числѣ пострадавшихъ въ этотъ день былъ находившійся во все время боя впереди своей бригады генералъ-маіоръ Квитницкій, раненый пулею въ лѣвое плечо и контуженный осколкомъ гранаты въ голову и лѣвый бокъ. Кромѣ того, подъ нимъ была убита лошадь и въ его плащѣ оказалось нѣсколько турецкихъ пуль, свидѣтельствовавшихъ—какъ мало щадилъ себя храбрый генералъ, не покидавшій свою славную бригаду до совершеннаго окончанія столь знаменательнаго дня для русскаго оружія, не смотря на полученные имъ тяжелыя раны. Въ ряду героевъ этого дня, генералъ-маіоръ Квитницкій былъ осчастливленъ выходящею изъ ряда царскою милостью: въ Бозѣ почившій государь императоръ собственноручно передъ войсками украсилъ грудь генерала орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Съ окончаніемъ кампаніи, генералъ-маіоръ Квитницкій является начальникомъ, который рѣшилъ вести ввѣряемая ему войска такъ, какъ будто завтра имъ предстоитъ вступить въ бой, во всемъ и вполнѣ подготовленными и знающими свое дѣло такъ-же основательно, какъ онъ самъ знаетъ его.

Въ 1881 году онъ былъ назначенъ начальникомъ кавказской гренадерской дивизіи и въ этотъ же году произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1883 году принялъ 41-ю пѣхотную дивизію, которая была предназначена къ переименованію изъ кавказскаго въ виленскій военный округъ. Зная превосходно службу и поставивъ ее задачей всей своей жизни, онъ не могъ быть не требовательнымъ къ подчиненнымъ. Но за удовлетвореніе этой служебной, въ сущности обыкновенной и обязательной для каждаго начальника, требовательности онъ платилъ подчиненнымъ теплымъ, родственнымъ чувствомъ и необыкновенною заботливостью о нихъ, чтобы по мѣрѣ своей власти и средствъ оградить каждаго подчиненнаго отъ огорченій и по мѣрѣ возможности окружить ихъ довольствомъ и радостями. Будучи вообще строгимъ къ службѣ, онъ былъ прежде всего безпощаденъ по отношенію къ самому себѣ. Ни праздники, ни время сутокъ, ни мучительные приступы болѣзни не останавливали его настойчивой работы. Какъ-бы долго съ нимъ не жить, все-же не при-

шлось-бы отъ него слышать, что онъ когда либо утомился. Со стороны казалось, что этотъ человѣкъ, при замѣчательныхъ способностяхъ, обладаетъ желѣзною волею и сверхъестественными силами и терпѣніемъ. Зимомъ, въ какую-бы пору дня не зайти въ кабинетъ, всегда застанешь Леонида Ксенофонтovichа заваленнаго бумагами или пишущаго. Все имъ придумано, рассчитано и написано до мельчайшихъ подробностей далеко еще до того дня, когда предстоитъ приступить къ дѣлу, которое въ свою очередь должно быть основательно закончено безъ малѣйшихъ пробѣловъ и неточностей.

Въ лагерѣ, рабочій день начальника дивизіи приводилъ въ изумленіе всѣхъ свидѣтелей его неистощимой энергіи. Съ утра войска выходятъ въ поле на обыкновенныя свои занятія и слышать уже издали гдѣ-то привѣтствія начальника дивизіи. Окончены среди зноя занятія, едва хватаетъ силъ, чтобы сѣсть за обѣдъ, о приступѣ къ работѣ безъ предварительнаго, хотя краткаго, отдыха не хочется и думать, а начальникъ дивизіи, сойдя съ коня, распоряжается оживленнымъ, безъ слѣда усталости, голосомъ по благоустройству лагеря, терпѣливо выслушивая подробные доклады лагернаго коменданта или, направляясь въ солдатскія столовыя, повѣряетъ все глазомъ знатока-хозяина, затѣмъ идетъ на штабный докладъ съ педантическимъ разборомъ каждой бумаги въ виду повторяемаго начальникомъ дивизіи принципа, что неважныхъ лужебныхъ бумагъ не бываетъ.

Послѣ получасоваго обѣда и до вечернихъ занятій въ полѣ по временамъ раздается звонокъ у входной калитки его лагернаго барака. Это значитъ, что приходящимъ по дѣлу не было отказа и въ тѣ часы, когда весь лагерь отдыхаетъ. На послѣобѣденныя занятія начальникъ дивизіи выѣзжаетъ верхомъ въ поле одновременно съ войсками. Всюду слышатся его энергичныя и дѣльныя указанія. Непосредственно послѣ ученій дѣлаетъ распоряженія на завтрашній день, а ежели это было исполнено раньше, то удостовѣряется, дошли-ли они по назначенію.

Затѣмъ вечеромъ, пригласивъ кого либо изъ ближайшихъ сослуживцевъ, обходитъ не торопливо солдатскія палатки и кухни, терпѣливо спрашивая, что и какъ варилось, по какой цѣнѣ провизія и проч. Встрѣчаясь тутъ съ полковыми командирами, бесѣдуетъ съ ними о службѣ оконченнаго дня, о разныхъ текущихъ дѣлахъ и объ улучшеніяхъ, задуманныхъ для будущаго, и такъ продолжалъ часовъ до 11-ти. Но часто и полночь не прерывала его дѣятельности: гдѣ-либо въ лазаретѣ у изголовья труднобольнаго будить начальникъ дивизіи заспавшаго фельдшера. Опытный глазъ генерала откроетъ всегда что либо въ огражденіе больнаго. То найдетъ кусокъ чернаго хлѣба, очевидно вреднаго леченію, хотя этотъ хлѣбъ по дружбѣ принесенъ товарищемъ изъ роты, то усмотритъ, что нужно улучшить діету больному, назначивъ ему молоко, чай и проч., то узнаетъ какое либо завѣтное желаніе больнаго, порадовавъ надежнымъ общаніемъ сдѣлать все возможное.

Описанный день не исключеніе, а типъ дня, повторявшагося столько разъ

сколько было дней въ лагерномъ сборѣ, который продолжался иногда полнымъ три мѣсяца. Бывали исключительные дни, когда энергія значительно возростала, напримѣръ, его собственные смотры, маневры и проч., каждое извѣстіе о пріѣздѣ въ лагерь высшаго начальника или стараго товарища безразлично умножала распоряженія. Быстро и толково генераль справлялся съ ними, не забывая ни одной мелочи, чтобы все представить въ порядкѣ и приготовить гостю удобный пріютъ и удовлетворить его вкусы и привычки.

Леонидъ Ксенофоновичъ, оставаясь холостымъ, сохранилъ юношескую впечатлительность любви къ ближнему и готовность отдать ему все, что у него есть и что у него еще будетъ, выказывая особенный почетъ и участіе къ семейному положенію. И на службѣ, и въ частной жизни онъ яркою чертою проводилъ эти идеи по всей своей дѣятельности. Измѣняя по службѣ положеніе офицера, онъ, какъ заботливый отецъ, старался обставить эту переѣзку возможно лучшими условіями, освѣдомившись всегда, не семейный-ли онъ, чтобы не причинить семейному лишнихъ хлопотъ, не вызываемыхъ требованіями службы. Случится болѣе серьезный проступокъ, угрожающій карьерѣ офицера, и полется гнѣвная грозная рѣчь знатока-юриста, какимъ наказаніемъ будетъ подвергнутъ виновный. Но всѣ близкіе знали, что эта рѣчь закончится вопросами въ томъ же гнѣвномъ тонѣ: „Да чѣмъ же онъ будетъ жить?“ — „Да пожалуй онъ и семейный?“ — и затѣмъ примѣнялась самая мягкая мѣра взысканія, какую допускала законность и огражденіе интересовъ службы.

Заботливость и любовь въ отношеніи къ солдату были у Леонида Ксенофоновича безграничны. Онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобы сберечь каждую его свободную минуту и улучшить во всемъ его бытъ, насколько это было возможно, въ зависимости отъ средствъ, толковой распорядительности и вниманія начальника.

Трудно было кому-бы то ни было вспомнить ранѣе Леонида Ксенофоновича, что по наступившей порѣ года слѣдуетъ сдѣлать такое-то улучшение въ пицѣ, что послѣ двухъ-трехъ холодныхъ ночей, непредвидѣнно выданныхъ среди жаркаго лѣта, полезно раздать солдатамъ по двѣ шинели и т. д. Непреклонныя его ходатайства въ разныхъ вѣдомствахъ о солдатскихъ помѣщеніяхъ, о снабженіи всей дивизіи одѣялами и о разныхъ другихъ улучшенияхъ были постоянными темами его разговоровъ, къ которымъ онъ возвращался по нѣсколько разъ въ день.

Предъявляя такую настойчивость въ пользу солдата къ другимъ, онъ самъ щедро рукою удѣлялъ ему изъ своихъ трудовыхъ денегъ. Желая поощрить старательныхъ солдатъ, онъ дарилъ отличнымъ стрѣлкамъ часы, расходуя на эти подарки около 600 рублей ежегодно. Малѣйшая случайная услуга солдата вызывала тотчасъ щедрую награду. Люди, жившіе у него въ прислугѣ, отличаясь порядочностью и вѣжливостью для всѣхъ входившихъ въ домъ, жили въ большомъ довольствѣ и уносили съ собою на родину значительныя деньги, благословляя великодушнаго своего барина. Желаніе утѣшить и помочь каж-

дому было такъ велико въ Леонидѣ Ксенофоновичѣ, что онъ казался многимъ человѣкомъ, не обязаннымъ считаться со своими деньгами. Въ самомъ дѣлѣ, стоило кому проговориться въ его присутствіи о предстоящихъ расходахъ, какъ являлось любезное, прямодушное предложеніе: „Возьмите у меня нѣсколько сотъ рублей, я человѣкъ одинокій, мнѣ не нужны деньги, могу обождать“! и много нужно было осторожной настойчивости, чтобы не воспользоваться предложеніемъ и не обидѣть рѣзкимъ отказомъ великодушнаго кредитора. Нѣкоторые изъ случайно стѣсненныхъ семействъ узнаютъ, что за дѣтей въ школы внесена уже плата лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, и только послѣ смерти открывается, что этимъ лицомъ былъ Леонидъ Ксенофоновичъ. Во всѣхъ благотворительныхъ въ городѣ учрежденіяхъ и подпискахъ красовалось его имя съ крупною цифрою пожертвованія. Получая множество писемъ отъ вдовъ, сиротъ и разныхъ просителей, посылалъ удостовѣриться въ дѣйствительности нужды и никого обѣдствующаго не оставлялъ безъ помощи. Но еще больше онъ дѣлалъ добра такъ, „что лѣвая рука не знала, что творитъ правая“.

Высоко цѣнилась его служба. Онъ имѣлъ ордена 1-й степени Св. Станислава и Св. Анны, Св. Владиміра 2-й, Св. Георгія 4-й ст., много медалей и нѣсколько иностранныхъ орденовъ, и казалось, что близко время, когда этотъ образованный и необыкновенный труженикъ расширитъ свою творческую дѣятельность.

Рыцарски всегда честный, въ полномъ смыслѣ слова витязь, привѣтливый и услужливый въ частной жизни, обожаемый братьями, сестрою и родственниками своими, онъ имѣлъ во всѣхъ концахъ Россіи друзей и знакомыхъ, съ которыми не прекращалъ душевной переписки до послѣднихъ своихъ дней. Въ Могилевѣ онъ прожилъ недолго, нѣсколько болѣе двухъ лѣтъ. Но всюду встрѣчали его съ радостью какъ уважаемаго, дѣльнаго генерала, какъ добраго радушнаго согражданина и оживленнаго, всегда интереснаго собесѣдника.

Но этотъ многолюбящій и дѣльный человѣкъ вынесъ изъ-подъ Плевны вѣстѣ съ контузіями, ранами и боевою славою тяжкій недугъ, который томилъ его въ теченіи многихъ лѣтъ мучительными припадками и свелъ въ преждевременную могилу.

Утромъ 13-го октября 1885 г. Леонидъ Ксенофоновичъ найденъ въ кровати уснувшимъ вѣчнымъ сномъ отъ паралича сердца.

Еще при жизни Леонида Ксенофоновича одно изъ высокихъ лицъ, оцѣнивая въ разговорѣ его службу, выразилось такъ: „Его служба—это рядъ самопожертвованій“. Эта правдивая характеристика его служебной дѣятельности можетъ быть и прекрасной эпитафіей для его могилы съ добавленіемъ словъ: „и любилъ онъ ближняго больше самого себя“.

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КУКОЛЬНИКЪ.

† 1884 г.

Въ декабрьской книгѣ „Русской Старинѣ“, изд. 1835 г., на стр. 633-й помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ „Павелъ Васильевичъ Кукольникъ“. Въ замѣткѣ этой вкралась нѣкоторыя неточности, о которыхъ я, какъ лично знавшій Павла Васильевича въ послѣдніе годы его жизни въ Вильнѣ и довольно часто бывавшій въ его домѣ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Начну съ того, что въ упомянутой замѣткѣ авторъ, напримѣръ, говоритъ, что „Исторія Литвы“ (въ другомъ мѣстѣ „Исторія Великаго Княжества Литовскаго“) Кукольника—„не сдѣлалась достояніемъ печати и осталась неизвѣстною публикѣ“, и дагѣ, что покойный „ни подъ какимъ видомъ не соглашался отпечатать ее“. Если дѣло идетъ объ „Историческихъ замѣткахъ о Литвѣ“, то я считаю долгомъ заявить, что лично имѣлъ честь получить въ подарокъ отъ покойнаго Павла Васильевича, за годъ до его смерти, печатный экземпляръ этого труда, который и сохраняется у меня до настоящаго времени. Кромѣ того, мнѣ положительно извѣстно, что означенный трудъ былъ отпечатанъ въ количествѣ 100 экземпляровъ, изъ которыхъ 30 экз., по желанію генералъ-губернатора Мих. Ник. Муравьева, были пожертвованы Павл. Вас. для уѣздныхъ и городскихъ училищъ сѣверо-западнаго края, а остальные—70 были розданы близкимъ знакомымъ. Было-ли это сочиненіе въ отдѣльной продажѣ, не знаю. Едва-ли вѣрна и та мысль автора замѣтки, что будто Кукольникъ „никогда не хотѣлъ признать“ за этой книгой „ея неоспоримаго достоинства“ и вообще не умѣлъ цѣнить своихъ произведеній, ставя стихи выше историческихъ изслѣдованій. Какъ теперь помню Кукольникъ, передавая мнѣ „Историческія замѣтки“, выразился о нихъ какъ о книгѣ очень серьезной, гдѣ всякій, интересующійся исторіею края, найдетъ богатые содержаніемъ матеріалы. Кромѣ того, о своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ онъ всегда говорилъ какъ о вещахъ авторитетныхъ и очень любилъ принимать участіе въ спорахъ, касавшихся исторіи сѣверо-западнаго края. Если-же въ обществѣ часто слышали Павла Вас. деklamировавшимъ

свои стихи, то гуть нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ сама обстановка такихъ чтеній не допускала ничего иного....

По тону замѣтки можно заключить, что Кукольникъ былъ человѣкъ „съ ограниченными средствами“ и жилъ послѣднiе годы своего существованiя только „получаемою имъ небольшою пенсiею“. Это не совсѣмъ вѣрно. Пенсiона Пав. Вас. получалъ около 1,800 руб. въ годъ, что, при всѣмъ извѣстной его неприхотливости, было не только достаточно для безбѣднаго и независимаго существованiя, но еще давало ему возможность до конца жизни помогать нуждавшимся лицамъ и печатать, для своего удовольствiя, стихотворенiя, раздававшiяся только друзьямъ и близкимъ знакомымъ. Отъ родныхъ Павла Вас. мнѣ извѣстно, что онъ располагалъ большими средствами и могъ-бы быть богатымъ, если-бъ не его безграничная доброта, отзывчивость къ чужимъ нуждамъ и умѣренность во всемъ, что лично до него касалось. Такъ, имѣние, полученное отъ казны отцомъ въ виду его заслугъ и перешедшее къ Павлу Вас., послѣднiй отдалъ на уплату долговъ брата своего Платона Васильевича; имѣние, полученное имъ самимъ отъ казны, а также небольшой капиталъ, имѣвшiйся въ его распоряженiи, онъ роздалъ роднымъ еще при жизни, отказавшись въ пользу прочихъ наслѣдниковъ и отъ наслѣдствъ, полученныхъ имъ послѣ смерти жены и брата—знаменитаго въ литературѣ Нестора Васильевича. Такъ что по смерти его, дѣйствительно, не осталось почти никакого матеріальнаго имуществва, даже довольно богатой библиотеки, которую онъ еще при жизни роздалъ знакомымъ. Но, повторяю, Кукольникъ жилъ, на сколько мнѣ извѣстно, не нуждаясь, и оказывалъ благотворительность на широкихъ началахъ.

Авторъ замѣтки говоритъ, что Кукольникъ умеръ на рукахъ „одной сѣрдобольной дамы, давнишней его знакомой“,—и только. Незнающiй обстановки покойнаго можетъ, пожалуй, подумать, что Пав. Вас. умеръ, дѣйствительно, на чужихъ рукахъ, какимъ-то жалкимъ и беспомощнымъ, покинутый своими родными. А между тѣмъ, кому въ Вильнѣ не извѣстно, что въ послѣднiе годы жизни Кукольника при немъ безотлучно находились до самой его смерти сироты—внуки Екатер. Константиновна и Андрей Конст. Снитко, съ замѣчательнымъ самоотверженiемъ и любовью ухаживавшіе за маститымъ, но дряхлымъ старцемъ, предупреждавшiе всѣ его желанiя, воспитанiю которыхъ поэтъ посвятилъ остатокъ своихъ дней. Правда, что въ уходѣ и попеченiи за нимъ принимала горячее непосредственное участiе Варвара Ивановна Пельская, старый другъ его семейства, личность извѣстная своей добротой и любовью къ страждущему человѣчеству, попеченiями которой жизнь Павла Вас., можно сказать, была продлена на нѣсколько лѣтъ для кружка лицъ, всегда около него группировавшихся; но и внукамъ принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ значительная доля участiя: ихъ присутствiе, ихъ заботы и любовь поддерживали дряхлѣвшаго поэта, сохранившаго, до послѣднихъ дней, феноменальную память, свѣтлый умъ и отзывчатое къ чужимъ страданiямъ сердце, любимаго обществомъ и, между тѣмъ, немогшаго принимать въ немъ непосредственнаго участiя, по причинѣ глухоты и слабости зрѣнiя. Развѣ могъ-бы Пав. Вас., имѣя на печачахъ 90 лѣтъ, до послѣднихъ минутъ сохранить довольство окружающимъ и страстную любовь къ жизни, если-бы его старость не поддерживала свѣжая, преданная молодость.

Что касается до портрета Павла Вас., писаннаго знаменитымъ Брюловымъ, то онъ дѣйствительно существуетъ въ томъ видѣ, какъ это указано

въ разбираемой замѣткѣ. Люди, знавшіе Павла Вас. въ молодости, увѣряютъ, что портретъ положительно похожъ, но во всякомъ случаѣ онъ представляетъ работу незаконченную, невыписанную, не болѣе какъ эскизъ. Покойный Кукольникъ самъ рассказывалъ при мнѣ, въ кружкѣ знакомыхъ, исторію этого портрета, причемъ упомянулъ, что причина его появленія былъ споръ на религіозную тему... Молодые друзья, артисты и литераторы, собравшіеся въ его квартирѣ, насмѣшливо говорили о религіи, а Пав. Вас., человѣкъ глубоко вѣровавшій, по обыкновенію, спорилъ и опровергалъ... Наконецъ, не будучи въ состояніи переспорить и заставить замолчать своихъ многочисленныхъ противниковъ, онъ молча остановился передъ ними, въ халатѣ, съ заложенными за спину руками, и только саркастически улыбаясь... Вотъ въ этотъ-то моментъ Брюловъ набросалъ на полотно его характерную фигуру. На вопросъ, отчего художникъ не окончилъ своей работы, Пав. Вас. обыкновенно говорилъ: „по лѣности“. Добавлю отъ себя, что у Кукольника былъ еще одинъ эскизъ Брюлова, сдѣланный на четвертушкѣ бумаги, красками или тушью, хорошо не помню. Эскизъ этотъ долженъ былъ служить иллюстраціей къ извѣстной поэмѣ Павла Вас. „Св. Апостолъ Іуда, братъ Господень“, (а не просто „Іуда“, какъ значитса въ замѣткѣ). Рисунокъ изображаетъ Св. Іуду въ темницѣ, передъ смертью, въ молитвенномъ положеніи, и ангела, указывающаго ему на престолъ, уготованный на небесахъ. Оба эскиза перешли по наслѣдству къ внукамъ Кукольника—Снитко, живущимъ въ Вильнѣ, и опасенія автора замѣтки, что вышеупомянутый портретъ можетъ „пропасть безслѣдно для родного искусства“—по меньшей мѣрѣ ни на чемъ не основаны: интеллигентные внуки покойнаго хранятъ все, оставшееся послѣ него, какъ святыню, и никому, вѣроятно, не было-бы отказано видѣть и знаменитый портретъ глубоко-чтимаго „дѣдушки“.

Личность Павла Вас. Кукольника настолько замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ, какъ историческаго и литературнаго дѣятеля, какъ человѣка и христіанина, въ немъ сосредоточивалось такъ много самобытнаго и оригинальнаго, что было-бы желательнѣе видѣть въ печати не короткія о немъ замѣтки, а серьезный трудъ людей, знавшихъ покойнаго десятки лѣтъ, хорошо знакомыхъ съ тою выдающеюся ролью, которую онъ игралъ въ дѣлѣ обрусенія сѣверо-западнаго края, какъ истинно-русскій человѣкъ и горячій патриотъ. А такіе люди, знавшіе Павла Вас. давно и хорошо, еще живы... Правда, въ 1885 году въ Вильнѣ отпечатана брошюра г. Шверубовича, подъ заглавіемъ „Братья Кукольники, очеркъ ихъ жизни“; но она, при всѣхъ ея достоинствахъ, только поверхностно коснулась отношеній Кукольника къ различнымъ историческимъ дѣятелямъ въ области политики и искусства, а на этихъ отношеніяхъ, по моему мнѣнію, и долженъ быть сосредоточенъ весь интересъ его будущей біографіи, которая еще до сихъ поръ ждетъ своего составителя.

А. В. Ж.

С.-Петербургъ.
11 декабря 1885 г.

ГАВРИЛЪ ЯКИМОВИЧЪ ЛОМАКИНЪ.

Автобіографическія записки съ примѣчаніями В. В. Стасова.

Настоящія автобіографическія записки написаны Г. Я. Ломакинымъ по моей просьбѣ.

Ранней весной 1883 года я, однажды, гулялъ съ нимъ по Невскому проспекту и сталъ говорить ему, что вотъ скоро (въ мартѣ 1887 г.) совершится 25-лѣтіе со времени основанія Бесплатной музыкальной школы, и онъ хорошо бы сдѣлалъ, если-бъ написалъ всю исторію этого дѣла. Онъ сначала не соглашался, ссылаясь на то, что не умѣетъ писать, не привыкъ къ этому. Я совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ помощи жены его, Надежды Андреевны, очень образованной особы, которую я зналъ еще въ дѣвочкахъ. Я настаивалъ на писаніи воспоминаній особенно потому, что въ то время Г. Я. Ломакинъ начиналъ становиться слабъ и болѣзненъ. Въ разговорѣ онъ мало по малу одушевился, рассказывалъ многое изъ своей прежней жизни, и все это показалось мнѣ такъ интересно, что я принялся уговаривать его, чтобы онъ написалъ уже не одну только исторію основанія и развитія Бесплатной музыкальной школы, но всю вообще свою жизнь.

Черезъ нѣсколько времени онъ, наконецъ, согласился и мы разстались съ тѣмъ, что онъ тотчасъ-же приступитъ къ дѣлу.

Съ этого дня я Ломакина болѣе никогда не видалъ, но получалъ отъ него, черезъ жену его или черезъ общихъ знакомыхъ, извѣстія, что онъ своего обѣщанія не забылъ и записки свои пишетъ.

Послѣ смерти Ломакина, 9-го мая 1885 года, я получилъ отъ его жены „Записки“ съ разрѣшеніемъ ея печатать ихъ вполнѣ или въ извлеченіи, съ такими измѣненіями, какія я признаю необходимыми. Но никакихъ измѣненій не понадобилось и я позволилъ себѣ лишь значительное сокращеніе въ последнемъ параграфѣ: „Печатаніе сочиненій и смерть Ломакина“, такъ какъ тутъ встрѣтились много подробностей, частью понапрасно очень длинныхъ, частью въ отношеніяхъ личномъ и семейномъ неудобныхъ для печати.

„Записки“ писаны рукою Н. А. Ломакиной, явно подъ диктовку самого автора, или по крайней мѣрѣ съ ближайшимъ сохраненіемъ подробностей изустнаго разсказа Ломакина. Знавшіе его лично узнають, я надѣюсь, даже въ приведенныхъ разговорахъ весь складъ и фізіономію его личныхъ разсказовъ. Надеждой Андреевнѣ самою написанъ самостоятельно только послѣдній параграфъ, содержащій послѣднюю болѣзнь и смерть ея покойнаго мужа.

Я узналъ Ломакина въ училищѣ правовѣдѣнія еще въ 1837 или 1838 г. и съ тѣхъ поръ былъ съ нимъ, въ продолженіе 50-ти почти лѣтъ, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Съ самаго начала нашего знакомства, я, вмѣстѣ съ остальными товарищами по правовѣдѣнію, очень любилъ его и цѣнилъ его доброту, любезность, милое обращеніе, отсутствіе учительски-деспотическихъ приемовъ. Впослѣдствіи я сталъ цѣнить въ немъ высокія музыкальныя его качества, любовь и пониманіе настоящей музыки и рѣдкое умѣнье не только управлять и двигать хоромъ, но еще достигать посредствомъ него эффектовъ глубоко-художественныхъ. Но еще важнѣе показалось мнѣ то дѣло, которое началъ въ 1862 году Ломакинъ. Я говорю про Безплатную музыкальную школу, основанную имъ вмѣстѣ съ М. И. Балакиревымъ. Школа эта имѣла громадное значеніе въ исторіи новой русской музыки. Не стану повторять по этому поводу то, что излагалъ уже много разъ въ печати („Вѣстникъ Европы“ 1881 и 1883 гг.), но скажу только, что въ настоящихъ „Запискахъ“ интересующіеся дѣломъ найдутъ полное изложеніе начала и первыхъ годовъ существованія этой школы, — подробности, у насъ мало извѣстныя.

Вообще-же говоря, „Записки“ Ломакина представляютъ матеріалъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени важный и интересный для исторіи русской музыки послѣднихъ 50 лѣтъ. Наши музыканты мало и рѣдко пишутъ и русская публика слишкомъ мало знаетъ объ ихъ жизни, усиліяхъ, страданіяхъ, достигнутыхъ и чаще не достигнутыхъ цѣляхъ, объ ихъ помощникахъ и врагахъ, наконецъ, также о рѣдкихъ ихъ успѣхахъ и радостяхъ.

В. В. Стасовъ.

„Русская Старина“, представившая на своихъ страницахъ множество драгоценныхъ данныхъ къ жизнеописаніямъ и обзорамъ музыкальнаго творчества — М. И. Глинки, А. Н. Сѣрова, А. С. Даргомыжскаго и друг., съ удовольствіемъ даетъ мѣсто и интереснымъ запискамъ исполнителя ихъ превосходныхъ произведеній — Ломакина.

Ред.

I.

Гавриилъ Якимовичъ Ломакинъ родился въ 1812 году, 26-го марта, въ Курской губерніи, въ имѣніи графа Дмитрія Николаевича Шереметева, Борисовкѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ. Съ малолѣтства проявлялась въ немъ любовь къ церковному пѣнію въ томъ, что онъ становился постоянно на клиросъ и пѣлъ съ другими по слуху, во время богослуженія. Вскорѣ обнаружился у него хорошій голосъ сопрано, и когда пріѣхалъ въ Борисовку, по порученію гр. Шереметева, для набора голосовъ, учитель придворныхъ пѣвчихъ, Лѣницкій, обучавшій также пѣнію въ капеллѣ графа, онъ обратилъ вниманіе на его голосъ, и вмѣстѣ съ прочими wybranными мальчиками для хора графа отправили его въ Петербургъ. Тогда ему минуло 10 лѣтъ, и съ этого времени вся его жизнь была посвящена музыкѣ.

Вскорѣ маленькій пѣвунъ сдѣлался солистомъ въ хорѣ графа, за что видимо былъ отличенъ отъ другихъ и получалъ отъ графа подарки. Въ то время хоръ состоялъ изъ 30 человекъ, и пѣніе шло безъ всякой науки. Пѣвчіе едва знали ноты, о дѣленіи нотъ и объ интонаціи не имѣли понятія, разучивали сочиненія Бортнянскаго и другихъ не иначе, какъ съ помощью скрипки, и въ продолженіи цѣлаго мѣсяца разучивался одинъ концертъ, да и то было шаткое знаніе: кто посильнѣе, тотъ и велъ весь хоръ. Простое пѣніе шло какъ-то произвольно, невѣжественно, вожакомъ былъ кто нибудь изъ старыхъ пѣвчихъ, знавшихъ напѣвъ по слуху. Если-бъ ему вздумалось остановиться или соврать, то и весь хоръ путался и останавливался, что и случалось нерѣдко. Думали тогда, что иначе и быть не можетъ. Въ такомъ положеніи былъ хоръ, когда Ломакинъ познакомился съ нимъ.

Графъ Д. Н. Шереметевъ, вѣроятно, былъ недоволенъ преподаваніемъ Лѣницкаго, ибо замѣнилъ его итальянцемъ Сапиенца, у котораго самъ бралъ уроки пѣнія. Сдѣлавшись учителемъ капеллы, Сапиенца ввелъ въ нее хорошую манеру, нѣкоторую науку и вкусъ, украшая пѣніе итальянскими каденцами, фигурами, что всѣмъ очень нравилось. Потныя пѣсы, концерты, херувимскія производились хоромъ лучше прежняго; но простое пѣніе, преобладающее при богослуженіи, оставалось безъ всякаго руководства. Не зная ни напѣвовъ, ни характера нашего русскаго церковнаго пѣнія, онъ не могъ быть полезенъ въ томъ, въ чемъ наиболѣе нуждалась церковь. Ирмосовъ и стихирь еще не было положено на ноты, никто не заботился о гар-

моніи, никто, казалось, не зналъ ея. Березовскій, Дегтяревъ, Давыдовъ, Боргнианскій употребляли свои таланты и знаніе на собственные оригинальныя сочиненія, до церковныхъ пѣвцовъ никто не касался и они оставались на произволь пѣвчихъ и дьячковъ.

Недолго состоялъ Саптенца учителемъ при капеллѣ графа. Еще при немъ предоставлено было Ломакину дирижировать хоромъ, а по отъѣздѣ графа Д. Н. Шереметева ¹⁾ въ польскую кампанію, въ 1830 г., Ломакинъ сдѣлался учителемъ пѣвчихъ.

До того времени Ломакинъ уже успѣлъ нѣсколько образовать себя въ музыкальномъ отношеніи: бралъ уроки на скрипкѣ у одного старичка, лучшаго скрипача изъ оркестра покойнаго графа Николая Петровича Шереметева, отца графа Дмитрія Николаевича. Занимался игрой на фортепіано, сначала безъ всякаго руководителя, пока не познакомился съ Василевскимъ, театральнымъ музыкантомъ, который, не играя самъ на фортепіано, давалъ уроки. Поучившись у него нѣсколько времени, Ломакинъ началъ самъ давать уроки музыки и вознагражденіемъ за свой трудъ оплачивалъ уроки Василевского. Впослѣдствіи его учителями музыки были Коссовъ, ученикъ Фильда, и Адамъ.

II.

Учительское поприще.

Сдѣлавшись учителемъ пѣнія въ 18 лѣтъ, въ капеллѣ графа Шереметева, Ломакинымъ овладѣло сильное желаніе двинуть науку впередъ. Но для достиженія этой цѣли оказалось много препятствій и затрудненій. Основательнаго элементарнаго обученія въ капеллѣ не было, руководства съ русскимъ текстомъ для изученія всѣхъ музыкальныхъ правилъ не существовало, а Ломакинъ былъ убѣжденъ въ необходимости ввести ученіе на фундаментальныхъ началахъ, попробовалъ самъ составить методу для элементарнаго преподаванія и разныя упражненія для хорнаго пѣнія въ самомъ простомъ и удобопонятномъ видѣ. Главное его вниманіе было обращено на чтеніе и дѣленіе нотъ, съ помощію равномернаго движенія руки. Это нововведеніе было принято взрослыми пѣвчими съ большою недовѣрчивостью; нужно было убѣждать и настаивать. Вскорѣ, однако, видя явную пользу и облегченіе при разучиваніи пѣснь, всѣ должны были подчиниться его новой системѣ, и дѣло пошло безпрепятственно.

¹⁾ Онъ служилъ тогда въ кавалергардахъ.

Въ томъ же 1830 году Ломакина пригласили учить церковному пѣнію въ театральное училище. Мартыновъ, Максимовъ, Рамазановъ, Воробьева, Степанова, Лядовъ и др. были его младшими учениками и пѣли у него въ хорѣ. Знаменитый старикъ Самойловъ, будучи большимъ любителемъ церковнаго пѣнія, приходилъ часто въ классы пѣнія и пѣлъ соло въ концертахъ Дегтярева и Горулева своимъ прекраснымъ теноромъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1831 году, Ломакина пригласили учить кадетъ въ Павловскій кадетскій корпусъ, гдѣ въ короткое время сдѣланы были настолько удовлетворительные успѣхи въ пѣніи, что в. к. Михайлъ Павловичъ, которому понравилась метода Ломакина, пожелалъ, чтобъ его пригласили учить и въ другія военно-учебныя заведенія. Затѣмъ послѣдовали приглашенія: въ 1 и 2 корпуса, въ дворянскій полкъ, въ морской корпусъ, въ корпусъ путей сообщенія, лицей, пажескій корпусъ, училище правовѣдѣнія, пять женскихъ институтовъ и частныя заведенія. Нигдѣ онъ не находилъ въ то время никакого руководства, и это поставило его въ необходимость составить упражненія, методы пѣнія, дѣлать переложенія въ гармонію обѣдни, всеобщей и круга церковнаго пѣнія на 4 голоса. Эти переложенія были налитографированы и распространялись по корпусамъ въ губерніяхъ, гдѣ, также какъ и повсюду, ощущались неудобство и неурядица при исполненіи церковнаго пѣнія. Однако, находились люди, которые возмущались противъ введенія гармоніи, думая, что она измѣняетъ напѣвъ: басъ не поетъ въ унисонъ съ верхними голосами, а держитъ фундаментальныя ноты. Одинъ священникъ изъ Новгородскаго корпуса даже написалъ жалобу на Ломакина, начальнику штаба Ростовцеву, который и потребовалъ къ себѣ Ломакина для объясненія; но послѣ, понявъ въ чемъ дѣло, велѣлъ продолжать пѣть по его переложеніямъ. Съ тѣхъ поръ въ заведеніяхъ, гдѣ училъ Ломакинъ, шло пѣніе въ правильной гармоніи, но строгаго, послѣдовательнаго ученія онъ не могъ ввести въ массу учениковъ за недостаткомъ времени, по причинѣ частой перемѣны голосовъ, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, труды его не остались безъ плодовъ. Многие изъ учениковъ его, вышедшіе изъ заведеній, сдѣлались любителями, музыкантами, учителями, сохранивъ на всю жизнь дружественныя отношенія къ первому своему учителю.

Въ тѣ годы своей молодости Ломакинъ имѣлъ также много частныхъ уроковъ пѣнія, сочинялъ романсы, бывшіе тогда въ большой модѣ, а все свободное время посвящалъ на собственное образованіе и изученіе музыкальныхъ сочинителей. Переигралъ и перетвердилъ всѣ этюды Черни, Крамера, Миллера, Клементи, Мошелеса, Скарлатти,

всѣ сонаты Бетховена, Вебера, Моцарта, фуги Ваха и пр. Его механизмъ, дошедши до извѣстной степени, далѣе не пошелъ, но настолько былъ развитъ, что далъ ему возможность познакомиться со всѣмъ музыкальнымъ міромъ, изучать классиковъ и читать партитуры, что и способствовало образованію его музыкальнаго вкуса. Тогда всѣ усилія свои сосредоточилъ Ломакинъ на усовершенствованіи хорнаго пѣнія въ капеллѣ гр. Шереметева, гдѣ ему представлялась полная свобода примѣнить свси знанія къ дѣлу.

По возвращеніи гр. Д. Н. Шереметева изъ Польши въ 1831 году, онъ нашелъ въ хорѣ большую переměну—къ лучшему, пристрастился къ нему болѣе чѣмъ когда либо, и ничего не жалѣлъ для его увеличенія. Маленькія и большія голоса выписывались каждые три, четыре года изъ Малороссіи, изъ его имѣній, а по спаденіи голосовъ, малолѣтніе пѣвчіе, по собственному желанію, отправлялись обратно къ родителямъ, съ вознагражденіемъ по 50 р. Желających остаться въ Петербургѣ опредѣляли на какія либо мѣста при домѣ или въ канцеляріи графа. Выдающіеся же таланты дѣлали себѣ артистическія карьеры, какъ, наприм., Бѣликовъ, Мареничъ, Усатовъ, Алабышевъ, Коноплевъ, Кившенко, Барышевъ и др.

Хотя дѣти переměнялись, но наука не прерывалась въ капеллѣ графа, росла и приносила плоды. Дѣти, наравнѣ съ большими, разбирали трудныя сочиненія à *livre ouvert*. Будучи тверды въ чтеніи, дѣленіи нотъ и интонаціи, они владѣли голосами такъ, что по знаку учителя смягчали или усиливали звуки съ постепенностью всѣ одинаково. Это дружное согласіе и производило тотъ *ensemble*, который уподобляли пѣнію одного гиганта.

Однако, не смотря на общіе одобрительные отзывы, льстившіе самолюбію графа и возрастающую славу хора его, ему случалось иногда класть камушки подъ колею своему учителю. Такъ, проведя однажды вечеръ у Ломакина, съ директоромъ придворной капеллы А. Ѳ. Львовымъ, графъ пригласилъ его послушать его хоръ. Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ авторитетъ и знатокъ, принялъ видъ строгаго судьи и, послушавши пѣніе хора, вмѣсто всякой похвалы, къ которой привыкъ графъ, сдѣлалъ только одно замѣчаніе: «Не должно пѣть церковное пѣніе съ такимъ выраженіемъ».

Это мнѣніе такъ повліяло на гр. Дм. Ник., что онъ съ тѣхъ поръ повелѣлъ пѣть въ своей церкви все по придворному и безъ всякихъ отгѣнковъ. По этой или по другой причинѣ, у Ломакина въ тотъ годъ было разлитіе желчи, и послѣдствія этой болѣзни давали себя чувствовать очень долго.

III.

Служба въ придворной капеллѣ.

Въ 1848 году Ломакинъ былъ приглашенъ въ должность главнаго учителя придворныхъ пѣвчихъ. Съ горячею любовію къ дѣлу принялся онъ за образованіе малолѣтнихъ, завелъ ту же систему обученія, какъ и у графа, мечталъ положить твердое основаніе науки, возвысить и проявить искусство хороваго пѣнія, но встрѣтилъ неожиданныя препятствія, которыя и предсказывалъ ему бывшій тамъ учитель Палагинъ, убѣждавшій его не заводить ничего новаго, ибо старанія его будутъ напрасны.

Ломакинъ употребилъ, однако, всѣ усилія, чтобы ввести науку, которая и привилась къ дѣтямъ, но въ большихъ и старыхъ пѣвчихъ такъ уже вкоренилась привычка пѣть рутинно, что они не признавали необходимости переучиваться, тѣмъ болѣе, что придворный хоръ и безъ того славится своимъ пѣніемъ. Да и самъ директоръ не считалъ нужнымъ вводить особенное образованіе въ капеллу, по той причинѣ, что былъ такого убѣжденія: „если научатся, то и уйдутъ изъ капеллы, а ихъ нужно держать въ черномъ тѣлѣ“.

Усилія Ломакина, однако, не остались совершенно тщетными. Нѣкоторые изъ придворныхъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, подъ его руководствомъ, въ продолженіе 12-ти лѣтъ, вышли хорошими учителями пѣнія, а солисты того времени изъ большихъ голосовъ отличались особеннымъ оттѣнкомъ вкуса. Ломакинъ, служа въ капеллѣ, часто бывалъ у директора Львова, по музыкальнымъ дѣламъ. Сознывая также недостатки въ нашемъ церковномъ пѣніи, А. Θ. Львовъ задумалъ предпринять громаднѣйшій трудъ: переложить въ гармонію весь годичный обиходъ. Начало этой работы поручено было Воротникову, учителю придворныхъ пѣвчихъ, но онъ, вѣроятно, не поладивъ съ А. Θ. Львовымъ, оставилъ капеллу и указалъ прямо на Ломакина, какъ на человѣка способнаго къ этому дѣлу. Вотъ А. Θ. и взялся за Ломакина. Давалъ ему на домъ кипы нотъ: ирмосы, октоихъ, греческіе ирмосы и всѣ простыя напѣвы, для переложенія ихъ на 4 голоса. Все время, необходимое для отдыха, онъ долженъ былъ отдать на этотъ трудъ. Поработавши нѣсколько, онъ приносилъ свои опыты къ директору на прослушыванье. А. Θ. иногда дѣлалъ свои замѣчанія, они совѣщались вмѣстѣ, спорили, соглашались, а иногда А. Θ. слушалъ молча, сидя у рояля, одобрялъ знакомъ или дремалъ подъ однообразные аккорды

октоиха. Ломакинъ исписалъ болѣе двухъ тысячъ страницъ, и подъ конецъ писалъ какъ-то машинально, и можетъ быть небрежно, что и отразилось въ недостаткахъ и ошибкахъ, оказавшихся въ изданіи. Въ него давно закрадывалась мысль, по поводу нѣкоторыхъ данныхъ, что его работа, столь продолжительная и скучная, не оцѣнится и не вознаградится. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ и довелъ ее до окончанія. Погрузившись въ такую однообразную сферу на 10 лѣтъ, Ломакинъ совершенно потерялъ способность сочинять что либо самъ: одни церковные напѣвы вертѣлись у него въ головѣ и уничтожили всякое вдохновеніе. Онъ спѣшилъ покончить съ этимъ одуряющимъ трудомъ, а А. Ѡ. Львову хотѣлось также поскорѣе раздѣлаться съ нимъ, чтобы представить трудъ свой императору Николаю Павловичу. Когда нужно было приступить къ изданію переложеній, А. Ѡ. Львовъ, сознавая важность этого дѣла, въ которомъ былъ участникомъ также инспекторъ придворной капеллы П. Е. Бѣликовъ, какъ корректоръ текста ¹⁾—вознамѣрился вознаградить трудящихся обильными общаніями будущиѣхъ благъ и пригласилъ Ломакина и Бѣликова на весьма важное совѣщаніе.

— „Ну, друзья мои, сказалъ онъ, то, что я теперь сдѣлалъ для церкви, никто еще въ Россіи не дѣлалъ. Эта заслуга должна принести обильные плоды. Много времени и трудовъ стоило намъ облечь въ форму и порядокъ всѣ разбросанные напѣвы; но мы, благодаря Бога, достигли до окончанія громаднаго труда, и теперь должны подумать, какимъ образомъ вознаградить себя за нашъ общій трудъ. Такъ какъ мы работали втроемъ, то мы же втроемъ и напечатаемъ

¹⁾ Бѣликовъ принималъ участіе не въ одной только корректурѣ этого изданія. Онъ былъ съ молодости знатокъ старинныхъ русскихъ „врюковыхъ нотъ“, и перекладывалъ въ тѣ годы для Ломакина, по порученію А. Ѡ. Львова, многіе церковные напѣвы изъ старыхъ нотныхъ книгъ, писанныхъ врюковыми нотами и присланныхъ тогда во множествѣ въ пѣвческую капеллу изъ разныхъ церквей и монастырей, по требованію А. Ѡ. Львова. Нѣкоторые изъ этихъ книгъ поступили впоследствии, въ 1860-хъ годахъ, отъ Бѣликова въ императорскую публичную бібліотеку, черезъ мое посредство. — Прибавлю здѣсь, что какъ инспекторъ капеллы, Бѣликовъ отличался крайнею суровостью, даже жестокостью. Онъ возмутительно обращался съ малолѣтними пѣвчими, сѣвъ ихъ немилосердно, что въ тѣ времена было, впрочемъ, не чудо: тогда поминутно происходили сѣченія и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, наполненныхъ генеральскими дѣтьми, каковы: училище правовѣдѣнія, лицей, пажескій корпусъ. Но вѣчными розгами Бѣликовъ не удовольствовался и любилъ таскать маленькихъ пѣвчихъ за волосы и рвать имъ уши до крови; онъ съ какимъ-то наслажденіемъ запускалъ имъ въ ухо спон острые ногти. Мнѣ рассказывали это тогда очевидцы.

его на свой счетъ, и вырученныя съ продажи нотъ деньги будемъ дѣлить поровну. Предварительно мы сдѣлаемъ на бумагѣ условіе, которое скрѣпить и упрочить за нами право на нескончаемые доходы. Нашъ трудъ есть наша собственность, тѣмъ болѣе, что мы кладемъ въ него и нашъ капиталъ. Для изданія октоиха потребуется 3,000 р.; слѣдовательно каждый изъ насъ долженъ пожертвовать по 1,000 р., чтобы быть участникомъ доходовъ. Такимъ образомъ, мы вознаградимъ себя, и оставимъ дѣтямъ нашимъ такое наслѣдство, за которое они будутъ вѣкъ благодарить насъ».

Это было сказано чистосердечно и убѣдительно; Ломакинъ не могъ отказать отъ предложеннаго участія, внесъ 1,000 руб. сер., свою часть на изданіе, и подписалъ условіе, которое, ничѣмъ неузаконенное, и осталось у директора. Переложешя, сдѣланныя подъ руководствомъ А. Ѳ. Львова, были напечатаны и поднесены государю императору въ 1858 году, за что Львовъ получилъ монаршую награду денежную и двѣ драгоцѣнныя вазы. При первомъ свиданіи Ломакина съ директоромъ, первый поздравилъ А. Ѳ. съ монаршею милостію, и въ тотъ же день узналъ отъ него, что ихъ условіе, сдѣланное о дѣлежѣ доходовъ съ продажи церковныхъ нотъ, не можетъ быть дѣйствительно, такъ какъ это принадлежность придворной пѣвческой капеллы. Деньги же, внесенныя Ломакинымъ на изданіе, А. Ѳ. обѣщался выплатить по частямъ, по мѣрѣ продажи нотъ, а условіе уничтожилъ.

Черезъ годъ, Ломакинъ получилъ отъ А. Ѳ. 600 р., а въ остальныхъ 400 р. Львовъ далъ росписку на маленькомъ лоскуткѣ бумаги, который затеривался нѣсколько разъ въ продолженіе 12-ти лѣтъ; когда же эта росписка попадалась ему въ руки, Ломакинъ намѣревался бросить ее въ печь, однако, она уцѣлѣла до той минуты, когда А. Ѳ., чувствуя приближеніе смерти и желая покончить всѣ земные расчеты, вспомнилъ о своемъ долгѣ, и послалъ за Ломакинымъ; принявъ его ласково, отдалъ долгъ, вспоминалъ прошлую свою артистическую славу, открывалъ свою любимую скрипку, любовался ею долго, закрывалъ ее атласнымъ покрывальцомъ и, запирая футляръ, сказалъ: „вотъ такъ и меня закроютъ“.

Они разстались друзьями.

Но служа въ придворной капеллѣ, Ломакинъ не пользовался положеніемъ директора послѣдніе годы. Въ занятіяхъ его съ пѣвчими А. Ѳ. Львовъ его не поощрялъ и не поддерживалъ, и та польза, которую Ломакинъ желалъ принести, заглушалась преобладающею силою схоластики. Эта борьба утомляла и обезкураживала Ломакина, а еще одно обстоятельство, подошедшее къ тому же настроенію, способствовало его рѣшенію оставить капеллу.

Служба Ломакина считалась коронною въ училищѣ правовѣдѣнія и въ придворной капеллѣ. Въ 1861 году праздновалось 25-ти лѣтіе основанія училища и всѣ служащіе въ этомъ заведеніи, съ основанія его, были представлены къ наградѣ. Ломакинъ былъ представленъ къ вознагражденію орденомъ св. Анны 2-й степени, но такъ какъ на дѣйствительной службѣ онъ состоялъ въ придворной капеллѣ, то училище должно было предварительно обратиться къ директору капеллы съ запросомъ: не имѣется ли препятствія къ представленію Ломакина къ ордену?—Отвѣтъ получился тотъ, что „не было еще примѣра въ придворной капеллѣ, чтобы учителямъ церковнаго пѣнія давали ордена, слѣдовательно и Ломакину не полагается“. Однако, не въ примѣръ другимъ, Рожновъ, занявшій его мѣсто, въ непродолжительномъ времени выхлопоталъ себѣ орденъ вопреки законамъ. Хотя Ломакинъ не приписывалъ особеннаго значенія ордену, но недоброжелательство придворнаго начальства его сильно оскорбило и послужило поводомъ къ его отставкѣ. Въ училищѣ же правовѣдѣнія наединѣ ему объявили, что вмѣсто ордена ему назначена награда въ 500 р. А орденъ св. Анны 2-й степени онъ вскорѣ потомъ получилъ изъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ ¹⁾).

¹⁾ Считаю необходимымъ рассказать здѣсь одинъ фактъ изъ этого періода жизни Г. Я. Ломакина, о которомъ онъ забылъ упомянуть, когда писалъ свои „Записки“.

Принцъ П. Г. Ольденбургскій хорошо помнилъ А. Н. Сѣрова и меня, какъ „музыкантовъ“, еще со временъ концертовъ въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ мы съ Сѣровымъ, еще воспитанниками, принимали самое дѣятельное участіе. Между нашими товарищами мы считались тогда первыми по музыкѣ, Сѣровъ—какъ віолончелистъ, я—какъ піанистъ, ученикъ Гензельта.

Въ началѣ 1851 года, принцъ призвалъ къ себѣ во дворецъ Сѣрова и меня, и просилъ насъ взять на себя устройство концерта въ пользу глазной лечебницы (на Моховой), состоявшей подъ покровительствомъ принца. Мы тотчасъ-же занялись устройствомъ этого дѣла, и оно вполне удалось намъ, къ величайшему удовольствію принца, котораго мы, какъ и всѣ правовѣды, обожали отъ всей души. Концертъ былъ въ залѣ дворянскаго собранія, въ воскресенье на Пасхѣ, 30 апрѣля. Оркестромъ управлялъ лучшій тогдашній петербургскій капельмейстеръ, Мауреръ, дирижировавшій обыкновенно концертами музыкальнаго симфоническаго общества, происходившими въ залѣ придворной пѣвческой капеллы. Что же касается хора, то мы съ Сѣровымъ вздумали было сначала просить графа Шереметева, чтобы онъ позволилъ своему хору пѣть въ этомъ концертѣ (это присовѣтывалъ намъ Ломакинъ, къ которому мы обратились какъ къ старинному нашему пріятелю, еще со временъ училища).

Но графъ Шереметевъ не согласился; я тогда, по моему предложенію, сдѣлалъ вотъ что: отъ имени принца Ольденбургскаго мы съ Сѣровымъ попро-

IV.

Хоръ графа Шереметева.

Освободившись отъ придворной капеллы, Ломакинъ устремилъ всё свои способности на хоръ графа Шереметева. Въ 1840-хъ годахъ хоръ достигъ своимъ составомъ и искусствомъ общей извѣстности. Императрица Марія Александровна, будучи еще наслѣдницею, пріѣзжала въ церковь графа Дмитрія Николаевича съ фрейлиною Пр. Арс. Бартеневой и графомъ Алсуфьевымъ. Великая княгиня Елена Павловна, вел. кн. Александра Иосифовна бывали въ церкви графа, чтобъ послушать пѣніе, а въ 1870 году императрица Марія Александровна пожелала прослушать хоръ графа у себя въ Зимнемъ дворцѣ, въ концертной залѣ, гдѣ онъ исполнялъ свѣтское и духовное пѣніе. Всѣ пріѣзжавшіе въ Петербургъ иностранные артисты и композиторы, какъ, напримѣръ, графиня Росси, Рубини, Тамбурины, Лаблашъ, Ма-

сили командировъ четырехъ гвардейскихъ полковъ: преображенскаго, семіоновскаго, измайловскаго и павловскаго, гдѣ были лучшіе во всей гвардіи полковые пѣвчіе, дать намъ для концерта (конечно за деньги) по 15 человекъ избранныхъ пѣвчихъ. Всѣ четыре генерала дали свое разрѣшеніе (что было не такъ-то легко, по тогдашнимъ временамъ), и у насъ составилъ отличный хоръ изъ 60 избранныхъ пѣвчихъ, которыхъ мы и поручили Ломакину. Каждая группа изъ 15 человекъ разучила свои партіи дома, со своимъ собственнымъ регентомъ. Ломакину оставалось только свести всѣ четыре группы вмѣстѣ, и добиться отъ всего хора настоящихъ художественныхъ отгѣнковъ. Онъ это выполнялъ, конечно, со своимъ всегдашнимъ мастерствомъ. Афиши отъ этого концерта не сохранились, и я иные номера забылъ, но вотъ главный составъ его (программу придумали мы вдвоемъ съ Сѣровымъ): 1) Увертюра изъ Ифигеніи Глукки; 2) „Ave regim corpus“ хоръ, Моцарта; 3) хоръ „Voto tremendo“ изъ „Идоменей“, Моцарта; 4) фантазія для ф. п. съ хоромъ. Бетховена (партію ф. п. исполнилъ мой бывшій въ прежніе годы учитель, а тогда пріятель—Герке). Пьесы solo исполняли лучшія тогдашнія петербургскія любительницы: З. А. Башинская (впослѣдствіи княгиня Манвелова), М. В. Шиловская и М. А. Тришатная. Эта послѣдняя исполнила речитативъ и арію, съ оркестромъ, изъ оперы Сѣрова (оставшейся навсегда неконченною) „Майская ночь“.

Къ числу любопытныхъ особенностей этого, во многихъ отношеніяхъ характернаго, концерта, о которомъ подробно будетъ разсказано въ моихъ „Запискахъ“ (объщанныхъ „Русской Старинѣ“), принадлежало то, что по моей мысли всѣ пространства между колоннами, въ залѣ дворянскаго собранія, были забраны, вокругъ эстрады оркестра, вплоть до верху, досками, чтобъ помочь резонансу, который въ этой залѣ всегда былъ очень неудовлетворителенъ.

В. В. Стасовъ.

рю, Фреддолини, Влардо-Гарсія, Берлюозъ, Листъ, Делеръ и др., слушали хоръ съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Ихъ поражали стройность аккорда, мягкость, сила, единство шестидесяти голосовъ и художественность исполненія. Въ концертной или пѣвческой залѣ графа, хоръ исполнялъ въ извѣстные дни, кромѣ русскихъ церковныхъ сочиненій, преимущественно сочиненія древнихъ классиковъ: Палестрины, Баха, Лео, Дуранте, Лотти, Марчелло, Аркадельта и проч. Въ то время такую капитальную музыку врядъ ли можно было слышать въ Россіи гдѣ либо, кромѣ капеллы графа Шереметева, что и придавало особенный интересъ этимъ музыкальнымъ собраніямъ для знаменитыхъ артистовъ, умѣющихъ воплѣтить все изящное въ искусствѣ. А для русскихъ нашихъ любителей и знатоковъ капелла графа составляла центръ, гдѣ каждый могъ удовлетворить свой музыкальный интересъ. Извѣстный любитель музыки князь Григорій Петровичъ Волконскій, жившій долгое время въ Римѣ, привезъ нѣсколько сочиненій Палестрины и радъ былъ слышать исполненіе этой стройной музыки въ такомъ же духѣ, какъ ее поютъ и въ Римѣ въ церкви св. Петра. Только тамъ, по его мнѣнію, поется грубѣе и не такъ согласно. Онъ самъ становился на эстраду и пѣлъ съ хоромъ прекраснымъ обработаннымъ басомъ. Владиміръ Стасовъ, также образованнѣйшій изъ любителей древней музыки, снабжалъ капеллу неподобными сочиненіями Лотти, Дуранте, Берлюоза, Листа и всѣмъ, что попадалось ему замѣчательнаго въ классическомъ стилѣ, и чрезвычайно интересовался исполненіемъ этой божественной музыки ¹⁾). Князь Одоевскій, извѣстный обожа-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ рукописи отмѣчено на поляхъ: „Въ текстъ статью Вл. Стасова про хоръ графа“. Рѣчь идетъ здѣсь о моей статьѣ, подъ заглавіемъ: „Концертъ гг. пѣвчихъ графа Шереметева“, напечатанной въ „Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ“ 1856 года, 26-го февраля, № 9. Рѣчь шла здѣсь о концертѣ, данномъ 11-го февраля того года капеллою въ собственномъ ея концертномъ залѣ, въ домѣ графа Шереметева.

«Концертъ этотъ, было сказано въ статьѣ, по составу и исполненію столько выходитъ изъ ряда бѣльшей части концертовъ, доступныхъ петербургской публикѣ, что необходимо сказать о немъ нѣсколько словъ отдѣльно отъ общаго обозрѣнія концертовъ.

Почти каждый годъ, въ теченіе зимняго сезона, пѣвчіе гр. Шереметева исполняютъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ пьесъ, преимущественно древнихъ итальянскихъ церковныхъ композиторовъ, передъ небольшимъ кругомъ знатоковъ и любителей, по приглашенію графа Н. П. Шереметева. Немногочисленность слушателей одна препятствуетъ концертамъ этимъ быть столько извѣстными и знаменитыми, какъ они того заслуживаютъ; иначе, безъ всякаго сомнѣнія, и пѣвчіе гр. Шереметева, и ихъ концерты, закрытые для большинства публики, были-бы гораздо болѣе извѣстны и оцѣнены во всѣхъ концахъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили-бы и заграницей знаменитость

тель искусствъ и наукъ, принималъ также горячее участіе въ капеллѣ графа, привозилъ свои ноты, проси произвести ихъ, слушалъ съ наслажденіемъ, дѣлился съ своими друзьями впечатлѣніемъ и хвалился хоромъ, какъ своимъ собственнымъ. Въ числѣ слушательницъ, приглашенныхъ княземъ Одоевскимъ, была одна превосходная пѣвица Ю. Ѳ. Штубе (нынѣ супруга бывшаго министра финансовъ Абаза), отлично понимающая и любящая всякую хорошую музыку. Она слушала пѣніе хора съ величайшимъ вниманіемъ и вѣрно цѣнила его достоинство. Глубокій знатокъ и любитель графъ М. Ю. Вельгорскій весьма покровительствовалъ хору графа Шереметева и часто пріѣзжалъ слушать его. Пр. Арс. Бартенева, наша русская пѣвица, будучи весьма дружна съ первою графинею Шереметевою, не пропускала ни одного домашняго концерта графа и сама пѣвала здѣсь подъ аккомпанементъ Ломакина. Когда пѣлъ хоръ на одномъ изъ такихъ вечеровъ, въ присутствіи Рубини, то онъ, въ знакъ благодарности, за удовольствіе, доставленное ему хоромъ, самъ вызвался пропѣть италіанскую арію, и Ломакинъ ему аккомпанировалъ. А когда при Листѣ исполняли «Ave Verum Corpus» Моцарта, съ аккомпанементомъ фортепиано, то Листъ

и неоспоримую солидную репутацію. . . . Шереметевскій хоръ въ особенности обяанъ тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ въ наше время, замѣчательному таланту нынѣшняго капельмейстера своего, Г. Я. Ломакина, который безспорно стоитъ, по знанію и таланту, а главное по глубинѣ музыкальнаго инстинкта, наравнѣ съ замѣчательнѣйшими современными капельмейстерами по части хоровъ, и воскрешаетъ для насъ, до нѣкоторой степени, понятіе о томъ, чѣмъ были въ свое время тѣ директоры капеллъ и консерваторій лучшаго италіанскаго времени, которыми гордился исторія музыки.

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ посвятивъ себя трудному искусству образователя и управителя хора, Г. Я. Ломакинъ, при врожденномъ талантѣ, приобрѣлъ то знаніе, тотъ *à propos* и то мастерство въ веденіи хора, которые превращаютъ хоръ въ чудесное цѣлое, оживленное однимъ и тѣмъ-же художественнымъ чувствомъ, выраженіемъ, стремленіемъ, изъ многосоставнаго хора дѣлаютъ одного человѣка, одного художника, глубоко понимающаго и уважающаго исполняемыя имъ созданія... Мы приведемъ здѣсь два факта, которые лучше всего доказываютъ степень основательности и солидности школы, которую долженъ пройти каждый членъ Шереметевскаго хора: мы бывали не разъ свидѣтелями, какъ хоръ этотъ, а *prima vista*, выполнялъ съ листа, безъ приготовленія, трудныя и сложныя сочиненія классическихъ древнихъ авторовъ. Мы также бывали свидѣтелями, какъ, въ случаѣ остановки, которымъ нибудь отдѣльнымъ голосамъ, напр., тенорамъ, капельмейстеръ говорилъ, съ какою мѣста и такта начать, всѣ же прочіе голоса вступали правильно въ своихъ мѣстахъ, безъ всякаго особаго указанія. И если первый изъ этихъ фактовъ доказываетъ отличную школу, вѣрную дорогу ученія, то второй свидѣтельствуетъ о томъ, къ какому вниманію и наблюденію приученъ слухъ cadaго человѣка въ этомъ хорѣ. Встрѣчать подобное

подошелъ къ роялю и перевернулъ листъ. Онъ посвятилъ хору графа свою «Ave Maria», которую исполняли впоследствии въ концертахъ. Капелла графа имѣла много музыкальныхъ друзей: Волковъ и сынъ его скрипачъ, кн. Вяземскій, Потемкинъ, кн. Голицынъ, кн. Трубецкой и др., все страстные любители музыки и все ученики Ломакина, оставшіеся ему вѣрными до гроба.

V.

Поѣздка за границу.

Добрая молва о хорѣ графа Шереметева прошла и за границы Россіи. Во время путешествія Ломакина по Германіи и Франціи въ 1857 г. никто не обращалъ вниманія на его званіе, но оказывали уваженіе титулу капельмейстера графа Шереметева. Артисты охотно принимали Ломакина, открывали свои школы, капеллы и выказывали все, чѣмъ кто могъ похвалиться. Въ Дрезденѣ слушалъ онъ въ Королевской церкви дивный концертъ, составленный изъ громаднаго образованнаго оркестра и превосходнаго хора. Въ Берлинѣ слушалъ придворный хоръ (Dom-Chor) собранный капельмейстеромъ нарочно для него, исполнявшій классическія вещи. Здѣсь почерпнулъ Ломакинъ много полезнаго для себя, ибо такого осмысленнаго исполненія, такой строгой школы и усовершенствованія въ искусствѣ хорнаго пѣнія, онъ никогда не встрѣчалъ. Капельмейстеръ подвергалъ испытанію всѣхъ своихъ учениковъ передъ своимъ собратомъ и выказывалъ ему твердость ихъ знанія, которое изумляло и восхищало Ломакина. Много позаимствовалъ онъ отъ берлинскаго придворнаго хора для при-

явленіе у маленькихъ дѣтей сопранистовъ и альтистовъ—такая рѣдкость, на которую полюбовался-бы любой германскій хоръ... Вотъ какія піесы были исполнены въ вышнѣмъ концертѣ. Въ 1-й части: 1) Хораль Баха изъ *Passionsmusik*, въ 4 голоса, 2) окончаніе *Gloria in excelsis* изъ мессы Дуранте, въ 4 голоса, 3) Мотетъ „*Judica me Deus*“, Лео, въ 4 голоса, 4) хоръ „*Plorate filii Israel*“ изъ ораторіи Кариссими, въ 6 голосовъ. Во 2-й части: 5) Хораль Баха изъ той-же *Passionsmusik*, въ 4 голоса, 6) „*Crucifixus*“, Лотти, въ 10 голосовъ, 7) Мотетъ „*Hodie nobis est natus coelorum rex*“, который поется въ папской капеллѣ въ ночь передъ Рождествомъ, Наннини, въ 6 голосовъ, 8) „*Crucifixus*“ Баха изъ его „*Nohe Messe*“, въ 4 голоса. Итакъ, мы находимъ здѣсь образчики самыхъ разнообразныхъ школъ и эпохъ. Наннини и Кариссими принадлежатъ римской школѣ XVI-го и XVII-го вѣка; Лотти — венеціанской школѣ конца XVIII-го вѣка; Лео и Дуранте—не-

мѣненія къ своей капеллѣ. Ломакинъ весьма жалѣлъ, что не записалъ имени достойнѣйшаго и даровитаго капельмейстера.

Въ Парижѣ у Шевѣ Ломакинъ былъ также радушно принятъ, какъ человѣкъ знакомый по репутаціи и собрать по профессіи. Онъ собралъ своихъ учениковъ, сдѣлалъ экзамень по своей новой цифрованной методѣ, убѣдительно доказывалъ несомнѣнность ея достоинства и, видя сочувствіе и одобреніе Ломакина, подарилъ ему всѣ свои сочиненія. Послѣдствіемъ этаго визита было появленіе въ Россіи цифрованной методы Ломакина, но въ кратчайшемъ видѣ и только для элементарнаго ученія.

Будучи извѣстенъ Берліозу въ Россіи по капеллѣ, Ломакинъ захватилъ къ нему въ Парижъ. Онъ радъ былъ видѣть у себя русскаго музыканта и въ память своего знакомства написалъ въ альбомъ Ломакина нѣсколько тактовъ своего сочиненія.

По возвращеніи своемъ въ Россію, онъ съ новыми силами принялся за свои занятія, которыхъ накопилось много. Послѣ утомительныхъ уроковъ цѣлаго дня, онъ отдыхалъ надъ своими собственными занятіями. То проигрывалъ онъ привезенные изъ за-границы ноты, то составлялъ гармоническія упражненія, солфеджи, методы пѣнія, сочинялъ музыку духовную¹⁾. Но вѣчная его *idée fixe* была несообразность простаго церковнаго пѣнія съ духомъ православно. церкви, и на мысль приходили церковные тony.

аполитанской XVII-го и XVIII-го вѣка, наконецъ Бахъ—первой половиной XVIII-го вѣка. Пьесы эти написаны въ самыхъ разнообразныхъ характерахъ, и потому требовали и исполненія самого разнообразнаго. Но всякій настоящій любитель музыки могъ вынести изъ этого концерта только такое чувство радости и восторга, которое рѣдко приходится испытывать. И кто могъ-бы вообразить, что въ наше время, когда хоры пѣвческіе въ такомъ повсемѣстномъ упадкѣ, когда папская капелла—хилый и бѣдный остатокъ прежней славы и величія, когда дѣльные нѣмцы сами жалуются на берлинскій Domchor (гдѣ, кромѣ аккуратности и механической отчетливости они ничего не признаютъ), когда всѣ истинно знающіе музыкальное дѣло вопіютъ противъ всеобщаго упадка хорнаго пѣнія въ Европѣ,—древняя итальянская музыка наша себѣ уголокъ въ Россіи и такихъ исполнителей, на которыхъ свѣтло порадовались-бы сами создатели тѣхъ великихъ твореній?...“ В. С.

¹⁾ Написалъ Stabat-Mater, большой хоръ съ оркестромъ, который аранжировалъ Балакиревъ.

VI.

Церковные тоны.

Съ Мих. Ив. Глинкою познакомился Ломакинъ въ 1832 году. М. И. бывалъ у него, привозилъ ему сочиненія Баха, слушалъ хоръ и отзывы его о немъ были очень лестны для Ломакина. «Нигдѣ въ хорѣ не слышалъ я такой стройности, говорилъ онъ, въ первый человѣкъ, Гавриль Якимовичъ, который довель дѣтей до такой вѣрности и твердости». Пѣвалъ свои восхитительные романсы ¹⁾ бесѣдовалъ о музыкѣ, сѣтовалъ вмѣстѣ, что въ нашу церковную музыку вкралось много италіанизма, поминалъ, что церковь нуждается въ приведеніи напѣвовъ въ гармонію. Болѣе всего свойственна для церковныхъ напѣвовъ церковная гармонія, которую Михаилъ Ивановичъ собирался изучать. О церковныхъ тонахъ зналъ Ломакинъ только изъ теоріи Рейхи, заключающейся въ 22-хъ книгахъ, переводъ которыхъ ему стоилъ очень дорого; но тамъ сказано о нихъ слишкомъ мало, чтобы можно было составить о нихъ полное понятіе. Итакъ, оба оставались при намѣреніи изучать церковные тоны и примѣнять ихъ къ нашему церковному пѣнію. Однако, у Ломакина запала мысль познакомиться съ ними поближе. Онъ началъ пробовать аккорды, доискиваться ихъ происхожденія. Онъ проводилъ часы въ изученіи церковныхъ тоновъ и многіе заставляли его въ этомъ занятіи. Директоръ консерваторіи Заремба, ученый теоретикъ, сочувствовалъ ему вполне и, зная ходы тоновъ, подтверждалъ предположенія Ломакина. Князь Одоевскій, страстный поклонникъ музыкальной всякой древности, сошелся также мыслью съ Ломакинымъ, и еще болѣе возбудилъ въ немъ жажду заняться изученіемъ древнихъ церковныхъ тоновъ. Взялъ онъ столповую обѣдню, проигралъ, попробовалъ переложить Херувимскую пѣснь по своему разумѣнію безъ септимъ, взялся еще за что-то, выходитъ ново, чисто, заинтересовался и увлекся такъ, что переложилъ всю обѣдню въ строго церковномъ духѣ. Показалъ онъ этотъ опытъ А. Ѳ. Львову, объяснилъ ему, какія преимущества имѣетъ такое переложеніе надъ прежнимъ. Ал. Ѳед. прослушалъ хладнокровно и сказалъ: «Ахъ, Г. Я., вашъ трудъ напрасенъ; такое пѣніе неудобно исполнимо. Неужели вы думаете, что это будутъ когда нибудь исполнять? Совѣтую вамъ положить эту тетрадь въ сторону съ надписью:

¹⁾ Глинка посвятилъ Ломакину, въ 1839 г. свой романсъ: „Ще требуй пѣсенъ отъ пѣвца“.

«неудобоисполнимое пѣніе». Впрочемъ, если это васъ тѣшитъ, продолжайте, занимайтесь». Ломакинъ послѣдовалъ его совѣту, отложилъ обѣдню въ сторону, а самъ началъ передѣлывать въ эту гармонию многое другое, пробовалъ разучить кое-что съ монахами Сергіевской пустыни, которые сами интересовались новизною, и даже имѣли намѣреніе разучить столповую обѣдню къ храмовому празднику, но у нихъ не хватило терпѣнія дойти до конца. Такъ и осталась обѣдня въ забвеніи, пока одно обстоятельство не вызвало ее на свѣтъ.

Ломакинъ утвердился въ сознаніи, что гармонія для церковнаго пѣнія должна быть проста, безъ септимъ, и это мнѣніе раздѣлялъ съ нимъ вполне князь Одоевскій, навѣщавшій часто Ломакина и интересовавшійся тѣмъ же предметомъ. Узнавши о переложеніи обѣдни въ томъ родѣ, какъ онъ мечталъ, онъ желалъ ее слушать и имѣть. У Ломакина не выходило изъ головы, что всѣ церковныя напѣвы можно переложить несравненно лучше, правильнѣе, съ помощью церковныхъ тоновъ, исключительно существующихъ для древней музыки. Опять брался онъ за Рейху, внимательно просматривалъ Палестрину и другихъ классическихъ авторовъ, садился за рояль, прискивалъ аккорды, припоминалъ, отгадывалъ инстинктивно по родству ихъ съ древними напѣвами. Каждое новое открытіе онъ примѣнялъ къ дѣлу, аккорды выходили правильными, натуральными, и мелодія, благодаря этой чистой гармоніи, получала свой настоящій первобытный характеръ. Эти результаты приводили въ восторгъ Ломакина и заставляли его обратить напряженное вниманіе на изученіе древнихъ тоновъ, могущихъ служить ключомъ для входа въ обширный, новый для него, музыкальный міръ.

Но гдѣ было почерпнуть болѣе ясныя, полныя свѣдѣнія? Теорія Рейхи его не удовлетворяла; кн. Одоевскій, правда, болѣе всѣхъ имѣлъ о нихъ понятіе, но, заимствовавши отъ него все его знаніе, оставалось еще многого желать. Ломакинъ продолжалъ свои опыты, и достигался нѣкоторыхъ открытій, напр., происхожденіе восьми гласовъ изъ восьми церковныхъ тоновъ, ихъ единство, одинаковое свойство, потомъ гамму каждаго изъ восьми тоновъ, аккорды, свойственные каждому тону, и пр. Затѣмъ послѣдовала повѣрка гласовъ, которая привела къ дознанію, что нѣкоторые изъ нихъ искажены переложеніемъ не въ сродный имъ тонъ, что придаетъ мелодіи невѣрный характеръ. Напр., 8-й гласъ, самый печальный, «плачу и рыдаю», поется весело и грубо. Такимъ образомъ открылось и стало понятно Ломакину то, что прежде безотчетно беспокоило его слухъ. Теперь все сдѣлалось исправимо, когда онъ постигъ назначеніе церковныхъ тоновъ, отвергнутыхъ въ православной церкви, тогда какъ изъ нихъ-то и произошли всѣ древніе церковныя напѣвы.

Ломакинъ опять погружался въ творенія Палестрины, Дуранте, Лотти, такъ обильно воспользовавшихся этою гармоніею, придававшею высокую святую красоту ихъ произведеніямъ. Они писали для прославленія Бога, для церкви Божией, и много вѣковъ ихъ слушаютъ съ благоговѣніемъ, а православный людъ не смѣетъ облечь свои молитвенные напѣвы въ родную ихъ гармонію, изъ боязни нарушить закоренѣлое невѣжество, поразить слухъ, привыкшій къ одному и не требующій лучшаго. Слушая аккорды и переходы въ молитвахъ, передѣланныхъ въ древнихъ тонахъ, князь Одоевскій, казалось, нашель, чего желалъ, и при этомъ говаривалъ: «восемь лѣтъ я толковалъ о нихъ съ покойнымъ Глинкою и онъ все намѣревался изучать церковную гармонію, чтобы писать духовную музыку, и только въ послѣдній годъ жизни собрался заняться ею въ Берлинѣ у Дена, но не успѣлъ, кажется, ничего написать».

Теперь Ломакинъ стоялъ на этомъ поприщѣ, онъ увлекался интересомъ, съ жадностію усваивалъ всѣ новости, открывавшіяся для него въ древней гармоніи, съ лихорадочнымъ жаромъ открывалъ тайны, сдѣлавшіяся ему доступными, и трудился до самозабвенія. Всю ночь грезились ему рѣзкіе, но стройные аккорды, онъ вскакивалъ и пробовалъ ихъ на рояли. Онъ потерялъ сонъ и аппетитъ, всѣ опыты выходили неподобно, онъ восхищался полнотою, величіемъ, стройностію гармоніи. Онъ чувствовалъ, какую духовную красоту придаетъ это достойное одѣяніе церковнымъ напѣвамъ. Ему хотѣлось бы день и ночь писать, сочинять, передѣлывать все, обогатить церковь истинно молитвеннымъ пѣніемъ, воскресить первобытную старину, передъ которою онъ благоговѣлъ.

Незадолго передъ тѣмъ, явился къ кн. Одоевскому священникъ Раевскій изъ Вѣны, съ просьбою снабдить его церковными нотами, жалуясь на бѣдность пѣнія, которое далеко не удовлетворяетъ ино-вѣрцевъ и всѣхъ стекающихся за границею въ нашу православную церковь. «Кто-то уже и переложилъ на свой ладъ обѣдню, оно и хорошо, но вовсе не церковно, въ театральной гармоніи съ италіанскими каденцами».

Князю Одоевскому, при этомъ разговорѣ, пришла на мысль столповая обѣдня безъ септимъ и италіанскихъ каденцъ. Онъ упомянулъ о ней священнику, который очень обрадовался случаю познакомиться съ Ломакинымъ и запастись отъ него нотами. Не замедлилъ священникъ явиться къ Ломакину, и былъ принятъ радушно. Музыканту отраднo подѣлиться своими трудами съ знатокомъ или любителемъ. Ломакинъ переигралъ ему многое; священникъ, казалось, нашель, чего желалъ, былъ въ восторгѣ отъ переложеній въ церковныхъ тонахъ,

и увезъ съ собою много нотъ, въ томъ числѣ и обѣдню. Черезъ мѣсяцъ онъ далъ вѣсточку изъ Вѣны, что ее разсматривали и разбирали нѣмецкіе пѣвцы, но мало кто симпатизируетъ такому пѣнію, находя его тяжелымъ и дикимъ. Впрочемъ, онъ не терялъ надежды вразумить нѣмцевъ и разучить обѣдню. Однако, послѣ двухъ любезныхъ писемъ, священникъ замолокъ: вѣроятно не вразумилъ. И этимъ Ломакинъ былъ отчасти доволенъ, потому что, совершенствуясь съ каждымъ днемъ, онъ находилъ лучшіе хоры, новыя мысли по настоящимъ законамъ гармоніи, дѣйствуя уже не ошупью, а съ основаніемъ; поэтому онъ признавалъ свои первые опыты слабыми и неудовлетворительными. Свиданія его съ кн. Одоевскимъ дѣлались частыми и весьма интересными для обоихъ. Одинъ у другаго учился; открытія, сдѣланныя Ломакинымъ, признавались вѣрными, и князю пріятно было имѣть дѣло съ «человѣкомъ талантливымъ», какъ онъ выражался. До сихъ поръ онъ совѣщался съ нѣкоторыми музыкантами о церковныхъ тонахъ, но мало кого они интересовали, находили ихъ неудобопримѣнимыми и вообще скучной исторіею.

Впрочемъ, былъ одинъ знатокъ и любитель церковныхъ тоновъ въ Москвѣ, Потуловъ. Бывая въ Петербургѣ, онъ посѣщалъ церковь графа Шереметева, заѣзжалъ нѣсколько разъ и къ Ломакину подъ предлогомъ поучиться у него тайнамъ церковныхъ тоновъ. Много они толковали, играли, составляли гармонію, мѣнялись мнѣніями, и Потулову удалось скорѣе сдѣлать примѣненіе своихъ знаній къ дѣлу, потому что, вскорѣ послѣ того, прошли слухи о появленіи въ Москвѣ пѣнія въ древнихъ тонахъ. Ломакинъ продолжалъ заниматься. Князь Одоевскій снабдилъ его разными книгами и нотами, изъ коихъ онъ извлекалъ нѣчто, но до важнѣйшихъ открытій онъ дошелъ своимъ собственнымъ усиліемъ и опытомъ.

Тогда было въ немъ сверхъ-естественное настроеніе духа, необыкновенное стремленіе къ развитію, къ достиженію истины, энергія въ дѣйствіяхъ, глубокое убѣжденіе, которое вліяло на всѣхъ, желающихъ принять участіе, а участіе зарождалось, лишь только касались до уха эти духовные не мірскіе звуки. Горя какимъ-то тревожнымъ чувствомъ, онъ трудился, сколько позволяли ему его уроки, и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ передѣлалъ 8 гласовъ, главное основаніе церковныхъ напѣвовъ, найдя къ каждому гласу свое аутентичное названіе, три обѣдни, ирмосы, многое изъ великопостнаго пѣнія, панихиду и проч.

Написавши столько, у него естественно родилось желаніе заявить міру о существованіи этой принадлежности христіанской церкви, которое грѣшно и скрывать безъ пользы, ибо такіе звуки настраиваютъ

душу къ молитвѣ, къ покаянію, къ смиренію, слѣдовательно, это дѣло общепольное, которому нужно дать ходъ, привести въ дѣйствіе. Вотъ и пришло ему на умъ повѣстить о томъ князя Д. А. Оболенскаго, стараго своего ученика по училищу правовѣдѣнія, человѣка религіознаго, имѣющаго силу и возможность провести мысль и привести ее въ исполненіе. Князь Оболенскій тотчасъ явился на призывъ. Ломакинъ съ одушевленіемъ началъ сообщать ему о своихъ важныхъ открытіяхъ, доказывая, что наше церковное пѣніе отдалилось отъ своихъ началъ, утратило свой молитвенный характеръ. При этихъ словахъ онъ сыгралъ ему какъ поется простое пѣніе, выставляя всѣ его рѣзкіе недостатки, и выходило то нѣчто плясовое, то нѣчто театральное, то нѣчто невѣжественное. Въ контрастъ тому, Ломакинъ сыгралъ ту же мелодію съ древнею гармоніею, строгіе простые аккорды, придающіе настоящій вѣрный смыслъ мелодіи. Потомъ Ломакинъ показалъ князю всѣ свои переложенія, выразивъ опасеніе, чтобы его труды не умерли безплодно, никѣмъ невѣданные и неиспытанные, почему онъ и желалъ бы довести ихъ до свѣдѣнія тѣхъ людей, которые въ состояніи сочувствовать важности подобнаго дѣла и содѣйствовать возрожденію древняго пѣнія въ церкви. Князь Оболенскій, прослушавъ еще нѣсколько молитвъ, почувствовалъ инстинктивно благотворное дѣйствіе древней гармоніи, сознался, что такимъ заявленіемъ нельзя пренебрегать, выказалъ большое сочувствіе, и вызвался привести своего дядю, оберъ-прокурора св. синода, графа (А. П.) Толстаго, прослушать новое пѣніе и обсудить этотъ вопросъ.

Во ожиданіи этого визита, Ломакинъ принялся разучивать, съ дозволенія графа Дмитрія Николаевича Шереметева, нѣкоторыя молитвы съ шестью пѣвчими изъ хора, къ которымъ присоединились и нѣкоторые любители. 2-го февраля 1860 года началась исторія церковныхъ тоновъ въ домѣ графа Шереметева. Поднялся вопросъ, который занялъ вскорѣ многіе умы. Графъ Толстой, въ назначенный для пробы вечеръ, пріѣхалъ къ Ломакину и привезъ съ собою разнородныхъ слушателей и судей: почетнаго монаха съ Афонской горы; тонкаго музыканта, изучившаго восточную и западную музыку Тюрина; свѣтскаго вельможу Карамзина; московскаго богомольнаго кн. Оболенскаго, кузена Дмитрія Александровича Оболенскаго. Кромѣ нихъ были кн. Д. А. Оболенскій, восторженный любитель А. С. Ширай, С. А. Антоновъ, участвовавшіе въ пѣніи. Вотъ всѣ сѣли и слушаютъ молча, внимательно и не знаютъ, что сказать. Ново, странно но величественно, церковно. Гр. (А. П.) Толстой возьметъ то одного подъ руку, то другаго, ходитъ по комнатамъ и совѣщается, но никто не рѣшается сказать опредѣлительно своего мнѣнія. Музыкантъ первый

началъ выказывать свои знанія въ теоріи музыки, дѣлалъ замѣчанія, не относящіяся къ сущности настоящаго дѣла, привязывался къ чему то, видимо, считая себя обязаннымъ произнести какой либо судъ. Вельможи держали деликатный нейтралитетъ, одинъ монахъ блаженствовалъ и говорилъ: «Не давай мнѣ ѣсть недѣлю, лишь бы слушать такое божественное пѣніе! Вотъ такъ похоже поютъ у насъ на Аѳонѣ!»

Долго слушали, судили и рядили и кончили тѣмъ, что нужно еще послушать это пѣніе въ церкви. Графъ (А. П.) Толстой обѣщаль содѣйствовать, сколько отъ него зависитъ, просилъ представить ему, какъ водится, нѣкоторые образчики пѣнія на разсмотрѣніе св. синода, послѣ чего они должны быть препровождены къ московскому митрополиту, и если онъ одобритъ и разрѣшитъ печатать, то дѣло и кончено. Это все было легко только сказать, но, вѣроятно, и самъ графъ, говоря такъ, зналъ напередъ, что результата никакого не будетъ. Но Ломакинъ былъ доволенъ уже тѣмъ, что заявилъ свой фактъ и увѣровалъ въ будущность церковныхъ тоновъ.

Нѣсколько дней спустя, была вторичная проба для князя Одоевскаго. Въ пѣніи участвовали многіе любители, и составъ слушателей былъ иной. Пѣли обѣдню и гласы, и князь Одоевскій, прослушавъ съ живѣйшимъ интересомъ все, всталъ, подошелъ къ Ломакину, поцѣловалъ его и торжественно сказалъ: «Сегодня въ этомъ домѣ начинаются великія дѣла! О чемъ я мечталъ 10 лѣтъ, теперь осуществилось здѣсь!»

Цѣлый вечеръ прошелъ въ пѣніи. Князь былъ въ своей сферѣ, слушалъ, пѣлъ, дѣлалъ замѣчанія, пробовалъ нѣсколько разъ на фисгармоніи, спорилъ и соглашался, что пережѣнить ничего нельзя. «Работайте, работайте, Гавріилъ Якимовичъ, говорилъ князь, а я буду помогать письменно, у меня уже цѣлая книга написана о церковныхъ тонахъ, скоро издамъ ее, это пояснить дѣло, и надѣюсь, черезъ годъ все будетъ кончено».

Но что будетъ кончено? Позволятъ печатать и будутъ пѣть въ церквахъ, трудно предсказать, дождется-ли Ломакинъ подобнаго событія! Если-бы и случилось это какимъ-либо чудомъ, то многого останется еще желать, а именно: чтобы распространилось, ввелось, упрочилось, укоренилось навсегда истинно духовное церковное пѣніе. На это нужны десятки лѣтъ. Привычка притупляетъ слухъ до такой степени, что дурнаго не замѣчаютъ, а хорошее не нравится, покажется дико, не захотятъ слушать. Однако, не смотря на эти размышленія Ломакинъ не унывалъ и всегда говорилъ: «что Богу угодно, то и будетъ».

Послѣ двухъ спѣвокъ въ квартирѣ Ломакина, разошелся слухъ о новомъ пѣніи и заинтересовалъ нѣкоторыхъ особъ. Графиня Протасова, благочестивая дама, просила Ломакина составить изъ любителей обѣдню въ церковныхъ тонахъ въ ея домовой церкви.

Собрались любители, разучили обѣдню, и поютъ тихо, величественно, стройно, въ новой неслыханной гармоніи. На нѣкоторыхъ молящихся это простое, строгое пѣніе производило сильное дѣйствіе, но большая часть присутствовавшихъ слушала разсѣяннo и холодно. Между прочими были Андрей Николаевичъ Муравьевъ, Татьяна Борисовна Потемкина, Н. Н. Мальцова, княгиня Одоевская и др. Изъ любезности хвалили, но сознавались, что нужно слышать нѣсколько разъ такую гармонію, чтобы понять и вполне оцѣнить ее. Священникъ, служившій обѣдню, болѣе всѣхъ понималъ родное церкви пѣніе, а диаконъ такъ развлекался пѣніемъ, что забывалъ, что ему говорить.

Хозяйка дома, графиня Протасова, тѣмъ хотѣла доказать свое удовольствіе, что просила Ломакина составить у нея еще преждеосвященную обѣдню, такъ какъ это происходило въ великомъ посту. И это было исполнено. На этотъ разъ былъ приглашенъ и графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ, который слушалъ съ предубѣжденіемъ, хвалилъ изъ приличія и говорилъ на сторонѣ, что это пѣніе никогда не привьется къ народу. Онъ смотрѣлъ на увлеченіе Ломакина какъ на забаву, съ убѣжденіемъ, что дѣло тѣмъ и кончится.

Въ скоромъ времени дошли слухи до вел. кн. Елены Павловны о древнемъ пѣніи. Она пожелала слышать его, и просила Ломакина, чъ ерезъ князя Одоевскаго, составить обѣдню у нея во дворцѣ. Ломакинъ исполнилъ это желаніе, собралъ нѣсколько человекъ изъ хора графа Шереметева, которые пѣли дивно хорошо. Великая княгиня благодарила Ломакина, выказала много вниманія, отозвалась объ этой гармоніи какъ знатокъ, говорила, что эти аккорды созданы именно для церкви, ни въ какой другой музыкѣ она ихъ не слышала. Тутъ только она получила понятіе объ истинно церковномъ пѣніи, которое желала бы всегда слушать.

Говорятъ, что императрица Марія Александровна также интересовалась послушать, но не желала огорчить Львова.

Увлеченный примѣрами, графъ Дмитрій Николаевичъ рѣшился тоже произвести у себя въ церкви преждеосвященную обѣдню. Пѣлъ весь хоръ, пѣлъ такъ, какъ лучше невозможно, но это строгое, простое, натуральное церковное пѣніе не производитъ эфффектовъ, не льститъ слуху и не доставляетъ музыкальнаго удовольствія. Тѣ звуки смиряютъ, успокаиваютъ человѣка, удаляютъ отъ мірскаго всего, располагаютъ къ молитвѣ. Такое дѣйствіе и произвело оно на нѣкоторыхъ, а большинство осталось къ нему нечувствительнымъ.

Г. Я. Ломакинъ.

(Продолженіе будетъ).

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО ВЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

изъ собранія П. В. Шейна.

II ¹⁾.

1.

- а) Ужъ мы сядемъ, посадемъ,
Посидимъ-же мы, ребята,
До самаго вечера,
Споемъ пѣсню мы, ребята,
Да про нашо про житье, ²
Да про горюшко свое:
Что въ неволѣ все живемъ,
Крѣпостными вѣкъ слышемъ.
Какъ и наши господа
Все не милостивые, ²
Не разсудливые:
На работу посылають,
Кускомъ хлѣба попрекають,
А крестьяне завидуютъ, ³⁾
Что дворовому житью:
Онъ и пашеньки не пашеть,
Сохи въ руки не беретъ,
Въ оброкъ денегъ не кладесть.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1886 г., томъ XLIX, февраль, стр. 483—492.

²⁾ Псковской губ., Опочецк. уѣз.

Позавидовали крестьяне
Все холопскому житью:
Холопъ подати не платитъ,
Въ оброкъ денегъ не несетъ,
Косы въ руки не беретъ.

Ахъ, вы, глуше крестьяне,
 Поживите-ка съ нами!
 Ужь и нѣтъ хуже на свѣтѣ,
 Какъ дворового житье:
 Куда крикнуть — бѣги скоро,
 Чтобы дѣло было споро.
 Обернулся назадъ,
 А мнѣ палкою грозятъ.
 У насъ завтра, братцы, праздникъ,
 Надо намъ погулять.—
 Погуляли молодцы,
 Что до утра, до зари.
 Пришли домой по утру,
 Припасъ баринъ по вкнуту.
 Ужь мы стали оправдаться,
 А велить намъ раздѣваться,
 Рубашечки скинемъ съ плечъ,
 Велить баринъ больно съчь.
 „Ахъ, ты, барская душа!
 Али нѣтъ тебѣ суда?“
 Хоть и биты были больно,
 Да погуляно довольно.
 Хоть и спинушка больна,
 Сударушка нажита.

Запис. въ томъ 1885 г. Смоленской губ., Бѣльск уѣз.,
 С. Н. Рачинской.

- б) Што на свѣтѣ тому,
 Кто въ господскомъ дому.
 Въ оброкъ денегъ не дасъ,

Послами холопа скоро,
 Чтобы дѣло было споро.
 Холопъ скоро поспѣшался,
 Съ краснымъ дѣвкамъ застоялся.
 Съ молодушкамъ заигрался,
 Оглянулся я назадъ —
 Палачьями ему грозятъ;
 Холопъ скоро прибѣжалъ.
 Не успѣлъ онъ кончить рѣчи,—
 Стали жарить ему плечи.
 Покровъ праздничекъ приходитъ,
 Намъ хотится погулять,
 Намъ спросится — не годится,
 Намъ и такъ не вгадать,
 А мы барину солгемъ,
 Скажемъ, за долгомъ пойдёмъ, и т. д.

Записано М. И. Семейскимъ въ 1862 г. въ Псков. уѣздѣ.

Есть на барщину не ходя,
 На годъ соли не купая.
 — Глухие крестьяне,
 Не разумны мужики,
 Не разумные, не разрадливые,
 Пойдемте-ка къ намъ,
 Поживите-ка съ намъ,
 Погадаете вы намъ.
 На работу гонять рано,
 Съ собой хлѣба даютъ мало,
 А послѣ того пеняють,
 Что мало работаемъ.
 Работали, не гуляли,
 Что въ насъ потъ, вода тягѣ
 Со бѣлова со лица.
 Наши празднички приходятъ,
 Намъ неколи и гулять,
 Гулять пойдѣмъ въ полночь,
 Домой придемъ на свѣту,
 Про насъ свито по кнуту.
 Не велать намъ выправляться,
 Велать скоро раздѣваться.
 Скоро рубашечку съ плечъ,
 Начинали насъ больно стѣчь.
 Стѣли спину мою больно,
 Гулять съ дѣвушкамъ довольно.

Запис. М. И. Семеновскимъ, Псковской г., Опочецк. у.,
 въ 1862 году.

2.

Изъ боярскихъ изъ воротъ
 Выѣзжаетъ тутъ холопъ!
 Дунай мой, Дунай! ¹⁾
 На устрѣчу холопу
 Сама барыня идетъ, 3
 За собой дочку ведетъ, 3
 Сама спрашиваетъ:
 „Ты разс.....-сынъ холопъ,
 Гдѣ ты былъ, побывалъ, 3
 Гдѣ ты ночку ночевалъ?“ 2
 — Сударыня, боярыня,
 Я у васъ на дворѣ, 3

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыя двухъ стиховъ съ повтореніемъ вѣствѣ съ тѣмъ и послѣдняго.

На высокомъ терему, 3
 Во горницѣ во новой, 3
 На кровати тесовой, 3
 На перинѣ пуховой, 3
 Съ вашей дочкою родной.
 „Ты, разс.....сынъ, холопъ
 По что сказываешь?“
 — Сударыня, боярыня,
 По что спрашиваешь?
 Кабы у меня не спросила,
 Я-бъ те по-вѣкъ не сказалъ, 3
 Товарищамъ заказалъ ¹⁾. 2
 „Я на утро холуя
 Со двора долой сгоню“. 2
 — Сударыня, боярыня,
 Самъ охотою пойду, 3
 Три бѣды сдѣлаю: 2
 Ужъ я первую бѣду —
 Пару коней уведу, 2
 А другую бѣду —
 Колясочку заложу, 2
 Ужъ я третью бѣду —
 Твою дочку уведу. 2
 „Ты, разс.....сынъ, холопъ,
 На дорогѣ догоню ²⁾, 3
 Свою дочь отыму!
 Ты, разс.....сынъ, холопъ,
 Поживи-ка у меня, 3
 На дочери на мою, 3
 На сударушку свою.
 Я на-утро холую,
 Я блиновъ напеку“. 2
 — Сударыня, боярыня,
 А я дровъ наколю, 3
 Тебѣ по-воду схожу,
 Дунай, мой Дунай,
 Тебѣ по-воду схожу ³⁾.

Зап. Калужской губ. и уѣз., с. Ахлебнино, въ 1878 г.
 М. А. Баскаковой.

¹⁾ Вар. Саратовской губ., Хвал. уѣзда:

И всѣмъ дворовымъ заказалъ.

²⁾

На дорожкѣ нагону,
 Навадъ тебя ворочу,
 Съ дочкой спать уложу.

³⁾

А я дровъ наколю, 2
 И водицу принесу,
 Тебя тещей назову.

Замѣчательно, что эта пѣсня, какъ видно, пришлась особенно по вкусу народу: она, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, распѣвалась, а, вѣроятно, распѣвается еще и теперь въ губерніяхъ: Архангельской, Новгородской, Вологодской, Тверской, Владимірской, Тульской, Калужской и Саратовской. Нѣтъ сомнѣнія, что она была въ ходу и въ губерніяхъ, лежащихъ въ промежуткѣ названныхъ. Едва-ли можно думать, что она родилась подъ вліяніемъ былевой пѣсни: о „Ванюшѣ ключникѣ и князѣ Волконскомъ“. Въ содержаніи, правда, есть нѣчто общее, но происшествія, рассказанныя въ нашей пѣсни, были такъ обычны въ дореформенное время, что народу не было никакой надобности отыскивать его въ былинахъ стараго времени; по формѣ-же и напѣву наша пѣсня рѣзко отличается отъ послѣдней: повсюду въ названныхъ губерніяхъ она—хороводная игровая и, стало быть, сопровождается драматическимъ изображеніемъ того, что въ ней рассказывается, между тѣмъ, какъ пѣсня о В. Ключникѣ вездѣ является голосовою, тяговою, съ разными переливами и заукабистыми перекатами голоса.

Приводимъ еще вариантъ нашей романтической пѣсни, отличающійся совершенно своеобразнымъ оттѣнкомъ нѣжныхъ любовныхъ отношеній между болышнейю и лакеешъ:

Какъ задула, завела
 Скорь погода и вьюга,
 Чернобровка, чернобровка,
 Чернобровая моя ¹⁾,
 Какъ задула, занесла
 Всѣ дорожки и пути, 2
 Негдѣ къ лапушкѣ продти,
 Пробирался воръ Ванюша
 По загуменьемъ, по засельницемъ.
 Становился воръ Ванюша
 У широкѣхъ воротъ,
 А милая увидала
 Изъ краснова изъ окна, —
 Катюшинька выходила,
 Его за руку взяла,
 „Ужь ты, с.....сынъ, Ванюша,
 Гдѣ ты былъ, побываль?“
 — Сударня, буарня,
 Я у васъ въ терему, 2
 Я давно здѣсь стою.
 „Ужь за эту вину
 Я во дворъ къ себѣ приму“.
 — Сударня, буарня,

¹⁾ Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строчекъ.

Я съ охотою иду,
Ужь за эту вину
Три бѣдушки сдѣлаю, и т. д.

Изъ Сборника А. С. Смирнова, стр. 34.

III.

Пѣсна, сложенная помѣщичьими крестьянами во время укрывательства ихъ въ лѣсу отъ военной команды, присланной для приведенія ихъ въ повиновеніе:

Какъ во городѣ, во Устюжинѣ,
Во деревнѣ, во Денисовой,
У крестьянъ Долгогрѣвехъ
Проявилась экзекуція,
Экзекуція Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Православнаго.
Подходили храбры воины,
Храбры вонны гарнизонные.
Квартирушки поросписаны,
Солдатушки пороставлены.
Не на долгое время,—на два мѣсяца.
И прошло красное лѣто,
Не явилось ни одной душеньки.
Скрывались добрыя молодцы
По темнымъ лѣсамъ;
Кинули свои хижинки,
Оставили малыхъ дѣтушекъ,
Молодыхъ женъ—на позоръ людской.
„Вы терпите, малыя дѣтки,
„Вы крѣпитесь, молодыя жены,
„Вы потерпите, послѣ вамъ слюбятся.
„Собирайтесь въ одно мѣсто,
„Во островъ, во Костыжницу,
„Напишемъ просьбу однокровную,
„Однокровную, однослезную;
„Выберемъ мы себѣ ходока,
„По имени Трифона Петровича.
— „Ты ступай, нашъ родной братъ,
— „Не жалѣй тоски-заботушки,
— „Ты ступай во Петровскій градъ,
— „Во Петровскій градъ на Неву рѣку.
— „На Невѣ рѣкѣ тамъ стоитъ дворець
— „Царя Бѣлаго, Православнаго;
— „Ты подай, подай просьбушку
— „Царю Бѣлому, Православному.

Запис. А. К. Жизневскимъ (Тверск. губ.)

IV.

Була Пыльща ¹⁾, була Пыльща,
 Да стала Россей.
 Нэ заступыть сынъ за батька,
 А батька за сына.
 Пошоў батько и съ восою,
 А сынъ съ бороною;
 Пошла маты за ленъ жаты,
 А дочка до гною ²⁾.
 Ой ковала ³⁾ зэвулянька ⁴⁾.
 Ковала, ковала,
 Якъ панщина—доромщина ⁵⁾
 Отъ паныў утэкала.
 Утэкала панщинонька,
 Ажъ горы траслмса,
 А за ёю экономы:
 „Панцино, вэрнмса!“
 — Нэ вэрнуса, нэ вэрнуса,
 Бо нима ⁶⁾ до кого,
 Було хлопа шаповаты ⁷⁾,
 Якъ здороўя свого.
 Догонялы панщиноньку
 У калыновумъ мосты:
 „Ой, вэрнмса, панщинонька,
 Хочь до насъ ў госты!“
 — Нэ вэрнуса, нэ вэрнуса,
 Бо нима до кого,
 Тепэръ мэнэ подавайтэ
 Хочь до мирового!
 Подякуймо ⁸⁾ цару й Богу,
 И нашуй царицы:
 Закопалы панщиноньку
 На прусскай граныцы.
 Подякуймо цару й Богу
 И нашуй царейўны,
 Що зрыўнялы паныў, ляхыў
 И усыхъ зарыўня ⁹⁾.

Запис. слушателемъ виленскаго учительскаго института
 М. Середа. Сообщена директоромъ этого института
 М. А. Дуровымъ.

¹⁾ Пыльща — Польша. ²⁾ Гной — навозъ, удобрение. ³⁾ Куковала. ⁴⁾ Ку-
 кушка. ⁵⁾ Бесплатная работа. ⁶⁾ Нѣтъ. ⁷⁾ Слѣдовало жалѣть работника. ⁸⁾ Воз-
 благодаримъ. ⁹⁾ Ровно.

V.

Разговоръ Данилы и Оьдѣпана (про волю).

Святого дня и харошае пагоды, Данила съ Сьдѣпаномъ:
 Сошлись разомъ и сѣли себѣ подъ парканомъ, ¹⁾.
 Дай нужъ талкаваць, дай нужъ гаварыць:
 Што далей зъ насъ бѣдзе, якъ мы бѣднимъ жиць?
 Говораць на свѣцѣ, ў гогасъ талкѹюць—
 Ать есяндзоў, ать жидоў—ўсѣ люди чѹюць ²⁾,
 Што вольнасьць намъ бѣднимъ дасѣць Царь—безъ откладу,
 Што только съ панами не найдзе ѣнъ лѣду.
 Чаго аднѣ хочуць, то другімъ ня мѣла,
 Царь ихъ паўтаряць, а янѣ хитрѹюць ³⁾,
 Згаварѹшись съ сабою, Цару такъ талкѹюць:
 Пѣне найяснѣйшій, што зъ гэтаго бѣдзяць,
 Даўши ўсिमъ вольнасьць, каженъ тѹя згѣдзяць ⁴⁾;
 Бо мужикъ безъ пѣна быць ниякъ ня мѣже—
 Пабыѣтса, пакѣлютца, сперажѣ ты, Боже,
 Надъ ими трѣба што дзень—съ кнупомъ стаяць надъ каркамъ ⁵⁾,
 Рѣзги кабъ лежалі зъ возамъ—за хвальваркомъ ⁶⁾;
 Гразы якъ ня бѣдзе, ать двара надъ хѣмамъ
 Забыѣтца съ сабою на вѣкъ вѣкаў—амѣнъ.
 Мужикъ безъ гарѣлки пирабыць ня мѣже,
 А якъ стѣниць бѣтца—калѣ ямѹ треба,
 Хаць дзюцямъ ў хѣцѣ—нимашъ кускѣ хлѣба.
 Бо знаяць ѣнъ, што за ўсе панъ скарѣе,—
 Съ хѣма ня бѣдзяць ничѣга, якъ пѣна не мѣе.
 Вотъ брата, якъ янѣ падлыгаць умѣюць,
 Передъ Царомъ ў вѣчи на насъ плесцьці смѣюць!
 Имъ гѣта не смѣчна, кѣстка у гѣрдѣ стане, ⁷⁾
 Якъ мужикъ отъ Цѣра вольнасьци достае,
 Што хочуць—то баюць, лгѹць, якъ самі знаяць —
 Вѣрыць имъ Царь смѣла, янѣ, и лѣску маюць.

¹⁾ У забора. ²⁾ Ожидаютъ. ³⁾ Напоминаютъ. ⁴⁾ Осудилъ. ⁵⁾ Затялокъ. ⁶⁾ За барскимъ дворомъ. ⁷⁾ Не вкусно.

А мы бѣдные царямъ скрозь нявдлю,
 Праклиннамъ жицьцѣ сваѣ и горькую долю.
 Праўда, что чули ¹⁾ дзяды—ни айцовъ —
 Штобъ надъ мужиками ня были панове.
 Но цяперъ на свѣцѣ ўсѣ пначей стрѡюць —
 Ужо не сермаги, да сурдуги ²⁾ вродюць;
 Трѣснуць яны, лѡпнуць, а на ихъ ня будзе,
 Бо уже рѣчи стали у Царя и судзѣ,
 Кабы мужикъ быў воленъ, а Царь ягѡ панамъ,
 И ня смѣў бы николи, зваць панъ ягѡ хѡмомъ.
 Будзницъ тѡя браце, дажджомъ—мой Сыцѣпане—
 Што панъ на насъ скажиць: „мой коханы пане!“ ³⁾
 Мы на ихъ не глянимъ и шапки ня снѣмемъ.
 Хоць близька насъ будзницъ, не славиўшися минемъ;
 Гѡдзя аканѡмамъ хванабѣрю ⁴⁾ стрѡиць,
 Клябасы, пчяѣны ⁵⁾—на тарѣлцѣ вродюць.
 Перестануць вѣйкаць стѡрожа-старожки,
 Кабъ давали дрѣвекъ сухихъ надъ трывожки ⁶⁾,
 Вады кабъ свѣжай прывяслі изъ крыніцы,
 Кабъ гладышѣ ⁷⁾ памыли, цѣбры ⁸⁾ и дайніцы ⁹⁾.
 Кабъ миски и лыжки падали бяленьки,
 Саганы ¹⁰⁾ и рѡвдзи ¹¹⁾—якъ люстры ¹²⁾ ясьненьки,
 Вычваряць ¹³⁾ ня бѡлуць—за пражу, за ници,
 Перестануць папихаць, таўчи и бици,
 Ня будѡць ганяць вайты агъ паўночи,
 На пригѡнѣ замѣши гарѣлкою вѡчи,
 Пакинуць насъ лѡиць—за касьбу, арѣнне,
 За жнѣва, граблѣнне и стагѡў складѣнне.
 Што часамъ спазнѣўся стаѣци на работы,
 Што рѡбишь памалу, якбы безъ ахѡты,
 А якъ часамъ придзешь, чагѡ папрасиць:
 „Нимашъ чымъ араць, нимашъ чимъ касиць;
 „Будзь ласкаў панѡчку, паратуй ў пригодзѣ!“
 Ажъ ѣнъ крычиць, лѡиць, нимашъ канцѣ и голзе,
 А канѣдци хлѣба дастаць, вѣлыми трудна,
 Панъ самъ не здарѡу, пѡни нешта нѡдна.
 Придзи другимъ рѡзамъ; а тымъ часамъ ў пѡли
 Ня зрѡбишь ў парѡ работы никѡди;
 И ў дѡму — на пѡле ни за порѡгъ вѣйци,
 Бо и на пригѡнѣ нимашъ чимъ рабици.
 Идзи—хоць ты трѣсни, намъ не спагадаюць;
 Пѡруць, бьюць, лѡюць и ў каркѣ пихаюць;
 Дажджомъ—рабѣ дѡма, а якъ пагѡда блѣсне,
 То ў хаць—ни одна душа ня письне.

¹⁾ Не слышали. ²⁾ Сюртуки. ³⁾ Любезный. ⁴⁾ Качливость. ⁵⁾ Жаркое. ⁶⁾ Тагань. ⁷⁾ Горшокъ для молока. ⁸⁾ Кубаны. ⁹⁾ Ушаты. ¹⁰⁾ Кострюли. ¹¹⁾ Чугуны. ¹²⁾ Зеркало. ¹³⁾ Причудничать.

На пригонѣ безъ счёту: съ сярпомъ и касю,
 Съ валами да арваня, кѣни въ барандю —
 Тѣй палиць вугалле, тѣй рѣбу лавиць.
 Таму на сѣнажаци кусты цирабиць ¹⁾,
 Тѣй навязецъ водку, а тѣй муку, збджже,
 Загадуюць работъ, сциражи ты, Боже.
 Таму сѣиць, сѣна гресць, таму стоць складаци,
 Таму тарпы ²⁾ класць, таму падаваци,
 Згинь-пропадзи лиха, да чорта работы!
 Дзива, что не стѣниць часамъ и ахоты?
 Придзецъ вѣсень—дай дзѣкла ³⁾—гарцяюць ⁴⁾
 Грыбы, курь, яйца, тальки аббираюць.
 Магавинъ отсыпъ, аддай да зерваци,
 А самъ—безъ кусочка хлѣба—оставайся ў хаци;
 И чиншь, и подѣтки—оддавай безъ откладу,
 На рекрутѣ, панбѣ, складеамъ нима ладу,
 На стѣйви, дарогѣ—гонюць, что вядзѣли;
 Кабъ яны и ў жицѣю поцѣхи ня мѣли!
 Чаму ты на старѣжу прійци спазниўся,
 Чаму ты сывѣры, рѣдла ⁵⁾—ўзяць забыўся.
 Гдзѣ твой мѣхъ, вярѣўки, решето и сѣчка?
 За што тамъ съ вѣйтамъ была такяя спрѣчка: ⁶⁾
 Броварную старѣжу аддавай безъ счёту,
 Тамъ ў дзень и ў нѣчи ня скончишь работу.
 У валѣўня, якъ чортъ ў пеклѣ ⁷⁾ таўчися,
 Нимажъ тамъ спагаду—ци плачь ци маліся;
 Ци дожджъ, ци завѣя, ци марѣвъ найгѣрши.
 Цимъ гѣрше надвѣрѣе, то тымъ приказъ бѣльшп.
 Вставай на работу парѣю безъ спрѣчки
 Вѣцнигуюць съ падъ лавы, сѣцягнуць ⁸⁾ цябѣ съ пѣчки:
 Ты идзи малациць, ты ў млынъ ⁹⁾ малѣци,
 Ты картѣфлю рѣваць, а ты идзи садзици;
 Тому бѣдла ¹⁰⁾ пасвиць, а таму авѣчки,
 Ты да копъ на вѣрту ¹¹⁾, а ты идзи да грѣчки.
 Ты ступай да кѣни, а ты за свиннями,
 Малаго да кѣчекъ ¹²⁾, бѣльшаго за гусями;
 Якъ чѣрта пхнуць ўсюды, слухаешъ якъ трѣба,
 А чѣста нимашь чѣсу зѣвѣць и кавьлка хлѣба.
 Днемъ—стравы ¹³⁾ цѣплай никѣли не скаштуешъ: ¹⁴⁾,
 Сухимъ хлѣбамъ адзинъ другѣга частуешъ ¹⁵⁾.
 Палудз-нѣ гѣрки, стагнаць нимашь чѣсу,

¹⁾ Чистить, вырубать. ²⁾ Скирды. ³⁾ Подать хлѣбомъ (Придѣть осень, крѣ-
 чать: дай подѣть хлѣбомъ. ⁴⁾ Горланюць, кричать. ⁵⁾ Засупъ. ⁶⁾ Споръ. ⁷⁾ Въ
 аду. ⁸⁾ Стащатъ. ⁹⁾ На мельницу. ¹⁰⁾ Скотъ. ¹¹⁾ На караулъ. ¹²⁾ Къ уткамъ.
¹³⁾ Кушанье. ¹⁴⁾ Не отвѣдаешъ. ¹⁵⁾ Подчуешъ.

Ать цивуна ¹⁾, вѣйта—мнѣга крѣку и галасу ²⁾.
 А урѣдникъ, якъ чортъ сярдзнтый и злосны,
 Пагладъ бѣстрый и гѣласъ даносны,—
 Якъ стѣницъ па свѣдому лавць и крычаццѣ,
 То душѣ ать цѣла мѣсиць разставѣццѣ.
 А на злосць якъ трапншь ³⁾; то пачисциць зубы,
 Схѣпншь ⁴⁾ ошлявѣху, ажъ вѣрѣ пайдзѣць зъ губы,
 Чупрына ня пѣуна ⁵⁾, бо падскѣбнць кусѣ,
 Пацрѣвнць барадѣ и пацкѣрѣвнць вѣса,
 А што напасць па вѣху, а што надрѣжнжся,
 Ци скачи, чи плачь,—пирѣдъ имъ, ци янъ хочешъ малися,
 Нышто не памѣжнць, чакѣць ⁶⁾ канцѣ мѣсншь ⁷⁾,
 Хоць праѣда и язнѣа аднакъ пракѣсншь,
 Зѣрасць каркѣ скрѣцѣць, гѣта имъ урѣвѣца.
 Хванабѣрство ⁸⁾ згнѣе и панѣство минѣтца,
 Ннхѣй тѣльки дасць Богъ, вольнасьци даждаццѣ,
 Бѣдѣць паны сами—слѣзки полнѣвѣццѣ;
 На поли—гдѣвѣ кѣлнсь сохъ былѣ якъ маку,
 Не знайдѣць загѣноу и рѣдн ⁹⁾ ни знѣку;
 Усѣ ляжнць аблѣгамъ ¹⁰⁾, лѣзы ¹¹⁾ бѣдѣць вѣдѣку,
 Звяжѣць паны скѣдра безъ людѣей галѣвѣку.
 А па сѣнажѣццѣ ¹²⁾—не прѣйдзешъ за лѣсомъ,
 Бо хтожъ бѣдѣнць каснць, хнба панъ зъ бѣсомъ?
 Прнгонъ якъ урѣвѣца, талаки не стѣне.
 Скѣвнчнтца атрѣзу нхне панованѣ!
 Тагдѣ паны, хнба што, бѣдѣ познаюць,
 Бо цнперъ ннколн намъ не спагадѣюць,
 „Идѣн толька Хѣме!“ вотъ усѣ и гавѣрка,
 А зъ нашей працѣ ¹³⁾ грѣшн скнѣдѣюць да ворка ¹⁴⁾,
 Дѣй намъ толька, Бѣжа!—скаренько прнждаццѣ,
 Кабъ магли мы спакѣйна пасѣдзѣць ў хѣцн,
 Пана не боѣцца и вѣйта загѣду,
 Было бъ у насъ болѣше и добрѣ и лѣду.
 Не одннъ сказаў бы: „мой пане Сыцѣпанѣ!—
 „Будзь лѣскаў, снѣгѣдня, прнѣдн на арѣвнѣ;
 „Заплачѣ, што хѣчешъ, вѣдкѣй пачастѣю,
 „А дѣя твѣнхъ дѣѣтакъ—гасѣцннца дарѣю.
 „Калн лѣска—зѣўтра падѣжн съ касѣю,
 „Жѣнка, дѣчка—съ снѣрѣомъ, а сынъ съ барѣнѣю,
 „Напѣрѣдъ грѣшн дамъ, бо мнѣ разъ плацнцн —
 „Я цѣбѣ знѣю ннѣмѣншь скрѣцнцн“ ¹⁵⁾.
 Авось калн лнха, якъ вѣжа ¹⁶⁾ прнцнсьннць,
 Не адннъ застѣгннць и не адннъ пнсьннць;

¹⁾ Древній тиунъ, надсмотрщикъ за сельскими работами. ²⁾ Шума. ³⁾ Попадешъ. ⁴⁾ Схватншь. ⁵⁾ Небезопасна. ⁶⁾ Ждать. ⁷⁾ Обязанъ. ⁸⁾ Чванство. ⁹⁾ Пашни. ¹⁰⁾ Запущенная нива. ¹¹⁾ Просторъ. ¹²⁾ Во время сѣнокоса. ¹³⁾ Трудъ, работа. ¹⁴⁾ Денежный мѣшокъ. ¹⁵⁾ Обмануть. ¹⁶⁾ Ужь, змѣя.

Во гѣдзя надъ нами здэкаватца ¹⁾ срѣга
 Придзецъ и на пандѹ каране отъ Бѣга.
 Яны насъ глумили ²⁾, плакаць не давали,
 Виненъ, ци нявиненъ—безъ каньцѣ карали,
 А цяпѣръ имъ самимъ тѣе доставетца,
 Што намъ досюль бѣло, то и ихъ стаўпѣтца ³⁾.
 Нихай дасецъ Богъ Цару нашему здарѣвве,
 Нихай нашей доли сквашуюць пандѣвве!
 Нихай Яго радю Богъ ў насъщю гадуе.
 Што Ёнъ нашихъ братцаў вольнасьщю даруе!
 А тымъ нашимъ панамъ, што насъ дужа ⁴⁾ драли,
 Даў бы Богъ, кабъ яны на сабѣ дазнали;
 Галѣдному сытѣй спагадаць ня мусиць ⁵⁾,
 Пакуль чужой бяды самъ ў губу ня ўкусиць.
 Авось тагды пазнаюць, пачаму фунтъ лиха,
 Якъ вѣдць надъ лавай не усядзиць циха;
 Паскрабѣць чупрыву, якъ не станицъ хлѣба.
 Такъ Богъ и Царъ хѣчиць—мусиць такъ и трѣба ⁶⁾.
 Можабы и бѣдѣй бѣ пздурѣў ⁷⁾ Сыцьпанъ и Данило,
 Але на пагібель—войта накруцило;
 Якъ стаў загадъ стрѣдць, якъ пачаў крычаць —
 Мусили ⁸⁾ свой разгаворъ съ сабой перестаць.

Примѣчаніе. Последнее стихотвореніе одно изъ немалочисленныхъ произведеній новѣйшей народной или полународной вѣлорусской музы. Стихотвореніе это распространено во многихъ спискахъ, особенно въ Минской губерніи; замѣчательно, что лучший списокъ написанъ польскими литерами доказательство, что стихи распространены между крестьянъ римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Сообщ. П. В. Шейнъ.

ОПЕЧАТКИ.

Двѣ опечатки вкратись въ мою статейку: 1) на стр. 423 въ 12-й (снизу) строкѣ: проявленіемъ вмѣсто проявленіямъ, 2) на стр. 485 въ 5-й (сверху) строкѣ „сказано“ вмѣсто „сказано“.

П. Ш.

¹⁾ Наругаться. ²⁾ Они надъ нами издѣвались. ⁴⁾ Обрушится. ³⁾ Очень.
⁵⁾ Снисходить не можетъ. ⁶⁾ Должно быть. ⁷⁾ Вести разговоръ. ⁸⁾ Должны были.

КАРТИННОЕ И КНИЖНОЕ НАРОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ТОРГОВЛЯ.

Разсказъ И. А. Голышева,

основателя и владѣльца литографіи въ слободѣ Мстерѣ.

1858—1886.

I.

Возникновеніе деревенской литографіи.—Печатаніе переводомъ.—Картинки апокалипсическаго содержанія.—Цензоръ Делицынъ.—Запрещеніе картинъ митрополитомъ Филаретомъ.—Картинки съ сюжетами изъ Крымской войны.—Открытіе литографіи въ сл. Мстерѣ.—Производство лубочныхъ картинъ.

Литографическое заведеніе возникло въ сл. Мстерѣ въ 1858 г., въ то время, когда еще слобода эта была помѣщичьимъ имѣніемъ, когда и въ Москвѣ, этой родинѣ народныхъ „лубочныхъ“ картинокъ, существовало очень не много подобныхъ заведеній, да и при томъ преимущественно только металлографій; поэтому появленіе литографіи въ селеніи было дѣломъ не совсѣмъ обыкновеннымъ.

Обстоятельства, послужившія къ ея учрежденію, были изложены на страницахъ журнала „Русской Старины“ изд. 1879 г. Разумѣется, при осуществленіи предпріятія не обошлось безъ большихъ хлопотъ и трудовъ. Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ (вслѣдствіе крѣпостнаго права) усовершенствоваться до надлежащей степени въ рисовальной школѣ, невозможности получить полное художественное образованіе, мнѣ пришлось самому постепенно изучать отрасль промышленности литографнаго дѣла.

Такъ какъ литографное заведеніе въ селеніи можно было открыть единственно для печатанія самыхъ простыхъ народныхъ картинокъ, съ надеждою только на мѣстный ихъ сбытъ, то и не представлялось возможности производить печатаніе способомъ металлографій, какъ это дѣлалось во всѣхъ московскихъ заведеніяхъ; во первыхъ, такое печатаніе крайне медленно, а во вторыхъ—потребовало бы имѣть граверовъ на металлѣ и заводить фигурные станки. Поэтому мое стараніе было обращено на заведеніе исключительно такого литографнаго дѣла, которое давало бы возможность производства простыхъ картинокъ, какъ переводомъ съ мѣдныхъ досокъ, такъ и съ рисунковъ на литографный камень.

Проживая еще въ Москвѣ въ литографіи О. Е. Ефимова, я дѣлалъ нѣсколько опытовъ подобнаго рода по примѣненію печати простыхъ картинокъ помощію литографіи; у Ефимова была литографія исключительно для печатанія ярлыковъ, этикетокъ, визитныхъ, свадебныхъ карточекъ и билетовъ и другихъ мелочныхъ работъ. Тѣ способы, которыми печатались эти мелкіе предметы, примѣнены были мною къ отпечатыванію простыхъ народныхъ картинокъ, при чемъ рисовалъ на камнѣ я самъ.

Въ 1854 г., во время Крымской войны, было выпущено разными лицами множество картинокъ съ эпизодами событій войны; въ числѣ прочихъ, было составлено нѣсколько народныхъ картинокъ однимъ чиновникомъ московскаго генераль-губернатора, кажется, г. Соколовымъ; нарисованныя 4 картинки, составляя одну коллекцію, носили общее названіе рабѣ; 1-я изъ нихъ представляла „Рекрутскій наборъ“, 2-я—„Сны султана“, 3-я—„Синопское сраженіе“ и 4-я—„Рѣка Дунай и храмъ въ г. Мачинѣ“; подъ ними были написаны рассказы и прибаутки. Оригиналы этихъ картинокъ были заказаны для напечатанія Ефимову: я былъ очень радъ, что представился удобный случай примѣнить печатаніе картинъ при помощи перевода съ мѣдныхъ досокъ, чего въ литографіи Ефимова еще ни разу не было. Поэтому я настаивалъ, чтобы заказъ былъ принятъ, и затѣмъ прилагалъ всѣ усилія по выполненію работы. Картинки сначала были выгравированы на мѣди, а потомъ съ мѣдныхъ досокъ переведены на литографическій камень и тогда отпечатывались. Съ этого именно времени печатаніе съ мѣдныхъ досокъ сженымъ

сѣномъ прекратилось; металлографіи съ неуклюжими фигурными станками стали замѣняться литографіями и мало по-малу вошли въ общее употребленіе.

Съ Ефимовымъ я работалъ вмѣстѣ и всѣ новыя приспособленія дѣлались нами общими силами и съ общаго совѣта. Картинки „раѣкъ“, а также и собственнаго изданія: „Проспектъ семи башенъ въ Константинополѣ“, „Абдуль-Меджидъ“ и другія расходились бойко, какъ по Москвѣ, такъ и въ провинціи, куда посылались въ моему родителю на продажу.

Когда отецъ мой и я самъ убѣдились, что литографное производство достаточно мною усвоено, то родитель мой не замедлил приступить къ изданію картинокъ изъ апокалипсиса, къ которымъ у него была необыкновенная страсть: онъ рисовалъ и раскрашивалъ ихъ еще въ своей первой молодости; въ домѣ нашемъ вся главная комната была по стѣнамъ увѣшана такими картинками, и каждому новому посѣтителю онъ обыкновенно объяснялъ значеніе ихъ, при чемъ тексты къ изображеніямъ деklamировалъ наизусть. Теперь ему непременно хотѣлось отпечатать картинки. Съ помощью рисовальщиковъ и живописцевъ, производившихъ въ то время стѣнопись въ мстерскомъ храмѣ, отцемъ моимъ составлены были рисунки, идею которыхъ онъ самъ подавалъ. Такимъ образомъ, рисунковъ набралось болѣе сотни; съ ними я отправился въ Троицко-Сергіевскую лавру для процензурованія. 30-го мая 1855 г. онѣ были дозволены къ печати цензоромъ П. С. Делицынымъ, съ которымъ я имѣлъ случай въ то же время сблизиться.

По полученіи изъ цензуры оригиналовъ, изъ нихъ были избраны для печати болѣе разительные: „Паденіе града Вавилона и плачь о немъ“, „Три ангела проповѣдуютъ“, „Третій ангелъ вострубилъ: падаетъ Апейноосъ, звѣзда великая, горящая, подобно свѣщѣ“, „Шестой ангелъ вострубилъ и разрѣшаются четыре ангела при рѣкѣ Ефратѣ“, „Души избѣнныхъ за слово Божіе почиваютъ подъ алтаремъ“ и проч. Мною онѣ были отданы, по тогдашнему, хорошимъ московскимъ рисовальщикамъ съ платою по 15 и 20 руб. за рисунокъ или камень, при чемъ камни были, конечно, наши. Чтобы успѣшнѣе шла работа, оригиналы роздали тремъ рисовальщикамъ; наблюденіе за работою было поручено мнѣ. Для печати мы, такимъ образомъ, приготовили 10 сюже-

товъ; уплатили деньги за работу; Ефимовъ подгравировалъ къ картинамъ подписи, заимствованныя изъ текстовъ св. писанія; изданіе означено именемъ родителя моего А. К. Голышева. Сдѣлавъ по 10 оттисковъ съ каждаго оригинала, ихъ отправили въ цензуру для полученія билета на дозволеніе выпустить въ свѣтъ.

Совершенно неожиданно, вмѣсто билета, получено было два отношенія изъ духовной цензуры: одно—въ Москву, адресованное въ литографію Ефимова, съ предписаніемъ пріостановить печатаніе картинъ и требованіемъ немедленно доставить всѣ оригиналы, допущенные къ печати, съ присовокупленіемъ, что если таковыхъ уже нѣтъ въ литографіи, то извѣстить о томъ издателя; другое—въ томъ-же смыслѣ, въ сл. Мстеру, моему отцу. Происшествіе это не мало смутило насъ, и такъ какъ оригиналы хранились у меня, то я и поѣхалъ съ ними въ Троицкую лавру.

Цензоръ П. С. Делицынъ объяснилъ мнѣ, что митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ), узнавъ объ изданіи картинъ, пожелалъ ихъ просмотрѣть и, повидаши, упрекалъ его, цензора, за выданное дозволеніе; неудовольствіе митрополита объяснилось тѣмъ, что въ то время раскольники дѣлали различныя толкованія, противныя ученію православной церкви; такъ: будто подъ градомъ Вавилонскимъ—разумѣется С.-Петербургъ; мостъ черезъ рѣку—яко-бы означаетъ Благовѣщенскій мостъ (нынѣ Николаевскій); столбъ—не изображаетъ-ли колонну императора Александра I и пр., и пр.

Разсмотрѣніе и удерживаніе представленныхъ въ цензуру оригиналовъ длилось почти цѣлый годъ и въ заключеніе не было выдано билета на выпускъ уже вполнѣ готовыхъ рисунковъ. Дозволеніе послѣдовало только на нѣкоторыя картинки, представленные только въ оригиналахъ, т. е. къ печатанію которыхъ еще не было приступлено. Такимъ образомъ, коллекція уже вполнѣ готовыхъ рисунковъ была разбита. На возвращенныхъ картинкахъ были замѣтки; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Изображено несоответственно съ текстомъ“; „сдѣлать затмѣніе третьей части звѣздъ“; „изображеніе ангеловъ на облакахъ, о чемъ въ текстѣ не упоминается—уничтожить“; „измѣнить положеніе ангела такъ, чтобы онъ казался трубящимъ не къ верху, а къ низу“; на иныхъ картинкахъ были короткія замѣчанія: „не одобряется“ и проч.

Какъ ни грустно и больно было отцу оставить печатаніе

столь излюбленныхъ имъ картинокъ, но пришлось покориться необходимости; однако, рисунки на камняхъ онъ сохранилъ: во 1-хъ, за нихъ были уплочены порядочныя деньги, во 2-хъ, ужъ очень было жаль расстаться съ ними.

Въ 1855 г. печатались картинки уже моего изданія, относившіяся къ кончинѣ государя императора Николая I. Подписи къ нимъ я извлекалъ изъ газетъ, напримѣръ: „Плачь, русская семья“ и проч. Тогда же мною были изданы портреты восшедшаго на престолъ императора Александра II и членовъ августѣйшаго дома, а также эпизоды изъ продолжавшейся Крымской войны, какъ напр.: „Бомбардированіе Севастополя“, „Кронштадтская крѣпость“, „Государственное ополченіе“ и другія. Во время моихъ поѣздокъ на родину, печатаніе и другія порученія лицъ исполнялъ самъ Ефимовъ; Въ 1856 г., во времени коронаціи государя императора Александра Николаевича, я снова проживалъ Москвѣ, во первыхъ, съ тѣмъ, чтобы быть очевидцемъ предстоящихъ торжествъ и, во 2-хъ, чтобы скорѣе и удобнѣе приобрѣтать новыя коронаціонныя картинки.

Въ 1857 г. я окончательно переселился на родину и такъ какъ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, то прошеніе объ открытіи литографіи въ сл. Мстерѣ было подано моимъ отцомъ сначала помѣщику графу В. Н. Панину, а когда послѣдовало отъ него разрѣшеніе, то начальнику губерніи Е. С. Тиличеву. Губернаторъ входилъ съ представленіемъ объ этомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Предварительно сего, конечно, сдѣланы были разныя справки и взяты не одна подписка о непечатаніи ничего безцензурнаго, какъ-то: никакихъ періодическихъ изданій въ формѣ книгъ или газетъ и проч. Губернаторъ уже имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о моихъ способностяхъ и работѣ: моей работы рисункъ „Видъ города Вязники“ висѣлъ въ его кабинетѣ въ рамѣ, подъ стекломъ. Съ разрѣшенія министра, отъ 10 февраля 1858 г., губернаторомъ было выдано свидѣтельство на открытіе литографіи.

По полученіи сего дозволенія, я отправился въ Москву, забралъ у Ефимова свои камни, у него же купилъ два литографскихъ станка, русскаго устройства, съ перевѣсами, отправилъ все это домой и, нанявши въ Москвѣ одного печатника, возвратился къ отцу. Литографія была открыта съ молебствіемъ 21 мая

1858 г. Я самъ занимался составленіемъ новыхъ оригиналовъ, рисоваль на камнѣ, велъ сношенія съ цензурными комитетами справлялъ всякаго рода переписку, производилъ разные опыты, касающіеся до улучшенія литографнаго дѣла, и въ то-же время помогаль отцу при отпускѣ товара офенямъ.

Первое время, бумагу для печатанія мы получали изъ Москвы, но когда вскорѣ устроилась писче-бумажная фабрика помѣщика Протасьева, въ селѣ Татаровѣ, отстоящемъ отъ сл. Мстеры всего въ одной верстѣ, то бумагу перестали привозить изъ Москвы; фабрика эта послужила для насъ большимъ подспорьемъ. Послѣ двухъ первыхъ станковъ, нами были куплены 3 желѣзные станка иностранной конструкціи и, наконецъ, въ запасъ былъ сдѣланъ подъ моимъ руководствомъ, 6-й станокъ уже въ сл. Мстерѣ. Въ каждую новую поѣздку исподволь покупались въ конторахъ литографическіе камни; иногда пріобрѣтались мѣдныя доски съ выгравированными картинками, а нѣкоторая часть тѣхъ и другихъ пріобрѣтена отъ бывшаго заведенія Логинова. Въ помощники по рисованію поступали ко мнѣ крестьяне изъ иконниковъ сл. Мстеры, а потомъ и мальчики сл. Халуя, преимущественно дѣти бѣдныхъ родителей или сироты; прослуживъ годъ или два, они становились уже способными помощниками; учились они также и гравированію на камнѣ (это искусство мною также изучено). Работа, большею частью, производилась на 5 станкахъ, 6-й находился запаснымъ, на случай могущей произойти поломки или неисправности какой въ числѣ дѣйствующихъ. Рабочихъ изъ московскихъ литографій проживало 2—3 печатника, остальные же пріучались изъ мѣстныхъ жителей; съ теченіемъ времени и въ печатники набирались исключительно мѣстные жители.

По основаніи моимъ отцомъ книжной и картинной торговли въ 1844 г., прежде всего возникла раскраска картинокъ, привозимыхъ изъ Москвы нераскрашенными; работа эта сначала производилась руками моихъ малолѣтокъ сестеръ; послѣ, отъ нихъ заимствовали ихъ подруги, а затѣмъ перенимали и всѣ другія. Постепенно это занятіе перешло въ особую, небывалую до того времени, отрасль промышленности; ремесло это нашли выгоднымъ. Точно также и теперь, печатники сначала заимствовали свои познанія отъ меня и моихъ родственниковъ, а потомъ это дѣло становилось общимъ. Первое время намъ приходилось пла-

тить рисовальщикамъ: населеніе еще не признавало за нововведеніемъ большей выгоды, чѣмъ занятіе иконописью; но когда оно убѣдилось, что дѣло наше совершенствуется и идетъ успѣшно и выгодно, чѣмъ малеваніе образовъ, то охотно стало посылать къ намъ мальчиковъ въ ученики на нѣсколько времени бесплатно. Дѣти приспособлялись рисованію на бумагѣ, на камнѣ, гравированію, писанію буквъ и текстовъ подѣ картинками; въ то-же время они пособляли въ магазинѣ, когда бывалъ отпускъ товара. При мѣстныхъ условіяхъ, торговля здѣсь ведется не постоянно: осенью—дѣло ведется съ офенями, собирающимися въ это время въ торговый походъ; зимою же до самой весны — съ мелкими торговцами; лѣтніе же мѣсяцы совершенно свободны отъ торговли.

Такимъ образомъ, дѣти незамѣтно пріучались изучать, кромѣ литографнаго дѣла, письмоводство и счетоводство. Изъ здѣшней литографіи больше десяти лицъ переселились въ московскія литографіи и фотографіи. Обыкновенно они работали у насъ годъ или два безъ жалованья, но потомъ, смотря по успѣхамъ, опредѣлялось имъ жалованье, возвышавшееся ежегодно. Работниковъ своихъ я всегда охотно отпускалъ въ Москву, снабжая при этомъ рекомендательными письмами. Нѣкоторые изъ моихъ учениковъ, переселившіеся въ Москву, получаютъ хорошее жалованье и зарабатываютъ отъ 200 до 300 р. въ мѣсяцъ; иные изъ нихъ, узнавъ дорогу или возможность поступать въ московскія заведенія, при помощи уже тамъ находящихся собратьевъ, отправлялись туда, бросая мало вознаграждающее ихъ ремесло иконописи въ сл. Халуѣ Вязниковскаго уѣзда, которая также упадало, какъ и знаменитыя прежде здѣсь ярмарки.

По открытіи литографіи, раскраска картинокъ малолѣтними дѣвочками совершенствовалась и упрочивалась. Недатка въ картинахъ для работы уже не встрѣчалось, что бывало прежде, когда происходила временная остановка работы черезъ несвоевременную высылку изъ Москвы сдѣланныхъ заказовъ, или отъ промедленія доставки товара. Число цвѣтильщицъ стало увеличиваться. Прежде дѣвочки занимались раскраскою въ нашемъ домѣ, но такъ какъ помѣщеніе оказалось теперь недостаточнымъ, то часть ихъ стала раскрашивать картинки у себя въ домахъ; съ устройствомъ-же литографіи и занятія подѣ нее на-

шого помѣщенія, цвѣтильницы всѣ стали работать у себя дома семейно. Образцы ихъ раскраски, исполненные болѣе тщательно, неоднократно встрѣчали одобреніе; они посылались къ графу Панину и другимъ лицамъ. При томъ, такъ какъ литографное производство, въ помѣщичьемъ имѣніи, у крѣпостнаго крестьянина, вмѣстѣ съ веденіемъ книжной торговли, было дѣломъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, естественно обращало на себя вниманіе, то вслѣдствіе этого, кто бы ни проѣзжалъ, или случайно ни былъ въ сл. Мстерѣ, всегда заходилъ посмотрѣть, полюбопытствовать на наше занятіе; во время проѣзда губернатора А. П. Самсонова и І. М. Судіенко, раскраска картинъ, для большей видимости, временно устраивалась въ нашемъ домѣ.

До примѣненія къ народнымъ картинкамъ хромофотографическаго способа, раскраска этихъ картинъ въ 1860, 1870 и 1875 годахъ была очень распространена и въ Москвѣ; тамъ ею занимались цѣлыя подмосковныя селенія и въ особенности село Никольское.

Приступая къ раскраскѣ, матери семействъ обыкновенно приучаютъ своихъ малолѣтокъ дѣвочекъ, не выше 10 лѣтъ, сначала къ раскраскѣ низшаго сорта картинокъ, такъ называемаго „простовикъ“; отъ него переходятъ къ слѣдующему сорту картинокъ, называемыхъ „праздники и конница“ и потомъ къ высшему сорту, называемыхъ „литографія“; термины картинокъ вполне установлены какъ въ производствѣ, такъ и въ торговлѣ при подраздѣленіи товара. Для раскраски простыхъ черныя картинки забираются рабочими по тысячѣ, что лучше—сотнями, и, по раскраскѣ, сдаются по принадлежности, съ занесеніемъ въ рабочія книжки количества исполненной работы, а затѣмъ вновь получаютъ новую серію. Заработанныя деньги выдаются періодически, преимущественно къ большимъ праздникамъ: по мелочамъ здѣсь не любятъ брать выручку; въ большинствѣ случаевъ стараются сберечь покрупнѣе цифру. И женщины, и дѣти любятъ эту работу; да оно и понятно: работа чистая, не требующая никакихъ усиленныхъ физическихъ трудовъ, исполняется скоро и легко. Дѣтямъ, кромѣ вознагражденія, она приноситъ еще ту пользу, что они отвыкаютъ отъ праздности.

Самый процессъ работы производится такъ: работница, получившая тысячу или сотню картинокъ, вмѣстѣ съ дѣтьми сво-

ими или сестрами покрывает сначала всю тысячу или сотню желтой краской, раскidyвая на полъ уже окрашенныя для просушки; потомъ всю серію покрывает малиновою, красною, затѣмъ голубою и, наконецъ, зеленою красками; этимъ и кончается вся работа. Краски употребляются самыя простыя; въ послѣднее время вошли въ употребленіе анилиновыя; кисти тоже самыя простыя, мѣстнаго издѣлія, не превышающія стоимостью 3 коп. за штуку ¹⁾. О тщательности или отдѣлкѣ работы не можетъ быть и рѣчи; по этому поводу уже замѣчено было: „ошибѣ ихъ слѣдуетъ приписать, что иногда встрѣчаются на военной картинкѣ генеральскіе панталоны окрашенными въ зеленый цвѣтъ, а трава — въ красный“. Съ картинками, подъ названіемъ „литографія“, печатаемыхъ на непроклеенной бумагѣ, портретной (терминъ по варминному производству), манипуляція работъ нѣсколько видоизмѣняется: сначала картинки покрываютъ клеємъ съ квасцами и мыломъ, съ тѣмъ, чтобы краски не расплывались, а потомъ поступаютъ какъ и съ простыми картинками, лишь съ тою разницею, что еще послѣ окрашиванія покрываютъ гуммиарабикомъ для преданія нѣкоторымъ мѣстамъ глянцеvитости и яркости красокъ. Со введеніемъ печатанія картинъ хромолитографическимъ способомъ, сортъ картинокъ подъ названіемъ „литографія“ значительно упалъ: паровая машинная работа вытѣснила ихъ; но за то низшіе сорта картинъ, какъ то: „простовикъ“, „праздники и конница“ остались на сторонѣ ручной работы, ибо какъ работа, такъ и картинки настолько дешевы, что до сихъ поръ никакія машины не могутъ въ этомъ отношеніи соперничать съ ними. Вся польза производства заключается въ оборотѣ всей суммы: чѣмъ большая выработка и сбытъ, тѣмъ большая составляется прибыль. За раскраску картинокъ работницы получаютъ слѣдующую плату:

За 1000 шт. картинокъ „простовика“	1 р. — „
„ 1000 „ „ „праздники и конница“	1 „ 50 к.
„ 1000 „ „ „литографія“	15 „ — „
„ 1000 „ тетрадей гадательныхъ	1 „ — „

¹⁾ Кисти производятся въ сл. Халуѣ, Вязниковскаго уѣзда, при томъ преимущественно женщинами; продаются онѣ сотнями всѣмъ иконникамъ сл. Халуя и Мстеры, цѣною отъ 1—3 р. за 100 шт. О производствѣ ихъ было сказано нами въ Владимір. „Губ. Вѣдом.“ за 1869 г., въ № 17. И. Г.

Плата, какъ видно, очень низка; но и при такой ничтожной платѣ, работница съ помощницею малолѣткою можетъ заработать около 2 р. въ недѣлю, а въ крестьянскомъ быту это порядочныя деньги.

Кромѣ этой работы, раскраска этихъ картинъ приспособила женщинъ къ производству другой отрасли промышленности, именно къ уборкѣ фольговыхъ народныхъ иконъ и расписыванію ихъ украшеній; онѣ занимаются тою или другою работою, смотря по тому, какое время года или какое дѣло вызываетъ большее требованіе.

На мѣстную литографію работаютъ свыше 200 человекъ. Въ лѣтнее время работа обыкновенно уменьшается по случаю занятія огородничествомъ; хлѣбопашествомъ здѣсь совсѣмъ не занимаются, его здѣсь нѣтъ, ибо земля не мать, но злая мачиха. Усовершенствованіе цвѣтильщицъ доведено до нѣкоторой степени: онѣ отлично усвоили навыкъ въ расположеніи и составленіи красокъ; ими раскрашивались присылаемыя сюда рисунки изданія с.-петербургскаго общества любителей древней письменности; также ими раскрашены: „Житіе Александра Македонскаго“, „Житіе Асава царевича“; онѣ же принимали нѣкоторое участіе въ раскраскѣ изображеній „Житіе Николая Чудотворца“, за экземпляръ втораго платилось по 200 рублей.

II.

Картинки апокалипсическаго содержанія. — Цензоръ П. С. Казанскій. — Матеріальное бѣдствіе литографіи и ея враги. — Новый законъ о печати. — Постигшая литографію кара.

Въ 1860-хъ годахъ литографія въ слободѣ Мстера вошла въ должный порядокъ, такъ сказать, вступила въ свою колею. Рисунки апокалипсическаго содержанія, исполненные на камняхъ въ Москвѣ и недозволенные къ печати, наложеннымъ запрещеніемъ митрополита Филарета, еще хранились въ цѣлости. Отцу хотѣлось вновь попытать счастье и мы на удачу послали ихъ на разрѣшеніе с.-петербургской духовной цензуры. Къ величайшему удовольствію отца, въ 1860 г., послѣдовало дозволеніе; тогда мы стали по немногу посылать и другіе сюжеты изъ апокалипсиса,

которые также были разрѣшаемы цензурой; всѣ картинки печатались отдѣльно. Отецъ мой, какъ уже было сказано выше, имѣлъ привычку растолковывать покупателямъ значеніе картинки и независимо находящагося подъ ними небольшого текста, въ то же время дѣлалъ свои примѣненія къ тому или другому времени, особенно въ существующему; это обстоятельство до извѣстной степени способствовало успѣху сбыта ихъ, хотя все-же надо сказать, что онъ былъ крайне незначителенъ. Отецъ мой объяснял малоуспѣшность сбыта, во первыхъ, тѣмъ, что картинки эти мало понимаются народомъ и, во-вторыхъ, что печатались онѣ не въ маломъ, но въ большомъ форматѣ.

Когда умерли цензоръ П. С. Делицынъ и въ 1867 г. митрополитъ Филаретъ, то цензуrowаніе картинокъ перешло къ П. С. Казанскому, который былъ до этого времени секретаремъ комитета духовной цензуры; съ нимъ я былъ знакомъ еще раньше: мы оба состояли членами московскаго археологическаго общества и вели переписку; я посылалъ ему свои труды и нѣкоторые матеріалы. Отецъ мой сталъ настаивать въ третій разъ издать картинки изъ апокалипсиса. Дѣлать было нечего, надо было подчиниться; онѣ были нарисованы на бумагѣ меньшаго формата и въ видѣ эскизовъ отправлены въ цензуру. П. С. Казанскій дозволялъ ихъ безпрепятственно; разрѣшенія слѣдовали: 28-го мая, 16-го іюня, 16-го іюля и 23-го ноября 1870 г. На предложенный мною вопросъ П. С. Казанскому: послѣдуетъ-ли разрѣшеніе, онъ еще раньше представленія рисунковъ въ цензуру сообщилъ, что дозволеніе будетъ выдано и объяснилъ при этомъ, что если прежде эти картинки были въ гоненіи, то единственно по капризу митрополита Филарета и, главнымъ образомъ, потому, что раньше цензуrowанія не было предварительно испрошено митрополичьяго согласія.

Такимъ образомъ, была выпущена въ свѣтъ новая серія картинокъ изъ апокалипсиса съ 31 сюжетомъ. Но предпріятіе это, какъ и прежнія, поглотивъ у меня много времени и труда, оказалось также неудачнымъ; сбытъ ихъ былъ крайне плохъ и печатались онѣ не долго. Въ этотъ періодъ, въ концѣ 1871 г., я уже сдѣлался полнымъ хозяиномъ,—вмѣшательство отца прекратилось; картинки апокалипсиса печатались и выпускались мною только по личному заказу родителя для его собственной торговли;

рисунки на камняхъ я сохранялъ единственно изъ уваженія къ нему; онѣ просуществовали два, три года, а затѣмъ камни были счищены и замѣнѣ ихъ нарисованы новыя. Картинки эти, какъ разсказывали офени, раскупались преимущественно раскольниками ¹⁾).

Вести литографное дѣло въ сл. Мстерѣ было далеко не легко; наши ограниченныя матеріальныя средства и враждебныя столкновенія отца съ раскольниками, проживающими въ нашей слободѣ, не мало затрудняли наше производство. Не смотря на то, что литографное заведеніе давало многимъ бѣднымъ семьямъ средства къ существованію, большинство населенія относилось къ намъ враждебно; одни смотрѣли на наше заведеніе, какъ на „новшество“, другіе—зная наши ничтожныя средства, предлагали вступить съ ними въ компанію, а когда мы уклонились отъ предложенія, то отнеслись къ намъ завистливо и недоброжелательно. Затѣмъ, такъ какъ здѣсь оброчная повинность оплачивалась не по земельному владѣнію, а по промысламъ и состояніямъ, и какъ наше скромное литографическое заведеніе причислялось къ заведеніямъ съ громкимъ названіемъ: „съ машинами“, то одного оброка съ меня и отца вималось 143 р. сер. или 500 р. на асс. въ годъ; при нашемъ небольшомъ производствѣ это было крайне обременительно; къ тому-же насъ облагали денежными сборами за повинности сторожевыя, подворныя, дорожныя и другія; да ко всему этому присоединялось и то, что вслѣдствіе распрей отца съ раскольниками, послѣдніе часто подводили его подъ какую-либо отвѣтственность, изъ которой можно было выпутаться только деньгами. По смерти отца осталось самое ничтожное состояніе, едва покрывшее долги; продолжительные его труды и многолѣтняя дѣятельность принесли ему очень небольшое.

¹⁾ До чего была развита у отца страсть къ апокалипсическимъ и пророческимъ изображеніямъ, видно изъ того, что ему хотѣлось, какъ египтянину храма, расписать и въ церкви такія-же изображенія, хотя, конечно, архіерей не дозволилъ бы это. Однажды онъ развѣсилъ раскрашенныя картинки на дверяхъ церкви, запираемыхъ еще стеклянными дверями, а пьянecькій мужикъ, неизвѣстно по какой причинѣ, сорвалъ эти картинки; это сильно огорчило отца и онъ послѣ того распорядился расписать золотомъ на желѣзныхъ дверяхъ нѣсколько картинокъ апокалипсическаго содержанія, существующихъ и понынѣ. Этимъ способомъ онъ, такъ сказать, разъ навсегда упрочилъ излюбленные имъ сюжеты.

Цензурныя правила, до изданія новаго закона 1865 г., были очень просты. Заготовлялись, обыкновенно, оригиналы въ легкихъ эскизахъ, съ оттушевкой или безъ оной, подписывалось подъ каждою картинкою ея содержаніе и, когда собиралось нѣсколько такихъ оригиналовъ, ихъ представляли въ цензуру личными поѣздками или почтою; цензура — или давала дозволеніе, или дѣлала замѣтки для исправленія, или-же совсѣмъ не разрѣшала; съ возвращенныхъ оригиналовъ рисовали на камнѣ, и оттиски съ нихъ посылались на полученіе выпускнаго билета; такой оригиналъ съ билетомъ, пропущенный одинъ разъ, служилъ уже навсегда: вновь цензуровать оригиналы не требовалось, хотя бы они существовали нѣсколько лѣтъ; точно также оригиналъ могъ переходить отъ одного лица къ другому по надписи на немъ, что право его передается въ собственность такому-то, съ оговоркою: вмѣстѣ съ выпускнымъ билетомъ или безъ онаго.

До 1865 г. литографное дѣло шло своимъ обычнымъ порядкомъ, никакихъ замѣшательствъ въ заведеніи не было. Отношенія къ намъ полиціи выражались лишь въ передачѣ какихъ-либо распоряженій, касающихся вообще до типографій и литографій. Разумѣется, полицейское начальство, во время своихъ пріѣздовъ, всегда посѣщало нашъ домъ; но это, пожалуй, можно было объяснить отчасти и долею любопытства. Я всегда относился со всею строгостью къ соблюденію правилъ и формальностей, постановленныхъ цензурою; даже этикетки и подобные имъ мелкіе фабричныя заказы исполнялись мною не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи; если-же предлагалось или заказывалось что-либо сомнительное, я отказывался на-отрѣзъ. Такъ, нѣкоторые лица, впрочемъ много лѣтъ тому назадъ, просили меня, чрезъ посредство другихъ моихъ знакомыхъ, отпечатать имъ, какъ они говорили, лекціи и переслать въ Москву, при этомъ они изъявляли готовность самимъ написать рукопись химическими чернилами, а мнѣ сдѣлать только оттиски; я отвѣтилъ имъ, что готовъ исполнить ихъ желаніе, но при одномъ непремѣнномъ условіи: чтобы послѣдовало дозволеніе цензуры, иначе я не напечатаю ни за какія деньги; на этомъ рѣшеніи и кончились ихъ неоднократныя попытки. Точно такое-же фіаско потерпѣли и предложенія раскольниковъ — отпечатать имъ безъ цензурнаго дозволенія изображенія съ текстами. Иногда печаталось мною что-либо и для уѣздныхъ властей; но

это дѣлалось не для своихъ выгодъ или ради денегъ, а единственно изъ услуги; дѣло въ томъ, что въ г. Владимірѣ существовала всего одна казенная типографія, всегда заваленная работою, а у уѣздныхъ властей часто встрѣчались безотлагательныя потребности.

Въ 1865 г., какъ говорится, ни за что, ни про что литографія и книжная торговля подверглись опалѣ и крушенію. 6-го апрѣля вышелъ законъ, которымъ обусловливались правила для открытія литографій и книжной торговли. Законъ долженъ былъ войти въ дѣйствіе 1-го сентября того-же года, а до приведенія его въ дѣйствіе послѣдовали, отъ 10-го августа, особыя правила отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ приложеніемъ конфиденціального циркуляра, въ которомъ сказано, что лица, желающія завести типографіи, литографіи и книжную торговлю, должны быть вполнѣ благонадежны и имѣть нѣкоторое образованіе; затѣмъ, въ немъ-же сказано: „отнюдь не въ селеніяхъ“. Это-то „отнюдь“ и принесло всему нашему производству полнѣйшее пораженіе, множество неприятностей и большіе убытки.

Совершенно не зная о существованіи помянутаго секретнаго циркуляра, разосланнаго всѣмъ исправникамъ, я въ концѣ августа подаль губернатору докладную записку о разрѣшеніи продолжать вести книжную торговлю, существующую съ 1844 г.; я полагаю, что дѣло оформится и тѣмъ все кончится. О литографіи-же я ничего не испрашивалъ, такъ какъ она открыта съ разрѣшенія министра. Подобно моей просьбѣ поступили ходатайства къ губернатору и отъ другихъ книготорговцевъ, которыхъ тогда здѣсь было нѣсколько.

По поводу словъ циркуляра „отнюдь не въ селеніяхъ“ губернаторъ входилъ съ вопросомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати; послѣднее отвѣтило не ясно, что разрѣшеніе можетъ быть выдано въ томъ случаѣ, если гарантируется мѣстностью и благонадежностью испрашивающаго дозволеніе лица. Какъ на-грѣхъ, обстоятельства такъ сложились, что въ это самое время на мѣсто бывшаго губернатора былъ назначенъ новый, не знакомый ни съ губерніею, ни со всѣми ея условіями; по этой причинѣ наше дѣло поступило на разсмотрѣніе въ губернское правленіе, которое съ сонмомъ столоначальниковъ и прочихъ канцеляристовъ твердило только одно: „отнюдь не въ

селеніяхъ“. Дѣло это росло, усложнялось. Между тѣмъ мѣстное волостное начальство не зѣвало; оно хорошо помнило прежнюю дѣятельность моего отца въ должностяхъ писаря и старшины; прежнія попытки отдать его подъ судъ и сдѣлать денежный начѣтъ оказались неудачными, но теперь представлялся очень удобный случай придавить его, а для этого стоило только прекратить книжную торговлю и закрыть литографію; ударъ былъ бы мѣткій—конечное разоренье; злему умыслу все благопріятствовало, даже самое горячее время для книжной торговли—августъ мѣсяцъ, когда товара накопилось много, а сбытъ его будетъ некуда. Производство наше подверглось крушенію въ самое бойкое время по операціямъ отпуска товара, именно: при отправкѣ офеней въ дорогу. Кромѣ того, въ этотъ періодъ времени было нѣсколько ярмарокъ, именно: Іоанновская въ сл. Мстерѣ 12 ноября, Введенская 22 ноября, Никольская 6 декабря, — двѣ послѣднія въ сл. Халуѣ, отстоящей отъ насъ только въ 25 верстахъ.

Время шло. Губернское правленіе думало не торопясь, дѣло производилось не спѣша, полиція выказывала усердіе не въ мѣру, волостное правленіе только и поджидало распоряженія — „закрыть“. Дѣйствительно, все производство было закрыто ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ распоряженіе исправника отъ 10-го сентября 1865 г. за № 17. Становому приставу. Секретно. „Предписаніемъ отъ 20-го авг. за № 261 г. Владимір. губернаторъ предписалъ мнѣ, вслѣдствіе предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, о порядкѣ разрѣшенія открытія типографій и т. п. заведеній, а также выдачи дозволеній лицамъ, занимающимся разносною торговлею произведеніями печати, и препроводилъ инструкцію въ отношеніи разрѣшенія производства торговли произведеніями печати, въ коей поставлено, что дозволенію на открытіе типографій и заведеній, производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія, а также книжныхъ лавокъ, должно быть подаваемо лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ имѣются достаточныя средства для полицейскаго надзора, а именно въ губернскихъ и наиболѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ, но отнюдь не въ селеніяхъ; въ сл. же Мстерѣ существуетъ литографія крестьянина Голышева и книжная продажа изъ лавокъ и на домахъ у крестьянъ: Голышева, Гр. Ив. Малюкина, Ив. Вас. Антоновскаго, Ив. Вас. Занцева, Мих. Вас. Тюлина и мѣщ. Дикушина; нынѣ означенная торговля по выше изложеннымъ правиламъ болѣе дозволена быть не можетъ и она должна быть закрыта, съ обязательствомъ этихъ лицъ подписками о прекращеніи, а такъ какъ я не могу каждодневно слѣдить за выше сказанными лицами, чтобы они торговлю и

Къ губернатору полетѣли отъ насъ прошенія, въ которыхъ высказывались жалобы на пріостановку нашего производства. Губернаторъ спускалъ прошенія въ губернское правленіе, а послѣднее лишь пріобщало ихъ къ дѣлу. Тогда я поѣхалъ во Владиміръ; губернаторъ на словахъ объяснилъ мнѣ, что онъ готовъ съ удовольствіемъ дать разрѣшеніе, но не знаетъ, „какъ губернское правленіе“, а совѣтники послѣдняго въ свою очередь говорили мнѣ: „мы бы съ удовольствіемъ, да не знаемъ, какъ губернаторъ“. Такъ ни съ чѣмъ я и уѣхалъ. Между тѣмъ производство наше приходило въ раззореніе: товаръ лежалъ безъ сбыта, рабочихъ пришлось распустить, многіе изъ нихъ уѣхали въ Москву, не отработавъ полученныхъ ими денегъ, которыя такъ навсегда и пропали; нѣкоторыхъ изъ работниковъ пришлось оставить у себя и платить имъ жалованье въ безработное время, конечно, съ тѣмъ расчетомъ, что должно же послѣдовать обѣщанное разрѣшеніе и тогда откуда же было бы достать работниковъ. Но разрѣшеніе не выдавалось. Я снова поѣхалъ во Владиміръ и пробылъ тамъ не малое время, около трехъ недѣль. Губернское правленіе попрежнему медлило и лавировало, думало крѣпкую думу; мнѣ говорилось: „вотъ сегодня дѣло разсмотрится“, „вотъ завтра дѣло разрѣшится“ и такъ продолжалось со дня на день. Я убѣдительно просилъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь кончили, ну, хотя отказали бы, потому что, не выждавъ

литографію болѣе не производили, вслѣдствіе этого я поручаю вамъ слѣдить, чтобы помянутыя лица, за сдѣланнымъ имъ отъ меня запрещеніемъ, книгами не торговали и литографій не дѣлали; если на случай будетъ сдѣлано кѣмъ либо изъ этихъ лицъ ослушаніе и они станутъ тайно торговать или литографировать, то таковыхъ ослушниковъ, вмѣстѣ съ ихъ книгами и литографіями, представить ко мнѣ“.

Становой приставъ далъ предписаніе волостному правленію, а послѣднее ратовало съ несчастными книготорговцами; волостное правленіе, прекративъ торговлю и печатаніе, обязало насъ строжайшею подпискою. Кромѣ того, торговая депутація и прочіе служаки при правленіи днемъ и ночью слѣдили не печатается-ли что нибудь въ заведеніи, не ведется-ли въ магазинѣ торговля, и это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же накрыть виновныхъ и составить актъ; такъ поступали только по отношенію къ намъ, Голышевымъ, прочимъ же потворствовали и не слѣдили за нами. Такъ-то сурово отразился министерскій циркуляръ на нашей промышленности. Затѣмъ, этотъ же циркуляръ, списанный, ходилъ по рукамъ и за прочтеніе его канцеляристы брали хорошія деньги, ибо что секретно, то и дорого.

И. Г.

рѣшенія, нельзя было предпринимать дальнѣйшаго ходатайства. Я не только несъ матеріальные убытки, я чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: меня замѣшали въ общую массу совершенно безграмотныхъ или малограмотныхъ торгашей, не придали никакого значенія тому, что въ то время я былъ уже дѣйствительнымъ членомъ владимірскаго статистическаго комитета и членомъ другихъ ученыхъ обществъ; не было оказано никакого вниманія ни къ моимъ трудамъ, ни къ моему самообразованію, достигнутому такимъ упорнымъ рвеніемъ.

26-го ноября губернское правленіе, наконецъ, разрѣшилось отъ долгаго бремени, — состоялось постановленіе, утвержденное самимъ губернаторомъ. Привожу его въ подлинникѣ:

„По соображеніи постановленій и циркуляра г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 10 августа 1865 г. за № 165, губернское правленіе находитъ: 1) Литографія Голышева въ сл. Мстерѣ открыта съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдовательно выдавать вновь свидѣтельство на это заведеніе нѣтъ надобности; а за симъ нѣтъ основанія превращать производство. 2) Свидѣтельства на производство книжной торговли въ сл. Мстерѣ и Халуѣ изъ лавокъ, магазиновъ, кабинетовъ для чтенія не могутъ быть выданы по соображенію съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдовательно не можетъ быть выдано свидѣтельство и на книжной складъ въ смыслѣ торговаго помѣщенія для продажи книгъ; выдача же дозволеній на производство торговли книгами не въ лавкахъ, а на улицахъ и площадяхъ, равно какъ въ разность, предоставляется уѣздному исправнику, съ соблюденіемъ правилъ, приложенныхъ къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 10 августа № 171, офиц. приб. къ № 25 „Сѣв. Почты“.

Изъ этого постановленія видно, что литографировать можно было, но продавать запрещалось. Это очень походило на то, какъ если-бы голодному человѣку позволили бы варить пищу, но не ѣсть ее. Кому же не извѣстно, что картинная и народная книжная торговля составляютъ одно нераздѣльное производство; при условіяхъ мѣстной потребности одна безъ другой существовать не могутъ; а тутъ вышло рѣшеніе: „печатай сколько хочешь, а продавать не моги“. Затѣмъ далѣе: дозволеніе не можетъ быть выдано на веденіе открытой книжной торговли, въ

лавкахъ, магазинахъ и въ складахъ, но вести торговлю разносную на улицахъ и площадяхъ, внѣ лавокъ, — можно, для этого стоять лишь запастись разрѣшеніемъ отъ уѣзднаго исправника.

Я поѣхалъ хлопотать по этому дѣлу въ С.-Петербургъ, а отецъ мой получилъ свидѣтельство отъ исправника на разносную торговлю, чтобы вести хоть какънибудь дѣло, хоть чтонибудь выручить изъ затраченнаго капитала, ибо, до разрѣшенія этого вопроса губернскимъ правленіемъ, торговля совсѣмъ не производилась.

Книжные торговцы, запасшись дозволеніемъ отъ исправника, вели свое дѣло на новыхъ началахъ такъ: выносился на улицу изъ дома большой, длинный столъ подъ самыя окна дома, на немъ раскладывали товаръ и чинилась продажа; вѣтеръ, снѣгъ вынуждали дѣлать защиты; если встрѣчалась надобность въ книжкѣ, которой не оказывалось на столѣ, а всего нельзя-же были умѣстить, то торговцу надо было сходить въ домъ, вынести требуемую книжку на улицу. Итакъ, дома у себя нельзя было продать, но вынеся изъ того же дома на улицу — можно. Съ наступленіемъ ночи приходилось все вносить въ домъ. Съ такими-то удобствами и при такихъ условіяхъ велась дозволенная торговля.

Но еще любопытнѣе производилась торговля на ярмаркѣ въ сл. Халуѣ. По причинѣ запрещенія вести торговлю въ лавкахъ передъ тѣми же самыми лавками, на панеляхъ устраивали импровизированные прилавки и полки, устанавливали на нихъ товаръ, отъ непогоды завѣшивали рогожами и торговля вступала въ легальныя свои права; по мѣрѣ сбыта и спроса товаръ выносили изъ настоящихъ лавокъ; но какъ двери послѣднихъ должны были быть всегда запертыми, то, для отысканія требуемыхъ книгъ, торговцы входили туда каждый разъ съ огнемъ и въ то время въ ихъ рукахъ было два свѣта: свѣтъ просвѣщенія—книжный товаръ и другой свѣтъ—отъ тьмы распорядженій полиціи, и въ то же время каждый торговецъ имѣлъ двѣ лавки: одну, въ меньшемъ размѣрѣ, для непосредственной торговли, другую, большую—для склада товара. Такой порядокъ, казалось, вполне соотвѣтствовалъ установленнымъ правиламъ, т. е. продажу производить не въ лавкахъ, а на улицахъ и площадяхъ.

Ну не глумленіе ли это слишкомъ усердныхъ блюстителей порядка, мелкихъ полицейскихъ властей?

III.

Поѣздка въ С.-Петербургъ.—Участіе В. П. Безобразова.—Прошеніе къ министру.—Распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати.—Новые цензурные порядки.—Офени и гоненіе ихъ.—Ходатайство земства.—Губернаторскія свидѣтельства.—Народная картинная и книжная торговля.

Въ Петербургъ, вмѣстѣ со мною, поѣхалъ покойный К. Н. Тихонравовъ¹⁾; ему надо было отвезти нѣкоторыя древнія вещи къ предсѣдателю археологической комиссіи, графу С. Г. Строганову. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я прежде всего отправился къ В. П. Безобразову и объяснилъ ему свое дѣло; онъ отнесся ко мнѣ весьма сочувственно, тутъ-же при мнѣ написалъ письмо къ В. Я. Фуксу, члену совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати и далъ письменную рекомендацію къ П. П. Семенову, директору центрального статистическаго комитета; при этомъ, онъ былъ настолько добръ, что сказалъ мнѣ, чтобы я сообщалъ ему о всѣхъ своихъ хожденіяхъ, не стѣснялся бы бывать у него, чтобы доставилъ ему проектъ своей просьбы и въ заключеніе сказалъ, что, въ крайнемъ случаѣ, онъ самъ поѣдетъ къ министру.

Вслѣдствіе письма Безобразова, В. Я. Фуксъ принялъ меня радушно, сказалъ, что я ему извѣстенъ по участию, принимаемому мною въ комитетѣ грамотности, и что онъ постарается сдѣлать все, что будетъ возможно. Здѣсь, кстати, замѣчу: всѣ петербургскія лица, съ которыми мнѣ приходилось говорить, очень удивлялись губернатору, почему онъ самъ не выдѣлилъ меня изъ числа ординарныхъ просителей и не выдалъ разрѣшенія.

Просьба моя къ министру была предварительно просмотрѣна моими покровителями и день подачи назначенъ 7-го декабря. Министру уже было извѣстно о моемъ дѣлѣ. Однако, въ день,

¹⁾ Секретарь влад. статист. комитета и редакторъ „Вл. Губ. Вѣд.“, мой самый ближайшій другъ и покровитель. † 6-го іюля 1879 г. См. „Русск. Стар.“ т. XXVI, декабрь 1879 г., стр. 718.

назначенный для подавiя прошенiя, вмѣсто министра явился его товарищъ. Когда очередь дошла до меня подать прошенiе въ руки, то товарищъ министра, прочитавъ прошенiе, сказалъ: „Напрасно вы беспокоите: на постановленiя губернскаго правленiя надобно жаловаться въ сенатъ, а не министру“. Я отвѣтилъ, что далеко отъ жалобы, что испрашиваю только дозволенiя и милости министра, что собственно для этого проѣхалъ 1,000-верстное разстоянiе ¹⁾, и что г. министру, вѣроятно, извѣстны обстоятельства дѣла. Прошенiе было принято, я поклонился и отошелъ. О томъ, что прошенiе было принято, я тогда-же сообщилъ Безобразову и другимъ лицамъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, просьба моя отъ министра перешла въ главное управленiе по дѣламъ печати. В. Я. Фуксъ ²⁾ при мнѣ разсуждалъ съ правителемъ о способѣ найти исходъ по поводу выраженiя въ циркулярѣ „отнюдь не въ селенiяхъ“, и рѣшили они на томъ, что удобнѣе всего составить поручительство о моей благонадежности; вслѣдствiе постановленнаго ими такого рѣшенiя, я составилъ короткую бумагу на черно и отправился съ нею къ В. П. Безобразову; онъ первый подписалъ поручительство, не позволивъ даже перебѣлить бумагу, замѣтилъ, что надо дорожить временемъ; за нимъ подписались: ген.-лейт. Самсоновъ, д. с. сов. Семеновъ, В. К. Ржевскiй и, наконецъ, В. Я. Фуксъ. Послѣ этого я думалъ остаться въ Петербургѣ, ожидать результата, но меня успокоили, сказали, что дѣло рѣшится въ мою пользу. При прощанiи В. П. Безобразовъ далъ мнѣ записку къ Ѳ. Р. барону Остенъ-Сакену, секретарю императорскаго русскаго географическаго общества. Отъ общества я получилъ конвертъ на имя владимiрскаго губернатора ³⁾.

¹⁾ Отъ сл. Мстера до С.-Петербурга 913 верстъ.

²⁾ Циркуляръ министра, 10-го августа, за № 165, скрѣпленъ именно В. Я. Фукомъ, который былъ завѣдывающимъ дѣлопроизводствомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанiя.

³⁾ Географическое общество, отъ 13-го декабря 1865 г., за № 1559, вотъ что писало губернатору: „М. г. Платонъ Александровичъ! Членъ сотрудникъ императорскаго географическаго общества, крестьянинъ Ив. Ал. Гольшевъ, занимающiйся книжною торговлею въ сл. Мстерѣ Вязниковскаго уѣзда Владимiрскаго губернии, обратися въ общество съ просьбою о засвидѣтельствованiи предъ вашимъ превосходительствомъ его полезной дѣятельности. Съ удовольствiемъ исполняя означенную просьбу, имѣю честь увѣдомить васъ,

По приѣздѣ во Владиміръ, передавая конвертъ губернатору, я сообщилъ ему, что вскорѣ послѣдуетъ распоряженіе изъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Тогда-то онъ сказалъ мнѣ:

— „По совѣсти, мнѣ крайне непріятно было прекратить ваше производство!.. Но я самъ ничего не могъ дѣлать...“

Слушая его, мнѣ припомнилась пословица: „Кошечкѣ игрушки, а мышкѣ слезки“.

Вскорѣ дѣйствительно послѣдовало изъ Петербурга распоряженіе на имя губернатора, а отъ него перешло въ губернское правленіе; оно-то и разрѣшило наше дѣло, 21-го января 1866 г. Привожу его въ подлинникѣ.

Главное управленіе по дѣламъ печати, отъ 17-го декабря 1865 г., за № 785, сообщило губернатору: „Въ отношеніи, отъ 23-го минувшаго сентября, за № 149, я имѣлъ честь сообщить вашему превосходительству, что на основаніи конфиденціального предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 10-го августа, за № 165, разрѣшеніе производить книжную торговлю зависитъ отъ усмотрѣнія губернскаго начальства, когда правильность оной гарантируется или мѣстностью, гдѣ производится торговля или благонадежностью лица, испрашивающаго на то дозволеніе.

„Нынѣ крестьянинъ сл. Мстеры Вязниковскаго уѣзда Ив. Голышевъ обратился къ г. министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою, въ которой изъясняетъ, что владимірское губернское правленіе, на основаніи вышеупомянутаго циркулярнаго предложенія его высокопревосходительства воспретило ему производить въ означенной слободѣ изъ лавки книжную торговлю, которою занимался его отецъ и онъ самъ около 30-ти лѣтъ, а также и не

м. г., что Голышевъ, состоя въ званіи члена-сотрудника географическаго общества съ 1862 г., не разъ доставлялъ въ общество весьма дѣльные статьи, касающіяся народнаго быта, а также жертвовалъ въ музей онаго разные этнографическіе предметы, за что былъ награжденъ медалью отъ общества Преміа, и проч. О. Литке“.

Губернаторъ сдѣлалъ резолюцію: „На дняхъ должно быть получено изъ управленія по дѣламъ печати отношеніе по предмету дозволенія открыть книжную торговлю Голышеву въ сл. Мстерѣ, тогда вмѣстѣ съ симъ доложить и это письмо“. Это былъ губернаторъ П. А. Шатохинъ, который не долго у насъ былъ и застрѣлился въ Москвѣ. Предъ поѣздкою моею въ Петербургъ, онъ говорилъ мнѣ, что съ своей стороны будетъ писать по моему дѣлу, но, повидимому, забылъ: по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ ничего не оказалось.

И. Г.

дозволило ему производить печатаніе въ существующей уже 7 лѣтъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, литографіи, а потому Голышевъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи продолжать означенную торговлю въ сл. Мстерѣ, а также заниматься печатаніемъ въ литографіи на основаніи прежняго дозволенія.

„Изъ представленнаго при этой просьбѣ удостовѣренія, подписаннаго нѣкоторыми изъ извѣстныхъ членовъ географическаго и вольно-экономическаго обществъ, вмѣстѣ съ которыми состоитъ въ этихъ обществахъ членомъ-сотрудникомъ и проситель, видно, что Голышевы, отецъ и сынъ, вели книжную торговлю 30 лѣтъ на законномъ основаніи и за благонадежность Ивана Голышева эти члены ручаются ¹⁾). Вслѣдствіе чего и имѣя въ виду, что крестьянинъ Иванъ Голышевъ въполнѣ удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, которыя выставлены г. министромъ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярномъ предложеніи за № 165, и сообщены мною вашему превосходительству въ вышеупомянутомъ отношеніи, я долгомъ считаю покорнѣе просить васъ, м. г., сдѣлать распоряженіе, дабы крестьянину Голышеву не были воспрещены книжная торговля и содержаніе литографіи въ сл. Мстерѣ, съ соблюденіемъ, относительно надзора за оными, правилъ, установленныхъ закономъ, 6-го апрѣля сего года, и преподанныхъ въ республикованныхъ инструкціяхъ; о послѣдующемъ-же не угодно-ли будетъ меня увѣдомить, по возможности въ непродолжительномъ времени, для доклада его высокопревосходительству г. министру внутреннихъ дѣлъ“. Губернское правленіе сдѣлало слѣдующее заключеніе: „Приказали: Такъ какъ главное управленіе по дѣламъ печати есть высшее установленіе, къ предметамъ вѣдомства коего, по ст. 7 Высочайше утвержденнаго, 6-го апрѣля 1865 г., мнѣнія государственнаго совѣта отнесены и дѣла по надзору за книжною торговлею, то изложенное въ отзывѣ г. начальника главнаго управленія, отъ 17-го декабря, дозволеніе крестьянину Ив. Голышеву производить книжную торговлю и

¹⁾ При просьбѣ моей были еще приложены: 1) Свидѣтельство волостнаго правленія о несостояніи ни подъ судомъ, ни подъ слѣдствіемъ. 2) Отзывъ, подписанный духовенствомъ и 15-ю крестьянами, о благонадежности. Но, видно, эти свидѣтельства не имѣли никакого вліянія: о нихъ нигдѣ не упоминается.

содержать литографію въ сл. Мстерѣ принять къ исполненію. О чемъ дать знать вязниковскому уѣздному полицейскому управленію для объявленія Голышеву и для зависящихъ распоряженій по предмету учрежденія надзора за книжною торговлею Голышева, на основаніи правилъ, установленныхъ закономъ, 6-го апрѣля 1865 г., и преоданныхъ въ опубликованныхъ инструкціяхъ“.

Съ этого времени литографное производство и книжная торговля возобновились; но порядокъ дѣлъ значительно измѣнился. Приказано было завести шнуровую книгу для записи всего, что печаталось въ литографіи; а какъ печаталось изо-дня въ день все одно и то-же, то это распоряженіе повело лишь къ усиленію канцеляризма и формальностей; далѣе, поставлено въ обязательство завести каталоги книгъ, изъятыхъ изъ употребленія въ продажѣ; усиленъ надзоръ за соблюденіемъ всѣхъ постановленій назначеніемъ чиновника особыхъ порученій отъ губернатора. Цензурованіе картинъ, какъ сказано было выше, прежде производилось одинъ разъ навсегда, а съ этого времени стало ежегоднымъ, что крайне стѣсняло: приходилось перепечатывать ежегодно одни и тѣ-же сюжеты числомъ до 300 названій. По этому поводу я входилъ съ вопросомъ сначала въ цензуру, а потомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати; послѣднее привѣнило къ народнымъ картинкамъ 3-хъ-годовой срокъ; впрочемъ, необходимо сказать, что измѣненіе это послѣдовало не такъ-то скоро, только въ августѣ мѣсяцѣ 1868 г. Усилившійся надзоръ за книжною торговлею побудилъ меня, для избѣжанія какой либо отвѣтственности, представить прошеніе о высылкѣ мнѣ каталога недозволенныхъ въ продажѣ книгъ. По этому предмету возникла большая переписка, продолжавшаяся очень долгое время; каталогъ, какъ оказалось впослѣдствіи, печатался въ губернской типографіи, а губернское правленіе направляло меня за полученіемъ его въ главное управленіе по дѣламъ печати; переписка эта окончилась только въ 1872 г.—каталогъ былъ высланъ изъ губернской-же типографіи.

Выше было изложено съ какими хлопотами и при какихъ особыхъ условіяхъ и гарантіяхъ, въ видѣ исключенія отъ прочихъ, было выдано мнѣ разрѣшеніе вести книжную народную торговлю, послѣ изданія новаго закона о печати 1865 г. Вскорѣ-же оказалось, что я былъ ни больше, ни меньше, какъ только козломъ

отпущенія за всѣхъ. Собратья мои по книжной торговлѣ, сидѣвшіе спокійно у себя дома во время моихъ поѣздокъ, хожденій, тревогъ и волненій, не замедлили воспользоваться даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ. То же самое губернское правленіе, которое такъ строго отнеслось ко мнѣ, стало выдавать дозволенія всѣмъ торговцамъ. Съ этого-же самаго времени народная книжная торговля получила иной характеръ и въ мелкой развозной и разносной торговлѣ у офеней.

Прежде офени торговали свободно, теперь-же ихъ обязали особыми свидѣтельствами отъ уѣздныхъ исправниковъ, а предвѣрительно сего, они обязаны были представлять удостовѣреніе о неподсудности и благонадежности отъ волостныхъ правленій. Черезъ это самое офени попали въ такое положеніе, что ихъ сначала обирали за написаніе прошеній и выдачу удостовѣреній въ волостныхъ правленіяхъ, а потомъ у уѣздныхъ исправниковъ канцеляристы. Свидѣтельства выдавались только на свой уѣздъ и всего на одинъ годъ; но были лица, которыя выдавали и на болѣе краткіе сроки, просто какіе имъ вздумается. Напримѣръ, Юрьевскій уѣздный исправникъ выдалъ одному крестьянину свидѣтельство всего на 3 дня. Между тѣмъ, въ законѣ не упомянуто о срокѣ, и потому свидѣтельства могли-бы быть безсрочными. Постановленіе это вызвало новые источники доходовъ на счетъ расходовъ офеней; въ то же время свидѣтельства эти оказались вполнѣ неприложимыми къ торговлѣ офеней.

Офени, какъ перелетныя птицы, не ограничиваются хожденіемъ по одному уѣзду или губерніи; свою торговую промышленность они простираютъ до предѣловъ Сибири, Кавказа и другихъ отдаленныхъ областей, какъ Иркутскъ, Владивостокъ, Благовѣщенскъ, Туркестанская область; проникаютъ они и за наши рубежи: въ Румынію, Болгарію, Сербію. При такихъ условіяхъ офенямъ, разумѣется, нѣтъ возможности запастись свидѣтельствомъ въ каждомъ новомъ уѣздѣ; формальности породили множество неудобствъ, изъ которыхъ выхода не оказывалось. Офени перебивались какъ могли: многіе изъ нихъ вынуждены были бросить торговлю. По этому поводу мною помѣщались неоднократно статьи въ столичныхъ газетахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, а когда, въ 1875 г., я былъ избранъ въ гласные земства, то въ числѣ докладовъ своихъ по народному образованію и др., сдѣлалъ

заявленіе объ облегченіи правилъ книжной торговли для офеней. Земство ходатайствовало по этому дѣлу передъ правительствомъ, но, въ то время, оно еще не было уважено и облегченія офенямъ не послѣдовало. Между тѣмъ, офени бѣдствовали. Горе было тому торгошу-офенѣ, который по старой привычкѣ отправлялся торговать безъ свидѣтельства; такихъ преслѣдовали становые, старшины, старосты, сотскіе, десятскіе, писаря; съ учрежденіемъ же института урядниковъ, послѣдніе преслѣдовали еще усерднѣе и рьянѣе; зачастую офени отдѣлывались подачками; говорятъ, для послѣднихъ болѣе и осаждаютъ—благо предлогъ есть. Если миролюбивая сдѣлка не могла состояться, то у офени отбирали товаръ и тащили, какъ какого-либо уголовного преступника-криминалиста, въ полицію; тамъ, не тороясь, съ подобающею важною и проволочкою разсматривали книжки: попавшуюся по вкусу—безъ церемоніи брали себѣ; иногда конфисковали и весь товаръ; затѣмъ, писались протоколы, передавали ихъ мировымъ судьямъ, а послѣдніе не спѣша вызывали къ суду и усердно налагали штрафы. Товаръ въ самомъ жалкомъ видѣ, уже конечно не въ цѣлости, возвращался хозяину. Между тѣмъ, офенѣ въ дорогѣ не только дорогъ день, но и часъ, а ему приходилось, вмѣсто торговли, съ лошадыю и работникомъ, скрѣпя сердце, ожидать продолжительное время пока разберутъ и разсмотрятъ самый простой, невинный товаръ. Къ слову сказать: сами-то досмотрщики очень мало понимаютъ. Намъ извѣстенъ случай, что одинъ становой, да и не въ глухой какой-либо губерніи, а въ бойкой мѣстности, терминъ „кустарная промышленность“ понималъ въ смыслѣ древесныхъ породъ и отчислялъ его чуть-ли не къ розгамъ; другой становой, на предложенный ему запросъ отвѣчалъ: „въ моемъ станѣ періодическихъ изданій не было и не существуетъ, но есть оптовая книжная торговля и о ней мною доставляются ежегодныя свѣдѣнія“; третій становой очень усердно отыскивалъ брошюру „Царскія милости“ и нашелъ манифестъ, отпечатанный въ отдѣльной книжкѣ; эти провинціальныя блюстители законовъ о печати высказывали такое непониманіе въ книжномъ дѣлѣ, что рѣшительно сами не знали, что они отбираютъ и что преслѣдуютъ; если-бы имъ случилось у офени встрѣтить книжку, выпущенную безъ предварительной цензуры, какъ заключающую въ себѣ болѣе 10 печатныхъ листовъ, не имѣющую

словъ: „дозволено цензурою“, то ее приняли-бы за преступную находку и торговца преслѣдовали-бы строжайше за распространение безцензурныхъ изданій.

Въ 1881 году послѣдовало нѣкоторое измѣненіе: офеней обязали взаимнѣ прежнихъ свидѣтельствъ получать свидѣтельство на право торговли отъ губернатора. Казалось-бы, что послѣдовавшее измѣненіе облегчитъ положеніе офеней, но на практикѣ оказалось совсѣмъ противное. Легко сказать: „получить свидѣтельство отъ губернатора“, но достать такое—очень и очень трудно. Для этого необходимо представить приговоръ отъ общества о благонадежности и прочихъ преимуществахъ. Но многіе-ли знаютъ, какъ трудно выхлопотать такую меморію? Увольнительные и пріемные приговоры крестьянъ сопряжены и съ расходами, и пьянствомъ, и нравственной пыткой. Затѣмъ, далѣе слѣдуютъ справки и дознанія чрезъ становаго и въ концѣ-концовъ выдадутъ-ли дозволеніе или нѣтъ — это еще вопросъ. Чтобы достать общественный приговоръ, необходимо ублаготворить писарей, старостъ, старшинъ; поставить всему обществу водки, напоить тѣхъ понятыхъ, которыхъ будетъ спрашивать становой. Богатые, да зажиточные крестьяне все это справятъ: ихъ облечутъ не только въ благонадежность, но и благочестивыми признаютъ; но что дѣлать бѣдному? Наконецъ, всѣ эти крестьянскіе приговоры, всѣ эти дознанія станovýchъ почти ничего не выражаютъ ¹⁾). Вся эта махинація очень сходна съ цензами въ земствѣ и у мировыхъ судей, гдѣ фиетивный цензъ играетъ такую важную роль. Исключительно-же только одною картинною и книжною торговлею занимаются самые бѣдные крестьяне—„ходьба“ и „коробейники“. Такіе офени, закупивъ товара на какіе-нибудь 5 рублей, пробиваются имъ отъ осени до весны; весь расчетъ ихъ сводится къ торговому обороту; распродавъ весь свой товаръ въ недѣлю, а много въ двѣ, они вновь закупаютъ товара на 5 рублей, а пріобрѣтенный барышъ идетъ на прокормленіе себя и семьи. Товаръ этотъ сподручнѣ всего для бѣдняка: онъ дешевъ, легковѣсенъ, освобожденъ отъ всѣхъ пошлинъ торговаго

¹⁾ Намъ извѣстенъ случай, что крестьяне одного большого селенія за 3 ведра водки подписали уставную грамоту въ полнѣйшій себѣ ущербъ и черезъ это пришли въ раззоренье.

устава, скоро сбывается. Если у торгаша-бѣдняка нѣтъ денегъ, онъ либо завладываетъ что-нибудь у оптоваго торговца, или беретъ у него въ кредитъ.

Привожу примѣръ покупки на 5 рублей:

100 картинокъ простовика крашенаго . . .	—	60 к.
25 " литографіи листовой	1 р.	25 "
25 " " 1/2 листовой. . .	—	62 "
100 книжекъ божествен. и свѣтскихъ . . .	1 "	50 "
Азбука, поминаній, соломоновъ и друг. . .	1 "	3 "

Итого 5 р.

Къ этому надо прибавить, что если замѣнить картины вышшаго сорта книжками, то офеня получить еще 125 книжекъ. На такой небольшой капиталъ офеня могъ просуществовать всю зиму.

При установленныхъ-же формальностяхъ имъ всѣ пути заказаны. Что касается до благонадежности офеней, то не слышно, чтобы у нихъ встрѣчалось что-либо предосудительное. Да, наконецъ, губернаторскія свидѣтельства нисколько не гарантируютъ отсутствія запрещенныхъ изданій. Блюстители не рассматриваютъ товаръ у тѣхъ офеней, которые вытаскиваютъ изъ-за пазухи свидѣтельство: вынулъ, показалъ и ступай съ Богомъ. На практикѣ стало замѣтно, что богатые офени, заручившіеся свидѣтельствомъ, намѣренно притѣсняють бѣдняковъ торгашей; они наталкиваютъ на нихъ урядниковъ и другихъ лицъ, всячески издѣваясь надъ ними.

Введенныя формальности, задавливая бѣдныхъ, породили для богатыхъ монополію или что-то въ родѣ откупа. Что остается дѣлать бѣдняку преклонныхъ лѣтъ, съ дѣтства привыкшему къ своей промышленности, теперь лишенному всякихъ средствъ вести свою торговлю, какъ не просить милостыню. И какъ легко такому человѣку изъ хорошаго обратиться въ негодяя, и падая все ниже и ниже, дойти и до преступленія. Если всмотрѣться поближе въ образъ жизни какъ мелкихъ, такъ и зажиточныхъ офеней, то окажется, что ихъ торговый трудъ далеко не легокъ. Сколько ихъ гибнетъ въ далекихъ странствованіяхъ отъ непомѣрныхъ трудовъ, сколько ихъ грабятъ по дорогамъ, убиваютъ. Про нихъ подлинно можно сказать: скитальческія косточки, въ

какихъ только мѣстахъ васъ нѣтъ!... Сколько уже ихъ выселилось отсюда вслѣдствіе некормилицы-матушки земли, вынуждающей покидать родное гнѣздо и все свое достояніе: домъ, усадьбу, землю. На бѣдняковъ офеней, въ зимнюю пору, часто бываетъ жалко смотрѣть: въ трескучіе морозы, одѣтые въ лохмотья, съ обмороженными лицами, насквозь прохватываемые вѣтромъ, ихъ фигуры свидѣлствуютъ слишкомъ краснорѣчиво объ ихъ горькой долѣ. Не даромъ у такихъ торгашей часто покупаютъ и хорошіе господа, и зажиточные купцы—та же милостыня!

Собраться офенѣ въ дорогу не легко: надо купить товару, надо уплатить всѣ подати впередъ, надо взять паспортъ, надо достать свидѣтельство. Торговлю свою они ведутъ съ тою патриархальною простотою, которая нынѣ такъ рѣдко встрѣчается. Русскому мужичку вольготно принять у себя дома, не слѣзая съ печи, офеню, въ лицѣ котораго онъ встрѣчаетъ своего-же собрата-товарища; по своему вкусу онъ выберетъ книжку, азбуку, картинку; если въ семьѣ нѣтъ денегъ, офеня выведетъ его изъ затрудненія; товаръ свой онъ промѣняетъ на лёнъ, холстъ, хлѣбъ въ зернѣ или въ мукѣ, на овёсъ и вообще на что угодно подходящее для него, и оба остаются довольны. Божественныя картинки и книжки больше всего сбываются; приобретаемая отъ офени св. икону, крестьянинъ молится образу съ такою теплою вѣрою, какая рѣдко встрѣчается въ наше злое воровское время. Любуется крестьянинъ прибитою на стѣнѣ картинкою и слушаетъ, какъ офеня повѣствуетъ, указывая на образъ и портретъ царя: „Бога бойтесь, царя чтите и не прикасайтесь къ Помазаннику моему“. И дѣлается это вполне безхитростно. Торгаша принимаютъ, какъ дорогого гостя: ему дадутъ ночлегъ, пріютъ; накормятъ не только его самого, но и лошаденку его, если онъ съ нею, да еще на дорогу дадутъ кусочекъ хлѣбца, и за это ничего не возьмутъ. Офеня, въ свою очередь, цѣнитъ ласку и гостепріимство хозяевъ и за ихъ радушіе прібьетъ имъ на стѣну картинку, подаритъ лишнюю книжку.

Такимъ же образомъ производится торговля и у оптовыхъ торговцевъ образами, книгами, картинками и проч. товарами, у которыхъ запасаются сами офени; послѣдніе ѣдутъ къ нимъ какъ въ гости; для нихъ всегда готовы: самоваръ, обѣдъ, ужинъ, водка, ночлегъ; если офени пріѣзжаютъ съ родными или товарищами;

то и тѣ пользуются тѣмъ же гостепрѣимствомъ,—здѣсь уже такъ принято. Даже тѣмъ покупщикамъ, которые берутъ товара на небольшую сумму, все-таки дѣлается скидка нѣсколькихъ копѣекъ со всей суммы или же прибавляется, въ видѣ сюрприза, образъ, картинка, книжка; такъ поступаютъ здѣсь, какъ говорятъ, для преду, т. е. чтобы и впередъ былъ покупателемъ; при прощаніи испрашивается благословеніе.

Кредитъ играетъ здѣсь не малую роль, безъ него въ торговлѣ не обойдешься; тѣмъ-же лицамъ, которыя не заслужили кредита или потеряли его, товаръ отпускаютъ либо подъ залогъ, либо на обмѣнъ; закладываютъ телѣги, поцѣннѣ иконы, сѣмянной хлѣбъ, лишнюю одежду свою, женину, дѣтскую, самовары и даже земледѣльческія орудія; словомъ, вообще на все, что не идетъ въ дѣло во время торговаго скитальчества; промѣнъ-же дѣлаютъ на скромное или льняное масло, на мѣдъ, на разный хлѣбъ, сухіе грибы, сѣно, дрова, холстъ и нерѣдко на рогатый скотъ и лошадей.

IV.

Переселеніе офеней.—Убогое внутреннее содержаніе народныхъ книжекъ. — Издатели народныхъ книжекъ. — Попытки комисіонерства. — Синодальныя изданія.

Недостатокъ земельныхъ надѣловъ и скудность почвы въ здѣшнемъ районѣ вынуждаютъ мѣстное населеніе бросать на произволъ судьбы свои земли и усадьбы, и переселяться въ низовья и сибирскія губерніи. Здѣсь почва настолько неблагоприятна, что обработка ея не даетъ возможности даже прокормить свою семью; о какомъ же либо излишѣи не можетъ быть и рѣчи. Еще въ 1861 г., вслѣдъ за манифестомъ 19-го февраля, многіе уже перекочевали отсюда и поселились осѣдлыми жителями въ иныхъ мѣстахъ; зажиточные же вѣрстьяне бросили свои земли еще раньше. Безкормица земли сѣвистари вынуждала населеніе снискивать себѣ пропитаніе на сторонѣ, отхожими промыслами, преимущественно торговлею кустарными мѣстными произведе-

ніями, между которыми первое мѣсто занимають иконы, а съ ними вмѣстѣ народныя книжки и картины.

Введенныя новыя правила о торговлѣ народными книгами и картинами всею тяжестью легли, главнымъ образомъ, на бѣдныхъ людей и тѣмъ вызвали еще болѣе усиленное выселеніе изъ здѣшняго края. Вмѣстѣ съ этимъ стали падать и ярмарки; прежде, до 1865 г., въ сл. Халуй пріѣзжало изъ Москвы 6 торговцевъ-издателей книжнаго Никольскаго рынка, потомъ только 2, а послѣ 1880 года уже ни одного; ярмарку перестали посѣщать не только пріѣзжіе, но и свои мѣстные книгопродавцы; офеней стало также значительно меньше; торговля ихъ значительно падала. И откуда, изъ чего можетъ уплачивать бѣдный офеня всѣ лежащія на немъ подати и земскіе сборы, если главный, насущный источникъ его существованія, торговля — прекратилась. А уплачивать ему приходится не мало: привожу выписъ изъ книги одного волостнаго правленія:

1. Выкупныхъ платежей.
2. Подушной подати.
3. Поземельнаго налога.
4. Земскихъ сборовъ.
5. За усадебную осѣдность.
6. Волостнаго сбора.
7. Общественнаго сбора.
8. Прочихъ окладовъ.
9. Страховыхъ платежей.
10. Недоимокъ за прежнее время.

Къ этимъ расходамъ надо присоединить расходъ на паспортъ и нѣкоторыя другія издержки, не значащіяся въ книгахъ. Кромѣ того, если офеня пожелаетъ имѣть, кромѣ картинъ и книгъ, образа и товаръ, то обязанъ взять казенное свидѣтельство на развозный торгъ, стоящее 6 рублей, а съ присоединеніемъ земскихъ сборовъ—7 руб. 80 коп.

Много было говорено и писано, что образа, разносимые офенями, крайне неправильны, плохо намалеваны; все это такъ; пусть посмѣиваются надъ этими лубочными произведеніями печати. Но взглянувши на это дѣло съ другой стороны, придется отнестись къ этимъ лубочнымъ произведеніямъ снисходительнѣе: мы живемъ

въ такое сумасбродное время, когда лукавое суемудріе очень часто одерживаетъ блестящія побѣды; офени же, не зараженные этимъ мудрствованіемъ, распространяютъ въ народѣ иконы и книжки духовнаго содержанія и этимъ приносятъ хоть нѣкоторую пользу. Правда, нельзя не согласиться, что кромѣ духовнаго содержанія книжекъ, житія святыхъ, молитвенниковъ и другихъ религіозно-нравственныхъ, изданія московской фабрикаці Толчачаго и Никольскаго рынковъ не могутъ давать народу здоровой пищи. Но кто же виноватъ въ этомъ? Отчего наши учрежденія и комитеты не вытѣсняютъ эти нелѣпыя изданія? Почему изданія частныхъ лицъ до сихъ поръ одерживаютъ верхъ?

Дѣло въ томъ, что московскіе издатели, печатая какую-либо однолистную книжечку, выпускаютъ ее въ свѣтъ не меньше, какъ въ 12,000 экземплярахъ, печатаютъ ее шрифтомъ разборчивымъ, придаютъ заманчивое названіе, вкладываютъ въ красивенькую обертку; вслѣдъ за изданіемъ книженки, тотчасъ издатели обмѣниваются своимъ товаромъ одинъ съ другимъ, входятъ въ сношенія съ оптовыми торговцами не одной какой-нибудь мѣстности, а разныхъ мѣстъ Россіи; отпускаютъ свой товаръ, кому нужно, и въ кредитъ; раздѣзжаютъ по ярмаркамъ, снабжаютъ товаромъ офеней—владимірскихъ, рязанскихъ, тульскихъ, да и не только ихъ, а и мелюту „коробейниковъ“ и „ходебщиковъ“; товаръ свой отпускаютъ каждому своевременно, безъ проволочекъ и всякихъ стѣснительныхъ формальностей и канцеляризма, которые такъ неприложимы къ торговому дѣлу. Комитеты грамотности и подобныя имъ филантропическія учрежденія, издавая народныя книжки, не достигали своей цѣли потому, что вели свое дѣло не по коммерчески, а какъ-то рутинно, казеннымъ способомъ, съ соблюденіемъ разныхъ формальностей, проволочками, недоставкою своевременно товара, съ крайне жалкимъ кредитомъ, всего на какихъ нибудь 50 рублей, т. е. на такую ничтожную сумму, которая въ глазахъ коммерческаго челоуѣка кажется смѣшною; къ тому же, изданія ихъ оказывались дороже противъ книжекъ такого-же объема, выпускаемыхъ московскими книготорговцами.

Для удовлетворенія чтеніемъ духовной потребности массы русскаго народа существуютъ особыя лавки или, вѣрнѣе сказать, склады; находятся они не на видныхъ мѣстахъ, какъ, напр., на Невскомъ проспектѣ или Кузнецкомъ мосту; также не тѣ это

магазины и въ губернскихъ городахъ, надъ которыми красуются вывѣски; нѣтъ, это склады въ захолустьяхъ, куда „публика“ не заглядываетъ. Какая страшная масса всякаго печатнаго хлама развозится и разносится оттуда по всѣмъ концамъ Россіи!.. Но служить-ли этотъ печатный хламъ къ просвѣщенію, развитію народа?

Все это и многое другое, касающееся до книжнаго дѣла, было уже высказано болѣе или менѣе правильно. Но спрашивается, какъ же издатели, сами-то люди темные, малограмотные, могутъ питать здоровою пищею умъ народа? Если-бы тѣ-же комитеты грамотности и подобныя имъ учрежденія предоставили-бы свои оригиналы въ руки тѣхъ-же петербургскихъ апраксинцевъ и московскихъ никольцевъ, то они-бы быстро распространились по всей Россіи. Нѣчто подобное уже встрѣчалось; были случаи, что авторы, единственно изъ желанія добра народу, отдавали свои оригиналы для мелкихъ брошюръ за безцѣнокъ или вовсе бесплатно и они распространялись быстро повсюду; а извѣстно, что если что-либо войдетъ во вкусъ народа, то потребуетъ нескончаемое число изданій. Въ 1860 годахъ я предлагалъ нѣкоторые проекты по этому важному дѣлу петербургскому комитету грамотности и нѣкоторымъ ученымъ лицамъ; въ нихъ я имѣлъ въ виду постепенно вытѣснять изъ народнаго употребленія пресловутыя изданія Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича и подобныя имъ. Я предлагалъ издавать книжки подъ тѣми-же названіями, въ той же оберткѣ и въ томъ-же форматѣ, но въ предисловіяхъ опровергать нелѣпныхъ фантастическихъ богатырей и взамѣнъ ихъ вводить историческія личности. Были не единичные опыты по изданію для народа произведеній покойнаго поэта Н. А. Некрасова, но вслѣдствіе того, что сбытъ ихъ былъ предоставленъ въ очень немногія руки, они не имѣли успѣха. Князь Оболенскій также издавалъ книжки, но послѣдовала та-же неудача. Большій успѣхъ имѣла книжка, изданная и написанная, помнится, княземъ Львовымъ; въ ней подъ заглавіемъ „Сказка о трехъ братьяхъ“ проводилось нравственное чтеніе и въ заключеніе помѣщено 10 заповѣдей. Были и мои усилія по распространенію болѣе полезныхъ изданій. Въ 1865 г. я принялъ на себя комиссіонерство по распродажѣ синодальныхъ изданій. Дозволеніе дано было мнѣ

только послѣ большихъ хлопотъ и соблюденія разныхъ формальностей, а когда я приступилъ къ дѣлу, то оказалось, что лучше бы и не брался за него: дѣло велось медленно, со всевозможною перепискою, со всѣми формальностями, неполученіемъ то того, то другаго товара, словомъ такъ, какъ я уже выше охарактеризовалъ попытки комисіонерства; къ этому только надо прибавить, что тѣ-же синодалныя изданія, какъ оказывалось, можно было скорѣе и выгоднѣе пріобрѣтать изъ рукъ издателей народныхъ произведеній. Формальности только связывали промышленности и портили все дѣло. Вскорѣ затѣмъ синодалныя изданія стали печататься въ почаевской лаврѣ, и какъ стоимость ихъ оказалась много дешевле изданій московской синодалной типографіи, то они и вытѣснили собою всѣ прочія. Книгопродавцы бросились покупать почаевскій товаръ. Замѣчательно также, что Св. Евангеліе продается гораздо дешевле въ библейскомъ депо, чѣмъ печатаемая въ синодалной типографіи. Дѣлалъ я попытки и по распространенію изданій с.-петербургскаго комитета грамотности, но и онѣ не увѣнчались успѣхомъ, по причинамъ, выше изложеннымъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что спросъ на синодалныя священные книги, какъ напр., часословъ, святцы, псалтырь,—въ послѣдніе годы слабѣетъ. Между тѣмъ, прежде эти книги составляли необходимую принадлежность каждой крестьянской семьи и въ особенности псалтырь; по немъ учились дѣти, его читали взрослые; въ немъ находили утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ и во всѣхъ житейскихъ превратностяхъ; его-же читаютъ и теперь по покойникѣ. У крестьянъ вѣками сложилось понятіе, что псалтырь боговдохновенная книга; онъ хранился какъ сокровище у образовъ, будучи переплетенъ въ доски и кожу, съ мѣдными застежками, и переходилъ изъ рода въ родъ какъ дорогое наслѣдіе. Нынѣ-же псалтырь изгнанъ изъ школы и тѣмъ всееляютъ къ нему охлажденіе.

V.

Состояніе деревенской литографіи въ сл. Мстерѣ и ея производство.—Хромо-литографіа московскихъ издателей.—Сюжеты картинъ прежняго времени.—Положеніе вышшихъ составителей картинъ и авторовъ народныхъ книжекъ.—Безграмотность издателей.—Картини заграничнаго изданія.—Причины низкаго достоинства картинъ деревенской литографіи.—Научныя изданія литографіи въ слоб. Мстера.

При условіяхъ здѣшней мѣстности, литографное производство въ сл. Мстерѣ можно отнести къ кустарной промышленности. Какъ уже было сказано выше, въ литографіи имѣется 6 станковъ; при нихъ находится 130 камней съ нарисованными на обѣихъ сторонахъ изображеніями до 300 названій или сюжетовъ; мѣдныхъ досокъ имѣется 15. Сюжеты картинъ свѣтскаго содержанія мѣняются по мѣрѣ требованію и тому или другому спросу, вызываемому временемъ и обстоятельствами; картинки-же духовнаго содержанія возобновляются безъ всякаго измѣненія. Годичная валовая выработка колеблется въ слѣдующемъ размѣрѣ: вырабатывается —

30,000 картинъ на портретной бумагѣ № 6, подъ названіемъ „Литографіа листовая“.

350,000 карт. на писчей бумагѣ №№ 7 и 8, подъ названіемъ „Праздники“ (духовнаго содержанія) и „Конница“ (свѣтск. содерж.).

150,000 картинъ на писчей бумагѣ № 8, подъ названіемъ „Простовикъ“, самый низшій сортъ, духовн. и свѣтск. содерж.

20,000 тетрадей „Гадательная книжка“ (Царь Соломонъ), „Гаданіе на картахъ“ и „Сонникъ“ (объясненіе сновъ).

Послѣ отпечатанія всѣ картинки поступаютъ въ раскраску; тетради-же частью раскрашиваются, частью поступаютъ въ продажу черными. Изъ отдѣла литографій „Листовой“ нѣкоторыя, имѣющія по 2 рисунка на листѣ, разрѣзаются пополамъ и поступаютъ въ продажу подъ названіемъ „Литографіа полу-листовая“. Кромѣ этихъ постоянныхъ работъ, въ заведеніи печатаются „сорочки“, т. е. обертки для бумаги на сосѣдную писчебумажную фабрику.

Картины отпускаютъ офенямъ по сотнямъ и тысячамъ, при чемъ они сами по своему вкусу выбираютъ сорта рисунковъ: обыкновенно одѣхъ берутъ больше, другихъ—меньше. На картины существуютъ слѣдующія цѣны:

	руб.	коп.	руб.	коп.	шт.
Литографія листовая	отъ 4	—	до 4	50	за 100
Литографія полу-листовая	" 2	—	" 2	25	" 100
Праздники и конница	" 6	—	" 6	50	" 1000
Простовикъ	" 4	50	" 5	—	" 1000
Тетради гадательныя	" 9	—	" 11	—	" 1000
Тетрад. гадат. не крашен	отъ 8	—	" 10	—	" 1000

Самая дешевизна картинъ достаточно ясно указываетъ на низкое достоинство работы: товаръ примѣняется къ средствамъ, потребностямъ и вкусамъ народа. Выручка получается не отъ единицъ, а отъ валоваго производства, хотя надо сказать, что и оно не представляетъ большихъ оборотовъ. вмѣстѣ съ литографными изданіями своего произведенія распространяются и продаются картины и московскихъ изданій. Послѣднія состоятъ изъ слѣдующихъ сортовъ:

Хромолитографія листовая—

стоимостью отъ 5 р. — к. до 6 р. за 100 шт.

Хромолитографія полу-ли-

стовая " 2 " 50 " " 3 " " 100 "

Хромолитографія 2-хъ ли-

стовая (больш. форм.) " 10 " — " " 12 " " 100 "

Картины эти печатаются красками машиннымъ способомъ на портретной бумагѣ, того же самаго сорта, какъ и литографіи, окрашенныя руками. Въ послѣдніе годы эти хромолитографическія картины значительно упали въ своемъ достоинствѣ; дѣло въ томъ, что издатели, гоняясь только за барышами, заботятся лишь о выпускѣ возможно большаго числа картинъ въ возможно короткое время, очень мало обращая вниманія на достоинство; потому-то и случается встрѣчать такія картинки, на которыхъ красныя губы помѣщены на лбу лица, а глаза на бородѣ, что происходитъ отъ неправильнаго наложенія мѣтокъ и небрежной работы. Тѣ-же издатели вмѣстѣ съ картиннымъ производствомъ

занимаются и изданіемъ народныхъ книжекъ; оба эти рода дѣятельности идутъ рука объ руку. Необходимо сказать, что нынѣшніе сюжеты картинъ далеко хуже прежнихъ. Лѣтъ 20-30 тому назадъ надъ сюжетами задумывались, не составляли ихъ зря: появлялись библейскія событія, евангельскія притчи, церковныя пѣсногѣнія въ лицахъ, назидательныя изобличенія пороковъ; иногда появлялись шуточные и сатирическіе сюжеты съ объясненіями; печатались коллекціи картинъ по 4 и по 6 вмѣстѣ, продаваемые нераздѣльно, всѣ разомъ, какъ, напр., притча о блудномъ сынѣ, Петръ Великій, Александръ I, Кавказскій плѣнникъ, Иванъ Мазепа, Четыре времени года и проч. Сочинителямъ платили за трудъ порядочныя деньги и потому стоило работать. Теперь-же дѣло совершенно измѣнилось. Сочинители сами составляютъ и сами-же обязаны отдать свои картинки на процензурованіе; издатели покупаютъ у составителей ихъ рисунки за самую ничтожную плату съ присоединеніемъ угощенія, чаепитія, да водки. Точно также ведется дѣло и съ народными книжками; авторы продаютъ свои процензурованные оригиналы издателямъ; послѣдніе никогда не интересуются содержаніемъ книги, оно для нихъ безразлично, и книгу они не станутъ читать: съ нихъ вполне довольно, если имѣется трескучее заглавіе, да фраза „дозволено цензурою“. За оригиналы въ объемѣ одного печатнаго листа, т. е. за 32 страницы, издатели платятъ авторамъ только 5 рублей. Слѣдовательно о вознагражденіи за литературный трудъ не можетъ быть и рѣчи. При такихъ условіяхъ можно-ли и требовать отъ сочинителей оригиналовъ какого-либо измышленія?!... Плата такъ ничтожна, что едва ли можетъ вознаграждать даже за чисто механическій трудъ писанья... Но надо принять еще въ расчетъ расходъ на бумагу, перья, чернила...

Большинство издателей народныхъ картинокъ и книжекъ не получили никакого образованія: они не сумѣютъ написать и простаго письма, а о рисованіи не имѣютъ даже самаго слабого представленія. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались издателями-книгопродавцами и литографами изъ разносчиковъ, подрядчиковъ, трактирщиковъ; другіе — изъ мѣховщиковъ, колбасниковъ, кондитеровъ; третьи — изъ мальчиковъ и прикащиковъ въ книж-

ныхъ лавкахъ. Дѣло ведется ими однимъ привыкомъ, какъ всякое несложное ремесло, въ родѣ шитья шапокъ или обуви и т. п.; преслѣдуются только выгоды, жажда наживы. Ни въ расчетъ, ни въ соображеніе не входитъ какое-либо образовательное или умственное значеніе этого дѣла. Поневоля приходится вспомнить при этомъ изреченіе дѣдушки Крылова: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ“.

При усиленномъ печатаніи картинъ съ помощью машинныхъ приспособленій, съ одною лишь жаждою наживать капиталы, намъ кажется, что скоро предложеніе значительно превыситъ спросъ. И теперь уже замѣтно, что этотъ товаръ съ каждымъ годомъ падаетъ въ цѣнѣ. Кромѣ московскихъ фирмъ, производствомъ картинъ занимаются еще и одесскія литографіи.

Съ 1878 г. появились въ продажѣ хромофотографическія картины заграничныхъ изданій, печатаемыя въ г. Бреславль и въ другихъ мѣстахъ Германіи. Для сбыта ихъ имѣются особые агенты въ г. Варшавѣ. Въ картинкахъ духовнаго содержанія хотя и проглядываетъ характеръ католическихъ изображеній, но все-же онѣ принаровлены ко вкусу русскаго народа; картинки эти обрамлены золотымъ тисненіемъ и бордюрами; печатаются онѣ и на бѣломъ, и на черномъ фонѣ, покрыты лакомъ и вообще очень красивы. Первые выпуски были съ иностранными подписями и не имѣли цензурнаго дозволенія; по своей дешевизнѣ и изяществу онѣ сразу обратили на себя вниманіе и вызвали большой спросъ. Но бдительная полиція, а съ нею вмѣстѣ и духовенство стали преслѣдовать ихъ. Варшавскимъ агентамъ дали знать о существующихъ въ изображеніяхъ недостаткахъ, и нѣмецкая предприимчивость не остановилась на полъ-дорогѣ; издатели тотчасъ приняли къ свѣдѣнію замѣченные недостатки и принялись печатать тѣ-же картины въ исправленномъ видѣ, съ русскими подписями и дозволеніемъ с.-петербургской и варшавской цензуры. Затѣмъ, кромѣ духовныхъ, стали выпускать и свѣтскія. Московскія фирмы встрѣтили недружелюбно эту новую отрасль иностранной конкуренціи; пробовали пускать въ ходъ различные компромиссы, придумывали свои комбинаціи, дѣлали попытки выпускать подобныя-же картины, но выходили онѣ и хуже, и дороже заграничныхъ; даже бумагу не могли поставлять

той-же доброты, ибо въ Россіи она гораздо дороже. Говорятъ, что были даже ходатайства объ обложеніи этихъ картинъ пошлиною. Однако, по пословицѣ—„сила соломѣ ломить“—москвичамъ пришлось покориться; они сами стали требовать и торговать этими картинами. Картины эти раздѣляются на слѣдующіе сорта:

Листовыя готическія	}	Отъ 9 до 10 руб. за 100 шт.
Листовыя бѣлыя крашенныя		
Листовыя на черн. фонѣ.	}	Отъ 4 до 4 р. 50 к. за 100 шт.
$\frac{1}{2}$ лист. бѣлыя крашенныя		
$\frac{1}{2}$ лист. на черномъ фонѣ.	}	Отъ 2 р. 30 к. до 2 р. 50 к. за 100 шт.
$\frac{1}{4}$ лист. бѣлыя крашенныя		
$\frac{1}{4}$ лист. на черномъ фонѣ.		

Кромѣ этихъ народныхъ картинъ, изъ заграницы доставляется большое количество олеографическихъ картинъ; онѣ, по своей болѣе возвышенной цѣнѣ и какъ неподходящія подъ вкусъ простолюдиновъ, расходятся больше между интеллигентнымъ классомъ людей. Развозомъ этихъ картинъ, вмѣстѣ съ галантерейнымъ товаромъ, занимаются такъ называемые „венгерцы“, которые развѣзжаютъ повсемѣстно и ведутъ торговлю съ зажиточными домами.

Соображаясь съ потребностями края, литографія въ слободѣ Мстерѣ можетъ существовать лишь при условіи сбыта своего товара офенямъ. А какъ послѣдніе, въ свою очередь, могутъ распродать свой товаръ и получить барышъ только въ томъ случаѣ, если товаръ ихъ по своей дешевизнѣ будетъ вполне доступенъ каждому простолюдину, то и оказывается, что деревенская литографія находится въ невозможности фабриковать картины повыше достоинства. Офени больше выручаютъ отъ продажи 1000 картинокъ самаго низкаго достоинства, чѣмъ отъ сотни болѣе высшаго сорта; на дешевыя картинки офеня встрѣтитъ покупателей въ каждомъ захолустѣ, въ каждой деревнѣ, во всякой избѣ и мазанкѣ, въ каждомъ кабацѣ, трактирѣ и постояломъ дворѣ. На высшіе-же сорта ему приходится выскивать покупателей и оставаться съ пустымъ карманомъ. По этому поводу мы повторимъ одну за-

мѣтку: „Литографія поставлена въ такія стѣснительныя или, вѣрнѣе, исключительныя условія, изъ-подъ которыхъ совершенно не въ состояніи высвободиться: офеня вращается преимущественно въ кругу простонародья, въ той массѣ капиталовъ, гдѣ, какъ говорится, каждый грошъ—деньги, т. е. каждый грошъ чуть не рубль, и потому естественно, онъ надѣется на сбытъ только тѣхъ товаровъ, которые вполне доступны простолюдину по своей дешевизнѣ. Офеня знаетъ, что иконъ въ 6 коп. и картинъ не съ большимъ въ $\frac{1}{2}$ коп. онъ продастъ каждый день помногу, отчего въ барышахъ у него останется уже рубль; между тѣмъ какъ высшаго достоинства онъ не продастъ и десятка. Отсюда очевидно, что ему совершенно не въ выгоду хорошая литографія или изящный рисунокъ: тогда покупатель-мужичекъ, пожалуй, еще задумается надъ картиной, тогда какъ теперь онъ беретъ ее даже не торгуясь въ цѣнѣ. Безъ этого условія литографія, конечно, могла-бы производить картины и высшаго достоинства, какъ иногда и производитъ ихъ, но, повторяемъ, при сказанныхъ условіяхъ, это невозможно; это значило бы навсегда бросить работу, такъ какъ офени перестали бы быть покупателями“.

При такихъ-же условіяхъ, на ряду съ картинами, распространяются и работаютъ образа или иконы для простаго народа, низкой работы, фабрикуемые въ сл. Мстерѣ и Халуѣ подъ названіемъ Суздальскаго богомазанья, продаваемые по цѣнѣ, едва покрывающей стоимость употребленнаго на нихъ матеріала и красокъ.

Исключая простонародныхъ изданій картинъ, деревенская литографія выпустила въ свѣтъ нѣкоторые рисунки съ научною цѣлью, болѣе тщательнаго и отчетливаго исполненія, преимущественно работы самаго содержателя. Рисунки эти принесены въ даръ и приложены къ изданіямъ Владимірскаго статистическаго комитета. До того-же времени изданія комитета съ рисунками не выходили; рисунки слѣдующіе:

- 1) Видъ храмовъ г. Киржача, бывшихъ монастырскихъ XIV вѣка, съ рисунка Н. А. Артлебена.
- 2) Видъ Богоявленской сл. Мстеры, съ натуры и на камнѣ рисоваль И. Голышевъ.
- 3) Портретъ дѣйств. члена Владимірскаго Статист. Комитета покойнаго В. А. Борисова, съ фотографіи.

- 4) Древняя плащаница Богоявленскаго храма въ сл. Мстера, рисоваль съ натуры и на камнѣ И. Голышевъ.
- 5) Древнее блюдо съ гербомъ князей Ромодановскихъ, хранящееся въ томъ-же храмѣ, рисов. И. Голышевъ.
- 6) Внутренній видъ Богоявленскаго храма XVII в. въ сл. Мстерѣ, съ усыпальницей князей Ромодановскихъ, рис. И. Голышевъ.
- 7) Видъ Суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря XIV в. съ могилой князя Д. М. Пожарскаго, рис. съ натур И. Голышевъ.
- 8) Курганныя вещи, найденныя въ Шуйскомъ уѣздѣ, 12 предметовъ съ рисунк., доставл. К. Н. Тихонравовымъ.
- 9) Видъ Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря XVII в., рисов. съ натуры И. Голышевъ.
- 10) Видъ Николаевской Барковской пустыни XVII в., рис. И. Голышевъ.
- 11) Видъ церкви Рождества пр. Богородицы XII в. во Владимірѣ до возобновленія. Съ рисунка, дост. К. Н. Тихонравовымъ.
- 12) Видъ той-же церкви по возобновленіи, рисов. съ нат. И. Голышевъ.
- 13) Оттискъ съ старинной деревянной печатной доски иконы Знаменія Богоматери, съ доски изъ собранія И. Голышева.
- 14) Такой-же оттискъ съ текстомъ о 12-ти добрыхъ друзьяхъ, съ доски изъ собранія его-же.
- 15) Такой-же оттискъ съ изображеніемъ св. Евангелиста Луки, съ доски, служившей для отпечатанія рисунковъ въ Евангеліи XVII в., изъ собранія его-же.
- 16) Курганныя вещи, найденныя въ Меленковскомъ уѣздѣ, 4 предмета, рис. съ натуры И. Голышевъ.
- 17) Изображеніе иконы 12 лихорадокъ, находившейся въ церкви сел. Халуя, рисов. съ нат. И. Голышевъ.
- 18) То же изображеніе, съ иконъ для простонародья, рис. И. Голышевъ.
- 19) Видъ древней деревянной часовни св. Николая Чудотворца у погоста Нередичъ Никольскаго, рисов. съ натуры онъ-же.
- 20) Видъ древней деревянной часовни близъ г. Мурома, съ рис., доставл. К. Н. Тихонравовымъ.
- 21) Видъ деревянной церкви прор. Іліи близъ Мурома, съ рис., дост. имъ-же.
- 22) Старинный рѣзной деревянный подсвѣчникъ въ этой церкви, съ рис., доставлен. имъ-же.
- 23) Старинный рѣзной деревянный подсвѣчникъ въ церкви сел. Мстеры, съ натур. рис. И. Голышевъ.
- 24) Древній амулетъ съ изображеніемъ Крещенія Господня XIII, XIV в., рисов. онъ-же.
- 25) Старинная лубочная картина: Мыши kota погребаютъ, съ мѣдной доски, изъ собранія его же.
- 26) Оттискъ съ старинной дерев. печатной доски съ изображеніемъ храма, изъ собран. его-же.
- 27) Деревянное рѣзное изображеніе Распятія Христова съ подписью кругомъ, рис. его-же.

- 28) Деревянный рѣзной крестъ 1600 г. съ подписью, изъ собр. его-же.
 29) Деревянная церковь во имя св. Арх. Михаила въ Меленковскомъ уѣздѣ, съ рис. Н. А. Артлебена.
 30) Деревянная церковь, бывшая въ погостѣ Спасъ-Купалищи Судогодскаго уѣзда, съ рис. его-же.
 31) Спасо-Преображенскій соборъ въ Переславлѣ XII в., съ рис., доставл. Б. Н. Тихонравовымъ.
 32) Планъ этого собора
 33) Церковь Бориса и Глѣба въ Кидежѣ XII в., съ рис., дост. имъ-же.
 34) Планъ этой церкви.
 35) Распятіе Христово, оттискъ съ старин. древн. печатн. доски, лубочная гравюра изъ собранія И. Голышева.
 36) Иисусъ Христосъ въ багряницѣ, такая же гравюра, изъ собр. его-же.
 37) Портретъ покойнаго секретаря Влад. губер. Статистич. Комитета и редактора Губ. Вѣдом., К. Н. Тихонравова, съ фотографіи.

Приведенные 37 листовъ рисунковъ, съ 61 предметами на нихъ, составляютъ 9,250 экземпляровъ; они прилагались къ 10 выпускамъ „Трудовъ“, „Ежегоднику“ статистическаго комитета и „Древностямъ Суздальско-Владимірской Области“. Объяснительные тексты къ рисункамъ писаны: К. Н. Тихонравовымъ, Н. А. Артлебенемъ, И. А. Голышевымъ и нѣкоторыми членами комитета.

Кромѣ того деревенская литографія выпустила въ свѣтъ нѣсколько отдѣльныхъ изданій въ альбомахъ и атласахъ:

- 1) Древности Богоявленской церкви XVII в. въ сл. Мстерѣ съ 20-ю листами рисунковъ предметовъ старины храма, въ 1878 г.
- 2) Атласъ рисунковъ съ старинныхъ пряничныхъ досокъ Вязниковскаго уѣзда съ 20-ю лист. рисунковъ, въ 1874 г.
- 3) Памятники старинной русской рѣзбы по дереву, того-же уѣзда, съ 20-ю лист. рисунк., въ 1876 г.
- 4) Памятники деревянныхъ церковныхъ сооружений во Владимирской губерніи съ 21 лист. рисунковъ, въ 1879 г.
- 5) Альбомъ русскихъ древностей Владимирской губерніи съ 40 листами рисунковъ, въ 1881 г.
- 6) Памятники русской старины Владимирской губерніи съ 17 листами рисунковъ и 3 оттиска съ большихъ старинныхъ мѣдныхъ досокъ подъ названіемъ лубочныхъ, въ 1883 г.

Въ этихъ шести альбомахъ заключается 141 листъ археологическихъ рисунковъ съ отдѣльными 635 предметами старины и другихъ достопримѣчательностей ¹⁾, а въ совокупности, съ до-

¹⁾ На нѣкоторыхъ листахъ по нѣскольку предметовъ.

ставленными въ статистическій комитетъ и приложенныхъ при отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ ¹⁾, составляетъ вышедшихъ изъ литографіи 198 листовъ съ 697 предметами; всѣ они отпечатаны на портретной бумагѣ въ два тона, а нѣкоторые въ нѣсколько колеровъ хромолитографически—красками, золотомъ и серебромъ; объяснительные тексты къ рисункамъ составлялись издателемъ И. Голышевымъ и печатались во Владимирской губерніи.

VI.

Критическіе отзывы и рецензіи о деревенской литографіи.—Книжная торговля на Нижегородской ярмаркѣ.—Неудачная попытка открыть литографію въ г. Вязникахъ.—Провинціальныя мнѣнія о литографіи и надзоръ надъ нею.—Прожитія литографіею XXV лѣтъ.

Деревенская литографія въ сл. Мстерѣ обратила на себя вниманіе русской литературы и періодической прессы; время отъ времени появлялись статьи и замѣтки, въ которыхъ говорилось о литографіи, какъ о нѣкоторомъ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ, промышленномъ заведеніи. Нашъ извѣстный эконо-

¹⁾ Книжки и брошюры, изданныя И. А. Голышевымъ, слѣдующія:

1) Богоявленская слобода Мстера, исторія ея, древности, статистика и этнографія, съ 3 рисунками и родословной князей Ромодановскихъ 1865 г. 2) Сераціонова пустынь въ Вязниковскомъ уѣздѣ (очеркъ) 1367 г. 3) Сераціонова пустынь, исторія ея, древности и современное значеніе, съ 1 рис. 1869 г. 4) Борковская Николаевская пустынь. Вязник. уѣз., основанная по завѣщанію князя Д. М. Пожарскаго сыномъ его Иван. Дмитриевичемъ въ 1650 г., историческое описаніе, съ 1 рисункомъ. 1869 г. 5) Лубочныя старинныя народныя картинки, происхожденіе, гравированіе и распространеніе ихъ, съ 3 рисунками 1870 г. 6) Древности Богоявленской церкви въ с. Мстерѣ, историческое описаніе 1870 г. 7) Мионческія изображенія двѣнадцати лихорадокъ, съ 2 рис. 1871 г. 8) Изображеніе иконъ св. Флора, Лавра, Модеста и Власія и значеніе этихъ образовъ въ народѣ 1871 г. 9) Деревян. часовня во имя Николая Чудотворца въ Ковровскомъ уѣздѣ, съ 1 рисункомъ. 1874 г. 10) Амулетъ съ изображеніемъ Крещенія Господня XIII—XIV вѣк., съ 2 рис. 1876 г. 11) Новыя пріобрѣтенія старинныхъ образцовъ рѣзбы по дереву, съ 3-мя рис. 1877 г. 12) Лубочная старинная народн. картинка: Мыши kota погребаютъ и нѣкоторыя прежнія гравюры, съ 1 рис. 1878 г. 13) Оттиски съ 2-хъ досокъ: Распятіе Христово и Христосъ въ багрянцѣ, съ 2-я рисунками. 1879 г. Всего при брошюрахъ приложено 20 рисунковъ и оттисковъ.

И. Г.

номистъ В. П. Безобразовъ, вскорѣ по открытіи литографіи, въ своихъ путевыхъ запискахъ 1861 г. замѣчаетъ: „Пріятно поражаетъ глазъ въ селеніи Мстерѣ вывѣска большими буквами „Литографія Голышева“, которою гордятся всѣ жители. Въ самомъ дѣлѣ: почему-бы, вѣжется, заводить въ селѣ литографію, состоящую въ разрядѣ городскихъ промышленныхъ заведеній, и заводить крестьянину, да еще крѣпостному? Когда встрѣчаешься во-очію со всѣми подобными вопросами, на которые рѣшительно нечего отвѣчать, кромѣ повторенія самого же вопроса съ отрицательною частицею—а почему-бы не заводить? тогда уже не можешь съ самодовольствіемъ разсуждать о недостаткѣ самодѣятельности и инициативы въ народѣ или о необходимости таможеннаго тарифа для успѣховъ народной промышленности“.

О выпущенныхъ тогда литографіею картинкахъ имъ-же замѣчено: „Большинство картинокъ — произведенія мѣстнаго искусства Мстерской литографіи, и изданы въ послѣдніе два года. Особенно замысловатою показалаь мнѣ одна аллегорическая картинка съ слѣдующею объяснительною подписью: Злость. Представляютъ ее въ образѣ женщины среднихъ лѣтъ, гласить далѣе подпись, для того, что въ сихъ лѣтахъ имѣютъ гораздо болѣе склонности къ безстыдству, побѣдивъ застычивость. Взглядъ ея ужасенъ, видъ пасмуренъ и волоса въ беспорядкѣ изъясняютъ внутреннія движенія души. Съ удовольствіемъ она взираетъ на аспида и на кинжалъ. Прочія ея знаменія суть змѣй съ лицомъ человѣческимъ—означаетъ хитрость, обезьяна—есть эмблема злобы, а паукъ, основывающій паутину—относится къ сѣтямъ, которыя злоба поставляетъ чести, жизни и благосостоянію ближнихъ“ ¹⁾.

Къ научнымъ изданіямъ литографіи литература отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ; появлялись разборы и библиографическія рецензіи съ лестными критическими отзывами ²⁾.

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», т. 34, 1861 г.

²⁾ Позволяемъ себѣ сдѣлать указаніе на нѣкоторыхъ авторовъ: Н. А. Артебень, В. П. Безобразовъ, П. Гилебрандтъ, Н. А. Добротворскій, А. А. Доброхотовъ, Н. Я. Дубенскій, И. Е. Забѣлинъ, В. С. Иконниковъ, Е. К. Лѣткова, В. П. Мещерскій, А. Молчановъ, М. Я. Рангъ, Д. А. Ровинскій, М. И. Семевскій, В. В. Стасовъ, К. Н. Тихонравовъ, Н. А. Трахимовскій, графъ Уваровъ, С. Н. Шубинскій и друг. Вотъ перечень изданій, въ которыхъ помѣщены ихъ отзывы о моихъ трудахъ: Влад. Губерн. Вѣдом.

Научныя и археологическія изданія, выпускаемыя мною въ свѣтъ при посредствѣ литографіи, никогда не дѣлались съ цѣлью пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, напротивъ, всегда приходилось дѣлать нѣкоторыя пожертвованія. Не считая личнаго труда, изданія эти приносили ущербъ и никогда не покрывали затраченныхъ издержекъ, хотя и печатались во избѣжаніе расходовъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, всего лишь отъ 50 до 200 экземпляровъ.

На книги научнаго или мало-мальски серьезнаго содержанія является очень ограниченный спросъ; такія изданія плохо расходятся и не на провинціи; впрочемъ, мы не ошибемся, если выскажемся, что вообще вся наша русская книжная торговля находится не въ завидномъ положеніи. Не лишены интереса личныя наблюденія В. П. Безобразова о производствѣ книжной торговли на Нижегородской ярмаркѣ: „которая (т. е. книжная торговля) связываетъ экономическую сторону этого великаго торжища съ его нравственною стороною и которую купцы называютъ „убогою торговлею“. Дѣйствительно, когда всматриваешься въ торговлю книгами, посреди этого несмѣтнаго собранія товаровъ, удовлетворяющихъ всѣмъ, безъ изыятія, потребностямъ русскихъ людей, она производитъ какое-то странное впечатлѣніе: она какъ будто существуетъ не по какой нибудь надобности и нуждѣ, а лишь благодаря добро хотнымъ подаваніямъ отъ барышей прочихъ

№ 14, 1870 г., № 49—1874 г., №№ 2 и 32—1880 г., № 22—1881 г. „Голосъ“ № 177—1879 г. «Древн. и Нов. Россія» № 11—1876 г., № 4—1877 г., №№ 4 и 5—1878 г., № 3.—1879 г. «Ежегодн.» Влад. губ. статист. комит. т. I. 1875 г.; «Историч. Вѣстн.» №№ 4 и 7—1832 г., № 12—1833 г.; „Нива“ № 34—1881 г., № 51—1833 г.; «Новое Время» № 1181—1879 г., № 2174—1882 г., № 2—1883 г.; «Отечествен. Записки»: обзоръ литер. русской истор., кн. XI—1883 г.; «Правит. Вѣстн.» № 125. 1881 г.; «Русская Старина» кн. XI—1874 г., кн. VI—1877 г., кн. II, III, IV, VI—1879 г., кн. III—1880 г.; кн. VI—1882 г.; кн. IX—1883 г.; „Русскій Вѣстн.“ т. XXXIV—1861 г., т. LXIII. 1866 г.; „Русск. Народн. Фартинки“ т. I, IV, V. 1881 г.; «Русскій Инвалидъ» № 204—1867 г.; «Русскія Вѣдомости» № 66—1870 г.; «Сынъ Отечества» № 252—1868 г. и друг., а также въ изданіяхъ ученыхъ обществъ.

И. Г.

отраслей торговли. Никто изъ торгующихъ не принимаетъ книжной торговли за серьезное дѣло, а такъ, за развлеченіе и препровожденіе времени книгопродавцевъ. Такъ оно, пожалуй, и было на самомъ дѣлѣ. Послѣ развязки ярмарки, наканунѣ разѣзда, купцы, довольные своими дѣлами, покупаютъ гостинцы для домашнихъ; при этомъ, бывало, приказывали своимъ молодцамъ забѣжать и въ книжную лавку и захватить кое-какія книжки подешевле. Книгопродавцы и укладывали что имъ вздумается. Такъ возились книги для ребятъ въ качествѣ калачей и пряниковъ. Этотъ обычай, нынѣ не совсѣмъ еще исчезнувшій, хорошо живописуетъ книжную торговлю. Книги—самый не ходкій у насъ товаръ; а если какія книги и расходятся быстро, то обыкновенно независимо отъ всякихъ свойствъ внутренняго своего достоинства. Конечно, нѣтъ другаго у насъ товара, относительно котораго понятія и вкусъ производителей до такой степени расходились-бы съ понятіями и вкусами потребителей и съ условіями спроса—это самая выпуклая черта книжной торговли“. Далѣе В. П. Безобразовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „не смотря на всѣ наши умственные успѣхи съ 1864 г., характеръ книжной торговли на Нижегородской ярмаркѣ не измѣнился до сихъ поръ, она скорѣе даже упала, ибо единственная значительная фирма (Кожанчикова), дѣлавшая въ началѣ 1860-хъ годовъ энергическія усилія, чтобы поднять книжную торговлю у Макарія, прекратилась съ тѣхъ поръ ¹⁾).

Къ высказанному мы можемъ прибавить отъ себя, что и изъ числа московскихъ народныхъ издателей многія фирмы упали и только не многія успѣли возвыситься; къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести фирму Салаевыхъ, которая отъ народныхъ книжекъ перешла къ изданію учебниковъ.

Въ 1866 г. одинъ изъ мелкой руки московскихъ литографовъ, мѣщанинъ Семеновъ, занимавшійся въ Москвѣ питейною торговлею, починкою зонтиковъ, легковымъ извозомъ и имѣвшій въ то-же время небольшую литографію для изданія народныхъ картинъ,

¹⁾ Народное хозяйство въ Россіи. СПБ., 1882 г., ч. 1, стр. 216, 217.

вздумаль переселиться изъ Москвы и открыть литографію въ г. Вязникахъ. Но дѣло его, просуществовавъ не болѣе полугода, — рушилось; рабочіе разошлись, станки пошли на топливо вмѣсто дровъ, мѣдныя доски промѣнены на книжный товаръ, небольшое число камней распроданы. Кажется, онъ понесъ большіе убытки и остался навсегда въ г. Вязникахъ доживать свой вѣкъ, занимаясь самыми мелкими торговыми дѣлишками. Неудачу его слѣдуетъ объяснить какъ малымъ знакомствомъ съ дѣломъ, такъ и отсутствіемъ самаго даже элементарнаго образованія.

Необходимо сказать, что въ провинціи очень трудно приняться и специалисту за промышленность, присущую столицамъ, какъ типографіи, литографіи, гдѣ группируется много подобныхъ заведеній и гдѣ все находится подъ-рукою; поэтому, казалось-бы, что если таковая успѣла основаться въ провинціи, то должна бы пользоваться хоть нѣкоторымъ уваженіемъ, но оказывается иначе. Въ провинціи установился взглядъ на типографіи, литографіи и подобн. имъ завед., какъ на самыя вздорныя; это занятіе причисляютъ къ самымъ убогимъ, не стоящимъ даже и вниманія; ихъ забываютъ заносить въ статистику, ихъ обходятъ, какъ будто они и на свѣтѣ вовсе не существуютъ, не рѣшаются причислить хоть къ кустарнымъ производствамъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, за этими заведеніями существуетъ самый строгій надзоръ, какого не имѣется надъ прочими заведеніями. На держателей ихъ возложены серьезныя обязанности и заведенія обставлены такими формальностями, какихъ нѣтъ ни въ какомъ другомъ производствѣ. Сколько бюрократовъ за печатнымъ дѣломъ и книжною торговлей!... Мѣстныя власти — въ лицѣ волостнаго правленія, отъ старшины до урядника, десятскаго и сотскаго вклучительно; наѣзжія — отъ исправника до становаго и чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ; цензурные комитеты; торговая депутація и чиновникъ казенной палаты, повѣряющіе, правильно-ли берется установленный пошлинный билетъ на заведеніе; земство — слѣдящее, не увеличивается-ли производство и не прибавляется-ли особыхъ машинъ или техническихъ приспособленій, для обложенія на такой случай болѣшимъ сборомъ, и, на-

конецъ, сами содержатели обязаны ежегодно къ сентябрю мѣсяцу доставлять полиціи вѣдомости, по установленной формѣ, о своихъ заведеніяхъ и книжной торговлѣ, и въ примѣчаніи сказывать: слава Богу, никакимъ замѣчаніямъ и прочему сіи производства не подвергались.

Мстерская литографія прожила уже XXV лѣтъ.

За этотъ періодъ времени, многія подобныя заведенія въ Москвѣ успѣли давно покончить свое существованіе. Печатное дѣло стало развиваться; появились типографіи и небольшое число литографій въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ; но при всемъ томъ печатаніе народныхъ картинъ, какъ и прежде, сохранилось только за одною Мстерскою литографіею. При аккуратномъ и серьезномъ отношеніяхъ къ дѣлу, въ эти четверть вѣка своего существованія, деревенская литографія всегда была вѣрна своему долгу, тогда какъ литографіи въ Москвѣ, гдѣ инспекторскій надзоръ и всѣ удобства по цензурѣ, подвергались не рѣдко отвѣтственности за злоупотребленія, и послѣ троекратныхъ нарушеній правилъ закрывались.

Теперь невольпо возникаетъ вопросъ: долго-ли просуществуетъ деревенская литографія? Мы живемъ въ такое время, когда труду медленному и упорному, не приносящему скорой и легкой наживы, не даютъ почти никакой цѣны; теперь господствуетъ умѣнье создавать путемъ всевозможныхъ операцій дутыя денежные предпріятія съ фокусами и изворотами, приводящими капиталы къ быстрому обращенію и оборотамъ, и къ громадному росту. Литографное-же заведеніе приноситъ самый умѣренный прибытокъ, требуетъ приложенія непосредственнаго, личнаго труда и прилежанія, да къ тому еще полнѣйшаго подчиненія всевозможнымъ надзорамъ и формальностямъ. Поэтому существованіе литографіи можетъ показаться новому поколѣнію явленіемъ крайне дикимъ. Намъ думается, что деревенская литографія просуществуетъ до тѣхъ поръ, пока проживетъ на земной поверхности ея содержатель, доставляющій нѣкоторую матеріальную поддержку бѣднымъ людямъ раскраскою картинокъ и посвящающій провинціальную скуку и пустоту любви къ археологическимъ изысканіямъ и на ихъ изданія. Заканчивая свою безыскусственную лѣтопись, ска-

жемъ, что не будь постигшей невзгоды, по поводу изданія циркуляра 1865 г., и слишкомъ усерднаго примѣненія его мѣстными властями, литографія прошла бы свое житіе тихо и мирно; пишущему-же эти строки, оторванному крѣпостнымъ правомъ отъ стремленія получить спеціально-художественное образованіе, суждено быть и остаться бѣднымъ, скромнымъ труженикомъ—литографомъ деревенскаго тисненія.

Бывшій крѣпостной крестьянинъ, нынѣ членъ разныхъ русскихъ ученыхъ обществъ

И. А. Голышевъ.

Голышевка, рядомъ съ сл. Мстерою.
1884 г.

А ДОЛЬФЪ ПЕТРОВИЧЪ БЕРЖЕ

† 31 января 1886 года.

Къ числу весьма тяжелыхъ утратъ, понесенныхъ русскимъ обществомъ въ послѣдніе годы, должна быть отнесена кончина Адольфа Петровича Берже; въ немъ сошелъ въ могилу, совершенно неожиданно и вполнѣ преждевременно, наиболѣе достойный представитель науки на Кавказѣ.

Мы были связаны съ покойнымъ узами тѣсной дружбы въ продолженіе четырнадцати лѣтъ и нынѣ, съ сердцемъ, сокрушеннымъ глубокою скорбью, священнымъ долгомъ своимъ считаемъ сообщить нѣсколько данныхъ къ біографіи и характеристикѣ этой въ высшей степени симпатичной личности.

I.

Адольфъ Петровичъ былъ однимъ изъ четырехъ сыновей француза Петра Берже, выѣхавшаго въ Россію въ 1805 году. Дѣдъ А. П. принадлежалъ къ одной изъ дворянскихъ фамилій и имѣлъ довольно большое состояніе, которое погибло въ смутѣ великой революціи. Петръ Берже, по пріѣздѣ въ Россію, посвятилъ себя преподаванію французскаго языка и словесности. Это былъ истинный профессоръ, съ обширнымъ образованіемъ и талантомъ педагога; при этомъ онъ обладалъ весьма счастливымъ характеромъ, который полностью и передалъ своему сыну Адольфу Петровичу.

Какъ профессоръ, Петръ Берже былъ весьма уважаемъ въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества и его на расхватъ приглашали въ различныя аристократическія семейства; онъ преподавалъ въ семействахъ князей Долгоруковыхъ, Голицыныхъ, графовъ Строгановыхъ и во многихъ другихъ семействахъ; за урокъ платили ему по 100 р., а у графини Бронницкой онъ получалъ даже по 300 р., конечно, ассигнаціями. Его другъ и товарищ St.-Julien, пережившій Берже, съ наслажденіемъ вспоминалъ эпоху Александра Павловича, когда онъ и Берже были столь цѣнными въ русскихъ семействахъ, какъ профессора.

Петръ Берже, въ 1820-хъ г., женился на одной мекленбургской уроженкѣ, весьма достойной особѣ, которая пережила его и нынѣ сына своего Адольфа Петровича.

Усиленные умственные занятія, соединенныя съ заботами объ обезпеченіи, на случай своей смерти, своего большаго семейства (четыре сына и дочь), настолько повліяли на здоровье Петра Берже, что онъ заболѣлъ и умеръ въ больницѣ для душевно-больныхъ, въ 1839 г. Но онъ былъ такъ уважаемъ и всѣми любимъ, что тотчасъ по его смерти многія лица приняли участіе въ судьбѣ его малолѣтнихъ дѣтей и они были распределены по казеннымъ заведеніямъ; въ гатчинскій институтъ поступили всѣ четыре сына покойнаго профессора.

Старшій изъ нихъ, нынѣ покойный, по окончаніи курса въ институтѣ, служилъ въ немъ же, въ теченіи 10 лѣтъ, и умеръ въ 1860 г., оставивъ по себѣ память добросовѣтнаго и весьма способнаго преподавателя. Третій и четвертый усердно служатъ чиновниками въ разныхъ вѣдомствахъ; вторымъ сыномъ былъ нынѣ опочившій сномъ смерти Адольфъ Петровичъ.

Приводимъ собственноручную автобіографическую замѣтку самого Адольфа Петровича изъ сборника таковыхъ замѣтокъ, принадлежащаго редакціи журнала «Русская Старина»:

— «Берже, Адольфъ Петровичъ, родился въ 1828 г., 28 іюля, въ Петербургѣ; учился въ пансіонѣ Цапинтени, откуда поступилъ (1836 г.) въ реформатскую школу и, спустя два года, а именно въ 1838 г., благодаря ходатайству супруги французскаго посланника Баранта, былъ опредѣленъ въ гатчинскій сиротскій институтъ, при инспекторѣ Гугелѣ. Въ 1847 г. Ад. П. Берже выпущенъ изъ института въ петербургскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата во восточному факультету. Это было въ 1851 г.; въ томъ же году, по волѣ императора Николая

Павловича, Берже отправленъ на Кавказъ, въ распоряженіе князя Михаила Семеновича Воронцова»...

Прерываемъ здѣсь нашу выписку, вспоминая рассказъ покойнаго Адольфа Петровича о томъ, что, по окончаніи курса на восточномъ факультетѣ, онъ имѣлъ непремѣнное желаніе ѣхать за предѣлы Россіи на азіатскій востокъ, но хлопоты, начатыя имъ по сему предмету черезъ попечителя гатчинскаго института Сергѣя Степановича Ланскаго, были завершены рѣшеніемъ императора Николая Павловича, сказавшаго по сему предмету: «Берже не для чего ѣхать за границу, на востокъ, такъ какъ Россія имѣетъ свой востокъ, это—Кавказъ, пусть онъ туда и отправляется на службу».

Адольфу Петровичу не пришлось сожалѣть о таковой своей судьбѣ.

— «Начавъ службу въ собственной канцеляріи маститаго вельможи, какимъ былъ Воронцовъ,—продолжаемъ словами собственноручной записки Адольфа Петровича,—Берже, въ 1853 г., въ маѣ, былъ отправленъ съ ученою цѣлью въ Персію, гдѣ посѣтилъ города: Тавризь, Казвинъ, Тегеранъ, Испагань, Ширасъ, Холь. Возвратившись въ 1854 г. въ Тифлисъ, онъ въ слѣдующемъ (1855) году былъ вторично отправленъ въ Персію, затѣмъ продолжалъ службу въ той-же канцеляріи намѣстника Кавказа. Въ 1859 г. Берже былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ гражданскаго управленія, при статсъ-секретарѣ Крузенштернѣ, а въ апрѣлѣ 1864 г. предсѣдателемъ кавказской археографической комиссіи, каковую обязанность несетъ по настоящей день»: въ это время издано (имъ) десять томовъ (11 книгъ) Актовъ (Кавказской Археографической Комиссіи).

„2-го января 1886 года“.

«Въ 1871 г. Берже былъ депутатомъ на 25-лѣтнемъ юбилеѣ археологическаго общества и въ 1876 г. депутатомъ на 3-мъ съѣздѣ ориенталистовъ въ Петербургѣ».

Альбомъ автографовъ: „Знакомые ред. „Русской Старины“, томъ II, стр. 164, и томъ I, стр. 205.

II.

Тридцать пять лѣтъ Адольфъ Петровичъ находился на Кавказѣ, многого онъ былъ свидѣтелемъ въ этотъ длинный періодъ времени, и за всѣми этими событіями онъ слѣдилъ со вниманіемъ историка и ученаго. Всецѣло преданный наукѣ, онъ изучилъ Кавказъ во всѣхъ минувшихъ его судьбахъ и въ его современномъ состояніи. Археологія, географія, топографія, статистика и, въ особенности, исторія Кавказа—были изучены Адольфомъ Петровичемъ въ совершенствѣ и изученіе этой страны было постоянно имъ продолжаемо. Всѣ тѣ, кто желалъ ознакомиться съ Кавказомъ, такъ сказать, научнымъ образомъ, не могли миновать Берже и встрѣчали въ немъ самаго просвѣщеннаго и всегда самаго добраго руководителя при изученіи этой страны. Какъ на результаты этого многолѣтняго изученія страны, должно указать на довольно длинный рядъ трудовъ, изданныхъ Адольфомъ Петровичемъ, вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Геологическій очеркъ Кавказскаго края отъ Эльбруса до Бештау (переводъ статьи академика Абиха), 1853 г.

Отрывки изъ путешествія въ Персію въ 1853—1854 гг. Тифлисъ, въ 8 д., 1854 г., съ картою.

Фехт-Али-Шахъ и его дѣти. Тифлисъ, въ 8 д., съ таблицею.

Географическія широты и долготы главнѣйшихъ мѣстъ Закавказскаго края. Тифлисъ, 1859 г., стр. 30.

Письма съ дороги въ Персію, апрѣль—іюнь 1855 г., девять писемъ Ад. П. Берже. Тифлисъ, въ 8 д. (это второе путешествіе Ад. П.).

Библиотека Калуста Ширмазяніяна (сына армянскаго выходца изъ Персіи въ Россію въ 1821 г.).

О народныхъ праздникахъ, постахъ и знаменательныхъ дняхъ у мусульманъ-шиитовъ вообще и у персіянъ въ особенности. Тифлисъ, 1855 г., въ 8 д., стр. 27. (Оттискъ изъ „Кавказскаго Календаря“ на 1856 г.).

Прикаспійскій край (1857 г.).

О причинахъ, предшествовавшихъ занятію Герата. Тифлисъ, изд. 1857 г., въ 8 д., стр. 10. (Переводъ съ персидскаго).

Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ. Тифлисъ, въ 8 д., 1858 г., стр. 46. Статья эта напечатана въ 1860 г. въ „Mittheilungen“ д-ра Петермана въ Готѣ.

Матеріалы для описанія нагорнаго Дагестана. Тифлисъ, 1859 г., въ 8 д., стр. 40, съ картою.

Чечня и чеченцы. Тифлисъ, изд. 1859 г., въ 8 д., стр. 140, съ картою.

Исторія Адыгейскаго народа. Тифлисъ, въ 8 д., изд. 1861 г., стр. 181, составлена Шора-бекъ-Ногмовымъ, исправлена и изд. Ад. П. Берже съ его предисловіемъ, біографіею автора, примѣчаніями и приложеніями, напечатана въ нѣмецкомъ переводѣ въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: *Die Sagen und Lieder des Tscherkessen Volks*. 1866 г.

Карабагъ. Историческій очеркъ. Ст. Мирзы Джемала. Переводъ съ персидскаго, 1855 г.

Die Sânger des XVIII und XIX Jahrhunderts in abserbeidshanischer Mundart. Произведенія Адзербейджанскихъ поэтовъ XVIII и XIX вѣковъ. 1868 г.

Voyage en Mingrêlie, exécuté en 1862 par Adolphe Bergé (de Tiflis). Paris, 1864 г., въ 8 д., стр. 47. (Это оттискъ изъ „*Revue de l'Orient, de l'Algérie et des Colonies*“.)

Краткій очеркъ путешествія по Дагестану, въ 8 д., стр. 28.

Dictionnaire persan-français.

Mirza Schaffy въ *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1870 г.

Кавказъ въ археологическомъ отношеніи. Изд. 1874 г.

Берже участвовалъ въ изданіи Записокъ общества любителей кавказской археологіи, въ географическомъ словарѣ, изданномъ императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ; ему принадлежитъ часть описанія Кавказа, вошедшая въ составъ сочиненія «Живописная Россія», изданнаго подъ редакціей П. П. Семенова, въ каковомъ описаніи одна изъ самыхъ интересныхъ главъ, именно о горныхъ племенахъ Кавказа, ихъ обычаяхъ, географическомъ подраздѣленіи и проч., составлена Адольфомъ Петровичемъ Берже. Но самымъ монументальнымъ трудомъ ученаго ориенталиста и изслѣдователя Кавказа были «Акты Кавказской археографической комиссіи».

Очеркъ этнографіи Кавказа, 1879 г.

Въ разное время Ад. П. Берже доставлены Императорской Академіи Наукъ матеріалы по лингвистическимъ изслѣдованіямъ, впервые принятые имъ по аварскому нарѣчію, съ каковою пѣлю совершилъ онъ, по порученію кн. А. И. Барятинскаго, въ 1860 году, путешествіе въ Дагестанъ и занимался въ Хунзахѣ, подъ руководствомъ Бин-Хитивоу-Мухаммед-Лачинилоу, бывшаго учителя Шамиля въ философіи; затѣмъ имъ были представлены цѣнные матеріалы по языкамъ: чеченскому, осетинскому и удинскому и гуджиръ (дарственные записи) Хопскаго, Мартвильскаго, Цаншскаго и др. монастырей.

Съ 1864 года дѣятельность Ад. П. Берже, главнымъ образомъ, сосредоточилась на изданіи „Актвъ Кавказской Археографической Комиссіи“, что продолжалось по самый день его кончины.

Прежде однако, чѣмъ перейдемъ къ этому главнѣйшему труду всей его жизни—приведемъ нѣсколько данныхъ о его служебномъ положеніи, заимствуя эти данныя изъ формуляра Ад. П. Берже.

По окончаніи въ спб. университетѣ курса наукъ со степенью кандидата, Ад. П. Берже опредѣленъ на службу въ канцелярію намѣстника кавказскаго въ 1851 г., декабря 24, съ производствомъ жалованья по 300 руб. сер. въ годъ. Назначенъ младшимъ помощникомъ чиновника по секретной части той же канцеляріи (26 дек. 1852 г.). Командированъ въ Персію, гдѣ находился съ 13 апр. 1853 г. по 24 февр. 1855 г. Вторично командированъ въ Персію, гдѣ находился съ 30 марта по 15 августа 1855 г. Назначенъ старшимъ помощникомъ чиновника по секретной части канцеляріи намѣстника (апрѣль 1855 г.). Назначенъ завѣдывать мусульманскими училищами Закавказскаго края (1856 г.). 8 дек. 1856 г. избранъ правителемъ кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (по дек. 1859 г.). Съ 27 дек. 1857 г. назначенъ завѣдывающимъ тифлискою публичною библіотекою. Въ дек. 1858 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ главн. управл. намѣстника кавказскаго. Въ 1860 г. командированъ съ ученою цѣлью въ Дагестанъ, въ 1862 г. въ Мингрелію. Редактировалъ «Кавказскій Календарь» на 1857—1860, и 1862—1864 гг.

Назначенный предсѣдателемъ этой комиссіи, при самомъ ея учрежденіи въ 1864 г. (марта 11), Берже, при постоянномъ къ его трудамъ благосклонномъ вниманіи бывшаго августѣйшаго намѣстника Кавказа, е. и. в. великаго князя Михаила Николаевича, и при энергической и просвѣщенной поддержкѣ барона А. П. Николаи, съ необыкновеннымъ рвеніемъ и любовью къ дѣлу принялся за собраніе и изданіе этихъ актовъ ¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что Ад. П. Берже, въ октябрѣ 1864 г., избранъ въ Парижѣ членомъ общества „Société Asiatique“; въ янв. 1865 г. — членомъ общества, тамъ же, „Société Orientale de France“; тогда же членомъ общества въ Лейпцигѣ „Deutsche morgenländische Gesellschaft“; въ сент. 1875 г. избранъ дѣйств. членомъ „Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“.

Надо было такъ любить и такъ знать исторію Кавказа, какъ зналъ ее Берже, чтобы столь превосходно составить громаднѣйшій сборникъ, въ одиннадцати книгахъ, in folio, вышедшій подъ его редакціею, съ 1866 по 1885 гг. Этотъ сборникъ передъ нами; въ него вошли акты за все время владычества русскихъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, съ XVIII вѣка по время намѣстничества князя Михаила Семеновича Воронцова включительно, т. е. по 1855 г. Каждый томъ заключаетъ въ себѣ отъ 1000 до 1200 страницъ въдва столбца; каждому тому предпослано весьма обстоятельное предисловіе; въ каждомъ томѣ превосходный указатель личныхъ и географическихъ именъ. Документы помѣщены, гдѣ нужно, съ надлежащими переводами съ языковъ: арабскаго, армянскаго, грузинскаго, французскаго и съ объясненіями и каждый томъ украшенъ нѣсколькими портретами главнѣйшихъ дѣятелей на Кавказѣ: военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ. Есть портреты и наиболѣе замѣчательныхъ кавказскихъ женщинъ.

Начиная съ VI-го тома, въ предисловіяхъ къ актамъ, приведенъ весьма обстоятельный и обширный по числу лицъ біографическій словарь кавказскихъ дѣятелей. Выборъ актовъ сдѣланъ замѣчательно хорошо; здѣсь, дѣйствительно, приведены самые существенные документы, имѣющіе значеніе для исторіи Кавказа. Въ этомъ собраніи нѣтъ мѣста различнымъ проектамъ и предположеніямъ, почему либо неосуществившимся, нѣтъ мѣста перепискѣ второ-степеннаго значенія, съ другой стороны нѣтъ и перепечатокъ такихъ актовъ, по отношенію къ Кавказу, которыя можно отыскать въ полн. собр. законовъ; редакторъ Актовъ ограничился ссылкой на нихъ вполнѣ обстоятельно; повторяемъ, все документы, помѣщенные въ собраніи актовъ, изданныхъ Ад. П. Берже, безъ изыятія имѣютъ весьма существенное значеніе и большой интересъ для исторіи Кавказа.

Тщательность изданія и изящество его выполненія, прямо сказать, необыкновенныя. Надо и то замѣтить, что высшее начальство Кавказа, постоянно, въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, оказывало самое полное содѣйствіе уважаемому изслѣдователю; оно предоставило ему обширныя матеріальныя средства для изданія и для выполненія его съ полнѣйшею роскошью и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—и это самое важное,—оказало Ад. П. Берже полное довѣріе, освободивъ все редактируемое имъ собраніе актовъ отъ какого либо цензурнаго просмотра.

Двѣнадцатый выпускъ актовъ, объемлющій послѣднее десятилѣтіе въ исторіи Кавказа до окончательнаго его покоренія, а именно

1855—1864 гг., былъ совершенно приготовленъ Берже къ печати, но онъ уже выйдетъ послѣ его столь преждевременной и неожиданной кончины.

« Акты кавказской археографической комиссиі », — комиссиі, кстати замѣтить, заключавшейся почти въ единомъ ея предсѣдателѣ, Берже, — навсегда останутся не только самымъ главнымъ и неизсякаемымъ источникомъ свѣдѣній для исторіи Кавказа, но положительно образцемъ для подобнаго рода изданій.

И какъ любилъ свое дѣло Адольфъ Петровичъ! Съ какимъ наслажденіемъ передавалъ онъ всѣ подробности о своемъ трудѣ, о своихъ заботахъ по печатанію актовъ, по исполненію художественныхъ къ нему приложеній (виньетки, заставки, заглавные листы, портреты и проч.). Къ обязанностямъ редактора онъ относился съ такою добросовѣстностію, что на время печатанія новаго тома актовъ онъ весь, такъ сказать, уходилъ въ свой трудъ, забывалъ все и всѣхъ и почти не оставлялъ своего кабинета до тѣхъ поръ, пока не подписывалъ къ печати послѣдняго листа громаднѣйшаго тома своего изданія. Только промежутки между окончаніемъ печатанія одного тома и приступомъ къ другому Адольфъ Петровичъ посвящалъ другимъ работамъ, и тутъ-то дѣлалъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ сообщеній на страницы «Русской Старины».

Онъ началъ принимать участіе въ „Русской Старинѣ“ съ 1872 года, которой и сообщалъ отдѣльныя монографіи изъ исторіи русскаго владычества на Кавказѣ въ періодъ времени съ 1801 по 1856 годъ. Изъ такихъ сообщеній (списокъ ихъ помѣщаемъ здѣсь) обращаютъ на себя особое вниманіе: 1) Смерть А. С. Грибоѣдова, 2) Посольство А. П. Ермолова въ Персію, 3) Самсонъ Яковлевъ Макинцевъ и Русскіе бѣглецы въ Персію, 4) Присоединеніе Грузіи къ Россіи, очеркъ изъ обширнаго историческаго изслѣдованія Ад. П. Берже, 5) Н. Н. Муравьевъ во время намѣстничества на Кавказѣ (1855—1856) и нѣкоторыя другія.

Приводимъ перечень монографій, очерковъ, замѣтокъ и переводовъ, сообщенныхъ Ад. П. Берже на страницахъ нашего изданія «Русская Старина». Вотъ они:

Завоеваніе Россіи въ Гилинѣ. 1722 г., переводъ съ персидскаго. „Русск. Стар.“ 1831 г., т. XXXII.

Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г. „Русск. Стар.“ 1883 г., т. XXXVII.

Графъ Войновичъ въ Персію въ 1781 г., рассказъ. Переводъ съ персидскаго. „Русск. Старина“, изд. 1881 г., т. XXXII, стр. 450—452.

Присоединеніе Грузіи къ Россіи, 1799—1831 гг. Историческое изслѣ-

дованіе Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1880 г., томъ XXVIII, стр. 1—34, 159—178, 363—384.

Посольство Алексѣя Петровича Ермолова въ Персію въ 1817 г. Историческій очеркъ. Статья Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1877 г., томъ XIX, стр. 255—274, 389—427.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и его кебинныя жены на Кавказѣ, 1816—1827 гг. Очеркъ. Ад. П. Берже. 1884 г., „Р. Ст.“ т. XLIII, стр. 523 и слѣд.

А. П. Ермоловъ: письма его къ князю Василю Осиповичу Бебутову, 1835—1857 гг. и къ гр. Воронцову, 1816—1852 гг. „Русск. Стар.“ 1872 г., томъ V и 1885 г., т. XLVIII.

Извѣстія о землянкѣ Ермолова въ крѣпости Грозной. „Русск. Стар.“ 1873 г., томъ VIII, стр. 999.

Молитва для мусульманъ на Кавказѣ, составилъ въ 1820 г. А. П. Ермоловъ. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1881 г., т. XXXII, стр. 454.

Нина Александровна Грибоѣдова, 1812—1857 гг. Очеркъ къ ея портрету. Состав. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ [1883] г., томъ XXXVIII, стр. 659 и слѣд.

Дѣятельность Александра Сергѣевича Грибоѣдова какъ дипломата, 1827—1829 гг. Историч. очеркъ ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1874 г., томъ XI, стр. 516—534, 746—765; изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 727—758.

Смерть А. С. Грибоѣдова, 1829 г. Изслѣдованіе по подлиннымъ неизданнымъ документамъ. Состав. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1872 г., томъ VI, стр. 163—207.

Самсонъ Яковлевъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію, 1806—1853 гг. Историко-біографическій очеркъ. Сост. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1876 г., томъ XV, стр. 770—804 и томъ XXII, стр. 402.

Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 г. Очеркъ Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1884 г., томъ XLIII, стр. 377—398.

Защита Михайловскаго укрѣпленія на Кавказѣ 22-го марта 1840 г. Очеркъ Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1877 г., томъ XIX, стр. 275 и слѣд.

Хосров-мираза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг. Историко-біографическій очеркъ Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1879 г., томъ XXV, стр. 333—351, 401—414.

Кн. Мих. Семенов. Воронцовъ: письма его къ кн. Вас. Осипов. Бебутову, 1846—1853 гг. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1873 г., томъ VII, стр. 103—108, 254—261, 691—698; 1886 г. т. XLVIII, стр. 216.

Николай Николаевичъ Муравьевъ во время его намѣстничества на Кавказѣ, 1854—1856 гг. Историч. очеркъ Ад. П. Берже, съ приложеніемъ писемъ Н. Н. Муравьева къ кн. В. О. Бебутову. „Русск. Стар.“ 1873 г., томъ VIII, стр. 599—630.

Исторія Россіи, изложенная персіянномъ. Перев. съ персидскаго Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1879 г., томъ XXIV, стр. 163 и слѣд.

Письма Шамиля и его женъ къ кн. А. И. Барятинскому, 1859—1871 гг., съ примѣчаніями Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1880 г., томъ XXVII, стр. 805—812.

Кавказское острословіе. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1874 г., томъ XI, стр. 778.

Записка императора Александра II о Кавказѣ, 1860 г. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1882 г., томъ XXXVI, стр. 283—285.

Выселеніе горцевъ съ Кавказа. Историческій очеркъ Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1882 г., томъ XXXIII, стр. 161—176, 337—363; томъ XXXVI, стр. 1—32.

Командиры кавказской арміи въ ихъ приказахъ, 1802—1821 гг. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1876 г., томъ XVII, стр. 630 и проч.; 1886 г., томъ I, май.

Памятникъ в. кн. Дмитрію Ивановичу Довскому на Куликовомъ полѣ. Переписка, касающаяся до сооруженія этого памятника въ 1824—1825 гг. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1880 г., томъ XXIX, стр. 437 и слѣдующ.

Письма гр. И. Ѳ. Паскевича къ в. кн. Михаилу Павловичу, 1827 г. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1876 г., томъ XVII, стр. 858.

Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій) въ Пятигорскѣ въ 1835 г. Біографическая замѣтка. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1880 г., томъ XXIX, стр. 417—422.

Восточная поэма на смерть А. С. Пушкина, соч. Мирзы-Фехт-Али. Перев. А. А. Бестужевъ (Марлинскій) въ 1837 г. Сообщ. Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1874 г., томъ XI, стр. 76—79.

Николай Петровичъ Колюбакинъ, 1810—1868 гг.: его переписка и статьи о Кавказѣ, 1855 г. Сообщ. съ предисловіемъ Ад. П. Берже. „Русск. Стар.“ 1876 г., томъ XVII, стр. 317—342.

О каждомъ томѣ монументальнаго труда Адольфа Петровича Берже: „Акты Кавказ. Археогр. Комиссіи“ мы помѣщали въ „Русской Старинѣ“ отзывы; при одной изъ этихъ статей нами приведенъ перечень главнѣйшихъ трудовъ этого ученаго, историка и ориенталиста (см. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXII, стр. 449).}

Напомнимъ здѣсь, что «Акты Археогр. Комиссіи» печатались всего лишь въ 250 экземплярахъ. Цѣна каждаго тома 25 руб. Советуемъ любителямъ отечественной исторіи, властвующимъ болѣе или менѣе значительными бібліотеками, а также университетамъ и вообще высшимъ учебнымъ учрежденіямъ поспѣшить присобрѣтеніемъ роскошнаго изданія «Актовъ»,

такъ какъ первые томы этого собранія имѣются уже въ маломъ числѣ экземпляровъ ¹⁾).

III.

Мы обозрѣли ученую дѣятельность Адольфа Петровича. Скажемъ нѣсколько словъ о нравственной личности этого человѣка.

Адольфъ Петровичъ Берже, при обширномъ и многостороннемъ образованіи, неистощимомъ остроуміи, отличался въ высшей степени добрымъ, веселымъ и общительнымъ характеромъ. Всюду, гдѣ только Ад. П. имѣлъ знакомыхъ, онъ вызывалъ къ себѣ чувство полнѣйшаго уваженія и искренней къ нему привязанности.

Человѣкъ, какъ мы уже сказали, весьма обширнаго и разно-сторонняго образованія, онъ былъ въ высшей степени простъ въ своихъ отношеніяхъ и, по самой натурѣ своей чрезвычайно мягкій, умѣлъ сойтись съ людьми самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и умственного развитія. Разказы его, преимущественно изъ кавказской хроники, отличались присущимъ ему остроуміемъ. Память его, опять таки въ области исторіи Кавказа, была весьма обширна. Это былъ неистощимый собесѣдникъ и самый дорогой гость во всѣхъ кружкахъ, его знавшихъ. Не можемъ не вспомнить, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ знаменитый писатель нашъ А. Н. Островскій, рассказывая намъ о недавнемъ пребываніи своемъ на Кавказѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ и прежде всего вспомнилъ о знакомствѣ, сдѣланномъ имъ въ Тифлисѣ съ Адольфомъ Петровичемъ Берже.

— «Этотъ человѣкъ,—сказалъ Островскій,—замѣчательно остроумный и весьма образованный; это незамѣнимый собесѣдникъ и первое лицо на Кавказѣ по своему обширному знакомству съ этимъ краемъ».

Мы потеряли въ Ад. П. Берже не только незамѣнимаго для насъ сотрудника въ трудахъ нашихъ по изданію «Русской Старины», но мы потеряли въ немъ горячо любимаго друга. Намъ восхищали въ немъ не только беззавѣтная любовь къ наукѣ, не только его обширный умъ и дарованіе, какъ писателя, но прежде всего благородство и честность его натуры. Мы не слышали отъ него ни одного дурнаго слова въ его отзывахъ о людяхъ, за исклю-

¹⁾ Съ требованіями должно обращаться въ Тифлисѣ, въ Археогрѣическую Комиссію.

ченіемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда его приговоры и характеристика подкрѣплялись несомнѣнными фактами. Въ послѣдніе годы своей жизни Адольфъ Петровичъ былъ глубоко тронутъ благосклонностью къ нему одного изъ высокостоящихъ лицъ, молодого, весьма просвѣщеннаго человѣка, искренно не только любящаго науку, но и усердно для нея трудящагося. Берже съ удовольствіемъ рассказывалъ намъ объ этомъ, но относился и въ этомъ случаѣ къ дѣлу просто, какъ бы онъ говорилъ и объ отношеніяхъ своихъ къ другимъ лицамъ.

2-го января 1886 г. Адольфъ Петровичъ простился съ нами; 10-го января пріѣхалъ въ Тифлисъ. 20-го января писалъ намъ оттуда, причемъ рассказывалъ въ письмѣ о томъ, что онъ приступаетъ къ печатанію послѣдняго тома актовъ и къ составленію своихъ обширныхъ записокъ за весь періодъ 35-ти лѣтняго своего пребыванія на Кавказѣ. Эти записки, общающія быть крайне интересными, онъ желалъ посвятить вышеупомянутому лицу, котораго сердечно любилъ и уважалъ, и готовился напечатать ихъ не иначе какъ въ «Русской Старинѣ».

Вотъ нѣсколько строкъ изъ предсмертнаго письма къ намъ Ад. П. Берже:

„Тифлисъ, 20-го января 1886 г.

«Вотъ я и въ Тифлисъ, куда возвратился 10-го января. Путешествіе совершилъ благополучно и встрѣченъ пріятелями восторженно. Итакъ, глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, насъ опять раздѣляютъ тысячи верстъ.

«Я произведенъ въ тайные совѣтники. Первое извѣстіе объ этомъ получилъ отъ Е. И. В. великой княгини Ольги Ѳеодоровны, затѣмъ поздравительныя телеграммы отъ его высочества Николая Михайловича, князя Дондукова, барона Николаи и генерала Шепелева.

«Я принялся за послѣдній томъ («Актовъ»), а также за воспоминанія о Кавказѣ и Перси.

«Работы предстоитъ много—но я ея не боюсь.

«Посылаю вамъ общанный портретъ кн. Бебутова.

«..... Васъ крѣпко, крѣпко обнимаю.

«Вашъ на вѣки Ад. Берже».

Десять дней спустя высоко-достойный представитель науки на Кавказѣ лежалъ уже на одрѣ смерти, 31-го января его не стало.

Миръ праху твоему, достойный гражданинъ земли русской! Ты послужилъ своему отечеству съ честью, оставивъ по себѣ не только память, какъ о достойномъ человѣкѣ, но и завѣщавъ Россіи свой монументальный многолѣтній трудъ, который ляжетъ основаніемъ всей исторіи одной изъ роскошнѣйшихъ и интереснѣйшихъ странъ, входящихъ въ составъ нашего отечества.

Въ лѣтописяхъ Кавказа имя Адольфа Петровича Берже останется неизгладимымъ, а въ сердцахъ друзей его и почитателей оно пребудетъ незабвеннымъ.

Мих. Семеvскій.

1-го февраля 1886 г.
С.-Петербургъ.

IV.

Похороны Адольфа Петровича Берже ¹⁾.

Съ 8½ часовъ утра 3-го февраля, Лабораторная улица въ Тифлисъ, гдѣ жилъ покойный предсѣдатель кавказской археографической комиссіи стала наполняться народомъ всѣхъ слоевъ общества, всѣхъ сословій и національностей. Видно было, что хоронятъ не простого, обыкновеннаго человѣка, а общественаго дѣятеля, человѣка популярнаго, оставившаго по себѣ видный слѣдъ и добрую память. Фазтонъ подъѣзжалъ за фазтономъ къ подъѣзду трехъ-этажнаго дома, въ которомъ почившій занималъ квартиру въ 3-мъ этажѣ. Многие, зная, что при выносѣ будетъ страшная тѣснота, спѣшили заранее сказать послѣднее „прости“ труженику, такъ безвременно оставившему насъ. А въ это время въ небольшой комнатѣ, посрединѣ ея, стоялъ роскошный гробъ, въ которомъ почивалъ безмятежнымъ сномъ смерти Адольфъ Петровичъ. Улыбка на устахъ и кроткое выраженіе на лицѣ доказывали, что покойный разстался съ жизнью безъ страданій и мукъ. „Полно, умеръ-ли онъ, не летарія-ли это“, спрашивали и сомнѣвались многія изъ дамъ, — такъ безмятежно лежалъ онъ въ гробу, словно живой. Пришлось ихъ успокоить удостовѣреніемъ пришедшаго сказать

¹⁾ Газета „Кавказъ“ 1886 г., № 32.

почившему послѣднее „прости“ врача, который, увы, констатировалъ непре-
каемость совершившагося факта.

Въ 9 часовъ прибылъ въ квартиру покойнаго высокопреосвященный экзархъ Грузіи, чтобы проститься съ человѣкомъ, котораго онъ отъ души любилъ и глу-
боко уважалъ какъ за его прекрасныя внутреннія качества души, такъ и за
заслуги наукъ. Послѣ горячей молитвы за усопшаго, владыка оставилъ квар-
тиру почившаго, видимо потрясенный безвременною потерей. Еще до этого было
совершенно возложеніе вѣнковъ на гробъ покойнаго. Самый роскошный изъ нихъ
былъ вѣнокъ, возложенный постояннымъ членомъ комиссіи Д. А. Кобыковымъ
по порученію и отъ имени его высочества великаго князя Николая Михаило-
вича, особымъ расположеніемъ и вниманіемъ котораго всегда пользовался по-
чившій. Затѣмъ слѣдовали вѣнки отъ лицъ и учреждений, находившихся въ
непосредственной связи съ дѣятельностью покойнаго и представители кото-
рыхъ были его лучшими друзьями или почитателями, а именно: 1) отъ кав-
казской археографической комиссіи, предсѣдателемъ которой покойный состоялъ,
со дня ея основанія, въ теченіи 22-хъ лѣтъ; 2) отъ кавказскаго музея и
публичной библіотеки, предсѣдатель которыхъ, Г. И. Радде, былъ всегда луч-
шимъ другомъ почившаго; 3) отъ типографіи при канцеляріи главноуправляю-
щаго; 4) отъ мусульманскихъ духовныхъ правленій; 5) отъ мусульманскихъ
училищъ, попечителемъ которыхъ состоялъ покойный; 6) отъ переплетнаго за-
веденія Зиберта; 7) отъ литографіи Дюстердика; 8) отъ друзей, и 9) еще
нѣсколько вѣнковъ отъ неизвѣстныхъ лицъ.

Въ 9¹/₂ часовъ начался обрядъ послѣдняго напутствія, совершенный мѣст-
нымъ лютеранскимъ пасторомъ Гюземаномъ на русскомъ языкѣ, который онъ
владѣетъ почти въ совершенствѣ. Въ 10 часовъ гробъ былъ поставленъ на
катафалкъ, и процессія двинулась медленно и въ стройномъ порядкѣ, пред-
шествуемая орденами покойнаго и вѣнками, по направленію къ лютеранской
церкви, на Солдатскомъ базарѣ. Гробъ сопровождали почти всѣ сослуживцы
почившаго, а въ томъ числѣ и директоръ канцеляріи главноначальствующаго,
д. с. с. Рогге. Къ процессіи примкнули и многіе представители другихъ вѣ-
домствъ, а затѣмъ многочисленные друзья почившаго, видимо, выказывавшіе
глубокій слѣдъ искреннаго, неподдѣльнаго горя. Въ числѣ присутствовавшихъ
мы видѣли и всѣхъ представителей мѣстныхъ мусульманъ съ ихъ духовными
правлениями, имѣя во главѣ Закавказскаго муфтія. Шейхъ-уль-исламъ отсут-
ствовалъ за болѣзнь. За гробомъ шли также ученики мусульманскихъ училищъ.

Но вотъ кончилась и проповѣдь въ церкви, процессія двинулась дальше —
къ послѣднему мѣсту вѣчнаго покоя. Въ 11¹/₂ часовъ гробъ достигъ предна-
значенной ему могилы. Вотъ и конечный актъ совершенъ: гробъ спущенъ въ
зіяющую пропасть, пасторъ произнесъ послѣднее напутствіе; счеты съ жизнью
окончены. Свершилось,—застучала первая горсть земли, брошенная въ могилу.
Тогда ближайшій сотрудникъ покойнаго за послѣднее время, постоянный членъ

комисси, Д. А. Кобяковъ, испросилъ позволеніе сказать послѣднее „прости“ усопшему. Воцарилось молчаніе, толпа друзей почившаго окружила могилу. Вотъ, приблизительно, что онъ прознесъ:

— „Передъ нами свѣжая могила скоропостижно и безвременно почившаго Адольфа Петровича. На мою долю выпала печальная, но въ то-же время почетная обязанность сказать на этой могилѣ послѣднее „прости“ усопшему. Характеристика почившаго будетъ коротка и назидательна. Какъ человѣкъ вообще—онъ былъ идеально честенъ, какъ человѣкъ науки и дѣла—онъ былъ неутомимый труженикъ. Про него можно смѣло сказать, что онъ былъ другъ челоѣчества, а потому и не имѣлъ враговъ; у него могли быть завистники, но отнюдь не враги. Тѣ-же, кому выпадало на долю узнать его близко, опѣнить его внутреннія душевныя качества, тѣ дѣлались его друзьями—друзьями навсегда. Не счастье этихъ друзей, въ особенности на Кавказѣ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь. Житель далекаго сѣвера, онъ былъ заброшенъ судьбою на югъ и полюбилъ этотъ югъ до глубины своей чуткой, воспримчивой души. Онъ сроднился съ Кавказомъ, съ его дикою горною природою, съ его роскошными долинами, съ его прекрасными обитателями. Изученію Кавказа онъ посвятилъ всю свою жизнь, и врядъ-ли кто-либо другой лучше его зналъ этотъ дорогой край, будущность котораго такъ много общаетъ.

„Онъ не былъ крупнымъ, выдающимся администраторомъ, не былъ героемъ въ бояхъ,—дѣятельность его протекла въ тиши кабинетнаго труда, но, тѣмъ не менѣе, она оставила по себѣ неизгладимый слѣдъ.

„Высокое офиціальное положеніе, которое занималъ почившій, достигнуто имъ не искательствомъ, но дѣйствительными заслугами; равнодушный къ внѣшнимъ знакамъ отличія, онъ не добивался ихъ и не кичился ими. Онъ не искалъ славы, но, тѣмъ не менѣе, нашелъ ее,—и нашелъ вполне заслуженно.

„Не оставилъ почившій золота и богатствъ своимъ наследникамъ, но за то оставилъ честное имя и добрую благодарную память среди друзей и цѣнителей. Бѣднакомъ онъ прибылъ на Кавказъ, бѣднакомъ и оставилъ земную юдоль, и тѣмъ возвышеннѣе предстаетъ предъ нами образъ его. Другъ всѣхъ, онъ не былъ другомъ самого себя и часто отказывался отъ того, что принадлежало ему по праву, въ пользу другихъ. И все это онъ совершалъ скромно, не хвалясь, а, напротивъ, скрывая.

„Почившаго одинаково любили во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ національностяхъ. Туземцы цѣнили въ немъ прямоту характера, честность убѣжденій. Его ученые труды правильно, безпристрастно разъяснили и освѣтили на одну страницу изъ прошлаго разноплеменныхъ народовъ, населяющихъ Кавказъ. Онъ имѣлъ друзей и цѣнителей и среди мусульманъ, объ интересахъ которыхъ неутомимо заботился по своимъ офиціальнымъ обязанностямъ.

„Не стану перечислять его многочисленныхъ трудовъ по кавказовѣдѣнію,—

это завело-бы меня слишкомъ далеко, а укажу лишь на капитальнѣйшій его трудъ—„Акты Археографической Комисси“, составленію и изданію которыхъ онъ посвятилъ цѣлыхъ 22 года. Онъ извлекъ изъ пыльныхъ архивовъ жизненные факты, онъ умѣлою рукою сгруппировалъ и освѣтилъ ихъ. Изданіе этихъ „Актовъ“ стоило почившему неизмѣрныхъ трудовъ, которые далеко не всякому понятны. Хотя и поражаешься невольно при взглядѣ на каждый изъ объемистыхъ томовъ громадною работою, но нужно знать, сколько усилий надо было преодолѣть, чтобы выпустить въ свѣтъ извѣстный томъ, извѣстную эпоху. Для каждаго тома надо было пересмотрѣть и перечитать десятки тысячъ дѣлъ, изъ которыхъ многія занимали собою сотни, а иногда и тысячи листовъ старинной неразборчивой рукописи, и извлечь изъ нихъ краткую суть, чтобы охарактеризовать эпоху, пролить на нее надлежащій свѣтъ. И все это дѣлалось почившимъ съ тою добросовѣстностью, которая была присуща его характеру. 11 объемистыхъ книгъ—результатъ его трудовъ. Длинная эпоха болѣе чѣмъ пятидесятилѣтней дѣятельности русскаго правительства на Кавказѣ—освѣтилась настоящимъ свѣтомъ и останется для потомства и науки драгоценнымъ вкладомъ. Акты—лучшій и достойнѣйшій памятникъ дѣятельности почившаго, и остается только жалѣть, что Богу не угодно было допустить покойнаго вполне завершить дѣло, конецъ котораго былъ такъ близокъ. Еще годъ съ небольшимъ, и „Акты“ были-бы доведены до 1864 года, т. е. до періода полного умиротворенія края и начала введенія гражданственности въ немъ.

„Когда умираетъ человѣкъ съ такимъ именемъ, какое имѣлъ почившій Адольфъ Петровичъ, на остающихся лежатъ важныя обязанности. Въ виду свѣжей могилы, которую мы теперь окружаемъ, кидая въ нее горсти сырой земли, я и считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ обязанностяхъ, исполненіе которыхъ докажетъ, что мы помнимъ его заслуги, что мы оцѣнили его значеніе какъ для настоящаго, такъ и для потомства. У почившаго осталась семья, осталось двое дѣтей, которыхъ онъ любилъ безъ мѣры. Къ нимъ стремились всѣ его желанія, для нихъ онъ жилъ, о нихъ онъ думалъ и заботился дни и ночи, о нихъ онъ ежедневно, ежечасно говорилъ съ своими друзьями. Дѣти эти воспитываются на далекомъ сѣверѣ, въ холодномъ Петербургѣ. Чтобы дать имъ лучшее воспитаніе, онъ оторвалъ ихъ отъ привольнаго юга, рѣшился разстаться съ ними, надѣясь, что тамъ они легче и тверже стануть на ноги. Почившій не жалѣлъ средствъ, добываемыхъ тяжелымъ трудомъ, онъ себя во многомъ отказывалъ,—лишь-бы имъ было хорошо¹⁾. Теперь эти средства оскудѣютъ. Не почувствуютъ-ли дѣти почившаго этого

¹⁾ Покойный Адольфъ Петровичъ оставилъ двухъ дѣтей: дочь—Евгенію, 10-ти лѣтъ, нынѣ находящуюся въ Спб., въ Смольномъ монастырѣ, на Николаев-

оскудѣнія; не отразится-ли оно на ихъ воспитаніи,—вотъ вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго можно было-бы призадуматься и надъ которомъ покойный въ послѣднее время неоднократно, дѣйствительно, и призадумывался въ разговорахъ съ друзьями, какъ-бы предчувствуя близкую кончину. Судьбѣ угодно было, чтобы я принялъ послѣдній вздохъ почившаго. Хотя онъ во все время своей краткой болѣзни былъ въ забытьи, но заключительныя минуты его жизни ознаменовались возвращеніемъ сознанія. Рѣчи ему, правда, Господь не вернулъ,—силы ему измѣнились, но въ предсмертномъ его взглядѣ,—кроткомъ и молящемъ,—я не могъ не прочесть надежды, что дѣти его не будутъ оставлены и что они, совершенно согласно его предположеніямъ, получатъ, несмотря на его кончину, лучший даръ въ жизни—воспитаніе и образованіе. Обязанность поддерживать семью почившаго лежить, правда, и на обществѣ, но его, несомнѣнно, до этого не допускать. Есть власть выше и компетентнѣе общества, и не моей слабой рѣчи указывать этой власти на то, что ею, конечно, будетъ исполнено безъ всякихъ указаній. Заслуги покойнаго настолько извѣстны, насколько велики, что я съ смѣлымъ сердцемъ обхожу этотъ вопросъ и перехожу прямо ко второй обязанности, лежащей на его многочисленныхъ друзьяхъ.

Пусть не заростетъ тропа на эту свѣжую нынѣ могилу, пусть и на ней воздвигнется неизгладимый слѣдъ, подобный тому, который оставилъ по себѣ почившій. Пусть ее украситъ достойный вещественный памятникъ, который будетъ во-очію напоминать намъ о человѣкѣ, такъ много потрудившемся и такъ много сдѣлавшемъ полезнаго на землѣ. Мы будемъ приходить къ этому памятнику и учиться какъ жить и дѣйствовать, чтобы заслужить такую же общую любовь, какою пользовался почившій. Я увѣренъ, что родные покойнаго не воспротивятся этому, не будутъ оспаривать права общества на его могилу, которая одинаково принадлежитъ имъ и намъ: имъ — какъ могила родного, намъ — какъ могила общественного дѣятеля. Я буду счастливъ, если мнѣ удастся привести въ исполненіе эту мысль, а что она будетъ исполнена—въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія: его многочисленные друзья мнѣ въ томъ порукой.

„Миръ праху твоему, честный русскій гражданинъ и неутомимый труженникъ, такъ сильно любившій Кавказъ и такъ много ему послужившій!“

Рѣчь эта была выслушана съ полнымъ вниманіемъ и при гробовомъ мол-

ской половинѣ, и сына Владимира, 9-ти лѣтъ, въ Спб., въ школѣ при Анненской киркѣ. Дѣти весьма развитыя и въ высшей степени симпатичныя. За воспитаніе сына покойный платилъ до 600 р. въ годъ. Дочь — стипендіатка Государыни Императрицы.

чаніи многочисленными друзьями почившаго, окружавшими тѣсною и дружною стѣною свѣжую могилу усопшаго. Многіе плакали. Знакомые и незнакомые наперерывъ подходили къ говорившему и горячо заявляли, что глубоко сочувствуютъ всему сказанному имъ и присоединяются къ его пожеланіямъ.

Отъ Редакціи „Русской Старины“. Глубоко сочувствуя предложенію Д. А. Кобякова, съ которымъ онъ обратился къ друзьямъ и почитателямъ Ад. П. Берже о сооруженіи на общія ихъ средства памятника на могилѣ этого дорогаго всѣмъ намъ человѣка — мы поспѣшили препроводить на имя г. Кобякова (17-го февраля 1886 г.) — сто руб. въ фондъ на сооруженіе означеннаго памятника.

М. С.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ АКСАКОВЪ.

Род. 26-го сентября 1823 г., † 27-го января 1886 г. ¹⁾.

Событія все болѣе и болѣе усложняются, въ двери стучится роковой „историческій день“ съ его запросомъ на живыя, твердыя силы, „гроза близится“, какъ выразился въ своей самой послѣдней печатной строкѣ покойный.

А люди уходятъ, все лучшіе люди!

Содрогнется же ли, наконецъ, наше вѣтренное племя?

Мы дружно проводили въ могилу Аксакова, проводили именно дружно— съ забвеніемъ, повидимому, всякихъ старыхъ счетовъ, съ подавленіемъ всякаго духа партіи. Но насъ начинаетъ уже разбирать раздумье. Не слишкомъ ли много мы выказали и высказали относительно покойнаго, не пора ли поудержатъ свой пылъ, протрезвиться въ своемъ увлеченіи? Но тѣ, которые задаются такими вопросами, знаютъ ли они хорошенько Аксакова? Много ли они прочитали его статей и многое ли изъ нихъ запомнили? Самъ покойный замѣтилъ какъ-то разъ въ своемъ „Днѣ“, что у насъ слѣдовало бы вторично печатать однѣ и тѣ-же передовыя статьи года два спустя послѣ ихъ появленія. Дай-то Богъ, чтобъ мысль объ отдѣльномъ изданіи всѣхъ его передовыхъ статей была поскорѣе приведена въ исполненіе. Такое изданіе могло бы послужить для нашего общества самою лучшею школою общественной доблести.

А трудно было Аксакову, ему, какъ и старшимъ, ранѣе его умершимъ сподвижникамъ, выработывать въ себѣ эту доблесть. Пороку тяжелаго

¹⁾ Настоящій очеркъ читанъ проф. О. Э. Миллеромъ въ торжественномъ собраніи Славянекаго общества, въ Спб., 14 февраля 1886 г.

испытанія была для нихъ самая зряя жизни. Вотъ какъ вспоминалъ о ней Иванъ Сергѣевичъ въ передовой статьѣ „Дня“ 1-го января 1862 г. „Одинокко нарождалась мысль, созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, безъ осуществленія, безъ дѣла, безъ приложенія къ жизни. Казалось, въ непробудный сонъ были погружены и народъ, и общество, и ничто не могло вызвать Руси изъ этого томительнаго застоя! Хотъ бы движеніе, хотъ бы звукъ живаго вольнаго слова!.. Да, помнимъ мы эти печальные годы, когда не знали мы куда дѣвать ненужный праздный избытокъ силъ, и проклинали молодость, какъ тягостное бремя!“

Мысль ихъ созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, потому что ей, какъ и всякой другой сильной мысли, нельзя было высказываться открыто и открыто вести борьбу съ противною мыслью. Имъ нельзя было выяснять и отстаивать настоящій смыслъ тѣхъ словъ своего исповѣданія, которыя громко раздавались надъ ихъ головой, но опозоренныя и опошленныя. Нельзя было нападать на противниковъ, остававшихся, искренно или притворно, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ такой профанаціи,—нельзя было уже потому, что имъ было такъ удобно ссылаться на свою безотвѣтность и безоружность. Вотъ въ эту-то пору и вылились изъ пылкой, наболѣвшей души И. С. Аксакова стихи, которымъ можно было появиться въ печати только десять лѣтъ спустя:

Пусть сгинетъ все, къ чему сурово
 Такъ долго духъ готовленъ былъ:
 Трудилась мысль, дерзало слово,
 Въ запасѣ много было силъ...
 Слабѣйте силы! вы не нужны!
 Засни ты духъ! давно пора!
 Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
 Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
 Безплоденъ слова даръ живой,
 Безсиленъ подвигъ обличенья,
 Безуменъ всякій честный бой!
 Безумна честная отвага
 Правдивой юности—и съ ней
 Безумны всѣ желанья благъ,
 Святныя бредни юныхъ дней.

Такъ сокрушишь души гордыня,
 Въ борьбѣ неравной ты надешь:
 Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
 Царить бессмысленная ложь!
 Она страшнѣй враговъ опасныхъ,

Сильна не вѣшней бѣдой,
 Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
 Въ борьбѣ тупой, пустой, нѣмой!

Ликуй же, ложь! и насъ безумцевъ
 Урокомъ горькимъ испытуй,
 Гони со свѣта вольнодумцевъ,
 Казни, пари и торжествуй!
 Слабѣйте жъ силы! вы не нужны!
 Засни ты духъ! давно пора!
 Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
 Во имя правды и добра!

(„Русская Бесѣда“ 1859 г., кн. 6).

Но такая нота отчаянія, никогда еще, можетъ быть, не звучавшая у насъ такъ сильно, не могла оставаться постоянно господствующей нотой въ поэзіи Аксакова.

Въ немъ было слишкомъ много бодрой силы и онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что должна же, наконецъ, наступить пора, когда сдѣлается возможною открытая борьба съ ложью... Общее и господствующее впечатлѣніе его поэзіи оставалось закаляющимъ нравственныя силы въ горнилѣ терпѣнія и выносливости. Не даромъ онъ говорилъ про себя въ 1850 году:

. понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
 Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
 Пора прошла,—и намъ въ замѣну ихъ
 Борьбы глухой достался подвигъ скучный.
 Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
 И юности лукавыя порывы
 Опасны намъ—затѣжь, что всѣ они
 Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!
 Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
 Стараеть въ немъ порыва скрытый пламень;
 Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
 Онъ точить дубъ... Долбить и капля камень.
 Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
 Лишень ты всей отрады упоенья;
 И дерево я на сердце наложилъ
 Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья...

(„Русская Бесѣда“ 1856 г.).

Вокругъ себя, между тѣмъ, замѣчалъ онъ не мало людей, которые только ссылались на трудности борьбы, на невозможность настоящаго жизненнаго дѣла,

людей, только извинявшихъ всѣмъ этимъ свою собственную лѣнь и дряблость. Вотъ какую отвѣдь прочиталъ имъ Аксаковъ еще въ 1847 г.:

(„Московскій Сборникъ“).

Смотри! толпа людей нахмурившись стоятъ:
 Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
 Какимъ страданіемъ томияся неизвѣстнымъ,
 Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
 Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
 О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
 И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
 Всему сочувствовать умѣя благородно!
 Ужели пламя ихъ добра не принесетъ?
 Досада тайная подчасъ меня беретъ,
 И хочется мнѣ имъ, взаимѣнъ досужей скуки,
 Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
 И толки прекративъ объ участи людской,
 Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой!

Но вотъ, наконецъ, прошла та пора, на которую жаловались и эти люди фразы, тогда какъ для нихъ она скорѣе была удобною, и именно съ прекращеніемъ ея и должна была оказаться вся ихъ негодность. Съ воцареніемъ государя Александра Николаевича наступила, наконецъ, пора, когда настоящимъ притаившимся только силамъ стало возможнымъ дѣйствовать на просторѣ... Прежде всего стало явнымъ и несомнѣннымъ, что правительство не желаетъ болѣе слушаться мудрости Екатерининскаго „Наказа“, утверждавшаго со словъ Монтескье, будто «не слѣдуетъ вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ». Въ 1857 г. уже открыто сказалась воля покойнаго государя порѣшить, наконецъ, не внимая никакимъ застраиваніямъ и воспользовавшись своею самодержавною властью, съ ровнымъ крестьянскимъ вопросомъ. И вотъ И. С. Аксакову можно было привѣтствовать наступающій 1858 годъ извѣстными стихами:

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
 Долгой ночи скрылась тѣнь,
 Новой жизни трепетъ слышенъ,
 Чѣмъ-то вѣщимъ смотреть день.
 Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
 Бодрой свѣжести полна,
 Вышла съ Богомъ на работу
 Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
 Блещетъ утро на землѣ;

На душѣ свѣтло и ясно
 И не помнится о злѣ,
 Объ истекшихъ дняхъ страданья,
 О потратѣ многихъ силъ
 Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
 Въ безвременности могиль...

Пусть почиютъ мирно гробы
 Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ.
 Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
 Ни вражды, ни мести нѣтъ.
 Все простить онъ безъ расчета,
 Устоявшій въ дни тревогъ,
 Онъ, чей духъ годину гнета
 Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
 Пѣсню радости поетъ:
 Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
 Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнеть.
 Людямъ миръ, благословенье;
 Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
 Дню вчерашнему забвенью,
 Дню грядущему привѣтъ.

(„Русская Бесѣда“ 1858 г., книга 1).

Но трезвый, мужественный духъ поэта, сжумѣвшій въ свое время удержаться отъ отчаянія, не могъ окончательно отдать себя и во власть надеждамъ. Онъ чуялъ, какъ трудно идеѣ перейти въ дѣло, какой грубый отпоръ чистотѣ принципа дается обыкновенно неохотно поддающемуся ему дѣйствительностью... Онъ понималъ, что болѣзни, что роковыя послѣдствія болѣзней излѣчиваются не сразу, онъ видѣлъ, зоркимъ своимъ глазомъ видѣлъ, какъ упорно держатся общественные недуги и тамъ, куда заглянулъ онъ не ради развлечения и отдыха въ 1860 г., пробираясь въ Славянскія земли,—на европейскомъ западѣ, и вотъ въ Мюнхенѣ вылились изъ-подъ его пера стихи, въ которыхъ то, что называется у нѣмцевъ міровою скорбью (Weltschmerz), звучитъ, можетъ быть, съ такой силою, какой не бывало ни у одного изъ нашихъ байронистовъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
 Мнѣ пора-бы склониться давно.
 Порѣшить я намѣренъ съ тоскою,—
 Но могу-ли? удастся-ль оно?

Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
 Убаюкаю-ль скорбные сны —
 Сердцу страшно не чувствовать боли,
 Самъ своей я боюсь тишины.

.
 Все какъ-будто готовлю измѣну
 Я великому множеству ихъ —
 Обреченныхъ работѣ и плѣну
 Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ!

.
 А сдается — надъ всей безконечной
 Живнью міра проносится стонъ,
 Стонъ тоски, міровой, вѣковѣчной,
 Порожденный въ пучинѣ времянь, —
 Въ тѣ творенія дни молодые,
 Какъ, собравшись на жизненный пирь,
 Человѣческимъ воцлемъ впервые
 Огласился ликующій міръ....
 Съ той поры и понинѣ ты съ нами
 Неразлучно проходишь вѣка,
 О всеильная, ветхая днями,
 О владычица міра, тоска!

(„День“ 1862 г., № 16).

По возвращеніи изъ-за границы, дождавшись, наконецъ, радостнаго дня 19 го февраля, но встрѣтивъ его уже не съ отцемъ, не съ братомъ Константиномъ Сергѣевичемъ, не съ Кирѣевскими и не съ А. С. Хомяковыми (они умерли, одинъ за другимъ, на рубежѣ обѣтованной земли), Иванъ Сергѣевичъ, разставаясь съ „Русской Бесѣдой“, получаетъ, наконецъ, право стать редакторомъ собственнаго органа — еженедѣльной, составившей у насъ своего рода эпоху, газеты „День“. Она стала выходить, какъ извѣстно, въ самый годъ освобожденія крестьянъ, — съ осенней поры.

Въ передовыхъ статьяхъ публициста продолжала сказываться поэзія — поэзія въ мысли и въ оборотахъ, самый возвышенный и самый глубокой лиризмъ. Вспомнимъ начало первой статьи:

„Мелкій дождь моросить, не переставая; сыро, мокро, скользко... Безотрадно путнику. Но что-же внезапно сквозь туманную пелену воздуха поражаетъ и приковываетъ и радуетъ взоръ.... Это озими.... это зеленые всходы будущей жатвы....

„И мы всей душой, всѣмъ сердцемъ, — душой, наболѣвшей отъ долгаго, тщетнаго ожиданія, сердцемъ, не устававшимъ любить и вѣрить, — съ радостнымъ упованіемъ привѣтствуемъ молодые, зеленые всходы русской земли, пер-

вые шаги пробуждающейся народной жизни!... 19-мъ февраля 1861 г. начнется новое лѣтосчисленіе русской исторіи....

„Внѣ народной почвы нѣтъ основы“.... продолжалъ Аксаковъ, усматривая въ освобожденіи крестьянъ толчекъ и къ будущему развитію на просторѣ, развитію во всю его глубь и ширь настоящаго народнаго духа, прикосновеніе съ которымъ должно послужить живою водою и для насъ—для русскаго образованнаго общества. Въ слѣдующемъ № „Дня“ (21-го октября) народъ уже прямо представляется Аксакову призывающимъ всѣхъ насъ къ отвѣту.

„Если народъ, наконецъ, подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи... говоритъ Аксаковъ, что скажетъ онъ? Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Что стало съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ?... Гдѣ наука, вами взрожденная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово?... Какого хлама нанесли вы на мою почву?... Нѣтъ, вы не мои, вы безобразные снимки съ чужихъ народовъ, подите къ нимъ, если они васъ примутъ, я не знаю васъ, вы мнѣ не нужны, вы чужды мнѣ“, — скажетъ народъ, пробуждаясь къ сознанию, — и смететъ ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскресшаго народнаго духа!“ Аксаковъ понималъ, что слова его озадачатъ. Онъ едва-ли смягчаетъ впечатлѣніе тѣмъ, что „еще не наступила пора. И хотя мы почти увѣрены, заключаетъ онъ, что голосъ нашъ раздастся напрасно, но, примѣняясь къ предмету настоящей рѣчи, скажемъ и мы: „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ, уготовайте путь Господень! Покайтесь!“

Зорко слѣдя за всѣми явленіями новой поры, далекой отъ безусловнаго его увлеченія, въ статьѣ 11-го ноября 1861 г. Аксаковъ замѣчаетъ:

„Потянуло новымъ, еще не передышаннымъ воздухомъ.... Но движеніе свѣжей воздушной струи ускоряетъ самое разложенье.... Нравственная среда нашего общества исполнена заразительныхъ и мертвящихъ испареній, но противъ нихъ нѣтъ другаго цѣленія, какъ избытокъ того же воздуха, усилившаго и ускорившаго глѣнь.... Настежь же двери и окна,—пусть безъ помѣхъ и затворовъ льется онъ къ намъ свободно вольными, свѣжими, цѣлебными струями!“...

Обращаясь къ ближайшимъ послѣдствіямъ освобожденія крестьянъ, къ измѣнившемуся положенію общественныхъ классовъ, онъ останавливается на томъ, что такое теперь его собственное сословіе—дворянство? Онъ находитъ, что оно, слава Богу, избавилось своего существеннаго у насъ отличія, своей еще столь недавней печальной „прерогативы“, и спрашиваетъ: за что жъ держаться ему теперь? „За отличіе по происхожденію? Но русское дворянство гордится только однимъ русскимъ происхожденіемъ и всегда признавало и признаетъ, что тщеславиться породою безнравственно само по себѣ и несовѣстно съ достоинствомъ человѣческимъ... Нравственное единство и цѣльность Русской земли, столь желанныя и столь необходимыя для ея преуспѣянія, были бы

рѣшительно невозможны, еслибъ въ началѣ 2-го тысячелѣтія ея историческаго бытія было создано новое привилегированное сословіе или аристократія на западный ладъ“...

Въ заключеніе Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ бы угадать мысли нашего дворянства, хотѣлъ бы имѣть право отъ его имени заявить, что оно „считаетъ долгомъ выразить правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе, чтобы ему было позволено: торжественно, передъ лицомъ всей Россіи, овершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія“ (№ 6-го января 1862 г.). Дворянство, по мнѣнію Аксакова, могло бы удовольствоваться тѣми преимуществами образованія, которыя до сихъ поръ были ему болѣе доступны, чѣмъ всѣмъ другимъ классамъ общества, и которыми ему предстоитъ воспользоваться для блага общаго. Вотъ тутъ-то и открывается рядъ знаменитыхъ статей „Дня“ объ обществѣ.

17-го марта 1862 г. онъ пишетъ:

„Общество создается не верхнимъ и не среднимъ сословіемъ, не мужиками и не дворянами, а создають его только образованные люди, или, вѣрнѣе, люди всѣхъ сословій и состояній безразлично,—связанные между собою тѣмъ уровнемъ образованія, при которомъ становится возможною дѣятельность общественная, выражающаяся въ наше время въ литературѣ... Никакіе парламенты, генеральныя штаты, собранія государственныхъ чиновъ не выскажутъ настоящей мысли всенародной; они составляютъ меньшинство по отношенію къ тому множеству, котораго думаютъ быть представителями... Англійскій парламентъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть, безъ англійской прессы.... Выше народныхъ, ограниченныхъ въ числѣ и во времени, и въ пространствѣ представительныхъ собраній—стоитъ самъ народъ или общество, какъ тотъ же народъ, но самосознающій и развивающійся... ему надо поле пошире и такимъ вполне соответственнымъ полемъ для общественнаго слова есть—печать“.

На печать, какъ на могучее орудіе общественной мысли, Аксаковъ, какъ и вся его школа, имѣла свой особый, своеобразно выражаемый, взглядъ, подробно развитый Иваномъ Сергѣевичемъ еще въ статьѣ 10 марта 1862 г.

„Сила общества, какъ явленія не политическаго, есть сила нравственная, сила „общественнаго мнѣнія“. Орудіе дѣятельности общества есть слово, и по преимуществу печатное слово, разумѣется, свободное. Напрасно воображаютъ нѣкоторые, что свобода слова устнаго или печатнаго, есть политическая свобода. Послѣ этого и свобода ѣсть, пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами есть также политическая „прерогатива“. Между тѣмъ свобода слова, свободный обмѣнъ мыслей, чувствъ, мнѣній, необходимый для нравственной дѣятельности, относится точно также къ сторонѣ нравственной чловѣка, какъ свобода спать, ѣсть къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова также возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы, въ предупрежденіе зла, которое можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ

руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и существованія, какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ“...

Главная бѣда нашей исторической жизни, по мнѣнію Аксакова, и заключалась въ томъ, что „между государствомъ и землею не было той среды, которую мы называемъ обществомъ и которая—независимою духовною дѣятельностью народнаго самосознанія—могла бы придать силу земской стихіи и сдержать напоръ государственнаго начала: въ теченіи восьми вѣковъ не создано у насъ ни училищъ, ни литературы, и грѣхъ нашего всенароднаго невѣжества, нашего нравственнаго и умственнаго бездѣйствія далъ временную побѣду стихіи дѣятельной, но чуждой нашей народности“... Иванъ Сергѣевичъ говоритъ тутъ о томъ явленіи нашей древней жизни, которая впоследствии называлась у Ѳ. М. Достоевскаго „недостаткомъ культуры“. Именно невыработанность своей культуры и по взгляду Достоевскаго вызвала у насъ, наконецъ, нетерпѣливое стремленіе обзавестись ею сразу, выписать ее изъ-за моря, при ближайшемъ участіи правительственной власти. Такимъ характеромъ нашей запоздалой культуры и объясняется то, что мы уже слишкомъ много заботъ возложили на попечительное правительство. Вотъ какъ писалъ объ этомъ Аксаковъ 12-го января 1863 г.: „Правительство награждай въ насъ любовь къ Богу и ближнему, развивай талантѣ... забавляй насъ, одѣвай, умывай, молись, сочиняй, вѣруй, надѣйся, люби, негодуй, даже наконецъ либеральничай за насъ, или поучи насъ либеральничать, если либерализмъ оказывается нужнымъ и полезнымъ винтомъ въ государственной машинѣ...“

„Намъ кажется, продолжаетъ онъ, можно было бы отвѣчать обществу слѣдующее: „вы хотите, чтобы правительство помогло вамъ остаться въ вѣчномъ младенствѣ и чтобы кромѣ великихъ, важныхъ государственныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ, оно обращало бы въ государственное дѣло всякія ваши домашнія дѣлишки“... Примѣромъ нашей общественной лѣни служить ему слѣдующее: „Православные храмы въ Бѣлоруссіи находятся въ бѣдности... Но мы совершенно хладнокровно относимся къ этому позору и предоставляемъ строить церкви въ западно-русскомъ краѣ... Кому-же? Самому правительству!... Гдѣ въ мірѣ слышано и видано, спрашиваетъ Аксаковъ, чтобы правительство строило церкви цѣлому народу?“

Построеніе въ Бѣлоруссіи храмовъ связывалось съ поднятіемъ, въ нашемъ западномъ краѣ, забитой русской народности, о которой пришлось, наконецъ, вспомнить при дерзкихъ притязаніяхъ на этотъ край польской sprawy, заявленныхъ въ 1862—1863 гг. Аксаковъ имѣлъ на польскій и западно-русскій вопросъ или, лучше сказать, на способы его рѣшенія, свой особенный взглядъ, рѣзко отличающійся отъ взгляда другаго вліятельнаго московскаго органа. „Чтобы обрусить, писалъ онъ 23-го марта 1863 г., надо быть русскимъ, а русскихъ-то между нами и нѣтъ... Что дѣлаетъ русское общество въ то самое время, когда мы такъ бѣдны и слабы общественною силою?..“

275,000 т. русскихъ, уѣхавшихъ въ 1860 г. за границу, служить самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ... Это почти цѣлая четверть русскаго дворянства... Хороши выйдутъ русскіе, эти несчастныя дѣти, такъ деспотически лишаемыя родителями всего, что можетъ дать только отчизна: общаго единства жизни съ русскимъ народомъ, роднаго быта, связывающаго дитя неуволнимыми нитями съ его землею... впечатлѣній родной природы, непосредственнаго дѣйствія на умъ и душу—народнаго ума, народной рѣчи“...

Говоря объ обрусѣніи, Аксаковъ къ тому же имѣлъ въ виду не что иное, какъ возвращеніе въ лоно русской народности того, что ей несомнѣнно принадлежало. Другіе готовы были въ своемъ особенномъ смыслѣ обрусивать и чужое, ссылаясь въ сущности не на что иное, какъ на право меча.

„Мы не считаемъ цѣну крови, писалъ Аксаковъ 4-го мая 1863 г. въ отпоръ этимъ людямъ, основаніемъ какого либо права. Это не принципъ, а фактъ, упраздняемый другимъ подобнымъ же фактомъ... Если-бы всякій послѣдній совершившійся фактъ возводить на степень права, то это-бы значило давать торжествовать насилію... т. е. чья возьметъ, кто кого переселить... Человѣкъ неможетъ довольствоваться такимъ основаніемъ для своего права, его совѣсть ищетъ оправданія факту“.

11-го мая 1863 г. онъ къ этому прибавилъ: „Мы, русскіе, не должны отказываться отъ коренныхъ свойствъ нашего народнаго характера и насилловать наше народное благодушіе. Намъ не зачѣмъ учиться штатсъ-наукѣ у нѣмцевъ, мы никогда не будемъ такими мастерами въ темномъ искусствѣ — угнести, стереть, обезнародить чужую народность, какъ пруссаки или австрійцы“.

Съ окончательною ясностью высказался онъ 20-го іюля 1863 г. „Въ Бѣлоруссіи мы у себя дома, въ Россіи, чувствуемъ и сознаемъ себя вполне и по праву хозяевами... здѣсь мы въ правѣ не терпѣть польскаго духу и не только вправѣ, но положительно и несомнѣнно обязаны. Въ Царствѣ Польскомъ мы въ Польшѣ, и едва ли найдется русскій, который, побывавъ въ Царствѣ хотя мимоѣздомъ, не почувствовалъ бы себя гостемъ, пришельцемъ въ этой средѣ—сплошной, компактной, рѣзко опредѣленной... хотящей жить и предъявляющей право на жизнь“... Относительно Польши Аксаковъ вполне признавалъ одну совершенно законную мѣру.

...„Было бы полезно, писалъ онъ тутъ же, если бы Россія не изъ своекорыстныхъ расчетовъ, но для выгоды самой Польши, выдвинула въ ней новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма—простаго народа, крестьянскаго населенія“... И другіе говорили о томъ-же, но имѣя въ виду съ нашей стороны именно тѣ „своекорыстные расчеты“, которыхъ такъ чуждался Аксаковъ.

„Если мы теперь, писалъ онъ 31-го августа 1863 г., надѣлимъ польское крестьянство землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ, гражданскими и политическими правами, то нѣтъ сомнѣнія—это положеніе, эти права уже никакою силою

не будутъ отъ нихъ отняты польскими панамъ, даже въ случаѣ совершенной самостоятельности Польши.. Мы введемъ въ ея жизнь новую историческую идею, противопоставимъ силу устоя ея многовѣковому общественному броженію, дадимъ грузъ, упоръ ея легковѣсному судну, носившемуся до сихъ поръ подъ управленіемъ шляхты, по прихоти вѣли и всяческихъ вѣтровъ!... Мы въ то же время совершимъ долгъ человѣколюбія относительно значительной части угнетеннаго человѣчества, и исполнимъ историческое призваніе Россіи, страны, сильной простонародностью, самой демократической въ лучшемъ не политическомъ, а общественномъ и нравственномъ значеніи этого слова“. Люди, глядѣвшіе также, да не такъ, желая отмежевать себѣ польскій вопросъ въ монополію, желая совершенно устранить отъ него Аксакова...

Вотъ что ему пришлось „отмѣтить“ въ передовой статьѣ 7-го сентября 1863 г.

— „Московскія Вѣдомости“ приходятъ къ слѣдующимъ, поистинѣ изумительнымъ, выводамъ:

„Газета „День“ учитъ презирать простой народъ и не считаетъ заслуживающими вниманія интересы крестьянъ въ Польшѣ. Для газеты „День“ хлопы ничего не значатъ, и она жертвуетъ ими панамъ, толкуя въ то же время о крестьянскомъ самоуправленіи въ Россіи, которое въ Россіи не имѣетъ смысла“... „Примемъ это къ свѣдѣнію“,—отмѣтимъ это презрѣніе „Моск. Вѣдомостей“ къ мірскому устройству простаго русскаго народа,—прибавляетъ Аксаковъ, въ отвѣтъ „Вѣдомостямъ“ только отмѣчая поучительный фактъ. Онъ продолжаетъ разоблачать всѣхъ противниковъ своихъ во всѣхъ сферахъ и въ статьѣ своей 16-го ноября 1863 г.

„Какъ вы будете стоять за русскую народность въ западномъ краѣ, если вы ее презираете, пренебрегаете ею въ восточномъ, сѣверномъ, срединномъ краѣ Россіи... Въ правѣ ли вы надѣяться на успѣхъ вашей народной роли, если она только роль, и въ душѣ, для „своихъ“, *entre nous autres*, вы остаетесь тѣми же аристократами петербургскихъ салоновъ...“

Относительно сепаратизма у Аксакова опять таки былъ свой особый взглядъ, связанный съ его общимъ воззрѣніемъ на общество, какъ на такую силу, которой во многихъ случаяхъ не можетъ никакимъ образомъ замѣнить государство.

„Если насъ беспокоятъ, писалъ онъ 28-го ноября 1864 г., сепаративныя тенденціи, то устремите вашу дѣятельность не столько на внѣшнее искорененіе этихъ тенденцій внѣшними способами (вы ихъ не уничтожите, а заставьте притаяться), сколько на возбужденіе той органической силы срощенія въ нащомъ собственномъ организмѣ, о которой вы говорили; направьте ваши удары не на сепаратистовъ, а на тѣ условія, при которыхъ слабѣетъ въ народѣ всенепоборающая вѣра въ самого себя, въ свою народность,—на насъ самихъ, на тѣхъ, которые, будучи преданы идеѣ государственнаго единства, не перестаютъ разрывать свое духовное единство съ народомъ“.

Когда, во время тогдашнихъ на насъ атакъ европейской дипломатіи, одно время запахло даже войной, „День“, съ своей точки зрѣнія, замѣтилъ:

(20-го іюля 1863 г.): „Война съ Австріей, дѣйствительная, настоящая—небывалое явленіе въ нашей исторіи—была-бы для насъ крещеніемъ въ новое политическое вѣроисповѣданіе, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ Австріи и всѣхъ дѣлъ ея...“

„Но войну съ Австріей, пояснялъ онъ въ статьѣ 27-го іюля, мы можемъ вести, только водрузивъ славянское знамя, знамя освобожденія славянскихъ племенъ (въ томъ числѣ и польскаго) изъ-подъ нѣмецко-австрійскаго гнета; для возвращенія ихъ къ свободной и самобытной жизни.... Можетъ быть, Россія еще не созрѣла для выполненія этого своего историческаго призванія. еще мы сами, можетъ быть, не окрѣпли въ сознаніи своей русской народности, еще въ насъ самихъ много нѣмца,—и слабы наши русскія общественныя силы...“

Между тѣмъ какъ мы не только тогда отписывались отъ европейской дипломатіи, но, при помощи общественнаго мнѣнія, и въ самомъ дѣлѣ раздѣльвались съ ней, внутреннія мѣропріятія рѣшительнаго свойства продолжались своимъ чередомъ. Прямо восторженный, радостно увлекающійся тонъ послышался въ передовой статьѣ „Дня“ 27-го апрѣля 1863 г. „Силь прибываетъ... еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготой- меньше: Удрученный бременемъ, богатырь выпрямляется...“

„Плети, кошки, шипцрутены, клейма, торговья казни — все это было. всего этого уже нѣтъ, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золь, пережитаго русскаго гора. Долой, гласить между строкъ Государевъ указъ сенату—всѣ оружія истязанія и срама, долой сейчасъ же, немедленно по полученіи указа! Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ на вѣки, вся эта позорная терминологія, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти „сквозь строй“, „отодрать“, „засѣчь“, „перепоротъ“, со всѣми ихъ отвратительными безчисленными варьянтами! „Заплечному мастеру“ нѣтъ ужъ дѣла въ русской землѣ“¹⁾.

Продолжающіяся преобразованія представлялись вообще Аксакову въ такомъ, опять совершенно своеобразномъ, свѣтѣ (статья 17 августа 1863 г.).

„Въ новизнахъ твоего царствованія нашъ старина наша слышится“, писали московскіе старообрядцы въ извѣстномъ своемъ адресѣ государю. Мы можемъ

¹⁾ Тутъ-же, однако, Аксаковъ также и оговаривается: «Если тѣлесное наказаніе исключается изъ уголовного кодекса... то стало быть оно уничтожено вовсе?—замѣтилъ бы, вѣроятно, какой-нибудь иностранный юристъ. Такое ошибочное замѣчаніе совершенно понятно со стороны иностранца, незнакомаго съ особенностями нашей русской жизни....“

также сказать, что въ новизнахъ нынѣшняго времени слышится, даетъ себя вѣдать и чувствовать, свидѣтельствуя о своей упорной живучести, русская народная старина. Подуторавѣковой слой петербургскаго періода нашей исторіи еще не вполне сокрушилъ древнія бытовыя, гражданскія и духовныя насажденія русской земли, не разорвалъ ея союза съ государствомъ,—и едва только лучъ тепла и свѣта пробился къ ней сквозь густыя и толстыя пласты чужеземнаго хлама,—она вновь ожила, и скороненныя зерна готовы вновь дать рѣстки, можетъ быть пышнѣе и краше прежняго. Говоримъ—можетъ быть. Еще бы тепла и свѣта! Еще бы побольше солнца и свѣжаго воздуха“.

Къ „подуторавѣковому періоду“ нашей новой исторіи Аксаковъ, какъ извѣстно, очень часто возвращался въ своихъ статьяхъ. Онъ не особенно сочувственно относился къ этому періоду, конечно, не ради того, что этому періоду обяваны мы появленіемъ у насъ, наконецъ, науки, а ради того, что, какъ все другое, такъ и самая новозаведенная у насъ наука была отобрана въ казну.

„Когда читаешь, писалъ онъ 11-го января 1864 г., исторію просвѣщенія Россіи при Петрѣ I, приходишь въ невольное изумленіе предъ тѣми настойчивыми, энергическими усиліями государства создать во что бы то ни стало штатсь-просвѣщеніе, штатсь-науку, штатсь-искусство, штатсь-журналистику, штатсь-поэзію, штатсь-литературу, штатсь-галантерейность, штатсь-право, штатсь-нравственность.

... „Конечно, ни одно общество въ мірѣ не стояло такихъ издержекъ казнѣ, какъ русское общество! Нигдѣ, впрочемъ, и не давалось ему свыше, отъ казны, воспитаніе.

... „Скоро оказалось, пояснялъ Аксаковъ, что государство обременило себя черезъ силу... открылась необходимость въ обществѣ, какъ въ матеріалѣ, въ грузѣ для государственнаго судна, какъ въ посредствующемъ элементѣ между властью и массами. Екатерина вспомнила о земствѣ и передала земству часть попеченій государственныхъ по внутреннему управленію. Отсюда начинается рядъ правительственныхъ дѣйствій, которымъ ничего подобнаго не представляетъ исторія другихъ странъ: правительство само, непринужденно, поступаетъ своею властью обществу, удѣляетъ ему, вмѣстѣ съ обязанностями, часть своихъ правъ... и большею частью встрѣчаетъ со стороны самого общества, — если не отпоръ, то равнодушіе или пассивную покорность... Послѣднимъ новѣйшимъ актомъ этого поступленія государствомъ обществу своей власти — являются земскія учрежденія. Но для того, чтобы усилія государства увѣнчались успѣхомъ, чтобы государство и общество стали въ надлежащее равновѣсіе другъ къ другу... необходимо отрѣшиться отъ преданій петровской реформы... Необходимо, чтобы общество получило не только политическую привилегію, но и нравственную свободу...“

Въ статьѣ этой указывается уже на земскія учрежденія. Къ нимъ, какъ и къ новому суду, Аксаковъ относился со всею полнотою сочувствія — т. е. сочувствія въ принципѣ. Но онъ оставался далекимъ и тутъ, какъ и вообще, отъ тона похвальнаго слова; онъ даже указывалъ въ выполненіи принципа на такія подробности, которыя, не обнаруживая достаточнаго знакомства съ условіями нашей жизни и слишкомъ отзываясь прямымъ подражаніемъ, могли кое въ чемъ подорвать пользу дѣла. На необходимость для насъ суда присяжныхъ съ его гласностью, Аксаковъ указывалъ еще до введенія его у насъ—въ статьяхъ о свободѣ слова, указывая на то, что кара за злоупотребленія этою свободою должна принадлежать не администраціи, а только суду, и именно суду присяжныхъ. За новый судъ въ его принципѣ Аксаковъ, какъ извѣстно, ополчился и въ послѣдніе годы, ополчился уже въ „Руси“, и въ сильной мѣрѣ содѣйствовалъ своимъ горячимъ ратованіемъ за новый судъ благополучному исходу тѣхъ нападокъ, которыя были на него направлены его противниками.

Вообще же, въ самые даже пылкіе дни нашихъ увлеченій реформами, Аксаковъ былъ далекъ отъ того, чтобы приписывать имъ чудотворную силу, чтобы видѣть въ нихъ панацею отъ всего. Писаль-же онъ еще — 18 декабря 1865 г.: „Не легко живется теперь на Руси. Не можется ей во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ... Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и свобода (хотя бы даже не полная) печатнаго слова,—самое необходимое мы уже имѣемъ... Но это еще не дастъ намъ здоровья, потому что государственная власть не можетъ же стоять выше общественнаго нравственнаго уровня и сама нуждается въ притоку для себя изнутри новой здоровой жизненной силы. Дѣло за нами... По пути внѣшнихъ учреждений и мѣропріятій двинулись мы далеко. Пора бы, кажется, понять, что это все не болѣе какъ средства къ жизни, ея внѣшняя форма, а не сама жизнь... внѣшняя искусственная обстановка государственнаго строя еще не въ силахъ сама по себѣ вдохнуть въ жизнь ту органическую силу творчества, которой именно ей недостаетъ и недостатокъ которой сказывается въ насъ такимъ тяжелымъ томительнымъ недугомъ. Когда утратилось непосредственно: чутье своего прямого прирожденнаго пути, когда мы сбились съ дороги, вся задача въ томъ, чтобы отыскать эту дорогу, а не въ томъ, чтобы обзавестись конями и экипажемъ, да въ прибавокъ еще казеннымъ“.

Распростившись самъ съ своимъ «Днемъ», Аксаковъ затѣмъ вернулся къ газетной дѣятельности, но и въ статьяхъ „Москвы“ и „Москвича“ оставался вѣрнымъ своему широкому взгляду на свободу слова. Къ сожалѣнію, взглядъ этотъ далеко не сходилъ въ то время со взглядами административныхъ сферъ. Тогда-то онъ и сосредоточилъ всю энергію своей дѣятельности на московскомъ славянскомъ обществѣ, котораго онъ былъ не только душою,

но и безсмысленнымъ труженникомъ, выносившимъ на своихъ плечахъ всю тяготу той поры, которая наступила въ 1876 г. О силѣ народнаго увлеченія, народной готовности пострадать за братьевъ живо вспоминалъ онъ еще въ предсмертной своей статьѣ. Какъ очевидецъ, участникъ и орудіе народнаго увлеченія той поры, онъ тѣмъ съ большимъ негодованіемъ относился къ европейскимъ стремленіямъ вырвать изъ нашихъ рукъ все добытое русскою кровью и готовностью русскаго человѣка жертвовать и послѣднею трудовою копейкою. Когда Россія предстала предъ судомъ Европы въ Берлинѣ, онъ произнесъ 22 іюня 1878 г. въ Москвѣ громовую рѣчь...

. . . . Онъ продолжалъ проводить свои прежніе взгляды и въ новѣйшее время—проводить ихъ въ послѣднемъ своемъ органѣ—„Русь“, котораго изданіе стало опять возможно съ 1880 г.

Аксаковъ не успѣлъ дожить до великой годовщины, годовщины того, что оставалось для него до конца особенно дорогимъ. Многие ожидали его слова въ этотъ великій день. И онъ сказалъ бы это слово въ силу правды внутренней..... Не стало того человѣка, который достойнымъ образомъ помянулъ-бы великаго Государя!... Плачь Русская земля!... Но когда подобнаго рода призывъ раздавался у насъ въ старину, съ нимъ соединялся и другой призывъ—къ молитвѣ и покаянію. То былъ обычный кличъ древней Руси. Вѣрный ея завѣтамъ, и самъ Аксаковъ, припомнимъ это, еще въ началѣ своего „Дня“, обратился къ намъ съ словами: „Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень!... Покайтесь“.

Ор. Θ. Миллеръ.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

1886 г.

19-ое февраля обычный ежегодный всероссийскій, хотя и не установленный никакою табелю, праздникъ. Есть-ли уголокъ на Святой Руси, гдѣ-бы въ этотъ день съ чувствомъ безпредѣльной, благоговѣйной любви къ памяти великаго Государя-Освободителя, не было-бы произнесено его имя! Въ Петербургѣ, мѣстѣ, гдѣ именно подъялъ свой бѣзсмертный трудъ незабвенный Монархъ, гдѣ еще живы не только многочисленные свидѣтели этого труда, но и нѣкоторые изъ главнѣйшихъ его участниковъ, конечно, особенно дороги воспоминанія, соединенныя съ днемъ 19-го февраля, днемъ подписанія величайшаго въ лѣтописяхъ Россіи законодательнаго акта, положеннаго въ основаніе всего новаго строя свободной отъ крѣпостнаго ига Россіи.

Прошло уже четверть вѣка со дня великаго въ жизни народа русскаго. Многихъ честно, самоотверженно потрудившихся для него—какъ при составленіи, такъ и при проведеніи въ жизнь „Положеній 19-го февраля“—уже нѣтъ, и съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ семья русскихъ людей, потрудившихся великому дѣлу освобожденія крестьянъ.

Вспоминая незабвеннаго Государя, вспоминается и то, какъ сердечно благодарилъ онъ своихъ сподвижниковъ, какъ особенно цѣнилъ онъ труды тѣхъ изъ нихъ, которымъ выпала счастливая доля быть ближайшими исполнителями его великихъ предначертаній въ дѣлѣ 19-го февраля. ☩

— „Я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ — писалъ Государь въ рескриптѣ 19-го февраля 1861 г. своему ближайшему сподвижнику в. к. Константину Николаевичу, предсѣдателю Главнаго Комитета, выработавшему послѣ четырех-лѣтняго упорнаго и громаднаго труда проекты „Положеній“, внесенныхъ 28-го января 1861 г. въ государственный совѣтъ,— конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество и всѣ прочіе члены Главнаго Комитета.

Будущее известно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его Святой, всегда благоустной воли. Но мы можемъ нынѣ-же съ спокойною совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти нашей средства, и съ смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна“....

Изъ десяти членовъ „Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу“ дожилъ до двадцать пятой годовщины 19-го февраля только Августѣйшій предсѣдатель этого комитета ¹⁾).

Государственный совѣтъ въ 1861 году въ составѣ 45 членовъ, подписавшихъ журналы по дѣлу Положеній 19-го февраля, въ настоящее время имѣетъ лишь трехъ своихъ представителей: великіе князья: Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ, и Михаилъ Николаевичъ. Всѣ остальные члены государственнаго совѣта того времени сошли уже въ могилу ²⁾).

Рѣдѣютъ ряды русскихъ людей, принадлежавшихъ къ составу доброй памяти редакціонныхъ комисій: до двадцать шестой годовщины со времени созданія ихъ труда не дожило и половины... Сдвинулись ихъ ряды—и это особенно видно на обѣдѣ, за которымъ вотъ уже четверть вѣка, ежегодно, въ день 19-го февраля, сходятся бывшіе члены редакціонныхъ комисій привѣтствовать новую годовщину дѣла освобожденія крестьянъ и помянуть отшедшихъ въ иной міръ своихъ сотоварищей.

„Русская Старина“ еще въ 1884 году представила на своихъ страницахъ обзорѣніе этихъ ежегодныхъ обѣдовъ со времени 1862 года (см. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLV, мартъ, стр. 609—634; см. также изд. 1885 г., мартъ) и привела рѣчи, сказанныя на нихъ въ память опочив-

¹⁾ Вотъ составъ комитета (1857—1861 гг.): предсѣдатель: в. кн. Константинъ Николаевичъ, члены: гр. Д. Блудовъ,—гр. Вл. Адлербергъ,—кн. П. Гагаринъ,—Сергѣй Ланской,—гр. В. Панинъ,—кн. В. Долгоруковъ,—М. Муравьевъ,—К. Чевкинъ,—А. Княжевичъ.

²⁾ Вотъ участники засѣданій госуд. сов. въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1861 г. подписавшіе журналы засѣданій по дѣлу освобожденія крестьянъ: гр. Блудовъ,—великіе князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи,—принцъ Петръ Ольденбургскій,—гр. Несельродъ,—гр. Петръ Паленъ,—гр. Рибольтъ,—князь А. Меншиковъ,—гр. Клейнмихель.—гр. Бергъ,—гр. Вл. Адлербергъ,—князь П. Гагаринъ,—князь П. Горчаковъ,—А. Кочубей,—гр. Андрей Шуваловъ,—С. Ланской,—баронъ Николай Корфъ,—гр. Сумароковъ,—гр. Сергѣй Строгановъ,—Николай Сухозанетъ,—Александръ Татѣевъ,—Густ. Гасфортъ,—баронъ Модестъ Корфъ,—баронъ П. Мейендорфъ,—Василій Мелиховъ,—Θ. Литке,—графъ Панинъ,—кн. В. Долгоруковъ,—Михаилъ Муравьевъ,—Θ. Пряпушиковъ,—Н. Бахтинъ,—А. Норовъ,—гр. Армфельдъ,—К. Чевкинъ,—кн. А. Горчаковъ,—баронъ Врангель,—Брокъ,—Николай Анненковъ,—Евграфъ Ковалевскій,—А. Княжевичъ,—Павель Игнатьевъ,—баронъ Рокасовскій,—Тымовскій,—Л. Сенявинъ.

шихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Многіе изъ участниковъ сихъ сходокъ, каковы: Н. А. Милютинъ, А. П. Заблочки-Десятковскій, — Я. А. Соловьевъ, — кн. В. А. Черкасскій и друг. уже скончались.

Въ нынѣшнемъ, 1886, году обычнымъ предсѣдателемъ и распорядителемъ обѣдовъ 19-го февраля, К. К. Гротомъ, приглашено было тридцать одно лицо ¹⁾ обычныхъ участниковъ сихъ обѣдовъ.

На обѣдѣ предсѣдатель прочелъ слѣдующую телеграмму, полученную имъ изъ Средней Азій отъ Юрія Николаевича Милютина:

— „Станція Балашиема.—За гранью средне-азіатскихъ степей встрѣчая одинъ свѣтлую годовщину великаго дня, когда родилась новая Россія, отъ глубины души и сердца поздравляю всѣхъ работавшихъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ для славнаго дѣла освобожденія крестьянъ. Присоединяюсь душой къ поминанію отошедшихъ сотрудниковъ вашихъ съ невольною завистью къ вашей высокой долѣ и съ благодарностью за много разъ оказанный мнѣ радушный пріемъ; желаю вмѣстѣ съ вами встрѣтить пятидесятилѣтіе 19-го февраля и поднять кубокъ за благоденствіе Россіи и славу ея Державныхъ Виновниковъ, и за здоровье всѣхъ трудившихся для исполненія святаго подвига. Юрій Милютинъ“.

Собравшіеся отвѣчали Юрію Николаевичу телеграммой: „Участники обѣда благодарятъ за привѣтъ, вспоминаютъ объ отцѣ вашемъ, славно потрудившемся великому дѣлу освобожденія крестьянъ“.

Приступая къ провозглашенію ряда обычныхъ на этихъ обѣдахъ тостовъ, предсѣдатель въ сжатой рѣчи указалъ на то, что для такой громадной ре-

¹⁾ Эти лица—бывшіе члены Редакціонныхъ Комиссій, а также нѣкоторые изъ лицъ, которые служили въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ и трудились по крестьянскому дѣлу. Вотъ приглашенные на обѣдъ 19-го февраля 1886 г.: И. П. Арапетовъ,—А. А. и В. А. Арцимовичи,—Е. И. Барановскій, (нарочно для сего дня прибывшій изъ Москвы),—Н. Х. Бунге,—кн. С. П. Голицынъ,—А. В. Головинъ,—К. К. Гротъ,—Г. П. Галаганъ,—К. И. Домонтовичъ,—С. П. Зарудный,—Н. Н. Колошинъ,—Ө. П. Корниловъ,—Е. И. Ламанскій,—М. Н. Любоцинскій,—М. П. Митковъ,—С. А. Мордвиновъ,—А. И. Нератовъ,—И. А. Новиковъ,—Н. П. и П. П. Семеновы.—М. Е. Салтыковъ,—М. И. Семевскій,—Е. П. Старикскій,—Н. П. Стояновскій,—П. Е. Татаринъ,—А. Д. Шумахеръ,—П. А. Шульцъ.—Въ качествѣ постоянныхъ гостей-участниковъ этихъ обѣдовъ приглашены были Ю. Н. Милютинъ и гр. Н. Я. Ростовцевъ—въ память заслугъ ихъ отцовъ по крестьянскому дѣлу—и А. И. Скребицкій, редакторъ и издатель монументальнаго изданія Трудовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Изъ приглашенныхъ не участвовали на обѣдѣ, главнымъ образомъ, по отсутствію изъ Спб.: кн. С. П. Голицынъ,—Ю. Н. Милютинъ,—А. И. Нератовъ, П. А. Новиковъ,—гр. Н. Я. Ростовцевъ,—М. Е. Салтыковъ (по болѣзни) и П. Е. Татаринъ.

формы, какова крестьянская, объемлющая всё стороны народной жизни, 25-лѣтній срокъ не составляетъ продолжительнаго срока; выразилъ, что при такихъ условіяхъ нельзя не относиться съ нѣкоторою снисходительностію къ тѣмъ недостаткамъ, которые, къ сожалѣнію, до сихъ поръ замѣчаются въ экономическомъ и общественномъ бытѣ сельскаго населенія, и что для устраненія оныхъ необходимо неуклонно идти впередъ, въ видахъ упроченія и улучшенія положенія крестьянъ. Въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи, впрочемъ, не мало и сдѣлано: уменьшеніе выкупныхъ платежей, отмена подушной подати, открытіе крестьянскаго банка,—все это такія мѣры, которыя безъ шума и грома, но прочно ведутъ къ благосостоянію сельскаго населенія и, такимъ образомъ, продолжаютъ великое дѣло 19-го февраля 1861 г. К. К. Гротъ произнесъ пожеланіе, къ которому присоединились и всё присутствовавшіе, дабы и на будущее время это славное дѣло продолжало бы развиваться ко благу и счастью русскаго народа.

Засимъ предсѣдатель провозгласилъ въ теченіи обѣда слѣдующіе тосты: 1. За здоровье Государя Императора.—2. Въ память Главнаго Виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.—3. За великое дѣло 19-го февраля 1861 г.—4. За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.—5. Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ, и 6. За благоденствіе Россіи.

Первый и послѣдній тосты приняты съ особеннымъ оживленіемъ.

Вслѣдъ за тостами К. И. Домонтовичъ сказалъ рѣчь въ память умершаго обычнаго участника сихъ обѣдовъ—К. Д. Кавелина († 4-го мая 1885 г.), въ которой живыми чертами охарактеризовалъ высоко нравственную его личность и выяснилъ значеніе Кавелина въ исторіи крестьянскаго дѣла и громадное вліяніе, какое онъ имѣлъ на своихъ друзей, членовъ Редакціонныхъ Комиссій,—непосредственныхъ участниковъ въ составленіи Положеній 19-го февраля.

П. П. Семеновъ въ обширномъ словѣ развилъ рѣчь Константина Ивановича Домонтовича, прослѣдя біографію знаменитаго ученаго, профессора, публициста и философа—прекрасно освѣтивъ главнѣйшіе моменты этой жизни, всецѣло посвященной служенію страстно любимому имъ Отечеству.

Н. И. Стояновскій и М. И. Семевскій указали на заслуги Н. В. Калачова († 25-го октября 1885 г.), бывшаго въ составѣ Редакціонныхъ Комиссій какъ-бы представителемъ старой Россіи, быть которой имъ, Калачовымъ, всесторонне изученъ былъ по историческимъ и юридическимъ ея памяткамъ и изъ которыхъ онъ черпалъ многое въ подкрѣпленіе крестьянской реформы, которой глубоко сочувствовалъ и для которой потрудился съ тою горячностью и энергіею, съ которыми трудился и прежде и послѣ, какъ профессоръ, какъ ученый изслѣдователь (между прочимъ и исторіи крестьянъ) и устроитель археологическаго и архивнаго дѣла в. в. Россіи.

Обѣдъ завершился оживленною бесѣдою, чтеніемъ напечатанныхъ стихотвореній П. И. Вейнберга и А. Н. Яхонтова, написанныхъ ими 19-го февраля 1861 и 1886 гг., въ день и въ двадцать пятую годовщину освобожденія крестьянъ.

Собраніе разошлось въ $1\frac{1}{2}$ 10 час. вечера.

Приводимъ вышеозначенную рѣчь Константина Ивановича Домонтовича:

— „Воспоминаніе о Константи́нѣ Дми́тріевичѣ такъ еще живо, образъ его такъ мало изгладился въ моей памяти, что, говоря о немъ, я не могу совладать съ моимъ волненіемъ.

„Я встрѣтилъ у гроба покойнаго, въ день его погребенія, 7-го мая, чрезвычайно разнохарактерную толпу людей разныхъ поколѣній, противоположныхъ убѣжденій, изъ различныхъ слоевъ общества. Старики и юноши, консерваторы и либералы, сановники, ученые, литераторы и простые рабочіе сошлись отдать ему послѣдній долгъ.

„Чѣмъ объяснить такое увлеченіе, такую любовь къ покойному Константину Дми́тріевичу?

„Онъ былъ талантливый профессоръ, публицистъ, ученый юристъ, историкъ и философъ. Но этимъ далеко не обрисовывается личность Константина Дми́тріевича. Онъ представлялъ собою нравственную силу, цѣльный характеръ, умъ дѣятельный и пытливый, въ немъ жила душа нѣжная и отзывчивая, все человѣческое было ему близко и доступно.

„Въ немъ было столько жизненной силы, столько дѣятельной любви къ людямъ, столько страстнаго желанія уяснить для себя и для другихъ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ благополучіе отдѣльныхъ личностей, обществъ и цѣлыхъ народовъ, что ни года, ни непрерывный трудъ, ни тяжкія болѣзни, ни потеря обожаемыхъ имъ дѣтей не могли сломить его энергіи, затмить ясность его мысли, ослабить его пытливость.

„Подъ старость, предъ смертію, онъ также чутко относился къ людямъ и событіямъ, также настойчиво добивался ихъ пониманія и разъясненія, также охотно дѣлился съ другими результатами своихъ изысканій, какъ и въ началѣ своей карьеры.

„Все хорошее, честное находило въ немъ страстнаго цѣнителя, все фальшивое было для него невыносимо. Онъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ лжи съ правдою, никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью. Поэтому и привязанности его и ненависть не знали предѣловъ.

„Мы всѣ знаемъ, какъ онъ умѣлъ любить и ненавидѣть.

„Такая живая, дѣятельная, кипучая натура должна была оказывать сильное вліяніе на окружающую его среду. И дѣйствительно, оно было громадно. Если онъ не всегда убѣждалъ, то всегда расшевеливалъ хорошія чувства, побуждалъ къ мысленію и дѣятельности лѣнныя натуры.

„Онъ былъ идеалистъ 1840-хъ годовъ. Вся жизнь его была посвящена

на служеніе излюбленнымъ идеаламъ. Онъ увлекался ими самъ, увлекалъ и другихъ. Въ 1850-хъ годахъ онъ предался дѣлу освобожденія крестьянъ, и въ то время, когда вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ еще не выяснился, обсуждался только въ интимныхъ кружкахъ, Константинъ Дмитріевичъ первый заявилъ въ печати, что воля безъ земли немыслима.

„Когда совершилось освобожденіе, К. Д. съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми измѣненіями, совершавшимися въ бытѣ крестьянъ, радовался, когда благосостояніе ихъ улучшалось, страдалъ, когда стали приходиться вѣсти объ упадкѣ ихъ хозяйства и разореніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но никогда не падалъ духомъ, не терялъ вѣры въ лучшее будущее.

„Онъ любилъ народъ, любилъ Россію и зорко слѣдилъ за всѣми проявленіями ея жизни.

„Конецъ своего поприща онъ ознаменовалъ подвигомъ. Во время преобладанія почти поголовнаго скептицизма, отрицанія историческихъ идеаловъ, когда всѣ нравственные принципы сводились къ утилитаризму, пессимизму или, что еще хуже, къ теоріи борьбы за существованіе, К. Д.—обратился къ нашей недоумѣвающей молодежи съ своими задачами этики. Онъ смѣло заявилъ ей, опираясь на научный анализъ, что нравственность не есть случайный продуктъ цивилизаціи, что она присуща природѣ человѣка, что чувство добра и зла не иллюзія, созданная воспитаніемъ, что оно коренится въ сознаніи человѣка и не можетъ быть истреблено никакими умствованіями.

„Я знаю, что эта научно-нравственная проповѣдь, преимущественно потому, что она исходила отъ такого чистаго и уважаемаго человѣка, какииъ былъ К. Д., не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; она многихъ отрезвила, измѣнила направленіе ихъ мыслей.

„Между нами есть идеалисты 1840-хъ годовъ, не измѣнившіе еще своимъ идеаламъ. Почтииъ же память самаго рьянаго изъ провозвѣстниковъ и поборниковъ дорогихъ намъ убѣжденій. Онъ высоко держалъ знамя правды и добра, смѣло провозглашалъ свои идеалы и готовъ былъ пострадать за нихъ“.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1886 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1772—1863 гг. Гл. XXII—XXX	39—62
II. Первый кадетскій корпусъ въ 1826—1833 гг. Воспоминанія ген. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго .	63—95
III. Въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1847—1852 гг. Воспоминанія по поводу 50-лѣтняго юбилея училища. (Окончаніе). Сообщ. Н. А. Тютчевъ.	361—376
IV. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева о пережитомъ и пережитомъ съ 1803 г. Часть вторая. Гл. XII—XIV	377—398
V. Записки Дмитрія Ивановича Кипіани съ 1820 г. Гл. I—II.	517—538
VI. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассежъ. Часть III. Гл. I	453—464
VII. Гавріиль Якимовичъ Ломакинъ. Автобіографическія записки, съ примѣчаніями В. В. Стасова. Гл. I—VI.	645—666

- VIII. Война за независимость славянъ въ 1877 — 1878 гг.
 Посмертныя записки генер. отъ инфантеріи П. Д.
 Зотова. Гл. I—IV 213—240; 425—450

Историческіе и біографическіе очерки.

- I. Теофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверской, въ
 1706—1741 гг. Историческій очеркъ. Сообщ. И. Я.
 Морошкинъ 1—38; 265—292
- II. Митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ, † 1715 г. Пере-
 несеніе его праха въ 1826 г. Сообщ. А. А. Титовъ.
 589—592
- III. Филаретъ и Иннокентій. Памятная записка Анд. Ник.
 Муравьева, 1848 г. Сообщ. А. А. Титовъ. . . 593—596
- IV. Еропкины. Замятка и родословіе. Сообщ. Вѣра Вас.
 Еропкина 561—570
- V. Докторъ Иванъ Тимѣевичъ Богородскій, одна изъ
 жертвъ бунта военныхъ поселянъ 1831 г. Сообщ.
 Софія А. Ярошъ 581—586
- VI. Павелъ Петровичъ Годенинъ, † 24-го іюля 1847 г.
 Сообщ. А. М. Дренякинъ 587—588
- VII. Леонидъ Ксенофоновичъ Квитницкій, генераль-лейте-
 нантъ, род. 1828, † 1885 г. 637—641
- VIII. Юлій Ивановичъ Гребке, † 2 января 1886 г. 501—502
- IX. Изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Нико-
 лаевская дорога, между Петербургомъ и Москвою, въ
 1842 — 1852 гг. Гл. X — XXII. (Окончаніе). Очеркъ
 А. И. Штукенберга 97—128
- X. Послѣдніе дни въ русской Америкѣ. Изъ записокъ
 очевидца. 1867 г. Сообщ. М. И. Вавиловъ . . 549—560
- XI. Картинное и книжное народное производство и тор-
 говля. Разказъ И. А. Голышева, основателя и владѣльца
 литографіи въ слободѣ Мстерѣ, 1858—1886 гг. 679—726
- XII. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ во время управ-
 ленія его военнымъ министерствомъ, 1861 — 1881 гг.
 241—256

Переписка, рассказы, материалы, замѣтки.

	стр.
I. Письмо англичанки Бирчъ—Николаю I, 17 января 1826 г.	577—580
II. Война съ польскими мятежниками 1831 года, въ перепискѣ императора Николая I съ графомъ Дибичемъ Забалканскимъ. Письма LXXVIII—LXXXI	539—548
III. Императоръ Николай Павловичъ въ его военныхъ распоряженіяхъ, 1848 и 1854 гг. Собственноручныя записки императора Николая Павловича военному министру графу Чернышеву. Сообщ. Л. М. Чичаговъ.	571—576
IV. Письма цесар. Александра Николаевича къ его воспитателю К. К. Мердеру	399—410
V. Рассказы объ имп. Николаѣ — Евгеніи Андреевича Егорова, инженеръ-генераль-лейтенанта. Сообщ. Анатолій Егоровъ	411—423
VI. Изъ прошлаго. Сообщ. А. Дренякинъ	260—262
VII. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, предсѣдатель редакціонныхъ комиссій по составленію положеній объ устройствѣ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, род. 1801 г., † 1874 г.	451—452
VIII. Памятники Александру II Освободителю, сооруженные крестьянами. Сообщ. М. И. Городецкій.	493—498
IX. Памятникъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущева, † 27-го юня 1740 г.	263
X. Деятнадцатое февраля 1886 г.	760

Исторія русской литературы.

I. Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ. Изъ собранія П. В. Шейна.	483—492; 667—678
II. Степанъ Петровичъ Шевыревъ. Два стихотворенія его, 1857 г. Сообщ. П. В. Шейнъ. 129—130; 423—424	
III. Сергій Тимоеевичъ Аксаковъ. Стихотвореніе его: При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ (январь 1858 г.). Сообщ. П. В. Шейнъ. 95— 96	
IV. Николай Платоновичъ Огаревъ. Радаевъ. Поэма въ стихахъ. Сообщ. Т. П. Пассекъ. 465—482	

- V. Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.
 Записка его объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи.
 Гл. I—VII. 131—180; 293—320
- VI. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
 1. Письма его къ брату, Николаю Сергѣевичу, 1863—
 1878 гг. 597—608
- VII. Николай Ивановичъ Костомаровъ.
 1. Н. И. Костомаровъ, 1817—1885 г. Очеркъ В. И.
 Семевскаго. 181—212
 2. Н. И. Костомаровъ въ послѣднія десять лѣтъ его
 жизни, 1875—1885 гг. (Окончаніе). Сообщ. Д. Л. Мор-
 довцевъ. 323—360
 3. Н. И. Костомаровъ въ 1857—1875 гг. Воспоминанія
 Н. А. Бѣлозерской. Гл. I—VI. 609—636
- VIII. Николай Васильевичъ Калачовъ.
 Некрологъ, † 25 октября 1885 г. Сообщ. А. В. Смир-
 новъ. 257—260
- IX. Павелъ Васильевичъ Кукольникъ.
 Замятка. Сообщ. А. В. Ж. 642—644
- X. Андрей Ивановичъ Подолинскій, † 4 янв. 1886 г.
 Некрологъ, Сообщ. Ор. Ѳед. Миллеръ. 513—516
- XI. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ † 27 января 1886 г.
 Очеркъ его жизни и общественной дѣятельности. Сост.
 профессоръ Ор. Ѳ. Миллеръ. 745—759
- XII. Адольфъ Петровичъ Берже, † 31-го января 1886 г.
 Очеркъ его жизни и учено-литературной дѣятельности.
 Списокъ трудовъ.—Погребеніе его въ Тифлисѣ . 727—744
- XIII. Александръ Николаевичъ Яхонтовъ.
 19-ое февраля 1861—1886 гг. Стихотвореніе . . 321—322

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

- I. Портретъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра II,
 гравюра на мѣди Ѳ. А. Мѣркина.
 (См. стр. 265).
- II. Портретъ генер.-адъютанта графа Дмитрія Алексѣевича
 Милютина, гравиров. на мѣди академ. И. П. Пожа-
 лостинъ.
 (См. стр. 1).

III. Портретъ гр. Виктора Никитича Панина, гравиров. И. И. Матюшинъ.

(См. стр. 361).

IV. Портретъ сенатора Якова Александровича Соловьева, гравиров. И. И. Матюшинъ.

(См. стр. 425).

V. Памятники Александру II, сооруженные крестьянами.

(См. стр. 501).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. I, 1716—1730. Съ приложен. 8 портретовъ. Спб. 1885. 732 стр. (На оберткѣ I-й книги „Русской Старини“ изд. 1886 г.).
2. Каталогъ предметовъ музея древностей, состоящаго при Виленской публичной библиотекѣ. 2-ое изд. Вильна. 1885 г. 272 стр. (Тамъ-же).
3. Архивъ князя Воронцова. Книга XXVI. М. 1884. 504 стр. (Тамъ-же)
4. Жизнь и труды В. Г. Барскаго. Соч. Н. Барсукова. Спб. 1885 г. 72 стр. (Тамъ-же).
5. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг. Т. I, 1806—1807 гг. А. Н. Петрова. Спб. 1885 г. 414 стр., съ план. и карт. (Тамъ-же).
6. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. Сост. Н. К. Шильдеръ. Спб. 1885 г. Томъ первый. (На оберткѣ II-й книги „Русской Старини“ изд. 1886 г.).
7. Дома и на войнѣ. 1853—1881 гг. Воспоминанія и рассказы Александра Верещагина. Спб. 1886 г. (Тамъ-же).
8. Рассказы про Суворова. А. Θ. Петрушевскаго. (Съ портретомъ Суворова). Спб. 1885. (Тамъ-же).
9. Жизнь и труды принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, ко дню пятидесятилѣтія Императорскаго училища правовѣдѣнія. Сост. А. Папковъ, бывшій воспитанникъ училища. Спб. 1885. (Тамъ-же).
10. Отчетъ Императорской публичной библиотекы за 1883 г. Спб. 1885. (Тамъ-же).
11. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Александра I. П. Знаменскаго. Казань, 1885, 248 стр. (Тамъ-же).
12. Изслѣдованія о Русской Правдѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго В. II. М. 1885. XLI + 289. (Тамъ-же).

13. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ восьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ. Варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885 г. (См. „Русскую Старину“ изд. 1886, книга II, стр. 503—505).
14. Собраніе мѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, изд. подъ редакціею преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго, три тома. Спб., 1885 г., въ 6. 8-ю д. (Тамъ-же, стр. 505—509).
15. Общій Морской Списокъ. Спб. 1885 г., 2 ч. 982 стр. — (Первая часть—отъ основанія флота до кончины Петра Великаго; вторая—отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престоль Екатерины. II). (Тамъ-же, стр. 509).
16. Витебская Старина, томъ IV. Сост. и изд. А. Сапуновъ. Витебскъ. 1885 г. (Тамъ-же, стр. 509—510).
17. Сѣверный юбилей. 1584 — 1884 гг. Въ память исполнившейся 300-лѣтней годовщины города Архангельска. Изд. арханг. губ. стат. комит. подъ редакціею Я. И. Лудмера. Архангельскъ 1885 г. (Тамъ-же, стр. 510—511).
18. Енисейская губернія къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири. Статистико-публицистическіе этюды С. Чудновскаго. Удостоено преміи красноярской городской думы. Томскъ. 1885 г. Прилож. къ „Сибир. Газ.“ 1885 г. (Тамъ-же, стр. 511).
19. Переходъ Россіи къ регулярной арміи. Изслѣдованіе П. О. Бобровскаго. Спб. 1885 г., стр. 215. (Тамъ-же, стр. 511—512).
20. Червенскіе города. Историч. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси. Соч. А. В. Лонгинова. Варш. 1885, 368 стр. (На оберткѣ III-й книги „Русской Старины“ изд. 1886 г.).
21. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. Археографич. ком-Т. X. Спб. 1885, 244 стр. (Тамъ-же).
22. Исторія родовъ русскаго Дворянства. Сост. П. Н. Петровъ. Томъ I (339 прозваній съ 32-мя родословными таблицами и 150-ю гербами фамилій, кромѣ гербовъ территорій; трехъ видовъ госуд. печати и госуд. знамени). Спб. Книгоизд. Г. Гоппе. 1886 г. 400 стр. (Тамъ-же).
23. Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства. 1809—1884 гг. Составилъ А. Надеждинъ. Спб. 1885 г. 658 стр. (Тамъ-же).

Вышла и разсылается тѣмъ изъ подписчиковъ «Русской Старины» на 1886 г., которые выслали одинъ рубль—книга:

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

изданныхъ редакціею историческаго журнала

„**РУССКАЯ СТАРИНА**“.

Спб. 1886 г. въ 8 д. 200 стр. Второе собраніе гравюръ-портретовъ, исполненныхъ художниками: Грачевымъ, Матз, Матюшинымъ, Даугелемъ, и Панемакеромъ (въ Парижѣ). Цѣна пять руб., а для подписчиковъ «Русской Старины» на 1886 г. одинъ рубль съ пересылкою.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за два руб. съ пересылкою, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе Ив. Ив. Ореуса:

ОПИСАНІЕ ВЕНГЕРСКОЙ ВОЙНЫ

1849 г.

съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ.

Венгерская война 1849 г. въ свое время имѣла громадное вліяніе на весь ходъ событій въ западной Европѣ, потрясенной общимъ революціоннымъ движеніемъ. Блестящимъ исходомъ этой войны политическій авторитетъ императора Николая I возведенъ былъ до своего апогея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ненависть къ нему всей революціонной партіи доведена была до крайнихъ предѣловъ. Благодарность же спасенной нами Австріи выразилась, черезъ 6 лѣтъ послѣ этого, явнымъ переходомъ на сторону враговъ Россіи. Примѣръ весьма поучительный.

Предлагаемое описаніе названной войны раздѣлено на 2 отдѣла. Въ 1-мъ изображена картина политическаго состоянія австрійской имперіи въ концѣ 1840-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; указаны причины, увлекшія венгерцевъ къ разрыву съ австрійскимъ правительствомъ, и описанъ въ общихъ чертахъ ходъ борьбы ихъ съ австрійцами, до той поры, когда вѣнскій дворъ обратился къ императору Николаю съ просьбою о помощи. 2-й отдѣлъ (стр. 93 — 546) заключаетъ въ себѣ подробное описаніе воен. дѣйствій въ Венгріи и Трансильваніи со времени вступленія туда русскихъ войскъ до сдачи арміи Гергея и разсѣянія остальныхъ мелкихъ матежническихъ отрядовъ. Отдѣлъ этотъ раздѣленъ на 13 главъ. Изложеніе основано большею частью на рукописныхъ архивныхъ документахъ воен. министерства, а также на малонзвѣстныхъ у насъ иностранныхъ сочиненіяхъ или мемуарахъ участниковъ войны. Къ сочиненію приложено 14 картъ и плановъ. Въ отдѣлѣ приложеній, заключающихъ въ себѣ много интересныхъ документовъ, указаны тѣ источники, которыми авторъ пользовался при своемъ трудѣ.

вымъ родословіемъ не только князей, но и другихъ выдающихся московскихъ людей того времени». Затѣмъ авторъ очерка переходитъ къ общему обзору дальнѣйшаго развитія этого вопроса и придаетъ особенно важное значеніе извѣстному «Сборнику» Спиридова, въ которомъ тщательно подобраны свѣдѣнія о представителяхъ родовъ русской древней аристократіи, подъ непосредственнымъ руководствомъ кн. М. М. Щербатова. Этими «Сборникомъ» отчасти пользовался и кн. П. Вл. Долгоруковъ, который задался мыслью издать большую Россійскую родословную книгу въ 10—12 томовъ, но въ дѣйствительности издалъ только четыре тома, и при этомъ съ весьма крупными погрѣшностями, вслѣдствіе недостатка научной подготовки. Послѣ Долгорукова, время отъ времени, печатались отдѣльные монографіи и матеріалы, относящіеся къ генеалогіи различныхъ русскихъ и малороссійскихъ дворянскихъ фамилій. Не мало такихъ матеріаловъ помѣщено и въ «Русской Старинѣ», редакция которой издала въ 1873 и 1875 гг. два тома «Русской родословной книги титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій», сост. кн. А. Бор. Лобановымъ-Ростовскимъ. При этомъ редакция «Русской Старины», согласно своей задачѣ, а именно въ виду историческихъ справокъ, отдала предпочтеніе тѣмъ фамиліямъ, представители которыхъ ознаменовали себя болѣе или менѣе важными заслугами на поприщѣ государственной, общественной или иной дѣятельности.

Въ «Исторіи родовъ русскаго дворянства» мы не встрѣчаемъ возможно непрерывныхъ поколѣнныхъ росписей тѣхъ или другихъ фамилій; цѣль изданія болѣе общая, и составитель имѣетъ намѣреніе представить данныя о родахъ, входящихъ въ составъ русскаго дворянства. Въ настоящее время вышло только первый томъ этого роскошнаго изданія; онъ состоитъ изъ четырехъ частей: а) Рюряковъ родъ. Князья природные и отъ нихъ происшедшіе дворяне; б) знатъ инородическая въ Россіи; в) дворянство отъ монарховъ всероссійскихъ, жалованное титулами князей и графовъ, и г) русское дворянство нетитулованное. При этомъ приложены: перечень гербовъ, помѣщенныхъ въ текстъ

перваго тома, алфавитный перечень 339 прозваній князей, графовъ и дворянъ, вошедшихъ въ настоящій томъ «Исторіи родовъ русскаго дворянства», и перечень родословныхъ таблицъ. Н. В.

Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства. 1809—1884 гг. Составилъ А. Надеждинъ. Спб. 1885 г., 658 стр. Ц. 3 р.

Авторъ воспользовался для своего труда весьма обширнымъ матеріаломъ; таковы: во первыхъ, архивы — семинарскій, академическій, алекс.-невскаго училища, консисторскій, синодальный, а также другихъ семинарій; во-вторыхъ, печатные уставы и проекты по части устройства духовно-учебныхъ заведеній съ разными разъясненіями, планами, программами и записками; отчеты синодальнаго оберъ-прокурора 1836—1882 гг., ревизорскіе отчеты, журналы собранія конвѳеренціи Спб. духовной академіи и т. п.; въ третьихъ, разные сочиненія къ исторіи духовно-учебныхъ заведеній и духовнаго просвѣщенія въ Россіи; письма, воспоминанія, записки и т. п. Исторія самой семинаріи раздѣлена авторомъ на три періода: 1) отъ начала духовно-учебной реформы 1808 г. и открытія семинаріи, до преобразованія духовно-учебной части въ оберъ-прокурорство гр. Протасова; 2) съ этого времени до царств. Александра II, и 3) съ цар. Александра II по 1884 годъ. Каждый же періодъ авторъ разсматриваетъ въ такомъ порядкѣ: высшее управленіе; должностныя лица; обученіе; воспитаніе; экономія; воспитанники. Въ заключеніе приложенъ списокъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинарій съ 1811 по 1884 годъ, а также есть замѣтка о семинарскомъ архивѣ. Онъ весьма обстоятельно воспользовался собраннымъ матеріаломъ; объективно изобразилъ вліяніе и отношенія разныхъ сферъ и лицъ къ духовному просвѣщенію; наконецъ, собиравъ много новыхъ данныхъ по исторіи духовнаго образованія и воспитанія въ Россіи, и съ этой стороны книга его, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе всѣхъ, интересующихся судьбами послѣднихъ.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (56 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (49 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеvскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

АПРѢЛЬ.

1886 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ.

Состав. Гельбигъ, секретарь сансонскаго посольства при Екаѳеринѣ II.

Предисловіе переводчика (3).—Предувѣомленіе автора (13)—I. Францъ Лефортъ (15).—II. Меншиковъ (22).—III. Екаѳерина Алексѣевна I (35).—IV. Шафировъ (48).—V. Генрихъ Остерманъ I (54).—VI. Иванъ Остерманъ II (70).—VII. Павелъ Ягужинскій (71).—VIII. Ягужинскій II (76).—IX. Девьеръ (76).—X. Вейде (80).—XI. Анна Крамеръ (83).—XII. Монсъ де-ла Круа (85).—XIII. Кайзерлингъ, рожд. Монсъ (88).—XIV. Балкъ, рожд. Монсъ (90).—XV. Балкъ (91).—XVI. Глюкъ (92).—XVII. Вильбуа, рожд. Балкъ (93).—XVIII. Вильбуа (94).—XIX. Алсуфьевъ I (95).—XX. Василий Алсуфьевъ II (96).—XXI. Василій (97).—XXII. Макаровъ (98).—XXIII. Шульцъ (99).—XXIV. Генингъ (99).—XXV. Древникъ I (100).—XXVI. Древникъ II (101).—XXVII. Шенелевъ (101).—XXVIII. Райзеръ (103).—XXIX. Елачинъ (103).—XXX. Шлатеръ (104).—XXXI. Фридрихъ Ашъ (104).—XXXII. Абрамъ Ганнибалъ (105).—XXXIII. Карлъ Скавронскій (106) — XXXIV. Скавронская (109).—XXXV. Христіана Гендрикова (110).—XXXVI. Симонъ Гендриковъ (110).—XXXVII. Анна Ефимовская (111).—XXXVIII. Михаилъ Ефимовскій (112).—XXXIX. Фикъ (113).—XL. Еристъ Биронъ (114).—XLI. Карлъ Биронъ II (133).—XLII. Густавъ Биронъ III (134).—XLIII. Эйхлеръ (135).—XLIV. Собанинъ (136).—XLV. Лестоуъ (137).—XLVI. Шварцъ (150).—XLVII. Грюнштейнъ (151).—XLVIII. Алексѣй Разумовскій I (152).—XLIX. Кирилъ Разумовскій II (155).—L. Шубинъ (159).—LI. Бергеръ (161).—LII. Карлъ Сиверсъ I (166).—LIII. Сиверсъ II (167).—LIV. Лялинъ (168).—LV. Возжисскій (169).—LVI. Ермайлъ Скворцовъ (169).—LVII. Чоголовъ (170).—LVIII. Чулковъ (171).—LIX. Иванъ Черкасовъ (172).—LX. Олофъ (173).—LXI. Подтарацкій (174).—LXII. Иванъ Шуваловъ (175).

II. Литературная кофейня въ Москвѣ въ 1830—1840 гг. Воспом. А. Д. Галахова 181.

III. Воспоминанія К. К. Арсеньева объ училищѣ правовѣднія въ 1849—1855 гг. 199.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Портретъ: Тимоѳея Николаевичъ Грановскій, 1855 г. Гравиров. В. В. Матѣ.

Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе) напечатанъ и разсылается тѣмъ изъ подписчиковъ «Русской Старины», которые возобновили подписку на 1886 г., выслали одинъ руб. за Альбомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екаѳеринскій каналъ, д. № 78

1886.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1886 г.

Кругъ церковнаго знаменнаго пѣнія, въ шести частяхъ, изд. иждивеніемъ потом. поч. гражд. А. И. Морозова. Спб. 1884, ч. I, II и III; 1885, ч. IV и V.

Изданіе настоящаго сборника, требующаго значительныхъ издержекъ и тщательнаго труда, составляетъ у насъ весьма рѣдкое и тѣмъ болѣе отрадное явленіе, что оно предпринято по почину и на средства частнаго лица, которое притомъ заявляетъ, что «всѣ бібліотеки духовныхъ учебныхъ заведеній снабжены имъ этимъ изданіемъ безвозмездно». Ген. Ѳ. Карповъ, взявшій на себя наблюденіе за изданіемъ, по просьбѣ А. И. Морозова и порученію Имп. Общества любителей древней письменности, отнесся съ полною любовью къ своей задачѣ. Не считая себя компетентнымъ въ исторіи церковнаго пѣнія, онъ обратился къ знатоку исторіи церковной музыки, протоіерею Дм. В. Разумовскому, который согласился редактировать изданіе и приложить къ нему, въ видѣ вступленія, свое изслѣдованіе «О знаменномъ распѣвѣ».

«Кругъ церковнаго древняго знаменнаго пѣнія» представляетъ собой возможно полный сборникъ старинныхъ такъ наз. «крюковыхъ» нотъ, которыя могутъ служить нагляднымъ образцомъ прежняго церковнаго нотописанія».

«Знаменный», или «столповой», т. е. нотный распѣвъ, по свидѣтельству о. Разумовскаго, самый древній изъ всѣхъ употребляемыхъ греко-россійской церковью при богослуженіи и былъ принесенъ въ Кіевъ пѣвцами греческими или славянскими. Первое нотописаніе было безлинейное и въ такомъ видѣ существовало до половины XVII-го столѣтія, когда было замѣнено линейнымъ, но такъ какъ пѣвцамъ трудно было привыкать къ новымъ линейнымъ нотамъ, то нѣкоторое время надъ каждою строкой текста священныхъ пѣснопѣній помѣщались вмѣсто одной двѣ строки нотъ: линейныхъ и безлинейныхъ. Такой-же, но еще болѣе ранній переходъ отъ стараго къ новому совершился и съ текстомъ священныхъ пѣснопѣній. Въ началѣ XV вѣка полугласныя буквы, которыми обилговалъ текстъ въ нотныхъ книгахъ стараго почерка, (согласно тогдаш-

ней общепотребительной славянскоѣ рѣчи), стали постепенно замѣняться гласными. Въ связи съ этимъ измѣнился и самый почеркъ въ нотныхъ книгахъ, по мѣрѣ замѣны одного писчаго матеріала другимъ, а именно: пергаментъ замѣненъ бумагой, стиль простымъ перомъ, тушь чернилами.

Кромѣ того, для большаго удобства со стороны педагогическихъ пріемовъ, въ нотныхъ книгахъ введены были красныя киноварныя помѣты, которыя, въ половинѣ XVII столѣтія рѣшено было замѣнить черными, потому что современные типографы заявили, что «печатать черныя безлинейныя ноты и въ то-же время красныя помѣты—неудобно и невозможно».

Но даже и при тѣхъ усовершенствованіяхъ, какихъ достигло типографское искусство въ наше время, печатаніе «крюковыхъ» нотъ потребовало особыхъ приспособленій, которыя и были придуманы о. Разумовскимъ. Тѣмъ не менѣе Г. Ѳ. Карповъ, имѣя въ виду, что изданіе «Круга церковнаго древняго знаменнаго пѣнія» можетъ затянуться на многіе годы, рѣшилъ прибѣгнуть къ свѣтопечати; оригиналомъ для снимковъ послужила рукопись «крюковыхъ» нотъ, прекрасно исполненная крестьяниномъ И. А. Фортовымъ.

Церковная мелодія знаменнаго распѣва изображена въ сборникѣ безлинейными нотами съ красными (киноварными) помѣтами Шайдурова, ученика Новгородской школы XVI вѣка, и тушевыми — второй комиссіи, учрежденной въ послѣдніе годы жизни царя Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, въ первой части изданія помѣщены образцы нотныхъ рукописей, принадлежащихъ разнымъ вѣкамъ русской церкви, и ключъ къ «крюковымъ» нотамъ, составленный И. А. Фортовымъ.

Сочиненія В. А. Жуковскаго съ портретомъ, грав. И. П. Пожалостиннымъ. Изд. восьмое (И. И. Глазунова), исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1885.

Настоящее восьмое изданіе сочиненій В. А. Жуковскаго, подобно предъидущему, вышло подъ редакціей П. А. Ефремова, что служить надежнымъ ручательствомъ полноты текста и вообще тщательности выполненія всей редакціи изданія. Въ этомъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 года.

1886 г.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова, Екатерининскій в., № 78.

1886.

„Русская Старина“ въ теченіе семнадцати лѣтъ ея изданія неоднократно помѣщала на своихъ страницахъ извѣстія иностранцевъ о Россіи XVIII вѣка.

Изъ таковыхъ историческихъ памятниковъ особенно значительны по объему и по значенію для отечественной исторіи прошлаго вѣка, Записки генерала Манштейна, напечатанныя приложеніемъ къ „Русской Старинѣ“, изд. 1875 года.

Въ настоящей книгѣ пятидесятого тома „Русской Старины“ помѣщаемъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго языка, довольно извѣстный между изслѣдователями и любителями русской исторіи XVIII вѣка трудъ Гельбига, бывшаго секретаремъ саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины II, а именно книгу: „Русскіе избранники“ (Russische Günstlinge), изд. 1809 г.

Дабы не растянуть перевода этого біографическаго словаря по многимъ книгамъ „Русской Старины“, мы помѣстили первую его половину въ настоящемъ выпускѣ нашего журнала, предполагая, что при разнообразіи и многочисленности вошедшихъ сюда біографій и біографическихъ замѣтокъ, чтеніе этой книги представитъ довольно живой интересъ.

Переводчикъ обставилъ свой трудъ множествомъ указаній на позднѣйшіе источники, въ которыхъ помѣщены свѣдѣнія, дополняющія и исправляющія показанія Гельбига, писателя весьма добросовѣтнаго, но иногда впадавшаго въ ошибки, такъ какъ онъ основывалъ свои рассказы на показаніяхъ иностранцевъ и на устныхъ преданіяхъ, переходившихъ при русскомъ дворѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Ред.

Гельбигъ
† 1813 г.

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ

и

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ.

Составилъ

ГЕОРГЪ ФОНЪ - ГЕЛЬВИГЪ,

секретарь саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины II,

1787—1796.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО И ПРИМѢЧАНІЯ
В. В.

Тюбингенъ.
1809.

Въ началѣ 1809 года, въ Тюбингенѣ, появилась небольшая книжка, на нѣмецкомъ языкѣ, посвященная различнымъ личностямъ, игравшимъ болѣе или менѣе видную роль въ русской жизни прошлаго вѣка. Не смотря на заманчивое заглавіе—Русскіе избранники (Russische Günstlinge)—способное, казалось, привлечь вниманіе публики, книжка не имѣла успѣха. Въ тотъ годъ вниманіе Европы было поглощено военнымъ шумомъ перваго французскаго императора; Россіи тоже было не до книжекъ: турецкая и шведская войны были въ полномъ разгарѣ—Торнео былъ уже взятъ графомъ Шуваловымъ, при Журжевѣ турки были уже разбиты, но еще далеко было до мира, какъ къ этимъ двумъ театрамъ войны присоединился третій—была объявлена война Австріи и князь Сергѣй Голицынъ вступилъ въ Галичину. Къ этимъ общимъ причинамъ присоединились, быть можетъ, и частныя: книжка вышла безъ имени автора и не могла, слѣдовательно, внушать къ себѣ особое довѣріе; изъ 110-ти біографій, заключающихся въ книжкѣ, только меньшая часть посвящена русскимъ людямъ, большая же касается иностранцевъ, искавшихъ счастья при русскомъ дворѣ; наконецъ, въ настоящее даже время, въ концѣ XIX столѣтія, иностранныя книги подвергаются въ Россіи особой цензурѣ, интересуютъ очень немногихъ и читаются мало—великъ-ли же спросъ на нихъ былъ въ началѣ столѣтія? Какъ-бы ни было, но книжка не имѣла успѣха: она не была переведена ни на одинъ чужестранный языкъ, кромѣ шведскаго ¹⁾, и ни авторъ, ни издатель не дожили до втораго ея изданія, которое появилось лишь 75 лѣтъ спустя, въ 1883 году.

Въ 1853 году, профессоръ іенскаго университета Эрнстъ Германъ, въ своей «Исторіи государства Россійскаго», впервые обратилъ вни-

¹⁾ Rysska Gunstlingar, Stockholm. 1821.

маніе на тубингенскую книжку. «Эта книжка—говоритъ онъ—очень полезна для русской исторіи XVIII вѣка. На экземплярѣ, хранящемся въ королевской библиотекѣ въ Дрезденѣ, на корешкѣ переплета, вытѣснено имя ея автора—von Helbig».

Георгъ Адольфъ Вильгельмъ фонъ-Гельбигъ прибылъ въ Россію въ 1787 году ¹⁾, провелъ восемь лѣтъ преимущественно въ Петербургѣ, имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ и лично былъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ секретарь саксонскаго посольства. Недавно изданы депеши Гельбига изъ Петербурга къ саксонскому министру графу Лоссу въ Дрезденъ, изъ которыхъ легко усмотрѣть, что Гельбигъ исполнялъ возлагавшіяся на него обязанности весьма добросовѣстно и саксонское правительство было имъ вполне довольно. Онъ первый извѣстилъ о мирѣ, заключенномъ непосредственно между Россіей и Швеціей, между тѣмъ какъ въ Европѣ всѣ были убѣждены, что «миръ не иначе можетъ быть свершенъ, какъ при посредничествѣ трехъ союзныхъ дворовъ» ²⁾. Въ Дрезденѣ придавали большую цѣну сообщеніямъ Гельбига, чему, вѣроятно, способствовало отчасти и неудовольствіе русской императрицы на секретаря саксонскаго посольства. Екатерина II вообще не любила секретарей посольствъ. «Между нами будь сказано—писала она по поводу секретаря французскаго посольства Рюльера, автора «*Histoire sur la révolution de Russie en l'année 1762*»—я каждый день вижу, какъ секретари посольства готовы скорѣе лгать, чѣмъ сознаться въ своемъ невѣдѣніи». Но послѣ «секретаря» Рюльера, Екатерина болѣе всего не любила Гельбига. «Вы восторгаетесь моимъ 33-хъ лѣтнимъ царствованіемъ—писала она Гримму—между тѣмъ какъ ничтожный секретарь саксонскаго двора, давно уже находящійся въ Петербургѣ, по фамили Гельбигъ, говоритъ и пишетъ о моемъ царствованіи все дурное, что только можно себѣ представить; онъ даже останавливаетъ на улицѣ прохожихъ и говоритъ имъ въ этомъ духѣ. Это истый врагъ русскаго имени и меня лично. Разъ двадцать я уже извѣщала саксонскій дворъ, чтобъ его убрали отсюда; но саксонскій дворъ находитъ, повидимому, его сообщенія прелестными, такъ какъ не отзывается его; ну, если и послѣ послѣдней попытки, сдѣланной мною по этому поводу, его не уберутъ отсюда, я прикажу посадить его въ кибитку и вывезть за границу, потому что этотъ негодяй слишкомъ дерзокъ. Если можете,

¹⁾ Ich bin funfundzwanzig Jahre nach jener fürchterlichen Catastrophe des J. 1762 nach Russland gekommen. Helbig, Biographie Peter d. Dritten, III.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, XXVI, 423.

помогите мнѣ отдѣлаться отъ этой особы, столь ненавидящей меня». Восемь мѣсяцевъ спустя, въ маѣ 1796 года, Екатерина пишетъ тому же лицу: «Большое вамъ спасибо за ваше письмо графу Лоссу—оно имѣло полный успѣхъ, такъ какъ негодяй Гельбигъ былъ немедленно отозванъ» ¹⁾).

Такой отзывъ Екатерины II придаетъ особенное значеніе сообщеніямъ и взглядамъ Гельбига, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени извѣстенъ только одинъ, крайне ничтожный, фактъ, вызвавшій неудовольствіе Екатерины. Фактъ этотъ записанъ въ «Дневникѣ» Храповицкаго подъ 7 октября 1789 года:

«Въ перлюстраціи саксонскаго посланника: секретарь Гельбигъ 5 (16) октября къ Стутергейму въ Дрезденъ сообщаетъ, будто ея величество сказала о Сакенѣ: *que c'était un excellent ministre, un homme sage et rempli de probité*. Неправда, я никогда не говорила. Онъ мой подданный, а служилъ иностранному двору» ²⁾).

Саксонское правительство, дѣйствительно, находило сообщенія «негодая» Гельбига «прелестными»; только уступая неоднократно требованіямъ русской императрицы, оно отозвало, наконецъ, Гельбига изъ Петербурга, но лишь затѣмъ, чтобъ назначить его секретаремъ посольства при прусскомъ королѣ. Сообщенія Гельбига и изъ Берлина были, очевидно, не менѣе «прелестны», такъ какъ онъ вскорѣ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства и умеръ, 14 ноября 1813 года, саксонскимъ резидентомъ въ вольномъ городѣ Данцигѣ.

Дипломатическія сообщенія Гельбига не были обнародованы при жизни Екатерины; они были извѣстны ей только изъ перлюстраціи—источника крайне ненадежнаго, даже опаснаго. Сама же Екатерина составляла бумаги въ извѣстномъ смыслѣ и отправляла ихъ «почтой черезъ Берлинъ», когда желала ввести прусскаго короля въ заблужденіе. Изъ сочиненій же Гельбига ни одно не могло быть извѣстно Екатеринѣ, такъ какъ всѣ они изданы послѣ ея смерти. Между тѣмъ, изъ журнальной статьи о Потемкинѣ ³⁾, императрица могла бы убѣдиться, что Гельбигъ вовсе не былъ „врагомъ русскаго имени“, а изъ біографіи императора Петра III, что относительно ея лично онъ былъ скорѣе другомъ, чѣмъ врагомъ. Самымъ важнымъ и единственнымъ, впрочемъ, обвиненіемъ противъ Гельбига сама же Екатерина выставляетъ то обстоятельство, что онъ былъ любимцемъ прусскаго посланника графа Герца (*ce Helbig était un grand favori du comte Goertz*) —

¹⁾ Сборникъ русскаго историческаго общества, XXIII, 651, 674.

²⁾ Изд. Барсукова, Спб., 1874, стр. 312.

³⁾ *Potemkin der Taurier* въ «*Minerva*» за 1798, I, 27.

обвиненіе, служащее лучшимъ оправданіемъ для секретаря саксонскаго посольства.

Относительно добросовѣстности Гельбига, какъ саксонскаго чиновника, свидѣтельство графа Лосса, его начальника, является вполне достаточнымъ. Сама Екатерина говоритъ, что она разъ двадцать (vingt fois) требовала удаленія Гельбига, и графъ Лоссъ имѣлъ же основаніе двадцать разъ удерживать Гельбига на его посту. Предлагаемый читателямъ трудъ служить лучшимъ доказательствомъ добросовѣстности Гельбига, какъ писателя.

Провѣряя сообщенія Гельбига по тѣмъ источникамъ, которыми онъ пользовался, легко убѣдиться въ точности и даже осторожности, съ которыми онъ собиралъ свои свѣдѣнія. Такъ, онъ почти дословно заимствуетъ изъ «Записокъ» Манштейна и вѣрно передаетъ его рассказъ не только тогда, когда называетъ его, какъ, напримѣръ, въ жизнеописаніи Бирона, но и когда умалчиваетъ объ источникѣ, какъ, напримѣръ, въ біографіяхъ Шубина, Грюнштейна, Лестока и др. Онъ пользовался официальными донесеніями саксонскаго посланника Пецольда, какъ, напримѣръ, при описаніи казни Остермана ¹⁾; въ рассказѣ же о доносѣ Бергера на Лопухину съ точностію выписываетъ цѣлыя фразы изъ донесенія ²⁾. Такъ, сообщая рѣчь Лопухиной, какъ главный пунктъ, послужившій къ ея обвиненію, онъ осторожно перепаразируетъ официальное донесеніе, не позволяя себѣ ни малѣйшаго измѣненія:

Донесеніе Пецольда: Den Grafen von Loewenwolde ihres unveränderten Andenken zu versichern und dabei, dass er nicht verzagen, sondern allemal auf bessere Zeiten hoffen sollte anzufügen.

Пересказъ Гельбига: Den Grafen Loewenwolde ihres beständigen Andenkens versichern, und ihn in ihrem Namen bitten, er möchte ja nicht verzagen, sondern auf bessere Zeiten hoffen.

Самый же важный, наиболѣе для насъ драгоцѣнный, источникъ Гельбига заключается въ устныхъ рассказахъ современниковъ. Онъ засталъ еще въ живыхъ, познакомился и часто разспрашивалъ лицъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ при императрицѣ Аннѣ, даже при Екатеринѣ I и Петрѣ I ³⁾. Безъ труда Гельбига эти драгоцѣнныя свѣдѣнія современниковъ, эти живыя устныя сообщенія совершенно пропали бы для насъ. Онъ относился къ нимъ, впрочемъ, критически, и

¹⁾ Id., VI, 490.

²⁾ Сборникъ русск. истор. общества, VI, 404.

³⁾ Ich habe noch verschiedene Personen aus der Zeit der Kaiserinn Anna, ja sogar noch aus der Regierung Peters I und Catharina I gekannt und oft gesprochen. Helbig, Biogr. Peter des Dritten, Vorrede, III.

весьма добросовѣстно провѣрялъ и очищалъ эти устные сообщенія. Такъ, напримѣръ, въ жизнеописаніи Шкурина, изданномъ въ 1809 году, не помѣщены уже слова императора, отправлявшагося на знаменитый пожаръ, приведенныя въ «Біографіи Петра Третьяго», изданной годомъ раньше. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда не было возможности провѣрить противорѣчія устныхъ сообщеній, Гельбигъ добросовѣстно приводитъ оба противорѣчивые отзыва. Въ сообщеніяхъ этого рода Гельбигъ блистательно выдержалъ недавно довольно требовательное испытаніе: указы Петра III, впервые напечатанныя въ 1877 году, въ «Русской Старинѣ», вполнѣ подтвердили сообщенія Гельбига ¹⁾.

Само собою, однако, разумѣется, что, записывая устные сказанія современниковъ, Гельбигъ долженъ былъ приводить иногда и невѣрныя свѣдѣнія: онъ записывалъ вѣрно, но ему сообщали невѣрно — однимъ просто измѣняла память, другіе окрашивали рассказъ личными впечатлѣніями, третьи, быть можетъ, умышленно извращали факты, по честолюбивымъ или инымъ видамъ.

Имѣютъ ли, однако, для насъ какое либо значеніе «Біографіи» Гельбига, составленныя почти сто лѣтъ назадъ? Именно для насъ, когда издается такая масса драгоцѣннаго историческаго матеріала — официальныхъ бумагъ, писемъ тѣхъ лицъ; біографіи которыхъ писалъ Гельбигъ, и записокъ современныхъ имъ дѣятелей?

Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Мы, дѣйствительно, много издаемъ, но, къ сожалѣнію, все еще очень мало знаемъ.

У всѣхъ свѣжо еще въ памяти ученое единоборство изъ за голландскаго рисунка, на которомъ изображенъ не то Петръ Великій, не то посольскій карла ²⁾. Два такіе безспорно компетентные судьи въ данномъ случаѣ, какъ г. Стасовъ и г. Васильчиковъ, такъ и не рѣшили горячаго спора — имъ не удалось отличить величественнаго Петра отъ потѣшнаго карлы. Значительно успѣшнѣе окончилась назидательная бесѣда Лонгинова съ кн. Оболенскимъ о родѣ Чернышевыхъ ³⁾ — она окончилась признаніемъ Лонгинова, что онъ «неоднократно недоумѣвалъ, а Бантышъ-Каменскій и кн. Долгоруковъ дѣлали ошибочныя показанія о Чернышевыхъ».

¹⁾ «Русская Старина», XX, 176.

²⁾ Стасовъ, Портретъ Петра В. въ Голландіи (Древняя и Новая Россія, 1876, III, 177). Васильчиковъ, Замѣтка о новомъ портретѣ Петра В. (Id., 1877, I, 325). Стасовъ, Отвѣтъ г. Васильчикову (Id. 326). Васильчиковъ, Псевдопортретъ Петра В. (Русскій Архивъ, 1877, II, 95).

³⁾ Письма Екатерины II, съ примѣч. Лонгинова (Русскій Архивъ 1863, 405). Историческія замѣчанія вн. Оболенскаго (Id., 1865, 989). Замѣтка о Чернышевыхъ, Лонгинова (Id., 1004).

Намъ ли, неумѣющимъ отличить карла отъ Петра и путающимъ Чернышевыхъ, пренебрегать указаніями Гельбига? Однако, мы пренебрегали.

Въ Россіи книжка Гельбига «Russische Günstlinge» долгое время была совершенно неизвѣстна. Еще въ 1863 году, г. Бартеневъ, составляя «Каталогъ книгъ, собранныхъ А. Д. Чертковымъ», сообщалъ вкратцѣ содержаніе этой «рѣдкой» книги ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ въ нашихъ историческихъ журналахъ, преимущественно же въ «Русскомъ Архивѣ» и въ «Русской Старинѣ», стали появляться переводы цѣлыхъ біографій и выдержекъ изъ нихъ. Наконецъ, въ настоящее время, благодаря второму изданію книги Гельбига, сдѣланному ее болѣе или менѣе общедоступною, свѣдѣніями секретаря саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины II пользуются всѣ, занимающіеся русской исторіей XVIII вѣка.

Нѣмецкое заглавіе книги — Russische Günstlinge — передается на русскомъ языкѣ довольно различно: одни переводятъ его выраженіемъ «случайные люди», другіе видятъ въ нихъ «фаворитовъ», нѣкоторые — временщиковъ. Ни одно изъ этихъ наименованій не оправдывается, однако, содержаніемъ книги. Такія, напримѣръ, личности, какъ генералы Вейде и Михельсонъ; камергеры Гендриковъ и Ефимовскій, священникъ Дубянский, армянинъ Лазаревъ, писатель Радищевъ, не были ни случайными людьми, ни фаворитами, ни временщиками, а такихъ значительное большинство въ книгѣ Гельбига.

Люди, бывшіе «въ случаѣ», всѣ наперечетъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобъ ихъ было немного въ прошломъ столѣтіи; но несомнѣнно, что значительное большинство лицъ, упоминаемыхъ Гельбигомъ, не было «въ случаѣ». Сверхъ того, о нѣкоторыхъ личностяхъ, дѣйствительно бывшихъ «въ случаѣ», Гельбигъ вовсе не упоминаетъ.

— «Знаете-ли вы, что такое фаворитъ?» спросилъ Петръ В. одного иностраннаго посла.

— Человѣкъ, отвѣчалъ посолъ, пользующійся въ полной мѣрѣ милостью своего государя и, слѣдовательно, вполне счастливый.

— «Нѣтъ, сказалъ Петръ, вы ошибаетесь, мой другъ. Фаворитъ уподобляется рогамъ быка: они грозны, мощны на видъ, но внутри, вѣдь, пусты, надуты воздухомъ» ²⁾.

Такіе фавориты тоже встрѣчаются въ книгѣ Гельбига, но ихъ очень немного. Ни Шафировъ или Олсуфьевъ, ни Рыбасъ или Ашъ, ни Сиверсъ, ни Елагинъ, ни Тепловъ, ни Марковъ, ни Безбородко,

¹⁾ См. также Сборникъ русск. истор. общества, XXIII, 651, прим.

²⁾ Weber, Das veränderte Russland, II, 22.

ни десятки другихъ лицъ, описанныхъ Гельбигомъ, не были фаворитами и головы ихъ не были пусты.

Немного въ книгѣ Гельбига и временщиковъ; меньше даже, чѣмъ случайныхъ людей. Меншиковъ, Остерманъ, Биронъ, Орловъ, Потемкинъ, Зубовъ — шесть счетовъ, далеко неодинаковой пробы. Шестъ временщиковъ — слишкомъ много для одного столѣтія, но они не составляютъ и 6⁰/₁₀ общаго числа біографій, составленныхъ Гельбигомъ.

Сообразно содержанію этихъ 110-ти біографій, нѣмецкое заглавіе книги «Russische Günstlinge» вѣрнѣе всего передается на русскомъ языкѣ выраженіемъ «Русскіе избранники». Подъ это наименованіе подойдут всѣ лица, упоминаемыя Гельбигомъ, не исключая даже отверженнаго Страхова. Францъ Лефортъ и Анна Крамеръ, Биронъ и Фикъ, Разумовскій и Возжинскій, князь Орловъ и баронъ Фридрихсъ, Рибасъ, Кутайсовъ—всѣ они «избранники», по той или другой причинѣ обратившіе на себя вниманіе, а не избранники, конечно, въ смыслѣ „соли русской земли“; иные же обязаны своимъ возвышеніемъ простой случайности и потому къ приведенному нами заглавію возможно присоединить и это слово, но не въ смыслѣ, конечно людей, бывшихъ «въ случаѣ». Такимъ образомъ издаваемый нынѣ трудъ Гельбига можно назвать: «Русскіе избранники и случайные люди».

Почему Гельбигъ избралъ для своего труда именно эти, а не другія лица? Почему въ его книгѣ мы не встрѣчаемъ ни умнаго иностранца Винуса и зоркаго прибыльщика Курбатова, ни кокуйскаго патріарха Зотова и «кесаря» Ромодановскаго, ни барона Корфа, ни Бутурлина, ни Румянцева, ни одного изъ Долгорукихъ, Шереметевыхъ, Паниныхъ, Воронцовыхъ, ни другихъ лицъ, оставившихъ замѣтный слѣдъ въ нашей исторіи прошлаго вѣка? Объ этомъ авторъ говоритъ въ своемъ «Предъувѣдомленіи». Намъ остается довольствоваться тѣмъ, что онъ намъ далъ, не требуя отъ автора болѣе того, что онъ могъ дать.

Сообщенія Гельбига представляютъ въ настоящее время весьма цѣнный историческій матерьялъ. Въ этомъ смыслѣ книга его получаетъ для насъ большое значеніе; но такое ея значеніе обуславливаетъ также и наше отношеніе къ ней. Мы должны сохранить цѣльность впечатлѣнія, производимаго его біографіями, и въ то же время представить возможно полный матерьялъ для критической ихъ оцѣнки. Въ этихъ видахъ мы передаемъ дословно очерки Гельбига и указываемъ, въ примѣчаніяхъ, всѣ источники и пособия, которые подтверждаютъ, дополняютъ, видоизмѣняютъ или опровергаютъ положенія и взгляды Гельбига. Въ примѣчаніяхъ первое мѣсто отведено официальнымъ бумагамъ — указамъ, рескриптамъ, манифестамъ и т. п. свидѣ-

тельствамъ, предлагающимъ несомнѣнныя біографическія и хронологическія данныя; на второмъ мѣстѣ помѣщены сочиненія самихъ тѣхъ лицъ, которымъ посвященъ очеркъ—ихъ письма, доклады, записки и т. п., наиболѣе вѣрные выразители ихъ идей и взглядовъ; затѣмъ указываются отзывы современниковъ—мемуары, дневники, записки; наконецъ, приводятся мнѣнія новѣйшихъ изслѣдователей, причемъ, по возможности, сообщается и литература вопроса. Всѣ эти указанія сдѣланы по 1884 году включительно.

Предлагаемый историческій матеріалъ извлеченъ изъ отрывковъ, дѣлавшихся въ теченіи многихъ лѣтъ, изъ весьма разнообразныхъ изданій. Приспособивъ его, согласно труду Гельбига, къ біографіямъ отдѣльныхъ лицъ, мы, какъ для упрощенія, такъ и для избѣжанія повтореній, нашли необходимымъ, во-первыхъ, исключить указанія, встрѣчавшіяся уже въ трудѣ, ранѣе упомянутомъ, и, во-вторыхъ, представить слѣдующій списокъ изданій, наиболѣе часто упоминаемыхъ:

- А. Г. С.—Архивъ государственнаго совѣта.
 Архивъ—Русскій Архивъ, изд. г. Бартевевымъ, въ Москвѣ.
 Бантышъ-Б.—Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли, 4 ч. Москва. 1836; Списки кавалеровъ четырехъ російскихъ орденовъ. Москва. 1814.
 Бассевичъ—Записки графа Бассевича (Архивъ, 1865).
 Берхъ—Жизнеописаніе первыхъ російскихъ адмираловъ, 4 ч. Спб. 1881.
 Бесѣда—Русская Бесѣда, изд. въ Москвѣ, 1856—1862.
 Болотовъ—Жизнь и приключенія Андрея Болотова, 4 т. Спб. 1870.
 Бумаги Петра В.—Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, 2 т. Москва. 1872.
 Büsching—Magazin für Historie und Geographie. 23 Bde. Hamburg, 1767—93.
 Weber—Das veränderte Russland. 2 Bde. Leipzig, 1744.
 Вейдемейеръ—Обзоръ происшествій въ Россіи, 3 ч. Спб., 1832; Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, 2 ч. Спб. 1846.
 Вигель—Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля.
 Виже-Лебрень—Воспоминанія (Россія, 1876, III).
 Villebois—Mémoires secrets du sieur de Villebois. Bruxelles, 1853.
 Winkelmann—Bibliotheca Livoniae historica. Berlin, 1878.
 Воронцовъ—Архивъ князя Воронцова, 30 т. Москва.
 Вяземскій—Собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго, 9 т. Спб.
 Гарновскій—Записки Михайла Гарновскаго (Старина, 1876, XV).
 Castera—Vie de Catherine II. La-Haye. 2 v. 1797.
 Catherine—Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres. 1859.
 Clausen—Grosse und gute Handlungen russischer Regenten, Feldherrn, Staatsbeamten und Anderer. Berlin. 1802.
 Даниловъ—Записки артиллеріи майора елизаветинскихъ временъ М. В. Данилова. (Архивъ, 1883, II).
 Державинъ—Записки Г. Р. Державина (Сочиненія Державина, изд. Грота, т. VI, Спб., 1871).

- Дмитріевъ — Мелочи изъ запаса моея памяти. Москва. 1869.
 Добрынинъ — Жизнь Гавріила Добрынина (Старина, 1871, IV).
 Долгоруковъ — Россійская родословная книга, 4 ч. Спб. 1854.
 Евгений — Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей. Москва. 1845.
 Энгельгардтъ — Записки Л. Н. Энгельгардта. Москва. 1867.
 Зиновьевъ — Журн. путешествія В. Н. Зиновьева (Старина, 1878, XXIII).
 Hergmann — Geschichte des russischen Staates. 6 Bde. Leipzig.
 Ивановъ — Опытъ біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи.
 Спб. 1864.
 Ильинскій — Записки Н. С. Ильинскаго (Архивъ, 1879, III).
 Казанова — Записки венеціанца Казановы (Старина, 1874, IX).
 Карабановъ — Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII стол.
 (Старина 1870, II); Разсказы (Старина, 1871, IV).
 Карабановъ-Долгоруковъ — Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ (Чте-
 нія, 1860, I).
 Кашпиревъ — Памятники новой русской исторіи. 3 т., Спб. 1871.
 Коксъ — Путешествіе Уильяма Кокса (Старина, 1877, XVIII).
 Манштейнъ — Записки о Россіи. Спб. 1875.
 Masson — Mémoires secrets sur la Russie, ed. Barrière. Paris. 1863.
 Нащокинъ — Записки В. А. Нащокина (Архивъ, 1883, II).
 Пикаръ — Письма къ князю Куракину (Старина, 1870, I; 1878, XXII).
 Позье — Записки придворнаго брильянтика (Старина, 1870, I).
 П. С. З. — Полное собраніе законовъ.
 Reimers — Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. 2 Bde. Peters-
 burg. 1805.
 Рондо — Письма леди и Записки резидента. Спб. 1874.
 Russica — Ecrits sur la Russie en langues étrangères. Pétersbourg. 1873.
 Россія — Древняя и Новая Россія, изд. Граціанскимъ. Спб.
 Rulhière — Histoire de l'anarchie du Pologne. 4 vls. Paris. 1807.
 Russie — La cour de la Russie il y a cent ans. Berlin. 1858.
 Сайтовъ — Петербургскій Некрополь. Москва. 1883.
 Сборникъ — Сборникъ русскаго историческаго общества. Спб.
 Ségur — Mémoires, souvenirs et anecdotes par le comte de Ségur, ed.
 Barrière, 2 vls. Paris. 1859.
 Семевскій — Русская родословная книга, изд. М. И. Семевского. Спб. 1873.
 Соловьевъ — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Москва, 29 т.
 Старина — Русская Старина, изд. М. И. Семевскимъ. Спб. Изд. 1870—1885 гг.
 Терещенко — Опытъ обзорнія жизни сановниковъ, управлявшихъ ино-
 странными дѣлами въ Россіи, 3 ч. Спб.
 Тьебо — Записки академика Тьебо (Старина, 1878, XXIII).
 Устряловъ — Исторія царствованія Петра Великаго, 6 т. Спб. 1858.
 Хвостовъ — Записки В. С. Хвостова (Архивъ, 1870, 551).
 Храповицкій — Дневникъ А. В. Храповицаго. Спб. 1874.
 Чтенія — Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей руссіянскихъ. Москва
 Шаховской — Записки кн. Я. П. Шаховскаго. Спб. 1872.
 Шетарди — Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи. Пекарскаго. Спб. 1862.
 Щербатовъ — Записки кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ
 въ Россіи (Старина, 1870, II).

Въ оригинальной, свойственной тому времени, формѣ, съ правдоучительными тенденціями и моральными максимами, Гельбигъ знакомитъ насъ съ пестрымъ обществомъ, толпившимся у трона всероссійскихъ государей отъ перваго русскаго императора до послѣдней императрицы Россіи. Передъ нами нарождаются, живутъ, дѣйствуютъ и умираютъ «птенцы» Петра и «орлы» Екатерины, рядомъ съ конюхами Анны и пѣвчими Елизаветы до лакея въ ливреѣ, преображеннаго въ графа Кутайсова. Тутъ и литовскія крестьянки, переименованныя въ графини Ефимовскихъ или Гендриковыхъ, и курляндскіе конюхи, ставшіе герцогами Биронами, и истопники Тепловы или Шкурины, и кучера Возжинскіе; тутъ швейцарецъ Лефортъ и еврей Шафировъ, армянинъ Лазаревъ и неаполитанецъ Рабасъ, французъ Лестокуъ, полякъ Понатовскій и нѣмцы, нѣмцы безъ конца—Остерманы и Сиверсы, Минихи и Левенвольды, Михельсоны, Аши, Бергеры; и тутъ, рядомъ, рука объ руку съ ними, Румянцевы-Задунайскіе и Суворовы-Италійскіе, Шереметевы и Голицыны, князья Вяземскіе, Трубецкіе и Волконскіе, графы Бутурлины, Панины, Чернышевы, которыхъ заслоняютъ Орловы, Потемкины, Зубовы. Эта пестрая толпа царедворцевъ проходитъ передъ нами уже не въ конюшенныхъ поддевахъ, не въ лакейскихъ ливреяхъ, а въ бархатныхъ епанчахъ и штыхъ золотомъ камзолахъ, съ алмазными тресилами и изумрудными аграфами, обвѣшанная всевозможными звѣздами отъ польскаго Бѣлаго Орла до русскаго Андрея Первозваннаго, пожалованная разнообразными титулами отъ нѣмецкаго барона до римскаго князя. Это разношерстное общество 110-ти фамилій представляло, однако, одну общую всеѣмъ его представителямъ черту—оно выросло и воспиталось не по «Домострою», который все старались забыть, а по «Юности честному зерцалу», прилежное изученіе котораго стало уже необходимостью.

Ближе сживаясь, по книгѣ Гельбига, съ этими дѣятелями прошлаго вѣка, видишь, что въ этихъ головахъ, придавленныхъ напудренными париками, зарождались и созрѣвали грандіозные планы, потрясавшіе всю Европу, что кружевные камзолы не мѣшали мозолистымъ рукамъ строить города, созидать флоты, двигать промышленность и торговлю. Вспомнимъ, что ими, этими дѣятелями XVIII вѣка, присоединены къ Россіи Остзейскій край, Финляндія, Литва и Бѣлорусія — вся пограничная черта съ Западною Европою, куда были устремлены ихъ взгляды и пожеланія, гдѣ усматривали они тотъ великій свѣточъ, при помощи котораго они совлекали съ себя ветхаго человѣка и пріобщались общечеловѣческимъ идеаламъ. Великіе люди творили великія дѣла и завѣщали намъ шествовать по указанному ими пути, слѣды котораго сохранены, между прочимъ, и Гельбигомъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

[ОТЪ АВТОРА].

Нѣкогда Россія была тою страной, въ которой наиболѣе встрѣчалось «избранниковъ». Эта особенность часто представлялась мнѣ, когда я, во время моего многолѣтняго пребыванія въ этомъ государствѣ, прочитывалъ новую русскую исторію. Я открылъ тогда такое множество выскочекъ, случайныхъ людей, что мнѣ показалось любопытнымъ составить поименный списокъ ихъ. Позже я прибавилъ къ этому списку, изъ того же побужденія, нѣсколько замѣчаній объ ихъ жизни, и такимъ образомъ мало-по-малу образовался основной мотивъ этого сочиненія. Потомъ я воспользовался устными, письменными и печатными извѣстіями, переработалъ ихъ по своимъ понятіямъ и оформилъ въ особую книгу. Предлагая ее читающему міру, я надѣюсь заслужить одобреніе нѣкоторой его части. Хотя въ этой книгѣ нѣтъ (и не должно быть) связаной исторіи Россіи новѣйшаго времени, но въ періодъ болѣе, чѣмъ сто лѣтъ, именно, отъ начала царствованія Петра I до конца царствованія Павла I, не встрѣчается, насколько я помню, ни одного замѣчательнаго, отмѣченнаго въ русскихъ лѣтописяхъ, событія, о которомъ не было бы разсказано довольно обстоятельно въ этой книгѣ, уже и потому, что въ этихъ событіяхъ всегда принималъ болѣе или менѣе участіе какой-либо избранникъ. Въ книгѣ упомянуты многіе великіе подвиги, какъ они того заслуживали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней разоблачены и многія мерзости и жестокости.

Понятно, что устные и письменные источники, изъ которыхъ я черпалъ, не могутъ быть указаны. Печатныя же книги, содѣйствовавшія моему труду, по крайней мѣрѣ главнѣйшія, мнѣ хотѣлось бы переименовать, хотя я и не въ состояніи теперь привести точный ихъ заголовокъ. Приблизительно, онѣ слѣдующія: Вебера «Преобразованная Россія», Бюшинга «Историческій Магазинъ», Манштейна

мемуары, Штелина «Анекдоты о Петрѣ Великомъ», Рюльера «Русская революція 1762 года», «Жизнь Екатерины II», «Жизнь Орлова», «Анекдоты о Потемкинѣ», «Секретныя записки о Россіи», Реймерса «Петербургъ въ концѣ перваго столѣтія своего существованія», и различныя оригинальныя и устарѣлыя біографіи и книги, точное заглавіе которыхъ я запомнилъ.

Мнѣ остается еще сказать кое-что о самомъ выборѣ тѣхъ избранниковъ и случайныхъ людей, о которыхъ я предлагаю здѣсь краткіе біографическіе очерки.

Само собою разумѣется, что я не могъ указать всѣхъ временщиковъ, когда-либо появившихся въ Россіи. Это повело бы меня слишкомъ далеко, такъ какъ число ихъ необыкновенно велико. Я поэтому избралъ только тѣхъ, которые принимали страдательное или дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ государственныхъ или общественныхъ. Вслѣдствіе этого объясненія удивятся, быть можетъ, встрѣтивъ въ книгѣ много лицъ, кажущихся на первый взглядъ довольно незначительными; но при ближайшемъ разсмотрѣніи замѣтятъ, что какое-либо обстоятельство въ ихъ жизни, въ ихъ сношеніяхъ, въ ихъ дѣяніяхъ, хотя не вполне, то по крайней мѣрѣ отчасти оправдываетъ мой выборъ.

Нѣкоторыхъ баловней счастья я прохожу молчаніемъ. Къ нимъ причисляю я имена многихъ служащихъ, медиковъ, ремесленниковъ, солдатъ и другихъ людей, которые хотя и играли короткое время, въ своемъ небольшомъ кругѣ дѣятельности, нѣкоторую роль, но или возвращались къ своему прежнему ничтожеству, не имѣвъ никакого вліянія въ государствѣ, или же оставались въ среднемъ слоѣ общества.

Между тѣмъ, въ число избранниковъ я включилъ другой классъ людей, которые, не смотря на свое быстрое возвышеніе, все таки не принадлежатъ собственно къ избранникамъ счастья. Я разумѣю немногихъ просвѣщенныхъ любимцевъ императрицъ Елизаветы и Екатерины II, не достигавшихъ ни чрезмѣрно высокаго ранга, ни особеннаго вліянія на государственныя дѣла и, тѣмъ не менѣе, бывшихъ, по своему рожденію, болѣе близкими къ высокому положенію, ими занимаемому, чѣмъ люди совершенно низкаго происхожденія, которые по своему прошлому и по своимъ малымъ заслугамъ не могли бы дойти и до половины того пути счастья, который они дѣйствительно прошли, если-бъ имъ не посодѣйствовали побочныя обстоятельства.

Писано въ іюлѣ 1808 года.

І. ФРАНЦЪ ЯКОВЪ ЛЕФОРТЪ.

Если нація справедливо превозноситъ блистательные подвиги государя и его благодѣтельныя усилія къ просвѣщенію своихъ подданныхъ, погруженныхъ во тьму невѣжества; если благодарное потомство выражаетъ этому государю свою признательность, которую онъ заслужилъ тѣмъ рвеніемъ, съ которымъ онъ постоянно, въ продолженіе всего своего царствованія, трудился надъ достиженіемъ одной цѣли—исторгнуть націю изъ варварства, завѣщаннаго ей прошлымъ, и тѣмъ облегчить усовершенствованіе настоящаго — то она также не должна забывать выразить свою признательность памяти человѣка, который первый возжогъ свѣточъ просвѣщенія и пробудилъ въ государѣ, воспримчивомъ на все великое и полезное, стремленіе дѣлать людей счастливыми, которое еще бессознательно дремало въ его юной душѣ.

Францъ Яковъ Лефортъ, родомъ изъ Женевы, былъ посланъ своимъ отцомъ, негоціантомъ, въ Амстердамъ для изученія тамъ торговли. Склонность молодого человѣка къ солдатчинѣ сдѣлала то, что онъ, вопреки намѣреніямъ отца, поступилъ въ военную службу. Впрочемъ, онъ скоро оставилъ ее и отправился, въ 1680 году, неизвѣстно чѣмъ побуждаемый, чрезъ Архангельскъ въ Москву. Въ то время тамъ дорожили иностранцами для военной службы; Лефортъ, поэтому, очень скоро опредѣлился на службу. Его пребываніе въ Россіи въ первые года было довольно незавидное. Но, наконецъ, молодой царь ¹⁾, Петръ Алексѣевичъ, увидѣлъ его совершенно случайно у одного чужестраннаго посланника ²⁾; Лефортъ полюбился ему. Съ этой минуты между

¹⁾ Въ то время Петръ I не принималъ еще титла императора.

²⁾ Въ Россіи издавна были чужестранные послы. Но въ началѣ они были довольно одиноки и дѣла ихъ случайны. Это были скорѣе только порученія по торговымъ дѣламъ, рѣдко имѣвшимъ какое либо отношеніе къ политикѣ. Уже при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, котораго обычно, но, конечно, не вполне справедливо, называютъ Грознымъ, въ Россіи былъ посолъ королевы Елиза-

Петромъ и Лефортомъ возникла связь, не прекращавшаяся до самой смерти Лефорта и не нарушавшаяся даже никакою случайностію. Одинаковость характеровъ, согласіе идей и сходство склонностей навсегда связали государя и его любимца. Ихъ связь не была, однако, случайною: въ обоихъ заключались зародыши великихъ предприятий, и союзъ этотъ развивался мало по малу, по мѣрѣ того, какъ они ближе узнавали другъ друга. Петръ сознавалъ, что ему нуженъ учитель и помощникъ; Лефортъ чувствовалъ, что его таланты даютъ ему право надѣяться, что онъ въ состояніи оказать своему государю ожидаемое имъ отъ него содѣйствіе. Въ 1688 году Лефортъ представилъ юному царю первое и существеннѣйшее доказательство своего служебнаго усердія. Въ то время были довольно часты возмущенія стрѣльцовъ, бывшихъ тогда тѣлохранителями царей и лучшею частью русскаго войска. Поводъ къ этимъ возмущеніямъ давала красивая, умная, одаренная высокими государственными талантами, но властолюбивая царевна Софія ¹⁾, сводная сестра Петра. Возмущеніе 1688 года было особенно жестокое—цѣлью его было умерщвленіе молодого государя. Лефортъ воспрепятствовалъ совершенію этого измѣнническаго плана, послѣдствія котораго были бы неисчислимы, судя по извѣстному намъ значенію царствованія Петра I. Съ довольно сильнымъ отрядомъ Лефортъ поспѣшилъ въ тотъ монастырь, въ которомъ Петръ былъ уже заключенъ, чтобы въ немъ же быть убитымъ; Лефортъ занялъ всѣ входы въ монастырь и охранялъ Петра до тѣхъ поръ, пока не миновала опасность. Этимъ великимъ подвигомъ плѣнилъ онъ сердце царя, который сталъ единымъ повелителемъ Россіи и награждалъ своего приверженца величайшею благосклонностію и неограниченнымъ довѣріемъ. Съ этихъ поръ становились съ каждымъ днемъ очевиднѣе послѣдствія совѣтовъ, даваемыхъ Лефортомъ. Онъ ввелъ иностранное военное искусство, и хотя онъ только мимоходомъ, такъ сказать, поверхностно изучилъ въ Голландіи морское дѣло, все таки собственно онъ былъ основатель русскаго флота, который Петръ I возвелъ

веты Англійской. При послѣдующихъ правительствахъ бывали опять послы въ Москвѣ, но при Петрѣ I они являлись приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ Даніи, Голландіи, Австріи, Саксоніи, Бранденбурга, Швеціи и Англіи.

¹⁾ Софія была принуждена смотрѣть на казнь своихъ приверженцевъ изъ комнаты въ обводной стѣнѣ дѣвичьяго монастыря и была потомъ заключена въ келью, въ которой было только одно окно, задрѣзанное желѣзными прутьями. Она носила въ монастырѣ имя Сусанны и жила еще пятнадцать лѣтъ въ такомъ печальномъ положеніи. Она умерла и погребена въ томъ же монастырѣ.

Авторъ.

впослѣдствіи на такую высокую степень совершенства. Лефорть уничтожилъ многія злоупотребленія, устроилъ много полезныхъ, хорошихъ и мудрыхъ учрежденій въ государствѣ, призвалъ иностранцевъ въ Россію, и сопровождалъ царя въ путешествіяхъ по Европѣ, чтобы убѣдить его, примѣрами европейской промышленности и благосостоянія, въ необходимости слѣдовать тѣмъ порядкамъ, которые онъ ему указывалъ. Кто не знаетъ исторіи оригинальнаго путешествія въ Лифляндію, Пруссію, Бранденбургъ, Люнебургъ, Голландію, Англію, Саксонію, Австрію и Польшу, которое предпринялъ Лефорть, въ 1697 году, какъ посоль царя, при чемъ его повелитель находился въ его же свитѣ, инкогнито, въ качествѣ оберъ-командора? Это путешествіе было чрезвычайно полезно для Петра I и было бы продолжительнѣе, если-бъ новое возстаніе въ Москвѣ не потребовало ускореннаго возвращенія. Лѣтомъ 1698 года царь явился опять въ свою резиденцію и тогда были примѣнены цѣлесообразныя и сильныя, но, безъ сомнѣнія, слишкомъ строгія мѣры къ полному подавленію возстанія.

Уже съ самаго начала благоволенія царя къ Лефорту, русскіе вельможи съ завистью смотрѣли на возрастающее значеніе чужестранца и довольно громко заявляли свое неудовольствіе на вводимыя имъ новшества. Вначалѣ Петръ и Лефорть относились равнодушно къ этимъ заявленіямъ, но когда порицаніе этихъ недовольныхъ и неучей становилось все громче, Лефорть полагалъ, что пришло время силою заставить ихъ замолчать. По его совѣту, Петръ I уже съ 1692 года сталъ притѣснять фамиліи выдающихся по рожденію и чину нарушителей спокойствія и отдавать иностранцамъ, если они того заслуживали, значительныя мѣста въ государствѣ, такъ что часто русскіе и иностранцы пользовались одинаковыми преимуществами. Такимъ образомъ, равноправные съ русскими иностранцы служили Лефорту противовѣсомъ русскимъ. Но неудовольствіе русскихъ было лишь подавлено на короткое время, но не уничтожено. Оно казалось лишь умаленнымъ и его пробужденіе было ужасно.

Путешествіе царя и его любимца подало поводъ къ новымъ безпорядкамъ; долгое отсутствіе царя и Лефорта поощряло эти безпорядки. Стрѣльцы перешли на сторону недовольныхъ и помогали возстанію. Мы знаемъ, что при первомъ извѣстіи о возмущеніи Петръ и Лефорть поспѣшили въ 1698 году возвратиться въ Москву. Они тотчасъ же рѣшили казнить возставшихъ стрѣльцовъ. Въ этихъ видахъ на лобномъ мѣстѣ, предназначенномъ для казни, были положены балки, на которыя преступники должны были класть свои шеи. Царь, Лефорть и Меншиковъ, который уже нѣсколько лѣтъ пользовался милостію своего государя, взяли каждый по топору. Петръ приказалъ

раздать топоры своимъ министрамъ и генераламъ, и даже предложилъ два топора двумъ иностраннымъ посламъ, которые находились при его дворѣ и изъ которыхъ одинъ былъ изъ Голландіи, но оба они отклонили отъ себя эту честь. Когда же всѣ были вооружены, всякій принялся за свою работу и отрубалъ головы. Меншиковъ приступилъ къ дѣлу такъ неловко, что царь надавалъ ему пощечинъ и показалъ ему, какъ должно отрубать головы. Бытописатель и читатель отворачиваются отъ подобныхъ ужасающихъ сценъ и не могутъ быть успокоены мнимымъ мотивомъ, будто эти кровавыя мѣры были вызваны необходимостью.

Лефортъ оказалъ бы еще многія важныя услуги своему государю въ его заботахъ объ улучшеніи своего народа, если-бъ смерть не поразила его. Онъ умеръ въ 1699 году, на 46 году жизни. Этотъ замѣчательный выдающійся человѣкъ, котораго даже побаивался его же повелитель, былъ тогда наиболѣе довѣреннымъ статсъ-министромъ, первымъ генераломъ, первымъ адмираломъ и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго ¹⁾).

Безспорно гениальны дарованія этого любимца; его заслуги для Россіи неисчислимо велики. Онъ обладалъ обширнымъ и очень образованнымъ умомъ, пронизательностью, присутствіемъ духа, невѣроятною ловкостью въ выборѣ лицъ, ему нужныхъ, и необыкновеннымъ знаніемъ могущества и слабости главнѣйшихъ частей російскаго государства; это знаніе было ему необходимо при обтесываніи этого громаднаго камня. Въ основѣ его характера лежали твердость, непоколебимое мужество и честность. По своему же образу жизни онъ былъ человѣкъ распутный и тѣмъ, вѣроятно, ускорилъ свою смерть.

Его упрекаютъ, что онъ склонялъ царя къ большимъ строгостямъ, невѣрности своей супругѣ и неправильному образу жизни. Нѣтъ, однако, недостатка въ мотивахъ, чтобъ ослабить или вовсе устранить эти три обвиненія. Представьте себѣ обширнѣйшее государство на землѣ, погруженное въ моральную тьму всякаго рода. Это было болото, въ которомъ только въ правленіе царей Ивана Васильевича и Алексѣя Михайловича кое-гдѣ возникалъ лучъ просвѣщенія, но, какъ блуждающій огонекъ, тотчасъ же угасалъ за недостаткомъ поддержки. Это-то болото хотѣли очистить Петръ и Лефортъ, но при каждомъ шагѣ, ими дѣлаемомъ, они встрѣчали противодѣйствіе своимъ предпріятіямъ въ злобѣ и предразсудкахъ. Только терпѣливымъ мужествомъ, разумностью и строгостью удалось имъ преодолѣть эти затрудненія. Эти средства, конечно, не выдержали бы оцѣнки строгой морали, но

¹⁾ Орденъ св. Андрея, до настоящаго времени значительнѣйшій орденъ въ Россіи, былъ учрежденъ Петромъ I въ 1689 году. Онъ носитъ на голу-бой лентѣ.

необходимо дѣлать различіе между выдающимися качествами повелителя и значительнѣйшихъ мужей въ его совѣтѣ и на войнѣ съ одной стороны, и гражданскими добродѣтелями ¹⁾ съ другой. Что можно было сдѣлать тогда кротостью и добротою? Не сердце управляетъ народами, а разумъ; многіе государи, государственные мужи, многіе герои не блистали бы, какъ метеоры, въ неизмѣримыхъ областяхъ исторіи, если-бъ.... они были бы справедливы и человѣчны. Но также и не Лефорть разрушилъ согласіе въ тогдашней семейной жизни царя. Союзъ Петра съ Авдотьей ²⁾, дѣло приличія, былъ уже по крайней мѣрѣ, условленъ, прежде чѣмъ Лефорть достигъ исключительнаго благоволенія этого государя. Царица была старѣе своего супруга. Ея прелести уже поблекли, когда силы Петра только еще разцвѣтали и потомъ достигли полной зрѣлости. Сверхъ того, этой парѣ недоставало согласія характеровъ, этой единственной прочной связи счастливыхъ браковъ. Отвращеніе государя было естественнымъ послѣдствіемъ этихъ физическихъ и моральныхъ различій. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что Авдотья вовсе не обладала искусствомъ вести себя какъ слѣдовало. Невозможно было неловкимъ и неумѣстнымъ своевоіемъ втиснуть духъ Петра, мощный чувствомъ своей самостоятельности, въ рамки стародавнихъ доморожденныхъ брачныхъ обязанностей; духъ Петра не могъ стерпѣть, чтобъ его супруга, которая должна бы раздѣлять съ нимъ его усилія сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, присоединилась, вслѣдствіе предразсудковъ къ его противникамъ, чтобъ уничтожить исполненіе его плановъ. Неудовольствіе Петра, усиленное живостью его характера и горячностью молодости, достигло высшей степени. Проявленія этого неудовольствія были ужасны. Лефорть вступился за государыню; онъ не могъ воспрепятствовать разрыву царя съ своей супругой, но онъ спасъ ей жизнь ³⁾. Она была заточена въ монастырь и тамъ было ужъ, конечно, необходимо обращаться съ нею довольно строго, чтобъ показать ея

¹⁾ Si vous faites cas de vertus futiles, votre rôle n'est pas très-beau, говоритъ Дидро Екатеринѣ II, когда она разговаривалась съ нимъ о сочиненіи Рюльера по поводу революціи 1762 года, mais si vous préférez les grandes actions héroïques, votre rôle est très glorieux.

²⁾ Есиповъ, Царица Евдокія Ѳеодоровна (Мартыновъ, Русск. Достоп. VI). Даль, Старинная пѣсня (Архивъ, 1863, 126). Снегиревъ, Первая супруга Петра I (Архивъ, 1863, 114). Пекарскій, Пѣсня про царицу Евдокію (Записки акад. наукъ, 1864, V, 57). Современники Анны Іоанновны (Старина, 1878, XXI, 337). Записки на записки Манштейна (Старина, 1879, XXVI, 364). Бассевичъ, 157. Устряловъ, IV, I, 150.

³⁾ Есиповъ, Освобожденіе царицы Евдокіи Ѳеодоровны (Рус. Вѣст., 1860, XXVIII, 182).

приверженцамъ, что для нихъ утеряна самая сильная ихъ опора. Однако Лефорть не допустилъ, чтобъ Петръ, обуреваемый юношескою опрометчивостью, дозволилъ убить ее. Разумныя основанія, приведенныя Лефортомъ, ради укрѣпленія славы Петра, противъ этого намѣренія, пустили въ сердцѣ этого государя столь глубокіе корни, что ихъ не могли вполнѣ уничтожить никакія старанія могущественнѣйшихъ враговъ Авдотьи. Наконецъ, не одинъ только Лефорть подавалъ царю примѣръ неправильнаго образа жизни. Подобные примѣры государь часто встрѣчалъ въ своей націи. Излишество въ употребленіи вина было очень велико; оно составляло характеристическую черту тогдашняго времени. Эта черта обнаруживалась не только въ одной Россіи, но встрѣчалась и въ другихъ государствахъ, считавшихся культивированными. Лефорть, въ началѣ принявшій нравы и обычаи русскихъ, получилъ скорѣе вкусъ къ подобному распутству, и потомъ уже предавался ему по склонности. Но сила этой безнравственности никогда не была столь значительна, чтобъ затруднить или царя, или его въ исполненіи ихъ великихъ плановъ.

Лефорть былъ женатъ, но мы не знаемъ фамиліи его супруги. Отъ этого брака у него былъ сынъ, котораго онъ послалъ, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, въ Женеву для образованія. Насколько намъ извѣстно, молодой человекъ возвратился въ Москву только по смерти отца и умеръ уже въ 1702 году, прежде чѣмъ успѣлъ развить свой характеръ и свои дарованія. Вотъ что воспрепятствовало Петру I исполнить относительно сына священный долгъ благодарности, которымъ онъ былъ обязанъ относительно отца.

Фамилія Лефорта въ мужской линіи, вѣроятно, вымерла; по крайней мѣрѣ мы не слышали ни о комъ изъ этой фамиліи. Племянникъ (сынъ брата) знаменитаго любимца вступилъ еще юношей въ саксонскую службу, выказалъ большія способности и, въ то время, когда Россія при Петрѣ I вступила въ опредѣленныя дипломатическія сношенія съ европейскими державами, былъ постояннымъ посломъ ¹⁾ Фридриха Августа I при русскомъ дворѣ. Во времена Петра I былъ еще генераль-майоръ Лефорть, но мы никогда не могли узнать степень его родства съ знаменитымъ Лефортомъ. Быть можетъ, этотъ генераль-майоръ Лефорть есть именно тотъ, который въ качествѣ секретаря сопровождалъ большое посольство 1697 года. Въ 1719 году этотъ Лефорть командовалъ пѣхотнымъ полкомъ, носившимъ его имя — предпочтеніе совершенно особаго рода, потому что въ то

¹⁾ Первымъ саксонскимъ посланникомъ въ Россіи былъ генераль-майоръ фонъ-Карловицъ. Когда Петръ I посѣтилъ короля въ 1698 году, Карловицъ поѣхалъ вмѣстѣ съ русскимъ монархомъ въ Москву, но оставался тамъ недолго.

время, и значительно позже, всё полки русской армии носили название русских провинций. Этот именно генераль-майор Лефорть былъ одинъ изъ первыхъ, занимавшихъ почетный карауль при гробѣ Петра I въ 1725 году. Сынъ саксонскаго посланника вступилъ въ русскую службу и былъ церемониймейстеромъ при дворѣ императрицы Елизаветы. Если мы не ошибаемся, онъ былъ замѣшанъ въ несчастное дѣло о лоттерей, которое причинило ему много горя. Мы слышали, что онъ покинулъ Россію и умеръ въ Варшавѣ. Его вдова, урожденная фонъ-Шметтау ⁴⁾, жила еще въ 1807 году, въ Берлинѣ. Дѣлаетъ большую честь государямъ, если они заслуги вѣрныхъ слугъ своихъ предковъ вознаграждаютъ въ лицѣ даже побочныхъ потомковъ этихъ слугъ. Великодушію императора Павла I, столь благороднаго и благомысленнаго въ своихъ намѣреніяхъ и столь непонятаго и несчастнаго въ ихъ исполненіи, было предоставлено доказать свое уваженіе къ памяти имени Лефорта: онъ назначилъ женѣ Лефорта въ Берлинѣ пожизненную пенсію, съ тѣмъ, чтобъ по смерти матери пенсія выплачивалась ея дочери.

Примѣч. переводчика: Францъ Яковлевичъ Лефорть, 1654—1699. Письма Лефорта (Устряловъ, II, 441, 443, 445; III, 403; IV, I, 561); Бумаги Петра; В. (I, 112, 126, 137, 143, 156, 157, 158, 167, 170, 291, 302, 324, 331, 333, 339, 340); Gordon, The history of Peter the Great, I, 187; Bouvet, The present condition of the Moscovite Empire, 1699, 37; Дипломатическіе документы (Сборникъ, III, 320, 337; V, 303; XVIII, 9; XX, 3, 8; XXXIX, 106, 116, 166, 252, 291, 340, 402; Бассевичъ, 236, 349; Weber, III, 15, 132, 220; Nachrichten von dem Russischen Reich (Büsching, X, 297); Clausen, 36, 38; Reimers, I, 24; Казанова, 539; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 282; XIII, 262; XLII, 252; Письма Екатерины II (Оснадцатый вѣкъ, I, 82, 83, 86, 87); Письмо князя Голицына (Россія, 1876, I, 199); Рескриптъ имп. Елизаветы (Архивъ 1870, 1418); Бумаги Шереметова (Сборникъ, XXV, 147); Карабанова рассказы (Старина, 1871, IV, 689); Шутки и потѣхи Петра I (Старина, 1872, V, 884); Полѣновъ, Присяга иностранцевъ (Архивъ, 1869, 1753); Письмо Олсуфьева (Архивъ, 1883, III, 49); Погодинъ, Петръ I (Архивъ, 1879, I, 15); Костомаровъ, Царевичъ Алексѣй Петровичъ (Россія, 1875, I, 32); Соловьевъ, Школа Посошьева (Библиограф. записки, III, 129); Александровъ, Лефортовскій дворецъ (Архивъ, 1875, III, 482); Корсаковъ, Лефортовскій дворецъ (Архивъ, 1882 I, 356); Соловьевъ, Пленцы Петра В. (Рус. Вѣстн. 1861, VII, 25); Posselt, Der General und Admiral Franz Lefort, 2 Bde, 1866; Посселятъ, Адмиралъ русскаго флота Лефорть (Морск. Сборн., 1863, III); Villemin, Pierre le Grand et l'amiral Lefort, Lausanne, Bergmann, 1867; Peter der Grosse, VI, 163; Устряловъ, I, 396; II, 7, 20, 121, 186, 228, 231, 319, 354, 361, 382, 443, 444, 446; III, 191, 263, 387, 413, 572; IV, 1, 555; Соловьевъ, XIV, 132, 202; XVIII, 357; Hergmann, IV, 30, 34, 91; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 17; Бантышъ К. Словарь, II, 269; Списокъ, 297; Russica, II, 678; Карабановъ-Долгоруковъ, 107; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 173. В. В.

⁴⁾ Младшій братъ ея, графъ фонъ-Шметтау, былъ генераль-лейтенантъ королевско-прусской службы; онъ умеръ въ 1806 году отъ раны, полученной имъ въ битвѣ при Іенѣ.

II. АЛЕКСАНДРЪ МЕНШИКОВЪ.

Время Петра I было эпохой великихъ людей въ русскомъ государствѣ. Ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій не встрѣчается столько даровитыхъ людей, сколько дѣйствительный творецъ русскаго государства опредѣлилъ въ государственное управленіе, въ военную и морскую службу, въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдомства финансовъ, юстиціи и полиціи. Иныхъ нашелъ онъ въ старыхъ фамиліяхъ своего государства, другихъ—среди знатныхъ иностранцевъ, появившихся при его дворѣ. Многіе вышли изъ чужеземной черни; многіе—изъ самыхъ низшихъ слоевъ русскаго народа. Еще прежде, чѣмъ Петръ I достигъ зрѣлаго возраста, когда его испытанный умъ могъ отыскивать наиболее подходящіе субъекты, случай благоприятствовалъ ему и наталкивалъ на юношей, сдѣлавшихся знаменитыми по своимъ высокимъ дарованіямъ. Онъ рѣдко ошибался въ нихъ; они же въ немъ—никогда. Большинство ихъ соотвѣтствовало его ожиданіямъ, и онъ возвышалъ ихъ и щедро награждалъ. Но не многіе изъ нихъ были счастливы до конца своей жизни.

Вершина земнаго счастья составляетъ самый опасный пунктъ для большей части выскочекъ. Рѣдко кто умѣетъ удержаться до конца своихъ дней на высококомъ посту, на который его вознесъ смѣлый гениальный полетъ и съ твердостью проведенная тенденція. Онъ колеблется на непривычной высотѣ, и—падаетъ.

Александръ Меншиковъ родился 17 ноября 1674 года. Отецъ его былъ крестьянинъ изъ окрестностей Москвы и прозывался Данило Меншиковъ.

Въ Россіи многіе крестьяне отдають своихъ сыновей въ большіе города ремесленникамъ на выучку; также точно и Александръ былъ отданъ пирожнику ¹⁾. Какъ ученикъ, онъ долженъ былъ на ули-

¹⁾ Пирогъ — жальное тѣсто, начиненное искрошеною рыбою; его ѣдятъ съ льнянымъ масломъ. Только простой народъ употребляетъ это жальное кушанье. Понятно, что это же блюдо, хорошо приготовленное, составляетъ лакомство за столомъ вельможъ.

цахъ Москвы выкрикивать для продажи пироги, лежавшіе на лоткѣ, который онъ носилъ на головѣ. Онъ дѣлалъ это такъ забавно, что обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Лефорта. Этотъ государственный человѣкъ заввалъ его къ себѣ, много разговаривалъ съ нимъ и, найдя его отвѣты смышленными, а черты лица ¹⁾—умными и милостивыми, взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Здѣсь Александръ имѣлъ случай часто видѣть юнаго царя, который былъ всего лишь на два года старше его, разговаривать съ нимъ и приобрести его благоволеніе. Лефортъ, основательный оцѣнщикъ духовныхъ способностей, съ удовольствіемъ замѣтилъ проницательный умъ своего слуги и рѣшилъ сдѣлать его пригоднымъ для государственной службы. Конечно, заслуживаетъ глубочайшей благодарности человѣкъ, который, будучи чуждъ всякой зависти, приготовилъ такого образованнаго воспитанника своему государю и государству; но заслуживаетъ не меньшее удивленіе и тотъ воспитанникъ, который выработался по идеямъ своего великаго предшественника и согласно съ намѣреніями своего государя.

Лефортъ опредѣлилъ Меншикова на царскую службу, взялъ его съ собою въ заграничное путешествіе 1697 года, обращалъ на все его вниманіе, научилъ его уничтожать злоупотребленія и заводить новыя учрежденія, преподавалъ ему военное искусство и такъ старался привить ему свои собственные взгляды относительно государственнаго хозяйства и иностранныхъ дѣлъ, что умный и воспримчивый Меншиковъ совершенно усвоилъ ихъ себѣ. Однако, можно полагать, что еслибъ Лефортъ остался въ живыхъ, онъ, прозрѣвавшій уже притязательный характеръ молодого человѣка, никогда не допустилъ бы его такъ возвыситься, какъ онъ впоследствии дѣйствительно возвысился. Но Лефортъ умеръ и личный составъ русскихъ государственныхъ учрежденій принялъ совершенно иной видъ.

Петръ I, хотя и былъ окруженъ придворными, чувствовалъ себя одинокимъ. Почти всѣ приближенные были противъ его мудрыхъ предначертаній, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока убѣжденіе не дѣлало ихъ лучшими. Только одинъ Меншиковъ безусловно раздѣлялъ высокіе принципы своего государя. Онъ сталъ преемникомъ умершаго

¹⁾ Въ молодости Меншиковъ, должно быть, былъ очень красивъ и имѣлъ очень живые глаза. Изображенія его, встрѣчающіяся еще въ Россіи, хотя довольно рѣдко, показываютъ, что у него былъ умный, проницательный и пріятный взглядъ. Это особенно замѣтно на портретѣ, сдѣланномъ въ престарѣлыхъ годахъ и висящемъ въ императорскомъ дворцѣ въ Гатчинѣ, въ бывшей комнатѣ Павла I.

любимца относительно милости своего государя и, мало-по-малу, но въ очень короткіе промежутки, получилъ всё тѣ важныя мѣста, которыя имѣлъ Лефорть. Теперь-то Меншиковъ выказалъ, что онъ принадлежитъ къ выдающимся личностямъ, умѣющимъ составить себѣ имя въ исторіи. Онъ былъ геній настолько, насколько это возможно въ деспотической странѣ, повелитель которой не знаетъ для себя закона. Въ полной моральной и физической зрѣлости развилъ онъ свои высокія дарованія, во всемъ вѣрно поддерживалъ своего государя, какъ въ начертаніи благодѣтельныхъ реформъ, такъ и въ точномъ и покорномъ исполненіи приказаній императора. Изображеніе важныхъ заслугъ этого государственнаго человѣка и полководца принадлежитъ исторіи великаго монарха, котораго онъ, по крайней мѣрѣ отчасти, прославилъ своими талантами.

Уже въ самомъ началѣ въ Меншиковѣ были открыты зародыши государственнаго мужа, который въ состояніи удивить современниковъ и потомство своими подвигами; но въ послѣдующіе годы увидѣли также, съ сожалѣніемъ, что его многообѣщавшее вліяніе не всегда направлено на выгоднѣйшее для государства и наиболѣе полезное для подданныхъ. Петръ назначилъ его, между прочимъ, гофмейстеромъ къ своему, впоследствии столь несчастному, сыну Алексѣю. Меншиковъ самымъ непростительнымъ образомъ пренебрегъ воспитаніемъ царевича. Ему было все равно, прилеженъ ли царевичъ во время уроковъ или лѣнивъ; онъ даже одобрялъ, замѣчая, какъ попы внушали принцу безполезныя церковныя обрядности, воспитывали его въ недѣльныхъ предразсудкахъ и старались внушить ему отвращеніе ко всѣмъ новшествамъ его отца.

Можно думать, что уже тогда Меншиковъ имѣлъ намѣреніе отстранить царевича отъ престолонаслѣдія по волѣ самого же императора. Но этотъ проектъ оставался еще на заднемъ планѣ. Меншиковъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Екатериной ¹⁾, которую онъ уступилъ своему монарху. Изъ этого произтекали взаимныя обязательства. Онъ относился къ ней съ почтеніемъ и старался возвышать ее; она поддерживала его, когда онъ шатался. Она должна даровать государству наследника престола, и онъ хотѣлъ, по смерти Петра, управлять государствомъ и малолѣтнимъ государемъ. Но чтобъ привести все это въ исполненіе, необходимо было возбудить въ отцѣ подозрѣніе противъ сына и, такимъ обра-

¹⁾ Исторія Екатерины такъ тѣсно переплетается съ жизнью Меншикова, что одну безъ другой нельзя писать. Чтобы избѣжать повтореній, не слѣдуетъ писать подробно ни той, ни другой; чего здѣсь недостаетъ, то можно найти тамъ, и наоборотъ.

вомъ, отстранить царевича отъ престола. Какъ извѣстно, все это и случилось, много лѣтъ позже, когда уже царевичъ былъ женатъ и имѣлъ отъ своей супруги сына и дочь. Петръ былъ окончательно возстановленъ противъ Алексѣя, который своимъ неблагоразумнымъ, ненадежнымъ, низкимъ, упрямымъ и возмутительнымъ противъ отца и государя поведеніемъ далъ поводъ къ той печальной участи, которая постигла его ¹⁾). Противъ несчастнаго царевича былъ составленъ смертный приговоръ и князь Меншиковъ первый подписалъ его.

Обхожденіе Петра I съ его любимцемъ было оригинально. Императоръ ничего не дѣлалъ безъ совѣта Меншикова. Во всѣхъ событіяхъ своей правительственной дѣятельности и частной жизни онъ выказывалъ ему такое довѣріе, выше котораго быть не можетъ. Можно было бы сказать, что монархъ и его любимецъ были сердечными друзьями, еслибъ любимецъ, всегдашнее игральное своихъ страстей, не сдѣлался, вслѣдствіе этого, недостойнымъ высокой чести быть другомъ своего государя. Почти постоянно Меншиковъ долженъ былъ сопровождать императора и если Петръ иногда оставлялъ его, то этотъ любимецъ, съ согласія императора, управлялъ всѣмъ государствомъ. Этотъ скипетръ можно было тогда назвать дѣйствительно жемчужнымъ. Вслѣдствіе этого росло число враговъ, которыхъ Меншиковъ создавалъ себѣ ежедневно своимъ своекорыстнымъ поведеніемъ. Враги слѣдили за каждымъ его шагомъ и извѣщали императора обо всемъ, что узнавали относительно корыстолюбивыхъ поступковъ перваго слуги государства. Вслѣдствіе этого, Меншиковъ находился три раза въ царствованіе Петра I подъ строжайшими слѣдствіями, изъ которыхъ мы приведемъ одинъ только примѣръ, бывшій въ 1719 году. Князь Меншиковъ былъ обвиняемъ въ томъ, что дурно управлялъ финансами имперіи, которые были поручены ему одному, и что многіе суммы обратилъ въ свою пользу. Отъ него была взята шпага, ему было запрещено выходить изъ дому и онъ долженъ былъ ожидать наказанія, которое наложить на него императоръ. Были причины полагать, что дѣло приметъ очень дурной оборотъ, и уже начали поговаривать, что Меншиковъ будетъ приговоренъ къ вѣчному заточенію. Однако, радость его враговъ была слишкомъ поспѣшна. Монархъ позвалъ къ себѣ Меншикова. Едва онъ вошелъ, какъ бросился

¹⁾ Объявленіе розыскаго дѣла и суда по указу его царскаго величества на царевича Алексѣя Петровича въ Санктпетербургѣ отправленнаго и по указу его величества въ печать для извѣстія всенароднаго сего іюня въ 25 день 1718 выданое. В. В.

въ ноги императора, просилъ о помилованіи и общалъ исправиться Петръ тотчасъ же забылъ его преступленіе и думалъ уже только о заслугахъ своего слуги. Онъ опять почтилъ его своею милостію, и только возложилъ на него большой денежный штрафъ, который Меншиковъ долженъ былъ немедленно уплатить.

За небольшіе проступки были и штрафы небольшіе. Рассказываютъ слѣдующее: однажды, вечеромъ, императоръ завѣрное узналъ о многихъ обидахъ, нанесенныхъ Меншиковымъ разнымъ лицамъ. На слѣдующее утро, Петръ отправился на Васильевскій Островъ ⁴⁾, къ Меншикову, который тогда жилъ въ своемъ дворцѣ, нынѣшнемъ кадетскомъ корпусѣ, вошелъ въ спальню, гдѣ Меншиковъ еще спалъ, выговорилъ ему всѣ его проступки и поколотилъ безъ шума, но весьма чувствительно своего любимца, который былъ настолько низокъ, что выносилъ подобныя побои. Послѣ этого императоръ отправился домой. На возвратномъ пути, Петръ встрѣтилъ толпу людей, которая, на его вопросъ, заявила, что идетъ на Васильевскій Островъ поздравить Меншикова съ днемъ ангела. Императоръ тотчасъ же возвратился вмѣстѣ съ ними. Меншиковъ страшно испугался, думая, что Петръ вернулся, чтобы еще поколотить его. Но монархъ ободрилъ его, сказавъ при самомъ входѣ въ комнату: «я услышалъ, что сегодня твой праздникъ; я пришелъ съ этими добрыми людьми, чтобы поздравить тебя и откушать съ тобою». Такъ оканчивались почти всегда жалобы, приносившіяся на князя. Глубокая проникательность и обширная полезность этого человѣка доказывается тѣмъ, что Петръ, не смотря на многія обвиненія, держалъ его при себѣ и ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и согласія.

Князь Меншиковъ былъ преступникомъ не только по тѣмъ чертамъ корыстолюбія и невѣрности, которыя доходили до свѣдѣній монарха. Были еще и другія, которыхъ императоръ не зналъ и за которыя онъ заслуживалъ бы строжайшее наказаніе и полнѣйшее удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ. Петръ I, всегда мечтавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ съ правомъ голоса въ имперскомъ сеймѣ, могъ, не знаемъ когда и по какому случаю, овладѣть шведскою Помераніею. Прусскій дворъ, вовсе не желавшій имѣть такого неудобнаго сосѣда, обратился къ Меншикову и подкупилъ его за 20,000 дукатовъ. Первый сановникъ импера-

⁴⁾ Петръ не хотѣлъ строить моста чрезъ Неву на Васильевскій Островъ, думая тѣмъ пріучить русскихъ къ судоходству. Какъ только Петръ II вступилъ на престолъ, Меншиковъ устроилъ плавучій мостъ, существующій и по нынѣ.

тора, которому онъ вполне довѣрялъ, представилъ какіе-то, вѣроятно, мнимые мотивы, по которымъ императоръ отказался отъ своего намѣренія овладѣть Помераніею. Короче, всѣ переговоры были прерваны. Если-бъ Петръ узналъ настоящій ходъ дѣла, любимецъ его едва ли отдѣлался бы обычнымъ наказаніемъ.

Если Меншиковъ могъ всегда такъ счастливо избѣгать заслуженныхъ имъ послѣдствій своихъ проступковъ и нерѣдко побуждать своихъ обвинителей, этимъ онъ былъ обязанъ, по большей части, Екатеринѣ. За то и онъ заботился объ интересахъ Екатерины. Съ этими заботами онъ соединялъ всегда и собственную выгоду. Такъ какъ ни одинъ изъ сыновей Петра и Екатерины не остался въ живыхъ, то Меншиковъ задумалъ возвести Екатерину, по смерти Петра, на престолъ ея супруга. Онъ сообщилъ эту идею Петру, который одобрилъ ее. Такимъ образомъ, она была объявлена наслѣдницею престола и коронована въ 1724 году. Легко было предвидѣть, что князь Меншиковъ, бывшій двигателемъ всего этого дѣла, станетъ кормчимъ въ государствѣ, если, по смерти Петра, Екатерина взоидетъ на тронъ.

У такого могучаго любимца, какимъ былъ Меншиковъ, сумѣвшій сдѣлаться равно необходимымъ какъ императору, такъ и императрицѣ, не могло быть недостатка въ знакахъ отличія со стороны иностранныхъ дворовъ, которые всѣ добивались его дружбы. Вѣнскій дворъ давно уже возвелъ его въ имперскіе графы и вскорѣ затѣмъ въ имперскіе князья; копенгагенскій, дреденскій и берлинскій дворы слали ему свои ордена. Самъ Петръ I, желая дать своему любимцу публичное доказательство своего благоволенія, удостоилъ его титула герцога Ингерманландскаго; въ то время онъ былъ уже первымъ статсъ-министромъ и первымъ генералъ-фельд-маршаломъ арміи.

Но всѣ эти высокіе знаки милости монарха не могли удержать князя на пути справедливости. Его корыстолюбіе и вѣроломство подвергли его вновь немилости своего государя за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора. Но такъ какъ именно въ это время Екатерина, благодаря своимъ критическимъ обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ когда либо нуждалась въ совѣтникѣ, то графъ Ягужинскій долженъ былъ постараться отвлечь мысли Петра къ другимъ предметамъ. Это удалось ему; князь былъ такъ счастливъ, что вновь получилъ милость своего государя, и на этотъ разъ безъ всякаго съ его стороны пожертвованія.

Екатерина и Меншиковъ считали теперь необходимымъ рѣшиться на все ради самосохраненія, и вѣроятно съ самаго начала согла-

сились принести для достиженія цѣли самья дорогія жертвы. Петръ I былъ страшно недоволенъ обоими и грозилъ имъ жестокими наказаніями, если-бъ только поднялся съ своего болѣзненнаго ложа. Уже давно поведеніе Екатерины и Меншикова было прямо противоположно повелѣніямъ императора, и онъ часто предостерегалъ обоихъ. Кары, которыми угрожалъ имъ императоръ, были бы, слѣдовательно, весьма чувствительны и, вѣроятно, низвели бы обоихъ къ той же низменности изъ которой они были вознесены милостью монарха. Было, слѣдовательно, сообразно съ мудростью Екатерины и князя и въ ихъ личныхъ интересахъ вовсе не допустить выздоровленіе императора. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что они предупредили природу и болѣзнь величайшаго изъ императоровъ, царившихъ тогда въ Европѣ, привела искусственными мѣрами къ печальной развязкѣ скорѣе, чѣмъ слѣдовало по крѣпкой его натурѣ¹⁾. Петръ умеръ и всѣ его планы относительно Екатерины и Меншикова, которые, конечно, были велики и спасительны, рухнули.

Меншиковъ, Ягузинскій и священникъ Теофанъ помогали теперь Екатеринѣ въ ея новомъ положеніи—на русскомъ престолѣ. Ни для кого это событіе не было столь выгодно, какъ для князя Меншикова. Первый годъ царствованія Екатерины былъ, собственно, царствованіемъ Меншикова. Продолженіе не отвѣчало, однако, началу. Чашка Меншикова высоко поднялась на вѣсахъ, между тѣмъ какъ чашка голштинской фамиліи опустилась и имѣла перевѣсъ. Любимецъ ясно понялъ паденіе своего значенія, когда не могъ воспрепятствовать возвращенію своего смертельнаго врага барона Шафирова. Тѣмъ не менѣе, онъ ничего не потерялъ въ глазахъ всего свѣта ни въ своемъ достоинствѣ, ни въ кажущемся участіи въ управленіи. Но этого ему было мало. Онъ хотѣлъ сохранить дѣйствительное вліяніе на дѣла, которое имѣлъ до тѣхъ поръ. Что ему не хотѣли предоставить добровольно, онъ стремился пріобрѣсти иными средствами. Тяжело бытописателю, въ нѣсколькихъ строкахъ, близко слѣдующихъ одна за другими, два раза рѣшиться высказывать одно и то же подозрѣніе о преступленіи и только этимъ подтверждать вѣрность того и другаго событія. Почти не подвержено сомнѣнію, что Меншиковъ, желая одинъ и неограниченно властвовать надъ страной несовершеннолѣтняго государя и женить его на своей дочери, сократилъ дни жизни Екатерины I. Эгоизмъ и властолюбіе заглушили въ Меншиковѣ всѣ чувства, которыя необходимо должны были возбуждаться въ его сердцѣ воспоминаніемъ о прежнихъ отношеніяхъ

¹⁾ Едвали надо опровергать эту живую легенду: болѣзнь Петра I и его смерть извѣстны во всей подробности. Разсказъ Гельвига только повтореніе вымысла враговъ Меншикова и Екатерины.

къ Екатеринѣ и благодарностью за все, что она для него сдѣлала. Екатерина умерла.

Петръ II взомель на престолъ и Меншиковъ смѣлоу и увѣренною рукою захватилъ бразды правленія. Въ первые мѣсяцы 1727 года его власть достигла высшей степени; какъ частный человекъ онъ не могъ уже получить никакого повышенія. Во время его высшего счастья, при Петрѣ II, онъ былъ княземъ Германской имперіи, герцогомъ Ингерманландскимъ, генералиссимусомъ русской арміи, первымъ статсъ-министромъ, сенаторомъ и кавалеромъ обоеихъ русскихъ и нѣсколькихъ иноземныхъ орденовъ, именно: Бѣлаго Орла, Чернаго Орла, Слона и св. Губерта ¹⁾). Хотя въ то время въ Россіи были разные нѣмецкіе принцы и многіе русскіе князья титуловались фюрстами, на что имъ давали право ихъ высокое рожденіе, родство съ императорскимъ домомъ и необыкновенно обширныя владѣнія, тѣмъ не менѣе, и въ продолженіи многихъ уже лѣтъ Меншиковъ назывался „княземъ“ по преимуществу. Уже онъ былъ готовъ повѣнчать свою дочь съ императоромъ, когда, своимъ неосмотрительнымъ корыстолюбіемъ, онъ далъ фамиліи Долгорукихъ поводъ свергнуть себя. Подъ тѣмъ предлогомъ, что юный монархъ не знаетъ еще цѣны деньгамъ, Меншиковъ захватилъ въ свою пользу деньги, которыя императоръ подарилъ сестрѣ. Ничего не подозрѣвая, Меншиковъ отправился въ Ораніенбаумъ, въ загородный дворецъ, ему принадлежавшій, куда онъ пригласилъ также и императора, чтобъ присутствовать при освященіи тамошней часовни. Хотя императоръ не пріѣхалъ, Меншиковъ все таки приказалъ совершить освященіе церкви, которую и теперь можно тамъ видѣть, при чемъ онъ велъ себя съ чрезвычайнымъ тщеславіемъ, и добродушно возвратился въ Петербургъ. Хотя онъ и удивился, не найдя въ своемъ дворцѣ, на Васильевскомъ островѣ, юнаго монарха, который жилъ съ нимъ, но поѣхалъ къ нему, во дворецъ Лѣтняго сада, куда переѣхалъ Петръ II. Императоръ, предубѣжденный уже князьями Долгорукими противъ Меншикова, сдѣлалъ ему лично горькіе упреки за безстыдство, съ какимъ онъ захватилъ денежный подарокъ, предназначенный имъ своей сестрѣ. Князь хотѣлъ оправдаться, но императоръ отпустилъ его съ самыми очевидными знаками своего неудовольствія. Вскорѣ затѣмъ Петръ II увѣдомилъ Меншикова чрезъ генераль-лейтенанта Салтыкова ²⁾, что лишаетъ

¹⁾ Орденъ св. Губерта, который, согласно своему уставу, безъ затрудненія дается всѣмъ германскимъ имперскимъ князьямъ, въ фамиліи Меншиковыхъ переходитъ отъ отца къ сыну и по сей часъ.

²⁾ Салтыковъ находился въ близкомъ родствѣ съ императорскою фамиліею. Его отецъ былъ братъ царицы Прасковьи, супруги царя Ивана Алексѣевича, своднаго брата Петра I и отца герцогини Екатерины мекленбургской и императрицы Анны Ивановны.

его всѣхъ званій и чиновъ, орденовъ, имущества и свободы. При этомъ извѣстіи, Меншиковъ лишился чувствъ. Княгиня Меншикова его достойная супруга, поспѣшила во дворецъ и бросилась въ ноги монарха, какъ разъ въ то время, когда императоръ выходилъ изъ церкви; но императоръ оставилъ ее лежать, не сказавъ ей ни слова—доказательство, что Петръ II былъ еще ребенкомъ, безъ всякаго разумія. Это важное событіе оповѣстили народу объявленіемъ, что впредь только тѣ императорскія повелѣнія должны имѣть силу, которыя подписаны самимъ императоромъ. До тѣхъ же поръ такъ называемыя императорскія повелѣнія подписывались Меншиковымъ. Затѣмъ было приступлено къ конфискаціи его имущества, причемъ нашли однѣхъ драгоценностей, чистыхъ денегъ и серебряной и золотой утвари на три мильона рублей, не считая обширныхъ владѣній, которыя должны были быть чрезвычайны,—увѣряютъ, что Меншиковъ имѣлъ до ста тысячъ крестьянъ.

Затѣмъ началось слѣдствіе, окончившееся черезъ нѣсколько дней. Меншиковъ былъ приговоренъ къ вѣчной ссылке въ Сибирь. Въ сентябрѣ же 1727 года онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ женою, сыномъ и обѣими дочерьми въ Березовъ, небольшой городокъ на рѣчкѣ Соевѣ, имѣющій не болѣе 150 мазанокъ и обитаемый по большей части казаками.

Тамъ-то поселился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ лишь за нѣсколько недѣль до того столь могущественный князь Меншиковъ, котораго всѣ боялись и который готовъ былъ стать тестемъ императора. На его содержаніе было назначено не болѣе, какъ по одному рублю въ день, которые стража ни разу не отпускала ему полностью. Тѣмъ не менѣе, онъ жилъ такъ скупо, что изъ сбереженныхъ денегъ могъ выстроить небольшую деревянную церковь, при постройкѣ которой и самъ работалъ. Если вдуматься въ страшную перемѣну въ судьбѣ этого избранника, то негодование противъ несправедливаго человѣка претворяется въ сочувствіе къ человѣку, достойному сожалѣнія.

Горе, увеличившееся еще въ Сибири случаями смерти въ его семьѣ, покорило его великій духъ и повергло его въ глубокое уныніе. Въ этомъ печальномъ состояніи духа онъ не говорилъ ни слова и, въ послѣдніе дни своей жизни, не принималъ ничего, кромѣ холодной воды. Онъ умеръ, наконецъ, 2 ноября 1729 года, на 55 году.

Эгоизмъ, низкое корыстолюбіе, тщеславіе, невыносимая гордость, властолюбіе, безжалостность и жестокость составляли основныя порочныя черты характера Меншикова. Эти недостатки и пороки, ставшіе отчасти страстью, постоянно обуревали его и ставили въ

вѣчную борьбу со множествомъ лицъ, особенно съ вельможами. Посмотримъ, однако, и на хорошую сторону медали. Меншиковъ былъ добръ ко всѣмъ иностранцамъ и ко всѣмъ соотечественникамъ, которые умѣли ему понравиться—своеправіе, котораго онъ могъ требовать при своемъ высокомъ положеніи. Онъ былъ благодаренъ за оказанныя ему услуги, храбръ до отваги; былъ рьяный защитникъ тѣхъ, кто былъ ему преданъ. Его умъ и всѣ связанныя съ нимъ способности духа достигали степени гениальности. Если-бъ онъ получилъ въ дѣтскомъ возрастѣ хорошее воспитаніе, онъ могъ бы совершить великія дѣла. Онъ восполнилъ позже этотъ недостатокъ большимъ прилежаніемъ и приобрѣлъ не малыя свѣдѣнія въ искусствахъ и наукахъ. Родину свою онъ зналъ отлично и былъ вслѣдствіе этого очень ей полезенъ. Онъ много сдѣлалъ для культуры народа, для постройки многихъ городовъ, которые были полезны странѣ, для поднятія торговли, искусствъ и наукъ, для улучшенія горнаго дѣла, для усовершенствованія военной дисциплины, для блеска двора и для основанія внушительнаго уваженія къ русскому правительству за границею. Много-ли любимцевъ, заслуги которыхъ можно было бы приравнять къ заслугамъ князя Меншикова? И если иногда, при чтеніи его біографіи, чувствуешь досаду на многія его несправедливости, то, въ концѣ концовъ, все же съ удивленіемъ произносишь имя человѣка, помогавшаго Петру I приводить въ исполненіе его великія дѣла.

Княгиня Меншикова, урожденная Арсеньева ¹⁾, происходила изъ дома, пользующагося въ Россіи большимъ уваженіемъ среди дворянскихъ фамилій. Она была образцомъ женской красоты и добродѣтелей, которыя стяжали ей благоговѣніе нелицемѣрнаго почтенія всѣхъ, ее знавшихъ. При невзгодѣ, постигшей ея мужа, она тотчасъ же выказала все совершенство своего возвышеннаго характера. Она сопровождала его на мѣсто ссылки. Уже и тогда, когда она жила съ нимъ при дворѣ, во время полнаго блеска, она должна была выносить многіе его капризы. Она только продолжала свои любвеобильныя старанія, когда стремилась любовью и участіемъ облегчить ему его печальную судьбу. Но горе, давно уже угнетавшее ее, скоро свело ее въ могилу. Она умерла въ Березовѣ, вѣроятно, уже въ 1728 году.

Отъ этого брака родились одинъ сынъ и двѣ дочери. Всѣ трое послѣдовали въ Сибирь за родителями.

¹⁾ Дарья Михайловна Арсеньева, род. 1682 г., ум. 1728.

Сынъ родился 17 марта 1714 года ¹⁾. Отецъ доказалъ на своемъ сынѣ лучше, чѣмъ на царевичѣ, гофмейстеромъ котораго состоялъ, какъ онъ хорошо понималъ, въ чемъ состоятъ хорошее воспитаніе. Воспитаніе, данное имъ сыну, было превосходно. Князь Меншиковъ имѣлъ намѣреніе женить своего сына на Натальѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ Петра II; но злосчастная участь постигла его ранѣе, чѣмъ онъ могъ исполнить это намѣреніе. Пока былъ живъ отецъ, сынъ оставался въ Сибири. Императрица Анна разрѣшила ему вернуться и возвратила значительнѣйшую часть отцовскаго имущества. Мы не знаемъ, при дворѣ или въ арміи занималъ онъ почетныя мѣста; намъ только извѣстно, что онъ былъ кавалеромъ ордена св. Губерта. Онъ продолжалъ свой родъ. Нынѣшній князь Меншиковъ, со славою служившій въ арміи, его сынъ ²⁾. Когда онъ, изъ особой склонности къ тихой и уединенной жизни, оставилъ, много лѣтъ назадъ, службу, онъ былъ генераль-лейтенантъ, сенаторъ и кавалеръ орденовъ св. Губерта и русскаго военнаго св. Георгія 3-й степени. Онъ живетъ теперь, по большей части, безъ своей семьи, за границей. Его супруга, знаменитая во дни цвѣтущей юности своею красотою, урожденная княжна Голицына. Сынъ отъ этого брака, соединявшій много полезныхъ званій съ удивительно любезнымъ характеромъ, былъ въ послѣдніе годы при русскомъ посольствѣ въ Дрезденѣ и Берлинѣ.

Княжна Марія Александровна, старшая дочь князя Меншикова, родилась 9 января 1713 года и была отлично воспитана своею образцовою матерью. Молодой графъ Салъга, родственникъ императорскаго дома по графинѣ Софіи Скавронской, племянницѣ императрицы Екатерины I, просилъ, въ 1720 году, ея руки, но не получилъ, такъ какъ отецъ, вѣроятно, тогда уже имѣлъ болѣе высокія намѣренія относительно ея. Князь неустанно трудился надъ проектомъ выдать свою старшую дочь за императора и, такимъ образомъ, возвести свое потомство на всероссійскій престолъ. Вскорѣ по смерти императрицы Екатерины I ему удалось обручить Петра II съ княжной Маріей. Обрученіе состоялось 6 іюня 1727 года. Свадьба должна была быть осенью. Между тѣмъ императорская невѣста получила титулъ императорскаго высочества и во время литургіи поминалась вслѣдъ за сестрой императора. Всѣ эти виды на блестящее будущее были уничтожены опалой Меншикова. То обстоятель-

¹⁾ Александръ Александровичъ (1714—1764) женатъ на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голицыной (1720—1764). Умеръ генераль-аншефомъ.

В. Б.

²⁾ Сергій Александровичъ (1746—1815) женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Голицыной (1764—1832).

В. Б.

ство, что Петръ II не дѣлалъ никакого различія между членами этой фамилии и всѣхъ ихъ, виноватыхъ и невинныхъ, даже свою обрученную невѣсту, подвергъ одинаковой карѣ, дѣлаетъ этого императора достойнымъ (тяжкой укоризны). Марія послѣдовала за родителями въ Березовъ, гдѣ она въ слѣдующемъ же году пала жертвою смертельной тоски.

Младшая сестра ея, княжна Александра Александровна, родилась въ первые дни января 1715 года и была такъ счастлива, что могла раздѣлить съ своею сестрою Марією прекрасные уроки своей матери. Она возвратилась изъ Сибири вмѣстѣ съ братомъ; мы не знаемъ—была-ли она замужемъ ¹⁾.

Примѣч. переводчика: Александръ Даниловичъ Меншиковъ, 1672—1729. П. С. З. № 3133; Указы Екатерины I и Петра II, 1727 г., стр. 61; 1728, стр. 147; Указъ Петра I (Старина, 1877, XVIII, 402); Бумаги Петра В. (I, 169, 172, 176, 177, 186, 339; II, 183, 222); Барановъ, Архивъ правит. сената, 1872, № 8; Бычковъ, Письма Петра I, 77, 121; А. Г. С., ч. 1, 75; Письма Меншикова (Чтевія, 1847, I, 22; 1848, VIII, 28; Старина, 1874, XI, 357; кн. Оболенскій, Письма русск. госуд., 9, 46; Сборникъ, XI, 61, 107, 189, 192; Устряловъ, I, 324; IV, ч. II, 240, 270, 271, 272, 276, 283, 287, 291, 314, 327, 328, 329, 330, 332, 343, 348, 349, 387, 390, 393, 395, 408, 411, 414, 417, 427, 434, 435, 436, 438, 439, 448; VI, 310, 315, 351, 460; Соловьевъ, XVI, 373; XIX, 43, 140, 142); Переписка Меншикова (Архивъ, 1883, III, 1); Дипломатическіе документы (Сборникъ, III, 408, 432, 440, 445, 475, 488, 489, 494, 507; V, 308; XII, 12; XV, 207, 252, 263, 274, 297, 305, 386, 399; XVIII, 419; XXXIV, 105, 182, 225, 248, 260, 275, 315, 392; XXXIX, 125, 193, 308, 353; XL, 67, 364, 367, 380); Депеши Кейзерлинга (Старина, 1872, V, 803); Письма Меншикову (Старина, 1872, V, 905); Письма Фонъ-Визина (Старина, 1876, XV, 459); Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 31, 162, 416, 467, 471); Письма дюка де Лирія (Оснадцатый вѣкъ, II, 17, 21, 23, 53, 67, 74, 81, 208); Минихъ, 23, 27, 31, 34; Рондо, 45, 113, 225; Бассевичъ, 104, 116, 128, 132, 220, 260, 265; Воронцовъ, I, 498; IV, 130; V, 477; VI, 218; VII, 351; VIII, 5; X, 174; XV, 11, 14; Weber, I, 300, 306; II, 22, 44, 79; III, 13, 46, 52, 54, 67, 80, 96, 100, 102, 106, 127, 178; Gordon, The history of Peter the Great, II, 274; Манштейнъ, 2, 8; Замѣчанія на записки Манштейна (Старина, 1879, XXVI, 369); Villebois, 97, 105, 119, 144; Реестръ кому ассамблеи держать (Библиогр. Зап., II, 272); Нащокинъ (Архивъ, 1883, II, 262); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 41; XLII, 467); Прошеніе кн. А. А. Меншикова (Истор. Вѣстн., 1881, V, 187); Щербатовъ, 40, 43; Шаховской, 186; Хроповицкій, 125, 132; Болотовъ, II, 280; Реестръ пожалованнымъ въ день коронаціи (С.-Петербургскія Вѣдом. за 1762 г.,

¹⁾ Александра Александровна (1712—1736) была замужемъ за генералъ-майоромъ барономъ Густавомъ Бирономъ. В. В.

№ 80); Подметное письмо о кн. Меншиковѣ (Чтенія, 1866, I, 1; Соловьевъ, XVI, 373); Ursachen der Regierungveränderungen in dem Hause Romalow (Büsching, I, 15, 18); Mémoire sur la vie du Tsarevitch Alexei Petrovitch (Büsching, III, 196); Verurtheilung des Prinzen Alexei Petrowitch (Büsching, III, 224); Bericht von der Katherina I (Büsching, XI, 483); Шетарди, 78; Castera, II, 292; Russie, 2, 384, 385, 386, 390, 391, 393; Вейдемейеръ, Обзоръ, I, 60, 73; Берхъ, I, 278; Reimers, I, 181; Карабановъ, Статсъ-дамы, III, 468; Есиповъ, Жизнеописаніе кн. Меншикова (Архивъ, 1875, II, 235); Есиповъ, Первые судьбы кн. Меншикова (Архивъ, 1875, II, 108); Леонидъ, Къ биографіи А. Д. Меншикова (Старина, 1874, IX, 91); Есиповъ, Смылка кн. Меншикова (Отеч. Зап., 1861, I, 1); Есиповъ, Смылка кн. Меншикова (Русск. Вѣст., 1878, СХХХI, 379); Костомаровъ, Цесаревичъ Алексѣй Петровичъ (Россія, 1875, I, 135, 146, 150); Костомаровъ, Екатерина Алексѣевна (Россія, 1877, I, 162); Щебальскій, Князь Меншиковъ и гр. Морицъ Саксонскій (Русск. Вѣстн., 1860, XXV, 5); Карновичъ, Морицъ Саксонскій въ Курляндіи (Россія, 1875, III, 59, 93, 65); Б—дъ, Жизнь князя Меншикова (Старина, 1874, I, 191); Бантышъ К., Словарь, II, 362, 378; Списки, 64, 81, 151, 174, 178, 207; Долгоруковъ, II, 46, 317; Карабановъ-Долгоруковъ, 107, 115, 158; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 146; Нартовъ, Достопамятныя повѣствованія (Москвитининъ, 1842, II, 74); Герье, Кронпринцесса Шарота (Вѣст. Евр., 1872, II, 59, 463, 464, 477); Сочиненія Державина, изд. Грота, IX, 698; Корфъ, Жизнь гр. М. М. Сперанскаго, II, 378; Костомаровъ, Самодержавный огрокъ (Россія, 1878, I, 8); Бычковъ, Свадьба Петра I съ Екатериною I (Россія, 1877, I, 323, 324); Пекарскій, Актеры въ Россіи при Петрѣ В. (Современникъ, 1858, II, 237); Мерцаловъ, Георгій Дашковъ въ смыслѣ (Старина, 1877, XX, 536); Современники Анны Ивановны (Старина, 1878, XXI, 334, 339, 340, 344); Могила княгини Д. М. Меншиковой (Старина, 1875, XII, 395); Описаніе Петербурга (Старина, 1882, XXXVI, 297); Алабинъ, И. И. Бутурлинъ (Старина, 1878, XXIII, 172); Перовъ, Подложный портретъ А. Д. Меншикова (Художеств. Журналъ, 1881, № 3); Соловьевъ, Птенцы Петра В. (Русск. Вѣстн., 1861, I, 105, 113, 126; VII, 17, 20, 28, 80, 34, 36); Пекарскій, Исторія акад. наукъ, I, 76, 159, 204, 316, 356; Кн. Оболенскій, Мартинъ Нейгебауеръ (Библиогр. Зап., II, 644); Устряловъ, I, 398, 399; II, 558; III, 565, 575; IV, ч. I, 206, 207, 237, 243, 289, 360, 383, 474, 521, 525; ч. II, 26, 43, 45, 49, 59, 67, 70, 71, 73, 74, 76, 93, 97, 98, 107, 108, 138, 224, 270, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 310, 316, 320, 322, 324, 335, 336, 337, 341, 347, 354, 356, 353, 360, 394, 400, 412, 418, 432, 433, 441; 463, 575, 579, 613, 618, 623, 655, 661; VI, 228, 533); Hergmann, IV, 218, 226, 242, 260, 281, 288, 327, 329, 430, 443, 444, 467, 482, 508, 515, 517); Соловьевъ, XIV, 265; XV, 308; XVI, 229; XVII, 24; XVIII, 156; XIX, 87, 100, 142, 156, 167; Droysen, Geschichte der preussischen Politik, IV, 289, 381; Russica, II, 679; Winkelmann, 459; Саятовъ, 82.

В. В.

III. ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА I.

Муза исторіи преклоняется предъ именемъ этой необыкновенной женщины. Исторія не знаетъ ни одной женщины, которая, просясь, подобно Екатеринѣ I, изъ среды простаго народа вознеслась бы на тронъ величайшей имперіи земнаго шара. Исторія разсматриваетъ поэтому жизнь этой замѣчательной государыни, родившейся литовскою крестьянкою и умершей императрицею и неограниченною повелительницею Россіи, какъ замѣчательнѣйшій примѣръ удивительнаго способа, по которому Провидѣніе управляетъ судьбами людей. Изъ міровыхъ лѣтописей исторія знакома съ примѣрами женщинъ, которыя величіемъ души, геройствомъ, воодушевленіемъ, возвышенными талантами, словомъ, обширнѣйшими свойствами духа становились на высшія ступени въ храмъ славы, водили войска къ побѣдамъ, раздѣляли тронъ съ своими мужьями, своимъ мудрымъ вліяніемъ рѣшали судьбу цѣлыхъ государствъ, удостоивались лавроваго вѣнка, достигали совершенства въ искусствахъ и наукахъ и вообще оспаривали первенство у выдающихся мужчинъ. Исторія, хотя и привычная къ такимъ примѣрамъ, готова видѣть въ Екатеринѣ, которая въ концѣ своего политическаго поприща оставила далеко за собою всѣхъ этихъ женщинъ, чудо человѣческихъ способностей и добродѣтелей. Но едва только исторія ближе всматривается въ это кажущееся величіе, какъ удивленіе, навѣянное однимъ только именемъ, исчезаетъ, туманъ спадаетъ съ глазъ и исторія видитъ передъ собою самую обыкновенную женщину причѣмъ она вовсе не обладала тѣми качествами, при которыхъ могла бы достойно выполнить свое назначеніе.

Отецъ Екатерины, литовскій крестьянинъ, и, вѣроятно, крѣпостной Салтѣгъ, назывался просто Самуилъ и не имѣлъ даже фамиль-

наго имени ¹⁾. Онъ жилъ въ неизвѣстной намъ деревнѣ, расположенной близъ лифляндской границы. Здѣсь родились всѣ его дѣти — сынъ Карлъ и три дочери: Марта, Христина и Анна. Семья эта была католическая и всѣ дѣти были крещены въ католическую вѣру. Крестьянинъ Самуиль умеръ въ Литвѣ, задолго, кажется, до возвышенія его дочери.

Одна изъ дочерей Самуила, по имени Марта, родилась, по довольно достовѣрнымъ извѣстіямъ, 16 апрѣля 1686 года. Ограниченныя средства матери заставили отдать Марту, еще ребенка, въ услуженіе къ лютеранскому пастору. Дѣвочкой явилась она къ пастору Дауту въ Роопъ, въ приходъ, лежащій въ рижскомъ округѣ. Здѣсь маленькая католичка была мало-по-малу превращена въ лютеранку. Кажется, Марта не долго оставалась въ этомъ домѣ. Она ушла изъ Роопа въ Маріенбургъ, маленькій городокъ вендскаго округа, къ мѣстному пробсту Глюку. Дѣвочка, ставшая уже красавицей, была и въ домѣ этого духовнаго лица болѣе служанкой, чѣмъ воспитанницей; но съ нею обходились здѣсь съ меньшею пренебрежительностью и она воспитывалась вмѣстѣ съ дочерью пробста Глюка, какъ относительно основъ лютеранской религіи, такъ и въ полезныхъ домашнихъ работахъ. Здѣсь-то шведскій драгунъ, по имени Иванъ, тоже не имѣвшій, вѣроятно, фамильнаго имени, влюбился въ разцвѣтавшую плѣнительность Марты. Онъ просилъ ея руки, и такъ какъ бѣдной дѣвочкѣ не приходилось выбирать, она приняла его предложеніе. Такимъ образомъ, Марта стала женою Ивана, но лишь на нѣсколько дней: ея мужъ, какъ солдатъ, долженъ былъ скоро уйти въ походъ.

Это случилось незадолго до взятія русскими незначительнаго замка Маріенбурга или его развалинъ. Жители города были объявлены плѣнниками ²⁾; въ числѣ ихъ была и Марта. Она досталась въ руки командовавшаго генерала Шереметева ³⁾, но не долго оставалась въ домѣ этого боярина. Меншиковъ увидѣлъ Марту и плѣнился ея красотой. Шереметевъ понялъ намекъ и уступилъ свою рабыню

¹⁾ Въ Польшѣ, Швеціи и Лузаціи крестьяне часто не имѣютъ фамильнаго имени, также какъ и во многихъ провинціяхъ Россіи. Но это не составляетъ общаго правила.

²⁾ Преимущественно въ 1708 году, но и много лѣтъ прежде, Петръ I, не довѣряя жителямъ Лифляндіи, выселялъ ихъ въ Россію. Когда же онъ былъ увѣренъ въ обладаніи этою землею, то приказалъ, особенно въ 1714 и 1718 годахъ, переселить ихъ обратно.

³⁾ Фамилія Шереметевыхъ, конечно, самая богатая въ Россіи. Нынѣшній глава ея владѣетъ значительно болѣе 90,000 крестьянъ и имѣетъ до 700,000 рублей годоваго дохода.

любимцу своего государя, который тотчасъ же взялъ ее къ себѣ. Между тѣмъ, шведскій драгунъ Иванъ возвратился унтеръ-офицеромъ. Онъ освѣдомился о своей женѣ и узналъ ее мѣстопробываніе. Требовать ее было бы столь же бесполезно, какъ и опасно; онъ поэтому посѣщалъ ¹⁾ ее тайкомъ. Она жила въ домѣ Меншикова, пользуясь свободой, но все еще какъ служанка. Она никогда и не мечтала бытъ столь счастливою. Не желая утерять Марту, Меншиковъ, сильно влюбившійся въ нее, скрывалъ ее отъ глазъ Петра I и знатныхъ русскихъ, но позволялъ ей видѣться съ равными ей и тѣмъ содѣйствовалъ тому, что Иванъ и Марта могли видѣться довольно часто.

Такая боязливая осторожность Меншикова была уничтожена легкомыслиемъ одного мгновенія. Во время попойки, Меншиковъ похвасталъ, что обладаетъ прелестною плѣнницею. Захотѣли удостовѣриться, правду-ли онъ говоритъ; онъ уклонялся, однако, представить доказательства. Но Петръ I потребовалъ и никакія отговорки не были уже возможны. Марта должна была явиться. Моментъ ея появленія рѣшилъ ея будущую высокую судьбу. Видъ этой прелестной женщины побѣдилъ монарха; и хотя позже сила ея красоты часто бывала ослабляема, но первое впечатлѣніе на Петра было глубоко и для Марты весьма поучительно. Съ этого момента Меншиковъ долженъ былъ уступить ее своему государю, но любимецъ былъ столь довокъ, что съумѣлъ—потерю, сдѣланную съпьяна, вознаградить богатымъ политическимъ выигрышемъ въ трезвомъ положеніи. Съ этихъ поръ Марта должна была думать и поступать такъ, какъ желаетъ Меншиковъ. Она была посредницею между господиномъ и слугою, если слуга, что случалось довольно часто, навлекалъ на себя гнѣвъ господина своими несправедливостями всякаго рода. За то Меншиковъ училъ ее, какъ она должна льстить капризамъ монарха, чтобъ извлекать личныя для себя выгоды. Она дѣлала это съ полнымъ успѣхомъ и императоръ, наконецъ, самъ повелъ ее подъ руку на высшую точку земнаго счастья.

Какъ только Марта была принята ко двору, она еще разъ перемѣнила религію—она приняла въ Москвѣ греческую вѣру и была наречена Екатериной. По недостаточности достовѣрныхъ извѣстій, полагаютъ, что царевна Екатерина Алексѣевна ²⁾, сводная сестра Петра I, съ которою этотъ монархъ, послѣ долгихъ ссоръ,

¹⁾ Рассказываютъ, будто Иванъ былъ настолько дерзокъ, что посѣтилъ Екатерину, когда она была уже у императора. Онъ былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь. Достовѣрность этого анекдота не можетъ быть доказана. Авт.

²⁾ Екатерина Алексѣевна, сводная сестра Петра I, была женщина умная и предприимчивая. По подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ, которое было во

примирился, занимала при этомъ священнодѣйстви мѣсто крестной матери. Несомнѣнно, однако, что несчастный царевичъ Алексѣй Петровичъ (по истинѣ оригинальное положеніе для сына!) долженъ былъ играть роль крестнаго отца при крещеніи фаворитки его отца и стать рядомъ съ незаконною представительницею его матери. Марта навсегда была переименована въ Екатерину Алексѣевну.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Екатерины жила среди придворныхъ Петра I Она родила въ 1708 и 1709 годахъ принцессъ Анну и Елизавету, изъ которыхъ Анна была замужемъ за герцогомъ Голштинскимъ и была матерью Петра III, Елизавета же — императрицею Россіи. Приблизительно около 1710 года, Екатерина стала называться при дворѣ статс-дамой и подъ этимъ новымъ титуломъ, она, какъ принадлежащая къ придворному штату, повсюду сопровождала монарха. Екатерина (затѣмъ) родила еще пять дѣтей: трехъ дочерей, Наталію и Маргариту, умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ, и еще Наталію, которая пережила своего отца лишь нѣсколькими недѣлями и погребена вмѣстѣ съ нимъ, и, наконецъ, двухъ сыновей, Павла и Петра, которые умерли тоже дѣтьми.

Наконецъ, высокое положеніе Екатерины было объявлено торжественнымъ образомъ. Въ 1713 году появился императорскій указъ, которымъ Екатерина Алексѣевна была представлена россійской имперіи какъ законная супруга Петра I. Законорожденность принцессъ Анны и Елизаветы была опредѣлена этимъ указомъ безповоротно, хотя и молчаливо.

Въ глазахъ императора, заслуги Екатерины постоянно увеличивались; награды и доказательства его довѣрія къ ней постоянно росли и крѣпли. При большихъ несчастіяхъ, постигавшихъ этого монарха въ его семьѣ, при затрудненіяхъ, встрѣчавшихся ему на пути при уничтоженіи злоупотребленій и при введеніи полезныхъ учрежденій, Екатерина, быть можетъ, не по собственному влеченію, быть можетъ, даже не по собственному убѣжденію, но всегда поддерживала его своимъ твердымъ совѣтомъ. Изъ всѣхъ прежнихъ родственниковъ, у Петра I оставался въ то время одинъ только ребенокъ: сынъ его сына. Этотъ малолѣтній царевичъ, добродѣтели и пороки котораго не были еще извѣстны и который позже, но все

всякомъ случаѣ довольно основательно, Петръ заключилъ ее въ монастырь, въ Москвѣ. Спустя семь лѣтъ, она вышла изъ монастыря и жила въ Москвѣ, какъ царевна. Она никогда не хотѣла явиться въ Петербургъ.

Авт.

еще юношей, появился на короткое время на русскомъ престолѣ, не былъ, конечно, способенъ радовать императора. Онъ долженъ былъ скорѣе печалить Петра I—его существованіе напоминало монарху его отца. У юнаго царевича была, правда, еще старшая сестра, выказывавшая большія способности; но ея болѣзненность заставляла предвидѣть скорую смерть ея. Вообще же, она была въ томъ же положеніи, что и ея братья: своимъ существованіемъ она не могла радовать своего дѣда. Такимъ образомъ, императоръ, какъ человѣкъ одинокій, все сильнѣе прилѣплялся къ той, которую онъ самъ избралъ, которую самъ, какъ полагалъ, образовалъ, которая дарила его милыми дѣтьми и отъ которой онъ могъ ожидать неограниченнѣйшей вѣрности и благодарности.

Въ 1721 году, императоръ потребовалъ отъ членовъ вновь учрежденнаго духовнаго суда, особой присяги, по которой они должны были привести клятву вѣрноподданничества какъ ему, такъ и Екатеринѣ. Это было подготовленіемъ къ другой, болѣе торжественной присягѣ, которая послѣдовала въ ближайшемъ же году.

Въ 1722 году, Петръ I формально назначилъ Екатерину своею наслѣдницею ¹⁾ послѣ его смерти—шагъ, въ которомъ онъ, конечно, раскаялся, (??), увидѣвъ, незадолго до своей смерти, что онъ во многомъ обманулъ.

Но пока Петръ оставался въ заблужденіи, онъ дѣлалъ все, чтобъ придать Екатеринѣ возможно большія отличія въ глазахъ всего міра. Онъ даже короновалъ ее, въ Москвѣ, въ началѣ 1724 года.

Это было величайшее, но и послѣднее доказательство того уваженія, которое онъ оказывалъ императрицѣ. Въ послѣдніе мѣсяцы того же года она дала ему уже поводъ быть недовольнымъ ею. Екатерина любила общество камергера Монса. Теперь императоръ (часто встрѣчалъ при дворѣ) Монса. Форма обхожденія Монса съ императрицею, вѣроятно, выходила за предѣлы того почтенія, которымъ мушкетеръ былъ обязанъ своей повелительницѣ, въ противномъ случаѣ монарха не могло бы удивить то обстоятельство, что онъ встрѣтилъ услужливаго камергера въ комнатѣ своей супруги. Монсъ былъ обезглавленъ и императрица должна была присутствовать при его казни. Она упала въ обморокъ. Ярость монарха противъ Екатерины вышла изъ границъ того почтенія, которымъ

¹⁾ Вѣроятно, онъ сдѣлалъ это потому, что бывший позже императоромъ Петръ II былъ тогда еще очень юнъ, въ противномъ случаѣ онъ не лишилъ бы его престолонаслѣдія. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ бы постановить, что по смерти Екатерины на престолъ входитъ великій князь Петръ. Это, дѣйствительно, и случилось и безъ точнаго распоряженія императора. А в т.

онъ былъ обязанъ своей супругѣ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ двора. Всѣ ея довѣренныя лица были удалены и замѣнены надсмотрщиками, на которыхъ онъ могъ полагаться; вслѣдствіе открывшихся неправильностей въ различныхъ отрасляхъ государственнаго управления, Меншиковъ былъ уже нѣкоторое время въ немилости; у Петра все чаще стали повторяться случаи задержанія мечи, которые причиняли ему жестокия страданія; болѣзнь все усиливалась, сохраняя свой характеръ; страданія тѣла прерывались иногда только для страшныхъ взрывовъ негодованія. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, дѣлали положеніе Екатерины ужаснымъ; будущность же должна была представляться ей еще болѣе печальною, такъ какъ, судя по выраженнымъ императоромъ взглядамъ, можно было ожидать измѣненія въ порядкѣ престолонаслѣдія въ ущербъ императрицы. Необходимо было предупредить такую напасть. Для этого была нужна поддержка Меншикова. Но чтобъ эта поддержка была дѣйствительна, Меншиковъ долженъ былъ сперва войти опять въ милость государя. Это трудное дѣло взялъ на себя Ягужинскій, который охотно желалъ опять видѣть на вершинѣ государства того человѣка, который, по своему рангу, какъ первый въ имперіи, по своей извѣстной связи съ императрицею и по своимъ высокимъ дарованіямъ, былъ вполне способенъ объединить только что образовывавшіяся партіи или противодѣйствовать имъ. Ягужинскій сдѣлалъ императору свои представленія такъ умно и осторожно, что монархъ весьма скоро согласился возвратить князю Меншикову свое довѣріе, по крайней мѣрѣ по виду. Какъ только все опять вошло въ прежнюю колею, супруга императора и его любимецъ стали съ удвоенными силами трудиться надъ упроченіемъ своей участи. Естественнымъ образомъ они разсуждали такъ: если монархъ, причинившій своей супругѣ величайшія страданія казнью ея фаворитка, выздоровѣетъ, весьма возможно, что онъ измѣнитъ порядокъ престолонаслѣдія; Екатеринѣ придется, быть можетъ, обратиться въ прежнее положеніе или же у нея будетъ отнята надежда стать когда либо самодержицею и вести свободную жизнь, по собственному желанію; съ своей стороны, Меншиковъ долженъ былъ ожидать того же—подвергнуться, вѣроятно, большой отвѣтственности или, быть можетъ, быть даже совсѣмъ уничтоженнымъ. Если же Петръ, напротивъ того, умретъ прежде, чѣмъ измѣнитъ порядокъ престолонаслѣдія, то по смерти его царствовать будетъ Екатерина или скорѣе Меншиковъ будетъ съ неограниченною властью править государствомъ отъ ея имени. Сверхъ того, физическія страданія Петра были больше чѣмъ человѣческія силы могутъ выносить; поэтому-то, вѣроятно, что съ сокращеніемъ его жизни скорѣе окончится болѣзнь, которая, по

самому свойству своему, никогда, быть может, не допустить до полнаго возстановленія его здоровья. Но, какъ бы ни было, Петръ I, безъ котораго его преемникъ не имѣлъ бы того рѣшающаго значенія на вѣсахъ Европы, какое онъ имѣлъ, безъ котораго русская нація не стояла бы на той высокой степени промышленности, на которой стоитъ, безъ котораго, однако, нѣкоторыя сосѣднія государства какъ въ его время, такъ и впослѣдствіи сохранили бы свои земли такими, какими они были—этотъ великій монархъ, далеко оставившій за собою своихъ коронованныхъ собратій, потому что умѣлъ преодолѣвать такія трудности, о которыхъ другіе и не слыхивали, этотъ необыкновенный человѣкъ умеръ ¹⁾ 28 января 1725 года.

Екатерина, Меншиковъ и Ягужинскій, который, по крайней мѣрѣ, въ это время былъ довѣреннымъ лицомъ ихъ обоимъ, признали необходимымъ скрывать о кончинѣ императора до тѣхъ поръ, пока они необходимыми мѣрами утверждаютъ престолонаслѣдіе въ лицѣ императрицы. Такъ какъ послѣднія намѣренія Петра объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія могли быть подъ рукою извѣстны многимъ, то эти три лица привлекли на свою сторону знаменитаго Теофана, вѣрно служившаго императору при уничтоженіи многихъ злоупотребленій, сказавъ ему, что восшествіе на престолъ Екатерины необходимо для того, чтобъ избѣжать кровопролитія и раздраженія духа партій. Этотъ священникъ поклялся предъ собравшимся народомъ и войсками, что Петръ I на смертномъ одрѣ сказалъ ему: одна Екатерина достойна послѣдовать за нимъ въ правленіи. Вслѣдъ за этимъ она была провозглашена императрицей и самодержицей и ей снова принесена вѣрноподданническая присяга. Такимъ образомъ, Екатерина взошла на императорскій престолъ Россіи не по праву наслѣдства и даже не по волѣ супруга. (?)

Два мѣсяца спустя, она, въ видѣ внѣшняго знака своей власти, возложила на себя андреевскій орденъ. До того времени она была единственною дамою, которая носила учрежденный Петромъ въ честь

¹⁾ Петръ I умеръ въ первомъ императорскомъ зимнемъ дворцѣ, въ Милліонной улицѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы. Этотъ дворецъ стоитъ еще и теперь (1811 г.). Въ царствованіе императрицы Екатерины II въ этомъ дворцѣ жили всѣ лица, принадлежавшія къ русской танцевальной школѣ. Теперь дворецъ обращенъ въ казармы Преображенскаго полка. Комната, въ которой умеръ великій монархъ и которую слѣдовало бы обратить въ часовню, имѣетъ неизвѣстное намъ, но все же обыкновенное назначеніе. Еще видны окна его комнаты, выходящей на маленькій каналъ, ведущій изъ Невы въ Мойку. Отъ эрмитажнаго театра или отъ Невы это третье и четвертое окна нижняго этажа.

ея орденъ св. Екатерины ¹⁾, на бѣлой лентѣ. Теперь Екатерина пожаловала этотъ орденъ своей дочерѣ Аннѣ, которую она сочетала бракомъ съ герцогомъ голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ.

Не вдаваясь въ подробное изложеніе исторіи царствованія Екатерины, замѣтимъ только, что она довольно мудро вела въ началѣ, подъ руководствомъ Меншикова, государственное управленіе. Въ первое, по крайней мѣрѣ, время продолжали работать по большей части по планамъ, которые были выработаны и приводились въ исполненіе при Петрѣ. Но природное нераденіе этой государыни было очень велико. Она, наконецъ, ни о чемъ не заботилась и все предоставила своимъ любимцамъ. Надія замѣтила происшедшую перемѣну и по мѣрѣ того, какъ мѣнялись принципы государственнаго управленія, мѣнялось и расположеніе народа, которое доходило въ концѣ царствованія Екатерины до ропота.

Частная жизнь этой государыни была совершенно неправильна. Рассказываютъ ²⁾, что она очень любила ѣсть обыкновенное печенье, которое называется крендели или бублики, намоченное въ крѣпкомъ венгерскомъ винѣ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого являлось опьяненіе, но, въ концѣ концовъ, эта неестественная пища вела къ водянкѣ. Такъ какъ Екатерина находилась еще въ зрѣломъ возрастѣ, то, при осторожномъ образѣ жизни и при цѣлесообразномъ леченіи, эта болѣзнь могла быть легко прервана при самомъ ея возникновеніи. Но случилось не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало. Императрица, хотя и принимала лекарства, но безпорядочно. Она на короткое лишь время измѣняла свой образъ жизни и часто нарушала дѣтетическія правила, предписанныя ей врачами. Тѣмъ не менѣе состояніе здоровья монархини, обладавшей крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, не могло ухудшаться съ такою быстротою, какъ оно дѣйствительно ухудшалось. Постоянно замѣчалось все болѣе и болѣе полное разстройство всего ея организма. Причина столь быстрого хода болѣзни не могла быть натуральною. Люди, близко стоявшіе ко двору, въ тайнѣ полагали, что причина такого полного разложенія была искусственна. Если справедливо, что драгоценныя дни Петра I были преступнымъ образомъ (?) принесены въ жертву эгоизму,

¹⁾ Петръ I основалъ орденъ св. Екатерины въ 1714 году, въ воспоминаніе прекраснаго поступка Екатерины въ критическомъ положеніи императора на Прутѣ. Поэтому-то императоръ сдѣлалъ на орденѣ надпись: «за любовь и вѣрность родиѣ». Въ настоящее время, но мы не знаемъ съ которыхъ поръ, орденъ носится на красной лентѣ съ серебряною обшивкою; прежде же — на бѣлой.

²⁾ Это говоритъ Бюшингъ, слышавшій въ Петербургѣ отъ лицъ, бывшихъ современниками императрицы Екатерины.

. корысти и властолюбію, то можно повѣрить, что и дни Екатерины, равнымъ образомъ, были сокращены по причинамъ, которыя мы только что указали.

Съ 1726 года князь Меншиковъ сталъ замѣчать, что при продолжительномъ царствованіи императрицы Екатерины онъ потеряетъ всякое значеніе. Эта государыня выказывала большую привязанность къ своимъ дѣтямъ, особенно же она любила герцогиню голштинскую и ея супруга. Дѣло доходило до того, что даже въ правительственныхъ дѣлахъ она спрашивала у нихъ совѣта и дѣлала съ ними различныя распоряженія, ничего не говоря Меншикову. Такое поведеніе представлялось князю просто преступленіемъ. Онъ опасался возраставшаго вліянія голштинской фамиліи, которое, наконецъ, могло повести къ его паденію, и хотѣлъ предупредить такую случайность. Ему могла помочь только переимѣна правителя. По смерти Екатерины на престолъ долженъ былъ вступить Петръ II. Вотъ этотъ-то моментъ и хотѣлъ онъ приблизить, такъ какъ только при несовершеннолѣтнемъ государѣ Меншиковъ могъ властвовать безраздѣльно. Такимъ образомъ, онъ могъ рѣшиться ускорить смерть императрицы. Это не болѣе какъ догадка, но она не лишена вѣроятности. Ее какъ бы подтверждаетъ одно выраженіе ¹⁾, сказанное Меншиковымъ въ моментъ отправленія своего въ мѣсто ссылки: „Я сдѣлалъ—сказалъ онъ—большое преступленіе; по юному-ли императору наказывать меня за это преступленіе?“ Нельзя-ли эти слова объяснить такъ, что онъ виноватъ въ смерти императрицы и что Петръ II долженъ бы быть ему благодаренъ за это? Вѣроятно также, что Екатерину постигла кара мести и именно отъ преступной руки того самаго человѣка, который два года предъ тѣмъ былъ виновникомъ смерти ея супруга. Способъ, которымъ Меншиковъ привелъ въ исполненіе свое новое преступленіе, должно быть былъ слѣдующій. У императрицы была привычка, составлявшая послѣдствіе ея дурного воспитанія: всякаго изъ придворныхъ, являвшихся къ императорскому столу, въ маленькомъ обществѣ, она хлопала по карману и требовала отъ него конфетъ. Это же она дѣлала преимущественно съ Меншиковымъ, который, по виду, все еще пользовался большимъ значеніемъ и ежедневно находился

¹⁾ Извѣстная дама кавалеръ Д'Еонъ была въ 1750-хъ годахъ секретаремъ французскаго посольства въ Петербургѣ. Она говоритъ въ своихъ „Loisirs“, что Меншиковъ при отпавкѣ воскликнулъ: „J'ai fait de grands crimes, mais est ce au Tzar à m'en punir?“ Нѣтъ основанія сомнѣваться въ этомъ разсказѣ, дающемъ, во всякомъ случаѣ, поводъ къ раздумью. Еонъ прибылъ въ Петербургъ, когда не прошло еще и 30 лѣтъ со смерти Петра и Екатерины, вращался въ лучшемъ обществѣ, обладавшемъ самыми вѣрными свѣдѣніями, и, конечно, не всему же вѣрилъ на-слово, что говорилось. А в т.

въ обществѣ императорской фамиліи. Однажды, какъ рассказываютъ, онъ далъ императрицѣ, потребовавшей свой обычный трибутъ лакомства, засахаренныя и отравленныя фиги. Ядъ былъ искусно приготовленъ. Онъ дѣйствовалъ тихо, но вѣрно. 16 мая новаго стиля 1727 года открылся, какъ утверждали, нарывъ въ легкіяхъ, а 17 мая, вечеромъ, въ 8 часовъ, умерла ¹⁾ Екатерина, на 42 году жизни. Тѣло ея погребено въ крѣпостной церкви, рядомъ съ ея супругомъ.

Намъ остается еще сказать о качествахъ и особенностяхъ этой знаменитой государыни, изъ чего многое было уже сказано въ этомъ краткомъ очеркѣ ея жизни. Слава о ея изумительной красотѣ произошла, вѣроятно, отъ того впечатлѣнія, какое она сдѣлала на графа Шереметева, на князя Меншикова и на императора Петра I. Но еще большой вопросъ, одобрила-ли бы большая часть мужского рода такой приговоръ этихъ трехъ лицъ. Вѣроятно даже, что общее мнѣніе было бы не въ пользу Екатерины. Она вовсе не была такою красавицею, которая всѣмъ нравится. Судя по изображеніямъ, которыя можно еще видѣть въ императорскихъ дворцахъ и которыя еще, быть можетъ, польстили ей, она очень далека отъ идеала женской красоты. Живыхъ глазъ и колоссальнаго бюста еще недостаточно, чтобъ стать совершенствомъ.

Что же касается ея духовныхъ свойствъ, то особенно прославляютъ ея умъ, ея любезность и твердость, съ которою она приводила свои планы въ исполненіе. Она выказала свой умъ преимущественно въ 1711 году, на Прутѣ. При томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ находился Петръ I съ своею арміею, государь былъ близокъ къ отчаянію. Екатерина, Остерманъ и Шафировъ обсуждали какъ быть, и остановились на томъ, что должно постараться подкупить визиря Ассема, или, какъ мы его обыкновенно называемъ, великаго визиря. Екатерина отдала всѣ свои драгоценности, и набрала въ займы всѣ наличныя деньги, которыя только могла достать въ лагерьъ подъ свое обезпеченіе и которыми можно было располагать. Уже послѣ того какъ это средство удалось и Петръ былъ спасенъ отъ пораженія, она открыла императору все, что сдѣлала, и императоръ обѣщалъ ей быть вѣчно благодарнымъ за это. Равнымъ образомъ и при другихъ замѣчательныхъ событіяхъ въ жизни этого монарха она представила ему доказательства своего ума, болѣе подробное изложеніе которыхъ принадлежитъ исторіи Петра I.

¹⁾ Екатерина умерла въ томъ же домѣ, гдѣ умеръ и Петръ I, но не въ той же комнатѣ. Императрица съ самаго начала жила въ бель-этажѣ, надъ комнатами императора.

Жаль, что такъ пренебрегли вовсе не обыкновенными способностями императрицы. Екатерина не умѣла даже писать. Царевна Елизавета должна была каждый разъ подписывать имя своей матери. Хотя она и говорила по латышски, польски, русски, нѣмецки и по голландски, но ни на одномъ языкѣ не говорила хорошо, а лишь сносно.

Вообще, какъ только Екатерина получаетъ значеніе въ исторіи, она тотчасъ же, благодаря своему уму, своей склонности къ потворству, содѣйствуетъ намѣреніямъ императора и скрывается за то одобреніе, которое сопровождало всѣ его дѣянія. Такимъ образомъ, она не только совершенно пригнетала свою волю и мнѣнія Петра дѣлала для себя закономъ, но, несмотря на свой умъ, незамѣтно приучила себя никогда не дѣйствовать по собственнымъ убѣжденіямъ, а всегда по указаніямъ другихъ. Даже во время ея царствованія, въ единственное время своей жизни, когда она могла все вести по своей свободной волѣ, она отдается руководству сперва Меншикова, потомъ своихъ дѣтей и ихъ приверженцевъ.

Изъ всего этого видно, какъ трудно опредѣлить настоящій характеръ этой государыни. Если же вспомнить, что ей, при ея извѣстномъ умѣ и при той власти, которую она имѣла надъ императоромъ, такъ легко было находить моменты, въ которые она могла придать многимъ его поступкамъ болѣе полезное направленіе; если подумать, что она, напротивъ, въ моменты вспышки, скорѣе возбуждала, чѣмъ умѣряла гнѣвъ императора, то нельзя воздержаться, чтобы не приписать ей, по крайней мѣрѣ, нечувствительности. Это особенно ясно видно изъ ея малаго сочувствія къ царицѣ Авдотѣ, съ которою очень дурно обходились и печальная участь которой, по смерти Петра, была скорѣе ухудшена Екатериной, чѣмъ сдѣлана болѣе сносно; изъ ея равнодушія къ поступку Петра I съ своимъ несчастнымъ сыномъ — такому поступку въ жизни этого государя, который очень трудно, быть можетъ, никогда нельзя будетъ оправдать; и, наконецъ, изъ ея малой любви къ своей роднѣ, при чемъ она, даже послѣ брака съ императоромъ, вовсе не заботилась о своихъ родственникахъ, которые сами первые должны были напомнить ей о ея обязанностяхъ.

Естественною связью идей, лицо, вышедшее изъ ничтожества и не могшее, конечно, забыть о своемъ происхожденіи, должно подумать о своихъ кровныхъ друзьяхъ, которые воспитались въ грязи и, пригнетенные, жили еще въ той же грязи. Она ничего для нихъ не дѣлала, и сами же родственники должны были вызывать ея на содѣйствіе имъ. По этому поводу намъ передавали слѣдующій анекдотъ, который мы дословно списываемъ изъ рукописи весьма свѣдущаго друга. — «Когда рижскій имперскій ландгерихтъ пре-

доставилъ помѣстье Ленневарденъ Аврегской фамиліи и даже ленневардская записная книга ¹⁾ была уже передана, фонъ Шеленъ, много лѣтъ проживавшій у ландрата и президента фонъ-Вольфеншильда, рассказывалъ за достовѣрное, когда дѣло дошло до ленневардскихъ крѣпостныхъ, слѣдующее: когда блаженной памяти императоръ Петръ I, по завоеваніи Лифляндіи, много разъ предпринималъ, въ сообществѣ Екатерины, путешествіе въ Германію, то случилось, что однажды онъ присутствовалъ въ рижской цитадели при греческомъ богослуженіи. При выходѣ изъ церкви, къ нимъ приблизилась престарѣлая женщина со многими дѣтьми ²⁾, которые были изъ ленневардскихъ крѣпостныхъ, и переговорила съ императрицею. Екатерина дала понять старушкѣ, чтобъ она шла спокойно домой, что она о ней позаботится. Когда императрица возвратилась изъ Германіи въ Петербургъ, изъ столицы былъ полученъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи и генералъ-фельдмаршаломъ Шереметевымъ секретный приказъ, чтобъ онъ тѣхъ ленневардскихъ крѣпостныхъ, которые родомъ изъ Литвы, немедленно переслалъ бы самымъ почетнымъ образомъ изъ Риги въ Петербургъ. Получивъ такой приказъ, фонъ Волифеншильдъ ³⁾ отправился самъ въ Ригу и хотѣлъ принести тамъ жалобу по поводу людей, отобранныхъ изъ его имѣнія. Онъ былъ, однако, вскорѣ удовлетворенъ. Отвезенная въ Петербургъ старушка выпросила себѣ, какъ матери императрицы, обезпеченіе на спокойную жизнь. Дѣти, бывшіе при ней, были опредѣлены въ школу, чтобъ чему нибудь подѣлались. Ея сынъ и ея дочери были впоследствии основателями извѣстныхъ еще и по нынѣ въ Россіи и возведенныхъ въ графское достоинство фамилій Скавронскихъ, Генриковыхъ и Ефимовскихъ. Крестьянамъ въ Ленневардѣ хорошо извѣстно, что Екатерина вышла изъ ихъ среды и они мечтаютъ, что многіе изъ нихъ — родня императорской фамиліи. Этотъ анекдотъ записанъ самимъ фонъ Шеленомъ».

Что случилось съ матерью Екатерины и гдѣ прожила она послѣдніе дни жизни, мы не знаемъ. Неизвѣстенъ и годъ ея смерти. Такъ какъ по смерти Петра I объ ней ничего не слышно, то, вѣроятно, она умерла еще при жизни императора.

Пока былъ живъ Петръ I, родственники Екатерины не смѣли появляться при дворѣ.

¹⁾ Wackenbuch— списокъ всего, что принадлежитъ къ имѣнію.

²⁾ Эти дѣти были внуки старушки, дѣти ея сына и дочери, племянника и племянницы императрицы Екатерины I.

³⁾ Вѣроятно, Ленневардъ принадлежалъ нѣкогда фонъ Вольфеншильду. Мы не знаемъ кому теперь принадлежитъ это имѣніе.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКОВЕВНА I.

Примѣч. переводчица. Императрица Екатерина I, 1686—1727, П. С. З., №№ 5003, 5004, 5070; Указы Екатерины Алексіевны и Петра II, Спб., 1743; Указы Екатерины I (Пекарскій, Бумаги Арсеньева, 84; Оснадц. вѣкъ, IV, 77; Сборникъ, XI, 58); Письма Екатерины I (вн. Оболенскій, Письма русск. государей I, 76, 77, 80, 81, 84, 90, 93, 95, 97, 101, 103, 105, 111, 114, 117, 123, 128, 147, 151, 165; II, 7, 15, 17, 26, 30, 72, 78, 92; Устряловъ, VI, 323; Кашпиревъ, I, 379; Соловьевъ, XVIII, 357; Вѣстн. Евр., 1868, II, 177); Письма Петра I (Старина, 1880, XXVIII, 754); Бумаги Петра В. (II, 5, 6, 7, 10, 35, 39, 41, 45, 54, 56); Приходо-расходная книга комнатныхъ денегъ Екатерины I (Архивъ, 1874, I, 513); Дипломатическіе документы (Сборникъ, III, 374, 400; XV, 251, 261, 299, 305, 338; XXXIV, 64; XV, 187, 214, 328, 363); Письмо ен. Меншикова (Старина, 1874, XI, 357); Письма дюка де-Липра (Оснадц. вѣкъ, II, 7, 14, 18, 21, 36, 195); Бычковъ, Письма Петра I (35, 90, 121); Von der Kaiserin Katharina I Herkunft (Büsching, XI, 481); Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 392, 432, 448, 460); Манштейнъ, 1; Замячанія на записки Манштейна (Старина, 1879, XXVI, 362, 367); Ундольскій, Замятка къ слову похвальному Лихуды (Архивъ, 1863, 338); Минихъ, 28, 34; Бассевичъ, 116, 117, 195, 247, 256, 258, 260, 264, 267, 269); Gordon, The history of Peter the Great, II, 256; Villebois, 51, 73, 83; Щербатовъ, 39; Шаховской, 267; Ровдо, 31, 155, 163; Воронцовъ, V, 17; XXV, 13, 33; XXIX, 429, 454; Weber, II, 111, 135, 31; III, 7, 11, 16, 47, 53, 55, 57, 81, 168; Bericht von der Kaiserin Katharina I (Büsching, XI, 481); Anecdotes von der Kaiserinn Katharina I (Büsching, III, 190); Russie, 384, 391; Записки фонъ-Брадке (Архивъ, 1875, I, 17); Храповицкій, 132, 494; Карабановъ, IV, 586, 685; Деньги для радости (Старина, 1874, XI, 767); Гротъ, Происхожденіе Екатерины I (Сборн. ав. наукъ, XVIII); Бычковъ, Свадьба Петра I съ Екатериною I (Россія, 1877, I, 323); Коронація Екатерины I (Архивъ, 1883, I, 369); Язковъ, Коронованіе Екатерины I (Отч. Зап., 1845, XXXVIII, 15); Костомаровъ, Екатерина Алексіевна (Россія, 1877, I, 129); Арсеньевъ, Царствованіе Екатерины I, Спб., 1856; Шебальскій, Происхожденіе Екатерины I (Чтенія, 1860, II, 73); Борисовъ, Бракъ Петра I съ Екатериною I (Чтенія, 1861, II, 196; III, 225); Андреевъ, Екатерина I (Оснадц. вѣкъ, III, 1); Соловьевъ, Птепцы Петра В. (Русск. Вѣстн., 1861, I, 104; VII, 17, 19); Соловьевъ, Письма Волынскаго (Чтенія, 1862, IV, 8); Записка о кончинѣ Екатерины I, Спб., 1857; Clausen, 47, 54, 60, 65, 84; Mémoire sur la vie du Tsarevitch Alexei Petrovitch (Büsching, III, 197); Хмыровъ, Прошеніе придворныхъ пѣвчихъ (Истор. Вѣстн., 1880, III, 631); Есиповъ, Яганна Петрова (Истор. Вѣстн., 1880, I, 547); Бантышъ К., Списки, 77, 149, 173; Поповъ, Изъ жизни П. А. Толстаго (Русск. Вѣстн., 1860, XI, 319); Поповъ, Графъ П. А. Толстой (Россія, 1875, I, 241); Пекарскій, Подробности о Симфоніи Кантемира (Библиогр. Зап., I, 531, Хмыровъ, Перечень государей русскихъ, 35; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 76, 85, 159, 204, 254, 312; Вейдемейеръ, Обзоръ I, 20; Артемьевъ, Медальныя комитеты (Зап. археол. общества, 1851, III, 191); Nordberg, Leben Carls des Zwölften, II, 253; Шебальскій, Россія, какою ее оставилъ Петръ I (Русск. Вѣстн., 1858, I, 53); Герье, Кронпринцесса Шарлотта (Вѣстн. Евр., 1872, III, 55, 469, 486, 495); Устряловъ, IV, ч. 1, 127; Соловьевъ, XVI, 67, 254; XVII, 67; XVIII, 263, 279, прим. 210; XIX, 79, 95; Hergmann, IV, 138, 262, 270, 279, 286, 437, 467; Winkelmann, 447; Russica, II, 619.

В. Б.

IV. ПЕТРЪ ШАФИРОВЪ.

Если бы Петръ I и не сдѣлалъ всего того безконечно великаго, что имъ дѣйствительно совершено, онъ всетаки заслуживалъ бы удивленія современниковъ и потомства уже и потому, что обладалъ тонкимъ тактомъ отыскивать во всевозможныхъ слояхъ общества, даже въ самыхъ низшихъ классахъ народа, наиболѣе умныхъ и полезныхъ дѣятелей и давать имъ такія занятія, при которыхъ они могли бы приносить наиболѣе существенную пользу. Но чтобъ представить вѣрное изображеніе этого необыкновеннаго монарха, біографы Петра не должны забывать и его слабостей. Къ числу такихъ слабостей принадлежитъ, болѣе всего, опрометчивость. Отъ нея происходила иногда неблагодарность— порокъ, слишкомъ часто встрѣчающійся у государей, поддающихся первому движенію гнѣва. Когда они находятся въ разгоряченномъ настроеніи, ими овладѣваютъ внимательные бездѣльники, находящіеся въ ихъ свитѣ и очень ловко умѣющіе превращать частную ссору въ государственное преступленіе. Такимъ-то образомъ случается, что лучшіе государи, поддаваясь минутной прихоти, забываютъ о благодарности, которою они обязаны своимъ вѣрнѣйшимъ слугамъ, и подрываютъ свою славу въ настоящемъ и будущемъ.

Петръ Шафировъ былъ родомъ еврей. Мы собственно не знаемъ его родины; но, вѣроятно, онъ былъ изъ Голландіи, гдѣ его встрѣтилъ Петръ и привезъ въ Россію. Здѣсь онъ былъ окрещенъ въ греческую вѣру; при этомъ торжественномъ обрядѣ самъ монархъ заступалъ мѣсто крестнаго отца и далъ ему свое крестное имя Петра. Вѣроятно, при этомъ же, хотя мы и не знаемъ по какому поводу, получилъ онъ фамилію Шафировъ.

Въ началѣ юный прозелитъ получилъ незначительное мѣсто въ имперской канцеляріи, куда монархъ опредѣлилъ его, чтобы видѣть не ошибся ли онъ на счетъ его способностей. Успѣхъ соответство-

валъ ожиданіямъ Петра. Шафировъ оставался не долго на этомъ мѣстѣ. Его вѣрный и проникательный взглядъ, его точное сужденіе и живость въ исполненіи даваемыхъ ему порученій помогли ему получить вскорѣ высшія почетныя мѣста. Въ 1711 году онъ завѣдывалъ въ русскомъ управленіи германскими дѣлами, которыми очень интересовался Петръ I, самъ желавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ. Въ томъ же 1711 году, Шафировъ находился, какъ вице-канцлеръ, съ императоромъ на Прутѣ. Послѣ того какъ Екатерина, Шафировъ и Остерманъ согласились относительно средства спасти императора и его армію, оба эти великіе сановники, Шафировъ и Остерманъ, отпавились въ турецкій лагерь, къ великому визирю, поднесли ему несмѣтные подарки и своимъ краснорѣчіемъ окончательно спасли императора и армію. За возвращеніе туркамъ Азова русская армія могла удалиться. Шафировъ долженъ былъ отправиться, какъ заложникъ, въ Константинополь и оставаться тамъ до исполненія трактата. Такъ какъ онъ тамъ находился какъ бы въ плѣну, безъ дѣла, то воспользовался этимъ досугомъ, чтобъ усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ. Потомъ онъ былъ еще русскимъ посломъ при турецкомъ дворѣ, который онъ покинулъ въ первые мѣсяцы 1714 года, чтобъ возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ принятъ съ радостью только однимъ императоромъ. Въ томъ же 1714 году, этотъ монархъ сдѣлалъ его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и пожаловалъ ему андреевскій орденъ. Съ этого времени ему стоило огромнаго труда сохранить милость императора. Враги его, которыхъ у него было много и въ числѣ которыхъ были лица съ большимъ вѣсомъ, не могли свергнуть его, пока императоръ былъ убѣжденъ въ его полезности. Этотъ монархъ продолжалъ еще долго относиться къ нему съ неизмѣннымъ довѣріемъ. Шафировъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали, въ 1718 году, смертный приговоръ царевичу. Петръ поручалъ ему самыя важныя, сложныя и обширныя дѣла. Такъ, напр., онъ назначилъ его, генераль-почтмейстеромъ Россійской имперіи—мѣсто, требовавшее большой и тяжелой работы, такъ какъ нужно было еще создавать почтовые учрежденія въ главныхъ провинціяхъ Россіи.

Немногіе русскіе сановники оказали имперіи и лично государю столь великіе услуги, какъ Шафировъ. Петръ лишь короткое время былъ еще убѣжденъ въ этомъ. Когда Петръ I долженъ бы былъ оказать наибольшее довѣріе барону Шафирову и защитить его отъ нападковъ враговъ, онъ забылъ ту благодарность, которую онъ былъ обязанъ этому великому государственному мужу. Главною причиною опалы Шафирова были частныя ссоры его съ Меншиковымъ. Они съ

самаго начала были отъявленными врагами и часто жестоко попрекали другъ друга въ присутствіи многихъ лицъ. При этихъ перебранкахъ, Шафировъ всегда былъ болѣе ядовитъ, чѣмъ Меншиковъ. Вице-канцлеръ сказалъ однажды князю, что еслибъ зависть Меншикова была бы лихорадкой, которую онъ могъ бы передавать другимъ, ни одинъ богатый русскій не остался бы въ живыхъ. Такія сцены происходили почти ежедневно и въ высшей степени возбудили мстительность Меншикова. Скоро встрѣтился поводъ отомстить.

Во время похода Петра I въ Персію, въ 1722 году, между Шафировымъ и Меншиковымъ возникли препирательства изъ-за правительственныхъ дѣлъ. Зная убѣжденія барона Шафирова, можно догадываться, что въ этомъ спорѣ право было скорѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Меншикова. Но Меншиковъ своими умными и злыми наговорами, которые императрица должна была поддерживать всѣмъ своимъ значеніемъ, сумѣлъ совершенно возбудить императора, по возвращеніи его въ 1723 году, противъ Шафирова. Впечатлѣніе наговоръ было такъ сильно, что Петръ совершенно забылся. Рѣдко видѣли его такимъ возбужденнымъ, какъ при этомъ случаѣ. Несправедливые оговоры Екатерины и Меншикова такъ сбили съ толку императора, что онъ считалъ барона Шафирова вполнѣ виноватымъ. Онъ приказалъ арестовать этого великаго государственнаго мужа и взять у него орденъ и шпагу. Потомъ Шафировъ былъ преданъ суду, и послѣ краткаго слѣдствія, которое Меншиковъ сумѣлъ направить, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Шафировъ, судя по обвиненію, утаивалъ деньги, поддѣлывалъ рукописи и нерадѣлъ о почтовомъ вѣдомствѣ. На дрянныхъ санкахъ привезли его на лобное мѣсто, чтобъ обезглавить. Лучшая голова въ государствѣ лежала уже на балкѣ, чтобъ отдѣленіемъ отъ тѣла быть устраниною изъ ряда живыхъ, когда кабинетскій секретарь Макаровъ прокричалъ о помилованіи и объявилъ несчастному, что онъ долженъ отправиться въ ссылку. Шафировъ, который уже ожидалъ смертнаго удара, не порадовался этому помилованію и охотно предпочелъ бы смерть печальной жизни въ ссылкѣ.

Когда это несчастіе постигло Шафирова, онъ былъ баронъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, имперскій вице-канцлеръ, генераль-почтмейстеръ и кавалеръ ордена св. Андрея.

Онъ пользовался славой человека проникательнаго ума и обладавшаго большими познаніями по государственному хозяйству. Онъ былъ превосходный вице-канцлеръ и хотя не рѣдко изливалъ первые приступы своего гнѣва на своихъ подчиненныхъ и даже на лицъ себя равныхъ, но вслѣдъ затѣмъ способенъ былъ выслушать осно-

вательныя представленія. Онъ никогда не нарушалъ даннаго слова и говорилъ всегда правду, почему и представители иностранныхъ державъ вели съ нимъ переговоры охотнѣе, чѣмъ съ кѣмънибудь другимъ.

По смерти Петра I, Меншиковъ не могъ воспрепятствовать Екатеринѣ I, по усиленной просьбѣ герцога Карла Фридриха голштинскаго, вновь призвать Шафирова изъ ссылки ко двору. Она возвратила ему баронское достоинство и подарила золотую шпагу Петра I, послѣ того какъ въ складѣ конфискованныхъ вещей не могли отыскать отобранной у него шпаги. Императрица предложила ему опять великолѣпный домъ ¹⁾, на Петербургскомъ островѣ, постройка котораго начата была во время его отсутствія, въ 1712 году, но онъ отклонилъ это предложеніе, потому, какъ онъ говорилъ, что его стѣсненныя матеріальныя средства не позволяютъ ему жить въ такомъ роскошномъ дворцѣ. Впослѣдствіи, однако, онъ принялъ этотъ домъ, и жилъ въ немъ. Значеніе Меншикова было, однако, настолько еще велико, что Екатерина не рѣшилась возвратитъ барону Шафирову тѣ важныя мѣста, которыя онъ занималъ. Она учредила въ то время верховный тайный совѣтъ, въ которомъ онъ, конечно, былъ бы на своемъ мѣстѣ, но онъ не былъ назначенъ членомъ его. Она назначила его президентомъ комерцъ-коллегии. Вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ поѣхать въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ, именно для устройства на лучшихъ основаніяхъ китовой торговли—порученіе, бывшее значительно ниже дарованій этого великаго человѣка. Изъ другихъ почетныхъ должностей, которыя онъ прежде занималъ, ни одна не была ему возвращена, равно какъ не былъ ему возвращенъ и орденъ, по крайней мѣрѣ онъ не значится въ числѣ кавалеровъ въ спискѣ придворнаго штата при Петрѣ II.

Годъ смерти барона Шафирова намъ неизвѣстенъ; но, кажется, онъ умеръ въ царствованіе императрицы Анны.

Кто была супруга Шафирова—мы не знаемъ; но извѣстно, что онъ оставилъ сына и пять дочерей.

Послѣ того какъ отецъ вновь вошелъ въ милость и сынъ получилъ почетное положеніе при дворѣ. Намъ неизвѣстно, оставилъ ли онъ мужское потомство, но мы никогда не слышали, чтобъ при дворѣ или въ арміи кто либо назывался Шафировымъ.

Одна дочь Шафирова вышла замужъ за князя Гагарина ²⁾, отецъ

¹⁾ Это, вѣроятно, тотъ самый домъ, который позже былъ отданъ академіи наукъ. Авт.

²⁾ На баронессѣ Шафировой былъ женатъ князь Алексѣй Матвѣевичъ; отецъ его, князь Матвѣй Петровичъ, былъ при Петрѣ I губернаторомъ сперва московскимъ, потомъ сибирскимъ, и умеръ 17 іюня 1721 года. В. В.

котораго былъ повѣшенъ. Она была матерью графини Матюшкиной и княжны Голицыной. Графиня Матюшкина была первая статс-дама императрицы Екатерины II и, наконецъ, обер-гофмейстерина при дворѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I и матери Александра I. Она была также кавалерственная дама ордена св. Екатерины и была жива еще въ 1799 году. Ея дочь, умершая прежде ея, вышла замужъ за польскаго графа Віельгорскаго. Княгиня Голицына также была статс-дамой Екатерины II и супругою фельдмаршала князя Голицына, который прославилъ себя въ первую турецкую войну, бывшую въ царствованіе этой императрицы. Она была очень честолюбивая, но крайне умная и любезная дама ¹⁾. Она очень откровенно говорила обо всемъ, что происходитъ при дворѣ и о своей фамилии. Такъ, она рассказывала, что ея мать, будучи молоденькой дѣвочкой, получила отъ Петра I очень горькій укоръ за то, что не хотѣла пить изъ бокала, въ которомъ, кромѣ вина, былъ еще раздражающій ликеръ. Она очень наивно увѣряла, что князья Голицыны, подвергались всѣмъ тѣлеснымъ наказаніямъ, какія только употребляются у полуобразованныхъ народовъ—ихъ вѣшали, обезглавливали, колесовали, сажали на колъ, били кнутомъ и т. под.

Вторая дочь барона Шафирова вышла замужъ за князя Хованскаго ²⁾, и была, если мы не ошибаемся ³⁾, матерью княгини Барятинской, жены князя Барятинскаго ⁴⁾, присутствовавшего при смерти Петра III. Третья дочь была супругою графа Головина ⁵⁾. Четвертая вышла замужъ за князя Долгорукова ⁶⁾. Судьба пятой дочери барона Шафирова намъ неизвѣстна. Двадцати лѣтъ она не была еще замужемъ.

Баронъ Шафировъ имѣлъ еще брата, котораго онъ вызвалъ изъ Голландіи въ Петербургъ. Онъ не былъ возведенъ даже въ дворянское достоинство и въ 1719 году былъ тайнымъ секретаремъ въ

¹⁾ Княжна Дарья Алексѣевна Гагарина (1724—1798) была замужемъ за княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, умершимъ 8 окт. 1783 г.

²⁾ Князь Василій Петровичъ, шталмейстеръ, во второмъ бракѣ на баронесѣ Екатерины Петровны Шафировой.

³⁾ Совершенно вѣрно: княжна Марья Васильевна Хованская была замужемъ за обер-гоф-маршаломъ княземъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ.

⁴⁾ О немъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. О другихъ лицахъ, упоминаемыхъ въ этой статьѣ, мы никакихъ подробностей сообщить не можемъ.

⁵⁾ Графъ Александръ Ѳеодоровичъ въ первомъ бракѣ на баронесѣ Наталіи Петровны Шафировой.

⁶⁾ Князь Сергій Григорьевичъ былъ женатъ на баронесѣ Марѣ Петровны Шафировой.

имперской канцеляріи. Онъ, кажется, не обладалъ никакими талантами, и потому-то братъ не могъ доставить ему никакого важнаго мѣста. Мы не можемъ включить его въ число избранниковъ.

Прим. переводчика. Петръ Павловичъ Шафировъ, 1670—1739. П. С. З., № 3133; Указы Петра I (Сборн., XI, 96, 101, 502, 548, 549; Оснадец. вѣкъ, IV, 72); Камеръ-фурьерскіе журналы, 1738 г., 27, 32; Письма Шафирова (Устряловъ, I, 322; IV, ч. II, 421, 427, 432, 437, 441; Старина, 1872, V, 918, 935; Россія, 1876, I, 399); Шафировъ, Разсужденіе какіе законныя причіны Петръ имѣлъ къ началю воины противъ Карла 12. Спб., 1716. Бумаги Петра В. (II, 67, 69, 70); Бычковъ, Письма Петра I, (77); Голиковъ, Дополн. къ дѣяніямъ Петра В., XI; XII; XIII, 356, 360; XVII, 253; Дипломат. документы (Сборникъ, III, 357, 359, 363, 372, 375, 380; XV, 218, 220, 259, 268; XX, 70, 82, 113; XXXIV, 72, 166, 270, 355; XXXIX, 279, 340, 458; XL, 70, 110, 193, 310); Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 329, 341, 370); Письма дюка де Лпрія (Оснадец. вѣкъ, II, 33, 87); Миннихъ, 23; Рондо, 223; Бассевичъ, 195, 219; Манштейнъ, 137, 241; Воронцовъ, I, 129; III, 698; X, 174; Шетарди, 3; Weber, I, 300; II, 79, 84; III, 23, 43, 55; Catherine, 177, 205; Russie, 23; Bergholz's Tagebuch (Büsching, XIX, 66, 78; XL, 191); Письма Волынскаго (Старина, 1872, V, 941); Реестръ кому ассамблеи держать (Библиогр. Зап. II, 272); Корсаковъ, Ссылка вн. Долгорукаго (Истор. Вѣстн. 1880, 1, 457, 471); Лонгиновъ, Генералитеть 1730 г. (Оснадец. вѣкъ, III, 170); Эйхгольцъ, Дѣдъ Іоанна Антоновича (Старина, 1875 г. XII, 17); Герье Кронпринцесса Шарлотта (Вѣстн. Евр., 1872, III, 32, 54, 57); Соловьевъ, Птенцы Петра В. (Русск. Вѣстн. 1861, VII, 24); Галемъ, Жизнь Петра В., II, 409; Корсаковъ, Судъ надъ вн. Голшцинымъ (Россія, 1879, III, 39); В. Л. Кочубей (Старина, 1883, XL, 501); Описаніе Петербурга (Старина, 1882, XXXVI, 300); Терещенко, I, 18; III, 3; Вантышъ-К., Словарь, III, 520; Списки, 75; Долгоруковъ, II, 321; вн. Лоб. Ростовскій. Рус. Род. вн., 114; Карабановъ-Долгоруковъ, 126; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 144; Евгений, II, 247; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, XXII, XXIII; Устряловъ, I, XXXVIII; III, 574; VI, 289, 533; IV, ч. II, 378, 383; Неггманн, IV, 270, 329, 430, 444, 451, 473, 480; Соловьевъ, XVI, 88, 113; XVII, 143, 150, 278; XIX, 330; Саятовъ, 114.

У. ГЕНРИХЪ ИВАНЪ ФРИДРИХЪ ОСТЕРМАНЪ I.

Польза возможно большаго просвѣщенія человѣка несомнѣнна и рѣшительна. Образование научаетъ наиболѣе удовлетворительному, для современнаго поколѣнія наиболѣе полезному и, вообще говоря, наиболѣе совершенному примѣненію человѣческихъ способностей; оно даетъ болѣе свѣтлое и болѣе высокое понятіе объ истинной религіи, которая не связывается ни съ какимъ толкомъ христіанства, мохамеданства, юдаизма и всѣхъ другихъ вѣрованій, признающихъ единого Бога, какъ бы эти вѣрованія ни именовались; оно облагораживаетъ плоды учености; оно вселяетъ гордость въ исполненіе того высокаго назначенія, къ которому человѣкъ призванъ; оно поощряетъ исполнять всякое дѣло возможно достойнымъ образомъ; оно является наиболѣе совершеннымъ утѣшителемъ въ незаслуженныхъ страданіяхъ; оно облегчаетъ переходъ отъ жизни къ смерти. Значеніе высшаго образованія еще гораздо разнообразнѣе, но не всѣ образованные люди приносятъ ту пользу, которую оно вселяетъ.

Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ былъ второй сынъ лютеранскаго пастора въ Боккумѣ, городѣ въ вестфальскомъ графствѣ Маркѣ. Онъ штудировалъ въ Іенѣ и по рекомендаціи своего старшаго брата, бывшаго уже въ Россіи, поступилъ, въ 1704 году, въ службу къ русскому вице-адмиралу Крѣйсу ¹⁾, который, вслѣдствіе его ловкости и очень быстраго усвоенія русской рѣчи, представилъ его, при удобномъ случаѣ, Петру, какъ человѣка весьма полезнаго.

Съ этого момента онъ оказывалъ русскому двору чрезвычайно полезныя услуги какъ въ политическихъ, такъ и въ домашнихъ дѣлахъ. Онѣ такъ важны и такъ разнообразны, что ихъ нельзя коснуться только слегка. Исторія исполненія возлагавшихся на него

¹⁾ Корнелій Крѣйсъ (Stuuz), голландецъ, изъ знатной семьи, занималъ уже въ своемъ отечествѣ важныя мѣста по морскому вѣдомству, когда Петръ I взялъ его съ собою въ Россію. Онъ оказалъ важныя услуги при созданіи русскаго флота. Крѣйсъ умеръ въ 1727 году, будучи 71 года.

обязанностей такъ тѣсно входитъ въ лѣтописи русскихъ государей до конца 1741 года, что невозможно отдѣлить одну отъ другихъ. Всѣ государи Россіи, которымъ онъ служилъ, вполне довѣряли ему и не упустили случая награждать его.

Подробно описывать жизнь этого великаго человѣка было бы слишкомъ пространно; мы расскажемъ лишь нѣсколько мало кому извѣстныхъ фактовъ о его службѣ и о послѣднихъ годахъ пребыванія его въ Петербургѣ, до ссылки въ Сибирь.

Извѣстно, что Остерманъ, вмѣстѣ съ Екатериною I и Шафировымъ, спасъ императора изъ очень опаснаго положенія при Прутѣ. Объ этомъ слѣдуетъ упомянуть потому, что съ этого времени Петръ сталъ оказывать ему неограниченное довѣріе. Въ 1721 году государь послалъ графа Брюса ¹⁾ и барона Остермана въ Ништадтъ для заключенія мира со Швеціею. Остерманъ взялъ съ собою вексель на большую сумму отъ купца Мейера ²⁾, но не взялъ дукатовъ, потому что, какъ онъ говорилъ, тяжелыя денежныя шкатулки производятъ большой шумъ. Въ Ништадтѣ должны были сѣзжаться всякій разъ всѣ комиссары вмѣстѣ, такъ какъ ничто не могло рѣшаться помимо этого собранія. Остерманъ всегда являлся навеселѣ. Шведы уже полагали, что они выиграли по всѣмъ пунктамъ. Но Остерманъ проводилъ все свободное отъ собраній время у Цедеркрёйца, самаго важнаго изъ шведскихъ комиссаровъ, сговорился съ нимъ обо всемъ, далъ ему 100,000 рублей и возвратилъ всѣ земли въ Лифляндіи, принадлежащія его фамиліи, взаимѣнъ чего получилъ въ пользу императора герцогства Лифляндію и Эстляндію, которыя должны были впоследствии быть куплены, для вида, за извѣстную сумму ³⁾ у шведскаго двора, чтобъ этою покупкою заставить молчать польскую ко-

¹⁾ Одна часть шотландской фамиліи Брюсовъ (Bruce), нѣкогда дававшей странѣ королей и еще понынѣ сохраняющая въ своемъ гербѣ знакъ владѣтельныхъ особъ, булаву, переселилась въ Россію еще во времена Кромвеля. Тотъ Брюсъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ генераль-фельдцейхмейстеромъ и имѣлъ большія литературныя свѣдѣнія. Русская вѣтвь фамиліи Брюсовъ вымерла въ мужскомъ поколѣніи въ концѣ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ генераломъ Брюсомъ. Послѣдняя представительница этого дома, одного изъ самыхъ богатыхъ, вышла замужъ за графа Мусина-Пушкина, посла въ Неаполѣ, который сталъ именоваться Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, чтобъ сохранить память о великомъ имени.

²⁾ Мейеръ, богатый нѣмецкій купецъ въ Москвѣ, переселившійся въ Петербургъ, велъ много дѣлъ съ Петромъ I; въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ подпалъ опалѣ вмѣстѣ съ саксонскимъ бергауптманомъ Куртомъ Фонъ-Шенбергомъ. Сынъ Мейера, Рудольфъ, былъ крестникъ Петра I; это былъ образованный, честный и всѣми уважаемый купецъ.

³⁾ Мы слышали, что покупная сумма была не менѣе какъ миллионъ рублей.

рону, имѣвшую притязанія на эти земли. Въ моментъ, когда все уже было подписано, изъ Петербурга явился, въ качествѣ курьера, Ягужинскій съ приказаніемъ Брюсу и Остерману, что они должны согласиться на все безъ исключенія, чего будутъ требовать шведы, лишь бы заключить миръ, такъ какъ, по вполнѣ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, англійскій флотъ, подъ командой адмирала Норриса, уже выпустилъ паруса и шелъ въ Балтійское море. По счастью, Ягужинскій прибылъ слишкомъ поздно. Остерманъ получилъ уже все, что желалъ, и привезъ обратно вексель на большую сумму, который ему не понадобился и который онъ вручилъ императору. Послѣ этого было вполнѣ естественно, что Петръ I весьма цѣнилъ его. Этотъ монархъ часто говаривалъ, что Остерманъ, имъ самимъ обученный, никогда не сдѣлалъ ни одной оплошности при исполненіи своихъ обязанностей. Его проекты на русскомъ языкѣ, которые онъ же потомъ переводилъ для иностранныхъ дворовъ на нѣмецкій, французскій или латинскій языкъ, всегда оставались безъ измѣненія. Даже на смертномъ одрѣ императоръ, при которомъ безотлучно находился Остерманъ, всегда повторялъ это, и извѣстно, что въ послѣдніе годы Петръ I довѣрялъ почти исключительно только Остерману. Этотъ государь пожаловалъ его въ тайные совѣтники и возвелъ въ дворянское достоинство.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I Остерманъ былъ имперскимъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умирая государыня назначила его обергофмейстеромъ при дворѣ своего преемника Петра II и членомъ верховнаго тайнаго совѣта, которому ввѣрялось управленіе имперією во время малолѣтства этого государя.

Остерманъ заботился о возможно лучшемъ воспитаніи юнаго императора, и написалъ для него извѣстное прекрасное „Начертаніе ученія“²⁾. Остерманъ получилъ отъ своего государя и воспитанника, умершаго почти ребенкомъ, титулъ російскаго графа.

Императрица Анна, среди окружавшихъ которую Остерманъ былъ самый остроумный и самый образованный человекъ, назначила его кабинетъ-министромъ. Въ тѣхъ вѣдомствахъ управленія, которыя были предоставлены исключительно ему, онъ пра-

¹⁾ Оно помѣщено въ третьей части „Преобразованной Россіи“, появившейся въ 1740 году. (Упомянутая авторомъ „Преобразованная Россія“ есть извѣстное сочиненіе Вебера, брауншвейгскаго резидента—Weber, Das veränderte Russland—которое впервые появилось въ 1721 г., въ одномъ томѣ; изданіе 1740 г., въ трехъ томахъ. „Начертаніе“ Остермана появилось и въ отдѣльномъ изданіи: Baron von Ostermann, Einrichtung der Studien J. K. M. Petri des Andern, безъ указанія мѣста и года изданія). В. В.

вилъ твердою рукою. Благодаря его свѣтлому уму, государственной мудрости и знанію людей, императрица призывала его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вовсе не хотѣла выслушивать его совѣта, и постановляла рѣшенія согласно съ его мнѣніемъ. Этотъ дальновидный человѣкъ старался мало-по-малу удаляться отъ двора и ограничиться кругомъ своихъ обязанностей, которыя онъ все старался уменьшить. Онъ замѣчалъ путаницу и духъ партій при дворѣ и въ императорской фамилии; онъ пророческимъ взглядомъ предвидѣлъ, что изъ этого произойдутъ катастрофы, исходъ которыхъ нельзя было и рассчитать. Вотъ почему онъ полагалъ, что его мудрости удастся уклониться отъ дѣйствія взрыва. Извиняясь болѣзненнымъ состояніемъ, онъ не являлся болѣе ко двору. Отчасти это былъ только предлогъ, такъ какъ, говорятъ, Остерманъ натиралъ лицо лимономъ, чтобъ имѣть видъ больнаго; отчасти же онъ былъ дѣйствительно боленъ. Онъ страдалъ уже тогда перемежающеюся болью въ ногахъ, которая вскорѣ совсѣмъ лишила его употребленія ногъ. Но все это не могло защитить его въ тѣхъ случаяхъ, когда нуждались въ его совѣтѣ. Съ большою заботливостью, осторожностью и со всѣми удобствами его переносили въ такихъ случаяхъ въ комнаты императрицы.

По смерти императрицы Анны онъ уже вовсе не выходилъ изъ дому, но всегда оставался главнымъ органомъ въ русскомъ государствѣ. Вслѣдъ за кончиною государыни, онъ хотѣлъ выйти въ отставку; но герцогъ курляндскій, бывшій тогда регентомъ, такъ настоятельно просилъ его, что онъ остался.

Регентша Анна, мать императора, только желая дать графу Остерману болѣе высокой рангъ, чѣмъ фельдмаршалъ, назначила его генералъ-адмираломъ—мѣсто, для котораго онъ, собственно, не былъ приготовленъ, такъ какъ не разумѣлъ подробностей дѣла. Но какъ человѣкъ большихъ способностей, онъ, конечно, послѣ нѣкотораго ознакомленія, имѣлъ и въ этомъ дѣлѣ вѣрный взглядъ главнаго начальника. Въ царствованіе этой государыни, австрійская партія при русскомъ дворѣ начала упрекать Остермана за его склонность къ Пруссіи. Упрекъ былъ довольно основательный, и надо думать, что если такой мудрый сановникъ, какимъ былъ Остерманъ, старался склонить свой дворъ на сторону Пруссіи, то, конечно, былъ убѣжденъ въ превосходствѣ системы и политики юнаго и предприимчиваго прусскаго монарха Фридриха II. Между тѣмъ Остерманъ создалъ себѣ этимъ страшныхъ враговъ при русскомъ дворѣ, къ которымъ принадлежалъ особенно генералиссимусъ принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, супругъ регентши и отецъ императора, всегда расположенный къ Австріи. Но все это не имѣло никакихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что графъ Остерманъ дошелъ вскорѣ до того, что при-

соединился къ тѣмъ, которые имѣли намѣреніе, въ видахъ укрѣпленія правительства, возвести на престолъ великую княгиню и регентшу Анну, а бывшаго до того времени императоромъ, младенца нѣсколькихъ мѣсяцевъ, объявить наслѣдникомъ престола—проектъ, исполненіе котораго было предупреждено революціей, совершенной Елизаветой.

Во время опекунскаго управленія принцессы Анны Остерманъ былъ опасно боленъ. Въ мартѣ 1741 г. докторъ Кэмпфъ, очень искусный врачъ изъ Гамбурга, увѣрялъ, что, вслѣдствіе задержанія мочи и истеченія крови положеніе больнаго настолько тяжело, что можно опасаться внезапной смерти, хотя помощь или, скорѣе, отсрочка и не невозможна. Къ своему несчастію, Остерманъ долго жилъ еще.

Въ концѣ года послѣдовала (революція, произведенная) Елизаветой. Только такая слабая женщина, какъ Елизавета, могла не признавать заслугъ великаго человѣка, котораго ея предки умѣли лучше цѣнить. Она дозволила своимъ министрамъ и придворнымъ убѣдить себя, что графъ Остерманъ, какъ величайшій преступникъ изъ тѣхъ людей, которые были жертвою придворной интриги, долженъ быть приговоренъ къ смерти.

По этому поводу мы хотимъ рассказать возможно короче исторію суда надъ тѣми несчастными, которые погибли вмѣстѣ съ Остерманомъ, и судьбу нѣкоторыхъ изъ ихъ родственниковъ. Жизнь Елизаветы всегда представлялась и представляется до сихъ поръ сплошь (печальною) книгою, въ которой встрѣчается много, много два или три сносные листа (!?).

Еще въ ту же ночь, когда новая императрица вышла изъ Зимняго дворца, гдѣ она приказала арестовать представителей династіи, по городу были разосланы войска для арестованія многихъ лицъ въ ихъ домахъ. Это были: графъ Остерманъ, генераль-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ ¹⁾, великій канцлеръ графъ Головкинъ ²⁾, обер-

¹⁾ Генераль-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, голштинецъ родомъ, былъ столь же великъ своими талантами, какъ и недостатками. Онъ былъ самый ловкій и самый счастливый полководецъ своего времени и превосходный инженеръ. Сверхъ того онъ обладалъ большимъ умомъ и разносторонними познаніями; но былъ величайшій эгоистъ, каковаго только можно себя представить. Онъ вмѣшивался даже въ такія государственныя дѣла, которыя не могли подлежать его вѣдѣнію. Главные его пороки были мстительность и жестокость. Подробное изображеніе этого человѣка, оказавшаго Россіи большія услуги, завело бы насъ далеко. Петръ III возвратилъ его изъ Сибири и до послѣдняго дня своего царствованія держалъ при себѣ. Не смотря на свою глубокую старость, онъ оказалъ еще великія услуги. Онъ умеръ въ срединѣ 1760-хъ годовъ.

²⁾ Великій канцлеръ графъ Головкинъ былъ гордый человѣкъ, но очень ловкій государственный мужъ. Онъ умеръ въ мѣстѣ ссылки. Авт.

гофмаршалъ графъ Лёвенвольде ¹⁾, президентъ и тайный совѣтникъ баронъ Менгденъ ²⁾, статскій совѣтникъ Демирезовъ (Демидовъ?) и секретарь Позняковъ. Всѣ арестованные были приведены въ государственную тюрьму, въ крѣпость, кромѣ Лёвенвольде, котораго сперва оставили подъ домашнимъ арестомъ, но потомъ перевели туда же. Впрочемъ, всѣхъ ихъ содержали довольно сносно.

Для изслѣдованія мнимыхъ преступленій были назначены слѣдующіе комиссары: генераль Ушаковъ ³⁾, генераль-прокуроръ князь Трубецкой ⁴⁾, генераль Левашевъ ⁵⁾, оберъ-штальмейстеръ князь Куракинъ ⁶⁾, тайный совѣтникъ Нарышкинъ ⁷⁾ и въ январѣ 1742 года къ нимъ присоединенъ еще князь Голицынъ ⁸⁾, бывшій президентомъ юстицъ-коллегіи при императрицѣ Аннѣ. Князь Трубецкой ставилъ вопросные пункты, а г. Бецкой былъ протоколистъ.

Остерману было предложено до восьмидесяти вопросовъ. Этотъ великій человекъ представилъ подробную исторію своего управленія, ни о чемъ не умолчавъ. Онъ говорилъ, что пока онъ преданъ правительству по клятвѣ и по долгу, то обязанъ повиноваться ему. Изъ множества неосновательныхъ и бессмысленныхъ преступленій, въ которыхъ его обвиняли, слѣдующія были главными: что по смерти Петра II на престолъ была возведена герцогиня Анна курляндская, вмѣсто принцессы Елизаветы; что онъ привелъ флотъ въ упадокъ для того, чтобы Россія была принуждена искать дружбы морскихъ державъ; что осужденіе князей Долгорукихъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны, было подготовлено имъ; что онъ совѣтовалъ заключить принцессу Елизавету въ монастырь, и что ему

¹⁾ Сберггофмаршалъ графъ Лёвенвольде, родомъ изъ Лифляндіи, одинъ изъ достойнѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи. Онъ умеръ въ Ярославлѣ.

²⁾ Президентъ баронъ Менгденъ, братъ знаменитой Юліи Менгденъ, о которой будетъ еще много говориться въ этой книгѣ.

³⁾ Генераль Ушаковъ былъ долгое время самымъ страшнымъ человекомъ въ Россіи. Отъ Петра I до Елизаветы онъ былъ президентомъ тайной канцеляріи. О немъ еще будетъ упоминаться.

⁴⁾ Князь Никита Трубецкой былъ очень строгій и мстительный человекъ. Онъ оставилъ много дѣтей, изъ которыхъ упомяну двухъ: князя Петра Никитича, достойнаго патріота и государственнаго слуги, умершаго въ началѣ 1790-хъ годовъ, и княгиню Вяземскую, живущую еще въ Петербургѣ.

⁵⁾ Левашевъ, Куракинъ, Нарышкинъ и Голицынъ. О всѣхъ этихъ лицахъ мы не можемъ сообщить никакихъ подробностей. Вѣроятно, Куракинъ былъ отцомъ нынѣшнихъ обоихъ великихъ мужей Россіи—Александра и Алексѣя; Нарышкинъ—дѣдъ двухъ мужей, занимающихъ высшія придворныя должности, Александра и Дмитрія, и Левашевъ—отецъ умершаго генерала и императорскаго адъютанта.

принадлежитъ проектъ устраненія юнаго принца Петра Голштинскаго. Изъ всѣхъ арестованныхъ, Остерманъ былъ болѣе всѣхъ обвиняемъ. Какъ мы знаемъ, онъ всегда былъ хворый; теперь, въ темницѣ, онъ былъ такъ боленъ, что его исповѣдали и причастили, полагая, что скоро умретъ. Послѣ этой болѣзни, въ немъ стали примѣчать несвойственныя ему боязливость и малодушію. Онъ просилъ къ себѣ тайнаго совѣтника Лестока, который былъ у него нѣсколько разъ, но по своему положенію не могъ ничѣмъ ему помочь. Когда Остерманъ, въ январѣ 1742 г., увидѣлъ въ числѣ комиссаровъ, князя Голицына, онъ просилъ у него прощенія за преслѣдованіе фамиліи Голицыныхъ, въ чемъ онъ, конечно, былъ виноватъ.

Имущество Остермана, при его арестѣ, было весьма незначительно, въ сравненіи съ тѣмъ, что накопили другіе. Онъ имѣлъ незначительныя помѣстья и домъ ¹⁾. Сверхъ того, у него нашли 11,000 фунтовъ стерлинговъ и 130,000 гульденовъ, которые хранились въ банкахъ ²⁾ въ Лондонѣ и въ Амстердамѣ. Наличными деньгами и драгоценностями онъ имѣлъ только 230 рублей и четыре или пять усыпанныхъ брилліантами портретовъ государей.

Во время переворота, произведеннаго Елизаветой, Минихъ не состоялъ на службѣ. Онъ вышелъ въ отставку, видя, что регентша не имѣетъ къ нему никакого довѣрія ³⁾. По виду, онъ собирался уѣхать за-границу, когда Елизавета взошла на престолъ. Но, вѣ-

¹⁾ Домъ Остермана—нынѣшнее зданіе сената, лишь въ меньшихъ размѣрахъ. Замѣчательно, что всѣ обитатели этого дома стали несчастными. Первымъ былъ графъ Остерманъ, попавшій въ Сибирь. Затѣмъ домъ этотъ получилъ графъ Вестужевъ, котораго сослали на житье въ его имѣніе. Потомъ въ немъ жилъ принцъ Георгъ голштинскій, котораго, въ день революціи 1762 года, оскорбляли русскіе солдаты, и онъ долженъ былъ скорѣе покинуть этотъ домъ. Наконецъ, въ этотъ домъ былъ переведенъ сенатъ и, какъ извѣстно, при Еватеринѣ II это высшее въ имперіи учрежденіе потеряло всякое значеніе. Подобный же несчастливый домъ есть и въ Берлинѣ, на Unter der Linden. Строитель его сбаверстился. Потомъ домъ достался министру Герне, который былъ изгнѣнъ изъ него Фридрихомъ II за лихоимство. Затѣмъ его получила прославившаяся графиня Лихтенау, политическій ковецъ которой и сѣмъ извѣстенъ. Въ настоящее время въ немъ живетъ принцъ Оранскій...

²⁾ Въ то время въ самой Россіи не было еще общественныхъ учрежденій для помѣщенія денегъ.

³⁾ Анна опасалась предприимчиваго графа Миниха. Она сама говорила своимъ приближеннымъ: «человѣкъ, который такъ быстро и такъ удачно произвелъ уже одну революцію противъ герцога курляндскаго, могъ получить охоту отважиться на нѣчто болѣе». Она даже была спокойнѣе, когда Минихъ жилъ на другой стогонѣ Невы.

роятно, онъ опять вступилъ бы въ русскую службу. Его обвиняли, между прочимъ, въ томъ, будто онъ, въ тотъ вечеръ, когда арестовывалъ герцога курляндскаго, сказалъ гвардейцамъ, желая побудить ихъ къ такому поступку, что Елизавета будетъ провозглашена императрицей. Когда онъ, естественнымъ образомъ, отрицалъ такое обвиненіе, были позваны заранѣе подкупленные гвардейскіе солдаты, которые ему въ глаза сказали, что онъ ихъ именно такъ уговаривалъ. Минихъ остался неустрашимъ и съ достойнымъ презрѣніемъ отнесся къ этимъ жалкимъ людямъ, къ комисарамъ и солдатамъ, заслуживавшимъ одинаковаго къ нимъ отношенія. Съ благородною гордостью сказалъ онъ своимъ судьямъ, что если хотятъ такъ вести дѣло и непремѣнно сдѣлать его несчастнымъ, то этого можно достигнуть гораздо короче: на обращенные къ нему вопросы можно дать такіе отвѣты, какіе угодно судьямъ, а онъ общается, какъ честный человѣкъ, подписать ихъ, не читая. Однако, Минихъ все-таки дѣлалъ кое-какія попытки къ своему спасенію, которыя выставляютъ его характеръ не съ блестящей стороны. Такъ, онъ писалъ принцу гессенъ-гомбургскому ¹⁾, котораго всегда былъ отъявленнымъ врагомъ и къ которому всѣ умные и порядочные люди должны быть, по крайней мѣрѣ, равнодушны. Въ этомъ письмѣ онъ много говорилъ о своей преданности гессенскому дому, въ арміи котораго онъ началъ свою службу; общалъ, въ случаѣ своего освобожденія, рассказать ему много секретныхъ свѣдѣній о Гессенѣ; говорилъ о правахъ Гессена на Курляндію и т. под., но все это ничему не помогло:

Головкинъ и Остерманъ требовали, говорятъ, низложенія другъ друга. Каждый хлопоталъ отдѣльно о томъ, чтобы сдѣлать регентшу императрицей. Наконецъ, ихъ обоихъ соединили и для достиженія этой связи былъ употребленъ Менгденъ.

Вообще, мы не имѣемъ свѣдѣній о мнимыхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись Головкинъ, Левенвольде и Менгденъ.

Димирезовъ ²⁾ обвинялся въ томъ, что ему принадлежитъ первый проектъ возведенія на русскій престолъ регентши Анны съ ея потомствомъ и полнаго устраниенія отъ престола Елизаветы.

Позняковъ ²⁾ работалъ вмѣстѣ съ Димирезовымъ надъ этимъ проектомъ.

¹⁾ Принцъ Лудвигъ Іоганнъ-Вильгельмъ Груно гессенъ-гомбургскій родился въ 1705 г.; еще при Петрѣ I вступилъ въ русскую службу и умеръ въ 1745 году какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ. О его супругѣ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. Авт.

²⁾ Донесеніе секретаря саксонскаго посольства Пецольда своему королю, отъ 30 января 1742 года (Сборникъ, VI, 404—410). В. В.

Все было не болѣе, какъ придворная интрига. Этимъ хотѣли только удалить людей, которые превосходствомъ своихъ способностей, опытностью и познаніями были неудобны новымъ совѣтникамъ и придворнымъ. Ихъ сдѣлали государственными преступниками, чтобы имѣть возможность чувствительнѣе, ужаснѣе и вѣрнѣе наказать. Но названіе ихъ государственными преступниками было въ данномъ случаѣ неприложимо. Отчасти эти обвиненія были вымышленны и могли быть подтверждены, самое большое, лишь какимъ-либо случайнымъ, быть можетъ и легкомысленнымъ, словомъ; отчасти же Елизавета была тогда частнымъ лицомъ, какъ всякій подданный российской имперіи, и противъ нея нельзя было совершить государственное преступленіе.

28 января 1742 года императрица переѣхала въ Царскую мызу, нынѣ Царское село. Какъ только она выѣхала изъ Петербурга, по всемъ уликамъ, съ барабаннымъ боемъ было объявлено—собираются поутру въ 10 часовъ на Васильевскій островъ ¹⁾, чтобы смотрѣть на казнь враговъ императрицы.

Тамъ, какъ разъ передъ военною коллегіею, былъ устроенъ простой эшафотъ, въ шесть ступеней, на которомъ стояла плаха. Астраханскій полкъ образовывалъ карре, въ которомъ, кромѣ лицъ, необходимыхъ для исполненія казни, находился еще хирургъ, но не было священника. Государственные узники были приведены изъ крѣпости еще раннимъ утромъ. Ровно въ 10 часовъ они были введены въ кругъ; ихъ сопровождали гренадеры съ примкнутыми штыками.

Графъ Остерманъ былъ въ своемъ обычномъ утреннемъ платьѣ, именно, въ своемъ рыжеватомъ лисьемъ мѣху. На немъ былъ маленький парикъ и дорожная чернаго бархата шапка. Такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то его привезли въ простыхъ извожичьихъ саняхъ въ одну лошадь.

Графъ Минихъ и всѣ другіе узники прибыли пѣшкомъ. На Минихѣ была шуба и соболевая шапка. За нимъ шли графъ Головкинъ, графъ Левенвольде, баронъ Менгденъ и статскій совѣтникъ Димирезовъ. Секретаря Познякова не было; онъ уже былъ наказанъ во дворцѣ ²⁾—бить батогами.

Когда государственные узники собрались въ кругу, четыре сол-

¹⁾ Въ то время лобное мѣсто находилось на Васильевскомъ островѣ, противъ зданія коллегій, приблизительно предъ третьею коллегіею отъ берега. Нынѣ оно близъ Александро-невскаго монастыря.

²⁾ Въ рукописныхъ извѣстіяхъ объ этой казни сказано: «во дворцѣ», безъ болѣе точныхъ указаній. Быть можетъ, это былъ прежній дворецъ Елизаветы.

дата понесли Остермана, котораго всегда считали главнымъ преступникомъ, на эшафотъ и посадили на желѣзное сѣдалище. Онъ обнажилъ голову. Сенатскій секретарь прочелъ приговоръ. Обвиненные узнали приговоръ только на лобномъ мѣстѣ. Остерманъ былъ приговоренъ къ обезглавленію и колесованію. Онъ хладнокровно выслушалъ приговоръ, казалось былъ удивленъ, и возвелъ глаза къ небу. Вслѣдъ затѣмъ солдаты положили его лицомъ на землю. Палачъ растянулъ его шею на плахѣ, придерживая голову за волосы и взялъ сѣкиру въ руки. Остерманъ протянулъ обѣ руки впередъ; солдатъ закричалъ ему убрать руки; онъ подобралъ ихъ и вытянулъ по тѣлу. Когда уже всё ждали смертельнаго удара, сенатскій секретарь закричалъ графу: «Богъ и императрица даруютъ тебѣ жизнь!» Остермана подняли; онъ весь дрожалъ. Его опять посадили въ сани, и онъ долженъ былъ тутъ же ожидать, пока и другіе узнаютъ свой приговоръ.

Никого уже болѣе не возводили на эшафотъ. Всѣ были приговорены къ лишенію жизни, но Елизавета всѣмъ дарила ее, отсылая ихъ въ ссылку и, такимъ образомъ, дѣлая болѣе продолжительными муки несчастныхъ.

Когда они вышли изъ круга, замѣтно было впечатлѣніе, произведенное этою возмутительною сценою на различные характеры государственныхъ узниковъ.

Минихъ былъ выведенъ изъ круга первый. Онъ держалъ себя благородно; взоръ его былъ печальный; враги называли его наглымъ. Онъ былъ посаженъ въ закрытую, на полозьяхъ, придворную карету, имѣлъ придворную одежду, и былъ сопровождаемъ четырьмя гренадерами съ ружьями. Его отвезли въ крѣпость.

Туда же прибылъ и Остерманъ въ извощичьихъ саняхъ, около которыхъ шли солдаты. Онъ былъ слишкомъ обезсиленъ тѣлесными недугами и событіями послѣдняго часа, такъ что не проявилъ никакими внѣшними признаками, что творилось въ этой великой душѣ. Легко, однако, представить себѣ, что онъ чувствовалъ въ это время.

Лицо Головкина было постоянно закрыто; когда же онъ открывалъ его, замѣтна была сдерживаемая ярость. Его отвезли въ крѣпость также на санкахъ, окруженныхъ стражею. Левенвольде придавалъ себѣ любезный видъ, вѣроятно, притворяясь; вообще же, онъ казался спокойнымъ. Онъ возвратился пѣшкомъ въ находящейся по близости сенатъ. Менгденъ все закрывалъ лицо, постоянно плакалъ и былъ крайне малодушенъ. Онъ отправился пѣшкомъ также въ сенатъ. Димирезовъ казался вполне спокоенъ; онъ такъ и держалъ себя.

Въ тотъ же день всѣ были отправлены изъ Петербурга къ мѣ-

стамъ своей ссылки: графъ Остерманъ—въ Березовъ, гдѣ умеръ князь Меншиковъ. Графъ Минихъ—въ Пелымъ. Тамъ онъ попалъ въ тотъ самый домъ, который онъ по собственному чертежу приказалъ построить для герцога курляндскаго. Карлъ Головкинъ — въ мѣсто ссылки генерала Карла Бирона ¹⁾, который только что возвратился тогда. Названіе мѣста намъ неизвѣстно. Графъ Левенвольде — въ Ярославль, куда прибылъ въ то время изъ Пелыма герцогъ курляндскій. Такъ какъ Ярославль есть небольшое ссылочное мѣстечко, то вѣроятно оба эти мужа встрѣчались тамъ. Баронъ Менгденъ былъ сосланъ туда, гдѣ находился Густавъ Биронъ, тоже возвращенный.

Всѣ получили самыя необходимыя платья. Многіе слуги желали провожать своихъ господъ, что и было имъ дозволено. Слуги Остермана ожидали своего господина въ Ямской ²⁾ и всѣ отправились съ нимъ. Онъ получилъ три боченка венгерскаго вина. Люди Левенвольде ожидали своего господина тоже въ Ямской. Они всѣ остались при немъ. Онъ получилъ сверхъ того хирурга, такъ какъ часто бывалъ боленъ, и лошадь, для удобства. Каждому государственному узнику давали по рублю въ день, людямъ — по десяти копѣекъ. Большая часть слугъ привезли съ собою накопленные ими деньги, причемъ у иныхъ были порядочныя суммы, и отдали ихъ своимъ господамъ—постушокъ, дѣлающій честь и господамъ, и ихъ слугамъ.

Самая трогательная сцена произошла при отъѣздѣ государственныхъ узниковъ изъ Петербурга—свиданіе съ родственниками, со многими послѣднее прощаніе.

Родственники Миниха были привезены къ нему въ крѣпость. Графиня Минихъ тотчасъ же рѣшилась сопровождать своего мужа. Его сынъ ³⁾ былъ тоже арестованъ, но помилованъ и оставленъ на свободѣ; его не водили на лобное мѣсто. Отецъ запретилъ ему плакать. Графиня Головкина тоже отправилась съ мужемъ. Сцена свиданія была ужасна для барона Менгдена. Онъ любилъ свою жену столько же, какъ и она его, и въ какомъ же положеніи онъ увидѣлъ ее! Полное разстройство разсудка было послѣдствіемъ горестей,

¹⁾ У Бирона-регента было три брата и, въ томъ числѣ, два Карла. Одинъ Карлъ Магнусъ, генераль-маіоръ, умеръ въ 1739 году. В. В.

²⁾ Ямская или извозничья слобода—родъ форштата Петербурга, за Аничкинымъ мостомъ, близъ Александровской лавры.

³⁾ Графъ Минихъ, сынъ, былъ гофмейстеромъ императорскаго двора и получилъ теперь имѣнія подъ Москвою. Это въ высшей степени правдивый человекъ умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Андрея въ 1790-хъ годахъ. Онъ оставилъ двухъ сыновей и по крайней мѣрѣ одну дочь, бывшую женою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Фитингофа.

глубоко ее тронувшихъ. У нея былъ маленькій ребенокъ и невозможно было поколебать ея рѣшимость ѣхать съ мужемъ, взявъ съ собою и ребенка.

Графъ Остерманъ впервые увидѣлъ свою семью въ Ямской. Графиня увидала теперь своего мужа, съ которымъ не разставалась уже болѣе. Дочь и сыновья не сопутствовали отцу. Болѣе часу длились его увѣщанія дѣтямъ. Всѣ присутствовавшіе при этомъ, даже офицеры и солдаты, плакали. Наконецъ, онъ просилъ своихъ сыновей оказать ему послѣднюю въ этой жизни услугу—отнести его въ дорожныя сани.

Въ Березовѣ Остерманъ жилъ еще пять лѣтъ, слабый, тяжело больной, и умеръ 25 мая 1747 года, въ полномъ душевномъ спокойствіи.

Извѣстны уже важныя должности, которыя занималъ этотъ знаменитый человекъ, когда съ началомъ царствованія Елизаветы на него обрушились несчастія. Мы должны еще только прибавить, что онъ былъ генераль-почтдиректоръ и кавалеръ обоихъ русскихъ и нѣсколькихъ иностранныхъ орденовъ.

Наконецъ, два слова о качествахъ графа Остермана, одного изъ выдающихся государственныхъ мужей Европы, и при этомъ — о сужденіяхъ знаменитаго современнаго писателя Манштейна, которыя онъ высказалъ о немъ. Остерманъ имѣлъ обширный, вполне просвѣщенный умъ, обладалъ никогда не обманывавшимъ его сужденіемъ, знаніемъ людей, и проявлялъ крайнюю деликатность во всѣхъ своихъ сколько нибудь значительныхъ рѣчахъ и поступкахъ. У него во всемъ, что онъ ни дѣлалъ (а онъ не занимался обыкновенными дѣлами), была цѣль, которую не могли задержать никакія препятствія. Онъ былъ безупреченъ въ своихъ дѣлахъ, трудолюбивъ, исполнителенъ, неподкупенъ и, насколько только можно, точенъ въ управленіи вѣренными ему дѣлами и значительными суммами. Онъ обладалъ основательными познаніями въ различныхъ отрасляхъ наукъ и особливо, рѣдко встрѣчающеюся, способностью къ изученію языковъ. Всѣмъ людямъ достойнымъ, особенно же ученымъ, онъ оказывалъ полнѣйшее покровительство. Высокое достоинство его, какъ статсъ-министра, заключалось въ удивительномъ знакомствѣ съ европейскими дворами, въ знаніи дѣйствительной или мнимой силы или слабости правительствъ и земель и ихъ отношеній другъ къ другу, и въ точной оцѣнкѣ тогдашнихъ коронованныхъ или дѣйствительныхъ властителей Европы. Но графъ Остерманъ былъ также крайне недоувѣрчивъ и не могъ терпѣть ни выше, ни около себя человека, котораго онъ не превосходилъ бы умомъ. По счастью, съ нимъ рѣдко

кто могъ спорить въ дарованіяхъ. Онъ настолько владѣлъ своими страстями, что его искусство скрывать ихъ почти можно было назвать фальшивостью. Чтобы произвести возможно большее впечатлѣніе своею рѣчью и тѣмъ достигнуть цѣли, ему ничего не стоило пролить слезы. Когда, въ критическихъ обстоятельствахъ, требовались мнѣнія министровъ, онъ сказывался больнымъ, чтобы уклониться отъ отвѣтственности. Съ послами иностранныхъ дворовъ онъ говорилъ такъ загадочно, что, уходя отъ него, они рѣдко знали болѣе того, чѣмъ при входѣ къ нему. Опасаясь выдать себя, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говорилъ. Въ своемъ образѣ жизни онъ былъ крайне нечистоплотенъ.

Графиня Остерманъ, въ свое время одна изъ достойнѣйшихъ дамъ русскаго двора, была урожденная Стрѣшнева ¹⁾, изъ фамиліи, бывшей въ близкомъ родствѣ съ домомъ Романовыхъ. По смерти своего супруга она возвратилась изъ Сибири.

Графъ Остерманъ оставилъ двухъ сыновей ²⁾ и одну дочь, которые были воспитаны въ религіи ихъ матери, т. е. въ греческой. Во время несчастія съ отцомъ, сыновья были уже капитанами гвардіи, но теперь они должны были потерять по службѣ, такъ какъ были назначены начальниками армейскихъ полковъ. Ихъ послали въ землю башкиръ, но они вскорѣ возвратились оттуда.

Одинъ изъ нихъ былъ опредѣленъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ и уже при императрицѣ Елизаветѣ былъ отправленъ посломъ въ Швецію, гдѣ оставался довольно долго. Онъ былъ весьма и весьма посредственный дипломатъ. Революція Густава III, въ 1772 году, совершилась на его глазахъ, а онъ о ней и не зналъ. По повелѣнію короля, банкиръ отпустилъ ему весьма незначительную сумму, чтобы онъ не могъ дерзнуть на подкупъ. Онъ былъ до того стѣсненъ въ матеріальномъ отношеніи, что иногда не могъ даже отправить курьера. Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ были очень довольны его депешами. Въ царствованіе Екатерины II было время, когда графъ Панинъ ³⁾ потерялъ значеніе. Онъ замѣтилъ это и хотѣлъ выйти въ отставку; но императрица не отпустила его. Онъ просилъ о помощникѣ и ему было предоставлено самому выбрать себѣ помощника. Панинъ взялъ графа Остермана изъ Швеціи, котораго считалъ умнымъ человѣкомъ, потому что его депеши были очень хороши. Но эти депеши писалъ имперскій совѣтникъ Каллингъ, глава русской

¹⁾ Марѳа Ивановна (1698—1781).

В. В.

²⁾ Федоръ (+1804) и Иванъ (+1811).

В. В.

³⁾ О графѣ Панинѣ мы говоримъ въ своемъ мѣстѣ.

партіи. Остерманъ явился; увидѣли, что это ограниченная голова, и онъ былъ и остался ничтожествомъ. Когда выплылъ греческій проектъ, Панинъ, вовсе неодобрявшій его, потерялъ всякое значеніе и вѣдомство иностранныхъ дѣлъ перешло въ руки исключительно Остермана. Онъ управлялъ имъ только по имени. Тогда явилось много какъ говорили въ то время, политическихъ *faiseurs*, какъ Безбородко, Потемкинъ, Марковъ, Воронцовъ ¹⁾, любимцы, и кто бралъ верхъ надъ остальными, съ тѣмъ императрица и совѣтовалась по политическимъ дѣламъ, тотъ и отдавалъ приказанія въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, только не Остерманъ, вовсе непригодный на этотъ постъ. Онъ былъ вице-канцлеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ всѣхъ россійскихъ гражданскихъ орденовъ. Павелъ I, давно уже замѣтившій его негодность, охотно хотѣлъ удалить его: онъ сдѣлалъ его канцлеромъ и далъ ему понять, что онъ можетъ выйти въ отставку. Изъ скупости, составлявшей главный его недостатокъ, онъ не хотѣлъ понять, чего императоръ отъ него желаетъ, пока Павелъ не велѣлъ ему сказать: онъ хорошо сдѣлаетъ, если удалится. Онъ, наконецъ, вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ жилъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія ²⁾.

Его жена, на которой онъ женился уже довольно пожилымъ,

¹⁾ О графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ также говорится въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, 1725—1811. П. С. З., № 17736; А. Г. С., I, ч. 1, 641; ч. 2, 244, 299; Письма И. А. Остермана (Ваземскій, V, 254; Соловьевъ, XXVIII, 314; вн. Оболенскій, Письма русск. государей. 61); Записка Остермана о вексельномъ курсѣ (Сборникъ, VII, 134); Воронцовъ, V, 75; VII, 327, 527, 532; IX, 13, 191; X, 15; XIII, 194, 206, 287, 326, 360, 370; XXVI, 454; Письма А. А. Безбородко (Сборникъ, XXVI, 378, 383, 414, 445, 449; XXIX, 520, 532, 536); Циркулярный рескриптъ къ русскимъ посламъ (Библиогр. Зап., III, 192); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XV, 609; XXVII, 190, 273); Бычковъ, Письма и бумаги Екатерины II, Спб., 1873, 11; Дипломат. документы (Сборникъ, XXXVII, 248, 258); *Russie*, 18, 22, 30, 31, 41, 42, 47, 73, 75, 85, 87, 89, 93, 106, 289, 344, 354, 358, 387, 389, 396; Записки шведскаго дворянина (Россія, 1880, XI, 507), Тьебо, 497; Зиновьевъ, 401; Державинъ, 648, 704; *Ségur*, I, 378; *Castera*, II, 306, 345, 425; Мѣсяцесловъ на 1786 годъ, 36; Храповицкій, 241, 550; Карабановъ, II, 481; III, 274; Вейдемейеръ, Двор., I, 185; Вантышъ-К., Словарь, II, 191; IV, 85; Списки, 123, 222, 303; Карабановъ-Долгоруковъ, 110, 195; Пекарскій, *Ист. ак. наукъ*, I, 400, 697; Трачевскій, Союзъ князей (Вѣстн. Евр., 1876, III, 296; 1877, I, 56); Сочиненія Державина, изд. Грога, IX, 708; Терещенко, I, 16; II, 144; *Herrmann*, VI, 188; VII, 395, 411, 534, 612; Соловьевъ, XXIV, 343; *Reimers*, II, 91; *Winkelmann*, 465; *Russica*, II, 681; Саятовъ, 99 (См. примѣч. подъ № 5).

была Александра Ивановна Талызина, дочь адмирала. Она была прелестная женщина и умерла, будучи еще среднихъ лѣтъ, въ 1790-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Его братъ оставался въ военной службѣ и мало-по-малу получалъ повышенія, ничѣмъ особеннымъ не отличаясь. Онъ также имѣлъ всѣ русскіе ордена и былъ генераль-аншефъ, когда на престолъ вступилъ Павелъ I. Этотъ государь, не терпѣвшій гражданскихъ генераловъ, перечислилъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ жилъ въ Москвѣ и былъ уже много лѣтъ женатъ ¹⁾.

Оба брата возмѣщали недостатокъ талантовъ совершенно особенною честностью. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. Они усыновили сыновей своей сестры, которые стали носить съ тѣхъ поръ двойную фамилію—Толстой-Остерманъ—и отличились въ придворной, гражданской и военной службѣ. Про ихъ дѣтей говорили, что они обладаютъ большими богатствами.

Сестра обоихъ графовъ Остермановъ еще при императрицѣ Елизаветѣ вышла замужъ за полковника Толстаго. Государыня приказала праздновать свадьбу въ домѣ графа Остермана. Госпожа Толстая, кажется, давно уже умерла. Ея мужъ умеръ генераль-аншефомъ.

Прим. переводчика. Андрей Ивановичъ Остерманъ, 1686—1747. П. С. З., № 8506; Бумаги Петра В. (II, 14, 69, 123); Указы Екатерины I и Петра II, 1727, стр. 7; Кв. Оболенскій, Протоколы верховнаго тайн. совѣта (Библиогр. Зап., I, 713); Письма А. И. Остермана (Оснадц. вѣкъ, III, 133, 150; Соловьевъ, XIX, 136; XXI, 59; Вѣстн. Европы, 1867, I, 245, 246, 249, 251); Мнѣніе А. И. Остермана о состояніи Россіи въ 1740 (Кашпиревъ, III, 257); Его же записка объ утвержденіи престолонаслѣдія за потомствомъ Анны Леопольдовны (Пекарскій, Бумаги Арсеньева, 154); Его же записки объ управленіи Россією (Воронцовъ, XXIV, 1); Его же проеяты о приведеніи Россіи въ благосостояніе (Воронцовъ, XXIV, 10); Дипломат. документы (Сборникъ, III, 466, 501; V, 314, 380; VI, 388, 401, 404; XII, 187, 423; XV, 272, 274, 335, 350, 377; XVIII, 372; XIX, 380, 472; XX, 81, 83, 109, 116, 118; XXXIV, 306, 326; XL, 156, 187, 201, 299); Письма Бирона (Сборникъ, XXXIII, 466, 484, 491); Письма люка де-Лирія (Оснадц. вѣкъ, II, 30, 33, 66, 71, 103, 119, 151, 164); Oeuvres

¹⁾ Фодоръ Андреевичъ Остерманъ, 1723—1804. А. Г. С., I, ч I, 244; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 78); Воронцовъ, VI, 373; Рычкова жпзнь и переписка, Сиб. 1867, стр. 123, 170; Вантышъ-К., Словарь, I, 116; IV, 92. В. В.

de Frédéric II, ed. 1830, II, 44; Воронцовъ, I, 147, 174, 223, 261; II, 360, 641, 642; IV, 67, 200, 222, 343, 350; VII, 324; XXV, 25, 28, 33, 60, 97, 102, 107; XXIX, 479; Допросы графу Остерману (Архивъ, 1864, 235); Изложеніе винъ гр. Остермана (Пекарскій, Бумаги Арсеньева, 221); Минихъ, 16, 36, 38, 43, 58, 71, 79, 82, 91; Шетарди, 2, 20, 52, 181, 213, 231, 258, 313, 344, 469, 476, 549, 521, 635; Рондо, 112, 114, 223, 240; Манштейнъ, 2, 17, 26, 32, 69, 179, 192, 205, 214, 237, 240; Запѣчанія на записки Манштейна (Старина, 1879, XXVI, 372, 582, 588, 594, 599); Шаховской, 11, 31, 33, 43; Отзывъ маркиза де-Парело (Архивъ, 1875, II, 124; Сборникъ, XXVI, 333); Einige Nachrichten von dem Grafen von Ostermann (Büsching, II, 409); C. Hempel, Leben und Fall des Grafen Ostermann, Leipzig, 1742; Ursachen der Regierungs. Veränderungen in dem Hause Romanow (Büsching, I, 21); Weber, III, 47, 97, 126; Нащокинъ (Архивъ, 1883, II, 291); Абрамовъ, Могила Остермана (Чтенія, 1866, II, 121); Соловьевъ, Птенцы Петра В. (Русск. Вѣстн., 1861, I, 105; VII, 26, 38, 40, 42); Сл., Графъ Остерманъ (Морской Сборникъ, XXV, отд. IV, 130); Берхъ, II, 186; Claussen, 78; Каратыгинъ, Семья гр. Остермана (Истор. Вѣстн., 1884, XVII, 603); Майковъ, Русское государство при Петрѣ II (Архивъ, 1883, III, 229); Борсаковъ, Судъ надъ кн. Голицынымъ (Россія, 1879, III, 40); Костомаровъ, Самодержавный отрокъ (Россія, 1878, I, 13); Домъ, Русскій дворъ (Россія, 1879, III, 85); Трачевскій, Союзъ князей (Вѣстн. Евр., 1876, II, 785); Пекарскій, Русскія книги, напечатанныя въ Галлѣ (Библиогр. Зап., III, 41); Reimers, I, 183; II, 91; Пекарскій, Ист. академіи наукъ, I, 69, 86, 131, 146, 160, 162, 188, 197, 219, 220, 314, 315, 519, 528, 642; Hergmann, IV, 270, 336, 511, 517, 534, 548, 630, 639, 663; V, 3, 182; Соловьевъ, XVI, 7; XIX, 112, 146, 347, 390; XX, 169, 427; XXI, 8, 30, 34, 48, 165; Вантышъ-К., Словарь IV, 53; Спикъ, 80, 180; Терещенко, III, 52; Долгоруковъ, II, 142, 321; Карабановъ-Долгоруковъ, 108, 114, 125, 146; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 167, 362; Winkelmann, 465; Russica, II, 681.

В. В.

VI. ИВАНЪ ХРИСТІАНЪ ФРИДРИХЪ ОСТЕРМАНЪ II ¹⁾.

И. Х. Д. Остерманъ былъ старшій братъ генераль-адмирала и статсъ-министра. Онъ ранѣе брата прибылъ въ Россію, но по какому поводу—мы не знаемъ. Здѣсь онъ былъ учителемъ царевнѣ Екатерины, Анны и Прасковьи, дочерей царя Ивана Алексѣевича, старшаго брата Петра I. Этотъ государь возвелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, въ дворянское достоинство. То обстоятельство, что Петръ I не находилъ удобнымъ употребить его въ дѣло и что братъ, постоянно пользовавшійся большимъ значеніемъ при многихъ правительствахъ, не могъ назначить его на какой-нибудь видный постъ, свидѣтельствуетъ, что Остерманъ, о которомъ идетъ рѣчь, не обладалъ необходимыми для того способностями; нужно, однако, замѣтить, что скромное положеніе свободной посредственности онъ самъ, быть можетъ, предпочиталъ блестящей роли.

При посредствѣ герцогини Екатерины мекленбургской, сестры императрицы Анны, и при поддержкѣ своего брата, этотъ Остерманъ былъ, наконецъ, назначенъ мекленбургскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ; этотъ постъ давалъ ему болѣе почета, чѣмъ работы. Вообще, герцогу Карлу Леопольду настолько не нуженъ былъ посланникъ въ Россіи, что ему не посмѣли даже сдѣлать предложеніе о назначеніи послу какого-либо содержанія. Императрица Анна назначила своему бывшему учителю по 300 рублей въ мѣсяцъ. На эту сумму, немаловажную для того времени, жилъ онъ спокойно и прилично, пока восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы не нарушило его счастливаго положенія. 29 декабря барону Остерману было объявлено отъ имени императрицы, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Онъ немедленно собрался, но очутился въ большомъ затрудненіи, такъ какъ кромѣ содержанія, получаемого отъ русскаго двора, не имѣлъ никакого состоянія.

Въ началѣ 1742 г. онъ отправился въ Германію, куда именно—мы не знаемъ, и вскорѣ затѣмъ умеръ.

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Остерманъ. Бассевичъ, 119. Камеръ-фурьерскіе журналы, 1737 г., 37; 1738 г., 32; 1739 г., 44. В. В.

VII. ПАВЕЛЬ ЯГУЖИНСКІЙ.

Человѣкъ, никогда не отрекающійся отъ своего мнѣнія, вѣчно говорящій правду, презирающій всякія сдѣлки съ совѣстью, высказывающій смѣло своимъ согражданамъ, своему начальству, даже своему государю, только тотъ взглядъ, который кажется ему, по его убѣжденію, вѣрнѣйшимъ, такой человѣкъ заслуживаетъ, конечно, общаго уваженія. Небольшія пятна, отнимающія у картины высшую степень совершенства, исчезаютъ предъ великими ея достоинствами или же дѣлаютъ ихъ еще болѣе выдающимися.

Павель Ягужинскій родился въ Москвѣ въ 1683 году. Его отецъ, кистеръ лютеранско-нѣмецкой общины въ Москвѣ, былъ родомъ литвинъ.

На восемнадцатомъ году Павлу посчастливилось и его узналъ Петръ I, а нѣсколько удачныхъ отвѣтовъ пріобрѣли ему милость императора. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ греческую религію. Мы не можемъ указать причины, побудившія его къ такому шагу. Петръ I далъ ему первоначально мѣсто въ имперской канцеляріи, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ и работалъ очень старательно. Петръ, казалось, совсѣмъ уже забылъ о немъ, когда Меншиковъ вновь рекомендовалъ его и Петръ вспомнилъ о немъ, какъ о человѣкѣ весьма пригодномъ, и назначилъ его въ гвардію, гдѣ онъ имѣлъ случай быть узваннымъ ближе государемъ. Изъ офицеровъ гвардіи былъ онъ сдѣланъ деньщикомъ ²⁾ Петра I и сталъ самымъ довѣреннымъ любимцемъ. Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали, въ 1718 году смертный приговоръ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу.

²⁾ Деньщикъ—особый придворный чинъ; деньщики состояли при Петрѣ I и попеременно дежурили у него. Ихъ можно назвать дежурными адъютантами. Названіе это происходитъ отъ русскаго слова день. Деньщики до сихъ поръ существуютъ въ арміи.

Онъ былъ тогда генераль-майоромъ и начальникомъ гвардіи. Четыре года спустя, Петръ возвелъ его въ генераль-лейтенанты и, наконецъ, назначилъ генераль-прокуроромъ ¹⁾ въ сенатъ.

По смерти Петра, онъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, помогъ Екатеринѣ вступить на престолъ. Хотя эта государыня и возвела Ягужинскаго въ графское достоинство, но, вслѣдствіе распри съ княземъ Меншиковымъ, которому онъ, вопреки убѣжденію, никакъ не хотѣлъ уступить, Ягужинскій въ царствованіе этой же императрицы потерялъ мѣсто генераль-прокурора. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда пользовался большимъ почетомъ въ русскомъ государствѣ. Дворъ боялся его; армія же высказывала ему общую любовь и уваженіе.

Въ царствованіе Петра II онъ продолжалъ только военную службу, но съ необыкновеннымъ усердіемъ. По смерти этого государя, онъ состоялъ членомъ высокаго собранія, рѣшавшаго вопросъ о престолонаслѣдіи.

При восшествіи на престолъ императрицы Анны, это же собраніе арестовало Ягужинскаго за то, что онъ совѣтовалъ новой государынѣ разорвать представленную ей капитуляцію и, по примѣру ея предковъ, царствовать по собственной волѣ, безъ ограниченія. Быть можетъ, давая такой совѣтъ, Ягужинскій имѣлъ въ виду самого себя; но его намѣреніе не удалось. Ягужинскій могъ бы тогда же погибнуть, если-бъ императрица изъ благодарности тотчасъ же не освободила его. Это былъ первый актъ, которымъ Анна обозначила свое самодержавіе. Ягужинскій сталъ опять генераль-прокуроромъ, но поссорился, какъ генераль-прокуроръ, съ Бирономъ, такъ что даже обнажилъ шпагу противъ любимца императрицы. Это былъ опять путь къ гибели; но Анна, всегда благодарная за добрую услугу, оказанную ей Ягужинскимъ, стараясь устранить послѣдствія этого спора, назначила его посломъ при берлинскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ вызванъ назадъ и назначенъ кабинетъ-министромъ.

Онъ умеръ ²⁾ въ 1736 году и былъ погребенъ со всѣми военными почестями въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ видна еще его надгробная надпись въ первой церкви, внизу, на лѣвой рукѣ, при входѣ въ монастырь ³⁾. Въ концѣ этого краткаго біографическаго очерка мы

¹⁾ Генераль-прокуроръ, по рангу, послѣдній членъ въ сенатѣ, но по значенію—важнѣйшій. Онъ сидитъ въ сенатѣ отъ имени императора, контролируетъ все, что тамъ дѣлается, и имѣетъ рѣшительное вліяніе на постановленія сенаторовъ.

²⁾ Ягужинскій умеръ въ своемъ собственномъ домѣ, который еще существуетъ въ Петербургѣ. Домъ находится въ Почтамтской улицѣ и въ настоящее время (1810 г.) въ немъ живетъ оберъ-почтъ-директоръ.

³⁾ Въ Благовѣщенской церкви Александровской лавры. Сантовъ, стр. 155.

присоединяемъ краткое описаніе торжественныхъ похоронъ этого знаменитаго мужа.

Графъ Ягужинскій былъ тогда генераль-аншефъ, кабинетъ-министръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго ¹⁾).

Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, въ комъ Петръ I не ошибся, потому что онъ былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Взглядъ Ягужинскаго былъ очень вѣренъ, такъ что тѣ изъ его подчиненныхъ, которыхъ онъ избралъ, были, какъ извѣстно, люди дѣльные. Онъ обладалъ обширными военными познаніями и хорошо зналъ свою родину. Его присутствіе духа помогало ему въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ и часто даже въ тѣхъ, когда горячность ставила его въ довольно затруднительное положеніе. Онъ былъ очень смѣлъ и не смотрѣлъ на лица, когда ему приходилось высказывать свое мнѣніе, какъ честнаго человѣка. Ягужинскій былъ именно тотъ, который довольно часто говорилъ императору Петру I горькую истину, когда другіе не осмѣливались дѣлать возраженій противъ нелѣпныхъ иногда распоряженій этого монарха. При такихъ большихъ достоинствахъ, Ягужинскій былъ вспыльчивъ и горячъ, особенно когда бывалъ выпивши, что въ послѣдніе годы случалось почти ежедневно— порокъ, который былъ необходимою составною частью нравовъ того вѣка и который, къ сожалѣнію, приводилъ этого великаго министра нерѣдко къ самому крайнему распутству.

Ягужинскій былъ женатъ два раза. Отъ первой своей жены, фамиліи которой мы не знаемъ ²⁾, онъ имѣлъ дѣтей, но потомъ поссорился съ нею и развелся съ разрѣшенія Петра I. Затѣмъ онъ женился на графинѣ Головкиной, которая послѣ его смерти вышла замужъ за обергофмаршала графа Михайла Вестужева и была крайне несчастлива ³⁾. Отъ этой второй жены Ягужинскій имѣлъ, какъ намъ извѣстно, нѣсколькихъ дочерей.

Одинъ сынъ отъ перваго брака умеръ еще въ 1724 году. Второй его сынъ, Сергѣй, находился на службѣ при нѣсколькихъ правительствахъ. Такъ, напр., онъ былъ въ 1764 году членомъ комисіи, которая была обязана произвести, послѣ убіенія бывшаго им-

¹⁾ Хотя орденъ св. Александра Невскаго былъ учрежденъ Петромъ I, но только Екатерина I начала раздавать его. Онъ второй орденъ по значенію и носится на красной лентѣ.

²⁾ Это была Анна Федоровна, рожд. Хитрово. Послѣ развода, въ 1722 году, она была заключена въ монастырь. Барсовъ, Первая жена П. И. Ягужинскаго (Рус. Старина, 1877, XVIII, 714; XIX, 650). В. В.

³⁾ Въ жизнеописаніи генерала Бергера мы будемъ имѣть случай говорить о печальной судьбѣ этой дамы.

ператора Ивана Антоновича, слѣдствіе надъ несчастнымъ Мировичемъ ¹⁾. Сергѣй долженъ былъ выйти въ отставку и былъ, вслѣдствіе слишкомъ дурнаго управленія своими имѣніями, объявленъ подъ старость расточителемъ. Онъ былъ генераль-лейтенантъ, камергеръ и кавалеръ ордена св. Анны ²⁾ и жилъ еще въ 1799 г. Намъ неизвѣстно, были ли у него дѣти.

Одна дочь отъ перваго брака вышла замужъ за князя Гагарина и была замѣшана въ несчастіе своей мачихи, но тотчасъ же освобождена. Старшая дочь отъ втораго брака была также арестована вмѣстѣ съ матерью.

Краткое описаніе ³⁾ торжественныхъ похоронъ его превосходительства г. генераль-аншефа и кабинетъ-министра графа Ягужинскаго, состоявшихся 28 апрѣля 1736 г. въ Петербургѣ:

Послѣ того какъ тѣло было публично выставлено нѣсколько дней для поклоненія и на 28 апрѣля однимъ генераль-аудиторъ-лейтенантомъ и однимъ гвардейскимъ офицеромъ были приглашены всѣ русскіе и иностранные министры, вмѣстѣ съ другими почетными лицами, кортежъ собрался рано поутру, около 9-ти часовъ, въ домъ умершаго графа, откуда процессія двинулась въ Александроневскую лавру приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ:

200 императорскихъ гвардейцевъ верхомъ, Ингерманландскій полкъ, Петербургскій гарнизонный полкъ, 3 фурьера верхомъ, 4 литавщика, 12 трубачей, 2 прапорщика съ графскими гербами, 1 лейтенантъ съ краснымъ знаменемъ, 1 шталмейстеръ, 6 лошадей въ траурныхъ пополахъ, 3 маршала, русское и нѣмецкое купечество, 2 маршала, чиновники различныхъ коллегій, 2 майора за маршаловъ, 1 рыцарь въ свѣтлыхъ латахъ, 1 лейтенантъ съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ вензель графа, 1 человекъ въ черныхъ латахъ пѣшкомъ, 1 прапорщикъ съ чернымъ знаменемъ, 1 лошадь въ траурной поповѣ, пѣвчіе, 2 полковника за маршаловъ, все русское духовенство, 1 бригадиръ и 2 полковника за маршаловъ, за которыми несутъ: каску,

¹⁾ Объ этомъ будетъ говорить въ другомъ мѣстѣ книги.

²⁾ Карлъ Фридрихъ голштинскій, отецъ Петра III, основалъ орденъ св. Анны въ 1735 году въ честь своей супруги Анны Петровны. Этотъ орденъ — единственное, что Павелъ I, какъ великій князь, получилъ изъ своихъ верховныхъ правъ на Голштинію. Онъ жаловалъ этотъ орденъ какъ гротмейстеръ его и, ставъ императоромъ, сдѣлалъ его военнымъ орденомъ и раздѣлилъ на нѣсколько степеней. Лента — красная съ желтой каймой. Орденъ замѣчателенъ тѣмъ, что звѣзда его, подобно ордену Данеброга, носится на правой сторонѣ.

³⁾ Дословно списано съ современной рукописи.

рукавицу, шпору, шпагу, знакъ ордена св. Александра, знакъ ордена св. Андрея, командирскій жезлъ.

Всѣ эти знаки лежали на красныхъ бархатныхъ подушкахъ съ золотыми галунами и кистями; каждую подушку несъ бригадиръ, полковникъ или маіоръ при двухъ ассистентахъ.

По сторонамъ шли солдаты съ бѣлыми зажженными восковыми свѣчами, къ которымъ былъ придѣланъ щитъ съ графскимъ вензелемъ, 3 бригадира за маршаловъ, 6 унтеръ-офицеровъ кадетскаго корпуса; печальная колесница, везомая 6 лошадьми въ попонахъ; 12 капитановъ и маіоровъ держали балдахинъ изъ чернаго бархата съ серебрянымъ галуномъ; возлѣ шли полковники, 8 унтеръ-офицеровъ кадетскаго корпуса, 1 генераль-маіоръ за маршала, 2 адъютанта, другіе приглашенные на проводы тѣла, 3 обтянутыя трауромъ кареты, каждая въ 6 лошадей, въ каждой каретѣ женщины въ плерезахъ, 1 фурьеръ верхомъ, 1 эскадронъ лейбъ-гвардейцевъ верхомъ.

Во время печальнаго шествія изъ крѣпости раздавался каждую минуту одинъ пушечный выстрѣлъ.

По соизволенію ея императорскаго величества могила была приготовлена въ церкви упомянутаго монастыря, гдѣ погребаются только тѣла членовъ императорскаго дома. При опусканіи тѣла въ могилу, войска произвели, по военному обычаю, тройной салютъ изъ ружей.

Примѣчаніе переводчика. Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, 1688—1737. Указы Петра I (Сборникъ, XI, 440, 447); Бумаги Петра В., II, 13, 46, 162; Письма П. Ягужинскаго (Соловьевъ, XIX, 52; Птенцы Петра В., Русск. Вѣстн., 1861, I, 118, 120; Записка Ягужинскаго о состояніи Россіи (Чтеніе, 1860, IV, 269); Письма дюка де-Лирія (Осмнадц. вѣкъ, II, 26, 62; III, 39, 54, 56, 58, 105); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 134); Воронцовъ, IV, 361; VI, 26, 31, 151, 277; VII, 286; X, 174; Письма Олсуфьева (Архивъ, 1883, III, 52, 56); Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1400); Дипломат. документа (Сборникъ, III, 341, 411, 416, 504; V, 349, 441; XV, 203, 249; XX, 140, 143; XXXIV, 164, 259, 325, 369, XL, 15, 396); Weber, I, 301; Villebois, 30; Манштейнъ, 22, 33; Бассевичъ, 186; 187, 238, 247, 260, 263; Рондо, 115, 227, 241; Шетарди, 15; Russie, 24, 30, 39, 41; Штелинъ, Сказаніе о Петрѣ В., 1778, 467; Державинъ, 793; Щербатовъ, 49; Голицевъ, V, 93; VII, 65; Событія 1730 года (Каширцевъ, I, 366, 370, 372); Лонгиновъ, Генералитетъ въ 1730 г. (Осмнадц. вѣкъ, III, 163, 173, 176); Bergholz's Tagebuch (Büsching, XIX, 43); Соловьевъ, Птенцы Петра (Русск. Вѣстн., 1861, I, 114, 117; VII, 17, 23, 28, 35, 43); Разказы про Петра В. (Архивъ, 1883, II, 234); Карабановъ, 481; Современники Анны Иоанновны (Старина, 1878, XXI, 346); Эйхгольцъ, Дѣдъ Іоанна Антоновича (Старина, 1875, XII, 4, 23); Бычковъ, Свадьба Петра I съ Екатериною I (Россія, 1877, I, 323, 324); Наталья Федоровна Лопухина (Старина, 1874, XI, 37, 39, 207); Лонгиновъ, Сатирическій каталогъ Екатерины II, № 38 (Архивъ, 1871, 2039); Соловьевъ, Сенатъ въ царствованіе Екатерины II (Россія, 1875, I, 26); Ивановъ, I; Вейдемейеръ, Обзоръ, I, 126; II, 133; Бантышъ-Б., Словаре, III, 560; Списки, 76, 175, 294; Семейскій, 69; Карабановъ-Долгоруковъ, 146; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 143; Claussen, 88; Heggmann, IV, 421, 467, 476, 541, 552; Устряловъ, VI, 534; Соловьевъ, XVIII, 275, 278; XIX, 253, 329, 349, 357; XX, 424; XXIV, 85, Russica, I, 442; Сайтовъ, 155. В. В.

VIII. ЯГУЖИНСКІЙ II ¹⁾.

Ягужинскій, младшій братъ знаменитаго статсъ-министра, не имѣлъ ни выдающихся способностей, ни большихъ познаній. Только благодаря заслугамъ брата онъ повышался въ русской военной службѣ. Насколько мы могли узнать, онъ дослужился, однако, только до полковника.

Онъ умеръ въ 1722 году.

IX. ЭММАНУИЛЬ ДЕВЬЕРЬ ¹⁾.

Э. Девьеръ, португалецъ низкаго происхожденія, прибылъ юнгой на купеческомъ кораблѣ въ Голландію, гдѣ совершенно случайно его увидѣлъ Петръ I. Этотъ монархъ отдалъ его въ услуженіе Меншикову, который принялъ его какъ скорохода. При этомъ-то императоръ имѣлъ случай говорить съ Девьеромъ и, открывъ въ немъ способности, взялъ его къ себѣ. Онъ сдѣлалъ его офицеромъ гвардіи и вскорѣ затѣмъ своимъ деньщикомъ. Въ качествѣ деньщика Девьеръ еще болѣе укрѣпился въ милости государя. Мало-по-малу получалъ онъ повышенія въ арміи и, наконецъ, сталъ настолько смѣлъ, что просилъ у своего прежняго господина руки его сестры, во взаимной любви которой былъ увѣренъ. Меншиковъ съ презрѣніемъ отклонилъ это предложеніе, но Девьеръ не бросилъ своего намѣренія. И онъ достигъ своей цѣли. Сестра князя дала ему столь неопровержимыя доказательства своей любви, что Девьеръ счелъ, наконецъ, необхо-

¹⁾ Былъ женатъ на фонъ-Остенъ Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій въ „Рословн. книгѣ“, имъ составленной, (стр. 69), считаетъ этого Ягужинскаго старшимъ братомъ. В. В.

димымъ заявить ея брату, что необходимо торопиться съ формальнымъ утвержденіемъ брака, если князь не желаетъ имѣть неприятности видѣть свою сестру незамужнею матерью. вмѣсто всякаго отвѣта, Меншиковъ приказалъ вздуть батогами своего непрошеннаго зятя. Еще покрытый кровавыми послѣдствіями гнѣва князя отправился Девьерь къ императору, бросился въ ноги и просилъ о защитѣ. Надо, вообще, удивляться подобной жалобѣ, приносимой государю, которая столь необычна среди честныхъ людей, получившихъ оскорбленіе. Точное приказаніе Петра могло лишь въ слабой степени оправдать подобное поведеніе. Можно даже полагать, что Девьерь былъ привыченъ къ подобному съ нимъ обхожденію и не зналъ иной мести, кромѣ жалобы. Въ этомъ случаѣ онъ не заслуживалъ никакой защиты. Но Петръ не отказалъ ему въ ней и даже принудилъ князя Меншикова вести свою сестру къ обручальному алтарю. Тогда же Девьерь былъ назначенъ генераль-полицеймейстеромъ. На этомъ посту онъ часто получалъ отъ императора чувствительные знаки его неудовольствія. Все таки этотъ государь очень любилъ его и часто доказывалъ, какъ велико то довѣріе, которое онъ имѣетъ къ нему. Онъ сдѣлалъ его своимъ генераль-адъютантомъ. Девьерь носилъ уже это высокое званіе, когда, въ 1718 году, подписывалъ смертный приговоръ несчастному царевичу. Въ 1721 году онъ, сталъ генераль-лейтенантомъ и вскорѣ затѣмъ гофмейстеромъ принцессъ Анны и Елизаветы. Какъ ни приближался Девьерь, по своему служебному положенію, къ князю Меншикову, этотъ никогда не могъ простить Девьеру тотъ способъ, которымъ онъ втерся въ родство къ нему.

Меншиковъ даже страшно отомстилъ ему въ царствованіе императрицы Екатерины I. Вначалѣ Девьерь получилъ отъ этой государыни доказательство ея милости и довѣрія. Она возвела его въ графское достоинство и поручила въ 1726 году ѣхать въ Курляндію, чтобъ изслѣдовать тамъ жалобы герцогини Анны на Меншикова. Девьерь исполнилъ это порученіе съ тою строгостью, которая была естественна въ противникѣ обвиняемаго и результатъ этого изслѣдованія былъ вполнѣ въ пользу герцогини. Этимъ Меншиковъ еще болѣе былъ возбужденъ противъ него. Онъ выбралъ изъ донесенія Девьера нѣсколько критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ очень удачно относительно притязательнаго деспотизма своего тестя, объяснилъ ихъ такъ, какъ то было ему нужно, и сдѣлалъ изъ этого мнимый планъ восстанія противъ тогдашняго правительства, въ которомъ Девьерь долженъ былъ принимать наибольшее участіе. Екатерина I, которая была крайне безпечна, не провѣрила сама этого доноса, и

безъ затрудненія согласилась наказать Девьера. Въ 1727 году графъ Девьеръ былъ объявленъ лишеннымъ всѣхъ своихъ почестей, достоинствъ и имуществъ, былъ позорно наказанъ кнутомъ, который онъ, какъ мы видѣли, предкушала уже довольно часто, и сосланъ въ Сибирь. Въ то время Девьеръ, сверхъ многихъ почестей, которыя были пожалованы ему Петромъ I и Екатериною I и о которыхъ мы уже говорили, имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго, который былъ ему пожалованъ тоже Екатериною I.

Справедливо удивляются, что императрица Анна, которой Девьеръ оказалъ существенныя услуги, не могла подумать о возвращеніи этого человѣка изъ ссылки. Такая неестественная неблагодарность можетъ быть до извѣстной степени объяснена лишь тѣмъ, что Девьеръ, быть можетъ, имѣлъ несчастіе не понравиться всеильному Бирону.

Наконецъ, уже императрица Елизавета, собиравшая вокругъ себя всѣхъ слугъ своего отца, сосланныхъ до возшествія ея на престолъ, вызвала его въ 1742 году изъ ссылки и возвратила ему большую часть почетныхъ мѣстъ и ордена.

Четыре года спустя Девьеръ умеръ въ Петербургѣ, въ глубокой старости, причемъ онъ самъ не могъ точно опредѣлить своихъ лѣтъ.

Это не былъ человѣкъ необыкновеннаго ума, но онъ обладалъ вѣрнымъ взглядомъ на вещи и, что Петръ I справедливо ставилъ ему въ большую заслугу, былъ крайне точенъ въ механическомъ исполненіи возлагавшихся на него обязанностей. Впрочемъ, онъ былъ добросердеченъ, слабъ и безразсуденъ въ своихъ поступкахъ—качества, которыя нерѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Его понятія о чести были совершенно фальшивы, въ противномъ случаѣ онъ поступалъ бы иначе при тѣхъ оскорбленіяхъ и безчестныхъ наказаніяхъ, которымъ подвергался.

Жена графа Девьера была, какъ мы уже говорили, сестра князя Меншикова. Отъ этого брака произошло, можетъ быть, много дѣтей ¹⁾, но только одинъ сынъ прославился и ужь, конечно, вовсе недостойнымъ образомъ. Его звали Антонъ ²⁾; онъ былъ сперва герцогско-

¹⁾ Двое: сынъ графъ Петръ Антоновичъ и дочь, графиня Девьеръ, бывшая фрейлиной Екатерины I. В. В.

²⁾ Графъ Антонъ Еммануиловичъ Девьеръ (Di Vier) былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Даниловнѣ Меншиковой. У нихъ былъ единственный сынъ графъ Петръ (а не Антонъ) Антоновичъ, генералъ-аншефъ, отличившійся въ семилѣтнюю войну. Долгорукій, II, 138. Графъ Антонъ Еммануиловичъ умеръ въ 1745 году и погребенъ 27 іюня на Лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской лавры. Сантовъ, 41. В. В.

голиштинскій, потомъ великокняжескій камергеръ. Петръ III, вступивъ на престолъ, сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Въ день переворота, поедпринятаго Екатериною, императоръ послалъ его въ Кронштадтъ, желая обезпечить за собою эту гавань. Девьеръ велъ себя такъ неловко, что кронштадтскій комендантъ арестовалъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать что либо въ пользу своего государя.

Примѣчаніе переводчика. Антонъ Эммануиловичъ Девьеръ, 1674—1745. П. С. З., № 5084, 18511. Указы Петра I (Сборникъ, XI, 372, 441); Бумаги Петра В., II, 7, 50, 52; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 108; XXVII, 126); Письма А. Девьера, (Архивъ, 1865, 274; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, XXV, Соловьевъ, Птенцы Петра В., въ Русск. Вѣстн., 1861, VII, 37); Прошеніе П. Девьера (Чтенія, 1862, IV, 155); Письма П. Девьера (Осмнад. вѣк., 635); Диплом. документы (Сборникъ, III, 412, 415, 465, 466, 469, 470, 472; XV, 184, 337, 340; XVIII, 163, 420, 472); Weber, I, 301; III, 79, 95; Манштейнъ, 3; Мннихъ, 34; Нащовинъ, 265; Позье, 104; Порошннъ, 389, 548; Catherine, 53, 66, 76; Russie, 215; Caster I, 256; Реэстръ кому ассамблеи держать (Библиограф. Зап., II, 272); Болотовъ, IV, 741; Воронцовъ, IX, 269; Бѣляевъ, Кабинетъ Петра В., I, 139; Лонгиновъ, Сатирич. каталогъ № 52 (Архивъ, 1871, 2039); Сгибневъ, А. Девьеръ въ Сибири (Старина, 1876, XV, 447); Карабановъ, III, 467; Лонгиновъ, Генералитетъ 1730 г. (Осмнад. вѣк., III, 165); Ламанскій, Первые дни царствованія Екатерины II (Осмнад. вѣк., IV, 211, 213); Карновичъ, Морнцъ Саксонскій въ Курляндіи (Россія, 1875, III, 71); Соловьевъ, Птенцы Петра В. (Русск. Вѣстн., 1861, VII, 32); Пекарскій, Ист. ак. наукъ, I, 76; Костомаровъ, Екатерина Алексѣевна (Россія, 1877, I, 167); Вейдемейеръ, Обзоръ, I, 60; Бантышъ-К., Словарь, II, 190; Списки, 108, 172, 213, 298; Долгоруковъ, IV, 423; Неггманн, IV, 463, 476, 493; V, 297; Устряловъ, VI, 534; Соловьевъ, XIX, 92, 388; XXI, 245; Сантовъ, 41.

В. В.

Х. АДАМЪ ВЕЙДЕ.

Точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, неопровержимыми примѣрами строгой справедливости и трудами всякаго родъ можно достигнуть уваженія со стороны своего государя, друзей, всѣхъ согражданъ и все таки уничтожить большую часть добытаго сочувствія однимъ подозрительнымъ поступкомъ; однимъ, по виду не вполне вѣрнымъ, шагомъ, если объ немъ узналъ свѣтъ, можно потерять почти все довѣріе, которымъ кто-либо пользовался, до критическаго момента, въ общественныхъ и дружескихъ сношеніяхъ.

Адамъ Вейде былъ нѣмецъ, изъ бюргеровъ; неизвѣстно, явился-ли онъ въ Россію въ царствованіе Петра I или царя Алексѣя Михайловича. Вейде вступилъ въ военную службу, выказалъ необыкновенныя военныя способности и такую преданность своему монарху, предъ которою должны были сторониться всѣ другія соображенія, даже быть можетъ принципы. Петръ I награждалъ его за это публичными доказательствами своего великодушія, назначивъ его очень скоро по чрезвычайному отличію генераль-аншефомъ и, въ 1714 году, кавалеромъ ордена св. Андрея. Сверхъ того, императоръ оказывалъ ему почти безграничное довѣріе сообщеніемъ различныхъ своихъ секретовъ. Почти можно сказать, что не было въ мірѣ и трехъ лицъ, которымъ Петръ I дѣлалъ бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ столь до вѣрчивыя заявленія, какъ генералу Вейде.

Наибольшее доказательство этого было дано императоромъ по поводу страшной катастрофы, постигшей его сына Алексѣя. Извѣстно, что совершенно несообразное, неловкое, глупое, упрямое и, вообще говоря, преступное поведеніе царевича заставляло опасаться въ будущемъ полнаго уничтоженія великаго и многотруднаго творенія Петра I и полнаго переворота въ русскомъ государственномъ строѣ; но не смотря на то исторія послѣднихъ дней этого наслѣдника престола останется всегда пятномъ на лучезарномъ историческомъ образѣ Петра I. Чтобъ вполне представить эту великую и богатую картину, нельзя опустить эту возбуждающую ужасъ сцену; и какъ бы ни отодвигать ее на задній планъ, все же яркія, мѣткія

краски, которыми придется изображать этотъ мракъ, выдуть наружу и умалять жгучій блескъ изображенія этого государя. Если-бы Лефортъ, котораго такъ боялся Петръ I, былъ живъ въ 1718 году, не было бы и этого событія, столь вредящаго славѣ монарха. Изъ слѣдственнаго дѣла о цесаревичѣ, которое не относится къ нашей задачѣ, мы приведемъ, впрочемъ, только тѣ обстоятельства, въ которыхъ участвовалъ Вейде. Съ перваго же момента слѣдствія, онъ принималъ въ немъ участіе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось насильственно выпытывать сознание у цесаревича, императоръ, нежелавшій довѣрять свою тайну обыкновеннымъ людямъ, никого не употреблялъ для этого дѣла, кромѣ генерала Вейде. Такъ, извѣстно, что въ рѣшительный день, когда Алексѣй призналъ себя во всемъ виновнымъ, государь взялъ Вейде съ собою въ крѣпость, въ казематъ царевича, и что только этимъ посѣщеніемъ было выпытано у царевича сознание, стоившее ему жизни. Смертный приговоръ былъ составленъ, подписанъ, между прочимъ, и генераломъ Вейде и утвержденъ императоромъ. Чтобъ не исполнять приговора публично, государь рѣшился отравить цесаревича ¹⁾. Онъ послалъ генерала Вейде къ придворному аптекарю, нѣмцу, заказать, по данному рецепту, сильный ядовитый напитокъ. Аптекарь страшно испугался такому заказу, но сказалъ, что чрезъ нѣсколько часовъ напитокъ будетъ готовъ. По прошествіи назначеннаго времени, явился генералъ Вейде, закутанный въ плащъ, и потребовалъ напитокъ. Аптекарь не рѣшался отдать ему эту ядовитую смѣсь и заявилъ, что отдастъ ее только въ руки самого императора. Вейде согласился, и взялъ съ собою аптекаря, который и передалъ ядъ императору. 7-го іюля императоръ и Вейде отнесли этотъ напитокъ царевичу; но его никакъ нельзя было заставить выпить этотъ ядъ. Тогда тотчасъ же прибѣгли къ другому средству. Добыли топоръ, подняли одну половицу, чтобъ кровь могла стекать въ мусоръ, и обезглавили истощеннаго обмороками царевича ¹⁾.

Размышляя объ этихъ ужасныхъ фактахъ, чтобъ составить сужденіе о характерѣ генерала Вейде, историкъ чувствуетъ наплывъ противоположныхъ впечатлѣній. Онъ не можетъ совершенно оправдать отъ подозрѣнія въ преступленіи человѣка, который могъ взять на себя такія дѣла, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили выше; но онъ не можетъ и осуждать его вполне, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ былъ только орудіемъ столь мудраго, дальновиднаго и всѣми уважаемаго монарха. Вейде былъ извѣстенъ какъ вѣрный слуга, прав-

¹⁾ Это не болѣе какъ легенды, которыми во множествѣ окруженъ фактъ смерти цесаревича Алексѣя въ Петропавловской крѣпости послѣ произведенныхъ надъ нимъ пытокъ сѣченіемъ внутомъ.

дивный человекъ и проникательный гражданинъ. Его понятія о вѣрно-подданничествѣ и послушаніи были, вѣроятно, столь обширны и, если можно такъ выразиться, столь матерьяльны, что онъ не допускалъ ни возраженій, ни размысленій относительно приказаній императора. Онъ, вѣроятно, думалъ, что если ужъ монархъ призналъ царевича виновнымъ и подписалъ смертный приговоръ, то уже ни Богъ, ни весь міръ не могъ помѣшать исполненію приговора, изъ сочувствія къ несчастному. Но, быть можетъ, генерала Вейде оправдываютъ въ настоящее время съ нѣкоторымъ интересомъ потому только, что, по своимъ послѣдствіямъ, это событіе было благотѣльно и что періодъ, въ который совершилась эта кровавая сцена, отдаленнѣе отъ насъ, чѣмъ время смерти (нѣкоторыхъ другихъ лицъ). Мы относимся къ (другимъ) катастрофамъ съ значительно меньшимъ хладнокровіемъ, чѣмъ къ исторіи обезглавленія царевича, отъ смерти котораго Россія, вѣроятно, выиграла. Но еслибъ даже Вейде былъ непороченъ во всю свою жизнь и если бы онъ напелъ самыхъ остроумныхъ защитниковъ своего поведенія въ исторіи царевича Алексѣя, все таки отвратительная тѣнь, падающая по этому случаю на всю его жизнь, не можетъ быть уничтожена никакимъ остроуміемъ. Впрочемъ, Вейде можетъ служить еще разъ доказательствомъ мудрости Петра, читавшаго глубоко въ человѣческомъ сердцѣ. Этотъ государь хорошо зналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, поручая генералу Вейде такое ужасное дѣло. Тысячи другимъ могъ бы онъ дѣлать эти возмутительныя предложенія и они отвергли бы ихъ съ подобающимъ презрѣніемъ.

Генераль Вейде умеръ ¹⁾, кажется, вскорѣ послѣ страшнаго 1718 года и, кажется, не оставивъ дѣтей.

Примѣчаніе переводчика. Адамъ Адамовичъ Вейде, † 1720. П. С. З., № 2928, 3183. Указы Петра I (Осмнадц. вѣкъ, IV, 23, 30, 33); Бумаги Петра В., I, 148, 175, 183; II, 29, 301; Письма Вейде (Сборникъ, XI, 79, 212, 230, 251; Устряловъ, I, 169, III, 494, 496, 497, 504; VI, 370; Пекарскій, Ист. ак. наукъ, I, 201); Бычковъ, Письма Петра В., Спб., 1872, 107; Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 416, 445, 467); Дипломат. документы (Сборникъ, XXXIV, 299, 321; XXXIX, 387; XL, 15); Реестръ кому ассамблеи держать (Библиограф. Зап., II, 272); Villebois, 47, 136. Нашокинъ (Архивъ, 1883, II, 247); Шутки и потѣхи Петра I (Старина, 1872, V, 883); Погодинъ, Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ (Бесѣда, 1860, I, 47); Алабинъ, И. И. Бутурлинъ (Старина, 1878, XXIII, 172); Герье, Кронпринцесса Шарлотта (Вѣст. Евр., 1872, III, 506); Вантышъ-К., Словарь, I, 253; Списки, 73; Карабановъ-Долгоруковъ, 115; Hergmann, IV, 266; Устряловъ, II, 127, 373, 560, 561, IV, I, 66; IV, II, 466; VI, 59, 291, 533; Сайтовъ, 26. В. В.

¹⁾ Адамъ Адамовичъ Вейде, генераль отъ инфантеріи и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго, умеръ 26 іюня 1720 года. В. В.

XI. АННА КРАМЕРЪ.

Анна Крамеръ была дочь члена магистрата и купца въ Нарвѣ. По взятіи города, въ 1704 году, она, какъ плѣнница, была увезена въ Россію и именно въ Казань. Нѣсколько лѣтъ спустя, она была увезена изъ Казани въ Петербургъ, гдѣ была подарена генералу Балку, мужу сестры красивой Монсъ, которой мы посвящаемъ отдѣльную статью. Балкъ отдалъ ее, какъ камеръ-юнгферу, фрейлинѣ Гамилтъонъ.

Здѣсь она узнала Петра I. Нѣкоторые утверждаютъ, будто этотъ монархъ взялъ Анну Крамеръ, по смерти ея несчастной госпожи, себѣ въ любовницы; но это извѣстіе оспаривается другими лицами, заслуживающими не меньшаго довѣрія. Извѣстно только, что Петръ находилъ большое удовольствіе въ ея обществѣ, и назначилъ ее камеръ-юнгферой императрицы, чтобъ чаще видѣть и говорить съ нею.

Будучи камеръ-юнгферой, Анна Крамеръ заслужила такое довѣріе монарха и его супруги, что была изъ числа тѣхъ немногихъ лицъ, которыя знали тайну убіенія несчастнаго царевича. Послѣ обезглавленія царевича, Анна Крамеръ, которую императоръ и генералъ Вейде взяли изъ дворца и отвезли съ собою въ крѣпость, должна была приставить голову къ туловищу (!) и потомъ одѣть трупъ, который былъ выставленъ на нѣсколько дней въ крѣпостной церкви и затѣмъ тамъ же погребенъ.

Услужливая исполнительность такого порученія, которое, конечно, немногія женщины приняли бы на себя, заслуживала награды. Въ такой придворной атмосферѣ, гдѣ прозябали растенія, отчасти чужеземныя, отчасти искусственно выгнанныя, нельзя удивляться, видя превращеніе камеръ-юнгферы въ придворную даму. Анна Крамеръ была фрейлиной императрицы и вскорѣ затѣмъ императоръ назначилъ ее гофмейстериной принцессы Натальи Петровны, которая, какъ мы

знаемъ, лишь нѣсколькими недѣлями пережила своего отца, императора.

По смерти этой принцессы, Анна Крамеръ оставила дворъ и переселилась въ Нарву, куда перебрались изъ плѣна и ея родственники, именно ея братья. Тамъ она жила пансіономъ и доходами съ имѣніями въ рижскомъ округѣ, которое подарила ей императрица Екатерина I, и умерла въ 1770 году, на 76 году. Она никогда не была замужемъ.

Анна Крамеръ должно быть была очень хороша. Она была, кажется, умна и болѣе, чѣмъ ловка, такъ что сумѣла сохранить милость императора и добиться благоволенія императрицы. Изъ того обстоятельства, что Анна Крамеръ, по смерти Гамильтонъ, появилась при дворѣ и что она могла принять на себя заботы о трупѣ царевича, о чемъ было говорено, мы можемъ заключить, что она была крайне несимпатична. Впрочемъ, по характеру, она представляеть нѣкоторое сходство съ генераломъ Вейде.

Примѣчаніе переводчика. Анна Ивановна Крамеръ, 1694—1770. Дипломат. документы (Сборникъ, V, 328; XX, 68, XXXIV, 349, 354); Бассевичъ, 159; Russie, 4; Щербатовъ, 41; Verurtheilung des prinzen Alexei Petrovitsch (Büsching, III, 224); Есиповъ, Яганна Петрова (Истор. Вѣстн., 1880, I, 547); Погодинъ, Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ, (Весѣда; 1860, XII, 15); Алабянъ, И. И. Бутурлинъ (Старина, 1878, XXIII, 171); Костомаровъ, Царевичъ Алексѣй Петровичъ (Россія, 1875, I, 28); Брикнеръ, Царевичъ Алексѣй Петровичъ (Истор. Вѣстн., 1880, III, 146); Карабановъ, III, 466; Herrmann, IV, 314, 330; Устряловъ, VI, 619; Соловьевъ, XVII, 125.

XII. МОНСЪ ДЕ-ЛА КРУА.

Печально, если человекъ, проникнутый чувствомъ дружбы и нѣжными влеченіями сердца, дѣлающими его любимцемъ прекраснаго пола, не умѣетъ владѣть преступными увлеченіями, вызываемыми его исключительнымъ положеніемъ, и онъ, вслѣдствіе вліянія его нѣжныхъ чувствъ, становится кровавою жертвою мстительной ревности.

Монсъ де-ла Круа былъ сынъ трактирщика, прибывшаго изъ Франціи и поселившагося первоначально въ Ригѣ. Позже, онъ перѣхалъ въ Москву и жилъ тамъ въ нѣмецкомъ кварталѣ, или, какъ тамъ говорятъ, въ Нѣмецкой слободѣ.

Петръ, издавна охотно жившій съ иностранцами, не разбирая, оправдывается ли такое отличіе ихъ рожденіемъ или рангомъ, съ удовольствіемъ видѣлся съ молодымъ, благовоспитаннымъ и хорошо образованнымъ Монсомъ, сестеръ котораго монархъ зналъ, находилъ ихъ красивыми, милыми, и любилъ ихъ обхожденіе.

Много времени спустя и лишь послѣ того, какъ Петръ уже женился на Екатеринѣ, стало замѣтно глубокое впечатлѣніе, произведенное чрезвычайно красивымъ лицомъ молодаго Монса на сердце императрицы. Чтобъ поддерживать взаимную склонность, сохраняя всѣ приличія, необходимо было дать фавориту мѣсто при дворѣ, что могло бы, не возбуждая подозрѣнія, приблизить его къ супругѣ императора. Въ этихъ-то видахъ Екатерина такъ устроила, что онъ былъ назначенъ сперва камеръ-юнкеромъ, а потомъ и камергеромъ императрицы. Долгое время Петръ былъ одинъ изъ немногихъ, незнавшихъ тайны. Однажды онъ былъ уже на пути къ открытію этой тайны, именно, когда совѣмъ еще юная царевна Елизавета обратила его вниманіе на большое замѣшательство императрицы и Монса, происшедшее вслѣдствіе его внезапнаго появленія; но государь, голова котораго была занята тогда другими дѣлами, не обратилъ вниманія на болтовню ребенка, и это открытіе не имѣло никакихъ послѣдствій.

Нѣсколько лѣтъ позже, другіе уже вѣроятно обратили на это вниманіе Петра. Вслѣдствіе этого онъ далъ генеральшѣ Балкъ, сестрѣ камергера Монса, затруднительное порученіе наблюдать за ея братомъ и императрицей. Не смотря на то, онъ ничего не могъ открыть и былъ всегда успокоиваемъ. Наконецъ, на 8 ноября 1724 года онъ назначилъ поѣздку въ Шлиссельбургъ и дѣйствительно уѣхалъ, но нѣсколько часовъ спустя былъ уже опять въ Петербургъ и незамѣтно прошелъ во дворецъ ¹⁾ итальянскаго сада на Фонтанкѣ, гдѣ (и встрѣтилъ) Монса. Со свойственною ему горячностью, монархъ тотчасъ же назначилъ нѣсколько предварительныхъ наказаній, по которымъ уже можно было вѣрно заключить о тѣхъ, которыя еще должны послѣдовать.

О генеральшѣ Балкъ, которая тоже была въ комнатѣ, мы говоримъ въ особой статьѣ. Кабинетъ-секретарь и камердинеръ императрицы были арестованы. Но самое жестокое наказаніе постигло несчастнаго Монса. Онъ былъ немедленно арестованъ. Генералъ-маіоръ Ушаковъ, извѣстный уже читателю, былъ тогда президентомъ тайной канцеляріи и потому очень опасный человѣкъ, хотя и не имѣлъ той власти, которою онъ располагалъ при императрицѣ Елизаветѣ. Этотъ человѣкъ еще въ тотъ же вечеръ захватилъ камергера Монса и отвезъ его въ свой домъ, уже тогда устроенный для содержанія арестантовъ. Здѣсь Монсъ пробылъ два дня подъ крѣпкою стражею. 10 ноября его перевезли въ Зимній дворецъ, гдѣ было высшее судилище. Здѣсь его поразилъ ударъ — послѣдствіе жестокаго страха. Слѣдствіе производилось очень быстро и было покрыто, по крайней мѣрѣ вначалѣ, непроницаемою тайною. Въ объявленномъ приговорѣ было указано, что Монсъ и соучастники его допустили себя подкупить, чтобъ извести императора. Ни одинъ человѣкъ не повѣрилъ этому. Нѣкоторые изъ арестованныхъ были биты кнутомъ или сосланы на галеры — наказаніе, тогда впервые введенное въ Россію. Этимъ наказаніямъ подверглась преимущественно женская и мужская прислуга двора, генеральши Балкъ и камергера Монса. Но самое ужасное наказаніе было назначено этому несчастному человѣку. Онъ былъ, 16 ноября, обезглавленъ ²⁾ на глазахъ императрицы, которыя отъ горя закрывались.

Физическая красота достойнаго сожалѣнія Монса была отпечаткомъ его характера. Онъ былъ человѣкъ благородныхъ мыслей, ни-

¹⁾ Дворецъ въ итальянскомъ саду, насколько намъ извѣстно, обращенъ теперь въ воспитательное заведеніе (Екатерининскій институтъ).

²⁾ Онъ былъ обезглавленъ на такъ называемой Петербургской сторонѣ.

кому при дворѣ не вредилъ, но своею услужливостью, добротою и честностью помогаль всѣмъ, кто нуждался въ его помощи.

Съ его смертію не окончились наказанія императрицы. Петръ приказаль положить въ спиртъ отрубленную голову и Екатерина нѣсколько дней должна была смотрѣть на нее. Императоръ отдалъ ее потомъ въ академію наукъ и приказаль сохранить ее въ отдѣльной комнатѣ, вмѣстѣ съ другою головою, которая уже была въ академіи. Это было исполнено съ большою точностью. Головы эти были хорошо сохраняемы наблюдателемъ надъ препаратами; впрочемъ, такъ какъ Екатерина, непонятнымъ образомъ, забыла навѣдываться объ этихъ головахъ, то на нихъ не обращали никакого вниманія.

Наконецъ, 60 лѣтъ спустя, объ нихъ опять вспомнили. Это было въ 1780-хъ годахъ, когда княгиня Дашкова ¹⁾, просматривая, какъ президентъ академіи, счеты, нашла, что слишкомъ много выходитъ спирта. Между прочимъ, она замѣтила, что много спирта назначено для двухъ головъ, сохраняемыхъ въ погребѣ. Она полюбопытствовала и узнала отъ консерватора, что въ погребѣ находится ящикъ, ключъ отъ котораго хранится у него и въ которомъ стоятъ двѣ головы въ спиртѣ. Порылись въ архивѣ и нашли, что Петръ I прислалъ головы фрейлины Гамильтонъ ²⁾ и Монса, приказавъ положить ихъ въ спиртъ и хранить. Княгиня сказала объ этомъ императрицѣ Екатеринѣ II. Головы были принесены и всѣ дивились по нимъ сохранившимся еще остаткамъ прежней красоты. Екатерина II приказала въ погребѣ же и зарыть обѣ эти головы.

Примѣч. переводчика. Виллимъ Ивановичъ Монсъ. Указы Петра В. (Сборникъ, XI, 557); Бумаги Петра В., II, 50, 116, 137, 142, 145, 254; Дипломат. документы (Сборникъ, III, 386, 390); Villebois, 29, 135; Бассевичъ, 255; Рондо, 8; Нащокинъ, 259; Russie, 384, 388; Bericht von der Kaiserin Katharina I (Büsching, XI, 491); Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 12); Карабановъ, II, 479, III, 465; Александровъ, Духовное завѣщаніе Анны Монсъ (Архивъ, 1875, I, 0258); Егоръ Столѣтовъ (Рус. Старина, 1873, VIII, 1); Семейскій, Семейство Монсовъ (Время, 1862, IV и отдѣльное изд. его же труда: „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ“. Спб. 1834 г.). Корсаковъ, А. П. Волинскій (Россія, 1877, I, 96); Семейскій, Фрейлина Гамильтонъ (Отеч. Зап., 1860, IX и отд. изд. книги его же: „Слово и дѣло“. Спб. 1884 г.); Бантышъ-К., Словарь, III, 359; Neumann, IV, 441, 449; Устряловъ, II, 111, III, 187, IV, I, 145; Соловьевъ, XXVIII, 245.

¹⁾ О ней будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ книги.

²⁾ Почти всѣмъ извѣстно изъ № 88 „Анекдотовъ Петра Великаго“ Штелина, что фрейлина Гамильтонъ умертвила свое собственное дитя и за то была обезглавлена; но быть можетъ менѣе извѣстно, что Петръ I былъ отцомъ этого ребенка.

Ср. Разказы про Петра Перваго (Архивъ, 1883, I, 362). В. В.

ХІІІ. КАЙЗЕРЛИНГЪ, РОЖД. МОНСЪ ДЕ-ЛА КРУА.

Г-жа фонъ-Кайзерлингъ, рожд. Монсъ де-ла Круа, была старшею сестрою несчастнаго Монса. Мы помѣщаемъ ее въ число „русскихъ избранниковъ“ потому только, что отъ нея зависѣло вытѣснить изъ дворца Екатерину и раздѣлить съ Петромъ I престоль російской имперіи.

Всѣ согласны въ томъ, что г-жа Кайзерлингъ была образцомъ женскаго совершенства. Съ необыкновенною красотою, признававшеюся всѣми и бывшею какъ бы особенностью фамиліи Монсовъ, соединяла она обворожительный характеръ. Она обладала сантиментальностью, но безъ томленія; была пикантно своенравна, но не упряма; умна, но ея умъ не вредилъ ея сердечной добротѣ; ея серьезный умъ умѣрялся шаловливой шуткой. Всѣ эти преимущества давали ей власть надъ сердцами мужчинъ, для обладанія которыми она никогда не прибѣгала къ истуственнымъ мѣрамъ.

Такія выдающіяся качества не могли ускользнуть отъ проницательнаго взгляда Петра I. Онъ преподнесъ прекрасной барышнѣ свою любовь и встрѣтилъ, что такъ рѣдко случается съ коронованными влюбленными, самый рѣшительный отпоръ. Онъ не отказался, однако, отъ своего намѣренія; напротивъ, еще съ большею горячностью началъ онъ настаивать на достиженіи его. Хотя рожденный въ холодномъ сѣверѣ, этотъ монархъ всегда отдавался любви со всѣмъ жаромъ восточнаго человѣка. Онъ возобновилъ свои предложенія, сопроводилъ ихъ самыми выгодными условіями и, сверхъ того, подарилъ дѣвицѣ Монсъ прекрасный домъ. Все было тщетно. Меншиковъ и Екатерина, бывшая уже тогда при дворѣ, потеряли бы все, еслибъ Монсъ уступила. Меншиковъ употребилъ весь свой умъ, чтобы помѣшать намѣреніямъ Петра. Но, вѣроятно, Меншиковъ долженъ былъ бы склониться предъ горячею страстью своего господина, еслибъ сама твердость дѣвицы Монсъ не посодѣйствовала стремле-

нiяиъ Меншикова и Екатерины. Если ужъ Екатерина, при своей посредственной любезности, могла достигнуть того, что была возведена въ санъ императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что красивая Монсъ своими прекрасными качествами гораздо скорѣе достигла бы этой высокой цѣли. Однако она предпочла судьбу и любимаго ею человѣка, которые, хотя и были гораздо выше рожденiя и ожиданiй дѣвицы, но все же значительно ближе къ ней, чѣмъ тронъ и императоръ. Она въ тайнѣ обручилась съ прусскимъ посланникомъ Кайзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ въ тотъ моментъ, какъ собирался на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ она жаловалась на навязчивость государя. Это несчастное открытiе превратило любовь государя въ гнѣвъ. Онъ отправился на балъ, гдѣ встрѣтилъ красавицу и уже здѣсь, на балѣ, далъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствiя. Больно видѣть, что этотъ великiй человѣкъ, которому такъ охотно прощаешь опрометчивость, былъ настолько мелоченъ, что потребовалъ назадъ подаренный домъ. Чтобы не подвергать свою невѣсту новымъ неприяностямъ, Кайзерлингъ рѣшился немедленно жениться на ней, но въ то же время схватилъ жестокою болѣзнь, которая свела его въ могилу. Уже на смертномъ одрѣ, онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщанiе и женился на красивой Монсъ. Вскорѣ затѣмъ Кайзерлингъ умеръ. Его вдова осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея мужъ, и съ достоинствомъ проживала свои дни вдали отъ двора, въ домашней тиши, погруженная въ воспоминанiя несчастныхъ обстоятельствъ своей жизни, и тамъ же умерла.

Примѣч. переводчика. Анна Ивановна Монсъ. Письма Анны Монсъ (Устряловъ, IV, I, 146; IV, II, 291); Духовное завѣщанiе Анны Монсъ (Архивъ, 1875, I, 0258); Прошенiе фонъ-Миллера (Архивъ, 1875, III, 251); Депеши Кайзерлинга (Рус. Старина, 1872, V, 803); Воронцовъ, XXV, 11; Villebois, 43; Рондо, 8, 140; Дипломат. документы (Сборникъ, XXXIX, 410, 416); Ursachen der Regierungsveränderungen in dem Hause Romanow (Büsching, I, 12); Современники Анны Иоанновны (Рус. Старина, 1878, XXI, 330); Костомаровъ, Царевичъ Алексѣй Петровичъ (Россiя, 1875, I, 33); Соловьевъ, Екатерина Алексѣевна (Россiя, 1877, I, 139); Семейскiй, Семейство Монсовъ («Время», 1862, IV, и отд. изданiе его же книги: «Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Вильгельмъ Монсъ». Спб., 1884 г.); Устряловъ, III, 614; IV, II, 401, 634, 644, 672; Соловьевъ, XVI, 33, 67.

XIV. ВАЛКЪ, РОЖД. МОНСЪ ДЕ-ЛА КРУА.

Г-жа фонъ-Балкъ, самая старшая, кажется, сестра несчастнаго Монса, была красива и любезна; она нравилась Петру I, который долгое время чрезвычайно любилъ ее. Она вышла замужъ за генераль-маіора фонъ Балка, и была обергофмейстериною царевны Екатерины, впоследствии герцогини Мекленбургской. Позже она явилась при дворѣ императрицы. Если она и не стала тотчасъ же возлюбленною императора, то все же старалась провести этого государя въ его частной жизни. Когда Петръ I заподозрилъ свою жену въ благоклонности къ Монсу, онъ поручилъ г-жѣ Балкъ наблюдать за обоими. Но услужливая сестра молчала о томъ, что знала. Вслѣдствіе этого, она, въ злосчастное 8 ноября 1724 года, получила отъ императора чувствительные знаки его неудовольствія. Съ досады она слегла въ постель и только 13 ноября была арестована генераломъ Ушаковымъ. Ея сынъ, бывший уже камергеромъ императрицы, хотя тоже былъ арестованъ, но признанъ невиновнымъ и вскорѣ освобожденъ. Мать была несчастнѣе его. Она была бита кнутомъ и сослана въ Сибирь, гдѣ, кажется, вскорѣ и умерла; по крайней мѣрѣ, надо полагать, что Екатерина, черезъ два же мѣсяца вступившая на престолъ, тотчасъ вызвала бы подругу, ставшую чрезъ нея несчастною.

О потомкахъ г-жи фонъ Балкъ мы говоримъ въ статьѣ о ея супругѣ.

Примѣч переводчика. Матрена Ивановна Монсъ. Письма Петра I (Старина, 1880, XXVIII, 760); Семейскій, Семейство Монсовъ (Время, 1862, IV, и отд. изданіе его же книги: „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ“. Спб. 1884 г., въ 8 д.

В. В.

XV. БАЛКЪ.

Балкъ былъ сынъ нѣмца изъ Москвы, мѣщанскаго происхожденія. Въ молодости онъ вступилъ въ военную службу и достигъ до чина генераль-лейтенанта, который онъ получилъ въ 1715 году. Балкъ умеръ въ царствованіе Петра I и кажется задолго до несчастій, обрушившихся на его семью.

Его жена была, какъ мы видѣли уже въ предыдущей статьѣ, рожденная Мюнсъ.

Сынъ отъ этого брака прозывался Павломъ и былъ воспитанъ въ греческой вѣрѣ. Вмѣстѣ съ своимъ дядей онъ былъ камергеромъ Екатерины, супруги Петра I, и былъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, запутанъ въ несчастіе своей семьи. Молодой Балкъ продолжилъ свой родъ. Онъ оставилъ, если мы не ошибаемся, одного сына и двухъ дочерей. Сынъ его сына занимаетъ еще и теперь важныя должности при русскомъ дворѣ. Его двѣ дочери были Марія Павловна и Матрена Павловна, двѣ дамы, о прелести и любезности которыхъ до сихъ поръ говорятъ старыя придворныя въ Петербургѣ. Марія вышла замужъ за Нарышкина, который умеръ обер-егермейстеромъ. Она была очень богата, жила вдовою очень роскошно и умерла въ 1790-хъ годахъ. Ея сестра Матрена умерла гораздо раньше ея. Она была замужемъ за Салтыковымъ, который въ 1750-хъ годахъ прославился своею красотою и своими любовными похождениями, особенно... при дворѣ. Онъ былъ потомъ посломъ въ Гамбургъ и затѣмъ при другихъ дворахъ.

Примѣч. переводчика. Ѳедоръ Николаевичъ Балкъ. П. С. З., № 18596; Указы Петра I (Сборникъ, XI, 440, 557); Бумаги Петра В., I, 304, 306, 317; II, 30, 41; Камеръ-фурьерскіе журналы, 1737 г., 37; 1739 г., 44; 1744 г., 48. Письма Ѳ. Н. Балка (Рус. Старина, 1872, V, 923); Дипломатич. документы (Сборникъ, III, 389, 402, 429; XXXIX, 62); Щербатовъ, 38, 51; Басевичъ, 256; Порошинъ, 530; Шаховской, 226; Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 178, 418); Bericht von der Kaiserin Catharina I (Büsching, XI, 494); Воронцовъ, II, 642; VI, 321; XV, 97; Catherine, 146; Женска пола персоны въ 1775 году (Старина, 1873, VIII, 96); Финансовыя документы (Сборникъ, XXVIII, 44); Карабановъ, II, 479, 486; III, 469; Егоръ Столѣтовъ (Рус. Старина, 1873, VIII, 1); Наталья Ѳедоровна Лопухина (Старина, 1874, XI, 1); Участники въ дѣлѣ Лопухиной (Старина, 1875, XII, 400); Эйхгольцъ, Дѣды Іоанна Антоновича (Старина, 1875, XIII, 12); Петровъ, Камерфурьерскій журналъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 228); Герье, Кронпринцесса Шарлотта (Вѣстн. Европы, 1872, III, 485); Карабановъ-Долгоруковъ, 145; вн. Лобановъ Ростов., Родослов., 127, Бавтышъ-К., Словарь, I, 81; III, 360; Списки, 180, 203; Hergmann, IV, 441, 449; Устряловъ, IV, II, 470; Сантовъ, 13.

В. В.

XVI. ГЛЮКЪ.

Человѣкъ, едва поднявшійся надъ сферою, въ которую онъ былъ брошенъ случайностью рожденія, имѣвшій права по своимъ дарованіямъ на важнѣйшія мѣста въ государствѣ, которыя не были, однако, ему предоставлены, и умершій при стѣсненныхъ матерьяльныхъ условіяхъ, конечно, не могъ бы быть причисленъ къ избранникамъ, если-бъ не было для того особаго повода. Все дѣло въ томъ, что Глюкъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ Екатериною I и долженъ быть разсматриваемъ какъ шведскій плѣнникъ, котораго судьба привела въ Россію.

Отецъ его, Эрнстъ Глюкъ, былъ въ маленькомъ лифляндскомъ городкѣ пробстомъ, т. е. не болѣе какъ священникомъ, и считался ученымъ человѣкомъ; несомнѣнно, что онъ хорошо зналъ славянскій языкъ, языкъ русской церкви. Это то обстоятельство и было, кажется, причиною, что пробстъ Глюкъ былъ плѣннымъ отъезденъ въ Москву со всею своею семьей, въ которой особенно замѣчательны его сынъ, дочь, молодая Марія, и домашній учитель. Здѣсь, при помощи домашняго учителя, который славился большою ученостію, но о дальнѣйшей судьбѣ котораго намъ ничего не извѣстно, онъ основалъ въ домѣ Нарышкина особое заведеніе, въ которомъ многія книги были переведены на русскій языкъ. Пробстъ Глюкъ, кажется, жилъ только для того, чтобъ увидѣть восхожденіе зари счастья своей воспитанницы.

Его сынъ получилъ очень хорошее воспитаніе. Онъ прославился какъ человѣкъ, обладающій талантами и мягкимъ характеромъ. Но, кажется, боязливость составляла главную черту его характера—слабость, препятствовавшая ему воспользоваться своими полезными способностями. Въ финансовомъ вѣдомствѣ въ Петербургѣ онъ дослужился только до должности совѣтника казначейства, которую онъ

отправлялъ съ примѣрнымъ рвеніемъ. Онъ умеръ, не оставивъ состоянія, и, вѣроятно, въ молодыхъ еще годахъ.

Примѣч. переводчика. Иванъ Эрнестовичъ Глюкъ. Манштейнъ, 305; Замѣчанія на записки Манштейна (Старина, 1879, XXVI, 364); Weber, III, 7; Bericht von der Kaiserin Katharina I (Büsching, XI, 481, 483); Vocke-rodt, Russland unter Peter dem Grossen, Lpzg, 1772, 103; Полѣновъ, Присяга иноземцевъ на русской службѣ при Петрѣ В. (Архивъ, 1869, 1745); Приѣздъ въ Москву пастора Глюка (Чтонія, 1883, III, XII); Эрнестъ Глюкъ (Русскій Инвалидъ, 1855, № 219); Пекарскій, I, 126; II, 56, 217; Евгенийъ, I, 126; Пекарскій, Ист. ак. наукъ, I, XIX; М. Ив. Глюкъ (Архивъ, 1883, III, 55); Бантышъ-К., Словарь, II, 32; Hergmann, IV, 138; Устряловъ, IV, I, 128, 144; Winkelmann, 441; вн. Лобановъ Ростовскій, Родослов., 148, 376.

В. В.

ХVII. ВИЛЬБУА, РОЖД. ВАЛКЪ.

Г-жа фонъ-Вильбуа была дочерью пробста Глюка въ Мариенбургѣ, воспитателя или бывшего хозяина императрицы Екатерины I.

Она была принята ко двору еще при жизни Петра I и была фрейлиною супруги этого государя. Здѣсь женился на ней адмиралъ Вильбуа, по смерти своей первой жены. Позже императрица Елизавета возвела ее въ свои статсъ-дамы.

Объ ея супругѣ говорится въ слѣдующей статьѣ; объ обстоятельстахъ же жизни г-жи фонъ-Вильбуа намъ ничего неизвѣстно.

Примѣч. переводчика. Елизавета Ивановна Вильбуа. Камеръ фурьерскіе журналы, 1744 г., 40; Карабановъ, II, 480.

В. В.

XVIII. ВИЛЬБУА.

Вильбуа былъ французъ, низкаго происхожденія. Мы не могли отыскать по какому случаю прибылъ онъ въ Россію. Вѣроятно, его привезъ Петръ I изъ Голландіи вмѣстѣ съ другими молодыми людьми.

Мы встрѣчаемъ молодаго Вильбуа, прежде всего, на охотѣ этого государя. Петръ I сдѣлалъ его пажемъ и вскорѣ затѣмъ морскимъ офицеромъ. Съ годами онъ быстро повышался по флотской службѣ и умеръ въ большой старости, въ 1758 году, будучи вице-адмираломъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Вильбуа обладалъ горячею кровью и пріятностью своей націи, но, кажется, не отличался ни особыми познаніями, ни заслугами.

Онъ былъ женатъ два раза. Мы не знаемъ, кто была его первая жена; второю была дочь пробста Глюка, о которой говорится въ предыдущей статьѣ.

Отъ обоихъ браковъ онъ оставилъ сыновей. Изъ нихъ замѣчательнѣе для насъ только Александръ Вильбуа, который, какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, сталъ извѣстенъ своею, достойною порицанія, угодливостью во дни восшествія на престолъ Екатерины II. Этотъ человѣкъ имѣлъ во всякомъ случаѣ большія достоинства, но и большія слабости. Онъ былъ уже въ годахъ, когда Екатерина II взопла на престолъ. Тѣмъ не менѣе онъ воображалъ, что можетъ еще нравиться ей, потому что она ему нравилась. Екатерина знала объ его слабости къ ней и извлекла выгоды изъ его глупой склонности. Именно, 28 іюня, когда она изъ гвардейской казармы ѣхала въ Казанскій соборъ, она встрѣтила фельдцейхмейстера Вильбуа, который, при вѣсти о революціи, спѣшилъ въ цейхгаузъ. Императрица приказала остановить его и позвать къ ней. Какъ только Вильбуа, по ея требованію, вступилъ на подножку кареты, чтобы поговорить съ нею, она сдѣлала ему незначительную, льстивую улыбку, которую онъ принялъ, быть можетъ, за ласку. Она этимъ выиграла въ свою пользу человѣка, ко-

торый могъ вѣрною преданностью своему государю уничтожить революцію въ самомъ ея началѣ.

Примѣч. переводчика. Никита Петровичъ Вильбуа. П. С. З., № 11445; Указы Петра I (Осмнадц. вѣкъ, IV, 53, 54); Бумаги Петра В., II, 7, 16, 34, 35, 50, 75; Указы Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 201, 204, 211); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 135; X, 9); Коммисія Уложенія (Сборникъ, IV, 31, 59, 220; VIII, 388); Письма Н. П. Вильбуа (Берхъ, II, 330; Истор. Вѣстн., 1881, V, 937); Mémoires secrets de Villebois, Bruxelles, 1853; Записки Вильбуа (Общезанам. Вѣстн., 1858, II, № 4, 186); Автобіографическія показанія Н. П. Вильбуа (Архивъ, 1867, 1189); Мнѣнія Вильбуа (Blum, I, 144); Письма гр. Шереметева (Старина, 1872, V, 926); Russie, 208; Минихъ, 94; Шаховской, 81; Catherine 76, 154; Rulhière, IV, 379, 425; Вологовъ, I, 428, 436, 547; II, 231; Castera, I, 206, 233, 296; Письмо Екатерины II (Blum, I, 336); Bericht von der Kaiserin Catharina I (Büsching, XI, 483); Воронцовъ, V, 490; Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 7, 202; XVIII, 163; XXII, 36, 255); Карабановъ, II, 480; Реестръ пожалованнымъ (Спб. Вѣд., 1762, № 80); Лонгиновъ, Пособники Екатерины II (Архивъ, 1870, 967; Осмнадц. вѣкъ, III, 350); Соловьевъ, Петръ В. на Каспійскомъ морѣ (Вѣстн. Евр., 1868, II, 178); Пекарскій, Ист. ае. наукъ, I, 509; Бычковъ, Свадьба Петра I съ Екатериною I (Россія, 1877, I, 323); Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 538); Берхъ, II, 328; Соловьевъ, XXV, 9; Бантышъ-К., Списки, 109, 209, 298; Карабановъ-Долгоруковъ, 116, 125, 146; вв. Лобановъ Ростов., Родослов., 139, 148.

В. В.

ХІХ. АЛСУФЬЕВЪ I.

Алсуфьевъ былъ, говорятъ, довольно низкаго происхожденія. Мы встрѣчаемся именемъ не раньше, какъ онъ былъ назначенъ маршаломъ императрицы Екатерины, супруги Петра I. Въ 1722 году этотъ монархъ назначилъ его оберъ-гофмейстеромъ государыни.

Этотъ Алсуфьевъ умеръ въ 1723 году.

Примѣч. переводчика. Матвѣй Дмитріевичъ Олсуфьевъ. Гр. А. В. О., братья Олсуфьевы, беръ-гофмейстеры Петра В. (Архивъ, 1883, III, 1); Записка Лонгинова (Архивъ, 863, 410).

В. В.

XX. ВАСИЛІЙ АЛСУФЬЕВЪ П.

Василій Алсуфьевъ, братъ предыдущаго, былъ маршаломъ императора и былъ также оберъ-гофмаршаломъ въ придворномъ штатѣ этого государя. Въ правленіе Петра II мы встрѣчаемъ его оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Онъ умеръ, кажется, до вступленія на престолъ императрицы Анны.

Его сынъ былъ знаменитый и талантливый статсъ-министръ Адамъ Васильевичъ Алсуфьевъ, умершій въ 1780-хъ годахъ и оставившій, если не ошибаемся, трехъ сыновей въ военной службѣ и двухъ дочерей. Одна изъ нихъ вышла замужъ за князя Николая Голицына, другая—за статскаго совѣтника Кондоиди, служившаго въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ.

Примѣч. переводчика. Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ, 1721 -- 1784. П. С. З., № 11867, 11868, 15783, 18334; Бумаги Петра В., II, 30; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 222, 319, 338, 339; X, 115; XXIII, 178, 282); Письма Екатерины II (Архивъ, 1863, 81; 1870, 547; Старина, 1876, XVI, 43, 45); Спб. Вѣдомости 1764, № 32, 62; Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 89, 138, 203; XVIII, 28, 71; XXXIV, 164); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 47); Шуточное посланіе А. В. Олсуфьева (Архивъ, 1883, II, 69); А. В. Олсуфьевъ, „Евдокія вѣнчанная“, въ 3 дѣйств., Спб., 1751; Коммисія уложенія (Сборникъ, IV, 11, 16; XXXII, 206; XXXIV, 157; XLIII, 6); Воронцовъ, I, 96, 109, 144, 158, 228, 274; II, 235, 257; V, 23, 427; VI, 219, 266, 325; VII, 235, 308, 509; XIII, 50; XXV, 217, 383; Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 42, 60, 231); Письма И. И. Шувалова (Архивъ, 1870, 1401); Письма А. А. Безбородко (Архивъ, 1871, I, 236; Сборникъ, XXVI, 450, 527); Храповицкій, 283; Russie, 128; Похожденія Пишчевича (Чтенія, 1882, II, 356, 357, 362, 364, 380, 388); Позье, 113, 122; Catherine, 93; Шаховской, 159, 161; Порошницъ, 154, 277; Пикарь, XXII, 58; Карабановъ, V, 670; Шутки и потѣхи Петра I (Старина, 1872, V, 884); Лонгиновъ, Сатирич. каталогъ Екатерины II, № 25, (Архивъ, 1871, 2039); Гр. А. В. О., братья Олсуфьевы, оберъ-гофмейстеры Петра В. (Архивъ, 1883, III, 1); По дѣлу Мировича (Кашпиревъ. I, 310); Соловьевъ, Штепцы Петра В. (Русск. Вѣстн., 1861, VII, 49); Олсуфьевъ. Биографія А. В. Олсуфьева (Архивъ, 1870, 1341); Кн. Оболенскій, Историческія замѣчанія (Архивъ, 1865, 989); Лонгиновъ, Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву (Архивъ, 1863, 391); Радищевъ, А. Н. Радищевъ (Старина, 1872, VI, 574); Петровъ, Матерьялы для исторіи акад. художествъ, Спб., 1864, 192; Пекарскій, Ист. акад. наукъ. I, XXXV; Барышниковъ, Изъ семейнаго архива села Витебяти (Архивъ, 1870, 946, 951); Лонгиновъ, Замѣтка (Библиогр. Зап., II, 540); Reimers, I, 85; Бантышъ-К., Списки, 210; Долгоруковъ, IV, 441, 476; Евгеній, I, 38; II, 106; Соловьевъ, XXVI, 17; Сантовъ, 98.

В. В.

XXI. ВАСИЛІЙ.

Не всегда требовались таланты для приобрѣтенія милости Петра I. Добродушіе, привязанность къ нему лично и простота, которой нечего опасаться, служили для него рекомендаціями, которыя онъ никогда не упускалъ изъ вида.

Василій Петровичъ былъ такого низкаго происхожденія, что, подобно многимъ русскимъ крестьянамъ, не имѣлъ даже фамиліи ¹⁾. Онъ вступилъ въ царскую службу пѣвчимъ. Такъ какъ у него было пріятное лицо, то Петръ взялъ его сперва къ себѣ въ слуги, позже въ деньщики или дежурные провозатые, чѣмъ онъ и оставался до смерти этого государя.

Екатерина I возвела его сперва въ камеръ-юнкеры, потомъ въ камергеры. Къ землямъ, полученнымъ имъ уже отъ императора, она присоединила еще нѣсколько помѣстій, такъ что Василій былъ въ очень благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ.

О другихъ обстоятельствахъ его жизни мы ничего не знаемъ.

Василій пользовался большимъ уваженіемъ императора и императрицы.

Примѣч. переводчика. Василій Петровичъ. Дипломатич. документы (Сборникъ, III, 357); Bergholz's Tagebuch (Büsching, XIX, 43); Herrmann, IV, 450. В. В.

¹⁾ Нѣкоторые крестьяне, подобно Василю, имѣютъ только имя, данное имъ при крещеніи; другіе, тоже не имѣющіе фамиліи, принимаютъ фамиліи своихъ господъ. Такъ, между крестьянами встрѣчаются Чернышевы, Салтыковы, Воронцовы. Нѣкоторые же крестьяне имѣютъ свои собственныя фамиліи.

XXII. АЛЕКСѢЙ МАКАРОВЪ.

Алексѣй Макаровъ, сынъ простолюдина, былъ толковый малый, но настолько несвѣдующій, что не умѣлъ даже читать и писать. Кажется, это-то невѣжество Макарова и составило его счастье. Петръ I взялъ его къ себѣ, назвалъ его кабинетъ-секретаремъ и поручалъ ему списываніе секретныхъ бумагъ—работа для Макарова очень утомительная, потому что онъ копировалъ механически. Макаровъ долженъ былъ прочесть несчастному Шафирову смертный приговоръ и потомъ объявить ему помилованіе.

Въ правленіе императрицы Екатерины I Макаровъ сталъ тайнымъ совѣтникомъ.

Петръ II назначилъ его президентомъ коммерцъ-коллегіи.

Макаровъ умеръ, кажется, въ началѣ царствованія Анны.

Еще понижѣ встрѣчаются потомки этого Макарова, занимающіе видныя и важныя должности при русскомъ дворѣ.

Примѣч. переводчика. Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, † 1750. Бумаги Петра В., II, 13, 15, 24, 44, 51, 61, 115, 121; Кн. Оболенскій, Протоколы верховнаго тайнаго совѣта (Библиогр. Зап., I, 722, 724, 726); Реестръ кому ассамблеи держать (Библиогр. Зап., II, 272); Лонгиновъ, Генералитетъ въ 1730 г. (Осмнадц. вѣкъ, III, 172); Письма Макарова (Россія, 1876, I, 198; Сборникъ, XI, 65, 82, 467; Осмнадц. вѣкъ, III, 136, 141, 145); Дипломат. документы (Сборникъ, III, 366, 383, 388, 499; XV, 249; XXXIV, 164, 266; XL, 230; Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 454); Письма М. Д. Олсуфьева (Архивъ 883, III, 52); Бассевичъ, 237, 262, 265; Даниловъ (Архивъ, 1883, II, 52); Записки Теофана Прокоповича (Архивъ, 1870, 1954); Чистовичъ, Теофанъ Прокоповичъ, 561; Документы о воцареніи Анны Иоанновны (Кашпиревъ, I, 5); Голицовъ, Дополн. къ дѣяніямъ Петра В., XVIII, 48; Краткое родословіе дворянъ Макаровыхъ, Спб., 1795; Соловьевъ, Птенцы Петра В. (Русск. Вѣстн., 1861 I, 105; VII, 17); Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, XXV, XXVIII; Бантышъ-К., Словарь, III, 277; Костомаровъ, Екатерина Алексѣевна (Россія, 1877, I, 152; Herrmann, IV, 444, 511; Устряловъ, I, XXXI, Соловьевъ, XVI, 6; XX, 413.

В. В.

XXIII. ШУЛЬЦЪ.

Шульцъ, мастеровой литейнаго завода, родился, какъ мы слышали, въ Брауншвейгѣ. Онъ прибылъ въ Россію, чтобъ попытать счастье, и опредѣлился въ артиллерійское вѣдомство. Благодаря своей ловкости, онъ вскорѣ сталъ офицеромъ. Онъ возвысился въ концѣ концовъ до чина генерала-майора и получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

Шульцъ умеръ въ царствованіе императрицы Елизаветы, въ 1740-хъ годахъ.

Примѣч. переводчика. Списокъ первыхъ пяти классовъ придворныхъ чиновъ, обрѣтающихся въ Санктпетербургѣ (Воронцовъ, VI, 322). В. В.

XXIV. ГЕННИНЪ.

Геннинъ или Геннингъ (хотя обѣ эти формы встрѣчаются, но онѣ принадлежатъ одному и тому же лицу) былъ родомъ изъ Утрехта. Онъ былъ рекомендованъ Петру, какъ искусный литейщикъ, когда государь былъ въ Голландіи. Царь и Лефортъ испытали его, открыли въ немъ способности и ввзяли съ собою въ Россію. Здѣсь онъ былъ опредѣленъ сперва на литейный дворъ, потомъ въ артиллерію. Такъ какъ онъ обладалъ большими способностями въ механикѣ, то, по приказанію императора, долженъ былъ предпринять, въ 1719 году, какъ генералъ-майоръ, путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи. Съ замѣчательнѣйшихъ машинъ, которыя онъ видѣлъ во время своего путешествія, онъ долженъ былъ дѣлать рисунки или заказывать модели. Главная же цѣль его путешествія состояла въ вербовкѣ рудокоповъ, которые должны были явиться въ Россію для разработки ея рудниковъ. Онъ употребилъ два года на это путешествіе. Послѣ этого онъ всегда занимался артиллерійскимъ дѣломъ. Въ 1722 году онъ сталъ генералъ-лейтенантомъ артиллеріи и въ 1731 году—кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Онъ былъ живъ еще въ 1749 году.

Примѣч. переводчика. Виллимъ Ивановичъ Геннинъ, †1748. Указы Петра I (Сборникъ, XI, 470, 471, 539); Бумаги Петра В., II, 94; Письма Геннина (Терещенко, II, 51); Камеръ-фурьерскіе журналы, 1737 г., 37; 1738 г., 32; 1739 г., 44. Дипломат. документы (Сборникъ, III, 386; V, 303); Шетарди, 6; Шаховской, 245; Манштейнъ, 303; Штелинь, Сказанія о Петрѣ В., 1778, 436; Лонгиновъ, Генералитетъ въ 1730 г. (Осмнадц. вѣкъ, III, 164); Любопытный, Библиотека старовѣрческой церкви, Спб. 1829, № 103 (Библиогр. Зап., III, 270); Жизнеописаніе В. И. Геннина (Горный Журн. 1826, № 5); Евгений, I, 160; Бантышъ-К., Словарь, II, 18; Списки, 183; Бѣляевъ, Кабинетъ Петра В., II, 10, 62; Бестужевъ-Рюминъ, В. Н. Татицевъ (Россія, 1875, I, 12, 15, 16); Шебальскій, О Россіи, какою ее оставилъ Петръ (Русск. Вѣстн., 1858, I, 25); Корсаковъ, Судъ надъ кн. Голицынымъ (Россія, 1879, III, 40); Storch, Gemälde des russ. Reiches, Riga, 1797, II, 202, 203; Записки геогр. общества, 1863, № 3; Соловьевъ, XVI, 296; XVII, 345. В. В.

XXV. ДРЕВНИКЪ I.

Природа, неограниченная въ своей красотѣ, единствѣ и разнообразіи, особенно плѣнительна въ своихъ непрерывныхъ измѣненіяхъ. Она никогда не производитъ двухъ существъ, во всемъ другъ съ другомъ схожихъ. Если по внѣшности они и похожи, то по внутреннему складу отличаются другъ отъ друга. Вполнѣ одинаковый внутренній складъ никогда не встрѣчается.

Древникъ былъ, говорятъ, родомъ изъ Данцига, сынъ польскаго дворянина. Къ этому извѣстію о происхожденіи Древника необходимо присоединить другое, по которому онъ происходилъ изъ простонародія. Несомнѣнно только, что Петръ I взялъ къ себѣ его и его брата-близнеца, какъ малыхъ дѣтей не имѣвшихъ уже тогда родителей и не знавшихъ гдѣ преклонить голову, и воспиталъ ихъ. Результатъ былъ различный. Этотъ Древникъ былъ толковый, прилежный и сдѣлалъ большіе успѣхи въ изученіи наукъ. Петръ I взялъ его къ себѣ пажемъ и сдѣлалъ его позже деньщикомъ. Какъ деньщикъ, онъ долженъ былъ неотлучно находиться при государѣ, который часто давалъ ему различныя порученія.

По смерти Петра I онъ постоянно оставался при императрицѣ Екатеринѣ I.

Елизавета даровала ему званіе камергера и подарила ему имѣніе въ Лифляндіи. Онъ тамъ и умеръ въ 1754 году.

Жена его была дочерью кухмистра Фельтона ¹⁾. Но намъ неизвѣстно, оставилъ ли онъ дѣтей ²⁾.

Примѣч. переводчика. Андрей Ивановичъ Древникъ, † 1753. Бумаги Петра В., П, 86, 91, 94, 102, 103, 111, 121, 137; Указы Екатерины I (Осмнадц. вѣкъ, IV, 80); Письмо А. Древника (Воронцовъ, I, 46); Bergholz's Tagebuch (Büsching, XIX, 42); Воронцовъ, I, 48; Штелинь, Сказанія о Петрѣ В., 1778, 439; Herrmann, IV, 449. В. В.

XXVI. ДРЕВНИКЪ П.

Древникъ, близнецъ предыдущаго, былъ такъ похожъ на него по внѣшности, что, для отличія одного брата отъ другого, имъ нашивали на платья особые значки, по которымъ ихъ и узнавали. По способностямъ же онъ вовсе не походилъ на брата. Это былъ тулица. Императрица Екатерина опредѣлила его сперва въ пажи, впоследствии же возвела въ камеръ-юнкеры.

Древникъ умеръ, кажется, въ царствованіе этой же государыни.

XXVII. ДМИТРІЙ ШЕПЕЛЕВЪ.

Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ сынъ русскаго простолюдина. Онъ былъ сперва смазчикомъ придворныхъ каретъ и потомъ поступилъ въ гвардію. Петръ I, замѣтивъ въ немъ, какъ ему казалось, большія способности, сдѣлалъ его, въ 1716 году, своимъ пухтевымъ маршаломъ.

Въ 1728 г. онъ получилъ отъ Петра II орденъ св. Александра Невскаго.

Въ царствованіе императрицы Анны онъ сталъ гофмаршаломъ.

¹⁾ Истор. Вѣстн., 1884, XVII, 610.

В. В.

²⁾ Сборникъ, VII, 349.

В. В.

Елизавета, наконецъ, сдѣлала его оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ ордена св. Андрея.

Онъ умеръ въ 1755 году.

Шепелева всѣ ненавидѣли за его грубость.

Его сынъ, маіоръ гвардіи, на котораго разсчитывали мятежники въ день восшествія на престолъ Екатерины II и который, по ошибкѣ, не явился во-время, первый почувствовалъ на себѣ верховную власть новой императрицы. Онъ былъ арестованъ и уже не скоро могъ опять добиться милости государни.

Сынъ его женился на племянницѣ князя Потемкина - Таврическаго, рожденной Энгельгардтъ. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что молодой Шепелевъ имѣлъ значительный чинъ и немалое состояніе.

Сестра оберъ-гофмаршала Шепелева была женою генераль-фельдмаршала графа Шувалова ¹⁾).

Примѣч. переводчика. Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, 1719 — 1755. А. Г. С. I, ч. 2, 50, 89; Указы Елизаветы Петровны (Старина, 1871, III, 530; Истор. Вѣсти., 1882, IX, 663); Камеръ-фурьерскіе журналы, 1737 г., 37; 1739 г., 44; 1743 г., 38; Прошеніе Д. А. Шепелева (Сборникъ, XI, 551); Порошинъ, 282; Воронцовъ, VI, 319; Штелинь, Сказанія о Петрѣ В., 1778, 464; Шутки и потѣхи Петра I (Старина, 1872, V, 884); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 118; XXVII, 383); Бычковъ, Письма и бумаги Екатерины II, Спб. 1873, 1; Catherine, 96; Письма А. А. Безбородко (Сборникъ, XXVI, 318, 319); Письма дюка де-Лирія (Осмнадц. вѣкъ, III, 59); Лонгиновъ, Генералитетъ въ 1730 г. (Осмнадц. вѣкъ, III, 172); Сочиненія Державина, изд. Грота, IX, 753; Карабановъ, II, 480, 488; Дмоховскій, Забѣтка о родѣ Шепелевыхъ (Архивъ, 1867, 475); Бантышъ-К. Словарь, V, 300; Списки, 97, 180; Кн. Лобановъ Ростовскій, Родослов., 388; Карновичъ, Богатство частныхъ лицъ, 105, 265; Лонгиновъ, Случайные люди (Архивъ, 1865, 438); Книжныя вѣсти (Библиогр. Зап., II, 667); Князя Долгоруковы („Русск. Старина,“ 1878, XXIII, 743); Корсаковъ, Судъ надъ кн. Голицынымъ (Россія, 1879, III, 39); Матерьялы для русскаго индекса (Библиогр. Зап., III, 322); Наталья Ѳеодоровна Лопухина („Русск. Старина,“ 1874, XI, 41); П. А. Шепелевъ („Русск. Старина,“ IV, 390); Reimers, I, 262; Herrmann, IV, 449. В. В.

¹⁾ Графиня Мавра Егоровна Шувалова, рожд. Шепелева (Старина, 1870, I, 303). В. В.

XXVIII. ВИНЦЕНТЬ РАЙЗЕРЪ.

Винцентъ Райзеръ, родомъ изъ шведской Помераніи, обучался въ Грейфсвальдѣ. Онъ занималъ очень мелкія должности по горному вѣдомству въ Швеціи. Во время возгорѣвшейся войны между Швеціею и Россіею, его рекомендовали Петру I для вновь учрежденной бергъ-коллегіи. Какъ этотъ государь, такъ и его преемники съ большою выгодною пользовались услугами Райзера. Онъ умеръ, уже въ глубокой старости, въ 1755 году, будучи вице-президентомъ бергъ-коллегіи.

Райзеръ оставилъ сына, который былъ флигель-адъютантомъ императора Петра III и остался ему преданъ въ день 28-го іюня 1762 г.

Примѣч. переводчика. Викентій Викентіевичъ Райзеръ, † 1755. Присяга иноземцевъ на русской службѣ при Петрѣ В. (Архивъ, 1869, 1754); Инструкція для размноженія рудокопныхъ заводовъ (Сборникъ, XI, 409); Штелинь, Сказаніе о Петрѣ В., 1778, 455; Бантышъ-К., Словарь, IV, 276; Списки, 315. В. В.

XXIX. ИГНАТІЙ ЕЛАЧИНЪ.

Игнатій Федоровичъ Елачинъ былъ изъ русскихъ простолюдиновъ. Онъ принадлежалъ къ молодымъ людямъ, избраннымъ самимъ Петромъ для постройки галеръ. Своею ловкостью онъ возвысился до поста старшаго строителя судовъ и чина бригадира.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ управлялъ всею судостроительною частью.

Онъ умеръ въ 1760 году, въ глубокой старости.

XXX. ИВАНЪ ШЛАТЕРЪ.

Иванъ Шлатеръ родился въ нѣмецкой слободѣ, въ Москвѣ, отъ нѣмецкихъ мѣщанъ. Онъ посвятилъ себя изученію рудокопнаго искусства и сдѣлалъ въ немъ большіе успѣхи. Петръ I далъ ему мѣсто во вновь учрежденной бергъ-коллегіи и, при его помощи, произвелъ многія улучшенія въ плавильныхъ заводахъ и на петербургскомъ монетномъ дворѣ, чѣмъ Шлатеръ и заслужилъ высокія милости монарха.

Всюду, гдѣ только ни употребляли Шлатера императоръ и его преемники, онъ оказывалъ имъ большія услуги. Многія хорошія учрежденія въ монетномъ дѣлѣ заведены еще имъ.

Въ 1764 году мы встрѣчаемъ его въ числѣ лицъ, подписавшихъ смертный приговоръ несчастному Мировичу.

Вскорѣ затѣмъ Шлатеръ умеръ, будучи директоромъ монетнаго двора и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

Онъ былъ авторъ многихъ весьма полезныхъ сочиненій по горному, плавильному и монетному дѣлу.

Примѣч. переводчика. Иванъ Андреевичъ Шлаттеръ, † 1768. Присяга иноземцевъ на русской службѣ при Петрѣ В. (Архивъ, 1869, 1754); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, X, 32); Финансов. документы (Сборникъ XXVIII, 41, 88); Коммисія Уложенія (Сборникъ, XVIII, 203); Шлаттеръ, Историческое описаніе до монетнаго дѣла принадлежащее (Горный Журналъ 1832, VIII, 233); Воронцовъ, VI, 325; Штелинь, Сказанія о Петрѣ В., 1778 464; Евгений, II, 250; Бантышъ-К., Словарь, V, 331; Новиковъ, Опытъ историч. словаря о россійскихъ писателяхъ, 272; Лонгиновъ, Записка (Архивъ, 1863, 424); Reimers, I, 123.

В. В.

XXXI. ФРИДРИХЪ АПЪ.

Ф. Апъ былъ сынъ простолюдина изъ Швеціи. Онъ явился въ Россію искать счастья, гдѣ очень скоро нашелъ себѣ пропитаніе, благодаря чисто писарской способности. Сперва онъ сдѣлался секретаремъ генерала Вейде, получившаго извѣстность умерщвленіемъ царевича Алексѣя. Вейде представилъ его на службу Петра I, который опредѣлилъ его въ почтовое вѣдомство.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ сталъ нѣмецкимъ имперскимъ барономъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и петербургскимъ почтъ-директоромъ.

Онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1771 году, имѣя болѣе 80-ти лѣтъ.

Онъ оставилъ двухъ сыновей. Въ срединѣ 1790-ти годовъ, одинъ изъ нихъ былъ русскимъ рѣзидентомъ въ Варшавѣ, другой—совѣтникомъ медицинской коллегии въ Петербургѣ. Послѣдній былъ живъ еще въ 1804 году.

Примѣч. переводчика. Ѳеодоръ Юрьевичъ Ашъ, † 1771. А. Г. С., I, ч. 1, 796, 798, 809, 811, 812; I, ч. 2, 56; П. С. З., № 19, 647; Спб. Вѣдомости, 1764, № 39; Коммпесія Уложенія (Сборникъ, VIII, 352; XXXII, 45, 91, 279; XXXVI, 151; XLVI, 215); Воронцовъ I, 492; II, 68, 262, 275; IV, 173; VI, 106, 125; VII, 380, 415, 479; XII, 321; XXVIII, 24; Бумаги кн. Н. В. Репнина (Сборникъ, V, 200; XV, 527); Письма гр. Бестужева-Рюмина (Кашпиревъ, I, 391); Письма А. А. Безбородко (Сборникъ, XXVI, 459); Штабъ-докторъ арміи Ашъ (Сборникъ, VII, 330); Позье, 120; Экономъ кадет-корпуса (Архивъ, 1867, 241); Штелинь, Сказанія о Петрѣ В., 1778, 426; Вяземскій, V, 50; Барсуковъ, Узникъ спасо-евфиміевскаго монастыря (Кашпиревъ, III, 1); Лонгиновъ, Замѣтка (Архивъ, 1868, 413); Бантышъ К., Списки, 332; Долгоруковъ, III, 303.

В. В.

XXXII. АВРАМЪ ГАННИВАЛЪ.

Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ былъ мавръ, привезенный, въ качествѣ юнга, Петромъ I изъ Голландіи въ Россію. Петръ окрестилъ его, былъ воспріимнымъ отцемъ и назвалъ его—странное сопоставленіе именъ—Абрамомъ Ганнибаломъ; Петровичемъ онъ назывался потому, что Петръ I былъ крестнымъ его отцемъ. Императоръ приказалъ научить его греческой вѣрѣ и вообще далъ ему хорошее образованіе. Молодой мавръ имѣлъ свѣтлую голову и выказалъ большія способности въ изученіи фортификаціонныхъ наукъ. Онъ былъ чрезвычайно прилеженъ. Онъ временно служилъ въ корпусѣ инженеровъ и мало-по-малу сталъ занимать при всѣхъ послѣдующихъ царствованіяхъ весьма важныя посты. Наконецъ, онъ сталъ генераль-директоромъ корпуса, генераль-лейтенантомъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны. Онъ вышелъ въ отставку, по своему желанію, при Петрѣ III.

Ганнибалъ умеръ въ 1781 году, имѣя 87 лѣтъ.

Онъ былъ женатъ два раза ¹⁾. Говорятъ, будто отъ первой жены рожались все бѣлыя, отъ второй—черныя дѣти.

Одинъ сынъ отъ второй жены жилъ еще въ концѣ 1790-хъ годовъ и былъ отставнымъ генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны.

Примѣч. переводчика. **Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ**, † 1781. Бумаги Петра В., II, 21, 68, 78; А. Г. С. I, 1, 392; Указы Екатерины II (Осмнадцатый вѣкъ, III, 244); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, X, 41; XIII, 153; XXIII, 47; XXVII, 154, 190, 259; XLII, 392); Письмо гр. Бутурлина (Архивъ, 1869, 1767); Воронцовъ, II, 167, 174; VI, 321; VII, 318; Бумаги кн. Н. В. Репнина (Сборникъ, XV, 471); Пикарь, I, 137; Письма И. А. Ганнибала (Бесѣда, 1860, II, 252; Соловьевъ, XIX, 109); Записки Брокера (Архивъ, 1868, 1415); Отамъ Пушнина (Сынъ отечества, 1840, № 7, 468); И. А. Ганнибалъ (Сборникъ, I, 52, 59); Письма Екатерины II („Русск. Старина“, 1876, XVI, 40); Оpatовичъ, Первая жена А. П. Ганнибала („Русск. Старина“, 1877, XVIII, 69); Лонгиновъ, Арапъ Петра В. (Архивъ, 1864, 218); Пекарскій, Имп. акад. наукъ, I, 665; Бантышъ К., Словарь II, 12; Списки, 211, 229, 316; Карбановъ-Долгоруковъ, 195. В. В.

XXXIII. КАРЛЪ СКАВРОНСКІЙ.

Карлъ, крестьянинъ безъ фамиліи, родомъ изъ Литвы, былъ братъ императрицы Екатерины I. Съ того дня, какъ мать напомнила этой государынѣ объ ея дочернихъ обязанностяхъ, она, съ разрѣшенія императора, стала заботиться о своихъ родственникахъ. Бѣольшая часть ихъ, какъ мы видѣли, поселилась въ Линневарденѣ; но братъ императрицы или оставался въ Литвѣ, или опять туда переселился, и тамъ женился. Графъ Салтѣга получилъ отъ Екатерины приказаніе заботиться объ ея родственникахъ въ Литвѣ. Они получали достаточно, чтобъ жить съ бѣольшими удобствами, чѣмъ жили ихъ односельчане, но не столь много, чтобъ обратить на себя вниманіе особенною роскошью.

Въ концѣ 1726 года, когда рѣшенія Екатерины не подчинялись уже болѣе волѣ ея супруга, сознававшего (??) всю неловкость своего брачнаго союза, прибылъ въ Петербургъ Карлъ съ своею женою,

¹⁾ Первая жена Евдокія Андреевна, вторая—Христина Шебергъ.

двумя дочерьми и тремя сыновьями. Въ началѣ его называли Икаворонскій, вслѣдствіе, вѣроятно, искаженія фамиліи Скавронскій, которая была ему дана и которую онъ сохранилъ. Неизвѣстно, кому первому пришла на мысль эта польская фамилія, но полагають, что ее предложилъ графъ Сапѣга.

Графъ Карль Скавронскій получилъ великолѣпный домъ ¹⁾ въ Петербургѣ. Домовое убранство было роскошно, какъ у знатныхъ людей. Чтобъ поддерживать подобную пышность, графу Скавронскому не только были предоставлены значительные доходы съ капиталовъ, но онъ получилъ столь обширныя земли, что и по настоящее время богатство рода Скавронскихъ причисляется къ самымъ значительнымъ въ російской имперіи, а этимъ уже много сказано, такъ какъ въ Европѣ мало странъ, гдѣ высшее дворянство было бы такъ богато, какъ въ Россіи. Къ этому надо прибавить еще драгоцѣнности и дорогія одѣянія. Такіе неумѣренно-роскошные подарки, полученные Скавронскимъ, его сестрами и всею фамиліей, возбуждали зависть націи. Начали разузнавать и открыли настоящее положеніе этого избранника. Неудовольствіе придворныхъ по этому поводу было такъ всеобщее, такъ велико и такъ раздражительно, что надо было даже (какъ унизительна была эта мѣра для Екатерины!) подъ страхомъ казни запретить доискиваться происхожденія этой государыни и произносить неучтивыя рѣчи. Но это-то запрещеніе и было побудительнымъ мотивомъ, что различные слухи наталкивали на настоящій слѣдъ. Между тѣмъ неудовольствіе вельможъ при дворѣ стало мало по-малу стихать, когда увидѣли, что эти избранники не занимають сколько нибудь важныхъ мѣстъ въ государствѣ, которыя они, впрочемъ, и не могли бы занимать по своему крайнему невѣжеству.

Карль Скавронскій, напр., хотя и братъ императрицы, былъ насколько намъ извѣстно, только камергеръ и не получилъ никакой болѣе придворной должности и ни одного ордена.

Мы не можемъ указать съ точностію время его смерти; но мы слышали, что онъ умеръ еще въ царствованіе Петра II, оставаясь исповѣдникомъ католической религіи.

О супругѣ графа Скавронскаго говорится въ особой статьѣ. Онъ

¹⁾ Этотъ домъ существуетъ еще и теперь (1811 г.) Главный фасадъ дома выходитъ на Неву, задній—на Милліонную. Насупротивъ бокового фасада находится боковой же фасадъ Мраморнаго дворца. Этотъ домъ имѣетъ оригинальную особенность—на углу четырехугольную вышку съ окнами на всѣ четыре стороны. Комнаты въ нижнемъ этажѣ занималъ нѣкогда послѣдній польскій король, какъ секретарь англійскаго посольства.

привезъ съ собою въ Россію трехъ сыновей и двухъ дочерей. Здѣсь у него родилась еще одна дочь. Всѣ дѣти по большей части исповѣдовали греческую вѣру. Сыновья его назывались Иванъ, Мартынъ и Антонъ.

Изъ нихъ только Мартынъ продолжилъ родъ. Въ 1748 году онъ былъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, полученнаго имъ въ 1744 г. отъ императрицы Елизаветы. Въ 1764 г. онъ подписалъ смертный приговоръ несчастнаго Мировича. Болѣе намъ ничего неизвѣстно о жизни этого графа Скавронскаго. Его жена была статсъ-дамою императрицъ Елизаветы и Екатерины II, и жила еще въ 1799 году.

Сынъ его умеръ въ довольно молодыхъ годахъ, будучи посланникомъ въ Неаполѣ, гдѣ онъ жилъ съ царскою пышностію. Даваемые имъ праздники были обыкновенно столь-же роскошны и великолѣпны, какъ и праздники королевскаго двора. Его вдова, рожденная Энгельгардтъ, племянница и любимица князя Потемкина и статсъ-дама императрицы, вышла замужъ—конечно, единственный примѣръ подобнаго рода—за командора малтійскаго ордена, графа Литта, въ то время, когда Павелъ I сдѣлался гротмейстеромъ ордена. Этотъ графъ Скавронскій оставилъ нѣсколько сыновей.

Дочери стараго графа Скавронскаго назывались Софія, Анна и Екатерина.

Софія Карловна, какъ только пріѣхала въ Петербургъ, стала придворной дамою своей тетки, императрицы Екатерины I. Она вскорѣ вышла замужъ за графа Петра Сапѣгу, о которомъ мы уже говорили. Императрица, обязанная ему благодарностію за разысканіе ея родственниковъ, пожаловала ему въ 1726 г. орденъ св. Александра Невскаго. Сапѣга, одинъ изъ первыхъ магнатовъ Польши, считалъ за честь жениться на крестьянкѣ, бывшей племянницею російской императрицы. Софія имѣла много дѣтей и умерла католичкой.

Анна Карловна вышла замужъ за графа Михаила Воронцова, умершаго великимъ канцлеромъ. Она была статсъ-дамою императрицъ Елизаветы и Екатерины II и кавалерственною дамою ордена св. Екатерины. Эта графиня Воронцова ¹⁾ была прелестная женщина, но любила выпить. Ея единственная дочь была замужемъ за здравствующимъ еще (1810 г.) старымъ графомъ Строгоновымъ, съ которымъ она была очень счастлива. Она умерла, какъ подозрѣваютъ, отъ яда, даннаго ей однимъ придворнымъ.

¹⁾ Она жила и умерла въ великолѣпномъ домѣ, въ кварталѣ литейнаго двора, въ которомъ жилъ, въ 1780-хъ годахъ, нынѣшній король вюртембергскій, бывшій принцомъ. Объ ея супругѣ говорится въ статьѣ о Лестоки.

Екатерина Карловна родилась, когда ея родители были уже въ Россіи и при дворѣ. Она была замужемъ за прекраснымъ человѣкомъ, барономъ Корфомъ, который былъ посланъ въ Киль за великимъ княземъ Петромъ и который сталъ извѣстенъ по несчастной исторіи низложеннаго императора Ивана Антоновича. Были-ли у него дѣти, мы не знаемъ. Фамилія Корфовъ сохранилась еще въ Лифляндіи и Курляндіи и многія здравствующія еще лица этой фамиліи происходятъ, быть можетъ, отъ этой Екатерины Карловны.

Примѣч. переводчика. Карлъ Самойловичъ Скавронскій. П. С. З. № 19647; Указъ Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, IV, 206); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 215, 331, 337, 349, 415); Дипломат. документы (Сборникъ, III, 422, 457; XVIII, 7); Бумаги кн. Репнина (Сборникъ, XVI, 348, 548); Воронцовъ, I, 17, 24; IV, 461; V, 137; VI, 320; VII, 650; IX, 270; XIII, 47, 372; XX, 271); Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 328; XXXII, 172, 290, XLIII, 6); Письма М. Скавронской (Воронцовъ, I, 31); Письма Екатерины II (Старина, 1875, XIV, 444); Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1399, 1401); Лонгиновъ, Сатирич. каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039); Villebois, 87, 145; Щербатовъ, 101; Нащокинъ, 132; Зиновьевъ, 235, 399, 412; Виже-Лебренъ, 192; Гарновскій, XV, 252, 689; Catherine, 302; Письма графа Сегюра (Истор. Вѣстн., 1880, III, 194); Сочиненія Державина, изд. Грота, IX, 732; Карабановъ, II, 470, 472, 485, 491, 492; Пиваръ, I, 135, 147; XXII, 44, 46; Anecdotes von der Kaiserin Katharina (Büsching, III, 192); Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 214; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 316; Е. К. Корфъ (Болотовъ, I, 727); М. Скавронскій, называвшій себя императоромъ (Пекарскій, Бумаги Арсеньева, 108); Бороздинъ, Опытъ родословія Скавронскихъ, Спб. 1841; Л., А. К. Воронцова (Старина, 1877, XX, 176); Бантышъ-К., Словарь, V, 60, 63; Списки, 108, 197; Негтманн, VII, 641; Карабановъ-Долгоруковъ, 149, 159; Лобановъ-Ростовскій, Родосл. книга, 62; Сантовъ, 121.

В. В.

XXXIV. СКАВРОНСКАЯ.

Графиня Скавронская, супруга графа Карла Скавронскаго, брата императрицы Екатерины I, съ которымъ она и прибыла въ Петербургъ въ 1726 году, была крестьянкою изъ Литвы. Она была извѣстна пьянствомъ и необузданными излишествами.... Годъ ея смерти намъ неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что она умерла, будучи римско-католической вѣры.

Объ ея супругѣ и объ ихъ дѣтяхъ говорилось въ предыдущей статьѣ.

XXXV. ХРИСТИАНА ГЕНДРИКОВА.

Христиана, сестра императрицы Екатерины I, вышла замужъ еще на родинѣ за крестьянина изъ Литвы, по имени Семенъ Генрихъ. Съ нимъ она прибыла въ Россію. О немъ и объ ихъ дѣтяхъ говорится въ слѣдующей статьѣ. Она осталась вѣрна ученію католической вѣры.

XXXVI. СИМОНЪ ГЕНДРИКОВЪ.

Симонъ Генрихъ, крестьянинъ изъ Великой Литвы, женился на Христинѣ, сестрѣ императрицы Екатерины I. Уже въ 1725 году онъ прибылъ въ Петербургъ съ своею женою и дѣтьми, и былъ первымъ родственникомъ государыни, котораго увидѣли въ Петербургѣ. Такъ какъ у него не было фамиліи, то ее сдѣлали изъ его второго имени, Гейнрихъ или Генрихъ, нѣсколько измѣнивъ его и придавъ русское окончаніе, и такимъ образомъ произошла фамилія Гендриковъ. Чтобъ придать дѣлу нѣкоторое значеніе, онъ и его семья были возведены въ графское достоинство.

Такъ какъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣлъ никакихъ познаній, то ему нельзя было поручить никакого поста, сопряженнаго съ трудомъ. Онъ былъ только камергеръ и не получилъ никакого ордена, но получилъ помѣстья и въ большомъ количествѣ мелкіе земельные участки и богатства. Графъ Гендриковъ, какъ всѣ крестьяне въ Литвѣ, былъ и остался католикомъ.

Отъ своей жены онъ оставилъ двухъ сыновей и двухъ дочерей, которые были воспитаны въ греческой вѣрѣ.

Сыновья назывались Андрей ¹⁾ и Иванъ ²⁾. Андрей былъ камергеромъ и получилъ въ 1744 году орденъ св. Александра Невского. Онъ умеръ въ 1748 году ³⁾. Иванъ былъ тоже камергеромъ и въ

¹⁾ Андрей Симоновичъ былъ женатъ на Аннѣ Артемьевнѣ Волинской.
В. В.

²⁾ Иванъ Симоновичъ, 1719—1778, шефъ-кавалергардовъ, генералъ-аншефъ.
В. В.

³⁾ Графъ Александръ Андреевичъ Гендриковъ, род. въ 1773 г. Савтовъ, 32.
В. В.

1748 году получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1764 году онъ подписалъ, вмѣстѣ съ другими членами чрезвычайной комиссіи, смертный приговоръ несчастному Мировичу. Иванъ продолжилъ свой родъ ¹⁾ и былъ живъ еще въ 1770 году. Въ Россіи встрѣчаются еще графы Гендриковы. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за графа Минниха, внука генераль-фельдмаршала, и жила еще въ 1790-хъ годахъ.

Дочери графа Ивана были: Марія и Марфа или Марта. Марія вышла замужъ за бывшаго впоследствии обергофмейстеромъ императрицы Елизаветы, Чоглокова, который ей особенно нравился. О немъ говорится въ особой статьѣ. Марфа родилась въ Россіи. Она была замужемъ за русскимъ, Сефановымъ ²⁾, о которомъ мы ровно ничего не знаемъ.

Примѣч. переводчика. Симонъ Леонтьевичъ Гендриковъ. Бумаги Екатерины (Сборникъ, VII, 117, 129; XLII, 297); Финансовые документы (Сборникъ, XXVIII, 45, 120); Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1401); Письма Воронцова (Архивъ, 1870, 1409); Воронцовъ, VI, 322; VII, 346; Catherine, 85; Бассевичъ, 117; Щербатовъ, 101; Порошинъ, 17; Anecdotes von der Kaiserin Catharina I (Büsching, III, 192); Сочиненія Державина, изд. Грота, IX, 635; Карабановъ, 488, 490; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ (Осмвадд. вѣкъ, II, 467, 481); Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 214; Бантышъ-К., Списки, 197, 202, 291; Долгоруковъ, II, 145; Карабановъ-Долгоруковъ, 147, 148. В. В.

XXXVII. АННА ЕФИМОВСКАЯ.

Анна, крестьянка изъ Литвы, была второю сестрою императрицы Екатерины I. Она явилась въ Россію, будучи уже замужемъ за польскимъ крестьяниномъ, прозывавшимся Ефимомъ. О немъ говорится въ слѣдующей статьѣ, гдѣ сообщены и нѣкоторыя извѣстія объ ихъ дѣтяхъ.

Она умерла, какъ и ея сестра, Гендрикова, католичкою.

¹⁾ Екатерина Ивановна была замужемъ за графомъ Апраксинимъ; Марія Ивановна умерла малолѣтнею; Дмитрій Ивановичъ умеръ малолѣтнимъ. Сафоновъ, 32. В. В.

²⁾ Генераль-поручикъ Михаилъ Ивановичъ Сафоновъ. Лонгиновъ. Записка о М. И. Сафоновѣ (Архивъ, 1863, 417). В. В.

XXXVIII. МИХАИЛЪ ЕФИМОВСКІЙ.

Михаилъ Іоакимъ былъ крестьянинъ изъ Великой Польши, женившійся еще въ Литвѣ на Аннѣ, сестрѣ императрицы Екатерины I. Въ концѣ 1725 года, послѣ многихъ затрудненій со стороны своего помѣщика, онъ, благодаря хитрости, убѣждалъ изъ Польши и прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Такъ какъ онъ, подобно своему зятю Гендрикову, не имѣлъ фамиліи, то второе имя, полученное имъ при крещеніи, перевели на русскій языкъ, прибавили русско-польское окончаніе и, такимъ образомъ, изъ Іоакимъ или Ефимъ составилаь фамилія Ефимовскій. Этого крестьянина возвели въ графское достоинство и сдѣлали его каморгеромъ. Впрочемъ, онъ не получилъ никакихъ знаковъ отличія и никакой должности; капиталовъ-же и имѣній онъ получилъ не менѣе, чѣмъ Гендриковъ. Просто невѣроятно, какія суммы пораздавала Екатерина I своимъ братьямъ и сестрамъ. Графъ Ефимовскій не перемѣнилъ своей католической вѣры и умеръ въ ней.

Отъ своей жены онъ прижилъ четырехъ сыновей, воспитанныхъ въ греческой вѣрѣ. Они назывались Осипъ, Иванъ ¹⁾, Яковъ и Андрей ²⁾. Одинъ изъ нихъ былъ генераль-майоръ; въ 1745 году онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго и въ 1748 году умеръ. Другой былъ великокняжескій гофмаршалъ и съ 1748 года кавалеръ ордена св. Александра Невскаго. Графы Ефимовскіе встрѣчаются еще въ Россіи.

Дочь одного изъ четырехъ сыновей графа Михаила Ефимовскаго, слѣдовательно, его внука ³⁾, была замужемъ за графомъ Минихомъ, внукомъ знаменитаго генераль-фельдмаршала и брата мужа ея кузины Гендриковой. Она еще жила въ концѣ 1790-хъ годовъ.

Примѣч. переводчика. Михаилъ Ефимовичъ Ефимовскій. Записки Екатерины объ Ефимовскихъ (Архивъ, 1864, 407); Письма Екатерины (Осмнадц. вѣкъ, I, 146, 155; Архивъ, 1872, 234; „Русск. Стар.“, 1875, XIV, 444); Письма Ефимовскихъ (Воронцовъ, I, 37); Воронцовъ, I, 128, 343, 358; II, 320, 327, 334; IV, 218, 273, 463; V, 75; Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1401); Шербацовъ, 101; Карабановъ, IV, 382; Архангельскія Губернскія Вѣд., 1876, № 12; Бороздинъ, Опытъ историч. родословія гр. Ефимовскихъ, Спб. 1841; Карповичъ, Богатства частныхъ людей, 214; Саятовъ, 49, Бантышъ-К., Списки, 198, 202, 291; Долгоруковъ, II, 144.

¹⁾ Иванъ Михайловичъ, 1715—1748.

В. В.

²⁾ Андрей Михайловичъ, 1716—1767, былъ женатъ на Марьѣ Павловнѣ Ягужинской.

В. В.

³⁾ Анна Андреевна Ефимовская была замужемъ за Христианомъ Сергѣевичемъ Минихомъ.

В. В.

XXXIX. ГЕНРИХЪ ФИКЪ.

Генрихъ Фикъ былъ шведъ и происходилъ изъ низшаго слоя народа. Онъ добился благоволенія русскаго правительства благодаря тому, что въ происходившихъ тогда безпорядкахъ былъ шпиономъ въ Швеціи и измѣнникомъ своего отечества. Фикъ вступилъ потомъ въ русскую службу и сталъ секретаремъ князя Меншикова. Здѣсь-то пожалъ онъ награду за свои безчестныя дѣйствія. Онъ получилъ значительныя денежныя суммы и обширное имѣніе въ приходѣ Обер-Палень, въ Лифляндіи. Петръ I опредѣлялъ его въ камер-коллегію и сдѣлалъ придворнымъ совѣтникомъ, но не могъ поручить ему болѣе важныхъ дѣлъ, что уже не говорить въ пользу Фика.

Въ царствованіе Екатерины I онъ былъ назначенъ вице-президентомъ комерц-коллегіи, въ благодарность за то, что его стараніями (вѣроятно, въ ущербъ подданнымъ) ежегодный доходъ съ пошлинъ увеличился на 200,000 рублей. Онъ сохранилъ это мѣсто и свой кредитъ также въ царствованіе Петра II, такъ какъ имѣлъ осторожность, послѣ паденія князя Меншикова, пристать къ фамиліи Долгорукихъ. Но въ царствованіе императрицы Анны онъ, вмѣстѣ съ фамиліею Долгорукихъ, потерпѣлъ крушеніе и былъ сосланъ въ Сибирь, не будучи даже допрошенъ. Его преступленіе заключалось въ томъ, что онъ согласился на составленную совѣтомъ капитуляцію Анны и легкомысленно говорилъ о Биронѣ. Хотя императрица Елизавета и возвратила его изъ ссылки, но ужъ онъ не былъ принятъ на службу, чего онъ, по отзыву всѣхъ, его знавшихъ, дѣйствительно и не былъ достоинъ.

Фикъ умеръ въ 1751 году, въ своемъ лифляндскомъ имѣніи. Онъ имѣлъ, какъ говорятъ, не только дурное сердце, но и ничего болѣе, какъ весьма обыкновенный умъ и коварство шпиона.

Намъ неизвѣстно имя его жены. У него была только одна дочь вышедшая за майора Лау и имѣвшая двухъ дочерей.

Прекрасное имѣніе, замокъ Обер-Палень, не осталось въ семьѣ Фиковъ, которые затѣяли по поводу его процессъ. Въ 1790-хъ годахъ это имѣніе, если мы не ошибаемся, было куплено дворянской фамиліей Бокъ за 200.000 рублей.

Примѣч. переводчика. Генрихъ Ивановичъ фонъ-Фикъ, † 1751. Указъ Петра I (Сборникъ, XI, 364); Присяга казаковъ, принятыхъ въ русскую службу при Петрѣ I (Архивъ, 1869, 1736); Генералитетъ въ 1730 году (Осмнадцатый вѣкъ, III, 170), Дипломат. документы (Сборникъ, III, 456; V, 425, 445; VI, 484; XV, 355; XXXIV, 333); Манштейнъ, 37; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, XXIV, 200; Судьба кн. Долгорукихъ (Кашпиревъ, I, 155); Вейдемейеръ, Обзоръ, I, 131.

В. В.

XL. ЭРНСТЪ ИВАНЪ ВИРОНЪ.

Необыкновенная судьба даетъ право на выдающееся мѣсто въ лѣтописяхъ человѣчества. Муза исторіи находитъ свое любезнѣйшее занятіе въ разсказѣ происшествій необыкновенныхъ людей, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ народа, единственно своими способностями достигшихъ почти до трона и ознаменовавшихъ свое существованіе славными дѣлами и мудрыми на пользу подданныхъ стремленіями. Но она исполняется печали, когда ей приходится отмѣчать судьбу такого человѣка, который, не обладая ни великими качествами, ни истинными заслугами, поднялся изъ грязи до высшихъ ступеней въ государствѣ и забылъ о своемъ происхожденіи; который съ гордостью и презрѣніемъ обходится съ лицами, имѣющими по своему рожденію и по заслугамъ всѣ права на его власть и на его значеніе; который никогда не дѣлаетъ другихъ счастливыми; у котораго чувство человѣчности служитъ только источникомъ кровавой жестокости и несправедливости; словомъ, память котораго ненавидима и современниками, и потомствомъ. Клію не можетъ отказаться и отъ подобныхъ задачъ, и должна находить свое успокоеніе въ сознаніи строгаго исполненія своихъ обязанностей.

Подробное описаніе жизни Бирона нельзя искать въ книгѣ, имѣющей цѣлью представить очерки главныхъ происшествій въ жизни нѣкоторыхъ избранниковъ. Разсказъ о томъ, что Биронъ дѣлалъ или чего онъ не долженъ былъ дѣлать, не входитъ въ нашъ планъ и принадлежитъ къ исторіи императрицы Анны Ивановны и императора Ивана Антоновича и входитъ въ лѣтопись герцогства Курляндскаго.

Извѣстныя міру свѣдѣнія о фамиліи Бирона восходятъ до его дѣда, который былъ, около половины XVII вѣка, конюхомъ герцога Якова III курляндскаго. Сына этого конюха называли Карломъ; онъ родился въ февралѣ 1653 г. Уже этотъ Биронъ сдѣлалъ, сравнительно съ своимъ происхожденіемъ, значительную карьеру. Онъ изучилъ охоту и занималъ впослѣдствіи значительную должность въ герцогскомъ лѣсномъ вѣдомствѣ. Этимъ онъ былъ поставленъ въ возмож-

ность не только вести въ нѣкоторомъ родѣ удобную жизнь, но и открыть своимъ тремъ сыновьямъ перспективы на такую карьеру, которая была гораздо важнѣе той, которую онъ самъ прошелъ. Дурно понятое честолюбіе побудило Бирона принять чинъ польскаго поручика — почти незамѣтное повышение, котораго онъ могъ легко достигъ, вслѣдствіе обѣщанія своего государя, одного изъ послѣднихъ герцоговъ Курляндіи изъ дома Кетлера. Возрастающее значеніе его второго сына при дворѣ овдовѣвшей герцогини Анны Курляндской, позже императрицы российской, было сигналомъ къ счастливой перемѣнѣ судьбы всей фамиліи Бироновъ. Тогда-то отецъ и трое его сыновей очень удачно измѣнили свою фамилію и изъ Биреновъ (Bühren) назвались Биронами (Biron). вмѣстѣ съ тѣмъ они приняли и гербъ этой знаменитой во Франціи фамиліи ¹⁾. Мы не могли доискаться, были-ли возведены въ графское достоинство также отецъ и средній его сынъ. Но было необходимо дать ему болѣе высшій чинъ, и Фридрихъ Августъ I, желая угодить императрицѣ, сдѣлалъ его генералъ-лейтенантомъ, хотя и безъ мѣста. Впрочемъ, Биронъ-отецъ имѣлъ скромность не показываться при дворѣ. Онъ жилъ въ Курляндіи, въ помѣстьяхъ, которыми онъ обязанъ щедрости императрицы, и умеръ тамъ-же въ 1734 г. О его женѣ мы знаемъ только, что она родилась въ 1661 году; мы не знаемъ даже ея фамиліи. У нея были сыновья: Карлъ, Эрнстъ-Иванъ и Густавъ. О всѣхъ трехъ скажемъ особо.

Эрнстъ Иванъ Биронъ, второй сынъ Карла Бирона, родился 12 ноября 1690 года. Онъ и его братья получили въ домѣ отца довольно посредственное воспитаніе. Чтобы восполнить его до нѣкоторой степени, Эрнстъ Биронъ, хотя и мало подготовленный, стправился въ Кенигсбергъ, чтобы тамъ, какъ говорится, штудировать. Выйдя изъ университета, онъ отправился въ Петербургъ. Онъ хотѣлъ отыскать себѣ мѣсто въ Петербургѣ, но не нашелъ такого, которымъ могло-бы удовлетвориться его честолюбіе. Рассказываютъ даже, будто онъ просился въ камеръ-юнкеры при дворѣ царевича, сына Петра I, но ему было отказано въ этомъ мѣстѣ съ презрительнымъ замѣчаніемъ, что онъ слишкомъ низкаго происхожденія. Этотъ рассказъ мало вѣроятенъ. Биронъ долженъ былъ, конечно, слышать, что такія мѣста при дворахъ, которыя непосредственно приближаютъ къ принцамъ, не даются обыкновенно всѣмъ, предлагающимъ свои услуги и не имѣющимъ ни имени, ни какихъ-либо правъ на нихъ, и что

¹⁾ Замѣчанія на Записки Манштейна („Русская Старина“, 1879, XXVI, 376).

хотя въ то время въ Россіи чувствовался недостатокъ въ дѣловыхъ людяхъ, все таки при замѣщеніи придворныхъ должностей не были въ такомъ затрудненіи, чтобъ обратить на него вниманіе. Если же Биронъ, дѣйствительно, имѣлъ глупость претендовать на мѣсто камер-юнкера при дворѣ наслѣдника русскаго престола, то приведенный отвѣтъ былъ совершенно натураленъ.

Такъ какъ мы не знаемъ, когда именно произошло измѣненіе фамиліи Бюренъ на Биронъ, то, быть можетъ, можно принять, что прежде чѣмъ отправиться въ Россію Эрнстъ Иванъ присвоилъ себѣ знаменитую фамилію Биронъ.

Послѣ неудавшейся попытки въ Петербургѣ, Эрнстъ Иванъ возвратился въ Митаву, гдѣ его предложенія имѣли бѣльшій успѣхъ. Овдовѣвшая герцогиня Анна Курляндская назначила его, около 1720 года, своимъ камеръ-юнкеромъ. Такъ какъ онъ былъ очень красивъ, то она вскорѣ избрала его въ свои любимцы и весьма приблизила его къ себѣ, каковое сближеніе было расторгнуто только смертью этой государыни. Во все время своей жизни она соблюдала въ своей частной жизни строгое приличіе. По ея настоянію, Биронъ долженъ былъ жениться. Уже исполненіе этого плана герцогини, какъ мы увидимъ ниже, было сопряжено съ большими затрудненіями; но еще труднѣе было исполнить ея желаніе о принятіи Бирона въ число мѣстныхъ дворянъ — желаніе, котораго Биронъ всячески добивался. Пока Анна и онъ были въ Курляндіи, онъ не могъ этого достигнуть и высокое во всемъ остальномъ значеніе герцогини должно было въ этомъ уступить стойкости, съ которою курляндское дворянство защищало свои права. Позже, когда Анна вступила на русскій престолъ, курляндское дворянство раскаялось въ своемъ упрямствѣ; оно измѣнило свое поведеніе и выказало противоположный характеръ. Дворянство было стойко, пока полагало, что ему нечего бояться; теперь же оно само предложило Бирону дворянскія права и онъ былъ настолько любезенъ, что принялъ это предложеніе.

Въ 1726 г., живя еще въ Курляндіи, Анна и Биронъ ѣздили въ Россію, гдѣ тогда царствовала Екатерина I. Главнымъ поводомъ путешествія были частныя дѣла герцогини, которыя князь Меншиковъ старался запутать. Благодаря добрымъ совѣтамъ Бирона, эта поѣздка была для Анны весьма удачна. Впрочемъ, герцогиня не долго оставалась при русскомъ дворѣ; малое вниманіе, оказанное Бирону, обусловило поспѣшный отъѣздъ ея въ Курляндію. Кто могъ тогда думать, что этотъ человѣкъ въ этомъ же городѣ, гдѣ теперь къ нему относились равнодушно и то только изъ уваженія къ герцо-

гинѣ, будетъ вскорѣ развивать свой мстительный деспотизмъ! Однако, это такъ и случилось.

Въ 1730 году Анна была избрана въ императрицы Россіи, и Биронъ тотчасъ же достигъ высшихъ почестей. Онъ началъ съ того, что сдѣлался камергеромъ; вскорѣ затѣмъ нѣмецкій императоръ возвелъ его въ графское достоинство; потомъ онъ сталъ обер-камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея. За этимъ послѣдовали знаки отличія отъ различныхъ дворовъ, бывшихъ въ союзѣ съ русскимъ.

Только теперь сдѣлался Биронъ извѣстенъ Европѣ и главѣ дома, фамилію котораго онъ присвоилъ себѣ; герцогъ Биронъ написалъ псевдо-Бирону и просилъ его увѣдомить, какимъ образомъ онъ имѣетъ честь находиться въ родствѣ съ нимъ. Русскій Биронъ понялъ насмѣшливый тонъ этого запроса и вышелъ изъ затрудненія, вовсе не отвѣчая на письмо. Но всѣ, казалось, сговорились поработать своею низостью на увеличеніе гордыни этого человѣка. Послѣ того, какъ Эрнстъ Иванъ насильно сталъ герцогомъ Курляндіи, герцогъ Биронъ прислалъ въ Россію кавалера своего маленькаго двора съ поздравленіемъ своего родственника.

Въ Курляндіи Биронъ и его жена всегда жили въ одномъ домѣ съ герцогиней. Въ Россіи было то-же самое. Онъ и его семья переѣхали вмѣстѣ съ императрицей, въ день восшествія ея на престолъ въ императорскій дворецъ и жили во дворцѣ, пока была жива императрица.

При такой обстановкѣ любимецъ могъ, не возбуждая подозрѣнія, сперва раздѣлить заботы управленія съ своею государынею, а затѣмъ незамѣтно прибрать ихъ въ свои руки. Это вполне согласовалось съ желаніями императрицы, которая вскорѣ предоставила всю верховную власть своему любимцу. Не многіе государи имѣли такое счастье, какъ Анна, видѣть себя окруженною столькими великими людьми: Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Ягужинскій, Голицынъ ¹⁾, Трубецкой, Левенвольде—какія колоссальныя фигуры среди государственныхъ мужей того времени! и тѣмъ не менѣе они не были въ силахъ оказать тѣхъ услугъ, какія хотѣли и могли, потому что Биронъ часто парализовалъ ихъ дѣйствіе. Лѣтописи царствованія императрицы Анны представляютъ въ то же время исторію жестокости и несправедливости Би-

¹⁾ Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ былъ ученикъ Петра I, который чрезвычайно цѣнилъ его. Онъ оказалъ этому государю и его преемникамъ важныя услуги въ морскомъ дѣлѣ. Голицынъ умеръ въ 1760 году, въ глубокой старости, будучи генераль-адмираломъ и начальникомъ адмиралтействъ-коллегіи. Объ остальныхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ говорится или въ особыхъ статьяхъ, или въ примѣчаніяхъ.

рона. Только изрѣдка эти явленія прерываются добрыми, полезными и мудрыми распоряженіями. Его разрушительный деспотизмъ возбудилъ, наконецъ, такое неудовольствіе, что въ 1738 и 1739 г. готово было вспыхнуть возстаніе противъ императрицы и Бирона. Противъ него были составлены формальные обвинительные пункты, которые, во всякомъ случаѣ, были довольно основательны. Склонность императрицы къ Бирону, ея снисхожденіе ко всѣмъ его дѣйствіямъ, безъ разбора, были, конечно, въ большомъ противорѣчій съ ея обязанностями государыни и во многихъ отношеніяхъ были вредны въ различныхъ отрасляхъ управленія, такъ какъ Биронъ злоупотреблялъ добротою своей государыни и, подъ ея авторитетомъ, но по большей части безъ ея вѣдома или, по крайней мѣрѣ, подъ видомъ кажущейся справедливости, царилъ безправно и произвольно. Извѣстіе о предстоящемъ возстаніи было получено во время и взрывъ предупреденъ. Въ наказаніи мнимаго возстанія Биронъ нашелъ новую пищу для удовлетворенія своей жажды къ звѣрству и корысти. Его власть въ Россіи достигла высшей степени. Его богатство росло ежедневно, его доходы были велики, его пышность спорила съ царскою и, сверхъ того, въ его рукахъ были всѣ средства къ обогащенію. Въ денежныхъ дѣлахъ онъ пользовался услугами придворнаго еврея Липмана ¹⁾, съ которымъ онъ дѣлилъ барыши, сообща получаемыя при помощи монополій и другихъ утѣсненій торговли. Его владѣнія въ Россіи были очень велики и были еще увеличены за предѣлами Россіи имѣніемъ Вартенбергъ въ Силезіи. Но наибольшей приростъ его владѣній оказался въ приобрѣтеніи герцогства Курляндскаго. Приобрѣтя такимъ образомъ небольшія верховныя права, онъ достигъ наивысшаго ранга среди русскихъ государственныхъ сановниковъ.

Подкупамъ и интригами русскій дворъ довелъ дѣло до того, что въ 1737 г., когда вымеръ родъ Кетлера, курляндскіе дворяне сочли за честь избрать въ герцоги того, котораго они десять лѣтъ назадъ не пожелали признать даже только равнымъ себѣ. Въ 1739 году новый герцогъ получилъ инвеституру на свою землю, чрезъ депутацію, въ Варшавѣ, у трона короля. Въ іюлѣ того же года германскій императоръ, по собственному побужденію, прислалъ герцогу дипломъ на пожалованный ему титулъ свѣтлѣйшаго. Гордый Биронъ долго не отвѣчалъ императору, находя, что этотъ дипломъ долженъ былъ быть изготовленъ гораздо ранѣе.

Въ концѣ октября 1740 года умерла Анна. Своимъ рѣшител-

¹⁾ Шетарди, 52.

нымъ вліяніемъ на всѣ поступки этой государыни герцогъ сдумѣлъ такъ устроить, что она на смертномъ одрѣ назначила его регентомъ Россіи во время несовершеннолѣтія юнаго императора Ивана Антоновича. По смерти императрицы Биронъ вступилъ въ управленіе регентствомъ. Это была послѣдняя вспышка потухавшаго огня. Онъ получилъ титулъ высочества, давалъ и подписывалъ отъ имени императора нѣкоторыя даренія членамъ императорской фамиліи, распоряженія о милостяхъ и другіе документы, обнародуемые обыкновенно при началѣ новаго царствованія. Почти ежедневно онъ арестовывалъ людей, которыхъ считалъ подозрительными, и тѣмъ въ конецъ возбуждалъ къ себѣ общую ненависть. Ему помѣшали сдѣлать что-либо болѣе. Черезъ три недѣли онъ потерялъ все. Великая княгиня Анна, мать императора, возбудила революцію, которую привелъ въ исполненіе генераль-фельдмаршалъ Минихъ ¹⁾ съ своимъ генераль-адъютантомъ, знаменитымъ писателемъ Манштейномъ.

Извѣстенъ анекдотъ, будто вечеромъ, наканунѣ возмущенія, Минихъ находился у герцога-регента; будто регентъ, сердитый и разсѣянный, какимъ онъ былъ въ этотъ вечеръ, не зналъ о чемъ говорить и спросилъ фельдмаршала, случалось-ли ему когда-нибудь ночью приводить въ исполненіе смѣлый и великій планъ; будто Минихъ, полагая изъ этого вопроса, что ему измѣнили, готовъ уже былъ броситься къ ногамъ регента и во всемъ сознаться, но имѣлъ, однако, присутствіе духа настолько, чтобъ сдержаться и выждать, не скажетъ-ли регентъ еще какого-либо выраженія, изъ чего можно было бы заключить, что онъ знаетъ или догадывается о судьбѣ, готовящейся ему къ разсвѣту наступающаго дня, и будто, наконецъ, Минихъ, вполне успокоенный на этотъ счетъ, оставилъ герцога-регента съ твердымъ намѣреніемъ черезъ нѣсколько же часовъ показать ему, какъ должно вести себя, если желаешь исполнить ночью смѣлый планъ.

Въ разказѣ этого замѣчательнаго событія мы слѣдуемъ донесенію ²⁾ подполковника и адъютанта Манштейна на французскомъ языкѣ: «Въ послѣднее воскресенье, приходившееся на 9 ноября стараго стиля или 20 новаго, его превосходительство генераль-фельдмаршалъ графъ Минихъ позвалъ меня къ себѣ рано утромъ, въ 3 часа, чтобъ съ нимъ выйти. Когда я явился къ е. пр—ству, мы

¹⁾ Письмо гр. Б. Х. Миниха къ кн. А. Д. Кантемиру („Русск. Старина“, 1877, XVIII, 454); Записки на записки Манштейна („Русск. Старина“, 1879, XXVI, 574). В. В.

²⁾ Это донесеніе написано дурнымъ языкомъ.

пошли въ Зимній дворецъ къ е. и. высочеству цесаревнѣ. Генераль-фельдмаршалъ, сказавъ ей, что явился, чтобъ получить отъ нея послѣднія повелѣнія, приказалъ мнѣ созвать офицеровъ стражи. Они явились и е. и. в. со слезами на глазахъ сказала имъ, что они, конечно, понимаютъ, какъ герцогъ-регентъ обходится съ императоромъ, съ нею и ея супругомъ; что регентъ выказываетъ относительно ея такъ много злой воли, что имѣеть, какъ можно думать, намѣреніе захватить императорскій тронъ. Чтобъ предупредить это несчастіе, она приказываетъ офицерамъ исполнить распоряженія генерала-фельдмаршала и арестовать регента. Всѣ тотчасъ же единогласно дали свое согласіе, не раздумывая ни минуты. Тотчасъ же е. пр—ство генераль-фельдмаршалъ обратился ко мнѣ и заявилъ, что имѣеть полное ко мнѣ довѣріе, что я поступлю какъ честный человекъ и какъ вѣрный слуга е. и. в. Послѣ того, какъ мы дали царевнѣ увѣреніе нашей преданности, она позволила намъ поцѣловать ея руку и обняла всѣхъ, сколько насъ было. Мы спустились по лѣстницѣ, и когда нашъ несравненный начальникъ поставилъ подъ ружье солдатъ, бывшихъ на часахъ, онъ объявилъ имъ повелѣніе е. и. в., и они изъявили полную готовность повиноваться. Мы тотчасъ же пошли съ 40 избранными людьми въ Лѣтній дворецъ¹⁾, съ ангеломъ-хранителемъ во главѣ. Когда мы находились отъ караула Лѣтнаго дворца шагахъ приблизительно въ двухъ стахъ, е. пр—ство послалъ меня заявить караульнымъ офицерамъ, чтобъ они вышли для полученія извѣстія чрезвычайной важности. Они безъ затрудненія послѣдовали за мною и, когда генераль-фельдмаршалъ передалъ имъ приказаніе е. и. в., они всѣ единодушно вызвались повиноваться. Затѣмъ я былъ посланъ съ 12 солдатами, съ которыми я, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, дошелъ до спальни. Я вошелъ, отдернулъ пологъ кровати и громко спросилъ: «Гдѣ регентъ?» Герцогиня, первая увидавшая меня, начала кричать. Онъ же вскочилъ съ постели на полъ и закричалъ: «стража!» Я бросился на него и держалъ его, пока не пришли въ комнату гренадеры, которыхъ я привелъ съ собою. Они схватили его, и такъ какъ онъ хотѣлъ вырваться, билъ ихъ кулаками и ногами и кричалъ во всю глотку, то они заткнули ему ротъ носовымъ платкомъ и отнесли въ пріемную, гдѣ были вынуждены связать ему руки. Я посадилъ его въ карету генераль-фельдмаршала и рядомъ съ нимъ одного караульнаго офицера. Солдаты окружали карету; генераль-фельдмаршалъ шелъ впереди и такимъ образомъ плѣнникъ былъ доставленъ въ Зимній дворецъ». Манштейнъ говоритъ далѣе: «Тотчасъ же

¹⁾ Дворца этого не существуетъ уже болѣе.

караулъ былъ поставленъ подъ ружье и созванъ великій совѣтъ, т. е. сенатъ, синодъ и генералы. Не было ни единой души въ Петербургѣ, которая не выказала бы большой радости по поводу этого событія. Послѣ полудня герцогъ, герцогиня, принцъ Карлъ и принцессы были отправлены въ Шлиссельбургъ, въ крѣпость. Принцъ Петръ остался здѣсь, такъ какъ былъ еще болѣнъ». Наконецъ, Манштейнъ заключаетъ такъ: «Вчера, 10-го, появился указъ, которымъ повелѣвается учинить присягу на вѣрность императору и великой княгинѣ Аннѣ, его матери, какъ регентшѣ имперіи въ его малолѣтство, что затѣмъ всѣ полки и каждый въ отдѣльности исполнили съ радостью, будучи убѣждены, что царевна, обладающая такими рѣдкими достоинствами и такими выдающимися способностями, осчастливить всѣхъ во время своего управленія. Поведеніе герцога-регента должно было привести его къ паденію, такъ какъ онъ съ самаго начала своего управленія не щадилъ императорской фамиліи. Онъ сказалъ великой княгинѣ, что если она выкажетъ малѣйшее неудовольствіе, то онъ вышлетъ ее въ Германію и призоветъ герцога Голштинскаго. Онъ лишилъ герцога Вольфенбютельскаго всѣхъ его должностей и запретилъ ему показываться публично».

Таково донесеніе Манштейна, который въ оцѣнкѣ Бирона оказывается, во всякомъ случаѣ, пристрастнымъ. Хотя поступки Бирона были въ теченіи десяти лѣтъ вполне преступны, все же и враги его должны согласиться, что приведенныя здѣсь обвиненія по большей части неосновательны. Единственную причину этой революціи должно искать въ томъ, что Аннѣ хотѣлось царствовать. Однако, она не имѣла къ тому ни малѣйшей способности. Она была несвѣдуща, сладокрастна и въ высшей степени безпечна—недостатки, которые не могли быть возмѣщены у нея, какъ регентши, молодостью и красотою. Въ ея склонности къ управленію она была поддерживаема графомъ Минихомъ, его гордостью, мстительностью и страстью къ возможно большому вліянію. Точчасъ же были посланы курьеры въ Москву, чтобъ арестовать старшаго брата Бирона, и въ Ригу, для заарестованія губернатора и генералъ-лейтенанта Бисмарка ¹⁾, женатаго на сестрѣ герцогини Биронъ ²⁾. Въ Петербургѣ, равнымъ обра-

¹⁾ Кромя приведеннаго здѣсь обстоятельства мы не знаемъ ровно ничего о Бисмаркѣ. Въ 1742 году онъ возвратился изъ ссылки съ братьями Биронами.

Авт.

²⁾ Бнязь А. Голицынъ, Бисмаркъ на русской службѣ (Архивъ, 1867, 904). Манштейнъ, 139, 202, 209, 249; Воронцовъ, V, 482, 491; VII, 296, 350; Чтенія, 1862, I, 146, 1871, III, 49; Шетарди, 6, 12, 193; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 482; Соловьевъ, XX, 423; XXI, 45.

В. В.

зомъ, были арестованы всѣ, считавшіеся креатурами Бирона, какъ, напримѣръ, тайный совѣтникъ Бестужевъ ¹⁾).

Какъ только Биронъ былъ заточенъ, начали конфисковать его движимое и недвижимое имущество. Драгоценности, найденныя въ его дворцѣ, достигали по цѣнѣ 14-ти милліоновъ рублей. Между прочимъ, тамъ находился туалетъ изъ чистаго золота, украшенный драгоценными камнями. Кажется страннымъ, что при всемъ этомъ Биронъ могъ имѣть до 300.000 рублей долга.

Всѣ герцогскія вещи въ Митавѣ, Либавѣ и Виндавѣ были опечатаны. Чтобы сдѣлать что-либо болѣе, необходимо было получить сперва разрѣшеніе Фридриха Августа II, который, какъ главный ленный владѣтель Курляндіи, вступился за герцога. Но такъ какъ Биронъ находился собственно въ русской службѣ и теперь разсматривался какъ государственный преступникъ, то король ничего не могъ для него сдѣлать. Изъ дружбы къ русскому двору король согласился также на секвестръ герцогскихъ аллодіальныхъ земель въ Курляндіи и отдалъ необходимыя для этого приказанія мѣстнымъ старшимъ совѣтникамъ или министрамъ. Въ то же время, король не преминулъ просить объ освобожденіи своего вассала. Минихъ и Остерманъ были тѣ два лица, къ которымъ слѣдовало обращаться, если хотѣли въ то время получить что либо отъ Россіи. Минихъ отвѣчалъ:

«Обманы и несправедливости Бирона были столь велики, что его нельзя освободить безъ наказанія; ежедневно открываются новыя его преступленія. Король ничего отъ этого не потеряетъ; дружба и высокое уваженіе великой княгини-регентши къ Фридриху Августу II глубоко вкоренены; союзная система дрезденскаго и петербургскаго дворовъ остается тою-же; Биронъ не можетъ вновь вступить во владѣніе герцогствомъ курляндскимъ, такъ какъ онъ есть государственный преступникъ; поэтому король представитъ важное доказательство своего располо-

¹⁾ Алексѣй Бестужевъ Рюминъ, изъ англійской фамиліи, родился въ Россіи. Онъ сперва вступилъ въ англійскую службу, потомъ къ Петру I. При немъ и при его преемникахъ онъ былъ посломъ, вице-канцлеромъ и великимъ канцлеромъ. Къ счастью человечества немного такихъ злыхъ людей, какъ онъ. Онъ возбудилъ заговоръ противъ великаго князя Петра, а самъ сталъ жертвою этого заговора. Елизавета сослала его въ его помѣстье. Петръ III не возвратилъ его, но Екатерина II сдѣлала демонстрацію изъ своей благодарности за его мнѣнія, ей благопріятныя. Она вызвала его, не дала ему никакой должности, но пенсію въ 20,000 рублей. Онъ умеръ въ 1768 г., имѣя 78 лѣтъ.

женія къ русскому двору, если пожелаетъ дать свое согласіе на избраніе новаго герцога въ лицѣ принца Брауншвейгскаго¹⁾.

Остерманъ, по обыкновенію, отвѣчалъ фразами, ничего не значущими.

Ожидали, что уже въ мартѣ 1741 года состоится окончательный приговоръ надъ Бирономъ; но составленная противъ него комиссія была только еще усилена новыми членами и отправлена въ Шлиссельбургъ для производства допроса. Туда же былъ отвезенъ и Бестужевъ, замѣшанный въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, чтобъ подвергнуться допросу вмѣстѣ съ Бирономъ.

Наконецъ, въ маѣ 1741 г. былъ обнародованъ приговоръ надъ бывшимъ герцогомъ-регентомъ; три воскресенья подрядъ приговоръ этотъ читали народу въ церквахъ. Биронъ былъ осужденъ на смертную казнь; регентша даровала ему жизнь, но онъ долженъ былъ отправиться въ Сибирь на вѣчное заточеніе. Его будущее пребываніе должно было быть въ Пелымѣ. Этотъ маленькій городокъ, имѣвшій тогда до 60 плохихъ домишекъ, лежитъ въ 600 верстахъ за Тобольскомъ, главнымъ городомъ Сибири. Еще задолго до него туда былъ посланъ опытный архитекторъ, чтобъ выстроить небольшое, деревянное, обнесенное высокимъ тыномъ, зданіе, чертежъ котораго былъ составленъ самимъ Минихомъ. Несчастный Минихъ и не подозрѣвалъ тогда, что его враги будутъ настолько жестоки, что вскорѣ заставятъ его жить въ этомъ самомъ домѣ!

Здоровье Бирона сильно пострадало отъ этихъ потрясеній. Ему была, однако, оказываема всевозможная помощь и, вообще, какъ его, такъ и его семью содержали хорошо. Когда онъ поправился, были приняты мѣры къ отъѣзду его въ Сибирь. По обѣщанію регентши, Биронъ долженъ былъ въ послѣдствіи поселиться въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ климатъ Пелыма очень суровъ; но теперь онъ долженъ былъ всетаки ѣхать въ Пелымъ и оставаться тамъ. Для надзора за нимъ былъ назначенъ офицеръ лейбъ-гвардіи, который смѣнялся ежегодно. Несчастному герцогу и его семьѣ было опредѣлено приличное вознагражденіе. Ему былъ данъ нѣмецъ, евангелическій пасторъ, равно какъ и хирургъ, имѣвшій несчастье незадолго предъ тѣмъ убитъ рус-

¹⁾ Вѣроятно, Минихъ имѣлъ въ виду принца Лудвига, который находился тогда въ Петербургѣ, предполагая жениться на Елизаветѣ. Постѣ революціи, произведенной этою царевною, онъ отправился въ Голландію, гдѣ его вскорѣ всѣ стали ненавидѣть и презирать. Онъ былъ очень толстъ и голландцы прозвали его брауншвейгскимъ чудовищемъ (monstrum). Онъ долженъ былъ покинуть Голландію и отправился въ Веймаръ, гдѣ и умеръ.

скаго офицера и получившій жизнь, которой онъ долженъ былъ лишиться, только подь условіемъ сопровождать герцога.

Съ этого момента жизнь Бирона, въ теченіи 20 лѣтъ, теряетъ всякій интересъ. Миннихъ, способствовавшій его несчастію, смѣнилъ Бирона въ Пелымѣ. Когда Биронъ былъ вызванъ оттуда, а Миннихъ присланъ туда, оба эти замѣчательные мужи встрѣтились на столбовой дорогѣ. Оба посмотрѣли пристально другъ на друга и разошлись, не выдавъ ни единымъ взглядомъ волновавшихъ ихъ чувствъ. Герцогъ всегда говорилъ, что царевна Елизавета освободить его изъ заточенія. По восшествіи на престолъ, она вспомнила о немъ и одно изъ первыхъ ея распоряженій касалось освобожденія семьи Бирона. Однако, при дворѣ этой государыни были люди, имѣвшіе причины не желать возвращенія герцога. Елизавета, легко поддававшаяся вліянію другихъ, отиѣнила свое распоряженіе и приказала семьѣ Бирона, выѣхавшей уже изъ Пелыма, отправиться въ Ярославль. Это—главный городъ провинціи того же названія, достигшій тогдашняго своего цвѣтущаго состоянія, которое было гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь, во время управленія герцога государствомъ. До конца царствованія императрицы Елизаветы семья Бирона жила въ Ярославлѣ, пользуясь извѣстною свободою и даже благосостояніемъ, такъ какъ ей были предоставлены доходы съ ея аллодіальныхъ владѣній въ Курляндіи.

Петръ III, по собственному побужденію, вызвалъ Бирона. Съ 1750-хъ годовъ Фридрихъ Августъ II не ходатайствовалъ болѣе объ освобожденіи плѣнника. Елизавета, желая избавиться отъ безпрестанныхъ отрицательныхъ отвѣтовъ, разъ навсегда объявила за себя и за своихъ преемниковъ, что Биронъ никогда не будетъ освобожденъ, тѣмъ менѣе возстановленъ во владѣніи герцогствомъ Курляндскимъ. По собственному почину Елизаветы Курляндія была предоставлена принцу Карлу Саксонскому и Польскому. Теперь явилась какая-то смѣсь благотворительности и несправедливости, уничтожившая все это. Когда Биронъ впервые предсталъ предъ императоромъ, онъ бросился къ его ногамъ, благодарилъ за дарованную свободу и просилъ не оставить его и впредь своими милостями. Петръ III поднялъ его и сказалъ: «хотя вы и не можете сдѣлаться опять герцогомъ Курляндіи, я желаю все таки вознаградить васъ такъ, чтобъ вы могли быть довольны». Это заявленіе звучало весьма благородно, но смыслъ его не былъ такимъ. Хотя Биронъ не могъ получить Курляндію, все-же настоящій законный владѣтель этой земли былъ изгнанъ изъ нея Саксонскій домъ и особенно принцъ Карлъ были ненавистны императору по частнымъ причинамъ, заслуживающимъ порицанія. Импе-

раторъ хотѣлъ теперь выказать свою ненависть, насильно отнять землю у герцога Карла и отдать ее одному изъ своихъ голштинскихъ родственниковъ. Разсказъ о намѣреніяхъ императора относительно Бирона не входитъ въ нашу задачу. Эти намѣренія остались, сверхъ того, только въ проектѣ. Въ краткое царствованіе Петра III Биронъ оставался въ Петербургѣ и жилъ въ домѣ своего зятя, барона Черкасова. Здѣсь, при дворѣ императора, гдѣ вновь свидѣлись столь многія лица, составившія несчастіе другъ друга, здѣсь встрѣтились также Биронъ и Минихъ. Чувствованія всѣхъ этихъ лицъ, особенно-же этихъ двухъ сановниковъ, раскрыли бы, если-бъ были извѣстны, психологамъ много новыхъ, неизвѣстныхъ еще, складокъ человѣческаго сердца. Когда Биронъ и Минихъ свидѣлись въ первый разъ при дворѣ, императоръ сказалъ, обращаясь къ нимъ:

— «А, вотъ два старые добрые друга — они должны чокнуться».

Онъ приказалъ подать вина, самъ налилъ и подалъ каждому стаканъ. Въ этотъ моментъ вошелъ въ комнату Гудовичъ и сказалъ что-то императору на-ухо (узнано, что это былъ отдаленный намекъ, чтобъ обратить вниманіе императора на будущую революцію, которому онъ не придалъ значенія). Петръ III вышелъ и долго не возвращался. Едва императоръ удалился, Биронъ и Минихъ оглянули другъ друга строгимъ взглядомъ подавленной мести и однимъ движеніемъ оба поставили стаканы на столъ и повернулись спиною другъ къ другу. Императоръ возвратился, но, по счастью, забылъ о примиреніи — едва-ли Биронъ и Минихъ могли бы сдержать при этой сценѣ свои лица, которыя выдали бы волновавшія ихъ чувства.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала извѣстная революція 1762 года. Даже и послѣ своего изгнанія и при полномъ сознаніи своего безсилія, Биронъ все таки остался палачомъ въ душѣ и сказалъ по поводу переворота 1762 года: «если-бъ Петръ III вѣшалъ, рубилъ головы и колесовалъ, онъ остался бы императоромъ». Взглядъ Бирона можетъ быть и вѣренъ, но примѣненіе его было бы ужасно для русскаго народа.

Перемѣна правленія была весьма счастлива для Бирона. Екатерина II не чувствовала такой склонности къ голштинскому дому, какъ Петръ III, но вполне раздѣляла съ своимъ супругомъ ненависть къ саксонскому дому. Не обращая вниманія на оскорбленное чувство отца и на нарушеніе верховныхъ правъ леннаго владѣтеля, она написала Фридриху Августу II письмо, которое останется на всегда образцомъ коварной и неловкой насмѣшки. Она говорила ему, что спѣшитъ удовлетворить великодушное и столь часто повторявшееся ходатайство короля за герцога Бирона Курляндскаго и ожидаетъ

только согласія его, какъ сюзерена, чтобъ возстановить Бирона въ его герцогствѣ. О принцѣ Карлѣ, законномъ герцогѣ Курляндіи, она не упомянула ни единымъ словомъ. Соединенныя представленія короля и курляндскихъ чиновъ ничего не помогли. Карлъ былъ до того стѣсненъ въ Митавѣ, что долженъ былъ бѣжать, чтобъ не попасть въ плѣнъ. Фридрихъ Августъ II, желавшій избѣжать дальнѣйшихъ усложненій, былъ настолько податливъ, что предоставилъ разрѣшеніе вопроса самой императрицѣ. Вскорѣ затѣмъ, въ 1763 году, Биронъ былъ силою возстановленъ въ Курляндіи. Въ томъ же 1763 году умеръ король и его преемникъ Станиславъ Понятовскій утвердилъ, въ 1764 году, возстановленіе Бирона герцогомъ Курляндіи. Съ этого времени герцогъ постоянно оставался въ своей землѣ и правилъ ею съ такою строгостью, что жалобы его подданныхъ раздавались все громче. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ передалъ управленіе своему старшему сыну.

Биронъ умеръ въ Митавѣ, въ концѣ 1772 года, будучи 82 лѣтъ; русскій дворъ оказалъ ту честь его памяти, что наложилъ, въ январѣ 1773 года, восьмидневный трауръ по немъ.

Биронъ обладалъ умомъ и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда въ Россіи, хорошо зналъ російскую имперію. Сверхъ того, онъ обладалъ вообще способностями управленія и способствовалъ тому, что правленіе императрицы Анны считалось однимъ изъ самыхъ славныхъ царствованій ея вѣка. Впрочемъ, извѣстно, что онъ получилъ очень посредственное образованіе; онъ даже не говорилъ по французски. Моральныхъ качествъ въ немъ вовсе не было. По характеру онъ любилъ роскошь, былъ властолюбивъ, честолюбивъ, неучтивъ, корыстолюбивъ, злопамятенъ и жестокъ.

Мы знаемъ уже, что Эрнстъ Иванъ Биронъ женился нѣкогда въ Курляндіи. Этотъ бракъ былъ заключенъ по желанію герцогини Анны, чтобъ менѣе подозрѣвали его фаворитизмъ. Биронъ очень хлопоталъ, чтобъ найти себѣ невѣсту, но богатые курляндскіе дворяне сильно затруднялись принять въ свою семью челоуѣка безъ имени. Наконецъ, одинъ дворянинъ согласился на это. Это былъ Вильгельмъ фонъ-Трота, прозванный Трейденомъ, челоуѣкъ очень хорошей фамилии, но находившійся въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ выдалъ за Бирона свою дочь. Она называлась Бенигна Готлиба ¹⁾; родилась 4 октября 1703 года и вышла замужъ за Бирона въ 1722 году. Намъ неизвѣстны душевныя качества герцогини;

¹⁾ Бенигна Готлиба, 1703—1783. Ширяевъ, Б. Г. Биронъ («Русская Старина», 1874, XI, 772).
В. В.

мы знаемъ только, что она была невыносимо горда, выказывала большую привязанность къ своему мужу, умѣла съ покорностью переносить его капризы и даже смягчать его гнѣвъ. Время ея смерти намъ неизвѣстно.

Виронъ оставилъ двухъ сыновей и одну дочь, жизни которыхъ мы желали бы коснуться только слегка.

Петръ ¹⁾ родился 4 января 1724 года. Многія лица петербургскаго двора утверждали, что слышали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, будто Петръ былъ сынъ Эрнста Ивана, но не отъ мнимой его матери, Бенигны Готлибы... Говорили даже, будто черты лица Петра напоминали его мать. Петръ получилъ въ Россіи весьма хорошее для тогдашняго времени образованіе. При ссылкѣ отца онъ остался въ Петербургѣ, такъ какъ страдалъ лихорадкой. Поправившись, онъ долженъ былъ раздѣлить часть своего отца. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ возведенъ Петромъ III въ генералъ-маіора кавалеріи. Въ концѣ 1760-хъ годовъ отецъ передалъ ему управленіе Курляндіей. Потому-ли, что чины были вначалѣ недовольны его отцомъ или-же впоследствии, по другимъ причинамъ, имѣли поводъ быть недовольны имъ лично, но извѣстно только, что время его правленія было весьма бурное. Виною этого было, по большей части, непомѣрное корыстолюбіе герцога. Онъ собралъ несмѣтныя богатства и, какъ бы предугадывая свое несчастіе, купилъ много земель въ Чехіи и въ Прусскомъ государствѣ. Чтобы имѣть возможность дѣйствовать по своей волѣ, онъ оказывалъ покровительство, раздавалъ подарки и деньги придворнымъ и министрамъ въ Россіи, которые, однако, не помогли ему. Наконецъ, неудовольствіе вышло наружу. Депутація отъ курляндскихъ чиновъ отправилась въ Петербургъ и Екатерина II, оставя въ сторонѣ справедливость и раздраженная тѣмъ, что герцогъ присоединился къ Пруссіи, присвоила себѣ право быть судьей между герцогомъ и чинами. Она уподобилась при этомъ тому судѣ въ баснѣ, который проглотилъ устрицу, а скорлупу отдалъ тяжущимся. Она завладѣла герцогствомъ Курляндскимъ... Депутація, не призванная къ тому страню, является въ Петербургъ и предлагаетъ землю, располагать которою она не имѣла никакого права. Въ то же время къ этому принуждаютъ и герцога, и онъ пережилъ величайшее униженіе, которое только можетъ постичь государя. Лѣтомъ

¹⁾ Петръ Виронъ, 1724—1800. Письмо П. Вирона (Blum, III, 489); Храповицкій, 77, 96; Зиновьевъ, 405; Письма гр. Безбородко (Сборникъ, XXVI, 427); Дипломат. документы (Сборникъ, XXXVII, 627); Шетарди, 316; Порошинъ, 459, 478. В. В.

1795 г. онъ долженъ былъ отказаться отъ владѣнія Курляндіей; среди бѣлаго дня, съ большою торжественностію, въ публичной аудіенціи, императрица соблаговолила принять въ Лѣтнемъ дворцѣ землю, предложенную ей депутаціей; и въ тотъ же самый день эта депутація явилась съ визитомъ къ своему низложенному герцогу. Можно было полагать, что такія злополучія поразятъ человѣка, но, говорятъ, онъ остался такимъ же. Онъ отправился путешествовать, объѣзжалъ свои земли и умеръ 13 января 1800 года.

Петръ былъ женатъ три раза, и ни въ одномъ бракѣ не былъ счастливъ. Вѣроятно, онъ самъ былъ виноватъ въ этомъ. Его первая жена была принцесса Вальдекская. Насколько намъ извѣстно, онъ разошелся съ нею и она вскорѣ послѣ этого умерла. Послѣ ея смерти онъ женился на княжнѣ Юсуповой ¹⁾. Она не могла жить съ нимъ и вскорѣ покинула его. Онъ долженъ былъ выдать ей 80,000 рублей единовременно и выдавать по 20,000 рублей ежегодно. Она умерла въ Россіи. Наконецъ, онъ женился на послѣдней своей женѣ Аннѣ Шарлотѣ Доротеѣ ²⁾, рожденной фонъ-Медемъ ³⁾, изъ Курляндіи. Долгое время онъ жилъ съ нею весьма счастливо, но, наконецъ, удовольствіе и этого брака было нарушено. Эта любезная женщина прославилась своею любовью къ наукамъ, познаніями въ эстетикѣ и обширными влеченіями ко всему прекрасному. Она очень богата. Послѣдніе года она жила въ Берлинѣ, теперь живетъ въ Петербургѣ.

Только отъ одной ея герцогъ имѣлъ дѣтей, и именно четырехъ дочерей. Екатерина Фридерика, самая старшая и богатая, которая по ея владѣнію называлась герцогиней Саганъ, была сперва за принцемъ Роганомъ, но развелась съ нимъ и вышла за князя Трубецкаго, который тоже жилъ вдали отъ нея, въ Россіи. Вторая дочь, Марія Паулина, есть наследная принцесса Гогенцоллерн-гессенская, но рѣдко бываетъ у мужа. Третья дочь, Иоганна Катерина, была при отцѣ въ послѣдніе годы его жизни. Въ это время онъ, конечно, не имѣлъ уже болѣе качествъ, необходимыхъ для надзора за молодою, соблазнительною и веселою дочерью. Она теперь замужемъ за гер-

¹⁾ Братъ этой дамы (Евдокія Борисовна Юсупова) живетъ, вѣроятно, и теперь еще въ Петербургѣ—дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Андрея. Онъ очень богатъ; онъ покровитель и знатокъ искусствъ и наукъ. Его жена, рожденная Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина и вдова генерала Михаила Потемкина.

²⁾ Младшая сестра талантливой нѣмецкой писательницы г-жи фон-дер-Рекке.

³⁾ Эта фамилія была позже возведена въ графское достоинство.

погомъ д'Аперенза-Бельмонте-Пиньятели, который обыкновенно живеть въ Берлинѣ. Четвертая дочь, Доротея, еще дѣвушка.

Карлъ Эрнестъ ¹⁾, второй сынъ герцога Эрнеста Ивана Бирона, родился 30 сентября 1728 года. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ своимъ братомъ и раздѣлилъ съ нимъ участь своего отца. Петръ III назначилъ его генераль-маіоромъ пѣхоты. Отецъ всегда былъ недоволенъ имъ, а съ своимъ братомъ онъ вѣчно ссорился изъ-за требованія денегъ, при чемъ, какъ говорятъ, Карлъ Эрнестъ заявлялъ претензіи не вполне неосновательныя. Жизнь этого принца, вообще, полна незаслуженныхъ несчастій и была сплетеніемъ заблужденій, ставившихъ его въ самыя непріятныя положенія. Мы не будемъ касаться, основательны или неосновательны эти заблужденія, но въ общественномъ мнѣніи они настолько повредили ему, что Екатерина II потребовала отъ него унижительнаго отреченія отъ правъ на наслѣдованіе въ Курляндіи, въ пользу его сына. Карлъ Эрнестъ умеръ въ прусскомъ помѣстьѣ 16 октября 1801 г., въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Женою его была полька изъ древняго и славнаго рода Понинскихъ ²⁾. Жива-ли она еще—неизвѣстно. Отъ этого брата произошли два сына и двѣ дочери. Самый младшій принцъ, Петръ Алексѣй, камергеръ русскаго двора, имѣлъ процессъ съ своею теткою и ея дочерьми, который окончился въ его пользу. Онъ теперь путешествуетъ. Намъ неизвѣстна судьба дочерей—Луизы Каролины и Анны Катерины ³⁾. Счастливая заря старшаго сына, Каликста Густава, общала ему блестящую жизнь. Екатерина II, желая огорчить герцога Петра, возымѣла мысль воспитать при своемъ дворѣ этого молодого Бирона, какъ будущаго герцога Курляндіи—мысль, въ которой она очень скоро раскаялась. Полковникъ Будбергъ ⁴⁾ былъ посланъ, въ

¹⁾ Анекдоты о Карлѣ Эрнестѣ, вѣрныя или невѣрныя, напечатаны между прочимъ въ книгѣ: «Merkwürdige, in dem Archive der Bastille wirklich gefundene, Inquisitions-Akten, Protocolle und andre wichtige Papiere. Ein Beitrag zur Geschichtskunde und Menschenkenntniss. Leipzig, 1790 (Челобитная Карла Бирона, см. «Русская Старина», 1873, VII, (6). В. В.

²⁾ Братъ Аполлоніи Матвѣевны Понинской извѣстенъ въ новой польской исторіи своими много различными несчастными приключеніями.

³⁾ Луиза (1791—1853), съ 1816 г., за графомъ Михайломъ Юрьевичемъ Вьельгорскимъ; принцесса Екатерина умерла ребенкомъ. В. В.

⁴⁾ Полковникъ Будбергъ былъ позже посломъ въ Швецію и имѣлъ короткое время портфель иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ принималъ нѣкоторое участіе въ воспитаніи нынѣшняго императора (Александра I). Въ 1808 г. онъ получилъ полную отставку.

началъ 1790-хъ годовъ, секретно въ Пруссію, вошелъ въ переговоры съ принцемъ Карломъ Эрнстомъ Бирономъ, которые, какъ мы видѣли, окончились для принца (не очень-то почетно, и привезъ въ Петербургъ его сына, принца Каликста Густава. Императрица приняла его съ такою изысканною милостью, что даже полагали, что можетъ быть рѣчь о бракѣ его съ великою княжною Еленою, которая впоследствии стала наслѣдною принцессою мекленбургъ-шверинскою. Онъ жилъ въ частномъ домѣ, но императрица часто призывала его къ себѣ и разрѣшила ежедневно посѣщать ее и молодыхъ великихъ князей. Даже великіе князья посѣщали его. Однажды, когда онъ былъ у императрицы, она, представляя его одному придворному вельможѣ, стала говорить съ этимъ вельможей о своемъ великодушномъ намѣреніи помочь юному Бирону стать законнымъ владѣтелемъ Курляндіи и заключила знаменательными словами: «il me paraît que c'est de toute justice». Но вскорѣ затѣмъ ей показалось, равнымъ образомъ, de toute justice не исполнить ожиданія принца Густава Бирона и присоединить герцогство къ имперіи. Блестящія надежды обращались мало-по-малу въ дымъ и юный наслѣдний принцъ Курляндіи сталъ гвардейскимъ офицеромъ и камергеромъ. Тѣмъ не менѣе, составленный императрицею и ею же брошенный проектъ имѣлъ ту выгоду, что сыновья принца Карла Эрнста Бирона (младшій былъ тоже перевезенъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ матерью) получили очень хорошее образованіе. Ихъ матеріальное положеніе также улучшилось, такъ какъ герцогъ былъ обязанъ выдавать на воспитаніе своихъ племянниковъ, о чемъ онъ мало безпокоился, ежегодно, если мы не ошибаемся, 40,000 талеровъ и удовлетворить другія денежныя претензіи принца Карла Эрнста. Принцъ Густавъ Биронъ купилъ помѣстье въ Силезіи, гдѣ онъ теперь и живетъ. Недавно онъ женился на графинѣ Мальцанъ, отецъ которой имѣетъ большія владѣнія въ этой провинціи.

Дочь герцога Эрнста Ивана Бирона курляндскаго, Гедвига Елизавета, родилась 23 іюня 1727 г. Она была очень хорошо воспитана въ Россіи. Уже въ 1740 г. у отца просили ея руки. Удѣльный князь Саксенъ-Мейнингенскій предлагалъ ей свою руку, и даже писалъ главѣ своего дома, королю Фридриху Августу II, прося его поддержать у герцога его предложеніе. Кто могъ бы думать, что король скомпрометтируетъ себя въ этомъ дѣлѣ, а между тѣмъ такъ именно и случилось. Биронъ имѣлъ наглость отклонить предложеніе приппа. Вскорѣ затѣмъ произошла революція и Гедвига Елизавета послѣдовала за родителями и братьями въ Шлиссельбургъ и въ мѣсто ихъ ссылки. Здѣсь она очень скучала — только этому чувству можно

приписать ей рѣшимость принять греческую вѣру. Императрица Елизавета узнала объ этомъ и послѣдила вознаградить это фальшивое религиозное рвеніе. Принцесса Гедвига Елизавета получила свободу, перешла 26 августа 1749 г. въ греческую вѣру и сдѣлана императорскою статсъ-дамою. У нея было довольно времени, чтобъ покаяться въ неловкой гордости отца, предназначавшаго ее, вѣроятно, какому нибудь царствующему государю. Она была въ лѣтахъ и должна была выйти въ 1759 г. за барона Александра Черкасова ¹⁾ бывшего тогда поручикомъ императорской гвардіи. Мы слышали, будто бракъ этотъ не былъ счастливъ, и у нихъ не было дѣтей ²⁾. Впрочемъ, мы ничего болѣе не знаемъ о Гедвигѣ Елизаветѣ ³⁾. Ради дешовизны поселилась она въ Дерптѣ, хорошенькомъ городкѣ Лифляндіи, и жила еще тамъ въ концѣ 1790-хъ годахъ ⁴⁾.

Примѣч. переводчика. Эрнестъ Иванъ Биронъ, 1690—1772. П. С. З № 8154, 8157, 17341; Указъ о регентствѣ Бирсна (Кашпиревъ, II, 311); Автобиографическая записка Бирона (Воронцовъ, XXIV, 12); Письма Э. Бирона (Чтенія, 1862, I, 129, 148; Вейдемейеръ, Обзоръ, III, 48; Архивъ, 1871, 1906; Осмнадц. вѣкъ, III, 157, Сборникъ, XXXIII, 445; Соловьевъ, XX, 419, 469; XXI, 368, 369); Прошенія и письма Бирона и его сыновей (Воронцовъ, II, 525); Письма принца Карла Бирона (Москвитинъ, 1849, XX, 132; 1851, I, 125); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 138; XLII, 390); Дипломат. документы (Сборникъ, III, 449; V, 380; XII, 34, 204; XVIII, 115, 266, 270, 400; XX, 83, 111, 121, 139, 146; XXII, 19, 31; XXXVII, 213); Матеріалы суда и ссылки Бирона (Пекарскій, бумаги Арсеньева, 161); Biron, Motifs de la disgrâce d'Ernest Jean Biron (Büsching, IX, 383); Минихъ, 59, 65, 67, 70; Манштейнъ, 29, 45, 130, 193, 198, 248; Запѣчанія на записки Манштейна (Старина, 1879, XXVI, 376, 379, 393, 402, 565); Шетарди, 1, 7, 20, 50, 64, 116, 123, 145, 182, 191, 213, 316, 628, 632; Russie, 45, 47, 50, 70, 71, 73, 74, 76, 78, 95, 183, 395; Castera, I, 157, 283, 286, 318; Записки княгини Н. Б. Долгору-

¹⁾ Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ дослужился до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, былъ президентомъ медицинской коллегіи и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Баронское российскою имперіи достоинство пожаловано отцу его, Ивану Антоновичу, императрицею Елизаветою въ 1742 году.

²⁾ Было двое дѣтей: баронъ Петръ Александровичъ и баронесса Елизавета Александровна, бывшая за полковникомъ Пальменбахомъ. Овдовѣвъ, г-жа Пальменбахъ была начальницею Смольнаго монастыря, кавалерственною дамою и другою импеатрицы Маріи Теодоровны.

³⁾ Воронцовъ, II, 532; Архивъ, 1871, 1906.

⁴⁾ Она умерла 31 марта 1797 года.

В. В.

В. В.

В. В.

ковой (Архивъ, 1867, 1); Rulhière, IV, 422; Записки дюка лрійскаго, 1845, 122; Рондо, 52, 107, 111; Нащовинъ, 289; Шаховской, 6, 19, 23, 45; Позье, 61; Щербатовъ, 51; Казанова, 535; Волотовъ, II, 146, 431; Catherine, 126, 131, 147, 248, 351; Записка шведскаго дворянина (Россія, 1880, XI, 518); Письма дюка де-Лири (Осмнадц. вѣкъ, III, 63, 67, 82, 116); Beschreibung des Zustandes von Europa im 1737 (Büsching, X, 3); Oeuvres historiques de Frédéric II, 1820, II, 46; Воронцовъ, I, 207, 300; II, 16, 146, 640, 641; IV, 240, 277, 304, 338; V, 38, 127; VII, 49, 39; IX, 253; XIII, 335, 470, XXV, 94, 97; Архивъ прибалт. генераль-губернатора (Осмнадц. вѣкъ, I, 398, 404, 418, 419; III, 269); Делеша барона Мардефельда (Россія, 1876, I, 401, II, 282); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 294); Письма Барону и его женѣ (Бесѣда, II, отд. 2, 179); Записка Бирона (Время, 1861, VI, 524), Lebensgeschichte v. Münch (Büsching, III, 406, 495, 498); Егоръ Столѣтовъ (Старина, 1873, VIII, 23). Бюлеръ, герцогъ Биронъ (Старина, 1873, VII, 52); König August III erklärt das Lehn von Kurland für erledigt (Büsching, III, 48); Соловьевъ, Біографія герцога Бирона (Архивъ, 1867, 449); Анекдотъ о Биронѣ (Архивъ, 1874, I, 467, 0197); Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 158, 245; Ефремовъ, Эпиграмма на герцога Бирона (Архивъ, 1867, 473); Бюлеръ, Эпизоды изъ царствованія Екатерины II (Русск. Вѣст., 1870, LXXXV, 45); Шубинскій Арестъ и ссылка Бирона (Старина, 1871, III, 537); Современники Анны Ивановны (Старина, 1878, XXI, 340, 342, 344); Бѣловъ, Отношеніе Фридриха II къ Россіи (Россія, 1875, II, 370); Игнатъевъ, Цѣзъ жизни княжны Е. А. Долгоруковой (Архивъ, 1866, 38); Есиповъ, Яганна Петрова (Истор. Вѣст., 1880, I, 547); Борсаковъ, А. П. Волынскій (Россія, 1877, II, 215, 234); К. Н. В., Двѣ герцогини курляндскія, (Истор. вѣст., 1883, XIV, 567); Щебальскій, Дѣло о герцогѣ Биронѣ, Чтенія 1862, I, 28; Чистовичъ, Теофанъ Прокоповичъ, 547; Хмыровъ, Перечень государей русскихъ, 1870, 87; Reimers, I, 229; Карабановъ, I, 482; III, 468; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 320, 485, 488, 498, 518, 533, 563, 718, 720; Отеч. Зап. 1866, VII, 520; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 8; Обзоръ, I, 136; II, 55, 122, 131; III, 3, 20, 47; Hergmann, IV, 548, 588, 605, 629, 637, 645, 651, 655; V, 151, 179, 266, 344, 348; Соловьевъ XIX, 161; XX, 415, 430, 449; XXI, 5, 9, 27, 45; XXV, 6, 302, 307; XXVI, 16; Winkelmann, 426; Russica, II, 663; Бантышъ-К., Списки, 84, 89, 109, 115, 181, 188, 213; Долгоруковъ, II, 318; Карабановъ-Долгоруковъ, 146.

В. В.

XII. КАРЛЪ БИРОНЪ II.

Карлъ Биронъ, старшій братъ герцога, еще въ ранней молодости вступилъ въ русскую военную службу. Онъ былъ произведенъ въ офицеры, но вскорѣ затѣмъ, во время войны, взятъ въ плѣнъ шведами. Биронъ бѣжалъ изъ плѣна, отправился въ Польшу и былъ полковникомъ польскихъ войскъ. Какъ только герцогиня Анна Курляндская вступила на русскій престолъ, Карлъ Биронъ отправился въ Россію, гдѣ вскорѣ сталъ генераль-аншефомъ и, наконецъ, московскимъ комендантомъ, чѣмъ былъ еще и при паденіи своего брата. Тогда были посланы приказанія въ Москву и Ригу арестовать его и рижскаго коменданта генерала Бисмарка, зятя герцога Бирона. Карлъ Биронъ былъ отправленъ тоже въ ссылку.

Въ 1742 году онъ опять получилъ свободу. Это случилось какъ разъ въ то время, когда герцогъ былъ перевезенъ изъ Пелыма въ Ярославль. Карлъ Биронъ отправился въ свои имѣнія въ Курляндію, гдѣ и умеръ.

Это былъ человекъ безнравственный и пьяница. Во время дракъ, въ пьяномъ видѣ, онъ получилъ много ранъ, которыя сдѣлали его неспособнымъ къ службѣ.

Примѣч. переводчика. Карлъ Биронъ, 1723—1801. Прошеніе К. Бирона императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ (Россія, 1876, II, 281); Манштейнъ, 141, 202; Воронцовъ, IV, 364; VI, 5; Дипломат. документы (Сборникъ, XXXIX, 188); Георгій Конисскій, Исторія Руссовъ (Чтенія, 1846, IV, 243), Сборникъ, X, 280. [См. примѣчаніе подъ № XL-мъ].

В. В.

XLII. ГУСТАВЪ ВИРОНЪ III.

Густавъ Биронъ, младшій братъ герцога, былъ сперва въ польской военной службѣ. По восшествіи на престолъ императрицы Анны онъ переѣхалъ въ Россію, сталъ маіоромъ гвардіи и очень скоро генераль-аншефомъ. Несчастіе брата имѣло дурное вліяніе и на него, жившаго тогда въ Петербургѣ. Манштейнъ говоритъ въ своей реляціи: „На обратномъ пути изъ Лѣтняго въ Зимній дворецъ я былъ командированъ арестовать генерала Бирона. Я нашелъ ¹⁾ его въ постелѣ и сказалъ ему, чтобъ онъ проворнѣе вставалъ, такъ какъ я имѣю сообщить ему нѣчто весьма важное. Когда онъ, такимъ образомъ, подошелъ къ двери, я взялъ его за обѣ руки и сказалъ, что именемъ е. и. в. арестую его, и что герцога, его братъ, также арестованъ уже. Онъ сталъ звать стражу, но ему заткнули ротъ платкомъ. Одинъ изъ солдатъ, прежде чѣмъ вошелъ въ комнату, имѣлъ предосторожность отвязать ремни отъ карабина. Этимъ ремнемъ связали мы ему руки, положили въ сани, завернули голову въ солдатскую шинель и отвезли въ Зимній дворецъ, гдѣ уже находился герцогъ подъ надзоромъ“. Густавъ Биронъ тоже отправился въ Сибирь.

Въ 1742 году онъ былъ возвращенъ и ему было обѣщано мѣсто въ арміи, но онъ умеръ въ Петербургѣ прежде, чѣмъ успѣлъ получить его.

Густавъ Биронъ былъ человекъ честный, но безъ всякаго образованія, какъ и его братья; не отличался онъ и особеннымъ умомъ.

Примѣч. переводчика. Густавъ Биронъ, 1700—1746. Манштейнъ, 9, 30, 163, 201, 214, 249; Воронцовъ, VII, 42; Хмыровъ, Густавъ Биронъ, братъ регента (Русск. Міръ, 1862, № 2; Оснадец. вѣст., II, 235). См. примѣчаніе подъ № XL-мъ.
В. В.

¹⁾ Домъ, въ которомъ жилъ Биронъ и который принадлежалъ ему, можно еще видѣть. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ домовъ въ Петербургѣ. Онъ находится на Мильонной улицѣ; если идти отъ Зимняго дворца, на правой рукѣ. У этого дома четыре большія колонны, сѣраго и чернаго мрамора, на которыхъ покоится балконъ. Домъ не великъ, но расположенъ со вкусомъ и убранъ роскошно.

XLIII. ЭЙХЛЕРЪ.

Эйхлеръ, нѣмецъ, самаго низкаго происхожденія, былъ флейтистъ на службѣ одного изъ князей Долгорукихъ, пользовавшагося особенною милостію Петра II. При помощи своего господина, Эйхлеръ получилъ мѣсто въ императорской канцеляріи.

Въ царствованіе императрицы Анны онъ сталъ кабинетъ-секретаремъ и въ этомъ качествѣ исполнялъ многія порученія кабинетъ-министра Волынскаго ¹⁾. Это дѣлаетъ честь способностямъ Эйхлера. Волынскій былъ одинъ изъ величайшихъ людей Россіи и человекъ довольно взыскательный. Онъ не держалъ бы Эйхлера такъ долго у себя на службѣ, если-бъ тотъ не обладалъ необходимыми для этого способностями. Эйхлеръ былъ замѣшанъ въ ту ужасную инквизиціонную исторію, въ которой Волынскій заплатилъ своею головою. Эйхлеръ былъ признанъ виновнымъ. Его били кнутомъ и сослали въ Сибирь.

Въ царствованіе Елизаветы онъ хотя и былъ возвращенъ изъ ссылки, но безъ опредѣленія къ дѣламъ. Намъ неизвѣстны другія обстоятельства его жизни.

Эйхлеръ имѣлъ дочь. Она вышла за князя Хованскаго, имѣвшаго суконную фабрику, поставлявшую сукно на всю русскую армію. Этотъ Хованскій жилъ еще въ половинѣ 1790-хъ годовъ и часто пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ поставокъ.

Примѣч. переводчица. Иванъ Эйхлеръ. Дешети барона Акселя фонъ-Мардефельда (Россія, 1876, I, 102); Дипломат. документы (Сборникъ, V, 329, 377; XX, 140, 145); Манштейнъ, 189; Нащокинъ, 290; Стат. сов. И. Эйхлеръ (Воронцовъ, VI, 325); Корсаковъ, А. П. Волынскій (Россія, 1877, II, 277, 288; III, 234, 237, 241, 245); Соловьевъ, XX, 446. В. В.

¹⁾ О министрѣ Волынскомъ будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

XLIV. СОБАКИНЪ.

Собакинъ ¹⁾, русскій крестьянинъ, собственно Савва Яковлевичъ, назвался же Собакиннмъ послѣ того, какъ при помощибогатства нѣсколько поднялся надъ своимъ происхожденіемъ. Замѣчательный случай—избрать себѣ фамилію, напоминающую по русски нѣчто собачье.

Собакинъ началъ съ того, что въ царствованіе императрицы Анны продавалъ рыбу. Онъ жилъ бѣдно, много сберегалъ, завелъ большую торговлю, дѣлалъ поставки ко двору, сталъ зажиточнмъ, предпринялъ широкія дѣла, былъ остороженъ и счастливъ, дѣлалъ крупныя поставочныя контракты съ правительствомъ, накопилъ большое состояніе, но жилъ всегда скромно, занялся ростовщичествомъ и оставилъ по своей смерти, въ царствованіе императрицы Елизаветы, огромное богатство, приблизительно въ 12.000,000 рублей.

Памятникъ Собакину на кладбищѣ Александроневскаго монастыря, изъ мрамора и бронзы, стоилъ большихъ денегъ, но безвкусенъ.

Потомки этого Собакина живутъ еще въ Петербургѣ и пользуются почетомъ.

Примѣч. переводчика. Савва Яковлевичъ Собакинъ, 1712—1784. А. Г. С., I, ч. 2, 351, 754; Дипломат. документы (Сборникъ, XIX, 455); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 175); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 230, 344; X, 178; XLII, 387); Массон, 283; Гарновскій, 28, 703; Карабановъ, V, 679; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 361; Соловьевъ, XXVI, 135; Саптовъ, 157.

В. В.

¹⁾ Въ Россіи есть и дворянская фамилія *) этого же наименованія. Равнымъ образомъ въ Саксоніи есть древнедворянская фамилія Собака (Hund).

*) Одинъ изъ птенцовъ Петра В. («Русская Старина», 1883, XL, 77; 1872, V, 876); Сенаторъ М. Г. Собакинъ (Сборникъ, IV, 54; XIII, 164, 167, 403; Болотовъ, III, 21; Вантышъ К., Словарь, V, 70).

В. В.

XLV. ИВАНЪ ГЕРМАНЪ ЛЕСТОКЪ.

Изъ всѣхъ даровъ природы, которыми мудрое Провидѣніе осчастливило человѣчество, веселый нравъ, конечно, наиболѣе желанный даръ. Веселый нравъ усиливаетъ удовольствія и дѣлаетъ наслажденіе ими болѣе полнымъ; онъ окрашиваетъ темные предметы самыми свѣтлыми красками; помогаетъ легко переносить всѣ печальныя явленія; укрѣпляетъ нашъ духъ спокойнымъ сномъ и надеждой, двумя наиболѣе дѣйствительными средствами отдохновенія, предоставленными несчастнымъ смертнымъ; веселый нравъ помогаетъ съ мужествомъ переносить величайшія непріятности, вольныя и невольныя, и ведетъ къ глубокой старости безъ жалобъ и скорби, наконецъ, къ легкой смерти. Веселый нравъ былъ данъ въ удѣлъ и тому, чью жизнь мы предлагаемъ въ этомъ неполномъ очеркѣ.

Иванъ Германъ Лестокъ родился въ 1692 году, въ Ганноверѣ; его родители были французы. Убѣжденные въ непогрѣшимости своей религіи и поэтому остававшіеся ей вѣрными, родители его, почтенные граждане, мирно жили во Франціи, пока страсть Людовика XIV къ обращеніямъ не принудила ихъ покинуть родину. Увлеченный дурно понятыми религіозными цѣлями своей супруги, г-жи Ментенонъ, этотъ монархъ полагалъ, что искупить всяческія грѣхи своего правленія насильственнымъ обращеніемъ и преслѣдованіемъ своихъ протестантскихъ подданныхъ — обстоятельство, дающее довольно невыгодное представленіе объ умѣ этого короля. По его приказанію Франція вступила въ религіозную войну съ своими же французами, которая хотя и велась собственно одною лишь стороною, но была крайне убійственна, какъ обыкновенно всѣ войны, происходящія отъ различія мнѣній ¹⁾.

¹⁾ Примѣрами этого могутъ служить, между прочимъ, войны, бывшія послѣдствіемъ реформациі Лютера и тѣ, которыя произошли отъ французской революціи.

Слабѣйшіе должны были уступить. Они бѣжали въ Германію, гдѣ ихъ приняли въ терпимыя объятія; родители Лестока поселились въ Ганноверѣ. Отецъ, довольно искусный хирургъ, вступилъ въ службу герцогскаго еще тогда двора.

Своего средняго сына, о которомъ идетъ рѣчь и который показывалъ склонность и способности, онъ обучилъ также хирургіи и такъ удачно, что сынъ вскорѣ достигъ необыкновеннаго искусства. Генрихъ рано развилъ свой большой умъ и предпримчивый духъ. Сцена, на которой онъ находился, была для него мала. Отъ путешественниковъ, прибывавшихъ изъ Россіи, онъ слышалъ, что способность всякаго рода, безразлично, была вѣрнѣйшимъ средствомъ добиться тамъ богатства и почета. Онъ надѣялся, что на этомъ театрѣ будетъ въ состояніи сыграть болѣе значительную роль.

Въ 1713 году молодой Лестокъ отправился въ Петербургъ и такъ какъ въ то время русскій дворъ нуждался въ способныхъ людяхъ, то ему посчастливилось очень скоро поступить въ службу Петра I, въ качествѣ хирурга. Императоръ назначилъ его своимъ лейб-хирургомъ. Это мѣсто сблизило его съ монархомъ. Онъ былъ обязанъ сопровождать его и его супругу во всѣхъ путешествіяхъ, даже въ увеселительныхъ прогулкахъ по водѣ. При этихъ случаяхъ, его шутки, часто нескромныя, подвергали его наказаніямъ отъ руки самого императора. Вспышки его веселости или, лучше сказать, его эксцентричное поведеніе и необдуманность навлекли на него, наконецъ, немилость императора. Проступокъ его неизвѣстенъ. О немъ не говорятъ ни историки, ни устное преданіе. Самъ Лестокъ, всегда откровенный и довольно часто болтливый, никогда не говорилъ объ этомъ проступкѣ; онъ говорилъ только, что на него пожаловался одинъ изъ придворныхъ служителей. Судя, однако, по наказанію, можно думать, что его проступокъ былъ не маловажный. Петръ I послалъ его въ 1718 г. въ Азію, въ городъ Казань. Тамъ онъ жилъ до смерти государя и своимъ искусствомъ пріобрѣлъ большое довѣріе, приличное содержаніе и нѣкоторый достатокъ, необычный въ той сторонѣ для лицъ его категоріи.

Екатерина I вспомнила о добрыхъ услугахъ, оказанныхъ ей Лестокомъ въ 1716 г., во время ея болѣзни, въ путешествіи по Голландіи. Она вызвала его въ 1725 г. и дала ему мѣсто хирурга при дворѣ своей дочери Елизаветы. Съ этого момента Лестокъ представлялъ своей повелительницѣ доказательство своей непоколебимой вѣрности. Уже по смерти Петра II онъ хотѣлъ помочь ей овладѣть русскимъ престоломъ, но царевна не имѣла тогда мужества отва-

житься на такой шагъ. Онъ съ досадою увидѣлъ, что его планъ отвергнуть, но все таки возобновилъ чрезъ одиннадцать лѣтъ свои предложенія о насильственномъ восшествіи на престолъ, во время младенчества императора Ивана Антоновича подъ опекой его матери, великой княгини Анны Карловны ¹⁾, принцессы Брауншвейгской, рожденной принцессы Мекленбургской. Теперь эти предложенія произвели впечатлѣніе на Елизавету. Она согласилась на все, что предлагалъ Лестокъ. Онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, вообще довольно рискованныя. Его необыкновенныя усилія удались. Это тѣмъ болѣе удивительно, когда знаешь участниковъ предпріятія. Это были: Михаилъ Воронцовъ ²⁾, камер-юнкеръ царевны Елизаветы и очень еще молодой человекъ; Лестокъ — хирургъ; Шварцъ, бывшій музыкантъ, не имѣвшій, вѣроятно, никакого музыкальнаго таланта, и Грюнштейнъ, гвардейскій солдатъ. Изъ знатныхъ и почетныхъ лицъ только французскій посланникъ маркизъ де-ла-Шетарди ³⁾ и секретарь его посольства знали въ общихъ чертахъ о планѣ революціи, но вовсе не были знакомы съ подробностями этого плана. Главнымъ двигателемъ въ этой машинѣ былъ Лестокъ и неоспоримо, конечно, что безъ него Елизавета никогда не была бы императрицей Россіи. Онъ, обладавшій гениемъ и государственными познаніями, зналъ, что возмущеніе въ Россіи должно быть пріятно французскому двору, такъ какъ могло представить, быть можетъ, большее вліяніе французской системѣ. По его совѣту, царевна, желая переманить Шетарди на свою сторону, начала съ нимъ дружить, въ чемъ ей помогали Лестокъ и Воронцовъ и что содержалось въ строгой тайнѣ. Затѣмъ Лестокъ, въ качествѣ соотечественника и подъ видомъ особой привязанности своей семьи къ ея коренному отечеству, обратился къ французскому послу, сообщилъ ему главныя основанія плана и требовалъ отъ него денегъ для выполненія этого плана. Шетарди, видѣвшій въ

¹⁾ Анны Леопольдовны.

В. В.

²⁾ Въ царствованіе Елизаветы Михаилъ Воронцовъ сталъ нѣмецкимъ графомъ, вице-канцлеромъ и, наконецъ, великимъ канцлеромъ—должность, которую онъ занималъ и въ два послѣдующія царствованія. Онъ имѣлъ репутацію честнаго человека. Его жена, рожденная Скарвонская, была двоюродной сестрой императрицы Елизаветы.

³⁾ Лично Шетарди получилъ большія награды, но не могъ добиться прочныхъ выгодъ для своего двора. Его согласіе съ Елизаветой, безъ этого не имѣвшее особаго значенія, превратилось вслѣдъ за вступленіемъ ея на престолъ. Онъ возвратился во Францію, но вскорѣ явился опять посломъ въ Россію. Здѣсь онъ сдѣлался подозрителенъ и былъ бы наказанъ, если бы его не защитило его званіе. У него отобрали русскій орденъ и портретъ императрицы и выслали за границу.

этомъ предпріятіи большія для себя выгоды, передалъ ему въ теченіи нѣсколькихъ дней 90,000 дукатовъ и потомъ еще 40,000 дукатовъ. Лестоку былъ такъ остороженъ, что ни разу не появлялся въ домъ посольства. Онъ, Шетарди и его посольскій секретарь вели переговоры при дворѣ и въ обществѣ. Переговоры были всегда кратки, такъ какъ посольство никогда не знало подробностей предпріятія, и ему сообщались по временамъ лишь результаты предпріятыхъ уже мѣръ. Если имъ нужно было переписываться, они клали записочки въ табакерки и такимъ образомъ вели корреспонденцію. Но какъ ни были предусмотрительны Лестоку и его сообщники, они не могли, однако, избѣжать нѣкоторой огласки. Подробное описаніе всего хода этой революціи входитъ въ область исторіи императрицы Елизаветы. Ходъ этой революціи получилъ уже отчасти общую извѣстность. Кто не знаетъ сценъ, происходившихъ во время кризиса этого событія: какъ графъ Остерманъ, извѣщенный о большихъ денежныхъ суммахъ, полученныхъ Шетарди, обратилъ вниманіе регентши Анны, какъ на эти суммы, такъ и особенно на Лестока, который, какъ онъ узналъ, ведетъ тайныя сношенія съ французскимъ посольствомъ; какъ Финчъ ¹⁾, англійскій посланникъ, предостерегалъ Анну; какъ графъ Левенвольде, получивъ свѣдѣнія о готовящемся переворотѣ, разбудилъ ночью регентшу, чтобъ увѣдомить ее объ опасности угрожающей императору, ей и ея супругу; какъ въ письмѣ, полученномъ будто-бы изъ Бреславля, регентшу извѣщали о поведеніи Елизаветы и совѣтовали арестовать Лестока; какъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Анна имѣла горячій разговоръ съ Елизаветою; какъ Елизавета, по слабости духа, залилась слезами; какъ Анна, столь же слабая, какъ и Елизавета, далась въ обманъ этими слезами; какъ Елизавета, объятая страхомъ и ужасомъ, поспѣшила домой и умоляла Лестока бросить всю затѣю; какъ онъ старался успокоить ее и даже укрѣпить въ намѣреніи поторопиться привести планъ въ исполненіе; какъ онъ, во время самаго жаркаго и важнаго объясненія съ Елизаветою, наскоро набросалъ на клочкѣ бумаги монахиню и висѣлицу, и тѣмъ намекнулъ принцессѣ, что, при дальнѣйшемъ промедленіи, ей предстоитъ принять образъ инокини, ему—быть повѣшеннымъ, и какъ онъ, наконецъ, поборолъ всѣ трудности, въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. отправился съ царевной и камер-юнкеромъ Воронцовымъ въ гвардейскія казармы, началъ, окончилъ революцію и (возвелъ) Елизавету на престолъ ея отца?

¹⁾ Если мы не ошибаемся, Финчъ былъ потомъ посланникомъ въ Дрезденъ и Берлинъ.

Первые дни царствованія этой государыни прошли въ арестахъ и милостяхъ, причѣмъ тѣ и другія были равно незаслуженны. Новая монархиня, казалось, была воодушевлена только благодарностью къ Лестоку. Какъ человѣкъ проницательнаго ума и, вслѣдствіе ума и по своей опытности, какъ тонкій и вѣрный знатокъ человѣческаго сердца, Лестокъ, съ свойственною ему откровенностью, тогда уже говорилъ своей повелительницѣ, что онъ предвидитъ, какъ она забудетъ его услуги, наградитъ его неблагодарностью и, въ концѣ концовъ отдастъ его на жертву его нынѣшнимъ и будущимъ врагамъ. Хотя Елизавета и заклинала его въ своей неизмѣнной благодарности, говорила ему, что если она когда-либо дойдетъ до подобныхъ мыслей, ей въ настоящее время столь чуждыхъ и противостественныхъ, то ему стоитъ только написать, напомнить о своихъ услугахъ и объ этомъ разговорѣ—Лестокъ, съ обычною своею игривостью, засмѣялся, но всегда былъ убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія и не забывалъ при случаѣ напоминать императрицѣ, что его мнѣніе о характерѣ этой государыни и о судьбѣ, какую онъ ожидаетъ отъ нея, остается все то же. Однако, какъ уже сказано, въ первое время она вся была проникнута благодарностью къ Лестоку. Она возвела его въ дѣйствительные тайные совѣтники ¹⁾, сдѣлала его своимъ первымъ лейбъ-медикомъ и директоромъ всѣхъ медицинскихъ канцелярій. Мы не знаемъ много-ли онъ получалъ какъ лейбъ-медикъ, но мѣсто директора сопряжено было съ жалованьемъ въ 7.000 рублей (страшно большая сумма для того скупаго времени). Это мѣсто было тѣмъ значительнѣе и сановитѣе, что въ Россіи ни одинъ врачъ и ни одинъ хирургъ не могъ практиковать, если не былъ записанъ въ этихъ канцеляріяхъ и не былъ испытанъ ими, и всѣ аптеки содержались правительствомъ. Онъ былъ обязанъ, какъ лейбъ-хирургъ, пускать кровь императрицѣ и получалъ за каждый разъ по 2.000 рублей—преимущество, обезпечивавшее ему равнымъ образомъ значительный годовой доходъ. 30 декабря (1741 г.), въ тотъ самый день, когда она пожаловала ему почетныя мѣста и должности,

¹⁾ Дѣйствительные тайные совѣтники и генералы-аншефы составляютъ въ Россіи второй классъ; фельдмаршалы, великіе канцлеры и великіе адмиралы—первый. Титулъ превосходительства начинается съ четвертаго класса съ генералъ-майоровъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Лейбъ-медики, обыкновенно, дѣйствительные статскіе совѣтники или тайные совѣтники, имѣютъ разрѣшеніе практиковать въ городѣ. При этомъ въ нашихъ нѣмецкихъ ушахъ звучитъ чрезвычайно странно, что всякій больной можетъ призвать къ себѣ его превосходительство, чтобъ онъ прописалъ ему лекарство.

она присоединила къ этому еще знакъ величайшей милости, подаривъ ему свой портретъ, брильянтами украшенный, причемъ разрѣшила носить его на голубой лентѣ, на шеѣ, подобно орденскому знаку. Какъ ни было лестно это отличіе, ему все таки казалось, что оно звучало нѣкотораго рода пренебреженіемъ, такъ какъ онъ не получалъ при этомъ никакого ордена. Лестоку охотнѣе удовольствовался бы простою лентою, которая и по внѣшности приравняла бы его къ другимъ сановникамъ высшаго класса. Съ свойственною ему искренностью онъ часто высказывалъ это свое желаніе, но Елизавета, неизвѣстно по какому предубѣжденію, никогда не обращала вниманія на такое его желаніе. Между тѣмъ, только предубѣжденное мнѣніе могло руководить въ этомъ случаѣ волею императрицы, потому что люди, значительно низшаго происхожденія и, въ чемъ Елизавета сама уже могла сознаться, несравненно меньшихъ заслугъ, были ею щедро увѣшаны орденами. Равнымъ образомъ и изъ заграницы Лестоку получилъ званія и подарки. Король польскій и курфирстъ саксонскій Фридрихъ Августъ II, ревностно продолжавшій дружественныя отношенія своего отца къ русскому двору, при всѣхъ, часто происходившихъ въ Россіи, перомѣнахъ правительствъ, считалъ своею обязанностью всѣмъ любимцамъ государей въ Россіи представлять доказательства своего благоволенія. Въ первые же дни 1742 года онъ возвелъ тайнаго совѣтника Лестока въ графское достоинство и подарилъ ему свой портретъ, щедро усыпанный брильянтами, для ношенія въ петличкѣ. Графъ Лестоку занимался дѣлами, сопряженными съ занимаемыми имъ должностями, и, по требованію самой же императрицы, трудился и надъ государственнымъ дѣломъ. Это вышестательство Лестока въ дѣла, вовсе не входившія въ кругъ обязанностей собственно его должностей, возбудило неудовольствіе тѣхъ, которые желали предоставить исключительно себѣ веденіе этихъ дѣлъ. Своимъ беззаботнымъ поведеніемъ, даже въ случаяхъ наиболее серьезныхъ и важныхъ, онъ далъ своимъ врагамъ случай и поводъ возбудить противъ него императрицу. Его непринужденность, переходившая иногда въ легкомысліе, но еще болѣе природная, свѣдѣнная ему подвижность, его необузданная откровенность и всякаго рода дѣбоши, которые, конечно, могли казаться опасными въ лейбъ-медикѣ, сдѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ императрицы. Послѣ бракосочетанія цесаревича, позже императора Петра III, Лестоку выражалъ большую преданность этому принцу и его супругѣ, не имѣя при этомъ ничего иного въ виду, какъ быть всегда въ веселомъ обществѣ великой княгини и слушать ея остроумныя бесѣды. Этими то ничтожными обстоятельствами воспользовались самые горя-

чіе противники Лестока, великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ и генералъ-фельдмаршалъ графъ Апраксинъ ¹⁾, чтобъ свергнуть его. Это было имъ легко сдѣлать, такъ какъ государыня не была способна ни обсудить что-либо, ни быть благодарною. Бестужевъ и Апраксинъ говорили ей, что Лестокъ работаетъ съ берлинскимъ и стокгольмскимъ дворами во вредъ русской системѣ, что онъ находится въ тайной связи съ прусскимъ посланникомъ и враждебенъ австрійскому двору. Въ то же время они нашептывали императрицѣ на ухо: соглашеніе Лестока съ великокняжескимъ дворомъ легко можетъ имѣть въ виду революцію, при помощи которой онъ желаетъ прежде времени возвести цесаревича на русскій престолъ. Чтобъ сдѣлать эту инсинуацію болѣе правдоподобною, они прибавляли, что Лестокъ уже задумывалъ было возвести на престолъ Петра III, вмѣсто императрицы Елизаветы. Ничего не могло быть нелѣпѣе этихъ обвиненій, которыя, какъ легко понять, ничѣмъ не могли быть доказаны. Тѣмъ не менѣе, слабая императрица допустила стать несчастнымъ того человѣка, которому она была обязана величіемъ своего положенія.

Въ 1748 году она приказала арестовать его и отвести въ петербургскую крѣпость, гдѣ былъ учрежденъ судъ надъ нимъ. Веденіе этого суда было до того несправедливо, что возмущало всякаго безпристрастнаго человѣка; только для веселаго графа Лестока оно было новымъ источникомъ забавы. Но скоро веселость покинула его, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Для обвиненія его необходимо было собственное сознаніе, чего никонимъ образомъ нельзя было добиться отъ него. Хотѣли силою вынудить отъ него сознаніе и въ 1749 г. пригрозили ему пыткой. Но это варварское средство оказалось ненужнымъ. Нѣсколькихъ легкихъ ударовъ кнутомъ было достаточно, чтобъ графъ Лестокъ сознался въ преступленіяхъ, о которыхъ онъ никогда и не думалъ и которыя принялъ на себя, лишь бы избѣжать болѣе жестокихъ страданій. Между тѣмъ, хотя и было его сознаніе въ преступленіяхъ, но все же не было доказательствъ. Враги ни въ чемъ не могли изобличить его; но, рѣшившись удалить отъ дѣлъ, погубить его и расхитить его имущество, они начали тянуть процессъ. Назначена была комиссія, члены которой содержались на его счетъ.

¹⁾ Генералъ-фельдмаршалъ Апраксинъ, родомъ русскій, былъ вѣрнымъ другомъ Бестужева. Въ началѣ семилѣтней войны онъ командовалъ русскими войсками, принималъ участіе въ заговорѣ Бестужева и умеръ, не будучи еще наказанъ, въ 1758 году, въ Трирукомъ, императорскомъ загородномъ дворцѣ близъ Петербурга.

Уже этимъ значительно расхищалось его имущество. Какъ вообще расточительно выдавалось содержаніе комиссіи и какъ произвольно дѣлались обманы всякаго рода, можно видѣть уже изъ того, что комиссія имѣла наглость вывести счетъ на перья, чернила и бумагу въ 800 рублей! Надъ этимъ безстыдствомъ Лестоку не переставалъ хототать. Въ 1750 г. процессъ былъ оконченъ. Приговоръ, котораго безпечная Елизавета, быть можетъ, вовсе и не читала, но все же подписала, показалъ всю (суровость) этой государыни, которую она сама и не думала имѣть, и раскрылъ всю жестокость его враговъ, которые собственно и были его палачами. Теперь, когда Лестоку узналъ уже свой приговоръ, онъ полагалъ, что настало время напомнить деликатнымъ образомъ императрицѣ о его заслугахъ и объ ея благодарности. Онъ написалъ государынѣ, но его письмо осталось безъ отвѣта. Къ чести Елизаветы можно, однако, думать, что враги Лестока вовсе и не передавали ей этого письма. Несчастный Лестоку, потерявшій еще въ 1748 г. всѣ свои должности, званія и отличія, былъ теперь объявленъ лишеннымъ ихъ. Только графское достоинство, которое дано ему не Россіей, не могло быть отнято у него. Лестоку имѣлъ большія богатства въ домахъ, имѣніяхъ и драгоценностяхъ, которые онъ получалъ отъ императрицы Елизаветы еще въ счастливое для него время. Чистыми деньгами только было у него найдено 40.000 рублей. Все это было конфисковано и раздарено по большей части его врагамъ. Такъ, напр., Апраксину достался домъ ¹⁾ графа Лестока въ Петербургѣ. Потеря всего этого имущества мало тронула бы графа, но тѣлесныя наказанія, которымъ имѣли безстыдство подвергнуть его, удручили на нѣкоторое время его духъ. Онъ получилъ въ крѣпости позорное наказаніе кнутомъ. Когда зажили раны, причиненныя кнутомъ, онъ былъ отвезенъ въ Угличъ, провинціальный городъ на Волгѣ, въ ярославскомъ намѣстничествѣ, въ мѣсто его ссылки. Тамъ оставался онъ до 1753 года.

Неизвѣстны причины, побудившія правительство взять графа Лестока въ 1753 г. изъ Углича и перевезти его въ Великій-Устюгъ, провинціальный городъ архангельскаго намѣстничества. Его третья жена сопровождала его повсюду.

О пребываніи его въ Угличѣ и Великомъ-Устюгѣ ничего неизвѣстно. Оно было, конечно, столь же стѣснительно, какъ были

¹⁾ Два года назадъ домъ этотъ еще существовалъ; вѣроятно, существуетъ онъ и теперь (1811 г.). Онъ стоитъ на Марсовомъ полѣ. Въ свое время онъ слылъ за прекрасный домъ; теперь едва-ли любимецъ русскаго императора захотѣлъ бы жить въ немъ, такъ онъ убогъ и малъ.

ограничены средства, отпускавшіяся на его содержаніе. Онъ оставался въ Великомъ-Устюгѣ до 1762 года.

Петръ III, добродѣтельный монархъ, старавшійся исправить многія несправедливости своей тетки, возвратилъ графа Лестока изъ ссылки, но, кромѣ почета, почти ничего не далъ ему. Хотя онъ и долженъ былъ получить опять все свое имущество, но онъ могъ отыскать только домъ свой, такъ какъ все движимое разошлось во время его ссылки по многимъ рукамъ. Хотя онъ и искалъ свои камни, драгоценности и мебель въ императорскомъ конфискаціонномъ складѣ, но ничего цѣннаго найти не могъ. Онъ пожаловался императору и этотъ монархъ, шутя, посовѣтовалъ ему самому разыскивать свои вещи, которыя онъ можетъ признать и которыя, вѣроятно, найдутся въ частныхъ домахъ, и брать, гдѣ только онъ ихъ найдетъ. Это позволеніе дало графу Лестоку новую пищу его склонности позабавиться, которую онъ еще сохранилъ. Онъ издавна зналъ людей, неблаговолившихъ къ нему. Онъ отправлялся въ ихъ дома, и такъ какъ они не ожидали его посѣщенія, то и не принимали необходимыхъ предосторожностей. Находя въ этихъ домахъ что либо изъ своихъ картинъ, серебряныхъ вещей или драгоценностей, онъ безъ всякихъ разговоровъ уносилъ ихъ, увѣряя, что эти вещи его и что онъ дѣйствуетъ по приказанію императора. Жаловаться на него не рѣшались и онъ, такимъ образомъ, собралъ часть своихъ вещей. Вѣроятно, Петръ III довелъ бы Лестока до его прежняго благосостоянія, если-бъ этому не помѣшала (кончина этого государя).

Екатерина II была настолько великодушна, что привела въ исполненіе вѣроятныя намѣренія своего супруга. Она опять назначила графу Лестоку прежнее опредѣленное содержаніе въ 7,000 рублей, не возлагая, однако, на него прежнихъ обязанностей, которыя были бы крайне тяжелы въ его преклонныхъ лѣтахъ. Это соответствовало и желанію Лестока, который не хотѣлъ уже ничѣмъ болѣе заниматься. Единственный человѣкъ, съ которымъ онъ говорилъ еще о дѣлахъ, былъ французскій посланникъ баронъ Бретэйль¹⁾. Самъ посланникъ далъ къ тому поводъ. Мы упоминали уже о 40,000 дукатахъ, полученныхъ Лестокомъ отъ маркиза де ла-Шетарди для содѣйствія восшествію на престолъ Елизаветы Въ царствованіе Елизаветы Петровны, изъ этой суммы была уплачена только половина²⁾.

¹⁾ Позже, вслѣдствіе государственнаго переворота во Франціи, Бретэйль долженъ былъ покинуть отечество. Если мы не ошибаемся, только императоръ Наполеонъ разрѣшилъ ему возвратиться во Францію. Онъ умеръ въ 1807 году.

²⁾ Такъ какъ этотъ долгъ не былъ уплаченъ самою Елизаветою, то легко догадаться, что ея ближайшіе преемники еще менѣе безпозаботились объ этомъ,

Причины этого должно искать въ начинавшемся уже тогда безпорядочномъ государственномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, по паденіи Лестока, его враги стали утверждать, что онъ получилъ деньги для уплаты французскаго долга, но растратилъ ихъ. Бретэйль обратился къ Лестоку, который, однако, съумѣлъ отклонить отъ себя эти хлопоты, потому что, какъ онъ говорилъ посланнику, онъ предвидитъ, что всѣ его усилія окажутся безплодными.

Послѣ того какъ Лестокъ, въ 1762 году, выразилъ Петру III и Екатеринѣ II лично свою благодарность за ихъ къ нему милости, онъ болѣе не появлялся при дворѣ. Онъ остерегался скользкой почвы, на которой онъ уже два раза падалъ. Небольшой кружокъ друзей, воспоминаніе чрезвычайныхъ событій его жизни и утѣхи обѣденнаго стола составляли всю его отраду. Но и они должны были прекратиться, такъ какъ онъ вскорѣ по возвращеніи началъ прихварывать. Умѣренный по необходимости образъ жизни въ изгнаніи сохранилъ его, быть можетъ, такъ долго. По возвращеніи изъ ссылки, онъ, казалось, обладалъ неразстроеннымъ здоровьемъ; но вскорѣ затѣмъ стали проявляться опасные признаки, мало-по-малу умножавшіеся и ставшіе, къ старости, а еще болѣе вслѣдствіе его невѣроятной нечистоплотности, смертельными. Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что Лестокъ былъ заѣденъ насѣкомыми. Онъ умеръ въ 1767 г., оставаясь реформатскаго исповѣданія.

Лестокъ былъ гениальный человѣкъ. Онъ обладалъ проницательнымъ умомъ, необыкновеннымъ присутствіемъ духа, вѣрнымъ сужденіемъ, глубокимъ знаніемъ людей и добрымъ сердцемъ, которое, однако, къ сожалѣнію, очень часто заблуждалось, благодаря его легкомыслію. Свои великія способности онъ развилъ науками и познаніями, особенно же въ политикѣ. Впрочемъ, онъ обладалъ неумышленною веселостью, былъ живъ и рѣзвъ до послѣднихъ дней жизни, беззаботенъ и крайне невоздерженъ на языкъ—недостатки, которыми онъ вредилъ другимъ и, что еще важнѣе, самому себѣ гораздо болѣе, чѣмъ могла бы повредить ему злоба.

Лестокъ имѣлъ трехъ женъ. Кто была первая его жена— неизвѣстно. Она, кажется, умерла задолго до успѣховъ Лестока. Быть можетъ, она была съ нимъ въ Казани. Вторая жена его была нѣмка, простаго происхожденія, по фамиліи Миллеръ. Она была некрасива, нечистоплотна и любила выпить; тѣмъ не менѣе (вотъ какъ трудно

и, такимъ образомъ, вѣроятно, что русскій дворъ съ 1741 г. все еще долженъ Франціи двадцать тысячъ дукатовъ.

разгадать и измѣрить причины и дѣйствія любви) эти прелести находили своихъ поклонниковъ. Въ то время жилъ въ Петербургѣ саксонецъ Куртъ фонъ-Шенбергъ, красивѣйшій мужчина своего времени ¹⁾. NN была поражена его красотою и дѣлала ему подъ рукою предложенія, которыя были настолько не двусмысленны и не секретны, что были всѣмъ извѣстны въ Петербургѣ. И что же? Шенбергъ отвергъ предложеніе красавицы NN, стать фаворитомъ которой завистло только отъ него, и предпочелъ дѣни графини Лестока.

Третья жена Лестока была Марія Аврора, баронесса Менгденъ. И этотъ бракъ былъ оригиналенъ: могла-ли Аврора любить человѣка, который, произведенною имъ революціею, сдѣлалъ несчастными какъ ея сестру, извѣстную Юлію Менгденъ ²⁾, такъ и многихъ ея родственниковъ. Впрочемъ, графиня была прелестная женщина и вѣр-

¹⁾ Шенбергъ прекрасно зналъ горное дѣло и былъ посланъ Фридрихомъ Августомъ въ Россію для устройства рудниковъ. Онъ получилъ большія награды за свои важныя услуги по этой части. Этими онъ возбудилъ противъ себя зависть и сталъ несчастливъ, благодаря интригамъ двора слабой Елизаветы. Эта императрица подписала указъ объ арестованіи Шенберга, вовсе того и не предполагая. Когда она вышла изъ залы засѣданія сената въ приемную, она увидѣла Шенберга, подошла къ нему, пожала руку, и несчастный поцѣловалъ ту руку, которая только что подписала его погибель. Въ Россіи онъ былъ генералъ, бергъ-директоръ и кавалеръ ордена св. Александра-Невскаго. Онъ потомъ возвратился въ Саксонію, гдѣ былъ бергъ-гауптманомъ.

²⁾ Юлія, баронесса Менгденъ, была первою придворною дамою и любимицею правительницы Анны Леопольдовны и первая воспитательница юнаго императора Іоанна. Она была уже обручена съ графомъ Линаромъ, польско-саксонскимъ посланникомъ, когда Елизавета вступила на престолъ. Юлія была сослана въ Сибирь, и люди были такъ злы, что назначили ей одно мѣсто ссылки и даже одно помѣщеніе съ ненавиствѣйшимъ для нея человѣкомъ. Это былъ полковникъ Ганнбургъ, адъютантъ принца Антона Ульриха, брауншвейгскаго. Принцъ и принцесса рѣдко бывали вмѣстѣ; адъютантъ и придворная дама слѣдовали примѣру своихъ повелителей. Трудно и представить красивую, талантливую Юлію въ ея новомъ положеніи. Привыкшая къ придворной жизни, она должна была теперь исполнять самыя низкія работы по хозяйству. Она, наконецъ, чтобы одѣться, должна была ткать себѣ матерію. У одного родственника Юліи видѣли мы образцы этой шерстяной матеріи, красной съ бѣлымъ. Въ 1762 г. она возвратилась изъ ссылки и жила въ Лифляндіи. Когда Екатерина II посѣтила въ 1764 г. Ригу, она разговаривалась съ баронессой Менгденъ, приказала показать образцы матеріи и рассказать всѣ подробности ея ссылки. По окончаніи разсказа государыня вскричала: „Cela fait fremir!“ Это говорено было въ 1764 году, именно въ то время, когда бывшій императоръ Иванъ, юный воспитанникъ Юліи, былъ умерщвленъ въ Шлиссельбургѣ. Юлія, баронесса Менгденъ, умерла въ Лифляндіи, въ началѣ 1780-хъ годовъ.

ная подруга своего мужа. Въ день, когда онъ былъ арестованъ, она была въ церкви и у причастія. Можно себѣ представить ея удивленіе, когда она не нашла мужа дома. Она поѣхала къ нему въ крѣпость, чтобъ никогда уже не разставаться съ нимъ. Когда она возвратилась изъ Великаго Устюга и благодарила Петра III, она сказала ему: «Ваше Величество все такой же любезный, человѣколюбивый государь, какимъ и были. Ваше великодушное сердце прощаетъ своимъ врагамъ, но, повѣрьте мнѣ, ваша доброта погубить ¹⁾ васъ. Все таки необходимо казнить многихъ людей, которые извѣстны какъ ваши враги». — «Ахъ, графиня», отвѣчалъ императоръ, улыбаясь, «имѣйте состраданіе къ этимъ бѣднымъ людямъ. Развѣ я не то, чего только могъ желать — не императоръ Россіи? Неужели необходимо съ кровопролитія начинать царствованіе? Предоставимъ жить этимъ людямъ, которыхъ я своими благодѣяніями направлю на лучшія мысли». Графиня жила, какъ и ея мужъ, въ тиши, и никогда не являлась ко двору. По смерти графа, она отправилась въ Лифляндію, гдѣ Екатерина II предоставила ей пожизненно доходы съ 30 гаковъ ²⁾ земли. Тамъ жила она еще въ 1794 году.

Лестокъ не оставилъ дѣтей, но онъ имѣлъ двухъ братьевъ, отъ которыхъ у него была многочисленная родня, получившая изъ имущества графа до 10,000 рублей. Остальное досталось женѣ его. Его старшій братъ, Иванъ Павель, умеръ, кажется, въ 1740-хъ годахъ; мы не знаемъ какую онъ занималъ должность. Онъ оставилъ трехъ сыновей: Іоанна Лудвига, королевско-пруссакаго военнаго и городскаго совѣтника въ Кенигсбергѣ; Августа, королевско-польскаго и курфирстосаксонскаго полковника въ Дрезденѣ, и Христіана Вернера Теодора, императорско-русскаго полковника. Младшій братъ графа Лестока, Лудвигъ, былъ полковникъ прусскаго службы и умеръ въ семилѣтнюю войну. Онъ оставилъ одного сына, Вильгельма, прусскаго поручика въ гусарскомъ полку Цитена, и одну дочь — Анну Софію Гедвигу. Поручикъ Вильгельмъ Лестокъ, вѣроятно, тотъ самый, который прославился въ послѣднюю войну, какъ прусскій гусарскій генералъ. Умершій полковникомъ саксонской службы, Лестокъ замѣчательнѣе преимущественно тѣмъ, что прославившійся въ новѣйшей исторіи Польши генералъ Домбровскій ³⁾ воспитанъ въ его домѣ и отчасти имъ самимъ.

¹⁾ Пророчество графини Лестокъ исполнилось, къ сожалѣнію, буквально.

²⁾ Гаковъ земли стоитъ въ Лифляндіи 5,000 рублей; въ Эстляндіи гаковъ меньше.

³⁾ Домбровскій началъ свою военную карьеру въ саксонской службѣ, гдѣ находился и его отецъ. Во время повторявшихся возстаній въ Польшѣ, сынъ перешелъ въ польскую службу.

Примѣч. переводчика. Иванъ Германъ Лестокъ, 1692—1767. Указъ Елизаветы (Старина, 1871, III, 530); Бумаги Елизаветинскаго царствованія (Осмнадц. вѣкъ, IV, 87, 92); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 129; XXVII, 464; XLII, 246); Реляція востествія Елизаветы на отеческій престолъ (Архивъ, 1872, 1169); Записка канцлера Бестужева (Воронцовъ, XXIV, 60); Допросные пункты Лестоку (Воронцовъ, IV, 160); L'arrêt et disgrâce du comte de L'Estocq (Воронцовъ, XXV, 121); Письма Лестока (Воронцовъ, I, 516; IV, 171; «Рус. Старина», 1877, XVIII, 480); Манштейнъ, 213, 230, 232, 243, 245; Замѣчанія на записки Манштейна «Рус. Старина», 1879, XXVI, 593), Шетарди, 398, 513; Russie, 49, 84, 85, 88, 90, 96, 98, 110, 182, 395; Castera, I, 72, 95, 160; Katharine, 12, 15, 22, 100, 102; Минихъ, 91; Болотовъ, II, 231; Штелинь, Сказанія о Петрѣ В., 1778, 445; Позье, 63; Extraits des dépêches du comte Bernis (Воронцовъ, III, 328); Воронцовъ, I, 471, 493, 512, 531, 549; II, 29; III, 323, 672, 677; IV, 81, 261, 264, 353; V, 9, 10; VI, 180; VII, 207, 526; XXV, 18, 38, 101, 104, 110, 114, 121; Антидотъ (Осмнадц. вѣкъ, IV, 303, 305); Дипломат. документы (Сборникъ, V, 425, 451, 461; XVIII, 19, 98); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 48); Nachrichten von dem Grafen L'Estocq (Büsching, II, 435); Письма гр. Шувалова (Истор. Вѣстн., 1881, IV, 930); Хмыровъ, Гр. Лестокъ (Историч. статьи, Сиб., 1873); М. И. Семейскій, Лестокъ (Чтенія 1884, III, 1); Ursachen der Regierungs-Veränderungen in dem Hause Romanow (Büsching, I, 16, 32); Петровъ, Камерфурьерскій журналъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 226; Н. О. Лопухина («Русская Старина» 1874, XI, 1); Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 14, 30, 40, 43, 726; Хмыровъ, Густавъ Биронъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 289); Вантышъ-К., Словарь, III, 174; Долгоруковъ, II, 318; Neermann, IV, 630, V, 9, 65, 113, 180, 185, 190, 206, 210, 266; Соловьевъ, XVI, 257, 366, XIX, 163; XXI, 148, 161, 223, 301; XXII, 248; XXV, 7; Russica, II, 678. В. В.

XLVI. ШВАРЦЪ.

Шварцъ, нѣмецъ простаго происхожденія, былъ первоначально музыкантомъ въ Петербургѣ. Онъ былъ музыкантъ неискусный и едва кормился своею музыкаю. Естественно, что онъ пыталъ счастья на другихъ путяхъ. Онъ имѣлъ случай сдѣлать путешествіе въ Китай и, какъ человѣкъ съ головой, вынесъ изъ него большую для себя пользу. По возвращеніи, Шварцъ былъ опредѣленъ въ академію наукъ съ содержаніемъ столь ничтожнымъ, что онъ не могъ имъ жить.

Въ этомъ-то печальномъ положеніи ему открылись болѣе радостныя перспективы. Онъ былъ знакомъ съ Лестокомъ, который съумѣлъ воспользоваться имъ, какъ человѣкомъ предприимчивымъ. Лестокъ сообщилъ ему въ общихъ чертахъ планъ революціи и поручилъ ему уговорить гвардейскихъ солдатъ содѣйствовать предстоящему восшествію на престолъ царевны Елизаветы. Шварцъ принялся за дѣло съ необыкновенною ловкостью и рѣшимостью и, вмѣстѣ съ Лестокомъ и Воронцовымъ, своими неутомимыми хлопотами много содѣйствовалъ счастливому исходу революціи 1741 года. Елизавета подарила ему за это значительныя помѣстья и назначила армейскимъ полковникомъ. Это былъ лишь почетный титулъ — онъ никогда не былъ въ военной службѣ, которую и не зналъ.

Шварцъ переѣхалъ въ свое помѣстье, гдѣ и оставался. Тамъ же застигла его и смерть, не особенно почетная: крестьянская дѣвушка заколола его вилами, когда онъ силою хотѣлъ сдѣлать ее своею наложницею.

Примѣч. переводчика. Карлъ Ивановичъ Шварцъ. Дипломат. документы (Сборникъ, VI, 396, 433, 463, 468); Воронцовъ, XXV, 42, 101, 104, 105; Шетарди, 398, 412; *Russie*, 83, 89; Куникъ, Писцевыя вѣсти ижорской земли, I, VII; *Neumann*, V, 16; Соловьевъ, XXI, 150, 152. В. В.

XLVII. ГРЮНШТЕЙНЪ.

Необходимость нравственнаго образованія тогда только становится очевидною, когда тотъ, у котораго нѣтъ этого образованія, почувствуетъ, что несчастливъ именно вслѣдствіе этого недостатка.

Грюнштейнъ, саксонецъ, простаго происхожденія, былъ простой гвардейскій солдатъ и трудился въ своей ротѣ, вмѣстѣ съ Шварцомъ, въ пользу Елизаветы. По восшествіи ея на престолъ, Грюнштейнъ былъ назначенъ адъютантомъ съ чиномъ бригадара ¹⁾ при вновь учрежденной лейб-кампаніи ²⁾. Онъ получилъ большія помѣстья и скоро сталъ генераль-майоромъ. У Грюнштейна не было ума, и еще менѣе нравственности, чтобъ вести себя сообразно своему положенію. Онъ доказывалъ ежедневно, что рожденъ быть только солдатомъ, котораго можетъ сдержать лишь строгая военная дисциплина. Наконецъ, онъ даже въ публичныхъ мѣстахъ сталъ неприлично выражаться объ императрицѣ и ея (приближенныхъ). Онъ былъ арестованъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Великій-Устюгъ.

Въ 1762 г. онъ былъ возвращенъ и отправился въ дарованныя ему нѣкогда имѣнія. Дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна.

Примѣч. переводчика. Юрій Грюнштейнъ. Дипломат. документы (Сборникъ, VI, 392, 460, 506); Мэнштейнъ, 230, 243; Позье, 64; Воронцовъ, XXV, 42; Елизаветинскіе лейбъ-кампанцы (Архивъ, 1880, II, 6); Наталья Федоровна Лопухина („Русская Старина“, 1874, XI, 233); Neumann, V, 193; Соловьевъ, XXI, 151; XXII, 5; XXIV, 439. В. В.

¹⁾ Дословно по Манштейну. Въ придворномъ журналѣ, хранящемся въ государственномъ архивѣ, подъ 23 мая 1742 года записано: „Ея И. Величество изволила быть воспріемницею лейбъ-кампаніи прапорщика Юрья Гринштейна невѣсты“; и подъ 8 ноября того же года: «вечеру была свадьба при дворѣ Ея Императорскаго Величества бригадира и лейбъ-кампаніи адъютанта господина Гринштейна». В. В.

²⁾ Эта лейбъ-кампанія была та рота гвардейскихъ солдатъ Преображенскаго полка, при насильственной помощи которой Елизавета взшла на російскій престолъ. Всѣ солдаты этой роты были возведены въ дворянское достоинство и получили офицерскій чинъ, но въ лейбъ-кампаніи оставались простыми солдатами. Офицерами въ лейбъ-кампаніи были люди первыхъ чиновъ. Елизавета сама объявила себя шефомъ. Эти люди считали себя призванными для произведенія революцій, для великихъ переворотовъ. Они были необузданны. Поэтому-то Петръ III и уничтожилъ ихъ. Екатерина II восстановила ихъ подъ названіемъ кавалергардовъ. Павелъ I далъ имъ роскошную форму, съ серебряными латами, и уставъ, который они сохраняютъ понынѣ. Простыми солдатами въ кавалергардахъ служатъ люди лучшихъ фамилій (?).

XLVIII. АЛЕКСѢЙ РАЗУМОВСКІЙ I.

Прочитавъ эту книгу, читатели замѣтятъ, конечно, что ни при одномъ правительствѣ въ Россіи не было столько (выдвинуто отъ простаго званія людей), какъ въ правленіе императрицы Елизаветы. (Высшее общество) кипѣло крестьянами, конюхами, кучерами, солдатами и лакеями, которые, сознавая свои неспособности, хотя и не опредѣлялись на государственную службу, но занимали важныя придворныя должности, обвѣшивались орденами и получали страшныя богатства.

Алексѣй Разумовскій былъ сынъ украинскаго крестьянина. Изъ за своего прекраснаго голоса, онъ былъ принятъ пѣвчимъ въ церковь какого-то маленькаго городка. Полковникъ Вишневскій взялъ его оттуда къ себѣ въ услуженіе. Онъ рекомендовалъ его потомъ обергофмаршалу графу Левенвольде ¹⁾ который далъ ему мѣсто въ хорѣ императорскихъ пѣвчихъ. Здѣсь увидала его царевна Елизавета и была поражена его красивымъ лицомъ (и голосомъ). Елизавета сдѣлала предложеніе Разумовскому (поступить къ ея двору). Она упростила графа Левенвольде оставить ей этого молодого человѣка.

Алексѣй сталъ сперва пѣвчимъ и, когда началъ терять голосъ, бандуристомъ при царевнѣ Елизаветѣ. Около этого же времени, одинъ изъ ея приближенныхъ, Шубинъ, по приказанію императрицы Анны, былъ сосланъ въ Сибирь. Его мѣсто стало вакантнымъ. Цесаревна Елизавета повышала Разумовскаго, какъ могла, и вскорѣ сдѣлала его главнымъ интендантомъ всего своего двора. По смерти императрицы Анны, Елизавета, получившая тогда уже болѣе свободы, назначила его, незадолго до своего восшествія на престолъ, своимъ

¹⁾ Непонятно, какимъ образомъ Алексѣй не сдѣлалъ ничего, чтобъ спасти Левенвольде, которому онъ всѣмъ обязанъ. Если его руки не были связаны, то такое поведеніе показываетъ крайнюю безчувственность.

камеръ-юнкеромъ Императрица Анна видѣла, что Разумовскій пользуется своимъ счастьемъ скромно и умѣренно; сверхъ того, она все еще надѣялась, при помощи какого либо брака, удалить царевну, которая, какъ дочь Петра I, была для нея неудобна— по этимъ-то соображеніямъ она признавала необходимымъ падить чувствительность Елизаветы и не тревожила ея (приближенныхъ).

Какъ только Елизавета взошла на престолъ, (положеніе Разумовскаго еще болѣе упрочилось). Въ первые же дни своего царствованія, императрица возвела его въ камергеры. Въ день коронаціи этой государыни онъ сдѣланъ обер-егермейстеромъ, русскимъ графомъ и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Наконецъ, онъ получилъ званіе генераль-фельдмаршала. Богатства, полученныя имъ мало-по-малу, были неисчислимы.

.
 (Вслѣдствіе возвышенія при дворѣ) молодого Шувалова (Ив. Ив.), Разумовскій потерялъ свои права, (но) до самой смерти императрицы, пользовался тѣми же отличіями и почетомъ.

По смерти Елизаветы онъ переѣхалъ въ Анничковскій дворецъ ¹⁾, который для него и былъ выстроенъ. Такъ какъ онъ думалъ, что не можетъ полагаться на благоволеніе новаго государя Петра III, хотя они были, вообще говоря, въ хорошихъ отношеніяхъ, то онъ, по русскому обычаю ²⁾, подарилъ императору по случаю переѣзда его въ Зимній дворецъ, великолѣпную палку и миллионъ рублей. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовало (восшествіе на престолъ Екатерины II).

Разумовскій прожилъ еще нѣсколько лѣтъ при слѣдующемъ правленіи, почитаемый и цѣнимый всѣми, кто его зналъ. Онъ рѣдко видѣлъ дворъ, не избѣгая его, однако, нарочно, и, напротивъ, былъ очень доволенъ, если придворные и вообще высшее общество собиралось у него. Сама императрица посѣщала его иногда.

Мы слышали, что Алексѣй Разумовскій умеръ въ 1770-хъ годахъ.

Лица знавшія его, говорятъ, что онъ былъ красивый, честный и добродѣтельный человекъ, но ограниченная голова. Ему никогда не поручалось никакихъ дѣлъ, потому что Елизавета хотѣла падить

¹⁾ Анничковскій дворецъ до сихъ поръ одинъ изъ роскошнѣйшихъ дворцовъ въ Петербургѣ. Онъ построенъ по рисунку графа Растрелли, который много построилъ дворцовъ въ этой столицѣ. Даже императорскій зимній дворецъ построенъ имъ-же. Названіе Анничковъ дворецъ получилъ отъ близъ лежащаго моста, который названъ такъ по фамиліи перваго полицейскаго пристава въ этой части города.

²⁾ Въ Россіи, при переѣздѣ въ новый домъ, являются друзья семьи и приносятъ подарокъ, который называется хлѣбомъ-солью.

его и даже издала для этого приказъ, чтобъ никто не осмѣливался подавать ему ни просьбъ, ни записокъ.

Утверждаютъ ¹⁾, будто Разумовскій имѣлъ восемь дѣтей, къ числу которыхъ должны быть отнесены всѣ братья и сестры Закревскіе, но лица, которыя могли это знать, увѣряютъ, что одинъ только тайный совѣтникъ и президентъ медицинской коллегіи Закревскій былъ сынъ графа Разумовскаго. Закревскій имѣлъ, сколько намъ извѣстно, трехъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла за генерала Павла Потемкина. Двѣ же оставались дѣвушками еще въ 1790-хъ годахъ, и обѣ не такъ хороши, какъ ихъ старшая сестра. Закревскій умеръ, кажется, въ концѣ 1790-хъ годовъ.

Съ возвышеніемъ графа Алексѣя Разумовскаго, въ Петербургъ пріѣхали, вѣроятно, многіе съ этою же фамилією. Такъ, въ Петербургѣ были двѣ дѣвицы Разумовскія, изъ которыхъ одна вышла за бригадира Деденова, человѣка крайне страннаго и для общества невозможнаго характера. Намъ неизвѣстно въ какомъ родствѣ была она съ графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ.

Примѣч. переводчика. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, 1709—1776. Письма А. Разумовскаго (Архивъ, 1876, I, 488); Письма Елизаветы Петровны (Архивъ, 1870, 273); Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1398, 1401); Тайная канцелярія при Елизаветѣ („Русская Старина“, 1875, XII, 528); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 347); Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 40); Дипломат. документы (Сборникъ, VI, 439; XVIII, 27; XIX, 467); Шаховской, 50, 57; Манштейнъ, 243; Masson, 429; Russie, 99, 100, 123; Castéra, I, 74, 135, 156; II, 171; Segur, I, 347; Воронцовъ, I, 7, 12, 20; VI, 215, 316; VII, 213; Храповицкій, 68, 346; Державинъ, 434; Catherine, 112, 150; Щербатовъ, 101; Reimers, I, 252; Нелѣпые слухи о Разумовскомъ (Пекарскій, Бумаги Арсеньева, 338); Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 512, 514, 675; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, Москва, 1869; Карабановъ, II, 489; III, 275; IV, 379, 385; V, 130; Варсуковъ, Иоасафъ Батуричъ (Россія, 1875, I, 176); Сочиненія Державина, изд. Грота, IX, 723; Бантышъ-К., Словарь, IV, 264; Списки, 95, 192, 290; Карабановъ-Долгоруковъ, 109; Кн. Лобановъ Рост., Родословн. кн., 70; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 281; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 2; Hegmann, V, 265; Соловьевъ, XXI, 169; XXIV, 95; XXV, 9, 83; Сантовъ, 110.

В. Б.

¹⁾ Duclou, Mémoires secrets sur la France.

XLIX. КИРИЛЛЪ РАЗУМОВСКІЙ II.

Кириллъ или Кирилла Разумовскій былъ младшій братъ графа Алексѣя Разумовскаго, избранника императрицы Елизаветы. По восшествіи на престолъ этой монархини, онъ былъ вызванъ вмѣстѣ съ всею матерью въ Петербургъ. Мать оставалась при дворѣ и императрица относилась къ ней съ большимъ почтеніемъ. Такъ какъ эта женщина была рождена не для того мѣста, на которое ее помѣстили, то отсюда происходили разныя комическія сцены, за которыя (приходилось) краснѣть.

Молодой Кириллъ былъ посланъ съ своимъ гофмейстеромъ въ Берлинъ, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ и былъ воспитанъ знаменитымъ Эйлеромъ такъ хорошо, какъ только было возможно, не прибѣгая къ принужденію. Для академіи наукъ не было, конечно, особой похвалой, что президентомъ этого собранія ученыхъ мужей назначили этого молодого человѣка, когда онъ возвратился изъ Берлина. Вскорѣ затѣмъ императрица назначила его, тогда 19-ти лѣтняго юношу, казацкимъ гетманомъ ¹⁾ — мѣсто, ставившее его выше всѣхъ придворныхъ и дававшее большіе доходы. Елизавета же назначила его полковникомъ Измайловскаго полка.

Съ преемникомъ этой государыни онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, кажется, только въ началѣ, и вскорѣ же перешелъ вполнѣ на сторону Екатерины. Къ этому его побудили лица, на честность которыхъ онъ вполнѣ полагался; между прочимъ и Тепловъ. Счастливый исходъ революціи 1762 года рѣшилъ, главпѣйшимъ образомъ, его подкѣ. Какъ ни была велика услуга, которую Разумовскій оказалъ этимъ императрицѣ, она все таки забыла объ этомъ одолженіи. Она лишила его гетманства, сдѣлала его фельдмаршаломъ, что уже пред-

¹⁾ Гетманъ—то же, что фельдмаршалъ. Но съ гетманствомъ связывались нѣкоторыя верховныя права.

ставляло низшій чинъ, и дала ему за это ежегодную пенсію въ 72,000 рублей— сумму, которая далеко не равнялась прежнимъ доходамъ.

Хотя Разумовскій былъ фельдмаршаломъ, онъ вовсе не былъ даже военнымъ. Приѣзжаетъ онъ однажды въ Берлинъ и Фридрихъ II спрашиваетъ его: „командовалъ-ли онъ уже арміей?“— „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, шутя, „я только статскій генералъ“.— „А“, вскричалъ король смѣясь, „этого мы здѣсь не знаемъ!“ Дѣйствительно, онъ никогда не командовалъ ни арміей, ни даже небольшимъ отрядомъ. Тѣмъ не менѣе подъ его начальствомъ находилась дивизія изъ нѣсколькихъ полковъ, одна изъ самыхъ маленькихъ дивизій.

Когда умеръ его братъ, онъ наслѣдовалъ большую часть его громаднаго состоянія и сталъ вслѣдствіе этого необыкновенно богатъ. Его годовой доходъ значительно превышалъ 300,000 рублей. Но должно сказать, что онъ много и расходовалъ. Онъ имѣлъ на Мойкѣ, въ Петербургѣ, одинъ изъ роскошнѣйшихъ и обширнѣйшихъ дворцовъ въ городѣ. Здѣсь онъ жилъ какъ владѣтельная особа. Вычисляли, что у него въ этомъ домѣ было болѣе 200 человекъ одной прислуги. Онъ давалъ большія праздники, у него часто бывали многочисленныя собранія и ежедневно былъ приемъ. Туда всѣхъ влекло доброе, искреннее и благородное обхожденіе фельдмаршала, его достойныхъ сыновей и его дочерей, соединявшихъ съ умомъ и утонченную любезность.

Князь Потемкинъ съ удовольствіемъ узналъ бы, что графъ Разумовскій, превосходившій его чиномъ, желаетъ выйти въ отставку. Но графъ не хотѣлъ доставить ему это удовольствіе. Только уже по смерти князя, въ срединѣ 1790-хъ годовъ, онъ попросился въ отставку. Екатерина II отказала ему въ этомъ и дала только отпускъ на два года. Онъ отправился въ Москву и былъ еще тамъ, когда умерла императрица. Павелъ I, равнымъ образомъ, утвердилъ его во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Наконецъ, онъ умеръ, въ началѣ XIX столѣтія, въ глубокой старости. Онъ былъ тогда генералъ-фельдмаршалъ, членъ верховнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, президентъ академіи наукъ, дѣйствительный камергеръ, полковникъ измайловской гвардіи и кавалеръ орденовъ св. Андрея, Бѣлаго Ордя, св. Александра Невскаго и св. Анны.

У него былъ не блестящій, но правильно развитой умъ; онъ былъ не безъ знаній. Онъ говорилъ очень хорошо по нѣмецки и по французски. Недостатокъ крупныхъ талантовъ онъ возмѣщалъ патріотизмомъ, честностью и благотворительностью— качества, которыми онъ обладалъ въ значительной степени и которыми приобрѣлъ общее уваженіе.

Графиня Разумовская была знатнаго рода, назвать которой мы не умѣемъ. Намъ кажется ¹⁾, что она была сестра жены обершталмейстера, Маріи Осиповны Нарышкиной ²⁾.

Изъ дѣтей, которыхъ у него было весьма много, особенно замѣчательны три сына и двѣ дочери.

Андрей, человекъ крайне вѣжливый и обладавшій проницательнымъ умомъ, былъ посланникомъ въ Неаполѣ и Стокгольмѣ и посломъ въ Вѣнѣ. Онъ извѣстенъ своими отношеніями съ королевою неаполитанскою Марією Каролиной и дружбою съ великою княгинею Натальею Алексѣевною, первою супругою Павла I.

Алексѣй, или вѣрнѣе Григорій ³⁾, тайный совѣтникъ и сенаторъ, выпедшій въ отставку, чтобъ посвятить себя только наукамъ. Онъ, быть можетъ, самый ученый изъ русскихъ и во всякой академіи наукъ считался бы однимъ изъ первыхъ ученыхъ.

Петръ былъ генералъ и, быть можетъ, остается генераломъ и по нынѣ. Онъ отличился въ шведскую войну.

Одна изъ дочерей вышла за Апраксина ⁴⁾ и жила въ Москвѣ. Другая дочь, Наталья, извѣстна своимъ умомъ, острою и любезностью. Она—жена обершенка, камергера и кавалера орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны, Заграйскаго ⁵⁾, имя, которое не должно смѣшивать съ Закревскимъ. Заграйскій очень уважаемый человекъ какъ за свои познанія, такъ и за характеръ.

¹⁾ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной (1729—1771), двоюродной сестрѣ Льва Александровича Нарышкина, который былъ женатъ на Маринѣ (не Маріи) Осиповнѣ Закревской. В. В.

²⁾ Ея мужъ былъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Александръ Львовичъ и Дмитрій Львовичъ, занимающіе высокія придворныя должности, произошли отъ этого брака.

³⁾ Графъ Алексѣй Кириловичъ (1748—1822), министръ народнаго просвѣщенія, женатый на графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой. Григорій же Кириловичъ, бригадиръ, замѣчательнъ лишь тѣмъ, что при живой женѣ (баронессѣ Мальденъ), безъ развода, женился на Шенкѣ де Кастель и дѣти отъ этого брака не признаны въ Россіи. А. Г. С. I, ч. 2, 4. В. В.

⁴⁾ Графъ Петръ Федоровичъ Апраксинъ, во второмъ бракѣ на Елизаветѣ Кириловнѣ Разумовской. Онъ увезъ ее при жизни первой жены, рожд. графини Анны Павловны Ягужинской, которая пошла въ монастырь (въ иночникъ Августа). В. В.

⁵⁾ Николай Александровичъ Загражскій. Его жена, Наталья Кириловна, была старшею изъ дочерей графа Кирила Григорьевича. В. В.

Примѣч. переводчика. Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, 1728—1803. П. С. З., № 12, 277; Письма Екаторины II („Русск. Ст.“, 1875, XIV, 452; 1876, XVI, 465; XVII, 411, 415); Бумаги Екаторины II (Сборникъ, VII, 109, 115, 119, 314; XXVII, 473, 590; XLII, 80, 223, 279, 385, 467, 470; Доклады К. Г. Разумовскаго (Чтенія, 1867, I, 4); Комиссія уложенія (Сборникъ, XLIII, 6, 69, 463); Письма Разумовскихъ (Архивъ, 1872, 0467; Воронцовъ, IV, 379, 421; VI, 327; Сборникъ, XVI, 85, 429, 434, 460; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 384); Воронцовъ, I, 419, 532; II, 156, 157; IV, 458; VI, 216; VII, 79, 223; IX, 29, 280, 298; XIII, 186; XXI, 53; XXV, 217; Сатирич. каталогъ Екаторины II (Архивъ, 1871, 2039); Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 7, 53, 339; XVIII, 416; XIX, 20, 21, 133, 410; XXII, 36, 71, 247; XXXV, 179); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 12, 283; XLV, 86); Письмо Фридриха II (Сборникъ, XX, 224); Зноповевъ, 232; Разказы Саягена (Старина, 1883, XL, 145); Гр. К. Г. Разумовскій (Старина, I, 44, 99, 116, 117; II, 106, 194, 197; III, 594, 596; IV, 60, 67, 693; V, 130; VIII, 706; XI, 244); Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 237); Rulhière, IV, 355; Манштейнъ, 307; Дмитріевъ, 137; Russie, 101, 148, 208, 282, 319; Castéra I, 84, 211, 270, 291, 300, 303, 338; II, 145, 160, 162, 345, 351, 373; Segur, I, 346; II, 121, 125, 126, 128; Державинъ, 434, 529; Энгельгардтъ, 39; Храповицкій, 73, 93, 135, 148; А. К. Разумовскій (Библиогр. Зап. III, 549); Сердобинъ, Гр. Панинъ („Русск. Стар.“, 1873, VIII, 342); Соловьевъ, Сенатъ въ царствованіе Екаторины II (Россія 1875, I, 22); Полѣновъ, Русскій законѣдъ XVIII вѣка (Архивъ, 1865, 585); Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 283, 285; Гротъ, Жанъ Фази при дворѣ Екаторины II (Старина, 1875, XIV, 590); Пекарскій, Ист. акад. наукъ, 46, 49, 115, 142, 261, 278, 342, 351, 360, 367, 369, 370, 446, 471, 548, 647, 661, 675, 676, 685, 693, 695, 711, 728; Поповъ, Георгій Дандоло (Библиогр. Зап., II, 213); Вантышъ-К., Словарь, IV, 266; Списки, 100, 199, 291; Карабановъ-Долгоруковъ, 118, 148, 198; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 2; II, 69; Неггманн, V, 567, 693; VI, 185; VII, 398; Соловьевъ, XXIII, 48; XXV, 83, 136; Russica., I, 398 (см. примѣч. подъ № XLVIII).

В. В.

Г. ШУБИНЪ.

....Шубинъ, русскій простолюдинъ, началъ свою военную службу съ низшихъ ступеней въ царствованіе императрицы Екатерины I. Онъ (сдѣлался извѣстенъ при дворѣ царевны Елизаветы) въ 1726 году По смерти матери, Елизавета получила большую свободу, но кругъ ея вліянія сталъ еще тѣснѣе. Ея значеніе было настолько слабо въ царствованіе Петра II, что, не смотря на обѣщанія, Шубинъ могъ дослужиться не выше, какъ до мѣста сержанта. (Шубинъ велъ себя грубо и невѣжливо при дворѣ Елизаветы. Императрица Анна рѣшила его удалить). Безъ всякаго приготовленія Шубинъ былъ отвезенъ въ Сибирь, гдѣ томился въ подземной темницѣ, пока Елизавета, ставъ императрицей, не освободила его. Эта государыня взошла на престолъ въ ночь съ 24 на 25-е ноября 1741 года и уже въ 5 часовъ утра послала она въ Сибирь курьера и обѣщала ему большія награды, если онъ отыщетъ Шубина. Достигнуть этого, дѣйствительно, было трудно. Шубинъ, какъ и всѣ ссылаемые, долженъ былъ передъ отъѣздомъ измѣнить свое имя и поклясться никому не открывать его. Его настоящее имя было потомъ забыто и, напротивъ, въ тайной канцеляріи записано вновь принятое имъ имя. Такимъ образомъ, никто, кромѣ самого Шубина, не могъ дать въ Сибири никакихъ свѣдѣній. Курьеръ, посланный съ порученіемъ отыскать Шубина, посѣтилъ въ обширной Сибири всѣ тюрьмы, спрашивалъ всѣхъ ссыльныхъ, какъ ихъ зовутъ, и не находилъ Шубина, потому что курьеръ былъ настолько недогадливъ, что не говорилъ, кто его послалъ и кто тогда царствовалъ въ Россіи. Наконецъ, тщетно проискавъ около двухъ лѣтъ, и уже возвращаясь въ Россію, посѣтилъ онъ вторично одну тюрьму, переспросилъ опять всѣхъ и, наконецъ, съ отчаяніемъ воскликнулъ: «Что же скажетъ наша императрица Елизавета Петровна, если я не привезу ей Шубина?» «Что?» вскричалъ одинъ изъ арестантовъ, «если императрицею теперь Елизавета, то я—Шу-

бинъ». Такимъ образомъ этотъ несчастный получилъ возможность опять наслаждаться свободною жизнью.

Шубинъ выѣхалъ изъ Сибири и прибылъ въ Петербургъ лѣтомъ 1743 года. Онъ тотчасъ же (неслыханное повышеніе) изъ сержантовъ сталъ маіоромъ гвардіи, генераль-маіоромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Прежняя благосклонность Елизаветы къ Шубину представлялась опасною. Алексѣй Разумовскій желалъ поэтому удаленія Шубина. Это желаніе вполнѣ согласовалось съ склонностью Шубина къ частной жизни. Онъ не былъ созданъ для двора и дворъ былъ не для него. Елизавета подарила ему значительныя имѣнія въ Россіи. Онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-лейтенанта, уѣхалъ въ имѣнія и никогда не выѣзжалъ изъ нихъ. Тамъ жилъ онъ еще въ 1749 году.

Лица, видѣвшія Шубина при дворѣ, по возвращеніи его изъ Сибири, увѣряли, что онъ былъ блѣдный и заботы сильно измѣнили его лицо, но что все еще можно было открыть слѣды прежней красоты. Что онъ былъ совершеннымъ мужикомъ—это вполнѣ понятно, и по его возвращеніи это замѣчалось съ перваго же взгляда. Вскорѣ увидѣли ясно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшей способности къ какому либо дѣлу мало-мальски важному. Уже то, что онъ открылся въ Сибири курьеру лишь послѣ усиленныхъ разросовъ, ясно показываетъ, что это была крайне ограниченная голова.

Примѣч. переводчика. Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ. Манштейнъ, 248; Russie, 95, 100; Дипломат. документы (Сборникъ, VI, 485, 486); Воронцовъ, I, 19; Н. О. Лопухина („Русск. Стар.“, 1874, XI, 41); Судьба вн. Долгорукихъ (Кашпиревъ, I, 191); Егоръ Столѣтовъ („Русск. Стар.“, 1873, VIII, 11, 20); Есиповъ, Яганна Петрова (Истор. Вѣстн., 1880, I, 548); Петровъ, А. Я. Шубинъ (Кашпиревъ, I, 146); По дѣлу о Шубинѣ (Кашпиревъ, II, 318); И. А. Шубинъ (Москвитанинъ, 1849, XX, 132; 1851, I, 125); Бантышъ-Б., Словарь, III, 548; Негтманн, V, 186; Соловьевъ, XXI, 245; вн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій: Русск. Родосл. книга, 343; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 253.

В. В.

II. БЕРГЕРЪ.

Имя человѣка, о которомъ говорится въ этой статьѣ, составляетъ почти все, что мы знаемъ о его жизни. Но этотъ человѣкъ даетъ поводъ разказать одну изъ ужаснѣйшихъ сценъ въ царствованіе императрицы Елизаветы. Когда знаешь, что этотъ Бергеръ былъ виновникомъ этого ужаснаго несчастія, то ужъ не нуждаешься знать другія обстоятельства его жизни. Злость была, вѣроятно, основой его характера и мотивомъ его поступковъ. Быть можетъ, вмѣсто этихъ дурныхъ качествъ можно было бы поставить необдуманность и слабоуміе, но какъ печально извинять его поступки такими недостатками!

Бергеръ былъ курляндецъ, простаго происхожденія. Онъ отправился въ Россію, гдѣ владычествовалъ тогда Биронъ при дворѣ Анны. Бергеръ вступилъ въ военную службу и, благодаря рекомендаціи, сталъ офицеромъ армейскаго полка. Въ 1743 г. онъ былъ назначенъ ѣхать въ Ярославль, въ мѣсто ссылки графа Левенвольде, чтобъ принять надзоръ надъ этимъ важнымъ узникомъ, исполнявшійся до того другимъ офицеромъ, Соликамскимъ ¹⁾. Этотъ надзоръ во всякомъ случаѣ былъ скученъ, подвергалъ большой отвѣтственности и во всѣхъ отношеніяхъ непріятенъ. Бергеръ хотѣлъ отдѣлаться отъ этого порученія, но у него не было къ тому предлога. Наконецъ, случай представилъ ему такой предлогъ и онъ воспользовался имъ самымъ варварскимъ образомъ.

Статсъ-дама Лопухина, жена генераль-лейтенанта и камергера, услышавъ, что на поручика Бергера возложенъ надзоръ за графомъ Левенвольде, поручила своему сыну, который былъ камеръ-юнкеромъ при императорѣ Иванѣ, а теперь былъ ничѣмъ, познакомиться съ

¹⁾ Изъ простаго званія, безъ фамильнаго имени, родомъ изъ города Соликамска Казанской губерніи.

поручикомъ Бергеромъ и просить его передать графу Левенвольду, что она постоянно вспоминаетъ его и отъ своего имени просить не унывать и надѣяться на лучшія времена.

Этому невинному выраженію утѣшенія, которое подруга послала своему страдающему другу и которое ни на чемъ не основывалось, было придано толкованіе, (какъ государственному преступленію). Оно послужило предлогомъ къ тому, чтобъ наказать, какъ за государственное преступленіе, за сплетню, распространенную бабами и молодежью и принятую за оскорбленіе (ея величества). Дѣло вотъ въ чемъ: графиня Лопухина и графиня Бестужева, жена обергофмаршала и нѣкогда вдова графа Ягужинскаго, сказали будто-бы однажды, что онѣ еще и теперь, уже довольно пожилыя дамы, красивѣе императрицы. Говорили-ли онѣ это или не говорили, но такой прошелъ слухъ, разнесенный бабьемъ и молодежью, и достигъ Елизаветы. Елизавета (вознегодовала) какъ только ея красота подвергалась сомнѣнію. Ея довѣренныя приближенныя должны были теперь найти случай къ мщенію, и этотъ случай скоро представился.

Бергеръ попалъ на дьявольскую мысль, что порученіе г-жи Лопухиной можетъ освободить его отъ караула при графѣ Левенвольде. Вопреки своему убѣжденію, онъ это порученіе истолковалъ въ смыслѣ задуманнаго возмущенія, доноситъ на которое думалъ выслужиться. Онъ донесъ генералу Ушакову, князю Никитѣ Трубецкому и графу Лестоку.

Генералъ Ушаковъ много лѣтъ уже былъ инквизиторомъ Россіи или президентомъ тайной канцеляріи. Въ этомъ качествѣ кругъ его вѣдѣнія при Елизаветѣ былъ неограниченъ. Князь и мужикъ равно чувствовали всю свою ничтожность передъ авторитетомъ генерала Ушакова. Онъ славился необыкновенною строгостью, и хотя ему нельзя было отказать и въ большой справедливости, но при одномъ его имени трепетали всѣ жители Россіи. Князь Никита Трубецкой имѣлъ чрезвычайно деспотическіе принципы и не отличался ни чловѣколюбіемъ, ни снисходительностью. Характеръ графа Лестока извѣстенъ уже изъ этой книги. Тогда, въ 1743 году, онъ, ради предосторожности, соблюдалъ болъшую строгость, чѣмъ та, которая была въ его характерѣ: онъ все еще опасался, что новое зданіе правленія Елизаветы такъ же легко можетъ быть разрушено, какъ онъ воздвигъ его.

Къ этимъ-то тремъ людямъ отправился Бергеръ, рассказалъ имъ порученіе г-жи Лопухиной и далъ при этомъ понять, что, какъ онъ полагаетъ, заманчивая надежда, выраженная Лопухиной, должна же на чемъ нибудь основываться. Ему посовѣтовали разговориться объ

этомъ съ молодымъ Лопухинимъ при свидѣтеляхъ. Бергеръ исполнилъ совѣтъ. Онъ отправился въ тотъ трактиръ, гдѣ собирались обыкновенно молодые люди. Лопухинъ явился. Онъ, Бергеръ и извѣстный Мальтиць ¹⁾, адъютантъ принца гессен-гомбургскаго, явившійся въ качествѣ свидѣтеля, пили вмѣстѣ. Бергеръ прикинулся недовольнымъ и простодушный Лопухинъ попался въ ловушку: онъ сталъ говорить объ императрицѣ довольно свободно и вообще въ выраженіяхъ неосторожныхъ. Больше ничего и не нужно было его измѣнникамъ. Все это было передано Елизаветѣ. Бывшія при ней приживалки тотчасъ закричали, что Лопухина и графиня Бестужева всегда дурно отзывались объ императрицѣ, что въ этомъ кроется проэктъ заговора и что зло надо пресѣчь въ самомъ корнѣ. Елизавета пришла въ страшный гнѣвъ, вспомнила преступленіе противъ ея оскорбленной красоты и, въ полномъ пылу своего женскаго гнѣва, тотчасъ же приказала арестовать даже самыхъ отдаленныхъ участниковъ этого государственнаго преступленія, которыхъ, конечно, въ связи съ изгнанниками, судить и публично наказать, особенно же обѣихъ дамъ. Императрица хотѣла даже уѣхать въ Петергофъ, но раздумала.

Начало слѣдствія было ужасно. Въ ночь съ 4-го на 5-е августа 1743 г. по всѣмъ улицамъ Петербурга ходили патрули. Въ тотъ же вечеръ начались аресты. Генераль-лейтенантъ Лопухинъ, его жена и сынъ ихъ были арестованы. Придворная дама, фрейлина Лопухина, была въ Петергофѣ, при молодомъ великомъ князѣ, который очень ее любилъ за веселую бесѣду. На другое утро она пріѣхала въ городъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ, и, подъ предлогомъ, что ея мать смертельно больна, она была отвезена въ родительскій домъ и тамъ арестована. 6-го августа, графиня Бестужева, жившая въ деревнѣ, была арестована, вмѣстѣ съ своею старшею дочерью, и привезена въ Петербургъ. Ея супругу дано было знать, чтобъ онъ ничего не опасался и что онъ можетъ оставаться въ деревнѣ. Всѣ арестованные были сперва свезены въ Елизаветинскій дворецъ, который можно еще видѣть (1810 г.) на нынѣшнемъ Марсовомъ Полѣ. Вскорѣ затѣмъ Лопухинъ, Лопухина и графиня Бестужева были перевезены въ петербургскую крѣпость. Дочери, найденныя невиновными, были отосланы по домамъ.

Была образована особая комиссія. Членами ея назначены: генералъ Ушаковъ, князь Трубецкой и графъ Лестоки; протоколистомъ былъ статскій совѣтникъ Демидовъ. Ежедневно арестовывали мно-

¹⁾ Майоръ Фалькенбергъ, по Мавштейну, Мальтиць—по Пецольту.

гихъ: если кто-либо, хоть годъ назадъ, сказалъ какое-либо слово, которое поддавалось произвольному истолкованію, выразилъ недовольство настоящимъ и вспомнилъ о счастливомъ прошедшемъ, и былъ теперь оговоренъ своимъ врагомъ, онъ считался уже соучастникомъ этого мнимаго государственнаго заговора и привлекался къ суду. На этомъ основаніи были арестованы, между прочими, жены камергеровъ Лиліенфельдъ и княгиня Гагарина, рожд. Ягужинская, гвардейскій поручикъ Машковъ, гвардейскій капитанъ князь Путятинъ, статскій совѣтникъ Зыбинъ и другіе. Молодой Лопухинъ былъ пытанъ подъ кнутомъ и боль вынудила у него сознаніе во всемъ, что ему диктовали.

Дѣло приняло еще болѣе серьезный оборотъ, даже внѣшне-политическій. Маркизь Ботта ¹⁾, посланникъ королевы венгерской и чешской, давно уже выѣхавшій изъ Россіи, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ домами Лопухиныхъ и Бестужевыхъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалось французское посольство, чтобъ привлечь на свою сторону русскій дворъ и нанести чувствительный ударъ австрійскому, который тогда постоянно враждовалъ съ французскимъ дворомъ. Далльионъ сообщилъ экстракты изъ никому неизвѣстныхъ писаній, въ которыхъ значилось, будто Ботта говорилъ, что правленіе Елизаветы не можетъ продолжаться. Онъ прибавлялъ къ этому, будто Ботта передъ своимъ отъѣздомъ переговаривалъ съ г-жей Лопухиной и графиней Бестужевой о томъ, чтобъ побудить прусскаго короля Фридриха II къ восстановленію брауншвейгской фамиліи.

Въ Вѣну отправились жалобы на Ботту. Марія Теревія, болѣе человѣчная, умная и справедливая, написала своему резиденту Гогенцоллеру, что маркиза Ботту нельзя осуждать; что для этого необходимо имѣть обстоятельныя доказательства. Тогда было приказано отправить въ Вѣну цѣлую кипу — протоколовъ, въ которыхъ почти ничего не было, кромѣ бабьихъ сплетенъ, причемъ требовалось удовлетвореніе. Въ этомъ до нѣкоторой степени уступили: Ботта дѣйствительно былъ нѣкоторое время въ немилости, по крайней мѣрѣ по виду. Фридрихъ II, о которомъ тоже шла рѣчь въ этихъ допросахъ, какъ только освѣдомился объ этомъ, принесъ чрезъ своего посланника, барона Мардефельда, большія извиненія въ Петербургѣ и торжественно завѣрялъ, что ему никогда не были дѣлаемы предложенія о восстановленіи брауншвейгской фамиліи на русскомъ престолѣ, но если-бъ таковыя и были сдѣланы, то они, конечно, тотчасъ были бы отвергнуты.

¹⁾ Маркизь Ботта былъ миланецъ родомъ; позже онъ удалился отъ дѣлъ и умеръ въ Италіи.

Между тѣмъ какъ все это продѣлывалось за границей, въ Россіи продолжалось слѣдствіе, чтобъ доставить глазамъ удовольствіе видѣть совершеніе казней палачомъ. Состоялось большое засѣданіе. Сенатъ и синодъ должны были поклясться, что будутъ молчать и судить. Синодъ хотѣлъ устраниваться отъ дѣла, но долженъ былъ присутствовать, чтобъ самому не показаться подозрительнымъ.

На другой день послѣ праздника Александра Невскаго, т. е. 11 сентября, происходила казнь на тогдашнемъ лобномъ мѣстѣ на Васильевскомъ островѣ. За два дня предъ тѣмъ объ этомъ извѣщалось съ барабаннымъ боемъ. Генераль-лейтенантъ Лопухинъ, его жена, императорская статсдама, жена обергофмаршала графиня Бестужева, молодой Лопухинъ, поручикъ гвардіи Машковъ, князь Путятинъ, маіоръ гвардіи и статскій совѣтникъ Зыбинъ были биты кнутомъ. Первымъ четвернымъ, сверхъ того, отрѣзаны языки. Палачи, наказывавшіе кнутомъ, показывали присутствовавшимъ вырванные куски мяса и съ дьявольскою усмѣшкою предлагали купить ихъ. Затѣмъ несчастные были отвезены на маленькихъ мужицкихъ телѣгахъ за десять верстъ, гдѣ они въ деревушкѣ могли проститься съ родными. Потомъ, по одиночкѣ, были они развезены въ мѣста ихъ ссылки. Многія другія лица, привлеченныя къ слѣдствію, были сосланы въ Сибирь прямо изъ тюрьмы. Очень немногіе избѣгли наказанія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе сплетни, основанной, вѣроятно, на одной лжи, погибло много семей. И такъ часто бываетъ. Ничтожныя причины ведутъ къ ужаснымъ послѣдствіямъ.

Чувствованія Бергера, если онъ способенъ былъ чувствовать, должны были быть ужасны при видѣ этихъ казней.

Болѣе подробное изложеніе обстоятельствъ его презрѣнной жизни не имѣетъ, конечно, никакой прелести для любопытства нашихъ читателей. Бергеръ получилъ разрѣшеніе не ѣхать къ графу Левенвольде, которое онъ купилъ несчастіемъ столь многихъ людей. Хотя онъ довольно быстро повышался въ арміи, но имѣлъ дурное счастье и умеръ наконецъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, генераль-маіоромъ, но въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Примѣч. переводчика. Яковъ Ѳеодоровичъ Бергеръ. Манштейнъ, 290; Запѣчанія на записки Манштейна („Русск. Стар.“, 1879, XXVI, 613); Дипломат. документы (Сборникъ, VI, 490, 497); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XII, 124); М. М. Семеvскій, Н. Ѳ. Лопухина (Русск. Вѣстн., 1860, XVII, 5); Н. Ѳ. Лопухина („Русск. Стар.“, 1874, XI, 1); Лонгиновъ, Запѣтка (Архивъ, 1867, 482); Неггманн, V, 66; Соловьевъ, XXI, 377. В. В.

II. КАРЛЪ СИВЕРСЪ I.

Карлъ Сиверсъ, сынъ слуги герцога курляндскаго Бирона, былъ и самъ слугою у нѣкоего Нирота, въ Лифляндіи. Оттуда онъ прибылъ въ Петербургъ и, послѣ краткаго здѣсь пребыванія, поступилъ на службу къ царевнѣ Елизаветѣ. Онъ получилъ при этомъ дворѣ должность кафешенка. Елизавета такъ привыкла къ этому напитку, приготовленному именно ея кафешенкомъ, что Сиверсъ былъ обязанъ являться во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ обѣдала царевна, чтобъ варить для нея кофе.

По восшествіи ея на престолъ, Сиверсъ получилъ придворныя должности и, мало-по-малу, сталъ наконецъ нѣмецкимъ имперскимъ графомъ, кавалеромъ различныхъ орденовъ и оберъ-гофмаршаломъ. Въ этомъ званіи онъ и умеръ въ царствованіе императрицы Екатерины II и оставилъ огромныя богатства.

Сиверсъ былъ чистосердечный, благомыслящій и услужливый человекъ, обладавшій посредственнымъ умомъ, и, какъ легко себѣ представить, не имѣвшій ни воспитанія, ни знаній.

Женою его была сестра тайнаго совѣтника и лейбмедика Крузе. Онъ оставилъ отъ этого брака трехъ сыновей, бывшихъ въ русской военной службѣ, и одну дочь.

Эта прелестная женщина вышла замужъ за своего двоюроднаго брата ¹⁾, о которомъ говорится въ особой статьѣ, и развелась съ нимъ, родивъ уже трехъ дочерей. Она вышла потомъ за очень свѣдущаго человека, тайнаго совѣтника, камергера и директора строительной части князя Путятина и жила съ нимъ весьма счастливо много лѣтъ въ Саксоніи.

Примѣч. переводчика. Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ, † 1774. Комиссія уложенія (Сборникъ, IV, 11); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 114); Камеръ-фурьерскій журналъ, 1744 г., 44, 47; Сатирич. каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039); Воронцовъ, I, 21; VI, 322; IX, 106; Манштейнъ, 38; Записки на записки Манштейна («Русская Старина», 1879, XXVI, 377); Храповицкій, 68; Позье, 73; Бантышъ-К., Списки, 204, 292 (см. примѣч. подъ № LIII).

В. В.

¹⁾ Графа Якова Ефимовича Сиверса.

I. III. СИВЕРСЪ II.

Нѣкоторые утверждали, будто этотъ Сиверсъ происходилъ отъ дворянской голштинской фамиліи того же наименованія¹⁾, но это совершенно неосновательно. Онъ былъ ближайшій родственникъ предъидущаго Сиверса. Какъ только тотъ Сиверсъ приобрѣлъ нѣкоторое значеніе, онъ предоставилъ своему двоюродному брату незначительныя мѣста въ магистратахъ маленькихъ лифляндскихъ городковъ. Мало-по-малу и этотъ Сиверсъ добился высшихъ мѣстъ. Онъ явился въ Петербургъ и сталъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Въ графское достоинство онъ возведенъ не былъ.

Только сынъ его получилъ графство. Въ качествѣ посла Екатерины II онъ уничтожилъ политическое существованіе Польши,—дѣло, за которое онъ справедливо навлекъ на себя ненависть всего безпристрастнаго міра. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ былъ членомъ верховнаго совѣта, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, имѣлъ много еще незначительныхъ званій и былъ кавалеромъ десяти орденовъ.

Его супругою была нынѣшняя княгиня Путятина, подарившая его только тремя дочерьми, изъ которыхъ первая и третья вышли замужъ въ Россіи, вторая же, давно уже умершая, была за саксонскимъ графомъ Шенбургъ-Пенигъ, нынѣшнимъ королевско-саксонскимъ посланникомъ въ Касселѣ.

¹⁾ Бумаги Петра В., I, 177; Шутки и потѣхи Петра I («Русская Старина», 1872, V, 886); Дипломатич. документы (Сборникъ, VI, 390); Петръ Сиверсъ и его жена (Россія, 1880, IV, 815); Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 104, 252; Военно-энциклоп. лексиконъ, XII, 215; Беркъ, 298; Вейдемейеръ, Обзоръ, I, 131; Арестъ П. Θ. Сиверса (Историч. Вѣстн. 1882, VII, 243).

Примѣч. переводчика. Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, 1731—1808. П. С. З. №№ 17824, 17848, 18035, 18403, 18425, 18456, 18806, 18825, 18881, 18960, 18997, 19271, 19282; А. Г. С., I, ч. 1, 958, 961, 964, 969; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 204, 376; XXVII, 120, 127; XLVII, 465, 469); Письма Екатерины II (Архивъ, 1870, 1424; Рус.Старина, 1873, VIII, 886); Спб. Вѣдомости за 1762 г., № 80; Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 78, 445; XVШ, 28, 242); Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 430); Докладъ сената о поступкѣ Сиверса (Сборникъ, II, 419); Дѣло о разводѣ Сиверса (Воронцовъ, XXVI, 277); Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1401); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 450); Письма Сумарокова (Библиогр. Зап. I, 425, 429), Воронцовъ, II, 143; IV, 173, 189, 191; V, 201; VI, 293; VII, 273; VIII, 85, 201, 204; IX, 269; XIII, 354; XIV, 256; XV, 90; Catherine, 54, 65; Храповицкій, 432; Болотовъ, I, 790; Державинъ, 710; Энгельгардтъ, 142, 143, 146; Russie, 355; Костомаровъ, Последніе годы Рѣчи Посполитой (Вѣстн. Европы, 1869, VI, 110, 125, 127, 133, 139, 142, 735, 736, 738); Blum, Des Gr. Sievers Denkwürdigkeiten, 4 Bde, Lpzg, 1857; Иловайскій, Я. Е. Сиверсъ (Русск. Вѣстн., 1865, № 1, 2, 3); Лонгиновъ, Замѣтка (Архивъ, 1863, 432); Сочиненія; Державина, изд. Грота, IX, 731; Вейдемейръ, Дворъ, II, 130; Бантышъ-К., Словарь, V, 38; Списки, 127, 224, 306; Долгоруковъ, II, 206, 319; Карабановъ-Долгоруковъ, 198; Account of the prisons in Russia, Lndn, 1781, 24; Hergmann, VI, 453, VII, 415, 417, 478; Соловьевъ, XXVI, 135; XXVII, 71; Winkelmann, 480; Russia, II, 687 (См. примѣч. подъ № LII).

В. В.

LV. ЛЯЛИНЪ.

Лялинъ, молодой русскій красавецъ, изъ низшаго класса народа, понравился царевнѣ Елизаветѣ, увидѣвшей его однажды на улицѣ, и такъ сильно, что она тотчасъ же взяла его къ себѣ въ услуженіе. Онъ оставался у нея въ услуженіи, пока она не вступила на тронъ. Два дня послѣ этого, она сдѣлала его камергеромъ, подарила ему помѣстья и предоставила ему еще значительные доходы. Онъ ежедневно бывалъ (при дворѣ).

Примѣч. переводчика. Пименъ Васильевичъ Лялинъ. Камеръ-фурьерскій журналъ, 1744 г., 42, 47, 117; Щербатовъ, 102; Воронцовъ, I, 19; II, 143, 242; VI, 322; VII, 21, 46; Сантовъ, 78; Бантышъ-К., Списки, 204.

LV. ВОЗЖИНСКІЙ.

Возжинскій, императорскій конюхъ, обыкновенно держалъ возжи въ императорскомъ экипажѣ. Отъ слова возжи получилъ онъ фамилію Возжинскій, такъ какъ прежде, подобно многимъ русскимъ крестьянамъ, у него не было фамиліи — только имя, данное ему при крещеніи. Въ царствованіе Елизаветы онъ сталъ камергеромъ, пользовался жалованьемъ и получилъ значительныя помѣстья.

Примѣч. переводчика. Никита Андреевичъ Возжинскій. Бумаги Петра В., II, 132, 134, 156, 163, 167, 170, 172; Письма Н. А. Возжинскаго (Воронцовъ, I, 15); Щербатовъ, 102; Даниловъ, 52; «Русская Старина», 1871, III, 641; Воронцовъ, I, 19; II, 137, 156; IV, 222; VI, 321; Лонгиновъ, Запѣтка (Архивъ, 1863, 432); Бантышъ-К., Списки, 203; Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій: «Рус. Родосл. книга», 140. В. В.

LVI. ЕРМОЛАЙ СКВОРЦОВЪ.

Ермолай Скворцовъ былъ сынъ кучера. Онъ былъ въ услуженіи у цесаревны Елизаветы, а когда она взошла на престолъ, сталъ камергеромъ этой государыни. Онъ, впрочемъ, никогда не игралъ важной роли.

Его сынъ, Василій Ермолаевичъ, былъ генералъ, камергеръ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго ¹⁾. Онъ былъ живъ въ 1770 году.

Примѣч. переводчика. Ермолай Ивановичъ Скворцовъ. Путеш. и поѣздки Петра I («Русск. Стар.», 1872, V, 886); Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1399); Щербатовъ, 102; Карабановъ, III, 472; Планъ публичной бібліотеки въ 1766 г. (Библиогр. Зап., III, 78, 79); Бычковъ, Свадьба Петра I съ Екатериною I (Россія, 1871, I, 323). В. В.

¹⁾ Бантышъ-К., Списки, 203.

LVII. ЧОГЛОКОВЪ.

Чоглоковъ, сынъ бѣднаго русскаго, прижитый имъ отъ нѣмки простаго званія, былъ такъ счастливъ, что поступилъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ могъ бы получить хорошее образованіе, если-бъ у него была охота воспользоваться этою случайностію. Оставивъ корпусъ, онъ сталъ танцоромъ при дворѣ. Имъ онъ не долго оставался. Чоглоковъ понравился графини Гендриковой, и это обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ, почему онъ могъ, не имѣя заслугъ, повышаться отъ одного почетнаго мѣста къ другому.

Онъ умеръ обергофмейстеромъ императрицы и кавалеромъ ордена Данеброга.

Его женою была та же графиня Марія Гендрикова, двоюродная сестра императрицы Елизаветы. Онъ оставилъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей ¹⁾. По крайней мѣрѣ, трое изъ его сыновей сидѣли въ тюрьмѣ ²⁾, отчасти потому, что нарушали общественную тишину, отчасти потому, что были замѣшаны въ заговорахъ противъ императрицы Екатерины II. Фамилія Чоглоковыхъ еще существуетъ. Въ началѣ 1790-хъ годовъ, внукъ перваго замѣчательнаго человѣка изъ этой фамиліи былъ штабъ-офицеромъ въ пѣхотномъ полку.

Примѣч. переводчика. Николай Наумовичъ Чоглоковъ, 1718—1754. Указы Петра I (Сборникъ, XI, 188, 190, 265); Указы Павла I (Истор. Вѣстн., 1881, VI, 207); Женска пола персоны („Русск. Стар.“, 1873, VIII, 95); Вумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 299, 342; X, 441; XIII, 50, 62); Письма Чоглокова (Воронцовъ, I, 35); Catherine, 62, 72, 75, 94, 107, 110, 121, 178, 197, 207, 210; Дипломат. документы (Сборникъ, XVIII, 11, 203); Письма Шувалова (Архивъ, 1870, 1405); Воронцовъ, II, 155; VII, 46, 52, 223; Weber, I, 303; Castera, I, 90, 413; Щербатовъ, 101; Карабановъ, II, 470; IV, 380; V, 674; Замѣтка Лонгинова (Осмнадц. вѣкъ, III, 491); Сочиненіе Державина, изд. Грота, IX, 751; Лонгиновъ, Первые пособники Екатерины II (Архивъ, 1870, 965); Устряловъ, VI, 536; Соловьевъ, XXIV, 52, 55, 433; XVIII, 140; Саятовъ, 146; Бантышъ-К., Списки, 292; Долгоруковъ, IV, 213; Карабановъ-Долгоруковъ, 148, 158.

В. В.

¹⁾ Екатерина была замужемъ за генералъ-поручикомъ Рославлевымъ; Елизавета—за генералъ-маіоромъ Загряжскимъ; Вѣра—за графомъ А. С. Минихомъ.

В. В.

²⁾ Братья Наумъ, Николай и Самойло Чоглоковы (Кашпиревъ, III, 323).

В. В.

LVIII. ЧУЛКОВЪ.

Чулковъ былъ простымъ служителемъ у царевны Елизаветы. По восшествіи этой государыни на престоль, онъ сталъ камергеромъ и получилъ отъ нея большія земли въ Россіи.

Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ не красотѣ, какъ другіе—онъ былъ малъ ростомъ и безобразенъ; но у него былъ чуткій сонъ, какой только можно себѣ представить, и это составило его счастье. Елизавета была труслива. Она боялась какихъ-либо переворотовъ, на которые могли бы рѣшиться ночью, такъ какъ она сама произвела революцію ночью и такъ какъ нападеніе на герцога курляндскаго было сдѣлано ночью же, и результатъ обѣихъ революцій соотвѣтствовалъ желанію (дѣятелей оныхъ). Чтобъ не быть пораженной, по недостатку бдительности, Чулковъ долженъ былъ каждую ночь оставаться (во дворцѣ). Можно сказать, что она не провела безъ него ни одной ночи—каждую ночь онъ былъ обязанъ дремать на креслѣ (близъ ея комнаты). Много лѣтъ Чулковъ не ложился въ постель. Сонъ былъ для него гораздо меньшею потребностью, чѣмъ для другихъ. Легкая дремота на стулѣ была для него достаточнымъ отдыхомъ, такъ что онъ никогда и днемъ не ложился въ постель. Такъ какъ у Чулкова была оригинальная должность—проводить всѣ ночи (на дежурствѣ), то легко понять, что государыня должна была имѣть къ нему полное довѣріе...

Въ 1770-хъ годахъ, Василій Ивановичъ Чулковъ былъ генералъ, камергеръ и съ 1755 года кавалеръ ордена св. Александра Невскаго; въ концѣ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ былъ статскій совѣтникъ Чулковъ, кавалеръ ордена св. Анны. Можно полагать, что оба они были родня вышеупомянутому камергеру Чулкову.

Примѣч. переводчика. Чулковъ; Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ; Василій Ивановичъ Чулковъ. Щербатовъ, 102; Порошинъ, 477; Воронцовъ, I, 20, II, 164; IV, 330; VII, 322; IX, 109, 269; XIV, 487; XVIII, 324; Nachrichten von einigen russischen Schriftstellern (Библиогр. Зап., III, 621); Финансовые документы (Сборникъ, XXVIII, 45); Историч. рассказы („Русская Старина“, 1871, IV, 693); М. Д. Чулковъ (Библиограф. Зап., II, 18, 341); Бятышъ-К., Списки, 205, 292.

В. В.

ЛІХ. ИВАНЪ ЧЕРКАСОВЪ.

Иванъ Черкасовъ былъ простолюдинъ. Петръ I взялъ его къ себѣ и приказалъ учить письму. Когда онъ напрактиковался нѣсколько, онъ сдѣлалъ его своимъ писцомъ. При этой службѣ онъ долженъ былъ сопровождать императора въ путешествіяхъ, но въ царствованіе этого монарха никакъ не могъ добиться высшаго мѣста.

Екатерина I оставила его въ императорскомъ кабинетѣ, гдѣ онъ долженъ былъ работать для тайнаго совѣтника Макарова, все еще какъ писецъ, но съ титуломъ кабинетъ-секретаря. Въ царствованіе императрицы Анны, Черкасовъ, за многія проказы, былъ сосланъ, по приказанію Бирона, въ Астрахань. Тогда нельзя было и думать, что, по странному сплетенію обстоятельствъ, этотъ Черкасовъ сдѣлается тестемъ дочери всесильнаго Бирона. Въ Астрахани онъ долженъ былъ оставаться до 1742 года.

Елизавета, считавшая большою заслугою службу ея отцу, все равно былъ-ли этотъ монархъ доволенъ службою или нѣтъ, вызвала его изъ Астрахани и осыпала почетными мѣстами и богатствами, хотя онъ не заслуживалъ ни того, ни другаго. Онъ сталъ, наконецъ, барономъ и кабинетъ-министромъ и, непонятнымъ образомъ, достигъ того, что подписанные имъ приказы имѣли силу императорскихъ указовъ. Черкасовъ умеръ въ 1760 г., въ Петербургѣ.

Онъ былъ грубъ, невѣжественъ и безпеченъ превыше всякаго описанія. Послѣ его смерти нашли 570 пакетовъ, присланныхъ ему въ кабинетъ изъ сената и не распечатанныхъ.

Его сынъ Александръ женился въ 1759 году на принцессѣ Курляндской Гедвигѣ Елизаветѣ Биронъ.

Впрочемъ, фамилія Черкасовыхъ, какъ одна изъ знатнѣйшихъ, пользуется большимъ уваженіемъ при русскомъ дворѣ.

Примѣч. переводчика. Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, 1690—1752. П. С. З., № 18834; Указы Петра I (Сборникъ, XI, 471, 558); Бумаги Петра В. II, 3; Тайная канцелярія („Русск. Стар.“, 1875, XII, 537); Дипломат. документы (Сборникъ, VI, 455, 457; XII, 390; XVIII, 266); Комиссія Уложенія (Сбор-

никъ, XLIII, 217); Письма И. А. Черкасова (Истор. Вѣстн., 1880, I, 874); Мнѣнія русскихъ государственныхъ мужей (Чтенія, 1863, I, 150); Письма А. И. Черкасова (Архивъ, 1882, I, 407); Письма Е. М. Черкасовой (Россія, 1875, III, 348); Штелинь, Сказанія о Петрѣ В., 1778, 463; Щербатовъ, 20 Catherine, 222, 351; Историч. рассказы („Русск. Стар.“, 1871, I, 692); Финанс-документы (Сборникъ, XXVIII, 51); Воронцовъ, I, 175; IV, 281, 344, 384, 387; VI, 321; VII, 113, 206; П. И. Черкасовъ (Болотовъ, IV, 412); Карабановъ, IV, 383; V, 673; Незданныя сочиненія кн. Щербатова (Библиогр. зап., II, 443); Бюлеръ, Эпизоды изъ царствованія Екатерины II (Русск. Вѣстн., 1870, LXXXVI, 163); Хмыровъ, Первые просители (Истор. Вѣстн., 1881, IV, 218); П е к а р с к і й, Ист. акад. наукъ, I, 168; Бюлеръ, Герцогъ Биронъ („Русск. Стар.“, 1873, VII, 55); Вейдемейеръ, Дворъ, I, 73; Б а н т ы ш ь-Ъ., Словарь, V 261; Списки, 199, 222; Долгоруковъ, II, 278, 321; Соловьевъ, XIX, 109; XXI, 161; XXV, 293; XXVI, 17; Сятовъ, 144.

IX. ОЛОФЪ.

Олофъ былъ сынъ такъ называвшихся старонѣмцевъ въ Москвѣ. Онъ сталъ офицеромъ по рекомендаціи. Какъ офицеръ, онъ познакомился съ придворными людьми императрицы Елизаветы, которые посовѣтовали ему перейти въ греческую вѣру. Онъ послушался совѣта и его благополучіе было сдѣлано. Елизавета, считавшая, что она этимъ выполнила часть своихъ религіозныхъ обязанностей, приняла на себя заботу о его земномъ благополучіи. Онъ вскорѣ сталъ полковникомъ и получилъ полкъ.

Однажды онъ получилъ приказаніе вступить съ своими войсками въ провинцію для подавленія возстанія крестьянъ. Однако, возставшіе, будучи въ значительно большемъ числѣ, чѣмъ солдаты, прогнали ихъ, захватили полковника, побили его и прогнали прочь. Эта неудача не имѣла, однако, никакого вліянія на судьбу Олофа, пока жила Елизавета. По очереди онъ сталъ генераль-маіоромъ.

Иначе пошли дѣла вслѣдъ за смертію императрицы. Однажды вечеромъ, за обѣдомъ, когда зашла рѣчь о повышеніяхъ, которыя должны были быть объявлены при предстоящемъ празднованіи мира, Петръ III приказалъ своему генераль-адъютанту Гудовичу прочесть списокъ полковниковъ и генераль-маіоровъ, которые могли быть

повышены по этому случаю. Гудовичъ сталъ читать фамиліи, при чемъ императоръ, при каждой фамиліи, дѣлалъ, съ свойственнымъ ему знаніемъ дѣла, вполнѣ основательныя замѣчанія. Когда очередь дошла до генерала-маіора Олофа, Петръ III вскричалъ: „Вычеркнуть. Я не желаю имѣть генераловъ, битыхъ крестьянами. Можетъ убраться вонъ съ своимъ генераль-маіорскимъ чиномъ, даннымъ ему моею теткою“. И онъ, дѣйствительно, получилъ отставку.

Онъ теперь склонился болѣе на сторону императрицы и увеличилъ собою число гѣхъ, которые (совершили переворотъ 1762 г.). Въ царствованіе Екатерины II онъ опять поступилъ на службу, исполнялъ иногда довольно важныя порученія, велъ себя хорошо и во время турецкой войны достигъ чина генераль-аншефа.

Олофъ умеръ въ 1771 году.

Его женою была русская ¹⁾, и любовь къ ней могла, конечно, имѣть вліяніе на переиѣну имъ вѣры. Мы не знаемъ, оставялъ-ли онъ дѣтей.

Примѣч. переводчика. Петръ Ивановичъ Олицъ, † 1771. А. Г. С., I, ч. 1, 74, 76, 79; ч. 2, 71; Реэстръ пожалованнымъ въ день коронованія (Спб. Вѣдом., 1762, № 80); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 111, 119; X, 429, 443; XIII, 77, 155; XLII, 302); Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 445); Болотовъ, I, 481; Порошинъ, 369; Воронцовъ, VI, 367; VII, 396, 427; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 85; Б а н т ш ь-Б., Словарь, IX, 39; Списки, 115, 209; Карabanовъ-Долгоруковъ, 186. В. В.

ЛХІ. ПОЛТАРАЦКІЙ.

Полтарацкій былъ сынъ украинскаго крестьянина. Благодаря своему прекрасному голосу онъ попалъ въ императорскую капеллу. Здѣсь онъ отыскалъ тайные ходы, чтобъ выскочить въ люди. Елизавета подарила ему значительныя имѣнія.

Онъ умеръ въ 1795 году.

Полтарацкій былъ директоромъ императорской капеллы и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ съ титуломъ превосходительства.

Примѣч. переводчика. Маръя Ѳеодоровичъ Полтарацкій, 1729—1795. П. С. З., № 18595; Дневныя записки путешествія Екатерины II (Сборникъ, I, 385); Шаховской, 237; Воронцовъ, V, 209; Сочиненія Державина, изд. Грота, IX, 717; Russica, II, 114; Саятовъ, 106. В. В.

¹⁾ Наталья Александровна Олицова („Русск. Стар.“, 1873, XIII, 94). В. В.

ІХІІ. ИВАНЪ ШУВАЛОВЪ.

Иванъ Шуваловъ былъ древняго дворянскаго рода, но родился отъ родителей небогатыхъ и не пользовавшихся значеніемъ. Его родственники при дворѣ, генераль-лейтенантъ и позже генераль-фельд-маршалъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ ¹⁾ и его жена, рожденная Шепелева, подруга Елизаветы, приняли въ немъ участіе какъ въ родственникѣ. При ихъ поддержкѣ, онъ былъ принятъ въ число императорскихъ пажей и сталъ вскорѣ камеръ-пажемъ. Онъ оставался имъ не долго. Елизавета скоро его отличила. Это случилось въ началѣ 1750-хъ годовъ. Тотчасъ же Шуваловъ сталъ камеръ-юнкеромъ и вскорѣ затѣмъ камергеромъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и Бѣлаго Орла. Онъ (пользовался благоволеніемъ) императрицы до самой смерти этой государыни, не имѣя, однако, большаго значенія. За нѣсколько часовъ до своей смерти Елизавета дала Шувалову ключъ отъ денежной шкатулки и сказала ему, что все, что онъ найдетъ въ ней, все его. Побуждаемый чувствомъ страха и честностью, Шуваловъ, по смерти императрицы, передалъ ключъ ея преемнику, Петру III. Этотъ государь открылъ шкатулку и нашелъ въ ней 300,000 дукатовъ.

Въ то даже время, когда Шуваловъ былъ въ наибольшей милости, онъ выказывалъ такую скромность, какая рѣдко замѣчалась въ избранникахъ русскихъ императрицъ. За это онъ до послѣдней минуты пользовался милостями государыни, которая очень любила его. Если онъ и раздражалъ иногда Елизавету какою-либо преходящею юношескою (шалостью),—единственные проступки, въ которыхъ онъ былъ виноватъ,—она скоро прощала его и сваливала вину его заблужденій на другихъ, по ея мнѣнію, увлекшихъ его.

¹⁾ П. И. Шуваловъ, 1711—1762, женатъ на Маврѣ Егоровнѣ (1708—1759), рожд. Шепелевой. В. В.

Шуваловъ неоднократно давалъ доказательства своего добродушія. Онъ постоянно возстановлялъ согласіе въ императорской фамиліи, которое такъ часто нарушалось при Елизаветѣ. Главныя черты его характера заключались въ страхъ и слабости. Онъ позволилъ сманить себя (въ дѣлѣ) съ графомъ Понятовскимъ, за что его позже такъ дурно вознаградили. Его крайняя боязливость была причиною, что онъ никогда не искалъ высокихъ мѣстъ и не путался въ государственныя дѣла, постоянно опасаясь быть привлеченнымъ къ отвѣтственности по смерти императрицы и потерять всѣ добытыя имъ выгоды. Онъ не обладалъ блестящимъ умомъ и познанія его были ограничены; во время Елизаветы онъ былъ, вслѣдствіе этого, весьма посредственный покровитель искусствъ и наукъ. Но онъ былъ настолько тщеславенъ, что желалъ составить себѣ имя, и ему принадлежить учрежденіе академіи художествъ.

Въ краткое царствованіе Петра III Шуваловъ постоянно оставался въ Петербургѣ, но не имѣлъ никакого вліянія. Однако, императоръ очень отличалъ его и далъ ему публичное удостовѣреніе своей дружбы. Когда, однажды, за обѣдомъ у государя, на которомъ присутствовалъ и Шуваловъ, стали говорить объ умершей императрицѣ, у Шувалова показались слезы на глазахъ. «Не плачь», сказалъ ¹⁾ ему участливо Петръ III. «Не ищи печали въ прошломъ, котораго нельзя воротить. Императрица любила тебя и ради ея памяти ты всегда будешь имѣть во мнѣ друга».

Поведеніе Шувалова не соответствовало этимъ дружескимъ выраженіямъ. Хотя и очень отдаленное, онъ все-таки принималъ нѣкоторое участіе въ (событіи 28-го іюня 1762 г.). Къ этому шагу его побудила слабость, которая нерѣдко управляла его поступками. Его склонили, чтобъ его участіемъ или скорѣе только его присутствіемъ напомнить солдатамъ, которые цѣнили его, безпечныя времена Елизаветы. Наканунѣ возшествія Екатерины на престолъ, онъ скакалъ рядомъ съ новою императрицею, во главѣ небольшого отряда, въ Красный Кабачекъ, трактиръ по дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ государыня переночевала. Шуваловъ надѣялся, вѣроятно, играть роль при новомъ правительствѣ, но ошибся. О немъ болѣе и не думали. Между тѣмъ, онъ оставался всегда въ Петербургѣ, живя на свои громадныя богатства. Значительную часть его онъ проигралъ въ карты. Наконецъ, мы не знаемъ почему, онъ впалъ въ немилость.

¹⁾ Вѣроятно, подражая этому анекдоту, Павелъ I сказалъ приблизительно то же самое князю Зубову по смерти Екатерины II. Извѣстно, какъ оба поступили нѣсколько лѣтъ спустя.

Онъ отправился путешествовать. Екатерина II считала себя въ долгу передъ нимъ и, въ то время, когда онъ менѣе всего думалъ объ этомъ, вновь призвала его, въ 1777 году, къ дѣламъ. Она назначила ему определенное содержаніе въ 4,000 рублей и пенсію въ 6,000 рублей и мало-по-малу пожаловала ему важныя придворныя должности. Шуваловъ, прожившій почти все свое состояніе, долженъ былъ очень радоваться получкѣ увѣренности въ извѣстномъ доходѣ, хотя поводъ къ этому, какъ мы увидимъ ниже, былъ для него весьма печаленъ. Онъ жилъ на эти 10,000 рублей и на спасенныя остатки своего нѣкогда блестящаго состоянія, довольно уединенно, но весьма прилично, въ своемъ дворцѣ ¹⁾ въ Петербургѣ. Насколько мы знаемъ, въ его судьбѣ не было уже болѣе знаменательныхъ событій.

Смерть его послѣдовала въ концѣ 1790-хъ годовъ. Онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный оберъ-камергеръ, кураторъ московскаго университета, кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго, имѣлъ большой крестъ ордена св. Владимира ²⁾ перваго класса и кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла и св. Анны.

Шуваловъ признается отцомъ дѣвицы, родившейся около 1753 года. Ее назвали Елизаветою и дали ей, если мы не ошибаемся, фамилію княжны Таракановой. Этотъ ребенокъ, матерью котораго (полагали) итальянскую камерфрау императрицы, былъ отправленъ въ Италію и тамъ воспитанъ. Пока жила императрица, ребенокъ ни въ чемъ не нуждался; но по смерти этой государыни—рѣшительно во всемъ. Путешествуя, Шуваловъ былъ въ Италиі, гдѣ видѣлъ свою дочь, не рѣшившись, однако, открыться ей. Въ 1770-хъ годахъ она была въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Архенгольдъ рассказываетъ ³⁾ о ней анекдотъ, случившійся незадолго до печальной катастрофы, стоившей жизни этой несчастной дѣвушки.

¹⁾ Шуваловъ владѣлъ огромнымъ четырехъ-угольникомъ, выходившимъ на Невскій и на Садовую къ сторонѣ Лѣтнаго Сада. Четверть этой земли, на Невскій, занималъ его дворецъ. Остальныя три четверти онъ распродалъ въ послѣднее время. Два его дворца въ Садовой улицѣ купилъ князь Вяземскій. При Елизаветѣ, въ одномъ изъ нихъ жилъ принцъ Карлъ саксонскій. Четвертую часть, рядомъ съ помѣщеніемъ Шувалова, купила, какъ намъ кажется, семья Бороздиныхъ и выстроила тамъ великолѣпный домъ.

²⁾ Екатерина II учредила орденъ св. Владимира для гражданскихъ чиновъ, оказавшихъ особенныя заслуги. Онъ раздѣленъ на четыре класса и сообразно этому раздѣленію носитъ различнымъ образомъ на красной съ черною каймою лентѣ. Павелъ I не жаловалъ его, но Александръ I придалъ ему прежнее значеніе.

³⁾ Въ своей книгѣ „England und Italien“.

Съ нашей стороны было бы большою дерзостью разсказывать по Архенгольцу то же самое событіе, но своими словами. Читатели наши будутъ благодарны, если мы сообщимъ подлинныя слова этого любимаго писателя. „Въ мартѣ 1775 г. случилось здѣсь (въ Ливорно) замѣчательное событіе. Въ теченіи двухъ лѣтъ въ Римѣ находилась русская дама, родившаяся вѣн брака, но отъ матери (высокаго званія). Она жила въ крайней нуждѣ и весьма въ бѣдственномъ положеніи. Она была умна, хорошо образована и кроткаго нрава. Ея скромная жизнь была однажды потревожена присланнымъ къ ней русскимъ офицеромъ, сдѣлавшимъ ей на словахъ заявленія чрезвычайной важности, которымъ онъ придалъ большой вѣсъ предложеніемъ весьма значительной суммы денегъ. Этотъ послѣдній аргументъ произвелъ на даму, при ея нуждѣ, ожидавшееся дѣйствіе. Дама согласилась и въ началѣ 1775 г. явилась въ Пизу, гдѣ тогда находился графъ Алексѣй Орловъ. Графъ принялъ ее какъ королеву. Онъ повсюду сопровождалъ ее, и, когда былъ съ нею въ театрѣ, относился къ ней передъ всею публикою съ такимъ подобострастіемъ, что приводилъ въ удивленіе всю мѣстную аристократію. Никто не могъ узнать, кто эта неизвѣстная дама, предъ которою такъ унижался гордый графъ. Наконецъ, ей было предложено посѣтить близлежащее Ливорно. Такъ и было. Остановились у англійскаго консула Дика и все шло хорошо. За обѣдомъ зашла рѣчь о флотѣ, и такъ какъ дама никогда не была на военномъ кораблѣ, то ей не отказали въ желаніи посѣтить русскій военный фрегатъ. Несчастливая и не предвидѣла своей судьбы! Она садится съ графомъ въ шлюпку, плыветъ къ назначенному кораблю и они поднимаются на судно. Вдругъ сцена мѣняется. Презрительнымъ тономъ ей объявляютъ, что она въ плѣну и надѣваютъ цѣпи на руки. Корабль остается двое еще сутокъ на рейдѣ, приготовляясь къ отплытію въ Россію. Никакой иностранный боть не долженъ приближаться къ кораблю; находящійся на кораблѣ караулъ угрожаетъ стрѣлять. Эта угроза не помѣшала, однако, тому, что многочисленныя лодки съ ливорнцами подѣзжали настолько близко, чтобъ видѣть иногда несчастный предметъ ихъ любопытства; она часто стояла у окна каюты, ясно выражая свое отчаяніе. На третій день корабль отплылъ съ своею добычею. Дворъ далъ ясно понять свое неудовольствіе по этому случаю и весь городъ былъ этимъ возмущенъ“. Далѣе мы сами уже разскажемъ, что знаемъ объ этой ужасной исторіи.

Ставшій впоследствии знаменитымъ адмиралъ Грейгъ отвезъ даму въ Петербургъ. Здѣсь, подъ предлогомъ, будто она сумаспешная, ее заперли сперва въ крѣпость, но вскорѣ затѣмъ перевезли въ Шлис-

сельбургъ, гдѣ она, въ первые же мѣсяцы 1776 года, послѣ кратковременной болѣзни, испустила духъ.

Если эта несчастная Елизавета умерла естественною смертию, то, во всякомъ случаѣ, сурова случайность, по которой эта дама умерла именно въ то время, когда и безъ того уже противъ русскаго двора были возбуждены всевозможныя подозрѣнія (?). Положимъ даже, что эта смерть была чистою случайностію, какое извиненіе можно найти въ злополучной отправкѣ русскаго офицера, который сманилъ Елизавету на ея первый необдуманннй шагъ? и чѣмъ можетъ онъ оправдаться въ жестокомъ обхожденіи съ несчастною, которую нельзя было обвинить ни въ какомъ преступленіи, но лишь въ непроизвольной ошибкѣ, по которой она оказалась незаконнорожденною дочерью. Черезъ годъ послѣ этой смерти, Екатерина II призвала отца несчастной Елизаветы Таракановой, Шувалова, пребывавшаго заграницею, и осыпала его тѣми знаками своего благоволенія, о которыхъ мы говорили выше. Не представляется-ли, что этими благоволеніями хотѣли утѣшить отца въ погибели его дочери? ¹⁾

Примѣч. переводчика. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, 1727—1797. И. С. З., № 17811, 18539, 18607, 18886; А. Г. С., I, ч. 2, 193; Указы Петра I (Сборникъ, XI, 411, 445); Бумаги Петра В., II, 137, 151; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 101, 123, 146, 153, 209, 509; XXVII, 139, 174, 369; XLII, 257, 434); Мѣсяцесловъ на 1786 г., 2, 95; Письма Шувалова (Чтенія, 1859, I, 69; 1862, I, 169; Бесѣда, 1860, II, 228; Библиограф. Зап., I, 489; III, 352; Архивъ, 1870, 1393; Воронцовъ, I, 454; VI, 268, 306; Соловьевъ, XXV, 367); И. Шуваловъ, Энциклопедія или краткое начертаніе наукъ и всѣхъ частей учености, Москва, 1781; И. Шуваловъ, Сокращеніе стихотворческой исторіи, Москва, 1784; Бумаги Шувалова (Бесѣда, 1857, I, 1; Архивъ, 1867, 65; Сборникъ, IX, 444); Письма Шувалову (Зап. акад. наукъ, 1862, I, прил.; Архивъ, 1863, 367; 1867, 98; 1869, 1767; 1876, I, 416); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 449); Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 203, 213); Воронцовъ, III, 263, 268, 270, 649; IV, 105; V, 18, 29, 63, 118, 446; VI, 215, 322; XXI, 10:

¹⁾ Донесенія гр. А. Г. Орлова о княжѣ Таракановой (Бесѣда, 1859, VI, 69); Бумаги изъ дѣла о самозванцѣ Таракановѣ (Сборникъ, I, 169); Письмо Екатерины II гр. А. Г. Орлову (Сборникъ, I, 103; Вѣстн. Евр., 1867, IV, 38); Casteln, II, 31; Гр. В. Н. Панинъ, Елизавета Алексѣевна Тараканова (Чтенія, 1867, I, 37; II, 155; III, 194); Georg v. Brevern, Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth, Brln, 1867; Лонгиновъ, Княжна Тараканова (Русск. Вѣстн., 1859, XXIV, 716); Княжна Тараканова („Русск. Старина“, 1874, X, 773); Hergmann, V, 707.

XXV, 212, 423; Дипломат. документы (Сборникъ, XII, 8; XVIII, 27; XXXV, 214); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 44, 51, 283, 321); Майштейнъ, 35, 242; Catherine, 69, 117, 151, 162, 251, 325; Щербатовъ, 106; Позье, 67; Пикарь, XXII, 52; Шаховской, 91, 145, 163, 181; Храповицкій, 192, 311; Болотовъ, II, 230; Порошинъ, 248; Державинъ, 437; Энгельгардтъ, 61, 71; Cas-
tega, I, 76, 136, 141, 148, 296; Russie, 100, 101, 102, 103, 124, 134, 140, 151, 164, 214, 309, 397; Ségur, I, 420, 428; Дмитриевъ, 26, 40; Сатирич. каталогъ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039); Бартеневъ, Биографія И. И. Шувалова (Бесѣда, 1857, I); Стихотворецъ изъ крѣпостныхъ (Библиогр. Зап. III, 65); Божеряновъ, А. Ф. Кокоринъ („Русск. Стар.“, 1883, XL, 702); Polto-
gazky, Les deux Chouvaloff (Bulletin du bibliophile belge, 1849, VI, 72); Филли-
моновъ, Кредитныя учрежденія москов. воспит. дома (Архивъ, 1876, I, 265; II, 219); Соловьевъ, Сенатъ при Екатеринѣ II (Россія, 1875, I, 26); Chaгауау, Lettres autographes composant le cabinet d'un amateur russe, Paris, 1882; Сбор-
никъ, XX, 530; Вяземскій, V, 9; Соч. Батюшкова, Спб., 1834, I, 67; Пекарскій, Матерьялы для литературной дѣятельности Екатерины II, Спб., 1863 (Зап. акад. наукъ, III, 15); Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ (Осмнад. вѣкъ, II, 534); Билярскій, Матеріалы для біогр. Ломоносова, 230, 261, 289; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 754; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 15, 316, 381, 386, 559, 629, 651; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 627; Вей-
демейеръ, Дворъ, I, 3, 190; Вантышъ-К., Словарь, V, 345; Списки, 121, 203, 292; Долгоруковъ, II, 149; IV, 425; Карабановъ-Долгоруковъ, 194; Евгений, II, 170; Reimers, I, 252; Herrmann, V, 264; Соловьевъ, XXIII, 337; XXV, 9, 76, 236; XXVI, 224; Winkelmann, 479; Сантовъ, 153. В. В.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОФЕЙНЯ ВЪ МОСКВѢ

въ 1830—1840 гг.

Воспоминанія А. Д. Галахова.

Знающимъ исторію литературъ французской и англійской извѣстно, какое значеніе нѣкоторыя кофейныя, основанныя въ Парижѣ и Лондонѣ, имѣли въ жизни авторовъ и въ ихъ дѣятельности. Сначала цѣль ихъ была спеціальная, что видно изъ названія (кофейная), но вскорѣ онѣ стали сборнымъ мѣстомъ артистовъ и писателей, почему и получили эпитетъ „литературныхъ“ (*cafés litteraires*). Возникали онѣ преимущественно по сосѣдству съ театромъ, потому что актеры нуждались въ какомъ-нибудь притонѣ передъ репетиціями и послѣ репетицій, чтобы потолковать о достоинствахъ и недостаткахъ новопоставляемыхъ піесъ. Такъ первую кофейную въ Парижѣ основалъ сициліецъ Проконій въ XVII в.—*Café Procope*. Вскорѣ къ артистамъ присоединились литераторы, сначала тѣ, у которыхъ были какія-нибудь отношенія къ театру, напримѣръ, авторы піесъ, при постановкѣ ихъ на сцену. Приходили они не столько для питья кофе, сколько для того, чтобы узнавать всякаго рода новости и самимъ сообщать ихъ, посудить о вчерашнемъ спектаклѣ, оцѣнить хорошія или дурныя стороны исполнителей. Тамъ же играли въ шахматы и шашки. *Café Procope* существовала долгое время и видѣла въ числѣ своихъ посѣтителей Беллуа, Ж. Б. Руссо, Пирона, Дидро. Въ Лондонѣ славилась кофейная Вилля, прозванная *Café des beaux esprits*. Это былъ сборный пунктъ молодыхъ, начинающихъ свое поприще поѣтовъ, студентовъ, окончившихъ или оканчивающихъ курсъ наукъ, и другихъ любителей

слова. Здѣсь, въ классическій періодъ англійской литературы, господствовалъ Драйденъ. Посѣтители почтительно тѣснились вокругъ его кресла, стоявшаго лѣтомъ подлѣ балкона, а зимой у камина. Какъ властитель письменъ, какъ установитель изящнаго вкуса, судилъ и рядилъ онъ, при глубокомъ вниманіи слушателей, новыя произведенія литературы. Кого удостоивалъ онъ словомъ, тотъ считалъ себя счастливымъ. Щепотка табаку, предложенная имъ изъ его собственной табакерки, почти равнялась патенту на званіе академика.

И у насъ въ тридцатыхъ годахъ явилась въ Москвѣ кофейная, получившая то-же названіе и характеръ „литературной“, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Помѣщалась она въ центрѣ города, неподалеку отъ театральной площади съ одной стороны и еще ближе отъ трактира Печкина съ другой. Основателемъ ея былъ нѣкто Иванъ Артамоновичъ Бажановъ (или Баженовъ), извѣстный единственно тѣмъ, что знаменитый трагикъ Мочаловъ женился на его дочери и терпѣть не могъ своего тестя. Помѣщеніе кофейной состояло всего на все изъ пяти комнатъ: двухъ побольше — залы и билліардной, двухъ поменьше, куда удалялись посѣтители для разговоровъ или закусокъ, и пріемной, гдѣ снималась верхняя одежда. Кромѣ кофе и чая, можно было получать порціями завтракъ и обѣдъ, изъ Московскаго трактира (Печкина), соединявшагося съ кофейной особымъ проходомъ. Другими приманками служили билліардъ — для любителей этой игры, газета (Сѣверная Пчела) и журналы (Библиотека для чтенія, Отечественныя Записки, Московскій Наблюдатель и другіе) — для любителей литературныхъ новостей. Обычныя посѣтители дѣлились на утреннихъ, дообѣденныхъ, и вечернихъ, послѣобѣденныхъ. Я принадлежалъ къ числу первыхъ, потому что компанія тогда была интереснѣе. Собирались артисты и преподаватели, изъ которыхъ иные сотрудничали въ журналахъ — петербургскихъ или московскихъ. Тѣхъ и другихъ сближалъ двоякій интересъ — театральнй и литературный. Если тогда было еще не мало театраловъ изъ числа лицъ, преданныхъ литературѣ, то и межъ артистовъ находились искренно интересовавшіеся литературой. Достаточно указать на Щепкина и Ленскаго. Первый вращался въ кругу профессоровъ и писателей, былъ принимаемъ, какъ свой человѣкъ, у Гоголя, С. Т. Аксакова, Грановскаго. Бесѣдою

съ ними онъ, насколько это возможно, развивалъ себя и образовывался. Второй, обладая самымъ скуднымъ сценическимъ дарованіемъ, выходилъ, однако-жъ, по образованію, изъ ряда своихъ товарищей: онъ хорошо зналъ французскій языкъ и отлично перелагалъ съ него водевили и другія драматическія піесы; кромѣ того, бойко владѣлъ перомъ въ томъ сатирическомъ и эротическомъ родѣ, въ какомъ извѣстны у насъ Соболевскій и Щербина. Часто можно было встрѣтить раннимъ утромъ Мочалова. По какой-то застѣнчивости, даже дикости, нерѣдко свойственной тѣмъ гениальнымъ талантамъ, которые, при отсутствіи надлежащей воспитательной дисциплины, вели распущенный образъ жизни и не хотѣли подчиняться никакому регулированію, онъ не входилъ въ залъ, гдѣ уже были посѣтители, а садился у столика въ передней комнатѣ, противъ буфета, наскоро выпивалъ чашку кофе и затѣмъ торопливо удалялся, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не завелъ съ нимъ разговора. Вотъ Ленскій — другое дѣло: онъ былъ, какъ говорится теперь, „завсегдатаемъ“ въ кофейной, нерѣдко съ утра оставаясь тамъ до начала спектакля, а иногда и до поздней ночи, если въ спектаклѣ не участвовалъ. Кромѣ поименованныхъ артистовъ, часто бывали Живокини, Орловъ, Бантышевъ, Садовскій, Самаринъ. Изъ литературно-учительскаго кружка чаще другихъ являлись: профессоръ Рулье, Н. Х. К—ръ, Межевичъ, Артемьевъ (Петръ Ивановичъ), прозванный „злословомъ“, и вашъ покорный слуга. Заходили иногда Бѣлинскій, М. Н. К—въ и Г—нъ, но рѣдко. Одно время часто посѣщалъ кофейную Б—нъ, именно въ 1838 году, когда печатались его философскія статьи въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, издававшемся Бѣлинскимъ. Однажды зашелъ въ нее вмѣстѣ со мною П. Н. Кудрявцевъ, но ему, какъ человѣку сдержанному и деликатному, не понравилось навязчивое запанибратство обычныхъ посѣтителей. „Странные они люди!“ говорилъ онъ потомъ, „видать меня въ первый разъ, и ужъ каждый навязывается чуть не въ родню—хочетъ быть или дядей, или кузеномъ“.

Бесѣды и сужденія, всегда болѣе или менѣе горячія, переходившія въ нескончаемый споръ, становились еще болѣе оживленными или, пожалуй, шумными при выходѣ новой книжки ежемѣсячнаго журнала, при какомъ-либо газетномъ фельетонѣ (субботнемъ въ „Сѣверной Пчелѣ“) или по поводу новой піесы, появле-

нія извѣстныхъ сценическихъ субъектовъ, напр. итальянскихъ оперныхъ пѣвцовъ, представленій Рашели, пріѣзда изъ Петербурга трагика Каратыгина и балерины Адриановой. Въ послѣднемъ случаѣ сильно разыгрывался нашъ московскій патриотизмъ: мы ни за что не хотѣли дать въ обиду нашего любимца Мочалова и нашу любимую, граціозную танцовщицу Санковскую (старшую). Оба разряда посѣтителей—артисты и литераторы — были заинтересованы, каждый по своему, разговоромъ: первые должны были выслушивать мнѣнія о качествѣ выполненія ими ролей; вторые—преимущественно журнальные сотрудники, въ свою очередь, внимали отзывамъ артистовъ о своихъ театральныхъ рецензіяхъ, большею частію безыменныхъ. И слава Богу, что не было подъ ними подписи автора *en toutes lettres!* А то ему пришлось бы тяжело выдерживать грубыя и рѣзкія осужденія своего отзыва за невѣрность или пристрастіе, или, еще хуже—за непониманіе того, о чемъ онъ взялся толковать. Дѣло, впрочемъ, не обходилось безъ неприятностей. Такъ, Межевичъ былъ обозванъ подлецомъ за рѣзкую статью о Козловскомъ, бездарномъ трагикѣ, а Аполлону Григорьеву сильно досталось бы отъ Ленскаго, раздраженнаго его статейкой въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ къ „Инвалиду“ о плохой игрѣ въ какой-то піесѣ, если бы онъ не прибѣгнулъ къ первому попавшемуся ему средству — свалить отвѣтственность на меня, такъ какъ его сокращенная подпись подъ статьей—къ счастью или несчастью для меня—по начальнымъ буквамъ имени и фамиліи была одинакова съ моею (А. Г.). За то ужъ что и вытерпѣлъ рецензентъ, когда ложъ открылась!

Самые журналы возбуждали частые споры, такъ какъ читатели ихъ дѣлились уже тогда на литературныя партіи, различно смотрѣвшія на направленіе, содержаніе и другія особенности періодической прессы. Одни предпочитали „Библиотеку для чтенія“ за брамбеусовское остроуміе и за выборъ статей, преимущественно относившихся къ положительнымъ знаніямъ; другіе, напротивъ, отдавали преимущество „Отечественнымъ Запискамъ“ и „Московскому Наблюдателю“, какъ изданіямъ болѣе серьезнымъ, имѣвшимъ благонамѣренную цѣль. Единственная въ то время частная газета „Сѣверная Пчела“, отталкивавшая отъ себя извѣстный кругъ читателей фельетонами Булгарина, другому кругу именно за эти фельетоны и нравилась по доступности ихъ со-

держанія, по легкости и понятности изложенія, по островамъ и и шуточкамъ, по плавности и гладкости языка. Напротивъ, языкъ ученыхъ статей вызывалъ насмѣшки своими новыми терминами. Особенно надъ философской статьей Б — на, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, т. е. надъ ея внѣшней стороною, а не надъ смысломъ, Ленскій изощрялъ свое остроуміе. Распивъ съ собесѣдниками бутылки двѣ-три шампанскаго (на что онъ былъ великій мастеръ), онъ восхвалялъ ихъ бывшее содержаніе, а теперъ — говорилъ онъ печально, вертя въ рукахъ пустую,

Съ чѣмъ тебя сравняю я?...
Въ „Наблюдателѣ Московскомъ“
Философская статья.

Ленскій принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которыя не сознаютъ своего настоящаго призванія, а ищутъ его тамъ, гдѣ его нѣтъ и не бывало. Богъ далъ ему способность писать остроумныя драматическія пьесы, да сатирическія стихотворенія на случай, а онъ все мечталъ видѣть въ себѣ сценической талантъ. Выслушивая похвалы, какъ водевилистъ, онъ неодобрительно и какъ-то печально качалъ головою: „что мнѣ въ этомъ?“ говорилъ онъ, „для меня это дѣло—второстепенное; я актеръ — вотъ моя главная профессія, а не авторство. Мнѣ и фамилію дали другую за то, что я хорошо сыгралъ въ театральной школѣ роль Ленскаго“ ¹⁾. Но именно для сценическаго искусства у него не было средствъ — ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ: ни выразительнаго лица, ни гибкой дивціи, ни умѣнья проявлять разнообразныя чувства. Онъ не могъ отрѣшиться отъ себя самого, становиться другимъ человѣкомъ: онъ всегда былъ Ленскимъ. Мало-мальски удовлетворительная игра оказывалась случайностью, неожиданною для него самого. Была, впрочемъ, одна роль, которую онъ исполнялъ безупречно — роль Молчалина: это былъ истый Молчалинъ и по лицу, и по голосу, и по противной угодливости, и по столь же противному самоуничженію. Лучшаго Молчалина я не видалъ уже потомъ.

Но за то Ленскій принадлежалъ къ интереснѣйшимъ посѣтителямъ кофейной, если только былъ въ духѣ и если притомъ

¹⁾ Настоящая его фамилія—Воробьевъ.

бесѣда оживлялась шампанскимъ. Тогда остроты и каламбуры сыпались одни за другими и заставляли собесѣдниковъ хохотать до слезъ. Но совершенно инымъ существомъ являлся онъ, когда что-нибудь возбуждало его неудовольствіе: онъ становился раздражительнымъ, капризнымъ, невыносимымъ. Трудно было уговорить его. Только двое умѣли его обуздывать: товарищъ его по театру, комизъ Живокини, и Н. Х. К—ръ. Того и другаго онъ побаивался. Первый, зная, что ему не по силамъ состязаться съ Ленскимъ игрою словъ, прибѣгалъ къ другому оружію, которымъ владѣлъ мастерски — къ буфонству и тѣмъ переводилъ публику на свою сторону: всѣ помирали со смѣху отъ его уморительныхъ выходокъ. Противникъ его, хотя и болѣе образованный и остроумный, по самолюбію или раздраженію, начиналъ конфузиться, терлся, плохо отражалъ удары, видимо отступалъ и долженъ былъ замолчать. Это-то и было нужно Живокини: „что? говорилъ онъ, прикусилъ язычекъ! видишь — моя взяла! я тебя одолѣлъ, втопталъ въ грязь, уничтожилъ. Гдѣ тебѣ со мной тягаться? Пошелъ вонъ!“ Другаго противника, Н. Х. К—ра, разсердить было трудно. Хотя онъ, по своему темпераменту, говорилъ и спорилъ громко, но всегда просто, безъ всякаго самолюбія, сохраняя всегда хорошее расположеніе духа, которое выражалось хохотомъ или вѣрнѣе, грохотомъ, столько же гомерическимъ, сколько и добродушнымъ. Лѣтомъ, въ самые жаркіе дни, К—ръ, являясь въ кофейную утромъ часовъ въ одиннадцать, спрашивалъ себѣ на завтракъ двѣ неизмѣнныя порціи: порцію мороженаго и порцію ветчины. Всѣ удивлялись такимъ блюдамъ или, по крайней мѣрѣ, порядку, въ какомъ одно блюдо слѣдовало за другимъ. — „Чему-жь вы, господа, удивляетесь?“ спрашивалъ бывшій въ то время Г—нъ. „Развѣ вы не видите, что К—ръ — отличный хозяинъ: онъ сначала набьетъ свой погребокъ льдомъ, а потомъ и начнетъ власть въ него съѣстное“. — Зная откровенность и прямоту К—ра, Ленскій иногда старался задобривать его, для чего и прибѣгалъ къ извѣстному ораторскому средству — возбужденію благорасположенія (*captatio benevolentiae*): начиналъ, напримѣръ, хвалить переводы К—ра Шекспировыхъ пьесъ. Выслушавъ серьезно похвалу, К—ръ однажды отвѣтилъ стихомъ Сумарокова:

Мнѣ то не похвала, когда невѣжда хвалить.

Разумѣется, всѣ засмѣялись, и больше всѣхъ самъ К—ръ. Но Ленскій нашелся и тотчасъ отвѣчалъ:

Когда жъ— скажите мнѣ—васъ умные хвалили?
Не помню что-то я.

Овдовѣвъ во второй разъ, Ленскій задумалъ въ третій разъ жениться на С—ой, дочери артиста, отличавшагося въ роляхъ *jeune-premier*, и артистки, обладавшей превосходнымъ комическимъ талантомъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе; ему отказали, зная нравъ его, несовсѣмъ удобный для семейнаго очага. Отказъ погрузилъ его въ самое скверное расположеніе духа. Не зная ничего, я спросилъ у К—ра, отчего Ленскій такъ невеселъ и пасмуренъ.— „Оттого, отвѣчалъ К—ръ, что онъ глупъ, захотѣлъ быть троюбенцемъ, сдѣлалъ предложеніе, ему отказали, и вотъ онъ сидитъ теперь съ носомъ“.— „Ну, К—ръ, отвѣчалъ Ленскій, если рѣчь зашла о женитьбѣ, то я скажу тебѣ, что въ брачной жизни лучше быть съ носомъ, чѣмъ безъ носа“. Впрочемъ, Ленскій хмурился недолго. Неудача дѣйствовала на него короткое время. Черезъ нѣсколько дней послѣ отказа онъ сталъ въ совершенно иное отношеніе къ предмету своей легкой любви: началъ посмѣиваться надъ нимъ, мстить ему эпиграммами. Вскорѣ пришлось ему быть въ гостяхъ вмѣстѣ съ матерью и дочерью. Сидя за ужиномъ противъ нихъ, онъ тутъ же сочинилъ слѣдующее четверостишіе:

Матушка, дочка—
То-жъ и одно:
Матушка — бочка,
Дочка — ‘)

То-же повторилось потомъ и съ актрисой К—вой, представлявшей Офелію. Ленскій ухаживалъ за ней и восхвалялъ ее, но какъ только она вышла замужъ за О—ва, декорация перемѣнилась. Вмѣсто похвалъ явились насмѣшки, вмѣсто мадригаловъ— эпиграммы. Я помню одинъ куплетъ изъ насмѣшливаго стихотворенія, къ ней обращеннаго:

Для васъ пожертвовать цѣлковымъ
Готовъ я былъ, моя душа;
Но сочетались вы съ О—мъ—
И я не дамъ ужъ ни гроша.

‘) Обѣ онѣ были очень полныя.

Самъ О—въ, котораго Ленскій называлъ дядей, не избѣгъ преслѣдованій отъ своего племянника. Предметомъ ихъ было все: и наружность, и грубый голосъ, и тѣлесная сила. Поздравительное привѣтствіе по совершеніи брака О—ва съ К—ой заключалось такимъ каламбуромъ:

Посмотримъ же ребятъ ¹⁾ О—аго завода.

Въ „Телескопѣ“ и „Молвѣ“, издававшихся профессоромъ Надеждинымъ, съ содѣйствіемъ Бѣлинскаго, помѣщались отчеты о театральныхъ представленіяхъ. Въ этихъ отчетахъ часто доставалось Ленскому за его ординарную, безцвѣтную игру, а онъ, съ своей стороны, вмѣсто антикритикъ, дѣйствовалъ орудіемъ сатиры. Одно изъ такихъ стихотвореній получило форму акростиха (Надеждинъ):

Нѣтъ, спорить я съ тобою больше не хочу,
А просто съ дядею ²⁾ тебя поколочу,
Дурацкая, свиная образина.... и т. д.

Но верхомъ пикантности и своеобразности считалось стихотвореніе, повѣствующее о томъ, чѣмъ себя прославилъ брандтмаіоръ Тарновскій. Кромѣ этого лица, въ этихъ стихахъ являются тогдашній московскій оберъ-полиціймейстеръ Цынскій и тогдашняя московская танцовщица Санковская.

Знаменитый трагикъ Мочаловъ представлялъ собою образцовый экземпляръ тѣхъ гениальныхъ русскихъ людей, которые не имѣли возможности, или не хотѣли, или не умѣли дать себѣ образованіе и вести образъ жизни, соразмѣрно своимъ способностямъ. Въ подобныхъ субъектахъ дурныя стороны челоуѣческой природы выказываются рельефнѣй, чѣмъ въ ординарныхъ личностяхъ. Нравственной выдержки нечего и требовать отъ нихъ: они выказываютъ крайнюю неровность въ своихъ дѣйствіяхъ, легко предаются пылкости темперамента, ведущей къ разгулу и всякой неурядицѣ. Какая-то дикость выказывалась даже во внѣшнемъ обращеніи нашего артиста. Мы уже видѣли, какъ онъ держалъ себя по утрамъ въ кофейной. Но вечеромъ, подъ вліяніемъ Вакха, онъ давалъ себѣ полную волю, становился придир-

¹⁾ Жеребятъ.

²⁾ О—въ, отличавшійся силою.

чивымъ и нестерпимымъ до-того, что ближайшіе къ нему люди сторонились отъ него, даже боялись попасться ему на глаза во избѣжаніе крупнаго скандала. Дома у себя, въ подобномъ состояніи, онъ бунтовалъ, такъ что сильно доставалось его женѣ и тестю, не могшимъ совладать съ нимъ. Самолюбіе его доходило, при такихъ моментахъ, до смѣшнаго. Рассказываютъ, что однажды, сильно хмѣльной, онъ остановился въ толпѣ простаго народа, смотрѣвшаго на памятникъ Минину и Пожарскому.— „Знаете-ли вы, кто это?“ спросилъ онъ, принявъ театральную позу. — Тѣ ему сказали. — „А знаете-ли, кто я?“ — Нѣтъ, не знаемъ.— „Глупая, необразованная чернь!“ — Если это и выдуманно, то правдоподобно: это очень могло быть. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. То-же самолюбіе, такъ дѣтски проявлявшееся въ артистѣ, дозволяло укрощать его, когда онъ, бывало, въ куражѣ сильно расходится. Бантышевъ, дѣйствительно, остановилъ его однажды этимъ способомъ. Онъ обратился къ нему съ такою рѣчью:

— „Павель Степановичъ, какъ вамъ не стыдно? одумайтесь. Вы забыли, что вы геній; а тѣ, что передъ вами—толпа, чернь: зачѣмъ же вы унижаете себя въ ея глазахъ?“

Эти слова внезапно усмирили Мочалова: онъ помолчалъ нѣсколько времени; потомъ, схвативъ руку Бантышева, воскликнулъ: „другъ, ты понялъ меня“, и, взявъ шляпу, ушелъ, къ общему удовольствію посѣтителей. На бѣду, у Мочалова было много поклонниковъ, изъ которыхъ двое особенно угождали ему: одинъ—Дьяковъ, учитель каллиграфіи — добрый, но безпутный малый; другой младшій Максимъ—здоровенный дѣтина. Они не отходили отъ своего кумира, постоянно готовые служить ему. Бывало, Мочаловъ закричитъ: „Дьяковъ—сигарку!“ и этотъ немедленно исполняетъ требованіе.— „Болванъ! развѣ такъ надобно подносить мнѣ? Максимъ, научи его“.—Максимъ немедленно схватываетъ Дьякова, кладетъ его себѣ на руки, какъ малаго ребенка, животомъ вверхъ, а на животъ возлагаетъ сигарку, и въ такомъ образѣ (или безобразіи) преподноситъ генію. Нельзя съ безусловною строгостью относиться къ подобнымъ пассажирамъ: крупные таланты, особенно въ кругу артистовъ, всегда болѣе или менѣе самолюбивы. Правильное воспитаніе могло бы сгладить природныя угловатости, но, при отсутствіи такового и при безалабер-

ной семейной жизни, онѣ доходили до смѣшнаго и чудовищнаго. Семья Мочаловыхъ вообще была даровита. Отецъ трагика, о которомъ я говорю, тоже исполнялъ трагическія роли и дѣтей своихъ готовилъ для той же карьеры. Для перваго дебюта они выступили въ „Эдипѣ въ Афинахъ“ (Озерова). Отецъ игралъ Эдипа, сынъ—Полиника, дочь—Антигону. Успѣхъ былъ чрезвычайный. Рассказываютъ, что, по возвращеніи домой, отецъ заставилъ жену свою снять сапоги съ сына.

— Чему ты удивляешься? сказалъ онъ женѣ своей, остолбѣнѣвшей отъ такого приказа:—сынъ твой геній, а генію служить почетно.

Къ такому уродливому обхожденію въ семьѣ присоединились другія обстоятельства. Генія женили на дѣвушкѣ, рѣшительно въ нему не подходящей; въ ней все было прозаично; она не имѣла понятія о сильныхъ ощущеніяхъ, которыхъ искалъ ея мужъ, не могла ни въ чемъ ему сочувствовать; все у нихъ шло безъ согласія, врозь. Это заставило Мочалова искать сердечныхъ связей на сторонѣ, и онъ сошелся съ одной изъ театральныхъ пѣвицъ, болѣе ему симпатичной. На бѣду, тестъ (Бажановъ) вступился въ это дѣло, всего менѣе требующее третейскаго суда. Онъ хотѣлъ образумить зятя, но, по неразумію, взялся за это глупо и неувлюже, прибѣгнувъ даже къ полицейскому вмѣшательству, чтобы заставить невѣрнаго мужа сохранять супружескую вѣрность. Разумѣется, ни одинъ мало-мальски порядочный человѣкъ не могъ бы помириться съ такимъ постороннимъ вторженіемъ въ свой задушевный міръ. Кончилось тѣмъ, что Мочаловъ возненавидѣлъ и жену, и тестя, и что общее ихъ сожителство стало для каждаго изъ нихъ истой каторгой.

Но оставимъ человѣка и поговоримъ объ артистѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мнѣ трудно говорить о немъ равнодушно. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, но и теперь, не смотря на преклонность моихъ лѣтъ, при малѣйшемъ воспоминаніи объ игрѣ его въ тѣхъ или другихъ пьесахъ, душа моя снова испытываетъ тѣ мощныя и вмѣстѣ сладостныя впечатлѣнія, которыя онъ возбуждалъ въ зрителяхъ. Къ этому наслажденію прошлымъ примѣшивается и сожалѣніе о молодыхъ людяхъ настоящаго времени, лишенныхъ возможности запасаться сильными и благодатными ощущеніями

высокаго трагизма. Увы, нѣтъ болѣе русскихъ трагиковъ, нѣтъ болѣе трагедій на русской сценѣ! Это—великій пробѣлъ въ эстетическомъ образованіи нашемъ, не наполняемый никакими оперетками и шансонетками. Правда, къ намъ наѣзжаютъ изъ чужихъ краевъ очень даровитые, даже перворазрядные трагики, но всестороннему, полному дѣйствию игры ихъ, болѣе или менѣе, все-таки мѣшаетъ чуждая рѣчь и кромѣ того самое исполненіе характеровъ, свойство котораго, въ извѣстной мѣрѣ, зависитъ и отъ національной особенности исполнителя. Я сравнивалъ Гамлета-Мочалова съ Гамлетомъ-Росси и нахожу, что у послѣдняго тускнѣли, а нерѣдко и совсѣмъ пропадали тѣ мѣста, гдѣ выступали иронія и юморъ—эти отличительныя принадлежности Шекспировыхъ драмъ, тогда какъ у перваго они выражались сочувственно и сильно западали въ сердца зрителей. Современная Мочалову критика (особенно въ статьяхъ С. Т. Аксакова) вѣрно поняла значеніе его таланта. Она отнесла его къ разряду тѣхъ артистовъ, въ сценической игрѣ которыхъ главнымъ двигателемъ служило вдохновеніе, увлеченіе представляемымъ, а не искусство и расчетъ. Первая игра можетъ быть неровною, но за то она впечатлительнѣе, эффектиѣе, въ хорошемъ смыслѣ этого слова: ее трудно забыть, такъ какъ она заставляетъ сильно биться сердце зрителя; вторая—разсчетливѣй и выдержаннѣй, но за то холоднѣе. Дѣйствительно, Мочаловъ рѣдко былъ одинаковъ въ теченіе всей пьесы: онъ подчасъ какъ бы ослаблялся, чтобы эту временную слабость вознаградить неожиданнымъ подъемомъ духа, такой вспышкой, при которой никто не могъ оставаться равнодушнымъ. Торжество его таланта обнаруживалось преимущественно въ патетическихъ мѣстахъ пьесы. Исключеніемъ служили немногія трагедіи и драмы, въ которыхъ онъ какъ бы отступалъ отъ обычной ему неровности представленій, таковы были: драма Коцебу—„Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, французская мелодрама—„Тридцать лѣтъ изъ жизни игрока“, нѣкоторыя трагедіи Шиллера, особенно „Коварство и любовь“, „Гамлетъ“ Шекспира и др. Въ нихъ онъ вездѣ и постоянно былъ хорошъ. Природа надѣлила его богатыми способностями, какъ артиста (за исключеніемъ роста—средняго): лицомъ, свободно выражавшимъ разнообразныя движенія души, прекраснымъ гибкимъ голосомъ, способнымъ переходить отъ однихъ тоновъ къ другимъ,

совершенно противоположнымъ: отъ тихаго, сладостнаго шопота любви къ гремѣщей угрозѣ ревности, къ злобно-радостному хоту удовлетвореннаго мщенія. Указанное мною свойство таланта Мочалова было причиною, что онъ менѣе удачно исполнялъ тѣ піесы, въ которыхъ старался играть лучше, какъ бы сдерживая себя, налагая на себя узду. Почитатели его знали это хорошо, и потому никогда не просили его постараться, показать себя передъ какими-нибудь пріѣзжими изъ Петербурга любителями и знатоками театра. Наоборотъ, нерѣдко случалось, что, при неудовлетворительномъ исполненіи цѣлаго, онъ неожиданно вырывалъ у зрителей восторженные аплодисменты произнесеніемъ нѣсколькихъ словъ или монолога, повидимому не содержащихъ въ себѣ ничего особеннаго. Такъ, между прочимъ, было при представленіи „Маріи Стюартъ“ (Шиллера) въ пріѣздъ Каратыгиныхъ—мужа и жены—въ Москву. Роли Лейстера и Маріи исполняли пріѣзжие, роль Мортимера—пылваго, увлеченнаго юноши—Мочаловъ. Казалось, чего-бы лучше? Характеръ Мортимера подходилъ какъ разъ къ таланту московскаго трагика. Мы, москвичи, вполнѣ были увѣрены, что онъ затмитъ своего соперника. Не тутъ-то было. Павелъ Степановичъ какъ бы забылъ возрастъ представляемаго имъ лица, не сбрилъ бакенбардъ и явился съ виду человѣкомъ лѣтъ сорока, а не двадцатилѣтнимъ юношей. Игралъ онъ очень вяло, какъ бы нехотя; даже въ одномъ мѣстѣ, именно—въ сценѣ между Маріей и Мортимеромъ, отступилъ отъ подлинника: не заключилъ королеву въ свои объятія, хотя находился подъ сильнымъ вліяніемъ страсти ¹⁾. Но въ другой сценѣ (шестой I-го дѣйствія) онъ поразилъ зрителей произнесеніемъ слѣдующихъ словъ Мортимера, выражавшаго Маріи преданность ей англійскаго юношества и готовность поголовно возстать на ея защиту:

... Если-бы монархиню свою
 Британецъ видѣлъ, англійская юность
 Грозой возстала-бъ, ни одинъ-бы мечъ
 Въ своихъ ножнахъ не оставался празденъ,
 И, исполнскую подъявъ главу,
 Мятажъ протекъ-бы островъ въ край изъ края.

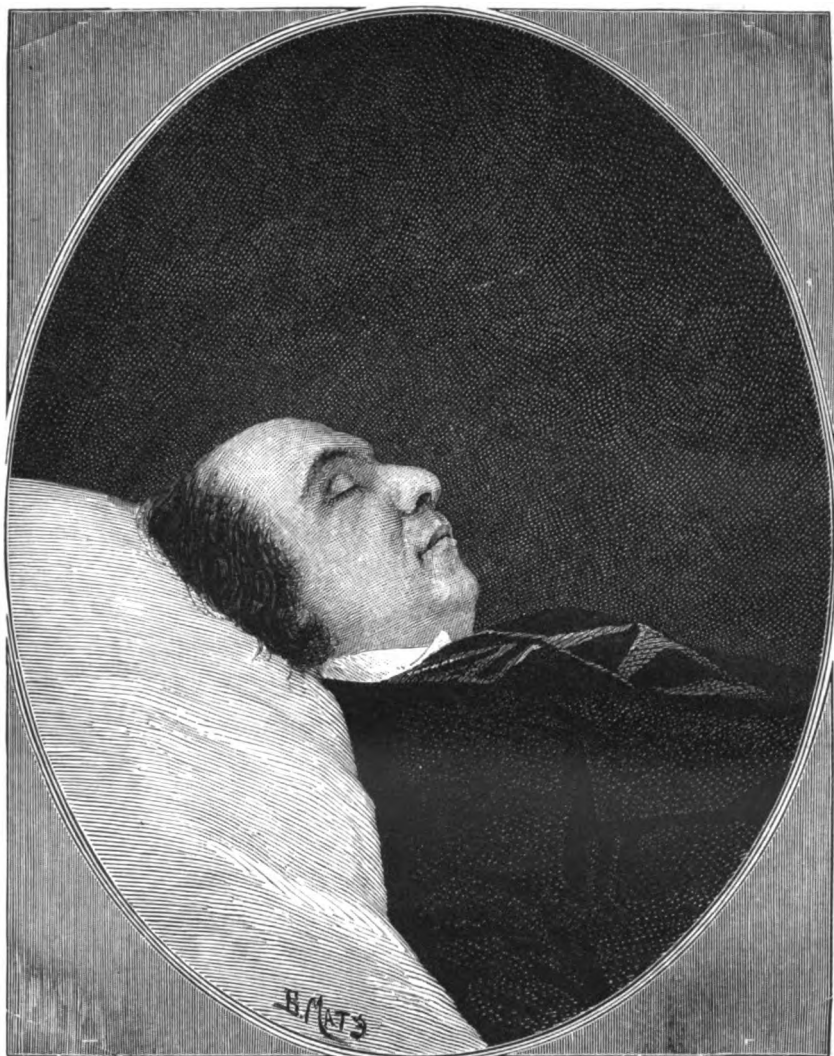
¹⁾ Дѣйствіе III, выходъ 6-ой.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that proper record-keeping is essential for the transparency and accountability of the organization. The text outlines the various methods and systems used to collect and analyze data, ensuring that the information is reliable and up-to-date.

The second section focuses on the implementation of these systems and the challenges faced during the process. It describes the steps taken to integrate the new technology and the training provided to staff members. The document also addresses the concerns of stakeholders and the measures taken to ensure a smooth transition.

The third part of the document provides a detailed analysis of the results achieved. It compares the performance metrics before and after the implementation, highlighting the significant improvements in efficiency and accuracy. The text also discusses the lessons learned and the areas for further improvement.

The final section concludes the document by summarizing the key findings and the overall impact of the project. It expresses confidence in the long-term success of the organization and the commitment to continuous improvement.

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГРАНОВСКІЙ
ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
† 1855 г.

Мнѣ трудно сказать теперь, чѣмъ въ особенности подвигнута была публика, заявившая свое ощущеніе громомъ рукоплесканій и криками bravo! Въ голосѣ трагика, дѣйствительно, слышалось возстаніе, грозный мятежь.

Первое представленіе „Гамлета“ (переводъ Н. А. Полеваго) можно назвать достопамятнымъ событіемъ въ лѣтописи московскаго театра. Выдающимся пунктомъ была та сцена, когда Гамлетъ, послѣ смущенія и ухода короля, произведенныхъ въ немъ игрою странствующихъ актеровъ, убѣдился въ томъ, что отецъ его погубленъ Клавдіемъ, занявшимъ престолъ. Сознательно или бессознательно, по расчету ли, заранѣе придуманному, или по невольному душевному порыву, Мочаловъ, сидѣвшій на полу у ногъ Офеліи, вскочилъ и въ припадкѣ истерической радости началъ прыгать по сценѣ, хохоча и требуя музыки, флейтчиковъ. Незамѣтной чертой разграничивалось здѣсь смѣшное отъ ужаснаго: трагикъ могъ произвести первое ощущеніе, и тогда-бы все погибло, но онъ произвелъ второе, и выказалъ въ себѣ великаго артиста. Искренность взрыва поразила публику которая долго не могла успокоиться отъ волненія; представленіе на нѣсколько минутъ остановилось. Кто хочетъ больше познаться съ этимъ спектаклемъ, пусть прочтетъ подробный отчетъ о немъ Бѣлинскаго ¹⁾, передавашаго впечатлѣніе вѣрно, по живымъ слѣдамъ. Блистательный успѣхъ Мочалова сблизилъ его съ Полевымъ, какъ переводчикомъ пьесы—сближеніе, не бесполезное для обоихъ. Полевой могъ помогать малообразованному артисту въ уясненіи драматическихъ лицъ, взятыхъ изъ исторіи; артистъ, съ своей стороны, могъ дать ему нѣкоторые совѣты при сочиненіи драмы „Уголино“ по внѣшней ея техникѣ, то есть по отношенію ея къ сценическимъ условіямъ. Авторъ читалъ ему различныя сцены, чтобы видѣть, какое они произведутъ на него впечатлѣніе, и отсюда заключить объ ихъ дѣйстви на всю публику. Въ одно изъ такихъ чтеній произошелъ забавный казусъ, рассказанный мною въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Мочаловъ явился въ веселомъ расположеніи духа, послѣ завтрака. Онъ, съ первыхъ же словъ, началъ хвалить искусство автора; чѣмъ

¹⁾ Сочиненія, т. 2.

дальше, тѣмъ больше и больше имъ восторгался; наконецъ пришелъ въ такой паеосъ или азартъ, что вскопчилъ со стула:

— „Николай Алексѣвичъ, побойтесь Бога! что жъ это вы дѣлаете?“

— А что такое? спросилъ нѣсколько изумленный творецъ „Уголино“.

— „За что же вы Шекспира-то рѣжете?“

Что именно при этомъ подумалъ Полевой—неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнiя, что онъ вспомнилъ стихъ Чацкаго:

„Не поздоровится отъ такихъ похвалъ!“

Выше сказано, что Мочаловъ былъ всегда ровень и хорошъ въ мѣщанской драмѣ Коцѣбу: „Ненависть къ людямъ и раскаянiе“. Дѣйствительно, это была одна изъ любимыхъ его пiесъ, къ русскому переводу которой приложенъ его портретъ. Онъ исполнялъ роль обманутаго мужа, удалившагося въ уединенiе и влашшаго въ мизантропiю. Лучшая сцена — встрѣча его съ другомъ и рассказъ о постигшемъ его несчастiи. Началъ онъ этотъ рассказъ спокойно и какъ бы равнодушно, но потомъ мало по малу поддавался охватывающему его чувству, которое тутъ же сообщалось зрителямъ, съ каждымъ словомъ сильнѣе и сильнѣе двигалъ онъ ихъ сердца изображенiемъ накопившейся душевной горечи, наконецъ, не могъ удержать слезъ—этихъ „нежданнхъ, давно небывалыхъ своихъ знакомцевъ“. Къ концу рассказа не было ни одного какъ среди публики, такъ и между актерами, кто бы не прослезился; многiя дамы не могли удержать своихъ рыданiй.

„Тридцать лѣтъ изъ жизни игрока“—французская мелодрама, имѣла чрезвычайный успѣхъ, особенно въ Москвѣ, благодаря прекрасной игрѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ (ensemble), особенно главной роли (игрока) и роли жены его: первую исполнялъ Мочаловъ, вторую — Львова-Синецкая. Въ теченiе цѣлаго мѣсяца пiеса давалась почти ежедневно, по переводу самого директора театра, Ѳ. Ѳ. Кокшвина, взявшаго на себя этотъ трудъ для бенефиса своей фаворитки (Львовай-Синецкой). Каждый изъ трехъ ея актовъ, сообразно французскому вкусу, оканчивался разительнымъ эффектомъ. Игра Мочалова держала всѣхъ и cadaго въ постоянно напряженномъ состоянiи духа. Нѣко-

торыя нервныя дамы выходили изъ ложъ въ коридоръ при потрясающихъ сценахъ. Особенно замѣчательнъ третій актъ. Здѣсь игрокъ, окончательно разорившись, живетъ среди горъ, въ какихъ-то развалинахъ. Ницета сдѣлала его преступникомъ: онъ убилъ путника, ограбилъ его и воротился домой къ женѣ и малолѣтней дочери. Онъ попросилъ пить. Дочь, подавая стаканъ воды, замѣтила, что у него рукава въ крови. Надобно было видѣть лицо Мочалова, чтобы судить о его душевномъ состояніи при этихъ словахъ. Онъ былъ ужасенъ. Бормоча: „кровь! кровь!“, онъ судорожно обтиралъ рукава, а самъ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, улыбался какой-то страшною улыбкой... Какое сравненіе съ игрою другаго артиста въ той же роли — Каратыгина! Этотъ, при словахъ дочери, для вящаго эффекта, падалъ на колѣни, забывъ, что человѣку, укравшему ожерелье, заслужившему отцовское проклятiе, проигравшему все имущество своей жены и убившему изъ ревности друга дома, преступленіе не въ диковинку. Впрочемъ, Каратыгинъ былъ падохъ на эффекты, въ которыхъ душа была ни причеъ, а дѣйствовала одна внѣшность. Говорятъ, онъ жалѣлъ, что Фенелла (Нѣмая въ *Портичи*)—опера, а не трагедія.—Для чего жъ это вамъ хочется? спросили его. „Вы посмотрѣли бы тогда, какъ бы я, въ роли Мазаниелло, выбѣжалъ на сцену съ топоромъ въ рукахъ!“

Изъ трагедій Шиллера Мочалову особенно приходилось по душѣ „Коварство и Любовь“; а онъ, своей страстной игрою, заставилъ и москвичей полюбить ее. Я помню, какъ онъ исполнялъ роль Фердинанда въ порѣ своей молодости, искренній пылъ которой обнаруживался и въ сценахъ нѣжной любви, и въ сценахъ отчаянной ревности. Мы, студенты, знали почти наизусть всю эту роль, особенно въ послѣднемъ актѣ, хотя пiеса давалась по вольному переводу Смирнова (родственника профессора Мерзлякова) и хотя переводчикъ, ради нравственнаго пуризма, выбросилъ много мѣщанскихъ, неблагородныхъ выраженій и придалъ языку трагедіи какой-то риторическій тонъ, близкій къ языку трагедій французскихъ. Какъ выразительно произнесъ трагикъ тираду, когда Луиза развернула брошенное имъ письмо, возбуждившее его ревность, и лишилась чувствъ: „Блѣдна, какъ смерть! какъ она хороша въ этомъ состояніи! какъ она теперь мнѣ нравится! Исчезъ тотъ румянецъ, который могъ бы обмануть са-

михъ ангеловъ. Вотъ настоящій ея образъ... обниму ее!" и съ этими словами бросается къ ней. Потомъ, съ какимъ чувствомъ боязни и надежды онъ допрашивалъ ее, она ли писала письмо, зная, что отъ отвѣта зависитъ спасеніе или гибель обоихъ. И когда она, какъ правдивая дѣвушка, отвѣчала: „я!“ онъ не хотѣлъ вѣрить: „не можетъ быть! ты сказала это изъ боязни, оттого, что я допрашиваю тебя рѣзко... это неправда... Если-жъ это правда... то солги мнѣ“. Эти: обойму ее, солги мнѣ—до сихъ поръ мнѣ памяты, до сихъ поръ возбуждаютъ они въ моемъ сердцѣ прежнія, юношескія впечатлѣнія.

Нерѣдко случалось и такъ, что піесу ординарнаго качества артистъ выносилъ на плечахъ своихъ и тѣмъ обманывалъ зрителя, не ожидавшаго успѣха. Нѣкоторое время были въ ходу драматическія произведенія Н. Кукольнича: „Рука Всевышняго отечество спасла!“ и „Скопинъ Шуйскій“. Въ послѣдней я видѣлъ и Каратыгина, и Мочалова. Оба они исполняли роль Ляпунова. Каратыгинъ игралъ хорошо, т. е. эффектно, но холодно, безъ увлеченія; особенно вредилъ ему непріятный тембръ голоса, какъ бы надорваннаго, словно выходившаго изъ пустой бочки. Мы съ Н. Х. К—омъ, сидѣвшіе рядомъ въ 3-мъ или 4-мъ ряду вресель, побаивались, что роль Ляпунова не по таланту Мочалова, но, сверхъ всякаго вѣроятія, наша боязнь оказалась напрасной. Настроеніе артиста было отличное; мы убѣдились въ томъ, прослушавъ мастерски произнесенный монологъ, въ которомъ выражалось колебаніе патріота, неизвѣстность, чѣмъ кончится задуманный имъ планъ—успѣхомъ или неудачей, торжествомъ или паденіемъ отечества. Этотъ монологъ, исполненный лиризма, состоитъ изъ двухъ частей, выражающихъ противоположныя представленія и ожиданія: одна часть оканчивается радостнымъ возгласомъ: „Воскресла Русь!... воистину воскресла“, а другая, наоборотъ, печальнымъ: „Погибла Русь!... воистину погибла!“ Но главный, потрясающій эффектъ произвела сцена съ докторомъ, у постели отравленнаго князя. Весь ходъ душевныхъ ощущеній Ляпунова, начиная съ подозрѣнія въ отравѣ и кончая увѣренностью въ справедливости подозрѣнія, развивался съ удивительною естественностью. Робкое появленіе врача, вопросы ему, на которые онъ отвѣчалъ неудовлетворительно, его смущеніе, гнѣвъ, закипѣвшій въ груди Ляпунова... все это ве-

дѣно было съ удивительнымъ искусствомъ и энергіей. Видно было, какъ докторъ болѣе и болѣе робѣлъ, готовый признаться въ преступленіи, и какъ Ляпуновъ болѣе и болѣе приходилъ въ ярость: онъ задыхался отъ душившихъ его ощущеній, онъ не давалъ времени сознаться преступнику; какъ тигръ, не выпускалъ онъ своей добычи, а тащилъ ее, трепещущую, къ окну, изъ котораго и выбросилъ на расправу яростной толпѣ, закричавшей: „любо! любо!“ Этому страшному крику вторилъ радостный, но столь-же страшный хохотъ мстителя,—тотъ хохотъ, которымъ могъ потрясать зрителей только Мочаловъ. Всѣ были поражены силою трагическаго представленія. О себѣ не говорю: я не изъ крѣпкихъ, но К—ръ можетъ похвалиться нервами, однако-жъ и съ нимъ сдѣлалась сильная дрожь.

Въ исполненіи ролей своихъ Мочаловъ отличался образцовою добросовѣстностью. Онъ всегда зналъ ихъ твердо. Ему, равно какъ и Щепкину, нашему гениальному комику, суфлеръ рѣшительно былъ не нуженъ, не такъ какъ другимъ, тоже перво-класснымъ талантамъ, напримѣръ, Живокини и Садовскому (за послѣднее время): эти такъ и жались къ суфлерской будкѣ. Пренебреженіе своею обязанностью въ этомъ отношеніи Щепкинъ называлъ двойнымъ невѣжествомъ—передъ публикой и передъ искусствомъ. Поэтому онъ всегда репетировалъ самыя маловажныя піесы. Съ тетрадкой въ рукахъ ходилъ онъ по комнатѣ или, въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, по балкону своей квартиры, подобно школьнику, твердя свой урокъ.

Кстати о Максинѣ, о которомъ упомянуто выше. Въ газетномъ фельетонѣ, за послѣднее время, стало появляться его имя, какъ будто чѣмъ нибудь замѣчательное. Писемскій даже вывелъ его въ одномъ изъ своихъ романовъ. Это для меня новость. Во-первыхъ, о какомъ Максинѣ идетъ рѣчь? Ихъ было двое. Старшій не долго состоялъ на московской сценѣ, занимая второстепенныя роли въ трагедіяхъ и мелодрамахъ, а также правдивыхъ и честныхъ стариковъ, развязывающихъ узелъ комедіи (въ родѣ Прямыковыхъ, Правдолюбовъ, Честоновъ и т. п.). Что касается, во-вторыхъ, до младшаго брата, то, можетъ статься, онъ и фигурировалъ на вечернихъ сходкахъ въ кофейной, но въ утренніе визиты онъ являлся туда самымъ незамѣтнымъ гостемъ молчащимъ и слушающимъ. Въ разговоръ съ нимъ вступали

рѣдко, но посмѣяться надъ нимъ были не прочь. Амплуа его были тѣни, привидѣнія, мертвецы, выходцы съ того свѣта. И надо отдать ему справедливость, какъ старательному лицедейу, игравшему всегда одинаково, неизмѣнно: разговоръ или разсказъ вель онъ протяжнымъ, глухимъ, гробовымъ голосомъ, какъ и слѣдуетъ персонамъ указаннаго рода. Выдающеюся его ролью была тѣнь Гамлетова отца. Надобно знать читателю, что теперь эта тѣнь исчезаетъ, а въ то время, которое я вспоминаю, она проваливалась, и при этомъ процессъ Максимъ возглашалъ:

Прощай!.. прощай!.. прощай!.. и помни обо мнѣ!

Но однажды, на бѣду ему, машина, неизвѣстно по какой причинѣ, начала, послѣ перваго „прощай!“, спускаться быстрѣе обыкновеннаго. Максимъ не сконфузился: онъ всѣ послѣднія слова произнесъ сполна, но только скороговоркой, не останавливаясь на знакахъ препинанія:

.... прощай прощай и помни обо мнѣ,

за что и награжденъ былъ общимъ хохотомъ.

А. Д. Галаховъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ К. К. АРСЕНЬЕВА ОБЪ УЧИЛИЩѢ ПРАВОВѢДѢНІЯ

1849—1855 гг.

О томъ фазисѣ жизни училища правовѣдѣнія, къ которому относятся мои учебные годы, напечатаны были недавно въ «Русской Старинѣ» (1885 г., №№ 11 и 12, 1886 г., № 2) воспоминанія И. А. Тютчева, поступившаго въ училище только немногимъ раньше, чѣмъ я. Постараюсь избѣжать повтореній; это будетъ для меня тѣмъ легче, что въ моей памяти сохранилась лучше всего вторая половина училищнаго курса, о которой г. Тютчевъ, вышедшій изъ училища вскорѣ послѣ перехода въ старшее отдѣленіе, говорить мало.

I.

Мое поступленіе въ училище почти совпало съ переменой въ его управленіи; князь Н. С. Голицынъ былъ при мнѣ директоромъ, А. И. Кранихфельдъ—инспекторомъ не больше какъ мѣсяца три. Въ декабрѣ 1849 г. мѣсто директора занялъ генераль-маюръ А. П. Языковъ; почти въ то-же самое время создана была новая должность инспектора воспитанниковъ и замѣщена также военнымъ полковникомъ А. И. Рутенбергомъ. Дежурными и классными воспитателями стали назначать офицеровъ, и уже въ 1850 г. изъ прежняго состава статскихъ гувернеровъ (большею частью—иностранцевъ) оставалось не болѣе трехъ или четырехъ. Не помню, кажется еще до назначенія Языкова, насъ стали учить маршировкѣ; во всемъ выражалось желаніе приблизить училище къ типу тогдашняго кадетскаго корпуса. Ни Языковъ, ни Рутенбергъ вовсе не готовились къ педагогиче-

ской дѣятельности. Первый былъ строевымъ офицеромъ, потомъ рижскимъ полиціймейстеромъ, таганрогскимъ градоначальникомъ; второй, если я не ошибаюсь, былъ преподавателемъ верховой ѣзды и написалъ сочиненіе по части гиппологии. Не отличалось педагогическими способностями и большинство офицеровъ, къ намъ опредѣленныхъ; были между ними сухіе формалисты, были люди ограниченные, служившіе предметомъ насмѣшекъ для учениковъ, были добрые малые, но очень не много было такихъ, которые старались бы и умѣли бы приобрести хоть какой-нибудь нравственный авторитетъ въ глазахъ воспитанниковъ. Обращеніе къ воспитателю за совѣтомъ, за помощью было у насъ чѣмъ-то неслышаннымъ; рѣдко завязывалась даже простая бесѣда между учениками и воспитателемъ. Спѣшу прибавить, что старые — т. е. статскіе — гувернеры, уцѣлѣвшіе отъ погрома, весьма немногимъ отличались отъ новыхъ, военныхъ; мягкости у нихъ было, можетъ быть, нѣсколько побольше, искусства, знаній, такта—приблизительно столько-же. Я думаю, судя по наслышкѣ, что и въ общемъ строе училищныхъ порядковъ пережѣна произошла, въ 1849 г., скорѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя; чаще и громче сталъ раздаваться начальнический крикъ, чаще и сильнѣе стали трепетать сердца воспитанниковъ—но между обѣими сторонами и прежде, и теперь лежала цѣлая бездна. Внутренняя жизнь воспитанниковъ и прежде, и теперь оставалась внѣ всякаго прямого вліянія со стороны начальниковъ; начальство и прежде, и теперь заботилось только объ исполненіи извѣстныхъ внѣшнихъ правилъ, о соблюденіи извѣстнаго внѣшняго порядка. Требования сдѣлались болѣе строгими и болѣе настойчивыми, мѣры понужденія—болѣе жесткими, но сущность требуемаго измѣнилась мало.

Изъ-за чего-же совершился переворотъ, обновившій, въ 1849—1850 г., почти все училищное начальство (мѣсто инспектора классовъ занялъ, вскорѣ послѣ того, бывший профессоръ дерптскаго университета фонъ-Рейцъ). Его приписывали, въ мое время, упомянутой г. Тютчевымъ исторіи князя Гагарина и Бѣликовича, исключенныхъ изъ училища и отданныхъ въ солдаты за какіе-то неосторожные отзывы о комъ-то или о чемъ-то. Вмѣстѣ съ тѣмъ фактомъ, что между арестованными (въ томъ-же 1849 г.) по дѣлу Петрашевскаго оказался одинъ правовѣдъ (В. А. Головинскій), это подало поводъ думать, что воспитанниковъ училища правовѣдѣнія недостаточно ограждаютъ отъ неблагонадежныхъ вѣяній—а лучшей или единственной противъ нихъ сградой считалась тогда строгость, доведенная до крайности. Сообщить вполне точныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ между правовѣдами могли бы только тѣ, кто находился тогда въ старшихъ

классахъ училища; но я едва ли ошибусь, если скажу, что подозрѣнія были лишены всякаго основанія и что искоренять, подавлять было рѣшительно нечего. Я хорошо зналъ многихъ сверстниковъ своихъ, учившихся въ лицей—и твердо помню, что между ними было гораздо больше интереса къ политикѣ и литературѣ, чѣмъ между правовѣдами. Имена Сень-Симона, Фурье мнѣ пришлось, напримѣръ, услышать въ первый разъ—въ самомъ началѣ 1850-хъ годовъ—не отъ товарищей по училищу, а отъ лиценстовъ. Преданія, шедшія еще отъ Пушкинскихъ временъ и если и потерявшія свою силу, то гораздо позже описываемой мною эпохи, поддерживали между лиценстами такое умственное броженіе, къ которому правовѣды были совершенно непричастны. Я еще возвращусь къ этому предмету; теперь я хотѣлъ только указать на безцѣльность «подтягиванья», предпринятаго по отношенію къ училищу въ 1849 г.; единственнымъ его результатомъ было ожесточеніе учениковъ противъ начальства, глухое, рѣдко вырывавшееся наружу, но не ослабѣвавшее во все время моего пребыванія въ училищѣ.

Я уже сказалъ, что отъ воспитанниковъ требовали больше всего соблюденія извѣстныхъ внѣшнихъ правилъ. Первымъ изъ нихъ было, конечно, безусловное повиновеніе начальству—повиновеніе безъ возраженій, безъ разсужденій; затѣмъ слѣдовало, по важности, запрещеніе курить. Большинство классныхъ «исторій», которыя я теперь припоминаю, происходили именно изъ-за куренья—и все-таки оно продолжалось въ прежнихъ размѣрахъ. Курили въ душникъ, въ форточку, курили въ классахъ, въ спальняхъ, на лѣстницахъ, «въ камерахъ свободныхъ преній;» курили не только отчаянныя головы, но и многіе изъ благонравныхъ учениковъ. Строгость запрещенія разжигала, повидимому, охоту нарушать его. Первые опыты куренья всегда неприятны для курильщика—и если большинство преодолевало эту неприятность, приучалось къ куренью, то способствовало этому, безъ сомнѣнія, желаніе доказать свое молодечество, свою готовность рискнуть столкновеніемъ съ начальствомъ. Преслѣдованія за куренье не прекращались до самаго конца курса; двадцати-лѣтнимъ юношамъ, готовящимся къ выпуску, оно запрещалось—по крайней мѣрѣ въ стѣнахъ училища¹⁾—столь же безусловно, какъ и двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикамъ, только что поступившимъ въ училище. Въ октябрѣ 1854 г., когда нашему классу оставалось пробыть въ училищѣ только полгода, одинъ изъ моихъ товарищей куриль, по обыкновенію, въ форточку окна, выхо-

¹⁾ Для учениковъ старшаго курса куренье въ саду безмолвно допускалось; нужно было только не попадаться съ папироской на глаза начальству.

дившаго на дворъ. Директоръ, проходя по двору изъ лазарета, увидѣлъ огонекъ, тотчасъ же явился въ классъ—и началось разслѣдованіе. Виновный не сознался—и весь классъ былъ оставленъ безъ отпуска на нѣсколько недѣль; рѣчь шла даже о поголовной сбавкѣ балловъ изъ поведенія, что повлекло бы за собою для нѣкоторыхъ выпускъ изъ училища однимъ чиномъ ниже. Отвѣтственность всѣхъ за одного была, вообще, однимъ изъ любимыхъ принциповъ нашего начальства; расскажу еще одинъ случай, весьма характеристическій. Передъ началомъ выпускныхъ экзаменовъ насъ распустили по домамъ; мы являлись въ училище только въ дни экзаменовъ, къ девяти часамъ утра. Какъ-то разъ многіе опоздали; директоръ объявилъ намъ, что если на слѣдующій экзаменъ опоздаетъ хоть одинъ, мы всѣ будемъ оставлены въ училищѣ на нѣсколько часовъ по окончаніи экзамена. Такъ и случилось; одинъ изъ насъ опоздалъ минутъ на пять—и мы всѣ были задержаны въ училищѣ до вечера. А между тѣмъ, до выпуска оставалась только одна недѣля! Мы всѣ были крайне разобижены и раздражены—не столько наказаніемъ, перенести которое было легко, сколько явною несправедливостью; не могли же мы, живя каждый у себя дома, въ разныхъ концахъ города, наблюдать другъ за другомъ и торопить запоздавшихъ.

Записные курильщики, часто попадаясь и подвергаясь различнымъ карамъ, приобретали, мало по малу, репутацію людей испорченныхъ, неисправимыхъ, въ особенности, если они держали себя самостоятельно, т. е. рѣшались иногда отвѣчать начальству. Больше всего памятенъ мнѣ, съ этой точки зрѣнія, двое изъ моихъ товарищей; я назову ихъ имена, потому что ихъ обоихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Баумеръ былъ настоящій рыцарь безъ страха и упрека—великодушный, правдивый, искренній, нѣсколько обидчивый и самолюбивый, способный забытья, но неспособный на дурной поступокъ. Учился онъ онъ не особенно хорошо, но и не плохо—и если вышелъ изъ послѣднихъ, то именно потому, что считался непочтительнымъ, грубымъ; а вся грубость его заключалась въ томъ, что онъ смотрѣлъ прямо въ глаза начальству и отвѣчалъ на замѣчанія, когда находилъ ихъ незаслуженными. Билинскій былъ чуть-ли не самымъ умнымъ, самымъ способнымъ изъ всего нашего класса; по ученію онъ постоянно занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ—и все-таки вышелъ губернскимъ секретаремъ (низшій изъ трехъ чиновъ, получаемыхъ при выпускѣ изъ училища), изъ-за поведенія, т. е. изъ-за того же, въ чемъ виноватъ былъ Баумеръ. Понятіе о справедливости было у насъ не особенно развито—но все-таки насъ возмущала судьба Баумера и Билинскаго, мы чувствовали инстинктивно, что они заслуживали бы

совершенно другой оцѣнки. Мало по малу въ нихъ обоихъ совершилась перемѣна, предрѣшившая, быть можетъ — по крайней мѣрѣ отчасти — ихъ дальнѣйшую участь. Билинскій, видя, что его успѣхи ни къ чему не ведутъ, сталъ заниматься спустя рукава и сближаться съ тунеядцами и лѣнтяями, безъ которыхъ не обходится ни одинъ классъ; Баумеръ сдѣлался до крайности раздражительнымъ, неуживчивымъ. Послѣ выпуска они оба скоро попали въ провинцію — т. е. въ среду, менѣе всего, по тогдашнимъ условіямъ, благоприятную для людей этого рода; одинъ изъ нихъ умеръ въ 1861, другой — въ 1862 году.

Билинскій и Баумеръ дошли, по крайней мѣрѣ, до конца курса; но бывали случаи, когда неважные проступки приводили къ удаленію изъ училища. Такъ, напримѣръ, изъ класса, шедшаго двумя годами впереди моего, былъ исключенъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска, довольно способный и умный ученикъ — исключенъ за то, что не всталъ съ мѣста, отвѣчая воспитателю. Конечно, онъ былъ и раньше «на дурномъ счету» — но почему? По причинамъ ничуть не болѣе важнымъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ я упомянулъ, говоря о Билинскомъ и Баумерѣ. До сихъ поръ я не могу вспомнить безъ отвращенія о другомъ случаѣ исключенія, которому предшествовала публичная экзекуція. Жертвой ея былъ ученикъ IV-го класса, также провинившійся въ грубости по отношенію къ воспитателю. Это было очень скоро послѣ назначенія новаго директора и входило, вѣроятно, въ составъ «системы устрашенія», для установленія которой онъ былъ назначенъ. Въ младшемъ курсѣ тѣлесныя наказанія вообще не были рѣдкостью; въ старшемъ они не допускались, но главнымъ способомъ дѣйствія на учениковъ оставались угрозы, брань и крики. Большою щепетильностью мы не отличались, да и общія условія времени были не таковы, чтобы способствовать развитію чувства собственнаго достоинства; но все-таки обращеніе начальства становилось для насъ все болѣе и болѣе тягостнымъ. Мы никакъ не могли помириться съ тѣмъ, что насъ до самаго выпуска считаютъ мальчишками, которыми можно управлять только посредствомъ страха. Отсюда «демонстрація», сдѣланная нами въ день выпуска; мы рѣшили, вопреки обычаю, не являться съ визитомъ ни къ директору, ни къ инспекторамъ, и ограничиться посѣщеніемъ in corpore нашего законоучителя и духовника, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Черезъ нѣсколько дней директоръ пригласилъ къ себѣ двухъ первыхъ учениковъ и спросилъ ихъ, что заставило весь классъ поступить такимъ образомъ; они отвѣчали ему совершенно откровенно и, можетъ быть, способствовали этимъ перемѣнѣ, вскорѣ происшедшей въ обращеніи съ учениками. Главною причи-

ною перемены было, конечно, наступление новой эпохи не для одного только училища правовѣдѣнія; я вышелъ изъ училища въ маѣ 1855 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ воцаренія Александра II-го... А. П. Языковъ въ началѣ и въ концѣ 1850-хъ годовъ — это два совершенно различныя лица. Что касается до А. И. Рутенберга, то онъ умеръ, кажется, въ томъ же 1855 г., и преемникомъ его былъ назначенъ чуть ли не самый добрый и мягкій изъ воспитателей-офицеровъ, призванныхъ въ 1850 г. къ участию въ преобразованіи училища на военную ногу.

II.

Немногимъ лучше воспитательной части была поставлена, въ мое время, и учебная. Объ учителяхъ младшаго курса можно получить достаточное понятіе изъ статьи г. Тютчева. Въ VII и VI классахъ не было при мнѣ положительно ни одного хорошаго учителя. Преподаваніе географіи добрѣйшимъ Е. И. Кайпшемъ, русскаго языка — добрѣйшимъ А. В. Ивановымъ было усыпительно; исторія, преподаваемая Налетовымъ, не возбуждала ни малѣйшаго интереса даже въ тѣхъ, кто поступилъ въ училище — какъ это случилось со мною — съ сильно развитымъ интересомъ къ историческому чтенію; арифметика (Семеновъ), геометрія (Андреевъ), латинскій языкъ (Михлеръ) проходились такъ, что все кое-какъ приобрѣтенное тотчасъ же забывалось; французскому и нѣмецкому языкамъ (Гальяръ-де-Баккара и Томсенъ) не знавшіе ихъ до училища не могли научиться, а знавшіе подвигались скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ. До крайности безцѣльно и бесплодно было преподаваніе технологии (Лустоно), на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ. Михлеръ, Семеновъ, Андреевъ скоро были замѣнены людьми болѣе способными (Носовъ, Поповъ, Дитерихсъ и др.); но эта перемена почти не коснулась меня и моихъ товарищей, перешедшихъ, между тѣмъ, въ V-й классъ. Изъ числа новыхъ преподавателей, встрѣченныхъ нами здѣсь, надъ уровнемъ посредственности возвышался только Брутъ, учитель исторіи. Онъ относился къ своему предмету въ высшей степени серьезно, читалъ его весьма интересно, но, къ сожалѣнію, не обладалъ даромъ слова. Въ его манерѣ говорить было что-то смѣшное, онъ точно заикался и растягивалъ слова — и этого было достаточно, чтобы лишить его вниманія слушателей. Пользуясь его снисходительностью, ученики поднимали шумъ, производили беспорядокъ, пока онъ, наконецъ, не останавливалъ ихъ словами: «господа,

дверь свободно отворяется; кто не хочет сидѣть смирно, можетъ выйти изъ класса». Спокойствіе водворялось,—но не надолго; привычка слушаться учителя у насъ была, но привычка слушать его была развита весьма мало. Въ IV классѣ, послѣднемъ въ младшемъ отдѣленіи—т. е. заканчивавшемъ собою гимназическій или общеобразовательный курсъ,—мы слушали русскую словесность у Георгіевскаго, французскую—у Провенсіала, латинскую—у Шнейдера. Лекціи перваго, точно перенесенныя цѣликомъ изъ временъ мерзляковскихъ или еще болѣе раннихъ, были для насъ только источникомъ забавы ¹⁾. Провенсіаль былъ преподаватель умный и даровитый; не знаю, почему онъ такъ скоро оставилъ училище. Относительно В. В. Шнейдера мои воспоминанія не совсѣмъ совпадаютъ съ воспоминаніями И. А. Тютчева, можетъ быть потому, что послѣдній слушалъ его только полтора года, а я—цѣлыхъ четыре. Это былъ человѣкъ безспорно почтенный, преданный своему дѣлу, исполненный хорошихъ намѣреній; но заинтересовать насъ, возбудить въ насъ любовь къ предмету онъ не умѣлъ ни тогда, когда занимался съ нами латинскою словесностью, ни тогда, когда читалъ намъ—въ старшемъ курсѣ—римское право. Ему мѣшало и недостаточное обладаніе русскимъ языкомъ, и нѣкоторое пристрастіе къ мелочамъ, къ второстепеннымъ деталямъ, и неудачный выборъ авторовъ для перевода; мѣшали, безъ сомнѣнія, и тѣ громадныя пробѣлы въ знаніи латинскаго языка, латинской грамматики, съ которыми мы поступали въ его руки. Тогдашняго правовѣда IV класса, готоваго перейти къ слушанію университетскаго курса, перещеголялъ бы теперь, какъ латинистъ, любой ученикъ гимназіи, перевалившій за половину гимназическаго курса. Въ V-мъ классѣ мы переводили, съ грѣхомъ пополамъ, Цезаря (*de bello gallico*); что же предлагалъ намъ Шнейдеръ въ IV-мъ классѣ? Плинія младшаго, т. е. одного изъ менѣе выдающихся классиковъ временъ начинающагося упадка. Не только съ Тацитомъ—съ Титомъ Лвіемъ, Саллюстіемъ, Цицерономъ мы оставались совершенно незнакомыми; латинская поэзія была для насъ *terra incognita*, и я научился скандировать гексаметры только тогда, когда, лѣтъ пять спустя послѣ выпуска, по собственной охотѣ сталъ заниматься латинскимъ языкомъ. Въ старшихъ классахъ у насъ также предполагалось проходить латинскую словесность, но часы, для нея предназначенные, мы употребляли на переводъ... институтовъ Юстиніана. Хорошо еще, если-бы этотъ переводъ служилъ для насъ пособіемъ въ изученіи рим-

¹⁾ Подробности см. въ ст. г. Тютчева.

скаго права, если-бы онъ былъ организованъ такъ, какъ теперь устраивается въ университетскихъ семинаріяхъ чтеніе источниковъ; но нѣтъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ перевода авторовъ, и одинаково мало подвигалъ насъ впередъ какъ въ знаніи языка, такъ и въ пониманіи права.

Послѣ 1848 г. преподаваніе философіи было ограничено въ нашихъ университетахъ логикою и психологіей, и поручено лицамъ духовнаго званія. Въ училищѣ правовѣдѣнія эти два предмета преподавались нашимъ законоучителемъ, М. И. Богословскимъ (недавно умершимъ въ званіи протопресвитера московскаго Успенскаго собора). Это былъ человекъ большаго ума и твердаго характера, импонировавшій не только намъ, но и начальству училища. Его вліяніе на насъ было велико уже потому, что ничѣмъ не уравнивалось и не перевѣшивалось; онъ былъ единственный изъ всѣхъ наставниковъ и воспитателей, старавшійся узнать каждаго изъ насъ и до извѣстной степени въ этомъ успѣвавшій. Въ его преподаваніи—какъ логики и психологіи, такъ и закона Божія—было много схоластическаго; онъ любилъ, чтобъ ему отвѣчали буквально по его запискамъ, не вдавался въ подробныя объясненія—но все-таки заставлялъ насъ думать, будилъ наше сознаніе и совѣсть. Его не столько любили, сколько боялись; но эта боязнь была смѣшана съ искреннимъ уваженіемъ, чего нельзя сказать о страхѣ, который мы чувствовали передъ многими другими. У него были и крупныя недостатки, напр. властолюбіе, вспыльчивость, не исключавшая злопамятства; но тогда мы ихъ какъ-то мало замѣчали,—можетъ быть потому, что къ нашему классу онъ всегда относился благосклонно (съ классомъ, намъ предшествовавшимъ, онъ имѣлъ большое столкновеніе изъ-за отказа цѣловать у него руку до и послѣ ученя). Желательно было бы знать, отъ него ли зависѣла господствовавшая въ училищѣ особая строгость въ соблюденіи церковныхъ обрядовъ. По средамъ и пятницамъ мы ѣли постное круглый годъ, пока появленіе холеры (въ началѣ 1850-хъ годовъ) не смягчило этого правила; мяса намъ попрежнему не давали, но допущено было употребленіе коровьяго масла. По субботамъ мы должны были присутствовать за всенощной, по воскресеньямъ—за обѣдней, послѣ которой насъ отпускали домой до вечера. Исключеніе было дѣлаемо только для небольшого числа воспитанниковъ, отчасти по очереди, отчасти въ видѣ награды за хорошее поведение и ученіе. Особенно чувствительно лишеніе отпуска по субботамъ было для новичковъ; я до сихъ поръ не забылъ, сколько горькихъ слезъ я изъ-за него пролилъ. Само собою разумѣется, что принудительное развитіе набожности не приводило къ цѣли. Неудовольствіе противъ постаго стола,

противъ удержанія насъ въ училищѣ для всеобщей, никогда не прекращалось, но оно почему-то не затрогивало М. И. Богословскаго. Мы думали, кажется, что всѣ эти распоряженія не отъ него исходятъ и не имъ поддерживаются.

Итакъ, слабое знаніе латинскаго языка, исторіи и географіи, почти совершенное незнаніе математики, физики и естественной исторіи (два послѣдніе предмета преподавались Постельсомъ ниже всякой критики),—вотъ черты, общія, съ небольшою только разницею въ степени, всему нашему классу, въ моментъ перехода его въ старшій, специальный курсъ (1852 г.). Многіе изъ насъ хорошо говорили по французски, порядочно—по нѣмецки, правильно писали по-русски; но это было гораздо больше плодомъ домашняго воспитанія, чѣмъ училищныхъ занятій. Необходимо прибавить, что общій складъ училищныхъ нравовъ не располагалъ къ трудолюбію, не возбуждалъ любви къ знанію. Объ этомъ можно судить, между прочимъ, по тому, что въ первое время послѣ вступленія въ училище довольно многіе изъ насъ учились необязательнымъ предметамъ—англійскому языку, музыкѣ,—учились имъ потому, что начали заниматься ими еще дома и продолжали занятія или по требованію родителей, или по собственной волѣ. Весьма скоро число такихъ учащихся начинало уменьшаться и къ концу младшаго курса достигало минимума; музыкой, на старшемъ курсѣ, занимались только тѣ, которые имѣли къ ней особенную склонность и способность, а англійскимъ языкомъ въ моемъ, по крайней мѣрѣ, классѣ, не занимался, кажется, никто. Объясняется это тѣмъ взглядомъ на ученіе, который господствовалъ въ училищѣ и вытѣснялъ, мало по малу, лучшіе завѣты и привычки домашняго воспитанія. Ученье—это печальная необходимость; нѣтъ надобности вести его дальше, чѣмъ этого требуетъ начальство. Учиться нужно не для того, чтобы узнавать что-нибудь новое, а для того, чтобы получать хорошіе или удовлетворительные баллы, не подвергаться взысканіямъ, не быть оставляемымъ въ училищѣ на воскресные и праздничные дни. Понятно, что необязательные предметы не подходили подъ эту схему и при первой возможности выбрасывались за бортъ. Разница между лучшими и худшими учениками заключалась только въ томъ, что первые тщательно готовили уроки и знали предметъ настолько, насколько могли изучить его при полномъ отсутствіи интереса къ нему и при крайне недостаточномъ руководствѣ со стороны учителя,—а послѣдніе готовились кое-какъ и широко пользовались подсказываньемъ, подкидываньемъ и другими продуктами школьной хитрости.

III.

Съ переходомъ въ старшій курсъ перемѣнились петлицы на нашихъ курткахъ и мундирахъ, перемѣнились имена преподавателей и преподаваемыхъ предметовъ, но не перемѣнилось ни отношеніе къ намъ начальства, ни отношеніе наше къ ученію. На насъ смотрѣли какъ на мальчиковъ, и сообразно съ этимъ мы и учились какъ мальчики, а не какъ студенты. Репетиціи у профессоровъ, т. е. спрашиванье уроковъ, происходили точно такъ же, какъ и у учителей; намъ задавали уроки, мы ихъ выучивали—и больше ничего. Слушаніе лекцій было не общимъ правиломъ, а исключеніемъ; въ классѣ сидѣли всѣ, и сидѣли чинно, но слѣдили за профессоромъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только тѣ, которые записывали за нимъ, а число записывающихъ было весьма и весьма невелико. Записки, составленныя двумя—тремя учениками, переписывались затѣмъ всеми остальными. О литографированіи лекцій не было тогда и помину, но серьезность занятій отъ этого не увеличивалась. Дальше записокъ не шли даже самые прилежные ученики, именно потому, что они были только прилежны, и прилежны въ предѣлахъ необходимости. Никто изъ насъ не читалъ юридическихъ сочиненій, да и сами профессора не указывали намъ литературу предмета; никогда не было у насъ разговоровъ или споровъ о выслушанномъ. Въ содержаніе лекцій мы вникали ровно настолько, насколько это было нужно, чтобы понять и вѣрно передать сказанное профессоромъ. Этотъ способъ ученья, цѣлкомъ заимствованный изъ младшихъ классовъ, сопровождалъ насъ до самаго выпуска и примѣнялся даже къ тѣмъ немногимъ предметамъ, преподаваніе которыхъ можно было назвать удовлетворительнымъ. Никто не пытался разяснить намъ, что такъ нельзя заниматься университетскими предметами. Съ профессорами мы говорили только тогда, когда нужно было испросить какую-нибудь льготу для репетиціи или экзамена; инспектора классовъ, пока эту должность занималъ Рейцъ, мы почти не замѣчали, а когда мѣсто его занялъ Э. Э. Витте (бывшій впоследствии попечителемъ варшавскаго учебнаго округа), то мы почувствовали только, что у насъ прибавился еще одинъ начальникъ, очень похожій на остальныхъ. О какихъ-нибудь совѣтахъ со стороны инспектора, о какомъ-нибудь наблюденіи его за нашими занятіями (помимо чисто-формальнаго надзора) по-прежнему не было и рѣчи.

Изъ числа не-юридическихъ предметовъ на старшемъ курсѣ чита

лись латинская, французская, нѣмецкая и русская словесность, исторія и психологія. О преподавателѣ первой, Шнейдерѣ, я уже говорилъ. Провенсіала замѣнилъ сначала Перро, читавшій намъ вмѣсто исторіи литературы какія-то плохія стихотворенія, чуть-ли не имъ самимъ сочиненныя, потомъ Сень-Жюльенъ, довольно бойкій и остроумный, но едва-ли большой знатокъ своего дѣла. Преподаватель нѣмецкой словесности, Шнерингъ, раздѣлялъ судьбу нашего прежняго учителя исторіи Брута; его никто или почти никто не слушалъ, хотя онъ читалъ очень хорошо, даже по формѣ. Исторію въ старшихъ классахъ читалъ И. П. Шульгинъ, нѣкогда пользовавшійся большою и заслуженною извѣстностью, какъ популяризаторъ нѣкоторыхъ идей Гизо и другихъ ученыхъ французской школы, но состарѣвшійся, охладѣвшій къ своему дѣлу, повторявшій изъ года въ годъ буквально одно и то-же. Мы слушали его, однако, не безъ пользы; онъ говорилъ однообразно, но хорошо, и давалъ намъ одностороннія, но довольно ярко освѣщенные обобщенія историческихъ фактовъ. Психологію читалъ М. И. Богословскій, такъ-же сухо, какъ и логику; но все-таки онъ вызывалъ насъ на размышленіе, въ особенности, когда каждому изъ насъ пришлось написать для него, по рубрикамъ его курса, свою собственную характеристику. Помню, что я работалъ надъ этимъ весьма усердно, написалъ много и старался быть вполнѣ искреннимъ; точно также отнеслись къ дѣлу и многіе изъ моихъ товарищей.

Далеко не самымъ основательнымъ, но самымъ блестящимъ и единственнымъ популярнымъ изъ нашихъ профессоровъ не-юристовъ былъ Н. А. Вышнеградскій (бывшій впоследствии первымъ рачальникомъ петербургскихъ женскихъ гимназій), заступившій умершаго между тѣмъ Георгіевскаго на кафедрѣ русской словесности. Какъ ни мала была наша начитанность, мы скоро стали замѣчать, что сужденія Вышнеградскаго не всегда самостоятельны, что онъ черпаетъ ихъ иногда совсѣмъ готовыми изъ источниковъ, имъ не называемыхъ, напр., изъ «Очерка исторіи русской поэзіи» Милюкова; но это не охладило насъ къ профессору, съумѣвшему овладѣть нашими симпатіями. Отличный чтець (особенно Гоголя), краснорѣчивый рассказчикъ, мягкій и любезный въ обращеніи съ учениками, онъ оживлялъ весь классъ однимъ своимъ появленіемъ; за его лекціей внимательно слѣдили даже самые отъявленные лѣнтяи. Болѣе развитымъ слушателямъ онъ казался бы, можетъ быть, только бойкимъ говоруномъ, съ порядочно примѣсью шарлатанизма; но критическое наше чутье было весьма слабо, и послѣ Георгіевскаго насъ легко было-бы завоевать и мѣтѣ талантливому человѣку. По программѣ курсъ словесности, если не ошибаюсь, долженъ былъ заканчиваться Гоголемъ; но Вышнеградскій

знакомил насъ и съ Тургеневымъ, подчеркивая, осторожно и слегка, господствующую черту «Записокъ Охотника», т. е. отвращеніе автора къ крѣпостному праву. Для насъ такіе намеки были чѣмъ-то совершенно новымъ; весьма можетъ быть даже, что мы ихъ не вполне понимали, но привлекательными они казались намъ уже потому, что были облечены нѣкоторою таинственностью. Сочиненія мы писали для Вышнеградскаго очень охотно, но онъ относился къ нимъ черезчуръ снисходительно, почти не указывая намъ ихъ недостатковъ. У меня осталась въ памяти его похвала моему разсужденію о «Римѣ» Гоголя, воплію ребяческому и отличавшемуся только необычайною, для ученической работы, длиннотою.

Юридическихъ предметовъ въ III-мъ классѣ читалось четыре: энциклопедія законовѣднія, римское право, государственное право и мѣстные законы остзейскихъ губерній. Профессоромъ энциклопедіи былъ К. А. Неволинъ. Онъ преподавалъ ее по своей извѣстной книгѣ, безъ всякихъ почти разъясненій, и успѣлъ пройти только общую часть, такъ что съ исторіей развитія права и идей о правѣ мы вовсе не познакомились. Книга Неволіна была, въ свое время, большимъ приобретеніемъ для русской науки, но къ преподаванію она вовсе не была приспособлена, въ особенности когда слушателями были мало развитые мальчики (нѣкоторымъ изъ насъ при переходѣ на старшій курсъ не было еще 16 лѣтъ), привыкшіе заучивать, «зубрить» уроки. Написанная философскимъ языкомъ гегелевскаго времени, она затрудняла насъ на каждомъ шагу, приводила насъ въ совершенное отчаяніе и усвоивалась нами, въ концѣ концовъ, на половину механически. Больше пользы принесли намъ чтенія Неволіна (въ I классѣ) по исторіи русскаго законодательства; самый предметъ былъ гораздо болѣе легкій, да и мы нѣсколько созрѣли и не были уже болѣе новичками въ юридической сферѣ. И здѣсь, однако, много вредило нашимъ успѣхамъ монотонное, едва слышное чтеніе профессора, полнѣйшее безучастіе его къ слушателямъ. Весьма можетъ быть, что это зависѣло отчасти отъ слабаго здоровья Неволіна, скончавшагося вскорѣ послѣ окончанія нами училищнаго курса.

Римское право, во всѣхъ трехъ классахъ старшаго курса, читалъ В. В. Шнейдеръ—точно такъ же, какъ и латинскую словесность, т. е. добросовѣстно, но неумѣло. Мы уважали профессора, но не любили его предметъ и не отдавали себѣ даже яснаго отчета въ необходимости его для юристовъ. Несравненно ниже Шнейдера стоялъ Палибинъ, читавшій государственное право. Его курсъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ выписокъ изъ подлежащихъ томовъ свода законовъ (I-го, II-го, IX-го). Объ основныхъ началахъ государственнаго права,

о фазисахъ его развитія, о положеніи его въ западной Европѣ мы не узнавали ровно ничего—за то должны были заучивать предметы вѣдомства каждаго министерскаго департамента, каждаго губернскаго и уѣднаго присутственнаго мѣста. Прослушавъ Палибина или, лучше сказать, выдолбивъ наизусть его записки, мы удерживали въ памяти хоть какой-нибудь запасъ именъ и фактовъ; изъ лекцій Генцшеля по мѣстнымъ законамъ мы не выносили даже и этого. Онъ читалъ по нѣмецки, и читалъ такъ, что его никто не понималъ; экзамень по его предмету былъ чистою формальностью, точно также какъ и по межевымъ законамъ, которые во II-мъ классѣ читалъ Ѳ. Л. Малиновскій. При Генцшелѣ, по крайней мѣрѣ, сидѣли смирно; при Малиновскомъ и этого не было; воспитанники обращались съ нимъ болѣе, чѣмъ фамиллярно. Эти два диковинные преподавателя исчезли уже въ мое время. Мѣсто Генцшеля заступилъ, безъ шума, новый инспекторъ классовъ, Ѳ. Ѳ. Витте, читавшій (по русски) по образцу Палибина и счумѣвшій возбудить въ насъ глубокую ненависть къ его предмету. Малиновскій, говоря училищнымъ языкомъ, провалился со скандаломъ. На экзамень межевыхъ законовъ, при переходѣ нашемъ изъ II-го класса въ первый, былъ приглашенъ настоящій знатокъ ихъ, Максимовичъ, завѣдывавшій межевыми дѣлами въ департаментѣ министерства юстиціи. Ему не трудно было доказать, что мы рѣшительно ничего не знаемъ. Насъ наказали за чужую вину, заставивъ насъ прослушать курсъ межевыхъ законовъ во второй разъ, въ I-мъ классѣ; преподавателемъ ихъ былъ назначенъ тотъ же Максимовичъ, ничего не сдѣлавшій для примиренія насъ съ предметомъ. Скучные сами по себѣ, межевые законы сдѣлались еще болѣе скучными въ дѣльномъ, но сухомъ, мертвенномъ изложеніи новаго профессора.

Во II-мъ классѣ мы стали слушать, кромѣ римскаго права, мѣстныхъ и межевыхъ законовъ, церковное право, законы о финансахъ, гражданское право, уголовное право, судебную медицину, гражданское судопроизводство и уголовное судопроизводство; въ I-мъ классѣ преподавались тѣ же предметы, съ прибавкой еще исторіи русскаго законодательства и повторительнаго курса по государственному праву. Церковное право читалъ М. И. Богословскій; мы слушали его безъ всякаго интереса. Законы о финансахъ и гражданское право читалъ А. И. Кранихфельдъ, до крайности плохо; это было нѣчто въ родѣ палибинскаго курса государственнаго права, т. е. перифраза дѣйствующихъ законовъ, безъ всякихъ историческихъ и догматическихъ толкованій. Профессоръ, въ добавокъ, былъ совершенно лишенъ дара слова и не умѣлъ поддержать своего авторитета даже тѣми внѣшними средствами, къ которымъ прибѣгали нѣкоторые изъ его товарищей. При

немъ болѣе, чѣмъ при комъ либо другомъ изъ преподавателей старшаго курса (за исключеніемъ, конечно, Малиновскаго), процвѣтало школьничество. Такъ, напримѣръ, онъ имѣлъ привычку входить въ классъ тотчасъ послѣ звонка и со звонкомъ же приостанавливать лекцію, почти на полусловѣ, при чемъ всегда произносилась фраза: «но объ этомъ въ слѣдующій разъ». Бывали случаи, когда эта фраза говорилась въ полъ-голоса кѣмъ либо изъ учениковъ, прежде чѣмъ ее успѣвалъ сказать профессоръ; случалось и такъ, что въ моментъ входа его въ классъ тамъ не было ни одного слушателя, а черезъ нѣсколько секундъ въ дверяхъ появлялась голова какого-нибудь шалуна и слышались слова: «здѣсь ли почтенный профессоръ? началась ли лекція почтеннаго профессора?»—послѣ чего гурьбою вваливались въ классъ всѣ воспитанники. Тогда намъ все это было смѣшно—но теперь досадно вспомнить, что въ такихъ малоискусныхъ рукахъ находился такой предметъ, какъ гражданское право. Не менѣе досадно и то, что насъ не умѣли заинтересовать судопроизводствомъ, хотя его читали бывшіе воспитанники училища, знакомые съ потребностями учениковъ—и притомъ люди очень дѣльные, заслужившіе на службѣ самую почетную извѣстность. Гражданское судопроизводство преподавалъ при мнѣ во II-мъ классѣ Н. И. Стояновскій, въ I-мъ—В. В. Фришъ. При всемъ искреннемъ моемъ уваженіи къ тому и другому, я долженъ признаться, что преподаваніе имъ не удавалось; по формѣ оно было значительно лучше, чѣмъ преподаваніе Кранихфельда, но по типу существенно отъ него не отличалось. Мы очень любили самихъ учителей, но не любили ихъ предмета и оставались къ нему холодными даже тогда, когда начались (въ I-мъ классѣ) практическія упражненія, т. е. примѣрные доклады дѣлъ, по печатнымъ сенатскимъ запискамъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и объ уголовномъ судопроизводствѣ, преподавателемъ котораго былъ покойный П. А. Зубовъ. И къ нему мы относились съ сочувствіемъ, котораго онъ вполне заслуживалъ—но не выносили изъ его лекцій и практическихъ указаній яснаго, нагляднаго представленія о дѣлѣ, насъ ожидавшемъ. Конечно, тогдашнее русское судопроизводство, чисто канцелярское и бумажное, и само по себѣ было чѣмъ-то мертвеннымъ и мертвящимъ, а говорить о другихъ процессуальныхъ формахъ наши учителя, по всей вѣроятности, не имѣли права; но оживить преподаваніе все-таки было возможно. Критическаго отношенія къ существующимъ судебнымъ порядкамъ въ лекціяхъ судопроизводства не было и тѣни, а между тѣмъ и оно не было невозможно, какъ мы сейчасъ увидимъ по примѣру Калмыкова.

Насколько выдавался Вышнеградскій изъ числа преподавателей не-юристовъ, на столько же превосходили другихъ профессоровъ юри-

дическихъ наукъ А. П. Загорскій и П. Д. Калмыковъ. Первый читалъ (и читаетъ до сихъ поръ, по прошествіи тридцати сличкомъ лѣтъ) судебную медицину, второй—уголовное право. Подъ именемъ судебной медицины во II-мъ классѣ проходила физиологія, что было, конечно, вовсе не лишнимъ, особенно въ виду нашихъ, болѣе чѣмъ слабыхъ, свѣдѣній по естественной исторіи; настоящій судебно-медицинскій курсъ начинался уже въ I-мъ классѣ и заканчивался тѣмъ, что насъ водили одинъ разъ въ Маріинскую больницу, для присутствованія при вскрытіи трупа (громадное большинство думало при этомъ только о томъ, какъ бы стоять подальше отъ секціоннаго стола и поменьше видѣть страшное зрѣлище). Не знаю, въ какой степени А. П. Загорскій былъ мастеромъ своего дѣла—но мы слушали его съ большимъ вниманіемъ, благодаря живому, удобопонятному изложенію, пересыпаемому множествомъ примѣровъ и анекдотовъ. Гораздо болѣе глубокое вліяніе имѣлъ на насъ, уже по самому свойству преподаваемой имъ науки, П. Д. Калмыковъ. Всегда серьезный, почти мрачный, но изысканно вѣжливый и деликатный, онъ поражалъ насъ сдержанно-страстнымъ отношеніемъ къ своему предмету, выражавшимся во всемъ—въ голосѣ, въ тонѣ, въ образной рѣчи, въ паосѣ, съ которымъ онъ говорилъ объ уважаемыхъ имъ ученыхъ (напр., о Фейербахѣ—конечно, о криминалистѣ, а не объ авторѣ «Wesen des Christenthums») или возставалъ противъ несимпатичныхъ ему формъ уголовной кары (напр., противъ смертной казни, противъ тѣлеснаго наказанія и наложенія клеймъ). Это послѣднее, въ тогдашнее время, было не совсѣмъ безопасно для профессора, но Калмыковъ не останавливался передъ подобными соображеніями. Онъ, очевидно, хотѣлъ передать слушателямъ не только свои свѣдѣнія, но и часть своего настроенія. Не скажу, чтобы это ему особенно удавалось, чтобы мы его всегда понимали, вполне проникались его образомъ мыслей; кое-что, однако, врѣзывалось намъ и въ память, и въ душу, и мы выходили изъ его класса не только съ сознаниемъ пріятно проведеннаго времени—какъ послѣ лекцій Загорскаго и Вышнеградскаго,—но съ пробужденною на время мыслью, съ тяжелымъ чувствомъ чего-то неладнаго въ окружающемъ насъ мірѣ. Учились мы у Калмыкова усердно и довольно успѣшно; въ его преподаваніи намъ были доступны даже нѣмецкія философскія теоріи, не была страшна даже знаменитая «лѣстница наказаній», наводившая ужасъ на столько поколѣній молодыхъ юристовъ. Уголовное право было единственнымъ предметомъ, по которому мы вынесли изъ училища не безсвязные обрывки знаній, а нѣчто стройное и цѣлое.

Охота, съ которой мы слушали Калмыкова, свидѣтельствуетъ о томъ, что, не смотря на всю нашу неразвитость и неподготовленность

хорошіе профессора могли бы сдѣлать изъ насъ по меньшей мѣрѣ порядочныхъ учениковъ. Почему-же у насъ было такъ мало хорошихъ профессоровъ? Несправедливо было-бы винить за это одно училищное начальство. Многие изъ нашихъ преподавателей были въ то же время профессорами петербургскаго университета (Шнейдеръ, Крапихфельдъ, Неволинъ, Калмыковъ); негдѣ, можетъ быть, было и взяты лучшихъ, болѣе способныхъ. Правда, Крапихфельдъ читалъ въ университетѣ только законы о финансахъ, но каѳедру гражданского права занималъ тамъ, если не ошибаюсь, Неволинъ, въ училищѣ безъ того уже имѣвшій два предмета. Правда, государственное право читалось въ университетѣ Калмыковымъ, но за то тамошній преподаватель уголовного права, Яковъ Баршевъ, во многомъ, повидимому, уступалъ Калмыкову, и если-бы мы выиграли отъ замѣны Палибина Калмыковымъ, то еще больше, можетъ быть, проиграли бы отъ замѣны Калмыкова Баршевымъ. Главная разница между университетскими и училищными лекціями заключалась, я думаю, въ томъ, что тѣ же профессора читали иначе, когда имѣли передъ собою студентовъ, а не мальчиковъ (не столько по возрасту, сколько по положенію и привычкамъ). У насъ профессоръ поневолѣ обращался въ учителя, отвѣчающаго не только за знанія учениковъ, но и за тишину и порядокъ въ классѣ. Отъ него требовали безпрестаннаго спрашиванья уроковъ, т. е. чего-то весьма мало сходнаго съ университетскимъ преподаваніемъ. Я нисколько не удивился бы, если бы узналъ, что большинство профессоровъ относилось къ намъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, смотрѣло на насъ сверху внизъ; что-то подобное видѣлось намъ уже тогда, напримѣръ, во всей манерѣ Неволина. Не этимъ ли объясняется и тотъ фактъ, что ни одинъ изъ профессоровъ-юристовъ не старался возбудить въ насъ охоту къ самостоятельнымъ занятіямъ?

IV.

Неблагопріятное для насъ мнѣніе профессоровъ, если оно дѣйствительно существовало, было во многомъ заслужено нами, хотя, конечно, мы были, какъ говорится, безъ вины виноваты. Взглядъ на ученье, выработавшійся въ насъ на младшемъ курсѣ, усложнился теперь только однимъ новымъ элементомъ, во всемъ другомъ оставаясь неизмѣннымъ. Этимъ новымъ элементомъ была мысль о чинѣ и о тѣсно связанной съ нимъ служебной карьерѣ. При выпускѣ изъ училища, ученики перваго разряда, т. е. лучшіе, получали чинъ титу-

лярнаго совѣтника, ученики втораго разряда—чинъ коллежскаго секретаря, ученики третьяго и послѣдняго разряда — чинъ губернскаго секретаря. Этотъ порядокъ существуетъ и теперь, но чины давно уже утратили свое прежнее значеніе, между тѣмъ какъ тогда отъ нихъ довольно существенно зависѣло движеніе по службѣ. На причисленіе къ тому или другому разряду вліяли всѣ баллы, полученные на старшемъ курсѣ (какъ по ученю, такъ и по поведенію). Отсюда главный стимулъ, побуждавшій насъ къ занятіямъ. Не скажу, чтобы между нами сильно было развито служебное честолюбіе, но мы всѣ или почти всѣ ¹⁾ смотрѣли на службу преимущественно съ точки зрѣнія личнаго успѣха и личныхъ выгодъ (выгодъ законныхъ; ко взяточничеству у насъ существовало традиціонное отвращеніе—единственная «идеальная» черта, переходившая изъ одного поколѣнія правовѣдовъ къ другому). Другаго взгляда на службу никто не старался въ насъ развить, а самостоятельно дойти до него мы не имѣли случая. Время тогда вообще было глухое, умственное движеніе почти прекратилось, а рѣдкіе его отголоски не доходили до нашего слуха. Газетъ мы не читали (да и какія тогда были газеты?), въ журналахъ, когда они попадались намъ въ руки, просматривали, большею частью, только беллетристику. Нашимъ любимымъ развлеченіемъ былъ французскій театръ, нашимъ любимымъ чтеніемъ—французскіе романы, въ особенности Дюма (отецъ). Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ насъ слышалъ, до выхода изъ училища, имя Бѣлинскаго, хотя со времени его смерти прошло весьма немного лѣтъ. Замкнутые въ тѣсныя рамки, чуждые всякаго научнаго и общественнаго интереса, постоянно слыша не только въ училищѣ, но и дома, о служебныхъ успѣхахъ нашихъ предшественниковъ, мы поневолѣ останавливались мыслью на самой понятной и привлекательной для насъ сторонѣ нашего будущаго служебнаго поприща. Мы учились для репетицій и экзаменовъ, со всѣми ихъ послѣдствіями, мало думая о томъ, какъ намъ придется примѣнять приобрѣтенныя знанія и надолго ли намъ ихъ хватить?

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе. Многое переѣнилось послѣ меня въ училищѣ, и переѣнилось къ лучшему; не думаю, однако, чтобы духъ, господствовавшій при мнѣ въ училищѣ, исчезъ всецѣло и безъ остатка. Традиціи учебнаго заведенія, особенно закрытаго,

¹⁾ Говора почти всѣ, я дѣлаю исключеніе не въ пользу самыхъ прилежныхъ учениковъ, къ которымъ принадлежалъ и я, а въ пользу наиболѣе развитыхъ, какъ, напримѣръ, упомянутый уже мною Билинскій. К. А.

очень устойчивы; онѣ ослабѣваютъ, принимаютъ другой оттѣнокъ, смѣшиваются съ новыми вѣяніями, но рѣдко вырываются съ корнемъ. Въ настоящемъ случаѣ ихъ поддерживаетъ, вдобавокъ, одно весьма важное обстоятельство: сохраненіе за училищемъ его привилегій (подъ этимъ именемъ я понимаю не только право на чины, но и сравнительную легкость и краткосрочность курса и въ младшемъ, и въ старшемъ отдѣленіи). Отдавая своихъ дѣтей въ училище, многіе родители и теперь руководствуются, между прочимъ, внѣшними выгодами, имъ представляемыми; понятно, что эта точка зрѣнія отражается иногда и на самихъ дѣтяхъ. Не преобладаніемъ-ли ея объясняется тотъ фактъ, что училище, за пятьдесятъ лѣтъ своего существованія, выставляло такъ мало ученыхъ юристовъ? Университетскую кафедру занималъ, если я не ошибаюсь, только однимъ изъ бывшихъ правовѣдовъ (К. П. Побѣдоносцевъ), и то недолго и съ сохраненіемъ мѣста въ судебномъ вѣдомствѣ. Единственный ученый трудъ его — руководство по гражданскому праву—имѣетъ практическую цѣнность. Юридическихъ книгъ и даже статей, написанныхъ правовѣдами, можно считать крайне мало. Конечно, можно обладать солиднымъ юридическимъ образованіемъ и примѣнять его единственно къ судебной дѣятельности. Такіе образованные практики встрѣчаются и между правовѣдами, но ихъ немного, и не изъ училища, большею частью, они вынесли охоту и привычку къ изученію юридической литературы. Если правовѣды, въ разное время преподававшіе въ училищѣ практическое судопроизводство, такъ рѣдко оказывались мастерами своего дѣла, то и это, можетъ быть, слѣдуетъ приписать особенностямъ училищнаго строя и склада, отъ вліянія которыхъ немногимъ удастся освободиться. Для исполненія той задачи, въ виду которой было основано училище правовѣдѣнія — для очищенія и поднятія судебного вѣдомства — не требовалось большихъ и глубокихъ знаній; поэтому она и была осуществлена правовѣдами. Теперь наступили другія условія, для которыхъ нужна другая подготовка—и эту подготовку легче получить въ университетѣ, чѣмъ въ училищѣ правовѣдѣнія.

Въ связи съ практически-служебнымъ духомъ, выработаннымъ полувѣковой жизнью училища правовѣдѣнія, состоитъ, быть можетъ, и крайне небольшое число правовѣдовъ, ставшихъ сколько нибудь выдающимися дѣятелями на другихъ поприщахъ, кромѣ судебного. По счастью правовѣдамъ только въ музыкѣ, если не количественно, то качественно: Сѣровъ и Чайковскій—имена, безспорно, крупныя. Въ литературномъ мірѣ мы можемъ назвать покойнаго И. С. Аксакова, А. М. Жемчужникова, В. В. Стасова, А. Н. Апухтина — и только; въ мірѣ науки — Д. А. Ровинскаго и покойнаго В. О. Ковалевскаго.

Ни тамъ, ни здѣсь—ни одной звѣзды первой величины. Въ мірѣ пластическихъ искусствъ искать правовѣдовъ было бы напрасно; не оставили они замѣтнаго слѣда и въ мірѣ земскаго самоуправления. Болѣе чѣмъ странно, конечно, было бы видѣть въ этомъ нѣчто въ родѣ обвинительнаго пункта противъ училища; заслуги спеціальнаго учебнаго заведенія измѣряются тѣмъ, насколько оно достигаетъ своей прямой цѣли, а не числомъ и искусствомъ работниковъ, поставляемыхъ имъ, *en passant*, на другія дороги. Характеристичнымъ указанное нами явленіе все-таки остается. Не всѣ же бывшіе правовѣды посвящаютъ себя навсегда судебной дѣятельности; многіе изъ нихъ бросаютъ ее довольно скоро—и вотъ между этими многими и могло бы найтись больше силъ, способныхъ выдвинуться впередъ въ новой, свободно выбранной, профессіи, если бы развитіе, вынесенное ими изъ училища, было менѣе одностороннимъ. Интересно сравнить училище правовѣднія, въ этомъ отношеніи, съ Александровскимъ лицеемъ. Курсъ ученія въ послѣднемъ оставлялъ и оставляетъ желать еще большаго, чѣмъ курсъ ученія въ училищѣ; отсутствіе ясно определенной спеціальности помѣшало лицю произвести, въ какой бы то ни было отрасли государственной службы, переворотъ въ родѣ того, которымъ судебное вѣдомство обязано правовѣдамъ. Въ исторіи русскаго общества, русской мысли лицейсты занимаютъ за то болѣе видное мѣсто, чѣмъ правовѣды. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ Пушкина и Дельвига, въ лицей окончили курсъ Салтыковъ и Мей; изъ лицей вышелъ такой земскій дѣятель и педагогъ, какъ покойный баронъ Н. А. Корфъ; имена лицейстовъ можно встрѣтить между академиками, между нашими философами и социологами; лицей далъ Россіи нѣсколькихъ государственныхъ людей, въ полномъ смыслѣ этого слова (достаточно назвать князя А. М. Горчакова), чего никакъ нельзя сказать объ училищѣ правовѣднія. Это еще не значить, чтобы лицей, въ послѣднемъ счетѣ, долженъ былъ быть поставленъ выше училища правовѣднія; я хотѣлъ указать только на различіе въ результатахъ, зависящее отъ различія въ духѣ и традиціяхъ. Узкая спеціализація, свойственная училищу, принесла въ свое время несомнѣнную пользу; весь вопросъ въ томъ—имѣеть-ли она какую нибудь *raison d'être* въ настоящемъ и будущемъ?

Возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ. Умственная апатія, царившая между нами, весьма мало была возмущена даже восточною войною. Когда война началась, мы ни мало не сомнѣвались въ быстромъ и успѣшномъ ея окончаніи; могущество Россіи было для насъ аксіомой, не допускавшей никакого спора. Также точно, повидимому, смотрѣло на дѣло и наше начальство; на переходномъ экзаменѣ изъ нѣ-

мецкой словесности, происходившемъ въ 1853 г., намъ задали написать сочиненіе на тему: 1453 und 1853, прямо вызывая насъ такимъ образомъ на шовинистическіе восторги. Когда война приняла неожиданный оборотъ, когда, одно за другимъ, стали приходиться извѣстія о нашихъ неудачахъ, мы испытывали нѣчто въ родѣ тупаго удивленія; мы не могли понять, какъ все это случилось. Намъ было грустно и какъ будто бы стыдно, но болѣе сильное чувство нами не овладѣвало. Лицейсты оказались болѣе впечатлительными, чѣмъ мы; изъ числа молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ лицей въ декабрѣ 1854 г., шестеро (если не ошибаюсь) поступило въ военную службу, а изъ моихъ товарищей (мы окончили курсъ въ маѣ 1855 г., въ самый разгаръ севастопольской борьбы) ихъ примѣру послѣдовалъ только одинъ, да и то мнѣ не помнится, чтобы онъ попалъ на театръ войны. Впечатлѣніе, произведенное на насъ смертью императора Николая, было похоже на то, которое произвели на насъ битвы при Альмѣ и Инкерманѣ; мы были удручены какимъ-то смутнымъ безпокойствомъ, какимъ-то безотчетнымъ страхомъ, но очень скоро забывали и то, и другое среди маленькихъ событій нашей ежедневной жизни. О возможныхъ послѣдствіяхъ войны, о возможномъ значеніи новаго царствованія никто изъ насъ и не думалъ. Большую беззаботность на счетъ всего общаго, прямо насъ не касающагося, трудно себѣ и представить. Съ этою беззаботностью мы оставили училище; чистота нашихъ политическихъ взглядовъ—если только это выраженіе примѣнимо къ отрицательной величинѣ—удовлетворила бы самаго строгаго изъ тогдашнихъ «сердцевѣдцевъ».

Затаенная, но тѣмъ болѣе сильная вражда къ начальству неизбежно должна была укрѣпить и развить между нами чувство «товарищества», въ специфическомъ, школьномъ смыслѣ этого слова. Не выдавать другъ друга, поддерживать другъ друга въ пассивномъ противодействіи училищнымъ властямъ, не отставать отъ массы, когда она рѣшила, напримѣръ, не готовить слишкомъ труднаго урока—это было общее, для всѣхъ обязательное, правило; но нѣкоторые изъ насъ исповѣдывали его съ настоящимъ фанатизмомъ, другіе (въ томъ числѣ и я) подчинялись ему безъ всякаго увлеченія. Мнѣ кажется, что правы были скорѣе первые. Въ понятіи о товариществѣ, какъ оно вырабатывается въ особенности на почвѣ закрытыхъ и худо управляемыхъ учебныхъ заведеній, есть, безъ сомнѣнія, много искусственнаго, фальшиваго; но, при отсутствіи другихъ идеаловъ и соединительныхъ звеньевъ, цѣнной и благотворной можетъ быть и идея товарищества, возвышая молодого человѣка надъ уровнемъ ежедневныхъ житейскихъ мелочей, приучая его жертвовать личнымъ въ пользу

общаго, служа для него источникомъ необходимаго въ юности одушевленія и энтузіазма. Для правовѣдовъ перваго времени товарищество имѣло еще и ту хорошую сторону, что являлось, переживая окончаніе курса, охраной противъ соблазновъ, съ которыми была сопряжена тогдашняя служба въ судебномъ вѣдомствѣ. Степень устойчивости товарищеской связи была, впрочемъ, весьма различна; въ нашемъ выпускѣ она распалась очень скоро, между тѣмъ какъ въ другихъ, близкихъ къ нему по времени, она хорошо держится до сихъ поръ. У насъ ей повредила, между прочимъ, именно та умственная пустота, съ которою мы оставили училище. Каждый сталъ пополнять эту пустоту по своему—и черезъ нѣсколько времени между нами, за немногими исключеніями, оказалось мало общаго. И въ этомъ отношеніи на насъ отразилась эпоха, съ которою совпали наши учебные годы—эпоха столь же печальная для училища, какъ и для всей Россіи.

Двухъ недостатковъ, обыкновенно приписываемыхъ правовѣдамъ и лицейстамъ, нашъ классъ былъ совершенно чуждъ: никто изъ насъ не былъ расположенъ къ фатовству и франтовству, никто не страдалъ корпоративнымъ самоиѣніемъ, т. е. высокомѣрнымъ отношеніемъ къ другимъ учебнымъ заведеніямъ. Всего меньше мы приписывали себѣ превосходство надъ студентами; скорѣе, наоборотъ, мы готовы были признать за ними преимущество развитія и знанія. Что касается до фатовства, то ему не благопріятствовало, прежде всего, наше общественное положеніе. Аристократовъ по происхожденію въ нашемъ классѣ не было почти вовсе (единственный между нами князь былъ членомъ захудалаго рода); къ богатой или высокопоставленной семьѣ не принадлежалъ никто. Наши отцы были большею частью либо помѣщики средней руки, либо чиновники, болѣе или менѣе крупные по чину ¹⁾, но не по занимаемому мѣсту. Теперь, насколько мнѣ извѣстно, правовѣду трудно не имѣть собственнаго мундира; у насъ онъ составлялъ величайшую рѣдкость, мы почти всѣ не выходили—развѣ на каникулахъ—изъ казеннаго бѣлья и казеннаго платья (и то, и другое было очень порядочное; кормили насъ также хорошо). Наши вкусы были, вообще говоря, довольно скромны; мы были очень рады позволенію ходить на балконъ Михайловскаго театра и сидѣть тамъ въ рядахъ такъ называемой смѣшанной публики. Скромны были и самые кутежи, которые случались, притомъ, весьма рѣдко, и въ которыхъ принимали участіе весьма немногіе.

¹⁾ Поступать въ училище могли только дѣти дворянъ, записанныхъ въ пятую или шестую часть родословной книги, и дѣти служащихъ, достигшихъ, по меньшей мѣрѣ, чина полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Между этими двумя категоріями нашъ классъ распредѣлялся почти поровну.

Завзятыми чиновниками и карьеристами мы, при выпускѣ изъ училища, также не были; формализмъ не могъ развиться въ насъ уже потому, что мы были юристами болѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, а мечты о карьерѣ отличались скорѣе наивностью, чѣмъ настойчивостью, и вовсе не были похожи на намѣреніе пробить себѣ дорогу во что-бы то ни стало. Наше душевное состояніе, въ моментъ выпуска, походило всего больше на листъ бѣлой бумаги; исписать его тѣмъ или другимъ должна была уже дальнѣйшая жизнь.

Меня могутъ спросить, почему я ничего не сказалъ до сихъ поръ о попечителѣ училища, принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ? Отвѣчу на этотъ вопросъ съ тою откровенностью, которую я вообще считаю для себя обязательною. О значеніи, которое имѣлъ для насъ покойный принцъ, у меня не сохранилось никакихъ опредѣленныхъ воспоминаній. Онъ посѣщалъ училище, въ мое время, довольно часто (хотя и не такъ часто, какъ прежде), но результатъ этихъ посѣщеній не былъ для насъ замѣтенъ. Мы очень его уважали, нѣсколько его боялись, хотя лично отъ него мѣры взыскапія исходили рѣдко; мы не приписывали ему прямо всѣхъ тѣхъ распоряженій и порядковъ, которые казались намъ тяжелыми и несправедливыми, но если-бы этихъ распоряженій и порядковъ не было, то наше отношеніе къ нему было бы, по всей вѣроятности, болѣе сердечнымъ. Позже, послѣ выпуска изъ училища, когда всѣ темныя стороны училищной жизни сдѣлались для насъ чѣмъ-то безвозвратно прошедшимъ, мы причислились цѣнить въ его высочествѣ преимущественно основателя училища, честно сослужившаго свою трудную службу, и этимъ путемъ наши чувства слились съ чувствами всѣхъ другихъ правовѣдовъ. Спѣшу прибавить, что здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, я говорю только отъ собственного имени. Мнѣ кажется, что взгляды, только что мною выраженный, принадлежалъ въ то время не мнѣ лично, а всѣмъ моимъ товарищамъ,—но можетъ быть я ошибаюсь; ругаться, конечно, я могу лишь за самого себя.

Е. Е. Арсеньевъ.

Царское село.
1886 г.

Еропкины.

Добавленіе и поправки къ родословію этой фамиліи.

„Русская Старина“ 1886 г. кн. 3, стр. 561—570.

	№№ отцовскіе.
55. Михайлъ Николаевичъ, женатъ на Нат. Петровнѣ Щербачевой.	
56. Василій Михайловичъ, женатъ на Натальѣ Алексѣевнѣ Смирновой.	55
57. Петръ Михайловичъ, женатъ на Вѣрѣ Александровнѣ Рохмановой	55
Екатерина Михайловна, въ замужествѣ за Вас. Вас. Карцевымъ.	55
Анна Михайловна, въ замужествѣ за П. Алекс. Нащокиннѣмъ .	55
Дарья Михайловна, въ замужествѣ за Ал. И. Гогель . . .	55
Надежда Михайловна	55
58. Викторъ Вас., женатъ на Елизаветѣ Григорьевнѣ Григоровичъ.	56

Опечатка. Стр. 569, напечатано: 1741 г., слѣдуетъ читать: въ 1771 г.
Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ спасъ Москву отъ чумы.

Сообщ. В. В. Еропкина.

Тимофей Николаевич Грановскій

† въ октябрѣ 1855 г.

Двоюродная сестра знаменитаго профессора Московскаго университета Т. Н. Грановскаго, Анна Евгеніевна Фролова, весьма обязательно сообщила намъ изъ с. Рубанки, Конотопскаго уѣзда, портретъ своего высокоталантливаго родственника; портретъ снятъ немедленно послѣ кончины Т. Н. Грановскаго.

Покойный профессоръ очень любилъ свою кузину, посѣщалъ ее въ с. Рубанки, и здѣсь въ тѣсномъ кружку,—какъ сообщаетъ намъ С. И. Пономаревъ (на основаніи извѣстной біографіи Грановскаго, составленной А. В. Станкевичемъ),—читалъ лекціи объ Океаніи, напечатанныя впоследствии въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г.

Въ теченіе одиннадцати лѣтъ—Грановскій велъ переписку съ Анной Евгеніевной Фроловой. Переписка эта послужила А. В. Станкевичу, въ числѣ прочихъ матеріаловъ, для составленія его прекраснаго труда, но затѣмъ, къ величайшему сожалѣнію, вся эта переписка пропала, какъ насъ извѣщаетъ о томъ А. Е. Фролова.

Портретъ Грановскаго, г-жею Фроловой сообщенный, воспроизведенъ для приложенія къ настоящей книгѣ «Русской Старины»—художникомъ В. В. Матѣ.

Ред.

отношеніи П. А. Ефремовъ достаточно заявилъ себя передъ русской публикой превосходными изданиями сочиненій: Пушкина, Лермонтова, Рылѣева, Фонъ-Визана и др. писателей XVIII и XIX вв.

Восьмое изданіе Соч. Жуковскаго дополнено всѣмъ, что появилось въ печати послѣ выхода седьмага изданія въ 1878 г., произведеніями В. А. Жуковскаго, а также новыми библиографическими примѣчаніями и помѣщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній изъ рукописей поэта. На ряду съ этимъ П. А. Ефремовъ обратилъ особенное вниманіе на возстановленіе точной хронологіи помѣщаемыхъ сочиненій, насколько этого возможно достигнуть по вновь открытой перепискѣ, потому что самъ Жуковскій, издавая при жизни свои сочиненія, допускалъ пропуски, какъ вслѣдствіе забывчивости, такъ и нежеланія перепечатывать болѣе раннія произведенія. Въ числѣ добавленій къ восьмому настоящему изданію особенно заслуживаютъ вниманія: помѣщенные въ послѣднемъ томѣ бумаги Жуковскаго, относящіяся къ воспитанію цесаревича Александра Николаевича, письма поэта къ особамъ царской фамилии и любопытное описаніе пожара Зимняго дворца, впервые вышедшее отдѣльной брошюрой въ 1883 году.

Что же касается до переписки поэта съ его знакомыми друзьями и родными, то издатель И. И. Глазуновъ, не желая увеличивать цѣнность изданія, рѣшилъ отнести ее въ особый дополнительный томъ, который будетъ отпечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Историко-критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. (Сборникъ критикъ). Пять выпусковъ. Сост. В. Зелинскій. М. 1886.

Изданіе подобныхъ историко-критическихъ сборниковъ представляетъ у насъ совершенно новое и своеобразное явленіе. Въ то время, какъ въ западно-европейской литературѣ едва-ли не о каждомъ первоклассномъ писателѣ существуетъ цѣлая историко-критическая литература, у насъ, въ Россіи, дѣло болшею частью ограничивается болѣе или менѣе обширными биографіями того или другаго писателя и изданіемъ ихъ сочиненій и переписки. Что же касается критическихъ отзывовъ и ста-

тей объ ихъ произведеніяхъ, то они остаются разбѣянными въ повременныхъ изданіяхъ и черезъ извѣстный промежутокъ времени забываются публикой, за исключеніемъ развѣ того, что было сказано нашими первоклассными критиками, благодаря отдѣльному изданію ихъ сочиненій. В. Зелинскому принадлежить починъ составленія первыхъ сборниковъ критическихъ статей о нашихъ двухъ извѣстныхъ писателяхъ: Тургеневѣ и Достоевскомъ. Трудъ В. Зелинскаго не предназначается какъ чтеніе самостоятельное; онъ долженъ служить комментариемъ и какъ бы настояною книгою при чтеніи произведеній упомянутыхъ писателей. Такого рода изданіе особенно важно для молодежи, которая поглощаетъ массу произведеній таки называемой изящной словестности и въ то же время не старается «видѣть въ ней внутренняго смысла и значенія, а понимаетъ ее только поверхностно съ ея внѣшней, несущественной стороны». Мы, однако, сомнѣваемся въ цѣлесообразности метода, выбраннаго составителемъ для его комментарія.

Врядъ ли простое сопоставленіе противорѣчивыхъ критическихъ мнѣній, извлеченныхъ изъ разнохарактерныхъ статей авторовъ, различныхъ по направленію и взглядамъ, можетъ выяснитъ что либо для неподготовленныхъ читателей безъ соответствующихъ объясненій и опять таки критическихъ замѣчаній со стороны самого составителя комментарія. Равнымъ образомъ, мы незнаемъ чѣмъ собственно руководствовался В. Зелинскій при выборѣ тѣхъ или другихъ выдержекъ и воспользовался ли онъ всѣми вышедшими въ свое время критическими статьями или только нѣкоторыми изъ нихъ. Въроятно, эта неопредѣленность и подала поводъ рецензентамъ упрекнуть В. Зелинскаго въ намѣренномъ пропускѣ критическаго очерка Н. К. Михайловскаго «Жестокій талантъ», а равно и въ тенденціозности вообще, чего разумѣется не могло бы случиться, если-бы составитель взялъ на себя трудъ предпослать нѣкоторыя объясненія въ этомъ направленіи. Затѣмъ распространенію комментарія будетъ, несомнѣнно, препятствовать его дороговизна: 5 вып. 7 руб.

Н. В.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка продолжается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (56 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (49 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеновскій**.